

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БАС ПРОКУРАТУРАСЫНЫҢ
ЖАНЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫ**

**АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**«ЗАҢ ҒЫЛЫМЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ:
ЖАС ҒАЛЫМДАРДЫҢ КӨЗҚАРАСЫ»
IX халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция
МАТЕРИАЛДАРЫ**

**МАТЕРИАЛЫ
IX международной научно-практической конференции
«ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»**

**THE MATERIALS
of the IX International Scientific and Practical Conference
«THE TRANSFORMATION OF LEGAL SCIENCE:
THE VIEW OF YOUNG SCIENTISTS»**

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БАС ПРОКУРАТУРАСЫ ЖАНЫНДАҒЫ
ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫ**

**«ЗАҢ ҒЫЛЫМЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ:
ЖАС ҒАЛЫМДАРДЫҢ КӨЗҚАРАСЫ»
IX халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция
МАТЕРИАЛДАРЫ**

**МАТЕРИАЛЫ
IX международной научно-практической конференции
«ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»**

**THE MATERIALS
of the IX International Scientific and Practical Conference
«THE TRANSFORMATION OF LEGAL SCIENCE:
THE VIEW OF YOUNG SCIENTISTS»**

УДК 34
ББК 67
3-22

Жалпы редакцияны басқарушы Қазақстан Республикасының
Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының
Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының директоры,
заң ғылымдарының кандидаты **С.М. Сапаралиева**.

Редакциялық алқа мүшелері:

Р.А. Амерханов – заң ғылымдарының кандидаты, доцент;
Н.Ш. Жемпинсов – заң ғылымдарының кандидаты, доцент;
А.Ш. Ещанов – заң ғылымдарының докторы, профессор;
А.Т. Кабжанов – заң ғылымдарының кандидаты, профессор;
К.О. Карабеков – заң ғылымдарының магистрі;
З. Мұратжан – PhD докторы;
Р.Р. Нугманов – заң ғылымдарының кандидаты, доцент;
Б.Ғ. Нұрмағамбетов – саяси ғылымдарының кандидаты, доцент;
М.Б. Садыков – PhD докторы;
А.В. Сырбу – заң ғылымдарының кандидаты, доцент;
Р.А. Тоқатов – заң ғылымдарының магистрі;
О.Б. Филипец – заң ғылымдарының кандидаты, доцент;
А.Р. Шегебаева – PhD докторы, доцент.

Редакция:

З.Ж. Калмурзина – заң ғылымдарының магистрі (қазақ, орыс тілдеріндегі мәтін редакторы);
Ж.І. Есімхан – педагогика ғылымдарының магистрі (ағылшын тіліндегі мәтін редакторы);
Ж.А. Кішкентаева – заң ғылымдарының магистрі (қазақ, орыс тілдеріндегі мәтін редакторы).

«ЗАҢ ҒЫЛЫМЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ЖАС ҒАЛЫМДАРДЫҢ КӨЗҚАРАСЫ» ІХ халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция МАТЕРИАЛДАРЫ. – МАТЕРИАЛЫ ІХ международной научно-практической конференции «ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ». – THE MATERIALS of the IX International Scientific and Practical Conference «THE TRANSFORMATION OF LEGAL SCIENCE: THE VIEW OF YOUNG SCIENTISTS»– Қосшы: Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы, 2026. – 648 б. – Қосшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2026. – 648 с. – Kossbi: Law Enforcement Academy Under the Prosecutor General’s Office of the Republic Of Kazakhstan, 2026. – 648 p.

Жинақ қазақстандық және шетелдік жоғары оқу орындарының заң мамандықтары бойынша жас ғылымдары, докторанттары мен магистранттарының ғылыми-зерттеу қызметінің нәтижелерін қамтиды.

Жинақ материалдары қазіргі заманғы заң ғылымы мәселелерімен айналысатын мамандарға арналады.

УДК 34
ББК 67
3-22

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының Оқу-әдістемелік кеңесінің шешімімен
(2026 жылғы 15 мамырдағы №8 хаттамасы) жариялауға ұсынылды.*

*Жинақ Ресей ғылыми дәйексөздер индексінің (РИНЦ) библиографиялық деректер
базасында орналастырылған.*

ISBN 978-601-82462-4-1

© Құқық қорғау органдары академиясы, 2026

МАЗМҰНЫ // СОДЕРЖАНИЕ // CONTENT

Абдиров Нургалым Мажитович

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Ректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, государственный советник юстиции 3 класса..... 11

Мұқашев Ахат Ғаббасұлы

ҚҰТТЫҚТАУ СӨЗ

ҚР Ұлттық қауіпсіздік комитеті академиясының бастығы, саяси ғылымдар кандидаты, заң ғылымдарының докторы, ұлттық қауіпсіздік генерал-майоры..... 13

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ КОНСТИТУЦИЯСЫ: ӘДІЛЕТТІ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ МЕМЛЕКЕТТІҢ КЕПІЛДІКТЕРІ

КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ: ГАРАНТИИ СПРАВЕДЛИВОГО И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION: GUARANTEES OF A FAIR AND RULE-OF-LAW STATE

Abdramanova M.R.

Enhancing labour emigration governance in Kazakhstan: challenges, comparative best practices, policy reforms..... 17

Джубанов Е.А., Джаксыбаев А.С.

О некоторых вопросах реализации Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025-2030 годы на территории Карагандинской области..... 23

Ещанов А.Ш., Амерханов Р.А.

К вопросу реализации Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025-2030 годы..... 28

Мужиченко А.В.

О некоторых проблемах реализации конституционной ценности единства экономического пространства в России и Казахстане..... 33

Мұрат Е.Е., Қуаналиев А.А.

Парламент – демократиялық жүйенің негізі: тарих, теория және практика..... 36

Орифжонов Д.Р.

Историческое развитие этапа доктрины прав человека в контексте Узбекистана..... 41

Сабиева М.М.

Некоторые историко-правовые аспекты национальных проектов в Республике Казахстан..... 46

Сарсенбекова Д.Д.

Электрондық үкіметтің құқықтық мемлекетті нығайтудағы маңызы..... 52

Серікбай Ж.Ж.

Жасанды интеллект дәуірінде адам құқықтары: биометриялық деректерді қолданудағы бірқатар мәселелер..... 56

Симанова Г.Т.

Мемлекеттік басқарудағы заң мен тәртіп қағидатының дамуы мен институционалдық негіздері..... 60

Хохлова Д.П.

Конституционно-правовые механизмы защиты гендерного равенства в России и Казахстане..... 64

ЖАҒАНДАНУ ЖӘНЕ ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ПРОКУРОРЛЫҚ ҚЫЗМЕТ: СЫН-ҚАТЕРЛЕР МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАР

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**PROSECUTORIAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND
DIGITALIZATION: CHALLENGES AND PROSPECTS**

Абденова С.К. Трансформация прокуратуры в условиях сервисной модели государственного управления.....	70
Абдраш А.Б. Трансформация прокурорского надзора в сфере земельных отношений Республики Казахстан: от реактивной к проактивной модели.....	75
Бахтияр Г.Б. Использование искусственного интеллекта в организации работы с правовой информацией....	81
Богомоллова К.И. Пути совершенствования деятельности подразделений вневедомственной охраны Росгвардии в условиях глобализации и цифровизации.....	88
Гилим А.Г. Особенности применения информационных систем при оперативном обмене информацией между правоохранительными и специальными государственными органами Республики Казахстан.....	90
Жұмабек Ә.Р. Прокурорский надзор за законностью проверок субъектов предпринимательства в Республике Казахстан: проблемы и пути совершенствования.....	94
Какимов Ж.К. Цифровизация управленческих процессов как направление совершенствования деятельности штабов органов внутренних дел Республики Казахстан.....	99
Кусиев Ш.Я. Буллинг как объект прокурорского надзора: правовая природа и признаки.....	104
Маутова А.Т. Механизмы исполнения нормативных постановлений Конституционного Суда в надзорной деятельности прокуратуры: итоги трехлетней практики.....	109
Мукушев Т.К., Мазенова А.Д. Прокурорская деятельность в условиях глобализации и цифровизации: вызовы и перспективы..	114
Саябеков Д.А. Деятельность транспортной прокуратуры в уголовном процессе.....	122
Смагулов Ж.У. Совершенствование прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан в Республике Казахстан.....	127
Тұрлыханқызы Қ. Жасанды интеллект дәуіріндегі еңбек құқығы: теориялық және құқықтық трансформация.....	132
Утешова М.Ж., Самигуллиев К.М. Пользование общераспространенными полезными ископаемыми: правовое регулирование и типичные нарушения законности.....	136
Хабиева Э.С. Правовые основы участия прокурора в гражданском судопроизводстве при защите интересов государства.....	141
Шәуәли М.Қ. Правовая статистика и межведомственное взаимодействие в цифровой трансформации прокуратуры: потенциал искусственного интеллекта.....	148

**ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАРДЫҢ АЛДЫН АЛУ МЕМЛЕКЕТТІК САЯСАТТЫҢ
БАСЫМДЫҒЫ РЕТІНДЕ: ЦИФРЛЫҚ ҚҰРАЛДАР ЖӘНЕ ВЕДОМСТВОАРАЛЫҚ
ӨЗАРА ІС-ҚИМЫЛ**

**ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ: ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**

**CRIME PREVENTION AS A PRIORITY OF STATE POLICY: DIGITAL TOOLS AND
INTERAGENCY COLLABORATION**

Алибаева Ә.О.

Отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтан қорғаудың халықаралық стандарттары мен шетелдік тәжірибесі..... 155

Асембек А.Б.

Совершенствование профилактики правонарушений на объектах железнодорожного транспорта в Республике Казахстан..... 159

Асқаров Н.А.

Цифрлық активтер мен жасанды интеллект технологияларын пайдалана отырып, қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға қарсы іс-қимылдың стратегиялық бағыттары..... 163

Бақтияров Н.П., Манатов М.М.

Жол қозғалысы қауіпсіздігі компоненттерін навигациялық сервистерге енгізу: ұйымдастырушылық-құқықтық аспектілер..... 167

Васнецова А.С.

Криминологическое программирование профилактики правонарушений: вопросы теории и практики (на примере противодействия экстремистской деятельности)..... 173

Губанова В.В.

Правовое воспитание как фактор профилактики правонарушений: современные вызовы и меры правового реагирования..... 177

Даркембаева А.М.

Қазақстандағы отбасылық агрессорларға арналған түзету бағдарламалары: халықаралық тәжірибе және енгізу жолдары..... 182

Егізбаева А.О., Тулиева К.С.

Цифрлық трансформация дәуірінде элеуметтік қақтығыстарды басқарудың ұйымдастыру-құқықтық тетіктері: білім беру ортасындағы буллингтің алдын алудан ішкі істер органдарының әрекет етуіне дейін..... 186

Жумашова А.Т.

Кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы іс-қимыл..... 190

Имашев Н.С.

Механизмы предупреждения участия дропперов в незаконном обороте наркотических средств: роль цифровых технологий и межведомственной координации..... 195

Каримова М.К., Асатчев А.В., Муканов Д.Ж.

Формирование современной системы предупреждения правонарушений в воинской среде..... 200

Қудияров Е.А.

Көліктегі ішкі істер органдары қызметінің рөлі..... 204

Қадылжанова А.М.

Криминалистический профайлинг как инструмент предупреждения и раскрытия террористических преступлений..... 209

Манатов М.М., Бақтияров Н.П.

Цифрлық есепке алудағы резидент емес тұлғалардың жол қозғалысы саласындағы құқық бұзушылықтары: ұйымдастырушылық үлгілер және құқықтық шектеулер..... 213

Маханов Т.Г.

Адаптация методов обработки естественного языка и искусственного интеллекта для противодействия интернет-мошенничеству в Республике Казахстан: анализ международного опыта и перспективы внедрения..... 218

Мейрхан Д.М.

Цифровая трансформация противодействия наркопреступности в Республике Казахстан: роль органов внутренних дел и ключевые направления..... 222

Нечаева Ю.Л.

Корпоративный комплаенс как инструмент превенции коррупционного поведения: от нормативной модели к криминологически обоснованной системе..... 229

Омаров Т.С.

Отдельные меры профилактики религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в Республике Казахстан..... 234

Отарбай А.С.

Қазақстан Республикасында жол қозғалысы қауіпсіздігінде жасанды интеллектті қолданудың құқықтық мәселелері..... 241

Русланулы А.

Односторонние ограничительные меры и санкции в рамках международного права Республики Казахстан..... 247

Сағитова С.С.

Қазақстан Республикасында жасанды интеллект технологияларын пайдалана отырып, интернет-алаяқтықтың алдын алудың теориялық-құқықтық негіздері..... 253

Сәдуов М.Е.

Отбасылық зорлық-зомбылық фактілерін анықтау және алдын алуда ақпараттық технологиялардың рөлі..... 259

Солтанов А.С.

Генезис и эволюция правового регулирования криптовалют и цифровых активов: мировой опыт и модель Республики Казахстан..... 263

Шрахметова Г.Т.

Виктомологический подход в противодействии семейно-бытовому насилию..... 268

Шукурова Г.Р.

Криминологио-юридические аспекты профилактики преступлений несовершеннолетних мигрантов в условиях многополярного мира: международные и национальные подходы..... 273

**ҰЛТТЫҚ ДАМУДЫҢ НЕГІЗГІ МІНДЕТТЕРІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДЕГІ ЗАМАНАУИ
АЗАМАТТЫҚ, ӘКІМШІЛІК ЖӘНЕ АҚПАРАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҢ РӨЛІ**

**РОЛЬ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ
НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

**THE ROLE OF MODERN CIVIL, ADMINISTRATIVE AND INFORMATION LAW IN
ENSURING THE MAIN OBJECTIVES OF NATIONAL DEVELOPMENT**

Батраханов А.А.

Значение приюдициальных фактов при рассмотрении споров по возврату незаконно приватизированных активов..... 278

Жұмабаев Ә.А.

Сандық кеңістіктегі жеке деректердің құқықтық сипаты және жіктелуі..... 282

Садыков М.Б., Рахметоллов А.Қ.

Азаматтық процесте деректерге негізделген шешімдер: жасанды интеллект және құқық кепілдіктері..... 287

Толуев С.С.

Организационно-правовые механизмы снижения административных барьеров в сфере предпринимательской деятельности..... 294

Шаймухамбетова А.Б.

Актуальные проблемы правового регулирования обжалования действий (бездействия) и решений административных органов в сфере защиты прав потребителей..... 300

**ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ САЯСАТЫН ДАМУДЫҢ
ТҰЖЫРЫМДАМАЛЫҚ БАҒЫТТАРЫ**

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ**

**CONCEPTUAL DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW AND PENITENTIARY
POLICY**

Абибулла А.Е., Сеилханов Ж.Д.

Қазақстан Республикасында неке бостандығын қылмыстық-құқықтық қорғау: мәжбүрлеуге қарсы іс-қимыл тәсілдерін трансформациялау..... 306

Августхан С.А.	
Сотқа дейінгі пробацацияның кейбір мәселелері.....	311
Айкен Д.К.	
Особенности привлечения к уголовной ответственности за возбуждение розни, совершённое посредством информационно-коммуникационных технологий.....	314
Аслан Б.А.	
Проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за террористические и экстремистские преступления.....	319
Баешев А.Т.	
Көлік құралын масаң күйде басқару үшін жауаптылықтың тарихи эволюциясы және отандық қылмыстық заңнаманы жетілдіру мәселелері.....	324
Байсеитов Б.С.	
Актуальность криминализации фактов установления неизмеряемых количественно и неадминистрируемых требований в государственных закупках Республики Казахстан.....	329
Балабеков Ә.И.	
Примирение сторон и уголовное наказание по уголовным проступкам: вопросы соотношения в уголовном процессе республики казахстан.....	335
Бартаев Е.А.	
Цифровые технологии в ОРД по делам о наркопреступлениях: эффективность, законность и гарантии прав.....	339
Боранбай С.С.	
Медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтар үшін қылмыстық жауаптылық және оның кейбір мәселелері.....	344
Генрих М.Б.	
Посмертная цифровая виктимизация: уголовно-правовой анализ посягательств на цифровую личность умершего.....	349
Ескалы Н.Т.	
Перспективы развития цифровой медиации в уголовном праве: возможности и риски.....	354
Жағыпаров Д.М.	
Лудомания как психическое и поведенческое расстройство: медицинская природа, диагностические критерии и социальные последствия.....	358
Жанбабаев Е.А.	
Теоретико-методологические основы формализации правовой квалификации правонарушений в интеллектуальных правовых системах.....	363
Жарылғасынқызы А.	
Некеге тұруға мәжбүрлеу қылмысы: халықаралық тәжірибе және Қазақстандағы құқық қолдану мәселелері.....	372
Жидебаева Д.Е.	
Пайдакүнемдік қылмыстардың объективтік белгілерінің қылмыстық-құқықтық сипаттамасы...	379
Кабланбеков Е.Д.	
Организация притонов и сводничество в Казахстане: уголовно-правовые проблемы и предложения по совершенствованию законодательства.....	382
Кыдырова А.Н.	
Правовое регулирование химической кастрации в законодательстве Республики Казахстан.....	387
Молдахметова М.А.	
Принцип равенства граждан перед законом при назначении уголовных наказаний в международном праве и его реализация в уголовном законодательстве Республики Казахстан...	392
Мысжанов Н.Т.	
Әскери қызметшілер арасындағы жарғыдан тыс қарым-қатынастар үшін қылмыстық жауаптылықты іске асыру мәселелері.....	397
Накипбеков А.У.	
Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 430-бабында көзделген қылмыстың субъективті белгілері.....	403
Насиров Н.И.	
Деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в условиях цифровизации.....	407

Нұрмағанбетов Б.Қ.	
Жасөспірімдер суицидін алдын алу: құқық қолдану практикасы және халықаралық тәжірибе.....	411
Сағандыкова Г.С., Ахметкалиев К.Ж., Алибаев А.К.	
Уголовно-правовые проблемы ответственности за незаконное получение вознаграждения и перспективы криминализации его предоставления в Республике Казахстан.....	415
Сапарбаева А.Ж., Сеилханов Ж.Д.	
Қазақстандағы тұрмыстық зорлық-зомбылықты қылмыстық құқықтық реттеудің трансформациясы: жас ғалымдардың көзқарасы.....	421
Сыздықов А.Ж.	
Практика применения институтов условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом: опыт зарубежных стран.....	426
Темірғали З.Н., Сеилханов Ж.Д.	
Қазақстан Республикасындағы сталкингті криминализациялау: жеке тұлғаны қылмыстық-құқықтық қорғаудың жаңа векторы.....	431
Ульянов М.В.	
Направления противодействия киберпреступности в Российской Федерации.....	436
Уразалин Б.Т.	
Перспективы внедрения уголовного наказания в виде ссылки в законодательство Республики Казахстан.....	441
Уразбаев А.Н.	
Зарубежные стандарты доказывания самообороны в делах об убийстве, совершенном жертвой домашнего насилия.....	446

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ ҚЫЗМЕТІНІҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ПАРАДИГМАСЫ: НЫСАНЫ МЕН МАЗМҰНЫ

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

THE CRIMINAL PROCEDURE PARADIGM OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES: FORM AND CONTENT

Айтмагамбетов А.С.	
Алгоритмическая автономность научно-технических средств как фактор трансформации доказывания в досудебном производстве.....	453
Амиралиев Н.Қ.	
Ішкі істер органдары тергеушісі қызметінде жасанды интеллект негізінде қолжазба мәтіндерін тануды енгізу: процестік шектеулер және дәлелдемелік мәртебе.....	459
Бидайшиев Н.И.	
Теоретическо-правовые аспекты применения антикоррупционного мониторинга и анализа коррупционных рисков в повышении эффективности оперативно-розыскной деятельности при обеспечении экономической безопасности в Республике Казахстан.....	463
Демесін А.Н., Байғалиев А.Б.	
Правовой механизм заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе Республики Казахстан.....	469
Жұмагелді С.	
Использование инструментов ИИ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в РК (процесс доказывания).....	475
Қабдраш А.М.	
Проблемы применения института понятий в досудебном и судебном производстве.....	484
Қадырова К.Т.	
Дефиниция «электронное доказательство» в уголовном процессе Республики Казахстан.....	489
Каландаров И.М., Серікова А.Е., Нугманов Р.Р.	
Модернизация оперативно-розыскной деятельности в условиях глобальной цифровизации в Республике Казахстан: опыт агентства по финансовому мониторингу.....	493

Күнгожинов Қ.Ә.	499
Единая база криптовалютных идентификаторов как инструмент расследования преступлений, связанных с цифровыми активами.....	
Қайратұлы Р.	
Қылмыстық іс жүргізудегі цифрлық дәлелдердің процестік сенімділігі: құқық қорғау органдарының теориялық және практикалық мәселелері.....	505
Құрманғазыұлы А.	
Особенности раскрытия и расследования дел, связанных с созданием помех управлению воздушным судном путем наведения на воздушное судно беспилотных летательных аппаратов.....	511
Мағзұмов А.А.	
Международные стандарты противодействия криминальному финансированию и национальное законодательство Республики Казахстан.....	515
Майлиев М.М.	
Қылмыстық процестің үш буынды моделі шеңберіндегі тергеу бөлімінің бастығы мен прокурордың өкілеттіктері.....	521
Нұржан М.С.	
Особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам об экономических преступлениях.....	525
Нұрланова Г.Н.	
Қылмыстық іс жүргізу заңнамасындағы сот ісін жүргізу тілі қағидатын іске асыру мәселесі бойынша олқылықтар.....	530
Омарбеков М.К., Дәркенбай М.Б.	
Применение искусственного интеллекта в экономических исследованиях и экспертизах: концепция интеллектуальной системы анализа банковских данных.....	536
Рахматуллаев А.	
Некоторые аспекты совершенствования Уголовного законодательства в сфере строительства	541
Сарсенбаев А.С.	
Меры процессуального принуждения: историко-теоретический дискурс.....	544
Тулеева А.Ж.	
Рациональное использование арестованных денежных средств в уголовном процессе с использованием инструментов исполнительного производства.....	549
Түлеуова А.Ж.	
Фреймовая модель имущественного расследования в контексте цифровизации уголовного процесса.....	553
Uteggenov N.A., Nugmanov A.A.	
Implementation of QR-based digital authentication in pre-trial proceedings.....	557
Чашина И.В.	
Соблюдение баланса частных и публичных интересов в условиях цифровизации уголовного судопроизводства в России и зарубежных странах.....	561
Шадыханов Е.С.	
Ашылмаған адам өлтіруге қатысты қылмыстық істерді тергеп-тексеру кезінде жасанды интеллектіні қолданудың кейбір мәселелері.....	564
Шайхыстанов С.Н.	
Фреймовое структурирование как метод когнитивной оптимизации оценки доказательств в уголовном процессе.....	568

ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ПӘНДЕРДІ ОҚЫТУДА ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТІНІ ҚОЛДАНУ

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING SOCIAL AND HUMANITARIAN DISCIPLINES

Абдуазимова З.А.

Искусственный интеллект в образовательной среде: новые подходы к преподаванию социально-гуманитарных дисциплин..... 573

Акрамов Х.Ф.

Технологии искусственного интеллекта в преподавании социально-гуманитарных дисциплин: опыт интеграции нейросетевого аудиоанализа в симуляционную среду..... 578

Акылбекова Б.Т.

Цифровизация системы подготовки кадров в военных, специальных учебных заведениях органов национальной безопасности РК: ретроспективный анализ..... 582

Alimov S.K.

The evolution of intellectual migration and artificial intelligence in the era of digitalization: a philosophical analysis..... 587

Баймағамбетов Е.Р.

Steam-құзыреттілік – заманауи педагогтың интегративті сапасы..... 591

Yelessizova Sh.

AI technologies in gender-oriented humanities education..... 596

Есимхан Ж.І., Бейсенова А.Ж.

Когнитивные и педагогические контуры использования искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков..... 600

Зотов А.Ю.

Искусственный интеллект в образовании: трансформация познавательных процессов и проблема сохранения критического мышления..... 606

Калмурзина З.Ж.

Трансформация юридической науки в условиях цифровизации и применение инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе..... 610

Карымсакова А.С., Карымсаков Р.Ш.

Психолого-педагогические аспекты применения искусственного интеллекта в образовании и его влияние на мотивацию обучающихся..... 616

Кишкентаева Ж.А.

Применение искусственного интеллекта в преподавании гуманитарных дисциплин: возможности, риски и педагогические стратегии..... 621

Мусакулов Т.М., Баялиева А.С.

Педагогические основы модернизации подготовки юристов в условиях цифровой трансформации общества..... 627

Нұрмағамбетов Б.Ғ.

Гуманитарлық ғылымдардағы зерттеулерде жасанды интеллектті қолданудың перспективалары мен тәуекелдері..... 631

Рахым А.Ғ.

Цифрлық дәуірдегі тарих: Алаш аманаты және ЖИ мүмкіндігі..... 634

Тапенова А.Р.

Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс при изучении правового регулирования финансовых отношений..... 638

Халикулова Х.Ю.

Применение искусственного интеллекта в изучении исторических и гуманитарных наук..... 643

Черниговский В.Н.

Применение искусственного интеллекта в преподавании криминалистических дисциплин: трансформация юридической науки..... 646

Абдиров Нургалым Мажитович

Ректор Академии
правоохранительных органов при
Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан,
кандидат юридических наук,
государственный советник юстиции
3 класса

Қайырлы күн құрметті қонақтар, әріптестер!

Бүгінгі конференция Қазақстандағы Ғылым қызметкерлері күніне орай ұйымдастырылып отыр. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаев атап өткендей, ғылым – елдің стратегиялық тұрғыдан аса маңызды саласы және оның болашағын айқындайтын негізгі тірек.

Осыған байланысты, баршаңызды мемлекетіміз үшін маңызы зор осы айтулы мерекемен шын жүректен құттықтаймын!

Осы орайда жас ғалымдарды қолдау – еліміздің ғылыми әлеуетін арттырудың және зияткерлік болашағын қамтамасыз етудің маңызды тетігі.

Бүгін өткізіліп жатқан жас ғалымдарды қолдауға бағыталған конференция, ғылымның қарқынды дамуына, жаңа идеялар мен тың көзқарастарды талқылауға мүмкіндік береді.

Жас зерттеушілерді қолдау арқылы біз инновацияны дамытып, бәсекеге қабілетті экономиканы қалыптастырамыз.

Бұл өз кезегінде еліміздің әлемдік ғылыми кеңістіктегі орнын нығайтып, тұрақты дамуына жол ашады.

Уважаемые участники конференции!

Сегодня в нашей стране принимаются системные меры, направленные на развитие науки и образования, поддержку научных инициатив и создание благоприятных условий для эффективной деятельности научно-образовательных организаций.

Ярким подтверждением этому является недавний визит Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева в город Алматы, где он на базе Казахского национального университета имени аль-Фараби, не только встретился с видными учеными, но и поставил новые задачи по развитию науки и образования.

Особо отмечу, что 2026 год Главой государства объявлен «Годом развития ведомственного образования правоохранительных органов».

Как Вы знаете, юридическая наука играет ключевую роль в развитии государства. Она формирует научные подходы к совершенствованию законодательства, правоприменительной практики, а также деятельности правоохранительных органов.

В этой связи, будущее юридической науки напрямую связано с молодыми исследователями.

Ведь именно им предстоит реализовывать новые идеи и определять вектор дальнейшего развития правовой науки.

Сегодня на конференции присутствует Председатель Совета молодых ученых Республики Казахстан при Министерстве науки и высшего образования **Өмірғали Арманбек Қасымұлы**, а также председатели советов молодых ученых военных, специальных учебных заведений страны.

Мы искренне надеемся, что предложения молодых ученых, представленные на конференции, найдут практическое применение.

Ведь сегодня особое значение приобретают вопросы, возникающие на стыке права, технологий и экономики.

Стремительное развитие искусственного интеллекта требует глубокого научного осмысления и выработки современных правовых подходов.

В этой связи призываю всех участников конференции к активному обсуждению актуальных проблем, выработке конкретных предложений по совершенствованию деятельности правоохранительных органов, а также развитию межведомственного взаимодействия.

В завершении, хотел бы выразить искреннюю благодарность всем участникам конференции, представителям государственных органов, научного и образовательного сообщества, а также зарубежным коллегам за проявленный интерес и активное участие.

Уверен, что результаты нашей совместной работы будут способствовать дальнейшему развитию юридической науки и совершенствованию правоприменительной практики.

Желаю всем плодотворной работы, конструктивного диалога и значимых практических результатов!

Спасибо за внимание!

Мұқашев Ахат Ғаббасұлы

ҚР ҰҚК Академиясының бастығы, саяси ғылымдар кандидаты,
заң ғылымдарының докторы, ұлттық қауіпсіздік генерал-майоры

Құрметті Нұрғалым Мажитұлы!

Құрметті делегация басшылары мен конференция қатысушылары!

Сіздерді баршамыздың ортақ кәсіби мерекеміз – Қазақстан ғылым қызметкерлерінің күні қарсаңында IX Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияны жоғары деңгейде ұйымдастыруыңызбен құттықтаймын. Осы конференцияға шақыруыңызға алғысымызды білдіре отырып, баяндама жасауға мүмкіншілік бергеніңізге ризашылығымызды айтамыз. Бәрлеріңізбен көрісіп сұхбаттасуға қуаныштымын.

Бүгін біз Құқық қорғау органдары академиясының алаңында – академиялық ойдың мемлекеттік қауіпсіздік және құқық үстемдігі мәселелерімен тікелей байланыста болатын жерде жиналуымыздың өзінде ерекше мән бар.

Бүгінгі таңда біз терең жүйелік өзгерістер дәуірінде өмір сүріп жатырмыз. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаев ғылым елдің жаңа экономикалық және әлеуметтік моделінің іргетасына айналуы тиіс екенін бірнеше рет атап өткені мәлім. Қазақстан Республикасының жаңартылған Ата Заңы – Конституциясында ғылым мәртебесі де бөлек. Мемлекет ғылыми шығармашылық еркіндігіне кепілдік беріп қана қоймай, жас ғалымдардың әлеуетін дамыту үшін жағдай жасау жөніндегі міндеттемелерді де өз мойнына алады.

Қазіргі кезеңде Заң – бұл қатып қалған нормалар жинағы емес, тірі, динамикалық құрал. Біздің ғалым ретіндегі міндетіміз – заңның сөздері заман рухына сай болу үшін реформалардың құқықтық сүйемелдеуін қамтамасыз ету. Осы маңызды шаралар әсіресе жас ғалымдардың иықтарына жүктеледі.

Современное право формирует баланс между безопасностью и свободой, регулирует цифровое пространство, определяет границы применения технологий. И именно наука обеспечивает этому процессу глубину, обоснованность и устойчивость.

Мир меняется, формируется новая архитектура безопасности. Сегодня безопасность – это уже не только защита границ, унитарности и целостности государства. Это защита информации, сознания, культуры, цифровой среды, а также личности гражданина и выстроенных общественных отношений.

Современные исследования показывают, что угрозы становятся гибридными, многоуровневыми и трудно прогнозируемыми. К примеру: сегодня атака на государство может выглядеть не как военное вторжение, а как информационная кампания, кибератака на инфраструктуру или манипуляция общественным мнением через социальные сети.

И в этой новой реальности побеждает не только тот, у кого больше ресурсов, но и тот, кто быстрее понимает происходящее. Ключевым фактором этой трансформации стал искусственный интеллект, который фундаментально опирается и является продуктом современной высокотехнологичной науки.

Роль искусственного интеллекта в науке возрастает экспоненциально, т.е. стремительно, далее будут лавинообразные и бурные темпы роста как на внешнем контуре, так и на внутреннем. Наша задача, вне зависимости от отраслевых или ведомственных наук, обеспечить постоянное повышение как технологической оснащенности, так и рост человеческого капитала.

Говоря о развитии юридической науки в условиях уже наступившей цифровой эпохи, эпохи ИИ, очевидно, что наша научная отрасль не должна занимать позицию наблюдателя и только потом пользователя результатов научно-технологического развития. Уже сегодня в арсенале ВСУЗ и ведомственных научных учреждений имеются наработки и первые результаты в виде различных ИИ инструментов. При этом, необходимо четко понимать различие между автоматизацией процессов и результатов применения ИИ. Результат первого – это ускорение механики по заранее заданным правилам, тогда как результат второго – это аналитика больших данных, формирование потенциальных решений через имитацию человеческого интеллекта. Третьим этапом – станет формирование генеративным искусственным интеллектом (Cognitive Law - экосистема применения ИИ в праве) полноценного цифрового партнера юриста, способного генерировать процессуальные документы, автономно отслеживать изменения законодательства, анализировать мультимодальные доказательства и объяснять логику собственных выводов для юридической верификации.

Поэтому перед молодым поколением ученых стоит вызов, которого прежде никогда в истории мировой и отечественной науки не было. Для молодого ученого ИИ – это не замена интеллекту

человеческому, а мощнейший ускоритель. Мы должны научиться использовать алгоритмы так, чтобы они служили справедливости, оставаясь при этом в рамках этических и правовых границ.

Сегодня в США и Китае искусственный интеллект уже используется для прогнозирования преступности, анализа разведывательных данных, управления военными системами. В Европе активно разрабатываются правовые рамки регулирования ИИ, включая требования прозрачности, подотчетности и безопасности алгоритмов.

Но есть и обратная сторона. Мы уже сталкиваемся с deepfake-технологиями, цифровыми двойниками личности, автоматизированными кибератаками. Фактически появляется новая категория угроз – алгоритмические угрозы.

Возникает ключевой вопрос: кто управляет – человек или алгоритм? Человек должен оставаться в центре. Но для этого он должен понимать технологии, уметь с ними работать и, главное, критически мыслить.

Следующий этап развития науки – это переход к анализу поведения и мышления. Сегодня исследуются не только действия человека, но и его мотивация, эмоции, когнитивные модели. Современные алгоритмы способны выявлять радикализацию на ранней стадии, анализировать поведенческие паттерны и прогнозировать действия на основе цифровых следов. Это открывает новые возможности. Но одновременно ставит новые вопросы о границах допустимого и защите прав и свобод человека.

В этих условиях междисциплинарность становится новой нормой научных изысканий, где эффективное исследование становится синтезом права, IT, психологии, аналитики и экономики. Молодые ученые в юриспруденции, да и опытные специалисты тоже должны понимать определенный алгоритмы, осваивать промпт-инжиниринг. Одновременно специалисту-аналитику следует четко представлять правовые ограничения в IT-отрасли, а IT-специалист – социальные последствия.

В ведущих университетах мира, таких как MIT, Stanford и другие, уже давно работают междисциплинарные команды, которые решают реальные задачи безопасности. Например, имеются примеры эффективного анализа террористических сетей с помощью структурных графовых моделей, прогнозирования протестной активности, выявления финансовых потоков через Big Data.

В этих условиях мы переходим к новой модели научной деятельности. Я говорю об Innovation Lab – лабораториях инноваций. Это центры «быстрого прототипирования» смыслов и технологий. Мировой опыт: MIT «Media Lab» и «Stanford d.school» (США), Unit 8200 и «Армейский инкубатор» (Израиль), Агентство Home Team Science and Technology (Сингапур), NSSIF и NSTIх (Великобритания) и «Aalto Design Factory» (Финляндия), доказывает, что лучшие решения рождаются там, где нет страха перед ошибкой. Т.е. важно осознать то, что ошибка – это не проблема, а часть процесса.

Модель Израиля: Unit 8200 и «Армейский инкубатор».

Израильская модель считается эталоном сращивания разведки и высоких технологий. Элитное подразделение 8200 функционирует как гигантский R&D-центр. Молодые курсанты с первого дня работают над реальными задачами взлома, шифрования и анализа данных.

Ключевой принцип: «Flat Hierarchy» (плоская иерархия). Рядовой может оспорить мнение офицера, если его техническое решение эффективнее. Это стимулирует «безумные идеи», которые позже становятся основой систем кибербезопасности мирового уровня (Check Point, Palo Alto).

Модель Сингапура: Агентство HTX (Home Team Science and Technology)

Сингапур первым в мире выделил науку для силовиков в отдельное мощное агентство, которое работает в связке с полицией и контрразведкой. Лаборатория Hatch (инновационный центр HTX) не изобретают все сами, а создают «мостик» между стартапами и оперативниками.

Ключевой принцип - «Force Multiplier» (множитель силы). Технологии должны сокращать количество людей на периметре. Например, система «Walk, Look, Clear» для биометрии на государственной границе – продукт их лаборатории.

Модель Великобритании: NSSIF и NSTIх

Британцы создали экосистему, где спецслужбы (MI5 и MI6) инвестируют в науку через венчурные фонды и академические хабы. Фонд NSSIF напрямую финансирует исследования в университетах, которые имеют «двойное назначение». Лаборатории NSTIх объединяют ученых и оперативников для совместной разработки (co-creation).

Другой ключевой принцип - «Trusted Research». Государство дает гранты ученым, но взамен получает эксклюзивный доступ к технологиям квантового шифрования или ИИ-аналитики на этапе прототипа.

В Казахстане этот тренд успешно задают Astana Hub, NURIS и Most Business Intelligence Lab. Это пространство, где:

- идея быстро превращается в прототип,
- теория проверяется на практике,
- молодые ученые работают с реальными задачами.

Задача ВСУЗов – интегрировать эти подходы в систему подготовки кадров для безопасности.

А молодым ученым, находящимся в уникальной позиции, стать свободными от устаревших шаблонов, открытыми новым знаниям и способными мыслить иначе.

Именно вы будете формировать новое право, новые подходы к безопасности, новую научную школу.

Позвольте сформулировать ключевые выводы.

Первое. Наука становится основой национальной безопасности.

Второе. ИИ и технологии меняют саму природу угроз.

Третье. Безопасность становится комплексной и междисциплинарной.

Четвертое. Человек остаётся ключевым элементом системы.

Пятое. Молодежь – главный драйвер научного развития.

В этой связи необходимо:

- развивать исследования в области искусственного интеллекта и его применения в правоохранительной деятельности;

- усиливать когнитивные и поведенческие исследования для раннего выявления угроз;

- развивать цифровую криминалистику и кибербезопасность;

- создавать междисциплинарные научные школы;

- внедрять лаборатории инноваций и проектные форматы;

- ориентировать науку на практический результат;

- расширять международное сотрудничество.

Қымбатты достар!

Бүгінгі конференцияда ұсынылатын зерттеулеріңіз болашақта жаңа кодекстер мен заңдардың негізіне айналады. Қалыптасқан көзқарастарға қарсы тұрудан қорықпаңыздар. Цифрлық технологияның шексіз өсу дәуірінде заң ғылымын адам құқықтарын қорғаудың тиімді құралына айналдыра алатын сіздердің жаңа көзқарастарыңыз екенін есте сақтаңыздар.

Сіздерге жемісті пікірталастар, мазмұнды пікір алмасулар және, әрине, үздік ғылыми мақала байқауында жеңіске жетулеріңізге тілектеспін!

Ғылым күні қарсаңында табыс пен шығармашылық бастамалар тілеймін!

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
КОНСТИТУЦИЯСЫ: ӘДІЛЕТТІ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ МЕМЛЕКЕТТІҢ КЕПІЛДІКТЕРІ**

**КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ:
ГАРАНТИИ СПРАВЕДЛИВОГО И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF
TRANSFORMATION: GUARANTEES OF A FAIR AND RULE-OF-LAW STATE**

UDC 34.34.05

Abdramanova M.R.

Prosecutor of the Prosecutor's Office of the city of Astana

PhD Candidate at "Astana" International University

Kazakhstan, Astana city

ENHANCING LABOUR EMIGRATION GOVERNANCE IN KAZAKHSTAN: CHALLENGES, COMPARATIVE BEST PRACTICES, POLICY REFORMS

Abstract. This article examines the current system of labour emigration governance in the Republic of Kazakhstan through a comparative legal and institutional analysis, which identifies significant legal and structural gaps in the protection of Kazakhstan labour emigrants. Drawing on best practices from the Philippines, India, and Mexico, the article analyzes institutional models such as pre-departure orientation systems, licensing of recruitment agencies, migrant welfare funds, and digital diaspora platforms. The author recommends establishing a dedicated Emigration and Diaspora Agency, codifying emigration legislation through an Emigration Code, implementing mandatory pre-departure programs, developing unified migrant data systems, and introducing structured reintegration mechanisms.

Keywords: emigration governance; Kazakhstan migration policy; labour migrant protection; diaspora engagement; comparative migration law; bilateral labour agreements; reintegration policy.

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасындағы еңбек эмиграциясының басқару жүйесіне салыстырмалы-құқықтық және институционалдық талдау негізінде зерттеуге арналған. Мақалада Филиппиндер, Үндістан және Мексика мемлекеттерінің озық тәжірибелері талданады. Атап айтқанда, алдын ала даярлау жүйесі, рекрутинг агенттіктерін лицензиялау, мигранттарды қолдау қорлары және цифрлық диаспора платформалары қарастырылады. Автор эмиграция және диаспора мәселелері жөніндегі уәкілетті орган құруды, миграция кодексін қабылдауды, міндетті даярлық бағдарламаларын енгізуді, бірыңғай деректер жүйесін қалыптастыруды және қайта бейімдеу бағдарламаларын дамытуды ұсынады.

Түйінді сөздер: эмиграцияны басқару; Қазақстанның көші-қон саясаты; еңбек мигранттарының құқықтары; диаспора саясаты; салыстырмалы көші-қон құқығы; екіжақты еңбек келісімдері; реинтеграция.

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ системы регулирования трудовой эмиграции в Республике Казахстан с использованием сравнительно-правового и институционального подходов. В качестве сравнительных моделей рассматриваются системы Филиппины, Индия и Мексика, демонстрирующие институционализированные подходы к управлению трудовой эмиграцией. Также, обосновывается необходимость создания специализированного агентства по вопросам эмиграции и диаспоры, кодификации законодательства посредством принятия миграционного кодекса, внедрения обязательных программ предвыездной подготовки, формирования единой системы учета мигрантов и разработки механизмов реинтеграции.

Ключевые слова: регулирование эмиграции; миграционная политика Казахстана; защита трудовых мигрантов; диаспора; сравнительное миграционное право; двусторонние соглашения; реинтеграция.

The foundation of international migration law rests on human rights frameworks, including the Universal Declaration of Human Rights, affirming freedom of movement [1]. This principle is reflected in Article 21 of Kazakhstan's Constitution: "Everyone shall have the right to leave the territory of the Republic" [2].

According to "Migration Data portal" the number of migrants in 2024 reached 304 million people [3], number of International migrant workers aged 15 and over reached 167.7 million in 2022, constituting 4.7% of the global labour force and 66% of working-age migrants [4] and the Gallup World Poll indicates over 750 million adults worldwide would migrate if possible [5].

Meanwhile in Kazakhstan, emigration has been stable since 2015, with 9,165 people emigrating between January 2024 and March 2025 [6]. Educated emigrants increased to 106,000 in 2019–2021, totaling 367,100 from 2011–2022 [7], but the results of Boston Consulting Group's (2020) analysis found that 64% of Kazakhstans is considering emigration if it's possible. In accordance with Demo scope public opinion monitoring bureau, one in five residents of Kazakhstan is considering emigrating. The reasons cited for this sentiment include the desire for higher wages (24.5%), lack of prospects for themselves and their children (23.9%), and the desire to find better job opportunities (14%) [8].

Meantime, some researchers notice that the outflow of qualified personnel abroad will affect the competitiveness of businesses and the shortage of professional personnel [9], others puts force argument that citizens abroad are able to improve their family budget with the help of remittances, which will impact the

economy of their country [10], others claiming that the return stage can result in processes of ‘brain gain’ and help improve skills into the sending state’s economy [11].

Simultaneously, migration process consists of three main components: the country of origin, country of destination and the initiator of all process-migrant, who is the main subject of migration process and the most vulnerable subject of this triangle. In this regard, law enforcement agencies periodically warn about the increasing incidence of fraud related to employment abroad [12], but official information sources of state authorities do not provide data on the number of offenses in the field of labour emigration, nor do they contain statistical information on offenses related to fraud in this area and number of people that lost abroad [13]. The absence of official information in open sources, as well as the lack of separate statistics on such offenses, indicates insufficient attention and control on the part of state authorities in the sphere of migration. This article contributes to research what challenges exist in current emigration laws of the Republic of Kazakhstan? How do other countries ensure the rights of their citizens abroad while labour emigration? What legal reforms can Kazakhstan implement?

Methodology. Although primarily legal in nature, this research employs a multi-method analytical approach typical for migration governance studies:

- Comparative legal analysis: Examining regulatory and institutional models of the Philippines, India, Mexico.
- Policy analysis: Reviewing Kazakhstan’s laws, concepts, and administrative rules regulating emigration.
- Administrative and institutional review: Assessment of consular regulations, digital systems, and ministerial competences related to citizens abroad.

Discussion. Challenges in current emigration laws of the Republic of Kazakhstan.

Emigration governance varies globally, as noted by Abella, who identifies four types: laissez-faire (market-driven without state intervention), regulated (state sets rules for recruitment and contracts), state-managed (state actively recruits and trains workers, often via bilateral agreements), and state monopoly (full state control over labour migration)[14].

Protection of citizens abroad enshrined in the article 11 of the Constitution of the Kazakhstan, the Republic shall guarantee protection and patronage to its citizens outside [2]. Processes of emigration regulates by the law “On migration” and provide the rules for citizens engaged in temporary labour activity in foreign countries [15].

Simultaneously registration of citizens of the Republic of Kazakhstan permanently and temporarily residing outside of the country is carried out by foreign institutions of the Republic of Kazakhstan on the territory of the relevant consular district.

According the Order of the Acting Minister of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan citizens can apply their document in temporarily residing country to Consular district by EGOV.kz (Information system of citizens, owner is the Ministry of Digital Development, Innovation and Aerospace Industry) [16]. In case of approval of application the consulate provides information in a special Information system “Berkut” [17], which owned by the Committee of National Security [18].

In hence, a citizen of the Republic of Kazakhstan shall be deregistered in foreign institutions in case of expiration of the period of its temporary stay or completion of permanent residence in the territory of the consular district indicated in the accounting card/card [19].

Legislation acts doesn’t include functions as analyses about citizens that leaves the country (in case if they lost or don’t return for a long period of time while their visa of other country was given only for a short period) or make a search of citizens. For instance, in case of citizen change his living place inside the city, country or he doesn’t leave the country until the period he mentioned in application, his visa permitting period expired consulate won’t contact with citizen. The country of origin can’t impact to the right of citizen to stay abroad, but what if he stays there because of lack of opportunities or he lost them, become a victim and doesn’t relate in any person, who can claim on this?

The absence of an organization responsible for working with labour migrants and temporary migrants in general results in a lack of data and control over this area of migration.

Moreover, functions as accompany citizens abroad as help to find compatriots (some researchers mentioned the value of this kind support for origin countries and emigrants) [20], or any useful information about the country of temporary residence, special information for Kazakh diaspora, any help for a children, information about lawyers, tax policy, education platforms doesn’t exist.

Meantime, protecting the rights and interests of citizens and legal entities of the Republic of Kazakhstan abroad and ensuring the implementation of the foreign policy in the field of international cooperation to combat terrorism and human trafficking, taking measures to prevent human trafficking,

facilitating connections and contacts with compatriots living abroad, as well as interaction with organizations of compatriots living abroad under the control of the Ministry of Foreign affairs [17].

According to the World Migration Report 2024 list of the biggest countries of origin for international migrants includes: India, Mexico, Philippines [21] and legislation system of this countries with the highest rankle of labour emigration could be useful for our research and implementation in law system.

The Philippines has long been recognized for its structured and efficient emigration system, which is result of evolving process of few decades and supports millions of Overseas Filipino Workers globally.

The Philippine emigration system is characterized by a robust institutional framework involving multiple government agencies such as the Philippine Overseas Employment Administration (POEA), Overseas Workers Welfare Administration (OWWA), and the Department of Foreign Affairs (DFA) [22].

The Migrant Workers and Overseas Filipinos Act of 1995, RA 8042 regulates processes of labour emigration and includes:

- Pre-Employment Orientation and Skills Training: Preparing workers for overseas deployment.
- Regulation and Licensing of Recruitment Agencies: Ensuring ethical recruitment practices.
- Comprehensive Support Services: Including legal aid, welfare assistance, and reintegration programs.

- Bilateral Agreements: Establishing labour cooperation with host countries to protect workers' rights.

Act determinate core principles as oversea deploy only in countries where the rights of workers will be protected, which means that employment country have to ratified UN conventions and Declarations, travel advisories or disseminate information on labour and employment conditions, migration realities and other fact, which have to be published every 3 months in newspapers, tax breaks, money claim processes, especial fund etc.

A cornerstone of the Philippine emigration system is the before deployment. This preparation focuses on equipping migrants with the necessary knowledge, skills, and awareness to face the challenges of working abroad and to protect their rights [23].

The Pre-Employment Orientation Seminar (PEOS) provides comprehensive information about the realities of working overseas, including the legal rights and obligations of migrant workers, the socio-cultural environment of host countries, and the potential risks of migration such as contract breaches, exploitation, and abuse. It also covers practical topics like financial literacy, family welfare, and reintegration upon return. This seminar ensures that workers have a realistic expectation of their overseas experience, reducing vulnerability and enhancing their ability to navigate challenges effectively.

Complementing this, skills training programs are carefully tailored to meet the demands of international labour markets, enhancing the competitiveness and employability of Filipino workers abroad. Such training is provided through technical-vocational institutions and government-supported agencies like the Technical Education and Skills Development Authority (TESDA). These programs certify skills in various sectors such as healthcare, maritime work, construction, and domestic service, aligning with global standards and host country requirements.

The Act prohibits any official or employee from the Department of labour and Employment (DOLE), Philippine Overseas Employment Administration (POEA), Overseas Workers Welfare Administration (OWWA), Department of Foreign Affairs (DFA), or related agencies—including their relatives up to the fourth civil degree—from engaging directly or indirectly in recruitment businesses. This measure prevents exploitation and corruption within government ranks, ensuring integrity in recruitment processes.

Labour Arbiters of the National labour Relations Commission (NLRC) have original and exclusive jurisdiction to hear claims arising from employer-employee relationships for overseas Filipino workers (OFWs). The Act mandates a 90-day period for resolving such claims, covering damages and reimbursements, with joint and several liability assigned to both employers and recruitment agencies. Notably, workers are entitled to reimbursement of placement fees and salaries in cases of unjust termination. The Act mandates the POEA and diplomatic missions to disseminate travel advisories and labour condition information regularly through newspapers and other media. Such advisories help prospective migrants make informed decisions by understanding labour realities, legal rights, and human rights standards in destination countries, thereby preventing illegal recruitment, fraud, and abuse.

The responsibility for repatriating distressed or deceased workers and transporting their belongings lies primarily with the recruitment or deploying agencies and their employers. Costs are borne by these entities unless the termination of employment results from the worker's fault.

A Replacement and Monitoring Center under the Department of labour and Employment provides support for returning migrant workers, including reintegration, job placement, skills upgrading, and

entrepreneurial development programs. This helps migrant workers transition back safely and productively into Philippine society.

In countries with significant Filipino populations, embassies establish Resource Centers that offer counseling, legal aid, welfare assistance, social integration programs, skills training, gender-sensitive support, and continuous monitoring. These centers operate 24/7 to provide immediate assistance and promote community networks among overseas Filipinos. An inter-agency committee coordinates a shared data system among Philippine agencies to facilitate efficient information exchange. This includes masterlists of departing and arriving Filipinos, legal case inventories, statistical profiles, and blacklisted entities, enhancing coordination and responsiveness in migrant protection.

The Act creates a loan guarantee fund to support financing schemes that offer pre-departure loans and family assistance loans to migrant workers, thus helping prevent exploitation by unscrupulous recruiters.

The DFA, DOLE, POEA, and OWWA have clearly defined roles in protecting migrant workers' rights, providing assistance, regulating recruitment, and ensuring contractual obligations are met. The DFA handles diplomatic protection and repatriation, DOLE oversees labour law enforcement abroad, POEA regulates recruitment agencies, and OWWA provides welfare and family assistance.

Migrant workers are exempted from paying travel tax and airport fees upon proof of entitlement, easing the financial burden of overseas deployment [24].

India. “India is a classic example to a mostly regulated system, which has been true since its inception during the British colonial rule. Emigration policies of countries like the Philippines and South Korea are more along the lines of a state-managed system and China is an example of a state monopoly” [25].

Indian history of migration has a big history and at the same time India is one of the largest emigrants country in the world [26], which overseas employment contracts and certification of recruiting agent regulates by Emigration Act, 1983 and implementation of this act regulates by Protector General of Emigrants.

Recruitment of Indian citizens allowed only if foreign company has a special permission or through agency and citizens can leave the country only after permission of Protector of Emigrant, in cases if he provided false information, emigrated without permission, collects from an emigrant any charges in excess of the limits prescribed under the Act or cheats any emigrant the punishment is imprisonment for up to two years or a fine up to 2000 rupees. Indian emigration policy prescribed employment contracts, state responsibility for organized labour migration, bilateral labour agreements to ensure migrant rights abroad [27].

Mexico. Mexico is one the biggest origin countries of migrants in USA. Nowadays Mexican Government supports their diaspora in USA with help of social media accounts and official website of the Embassy. For instance, the official website of Mexican Embassy in USA provides information in specific areas of life in host country, which helps to people to determinate their life abroad and includes links with educational platforms, articles, education services, degrees, libraries, University repository even the “right card” in a case of arrest, legal and health counseling available to diaspora members. Moreover the website includes:

- Special Registration System for Mexican Persons Abroad (SIRME) aims to facilitate communication between the Government of Mexico and its citizens abroad; through this system, registered Mexican persons can receive timely information to avoid encountering adverse conditions when traveling, staying, or residing abroad.

- The list of destinations – countries and territories, that are not members of the United Nations and do not enjoy widespread international recognition.

- Information and Assistance Center for Mexican Citizens (CIAM), that provides 24-hour assistance with a humane, professional, and timely response to the needs of Mexican citizens in the United States and Canada, which helps locate family members, informing about events and activities of Consulate, and providing guidance if someone have been a victim of abuse or fraud, among other services [28]. Moreover, it's includes a list of Mexican governments programs of support and diaspora organizations that created by migrants [29]. This database portal and website helps to Mexican diaspora not only communicate with other compatriots, but as we can remark helps to find all important information to a person who is settled foreign country and tries to preserve the memories about their homeland.

According this analyses, Philippines has a highly institutionalized emigration governance, India's regulated system with strict recruitment control, Mexico has a diaspora-centered digital governance.

Conclusion. Kazakhstan's emigration governance is at a formative stage, shaped by the gradual liberalization of movement rights, evolving foreign policy priorities, and an emerging awareness of the socioeconomic implications of labour mobility. The comparative models examined – particularly the Philippines, India, and Mexico – demonstrate that successful emigration systems rely not only on legal regulation, but on coordinated institutional structures, accessible services abroad, and rights-based mechanisms

that reduce vulnerabilities at each stage of the migration cycle. The analysis reveals several systemic gaps in Kazakhstan's current framework.

First, although the Constitution guarantees patronage to citizens abroad, the existing legislation does not specify the nature, scope, or operational process of this patronage. Consequently, support remains reactive and fragmented. There is no dedicated structure tasked with overseeing labour emigration, collecting risk-related data, compiling information on fraud, or providing pre-departure preparation.

Second, the lack of consolidated data – on legal violations, fraudulent recruitment, missing citizens, or labour disputes abroad – impedes evidence-based policymaking. Kazakhstan's reliance on the "Berkut" information system, owned by the National Security Committee, suggests an emphasis on control rather than protection, and does not meet international standards for migrant-oriented service delivery.

Third, effective emigration management increasingly requires proactive engagement with diasporas, not only for protection but for development. Global studies have shown that diasporas serve as contributors to remittances, innovation, knowledge transfer, and "brain circulation".

Drawing on these insights, the article proposes several reforms:

1. Creation of a dedicated Emigration and Diaspora Agency. Similar to POEA/OWWA in the Philippines or the Protectorate of Emigrants in India.

2. Codification of emigration law through a separate Emigration Code. This would structure the migration process as a lifecycle (pre-departure, employment abroad, return), define rights and responsibilities.

3. Mandatory pre-departure programs. Based on the Philippine model (legal literacy training; cultural and language orientation; financial planning; information on rights in host countries; risk-awareness modules to prevent trafficking and fraud).

4. Development of unified migrant data and diaspora engagement platforms (a national migrant database linked with consulates; a "Kazakh Citizens Abroad" mobile app (similar to SIRME); a 24/7 hotline for labour migrants; diaspora cultural and educational networks).

5. Integration with the education system. Export-oriented skills training and certified vocational programs would prepare Kazakh workers for global labour markets and reduce vulnerabilities.

6. Formalization of reintegration programs. Migrants returning to Kazakhstan should have access to professional retraining, recognition of foreign qualifications, entrepreneurship support, and social services – essential elements of successful "brain gain" strategies.

The findings of this article therefore emphasize the need for comprehensive, rights-based reforms responsive to the realities of modern labour mobility.

List of References:

1. Universal Declaration of Human Rights, art.13,14, 1948;
2. The constitution of the Republic of Kazakhstan;
3. «Migration and human mobility: key global figures» [Electronic resource] – Acces mode: <https://www.migrationdataportal.org/key-figures> (access data: 10.03.2026);
4. ILO, 2024;
5. Czaika & Reinprecht, 2022;
6. Bureau of National Statistics, 2025;
7. Concept of Migration Policy, 2023-2027;
8. «POLL: One in Five Kazakh Citizens Considers Emigrating» [Electronic resource] – Acces mode: <https://demos.kz/poll-one-in-five-kazakh-citizens-considers-emigrating/?lang=en> (access data: 10.03.2026);
9. Concepts for the Development of the labour market of the Republic of Kazakhstan for 2024-2029;
10. Economic Effects of Remittances on Migrants' Country of Origin, 2021, In book: The Economic Geography of Cross-Border Migration, Baris Alpaslan, Aysegul Kayaoglu, Jurgen Mecki, Thomas H.W. Ziesemer, Michaelle Vanore, Joaquin Naval;
11. «Migration and Development in Egypt: A Holistic View» Gerasimos Tsourapas;
12. «О новом виде мошенничества предупреждают казахстанцев» [Electronic resource] – Acces mode: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6461757-o-novom-vide-moshennichestva-preduprezhdayut-kazakhstanstsev.html> (access data: 10.03.2026);
13. Портал Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Electronic resource] – Acces mode: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (access data: 10.03.2026);

14. The Anatomy of a Migration Policy: An Institutional Analysis of India's Migration Policy from the Nineteenth Century to the Present. Ashwin Kumar, p.1;
15. Law On migration;
16. «EGOV и е-бизнесмены» [Electronic resource] – Acces mode: <https://www.czhr.kz/post/egov-i-e-biznesmeny> (access data: 10.03.2026);
17. «On approval of the Rules for the registration of citizens of the Republic of Kazakhstan permanently and temporarily residing outside the Republic of Kazakhstan», Order of the Acting Minister of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan dated June 14, 2016, No. 11-1-2/263. Registered with the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on August 10, 2016, No. 14093;
18. «On approval of the list of internet resources and information systems integrated with the information exchange system of law enforcement, special government, and other agencies» Order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan dated September 19, 2025, No.117;
19. p.13/3 of «On approval of the Rules for the registration of citizens of the Republic of Kazakhstan permanently and temporarily residing outside the Republic of Kazakhstan», Order of the Acting Minister of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan dated June 14, 2016, No. 11-1-2/263. Registered with the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on August 10, 2016, No. 14093;
20. Legal Analysis of State Support for Compatriots Abroad Enshrined in Kazakhstan, Ongarbayev, Y.A; Nurmagambetov, A.M; Zharkanova, S.B; Galiakbarova, G.G, Utopía y Praxis Latinoamericana, vol. 25, no. Esp.6, 2020 Universidad del Zulia, Venezuela;
21. [Electronic resource] – Acces mode: <https://www.tbsnews.net/bangladesh/migration/bangladesh-remains-6th-largest-migrants-origin-country-8th-remittance-received> (access data: 10.03.2026);
22. Electronic resource – Available at: Alvin Ang and Erwin R. Tiongs Philippine migration journey: Processes and programs in the migration life cycle. April 2023 p.3;
23. The Migrant Workers and Overseas Filipinos Act of 1995, RA 8042
24. Philippine Overseas Employment Administration (POEA) Rules and Regulations, sections 8-23, 38;
25. The Anatomy of a Migration Policy: An Institutional Analysis of The Anatomy of a Migration Policy: An Institutional Analysis of India's Migration Policy from the Nineteenth Century to the Present. Ashwin Kumar, 2-2023, p.1;
26. UN the World Migration report 2020;
27. Emigration Act, India,1983;
28. «Embassy of Mexico in the United States of America» [Electronic resource] – Acces mode: <https://embamex.sre.gob.mx/eua/index.php/en/home> (access data: 10.03.2026);
29. Mexico's public diplomacy efforts to engage its diaspora across the border: Case study of the programs, messages and strategies employed by the Mexican Embassy in the USA, Vanessa Bravo, Maria De Moya, Volume 3, Issue 3 (Public Diplomacy of Rising and Regional Powers), Dec. 2018, pp. 173-193.

УДК 340.12:342.5

Джубанов Едил Аязбаевич,
заместитель прокурора Карагандинской области,
кандидат юридических наук, старший советник юстиции,
г. Караганда, Республика Казахстан

Джаксыбаев Асанали Сапаргалиевич,
прокурор 1-го Управления прокуратуры Карагандинской области, PhD, младший советник юстиции,
г. Караганда, Республика Казахстан

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ В ОБЩЕСТВЕ ИДЕОЛОГИИ ЗАКОНА И ПОРЯДКА НА 2025-2030 ГОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025-2030 годы в уголовно-правовой сфере с указанием конкретных примеров из практической деятельности.

Освещена работа профилактического и информационно-разъяснительного характера, описаны новые методы и предложения по предотвращению и расследованию уголовных правонарушений в сфере интернет-мошенничества, незаконного оборота наркотических средств и семейно-бытового насилия. Достоверность содержания подтверждается эмпирическими данными и правовой статистикой.

Ключевые слова: Концепция по продвижению в обществе идеологии закона и порядка; принцип «Закон и Порядок»; правовое государство; правовая политика; правовой нигилизм; правовая культура; правосознание; институциональный подход.

Аннотация. Мақалада практикалық қызметтің нақты мысалдарын көрсете отырып, қоғамда заң идеологиясын және қылмыстық-құқықтық салада 2025-2030 жылдарға арналған тәртіпті ілгерілету жөніндегі тұжырымдаманы іске асыру мәселелері қарастырылады.

Профилактикалық және ақпараттық-түсіндіру сипаттағы жұмыстар жарияланды, интернет-алаңдық, есірткі құралдарының заңсыз айналымы және отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық саласындағы қылмыстық құқық бұзушылықтардың алдын алу және тергеу бойынша жаңа әдістер мен ұсыныстар сипатталды. Мазмұнның сенімділігі эмпирикалық мәліметтермен және құқықтық статистикамен расталады.

Түйінді сөздер: Қоғамда заң мен тәртіп идеологиясын ілгерілету жөніндегі тұжырымдама; «Заң және тәртіп» қағидаты; құқықтық мемлекет; құқықтық саясат; құқықтық нигилизм; құқықтық мәдениет; құқықтық сана; институционалдық тәсіл.

Abstract. The article discusses the implementation of the Concept of promoting the ideology of law and order in society for 2025-2030 in the criminal law field, indicating specific examples from practical activities.

The work of a preventive and information-explanatory nature is highlighted, new methods and proposals for the prevention and investigation of criminal offenses in the field of Internet fraud, drug trafficking and domestic violence are described. The authenticity of the content is confirmed by imperial data and legal statistics.

Keywords: The concept of promoting the ideology of law and order in society; the principle of «Law and Order»; the rule of law; legal policy; legal nihilism; legal culture; legal awareness; institutional approach.

В апреле 2025 года Правительством утверждена Концепция по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025-2030 годы [1].

Глава государства отметил, что «Закон и Порядок» необходимо рассматривать в качестве основополагающего принципа государственной политики. Несомненно, этот жизненно важный постулат никогда не утратит своей актуальности. Считаю, что он обязательно должен быть включен в новую редакцию Конституции» [2].

На совещании в Генеральной прокуратуре Президент Республики К.К. Токаев также сказал, что важная роль в реализации принципа отводится органам прокуратуры, «сотрудники которой не имеют права быть равнодушными и спокойно взирать на нарушения закона».

По мнению научного сообщества, в частности, профессора А.Ш. Ешанова, «социальные результаты будут заключаться в повышении правовой культуры и сознания, усилении роста доверия к институтам и достижения справедливости в обществе, обеспечении безопасности и общественного порядка, активного гражданского участия в поддержании правопорядка, формировании негативного отношения к коррупции и теневым практикам» [3].

Также высоко оценили инициативу Казахстана международные организации, которые подчеркнули важность развития профилактики правонарушений и выразили готовность к расширению экспертного и технического сотрудничества [4].

Органы прокуратуры Карагандинской области, используя свою координационную роль, незамедлительно приступили к работе по продвижению концепции.

Деятельность состояла из нескольких направлений, включавших профилактику и разъяснительные меры, выявление преступлений с выработкой новых методов.

- Концепцией предусмотрено, что ее реализация даст несколько значимых преимуществ, а именно:

1. повышение доверия к государственным и правоохранительным органам;
2. снижение уровня правонарушений;
3. улучшение качества обслуживания граждан;
4. оптимизацию работы государственных органов и правоохранительных структур;
5. создание безопасной среды для жизни.

В целях повышения доверия к государству, улучшения качества обслуживания граждан начата акция «Азбука правопорядка», целями которой явились обеспечение открытости деятельности государственного аппарата и правовое просвещение населения.

В рамках акции для представителей общественности и средств массовой информации организованы дни открытых дверей в прокуратуре области, местных исполнительных органах, органах полиции, экономических расследований и юстиции.

Приглашенным продемонстрирована работа указанных ведомств, предоставлена информация по осуществляемым направлениям.

Зачастую граждане становились жертвами или соучастниками преступлений по причине правовой неграмотности, отсутствия у них необходимой информации.

К примеру, подростки зачастую в погоне за легкими деньгами соглашались на работу курьерами и закладчиками наркотических средств, считая, что сама их перевозка без прямой продажи не является противозаконной. Только за 2024-2025 годы, за «наркокурьерство» осуждено 33 лица возрастом до 21 года [5].

Часть граждан на возмездной основе передавала мошенникам свои банковские карты, которые в последующем использовались для транзита похищенных денег. За такую помощь преступности 12 лиц попали в орбиту внимания правоохранительных органов по статье «дропперство» [6].

Иными словами, граждане, сами того не осознавая, вовлекались в криминальные схемы и становились объектами уголовного преследования.

Прокуратурой области разработаны краткие информативные брошюры, содержащие актуальные сведения предупредительного характера с разъяснением правовых последствий. Для удобства распространения они преобразованы в QR-код, который размещен в местах массового скопления граждан, на квитанциях коммунальных служб, в общественном транспорте и в увеселительных заведениях. Презентация QR-кода проведена в прокуратуре области с приглашением представителей гражданского общества, депутатов маслихата, учащихся ВУЗов [6].

В связи с тем, что наиболее уязвимой категорией в криминальной отношении являются представители молодежи, достигнута договоренность с Управлением внутренней политики, ведущими ВУЗами и колледжами о проведении на их площадках встреч со студентами. Только за январь месяц текущего года с привлечением Департамента полиции проведены занятия на правовые темы в двух ВУЗах и трех колледжах, которые сопровождались демонстрацией видеоролика и интерактивными играми [7]. Студенты отметили, что не подозревали о незаконности многих действий и выразили благодарность за правовое просвещение.

В целях снижения уровня правонарушений и создания безопасной среды началась работа по выработке новых методов по пресечению и выявлению преступлений, которые несут социальную угрозу обществу.

Интернет-мошенничество. Ежедневно сотни граждан по всей стране становятся жертвами интернет-обмана. Наиболее распространенный способ это телефонный звонок от имени сотрудников банков, правоохранительных органов с сообщением об угрозе счету и предложением о помощи.

Как правило, такие звонки совершаются из-за рубежа. Для их осуществления используются специальные устройства – Simbox, благодаря которым входящие звонки для адресата выглядят как местные.

Только за 2025 год от рук кибер-мошенников пострадало более двух с половиной тысяч жителей области [8]. Злоумышленники, являясь тонкими психологами, пользуются доверчивостью, открытостью граждан.

По инициативе прокуратуры области с привлечением специалистов АО «Казахтелеком» образован колл-центр, который перехватывал международные звонки, адресованные жителям области, исключая сам телефонный контакт.

За период его функционирования перехвачено более десяти тысяч мошеннических звонков, что обезопасило граждан от преступного воздействия.

В целях устранения самой возможности поступления международного входящего телефонного вызова прокуратурой области инициировано предложение, по которому на портале электронного правительства будет функционировать услуга «запрет на прием международных звонков». При ее использовании номер пользователя будет защищен от всех звонков, поступающих из-за рубежа. На данный момент над этим работает Министерство цифрового развития.

Проведена работа по выявлению преступников и восстановлению материальных интересов потерпевших.

Координационными мерами удалось выявить 9 аппаратов Simbox, которые использовались в целях мошеннической деятельности на территории области. На данный момент подозреваемые установлены и задержаны. Ведется расследование.

Обманутые мошенниками граждане переводят денежные средства на счета «дропперов». По указанию прокуратуры следственные органы при принятии заявления разъясняют потерпевшим право обратиться в суд в гражданском порядке для взыскания денежных средств с «дроппера». Для этого прокурорами разработаны образцы соответствующих исков. Только за 2025 год судами удовлетворено более двух сот исков на сумму 137 миллионов тенге [9].

Далее следственные органы рассматривают вопрос о возбуждении уголовных дел в отношении «дропперов».

Наркопреступность. За последние 5 лет на территории области зарегистрировано более двух тысяч наркотических преступлений [8].

Сбыт наркотиков происходит бесконтактным способом через каналы в интернет-мессенджерах. То есть, создается целая преступная схема, которая состоит из производителей наркотиков, операторов, курьеров и других промежуточных элементов.

Реклама товара, контакты с покупателями осуществляются в сети «интернет». Прием денежных средств осуществляется удаленно на банковские карты «дропперов» путем простого перевода. Таким образом преступная схема приобретает полную скрытность, ее участники друг с другом не знакомы. Эти обстоятельства существенно усложняют задачи правоохранительным органам.

Однако координационными мерами в ходе оперативно-розыскных мероприятий удалось изобличить организованную преступную группу, которая на протяжении двух лет занималась производством и распространением психотропных веществ на территории области. Задержаны организатор и производители, установлено имущество и финансовые активы.

Всего в прошлом году ликвидировано 5 нарколабораторий, из незаконного оборота изъято более тонны наркотических средств и полутора тонн прекурсоров [5].

С использованием аналитического потенциала прокуратуры области выявлено и заблокировано около 500 банковских карт, привязанных к преступным интернет-каналам, на сумму, превышающую 100 миллионов тенге. Карагандинская область создала прецедент по зачислению арестованных денежных средств на контрольный счет наличности органа досудебного расследования.

Семейно-бытовое насилие. Проблема домашнего насилия остро стоит перед обществом. Зачастую жертвы, желая сохранить брак и отношения, умалчивают о фактах рукоприкладства и тираннии, в ходе расследований меняют показания, желая увести сожителя от уголовной ответственности.

В прошлом году зарегистрировано более сто сорока случаев [8].

Основными доказательствами по таким делам являются показания заявителя и заключение судебно-медицинской экспертизы. Если показания потерпевшего отбираются в день поступления заявления, то проведение экспертного исследования требует определенного времени (от 3 до 10 суток).

По нашей инициативе между прокуратурой области, Департаментом полиции, Институтом судебной экспертизы и Центром поддержки семьи заключен меморандум, целью которого является оперативное расследование уголовных проступков о бытовом насилии.

Согласно меморандуму, органы внутренних дел принимают решение о задержании лица на 48 часов и назначение экспертизы по телесным повреждениям жертвы, тогда как Институт судебной

экспертизы в течение суток предоставляет соответствующее заключение. В настоящий момент механизм ожидает своего применения.

Законом от 16.07.2025 года №210-VIII с сентября прошлого года введены новые составы уголовных правонарушений, среди которых есть те, которые предусматривают ответственность за противоправные действия в отношении женщин. В данном случае имеются в виду похищения с целью склонения к замужеству и stalking.

С момента изменений зарегистрировано 3 случая stalking и 1 факт похищения лица женского пола с целью склонения к вступлению в брак. По 3 делам расследования завершены, 2 - направлены в суды, по одному состоялось примирение. Сформирована следственная практика по сбору доказательств.

К примеру, в городе Балхаш на протяжении девяти месяцев гражданин Н* преследовал свою знакомую С*. Ранее эти лица состояли в близких отношениях, которые были прекращены по инициативе потерпевшей С*. Действия подозреваемого выразились в систематическом физическом преследовании лица, навязчивой отправки сообщений.

Перечень доказательств составили показания участников процесса, очная ставка, исследование содержимого телефонов. При этом не исключается факт образования спорных ситуаций и других вопросов по мере расширения практики следственной работы и судебного рассмотрения.

В целом, благодаря принимаемому комплексу мер в рамках реализации концепции удалось добиться снижения общего уровня преступности на 25 % (с 1270 до 939) [8].

Особое внимание уделяется вопросам цифровизации деятельности правоохранительных органов.

На данный момент более 95% всех уголовных дел расследуются в электронном формате. Преимуществами такого формата являются отсутствие бюрократии, исключение возможности манипуляции, подмены, сокрытия процессуальных документов, устранение коррупционных рисков. Лицо, проводящее расследование, освобождено от постоянных «хождений» по кабинетам начальства, прокуроров и судей.

Участники уголовного процесса о принимаемых решениях оповещаются посредством SMS-сообщений, что стало возможным благодаря соответствующему функционалу. Ознакомление с материалами дела, подача жалоб, ходатайств, заявлений производится удаленно с любого компьютерного устройства через функционал «Публичный сектор».

Процесс перевода деятельности правоохранительных органов на цифровой формат продолжается. На данный момент Департаментом полиции приобретено более двух тысяч наименований специализированного оборудования (компьютерные устройства, планшеты, web-камеры, смарт-жетоны и др.) для обеспечения непрерывной работы в условиях цифровизации.

Работа по реализации Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025-2030 годы находится в центре внимания работы органов прокуратуры. Практически вся надзорная деятельность базируется на обеспечении данного принципа.

Полагаем целесообразным отметить о необходимости усиления информационно-разъяснительной работы в рассматриваемом направлении с участием общественных организаций для охвата все большего количества граждан и целевых аудиторий общества.

Одновременно планируется проведение новых мероприятий надзорного, правоохранительного и профилактического характера, итоги которых позволят эффективно профилировать преступность и повысить уровень общественной безопасности.

Список использованных источников:

1. Постановление Правительства Республики Казахстан от 01.04.2025 года №200 «Об утверждении Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025–2030 годы» Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 23.02.2026 г.).
2. Токаев предложил включить в Конституцию принцип «Закон и порядок» - Аналитический интернет-журнал «Власть» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vlast.kz/novosti> (дата обращения: 13.03.2026 г.).
3. А.Ш. Ещанов «Реализация принципа «Закон и Порядок» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://abai.kz/> (дата обращения: 23.02.2026 г.).
4. Новый формат безопасности: в Казахстане проходит международная конференция «Закон и Порядок» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://altainews.kz/> (дата обращения 23.02.2026 г.).

5. Отчет о состоянии преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств формы 1-Н [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qamqor.gov.kz/> (дата обращения 23.02.2026 г.).
6. [Караганда - QR-код для повышения правовой грамотности](#) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ (дата обращения: 23.02.2026 г.).
7. [Акция «Азбука правопорядка» прошла в прокуратуре Карагандинской области](#) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.nur.kz/society> (дата обращения: 23.02.2026 г.).
8. Отчет о состоянии преступности в формы 1-М // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qamqor.gov.kz/> (дата обращения: 23.02.2026 г.).
9. Отчет о работе суда. Уголовные дела // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://qamqor.gov.kz/> (дата обращения: 23.02.2026 г.).

УДК 340.12:351

Ещанов Алмаз Шукирович,

профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики
Казахстан, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции,
г. Косшы, Республика Казахстан

Амерханов Руслан Айткалиевич,

доцент Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
кандидат юридических наук, младший советник юстиции,
г. Косшы, Республика Казахстан

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ В ОБЩЕСТВЕ ИДЕОЛОГИИ ЗАКОНА И ПОРЯДКА НА 2025-2030 ГОДЫ

Аннотация. В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ основных положений Концепции по продвижению идеологии закона и порядка сквозь призму принципа «Закон и Порядок» как системообразующего элемента государственной правовой политики и соответствующей идеологии. Исследуется содержание данной Концепции, ее цели, задачи и механизмы реализации в условиях трансформации правовой системы. На основе институционального и социокультурного подходов раскрываются особенности формирования правового сознания и правовой культуры. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов реализации Концепции с учетом современных вызовов цифровизации и снижения уровня правового нигилизма.

Ключевые слова: Концепция по продвижению в обществе идеологии закона и порядка; принцип «Закон и Порядок»; правовое государство; правовая политика; правовой нигилизм; правовая культура; правосознание; институциональный подход.

Аннотация. Мақалада мемлекеттік құқықтық саясаттың және тиісті идеологияның жүйе құраушы элементі ретінде «Заң және тәртіп» қағидатының призмасы арқылы заң мен тәртіп идеологиясын ілгерілету тұжырымдамасының негізгі ережелеріне жан-жақты теориялық-құқықтық талдау жасалады. Осы Тұжырымдаманың мазмұны, оның мақсаттары, міндеттері және құқықтық жүйені трансформациялау жағдайында іске асыру тетіктері зерттеледі. Институционалдық және әлеуметтік-мәдени тәсілдер негізінде құқықтық сана мен құқықтық мәдениеттің қалыптасу ерекшеліктері ашылады. Цифрландырудың қазіргі заманғы сын-кәтерлерін және құқықтық нигилизм деңгейін төмендетуді ескере отырып, Тұжырымдаманы іске асыру тетіктерін жетілдіру қажеттілігі негізделеді.

Түйінді сөздер: Қоғамда заң мен тәртіп идеологиясын ілгерілету жөніндегі тұжырымдама; «Заң және тәртіп» қағидаты; құқықтық мемлекет; құқықтық саясат; құқықтық нигилизм; құқықтық мәдениет; құқықтық сана; институционалдық тәсіл.

Abstract. The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the main provisions of the Concept of promoting the ideology of law and order through the prism of the principle of «Law and Order» as a system-forming element of state legal policy and the corresponding ideology. The article examines the content of this Concept, its goals, objectives and implementation mechanisms in the context of the transformation of the legal system. On the basis of institutional and socio-cultural approaches, the peculiarities of the formation of legal consciousness and legal culture are revealed. The article substantiates the need to improve the mechanisms for implementing the Concept, taking into account the modern challenges of digitalization and reducing the level of legal nihilism.

Keywords: the concept of promoting the ideology of law and order in society; the principle of «Law and Order»; the rule of law; legal policy; legal nihilism; legal culture; legal awareness; institutional approach.

Государственными органами Казахстана предпринимаются значительные усилия по усилению законности во всех сферах жизни общества. Глава государства определил «Закон и Порядок» в качестве фундаментального принципа функционирования общества и государства. Обязанность всех государственных органов, в том числе правоохранительных, обеспечить безусловную реализацию данной установки Президента страны.

Правоохранительные органы должны немедленно реагировать на любые правонарушения и преступления. Правовой основой для этого служат принимаемые в государстве законы и руководящие документы. К их числу относится Концепция по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025-2030 годы, принятая 1 апреля т.г. [1]

Главная цель данной Концепции - это достижение конкретных социальных, экономических и правовых результатов, которые позволят усилить соблюдение в казахстанском обществе принципа законности, выражающая в верховенстве права, строгом исполнении требований законов всеми

гражданами, незыблемости прав человека, равенстве и неотвратимости юридической ответственности. Благодаря законности в обществе устанавливается правопорядок, обеспечивающий урегулированность общественных отношений, в которых поведение граждан и деятельность организаций соответствуют нормам права.

Реализация Концепции по продвижению идеологии закона и порядка обусловлена необходимостью преодоления правового нигилизма, повышения доверия к институтам государственной власти и формирования устойчивых моделей правомерного поведения.

Принцип «Закон и Порядок» в данных условиях приобретает стратегическое значение, выступая не только инструментом обеспечения стабильности, но и основой модернизации государственного управления.

Развитие и становление правового государства напрямую зависит от гражданского общества. В свою очередь, правовое государство создает благоприятные условия для функционирования гражданского общества. Гражданское общество выступает не только как гарант последовательного и непрерывного развития цивилизации, но и как важнейшее условие, основа существования и развития самого правового демократического государства [2].

Проблематика обеспечения верховенства закона и устойчивого правопорядка традиционно занимает центральное место в теории правового государства. В условиях модернизации правовой системы Республики Казахстан особую актуальность приобретает формирование идеологии закона и порядка как целостной системы ценностно-нормативных установок, направленных на укрепление законности и правопослушного поведения.

Следует отметить, что в современной юридической науке усиливается интерес к исследованию не только нормативных, но и социокультурных факторов функционирования права. В этой связи, идеология закона и порядка рассматривается как интегративная категория, объединяющая элементы правового сознания, правовой культуры и правовой социализации.

Реализация идеологии закона и порядка в Республике Казахстан опирается на комплекс нормативных правовых и стратегических документов. Ключевое значение имеет Конституция Республики Казахстан, закрепляющая принципы правового государства, приоритета прав и свобод человека и гражданина, а также равенства всех перед законом.

Изменения в правовом мышлении связаны с упадком естественного права и позитивизацией права со стороны государства как принимающей решения организации [3].

Теоретико-правовая природа идеологии закона и порядка заключается в следующем. В доктринальном аспекте идеология закона и порядка может быть определена как совокупность научно обоснованных представлений о приоритете права, выражающихся в системе ценностей, принципов и установок, обеспечивающих нормативную регуляцию общественных отношений.

С позиций институционального подхода идеология закона и порядка выступает как элемент правовой системы, обеспечивающий воспроизводство правопорядка через устойчивые социальные практики. В рамках социологической юриспруденции данная категория коррелирует с понятием «правовое сознание», отражающим отношение индивида и общества к праву.

Функциональный анализ позволяет выделить следующие ключевые функции: регулятивную, обеспечивающую внутреннюю мотивацию правомерного поведения; легитимационную, направленную на признание законности государственной власти; коммуникативную, обеспечивающую взаимодействие между государством и обществом; превентивную, ориентированную на предупреждение девиантного поведения.

Особое значение имеет взаимосвязь идеологии закона и порядка с категорией правового нигилизма, под которым понимается отрицательное или индифферентное отношение к праву, подрывающее эффективность правового регулирования.

Современное состояние реализации идеологии закона и порядка в Республике Казахстан характеризуется активной институционализацией данного направления государственной политики. Принятие Концепции на 2025-2030 годы свидетельствует о переходе к системному формированию правовой культуры [1].

Концепция по продвижению идеологии закона и порядка (далее – Концепция) представляет собой стратегический нормативно-программный акт, направленный на институционализацию соответствующих ценностей в общественном сознании.

С точки зрения теории правовой политики, Концепция выступает как инструмент реализации государственной политики в сфере правового развития. Ее содержание отражает переход от преимущественно карательной модели обеспечения правопорядка к превентивно-воспитательной модели.

Целевые установки Концепции включают следующие аспекты: формирование устойчивых правовых установок; снижение уровня правонарушений за счет превенции; повышение уровня правовой социализации личности; укрепление доверия к публичной власти.

Задачи Концепции носят комплексный характер и предполагают синергию различных отраслей государственной деятельности, включая образование, правоохранительную деятельность и информационную политику.

В этой связи, в Концепции определены 5 направлений, среди которых:

- повышение степени открытости органов власти;
- снижение уровня преступности;
- повышение Индекса верховенства права;
- развитие цифровых решений по продвижению идеологии закона и порядка: повышение удовлетворенности граждан качеством и скоростью услуг;
- реализация мер по профилактике правонарушений.

Указанные направления предусматривают создание безопасной среды для жизни, достигаемое путем активного сотрудничества правоохранительных органов с населением, а также «внедрение инновационных подходов к безопасности, таких, как системы видеонаблюдения или мобильные приложения для общения с гражданами, лучше помогающие создать более безопасную среду в городах и населенных пунктах. Люди чувствуют себя защищенными, когда видят, что органы власти работают эффективно и заботятся о безопасности».

Забота о гражданах будет проявляться также при проведении государственными органами праворазъяснительной работы, которая занимает ключевое место в формировании правовой культуры и повышении информированности граждан об их правах и обязанностях. Она нацелена на обеспечение доступности правовой информации, содействие правильному пониманию и применению действующего законодательства, а также на повышение правовой культуры и развитие правовой грамотности в казахстанском обществе.

На институциональном уровне реализация Концепции обеспечивается деятельностью государственных органов, обладающих публично-властными полномочиями. Особая роль принадлежит правоохранительным органам, чья деятельность должна соответствовать принципам законности, справедливости и транспарентности. Так, в Казахстане осуществляется переход от преимущественно карательной модели к сервисному формату, ориентированному на защиту прав граждан. Основные тенденции включают: повышение открытости и подотчетности правоохранительных органов; внедрение сервисной модели полиции; развитие механизмов общественного контроля; усиление антикоррупционной политики.

Реализация данных мер способствует формированию доверия населения к государственным институтам и повышению эффективности правоприменительной деятельности.

Вместе с тем, с научной точки зрения, эффективность реализации Концепции напрямую зависит от уровня институционального доверия, которое формируется через: соблюдение принципа верховенства закона; обеспечение равенства всех перед законом; недопущение злоупотребления властью.

Позитивный закон есть дополнительное условие порядка, возникающее и развивающееся в человеческом обществе в ситуации, когда все прочие действующие силы и факторы перестают соответствовать имеющимся условиям [4].

Социокультурный аспект реализации Концепции связан с формированием правовой культуры и правового сознания. В рамках культурологического подхода право рассматривается не только как система норм, но и как элемент социальной культуры. В этом направлении реализуются образовательные и просветительские инициативы, направленные на формирование уважительного отношения к закону.

Важное значение имеет правовое образование, которое выступает инструментом правовой социализации. Внедрение интерактивных методов обучения, развитие критического мышления и формирование правовых компетенций способствуют устойчивому восприятию ценностей закона и порядка.

Особое место в современной модели реализации идеологии закона и порядка занимает цифровизация, выступающая в качестве системообразующего фактора трансформации правовой реальности.

В рамках концепции «цифрового государства» происходит переход к алгоритмизированному правоприменению, что позволяет минимизировать субъективный фактор и повысить уровень формальной определенности правовых решений.

Цифровизация общественных отношений существенно трансформирует механизмы реализации Концепции. С одной стороны, цифровые технологии расширяют возможности правового просвещения, с другой создают новые вызовы, связанные с распространением деструктивного контента и правовой дезинформации. В Казахстане активно внедряются цифровые решения, направленные на повышение прозрачности и доступности правосудия.

К числу значимых направлений относятся: развитие электронного правительства; автоматизация процессов в правоохранительных органах; внедрение систем видеонаблюдения и интеллектуального анализа данных; цифровизация судебной системы.

Использование технологий позволяет минимизировать коррупционные риски, повысить оперативность принятия решений и обеспечить более эффективную защиту прав граждан.

В то же время, в научной среде поднимается вопрос о рисках «технологического детерминизма», при котором чрезмерная автоматизация может привести к снижению гибкости правового регулирования и игнорированию индивидуальных особенностей конкретных ситуаций.

В рамках современной правовой парадигмы реализация идеологии закона и порядка предполагает достижение баланса между публичными интересами государства и частными интересами личности.

С точки зрения теории прав человека, данный баланс выражается в необходимости соблюдения принципа пропорциональности при ограничении прав и свобод.

В Казахстане наблюдается тенденция к институциональному укреплению механизмов защиты прав граждан, включая развитие судебной системы, институтов омбудсмана и альтернативных способов разрешения споров.

При этом подчеркнем, что подлинная реализация принципа «Закон и Порядок» возможно лишь при условии восприятия права как средства защиты, а не исключительно как инструмента принуждения.

Несмотря на нормативную определенность и стратегическую значимость Концепции, ее реализация сопровождается рядом системных проблем: сохраняется высокий уровень правового нигилизма, обусловленный историческими и социальными факторами; наблюдается институциональная дисфункция, выражающаяся в недостаточной согласованности действий различных субъектов реализации; имеет место формализация правопросветительской деятельности, что снижает ее эффективность и не способствует формированию устойчивых правовых установок; недостаточная разработанность критериев оценки эффективности реализации Концепции, что затрудняет проведение объективного мониторинга.

С учетом выявленных проблем представляется целесообразным: внедрение риск-ориентированного подхода в правовой политике; развитие междисциплинарных исследований в области правового сознания; усиление роли эмпирических методов (социологических опросов, правового мониторинга); формирование цифровых платформ правового просвещения; институционализация механизмов общественного контроля.

Представляется, что благодаря Концепции граждане Казахстана поднимут свою правовую культуру на новый уровень и осознают, насколько важно придерживаться законов. Они начнут осмысленно воспринимать связь между правами и обязанностями личности, а также оценят роль правовых норм в создании стабильности и справедливости в обществе. Важно отметить, что казахстанское общество будет двигаться от поверхностного отношения к правам и законам к более ответственному и осознанному подходу, активно демонстрируя уважение к правам других и соблюдая правопорядок.

Принцип «Закон и Порядок» представляет собой сложный многокомпонентный феномен, сочетающий нормативные, институциональные и социокультурные элементы. Ее реализация в рамках соответствующей Концепции выступает необходимым условием формирования правового государства.

В современных условиях ключевым фактором эффективности реализации Концепции является интеграция традиционных правовых механизмов с инновационными подходами, основанными на цифровых технологиях и эмпирических исследованиях.

Современное состояние развития общественных отношений в Республике Казахстан свидетельствует о переходе к системному внедрению данной идеологии, однако эффективность данного процесса зависит от комплексности подхода, уровня координации и адаптации к современным вызовам.

Таким образом, дальнейшая реализация принципа «Закон и Порядок» должна осуществляться на основе комплексного научного подхода, обеспечивающего синтез теоретических и практических аспектов правового развития.

Список использованных источников:

1. Концепция по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025 – 2030 годы, ут. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 1 апреля 2025 года № 200 // Об утверждении. - Справочная правовая система ЮРИСТ: ТОО «Компания ЮрИнфо». – www.prg.kz (дата обращения: 19.03.2026).
2. Денисенко Марина Владимировна, Турова Виктория Евгеньевна Правовое государство // Социология и право. 2012. №1. С. 99-104 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-gosudarstvo> (дата обращения: 19.03.2026).
3. Никлас Луман От полицейского государства к правовому государству // Социология власти. 2012. №2. С. 227-236 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-politseyskogo-gosudarstva-k-pravovomu-gosudarstvu> (дата обращения: 19.03.2026).
4. Дженкинс Д. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ГРАНИЦЫ ЗАКОНА // Правовая мысль XX века. 2002. №2002. С. 112-121 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-poryadok-i-granitsy-zakona> (дата обращения: 19.03.2026).

УДК 342.417

Мужиченко Александра Владимировна,
аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ ЕДИНСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматривается единство экономического пространства как конституционная ценность и фундаментальный принцип организации национальной экономики в Российской Федерации и Республике Казахстан. На основе анализа обновленного конституционного законодательства двух стран исследуются правовые механизмы, гарантирующие целостность экономической системы. Особое внимание уделяется институциональным средствам защиты единого экономического пространства, включая роль прокуратуры и антимонопольных органов. Автором выявляются общие подходы и специфические проблемы, возникающие при реализации данного принципа в условиях интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и новых конституционных реформ в Казахстане, формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: единство экономического пространства; конституционная ценность; экономический суверенитет; Российская Федерация; Республика Казахстан; новая Конституция; прокурорский надзор; административные барьеры; ЕАЭС; конституционная реформа.

Аннотация. Мақалада экономикалық кеңістіктің бірлігі Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасында конституциялық құндылық және ұлттық экономиканы ұйымдастырудың іргелі қағидаты ретінде қарастырылады. Екі елдің жаңартылған конституциялық заңнамасын талдау негізінде экономикалық жүйенің тұтастығына кепілдік беретін құқықтық тетіктер зерттеледі. Бірыңғай экономикалық кеңістікті қорғаудың институционалдық құралдарына, оның ішінде прокуратура мен монополияға қарсы органдардың рөліне ерекше назар аударылады. Автор ЕАЭО шеңберіндегі интеграциялық процестер және Қазақстандағы жаңа конституциялық реформалар жағдайында осы қағиданы іске асыру кезінде туындайтын ортақ тәсілдер мен нақты мәселелерді анықтайды, құқық қолдану практикасын жетілдіру бойынша ұсыныстарды тұжырымдайды.

Түйінді сөздер: экономикалық кеңістіктің бірлігі; конституциялық құндылық; экономикалық егемендік; Ресей Федерациясы; Қазақстан Республикасы; жаңа Конституция; прокурорлық қадағалау; әкімшілік кедергілер; ЕАЭО; конституциялық реформа.

Abstract. The article considers the unity of the economic space as a constitutional value and a fundamental principle of the national economy organization in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Based on the analysis of the updated constitutional legislation of the two countries, the legal mechanisms guaranteeing the integrity of the economic system are studied. Special attention is paid to institutional means of protecting the unified economic space, including the role of the prosecutor's office and antimonopoly authorities. The author identifies common approaches and specific problems arising in the implementation of this principle in the context of integration processes within the EAEU and new constitutional reforms in Kazakhstan, and formulates proposals for improving law enforcement practice.

Keywords: unity of economic space; constitutional value; economic sovereignty; Russian Federation; Republic of Kazakhstan; new Constitution; prosecutor supervision; administrative barriers; EAEU; constitutional reform.

Единство экономического пространства выступает одной из фундаментальных основ конституционного строя как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан. В условиях глобальной экономической нестабильности, санкционного давления и одновременно углубления евразийской интеграции, обеспечение целостности национального экономического поля приобретает особое значение. Это не техническое условие для свободного перемещения товаров и капитала, а важнейшая гарантия государственного суверенитета, что подтверждается последними конституционными изменениями в обеих странах.

Конституция Российской Федерации (ст. 8, 74) закрепляет базовые принципы: единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, запрет на установление внутренних таможенных границ. Аналогичные положения содержит и Основной закон Республики Казахстан. Новая Конституция Республики Казахстан, принятая 15 марта 2026 года, в ст. 1 провозглашает в качестве одного из основополагающих принципов деятельности Республики «экономическое развитие на благо всего народа». Развивая этот принцип, ст. 6 гарантирует равную защиту государственной и частной собственности, устанавливая, что «собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу». Этот социальный аспект, коррелирующий с положениями ст. 75¹ Конституции Российской Федерации, подчеркивает, что

экономическая свобода не является абсолютной и должна быть сбалансирована публичными интересами.

Вместе с тем реализация конституционного принципа единства экономического пространства на практике сопряжена с определенными сложностями, требующими пристального внимания со стороны научного сообщества и правоприменительных органов. Как в России, так и в Казахстане можно выделить ряд вопросов, нуждающихся в дополнительной проработке в целях формирования более эффективного механизма обеспечения единого рынка. К их числу можно отнести:

1. Административные барьеры регионального уровня.

В правоприменительной практике сохраняются риски принятия региональными и местными органами власти актов, которые могут создавать неравные условия для хозяйствующих субъектов из других регионов. Такие акты зачастую связаны с установлением избыточных требований к перевозчикам, усложнением административных процедур согласования либо с неформальным предоставлением преференций местным производителям, что в конечном итоге может затруднять свободное перемещение товаров и услуг. Как обоснованно отмечает К.А. Писенко, наиболее серьезные угрозы экономической целостности исходят не столько от действий хозяйствующих субъектов, сколько от антиконкурентных актов и действий органов государственной власти и местного самоуправления [1, с. 7]. В.А. Никонов, в свою очередь, обращает внимание на то, что наличие формальных правовых гарантий не всегда достаточно для защиты прав предпринимателей, поскольку на практике органы власти регионального и местного уровней нередко не принимают необходимых мер по созданию благоприятных условий для хозяйственной деятельности [2, с. 112–115].

2. Коллизии между национальным и наднациональным правом ЕАЭС.

Формирование единого рынка Евразийского экономического союза объективно порождает противоречия. Вхождение России и Казахстана в ЕАЭС предполагает передачу части регуляторных функций на наднациональный уровень. Требования национального законодательства (например, обязательное использование систем спутниковой навигации, особые правила сертификации, фискальные меры) могут вступать в конфликт с принципом свободы движения товаров и услуг, создавая скрытые барьеры для добросовестных участников рынка из стран-союзниц. Возникает коллизия: решения Суда ЕАЭС и акты Комиссии требуют имплементации, но не должны подрывать конституционные основы экономической безопасности государства. Генеральная прокуратура Российской Федерации, как показывает практика, уже сегодня обеспечивает доведение правовых позиций Суда ЕАЭС до нижестоящих прокуроров, что способствует унификации правоприменения [3]. Полагаем, что аналогичная практика должна получить развитие и в деятельности прокуратуры Казахстана, что станет важным вкладом в гармонизацию правовых порядков в рамках Союза. В условиях глобализации и усиления интеграционных процессов особое значение приобретает способность государства сохранять регуляторную автономию в экономической сфере, что требует выработки эффективных правовых механизмов, позволяющих сочетать участие в интеграционных объединениях с обеспечением национальных экономических интересов.

3. Институциональные дисбалансы и недостаточная координация.

Эффективность защиты единого экономического пространства зависит от слаженной работы всей системы органов власти: антимонопольной службы, финансовых регуляторов, судов и, в особенности, органов прокуратуры. В этом контексте принципиально важной представляется роль прокуратуры как универсального надзорного органа. Д.В. Кузовкин определяет механизм обеспечения единства экономического пространства как «особое правовое состояние системы экономических отношений, при котором обеспечивается целостность экономики, ее регулирования», подчеркивая, что ключевая роль в его поддержании принадлежит органам, обладающим универсальной компетенцией по надзору за исполнением законов [4, с. 56]. Прокуратура, будучи наделенной полномочиями по оспариванию незаконных нормативных актов и координации контрольно-надзорной деятельности, выступает системообразующим элементом данного механизма.

В России прокуратура, действуя на основании приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 02.06.2021 № 294 [5], выступает ключевым «фильтром», не допуская необоснованного вмешательства в хозяйственную деятельность и оспаривая незаконные правовые акты, нарушающие экономическое единство. Как справедливо отмечается в науке, прокуратура в данном случае выступает активным регулятором правового режима в экономической сфере, обеспечивая верховенство закона [6].

Модель Республики Казахстан, закрепленная в новой Конституции (ст. 83), также наделяет прокуратуру широкими полномочиями. Генеральная прокуратура Республики Казахстан осуществляет «высший надзор за соблюдением законности на территории Республики», представляя

интересы государства в суде. Учитывая, что Указом Президента Республики Казахстан от 17 марта 2026 года № 1206 запущен масштабный процесс приведения всего законодательства в соответствие с новой Конституцией, роль прокурорского надзора в этот переходный период неизмеримо возрастает. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить надзору за законностью регионального нормотворчества, чтобы не допустить фрагментации экономического пространства под видом реализации новых конституционных положений.

Современные вызовы требуют учета еще одного важного фактора – цифровой трансформации экономики. Как отмечается в аналитическом докладе НИУ ВШЭ – Ростелеком «Платформенная экономика в России: потенциал развития», рынок цифровых платформ выполняет ключевые функции, напрямую влияющие на свободу перемещения товаров, услуг и капитала: посредническую, стимулирующую, регулирующую, ценообразующую и информационную [7, с. 27–30]. В этой связи развитие национальных цифровых платформ и создание доверенной цифровой инфраструктуры рассматриваются как важные элементы обеспечения экономического суверенитета, снижающие зависимость от иностранных технологий и укрепляющие устойчивость экономики в условиях внешнего давления.

Таким образом, проблемы реализации конституционной ценности единства экономического пространства требуют комплексных решений. Необходимо дальнейшее совершенствование не только материального законодательства, но и процессуальных механизмов его защиты.

Представляется перспективным:

1. Унификация подходов к определению и пресечению «скрытых» административных барьеров в практике антимонопольных органов и прокуратуры России и Казахстана.
2. Активизация межведомственного взаимодействия, в том числе с использованием цифровых инструментов (по аналогии с Единым реестром контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ) в Российской Федерации), для оперативного выявления актов, нарушающих единство экономического пространства.
3. Развитие в деятельности органов прокуратуры Казахстана практики системного анализа и обобщения решений Суда ЕАЭС для обеспечения единообразного подхода к регулированию трансграничных экономических отношений представляется перспективным направлением, способствующим дальнейшей гармонизации правоприменительной практики в рамках Союза.

Только последовательная реализация этих мер позволит воплотить конституционный принцип единства экономического пространства в реально действующий механизм, обеспечивающий устойчивое развитие и экономический суверенитет обоих государств.

Список использованных источников:

1. Писенко К.А. Конкуренция не имеет абсолютной ценности в самой себе, она оценивается через итоговый результат // Конкуренция и право. – 2021. – № 2. – С. 7.
2. Никонов В.А. Роль прокуратуры в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации и защите прав субъектов предпринимательской деятельности // Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 2 (11). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prokuratury-v-obespechenii-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-i-zaschite-prav-subektov-predprinimatelskoy> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20.12.2024 № 23/2-45-2024 «О судебной проверке соответствия отдельных норм, регламентирующих расчет таможенной стоимости, праву Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кузовкин Д.В. Правовой механизм обеспечения единства экономического пространства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2021. – 198 с.
5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.06.2021 № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Законность. – 2021. – № 7.
6. Обеспечение законности при реализации национальных проектов и работа органов прокуратуры: Колл. монография / Отв. ред. Н.А. Игонина. – М., 2024. – С. 180-182.
7. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г.И. Абдрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 72 с.

Мұрат Еділ Ералыұлы,

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының докторанты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

Куаналиев Ануар Амангельдиевич,

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының аға оқытушысы,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ПАРЛАМЕНТ ДЕМОКРАТИЯЛЫҚ ЖҮЙЕНІҢ НЕГІЗІ: ТАРИХ, ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ПРАКТИКА

Аннотация. Мақала тарих, теория және қазіргі саяси практика объективі арқылы қарастырылатын «Парламентті демократиялық жүйенің іргелі институты ретінде» кешенді зерттеуге арналған. Автор халықтық өкілдіктің алғашқы қоғамдағы пайда болуынан бастап қазіргі уақытта халықтың ерік-жігерін білдірудің негізгі құралы ретінде қалыптасуына дейінгі эволюциясын қадағалайды. Жұмыста Б.Н. Чичерин мен Д. Локктың еңбектерінде көрсетілген билікті берудің теориялық негіздері, сондай-ақ билікті бөлу идеясын жүзеге асырудың үш классикалық формасы талданады: ағылшын, американдық және француз.

Мақалада парламенттердің құрылымдық ұйымына ерекше назар аударылады. Автор бір палаталы және екі палаталы жүйелердің артықшылықтары мен кемшіліктері туралы пікірталасты егжей-тегжейлі қарастырады, бикамерализм федералды мемлекеттер үшін ең органикалық екенін атап өтті. Сонымен қатар, И. Бентамның заң шығарушы органды палаталарға бөлуге қарсы сыни дәлелдері талданады, мысалы, шешім қабылдау процесінің баяулауы және көпшіліктің мүдделеріне нұқсан келтіру мүмкіндігі.

Мақалада сонымен қатар негізгі «Парламенттің функциялары» жүйеленген: заң шығару, бақылау және сыртқы саясат. Өкілді органдардың ішкі құрылымы, оның ішінде тұрақты комитеттер мен депутаттық фракциялардың демократиялық процестегі ролі қарастырылады.

Қазіргі тенденциялар тұрғысынан автор «парламентаризм дағдарысы» туралы мәселені қозғайды және Қазақстанның 2026 жылғы наурызда Парламенттің (Құрылтайдың) бір палаталы формасына көшуін қоса алғанда, халықтық өкілдік жүйесін реформалаудың жаңа тәжірибесін қарастырады. Қорытындылай келе, елдегі демократия деңгейі палаталардың санымен емес, халық өкілдігінің нақты өкілеттіктері мен функцияларымен анықталады деген қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: Парламент; халықтық өкілдік; демократия; парламентаризм; биліктің бөлінуі; бикамерализм (екі палаталы жүйе); бір палаталы жүйе; парламент құрылымы.

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию «парламента как фундаментального института демократического строя», рассматриваемому через призму истории, теории и современной политической практики. Автор прослеживает эволюцию народного представительства от его истоков в первобытном обществе до становления в качестве основного средства волеизъявления народа в Новое время. В работе анализируются теоретические основы делегирования власти, изложенные в трудах Б.Н. Чичерина и Д. Локка, а также три классические формы реализации идеи разделения властей: английская, американская и французская.

Особое внимание в статье уделяется структурной организации парламентов. Автор подробно рассматривает дискуссию о достоинствах и недостатках однопалатной и двухпалатной систем, отмечая, что бикамерализм является наиболее органичным для федеративных государств. В то же время анализируются критические аргументы И. Бентама против разделения законодательного органа на палаты, такие как замедление процесса принятия решений и возможность ущемления интересов большинства.

В статье также систематизированы ключевые «функции парламента»: законотворческая, контрольная и внешнеполитическая. Рассматривается внутренняя структура представительных органов, включая роль постоянных комитетов и депутатских фракций в демократическом процессе.

В контексте современных тенденций автор затрагивает вопрос о «кризисе парламентаризма» и рассматривает новейший опыт реформирования системы народного представительства, включая переход Казахстана к однопалатной форме Парламента (Курултая) в марте 2026 года. В заключении делается вывод о том, что уровень демократии в стране определяется не количеством палат, а реальным объемом полномочий и функций народного представительства.

Ключевые слова: Парламент; народное представительство; демократия; парламентаризм; разделение властей; бикамерализм (двухпалатная система); однопалатная система; структура парламента.

Abstract. This article is devoted to a comprehensive study of «parliament as a fundamental institution of the

democratic system», viewed through the prism of history, theory and modern political practice. The author traces the evolution of popular representation from its origins in primitive society to becoming the main means of expressing the will of the people in Modern times. The paper analyzes the theoretical foundations of delegation of power, outlined in the works of B.N. Chicherin and D. Locke, as well as three classical forms of implementation of the idea of separation of powers: English, American and French.

The article pays special attention to the structural organization of parliaments. The author examines in detail the discussion about the advantages and disadvantages of unicameral and bicameral systems, noting that bicameralism is the most organic for federal states. At the same time, Bentham's critical arguments against dividing the legislature into chambers are analyzed, such as slowing down the decision-making process and the possibility of infringing on the interests of the majority.

The article also systematizes the key «functions of parliament»: legislative, control and foreign policy. The article examines the internal structure of representative bodies, including the role of standing committees and parliamentary factions in the democratic process.

In the context of current trends, the author touches upon the issue of the «crisis of parliamentary» and examines the latest experience in reforming the system of popular representation, including Kazakhstan's transition to a unicameral Parliament (Kurultai) in March 2026. In conclusion, it is concluded that the level of democracy in a country is determined not by the number of chambers, but by the actual scope of powers and functions of the people's representation.

Keywords: Parliament, popular representation, democracy, parliamentary, separation of powers, bicameral system, unicameral system, parliament structure.

Кез-келген мемлекеттің өмірінде парламент үлкен рөл атқарады.

Халықтық өкілдік – мемлекеттік билік пен жергілікті өзін-өзі басқарудың өкілді органдарының жүйесі. Бұл институт алғашқы қоғамда пайда болған, ежелгі уақытта оны аксүйектер, орта ғасырларда таптық-өкілді деп сипаттауға болады және тек Жаңа уақытта ол халықтың ерік-жігерінің құралы ретінде танылды [1].

Билікті өкілді органдарға беру қажеттілігі туралы ертеде орыс заңгері Б.Н. Чичерин айтып өткен. Ежелгі халықтар алаңға жиналып, саяси шешімдер қабылдады. Бірақ бұл кейін мүмкін болмады, өйткені азаматтар көбейіп, өмір сүру үшін жұмыс істеу қажет болатын, ал жиналыстар көп уақыт алатын. Адамдар өзін саяси өмірге берген азаматтардың белгілі бір топтарын анықтап, дауыс беру құқығын біртіндеп сайланбалы принципке ауыстырды. Осы орайда, Чичериннің пікірінше, проблема мәселе туындауы мүмкін, дәлірек айтсақ, адам өз құқықтарын өкілге бере отырып, оның мүдделеріне сәйкес шешім қабылдайды деп болжайды, алайда өкіл тек жеке адамның еркімен ғана санаса алмайды, ол жалпы мемлекет мүддесі үшін әрекет етуі керек, демек бұл құқықтарға нұқсан келтіреді.

Сондықтан, Ұлы француз революциясы либералды идеяларға серпін бергеннен бері Батыс Еуропа халықтары бұл мәселені шешуге, өз мемлекеттерінде халықтық өкілдікке негізделген демократиялық жүйені құруға бел байлаған [2].

Парламентаризмнің классикалық үлгісі болып Ұлыбритания танылады.

Англиядағы Парламенттің тарихы XIII ғасырдан басталады. Ғалымдар бұл көптеген ғасырлар бойы бірқатар елдердің конституциялық дамуының үлгісі және қайнар көзі болды деп санайды. Оның жұмысының көптеген принциптері мен тетіктері басқа мемлекеттердің парламенттеріне негіз болды. «Басқалар үшін заңдар жасай алатын нәрсе олардан жоғары болуы керек. Заң шығарушы билік қоғамда заң шығарушы болып табылады, өйткені ол қоғамның барлық бөліктері мен әрбір мүшесі үшін заң шығаруға құқылы, өйткені заң шығарушы билік қажет болған жағдайда жоғары болуы керек және барлық басқа билік одан туындап, оған бағынады», – деп жазды Д. Локк [3].

Мемлекеттанудағы билікті бөлу идеясының тарихи даму процесінде оны практикалық іске асырудың үш классикалық формасы қалыптасқан: ағылшын (парламенттік), американдық (президенттік), француз (аралас). Бұл формалардың әрқайсысы мемлекеттік заң шығарушы, атқарушы, сот биліктерінің негізгі функцияларын жүзеге асыруда «тежеу» және «тепе-теңдік» жүйесінің белгілі бір дизайнын бекітумен сипатталады.

Өкілді мекемелер заңнамалық және өкілдік функцияларды орындай отырып, бір мезгілде әртүрлі саяси күштердің қақтығысы мен ынтымақтастығының орталығына айналды, саяси элиталарды жұмылдырды, топтық мүдделерді қалыптастырды және саяси шешімдерді ұтымды етуге ықпал етті.

Бүгінгі таңда парламент өкілді мекеменің атауы ретінде дамыған елдердің көпшілігінде қолданылады. Мысалға, АҚШ-та және Латын Америкасының бірқатар елдерінде ол «Конгресс», Швецияда «Риксдаг», Германияда «Бундестаг», Финляндияда «Сейм», Норвегияда «Стортинг», Израильда «Кнессет», Ресейде «Федеральное собрание», Украинада «Верховная рада», Әзірбайжанда «Милли меджлис», Қырғызстанда «Жогорку Кенеш», Тәжікстанда «Маджлиси Оли», Түркменстанда «Милли Генгеш», Абхазияда «Народное Собрание», Беларусьда «Национальное собрание»,

Монғолияда «Хурал», Сербия мен Черногория «Скупщина» деп аталады.

Парламенттердің құрылымы, екі палаталылықтың артықшылықтары мен әсіресе кемшіліктері мәселесіне қызығушылық әрқашан болған. Қазіргі заманғы қызығушылық тек мемлекеттанушылардың еңбектерінде ғана емес, сонымен қатар парламенттер мен олардың палаталарының ынтымақтастығында да көрінеді [4]. Тар мағынада «парламент құрылымы» термині тек парламенттің палаталарға бөлінуін білдіруі мүмкін. Кең мағынада – тек палаталарға ғана емес, Парламент палаталарының құрамдас элементтеріне (комитеттер, комиссиялар, өзге де құрылымдық элементтер) құрылымдау.

Парламенттердің ғасырлар бойғы тарихын талдауға сүйене отырып, барлық парламенттердің құрылымында (кең және тар мағынада) көптеген ұқсас белгілер бар деген қорытынды жасауға болады. Парламент құрылымын тар мағынада қарастыруға тоқтала отырып, парламент әдетте бір палаталы немесе екі палаталы болып табылатындығын атап өткен жөн. Кейде палаталар көп болуы мүмкін. Мысалы, 1983 жылғы Оңтүстік Африка Конституциясы үш палаталы парламенттің болуын қарастырған [5].

1974 жылғы Югославия Конституциясы бойынша республикалар мен автономиялық аймақтардың «Скупщиналары» үш палаталы құрылымға ие болды [6]. Бірақ бұл қазіргі ережелерден ерекшеленеді. Жалпы пікірлер бойынша, екі палаталы парламенттің болуы федералды мемлекеттерге негізделген, онда бір палата мемлекеттің бүкіл халқының өкілдігі негізінде құрылады, ал басқа палатада федерацияның жекелеген субъектілері ұсынылады.

Екінші палатаның орындылығы туралы айта отырып, әйгілі француз мемлекеттанушысы Марсель Прело бикамералды құрылғының тек федеративті мемлекеттерде табиғи негізі бар екенін атап өтті. Бұл дизайн қазіргі федерациялардың конституциялық дәстүрлеріне сәйкес келеді. «Федералды мемлекетте – екі палаталы жүйе артық емес, өйткені бір палаталы жүйесі бар федералды құрылғыда парламент аумақтық бірліктердің өкілі ретінде қарастырылады және орталықтан «тепкіш» күштердің элементтерінің бірі болып табылады» – деп атап өткен бельгиялық профессор А. Ален.

Кейбір елдерде екінші палатаны сақтау дәстүрге құрмет, ал кейбіреулерінде екінші палата трансформация жолындағы қосымша немесе тежегіш болып табылады (саяси режимге байланысты). Кейде жекелеген унитарлық мемлекеттерде (Франция, Италия, Испания) екінші палата әкімшілік-аумақтық бірліктерде тұратын аумақтық ұжымдардың өкілдік органы ретінде құрылады. Олар мұндай мемлекеттерде парламенттердің жоғарғы палаталарын сақтау қажеттілігін түсіндіруге тырысады. Унитарлық және федеративті мемлекет арасындағы аралық форма ретінде қарастырылатын регионалистік мемлекеттерде (Испания, Италия) федерацияның мұндай «тәжірибесін алу» белгілі бір дәрежеде негізделген. Алайда, тұтастай алғанда, парламент құрылымы федерацияларға тән белгілерді унитарлы мемлекеттермен көшіру дұрыс емес.

Парламенттер құрылымының тарихи дамуын талдау бір палаталы парламент экономикалық немесе саяси тұрақсыз, өтпелі кезеңдердегі мемлекеттерге тән деген ой тудырады.

Француз парламентінің тарихының мысалында заң шығарушы органның бір палаталы құрылғысы негізінен революциялық кезеңдерге тән екендігі айқын көрінеді, ал эволюциялық даму дәуірі екі палаталы құрылымға оралуымен ерекшеленеді [7].

Екі палаталық туралы байыпты талдау ағылшын философы И. Бентамның еңбектерінде көрініс тапқан, онда бикамерализмнің артықшылықтары ғана емес, кемшіліктері де қарастырған. Онда, біріншіден, екі палаталы ұйымда азшылық көпшілік сияқты мағынаға ие болуы мүмкін деп есептеді, өйткені бірінші палатада бірауыздан қабылданған мәселені екінші палатадағы көпшілігі бір дауыстан қабылдамауы мүмкін. Екіншіден, мұндай бөлу палаталардың құрамына байланысты екі түрлі бағыттың пайда болуына ықпал етеді. Үшіншіден, әрбір палата бірлескен отырыста мәлім болатын ақпараттар мен мәліметтерден бейхабар болуы мүмкін. Төртіншіден, палаталарға бөліну сөзсіз шешім қабылдауды баяулатады.

Сондай-ақ, екі палаталы парламент саясатты анықтау процесіне қол жеткізуді шектеуі мүмкін, себебі заңнамалық актілерді түпкілікті әзірлеу біріккен комитеттердің қолында болады. Алайда, бикамерализмді жақтаушылар екі палаталы легислатура жоғары сапалы заңнаманың, үлкен өкілдіктің және пікірлердің плюрализмін қамтамасыз етудің кепілі деп санайды [8].

Айта кету керек, теория жоғарғы палаталардың әлсіз, күшті және аралас жүйелерді айқындайды. Бұдан бөлек, кейбір авторлар жоғарғы палаталарға қатысты келесідей тұжырымдайды: «жоғарғы палатаны құру тәртібі неғұрлым демократиялық емес болса, соғұрлым әлсіз болады. АҚШ, Ұлыбритания, Италия, Франция тәжірибесі мұны растайды» [9].

Ұлттық парламенттерді құру жөніндегі шетелдік тәжірибені салыстырмалы талдау осы мәселені шешуді анықтайтын тәсілдер мен факторлардың алуан түрлілігімен конституционализм

дамуының жалпы векторына тән бірқатар тұрақты тенденциялар мен заңдылықтарды бөліп көрсетуге болатындығын көрсетеді.

Әлемнің барлық парламенттері, бір және екі палаталы болсын бірқатар маңызды функцияларды орындайды. Олар заңдар әзірлейді және қабылдайды. Әр елдерде заң шығару салалары мүлдем сәйкес келмеуі мүмкін. Алайда, саяси-құқықтық жүйелердің басым көпшілігінде тек жалпы ұлттық заңдар бюджет мәселелерін, соның ішінде тапшылық пен эмиссияның шекті мөлшерін, салықтардың түрлері мен мөлшерін, ақша-несие, қаржы және кеден саясатының негіздерін, азаматтығын, этникалық азшылықтардың мәртебесін және басқа да негізгі мәселелерді реттейді.

Парламенттер үкіметтердің қызметіне бақылауды жүзеге асырады. Бақылау функциясы парламенттің халықтық өкілдік органы ретіндегі табиғатынан туындайды. Парламент, үкіметпен бюджеттің және нақты даму бағдарламаларының орындалуын бақылай отырып, азаматтардың ойларын мемлекет өмірінің барлық салаларында тікелей басқаруды жүзеге асыратын атқарушы билікке жанама түрде жеткізіп отырады.

Парламент сыртқы саясаттың негіздерін айқындайды, халықаралық және мемлекетаралық келісімдерді ратификациялайды және күшін жояды. Блоктар мен одақтарға кіру және шығу мәселелерін шешеді. Басқа мемлекеттермен шарттарды қабылдау және жою, сыртқы қарыздар алу және беру, соғыс және бейбітшілік мәселелері — демократиялық саяси режимі бар кез келген елдегі міндетті түрде парламенттік қарауды және өкілді органның тиісті шешімдер қабылдауын талап етеді.

Парламенттер мен олардың палаталары, парламенттің жалпы отырыстарында оларды кейіннен қабылдау үшін заң жобаларын дайындауды және пысықтауды жүргізетін және саласы комитеттің бейініне сәйкес келетін шенеуніктерді тыңдай отырып, бақылау функцияларын жүзеге асыратын тұрақты комитеттерден (комиссиялардан) тұрады. Әдетте комитеттер бюджет, халықаралық істер және басқалардан тұрады.

Демократиялық саяси режимі бар елдер парламенттерінің құрылымдарында басты орынды депутаттық фракциялар алады. Фракция депутаттарды партиялық немесе идеологиялық негізде біріктіреді. Әлемнің әртүрлі парламенттеріндегі фракциялардың орны мен рөлі әртүрлі және қоғамдық сана деңгейіне, партиялық тәртіпке және т.б. байланысты.

Қазіргі таңда «парламентаризм дағдарысы», үкіметтердің рөлінің артуы туралы ойлар таралуда. Алайда, парламент құндылық бағдарлары, күнделікті мүдделер, халықтың әр түрлі топтарының және жалпы халықтың ұмтылысы әлеуметтік процестерді реттеудің негіздерін белгілейтін заңдар түрінде нақты жағдайға сәйкес келетін жалғыз орган болып табылады және болып қала береді деген пікірдемін.

Осылайша, қазіргі әлемде парламенттік билік институтын таратудың тұрақты тенденциясы бар екенін байқауға болады. Бұл ретте бір палаталы заң шығарушы органдарға артықшылық беріледі. Сонымен қатар, парламенттің бір немесе екі палатасының болуы елде тоталитарлық немесе демократиялық режимнің бар екендігінің білдірмейді. Парламенттің, оның палаталарының, депутаттық комитеттердің, комиссиялардың, топтардың, фракциялардың функцияларын, халық сайлаушыларының құқықтары мен өкілеттіктерін талдағаннан кейін ғана белгілі бір елдегі демократия дәрежесі туралы айтуға болады.

Сондықтан, 2026 жылғы 15 наурызда біздің еліміз референдум өткізді, оның нәтижелері бойынша халық жаңа Конституция жобасын қолдады және Қазақстан Парламентінің (Құрылтайдың) бір палаталы нысанына көшті [10].

Қазақстан республикасының заңнамасына сәйкес барлық заңдар мен нормативтік құқықтық актілер Конституцияға, яғни оның нормаларына сәйкес болуы тиіс.

Осы орайда, ендігі кезекте елімізде бір қатар көптеген заңдар мен ведомстволық құжаттарды Конституцияға сәйкестендіру, өзгерістер мен толықтырулар енгізу немесе олардың мүлдем жаңа нұсқасын жасау қажет.

Мысалыға, Құрылтайға қатысты келетін болсақ, олар «Қазақстан Республикасының Парламенті және оның депутаттарының мәртебесі туралы» Конституциялық заңы, «Қазақстан Республикасы Парламентінің комитеттері мен комиссиялары туралы» Заңы, «Қазақстан Республикасындағы сайлау туралы» Заңы, «Қазақстан Республикасы Парламентінің Регламенті туралы» Парламенттің қаулысы және т.б.

Парламенттік билік институты демократияның қалыптасуы мен дамуының басты шарттарының бірі болып табылатыны сөзсіз. Бұл ұстанымға басты назарды Т.Я. Хабриева да аударған: «Парламентаризмнің басты критеріі, оның басқа мемлекеттік жүйенің кез келген түрінен айырмашылығы – парламенттің үстемдігі. Парламенттің үстемдігі кезінде ғана парламентаризм болуы мүмкін» [11].

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Г.Д. Садовникова Народное представительство в современной России: анахронизм или перспективное направление развития демократии? // Государство и право. 2009. №12. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://elibrary.ru/query_results.asp (жүгінген күні: 07.03.2026).
2. Б.Н. Чичерин О народном представительстве. // И.Д. Сытин Серіктестігінің баспаханасы, 1899. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.prilib.ru/item/431530> (жүгінген күні: 07.03.2026).
3. Д. Локк. Сочинения. // Мысль басылымы, 1988. [Электрондық ресурс] Айналыс режимі: https://www.academia.edu/35038013/%D0%9B%D0%BE%D0%BA%D0%BA_%D0%94%D0%B6_%D0%A1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_3_%D1%85_%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%85_%D1%82_3_%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B5_%D1%82_103 (жүгінген күні: 07.03.2026).
4. А.В. Бутаков Метод нормативного структуриализма в теории государства. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.prilib.ru/item/343449> (жүгінген күні: 07.03.2026).
5. Оңтүстік Африка Республикасының Конституциясы. [Электрондық ресурс] Айналыс режимі - <https://www.gov.za/documents/republic-south-africa-constitution-act-110-1983> (жүгінген күні: 07.03.2026).
6. Е.Ю. Гуськова История югославского кризиса (1990—2000) // Русский национальный фонд. 2001. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (жүгінген күні: 07.03.2026).
7. П.А. Федосов Двухпалатные парламенты: европейский и отечественный опыт // Полис басылымы. 2001. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.hse.ru/data/2012/06/17/1255492927/%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%20%D0%9F.%D0%90.%20%D0%94%D0%B2%D1%83%D1%85%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B_%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%20%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D0%BF%D1%8B%D1%82.pdf (жүгінген күні: 07.03.2026).
8. Mastlas J., Grange L. (eds). Les secondes chambres du parlement en Europe occidentale. 1987. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: [https://www.google.kz/books/edition/Les_secondes_chambres_du_Parlement_en_Eu/uTEAEQAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=Mastlas+J.,+Grange+L+\(eds\).+Les+secondes+chambres+du+parlement+en+Europe+occidentale.+P.,+1987.&printsec=frontcover](https://www.google.kz/books/edition/Les_secondes_chambres_du_Parlement_en_Eu/uTEAEQAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=Mastlas+J.,+Grange+L+(eds).+Les+secondes+chambres+du+parlement+en+Europe+occidentale.+P.,+1987.&printsec=frontcover) (жүгінген күні: 07.03.2026).
9. А.А. Мишин Конституционное (государственное) право зарубежных стран. 1995. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://romanpirogov1.narod.ru/olderfiles/1/KPZS_Mishin.pdf (жүгінген күні: 07.03.2026).
10. Конституция Республики Казахстан. [Электронный ресурс] Режим доступа - <https://adilet.zan.kz/rus/search/docs/va=%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A1> (дата обращения: 01.04.2026).
11. Т.Я. Хабриева Парламентское право России. 2013. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <http://duma.gov.ru/media/files/xnYIPYAAIzWWEtBAZ95VGdWYvBaOVYbW.pdf> (жүгінген күні: 07.03.2026).

УДК 4414

Орифжонов Достонжон Рустамович,
докторант Правоохранительной академии Республики Узбекистан,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭТАПА ДОКТРИНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. В статье анализируется развитие прав человека, их формирование в три этапа и закрепление в международных актах. Рассматриваются различия между естественными и позитивными правами, а также взаимосвязь гражданских, политических, социально-экономических и культурных прав. На примере Конституции и законодательства Узбекистана изучается адаптация международных стандартов к национальной правовой системе.

Ключевые слова: права человека, естественные права, позитивные права, гражданские и политические права, социально-экономические права, Конституция Узбекистана.

Аннотация. Мақалада адам ҳуқуқтарынинг дамуы, олардың үш кезеңде қалыптасуы және халықаралық актілерде бекітілуі талданған. Табиғи және позитивті ҳуқуқтардың айырмашылықтары, сондай-ақ азаматтық, саяси, әлеуметтік-экономикалық және мәдени ҳуқуқтардың өзара байланысы қарастырылады. Өзбекстан Конституциясы мен заңнамасы мысалында халықаралық стандарттардың ұлттық ҳуқықтық жүйеге бейімделуі зерттелуде.

Түйінді сөздер: адам ҳуқықтары, табиғи ҳуқықтар, позитив ҳуқықтар, азаматтық және саяси ҳуқықтар, әлеуметтік-экономикалық ҳуқықтар, Өзбекстан Конституциясы.

Abstract. This article examines the development of human rights, their formation in three stages, and their consolidation in international legal instruments. It discusses the distinction between natural and positive rights, as well as the interrelation of civil, political, socio-economic, and cultural rights. The paper also explores the adaptation of international human rights standards to the national legal system using the Constitution and legislation of Uzbekistan as an example.

Keywords: human rights, natural rights, positive rights, civil and political rights, socio-economic rights, Constitution of Uzbekistan.

Права человека являются одной из центральных ценностей человеческой цивилизации, и их формирование и развитие является результатом длительного исторического процесса. Если на начальном этапе, начиная с Французской декларации прав человека и гражданина, в основном признавались личные и политические права, то Всеобщая декларация прав человека и международные пакты, принятые в XX веке, закрепили человеческое достоинство как общечеловеческий критерий. На последующих этапах особую актуальность приобретают социальные, экономические и культурные права, а также коллективные и права нового поколения (информационная безопасность, экологическая безопасность, защита от биотехнологий и т.д.). В данном исследовании анализируется историческая эволюция системы прав человека, их классификация как естественных и позитивных прав, а также интеграция международных стандартов в национальное законодательство Узбекистана.

В исследовании для изучения вопроса прав человека используются сравнительно-правовой, историко-правовой, системно-аналитический и догматический методы. Сравнительно-правовой подход позволяет сравнивать нормы национальной правовой системы с международными документами, включая Всеобщую декларацию прав человека и международные пакты 1966 года. Историко-правовой метод служит для выявления эволюции концепции прав человека на трех основных этапах. С помощью системно-аналитического подхода выявляется внутренняя связь между естественными и позитивными правами, личными, политическими, социально-экономическими и культурными правами. Кроме того, посредством нормативно-правового анализа будут изучены гарантии прав человека в Конституции и национальном законодательстве Узбекистана, а также деятельность института омбудсмена.

Историю становления и развития прав человека принято условно делить на три крупных периода, каждый из которых связан с определённым этапом общественно-исторического развития и эволюцией правовой мысли.

Первый этап начинается в 1789 году с принятия Французской декларации прав человека и гражданина. Именно в этот период впервые на нормативном уровне были чётко сформулированы и провозглашены личные (гражданские) и политические права, такие как право на свободу, неприкосновенность личности, свободу слова, совести, участие в управлении государством. Эти права

рассматривались как естественные и неотчуждаемые, принадлежащие человеку от рождения и подлежащие защите от произвола государства.

Второй этап связан с XX веком и, прежде всего, с последствиями Второй мировой войны. Кульминацией этого периода стало принятие в 1948 году Всеобщей декларации прав человека, которая придала правам человека универсальный и международный характер. Права человека были признаны не только внутренним делом конкретного государства, но и предметом заботы международного сообщества. Под воздействием социалистических идей и борьбы трудящихся существенно расширилось содержание прав человека: наряду с гражданскими и политическими правами широкое признание получили социальные, экономические и культурные права (право на труд, социальное обеспечение, образование, участие в культурной жизни и др.).

Таким образом, была сформирована более комплексная система прав, охватывающая как свободы от вмешательства государства, так и права, требующие его активной социальной политики.

Третий этап, который начинается с середины XX века и продолжается в наши дни, характеризуется появлением новых форм и поколений прав, отражающих усложнение общественных отношений и усиление глобальных проблем. Речь идёт о так называемых *«коллективных»* или *«солидарных»* правах: праве народов на самоопределение, праве на мир, на развитие, на благоприятную окружающую среду, на доступ к общему наследию человечества, а также о правах, связанных с информационной безопасностью, биомедициной и новыми технологиями. Эти права во многом обусловлены глобализацией, научно-техническим прогрессом и транснациональными вызовами, которые невозможно решить усилиями одного государства. В результате концепция прав человека стала более многомерной, охватывая не только индивидуальные свободы, но и коллективные интересы человечества в целом [1].

Современное развитие прав человека связано с появлением новых поколений прав, вызванных глобализацией и технологическим прогрессом. Достижения в IT, медицине и генетике требуют пересмотра подходов к защите личности.

По мнению Ф.М. Рудинского, новое поколение прав направлено на защиту от угроз, связанных с генетическими исследованиями и биотехнологиями, включая клонирование [2]. А.Б. Венгеров выделяет «права четвёртого поколения»: право на мир, ядерную безопасность, защиту окружающей среды, освоение космоса и информационную безопасность [3]. Несмотря на разные подходы, все концепции подчеркивают необходимость правового регулирования новых вызовов, в духе идеи Монтескье о свободе как действии в рамках закона [4].

Таким образом, права человека — это универсальные свободы и гарантии, принадлежащие каждому с рождения, вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, вероисповедания или статуса.

Международная система защиты прав человека претерпела значительные изменения и ускоренное развитие после окончания Второй мировой войны. Одним из ключевых шагов в этом процессе стало создание Организации Объединённых Наций (ООН) в 1945 году, в рамках которой права человека были официально признаны основным приоритетом. Это стало основой для дальнейших усилий по выработке универсальных стандартов, направленных на защиту прав и свобод всех людей, независимо от их происхождения, национальности или вероисповедания.

Важнейшим этапом в формировании международной системы прав человека стало принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 году [5]. Этот документ стал первым всеобъемлющим международным актом, который закрепил основные права и свободы человека, такие как право на жизнь, свободу и безопасность, право на равенство перед законом и право на свободу выражения мнений. Декларация установила универсальные принципы, утверждая, что достоинство личности является основой свободы, справедливости и мира в мире.

Значительным шагом вперёд стали два Международных пакта, принятых в 1966 году и вступивших в силу в 1976 году. Эти пакты стали правовыми инструментами, которые обязуют государства-участников соблюдать права, закреплённые в Декларации, а также учитывать их при разработке внутреннего законодательства. Один из пактов касался гражданских и политических прав, а другой — экономических, социальных и культурных прав. Таким образом, эти документы расширили международные обязательства в области прав человека, привлекая внимание к необходимости балансировать свободы личности с социальной справедливостью и экономическим развитием.

В результате этих усилий был создан так называемый «международный билль о правах человека», который стал основой для многочисленных национальных и международных правовых актов и соглашений. В целом, все эти шаги подтвердили важность защиты прав человека как ключевого элемента современного международного права и укрепили его значение в глобальной политике, а затем

— два Международных пакта, принятые в 1966 году и вступившие в силу 1976 году [6]. Эти документы закрепили универсальные принципы, утвердив достоинство личности как основу свободы, справедливости и мира.

Таким образом, XXI веке институт прав человека получил безоговорочное признание. Современное общество рассматривает их как высшую ценность, неразрывно связанную с самой человеческой сущностью [7].

Права человека являются неотъемлемыми и взаимосвязанными, что подчеркивает их целостность и неделимость, поскольку нарушение одного права неизбежно затрагивает другие. Их нельзя ограничивать по признаку расы, пола, языка или других характеристик. Нарушение одного права затрагивает другие, а равенство и недискриминация — ключевые принципы их обеспечения [8].

Защита прав человека является неотъемлемым элементом правового государства, включающим международные и национальные механизмы обеспечения справедливости, равенства и защиты личности от незаконных действий.

Национальное право играет решающую роль в реализации международных стандартов в сфере прав человека, поскольку именно через внутреннюю правовую систему обеспечивается их практическое применение и защита. Международные договоры и декларации сами по себе не могут быть эффективными без их имплементации в национальное законодательство, разработки соответствующих процедур, институтов и механизмов контроля.

В Республике Узбекистан такая имплементация находит своё выражение, прежде всего, в Конституции, где в отдельной главе X закреплены основные права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также определены гарантии их соблюдения [10]. Важным звеном в системе защиты прав человека выступает институт Уполномоченного Олий Мажлиса по правам человека (Омбудсмана) [11], который рассматривает обращения граждан, выявляет системные нарушения, вносит рекомендации государственным органам и тем самым способствует укреплению законности. Функционирование этих конституционных и институциональных механизмов отражает стремление Узбекистана к обеспечению справедливости, недопущению произвола и утверждению принципа верховенства закона в государственном и общественном управлении.

Эти усилия, направленные на защиту прав человека, укрепляют внутренние правовые механизмы и способствуют созданию эффективной системы правосудия, сочетающей как международные, так и национальные гарантии прав человека.

Таким образом, интеграция международных стандартов в правовую систему страны способствует укреплению защиты прав человека на конституционном уровне. Подписание и ратификация международных соглашений подтверждают приверженность Узбекистана принципам справедливости, равенства и правосудия.

Права человека делятся на *естественные и позитивные*. Естественные, как право на жизнь (ст. 25 Конституции Узбекистана), требуют невмешательства. Позитивные, например право на социальную защиту (ст. 46), предполагают активную роль государства. Гражданские и политические права относятся к первой группе, а социальные, экономические и культурные — ко второй [12]. Позитивные права, такие как право на социальную защиту, требуют активного вмешательства государства для обеспечения их реализации, в отличие от естественных прав, которые существуют независимо от действий государства.

Национальные исследователи активно поддерживают изучение классификации прав, закреплённых в Конституции Республики Узбекистан, подчёркивая их ключевую роль в формировании устойчивого и справедливого правового порядка. По их мнению, каждый вид прав и свобод, предусмотренный Основным Законом, выполняет уникальную и важную роль в развитии демократического общества и укреплении правового государства.

Эти права, как гражданские, так и экономические, социальные и культурные, создают фундамент для обеспечения достоинства личности и свободной реализации человеческого потенциала. Их защита и эффективное применение способствуют не только поддержанию правопорядка, но и стимулируют развитие гражданского общества, что, в свою очередь, укрепляет доверие граждан к государственным институтам и способствует реализации принципов справедливости и равенства.

Исследователи отмечают, что классификация прав важна для правового государства. Академик А.Х. Саидов подчёркивает, что Конституция Узбекистана сочетает личные и общественные интересы, обеспечивая баланс между индивидуальными правами и коллективными ценностями [13].

В теории конституционного и международного права прав человека традиционно подразделяются на три основные группы, каждая из которых отражает определённую сферу жизнедеятельности человека и общества.

К первой группе относятся личные (гражданские) права, к числу которых принадлежат право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной и семейной жизни, честь и достоинство, тайну переписки и иные фундаментальные свободы. Эти права образуют базис правового общества, так как направлены на защиту человека от произвольного вмешательства со стороны государства и третьих лиц.

Вторую группу составляют политические права, включающие, в частности, право участвовать в выборах и быть избранным, право на участие в референдумах, свободу собраний, митингов и демонстраций, а также право на объединение в политические партии и общественные организации. Данные права обеспечивают участие граждан в управлении государством и выражают сущность демократического строя, позволяя обществу влиять на принятие публично-властных решений.

К третьей группе относятся социально-экономические права, среди которых выделяются право на труд и справедливые условия труда, право на социальное обеспечение, право на образование, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также право на достойный жизненный уровень. Эти права предполагают активную роль государства в создании соответствующих социальных, экономических и институциональных условий, направленных на обеспечение благосостояния и социальной защиты личности. В совокупности три группы прав образуют целостную систему, в которой каждое право взаимосвязано с другими и не может быть реализовано изолированно [14].

Практическая деятельность органов прокуратуры Республики Узбекистан направлена на обеспечение законности, защиту прав и свобод граждан, а также предупреждение правонарушений.

В частности, прокуратура рассматривает обращения граждан, принимает меры по восстановлению нарушенных прав, вносит представления об устранении нарушений закона, отменяет незаконные акты государственных органов, а также инициирует привлечение виновных лиц к ответственности.

По данным органов прокуратуры, в 2024 году было проведено 5409 проверок соблюдения законодательства. По результатам данных проверок применено 55 858 мер прокурорского реагирования, восстановлены права 176 617 человек, а к различным видам ответственности привлечены 16 736 лиц.

В органы прокуратуры поступило 80 530 обращений граждан и организаций, из которых удовлетворены 20 638. В результате принятых мер были восстановлены права 11 716 заявителей, включая 866 юридических лиц [15].

В современном мире защита прав человека остаётся одной из ключевых обязанностей государств, закреплённой в международном праве. Тем не менее, на практике продолжают множиться нарушения прав человека, которые совершаются не только государственными органами, но и частными лицами, корпорациями, а также преступными и террористическими группировками. Нарушения прав человека наблюдаются также на уровне международных структур. Эти факты свидетельствуют о сложности обеспечения реального соблюдения прав человека, несмотря на существование международных стандартов и обязательств, направленных на их защиту.

Указанные статистические данные свидетельствуют о значительной роли прокуратуры в обеспечении защиты прав граждан и поддержании законности.

Развитие современных технологий, в особенности систем искусственного интеллекта, создаёт не только новые возможности для прогресса, но и серьёзные риски для реализации социально-экономических прав человека. Широкое внедрение автоматизации и цифровых решений в промышленность, услуги и сферу управления приводит к сокращению традиционных рабочих мест, вытеснению работников из привычных профессий и углублению социального неравенства. В результате под угрозу ставятся такие фундаментальные права, как право на труд, на справедливые и благоприятные условия труда, на социальную защиту и достойный жизненный уровень. Эти тенденции требуют выработки новых подходов к обеспечению прав человека: совершенствования трудового законодательства, развития систем переквалификации и обучения в течение всей жизни, усиления социальных гарантий, а также формирования международных и национальных стандартов этичного применения искусственного интеллекта [16].

Подводя итог, можно констатировать, что в XXI веке права человека окончательно утвердились как одна из ключевых и неотъемлемых ценностей современного общества, требующая всесторонней и, прежде всего, международной защиты. Их нынешнее понимание является результатом длительного и сложного исторического процесса, связанного с революциями, войнами, социальными конфликтами и глобальными кризисами, которые наглядно продемонстрировали необходимость правового закрепления и реальной защиты достоинства, свобод и прав каждого человека. Именно этот

исторический опыт обосновывает приоритет прав человека в национальной и международной правовой политике и определяет дальнейшие направления развития правозащитных механизмов.

Список использованных источников:

1. А. Гафуров, А. Муминов, М. Тиллабаенов. Права человека. Учебное пособие. – Т.: “Baktria Press”, 2012. – С. 19–20.
2. Рудинский Ф.М. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы//Право и жизнь. 2000. №31
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник. – М., 2004
4. Монтескьё, Шарль Луи де // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Монтескьё,_Шарль_Луи_де (дата обращения: 22.12.2025).
5. Всеобщая декларация прав человека // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 22.12.2025).
6. Конвенция и соглашение // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 22.12.2025).
7. Федорченко Д. В. Генезис прав человека в аспекте развития социально-экономических прав человека //Вопросы российской юстиции. – 2021. – №. 16. – С. 130-140.
8. Инсон ҳуқуқлари бўйича Ўзбекистон Республикаси Миллий Маркази // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nhrc.uz/uz/menu/chto-takoe-prava-cheloveka> (дата обращения: 22.12.2025).
9. Конституция Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства, 01.05.2023 г., № 03/23/837/0241 // Электронный ресурс: <https://lex.uz/docs/6445147> (дата обращения: 22.12.2025).
10. Закон Республики Узбекистан по правам человека (омбудсмане) // Национальная база данных законодательства, 18.11.2024 г., № 03/24/1002/0936 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/7223295> (дата обращения: 22.12.2025).
11. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. – Инфра –М, –2008.
12. Саидов М.А., Саидова Д. Н. Развитие высших учебных заведений-гарантия прогресса общества и повышения конкурентоспособности национальной экономики //Вестник науки и образования. – 2020. – №. 3-3 (81). – С. 16-22.
13. Борисенко Е.А. Прокурорский надзор за соблюдением, Учебное пособие, – РФ., 2020 – 152 с. // Сухарева А.Я. Прокурорский надзор: учебник, –4-е изд., перераб. и доп. –М.: –2019. –С. 200.
14. Инсон ҳуқуқлари: асосий омиллар ва прокуратура органлари фаолиятидаги ўрни. Қўлланма. – Т.: нашриёт номи, – 2024. – Б.9.
15. Генеральная прокуратура Республики Узбекистан.

УДК 343-851

Сабиева Мира Муратовна,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. Изучая природу всех государственных начинаний в рамках официальных документов, в данной работе представлен криминологический анализ отдельных рисков, обусловленных коррупционными проявлениями при реализации национальных проектов в Республике Казахстан. Автором предложена инновационная модель цифровой платформы, основанная на интеграции современных информационно-коммуникационных технологий. В исследовании особое внимание уделяется функциональной роли интеллектуальных систем видеонаблюдения в предупреждении нелегальной миграции в рамках теневой занятости. Их применение рассматривается не только в контексте выявления схем, используемых подрядными организациями для минимизации затрат на строительство посредством привлечения дешёвой нелегальной рабочей силы, но и в более широком контексте обеспечения национальной безопасности, включая её экономический аспект. В научной статье обосновывается целесообразность создания единого цифрового портала государственных инициатив, обеспечивающего прозрачность реализации национальных проектов. Рассматриваются возможности интеграции механизмов гражданского участия, применения интеллектуальной системы мониторинга строительно-ремонтных работ, а также внедрения маркированного цифрового бюджетного тенге (тенге - национальная валюта Республики Казахстан) в процессе финансирования национальных проектов Республики Казахстан.

Ключевые слова: национальные проекты; хищения; Послание народу.

Аннотация. Ресми құжаттар шеңберінде барлық мемлекеттік бастамалардың табиғатын зерделей отырып, бұл жұмыста Қазақстан Республикасында ұлттық жобаларды іске асыру кезінде сыбайлас жемқорлық көріністеріне байланысты жекелеген тәуекелдерге криминологиялық талдау ұсынылған. Автор заманауи ақпараттық-коммуникациялық технологияларды интеграциялауға негізделген цифрлық платформаның инновациялық моделін ұсынды. Зерттеу көлеңкелі жұмыспен қамту шеңберінде заңсыз көпші-қонның алдын алуғағы интеллектуалды бейнебақылау жүйелерінің функционалдық рөліне ерекше назар аударады. Оларды қолдану арзан заңсыз жұмыс күшін тарту арқылы құрылыс шығындарын азайту үшін мердігерлік ұйымдар қолданатын схемаларды анықтау контекстінде ғана емес, сонымен қатар ұлттық қауіпсіздікті, оның экономикалық аспектісін қоса алғанда, кеңірек контекстте қарастырылады. Ғылыми мақалада ұлттық жобаларды іске асырудың ашықтығын қамтамасыз ететін мемлекеттік бастамалардың бірыңғай цифрлық порталын құрудың орындылығы негізделеді. Азаматтық қатысу тетіктерін интеграциялау, құрылыс-жөндеу жұмыстарына мониторингтің зияткерлік жүйесін қолдану, сондай - ақ Қазақстан Республикасының Ұлттық жобаларын қаржыландыру процесінде таңбаланған цифрлық бюджеттік теңгені (теңге-Қазақстан Республикасының ұлттық валютасы) енгізу мүмкіндіктері қаралады.

Түйінді сөздер: ұлттық жобалар; жымқыру; халыққа жолдау.

Abstract. Studying the nature of all government initiatives within the framework of official documents, this paper presents a criminological analysis of individual risks caused by corruption in the implementation of national projects in the Republic of Kazakhstan. The author proposes an innovative digital platform model based on the integration of modern information and communication technologies. The study focuses on the functional role of intelligent video surveillance systems in preventing illegal migration within the framework of shadow employment. Their application is considered not only in the context of identifying schemes used by contractors to minimize construction costs by attracting cheap illegal labor, but also in the broader context of ensuring national security, including its economic aspect. The scientific article substantiates the expediency of creating a single digital portal of government initiatives that ensures transparency in the implementation of national projects. The possibilities of integrating mechanisms of civic participation, the use of an intelligent monitoring system for construction and repair work, as well as the introduction of a marked digital budget tenge (tenge - the national currency of the Republic of Kazakhstan) in the process of financing national projects of the Republic of Kazakhstan are being considered.

Keywords: national projects; embezzlement; Message to the people.

Любая инициатива в области государственного управления требует системного подхода к анализу и формализации официальных видов документов. Процесс документопроизводства в государственном контексте представляет собой многогранный и многоступенчатый механизм, включающий несколько ключевых компонентов: концептуальную идею, назначение уполномоченного исполнителя и определение источников финансирования. На первой стадии «идея» обретает форму

стратегического плана и концептуальных документов с четко установленными сроками реализации. Следующий этап включает разработку государственных программ, направленных на решение функциональных или структурных проблем в различных отраслях. Важнейший аспект заключается в том, что такие программы могут стать частью более масштабных, долгосрочных инициатив, именуемых национальными проектами.

Высшей формой стратегического государственного планирования выступают долгосрочные стратегии развития, ориентированные на значительный временной горизонт. Подобные документы формируют базовые ориентиры государственной политики и определяют направления социально-экономического развития страны на десятилетия вперед. Их значение заключается не только в постановке приоритетных целей, но и в формировании институциональной основы функционирования системы государственного управления. Стратегия в данном контексте выступает ключевым инструментом координации государственной политики, задающим долгосрочные ориентиры для разработки иных программных документов, государственных программ и проектов. Именно она обеспечивает согласованность управленческих решений и их направленность на достижение задач национального масштаба.

Концепция представляет собой документ, разрабатываемый для среднесрочного и долгосрочного периодов и определяющий стратегическое развитие страны и её государственного управления. Утверждается данный документ указом президента. Контроль за исполнением концепции осуществляется уполномоченным органом, что обеспечивает системность и прозрачность процесса.

Государственная программа является более масштабным документом, разрабатываемым на основе Конституции и законодательных актов, а также по поручению президента страны. Программа может охватывать как среднесрочный период (не менее трех лет), так и долгосрочный, превышающий три года, с обязательным выделением этапов на три года. На начальном этапе государственная программа разрабатывается в виде проекта, который после утверждения президента становится официальным документом. После завершения каждого этапа программы проводится мониторинг её эффективности, а результаты направляются в правительство для принятия решения о продолжении или завершении программы.

Национальный проект инициируется уполномоченным органом или президентом и разрабатывается на срок не более пяти лет. Процесс разработки национальных проектов в Республике Казахстан регулируется комплексной системой, в рамках которой уполномоченные органы ежегодно могут инициировать новые проекты, за исключением случаев, когда такого рода поручения исходят от Президента. Для начала разработки национального проекта государственные органы, отвечающие за инициативу, обязаны представить предложения, сопровождаемые пояснительными записками, в органы, занимающиеся стратегическим, государственным и бюджетным планированием. Важным этапом является утверждение состава рабочей группы, которая будет заниматься разработкой проекта, и эту процедуру осуществляет куратор проекта. На стадии предварительного анализа проект проходит проверку на соответствие действующему законодательству Республики Казахстан, а также проходит обсуждение с экспертами. После завершения данных этапов проект вносится в правительство, а затем передается в Администрацию президента, где в течение 15 рабочих дней готовятся материалы для обсуждения на заседании Высшего совета. В случае положительного решения, проект включается в официальный перечень национальных проектов. Финансирование национальных проектов осуществляется за счет средств республиканского и местных бюджетов, а также иных источников, не запрещенных законодательством Республики Казахстан. Правовые основы использования бюджетных средств закреплены в Бюджетном кодексе Республики Казахстан, который устанавливает принципы результативности, прозрачности и адресности бюджетных расходов. В соответствии со статьей 4 Бюджетного кодекса одним из ключевых принципов бюджетной системы является принцип эффективности использования государственных финансовых ресурсов, предполагающий достижение запланированных результатов при минимально возможных затратах. Нарушение указанных требований может свидетельствовать о наличии признаков правонарушений, включая коррупционные преступления. Исполнение национального проекта ежегодно контролируется уполномоченным органом, который представляет отчеты о его выполнении.

Стратегия долгосрочного развития Казахстана представляет собой тщательно выверенный план, ориентированный на реализацию амбициозных целей в период, охватывающий десятилетия. Первый стратегический план, предложенный Н.А. Назарбаевым в октябре 1997 года [1], предусматривал три этапа, охватывающих периоды до 2010, 2020 и 2030 годов. Развитие системы стратегического планирования в Казахстане связано с последовательной трансформацией долгосрочных государственных стратегий. Достижение ряда поставленных задач на более ранних

этапах обусловило необходимость корректировки стратегических ориентиров развития страны. В результате был сформирован новый долгосрочный документ – Стратегия развития Республики Казахстан до 2050 года, представленная 14 декабря 2012 года [1]. Ключевой целью данной стратегии провозглашено формирование общества благосостояния, основанного на устойчивой государственности, динамичном экономическом росте и создании равных возможностей для трудовой самореализации граждан. Одновременно стратегический курс ориентирован на вхождение Казахстана в число тридцати наиболее развитых государств мира.

Стратегия «Казахстан – 2050» опирается на систему базовых приоритетов, определяющих направления социально-экономического и политического развития государства.

В различных странах реализуются масштабные проекты государственного уровня, направленные на решение приоритетных задач развития. В их числе можно отметить британский Национальный план развития инфраструктуры (National Infrastructure Delivery Plan), индийскую программу индустриального роста «Make in India», сингапурский технологический проект «NEWater», связанный с повторным использованием водных ресурсов, а также немецкую программу «Aufbau Ost», направленную на преодоление региональных социально-экономических диспропорций. Эти и аналогичные проекты отражают стремление государств к долгосрочному экономическому и инфраструктурному развитию.

Основой для зарождения национальных проектов в Республики Казахстан послужило Послание Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий»: «Следует прекратить подготовку государственных программ с большим количеством показателей и индикаторов. Пора перейти на формат лаконичных национальных проектов, понятых всем гражданам. В качестве целеполагания следует определить главенство результата над процессом» [1]. Итогом поставленных задач Президентом Республики Казахстан стал Указ от 7 октября 2021 года № 670, который утверждает Перечень национальных проектов:

1. Национальный проект «Качественное и доступное здравоохранение для каждого гражданина «Здоровая нация»
2. Национальный проект «Качественное образование «Образованная нация»
3. Национальный проект «Ұлттық рухани жаңғыру»
4. Национальный проект «Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций»
5. Национальный проект по развитию предпринимательства
6. Национальный проект «Сильные регионы – драйвер развития страны»
7. Национальный проект «Устойчивый экономический рост, направленный на повышение благосостояния казахстанцев»
8. Национальный проект «Зеленый Казахстан»
9. Национальный проект по развитию агропромышленного комплекса
10. Национальный проект «Безопасная страна»».

В очередном Послании народу Казахстана от 2 сентября 2024 года «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм», глава страны выступил с задачей: «До конца года следует утвердить национальный проект по модернизации энергетического и коммунального секторов» [1].

Вопреки значимости поставленных задач, практический опыт показывает, что реализация крупных проектов неизбежно сопряжена с высокими коррупционными рисками, среди которых наиболее серьезной угрозой является хищение бюджетных средств. Концепция хищения, представляющая собой широкую категорию, включающую разнообразные действия, направленные на нарушение прав собственности, не сложилась сразу, а является итогом многолетнего развития уголовно-правовой мысли и соответствующего законодательства.

В юридической плоскости подобные деяния требуют оценки с позиции уголовного законодательства Республики Казахстан. Согласно статьи 3 п.17 Уголовного кодекса Республики Казахстан, хищение определяется как совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездные изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Применительно к реализации национальных проектов подобные противоправные действия могут выражаться в различных формах: присвоении бюджетных средств, их растратах, злоупотреблении должностными полномочиями при распределении государственных субсидий, в мошеннических схемах, связанных с завышением стоимости выполняемых работ. Особенность данных преступлений заключается в том, что они совершаются в условиях сложных финансово-экономических

механизмов реализации государственных программ и проектов, где значительные объемы бюджетных средств распределяются между многочисленными участниками – государственными органами, квазигосударственным сектором, подрядными и субподрядными организациями и др. Это объективно увеличивает криминогенный потенциал соответствующей сферы.

С момента реализации национальных проектов у главы государства возникли сомнения в честном исполнении данных задач: «Меня в этой связи беспокоит проблема, связанная с коррупцией. Как только появляются в печати большие цифры, связанные с реализацией крупных проектов, особенно в области инфраструктурного строительства, тут же эти цифры становятся предметом пристального внимания со стороны профессиональных охотников за такими проектами, желающих «отжать» соответствующие средства в свои карманы. Давайте будем говорить откровенно. Мы это знаем. Поэтому я хотел бы очень серьезно предупредить Правительство и соответствующее агентство: внимательно подумайте над этой проблемой. Польза от реализации национальных проектов должна быть нацелена на обеспечение благосостояния наших граждан» [1], – подытожил Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев. Опасения по этому поводу имеют очень веские аргументы, в разных национальных проектах подтверждались факты хищений: «В ходе реализации национального проекта «Сильные регионы – драйвер развития страны» прокуратурой Павлодарской области были обнаружены случаи незаконного присвоения государственных средств: «Создана целая схема присвоения средств финансовой поддержки переселенцев, в том числе путем искусственного завышения стоимости домов до 8 млн. тенге для получения половины расходов (на покупку дома возмещаются 50%, но не более 4,2 млн. тенге). Фактически приобретались заброшенные дома от 500 тыс. тенге. В результате переселение осуществляется лишь на бумаге, фактически из-за оттока населения упразднены 59 населенных пунктов области. Только в 6 районах установлен ущерб – 600 млн. тенге»» [2].

Описанные действия могут содержать признаки преступлений, предусмотренных уголовным законодательством Республики Казахстан. В частности, завышение стоимости объектов недвижимости с целью получения государственных субсидий может квалифицироваться по статье 190 Уголовного кодекса Республики Казахстан (УК РК) как мошенничество, либо по статье 189 УК РК как присвоение или растрата вверенного имущества.

«Департаментом АФМ по Костанайской области завершено досудебное расследование по уголовному делу в отношении организованной группы под руководством директора мясоперерабатывающего предприятия ТОО «BEEF EXPORT GROUP».

Указанная группа лиц на протяжении длительного времени занималась хищением бюджетных денежных средств, выделенных государством в качестве субсидий в рамках реализации Национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса РК», с причинением ущерба государству на сумму более 3 млрд. тенге, из которых в ходе досудебного расследования возмещено 107 млн. тенге, арестовано имущество подозреваемых на сумму 3,1 млрд. тенге.

Также по делу в качестве подозреваемых проходят руководители и представители 30-ти крестьянских хозяйств Костанайской, Актюбинской, Северо-Казахстанской, Павлодарской и Западно-Казахстанской областей.

Кроме того, в рамках досудебного расследования предъявлены подозрения 3 должностным лицам ГУ «Управление сельского хозяйства акимата Костанайской области», совершившие пособничество в хищении денежных средств и взяточничество» [1], - пресс служба АФМ.

Если подобные действия совершаются при содействии должностных лиц государственных органов, их действия могут дополнительно подпадать под признаки злоупотребления должностными полномочиями (статья 361 УК РК) либо получения взятки (статья 366 УК РК).

В соседней стране реализация национальных проектов осуществляется также с рядом нарушений: «По материалам прокурорских проверок возбуждены уголовные дела о хищениях при реализации нацпроектов на сумму более 3 млрд. рублей» [1]. (Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации).

Для повышения эффективности государственного управления в Республике Казахстан представляется необходимым формирование современной цифровой инфраструктуры, ориентированной на обеспечение прозрачности управленческих процессов и расширение механизмов общественного участия. В этой связи целесообразно создание специализированного веб-ресурса «Национальные проекты Республики Казахстан», предназначенного для открытого доступа к информации о целях, источниках финансирования и результатах реализации государственных проектов. Функционал платформы может быть дополнен интерактивными инструментами,

позволяющими гражданам участвовать в определении приоритетных направлений развития, а также осуществлять общественную оценку качества реализуемых работ.

Дополнительным направлением совершенствования системы управления может стать внедрение технологий интеллектуального видеомониторинга. Использование решений на основе искусственного интеллекта позволит в режиме реального времени отслеживать ход строительных и ремонтных работ, повышая уровень контроля, оперативность реагирования и прозрачность реализации инфраструктурных проектов. (Автором статьи получен патент на полезную модель № 11410 от 14.11.2025 года, зарегистрированный Республиканским государственным предприятием на праве хозяйственного ведения "Национальный институт интеллектуальной собственности" Министерства юстиции Республики Казахстан прилагается). Это предотвратит также хищения, связанные с теневой занятостью и нелегальной миграцией (затрагивается также аспект национальной безопасности), когда подрядчики используют дешевую рабочую силу для экономии средств.

В своем Послании народу Казахстана от 08.09.2025 года Президент Республики Казахстан акцентировал важность цифрового развития [1]. В связи с этим предлагается переход к финансированию национальных проектов через цифровой тенге, что позволит отслеживать использование средств, так как цифровой тенге будет иметь след и в случае обнаружения коррупционных схем появится возможность блокировать дальнейшее развитие хищений.

Примером успешного цифрового подхода является российская платформа «Активный гражданин» [1], также отдельная платформа о национальных проектах России, где при вкладке «Обратная связь» граждане России имеют возможность предлагать инициативы, тем самым становясь «услышанными» [1].

Внедрение подобных механизмов в Казахстане поможет устранить информационный дефицит и усилить общественный контроль, снижая коррупционные риски. Это создаст основу для нового уровня подотчетности и обеспечит более продуктивное, прозрачное управление.

Список использованных источников:

1. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Октябрь 1997 г. / Назарбаев Н.А. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-na-nazarbaeva-narodu-kazahstana-oktyabr-1997-g (дата обращения: 10.03.2026);
2. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. 14 декабря 2012 г. / Назарбаев Н.А. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-14-dekabrya-2012-g (дата обращения: 10.03.2026);
3. Токаев Касым-Жомарт Кемелевич Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сентября 2020 г. / Токаев Касым-Жомарт Кемелевич Официальный сайт Президента Республики Казахстан: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения: 10.03.2026);
4. Токаев Касым-Жомарт Кемелевич Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» / Токаев Касым-Жомарт Кемелевич // Официальный сайт Президента Республики Казахстан: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskii-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 10.03.2026);
5. Токаев Касым-Жомарт Кемелевич Глава государства провел заседание Высшего совета по реформам / Токаев Касым-Жомарт Кемелевич // Официальный сайт Президента Республики Казахстан: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-zasedanie-yysshego-soveta-po-reformam-163240> (дата обращения: 10.03.2026);
6. Прокуратура Павлодарской области В Павлодаре программа переселения стала источником наживы / Прокуратура Павлодарской области // Официальный сайт Прокуратуры Павлодарской области: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-pavlodar/press/news/details/768549?lang=ru> (дата обращения: 10.03.2026);
7. Пресс-служба АФМ РК Имущество на 3 млрд тенге арестовано у подозреваемых в хищении субсидии для развития АПК / Пресс-служба АФМ РК // Официальный сайт Агентства Республики

Казахстан по финансовому мониторингу [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm/press/news/details/722180?lang=ru> (дата обращения: 10.03.2026);

8. Генеральная прокуратура Российской Федерации По материалам прокурорских проверок возбуждены уголовные дела о хищениях при реализации нацпроектов на сумму более 3 млрд рублей / Генеральная прокуратура Российской Федерации // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e468933/> (дата обращения: 10.03.2026);

9. Токаев Касым-Жомарт Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 08.09.2025 года / Токаев Касым-Жомарт // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 10.03.2026);

10. Правительство Москвы «Активный Гражданин-проект для тех, кому важно, что происходит в Москве» / Правительство Москвы // Активный Гражданин: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ag.mos.ru/home> (дата обращения: 10.03.2026);

11. Правительство Российской Федерации "Национальные проекты России" / Правительство Российской Федерации // Национальные проекты. РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://национальныепроекты.рф/> (дата обращения: 10.03.2026);

12. ПП Республики Казахстан Об утверждении нац. проекта в ПП РК // Информационно-правовая система НПА РК «Әділет» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000963> (дата обращения: 10.03.2026);

13. Келимбетов К.: О нацпроектах // Офиц. сайт Агентства по страт. планированию реформ РК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/aspr/press/news/details/284063?lang=ru> (дата обращения: 10.03.2026);

14. Высшая аудиторская палата Республики Казахстан заключение ВАП к отчету Правительства РК об исп.РБ за 2022 год / ВАП РК // заключение ВАП к отчету Правительства РК об исп.РБ за 2022 год. – Астана: ВАП РК, 2023. – С. 347-447;

15. Ивасенко, А.Г. И 236 Управление проектами: учебное пособие / А.Г. Ивасенко, Я.И. Никонова, А.О. Сизова. – Новосибирск: СГГА, 2007. – 198 с.

Сарсенбекова Дана Дамировна
Астана Халықаралық университетінің студенті,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҮКІМЕТТІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МЕМЛЕКЕТТІ НЫҒАЙТУДАҒЫ МАҢЫЗЫ

Аннотация. Мақалада электрондық үкіметтің құқықтық мемлекет қағидаттарын жүзеге асырудағы рөлі қарастырылады. Автор мемлекеттік басқаруды цифрландырудың ашықтықты қамтамасыз ету, сыбайлас жемқорлықты жою және азаматтардың ақпаратқа қолжетімділігін арттырудағы маңызына талдау жасайды. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының нормативтік-құқықтық базасына шолу жасалып, Ресей, Өзбекстан сияқты елдердің тәжірибесімен салыстырмалы сипаттама беріледі. Мақала соңында 2026 жылға дейінгі цифрлық дамудың негізгі тәуекелдері мен перспективалары тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: электрондық үкімет; құқықтық мемлекет; цифрландыру; ашық деректер; сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл.

Аннотация. В статье рассматривается роль электронного правительства в реализации принципов правового государства. Автор анализирует значение цифровизации государственного управления в обеспечении прозрачности, искоренении коррупции и повышении доступности информации для граждан. Проводится обзор нормативно-правовой базы Республики Казахстан, а также дается сравнительная характеристика с опытом таких стран, как Россия и Узбекистан. В завершении сформулированы основные риски и перспективы цифрового развития до 2026 года.

Ключевые слова: электронное правительство, правовое государство, цифровизация, открытые данные, противодействие коррупции, eGov.

Annotation. The article examines the role of e-government in implementing the principles of the rule of law. The author analyzes the significance of the digitalization of public administration in ensuring transparency, eradicating corruption, and increasing the accessibility of information for citizens. A review of the regulatory and legal framework of the Republic of Kazakhstan is provided, along with a comparative analysis of the experiences of countries such as Russia and Uzbekistan. The article concludes by outlining the key risks and prospects for digital development until 2026.

Keywords: e-government, rule of law, digitalization, open data, anti-corruption, eGov.

Мемлекет технологиялық үрдістермен қатар дамып келеді. «Электрондық үкімет» – мемлекеттік қызметтерді онлайн форматта алу тәсілі ғана емес, құқықтық мемлекеттің негізгі қағидаттарын іс жүзінде жүзеге асыруға мүмкіндік беретін тетік. Аталған жүйе мемлекеттік қызметтерді халыққа жедел әрі қолайлы жеткізу мақсатында ақпараттық технологияларды пайдаланатын басқару моделі болып табылады. Оның нәтижесінде азаматтар мен кәсіпкерлер қажетті құжаттарды немесе анықтамаларды қашықтықтан, кезексіз және қағазсыз рәсімдеу мүмкіндігіне ие. Құқықтық мемлекет – заң үстемдігін, адам құқықтары мен бостандықтарының басымдығын қамтамасыз ететін мемлекеттік-құқықтық феномен. Электрондық үкімет аталған құндылықтарды іске асырудың инновациялық және транспарентті механизмі ретінде қарастырылады. Құқықтық мемлекет құру жолындағы стратегиялық кедергі – сыбайлас жемқорлық. Бұл кедергіні жоюда электрондық үкіметтің рөлі айрықша [1].

Электрондық үкіметтің функционалдық қызметі және оның құқықтық мемлекет қағидаттарына сәйкестігі Қазақстан Республикасының бірнеше маңызды заңнамалық актілерімен айқындалады. Нормативтік құқықтық база жүйенің белгіленген ережелер бойынша жұмыс істеуін, деректердің қорғалуын және азаматтардың құқықтарының сақталуын қамтамасыз етеді. Атап айтқанда:

Қазақстан Республикасының Конституциясы: Негізгі заң азаматтарға цифрлық демократияның негізі болып табылатын екі маңызды құқықты кепілдендіреді. 18-бап жеке өмір мен құпиялылықты қорғауды қамтамасыз етсе, 33-бап мемлекетті басқару ісіне қатысуға мүмкіндік береді. Аталған нормалар азаматтардың цифрлық ортаға белсенді қатысуына құқықтық негіз қалайды [2, 11].

«Ақпараттандыру туралы» ҚР Заңы (2015 ж. 24 қараша): Электрондық үкіметтің жұмыс істеу негіздерін сипаттайтын базалық акт. Ол мемлекеттік органдардың ақпараттық өзара іс-қимылын реттейді және ақпараттық жүйелердің қауіпсіздігін қамтамасыз ету ережелерін белгілейді [3].

«Мемлекеттік көрсетілетін қызметтер туралы» ҚР Заңы (2013 ж. 15 сәуір): Азаматтардың электрондық мемлекеттік қызметтерді алу кезіндегі құқықтарын, қызметтердің сапасын және оларды алу тәртібін регламенттейді [4].

«Дербес деректер және оларды қорғау туралы» ҚР Заңы (2013 ж. 21 мамыр): Құпиялылықты қамтамасыз ету және азаматтардың дербес деректеріне рұқсатсыз қол жеткізуді болғызбау жөніндегі шараларды айқындайды [5].

«Электрондық құжат және электрондық цифрлық қолтаңба туралы» ҚР Заңы: ЭЦҚ-ның заңды күшін және электрондық құжаттың қағаз жеткізгіштегі құжатпен теңдігін бекітеді [6].

Цифрлық дәуірдегі құқықтық мемлекеттің басты қағидасы – ақпараттық ашықтық пен азаматтардың теңдігін қамтамасыз ету. Электрондық үкімет мемлекеттік қызметтерді қолжетімді етіп, билік пен халық арасындағы сенімді нығайтуда маңызды рөл атқарады. Алайда, технологиялық даму жағдайында киберқауіпсіздік пен жеке деректерді қорғау мәселелеріне басымдық беру қажет. Тек осы шарттар негізінде электрондық үкімет азаматтардың конституциялық құқықтарын қорғайтын демократиялық институт болып қала береді. Қазақстанның халықаралық рейтингтердегі көрсеткіштері ақпараттық-коммуникациялық технологияларды (АКТ) дамыту саласындағы оң нәтижелерді айғақтайды. Орталық Азия мен ТМД өңірінде Қазақстан, Ресей және Өзбекстан мемлекеттері арасында цифрлық бәсекелестік байқалады. БҰҰ-ның 2024 жылғы зерттеуі бойынша: Қазақстан ТМД кеңістігіндегі жетекші елдердің бірі ретінде танылып, әлемдік деңгейде 24-орынды иеленді. Маңызды жетістік – онлайн қызметтердің сапасы бойынша әлемдік ТОП-10 елдің қатарына енуі. Цифрлық трансформация құқықтық мемлекеттің қалыптасуына айтарлықтай үлес қосты. Kaspi және Halyk сияқты қаржылық қосымшалармен интеграция мемлекеттік қызметтерді алуды жеңілдетті. Бұл қадам бюрократиялық кедергілерді жойып, азаматтардың құқықтарын жүзеге асыруға жол ашты. БҰҰ-ның электрондық үкіметті дамыту индексі (EGDI) мемлекеттік органдардың АКТ-ны қолдану дайындығын үш критерий бойынша бағалайды: интернет-қызметтердің сапасы, АКТ-инфрақұрылым және адами капитал [7].

Ресей Федерациясы рейтингте 43-орында. Мемлекеттік қызметтер порталы көптеген «суперсервистерді» біріктіреді. «Мемлекет-платформа» ұлттық жобасы шеңберінде (2025-2026 жж.) мемлекеттік басқаруды деректерге негізделген алгоритмдік шешімдерге көшіру жоспарлануда, бұл шешім қабылдау процесіне адам факторының әсерін төмендетеді [8]. Өзбекстан Республикасы (63-орын) жоғары өсу динамикасын көрсетуде. «Цифрлық Өзбекстан – 2030» стратегиясы аясында 2026 жылға қарай қызметтердің 70%-ын электрондық форматқа көшіру көзделген. «Цифрлық махалла» жобасы жергілікті деңгейде басқарудың әділдігін қамтамасыз етуге бағытталған [9]. Қарастырылған мемлекеттер жеке деректерді қорғау заңнамасын күшейтуде. Қазақстан ашық деректерге (Open Data) басымдық берсе, Ресей мемлекеттік қауіпсіздікке назар аударады. Қазақстан мен Өзбекстан үшін электрондық үкімет – сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрес құралы. Сонымен қатар, Ресейдің «суперсервистер» жүйесі мен Өзбекстанның бизнесті тіркеудегі жеделдігін зерделеу маңызды [10].

Мемлекеттік басқаруды цифрландыру – сыбайлас жемқорлықтың алдын алудың тиімді стратегиялық бағыты. Профессор Е. Алауханов атап өткендей, цифрландыру сыбайлас жемқорлықтың себептерін жоюдың пәрменді жолы болып табылады [11, 70 б.].

Мемлекет пен азамат арасындағы өзара іс-қимыл түбегейлі өзгеріске ұшырады. Электрондық үкімет заң үстемдігін келесі жолдармен қамтамасыз етеді:

- пайдаланушының мәртебесіне қарамастан мемлекеттік қызмет алудың бірыңғай алгоритмін ұсыну;

- әрбір электрондық сұраным мен шешімнің тіркелуі арқылы лауазымды тұлғалардың жауапкершілігін арттыру.

Қазақстанда электрондық үкімет құру идеясы 2004 жылы жарияланды. 2006 жылы egov.kz порталы іске қосылды [12]. Ақпараттық технологиялар (IT) қазіргі өмірде маңызды рөл атқарады. Олар мемлекеттік басқару процесіне соншалықты кірісіп кеткендіктен, онсыз бүкіл жүйенің жұмыс істеуін елестету қиын. Мемлекеттік билік органдары мен халық арасындағы цифрлық өзара іс-қимылды ұйымдастыру әлемдік тәжірибеде e-Government деп аталатын электрондық үкімет жүйесі арқылы жүзеге асырылады.

«Электрондық үкімет» деп ақпараттық-коммуникациялық технологияларды қолдану арқылы мемлекеттік басқаруды жетілдіру процесін айтады. Бұл – ақпараттық технологияларды кеңінен қолдануға негізделген және азаматтар мен ұйымдарға, соның ішінде Интернет арқылы қызмет көрсетуге барынша бағытталған мемлекеттік органдардың жұмыс істеу тетігі, азаматтарға мемлекеттік билікпен және түрлі әлеуметтік қызметтермен тікелей және ашық диалог жүргізу мүмкіндігін береді. Ол кез келген деңгейдегі және мәртебедегі мемлекеттік орғандағы басшымен диалогты қолжетімді әрі интерактивті етеді.

2003 жылдың қыркүйегінде Еуропалық комиссия электрондық үкіметтің маңызын атап өтіп, оған мынадай анықтама берді: "электрондық үкімет азаматтар мен бизнеске тиімді мемлекеттік қызмет

көрсетуді арттыру құралы болып табылады. Ол бір жағынан – қызмет көрсету көлемін кеңейтіп және олардың сапасын арттыра отырып, екінші жағынан – ресурстарды үнемдей отырып, мемлекеттік саясатты жүзеге асыруды жеңілдетеді және мемлекеттік секторға қарама-қайшы талаптарды орындауға көмектеседі".

«Электрондық үкіметті» енгізу мемлекет үшін сыбайлас жемқорлық сияқты зиянды құбылыстың азаюына ықпал етті, мемлекеттік құрылымдардың ашықтығын арттырды және мемлекеттік органдарға өтініш қалдыруды жеңілдетті.

Бұрын, он жылдай бұрын, бір құжатты алу үшін әртүрлі мекемелерден көптеген қағаздар жинау қажет болатын. Бұл құжаттардың көбінде бірдей ақпарат қайталанатын. Әрбір құжатты жеке-жеке мемлекеттік мекемелер беретін, оларды алу үшін адамдар сағаттап кезекте тұруға мәжбүр болатын. Шыдамдары таусылғандар құжаттарды жинай алмай, орта жолда қалатын жағдайлар да жиі кездесетін. Осыған байланысты, "электрондық үкіметті" құрудың негізгі мақсаттарының бірі – мемлекеттің барлық ақпараттық ресурстарын біріктіріп, "бір терезе" қағидатын енгізу болды. Бұл арқылы азаматтарға қажетті ақпаратқа қол жеткізу жеңілдетілді. Енді халық мемлекеттік аппараттың күрделі құрылымын түсініп, өз деректерін бірнеше рет ұсынып, құжаттарды алу үшін сағаттап кезекте тұрудың қажеті жоқ. Электрондық үкіметтің арқасында мемлекеттік қызметтер тәулік бойы, аптасына 7 күн қолжетімді болды.

Бұрын ертегідей көрінген жағдайлар қазір "Электрондық үкімет порталы" арқылы шындыққа айналды. Қызмет алуға кететін уақыт айтарлықтай қысқарды. Азаматтардың үйден шықпай-ақ қажетті қызметтерін алуы үшін барлық жағдай жасалған. Мемлекеттік қызметтер мен сервистерді қазір бірнеше жолмен алуға болады:

1. Egov.kz порталы арқылы
2. Facebook және ВКонтакте әлеуметтік желілерінің мессенджерлері арқылы (жеке хат алмасу сияқты)
3. @EgovKzBot2 Telegram боты арқылы
4. eGovMobile қосымшасы арқылы

Қазіргі таңда үйден шықпай қызмет алу өте маңызды. Төтенше жағдай кезінде, 2019 ж 21 наурызы мен 10 мамыры аралығында, еліміздің азаматтары 15 миллионнан астам мемлекеттік қызмет алған. Оның ішінде:

- 835 мыңнан астамы әлеуметтік желілер мен Telegram боты арқылы;
- 1,5 миллионнан астамы eGovMobile қосымшасы арқылы;
- 12,6 миллионнан астамы "Электрондық үкімет" порталы арқылы алынған.

Төтенше жағдай кезінде азаматтар 2,5 миллионнан астам бейне қоңырау жасап, 338 мыңнан астам жеке және 18 мыңнан астам заңды тұлғалар үйлерінде немесе кеңселерінде отырып-ақ электрондық цифрлық қолтаңба алған.

Қазіргі уақытта мемлекеттік қызметтердің 80 пайызы онлайн түрде қолжетімді.

Біріккен Ұлттар Ұйымы (БҰҰ) жариялаған электрондық үкіметті дамыту деңгейі бойынша әлем елдерінің рейтингінде Қазақстан 2020 жылы 28-орынға ие болды. Бұл 2018 жылғы көрсеткіштен (39-орын) айтарлықтай жақсырақ [13].

Сонымен қатар, бұл салада толыққанды ұсыныстар мен тәуекел де болуы қажет. Деректердің бір жерде шоғырлануы хакерлердің шабуыл жасау ықтималдығын арттырады. Егер деректердің ағып кетуі орын алса, бұл құқықтық мемлекеттің сеніміне зиян келтіреді.

Технологиялар азаматтарды қорғау мақсатында ғана емес, олардың мониторингін жүргізу үшін пайдаланылып кетпеуі керек.

Электрондық үкімет азаматтарға ең алдымен кешенді ақпараттық-құқықтық бағдарлам ретінде қызмет етеді. Бұл жүйе келесі артықшылықтарды қамтамасыз етеді: «Ашық үкімет» порталы арқылы тұрғындар бюджеттің қалай жұмсалып жатқанын, заңдардың жобаларына пікір білдіруді және мемлекеттік мекемелердің есептерін бақылауды жүргізе алады (мысалы, ашық НҚА). Заңнамалық құжаттар мен мемлекеттік қызмет көрсету талаптары тәулік бойы, аптаның барлық күндері қолжетімді бола отырып, азаматтардың құқықтық білім деңгейін жоғарылатады.

Сонымен қатар, «e-Otinish» сияқты платформалар азаматтардың өтініштері мен шағымдарын тікелей мемлекеттік ұйымдарға жолдап, олардың қаралу барысын қадағалауға мүмкіндік береді [14].

I. «Цифрлық омбудсмен» институтын құру Цифрлық құқықтары бұзылған азаматтарды (мысалы, деректер заңсыз қолданылғанда немесе ЖИ қате шешім шығарғанда) қорғайтын тәуелсіз орган қажет. Бұл құқықтық мемлекеттің тежемелік-теңгерім жүйесін нығайтады.

II. Блокчейн негізіндегі дауыс беруді енгізу Эстонияның тәжірибесін қолданып, сайлау мен жергілікті петицияларды блокчейн технологиясына көшіру керек. Бұл дауыстардың бұрмалануын болдырмай, халық сенімін арттырады.

III. «Ашық алгоритм» саясатын жүргізу мемлекеттік органдар қолданатын жасанды интеллект алгоритмдерінің бағдарламалық кодтары ашық болуы, яғни кез келген заңгер мен IT-маман шешімдердің қабылдану жолын тексеруге мүмкіндік алуы керек. Бұл құқықтық мемлекеттің шешімдердің әділдігі мен негізділігін қамтамасыз етеді..

IV. Цифрлық теңсіздікті жою («Ешкімді артта қалдырмау») ауылдық аймақтардағы азаматтарға цифрлық қызметтерге 100% қолжетімділікті қамтамасыз ету маңызды. Құқықтық мемлекетте интернет жылдамдығына байланысты заң алдындағы теңдік бұзылмауы қажет.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Электронды үкімет дегеніміз не және ол не үшін қажет? [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://martebe.kz/jelektrondy-kimet-degenimiz-ne-zh-ne-ol-ne-shin-azhet/> (жүгінген күні: 21.02.2026).
2. Қазақстан Республикасының Конституциясы 30 тамыз 1995 ж. - Алматы: Юрист, 2025.- 39 б.
3. Ақпараттандыру туралы ҚР Заңы 2015ж 24 қарашадағы №418-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000418> (жүгінген күні: 28.02.2026).
4. Мемлекеттік көрсетілетін қызметтер туралы ҚР Заңы 2013ж 15 сәуірдегі №88- V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000088> (жүгінген күні: 28.02.2026).
5. Дербес деректер және оларды қорғау туралы ҚР Заңы 2013ж 21 мамырдағы №94- V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094> (жүгінген күні: 03.03.2026).
6. «Электрондық құжат және электрондық цифрлық қолтаңба туралы» 2003 ж 7 қаңтар №370-II Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z030000370_7 (жүгінген күні: 03.03.2026).
7. United Nations Maintenance Page [Electronic resource] – Access mode: <https://maintenance.un.org/> (access data: 03.03.26).
8. Портал государственных услуг РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 06.03.26).
9. O'zbekistonRespublikasiYagonainteraktivdavlatxizmatlariportali [Elektron resurs] - Kirish rejimi <https://my.gov.uz/uz> (qabul qilingan sana: 06.03.26).
10. WJP Rule of Law Index [Electronic resource] – Access mode: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/> (access data: 06.03.26).
11. Алауханов Е.О. Сыбайлас жемқорлықпен күрес: теория және практика. Оқулық.– Алматы: «Заң әдебиеті», 2009.- 244 б
12. Электрондық үкімет [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/> (жүгінген күні: 06.03.2026).
13. «Электрондық үкімет» порталының жетістіктері [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adyrna.kz/post/42333> (жүгінген күні: 06.03.2026).
14. Мемлекеттік органдарға өтініш беру [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://eotinish.kz/kk?ref=blog.eventrocks.ru> (жүгінген күні: 06.03.2026).

ӘОЖ 342.7

Серікбай Жанар Жанатқызы,
Астана Халықаралық университетінің студенті,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ДӘУІРІНДЕ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫ: БИОМЕТРИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕРДІ ҚОЛДАНУДАҒЫ БІРҚАТАР МӘСЕЛЕЛЕР

Аннотация. Бұл мақала жасанды интеллект дәуірінде адам құқықтарын қорғау мәселелері және биометриялық деректерді қолданумен байланысты құқықтық және этикалық тәуекелдер қарастырылады. Зерттеу барысында биометриялық ақпараттың ерекшеліктері, оның жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығына ықпалы және цифрлық қауіпсіздікке байланысты қауіптер талданады. Сонымен қатар халықаралық тәжірибе негізінде АҚШ, Қытай және Үндістандағы биометриялық деректерді қорғау тетіктеріне салыстырмалы талдау жүргізіледі. Зерттеу барысында Clearview AI және Aadhaar жүйесі сияқты халықаралық тәжірибедегі даулы жағдаулар талданады. Мақалада Қазақстандағы биометриялық технологиялардың қолданылуы, соның ішінде Kaspi Alaqan және Alaqan Mekter жүйелері қарастырылады. Биометриялық деректердің таралуы мен заңсыз пайдалану адам құқықтарына қауіп төндіруі мүмкін екенін көрсетеді. Нәтижесінде, Қазақстанда биометриялық деректерді қорғауды күшейту, жасанды интеллект жүйелеріне тәуелсіз аудит енгізу және заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар ұсынылуда.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; адам құқықтары; биометриялық деректер; дербес деректерді қорғау; цифрлық қауіпсіздік; құқықтық реттеу.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы защиты прав человека в эпоху искусственного интеллекта, также риски, связанные с использованием биометрических данных. Особое внимание уделяется правовым и этическим проблемам применения технологий распознавания личности и автоматизированной обработки персональной информации. В работе анализируются особенности биометрических данных и их влияние на право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Кроме того, проводится анализ международного опыта регулирования биометрических данных в США, Китае и Индии. В качестве примеров рассматриваются резонансные случаи, связанные с деятельностью компании ClearviewAI и биометрической системой Aadhaar. Также анализируется внедрение биометрических технологий в Казахстане, включая системы KaspiAlaqan и AlaqanMekter. В результате исследования предлагаются меры по совершенствованию законодательства, усилению защиты биометрических данных и внедрению независимого аудита систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; права человека; биометрические данные; защита персональных данных; цифровая безопасность; правовое регулирование.

Abstract. This article examines the protection of human rights in the era of artificial intelligence and the risks associated with the use of biometric data. Particular attention is paid to legal and ethical issues related to identity recognition technologies and automated processing of personal information. The study analyzes the specific nature of biometric data and its impact on the right to privacy and personal data protection. In addition, a comparative analysis of international regulatory practices in the United States, China and India is conducted. The study also reviews well-known cases such as the Clearview AI controversy and the Aadhaar biometric identification system. Furthermore, the implementation of biometric technologies in Kazakhstan, including the Kaspi Alaqan and AlaqanMekter systems, is analyzed. The article proposes recommendations aimed at improving legal regulation, strengthening biometric data protection, and introducing independent audits of artificial intelligence systems.

Keywords: artificial intelligence; human rights; biometric data; personal data protection; digital security; legal regulation.

XXI ғасыр цифрлық технологиялармен жасанды интеллект (бұдан әрі – ЖИ) дамуының қарқынды үрдісі байқалуда. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың 08.09.2025 ж. Қазақ халқына арналған жолдауында «елімізде түбегейлі цифрлық өзгерістер күтілуде» деп мәлімдеді [1]. Қазіргі уақытта ЖИ технологиялары өмірдің барлық салаларында қарқынды дамуда – мемлекеттік басқару, денсаулық сақтау, банк саласы, қауіпсіздік, білім беру жүйелеріндегідей салаларды осау даму алуда. Жаңа технологиялар оқу алгоритімдері мен деректерді автоматты түрде талдау, жылдам шешім қабылдау қабілеттілігі жоғары көрсеткіштер көрсетуде, бірақ бұл адам құқықтары мен этиканың әлсіреуін туындатады.

Ерекше маңызға ие болған биометриялық деректер – бұл жеке тұлғаны анықтау үшін қолданылатын бірегей физикалық немесе мінез құлықтық маркерлер (мысалы, саусақ іздері, бет бейнесі, көз кеміші). Мұндай деректер ЖИ жүйелерінде белсенді қолдану адам құқықтары үшін жаңа

қауіптер тудырады, ең алдымен жеке өмірге қол сұғылмаушылық және жеке ақпаратты қорғау құқығы үшін.

Бұл зерттеудің өзектілігі ҚР заңнамасының базасы осы шақыруларды ескеруі қажет, инновациялар мен адам құқықтары мен бостандығын сақтау арасындағы теңгерімді қамтамасыз етуі тиіс.

Адам құқықтары дәл осы сынақтардың алдыңғы шебінде тұр, мысалы, жеке өмірге және жеке деректерді қорғауға құқық, пікір білдіру еркіндігі дегендей тағыда басқа құқықтар. Оның ең маңыздысы биометриялық деректерге тиесілі – адамның физикалық, физиологиялық немесе мінез құлық ерекшеліктері, дәл осы ақпараттар сандық дәуірде аса сезімтал. Адам құқықтары – ҚР Конституциясының 21 бабының 1 тармағында «цифрлық технологияларды қолдануды қоса алғанда, дербес деректерді заңсыз жинаудан, өңдеуден, сақтаудан және пайдаланудан қорғау құқығына заңмен кепілдік береді», деп белгіленеді [2].

ҚР цифрлық технологиялар саласында заңнамалық база бойынша екі нормативтік актіге негізделген: «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заң 2013 жылы 21 мамырдағы №94-V. Осы заңға сәйкес: 1,2,5,10,11 баптар биометриялық ақпаратты қорғаудың құқықтық негізін жасайды және оны пайдалануды, соның ішінде келісім талаптарын, қолжетімділікті шектеулерді және құпиялылық міндеттемелерін реттейді [3].

ҚР «Жасанды интеллект туралы» жаңа заң 2025 жылдың қарашасында (№230 - VIII) қабылданды және 2026 жылдың 18 қаңтарында күшке енді. Бұл заңда ЖИ -ті пайдаланудың негізгі қағидаттары белгіленген, соның ішінде ҚР заңдарын бұза отырып, биометриялық деректерді жинауға және өңдеуге тыйым салынады [4].

Биометриялық мәліметтердің бірегей ерекшеліктерінің бірі, ол өзгертілмейтіндігі. Құпия сөз немесе құжат нөмірлерін қауіпке ұшыраған жағдайда өзгертуге мүмкіндік болса, саусақ іздері, бет пішім ерекшеліктері немесе көздің қасаң қабағы адамның өмір бойы тұрақты болып қалады. Бұл қатер туғызады: биометриялық мәліметтердің ағып кетуі фактілі өмір бойына олардың қауіпсіздігінің бұзылуына соқтырады. Сонымен бірге, биометрия адамдарды дәл анықтауға және жаппай бақылау жүргізуге мүмкіндік береді, бұл жеке өмірге кіру қаупін айтарлықтай арттырады.

Жасанды интеллекттің кеңінен қолданылуымен жеке шаралар тұжырымдамасы психология мен әулеметтану салаларынан құқық пен цифрлық қауіпсіздікке ауысып, айтарлықтай өзгерістерге ұшырауда. Бұл әсіресе бет-әлпетті тану технологияларында өзекті. ЖИ интеграцияланған бейнебақылау жүйелері адамды олардың келісімінсіз анықтай алады, бұл қоғамдық кеңістіктердегі жасырындықты тиімді түрде жояды. Осылайша, жеке шекаралар қазір физикалық кеңістікпен емес, биометриялық деректерімізді сандық бақылау деңгейімен анықталады.

Жасанды интеллекттің алгоритімдері мінез-құлық үлгілерін талдап, әрекеттерді алдын ала болжай алады және адамның нақты сандық профилді қалыптастыруы да бар.

Халықаралық тәжірибе көрсетіп отырғандай, реттеудің жеткіліксіз болуына ауыр бұзушылықтарға әкелу деңгейі жоғары. Мысалы, пайдаланушылардың келісімінсіз әулеметтік желілерден жиналған жүздеген сурет деректерін құрастырып, үлкен деректер базасын жасаған Clearview AI компаниясы Еуропада үлкен айыппұлға тарылды [5].

Сонымен бірге – бір миллиардтан астам адамды қамтитын Үндістанның Aadhaar биометриялық жүйесі. Үндістанның Жоғарғы соты оны заңды деп таныды, бірақ деректерді коммерциялық мақсатта пайдалануды шектеді, жеке өмірге қол сұғылмауға құқықты қорғаудың маңыздылығын атап өтті [6].

Қасым-Жомарт Тоқаев Қазақстанда мемлекет цифрландыру курсы белсенді қолдайды, өзінің кезекті 11.08.2025 ж. кеңесінде «Алдағы 5 жылда Қазақстан цифрлық мемлекетке айналуы керек», - деген мәлім жасаған. Қазақстан президенті жасанды интеллект пен цифрлық технологияларды дамытудың маңыздылығын бірнеше рет атап өтті, онымен бірге азаматтардың құқықтарын қорғау және цифрлық егемендікті қамтамасыз ету қажеттілігіне назар аударуын ерекше көрсетті. Мемлекет инновациялар мен негізгі бостандықтарды сақтау арасындағы тепе-теңдікті табуға ұмтылуда. Бірақ ғылыми қауымдастықта бірнеше мәселе талқыланады: жеке деректерді қорғау бойынша толық тәуелсіз органның жоқтығы, биометриялық ақпаратты дәлірек реттеу қажеттілігі, сонымен қатар деректерді ортақтандырылып сақтауымен байланысты тәуекелдер.

Тоқаев өз кеңесінде Қытай еліндегі «Жаһандық ЖИ ынтымастық ұйымының құрылуы. Оның мақсаты – жасанды интеллектті басқаруға көпжақты тәсілді ілгерлету, цифрлық алшақтықты азайту, этиканы дамыту және жасанды интеллектті тұрақты пайдалануды ілгерілету», бастамасын қолдай отыра Қазақстанда ЖИ реттеудің халықаралық деңгейін жоғарлатуына кеңес берді. Басты мақсаты Қазақстанның – Еуразиядағы цифрлық хабқа айналу [7].

Демек, Қазақстанда ЖИ тек қолдану ғана емес, оның баламасын әзірлеу қажеттігін де назарға алып, озық технологияларды құрастыратын мамандар, жастарды үйрету осы сала мамандарын жан-жақты келісілген түрде даярлау қажеттігі анық. Мәселен, ЖИ арқылы жұмыс жасауда адам құқықтарының бастысы оның биометриялық деректерін заңды талаптарын сақтай отыра пайдалануда заңгерлердің IT – мандарымен бірлесіп бағдарлама әзірлеуі қажет.

Ұрлықтан немесе рұқсатсыз жинаудан басқа, биометриялық деректер жалған болуы мүмкін. Спуфинг жүйелерінің алғашқы кезеңдерінен бастап қауіпсіздік мамандары жалған саусақ іздері немесе бет – әлпетінің имитациясы сияқты жасанды түрде жасалған сипаттамалармен биометриялық сканерлерді алдау мүмкіндігі туралы дабыл қағуда. Бұл биометриялық технологияның өзі оңай алданып қалса немесе қатаң бақылаусыз пайдаланылса, қауіпсіздікке кепілдік бермейтінін анық көрсетеді [8].

Салыстырмалы түрде АҚШ-та биометриялық деректер Биометриялық ақпаратты қорғау туралы заңмен (BIPA) қорғалған, ол хабардар етілген келісімді талап етеді және үшінші тараптармен бөлісуге тыйым салады. Facebook және L.A. Тап істері көрсеткендей, бұзушылықтар айтарлықтай залалға әкеледі [9]. Қытайда PIPL биометрияны құпия ақпарат ретінде жіктейді, бөлек келісімді, мақсаттар мен сақтау мерзімдері туралы хабарлауды және субъектіге бақылау беруді талап етеді. Заң барлық компанияларға қолданылады, қатаң қауіпсіздік және шекарадан тыс тасымалдау талаптарын белгілейді. Сонында, АҚШ жеке сот істеріне назар аударады, ал Қытай үкіметтің бақылауына назар аударады, бірақ екі ел де биометрияны ерекше қорғауды қажет ететін өте құпия ақпарат ретінде таниды [10].

Қазақстанда биометриялық шешімдердің, әсіресе төлемдер үшін Kaspi Алақан және білім беру мекемелері үшін Алақан Мектеп жүйелерінің белсенді енгізілуі байқалуда. Kaspi Алақан алақанның бірегей тамыр үлгісін пайдаланып сатып алулар үшін төлем жасаудың инновациялық тәсілін ұсынады, бұл қарталарға, телефондарға QR кодтарына деген қажеттілікті жояды және транзакциялардың жылдамдығы мен қауіпсіздігін қамтамасыз етеді [11].

Алақан Мектеп жүйесі өз кезегінде мектепке кіруді басқару, оқушылардың қатысуы мен келмеуін автоматты түрде тіркеу, тамақтану уақытын бақылау және ата – аналарға жедел хабарлау үшін алақан биометриясын пайдаланады. Тиімділікті қарастыра, бұл технологиялар жоғары деңгейдегі ыңғайлылық пен тиімділікті қамтамасыз етеді; тамыр үлгісінің арқасында қауіпсіздіктің жоғарлауымен мақтана алады; қатысу мен тамақтануды бақылаудағы ашықтықты қамтамасыз етеді; және қаржылық, білім беру және мемлекеттік қызметтермен оңай интеграцияланады.

Ал кемшіліктеріне тоқталсақ, бірегей биометриялық деректердің ықтимал бұзылуымен байланысты тәуекелдер; жеке цифрлық кеңістікке ықтимал ену; техникалық ақаулар мен істен шығу мүмкіндігі; сондай-ақ орталықтандырылған ұлттық дерекқордың болмауы және мұндай жүйелерді қатаң аудиттеу және сертификаттау қажеттілігі. Жалпы алғанда, биометриялық технологиялар пайдаланушы тәжірибесі мен қауіпсіздігін айтарлықтай жақсартады, бірақ оларды сәтті және этикалық пайдалану азаматтардың құпиялылығын сақтау үшін жеке деректерді қатаң реттеуді және сенімді қорғауды талап етеді [12].

Қазақстанда «Мемлекеттік қызметтер көрсету кезінде жеке тұлғаларды биометриялық сәйкестендіру үшін олардың биометриялық деректерін жинау, өңдеу және сақтау қағидаларын бекіту туралы» заң болғанымен, бұл саладағы қолданыстағы заңнама қазіргі заманғы шындықтан айтарлықтай артта қалып отыр. Ол ақпаратты автоматтандырылған өңдеумен және ЖИ-ті пайдаланумен байланыты жаңа тәуекелдерді шеше алмайды. Осыған орай ЖИ контекстін ескере отырып, заңнаманы жаңарту және жеткілікті қауіпсіздік кепілдігінсіз биометриялық деректерді заңсыз пайдаланған үшін жазаны күшейтуді көздеу қажет [13].

Биометриялық деректерді өңдейтін жасанды интеллект жүйелеріне тәуелсіз бақылаудың болмауы, әсіресе мемлекеттік қызметтерде пайдаланылған кезде, күрделі мәселе болып табылады. Бұл азаматтардың құқықтарын шектуі мүмкін қателіктер, кемсітушілік және техникалық ақаулар қаупін тудырады. Сол себепті, үкімет немесе аккредиттелген тәуелсіз органдар жүргізетін мұндай жүйелердің міндетті аудитін заңнамалық тұрғыдан бекіту өте маңызды. Аудиттің мақсаты дәлдікті, хакерлікке төзімділікті, бейтараптықтың болмауын және жеке деректерді қорғау қағидаттарына сәйкестігін тексеру болуы керек, бұл кейін цифрлық қызметтерге деген сенімді нығайтады.

Биометриялық технологияларды әзірлеу және оларды жасанды интеллекті пайдалана отырып, мемлекеттік қызметтерге біріктіру заң шығарушы орган үшін жаңа, дәстүрлі емес қиындықтар туғызады. Жеке деректерді қорғаудың қолданыстағы ережелері бұл процестерді реттеу үшін жеткіліксіз. Алгоритімдік өңдеумен, автоматтандырылған шешім қабылдаумен және цифрлық

платформаларды масштабтаумен байланысты тәуекелдерді ескере отырып, биометриялық қауіпсіздік механизмдерін жаңғырту қажет.

Мемлекеттің цифрлық дамуы мен адам құқықтары арасындағы үйлесімділікті қамтамасыз ету үшін міндетті түрде ЖИ аудит жүйесін енгізу және биометриялық деректерді заңсыз пайдаланғаны үшін жазаны күшейту қажет. Биометриялық физикалық және цифрлық сәйкестендірудің ажырамас бөлігі болып табылады, сондықтан оны құқықтық қорғау ашықтық, минималды пайдалану, еріктілік және максималды қауіпсіздік қағидаттарына негізделуі керек.

Сонымен жасанды интеллект арқылы биометриялық деректерді пайдалануды қауіпсіз ету үшін келесі нақты шараларды енгізу ұсынылады:

- ЖИ жүйелері арқылы биометриялық деректерді өңдеу алдында міндетті құқықтық және техникалық аудит жүргізу;
- биометриялық деректер қолданылатын ЖИ жүйелерінің алгоритмдерінің ашықтығын және есептілігін қамтамасыз ету;
- азаматтарға өз биометриялық деректерінің қалай және қандай мақсатта қолданылып жатқанын білу, оларды түзету немесе жоюды талап ету құқығын беру;
- биометриялық деректерді ЖИ арқылы заңсыз пайдаланғаны үшін құқықтық жауаптылықты күшейту.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Тоқаев Қ.-Ж. «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы, 2025 жылғы 8 қыркүйек [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz> (жүгінген күні: 25.02.2026);
2. Қазақстан Республикасының Конституциясы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz> (жүгінген күні: 25.02.2026);
3. Қазақстан Республикасының Заңы. Дербес деректер және оларды қорғау туралы: 2013 жылғы 21 мамыр № 94-V [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094> (жүгінген күні: 28.02.2026);
4. Қазақстан Республикасының Заңы. Жасанды интеллект туралы: 2025 жылғы 17 қараша № 230-VIII [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz> (жүгінген күні: 28.02.2026);
5. The French SA fines Clearview AI EUR 20 million European Data Protection Board. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.edpb.europa.eu> (access data: 04.03.2026);
6. Justice K. S. Puttaswamy (Retd.) v. Union of India (Aadhaar case) [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://main.sci.gov.in> (жүгінген күні: 04.03.26);
7. Тоқаев: в ближайшие пять лет Казахстан должен стать цифровым государством // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://forbes.kz> (дата обращения: 05.03.2026);
8. Биометрическое устройство [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 05.03.2026);
9. Biometric Information Privacy Act (BIPA) [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://www.ilga.gov> (access data: 05.03.2026);
10. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL) [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://npcobserver.com> (жүгінген күні: 05.03.2026);
11. Kaspi Alaqan passed ARRFR information security audit [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://kaspi.kz> (жүгінген күні: 07.03.2026);
12. Kazakhstan's Rising Tech Stars Present Innovative Solutions at UNESCAP Conference [Electronic resource] – Access mode: <https://astanatimes.com> (жүгінген күні: 07.03.2026);
13. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2023 жылғы 31 тамыздағы № 748 қаулысы. Мемлекеттік қызметтер көрсету кезінде жеке тұлғаларды биометриялық сәйкестендіру үшін олардың биометриялық деректерін жинау, өңдеу және сақтау қағидаларын бекіту туралы [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2300000748> (жүгінген күні: 07.03.2026).

ӘОЖ 342.5:340.12

Симанова Гулдана Тағыбергеновна,

Қазақстан Республикасы ІІМ М. Бөкенбаев атындағы Ақтөбе заң институтының оқытушысы,
Қазақстан Республикасы, Ақтөбе қ.

МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУДАҒЫ ЗАҢ МЕН ТӘРТІП ҚАҒИДАТЫНЫҢ ДАМУЫ МЕН ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Аннотация. Мақалада мемлекеттік басқарудағы заңдылық пен тәртіп қағидатының маңызы, оның дамуы мен институционалдық негіздері қарастырылады. Қазақстандағы құқықтық реформалар, мемлекеттік басқару жүйесінің тиімділігін арттырудағы заң үстемдігінің рөлі талданады. Сонымен қатар, халықаралық тәжірибе негізінде құқықтық мәдениетті қалыптастыру, цифрландыру және ашықтықты қамтамасыз ету мәселелері сараланады.

Түйінді сөздер: заңдылық; тәртіп; құқықтық мемлекет; мемлекеттік басқару; құқықтық мәдениет; цифрландыру; сыбайлас жемқорлық; халықаралық тәжірибе.

Аннотация. В статье рассматриваются значение принципа законности и порядка в государственном управлении, его развитие и институциональные основы. Анализируются правовые реформы в Казахстане и роль верховенства закона в повышении эффективности государственного управления. Также освещаются вопросы формирования правовой культуры, цифровизации и обеспечения прозрачности на основе международного опыта.

Ключевые слова: законность; порядок, правовое государство; государственное управление; правовая культура; цифровизация; коррупция; международный опыт.

Abstract. This article examines the importance of the rule of law and order in public administration, as well as its development and institutional foundations. It analyzes legal reforms in Kazakhstan and the role of the rule of law in improving the effectiveness of governance. The paper also explores issues of legal culture formation, digitalization, and transparency based on international experience.

Keywords: rule of law; order; legal state; public administration; legal culture; digitalization; corruption; international experience.

Қазіргі кезеңде мемлекеттің тұрақты дамуы мен тиімді қызмет етуі құқықтық жүйенің беріктігіне және қоғамдық тәртіп деңгейіне тікелей тәуелді. Осы тұрғыдан алғанда, заңдылық пен тәртіп қағидаты мемлекеттік басқарудың негізгі іргетасы ретінде қарастырылады. Құқықтық нормалардың сақталуы мемлекеттік институттардың тұрақтылығын қамтамасыз етіп қана қоймай, қоғамдағы әділеттілік пен азаматтардың қауіпсіздігін нығайтады.

Заңдылық – бұл мемлекет белгілеген жалпыға міндетті құқықтық нормалардың жүйесі болса, ал тәртіп – сол нормалардың іс жүзінде орындалу деңгейін сипаттайтын әлеуметтік құбылыс. Заң талаптарының бұзылуы қоғамдағы тұрақсыздыққа, ал тәртіптің әлсіреуі құқықтық нигилизмнің қалыптасуына әкелуі мүмкін. Сондықтан әрбір азаматтың құқықтық жауапкершілігі мен құқықтық мәдениеті ерекше маңызға ие [1].

Қазақстан Республикасында жүргізіліп жатқан құқықтық және саяси реформалар заң үстемдігін қамтамасыз етуге бағытталған. Ата заңымыз – Конституция азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын айқындап бергенімен, олардың толық жүзеге асуы мемлекеттік органдар мен азаматтардың бірлескен жауапкершілігіне байланысты. Құқық қорғау органдары заң талаптарының орындалуын қамтамасыз етуде маңызды рөл атқарады, алайда құқықтық тәртіптің негізі азаматтардың ішкі құқықтық мәдениетінде жатыр.

Мақалада заң үстемдігі ұғымына ерекше назар аударылады. Заңға бағыну – тек санкциядан қауіптену емес, бұл – азаматтық сананың көрсеткіші. Осы орайда, құқықтық мемлекет құру үдерісі әрбір азаматтың заң талаптарын саналы түрде орындауына негізделуі тиіс. Бұл қағидат Қазақстанның құқықтық даму стратегиясында басым бағыттардың бірі болып табылады.

Құқық бұзушылықтың алдын алу тек мемлекеттік органдардың міндеті емес. Бұл бағытта отбасы институтының, білім беру жүйесінің және азаматтық қоғамның рөлі зор. Құқықтық ағарту мен тәрбиенің тиімді жүргізілуі жастардың құқықтық санасын қалыптастыруға ықпал етеді [2].

Мемлекеттік басқаруда заңдылық пен тәртіп қағидатын қамтамасыз ету институционалдық тетіктердің тиімділігіне байланысты. Мемлекеттік органдардың қызметіндегі ашықтық, есептілік және жауаптылық деңгейі құқықтық мемлекеттің даму көрсеткіші болып табылады. Осы тұрғыдан алғанда, «Заң және Тәртіп» қағидаты мемлекеттік басқарудың сапасын арттыруға бағытталған маңызды бастама болып табылады.

Қазіргі уақытта цифрландыру үдерісі құқықтық жүйені жетілдірудің негізгі құралдарының біріне айналды. Электрондық үкімет, ашық деректер және онлайн қызметтер мемлекеттік басқарудың тиімділігін арттырып, азаматтардың құқықтарын іске асыру мүмкіндігін кеңейтеді [3].

Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Әділетті Қазақстан: заң мен тәртіп, экономикалық өсім, қоғамдық оптимизм» атты 2025 жылғы 8 қыркүйектегі Қазақстан халқына Жолдауы ел дамуының жаңа кезеңін айқындайтын маңызды стратегиялық құжат болып табылады. Бұл Жолдау қоғамның барлық саласын қамтып, мемлекеттің алдағы бағыт-бағдарын нақты көрсетеді.

Аталған Жолдаудың негізгі өзегі – елімізде әділетті қоғам құру. Президент заң үстемдігін қамтамасыз ету арқылы азаматтардың құқықтарын қорғау, сот жүйесінің ашықтығы мен тиімділігін арттыру қажеттігін атап өтті. Заң мен тәртіптің сақталуы – тұрақты әрі қауіпсіз мемлекеттің негізі екені ерекше көрсетілді [4].

Азия елдерінің тәжірибесі де ерекше назар аударуға тұрарлық. Мысалы, Сингапурда сыбайлас жемқорлыққа қарсы қатаң саясат жүргізілсе, Жапонияда құқықтық мәдениет білім беру жүйесі арқылы қалыптастырылады. Бұл тәжірибелер құқықтық тәртіптің тек институционалдық емес, мәдени негіздері де бар екенін көрсетеді.

Халықаралық ұйымдар, соның ішінде БҰҰ және басқа да құрылымдар құқықтық мемлекет қағидаттарын нығайтуды тұрақты түрде ұсынып келеді. Қазақстан да бұл бағытта халықаралық стандарттарға сәйкес реформаларды жүзеге асыруда [5].

Менің ойымша, Қазақстанда жүргізіліп жатқан реформалар халықаралық озық тәжірибемен үйлесімді жүзеге асырылуда. Атап айтқанда, мемлекеттік қызметтерді цифрландыру, сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылды күшейту, құқық қорғау органдарының ашықтығын арттыру және құқықтық мәдениетті дамыту бағытындағы шаралар жүйелі сипатқа ие.

Осыған байланысты, заңдылық пен тәртіп қағидатын одан әрі жетілдіру үшін келесі ұсынымдарды ұсынуға болады:

- құқықтық білім беру жүйесін жетілдіру;
- мемлекеттік басқаруда цифрлық технологияларды кеңінен енгізу;
- сыбайлас жемқорлыққа қарсы бақылауды күшейту;
- құқық қорғау органдары қызметіне қоғамдық бақылауды дамыту.

Заңдылық пен тәртіп – мемлекеттің тұрақтылығы мен қоғамның өркениетті дамуының негізгі кепілі. Бұл қағидаттарды сақтау мемлекеттік басқарудың тиімділігін арттырып қана қоймай, азаматтардың құқықтарын қорғауға және қоғамдағы сенімді нығайтуға мүмкіндік береді. Сондықтан заң үстемдігін қамтамасыз ету – мемлекет пен қоғамның ортақ стратегиялық міндеті болып табылады.

Заңға бағыну – азаматтық мәдениеттің көрсеткіші. Әрбір азамат өз жауапкершілігін түсініп, құқықтық нормаларды сақтағанда ғана әділетті, тұрақты және дамыған қоғам қалыптасады. Сондықтан заңдылық пен тәртіпті сақтау – мемлекет пен қоғамның ортақ міндеті әрі өркениетті болашаққа бастайтын сенімді жол.

Заңдылық пен тәртіпті қамтамасыз ету – тек Қазақстан үшін емес, бүкіл әлемдік қауымдастық үшін маңызды міндет. Әрбір мемлекет құқықтық тәртіпті нығайтуда өзіндік ерекшеліктерге ие болғанымен, халықаралық тәжірибеде қолданылатын ортақ тиімді модельдер бар. Бұл тәжірибелерді Қазақстанның құқықтық жүйесін дамытуда ескеру маңызды.

Көптеген Еуропа елдерінде құқықтық тәртіптің жоғары деңгейі мемлекеттік органдардың ашықтығы мен қоғамның бақылауы арқылы қамтамасыз етіледі. Германия, Нидерланд және Швеция сияқты елдерде мемлекеттік басқару жұмысы толықтай цифрландырылып, азаматтардың өтініштерін қабылдау мен өңдеу процестері автоматтандырылған. Бұл шешім қабылдаудағы бюрократияны азайтып, құқықтық нормалардың орындалуын жеделдетеді. Сот жүйесінің тәуелсіздігі мен ашықтығы да Еуропадағы негізгі қағидаттардың бірі. Әсіресе Финляндияда құқық қорғау органдарының қызметі халықтың сеніміне негізделген, ал полиция жұмысы қоғаммен тығыз байланыста жүргізіледі.

Жоғарыда қарастырылған халықаралық тәжірибе Қазақстанның құқықтық мемлекет құру жолындағы бағытының әлемдік стандарттарға толық сәйкес келетінін көрсетеді. Дамыған мемлекеттердің құқықтық тәртіпті нығайтудағы негізгі қағидаттары – мемлекеттік басқарудың ашықтығы, цифрландыру, сыбайлас жемқорлыққа қарсы тиімді бақылау, құқықтық мәдениетті ерте қалыптастыру және құқық қорғау жүйесіне қоғамдық сенімді арттыру – бүгінде Қазақстанда да дәйекті түрде жүзеге асырылып жатқан реформалардың маңызды бөлігі болып табылады.

Халықаралық тәжірибе құқықтық тәртіп пен заң үстемдігін нығайтудың ғаламдық маңызын дәлелдейді. Қазақстанның осы бағыттағы реформалары әлемдік озық үлгілерді тиімді пайдаланып, құқықтық мемлекетті дамытуда дұрыс бағытын тандағанын айқын көрсетеді.

Сондықтан заңдылық пен тәртіп қағидаттарын әрі қарай сақтау, қолданыстағы реформаларды жалғастыру және жетілдіру – еліміздің тұрақты дамуына, халықаралық аренадағы беделінің артуына және азаматтардың қауіпсіз, әділетті қоғамда өмір сүруіне негіз қалайды.

Қазақстан дәл осы бағытпен жүре отырып, құқықтық мемлекет құруда табысты нәтижелерге қол жеткізетіні сөзсіз.

Қасым-Жомарт Тоқаевтың 2024 жылғы 2 қыркүйектегі Қазақстан халқына Жолдауында қоғам дамуының басты қағидаттарының бірі ретінде заң мен тәртіптің маңыздылығы ерекше атап өтілді. Мемлекет басшысы әділетті, қауіпсіз және тұрақты қоғам қалыптастыру үшін құқық үстемдігін қамтамасыз ету негізгі шарт екенін көрсетті [6].

Осыған байланысты Қазақстан Республикасының Үкіметі «Заң мен тәртіп» тұжырымдамасын әзірледі. Бұл құжат құқықтық саясаттың жаңа бағытын айқындап, құқық бұзушылықтардың алдын алуға басымдық беруді көздейді. Яғни, тек құқық бұзушылықтарға жедел әрекет ету ғана емес, олардың туындау себептерін жою, алдын алу тетіктерін күшейту басты назарға алынады.

Тұжырымдама аясында азаматтардың құқықтық сауаттылығын арттыру маңызды бағыттардың бірі ретінде қарастырылып отыр. Қоғам мүшелерінің заңдарды білуі және құрметтеуі – құқықтық мәдениеттің қалыптасуына тікелей әсер етеді. Бұл өз кезегінде құқық бұзушылық деңгейін төмендетіп, қоғамдық тәртіпті нығайтуға ықпал етеді.

Сонымен қатар, цифрлық технологияларды енгізу арқылы құқық қорғау органдарының жұмыс тиімділігін арттыру көзделген. Ашықтық пен есептілік қағидаттарын нығайту, мемлекеттік органдар мен қоғам арасындағы өзара сенімді күшейту де тұжырымдаманың маңызды құрамдас бөлігі болып табылады.

Қорытындылай келе, аталған тұжырымдаманың маңызы бірнеше қырынан көрінеді.

Біріншіден, ол құқық бұзушылықтың салдарымен күресуден гөрі, оның алдын алуға басымдық беру арқылы мемлекеттік саясаттың бағытын өзгертеді. Бұл – қауіпсіз қоғам қалыптастырудың анағұрлым тиімді жолы.

Екіншіден, азаматтардың құқықтық сауаттылығын арттыру арқылы әрбір адамның заң алдындағы жауапкершілігін күшейтіп, құқықтық сананы қалыптастыруға ықпал етеді.

Үшіншіден, мемлекеттік органдардың ашықтығы мен есептілігін арттыру қоғам мен билік арасындағы сенімді нығайтып, әлеуметтік тұрақтылықтың берік негізін қалайды.

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының Үкіметі жүзеге асырып отырған бұл бастама құқық қорғау жүйесінің тиімділігін арттырып қана қоймай, инвестициялық ахуалдың жақсаруына, экономикалық өсімнің тұрақтануына да оң әсерін тигізеді. Заң үстемдігі берік орнаған жерде кәсіпкерлік дамып, азаматтардың құқықтары сенімді қорғалады.

Осы тұста тұжырымдаманың тағы бір маңызды қыры – мемлекеттік басқарудың сапасын жаңа деңгейге көтеруінде. Яғни, цифрландыру, деректерге негізделген шешім қабылдау және қоғамдық бақылау құралдарын дамыту арқылы басқару процестері анағұрлым тиімді әрі икемді бола түседі. Бұл өз кезегінде сыбайлас жемқорлық тәуекелдерін азайтып, мемлекеттік ресурстарды әділ әрі тиімді бөлуге мүмкіндік береді.

Сондай-ақ, бұл бастама құқық қорғау органдарының қызметін жаңғыртып, оларды тек жазалаушы емес, қоғаммен серіктестік негізде жұмыс істейтін институттарға айналдыруды көздейді. Азаматтар мен мемлекет арасындағы өзара сенімнің артуы – кез келген құқықтық реформаның табысты болуының негізгі шарты.

Халықаралық тәжірибе көрсеткендей, заң үстемдігі нығайған елдерде әлеуметтік әділеттілік деңгейі жоғарылап, адами капитал сапасы жақсарады. Осы тұрғыдан алғанда, «Заң мен тәртіп» тұжырымдамасы Қазақстанның жаһандық бәсекеге қабілеттілігін арттыруға да ықпал ететін маңызды стратегиялық қадам болып табылады.

Осылайша, «Заң мен тәртіп» тұжырымдамасы – әділетті қоғам құрудың, құқықтық мемлекет қағидаттарын орнықтырудың және азаматтардың әл-ауқатын арттырудың негізгі тетіктерінің бірі. Ол ұзақ мерзімді перспективада Қазақстанның тұрақты дамуын қамтамасыз етіп, қоғамдағы сенім, қауіпсіздік және жауаптылық мәдениетін қалыптастыруға қызмет етеді.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Балабаев К.Р., Курманова А.К. «Заң үстемдігі мен тәртіп: қазіргі жағдайда ұлттық мемлекетшілдікті дамытудың ең маңызды құқықтық факторы» // Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық акпарат институтының хабаршысы». — 2023. — № 1(72). — Б. 33–40. — DOI: 10.52026/2788-5291_2023_72_1_33.

2. Guerrero, O. A., Castañeda, G. — «Тиімді басқару сыбайлас жемқорлықты азайтуды кепілдей ме? Заң үстемдігінің тиімділігінің төмендеуі бойынша дәлелдер» // Journal of Comparative Policy Studies. — 2021. — Т. 14, № 3. — Б. 45–62.

3. Jaffe, K., Martinez E., т.б. — «Конституциялар, әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштер және заң үстемдігі арасындағы байланыс: сандық термодинамикалық тәсіл» // Journal of Social and Economic Systems. — 2020. — Т. 12, № 2. — Б. 101–118.

4. Қазақстан Республикасы Президенті Тоқаев Қ. Ж. «Әділетті Қазақстан: заң мен тәртіп, экономикалық өсім, қоғамдық оптимизм» — Қазақстан халқына Жолдау, 08 қыркүйек 2025. — Ақорда, 2025. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-adiletti-kazakstan-zan-men-tartip-ekonomikalyk-osim-kogamdyk-optimizm-atty-kazakstan-halkyna-zholdauy-285659> (жүгінген күні: 18.11.2025)

5. Заң мен Тәртіп. «Заң және тәртіп» – халықтың құқықтық сана-сезімін арттыратын маңызды фактор» // Егемен Қазақстан, 24 маусым 2025. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://egemen.kz/article/za-n-jane-tartip-2025> (жүгінген күні: 18.11.2025)

6. Президент Қасым-Жомарт Тоқаев 2024 жылғы 2 қыркүйектегі Қазақстан халқына Жолдауында үйлесімді, әділетті әрі тұрақты қоғам құрудың негізі ретінде заң мен тәртіптің маңыздылығын атап өтті. Осыған орай, Үкімет «Заң мен тәртіп» тұжырымдамасын әзірледі, оның шеңберінде құқық бұзушылыққа жедел ден қоюға ғана емес, алдын алу шаралары мен азаматтардың құқықтық сауаттылығын арттыруға баса назар аударылуда, деп хабарлады Elordainfo.kz // Elordainfo.kz. — 2024. — 02.09. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://elordainfo.kz> (жүгінген күні: 18.11.2025).

УДК 342.7

Хохлова Дарья Павловна,
преподаватель ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Российская Федерация

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования гендерного равенства в России и Казахстане. На основе норм Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Казахстан исследуются нормативные правовые акты, обеспечивающие реализацию принципа равенства. Предпринята попытка определения существующих барьеров, препятствующих полной интеграции женщин в общественные процессы. Особое внимание уделяется сравнению опыта России и Казахстана в части правового регулирования и разработки стратегических документов, направленных на повышение роли женщин в обществе. Формулируется вывод о том, что, несмотря на различия в подходе регламентации данных вопросов, и Россия, и Казахстан регулируют вопрос гендерного равенства через призму семейных ценностей и необходимости дополнительной защиты женщин. Подчеркивается необходимость совершенствования действующего законодательства и повышения эффективности механизмов его реализации.

Ключевые слова: гендерное равенство; конституционные нормы; государственные гарантии; дискриминация; трудоустройство женщин; трудовое законодательство; семейная политика; репродуктивное здоровье.

Аннотация. Мақала Ресей мен Қазақстандағы гендерлік теңдікті құқықтық реттеу мәселелеріне арналған. Ресей Федерациясы Конституциясының және Қазақстан Республикасы Конституциясының нормалары негізінде теңдік қағидатын іске асыруды қамтамасыз ететін нормативтік құқықтық актілер зерттеледі. Әйелдердің қоғамдық процестерге толық интеграциялануына кедергі келтіретін бар кедергілерді анықтауға әрекет жасалды. Ресей мен Қазақстанның құқықтық реттеу және әйелдердің қоғамдағы рөлін арттыруға бағытталған стратегиялық құжаттарды әзірлеу бөлігіндегі тәжірибесін салыстыруға ерекше назар аударылады. Осы мәселелерді реттеу тәсіліндегі айырмашылықтарға қарамастан, Ресей де, Қазақстан да гендерлік теңдік мәселесін отбасылық құндылықтар призмасы және әйелдерді қосымша қорғау қажеттілігі арқылы реттейді деген тұжырым тұжырымдалуда. Қолданыстағы заңнаманы жетілдіру және оны іске асыру тетіктерінің тиімділігін арттыру қажеттілігі атап өтіледі.

Түйінді сөздер: гендерлік теңдік; конституциялық нормалар; мемлекеттік кепілдіктер; кемсітушілік; әйелдерді жұмысқа орналастыру; еңбек заңнамасы; отбасы саясаты; репродуктивті денсаулық.

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of gender equality in Russia and Kazakhstan. Based on the norms of the Constitution of the Russian Federation and the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the normative legal acts ensuring the implementation of the principle of equality are studied. An attempt has been made to identify the existing barriers preventing the full integration of women into social processes. Special attention is paid to comparing the experience of Russia and Kazakhstan in terms of legal regulation and the development of strategic documents aimed at enhancing the role of women in society. The conclusion is formulated that, despite the differences in the approach to regulating these issues, both Russia and Kazakhstan regulate the issue of gender equality through the prism of family values and the need for additional protection of women. The need to improve the current legislation and increase the effectiveness of its implementation mechanisms is emphasized.

Keywords: gender equality; constitutional norms; state guarantees; discrimination; women's employment; labor legislation; family policy; reproductive health.

Принцип равенства служит фундаментом справедливого государственного и общественного устройства, реализация и обеспечение которого составляют одну из ключевых задач правового и демократического государства. Несмотря на наличие юридических норм, гарантирующих равноправие всех граждан независимо от пола, реальные условия демонстрируют неполное исполнение требований равенства, порождая многочисленные социально-правовые конфликты. Проблема равенства до сих пор воспринимается преимущественно по отношению к женщинам.

Активизация участия женщин в современном обществе проявляется в социальной и публичной сферах, активном включении в процессы получения образования и трудовую деятельность. Однако сохраняющие значительное влияние традиционные гендерные установки и стереотипы создают объективные ограничения для одновременного осуществления успешной профессиональной деятельности и полноценной семейной жизни, ограничивая возможности самореализации женщин. Согласно данным Организации Объединенных Наций, показатель женской безработицы превышает аналогичный мужской. Одновременно женщины традиционно несут значительную нагрузку: они

ежегодно тратят на три часа больше времени на уход за семьей и бытовые обязанности, чем мужчины [1].

Обозначенная ситуация определяет актуальность и значимость анализа опыта России и Казахстана, который позволит глубже осмыслить социальные проблемы и выработать возможные пути преодоления негативных последствий влияния устоявшихся культурных, социальных и иных стереотипов на положение женщин в обществе. Сравнительное исследование двух стран обусловлено схожестью исторического наследия, тесными геополитическими связями, особенностями национальных правовых систем и необходимостью изучения зарубежного опыта. Такой подход позволяет определить преимущества и недостатки существующего правового регулирования, разработать рекомендации по ее совершенствованию и обеспечить эффективное функционирование общественных институтов, ориентированных на поддержание подлинного равенства и справедливости.

Регулирование равенства прав и свобод мужчин и женщин в России и Казахстане основана на важнейших положениях их конституции. Основополагающее значение имеет статья 19 Конституции РФ, устанавливающая принцип юридического равенства каждого перед законом и судом, включая равноправие и равную доступность прав и свобод независимо от пола [2]. Аналогичные положения присутствуют в статье 14 Конституции Республики Казахстан [3]. Учет половых различий важен для достижения реального равенства, а не формального. В частности, особое внимание уделяется свободе труда и праву на труд (статья 37 Конституции РФ, статья 24 Конституции РК). Государство вводит меры защиты женщин в аспекте материнства, как одной и основных ролей женщины в обществе (статья 38 Конституции РФ, статья 27 Конституции РК). Эти нормы подчеркивают особую роль женщин в воспроизводстве населения и требуют дополнительных мер поддержки и защиты.

Нормы конституций формируют фундамент для дальнейшего развития политики государства в отношении гендерного равенства. Они служат отправной точкой для принятия законов и стратегий, направленных на улучшение ситуации женщин в обществе. Для полноценного обеспечения гендерного равенства требуется специальное законодательство, в котором будут отражены конституционные предписания.

В связи с этим, особого внимания заслуживают положения Закона Республики Казахстан «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» от 8 декабря 2009 г. № 223-IV (далее – Закон № 223-IV) [4].

Уже само название Закона № 223-IV отражает глубокий смысл: использование термина «государственные гарантии» подчеркивает необходимость многообразия инструментов воздействия в рамках правового регулирования. В рассматриваемом нормативном правовом акте определены основополагающие для настоящего исследования понятия: «дискриминация по признаку пола», «равные права», «равные возможности».

Значимой частью Закона № 223-IV является статья 3, в которой установлены цель, задачи и принципы, направленные на формирование общества, свободного от дискриминации по признакам пола. Среди принципов выделяется требование «искоренения гендерных стереотипов и предубеждений в обществе», что свидетельствует о глубоком осознании законодателя природы дискриминации.

Важнейшие гарантии Закона № 223-IV касаются запрета дискриминации, обеспечения соблюдения равных прав и возможностей мужчин и женщин относительно трудовых отношений, брачно-семейных отношений, здравоохранения, образования и культуры, а также контроль и ответственность за нарушение законодательства о государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин.

Проведенный анализ позволяет заключить, что данный закон является прогрессивным документом, отражающим подход к решению проблем гендерного неравенства. Существуют перспективы для внедрения рассматриваемого зарубежного опыта в российское законодательство. Вместе с тем, важно отметить наличие определенных недостатков: отсутствие специфики мер по предупреждению дискриминации и конкретности в предписаниях, их декларативный характер [5, с. 29], неполноту правового регулирования, несоответствие некоторых норм трудовому законодательству Республики Казахстан [6], отсутствие положений, запрещающих сексуальные домогательства в трудовой сфере [7]. Таким образом, существует потребность в совершенствовании и доработке Закона № 223-IV.

Следующим ключевым элементом правового регулирования равенства полов выступают нормативные правовые акты в сфере труда. Можно выделить следующие моменты:

1. Принцип недопущения дискриминации. Россия прямо запрещает дискриминацию по признаку пола (статьи 2 и 3 Трудового кодекса РФ (далее по тексту – ТК РФ), а также отказ работодателя заключать трудовой договор с беременной женщиной или матерью малолетних детей (статья 64 ТК РФ) [8]. Казахстан аналогичным образом запрещает дискриминацию по полу (статьи 4 и 6 Трудового кодекса Республики Казахстан (далее по тексту – ТК РК [9]), а также защищает беременных женщин и матерей несовершеннолетних детей (статья 25 ТК РК).

2. Регулирование вопроса гендерного равенства отличается отдельной главой 41 ТК РФ, специально, посвященной особенностям женщин и лиц с семейными обязанностями. Здесь предусмотрены особые гарантии, касающиеся охраны репродуктивного здоровья, порядка перевода на менее вредные виды работ по определенным причинам, отпуска по беременности и родам, уходу за ребенком и др. Казахстан, напротив, не выделяет отдельную главу, а регулирует указанные вопросы отдельными нормами, находящимся в различных главах ТК РК (например, статьи 25, 44, 99 ТК РК и др.)

Нельзя не отметить, что особое регулирование труда женщин и лиц с семейными обязанностями сложилось исторически вследствие признания данной категории работников особо уязвимыми и нуждающимися в повышенных мерах государственной поддержки. Согласно исследованию Ю.В. Иванчиной и Е.А. Истоминой, нормы трудового права совместно с социальными гарантиями обеспечивают удовлетворение основных социальных потребностей и способствуют повышению уровня жизни женщин [10, с. 56]. Необходимость дифференцированного подхода обусловлена объективными различиями среди работников и потребностью учитывать интересы как участников трудовых отношений, так общество и государство в целом. Игнорирование этих особенностей создает риск возникновения необоснованной дискриминации.

Таким образом, трудовое законодательство способствует обеспечению равных возможностей для женщин и мужчин, создавая систему правовых гарантий, смягчающую неблагоприятные последствия, связанные с рождением ребенка, предотвращая возникновение дискриминационных практик через введение дифференцированных мер правового регулирования.

Несмотря на некоторые отличия в структуре и форме изложения норм, оба государства демонстрируют стремление реализовать принцип гендерного равенства в сфере труда, сочетая универсальный запрет дискриминации с дифференцированными мерами поддержки отдельных категорий работников. Подход России характеризуется большей степенью систематичности и структурирования норм. Вместе с тем обе модели направлены на достижение единого результата – эффективное предотвращение дискриминации и создание благоприятных условий для сочетания женщинами профессионального роста и семейного благополучия.

В дальнейшем необходимо рассмотреть стратегические документы, определяющие основные цели и задачи в отношении гендерного равенства в России и Казахстане. Их основное назначение – установление направлений деятельности по обеспечению равных прав и возможностей для мужчин и женщин.

В Российской Федерации отсутствует единый нормативный акт, направленный на проблему гендерного неравенства. Однако среди значимых актов можно выделить следующие:

– Указ Президента РФ от 4 марта 1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (далее по тексту – Указ № 337), направленный на устранение неравенства и дискриминации женщин в России [11]. Данный нормативный акт, несмотря на свою значимость, содержит ряд недостатков: формулировки, затрудняющие реализацию предписаний; двусмысленность, например, утверждение об отставании женщин в квалификации, а также ориентация формально родительских функций на обоих родителей, фактически возлагающая ответственность лишь на женщин. Следовательно, Указ № 337 нуждается в глубоком анализе и актуализации к современным условиям.

– Распоряжение Правительства Российской Федерации 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы» (далее по тексту – Стратегия) [12]. Стратегия нацелена на устранение гендерного неравенства путем укрепления их экономического статуса, политического влияния и улучшения жизненных условий. План мероприятий по реализации в 2023 – 2026 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 – 2030 годы предусматривает повышение активности в экономике и политике, укрепление здоровья и профилактику социального неблагополучия. Эффективность ряда мер ограничивается отсутствием четких критериев оценки финансирования, коротким периодом реализации, недостаточным для устранения долгосрочных структурных диспропорций.

– Указ Президента РФ от 09 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [13] ввел комплекс мер по улучшению демографии и укреплению института семьи, уделяя внимание медицинской помощи женщинам, материальной поддержке семей, содействию трудоустройству молодых матерей и охране репродуктивного здоровья.

– Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [14], которая направлена на поддержку семьи и усиление женского потенциала. Ключевыми мерами являются поддержка занятости женщин с детьми, продвижение ответственного материнства и охрана репродуктивного здоровья. Вопрос общей охраны женского здоровья остается недостаточно проработанным, что отражает ограничения политики в области прав женщин.

– Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р, утвердившее Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, служит инструментом современной семейной и демографической политики, фокусируясь на защите материнства, укреплении семьи, обеспечении равных возможностей для самореализации женщин и создании комфортных условий для совмещения профессиональных и семейных обязанностей [15].

Указ Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 г. утвердил Концепцию семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года, которая нацелена на укрепление института семьи как основы общества, поддержание традиционных ценностей и предотвращение разводов, устранение гендерных различий в социальной, экономической и политической сфере, а также предотвращение насилия в семье [16]. Документ подчеркивает важность последовательных шагов по укреплению института семьи и продвижению гендерного равенства в Республике Казахстан.

Анализ показывает, что российское и казахстанское законодательство направлено на создание равных возможностей для мужчин и женщин, однако сохраняется ряд серьезных препятствий, обусловленных традиционными культурными установками и юридическими пробелами. Законодательство двух государств отличается наличием специальных нормативных актов, направленных на решение проблемы гендерного неравенства, однако эффективность их исполнения вызывает сомнения. К тому же, особенность российского правового регулирования вопросов гендерного равенства заключается в том, что оно интегрировано в семейную и демографическую политику, тогда как в Казахстане соответствующие нормы сформулированы непосредственно применительно к проблеме гендерного неравенства. Представляется значимым для России перенять принцип «искоренения гендерных стереотипов и предубеждений в обществе» и отразить в действующем законодательстве. Современная женщина – полноценный субъект общества, чья деятельность охватывает разнообразные сферы жизни, выходя за рамки традиционного понимания репродуктивной функции. Признание и учет уникальной роли женщин способствует эффективному функционированию и прогрессивному развитию общества и государства.

Список использованных источников:

1. Международный день равной оплаты труда: женщины до сих пор получают меньше мужчин. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2025/09/1466384> (дата обращения: 01.03.2026);
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416;
3. Конституция Республики Казахстан, принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 03.03.2026);
4. Закон Республики Казахстан «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» (ред. от 10 января 2025 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000223> (дата обращения: 03.03.2026);
5. Баймаханов М.Т. Комментарий к Закону Республики от 8 декабря 2009 года № 233 «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» // Вестник Института законодательства Республики Казахстана. 2010. № 3 (19). С. 28-20;
6. Хасенов М.Х. О результатах анализа законодательства Республики Казахстан о государственных гарантиях равных возможностей мужчин и женщин // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2019. № 3 (57). С.116-125;

7. Баймолдинова Е.Т. Возвращаясь к научной публикации PhD М.Х. Хасенова «О результатах анализа законодательства Республики Казахстан о государственных гарантиях равных возможностей мужчин и женщин» // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2023. № 2 (73). С. 259-263;
8. Трудовой кодекс Российской Федерации (ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 3; 2025. № 52 (ч. I), ст. 8319;
9. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК (ред. от 09 января 2026 г.) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/docs/K1500000414> (дата обращения: 04.03.2026);
10. Ю.В. Иванчина, Е.А. Истомина. Реализация политики средствами трудового и социально-обеспечительного законодательства. Российское право: образование, практика, наука. 2025. 4. С. 51-66;
11. Указ Президента РФ от 04 марта 1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (ред. от 01 сентября 2000 г.) // СЗ РФ. 1993. № 11, ст. 937; 2000. № 36, ст. 3634;
12. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023-2030 годы» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. III), ст. 477;
13. Указ Президента РФ от 09 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 01 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2007. № 42, ст. 5009; 2014 № 27, ст. 3754;
14. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35, ст. 4811;
15. Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политике, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 13, ст. 1505;
16. Указ Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года № 384 «Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года» (ред. от 13 апреля 2023 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000384> (дата обращения: 04.03.2026).

**ЖАҢАНДАНУ ЖӘНЕ ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ПРОКУРОРЛЫҚ ҚЫЗМЕТ: СЫН-
ҚАТЕРЛЕР МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАР**

**ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**PROSECUTORIAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION:
CHALLENGES AND PROSPECTS**

УДК 347.963

Абденова Сауле Кененовна,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
г. Косшы, Республика Казахстан

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОКУРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ СЕРВИСНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования сервисной модели в органах прокуратуры Республики Казахстан как одного из направлений модернизации государственного управления. В работе рассматриваются теоретические основы сервисного государства и особенности их адаптации в национальной правовой системе. Показано, что сервисный подход реализуется через цифровизацию надзорной деятельности, развитие профилактики правонарушений и расширение взаимодействия прокуратуры с гражданами и бизнесом. Проанализированы институциональные механизмы реализации сервисной модели, включая защиту прав инвесторов, внедрение цифровых технологий и развитие аналитических инструментов предупреждения правонарушений. Обоснована роль органов прокуратуры как координирующего субъекта в обеспечении законности и правовой безопасности. Сделан вывод о формировании сервисно-ориентированной модели прокурорской деятельности, направленной на предупреждение правонарушений и повышение уровня доверия общества. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании деятельности органов прокуратуры в условиях сервисной трансформации государственного управления.

Ключевые слова: сервисная модель; общественный диалог; публичность; прокуратура; трансформация; профилактика правонарушений; цифровизация; инвесторы; закон и порядок; государственное управление.

Аннотация. Мақала мемлекеттік басқаруды жаңғыртудың бағыттарының бірі ретінде Қазақстан Республикасы прокуратура органдарында сервистік модельді қалыптастыру мәселелеріне арналған. Жұмыста сервистік мемлекеттің теориялық негіздері және олардың ұлттық құқықтық жүйеге бейімделу ерекшеліктері қарастырылады. Сервистік мемлекет тұжырымдамасының теориялық негіздері және оның ұлттық құқықтық жүйеге бейімделу ерекшеліктері қарастырылады. Сервистік тәсілдің прокурорлық қадағалауды цифрландыру, құқық бұзушылықтардың алдын алу тетіктерін дамыту және прокуратураның азаматтармен және бизнеспен өзара іс-қимылын кеңейту арқылы жүзеге асырылатыны көрсетілген. Сервистік модельді іске асырудың институционалдық тетіктері, соның ішінде инвесторлардың құқықтарын қорғау, цифрлық технологияларды енгізу және құқық бұзушылықтардың алдын алуға арналған талдау құралдарын дамыту зерттелген. Зандылық пен құқықтық қауіпсіздікті қамтамасыз етудегі прокуратура органдарының үйлестіруші рөлі негізделген. Зерттеу нәтижесінде құқық бұзушылықтардың алдын алуға және қоғамның сенімін арттыруға бағытталған прокуратура қызметінің сервистік моделінің қалыптасып жатқаны туралы қорытынды жасалған. Зерттеу нәтижелері мемлекеттік басқаруды трансформациялау жағдайында прокуратура органдары қызметін жетілдіру үшін пайдаланылуы мүмкін.

Түйінді сөздер: сервистік модель; қоғамдық диалог; жариялылық; прокуратура; трансформация; құқық бұзушылықтардың алдын алу; цифрландыру; инвесторлар; заң мен тәртіп; мемлекеттік басқару.

Abstract. The article is devoted to the issues of forming a service model in the prosecution authorities of the Republic of Kazakhstan as one of the directions of modernization of public administration. The paper examines the theoretical foundations of the service state and the features of their adaptation within the national legal system. It is shown that the service approach is implemented through the digitalization of supervisory activities, the development of crime prevention mechanisms, and the expansion of interaction between the prosecutor's office, citizens, and businesses. The institutional mechanisms for implementing the service model are explored, including the protection of investors' rights, the introduction of digital technologies, and the development of analytical tools for crime prevention. The role of the prosecutor's office as a coordinating authority in ensuring legality and legal security is substantiated. The article concludes that a service-oriented model of prosecutorial activity is being formed, aimed at crime prevention and strengthening public trust. The results of the study may be used to improve the legal and organizational framework of prosecutorial activity in the context of public administration transformation.

Keywords: service model; public dialogue; publicity; prosecutor's office; transformation; crime prevention; digitalization; investors; law and order; public administration.

Вопросы сервисной трансформации государственного управления в последние годы приобретают все более системное осмысление и становятся предметом научного интереса. Сервисная модель рассматривается как этап развития взаимодействия государства и общества, обусловленный ростом правосознания граждан, усложнением социальных процессов и изменением ожиданий от публичной власти. Ее становление связано с переходом от административно-командной системы к

модели публичного служения, ориентированной не только на эффективность управления, но и на качество взаимодействия государства с человеком.

Особое значение для понимания сервисной трансформации в евразийском правовом пространстве имеет концептуальный подход доктора юридических наук И.У. Аубакировой [1], согласно которому сервисная модель в классическом понимании основывается на восприятии государства как системы, обеспечивающей реализацию интересов граждан посредством предоставления публичных услуг и механизмов обратной связи. Вместе с тем в условиях евразийской правовой традиции внедрение сервисных принципов происходит с учетом исторически сложившейся роли государства как гаранта социальной стабильности и правопорядка. В этой связи сервисное управление рассматривается как адаптация современных управленческих подходов к существующей системе публичной власти.

В данном контексте сервисная модель не заменяет традиционную систему государственного управления, а модернизирует ее посредством повышения прозрачности деятельности органов власти, совершенствования правовых процедур и усиления правозащитной направленности. Применительно к прокуратуре Республики Казахстан это означает развитие надзорной функции через расширение механизмов правового сопровождения граждан, повышение открытости и внедрение современных управленческих технологий, направленных на обеспечение эффективной правовой защиты личности.

Вопросы сервисной ориентации государственного управления также получили развитие в трудах А.М. Кушербаева, Р.Т. Дуламбаевой [2] и Б.Н. Бокаева [3], которые рассматривают становление клиентоориентированного государства и сервисную модель как механизм гуманизации государственного управления и усиления защиты прав граждан.

Нормативное закрепление данных подходов нашло отражение в проекте новой Конституции Республики Казахстан от 12 февраля 2026 года, предусматривающем развитие общественного диалога как одного из основополагающих принципов деятельности государства [4].

В этих условиях особую научную и практическую значимость, а также актуальность приобретает исследование внедрения сервисной модели в деятельность органов прокуратуры Республики Казахстан и анализ трансформации прокурорского надзора в направлении повышения его открытости, доступности и ориентированности на защиту прав и законных интересов граждан.

Основу статьи составляет совокупность общенаучных и частноправовых методов. Диалектический метод позволил рассмотреть развитие прокуратуры как динамичный процесс модернизации государственного управления. Системно-структурный применялся для анализа прокуратуры как элемента системы публичной власти, функционирующего во взаимодействии с обществом и государственными институтами. Эмпирическую основу составили официальные материалы Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (далее – ГП РК), статистические данные и публикации в средствах массовой информации (далее – СМИ). Формально-юридический метод использовался для анализа нормативной правовой базы, а элементы социологического анализа – для оценки общественного восприятия деятельности надзорного органа. Применение указанных методов обеспечило комплексный характер исследования и позволило объединить теоретический, нормативный и практический аспекты проблемы.

На практике сервисная модель выражается в переориентации деятельности государственных органов на открытость взаимодействия с населением, доступность правовой помощи, цифровизацию процедур и профилактику правонарушений. При этом акцент смещается с реагирования на нарушения к их предупреждению и развитию межведомственного взаимодействия. Переход к сервисной модели в Казахстане осуществляется с 2018 года.

Политико-правовой вектор данных преобразований формируется в посланиях Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева, в которых подчеркивается значение общественного диалога, укрепления доверия к государственным институтам и совершенствования профилактических механизмов обеспечения законности. В частности, в Послании от 2 сентября 2019 года отмечена необходимость развития постоянного диалога государства и общества как основы устойчивого и гармоничного развития страны. При этом общественный диалог, открытость и оперативное реагирование на нужды людей определены в числе ключевых приоритетов деятельности государственных органов [5].

Указанные подходы получили закрепление в ряде стратегических документов Казахстана, включая: Концепцию развития государственного управления до 2030 года, Концепцию правовой политики до 2030 года, Концепцию развития государственной службы на 2024-2029 годы, Национальный план развития до 2029 года, Концепцию обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024–2028 годы, а также Основные принципы, ценности и направления

внутренней политики Республики Казахстан. В совокупности эти документы ориентированы на формирование сервисной и «человекоцентричной» модели управления, повышение качества правовой защиты граждан и развитие цифровых механизмов взаимодействия государства и общества. Общественный диалог определен одним из приоритетных направлений внутренней политики [6–11].

Важным элементом данной трансформации стало принятие Закона «О профилактике правонарушений», закрепившего переход от карательного реагирования к превентивной модели обеспечения законности. В этих условиях органы прокуратуры выполняют координирующую роль в обеспечении обеспечения законности, правопорядка и борьбы с преступностью, что прямо предусмотрено Конституционным законом «О прокуратуре» [12, 13]. Организация диалоговых площадок с участием общественности, в том числе в деятельности службы экономических расследований, отражает внедрение механизмов сервисного взаимодействия государства и общества.

Внедрение сервисной модели тесно связано с реализацией идеологии «Закон и Порядок», направленной на укрепление правовой культуры и развитие партнерского взаимодействия государства и общества. Практическое выражение данной политики включает расширение доступности правовой помощи, развитие цифровых каналов обратной связи и реализацию масштабных профилактических инициатив («Правовая аптека», «Народный юрист», «Кабинет права» и т.д.), обеспечивающих равный доступ к правовой защите, включая отдаленные местности. Идеологическое значение данного принципа подтверждается его закреплением в преамбуле проекта новой Конституции Республики Казахстан от 12 февраля 2026 года [4].

Координация реализации данной политики осуществляется Комитетом по правовой статистике и специальным учетам ГП РК (далее - КПСиСУ), на базе которой функционирует Проектный офис по продвижению концепции «Закон и Порядок», обеспечивающий межведомственное взаимодействие и мониторинг состояния законности. Это отражает признание прокуратуры как ключевого субъекта реализации сервисного подхода в сфере обеспечения законности [14].

Наиболее наглядно сервисный подход проявляется в развитии механизмов защиты прав инвесторов. Создание Комитета по защите прав инвесторов ГП РК, возложение Главой государства на Генерального Прокурора Республики Казахстан функции инвестиционного омбудсмена и формирование корпуса инвестиционных прокуроров (группы по защите прав инвесторов в областных прокуратурах) обеспечили новый уровень правового сопровождения инвестиционной деятельности [15]. Реализация данной функции осуществляется через цифровые каналы обратной связи, call-центры, фронт-офисы «одного окна» и межведомственную координацию с местными исполнительными органами [16].

По данным Генеральной прокуратуры, в рамках цифрового сопровождения инвестпроектов решены проблемы почти 2 тыс. инвесторов, обеспечен запуск 250 проектов и создано около 25 тыс. рабочих мест [17]. Это свидетельствует о формировании новой модели взаимодействия государства и бизнеса, основанной на принципах правовой защищенности и партнерства.

Сервисная трансформация прокуратуры также связана с внедрением цифровых технологий и аналитических инструментов. Так, трансформация КПСиСУ направлена на переход от реагирования к прогнозированию преступных угроз. Создание Центра прогнозирования преступных угроз КПСиСУ (далее – Центр) и внедрение цифровых систем мониторинга позволили перейти от реагирования на правонарушения к их предупреждению. Центром осуществляется информирование населения через СМИ о новых формах преступной деятельности (мониторинг информационного пространства), формирование интеллектуальных карт правонарушений и т.д.

Генеральный Прокурор Б. Асыллов отметил, что «цифровая трансформация рассматривается как один из ключевых факторов повышения эффективности надзорной деятельности, обеспечения верховенства закона и усиления защиты прав граждан». В рамках трансформации информационные системы прокуратуры интегрированы более чем с 350 государственными ресурсами, включая 45 баз данных правоохранительных органов, что способствует повышению эффективности надзорной деятельности [18].

Важным элементом цифровизации является система «Цифровой надзор», интегрированная более чем с 60 государственными базами данных и использующая современные «умные» решения, включая интеллектуальные видеосистемы и беспилотные летательные аппараты. Это обеспечивает возможность осуществления прокурорского надзора в режиме реального времени [19].

Сервисный характер деятельности прокуратуры проявляется также в развитии механизмов взаимодействия с гражданами. Центр приема граждан в системе Генеральной прокуратуры и цифровые каналы обращения обеспечивают доступность прокуратуры и повышают эффективность защиты прав населения. Такая практика отражает ключевой принцип сервисной модели – сопровождение человека

в защите его прав. В этом контексте показателен образ из правовой традиции, когда власть «берет за руку и ведет к правосудию», ассоциируемый с римским прокуратором Понтием Пилатом как символом публичной ответственности власти за доступ к суду.

Таким образом, сервисная модель в органах прокуратуры Республики Казахстан формируется как комплекс взаимосвязанных преобразований, являющихся частью модернизации государственного управления и направленных на формирование «человекоцентричной» модели государства.

Внедрение цифровых технологий, развитие профилактических механизмов и расширение взаимодействия с обществом способствуют формированию новой модели прокурорской деятельности, ориентированной на предупреждение правонарушений, повышение эффективности правовой защиты и укрепление доверия граждан к государству.

Дальнейшее развитие сервисной модели требует совершенствования нормативных и организационных основ деятельности органов прокуратуры, повышения прозрачности их работы и развития механизмов обратной связи с населением.

В этой связи представляется целесообразным:

- закрепление на законодательном уровне принципа сервисной направленности деятельности органов прокуратуры;
- формирование единых стандартов взаимодействия прокуратуры с гражданами и субъектами предпринимательства;
- расширение цифровых механизмов профилактики правонарушений и правового сопровождения граждан;
- развитие диалоговых и консультативных форм взаимодействия прокуратуры с обществом;
- совершенствование профессиональных компетенций и этических стандартов прокуроров (развитие навыков публичной коммуникации, правового консультирования, медиации и цифрового взаимодействия).

Реализация указанных мер позволит обеспечить дальнейшее развитие сервисной модели прокуратуры и повысить эффективность защиты прав граждан в условиях модернизации государственного управления.

Список использованных источников:

1. Аубакирова И.У. Современная евразийская концепция государственного управления (теоретико-правовое исследование на материалах России и Казахстана) – Москва, 2017 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/684742> (дата обращения: 19.02.2026);
3. Кушербаев А.М., Дуламбаева Р.Т. Нормативное закрепление клиентоориентированности в системе государственного управления РК. – Вестник Института законодательства и правовой информации РК, – 2025 – том 80 №3-202 – С. 277-290;
4. Бокаев, Б.Н. Применение инновационных инструментов при оказании государственных услуг в контексте перехода к сервисной модели государственного управления в Республике Казахстан // Б.Н. Бокаев, К.К. Садыкова, Ә.Ғ. Ғалы // Вестник университета «Туран». – 2025. – №1. – С. 42-54;
4. Проект Конституции Республики Казахстан от 12 февраля 2026 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=35502996&pos=11;246 (дата обращения: 20.02.2026);
5. Послание Президента Республики Казахстан К.Токаева народу Казахстана «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана». – Астана, 2019 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana (дата обращения: 19.02.2026);
6. Указ Президента РК от 26 февраля 2021 года № 522 «Об утверждении Концепции развития государственного управления до 2030 года» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000522> (дата обращения: 19.02.2026);
7. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 19.02.2026);
8. Указ Президента РК от 17 июля 2024 года № 602 «О Концепции развития государственной службы Республики Казахстан на 2024–2029 годы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000602> (дата обращения: 19.02.2026);
9. Указ Президента РК от 13 августа 2024 года № 611 «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года и признании утратившим силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611> (дата обращения: 19.02.2026);

10. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2023 года № 1233 «О Концепции обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024–2028 годы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001233> (дата обращения: 19.02.2026);

11. Указ Президента РК от 5 ноября 2025 года № 1081 «Об утверждении основных принципов, ценностей и направлений внутренней политики Республики Казахстан» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2500001081> (дата обращения: 19.02.2026);

12. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 245-VIII ЗРК «О профилактике правонарушений» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000245> (дата обращения: 19.02.2026);

13. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII ЗРК «О прокуратуре» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 19.02.2026);

14. Проектный офис «Закон и Порядок» создается в Казахстане – Асыллов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kaztag.kz/ru/news/proektnyy-ofis-zakon-i-poryadok-sozdaetsya-v-kazakhstane-asylov> (дата обращения: 19.02.2026);

15. Указ Президента Республики Казахстан от 17 декабря 2025 года №1125 «О совершенствовании системы государственного управления в сфере защиты прав инвесторов и возврата активов» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2500001125> (дата обращения: 19.02.2026);

16. Инвестиционный щит: прокуроры на страже экономики страны [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/693928?lang=ru> (дата обращения: 19.02.2026);

17. Олжас Бектенов провел совещание по вопросам привлечения иностранных инвестиций [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://t.me/KZgovernment/21765> (дата обращения: 19.02.2026);

18. В Генеральной прокуратуре с участием прокуроров областей в онлайн-режиме рассмотрены вопросы цифровизации и усиления надзорной деятельности [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://t.me/GenPr/11157> (дата обращения: 19.02.2026);

19. В Генеральной прокуратуре представлены цифровые инструменты в сфере обеспечения правопорядка и прогнозирования преступных угроз [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://t.me/GenPr/10621> (дата обращения: 19.02.2026).

УДК 349.414

Абдраш Айгерим Бериковна,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ОТ РЕАКТИВНОЙ К ПРОАКТИВНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трансформации прокурорского надзора в сфере земельных отношений Республики Казахстан в условиях цифровизации государственного управления. Проведен анализ этапов становления и развития земельного законодательства Республики Казахстан с момента обретения независимости до современного периода. Отмечается, что действующая система правового регулирования земельных отношений формировалась в условиях перехода к рыночной экономике и направлена на обеспечение рационального использования земельных ресурсов, развитие инвестиционного климата и защиту общественных интересов. Особое внимание уделено роли органов прокуратуры в обеспечении законности при предоставлении и использовании земельных участков.

На основе анализа практики надзорной деятельности выявлены системные проблемы, связанные с незаконным предоставлением земель, их нецелевым использованием и недостаточной эффективностью межведомственного взаимодействия. Обосновывается необходимость перехода от традиционной реактивной модели прокурорского надзора к проактивной модели, ориентированной на предупреждение правонарушений. Отмечается, что развитие государственных информационных систем, электронных кадастровых платформ и технологий дистанционного мониторинга создает предпосылки для внедрения превентивных механизмов выявления нарушений земельного законодательства. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития проактивного прокурорского надзора на основе использования современных цифровых технологий и совершенствования нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: прокурорский надзор; земельные отношения, цифровизация государственного управления, проактивный надзор, земельные правоотношения, цифровые кадастровые системы, санитарно-защитные зоны.

Аннотация. Мақалада мемлекеттік басқаруды цифрландыру жағдайында Қазақстан Республикасындағы жер қатынастары саласындағы прокурорлық қадағалаудың трансформациясының ерекшеліктері қарастырылады. Қазақстан Республикасының тәуелсіздік алған кезінен бастап қазіргі кезеңге дейінгі жер заңнамасының қалыптасуы мен дамуының негізгі кезеңдеріне талдау жүргізілген. Жер қатынастарын құқықтық реттеудің қолданыстағы жүйесі нарықтық экономикаға көшу жағдайында қалыптасып, жер ресурстарын ұтымды пайдалануды қамтамасыз етуге, инвестициялық ахуалды дамытуға және қоғамдық мүдделерді қорғауға бағытталғаны атап өтіледі. Жер учаскелерін беру және пайдалану кезінде заңдылықты қамтамасыз етудегі прокуратура органдарының рөліне ерекше назар аударылған.

Қадағалау қызметінің тәжірибесін талдау нәтижесінде жерлерді заңсыз беру, олардың мақсатсыз пайдаланылуы және ведомствоаралық өзара іс-қимылдың жеткіліксіз тиімділігімен байланысты жүйелі проблемалардың сақталып отырғаны анықталған. Мақалада прокурорлық қадағалаудың дәстүрлі реактивті моделінен құқық бұзушылықтардың алдын алуға бағытталған проактивті модельге көшу қажеттілігі негізделді. Сонымен қатар мемлекеттік ақпараттық жүйелердің, электрондық кадастрлық платформалардың және жерді қашықтықтан мониторингтеу технологияларының дамуы жер заңнамасын бұзушылықтарды алдын ала анықтаудың тиімді тетіктерін енгізуге мүмкіндік беретіні көрсетілген. Зерттеу нәтижесінде цифрлық технологияларды пайдалану мен нормативтік-құқықтық реттеуді жетілдіру негізінде проактивті прокурорлық қадағалауды одан әрі дамыту қажеттілігі туралы қорытынды жасалған.

Түйінді сөздер: прокурорлық қадағалау, жер қатынастары, мемлекеттік басқаруды цифрландыру, проактивті қадағалау, жер заңнамасы, цифрлық кадастрлық жүйелер, санитариялық-қорғау аймақтары.

Abstract. The article examines the features of the transformation of prosecutorial supervision in the field of land relations of the Republic of Kazakhstan in the context of digitalization of public administration. An analysis of the stages of formation and development of land legislation of the Republic of Kazakhstan from the moment of independence to the present period is carried out. It is noted that the current system of legal regulation of land relations was formed during the transition to a market economy and is aimed at ensuring the rational use of land resources, improving the investment climate, and protecting public interests.

Particular attention is paid to the role of prosecutorial authorities in ensuring legality in the provision and use of land plots. Based on the analysis of supervisory practice, systemic problems have been identified, including illegal allocation of land, misuse of land plots, and insufficient effectiveness of interagency interaction. The article substantiates the need to transform the traditional reactive model of prosecutorial supervision, primarily focused on detecting violations

that have already occurred, towards a proactive model aimed at preventing legal violations. It is emphasized that the development of state information systems, electronic cadastral platforms, and remote monitoring technologies creates prerequisites for the introduction of preventive mechanisms for detecting violations of land legislation. The study concludes that further development of proactive prosecutorial supervision based on the use of modern digital technologies and improvement of the regulatory framework is necessary.

Keywords: prosecutorial supervision, land relations, digitalization of public administration, proactive supervision, land legislation, digital cadastral systems, sanitary protection zones.

На пути становления суверенной государственности Казахстана земельные отношения, как институт публичного права, прямо влияющий на социально-экономическую устойчивость и развитие страны, ее инвестиционный климат и экологическую безопасность, претерпевали значительные изменения. Анализ изменений земельного законодательства позволяет выделить несколько этапов его становления.

Первый этап приходится на момент обретения независимости (1990 – 1993) и действия на тот период Земельного кодекса, принятого в ноябре 1990 года Верховным Советом РК, в соответствии с пунктом 5 статьи 3 которого запрещалась какие-либо сделки по земле, за исключением аренды.

Второй этап (1994 – 1995) основывается на изданных в 1994 году Указах Президента РК по совершенствованию земельных отношений, разрешившие рыночные сделки с правом землепользования, третий этап (1996 – 2000) – на Указе Президента, имевшем силу Закона, «О земле» от 22 декабря 1995 года, которым впервые введен институт частной собственности на земельные участки.

Четвертый – этап, имеющий в качестве основы подписанный Президентом после двухгодичного обсуждения в обеих палатах парламента 24 января 2001 года Закон «О земле».

Пятый этап ознаменовывается принятием 20 июня 2003 года Земельного кодекса (далее – Кодекс), который стал важным законодательным актом в области регулирования земельных отношений [1]. Полагаем, что данным этапом завершается трансформационный период национального земельного законодательства.

Законодательные изменения данной сферы в разрезе последних десяти лет демонстрируют стремление адаптировать земельное законодательство к требованиям рыночной экономики и современным реалиям жизни общества в целом.

Так, земельные реформы Казахстана, начавшиеся в 2016 году с Указа Первого Президента о введении моратория на действие отдельных статей Земельного кодекса, запустили процесс правовых изменений сферы земельных правоотношений, за которыми последовали изменения 2018 года (Закон Республики Казахстан от 4 мая 2018 года № 151-VI ЗРК.), направленные в том числе на совершенствование норм института аренды и мониторинга земель сельскохозяйственного назначения, регламентирование деятельности земельной комиссии и другие.

Законодательные изменения 2020 года направлены на улучшение бизнес-климата с целью развития предпринимательства, изменения 2021 года – на регулирование института аренды земель сельскохозяйственного назначения и усиление государственного контроля за использованием и охраной земель [2].

Материалы и методы. Методологическую основу настоящего исследования составил комплекс общенаучных и специальных юридических методов познания: формально-юридический, историко-правовой метод, сравнительно-правовой, аналитический, метод правового моделирования.

Материальную базу исследования составили нормы действующего законодательства Республики Казахстан, регулирующие земельные отношения и деятельность органов прокуратуры. В частности, использованы положения Конституции Республики Казахстан, Земельного кодекса Республики Казахстан от 20 июня 2003 года, Конституционного закона Республики Казахстан «О прокуратуре», а также иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы предоставления и использования земельных участков, осуществления государственного контроля и надзора. Существенное значение имели стратегические и программные документы, включая Концепцию правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, а также нормативные и организационно-распорядительные акты Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, определяющие особенности организации прокурорского надзора.

Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические и аналитические данные государственных органов, в том числе сведения Генеральной прокуратуры Республики Казахстан о результатах надзорной деятельности в сфере земельных отношений, материалы

публичных отчетов и официальных информационных ресурсов государственных органов, отражающие результаты выявления и устранения нарушений земельного законодательства.

Результаты/обсуждения. В условиях создания благоприятного инвестиционного и бизнес климата страны, интенсивного внедрения цифровых технологий в систему государственного управления, а также в контексте стратегических поручений Главы государства, направленных на модернизацию публичного администрирования, правоотношения, в том числе в сфере земельных отношений, подвергаются интенсивной цифровой трансформации. Указанные процессы объективно обуславливают необходимость адаптации существующих механизмов государственного контроля и надзора, включая деятельность органов прокуратуры, к новым институциональным и технологическим условиям функционирования публичной власти.

Данные направления получили нормативно-концептуальное закрепление в Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674.

В указанном стратегическом документе подчеркивается необходимость принятия комплекса мер, направленных на обеспечение прозрачности процедур предоставления прав на государственные земельные участки, а также совершенствование механизмов контроля за их законным использованием [3].

Там же обозначено, что «защита интересов и прав граждан будет гарантироваться не только деятельностью уполномоченных государственных органов, но и прокуратурой» <... > «как ядра правоохранительной системы страны» [3].

Согласно статье 1 Конституционного закона «О прокуратуре» назначение органов прокуратуры заключается в осуществлении высшего надзора за соблюдением законности на территории Республики Казахстан [4]. Данная конституционно-правовая функция предполагает обеспечение единообразного и неукоснительного соблюдения законодательства всеми государственными органами, должностными лицами, а также физическими и юридическими лицами, в том числе в сфере регулирования земельных правоотношений.

Практические результаты надзорной деятельности органов прокуратуры свидетельствуют о значительной роли данного института в восстановлении законности в сфере распоряжения земельными ресурсами.

Так, по актам прокуроров в 2022 году в пользу государства возвращено 7,3 млн. гектаров незаконно предоставленных, а также неиспользуемых по целевому назначению земель на общую сумму 43 млрд тенге [5]. По итогам работы за первое полугодие 2024 года изъято 513 тыс. гектаров земель, приобретённых с нарушением законодательства [6].

Приведенные факты свидетельствует как о наличии определенных законодательных пробелов так и о слабом межведомственном взаимодействии, что на практике приводит к порождению системных проблем как в самом механизме предоставления земельных участков, так и в своевременности прокурорского надзора, проактивная функция которого фактически не реализуется в полном объёме и носит преимущественно декларативный характер.

Реактивная модель прокурорского надзора, исторически сложившаяся в правоприменительной практике, основана преимущественно на выявлении уже совершенных правонарушений и устранении нарушений законности путем внесения акта прокурорского реагирования.

Вместе с тем, одной из первых задач органов прокуратуры является защита и восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов юридических лиц, общества и государства [4].

Темпы развития земельных правоотношений в рамках устойчивой цифровой среды в масштабах государства посредством внедрения электронных государственных услуг, развитии информационных кадастровых систем и формировании интегрированных цифровых платформ в сфере земельных правоотношений, таких как EGKN, AIS GZK, геопортал, публичная кадастровая карта и др. объективно требуют пересмотра традиционной модели прокурорского надзора и перехода от реактивной формы к проактивной форме надзора.

На Заседании Координационного совета, посвященному развитию цифровых инструментов в сфере правопорядка Генеральный Прокурор отметил, что «цифровой прогресс становится главным двигателем глобального развития, а применение IT-технологий в правоохранительной сфере - один из ключевых приоритетов прокуратуры. <...> Сегодня важно, чтобы цифровые системы не только фиксировали нарушения, но и предупреждали их. Для этого создана система «Цифровой надзор», использующая технологии искусственного интеллекта» [7], которая предусматривает проактивный формат работы надзорного органа.

Термины «надзорное сопровождение» и «проактивный надзор» являются достаточно новыми для прокурорской деятельности. И если относительно сущности и особенностей надзорного сопровождения представителями научного сообщества уже сформирован ряд позиций, то исследований особенностей проактивного прокурорского надзора до настоящего времени практически не проводилось [8].

Так с понятием «сопровождения» в законодательстве о надзорной деятельности мы сталкиваемся в приказе Генерального Прокурора Республики Казахстан от 17 января 2023 года № 32 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора» при определении понятия «национальная цифровая инвестиционная платформа», которое определяет его как «единую информационную систему комплексного сопровождения инвестиционных проектов» [9] без какой-либо конкретизации понятия «сопровождения», тогда как понятие «проактивности» является абсолютно новым для национального законодательства.

В научной доктрине прокурорского надзора понятия «надзорное сопровождение» и «проактивный надзор» находятся в тесной концептуальной взаимосвязи и отражают трансформацию традиционной модели надзорной деятельности в условиях цифровизации государственного управления.

Если обратиться к мнению ученых относительно понятия проактивности, то В.В. Чистюхин определяет проактивность как «поведение, выражающееся в готовности действовать активно и самостоятельно, а также осуществлять конкретные мероприятия, обуславливающие достижение заданных целей, умение планировать и корректировать свои действия, исходя из текущей обстановки и меняющихся обстоятельств» [10]. Ученые «О.А. Аникеева и В.В. Сизикова отмечают, что термин «проактивность» используется в психологических науках и относится к модели поведения личности, которая активно относится к окружающей социальной среде, способна осознавать опасности и риски, понимает свою ответственность и принимает решения, которые помогают в преодолении трудной жизненной ситуации, а не перекладывает ответственность на других или на обстоятельства [11]. По мнению Е. О. Карпышевой «проактивность – это определенное свойство организации деятельности: умение правильно расставлять приоритеты, определять цели, прогнозировать возможные проблемы в достижении поставленных целей и своевременно принимать меры по их нейтрализации, действовать на опережение, используя имеющиеся ресурсы. Иными словами, это умение разрабатывать стратегию действий в долгосрочной перспективе. Все вышеназванное в полной мере относится и к организации надзорной деятельности прокурора» [8].

Следовательно, проактивный прокурорский надзор следует рассматривать как современную концептуальную модель реализации надзорных полномочий органов прокуратуры, ориентированную не только на выявление и устранение уже совершенных нарушений законодательства, но и на их предупреждение посредством своевременной идентификации правовых рисков и факторов, способствующих возникновению правонарушений.

В отличие от традиционной реактивной модели надзорной деятельности, основанной преимущественно на последующем реагировании на допущенные нарушения законности, проактивный надзор предполагает осуществление системного мониторинга правоприменительной практики, комплексный анализ принимаемых управленческих решений, а также использование современных информационно-аналитических и цифровых инструментов с целью предотвращения противоправных действий на стадии их формирования и реализации.

Между тем в условиях масштабной цифровой трансформации системы государственного управления Республики Казахстан формируются качественно новые предпосылки для развития данной модели надзорной деятельности.

Активное внедрение цифровых технологий, развитие государственных информационных систем, электронных кадастровых платформ и интегрированных баз данных существенно расширяют аналитические возможности органов прокуратуры, позволяя осуществлять, законодательно возложенный высший надзор за соблюдением законности, в режиме, приближенном к реальному времени.

Цифровизация сферы земельных отношений, выражающаяся в функционировании электронных кадастровых систем, публичных геоинформационных порталов и автоматизированных систем учета земельных ресурсов, создает объективные условия для формирования превентивной модели прокурорского надзора. В отличие от традиционного реактивного подхода, ориентированного преимущественно на выявление уже совершенных правонарушений, проактивный надзор предполагает использование цифровых инструментов анализа данных для ранней идентификации

правовых рисков, потенциальных конфликтов интересов и иных факторов, способных привести к нарушению требований земельного законодательства.

В этой связи проактивный прокурорский надзор следует рассматривать не только как новую организационно-правовую форму реализации надзорных полномочий, но и как результат институциональной адаптации прокуратуры к условиям цифрового государства. Его развитие напрямую связано с внедрением современных информационно-аналитических систем, использованием технологий обработки больших данных, а также с формированием межведомственных цифровых платформ, обеспечивающих интеграцию сведений различных государственных органов.

Практическая реализация указанных подходов находит своё отражение и в сфере земельных правоотношений. В частности, одним из примеров внедрения элементов проактивного прокурорского надзора является применение технологий дистанционного зондирования Земли для выявления фактов самовольного занятия земельных участков. Если говорить о сфере земельных отношений, то на сегодняшний день проактивный надзор в ней существует в рамках космического мониторинга за самовольно захваченными землями на территории населенных пунктов Республики Казахстан, осуществляемого в результате совместной работы АО «НК «Казахстан Гартыш Сапары» и Генеральной прокуратурой РК. Результаты мониторинга передаются в Генпрокуратуру через отраслевой геосервис <https://geokgs.gharysh.kz> [11].

Вместе с тем следует отметить, что существующие механизмы цифрового мониторинга в сфере земельных правоотношений не обеспечивают комплексного выявления иных видов нарушений земельного законодательства.

В частности, вне поля зрения указанного мониторинга остаются нарушения, связанные с несоблюдением установленных санитарно-защитных зон вокруг промышленных, производственных и инфраструктурных объектов. Между тем соблюдение режима санитарно-защитных зон имеет важное значение для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, предотвращения негативного воздействия производственных факторов на окружающую среду и защиты права граждан на благоприятные условия проживания, а также защиты и минимизации экономических рисков инвесторов и субъектов предпринимательства.

Заклучение. Проведенный анализ эволюции земельного законодательства Республики Казахстан свидетельствует о последовательной трансформации правового регулирования земельных отношений от административно-командной модели к современной системе правового регулирования, ориентированной на принципы рыночной экономики, рационального использования земельных ресурсов и обеспечения инвестиционной привлекательности государства. Формирование действующей модели земельного законодательства, закреплённой в Земельном кодексе Республики Казахстан от 2003 года и последующих законодательных изменениях, отражает стремление государства обеспечить баланс между экономическим развитием, эффективным использованием земельных ресурсов и защитой общественных интересов.

Вместе с тем результаты проведенного анализа показывают, что, несмотря на совершенствование нормативно-правовой базы и развитие механизмов государственного контроля, в сфере земельных правоотношений сохраняются системные проблемы, связанные с недостаточной прозрачностью процедур предоставления земельных участков, ограниченной эффективностью межведомственного взаимодействия и преимущественно реактивным характером прокурорского надзора. Масштабы выявляемых нарушений, подтверждаемые статистическими данными о возврате значительных площадей незаконно предоставленных и неиспользуемых земель, указывают на наличие устойчивых правовых рисков и недостаточность существующих механизмов их предупреждения.

В этих условиях особую значимость приобретает трансформация прокурорского надзора на основе перехода к проактивной модели, ориентированной на предупреждение правонарушений. В отличие от традиционного подхода, основанного на реагировании на уже совершенные нарушения, проактивный надзор предполагает системный анализ правоприменительной практики, выявление факторов риска и принятие превентивных мер на стадии формирования управленческих решений.

Ключевым фактором, обеспечивающим реализацию данной модели, выступает цифровизация государственного управления. Развитие государственных информационных систем, электронных кадастровых платформ, геоинформационных сервисов, а также внедрение технологий дистанционного мониторинга и анализа больших данных формируют качественно новые возможности для осуществления прокурорского надзора. Использование цифровых инструментов, включая системы автоматизированного анализа данных и космического мониторинга, позволяет обеспечить непрерывное наблюдение за процессами распоряжения земельными ресурсами, своевременно выявлять отклонения от требований законодательства и минимизировать риски правонарушений.

В данном контексте проактивный прокурорский надзор следует рассматривать как результат институциональной адаптации органов прокуратуры к условиям цифрового государства, основанный на интеграции межведомственных информационных ресурсов, применении аналитических и прогнозных моделей, а также переходе к риск-ориентированному подходу в надзорной деятельности. Особое значение приобретает расширение функционала цифрового мониторинга, включая контроль за соблюдением санитарно-защитных зон, целевого использования земель и иных ограничений, имеющих существенное значение для защиты прав граждан, экологической безопасности и устойчивого экономического развития.

Таким образом, дальнейшее развитие прокурорского надзора в сфере земельных отношений должно быть направлено на институциональное закрепление проактивной модели надзорной деятельности, углубление цифровой трансформации надзорных механизмов, расширение применения технологий анализа данных и дистанционного мониторинга, а также совершенствование межведомственного информационного взаимодействия. Реализация указанных направлений позволит повысить эффективность обеспечения законности, усилить превентивный характер надзорной деятельности и обеспечить устойчивое развитие земельных правоотношений в условиях цифровизации публичного управления.

Список использованных источников:

1. К.Б. Жуманазаров «Развитие земельных отношений в Республике Казахстан» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zemelnyh-otnosheniy-v-respublike-kazahstan/viewer> (дата обращения: 02.03.2026).
2. Комитет по управлению земельными ресурсами Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан. Становление и развитие земельного законодательства Независимого Казахстана. 2021 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/land/press/news/details/245352?lang=ru> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII «О прокуратуре» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Отчет Генерального прокурора РК перед Главой государства от 10 ноября 2022 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-generalnogo-prokurora-berika-asylova-1010745> (дата обращения: 06.03.2026).
6. Коллегия Генеральной прокуратуры по итогам работы за первое полугодие 2024 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/article/details/175330> (дата обращения: 06.03.2026 год).
7. Заседание Координационного совета по обеспечению законности, правопорядка и борьбе с преступностью [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/1082467?lang=ru> (дата обращения: 06.03.2026 год).
8. Карпышева Е.О. «О проактивности и стратегическом планировании прокурорской деятельности»//Политика и Общество.- 2024. - № 3. С. 92-93. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71857.
9. Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 17 января 2023 года № 32 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300031753> (дата обращения: 07.03.2026 год).
10. Чистюхин В.В. «Современная модель надзора за некредитными финансовыми организациями»//Актуальные проблемы российского права. 2022. - Т. 17. № 1. С. 67.
11. Аникеева О.А., Сизикова В.В. «Цифровизация и проактивность в контексте новой стратегии социальной работы в современной России» // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию социальной работы в России. Улан-Удэ, 2021. - С. 336–337.
12. АО «НК «Қазақстан Ғарыш Сапары». Космический мониторинг самозахвата земель и неиспользуемых земельных участков [Электронный ресурс] - Режим доступа https://www.gharysh.kz/saytru2022/novosti/novostdetalnoz_4_3375/ (дата обращения: 07.03.2026 год).

УДК 340.1:004

Бахтияр Гүлнұр Бахтиярқызы,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЕКТА В ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию архивных документов периода массовых политических репрессий 1930 – 1950-х годов и их роли в восстановлении исторической справедливости. На примере Республики Казахстан (далее – РК) показаны процессы формирования, хранения и использования архивных данных. Обозначены проблемы, затрудняющие получение достоверной информации. Одной из наиболее значимых является неполнота и фрагментарность анкетных данных репрессированных лиц: часто отсутствуют точные сведения о фамилии, имени, дате или месте рождения, что усложняет процесс их идентификации. При этом неполнота таких данных является снованием для отказа в выдаче справки.

В статье рассматривается опыт работы Российской Федерации (далее – РФ, Россия) с архивными документами, который упростил процедуру получения сведений о реабилитированных лицах. Результаты полученного исследования свидетельствуют о необходимости создания единой республиканской базы данных жертв политических репрессий.

Автор предлагает более удобный и практичный способ работы с неполными архивными данными, с внесением изменений в нормативно-правовую базу. Он основан на сопоставлении информации из разных архивов, а также на использовании простых цифровых инструментов и единых правил оформления анкетных данных.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовая информация; архивы; политические репрессии; реабилитация; цифровизация; государственные услуги.

Аннотация. Мақала 1930 – 1950 жылдардағы жаппай саяси қуғын-сүргін кезеңінің архивтік құжаттарын зерттеуге және олардың тарихи әділеттілікті қалпына келтірудегі рөліне арналған. Қазақстан Республикасы мысалында архивтік деректерді қалыптастыру, сақтау және пайдалану үдерістері көрсетілген. Сенімді ақпарат алуға кедергі келтіретін мәселелер айқындалған. Солардың ішіндегі ең маңыздыларының бірі — қуғын-сүргінге ұшыраған тұлғалардың анкеталық деректерінің толық еместігі мен үзік-үзік болуы: көбінесе тегі, аты, туған күні немесе туған жері туралы нақты мәліметтер жетіспейді, бұл оларды сәйкестендіру үдерісін қиындатады. Мұндай деректердің толық болмауы анықтама беруден бас тартуға негіз болады.

Мақалада архивтік құжаттармен жұмыс істеу бойынша Ресей Федерациясының тәжірибесі қарастырылады, ол ақталған тұлғалар туралы мәлімет алуды жеңілдеткен. Жүргізілген зерттеу нәтижелері саяси қуғын-сүргін құрбандарының бірыңғай республикалық деректер базасын құру қажеттігін көрсетеді.

Автор толық емес архивтік деректермен жұмыс істеудің неғұрлым ыңғайлы әрі практикалық тәсілін ұсынады. Ол әртүрлі архивтердегі ақпаратты салыстыруға, сондай-ақ қарапайым цифрлық құралдарды және анкеталық деректерді рәсімдеудің бірыңғай қағидаларын қолдануға негізделген.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; құқықтық ақпарат; мұрағаттар; саяси қуғын-сүргін; оңалту; цифрландыру; мемлекеттік қызметтер.

Abstract. The article is devoted to the study of archival documents from the period of mass political repressions of the 1930s–1950s and their role in restoring historical justice. Using the example of the Republic of Kazakhstan, the processes of formation, storage, and use of archival data are examined. The paper identifies key problems that hinder access to reliable information. One of the most significant issues is the incompleteness and fragmentation of personal records of repressed individuals: essential details such as surname, first name, date, or place of birth are often missing, which complicates their identification. Moreover, the lack of such information often serves as grounds for refusing to issue official certificates.

The article also analyzes the experience of the Russian Federation in working with archival documents, which has simplified the process of obtaining information about rehabilitated individuals. The results of the study demonstrate the need to create a unified national database of victims of political repression.

The author proposes a more practical and efficient approach to working with incomplete archival data, based on cross-referencing information from different archives, as well as using simple digital tools and standardized formats for recording personal data.

Keywords: artificial intelligence; legal information; archives; political repressions; rehabilitation; machine learning; natural language processing; digitization; legal documents; public services.

«В период Советской власти миллионы людей подверглись репрессиям по политическим и религиозным убеждениям по социальным, национальным и расовым и иным признакам» [1].

Исторические события периода массовых политических репрессий 1930 – 1950-х гг. привели к формированию значительного массива архивных документов, которые сегодня являются важным источником правовой и исторической информации. В архивных фондах содержатся следственные дела, постановления, протоколы допросов, приговоры и другие документы, отражающие деятельность репрессивных органов и судьбы репрессированных граждан.

По мнению исследователя Ю. Зевако «архивно-следственные дела репрессированных представляют собой важнейший исторический источник, позволяющий реконструировать механизмы политических репрессий и изучать судьбы отдельных людей в период так называемого «Большого террора» 1937 – 1938 гг. Анализ таких документов позволяет выявить особенности функционирования репрессивной системы, а также установить юридически значимые факты, связанные с судьбой конкретных лиц» [2].

Особое значение в контексте рассматриваемой проблемы имеет вопрос реабилитации жертв политических репрессий.

А. Мырзаханов и А. Мусагалиева отмечают, что «реабилитация жертв репрессий является важным направлением государственной политики, направленным на восстановление исторической справедливости и прав граждан. Однако, несмотря на проведённую работу, значительное количество дел и архивных материалов требует дальнейшего изучения, а процедура реабилитации в ряде случаев осложняется отсутствием необходимых архивных сведений» [3].

Е. Мишина полагает, что «книги памяти жертв политических репрессий являются важнейшим источником для изучения масштабов репрессивной политики и реконструкции социального состава репрессированных» [4].

В РК, также издавались такие книги. К примеру, в Акмолинской области издавалась книга под названием «Хранить вечно: Книга памяти жертв массовых политических репрессий 30–40-х и начала 50-х годов Акмолинской области» [5].

В этом издании содержатся краткие биографические сведения о 7015 репрессированных, включая: фамилию, имя, отчество, год и место рождения, место проживания, дату ареста, статью обвинения, приговор и дату реабилитации.

Подобные источники позволяют систематизировать сведения о репрессированных гражданах и являются важной основой для дальнейших исторических и правовых исследований. В то же время, многие архивные данные остаются фрагментарными и требуют дополнительной систематизации.

В настоящее время материалы, содержащие сведения о репрессированных в 1930 – 1950-х годах, постепенно интегрируются в электронные базы данных, создаваемые в рамках деятельности Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий.

Официальная государственная услуга, связанная с предоставлением правовой и архивной информации, осуществляется через Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (далее – Комитет).

За последние 5 лет увеличилось количество граждан, обратившихся за архивными справками, основной пик приходится на период 2021 – 2023 гг.

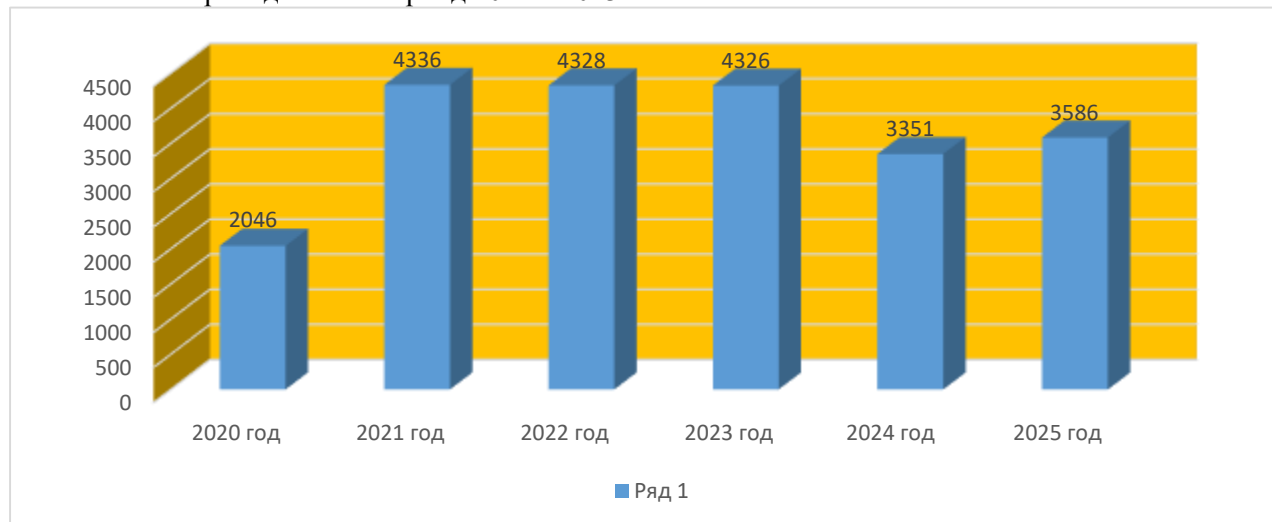

Рисунок 1 – Сведения о количестве лиц, обратившихся за архивными справками за период 2020 – 2025 гг. [5]

Указанная на рисунке 1 статистика отражает повышенный интерес граждан к восстановлению исторической справедливости, а также возрастающую востребованность цифровых и автоматизированных сервисов по предоставлению архивной информации.

Необходимо отметить, что каждое второе заявление, поступившее в Комитет удовлетворено, часть обратившихся лиц, признаны жертвами политических репрессий, а другие пострадавшими от политических репрессий. Это свидетельствует о том, на сколько сегодня вопрос реабилитации жертв политических репрессий являются актуальным.

В настоящее время Комитет ведёт работу по автоматизации и цифровизации выдачи архивных справок, но есть проблема, касающаяся сложности в чтении и распознавании этих документов. Архивные документы часто имеют сложный для чтения формат, повреждены или неполны, что затрудняет корректное распознавание информации.

В этом плане особую сложность создаёт историческая дистанция: начиная с 1930-х годов, уже 4 – 5 поколение граждан обращается за архивными справками, при этом многие не знают точного написания имён и других анкетных данных своих предков. Многие архивные дела 1930 – 1950-х годов неполные, повреждённые или содержат противоречивые сведения, что создаёт значительный риск ошибок при интерпретации информации. «Данная проблема особенно актуальна в тех случаях, когда архивные запросы поступают спустя несколько поколений после рассматриваемых событий» [7]. «Неточные или неполные исходные данные о разыскиваемом лице усложняет процесс поиска документов и может служить основанием для отказа в предоставлении архивной информации» [8].

В частности, согласно пункту 9 приложения 2 Правил оказания государственной услуги «Выдача архивных справок и/или копий архивных документов в пределах архивов Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и его территориальных органов» (утверждены приказом Генерального Прокурора РК от 18 мая 2020 года № 64) (далее – Правила оказания государственной услуги «Выдача архивных справок»), «при отказе в оказании государственной услуги услугодатель направляет услугополучателю ответ с указанием причин отказа:

1) установление недостоверности документов, представленных услугополучателем для получения государственной услуги, и (или) данных (сведений), содержащихся в них;

2) несоответствие услугополучателя и (или) представленных материалов, объектов, данных и сведений, необходимых для оказания государственной услуги, требованиям, установленным Правилами и иными законодательными актами Республики Казахстан (лица, не достигшие 16-летнего возраста, персональному учету спецпоселения не подлежали (период с 1939 по 1955 годы)» [9].

Таким образом, выявленные проблемы, обусловленные исторической дистанцией, фрагментарностью архивных документов и действующим формализованным порядком оказания государственной услуги, объективно ограничивают доступ граждан к сведениям о репрессированных лицах. Действующая редакция Правил оказания государственной услуги «Выдача архивных справок» допускает отказ при неполноте анкетных данных, что не учитывает специфику архивной информации рассматриваемого периода и препятствует реализации права на получение достоверной правовой информации.

В этой связи возникает необходимость внесения изменений в пункт 9 приложения 2 вышеуказанных Правил, дополнив его новым пунктом 9-1 следующего содержания:

«9-1. При оказании государственной услуги по выдаче архивных справок в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, отсутствие или неполнота анкетных данных (фамилии, имени, отчества, даты или места рождения) не является основанием для отказа в оказании государственной услуги, предусмотренного пунктом 9 настоящих Правил, если идентификация лица возможна на основе совокупности архивных сведений, включая косвенные данные (сведения о родственниках, месте проживания, периоде проживания, иных биографических данных).

В указанных случаях услугодатель обязан осуществить дополнительный архивный поиск и анализ имеющихся сведений».

Предлагаемое изменение направлено на формирование более гибкого правового механизма, учитывающего особенности архивных данных и обеспечивающего реализацию права граждан на доступ к правовой информации.

Еще одной проблемой, препятствующей своевременно и полно получить сведения о репрессированных является засекречивание таких документов.

В Казахстане публикация данных на открытые электронные порталы ограничена рядом факторов. Во-первых, многие архивные материалы 1930 – 1950-х годов содержат сведения, относящиеся к государственной тайне, и их публикация ограничено законодательными актами РК.

Часть архивных документов принадлежит органам, которые их изначально создавали, и не может быть рассекречена без соблюдения процедур, установленных отечественным законодательством.

Так, пунктом 1 статьи 23 Закона РК «О государственных секретах» носители сведений, составляющих государственные секреты, рассекречиваются не позднее сроков, установленных при их засекречивании. Правом на рассекречивание таких документов обладают первые руководители государственных органов и организаций» [10].

Но процедура рассекречивания занимает большое количество времени, и не каждый руководитель решится принять на себя ответственность за рассекречивание таких документов раньше установленного срока.

Во-вторых, необходимо принять внимание, ограничение, связанное с защитой персональных данных граждан в соответствии с Законом РК «О персональных данных» [11]. Как известно, данный закон запрещает распространение персональных данных в широком доступе. Открытая публикация архивных дел могла бы нарушить права третьих лиц, которые упоминаются в документах, включая живых родственников.

В отличие от Казахстана, в РФ информация о жертвах политических репрессий доступна через открытые электронные платформы, что обеспечивает гражданам и исследователям прямой доступ к архивным сведениям. Основой для этого служат Федеральный закон № 64-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении репрессированных граждан», который закрепляет право граждан на получение информации о судьбе репрессированных родственников, и Федеральный закон № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», регламентирующий порядок хранения архивных документов и предоставления к ним доступа [12], [13].

Российские архивные учреждения, включая Росархив и региональные архивы, создали электронные базы данных, такие как портал «Память народа», где размещаются сведения о репрессированных гражданах, их арестах, приговорах и реабилитации [14]. Публикация возможна при соблюдении условий: документы не содержат государственной тайны и не нарушают права третьих лиц. Это делает доступ к информации о жертвах репрессий в РФ относительно открытым и удобным для пользователей.

Доступ к архивным данным о жертвах политических репрессий в Казахстане и РФ регулируется законодательством, которое существенно различается, что отражается на степени открытости информации для граждан и исследователей.

Для решения проблемы ограниченного доступа к архивным материалам, содержащим сведения о государственной тайне, целесообразно, по нашему мнению, создать при Комитете специализированную экспертную комиссию. Комиссия будет уполномочена на проверку документов с целью выявления сведений, которые могут быть рассекречены без нарушения законодательства о государственной тайне и защите персональных данных.

При этом, следует рассмотреть возможность применения механизма поэтапного рассекречивания: сначала предоставлять доступ к архивным документам, содержащим общие биографические сведения о репрессированных (например, имя, год и место рождения, дата ареста), а последующие уровни информации рассекречивать по мере возможности после экспертной оценки и согласования с соответствующими органами.

Такой подход позволит расширить доступ исследователей и граждан к архивной информации без нарушения законодательства и снизит нагрузку на руководителей государственных органов при принятии решений о рассекречивании.

Еще одной проблемой является отсутствие полноценного учёта реабилитированных лиц, что затрудняет контроль и систематизацию информации.

Существующая база в Комитете пополняется данными, представленными Министерством внутренних дел РК (далее – МВД РК) по материалам уголовных дел о лицах, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных, но этих сведений недостаточно. База данных Комитета не содержит информации по всем лицам, подвергшимся политическим репрессиям. Поэтому в настоящее время остро стоит вопрос о необходимости создания единой базы учета лиц, подвергшимся политическим репрессиям.

Важным направлением для решения проблемы ограниченного доступа к архивной информации и отсутствия системного учёта реабилитированных является создание специализированных информационных ресурсов и баз данных. Как отмечает А. Гурьянов «формирование таких баз данных жертв политических репрессий позволяет систематизировать разрозненные архивные сведения и значительно расширяет возможности исторических исследований» [15].

В настоящее время также актуально и эффективно в решении данной проблемы использование возможностей искусственного интеллекта (далее – ИИ). «Методы работы ИИ позволяют распознавать и автоматически выделять из документов юридически значимую информацию – имена, даты, названия организаций и другие структурированные данные. Внедрение таких технологий в архивные информационные системы может существенно повысить эффективность обработки документов и сократить время подготовки архивных справок» [16].

Ограниченный доступ к архивной информации о жертвах политических репрессий обусловлен не только действием режима секретности и требований законодательства о персональных данных, но и отсутствием системного, централизованного учёта таких сведений. Действующая модель правового регулирования не обеспечивает необходимого баланса между защитой охраняемых законом интересов и реализацией права граждан на доступ к социально значимой правовой информации. В результате архивные данные остаются разрозненными, а процедуры их получения – затруднёнными и длительными.

В целях устранения указанных проблем представляется необходимым совершенствование законодательства РК в сфере архивного дела. В частности, целесообразно внести изменения в Закон РК «О Национальном архивном фонде и архивах», дополнив его нормами, предусматривающими создание единой государственной базы данных жертв политических репрессий с возложением на государственные органы обязанности по её формированию, ведению и актуализации [17]. Формирование и функционирование такой базы должно предусматривать использование современных цифровых решений, включая технологии искусственного интеллекта, позволяющие осуществлять распознавание архивных документов, извлечение и сопоставление разрозненных сведений, а также повышать точность идентификации лиц при неполных исходных данных.

В этой связи предлагается закрепить в указанном Законе следующую новую норму:

«При обработке архивных документов в рамках формирования и ведения государственных информационных ресурсов допускается использование технологий искусственного интеллекта в целях распознавания, извлечения, сопоставления и систематизации содержащихся в них сведений при условии обязательной проверки (верификации) полученных результатов уполномоченными лицами».

Реализация данного подхода позволит не только обеспечить системный учёт репрессированных лиц, но и существенно повысить эффективность работы с архивной и правовой информацией за счёт внедрения интеллектуальных цифровых инструментов.

На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам. Существующая система работы с архивной информацией о жертвах политических репрессий требует совершенствования, поскольку фрагментарность документов, ограничения доступа и отсутствие централизованного учёта существенно затрудняют реализацию права граждан на получение достоверных сведений.

В качестве конкретной меры предлагается внести изменения в Правила оказания государственной услуги «Выдача архивных справок и/или копий архивных документов», дополнив их положением, которое снимает формальные ограничения при неполных анкетных данных, позволяя идентифицировать лицо на основе совокупности архивных сведений и устанавливает обязанность проводить дополнительный поиск и анализ информации.

Дополнительно обоснована необходимость перехода к системной цифровой модели обработки архивных данных, включающей межархивное сопоставление информации и использование технологий искусственного интеллекта для распознавания, извлечения и верификации сведений. Это требует внесения изменений в Закон РК «О Национальном архивном фонде и архивах», предусматривающих создание единой государственной базы данных жертв политических репрессий и закрепление возможности применения ИИ при работе с архивными документами.

Для решения проблемы ограниченного доступа к архивным материалам, содержащим сведения о государственной тайне, целесообразно создать при Комитете специализированную экспертную комиссию, уполномоченную на проверку документов с целью выявления сведений, которые могут быть рассекречены без нарушения законодательства о государственной тайне и защите персональных данных.

При этом рекомендуется применять механизм поэтапного рассекречивания: сначала предоставлять доступ к архивным документам, содержащим общие биографические сведения о репрессированных, а последующие уровни информации рассекречивать по мере возможности после экспертной оценки и согласования с соответствующими органами.

Такой подход позволит расширить доступ исследователей и граждан к архивной информации без нарушения законодательства и снизить нагрузку на руководителей государственных органов при принятии решений о рассекречивании.

Реализация всех перечисленных мер обеспечит систематизацию, полноту и достоверность информации, повысит эффективность работы государственных органов и будет способствовать восстановлению исторической справедливости, а также расширению доступа граждан и исследователей к правовой и архивной информации.

Список использованных источников:

1. Хромов Е.В. Особенности реабилитации жертв политических репрессий на современном этапе // Современная наука. 2010. №2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reabilitatsii-zhertv-politicheskikh-repressiy-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 11.03.2026).
2. Зевако Ю.А. Архивно-следственные дела репрессированных как источник исторических исследований // Исторические исследования. 2018. №2. С. 45–59. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/archives-of-repressed-as-historical-source> (дата обращения: 12.03.2026).
3. Мырзаханов А., Мусагалиева А. Реабилитация жертв политических репрессий: правовые и исторические аспекты // Вестник права и истории. 2020. №4. С. 12–27. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rehabilitation-of-repressed> (дата обращения: 12.03.2026).
4. Мишина Е.В. Книги памяти жертв политических репрессий: источники и методология изучения // Архивное дело и история. 2019. №3. С. 33–48. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39087654> (дата обращения: 12.03.2026).
5. «Хранить вечно: Книга памяти жертв массовых политических репрессий 30–40-х и начала 50-х годов Акмолинской области». Акмола, 2007. – 512 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://memoгу-akmola.kz> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Портал Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat?Ysclid=mmrhmk68tv845181568> (дата обращения: 12.03.2026).
7. Савельева И., Полетаев А. Архивные источники личного происхождения и проблемы их интерпретации // Журнал архивоведения. 2021. №1. С. 55–68. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/personal-archive-sources> (дата обращения: 12.03.2026).
8. Козлов В.А. Архивная практика и проблемы поиска информации при неполных исходных данных // Государственные архивы. 2017. №2. С. 22–35. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34567890> (дата обращения: 13.03.2026).
9. Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан «Об утверждении Правил оказания государственных услуг Комитетом по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и его территориальными подразделениями» №64 от 18.05. 292 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://zan.gov.kz/client/#!/md/142989/rus> (дата обращения: 12.03.2026).
10. Закон Республики Казахстан от 15.03.1991 года №349-1 «О государственных секретах». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000349> (дата обращения: 05.03.2026).
11. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года N 94-V. «О персональных данных и их защите» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (дата обращения: 06.03.2026).
12. Федеральный закон Российской Федерации №64-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении репрессированных граждан» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33734/ (дата обращения: 06.03.2026).
13. Федеральный закон Российской Федерации №125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46612/ (дата обращения: 06.03.2026).
14. Портал «Память народа» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46612/ (дата обращения: 06.03.2026).
15. Гурьянов А.В. Формирование баз данных жертв политических репрессий: опыт и перспективы // Информационные технологии в архивном деле. 2022. №1. С. 14–28. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/databases-of-repressed> (дата обращения: 12.03.2026).

16. Bruches E. Named entity recognition in legal and archival texts // Journal of Artificial Intelligence and Law. 2020. Vol. 28. Iss. 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10506-020-09260-8> (дата обращения: 13.03.2026).
17. Закон Республики Казахстан от 22 декабря 1998 года № 326-І «О Национальном архивном фонде и архивах». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000326> (дата обращения: 13.03.2026).

УДК 351.74:004

Богомолова Ксения Игоревна,

доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент,
г. Саратов, Российская Федерация

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ РОСГВАРДИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены меры по совершенствованию деятельности вневедомственной охраны Росгвардии. Отражены опыт зарубежных стран. Отмечена необходимость внесения изменений в нормативную базу, регламентирующую деятельность подразделений вневедомственной охраны, учтены приоритеты модернизации технического оборудования, оптимизация структуры управления и повышения квалификации кадрового состава, взаимодействие с общественностью и международное сотрудничество. В заключительной части автором приводятся выводы и предложения по дальнейшему совершенствованию практической деятельности.

Ключевые слова: вневедомственная охрана; Росгвардия; защита объектов и имущества граждан; общественная безопасность.

Аннотация. Мақалада Ресей гвардиясының ведомстводан тыс күзет қызметін жетілдіру шаралары қарастырылған. Шет елдердің тәжірибесі көрсетілген. Ведомстводан тыс күзет бөлімшелерінің қызметін реттейтін нормативтік базаға өзгерістер енгізу қажеттілігі атап өтілді, техникалық жабдықты жаңғырту, басқару құрылымын оңтайландыру және кадр құрамының біліктілігін арттыру, қоғаммен өзара іс-қимыл және халықаралық ынтымақтастық басымдықтары ескерілді. Қорытынды бөлімде автор практикалық қызметті одан әрі жетілдіру бойынша қорытындылар мен ұсыныстар береді.

Түйінді сөздер: ведомстводан тыс күзет; Росгвардия; азаматтардың объектілері мен мүлкін қорғау; қоғамдық қауіпсіздік.

Abstract. The article discusses measures to improve the activities of the non-departmental security of the Rosgvardiya. The experience of foreign countries is reflected. The need to amend the regulatory framework governing the activities of non-departmental security units was noted, priorities for upgrading technical equipment, optimizing the management structure and staff development, public relations and international cooperation were taken into account. In the final part, the author provides conclusions and suggestions for further improvement of practical activities.

Keywords: non-departmental security; Rosgvardiya; protection of facilities and property of citizens; public safety.

В настоящее время вневедомственная охрана является многочисленной службой в системе правоохранительных органов, имеющая богатую историю. С 2016 года данное подразделение вошло в структуру Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) [1]. Накопленный десятилетиями опыт работы доказал эффективность деятельности нарядов вневедомственной охраны как при защите объектов и имущества граждан, так и в борьбе с преступностью, обеспечении общественного порядка.

В современном мире высокого роста технологических процессов и развития цифровизации, важно учитывать современные тенденции развития технологий безопасности, требования законодательства и актуальные потребности общества, что требует принятия определенных мер по совершенствованию деятельности подразделений вневедомственной охраны Росгвардии. На сегодняшний день в целях повышения эффективности службы необходимо:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы

- Обновление законодательных актов:

пересмотр нормативных документов с целью устранения противоречий между федеральными законами и ведомственными приказами, повышения прозрачности процедур взаимодействия с гражданами и организациями и другими правоохранительными органами.

- Повышение правовой грамотности сотрудников: Организация регулярных семинаров и тренингов по правовым вопросам, связанным с выполнением служебных обязанностей сотрудниками вневедомственной охраны, разработка и обновление методических рекомендаций и т.п.

2. Технологическое развитие и модернизация оборудования.

- Переход на цифровые технологии мониторинга: Расширение внедрения интеллектуальных систем видеонаблюдения, автоматических распознающих комплексов («Безопасный город», «Умная камера»), интеграция с современными системами обработки больших объемов данных.

- Использование беспилотников и роботов: Для патрулирования труднодоступных территорий, быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации и оперативной оценки обстановки.

- Модернизация оружейного парка: Замена устаревших образцов оружия и спецсредств на новые модели, обладающие большей эффективностью и безопасностью.

3. Повышение квалификации кадров

- Развитие профессиональной подготовки: Создание современных учебных центров с использованием симуляторов и тренажеров, позволяющих сотрудникам практиковаться в реальных условиях.

- Стимулирование карьерного роста: Разработка системы мотивации и поощрения отличившихся сотрудников, внедрение прозрачных механизмов продвижения по службе.

- Психологическая поддержка персонала: Проведение регулярных психологических обследований сотрудников, оказание психологической помощи в сложных ситуациях.

4. Оптимизация структуры управления

- Централизация функций контроля и координации: Формирование единого информационного центра для оперативного принятия решений и анализа поступающей информации.

- Расширение полномочий территориальных подразделений: Предоставление региональным подразделениям права самостоятельно решать оперативные вопросы, оптимизируя взаимодействие с местными органами власти и населением.

5. Усиление взаимодействия с обществом

- Создание общественных советов: Привлечение представителей общественности к обсуждению вопросов улучшения работы подразделения, формированию общественного мнения и повышению доверия населения.

- Активное использование социальных сетей: Регулярное информирование граждан о работе подразделений, прием обращений и жалоб онлайн, организация консультаций и разъяснительных мероприятий.

6. Международный опыт и сотрудничество.

- Внедрение оказания государственных услуг на одноименном портале «Государственные услуги».

Необходимо учитывать положительный опыт зарубежных стран, на примере республики Казахстан, где на портале государственных услуг есть категория «Вневедомственная охрана» Казахстана goskz.su [2], которая создана для того, чтобы помочь гражданам сделать правильный выбор и получить доступ к качественным и профессиональным услугам в области безопасности. Информация на страницах данной категории портала государственных услуг Российской Федерации <https://www.gosuslugi.ru> [3] поможет обеспечить наилучший сервис и помочь собственникам защитить себя и свое имущество.

Таким образом, реализация предложенных мер позволит повысить эффективность деятельности вневедомственной охраны, укрепить доверие граждан и обеспечить надежную защиту объектов и жизни граждан.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 03.07.2016 N 226-ФЗ (ред. от 15.12.2025 г.) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (дата обращения: 19.02.2026 г.).

2. Закон Республики Казахстан «О Национальной гвардии Республики Казахстан» (дата обращения: 19.02.2026 г.).

3. Федеральный закон РФ от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (дата обращения: 19.02.2026 г.).

УДК 343.140.02

Гилим Абзал Гилимұлы,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ПРИ ОПЕРАТИВНОМ ОБМЕНЕ ИНФОРМАЦИЕЙ МЕЖДУ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ И СПЕЦИАЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения информационных систем в процессе оперативного обмена информацией между правоохранительными и специальными государственными органами Республики Казахстан. Автор исследует значение современных информационных технологий в правоохранительной деятельности, в том числе роль в повышении эффективности межведомственного взаимодействия. В ходе исследования проанализировано текущее состояние систем информационного обмена правоохранительных и специальных органов в Казахстане, их правовые основы и технические возможности. Кроме того, предлагаются проблемные вопросы, возникающие в ходе оперативного обмена информацией и пути их решения. Особое внимание будет уделено вопросам взаимосвязи информационных систем, безопасности данных и межведомственной интеграции. В статье рассматривается отечественный и зарубежный опыт, определяются перспективные направления совершенствования системы информационного обмена в Казахстане.

Ключевые слова: информационная система; оперативный обмен информацией; правоохранительные органы; специальные государственные органы; межведомственное взаимодействие; база данных; информационная безопасность; единая система; интеграция; цифровизация.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының құқық қорғау және арнаулы мемлекеттік органдары арасындағы жедел ақпарат алмасу процесінде ақпараттық жүйелерді қолданудың ерекшеліктері қарастырылады. Автор заманауи ақпараттық технологиялардың құқық қорғау қызметіндегі маңызын, оның ішінде ведомствоаралық өзара іс-қимылдың тиімділігін арттырудағы рөлін талдайды. Зерттеу барысында Қазақстандағы құқық қорғау және арнаулы органдардың ақпарат алмасу жүйелерінің қазіргі жағдайы, олардың құқықтық негіздері мен техникалық мүмкіндіктері сарапталады. Сонымен қатар, жедел ақпарат алмасу барысында туындайтын проблемалық мәселелер мен оларды шешу жолдары ұсынылады. Ақпараттық жүйелердің өзара үйлесімділігі, деректер қауіпсіздігі және ведомствоаралық интеграция мәселелеріне ерекше назар аударылады. Мақалада отандық және шетелдік тәжірибе салыстырылып, Қазақстандағы ақпарат алмасу жүйесін жетілдірудің перспективалық бағыттары айқындалады.

Түйінді сөздер: ақпараттық жүйе; жедел ақпарат алмасу; құқық қорғау органдары; арнаулы мемлекеттік органдар; ведомствоаралық өзара іс-қимыл; деректер базасы; ақпараттық қауіпсіздік; бірыңғай жүйе; интеграция; цифрландыру.

Abstract. This article examines the features of the use of information systems in the process of operational exchange of information between law enforcement and special state bodies of the Republic of Kazakhstan. The author analyzes the importance of modern information technologies in law enforcement, including the role in increasing the efficiency of interdepartmental interaction. The study will analyze the current state of information exchange systems of law enforcement and special bodies in Kazakhstan, their legal foundations and technical capabilities. In addition, issues that arise during the operational exchange of information and ways to solve them are proposed. Particular attention will be paid to the issues of interconnection of information systems, data security and interdepartmental integration. The article compares domestic and foreign experience, identifies promising areas for improving the information exchange system in Kazakhstan.

Keywords: information system; operational exchange of information; law enforcement agencies; special state bodies; interdepartmental interaction; database; information security; unified system; integration; digitalization.

Из года в год расширяются масштабы применения информационных технологий в правоохранительной системе Республики Казахстан. Процессы цифровизации играют важную роль в борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечении государственной безопасности [1]. В рамках Государственной программы «Цифровой Казахстан» в деятельность правоохранительных органов внедрены современные информационные системы, модернизированы ведомственные базы данных [2]. Это, в свою очередь, способствовало повышению качества работы по раскрытию, расследованию и профилактике преступлений, а также расширению возможностей оперативного реагирования на правонарушения.

Особенно от слаженного функционирования информационных систем напрямую зависит эффективность оперативного обмена информацией между различными ведомствами. В настоящее

время в каждом из правоохранительных и специальных органов Министерства внутренних дел, Комитета национальной безопасности, Агентств по финансовому мониторингу и других сформированы отдельные информационные системы. Однако не до конца решен вопрос взаимной интеграции и совместимости этих систем, что создает определенные трудности в процессе обмена информацией на межведомственном уровне. Непрерывность и оперативность обмена информацией является одной из стратегических задач, стоящих перед правоохранительными и специальными органами.

Ключевой задачей этих органов является обеспечение непрерывности обмена данными на межведомственном уровне в ходе предупреждения, оперативного раскрытия и расследования правонарушений. Важную роль играет не только техническая инфраструктура, но и правовые основы и нормативное регулирование обмена информацией. Поскольку оперативная информация зачастую носит конфиденциальный характер, возникает необходимость соблюдения самых высоких стандартов информационной безопасности при ее передаче, хранении и обработке.

Как утверждает Фролов В.В., «Использование информационных систем в этом процессе имеет свои особенности, изучение которых в настоящее время является актуальным вопросом» [3]. В связи с чем целью данной статьи является определение особенностей информационных систем, используемых в ходе оперативного обмена информацией между правоохранительными и специальными государственными органами Республики Казахстан, предоставление путей повышения их эффективности и рассмотрение путей решения проблемных вопросов в данной сфере. Предполагается, что результаты исследования будут способствовать совершенствованию межведомственного информационного взаимодействия и дальнейшему развитию цифровизации оперативной деятельности правоохранительных органов.

Основная часть. Система информационного обмена правоохранительных и специальных государственных органов в Казахстане состоит из многоуровневой структуры. В эту систему входят Министерство внутренних дел, Комитет национальной безопасности, Агентство по финансовому мониторингу, Служба государственной охраны и другие уполномоченные органы. При этом каждое ведомство имеет свои внутренние информационные системы, для их гармоничного функционирования разработаны единые стандарты и протоколы. Требования к информационной системе государственного органа установлены в статье 38 Закона Республики Казахстан «Об информатизации» [4]. Лучшим примером такой межведомственной интеграции в международной практике можно назвать Шенгенскую информационную систему SIS. Эта система является успешным примером совместной работы различных ведомств, обеспечивая единую базу данных, доступную одновременно пограничной службе, полиции, таможенным и миграционным органам. Система SIS образует сложную, но эффективную архитектуру, состоящую из центральной платформы (C-SIS), национальных систем (N-SIS) и безопасной инфраструктуры связи.

Главная особенность использования информационных систем их оперативность и точность. На сегодняшний день эффективность расследования любого преступления зависит от собранной по нему информации. Чем больше установлено оперативной информации, тем эффективнее будет расследование [5]. На международном уровне Интерпол I-24/7 систему позволяет запрашивать криминальную базу данных в течение 0,5 секунды из любой точки мира, а в 2024 году в данной системе было зафиксировано 1,8 миллиона совпадений. Указанные показатели наглядно демонстрируют значимость систем оперативного обмена информацией в раскрытии и расследовании преступлений. Кроме того, европейская система SIENA (Secure Information Exchange Network Application) является еще одним эффективным инструментом, позволяющим государствам-членам, Европе и третьим странам быстро и безопасно обмениваться криминальной информацией.

Наряду с этим особенностью межведомственной системы обмена информацией – ее конфиденциальность и безопасность. Оперативная информация зачастую носит конфиденциальный характер, поэтому при ее передаче, хранении и обработке применяются самые высокие стандарты информационной безопасности. Криптографические средства защиты, электронная цифровая подпись и специальные разрешительные системы являются основными средствами в указанной области [6].

В системе Интерпола обработка информации находится под строгим правовым контролем, а принятые в 2024 году поправки в Правила усилили меры безопасности использования биометрических данных. В частности, предусмотрены особые меры предосторожности при обработке отпечатков пальцев, фотоизображений и профилей ДНК. Принятые в Европейском Союзе стандарты хранения и защиты данных также являются важными регулирующими инструментами в этом направлении.

Правовую основу обмена информацией между правоохранительными органами в Казахстане составляют Законы «Об информатизации», «О государственных секретах», «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие нормативные правовые акты.

Кроме того, на межведомственном уровне приняты соглашения и совместные приказы, регламентирующие порядок обмена информацией, в том числе Правила формирования, доступа, использования, хранения, защиты и уничтожения сведений из системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов утвержденные приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 13 января 2023 года № 21 [7].

В международной практике обращают внимание правовые основы взаимодействия между Национальным центром информации о преступлениях США (NCIC) и Центром по противодействию терроризму (NCTC). В США сформирована многоуровневая система обмена информацией между федеральными, штатными и местными органами. Также, по правилам Министерства юстиции США, установлен строгий порядок распространения сведений об уголовной истории, и каждый орган несет ответственность за полноту и точность данных [8].

Относительно практических аспектов применения информационных систем, то их эффективность зависит от нескольких факторов. Во-первых, важна техническая координация между ведомствами. Во-вторых, уровень навыков персонала по работе с информационными системами. В-третьих, развитие инфраструктуры, обеспечивающей бесперебойную работу информационных систем. Регламент Prum II в Европе является важным шагом в указанном направлении и данный порядок, принятый в 2024 году, наряду с профилями ДНК, отпечатками пальцев, транспортных средств, теперь позволит обмениваться изображениями страниц и полицейскими записями в автоматизированном режиме [9]. Данное решение направлено на повышение на качественно новый уровень трансграничного сотрудничества между правоохранительными органами европейских стран.

Также следует отметить проблемные вопросы, возникающие в ходе обмена информацией. По мнению Лукьянченковой Н.Е. «Особую важность приобретают технологии защищенного электронного документооборота, обеспечивающие решение задач, связанных с конфиденциальностью обмена документами и разграничения доступа к их содержимому на основе определенных политик безопасности» [10]. Ежегодно в системе Интерпола осуществляется около 28 миллионов прямых сообщений, но большая часть этой информации остается без контроля Секретариата, что создает определенные риски в отношении качества и их достоверности. В Европейском Союзе также существуют трудности, связанные с сроками хранения данных, вопросами шифрования и различиями в законодательстве разных стран. В частности, Европейский суд в нескольких решениях (*La Quadrature du Net* и др.) обратил внимание на принципы пропорциональности и необходимости хранения и обработки данных.

Пути решения этих проблем в международной практике носят разный характер. Стратегические документы, принятые в Европе в последние годы, включая Дорожную карту доступа к данным Еврокомиссии на 2025 год, охватывают шесть основных направлений: хранение данных, законный перехват, цифровая криминалистика, дешифровка, стандартизация и решения искусственного интеллекта [11]. Такие инициативы планируется реализовать в период с 2026 по 2030 годы и направлены на удовлетворение потребностей правоохранительных органов в цифровую эпоху.

Изучение международного опыта показывает, что в развитых странах обмен информацией между правоохранительными органами находится на высоком уровне. Например, система SIS в европейских странах позволяет оперативно обмениваться информацией с правоохранительными органами различных государств. Важным примером повышения эффективности межведомственного и межгосударственного обмена информацией является и передовой опыт Интерпола и Европола. Актуальным для Казахстана является внедрение передового опыта таких систем, изучение их стандартов безопасности и механизмов правового регулирования.

Закключение. Использование информационных систем при оперативном обмене информацией между правоохранительными и специальными государственными органами Республики Казахстан - сложный и многогранный процесс. Эффективность указанного процесса напрямую зависит от технической оснащенности ведомств, квалификации специалистов, совершенствования правовой базы и соблюдения мер информационной безопасности.

В международной практике интегрированные системы, такие как информационная система Шенген (SIS) и платформа SIENA Европола, признаны эффективными примерами обмена информацией на межведомственном и межгосударственном уровнях. Успешное функционирование этих систем стало возможным благодаря единым стандартам, высокому уровню безопасности данных и стабильному финансированию.

В настоящее время в Казахстане проделана значительная работа в этом направлении, но есть еще нерешенные вопросы. К ним относятся повышение совместимости информационных систем, внедрение единых стандартов обмена данными и усиление информационной безопасности. Эти вопросы актуальны не только для Казахстана, но и на международном уровне. Исследования и анализы, проведенные в разных странах, показывают, что фрагментация межведомственных систем и отсутствие единообразия стандартов негативно сказываются на эффективности обмена информацией.

В перспективе углубление исследований, изучение международного опыта и внедрение передовых технологий позволит повысить эффективность правоохранительной системы. Международные инициативы, такие как Европейская система критически важных коммуникаций (EUCCS), Западноафриканская полицейская информационная система (WAPIS) и другие, отражают перспективные направления развития трансграничного сотрудничества. Применение технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных также является одной из современных тенденций.

В Казахстане необходим комплексный подход для повышения эффективности системы оперативного обмена информацией. Данный подход должен включать модернизацию технической инфраструктуры, внедрение единых стандартов, развитие цифровой компетентности специалистов и расширение международного сотрудничества.

Постоянное совершенствование мер информационной безопасности - залог надежности и эффективности системы. Системная работа в этих направлениях позволит качественно выполнять задачи, стоящие перед правоохранительными органами, а также прокурорского надзора в обеспечении надлежащего уровня общественной безопасности.

Список использованных источников:

1. Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvary-2017-g (дата обращения: 04.02.2026).
2. Постановление Правительства Республики Казахстан Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан» от 12 декабря 2017 года № 827. Утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 мая 2022 года № 311 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 04.02.2026).
3. Фролов В.В. Использование информационных технологий в расследовании: направления, проблемы и перспективы // Полицейская и следственная деятельность. 2023. № 2. С. 1-13.
4. Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (дата обращения: 04.02.2026).
5. Калиев А.А. Анализ открытых данных в эпоху цифровых технологий: Возможности и перспективы OSIN // Вестник Академии правоохранительных органов. – 2025. – № 3(37). – С. 58-105.
6. Закон Республики Казахстан «О государственных секретах» от 15 марта 1999 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000349> (дата обращения: 18.02.2026).
7. Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан «Об утверждении Правил формирования, доступа, использования, хранения, защиты и уничтожения сведений из системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов» от 13 января 2023 года № 21 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300031702#z266> (дата обращения: 18.02.2026).
8. Criminal History Record Information Act [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.job-discrimination.com/pennsylvania-employment-laws/criminal-history-record-information-act/> (дата обращения: 18.02.2026).
9. REGULATION (EU) 2024/982 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/982/oj> (дата обращения: 18.02.2026).
10. Лукьянченкова Н.Е. Методика разграничения доступа к содержимому офисных документов с использованием возможностей языка XML // Сборник трудов Выпуск 15 (по итогам XV международной открытой научной конференции) – Воронеж. – 2010. С. 271.
11. Roadmap for access to data for law enforcement [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2025/775880/EPRS_ATA\(2025\)775880_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2025/775880/EPRS_ATA(2025)775880_EN.pdf) (дата обращения: 18.02.2026).

УДК 34.038

Жұмабек Әділбек Рахманбердіұлы
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРОВЕРОК СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуется роль органов прокуратуры Республики Казахстан в обеспечении прав субъектов предпринимательства при осуществлении государственного контроля и надзора. Проанализированы положения Конституционного закона Республики Казахстан «О прокуратуре» и Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, регулирующие порядок проведения проверок бизнеса. Рассмотрены статистические данные о результатах прокурорского реагирования на нарушения прав предпринимателей. Выявлены проблемы правоприменительной практики и предложены меры по повышению эффективности прокурорского надзора. Сделан вывод о ключевой координирующей роли прокуратуры в формировании благоприятного бизнес-климата.

Ключевые слова: прокуратура, защита предпринимателей, проверки бизнеса, государственный контроль, прокурорский надзор, Предпринимательский кодекс РК.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы прокуратура органдарының мемлекеттік бақылау және қадағалау жүзеге асырылған кезде кәсіпкерлік субъектілерінің құқықтарын қамтамасыз етудегі рөлі зерттеледі. Қазақстан Республикасының «Прокуратура туралы» Конституциялық заңы мен Қазақстан Республикасының Кәсіпкерлік кодексінің кәсіпкерлік субъектілеріне тексерулер жүргізу тәртібін реттейтін нормалары талданды. Кәсіпкерлердің құқықтарының бұзылуына қатысты прокурорлық ден қою нәтижелері бойынша статистикалық деректер қарастырылды. Құқық қолдану практикасының проблемалары анықталып, прокурорлық қадағалаудың тиімділігін арттыру бойынша ұсыныстар берілді. Прокуратураның қолайлы бизнес-климатты қалыптастырудағы негізгі үйлестіруші рөлі туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: прокуратура, кәсіпкерлердің құқықтарын қорғау, кәсіпкерлік субъектілерін тексеру, мемлекеттік бақылау, прокурорлық қадағалау, Қазақстан Республикасының Кәсіпкерлік кодексі.

Annotation. The article examines the role of the prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan in ensuring the rights of business entities during the implementation of state control and supervision. The provisions of the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan "On the Prosecutor's Office" and the Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan regulating the procedure for conducting inspections of business entities are analyzed. Statistical data on the results of prosecutorial responses to violations of entrepreneurs' rights are considered. Problems of law enforcement practice are identified and measures to improve the effectiveness of prosecutorial supervision are proposed. The study concludes that the prosecutor's office plays a key coordinating role in forming a favorable business climate.

Keywords: prosecutor's office, protection of entrepreneurs, business inspections, state control, prosecutorial supervision, Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan.

Обеспечение благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата является одним из приоритетных направлений государственной политики Республики Казахстан. В условиях активизации контрольных функций государства особое значение приобретает защита прав субъектов предпринимательства при проведении проверок.

Согласно статье 1 Конституционного закона Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года №155-VII ЗРК «О прокуратуре», прокуратура от имени государства осуществляет высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан [1].

Одновременно Предпринимательский кодекс Республики Казахстан устанавливает обязательные требования к назначению и проведению проверок бизнеса, включая необходимость издания акта о назначении проверки и соблюдения процедурных гарантий.

Несмотря на совершенствование законодательства, практика показывает сохранение рисков незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность, что обуславливает актуальность исследования.

Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке трансформации прокурорского надзора в условиях цифровизации государственного контроля, а также в выявлении институциональных ограничений реализации превентивной функции прокуратуры. В отличие от существующих исследований, акцент сделан не только на правоприменительной практике, но и на

анализе эффективности цифровых инструментов мониторинга проверок как элемента надзорной деятельности.

Проблематика исследования заключается в противоречии между формально закреплёнными гарантиями защиты прав предпринимателей и сохраняющейся практикой их нарушения на стадии инициирования и проведения проверок. Несмотря на внедрение риск-ориентированного подхода и цифровых механизмов учёта, отсутствует достаточная степень превентивного реагирования со стороны органов прокуратуры.

Цель исследования — комплексный анализ роли органов прокуратуры в обеспечении прав предпринимателей при проведении проверок.

Задачи исследования:

- изучить нормативно-правовую базу;
- проанализировать практику прокурорского реагирования;
- выявить проблемы защиты бизнеса;
- разработать предложения по совершенствованию.

Материалы и методы исследования

Методологическая база исследования сформирована с учетом междисциплинарного характера проблематики защиты прав предпринимателей. В работе использован комплекс общенаучных и специальных юридических методов, позволивших всесторонне оценить роль органов прокуратуры при осуществлении надзора за законностью проверок субъектов предпринимательства.

Эмпирическую основу исследования составили нормы действующего законодательства Республики Казахстан, регулирующие прокурорский надзор и государственный контроль в сфере предпринимательства, прежде всего положения Конституционного закона Республики Казахстан «О прокуратуре» (в действующей редакции) и Предпринимательского кодекса Республики Казахстан. Дополнительно проанализированы официальные статистические сведения органов прокуратуры и Комитета по правовой статистике и специальным учетам.

Дополнительно в рамках исследования применён метод правового моделирования, позволивший сформировать предложения по совершенствованию механизмов прокурорского надзора. Использование элементов контент-анализа официальных отчётов органов прокуратуры обеспечило выявление типовых нарушений в сфере государственного контроля.

Для повышения достоверности результатов проведена верификация статистических данных на основе сопоставления сведений Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и Комитета по правовой статистике и специальным учётам за 2022–2024 годы.

В ходе исследования применялся формально-юридический метод, позволивший раскрыть содержание нормативных предписаний, регулирующих полномочия прокуратуры при защите бизнеса. Системно-правовой анализ обеспечил выявление взаимосвязи между институтами государственного контроля и прокурорского надзора. Сравнительно-правовой подход использован для оценки эволюции механизмов защиты предпринимателей. Статистический метод позволил обобщить количественные показатели эффективности прокурорского реагирования.

Использование совокупности указанных методов обеспечило достоверность выводов и их соответствие современному состоянию правоприменительной практики.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование показало, что в Республике Казахстан сформирована многоуровневая система защиты прав предпринимателей, в которой органы прокуратуры выполняют координирующую и превентивную функцию. Законодательное закрепление обязательной регистрации проверок, риск-ориентированного подхода и процессуальных гарантий бизнеса существенно ограничило возможности необоснованного вмешательства государственных органов в предпринимательскую деятельность [13].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что прокурорский надзор наиболее эффективно реализуется через механизм правовой статистики и мониторинга проверок. Обязательная регистрация актов о назначении проверок позволяет выявлять нарушения уже на ранней стадии. При этом особое значение имеет цифровизация надзорной деятельности, которая снижает влияние человеческого фактора и повышает прозрачность контроля.

Статистические данные органов прокуратуры подтверждают значительный масштаб восстановленных прав предпринимателей. Обобщенные показатели за 2023 год представлены в таблице 1.

Таблица 1 — Основные результаты прокурорской защиты прав предпринимателей в РК (2023 г)

Показатель	Количество
Прекращено незаконных проверок	5 700
Отменено незаконных ограничительных мер	14 000
Защищены права предпринимателей	129 000
Привлечено должностных лиц к дисциплинарной ответственности	689
Привлечено к административной ответственности	97

Источник: официальные данные органов прокуратуры Республики Казахстан [3].

Как видно из таблицы, наибольший эффект прокурорского вмешательства выражается в массовом восстановлении прав предпринимателей. Это свидетельствует о том, что прокуратура выполняет не только контрольную, но и правовосстановительную функцию.

Для наглядной оценки структуры прокурорского реагирования соотношение показателей за 2023 год представлено на диаграмме.

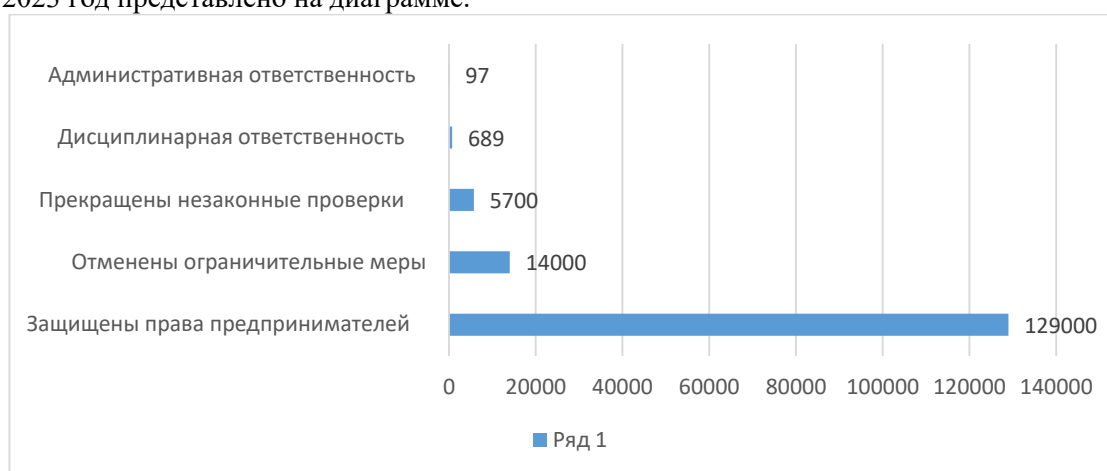

Диаграмма - Соотношение результатов прокурорского реагирования

Интерпретация полученных данных позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, прокуратура в настоящее время выступает ключевым фильтром необоснованного государственного вмешательства в бизнес. Значительное число прекращенных незаконных проверок подтверждает эффективность предварительного контроля [9].

Во-вторых, доминирование показателя восстановленных прав предпринимателей (129 тыс.) указывает на высокую востребованность прокурорской защиты со стороны бизнеса. Это косвенно свидетельствует о сохраняющихся рисках нарушения прав предпринимателей со стороны контролирующих органов [3].

В-третьих, сравнительно небольшое число привлеченных к ответственности должностных лиц при значительном объеме выявленных нарушений указывает на необходимость усиления персональной ответственности должностных лиц контрольных органов [12].

В-четвертых, цифровизация учета проверок существенно повысила прозрачность государственного контроля, однако потенциал превентивного надзора прокуратуры реализован не полностью. В ряде случаев прокурорское реагирование по-прежнему носит последующий, а не предупреждающий характер [9].

Анализ показал наличие системных проблем, снижающих эффективность прокурорского надзора:

- недостаточная автоматизация механизмов выявления рисков проверок на стадии их назначения;
- фрагментарность взаимодействия между информационными системами государственных органов;
- отсутствие единого алгоритма превентивного реагирования прокуратуры;

низкий уровень персонализации ответственности должностных лиц.

Сравнительный анализ динамики показателей за 2022–2024 годы свидетельствует о росте количества выявленных нарушений при относительно стабильном уровне привлечения виновных лиц к ответственности, что указывает на институциональный дисбаланс между выявлением и наказанием правонарушений.

В целом результаты исследования подтверждают, что действующая модель прокурорского надзора в Казахстане является эффективной, однако требует дальнейшего развития в направлении усиления профилактической составляющей, углубления цифровой аналитики и повышения ответственности должностных лиц.

Заключение

Проведённый анализ показал, что, несмотря на сформированную в Республике Казахстан систему прокурорского надзора за законностью проверок субъектов предпринимательства, сохраняется необходимость дальнейшего повышения её эффективности и превентивного потенциала. Совершенствование данного института должно носить комплексный характер и охватывать как нормативно-правовой, так и организационно-технологический уровни.

Прежде всего представляется целесообразным усилить превентивную составляющую прокурорского надзора. В настоящее время значительная часть актов прокурорского реагирования применяется уже после нарушения прав предпринимателей. Для смещения акцента на предупреждение правонарушений целесообразно расширить использование риск-ориентированной аналитики при мониторинге назначаемых проверок. Органы прокуратуры, располагая данными правовой статистики, могли бы в автоматизированном режиме выявлять признаки потенциально необоснованных внеплановых проверок и инициировать превентивные меры реагирования [18].

Важным направлением совершенствования является дальнейшая цифровизация контроля за проверками бизнеса. Несмотря на функционирование информационных систем органов правовой статистики, их интеграционный потенциал используется не в полной мере. Представляется обоснованным развитие единой цифровой экосистемы взаимодействия между прокуратурой, контролирующими органами и субъектами предпринимательства. В рамках такой системы предприниматель должен иметь возможность в режиме реального времени получать уведомления о назначении проверки, отслеживать её законность и при необходимости оперативно обращаться в органы прокуратуры через электронный интерфейс [22].

Особого внимания требует вопрос повышения персональной ответственности должностных лиц контролирующих органов. Анализ статистики показывает, что при значительном количестве выявленных нарушений доля привлечённых к ответственности лиц остаётся сравнительно невысокой. В этой связи целесообразно усилить дисциплинарную и административную практику по фактам незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность, а также обеспечить публичность информации о применённых мерах прокурорского реагирования. Это будет способствовать формированию превентивного эффекта и снижению числа повторных нарушений.

В целях устранения выявленных проблем предлагаются следующие меры:

1. Внедрение автоматизированной системы прокурорского риск-мониторинга, основанной на алгоритмах анализа больших данных, позволяющей в режиме реального времени выявлять признаки незаконных проверок.

2. Закрепление на законодательном уровне категории «превентивного акта прокурорского реагирования», направленного на предупреждение нарушений до их фактического наступления.

3. Создание единого цифрового профиля проверки, интегрированного в информационные системы прокуратуры и органов контроля, содержащего:

- основания назначения проверки,
- историю взаимодействия с субъектом предпринимательства,
- сведения о ранее выявленных нарушениях.

4. Усиление ответственности должностных лиц через:

- введение прогрессивной шкалы дисциплинарных санкций,
- обязательную публикацию сведений о привлечении к ответственности.

5. Разработка индикаторов эффективности прокурорского надзора, включающих:

- долю предотвращённых нарушений,
- уровень повторных правонарушений,
- соотношение выявленных нарушений и привлечённых к ответственности лиц.

Не менее важным направлением выступает повышение правовой информированности предпринимателей о механизмах защиты. Практика показывает, что субъекты малого и микробизнеса

не всегда своевременно используют возможности обращения в прокуратуру. В этой связи целесообразно расширить совместные разъяснительные программы органов прокуратуры и

Национальной палаты предпринимателей, разработать типовые алгоритмы действий бизнеса при проведении проверок и обеспечить их широкое распространение в цифровой среде.

Кроме того, предлагается проведение мониторингов предстоящих контрольных проверок органами правовой статистики. Входе которого необходимо уделять внимание на наличие удовлетворенных жалоб по результатам проверок в орган контроля и надзора и/или в суд, соответствие минимальных сроков устранения согласно п.7 ст.152 Предпринимательского кодекса РК и наличие предоставленной субъектом проверки исчерпывающей информации об устранении выявленных нарушений с подробным описанием порядка и способов устранения нарушений.

Таким образом, реализация предложенных мер — усиление превентивной функции прокуратуры, углубление цифровизации, повышение ответственности должностных лиц и расширение правового просвещения предпринимателей — позволит повысить эффективность прокурорского надзора, снизить административное давление на бизнес и укрепить гарантии свободы предпринимательской деятельности в Республике Казахстан.

Обобщающие выводы:

- 1.Прокурорский надзор в Республике Казахстан трансформируется в сторону цифровой и аналитической модели.
- 2.Существующая система ориентирована преимущественно на последующее реагирование, что снижает её превентивный потенциал.
- 3.Ключевым направлением развития является переход к проактивной модели надзора.
- 4.Эффективность защиты прав предпринимателей напрямую зависит от уровня цифровой интеграции государственных органов.

Список использованных источников

1. Конституционный Закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года №155-VII ЗРК «О прокуратуре».
2. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан (действующая редакция).
3. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.
4. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК.
5. Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по либерализации экономики».
6. Национальная палата предпринимателей «Атамекен».
7. Официальные статистические данные органов прокуратуры о защите бизнеса.
8. Материалы о прекращении незаконных проверок бизнеса.
9. Научные публикации по прокурорскому надзору в сфере предпринимательства.
- 10.Комментарии к Предпринимательскому кодексу РК.
- 11.Практика прокурорского реагирования в экономической сфере.
- 12.Аналитические обзоры инвестиционного климата Казахстана.
- 13.Материалы судебной практики по спорам бизнеса с госорганами.
- 14.Методические рекомендации по контролю и надзору.
- 15.Современные исследования защиты прав предпринимателей.
- 16.Статистический отчет о результатах прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей за 2023 год. — Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК.
- 17.Национальный доклад о состоянии предпринимательского климата в Республике Казахстан за 2024 год. — Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен».
- 18.Аналитический отчет «Административное давление на бизнес и меры его снижения» (2024).
- 19.Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Казахстан по делам, связанным с незаконными проверками бизнеса (2023–2024). — Верховный Суд Республики Казахстан.
- 20.Концепция развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года.
- 21.Доклад о цифровизации государственного контроля и надзора в Казахстане (2024).
- 22.Научная статья:Курманов М.К. Прокурорский надзор за прав субъектов предпринимательства в условиях цифровизации государственного контроля // Вестник Евразийского национального университета. -2024.

УДК 351.74/.76

Какимов Жасулан Какимович,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШТАБОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье исследуются теоретические и правовые аспекты цифровизации управленческих процессов штабных подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан в условиях реализации норм Цифрового кодекса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от традиционной организационно-документарной модели управления к системе, основанной на данных (data-driven governance).

В отличие от оперативной деятельности полиции (фиксация правонарушений, электронные уголовные дела), которая на сегодняшний день достаточно полно исследована и нормативно закреплена, в данной статье акцент смещен на управленческо-координационный уровень.

Именно эта вертикаль сегодня остается «слабым звеном» цифровой трансформации по следующим причинам:

1. Технологический разрыв: Оперативные службы (оперативно-следственные подразделения, административная полиция,) уже работают в сервисных моделях (ЕРДР, ЕРАП), тогда как штабы (планирование и контроль) во многом сохраняют бумажную логику, ограниченную простым электронным документооборотом.
2. Управленческая инерция: Цифровизация в штабах до сих пор воспринимается как «оцифровка бумаг», а не как переход к Big Data-аналитике и SMART-управлению. Это приводит к формализму в отчетах и потере качества данных при планировании и контроле по принципу район-область-центр.
3. Отсутствие правового статуса: В законодательстве (Закон «Об ОВД») отсутствует определение «цифрового управленческого решения» и алгоритмов ИИ в планировании.

Ключевые слова: Цифровизация управленческих процессов, штабы органов внутренних дел, Республика Казахстан, Цифровой кодекс, data-driven governance, цифровая трансформация, аналитические платформы, координация и контроль, правоохранительная деятельность, сравнительно-правовой анализ.

Аннотация. Мақалада Цифрлық кодекс нормаларын іске асыру жағдайында Қазақстан Республикасы ішкі істер органдары штабтық бөліністерінің басқару процестерін цифрландырудың теориялық және құқықтық аспектілері зерттеледі. Зерттеудің өзектілігі криминогендік жағдайдың күрделенуімен, киберқылмыстың өсуімен және аумақтық бөліністерді жедел үйлестіру қажеттілігімен байланысты. Бұл дәстүрлі ұйымдастырушылық-құжаттық басқару моделінен деректерге негізделген жүйеге (data-driven governance) көшуді талап етеді.

Бүгінгі таңда толық зерттелген және нормативтік тұрғыдан бекітілген полицияның жедел қызметінен (құқық бұзушылықтарды тіркеу, электрондық қылмыстық істер) айырмашылығы, бұл мақалада негізгі назар басқарушылық-үйлестіру деңгейіне аударылған.

Дәл осы вертикаль бүгінгі таңда келесі себептерге байланысты цифрлық трансформацияның «әлсіз буыны» болып қалып отыр:

1. Технологиялық алшақтық: Жедел қызметтер (жедел-тергеу бөліністері, әкімшілік полиция) қазірдің өзінде сервистік модельдерде (СДТБТ, ӘПБТ) жұмыс істейді, ал штабтар (жоспарлау және бақылау) көбіне қарапайым электрондық құжат айналымымен шектелген «қағаздық қисынды» сақтап қалған.
2. Басқарушылық инерция: Штабтардағы цифрландыру әлі күнге дейін Big Data-талдау мен SMART-басқаруға көшу ретінде емес, «қағаздарды цифрлық форматқа өткізу» ретінде қабылданады. Бұл есептердегі формализмге және «аудан-облыс-орталық» қағидаты бойынша жоспарлау мен бақылау кезінде деректер сапасының жоғалуына әкеп соғады.

3. Құқықтық мәртебенің болмауы: Заңнамада («ПО туралы» Заңда) «цифрлық басқарушылық шешім» анықтамасы және жоспарлаудағы жасанды интеллект (AI) алгоритмдері көрсетілмеген.

Түйінді сөздер: Басқару процестерін цифрландыру, ішкі істер органдарының штабтары, Қазақстан Республикасы, Цифрлық кодекс, data-driven governance, цифрлық трансформация, талдау платформалары, үйлестіру және бақылау, құқық қорғау қызметі, салыстырмалы-құқықтық талдау.

Abstract. The article explores the theoretical and legal aspects of digitizing the management processes of staff units within the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan under the implementation of the Digital Code.

Unlike the operational activities of the police (registration of offenses, electronic criminal cases), which are currently well-researched and normatively established, this article shifts the focus to the management and coordination level.

It is this vertical that remains the "weak link" of digital transformation today for the following reasons:

1. Technological Gap: Operational services (investigative units, administrative police) already operate within service models (ERDR, ERAP), whereas staff units (planning and control) largely retain a "paper logic" limited to simple electronic document management.

2. Managerial Inertia: Digitization in staff units is still perceived as the "digitization of paperwork" rather than a transition to Big Data analytics and SMART management. This leads to formalism in reporting and a loss of data quality during planning and control following the "district-region-center" principle.

3. Lack of Legal Status: Current legislation (the Law "On Internal Affairs Bodies") lacks a definition for "digital managerial decisions" and AI algorithms in planning.

Keywords: Digitalization of management processes, headquarters of internal affairs bodies, Republic of Kazakhstan, Digital Code, data-driven governance, digital transformation, analytical platforms, coordination and control, law enforcement, comparative legal analysis.

Актуальность исследования обусловлена стратегическим курсом на цифровую трансформацию госуправления в РК, закрепленным принятием Цифрового кодекса РК, а также реформой 2025 года, в ходе которой центральный штаб МВД был преобразован в Департамент анализа и стратегического планирования (ДАСП). В системе ОВД штабы выполняют центральную координационную функцию, обеспечивая планирование и контроль исполнения решений. Однако на региональном (ДП) и районном (ОП) уровнях штабная деятельность в значительной степени сохраняет традиционную организационно-документарную модель управления. Показательным в данном контексте является отсутствие системного нормативного закрепления цифровизации управленческих процессов штабов с учетом требований Цифрового кодекса, что создает нормативный дисбаланс между общегосударственной цифровой моделью и отраслевой правоохранительной деятельностью. Во многом указанная диспропорция обусловлена фрагментарностью используемых цифровых инструментов, при которой информационные системы функционируют изолированно, без единой аналитической платформы, обеспечивающей целостную картину оперативной обстановки. Дополнительным фактором выступает отсутствие обязательности цифрового формата контроля и интеграции принципов управления на основе данных (data-driven governance), что в совокупности снижает эффективность координации территориальных подразделений.

В исследовании использованы нормативные источники и научная литература по вопросам цифровизации государственного управления и правоохранительной деятельности, включая Цифровой кодекс Республики Казахстан, Закон «Об органах внутренних дел», ведомственные акты МВД РК, а также законодательство и аналитические материалы зарубежных стран (Эстония, Южная Корея, Германия) не позднее 2020 года. Основой послужили официальные тексты нормативно-правовых актов и доктринальные подходы к моделям e-government и data-driven governance, что позволило провести комплексный анализ механизмов трансформации штабной деятельности.

Методологическая основа исследования включала сравнительно-правовой подход для сопоставления моделей цифрового управления и smart policing в различных правовых системах, системно-структурный и формально-логический методы для выявления нормативного дисбаланса между общегосударственной цифровой моделью и отраслевым регулированием ОВД, а также аналитический метод для оценки фрагментарности действующих информационных систем.

Анализ соответствующих правовых механизмов и организационных инструментов позволяет выявить устойчивые международно-правовые подходы к цифровизации управленческих процессов, представляющие научный и практический интерес для совершенствования деятельности штабов ОВД РК.

В начале рассмотрим опыт цифровой трансформации правоохранительной деятельности в развитых зарубежных странах. «Международный опыт (X-Road в Эстонии, Smart Policing в Южной Корее и аналитические платформы в Германии) подтверждает, что эффективность управления ОВД напрямую зависит от интеграции всех потоков данных в единые ситуационные центры и минимизации субъективных факторов при принятии решений». Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет констатировать, что в развитых правовых порядках цифровизация охватывает не только оперативную деятельность, но и управленческо-координационный уровень. В современной доктрине применительно к правоохранительной сфере выделяются модели цифровой трансформации и алгоритмизированного управления.

Однако, как показывает исследование, научное внимание преимущественно сосредоточено на цифровых доказательствах и киберпреступности, в то время как вопросы внутриорганизационной координации управленческих процессов остаются недостаточно разработанными.

Эмпирическую основу исследования составил функциональный анализ вертикали управления «МВД – Департамент полиции – Управление полиции – Отдел полиции» и аудит текущих циклов планирования в рамках ведомственных систем мониторинга поручений.

Проведенный анализ позволил выявить следующие эмпирические закономерности:

1. Диспропорция кадрового ядра в районном звене: Изучение штатного расписания и функциональных обязанностей штабных подразделений показало, что в районных отделах полиции (ОП) штабная работа зачастую возложена на одного сотрудника. При его ротации накопленный аналитический опыт и методики контроля обнуляются из-за отсутствия в информационных системах «базы знаний» и алгоритмизированных шаблонов. Это подтверждает, что штаб в районе является критически уязвимым звеном управленческой цепи.

2. Технологический разрыв между «центром» и «периферией»: При наличии функционирующего Ситуационного центра в МВД, на уровне районов отсутствуют аналогичные аналитические узлы. Эмпирически установлено, что данные от районного сотрудника штаба поступают в вышестоящие инстанции в ручном режиме (через прикрепление файлов), что не позволяет формировать целостную картину в режиме реального времени.

3. Эрозия контроля из-за «размытых» задач: Анализ распорядительных документов (планов, протоколов) выявил преобладание поручений с неконкретными формами завершения («усилить работу», «принять меры», «рассмотреть вопрос»). Это создает условия для формальной отчетности, требующей от вышестоящих штабов проведения выездных проверок. Эмпирически обосновано, что сохранение бумажной логики в цифровых системах контроля ведет к избыточным командировочным расходам, которых можно избежать при переходе к дистанционному аудиту на основе SMART-задач.

Переходя к анализу отечественного опыта, следует отметить, что в РК сформирован правовой фундамент в виде Цифрового кодекса, закрепившего принципы обязательности использования госинформсистем и приоритетности данных как стратегического ресурса. Вместе с тем в отраслевом законодательстве, включая Закон «Об органах внутренних дел», наблюдается нормативный дисбаланс: общегосударственная цифровая модель не адаптирована к специфике правоохранительной управленческой деятельности.

«Практическая реализация модели data-driven governance в ОВД РК на современном этапе (2020–2025 гг.) демонстрирует как успехи, так и системные барьеры. Например, внедрение модулей аналитической системы позволяет улучшить контроль и сократить время на получение информации. Наряду с этим внедрение цифровых инструментов сопряжено с рядом критических рисков:

1. Технологический риск: зависимость управления от стабильности сетевой инфраструктуры. *Механизм нивелирования*: внедрение протоколов автономной работы (offline-first) и резервного копирования данных на защищенных «облачных» серверах МВД.

2. Информационный риск: риск несанкционированного доступа к управленческим решениям. *Механизм нивелирования*: использование многофакторной биометрической аутентификации и технологии блокчейн для фиксации истории изменений в распорядительных документах.

Алгоритмическая предвзятость: риск принятия ошибочных решений на основе некорректных предиктивных моделей. *Механизм нивелирования*: обязательный экспертный аудит сотрудниками штаба автоматизированных выводов системы перед их утверждением руководством».

В ходе исследования выявлен ряд системных проблем правового регулирования:

1. Отсутствие легальной дефиниции: ни в законе, ни в ведомственных актах не закреплено понятие цифровой управленческой деятельности.

2. Фрагментарность инструментов: существующие информационные системы функционируют изолированно, не обеспечивая штабам целостной аналитической картины.

3. Инерция контроля: фиксация сроков и показателей исполнения решений не всегда осуществляется в автоматизированном формате, сохраняя элементы традиционной документарной модели.

В этой связи критически важным представляется устранение выявленных законодательных пробелов через реализацию следующих инициатив:

Во-первых, дополнить Закон РК «Об органах внутренних дел» статьей 9-1 «Цифровизация управленческих процессов в органах внутренних дел» в следующей редакции: «Управленческая, координационная и контрольная деятельность в органах внутренних дел осуществляется с приоритетным использованием интегрированных информационных систем. Решения, принятые на основе данных автоматизированных аналитических платформ, имеют равную юридическую силу с

документами на бумажных носителях. Порядок цифрового взаимодействия и стандарты данных определяются уполномоченным органом в соответствии с Цифровым кодексом РК».

Это создаст легальную базу для использования интегрированных информационных систем при планировании и координации.

Во-вторых, требуется разработка ведомственного акта о штабной деятельности. Необходимо нормативно закрепить приоритет цифровых данных перед бумажной отчетностью и внедрить обязательное использование аналитических панелей (dashboards) для объективной оценки эффективности территориальных подразделений. С учетом проводимой работы по цифровизации и дебюрократизации сформировать подходы к планированию мероприятий по SMART принципу, где задачи должны быть ограничены по времени, конкретны, оцениваемые. Исключив формализм, абстрактные мероприятия, а также исполнение которых не направлены на улучшение оперативно-служебной деятельности и оздоровление криминогенной ситуации, к примеру подготовка к отопительному сезону, обеспечение безопасности на праздничных мероприятиях во время концертов и т.д. Данная работа осуществляется и так в повседневной деятельности и не нуждается в контроле и затрачиванию времени для составления отчетности.

В-третьих, принципиальное значение имеет введение института цифрового контроля. Это предполагает автоматическую фиксацию сроков исполнения поручений, проведение цифрового аудита и формирование аналитических отчетов в режиме реального времени, что исключает субъективизм и административные барьеры. Контроль осуществляется через уже существующие информационные системы, после внесения изменений в их работу с учетом изменений нормативных актов («low-cost модернизация»), кроме того это позволит обеспечить контроль «Центральный аппарат МВД-Территориальный департамент полиции-Управление полиции городской-районный -Отдел полиции городской-районный», сократив при этом командировочные расходы на осуществление проверок.

В-четвертых, в целях обеспечения достоверности данных и исполнительской дисциплины обоснована необходимость установления цифровой дисциплинарной ответственности. Предлагается закрепить ответственность должностных лиц за невнесение данных, их намеренное искажение либо несвоевременное обновление ключевых показателей в информационных системах. Дебюрократизировать процесс проведения служебных расследований, упростив его в этой же системе путем формирования готового шаблона его назначения, заключения и приказа по привлечению должностных лиц к дисциплинарной ответственности. Данные изменения внести в ведомственный приказ по порядку назначения, проведения служебных расследований.

Реализация данных предложений обеспечит переход от фрагментарной автоматизации к комплексной цифровой трансформации, где Департамент анализа и стратегического планирования – территориальные штабы становятся высокотехнологичным центром принятия решений, способным оперативно реагировать на динамику оперативной обстановки.

Профильное законодательство не определяет четкий порядок, сроки и формы перехода управленческих процессов в цифровой формат, что создает риски сохранения формального документооборота.

Цифровизация штабной деятельности может осуществляться как в рамках общей автоматизации — через внедрение отдельных информационных систем, так и системно — через переход к модели data-driven governance [11].

Согласно нормам Цифрового кодекса РК, государственное управление должно основываться на приоритетности данных, а государственные органы обязаны обеспечивать интеграцию своих платформ. Однако, как отмечают исследователи, в правоохранительной сфере этот институт часто остается номинальным из-за отсутствия специальных регламентов цифрового контроля и межведомственной совместимости систем [12]. Ведомственные механизмы мониторинга ограничены фиксацией промежуточных показателей и не охватывают глубокий автоматизированный аудит управленческих решений, что оставляет значительную часть процессов вне зоны эффективного цифрового контроля [13].

1. Установлено, что существующая модель управления в штабах ОВД РК сохраняет документарную инерцию, что не соответствует с нормами Цифрового кодекса РК 2026 года.

2. Обосновано, что переход к «smart policing» требует не просто автоматизации, а законодательного закрепления приоритета цифровых данных над бумажными формами отчетности.

3. Предлагается алгоритм минимизации рисков цифровой трансформации, включающий биометрическую защиту и обязательный аналитический аудит AI-решений.

4. В целях минимизации финансовых затрат предлагается использовать существующие платформы для их работы в рамках изменений в нормативные акты, что позволит улучшить управленческую работу наряду со снижением командировочных расходов.

5. Сформулированы конкретные поправки в Закон «Об ОВД», вводящие институт цифрового управления, и предложен механизм ответственности за нарушение регламентов работы с данными, что позволит минимизировать человеческий фактор в управленческом цикле.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан, принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 10.03.2026).
2. Digital Code of the Republic of Kazakhstan. Signed by the Head of State on January 9, 2026. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.akorda.kz (дата обращения: 10.03.2026).
3. Закон Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» от 23 апреля 2014 года № 199-V. [Электронный ресурс] – Режим доступа: adilet.zan.kz (дата обращения: 10.03.2026).
4. X-Road: The Backbone of Estonia's Interoperable Digital State // e-Estonia Solutions. 2024. [Электронный ресурс] – Режим доступа: e-estonia.com (дата обращения: 10.03.2026).
5. Smart Policing: South Korean National Police Agency Digital Strategy // Police Journal Iss. 4, 2025. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.police.go.kr (дата обращения: 10.03.2026).
6. Статистические отчеты КПСиСУ ГП РК за 2024-2025 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: qamqor.gov.kz (дата обращения: 10.03.2026).
7. Ахпанов А.Н. Направления модернизации правоохранительной деятельности в условиях цифровизации // Вестник Института законодательства и правовой информации РК №2(65), 2025. С. 112.
8. Цифровой кодекс Республики Казахстан: досье и этапы принятия. ИС «Параграф». [Электронный ресурс] – Режим доступа: prg.kz (дата обращения: 10.03.2026).
9. Аналитическая справка МВД РК: Итоги цифровой трансформации управленческих процессов в 2025 году. – Астана, 2026. С. 15.
10. Даль В. Толковый словарь живого русского языка. В 4 т. Т.4. – М., 1991. С. 252.
11. Касымов Е.З. Управление на основе данных (Data-driven Management) в силовых структурах: мировой опыт и перспективы Казахстана // Право и государство №1 (102), 2025. С. 45–52.
12. European Police Science Monitor. Digital Accountability and Policing Standards 2024. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.cepol.europa.eu. (дата обращения: 10.03.2026).
13. Официальный отчет о кибербезопасности государственных систем РК за 2025 год. – Астана: ГТС, 2026.

УДК 347.963

Кусиев Шамиль Якубович,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

БУЛЛИНГ КАК ОБЪЕКТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРИЗНАКИ

Аннотация. Статья посвящена осмыслению буллинга как социально-правового феномена и определению его места в системе прокурорского надзора. Актуальность темы обусловлена распространением травли среди несовершеннолетних и необходимостью развития эффективных механизмов их правовой защиты. Цель работы состоит в раскрытии правовой природы буллинга, установлении его юридически значимых признаков и обосновании возможности его включения в сферу прокурорского надзора.

В работе рассмотрены теоретические подходы к пониманию буллинга, проанализированы действующие нормы законодательства Республики Казахстан, регулирующие вопросы защиты прав несовершеннолетних, а также определена роль органов прокуратуры в системе профилактики правонарушений.

По результатам исследования установлено, что буллинг обладает признаками самостоятельного социально-правового явления, затрагивающего охраняемые законом права и интересы ребёнка. Обосновано, что деятельность органов прокуратуры способна выполнять не только контрольную, но и превентивную функцию в данной сфере. Сделан вывод о необходимости уточнения критериев квалификации буллинга и разработки методических подходов к его выявлению и предупреждению, что позволит повысить эффективность правоприменительной практики и уровень защиты прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: буллинг; кибербуллинг; прокурорский надзор; защита прав несовершеннолетних; административная ответственность; профилактика правонарушений.

Аннотация. Мақала буллингті әлеуметтік-құқықтық феномен ретінде қарастыруға және оның прокурорлық қадағалау жүйесіндегі орнын айқындауға арналған. Зерттеу тақырыбының өзектілігі кәмелетке толмағандар арасында қорлаудың кең таралуымен және олардың құқықтық қорғалу тетіктерін жетілдіру қажеттілігімен негізделді. Зерттеудің мақсаты – буллингтің құқықтық табиғатын ашу, оның заңдық мәнге ие белгілерін айқындау және оны прокурорлық қадағалау объектісі ретінде қарастыру мүмкіндігін негіздеу.

Жұмыста буллингті түсіндірудегі теориялық тәсілдер қарастырылып, кәмелетке толмағандардың құқықтарын қорғауға бағытталған Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасы талданады, сондай-ақ құқық бұзушылықтардың алдын алу жүйесіндегі прокуратура органдарының рөлі айқындалады.

Зерттеу нәтижесінде буллингтің заңмен қорғалатын баланың құқықтары мен мүдделеріне әсер ететін дербес әлеуметтік-құқықтық құбылыс екендігі анықталды. Прокуратура органдарының қызметі тек бақылау емес, сонымен қатар превентивтік сипатқа ие екендігі негізделді. Буллингті саралау өлшемдерін нақтылау және оны анықтау мен алдын алу бойынша әдістемелік тәсілдерді әзірлеу қажеттілігі туралы қорытынды жасалды, бұл құқық қолдану тиімділігін арттыруға және кәмелетке толмағандардың құқықтарын қорғау деңгейін күшейтуге мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: буллинг; кибербуллинг; прокурорлық қадағалау; кәмелетке толмағандардың құқықтарын қорғау; әкімшілік жауаптылық; құқық бұзушылықтардың алдын алу.

Abstract. The article is devoted to the conceptualization of bullying as a socio-legal phenomenon and to determining its place within the system of prosecutorial supervision. The relevance of the topic is обусловлена the widespread occurrence of bullying among minors and the need to improve legal mechanisms for the protection of their rights. The purpose of the study is to reveal the legal nature of bullying, identify its legally significant features, and substantiate the possibility of considering it as an object of prosecutorial supervision.

The paper examines theoretical approaches to understanding bullying, analyzes the current legislation of the Republic of Kazakhstan aimed at protecting the rights of minors, and determines the role of prosecutorial authorities within the system of crime prevention.

The results of the study indicate that bullying possesses the characteristics of an independent socio-legal phenomenon affecting legally protected rights and interests of the child. It is substantiated that prosecutorial activity in this area performs not only a supervisory but also a preventive function. The study concludes that there is a need to clarify the criteria for the legal qualification of bullying and to develop methodological approaches for its identification and prevention, which will enhance the effectiveness of law enforcement and strengthen the protection of minors' rights.

Keywords: bullying; cyberbullying; prosecutorial supervision; protection of minors' rights; administrative liability; prevention of offenses.

Проблематика буллинга среди несовершеннолетних приобрела устойчивую научную и правовую значимость в связи с его распространением в образовательной среде и негативным влиянием

на психическое развитие личности. Данные, представленные в докладе UNESCO Behind the Numbers (2019), свидетельствуют, что значительная доля обучающихся сталкивается с различными формами школьного насилия, включая систематическую травлю [1, с. 7].

В научной традиции буллинг рассматривается как особая форма агрессивного поведения, отличающаяся повторяемостью действий и наличием дисбаланса сил между участниками взаимодействия. Классическое определение данного феномена предложено Д. Ольвеусом, который характеризует буллинг как систематическое причинение вреда при неравенстве возможностей сопротивления [2, с. 9].

Негативное воздействие буллинга выходит за рамки межличностного конфликта и затрагивает сферу правового регулирования. Травля несовершеннолетнего посягает на гарантированные права ребёнка, включая право на уважение человеческого достоинства и безопасные условия обучения. Указанные положения закреплёны в национальном законодательстве Республики Казахстан и международных правовых актах.

В целях противодействия данному явлению в Казахстане приняты нормативные меры, включая утверждение правил профилактики буллинга и введение административной ответственности за травлю несовершеннолетнего [3]. Вместе с тем правовая природа буллинга и его квалификационные признаки остаются недостаточно разработанными в юридической доктрине, что обуславливает необходимость их дополнительного осмысления в контексте прокурорского надзора.

Методологическая основа исследования сформирована с использованием отдельных общенаучных и специальных юридических методов, применённых в объёме, необходимом для решения поставленных задач.

Формально-юридический метод применён при анализе нормативных правовых актов Республики Казахстан, регулирующих вопросы защиты прав несовершеннолетних и профилактики буллинга.

Сравнительно-правовой подход использован для сопоставления отдельных элементов правового регулирования буллинга в зарубежных правовых системах и выявления общих тенденций.

Системный анализ позволил рассмотреть буллинг в контексте профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и определить его место в структуре правовых механизмов защиты прав ребёнка.

Аналитический метод применялся при изучении научной литературы и обобщении доступных статистических данных.

Буллинг формируется в рамках группового взаимодействия и обусловлен совокупностью социальных, психологических и институциональных факторов. В исследовании Д. Ольвеуса подчёркивается, что ключевыми признаками данного поведения выступают систематичность агрессивных действий и устойчивое неравенство сил между субъектами взаимодействия [2, с. 9–10]. Указанные характеристики позволяют отграничить буллинг от разовых конфликтных ситуаций, возникающих в процессе межличностного общения.

Систематичность проявляется в повторяемости агрессивных действий во времени, тогда как дисбаланс сил может выражаться как в физическом превосходстве, так и в социальном статусе, психологическом воздействии или численном преимуществе. Такое сочетание признаков формирует устойчивую модель поведения, при которой жертва оказывается в заведомо уязвимом положении.

Концепция буллинга получила дальнейшее развитие в работах К. Салмивалли, где он рассматривается как результат групповой динамики. В рамках данной модели выделяются различные роли участников: агрессор, жертва, помощники, сторонники и наблюдатели [4]. Наличие указанных ролей свидетельствует о том, что буллинг не ограничивается взаимодействием двух лиц, а представляет собой социальный процесс, поддерживаемый группой. Это обстоятельство усложняет его предупреждение, поскольку агрессивное поведение получает косвенную поддержку со стороны окружения.

Формы проявления буллинга включают физическое воздействие, вербальные оскорбления, социальную изоляцию и распространение дискредитирующей информации. Каждая из указанных форм обладает собственной спецификой, однако все они направлены на унижение личности и причинение психологического вреда. При этом границы между формами носят условный характер, поскольку в реальных ситуациях они часто сочетаются.

С развитием цифровых технологий особое значение приобрела форма кибербуллинга. В работе D.L. Espelage и S.M. Swearer отмечается, что использование электронных средств коммуникации расширяет пространство воздействия и усиливает его длительность [5, с. 5–7]. В отличие от

традиционных форм агрессии, кибербуллинг не ограничен рамками образовательного учреждения и может осуществляться в любое время.

Исследование Р.К. Smith показывает, что кибербуллинг характеризуется анонимностью и высокой скоростью распространения информации, что существенно затрудняет его выявление и правовую оценку [6]. Дополнительной особенностью выступает длительное сохранение размещённого контента, что усиливает психологическое воздействие на потерпевшего.

Негативные последствия буллинга находят отражение в работах W. Craig и D. Pepler, где установлена связь между систематической травлей и развитием тревожных и депрессивных состояний, снижением самооценки и социальной дезадаптацией несовершеннолетних [7, с. 93–95]. Длительное воздействие агрессии может приводить к устойчивым нарушениям психоэмоционального состояния и формированию девиантных моделей поведения.

Масштабы распространения буллинга подтверждаются международными исследованиями. В докладе UNESCO Behind the Numbers указывается, что значительная доля обучающихся сталкивается с различными формами насилия со стороны сверстников [1, с. 7]. Сопоставимые результаты представлены в исследовании Health Behaviour in School-aged Children, где фиксируется регулярное воздействие психологического давления в подростковой среде [8, с. 41–42].

Результаты исследований UNICEF, проведённых в Казахстане, свидетельствуют о наличии устойчивых форм конфликтного взаимодействия в школьной среде, включая случаи систематической травли [9].

Правовое регулирование ответственности за буллинг закреплено в статье 127-2 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях. Норма предусматривает ответственность за действия, направленные на унижение чести и достоинства несовершеннолетнего либо причинение ему психологического вреда [10, ст. 127-2].

Конструкция статьи отражает особенности правового статуса несовершеннолетних. В случаях совершения правонарушения лицами в возрасте от 12 до 16 лет ответственность возлагается на их законных представителей, что соответствует воспитательной направленности административного воздействия.

Вместе с тем правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем. К их числу относится установление систематичности действий, которая является обязательным признаком буллинга. Отсутствие чётких критериев затрудняет разграничение данного правонарушения от оскорбления или мелкого хулиганства.

Дополнительные сложности связаны с оценкой психологического вреда, поскольку его последствия не всегда имеют очевидное выражение и требуют специальных знаний. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость разработки методических рекомендаций для правоприменителей и образовательных организаций.

В соответствии с информацией Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, размещённой на портале qamqor.gov.kz, по статье 127-2 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях зарегистрировано 54 дела. При этом необходимо учитывать, что указанная норма введена в действие лишь с 15 июня 2024 года, в связи с чем приведённые показатели отражают начальный этап формирования правоприменительной практики.

Соотношение данных официальной статистики и результатов социологических исследований позволяет сделать вывод о наличии значительного разрыва между фактическим распространением буллинга и уровнем его выявления.

Так, по данным Национального центра общественного здравоохранения Республики Казахстан, от 17 до 20% школьников сталкиваются с различными формами травли, что свидетельствует о существенно более широком распространении данного явления по сравнению с зарегистрированными правонарушениями [11].

Указанное расхождение обусловлено, в том числе, латентным характером буллинга, сложностью его фиксации и недостаточной сформированностью механизмов выявления. В этих условиях формирование устойчивой практики применения статьи 127-2 Кодекса Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» и развитие надзорной деятельности органов прокуратуры приобретают ключевое значение для повышения эффективности защиты прав несовершеннолетних.

Данные обстоятельства обуславливают необходимость совершенствования механизмов профилактики и правового реагирования.

Особое значение в системе защиты прав несовершеннолетних принадлежит органам прокуратуры. В соответствии с Конституционным законом Республики Казахстан «О прокуратуре» на них возложена функция высшего надзора за соблюдением законности [12, ст. 1]. Данная функция распространяется на деятельность образовательных организаций, что позволяет рассматривать прокуратуру как важный элемент механизма защиты прав детей. При этом обеспечение прав несовершеннолетних соответствует международным стандартам, закреплённым в Конвенции ООН о правах ребёнка [13, ст. 3; ст. 19].

Теоретические основы прокурорского надзора включают выявление причин и условий, способствующих правонарушениям, а также принятие мер по их устранению. В работах А.Б. Бижанова подчёркивается, что надзорная деятельность носит не только контрольный, но и превентивный характер [14, с. 56–57]. Это предполагает активное участие прокуратуры в предупреждении негативных явлений, включая буллинг.

В рассматриваемой сфере деятельность органов прокуратуры может включать анализ состояния профилактической работы в образовательных организациях, оценку соблюдения прав несовершеннолетних и выявление факторов, способствующих распространению агрессивного поведения. Практика проверок свидетельствует о наличии нарушений, связанных с недостаточной работой психологических служб и отсутствием системных профилактических мероприятий.

Зарубежный опыт демонстрирует эффективность комплексных профилактических программ. Программа KiVa, разработанная в Финляндии, основана на системном воздействии на школьную среду и вовлечении всех участников образовательного процесса [15, с. 312–314]. Реализация данной модели позволила снизить уровень агрессивного поведения и повысить уровень психологической безопасности.

В ряде стран используются механизмы раннего выявления буллинга, включая анонимные системы сообщений и специальные протоколы реагирования. Подобные инструменты обеспечивают своевременное вмешательство и снижают риск эскалации конфликтов.

Таким образом, эффективное противодействие буллингу требует сочетания правовых, организационных и профилактических мер, а также координации деятельности различных государственных органов, включая прокуратуру.

Буллинг представляет собой устойчивую форму агрессивного поведения, оказывающую комплексное воздействие на личность несовершеннолетнего и образовательную среду в целом. Его социально-психологическая природа обуславливает необходимость правового регулирования и институционального контроля.

Введение административной ответственности за буллинг в статье 127-2 Кодекса Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» свидетельствует о признании данного феномена самостоятельным объектом правового воздействия. Вместе с тем практика применения данной нормы выявляет необходимость уточнения её критериев и разработки методических рекомендаций.

Прокурорский надзор способен выполнять важную превентивную функцию, направленную на выявление причин распространения буллинга и обеспечение защиты прав несовершеннолетних. Повышение эффективности данной деятельности требует координации усилий образовательных организаций, правоохранительных органов и иных субъектов профилактики.

Комплексное развитие правовых и организационных механизмов противодействия буллингу является необходимым условием формирования безопасной образовательной среды и обеспечения надлежащего уровня защиты прав ребёнка.

Список использованных источников:

1. UNESCO. Behind the Numbers: Ending School Violence and Bullying. Paris: UNESCO, 2019. 70 p.
2. Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do. Oxford: Blackwell Publishing, 1993. 140 p.
3. Приказ Министра просвещения Республики Казахстан «Об утверждении Правил профилактики травли (буллинга) ребенка» от 21 декабря 2022 года № 506. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200031180> (дата обращения: 06.03.2026).
4. Salmivalli C. Bullying and the Peer Group: A Review // Aggression and Violent Behavior. 2010. Vol. 15. P. 112–120.
5. Espelage D.L., Swearer S.M. Bullying in American Schools: A Social-Ecological Perspective on Prevention and Intervention. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. 320 p.

6. Smith P.K. Cyberbullying: Nature and Impact in Secondary School Pupils // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2008. Vol. 49. P. 376–385.
7. Craig W., Pepler D. Understanding Bullying: From Research to Practice // Canadian Psychology. 2007. Vol. 48. P. 86–93.
8. World Health Organization. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) Study: International Report. Geneva: WHO, 2020.
9. UNICEF. Violence against Children and Adolescents: Global Status Report. New York: UNICEF, 2020.
10. Кодекс Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 06.03.2026).
11. Национальный центр общественного здравоохранения Республики Казахстан. Буллинг среди школьников: результаты исследования. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hls.kz/ru/archives/46262> (дата обращения: 06.03.2026).
12. Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре» от 5 ноября 2022 года № 155-VII ЗРК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 06.03.2026).
13. Convention on the Rights of the Child. United Nations, 1989.
14. Бижанов А.Б. Прокурорский надзор в Республике Казахстан. Алматы: Юридическая литература, 2019. 220 с.
15. Kärnä A. The KiVa Anti-Bullying Program and Its Outcomes // Educational Psychology Review. 2011. Vol. 23. P. 311–328.

УДК 342.565.2

Маутова Альбина Тасболатовна,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

МЕХАНИЗМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ: ИТОГИ ТРЕХЛЕТНЕЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационные механизмы исполнения нормативных постановлений Конституционного Суда Республики Казахстан в надзорной деятельности органов прокуратуры.

Анализируется правовая природа нормативных постановлений Конституционного Суда, их значение в системе источников права и влияние на формирование правоприменительной практики. Особое внимание уделяется роли прокуратуры как института, обеспечивающего фактическую реализацию правовых позиций органа конституционного контроля. На основе обобщения статистических данных и практики за 2023–2025 годы выявляются основные проблемы исполнения решений Конституционного Суда и предлагаются направления совершенствования соответствующих механизмов.

Ключевые слова: Конституционный Суд; нормативное постановление; конституционная законность; прокурорский надзор; исполнение решений.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының нормативтік қаулыларын прокуратура органдарының қадағалау қызметі шеңберінде орындаудың құқықтық және ұйымдастырушылық тетіктері қарастырылады. Конституциялық Соттың нормативтік қаулыларының құқықтық табиғаты, олардың құқық көздері жүйесіндегі орны және құқық қолдану тәжірибесінің қалыптасуына ықпалы талданады. Конституциялық бақылау органының құқықтық ұстанымдарының іс жүзінде жүзеге асырылуын қамтамасыз ететін институт ретінде прокуратураның рөліне ерекше назар аударылады. 2023-2025 жылдардағы статистикалық деректер мен құқық қолдану тәжірибесін жинақтау негізінде Конституциялық Сот шешімдерін орындау барысында туындайтын негізгі проблемалар айқындалып, тиісті тетіктерді жетілдіру бағыттары ұсынылады.

Түйінді сөздер: Конституциялық Сот; нормативтік қаулы; конституциялық заңдылық; прокурорлық қадағалау; шешімдерді орындау.

Abstract. The article discusses the legal and organizational mechanisms for the execution of regulatory rulings of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan in the supervisory activities of the prosecutor's office.

The article analyses the legal nature of the normative decisions of the Constitutional Court, their importance in the system of sources of law and their influence on the formation of law enforcement practice. Special attention is paid to the role of the Prosecutor's Office as an institution ensuring the actual implementation of the legal positions of the constitutional control body. Based on the generalization of statistical data and practice for 2023-2025, the main problems of the execution of decisions of the Constitutional Court are identified and directions for improving the relevant mechanisms are proposed.

Keywords: Constitutional Court; normative resolution; constitutional legality; prosecutorial oversight; enforcement of decisions.

Обеспечение верховенства Конституции является фундаментальным принципом правового государства и ключевым условием функционирования современной правовой системы. В этой связи особое значение приобретает деятельность органа конституционного контроля, направленная на обеспечение соответствия нормативных правовых актов Основному закону государства и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина [1].

Конституционный Суд Республики Казахстан обеспечивает верховенство Конституции на всей территории государства, а его решения обладают общеобязательной юридической силой. Особое место среди итоговых решений Конституционного Суда занимают нормативные постановления, посредством которых формируются правовые позиции, раскрывающие конституционный смысл правовых норм либо устранивающие положения законодательства, противоречащие Конституции [2].

Нормативные постановления Конституционного Суда Республики Казахстан обладают значительным регулятивным потенциалом. Они не только устраняют неконституционные положения законодательства, но и формируют обязательные ориентиры для правоприменительной практики. В результате правовая позиция Конституционного Суда становится обязательным стандартом для всех государственных органов и должностных лиц.

Конституционная реформа 2022 года стала важным этапом развития системы конституционного правосудия в Республике Казахстан.

В Послании народу Казахстана от 16 марта 2022 года «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» Президент Республики Казахстан предложил учредить Конституционный Суд и наделить Генерального Прокурора и Уполномоченного по правам человека правом обращения в орган конституционного контроля. Данные инициативы укрепили систему сдержек и противовесов и повышение эффективности защиты конституционных прав граждан [3].

С 1 января 2023 года начал функционировать Конституционный Суд Республики Казахстан, обеспечивающий верховенство Конституции на всей территории государства. Однако принятие решений органом конституционного контроля является лишь первым этапом в процессе восстановления конституционной законности. Подлинная эффективность конституционного правосудия определяется тем, насколько его решения находят отражение в правоприменительной практике и способствуют восстановлению нарушенных прав. И без соответствующих механизмов реализации правовые позиции органа конституционного контроля могут оставаться декларативными.

Как отмечает И.И. Рогов, решения органов конституционного контроля выполняют свою функцию лишь тогда, когда они становятся реальным ориентиром для правоприменения и формируют устойчивую практику соблюдения конституционных норм [4, с. 17].

Аналогичной позиции придерживается В.Д. Зорькин, подчеркивая, что «конституционное правосудие является эффективным только в том случае, когда его решения обладают реальным регулятивным потенциалом и трансформируются в практику государственной деятельности» [5].

В этом контексте особое значение приобретает деятельность органов прокуратуры. В соответствии с Конституцией Республики Казахстан прокуратура осуществляет высший надзор за соблюдением законности на территории государства. Именно прокуратура обеспечивает внедрение правовых позиций Конституционного Суда в правоприменительную практику и выступает одним из ключевых институтов исполнения решений органа конституционного контроля.

Конституционная реформа 2022 года значительно усилила институциональную роль прокуратуры в системе конституционного контроля. Предоставление Генеральному Прокурору Республики Казахстан права обращения в Конституционный Суд позволило прокуратуре участвовать не только в стадии исполнения решений, но и в стадии инициирования конституционного контроля [6].

Два итоговых решения 2024 года по обращениям Генерального Прокурора демонстрируют практическую значимость этого полномочия: одно - по гарантиям собственности и неприкосновенности жилища, другое – по участию прокуратуры в санкционировании процессуальных решений на досудебной стадии.

Наряду с правом обращения, важнейшим направлением работы прокуратуры является надзор за исполнением итоговых решений Конституционного Суда в правоприменении. В целях адаптации к новой модели в Генеральной прокуратуре создано специализированное профильное подразделение, обеспечивающее подготовку заключений, обобщение коллизий и участие в разработке законопроектов. Внесены поправки в приказы Генерального Прокурора (приказы ГП № 33 и 34 от 17 января 2023 года), в том числе в Регламент работы Генеральной прокуратуры (приказ ГП № 94 от 19 июля 2024 года), направленные на систематизацию данной работы.

Системность надзора подтверждается подготовкой 75 заключений по конституционным производствам и участием в разработке и согласовании поправок, направленных на исполнение в нормотворческой деятельности значительного массива решений Конституционного Суда. В целом прокуратурой обеспечено участие в законодательной реализации 35 нормативных постановлений Конституционного Суда.

Так, нормативное постановление Конституционного Суда № 41 от 19 апреля 2024 года [7], принятое по результатам рассмотрения обращения Генерального Прокурора, реализовано в рамках Закона Республики Казахстан от 3 января 2026 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам исполнения решений Конституционного Суда Республики Казахстан и возврата активов» [8].

До принятия поправок органами прокуратуры были приняты практические меры по реализации правовых позиций Конституционного Суда путем направления 3 мая 2024 года нижестоящим прокурорам указания о прекращении практики санкционирования актов судебных исполнителей об обращении взыскания на жилище.

Необходимо отметить, что наиболее значимая роль прокуратуры проявляется на стадии исполнения решений Конституционного Суда. Так как, именно прокуратура обеспечивает внедрение правовых позиций органа конституционного контроля в практику правоприменения, реагирует на

случаи игнорирования конституционного смысла нормы и принимает меры по восстановлению нарушенных прав граждан.

В Послании Конституционного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2024 года № 2 «О состоянии конституционной законности в Республике Казахстан» подчеркнута проводимая органами прокуратуры работа в рамках их конституционных полномочий.

В пункте 5 указанного послания отмечено, «На предмет соблюдения и исполнения решений Конституционного Суда проанализировано несколько тысяч уголовных, гражданских и иных дел, жалоб и материалов о применении мер уголовно-процессуального принуждения. По итогам анализа внесены акты прокурорского надзора и реагирования по вопросам:

- восстановления бывшим сотрудникам пенсии по выслуге лет;
- пресечения фактов незаконного привлечения к административной ответственности за занятие предпринимательской деятельностью лицами, приравненными к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций;
- недопущения трудоустройства в субъекты квазигосударственного сектора лиц, совершивших коррупционное преступление, претендующих на занятие только управленческих должностей;
- принятия и рассмотрения жалоб адвокатов на действия (бездействие) и решения учреждения или органа, исполняющих наказание, в защиту осужденных и другие.» [9].

По состоянию на конец 2025 года на исполнении у органов прокуратуры находилось 36 нормативных постановлений Конституционного Суда. Из них 19 постановлений были приняты в 2023 году, 8 - в 2024 году и 9 - в 2025 году. По результатам рассмотрения дел Конституционным Судом в 18 случаях отдельные нормы нормативных правовых актов были признаны не соответствующими Конституции, а в 17 случаях нормы были признаны соответствующими Конституции в истолковании, данном Конституционным Судом.

Статистические данные свидетельствуют о значительной роли прокурорского надзора в обеспечении реализации решений Конституционного Суда.

На постоянной основе проводится мониторинг исполнения правоприменителями правовых позиций органа конституционного контроля.

По результатам прокурорами внесено 48 актов реагирования, принято 29 иных мер, восстановлены права 848 лиц, что способствовало приведению законодательства и правоприменительной практики в соответствие с Конституцией.

Практика показывает, что решения Конституционного Суда нередко требуют активного надзорного сопровождения со стороны органов прокуратуры.

Одним из показательных примеров является исполнение нормативного постановления Конституционного Суда Республики Казахстан от 28 апреля 2023 года №12 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части второй статьи 811, части первой статьи 852 и подпункта 2) части третьей статьи 855 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года» [10].

В ходе прокурорской проверки в г. Астане выявлены факты незаконного привлечения граждан к административной ответственности за неуплату парковки. Установлено, что к ответственности привлекались лица, имеющие право на бесплатное размещение транспортных средств, однако информация о наличии льгот не учитывалась при автоматической фиксации нарушений.

В целях реализации правовых позиций Конституционного Суда, отраженными в вышеуказанном итоговом решении, прокуратурой внесен протест, 1166 административных производств были прекращены, а права 731 гражданина были восстановлены.

Аналогичные нарушения законодательства и правовых позиций Конституционного Суда были установлены прокуратурой Алматинской области, по которым приняты меры прокурорского надзора и обеспечена защита конституционных прав граждан.

Еще одним примером реализации решений Конституционного Суда стала практика исполнения нормативного постановления от 18 мая 2023 года №14 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан статьи 197 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года», связанного с декриминализацией отдельных составов преступлений [11].

Надо отметить, что в рамках реализации указанного итогового решения органа конституционного контроля, Законом от 16 июля 2025 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан», статья 197 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК) перенесена в главу 8 (преступления в сфере экономической деятельности), как статья 233-1 с установлением криминального порога для квалификации деяния.

В целях обеспечения полноты исполнения данного итогового решения, Генеральной прокуратурой в адрес прокуроров было направлено поручение с операционным алгоритмом действий о проверке постановлений органов уголовного преследования и судебных актов на предмет соответствия порога значительного размера (п.2) ст.3 УК - значительный размер в ст.233-1 – стоимость нефти или нефтепродуктов, в двести раз превышающая месячный расчетный показатель).

В результате анализа уголовных дел прокурорами (Акмолинская, Актюбинская области, область Ұлытау) были внесены ходатайства о прекращении досудебных расследований по делам, которые перестали содержать признаки уголовного правонарушения после изменения законодательства.

Особое значение имеет практика исполнения решений Конституционного Суда в сфере военной службы. Так, в рамках реализации нормативного постановления Конституционного Суда Республики Казахстан от 31 августа 2023 года №27 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 11) пункта 2 статьи 38 Закона Республики Казахстан от 16 февраля 2012 года «О воинской службе и статусе военнослужащих» и подпункта 9) пункта 2 статьи 6 Закона Республики Казахстан от 6 января 2011 года «О правоохранительной службе» органами военной прокуратуры была проведена проверка соблюдения законодательства о прохождении воинской службы [12].

По результатам проверки в адрес Министерства обороны были внесены соответствующие представления и разъяснения о недопустимости отказа в повторном поступлении на воинскую службу по основаниям, признанным не соответствующими Конституции.

В результате проведенной работы 65 граждан, ранее уволенных со службы, получили возможность повторного поступления на воинскую службу. Из них 13 были восстановлены на офицерские должности, 52 – на должности рядового и сержантского состава. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что прокурорский надзор играет ключевую роль в обеспечении практической реализации решений Конституционного Суда и восстановлении нарушенных прав граждан.

Вместе с тем анализ практики показывает, что исполнение решений Конституционного Суда сопровождается рядом проблем. К их числу относятся наличие отдельных законодательных пробелов, отсутствие унифицированных механизмов пересмотра судебных актов, а также недостаточная унификация правоприменительной практики. Особую сложность представляют случаи, когда Конституционный Суд признает норму соответствующей Конституции в определенном истолковании. В таких ситуациях норма продолжает действовать, однако ее применение должно осуществляться в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда.

Проблема заключается в том, что действующее процессуальное законодательство не всегда предусматривает прямые механизмы пересмотра судебных решений в связи с изменением конституционно-правового смысла нормы. Данная проблема находит свое разрешение в рамках проекта Закона по вопросам исполнения нормативных постановлений Конституционного Суда, находящегося на рассмотрении в Мажилисе Парламента Республики Казахстан, в обсуждении которого активно участвует прокуратура.

Новой Конституцией Республики Казахстан, принятой на республиканском референдуме 15 марта 2026 года, закреплено, что законы и иные нормативные правовые акты, их отдельные положения, признанные соответствующими Конституции в истолковании Конституционного Суда, подлежат применению в данном истолковании.

Принятые меры свидетельствуют о последовательном законодательном разрешении проблемных вопросов, возникших в течение трехлетнего периода в рамках исполнения итоговых решений Конституционного Суда.

В практической плоскости в подобных ситуациях особую роль вновь играет прокуратура, которая обладает полномочиями по реагированию на выявленные нарушения и может инициировать пересмотр незаконных решений.

Анализ трехлетней практики исполнения решений Конституционного Суда Республики Казахстан свидетельствует о значительной роли органов прокуратуры в обеспечении реализации правовых позиций органа конституционного контроля. Именно прокуратура обеспечивает внедрение правовых позиций Конституционного Суда в правоприменительную практику, реагирует на случаи нарушения конституционных стандартов и принимает меры по восстановлению нарушенных прав граждан. И статистические данные, а также практические примеры подтверждают, что прокурорский надзор является одним из ключевых механизмов обеспечения фактического исполнения решений Конституционного Суда.

Вместе с тем дальнейшее развитие данного механизма требует совершенствования законодательства, унификации правоприменительной практики и усиления методического сопровождения прокурорского надзора.

Таким образом, эффективное взаимодействие Конституционного Суда и органов прокуратуры формирует важный институциональный механизм обеспечения конституционной законности и защиты прав человека в Республике Казахстан.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 15.03.2026).
2. Конституционный закон Республики Казахстан 5 ноября 2022 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=39441762 (дата обращения: 15.03.2026).
3. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 16 марта 2022 года «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_1 (дата обращения: 15.03.2026).
4. Рогов И.И., Малиновский В.А. Конституционный контроль в Казахстане: доктрина и практика утверждения конституционализма: монография. – Алматы: Раритет, 2015. – 382 с.;
5. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://znanium.ru/catalog/product/2114273> (дата обращения: 15.03.2026).
6. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года «О прокуратуре». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z22000000155> (дата обращения: 15.03.2026).
7. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 19 апреля 2024 года № 41 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 25 и пункта 3 статьи 26 Конституции РК». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2400000041> (дата обращения: 15.03.2026).
8. Закон Республики Казахстан от 3 января 2026 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам исполнения решений Конституционного Суда Республики Казахстан и возврата государству незаконно приобретенных активов». [Электронный ресурс] - Режим доступа: (дата обращения: 15.03.2026).
9. Послание Конституционного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2024 года № 2 «О состоянии конституционной законности в Республике Казахстан». https://prg.kz/document/?doc_id=36460372 (дата обращения: 15.03.2026).
10. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 28 апреля 2023 года №12 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части второй статьи 811, части первой статьи 852 и подпункта 2) части третьей статьи 855 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года» (дата обращения: 15.03.2026). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://prg.kz/Document/?doc_id=33568177 (дата обращения: 15.03.2026).
11. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 18 мая 2023 года №14 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан статьи 197 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://prg.kz/Document/?doc_id=34647513 (дата обращения: 15.03.2026).
12. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 31 августа 2023 года №27 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 11) пункта 2 статьи 38 Закона Республики Казахстан от 16 февраля 2012 года «О воинской службе и статусе военнослужащих» и подпункта 9) пункта 2 статьи 6 Закона Республики Казахстан от 6 января 2011 года «О правоохранительной службе». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://prg.kz/Document/?doc_id=34647512 (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 347.963:004

Мукушев Тулебай Каирбаевич,
преподаватель Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

Мазенова Аружан Данировна,
слушатель Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье изучается трансформация прокурорской деятельности под влиянием глобализации и цифровизации. Авторы анализируют новые вызовы, стоящие перед органами прокуратуры: транснациональную киберпреступность, необходимость международного сотрудничества в цифровой среде, защиту прав граждан в виртуальном пространстве, а также риски, связанные с цифровой трансформацией (утечки данных, кибератаки, алгоритмическая предвзятость). Особое внимание уделяется внедрению цифровых технологий в надзорную деятельность: использованию искусственного интеллекта для анализа больших данных, автоматизации рутинных процессов, созданию единых информационных систем. На основе официальных данных Генеральной прокуратуры Республики Казахстан подробно рассматриваются конкретные цифровые инструменты, уже внедренные в надзорную практику: система мониторинга медиа-пространства, ИИ-агент по анализу обращений граждан в «е-Өтініш», пилотные проекты по прогнозированию уличной преступности и внешних киберугроз, «умные» геокарты преступности и ДТП, Таргетинг-центр по контролю за оборотом прекурсоров, а также интеллектуальная модель «Цифровой помощник». Исследуются перспективы развития прокурорского надзора в условиях формирования глобального информационного общества. На основе анализа зарубежного опыта (стран ЕС, Китая, Сингапура) и текущих тенденций авторы формулируют собственные предложения по совершенствованию прокурорской деятельности в цифровую эпоху, включая создание унифицированной цифровой экосистемы правоохранительных органов, внедрение стандартов алгоритмической прозрачности и усиление кадровой подготовки в сфере информационной безопасности.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорский надзор; глобализация; цифровизация; искусственный интеллект; прогнозирование преступности; медиа-мониторинг; «е-Өтініш»; геокарты преступности; таргетинг-центр; кибербезопасность; «Закон и порядок».

Аннотация. Мақалада жаһандану мен цифрландыру әсерінен прокурорлық қызметтің трансформациясы зерттеледі. Авторлар прокуратура органдарының алдында тұрған жаңа сын-қатерлерді: трансұлттық киберқылмысты, цифрлық ортада халықаралық ынтымақтастық қажеттілігін, виртуалды кеңістікте азаматтардың құқықтарын қорғауды, сондай-ақ цифрлық трансформацияға байланысты тәуекелдерді (деректердің ағып кетуі, кибершабуылдар, алгоритмдік бейтараптылықтың болмауы) талдайды. Цифрлық технологияларды қадағалау қызметіне енгізуге ерекше назар аударылады: үлкен деректерді талдау үшін жасанды интеллектті пайдалану, күнделікті процестерді автоматтандыру, бірыңғай ақпараттық жүйелерді құру. Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының ресми деректері негізінде қадағалау практикасына енгізілген нақты цифрлық құралдар егжей-тегжейлі қарастырылады: медиа-кеңістікті мониторингілеу жүйесі, «е-Өтініштегі» азаматтардың өтініштерін талдауға арналған ИИ-агент, көше қылмысы мен сыртқы киберқатерлерді болжау жөніндегі пилоттық жобалар, қылмыс пен ЖКО «ақылды» геокарталары, прекурсорлар айналымын бақылау жөніндегі Таргетинг-орталығы, сондай-ақ «Цифрлық көмекші» интеллектуалды моделі. Жаһандық ақпараттық қоғамның қалыптасуы жағдайында прокурорлық қадағалауды дамыту перспективалары зерттеледі. Шетелдік тәжірибені (ЕО елдері, Қытай, Сингапур) және ағымдағы тенденцияларды талдау негізінде авторлар цифрлық дәуір жағдайында прокурорлық қызметті жетілдіру бойынша өзіндік ұсыныстарды, оның ішінде құқық қорғау органдарының бірыңғай цифрлық экожүйесін құру, алгоритмдік ашықтық стандарттарын енгізу және ақпараттық қауіпсіздік саласында кадрлар даярлауды күшейту туралы ұсыныстарды тұжырымдайды.

Түйінді сөздер: прокуратура; прокурорлық қадағалау; жаһандану; цифрландыру; жасанды интеллект; қылмысты болжау; медиа-мониторинг; «е-Өтініш»; қылмыс геокарталары; таргетинг-орталығы; киберқауіпсіздік; «Заң және тәртіп».

Abstract. This article examines the transformation of prosecutorial activities under the influence of globalization and digitalization. The authors analyze new challenges facing the prosecutor's office: transnational cybercrime, the need for international cooperation in the digital environment, the protection of citizens' rights in virtual space, as well as risks associated with digital transformation (data leaks, cyberattacks, algorithmic bias). Special attention is paid to the introduction of digital technologies in supervisory activities: the use of artificial intelligence for big data analysis,

automation of routine processes, and the creation of unified information systems. Based on official data from the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, the article examines in detail specific digital tools already implemented in supervisory practice: the media space monitoring system, the AI agent for analyzing citizens' appeals in the «e-Ötiniş» system, pilot projects for forecasting street crime and external cyber threats, "smart" crime and traffic accident maps, Targeting Center for controlling the circulation of precursors, and the "Digital Assistant" intelligent model. The article explores the prospects for the development of prosecutorial supervision in the context of the formation of a global information society. Based on the analysis of foreign experience (EU countries, China, Singapore) and current trends, the authors formulate their own proposals for improving prosecutorial activities in the digital age, including the creation of a unified digital ecosystem for law enforcement agencies, the introduction of algorithmic transparency standards, and the strengthening of personnel training in the field of information security.

Keywords: prosecutor's office, prosecutorial supervision, globalization, digitalization, artificial intelligence, crime forecasting, media monitoring, «e-Ötiniş», crime geomaps, targeting center, cybersecurity, «Law and Order».

Современный этап развития общества характеризуется глубокими трансформационными процессами, связанными с глобализацией и стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни. Данные процессы оказывают существенное влияние на деятельность государственных институтов, включая органы прокуратуры, которые вынуждены адаптироваться к новым реалиям, искать эффективные механизмы реагирования на возникающие вызовы и использовать открывающиеся перспективы. Прокурорская деятельность, традиционно ориентированная на национальную правовую систему, сегодня выходит за её пределы, сталкиваясь с необходимостью взаимодействия в глобальном правовом пространстве. В контексте вышеизложенного особую значимость приобретает исследование процессов цифровой трансформации в органах прокуратуры.

Как подчеркивается в Послании Президента Республики Казахстан К.К. Токаева, важнейшим приоритетом государственной политики является цифровая трансформация государственного аппарата; 2026 год объявлен Годом цифровизации и искусственного интеллекта. Данное обстоятельство придает особую актуальность изучению вопросов внедрения передовых технологий в прокурорскую деятельность и осмыслению возможностей, которые открываются перед надзорным ведомством в новую цифровую эпоху [1].

Целью настоящей статьи является комплексный анализ трансформации прокурорской деятельности под влиянием глобализации и цифровизации, выявление основных вызовов и перспектив, а также выработка предложений по совершенствованию прокурорского надзора в условиях формирования глобального информационного общества.

Прежде чем перейти к анализу конкретных цифровых инструментов, необходимо определить теоретико-методологические основания исследования. В современной юридической науке существует несколько подходов к осмыслению цифровой трансформации правоохранительных органов. Институциональный подход рассматривает цифровизацию как фактор трансформации организационной структуры и функций прокуратуры. Технологический подход акцентирует внимание на внедрении конкретных IT-решений и их эффективности. Правовой подход фокусируется на нормативном регулировании использования цифровых технологий и защите прав граждан. В данной статье авторы используют комплексную методологию, сочетающую элементы институционального, технологического и сравнительно-правового подходов, что позволяет не только описать внедренные решения, но и оценить их правовую обоснованность и организационную эффективность.

Глобализация как процесс усиления интеграционных связей между государствами создает принципиально новые условия для осуществления прокурорского надзора. Трансграничный характер многих правонарушений, включая киберпреступность, легализацию преступных доходов, коррупционные схемы с участием иностранных элементов, требует от прокуроров не только глубокого понимания международных правовых механизмов, но и готовности к оперативному сотрудничеству с зарубежными коллегами. В этой связи особую актуальность приобретает унификация подходов к противодействию преступности, разработка совместных стратегий и активный обмен передовым опытом между прокурорскими службами различных государств.

Переходя к рассмотрению цифровизации прокурорской деятельности, необходимо подчеркнуть, что данный процесс открывает беспрецедентные возможности для оптимизации надзорных функций. Как свидетельствует практика последних лет, внедрение современных информационных технологий позволяет не только автоматизировать рутинные процессы и ускорить обработку документов, но и обеспечить принципиально иной уровень мониторинга соблюдения законодательства. Во многих странах активно развиваются электронные системы взаимодействия прокуратуры с иными государственными органами, внедряются механизмы электронного

документооборота, создаются базы данных, доступные для оперативного анализа прокурорским работникам.

В декабре 2025 года в Генеральной прокуратуре Республики Казахстан с участием Руководителя Администрации Президента состоялась презентация современных цифровых и аналитических инструментов в сфере обеспечения правопорядка и прогнозирования преступных угроз [2]. В ходе данного мероприятия были продемонстрированы возможности ряда инновационных разработок, которые уже сегодня меняют облик прокурорского надзора. Ниже представлен обзор этих инструментов.

Система мониторинга медиа-пространства. Данная система, разработанная в рамках цифровой трансформации Комитета по правовой статистике и специальным учетам [3], базируется на автоматизированной обработке контента, публикуемого в средствах массовой информации и социальных сетях. Функционал системы включает поиск сообщений, содержащих признаки подготовки или совершения противоправных действий. Применяемые алгоритмы искусственного интеллекта осуществляют тональный анализ публикаций, идентифицируют значимые события и сигнализируют о потенциальных рисках для общественной безопасности. Существенным преимуществом данного подхода является возможность обнаружения угроз на ранних стадиях их формирования, когда превентивные меры могут быть наиболее эффективными. Как отмечается в официальных материалах Генеральной прокуратуры, внедренные цифровые инструменты позволяют не только фиксировать уже совершенные правонарушения, но и выявлять латентные риски на ранней стадии – на основе анализа больших массивов правовой информации, данных межведомственных интеграций и мониторинга медиапространства [4].

Искусственный интеллект для анализа обращений граждан в системе «е-Өтініш». Особого внимания заслуживает проект по внедрению искусственного интеллекта для обработки и анализа обращений граждан, поступающих через государственную информационную систему «е-Өтініш». Данная система, внедренная в Казахстане в июле 2021 года, уже стала ключевым инструментом повышения прозрачности взаимодействия государства с гражданами. На сегодняшний день в системе накоплено более 10 миллионов обращений – этот массив данных создает уникальные условия для использования ИИ в целях анализа и повышения эффективности государственных решений [5].

В рамках проекта, поддержанного Фондом цифровых инициатив Евразийского банка развития, разрабатывается программный инструмент, способный автоматически классифицировать обращения по более чем 2 500 категориям, выявлять потенциальные риски и скрытые тренды, а также формировать аналитические прогнозы на основе методов предиктивной аналитики [6]. Данный инструмент позволяет не только ускорить рассмотрение обращений граждан, но и выявлять системные проблемы, требующие незамедлительного прокурорского реагирования, что соответствует принципам «Слышащего государства», провозглашенным Главой государства [7].

Интеграция информационных систем. Характеризуя роль цифровых технологий в деятельности надзорного ведомства, Генеральный Прокурор Б. Асыллов подчеркнул их стратегическое значение, отметив, что применение искусственного интеллекта выходит за рамки простого следования современным тенденциям и представляет собой фундаментальный инструмент укрепления законности. В настоящее время информационные системы прокуратуры объединены с 350 государственными реестрами и 45 базами данных правоохранительных органов. Такая интеграция создает технологическую основу для автоматизированного выявления нарушений законодательства, прогнозирования криминогенной обстановки и определения наиболее проблемных зон в регионах. Кроме того, автоматизация рутинных процессов способствует существенному снижению бюрократической нагрузки на прокурорских работников, позволяя им сосредоточиться на решении сложных профессиональных задач [8]. Благодаря интеграции информационной системы Единого реестра досудебных расследований с Антифрод-центром Национального Банка и сведений о фрод-инцидентах, поступающих от сотовых операторов и банков, доля регистрации уголовных дел о кибермошенничествах выросла в 2 раза, что позволило значительно быстрее принимать меры по защите прав потерпевших [9].

Прогнозирование преступности. В Генеральной прокуратуре реализуются пилотные проекты по прогнозированию уличной преступности и внешних киберугроз, а также по оказанию правовой помощи населению через мобильные приложения в целях продвижения идеологии «Закон и порядок» [10]. Данные проекты основаны на использовании алгоритмов машинного обучения, которые анализируют массивы данных о ранее совершенных правонарушениях, учитывая время, место, способ совершения и иные криминологически значимые признаки. На основе этого анализа формируются прогнозы о наиболее вероятных местах и времени совершения преступлений, что позволяет органам

правопорядка оптимально распределять патрульные наряды и проводить профилактические мероприятия.

Важным инструментом визуализации криминогенной обстановки стали «умные» геокарты преступности и дорожно-транспортных происшествий. Данный инструмент позволяет в режиме реального времени отслеживать географическое распределение правонарушений, выявлять «горячие точки» и анализировать динамику преступности по районам, улицам и отдельным объектам. Как отмечается в материалах Комитета по правовой статистике и специальным учетам, на заседании Консультативно-экспертного совета профессор Высшей школы информационных технологий и инженерии Международного университета «Астана» представил результаты научных исследований в сфере прогнозирования повторных правонарушений и пространственного анализа преступности, подтверждающие высокую эффективность геоинформационных систем в профилактике правонарушений [11].

Таргетинг-центр по контролю за оборотом прекурсоров. Переходя к рассмотрению следующего направления цифровизации, необходимо остановиться на деятельности Таргетинг-центра по анализу незаконного оборота наркотиков и прекурсоров, созданного в структуре Комитета по правовой статистике и специальным учетам [12]. Данный центр использует сложные алгоритмы анализа данных для отслеживания подозрительных транзакций и перемещений химических веществ, которые могут быть использованы для производства наркотиков. Практические результаты деятельности Таргетинг-центра подтверждают эффективность применения алгоритмов анализа данных в противодействии наркопреступности. По информации Генеральной прокуратуры, использование цифровых инструментов позволило выявить и пресечь несколько каналов нелегального оборота прекурсоров, а также заблокировать значительное число подозрительных транзакций [13]. Ключевым преимуществом центра является возможность непрерывного мониторинга ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств, что обеспечивает оперативное выявление правонарушений и принятие мер реагирования в режиме реального времени.

Центр прогнозирования преступных угроз. В структуре Комитета по правовой статистике и специальным учетам также создан Центр прогнозирования преступных угроз, основной задачей которого является осуществление современной прогнозно-аналитической деятельности, направленной на заблаговременное выявление внешних и внутренних рисков общественной безопасности и предупреждение преступности [14]. По оценке Генерального Прокурора Б. Асыллова, создание Центра знаменует собой важный этап перехода от постфактумного реагирования на уже совершенные преступления к их упреждению на основе анализа данных, применения искусственного интеллекта и современных цифровых решений [15].

Система «Цифровой надзор». Данная система включает функционалы по розыску лиц, контролю за исполнением уголовных наказаний и пробации, ресоциализации осужденных, а также анализу законности по делам об административных правонарушениях. К системе подключены более 60 баз государственных органов, «умные» видеокамеры, дроны, что обеспечивает прокурорам возможность осуществлять в онлайн-режиме надзор за выполнением уполномоченными органами своих функций в сфере обеспечения правопорядка [16].

Интеллектуальная модель «Цифровой помощник». Продолжается апробация интеллектуальной модели «Цифровой помощник» по уголовным делам, которая оказывает содействие следователям в планировании расследований, преобразовании устной речи и видеозаписей в текст, а также анализе показаний. Статистические данные свидетельствуют, что с использованием данной технологии подготовлено 76 обвинительных актов, разработано 314 планов расследований и осуществлено 67 транскрипций протоколов допросов. Важным социальным эффектом внедрения цифрового помощника стало значительное улучшение качества предварительного следствия: в пилотных регионах количество жалоб участников уголовного процесса на действия следователей сократилось до нуля [17].

Анализ зарубежного опыта показывает, что существуют различные модели организации цифрового надзора. В странах Европейского союза приоритет отдается автономии данных и регламентированному доступу к информационным системам в соответствии с Общим регламентом о защите данных (GDPR). Например, в Германии разработаны строгие требования к алгоритмической прозрачности, предусматривающие право граждан на обжалование решений, принятых с использованием искусственного интеллекта. В Эстонии, известной своей цифровой экосистемой, прокуратура интегрирована в единую государственную платформу X-Road, обеспечивающую безопасный межведомственный обмен данными.

В Китае реализована модель централизованного доступа надзорных органов к базам данных с активным использованием систем распознавания лиц и прогнозирования преступности (система «Sharp Eyes»). В Сингапуре прокуратура использует специализированную платформу для анализа доказательств и автоматизированного составления процессуальных документов. Казахстан, как представляется, находится в процессе поиска собственной модели, сочетающей технологическую эффективность с соблюдением прав граждан на защиту персональных данных.

Цифровая трансформация прокуратуры сопряжена с рядом рисков, требующих правового осмысления. Во-первых, это риски утечки персональных данных. Президент Республики Казахстан К.К. Токаев на совещании в январе 2026 года указал на рост утечек персональных данных и потребовал выстроить системную защиту информации граждан [18]. Во-вторых, существует проблема алгоритмической предвзятости: модели машинного обучения могут воспроизводить и усиливать существующие предубеждения, содержащиеся в исторических данных. В-третьих, остается нерешенным вопрос о правовом статусе решений, принятых с использованием искусственного интеллекта, и о возможности их обжалования.

В ходе совещания в Генеральной прокуратуре, состоявшегося в январе 2026 года, Президент обратил внимание на проблему фрагментарности в реализации цифровых проектов силовыми структурами. По его оценке, отсутствие единой координации при разработке ведомственных информационных систем зачастую влечет неоправданные бюджетные расходы. В связи с этим глава государства поручил Правительству провести комплексный аудит существующих цифровых решений и принять меры по формированию унифицированной цифровой экосистемы для правоохранительных органов, основанной на общих стандартах и согласованной архитектуре [18]. Не менее остро стоит ситуация с киберпреступностью: в настоящее время в Казахстане раскрывается лишь каждое пятое онлайн-мошенничество, что требует кардинального пересмотра методов борьбы и совершенствования подходов к расследованию данной категории преступлений [19].

Важнейшим условием успешной цифровой трансформации является подготовка квалифицированных кадров. В Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан внедряется практико-ориентированная модель обучения, полное формирование которой запланировано на 2026 год. В образовательные программы уже включены цифровая криминалистика, OSINT, расследование операций с криптовалютами и основы информационной безопасности [20]. Ключевым элементом подготовки стал проект «Кибер-офицер», в рамках которого обучение прошли более 400 сотрудников правоохранительных органов, включая представителей стран СНГ и Центральной Азии [21].

Кроме того, порядка 700 сотрудников прокуратуры уже прошли программу «AI Qyzmet» в Академии государственного управления, освоив практические навыки работы с генеративными моделями и аналитикой данных [22]. При поддержке международных партнеров – УНП ООН и ОБСЕ – в Казахстане также сформирован корпус из 20 национальных тренеров по киберпреступности, которые проводят занятия, разрабатывают учебные модули и участвуют в международных профильных мероприятиях [23].

На основе проведенного анализа авторами формулируются следующие предложения по совершенствованию прокурорской деятельности в условиях цифровой эпохи:

1. Создание унифицированной цифровой экосистемы правоохранительных органов. Предлагается в рамках исполнения поручения Президента разработать единую архитектуру информационных систем правоохранительных органов, обеспечивающую совместимость, стандартизацию и безопасность данных. Целесообразно создать межведомственный координационный совет по цифровизации правоохранительной деятельности.

2. Внедрение стандартов алгоритмической прозрачности. Рекомендуются законодательно закрепить требования к объяснимости решений, принимаемых с использованием искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности. Граждане должны иметь право на получение информации о том, какие алгоритмы применялись при принятии решения в отношении них, и на обжалование таких решений.

3. Развитие системы защиты персональных данных. Предлагается усилить требования к защите персональных данных в информационных системах правоохранительных органов, включая внедрение систем шифрования, разграничения доступа и аудита действий пользователей. Необходимо создать специализированный орган по контролю за обработкой персональных данных в правоохранительной сфере.

4. Совершенствование правового регулирования использования ИИ в уголовном судопроизводстве. Целесообразно разработать и принять отдельный нормативный акт, определяющий

правовые основы применения искусственного интеллекта в деятельности прокуратуры и других правоохранительных органов, включая вопросы ответственности за вред, причиненный в результате использования ИИ-систем.

5. Расширение международного сотрудничества в сфере цифрового правосудия. Предлагается активизировать участие Казахстана в международных инициативах по стандартизации цифровых технологий в правоохранительной деятельности, а также развивать соглашения о взаимном признании электронных доказательств и оперативном обмене данными с зарубежными партнерами.

6. Формирование системы непрерывного повышения квалификации. Рекомендуются создать на базе Академии правоохранительных органов постоянно действующий центр компетенций по цифровым технологиям в правоприменении, обеспечивающий системную подготовку и повышение квалификации прокурорских работников по направлениям информационной безопасности, аналитики данных и использования искусственного интеллекта.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Прежде всего следует констатировать, что глобализация и цифровизация создают как новые возможности для развития прокурорской деятельности, так и порождают серьезные вызовы, требующие адекватного реагирования. Казахстан демонстрирует последовательное движение к формированию цифровой прокуратуры, внедряя передовые инструменты: от мониторинга медиа-пространства и анализа обращений граждан до прогнозирования преступности и контроля за оборотом прекурсоров. Внедренные цифровые решения уже показывают практическую эффективность, способствуя повышению оперативности реагирования, выявлению латентных правонарушений и снижению бюрократической нагрузки.

Вместе с тем цифровая трансформация сопряжена с рисками, требующими правового регулирования: защита персональных данных, алгоритмическая предвзятость, правовой статус решений, принятых с использованием ИИ. Успешная адаптация прокурорской системы к современным условиям предполагает комплексное совершенствование правового регулирования, дальнейшее внедрение инновационных технологий, развитие международного сотрудничества и системную подготовку квалифицированных кадров, способных работать с новыми цифровыми инструментами.

Предложенные авторами меры – создание унифицированной цифровой экосистемы, внедрение стандартов алгоритмической прозрачности, усиление защиты персональных данных, совершенствование правового регулирования использования ИИ – могут способствовать повышению эффективности прокурорской деятельности и обеспечению баланса между технологической модернизацией и защитой прав граждан. Только такой комплексный подход позволит органам прокуратуры успешно выполнять свои функции в условиях формирующегося глобального информационного общества, обеспечивая реализацию идеологии «Закон и порядок» и принципов «Слышащего государства».

Список использованных источников:

1. Послание Президента Республики Казахстан К.К. Токаева народу Казахстана. 2026. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru> (дата обращения: 15.03.2026);
2. В Генеральной прокуратуре представлены цифровые инструменты в сфере обеспечения правопорядка и прогнозирования преступных угроз // Актюбинский Вестник. 13 декабря 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://avestnik.kz/v-generalnoj-prokurature-predstavleny-cifrovye-instrumenty-v-sfere-obespecheniya-pravoporyadka-i-prognozirovaniya-prestupnyh-ugroz/> (дата обращения: 15.03.2026);
3. IT-инструменты для борьбы с преступностью представили в генпрокуратуре Казахстана // КазТАГ. 13 декабря 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://new.kaztag.kz/ru/news/it-instrumenty-dlya-borby-s-prestupnostyu-predstavili-v-genprokurature-kazakhstana> (дата обращения: 15.03.2026);
4. Как цифровые технологии помогают предотвращать правонарушения в Казахстане // Vecher.kz. 27 февраля 2026 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vecher.kz/ru/article/kak-sifrovye-tehnologii-pomogaiut-predotvrashat-pravonarusheniia-v-kazahstane.html> (дата обращения: 15.03.2026);
5. Казахстан внедрит искусственный интеллект для анализа обращений граждан при поддержке Фонда цифровых инициатив ЕАБР // Евразийский банк развития. 1 октября 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eabr.org/press/releases/kazakhstan-vnedrit-iskusstvennyy-intellekt-dlya-analiza-obrashcheniy-grazhdan-pri-podderzhke-fonda-ts/> (дата обращения: 15.03.2026);

6. Как Генпрокуратура использует цифровые технологии для раскрытия преступлений // Zakon.kz. 13 декабря 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/sobytiia/6501040-kak-genprokuratura-ispolzuet-tsifrovye-tehnologii-dlya-raskrytiya-prestupleniy.html> (дата обращения: 15.03.2026);
7. Генпрокуратура внедряет ИИ для прогнозирования преступности и надзора // Turan times. 28 января 2026 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://turantimes.kz/obschestvo/66328-genprokuratura-vnedraet-ii-dlja-prognozirovaniia-prestupnosti-i-nadzora.html> (дата обращения: 15.03.2026);
8. Академия Генеральной прокуратуры усиливает подготовку правоохранительных органов к борьбе с киберпреступностью // ИС Параграф. 22 января 2026 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=37996005 (дата обращения: 15.03.2026);
9. Бас прокуратурада цифрландыру және қадағалау қызметін күшейту мәселелері қаралды // Elordainfo.kz. 29 января 2026 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elordainfo.kz/index.php/article/bas-prokuraturada-cifrlandyru-zane-qadagalau-qyzmetin-kuseitu-maseleleri-qaraldy> (дата обращения: 15.03.2026);
10. Токаев обозначил приоритеты конституционной реформы и цифровизации на совещании в Генпрокуратуре // Turan times. 26 января 2026 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://turantimes.kz/politika/66271-tokaev-oboznachil-prioritety-konstitucionnoj-reformy-i-cifrovizacii-na-soveschani-v-genprokurature.html> (дата обращения: 15.03.2026);
11. В Генеральной прокуратуре обсудили вопросы цифровизации // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. 13 декабря 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/press/news/details/973575?lang=ru> (дата обращения: 15.03.2026);
12. К вопросам цифровизации прокуратуры // Livelaw.kz. 15 декабря 2025 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://livelaw.kz/> (дата обращения: 15.03.2026);
13. Выступление Генерального Прокурора Республики Казахстан Б. Асыллова на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. 28 января 2026 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura> (дата обращения: 15.03.2026);
14. Цифровая трансформация прокуратуры: новые горизонты // Закон и время. 2026. № 2. С. 12-18;
15. Интервью Председателя Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // Юридическая газета. 2026. 10 февраля;
16. Отчет о результатах апробации интеллектуальной модели «Цифровой помощник» // Материалы Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. 2026. С. 4-7;
17. Стенограмма совещания по вопросам цифровизации правоохранительных органов под председательством Президента Республики Казахстан К.К. Токаева // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 26 января 2026 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru> (дата обращения: 15.03.2026);
18. Анализ состояния киберпреступности в Республике Казахстан за 2025 год // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. – Астана, 2026. – 28 с;
19. Образовательные программы Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан на 2025-2026 учебный год. – Астана, 2025. – 45 с;
20. Итоги реализации проекта «Кибер-офицер» // Вестник Академии правоохранительных органов. 2026. № 1. С. 23-28;
21. Программа «AI Qyzmet»: первые результаты // Электронный ресурс Академии государственного управления. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://apa.kz/ru/ai-qyzmet> (дата обращения: 15.03.2026);
22. Отчет о международном сотрудничестве Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за 2025 год. – Астана, 2026. – 34 с;
23. OECD (2024), Digital Government in Kazakhstan: Towards a Data-Driven Public Sector, OECD Publishing, Paris. – DOI: 10.1787/9789264987654-en;
24. United Nations Office on Drugs and Crime (2023), Comprehensive Study on Cybercrime, UNODC, Vienna. [Electronic resource] – Acces mode: <https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/> (access data: 15.03.2026);

25. European Union Agency for Fundamental Rights (2024), Artificial Intelligence and Fundamental Rights: Ensuring Accountability, FRA, Vienna. – [Electronic resource] – Acces mode: <https://fra.europa.eu/en/publication/2024/ai-fundamental-rights> (access data: 15.03.2026);
26. Schwab, K. (2017), The Fourth Industrial Revolution, Crown Business, New York;
27. Сулейменов А.А. (2025), «Цифровая трансформация правоохранительных органов Казахстана: проблемы и перспективы», Правовая информатика, № 3, с. 45-52;
28. Ибраева А.С., Нурпеисов Е.К. (2025), «Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ», Вестник Института законодательства, № 4, с. 67-74.

УДК 343.132

Саябеков Данияр Адилевич,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРАНСПОРТНОЙ ПРОКУРАТУРЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматривается правовой статус и полномочия транспортного прокурора в уголовном процессе. На основе анализа УПК РК, Конституционного закона РК «О прокуратуре» и иных нормативных правовых актов, мнений ученых раскрываются особенности реализации транспортным прокурором надзорных полномочий в сфере транспортной инфраструктуры и обеспечения законности на объектах транспорта. По результатам исследования сформулированы выводы о роли транспортной прокуратуры в системе обеспечения законности и правопорядка.

Ключевые слова: правовой статус, транспортная прокуратура, полномочия, транспортный прокурор, прокурорский надзор, досудебное расследование, полномочия в сфере транспортной инфраструктуры, обеспечение законности на объектах транспорта.

Аннотация. Мақалада қылмыстық процестегі көлік прокурорының құқықтық мәртебесі мен өкілеттіктері қарастырылады. Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процестік кодексінің, «Прокуратура туралы» Қазақстан Республикасының Конституциялық заңының және өзге де нормативтік құқықтық актілердің, сондай-ақ ғалымдардың пікірлерін талдау негізінде көлік прокурорының көлік инфрақұрылымы саласында және көлік объектілерінде заңдылықты қамтамасыз ету барысында қадағалау өкілеттіктерін жүзеге асыру ерекшеліктері ашып көрсетіледі. Зерттеу нәтижелері бойынша көлік прокуратурасының заңдылық пен құқықтық тәртіпті қамтамасыз ету жүйесіндегі ролі туралы қорытындылар тұжырымдалды.

Түйінді сөздер: құқықтық мәртебе; көлік прокуратурасы; өкілеттіктер; көлік прокуроры; прокурорлық қадағалау; сотқа дейінгі тергеп-тексеру; көлік инфрақұрылымы саласындағы өкілеттіктер; көлік объектілерінде заңдылықты қамтамасыз ету.

Abstract. The article examines the legal status and powers of the transport prosecutor in criminal proceedings. Based on the analysis of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan “On the Prosecutor’s Office,” other regulatory legal acts, and scholarly opinions, the study reveals the specific features of the transport prosecutor’s supervisory powers in the field of transport infrastructure and ensuring legality at transport facilities. Based on the results of the study, conclusions are formulated regarding the role of the transport prosecutor’s office in the system of ensuring legality and public order.

Keywords: legal status; transport prosecutor’s office; powers; transport prosecutor; prosecutorial supervision; pre-trial investigation; powers in the field of transport infrastructure; ensuring legality at transport facilities.

Прокуратура Республики Казахстан занимает значимое место в системе органов государственной власти, где одной из особенностей ее правового статуса является многофункциональный характер прокурорской деятельности, направленной на обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства в РК [1].

Одной из основных частей современной системы прокуратуры являются специализированные прокуратуры, среди которых особое место занимает транспортная прокуратура.

Основные усилия транспортных прокуратур направлены на защиту прав и свобод граждан и организаций на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта (учреждения, предприятия прямо либо косвенно связанных с деятельностью транспорта), транспортной безопасности, соблюдение законодательства по организации перевозок, соблюдение законности правоохранительными и контролирующими органами на транспорте, таможенными органами.

В этой связи актуализируется роль государственных органов для эффективной реализации поставленных задач, в т.ч. органов транспортной прокуратуры, задачами которой является осуществление высшего надзора за соблюдением законности на транспорте.

Как показывает анализ деятельности транспортных прокуратур, вопросы правового статуса и полномочий транспортного прокурора в уголовном процессе остаются недостаточно исследованными в научной литературе, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цели и задачи исследования. Целью исследования анализ правового статуса и полномочий транспортного прокурора в уголовном процессе Республики Казахстан, а также выявление особенностей осуществления прокурорского надзора в транспортной сфере.

Для достижения указанной цели были определены следующие задачи исследования: проанализировать правовое регулирование деятельности транспортного прокурора; определить особенности процессуального статуса транспортного прокурора в уголовном процессе; исследовать полномочия транспортного прокурора при осуществлении надзора за досудебным расследованием, а также определить роль транспортной прокуратуры в обеспечении законности на объектах транспорта.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования при написании статьи явились нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, регламентирующие права. Обязанности и функции транспортного прокурора в уголовном процессе.

В ходе работы использованы частные методы научного исследования, в том числе формально-юридический метод, позволивший проанализировать нормы действующего законодательства; сравнительно-правовой метод, применённый при исследовании различных подходов к определению полномочий прокурора; системный метод, позволивший рассмотреть деятельность транспортного прокурора в системе органов прокуратуры; метод анализа правоприменительной практики, а также другие методы, диктуемые особенностями характера объекта и предмета исследования.

Правовой статус транспортного прокурора определяется совокупностью его прав, обязанностей и полномочий, закреплённых в законодательстве Республики Казахстан.

Согласно Конституционного закона Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года «О прокуратуре» (далее - КЗ РК «О прокуратуре»), прокуратура осуществляет высший надзор за точным и единообразным применением законов на территории Республики Казахстан. Данный надзор распространяется в том числе на деятельность государственных органов, осуществляющих досудебное расследование, оперативно-розыскную и контрразведывательную деятельность [2].

Ключевой характеристикой правового положения транспортного прокурора выступает его роль в надзоре за соблюдением законов в рамках уголовного судопроизводства. Следует подчеркнуть, что общий контроль за законностью на стадии предварительного расследования относится к компетенции прокуратуры как института, а не конкретного прокурора, и поэтому не может быть классифицирован как его отдельная процессуальная функция.

Уникальность полномочий прокурора по обеспечению законности при проведении досудебного расследования заключается в его широком охвате: ни одно действие или процессуальное решение должностного лица, ведущего уголовное преследование, не остается за пределами его внимания.

В данном контексте уместно привести мнение Ш.М. Абдул-Кадырова, который считает, что «всякая деятельность на досудебном этапе уголовного процесса находится вне сферы прокурорского надзора, если только она осуществляется в рамках действующего законодательства» [3, с.8].

Полномочия транспортного прокурора в уголовном процессе закреплёны в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – УПК РК). Так, норма главы 8 УПК РК «Государственные органы и должностные лица, осуществляющие функции уголовного преследования» определяет правовое положение прокурора [4].

Действующее законодательство не содержит специальных норм, детализирующих особенности реализации данных полномочий специализированными прокурорами, в том числе транспортными прокурорами.

КЗ РК «О прокуратуре» закрепляет общие задачи, функции и направления деятельности органов прокуратуры, однако не конкретизирует содержание уголовно-правовых полномочий транспортного прокурора, осуществляющего надзор в сфере функционирования транспортной инфраструктуры.

В КЗ РК «О прокуратуре» вопросы уголовного преследования и надзора в сфере уголовного судопроизводства урегулированы в разных главах. Так, согласно ст. 6 данного закона, прокуратура осуществляет высший надзор за законностью «деятельности досудебного расследования, уголовного преследования, оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности», а также за законностью «уголовного преследования».

Кроме того, вопросы уголовного преследования и надзора в сфере уголовного судопроизводства транспортной прокуратуры раскрыты и в Положении о Главной транспортной прокуратуре, утвержденного приказом Генерального Прокурора от 20 января 2023 года №37 [5].

Следует отметить, что транспортная прокуратура является специализированным звеном системы органов прокуратуры, деятельность которого направлена на обеспечение законности на объектах транспортной инфраструктуры, включая железнодорожный, воздушный, водный и автомобильный транспорт. Вместе с тем законодательство не выделяет особый процессуальный статус транспортного

прокурора в уголовном судопроизводстве, ограничиваясь общими нормами, регулирующими полномочия прокурора в целом.

В этой связи деятельность транспортного прокурора в уголовно-правовой сфере фактически реализуется в рамках общих полномочий прокурора, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Это означает, что транспортный прокурор при осуществлении надзора за законностью досудебного расследования, уголовного преследования, оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности руководствуется теми же нормами УПК РК, которые регулируют полномочия прокурора в целом.

Таким образом, учитывая отсутствие специальных норм, непосредственно регламентирующих особенности деятельности транспортного прокурора в уголовном процессе, анализ его полномочий целесообразно осуществлять через призму общих процессуальных полномочий прокурора. При этом специфика деятельности транспортного прокурора проявляется не в особом процессуальном статусе, а в предметной сфере прокурорского надзора, связанной с обеспечением законности в транспортной отрасли и функционированием объектов транспортной инфраструктуры.

Следовательно, правовой статус транспортного прокурора в уголовном судопроизводстве носит производный характер от общего процессуального статуса прокурора и определяется совокупностью норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих деятельность прокурора в сфере уголовного преследования и надзора за законностью досудебного расследования.

В соответствии с нормами УПК РК прокурор осуществляет надзор за законностью досудебного расследования. Как верно подчеркивает Ш.М. Абдул-Кадыров, «для успешного ведения уголовного преследования в суде, прокурор должен гарантировать правомерность всех этапов досудебного расследования. Следовательно, надзор прокурора за законностью досудебного процесса может быть правомерно расценен как начальная стадия работы прокурора по подготовке к обоснованию обвинения в судебном заседании, как элемент его обвинительной деятельности, а также как инструмент реализации процессуальной функции обвинения (уголовного преследования) [3, с. 41].

Как уже упоминалось, круг полномочий прокурора на стадии досудебного расследования и в ходе судебного производства закреплён в ч. 4 ст. 58 УПК РК, равно как и в других статьях, регулирующих конкретные процедуры.

Учитывая комплексный и системный характер деятельности прокурора на досудебной стадии, его различные функции находятся в тесной взаимосвязи. В каждой конкретной ситуации прокурор применяет ту или иную часть своих полномочий в той или иной мере.

Если говорить в целом о правовом положении прокурора в досудебном расследовании, то надо выделить несколько принципиальных моментов.

В первую очередь, надзорный орган несет ответственность за оценку правомерности постановлений, касающихся важнейших этапов уголовного преследования, которые влияют на права граждан. Таковые постановления включают: а) признание лица в качестве подозреваемого (ст. 202 УПК РК); б) установление правовой оценки действий подозреваемого (ст. 203 УПК РК); в) корректировка или изменение этой правовой оценки (переквалификация) (ст. 207 УПК РК); г) приостановление периода предварительного расследования (ч. 8-1 ст. 45 УПК РК).

Лишь после подтверждения прокурором законности и обоснованности принятого решения, соответствующий процессуальный документ обретает юридическую силу и порождает правовые последствия для всех сторон разбирательства [6].

Во-вторых, в качестве особой формы осуществления надзора выступают полномочия прокурора, связанные с его участием в следственных действиях, инициированных и проводимых следователем. Уникальность данных полномочий объясняется тем, что прокурор является лишь участником, а не производителем следственных действий, поскольку уголовное дело не находится в его непосредственном производстве. Следственное действие осуществляет уполномоченный сотрудник, который оформляет протокол, фиксирующий ход и результаты, упоминая присутствие прокурора и других лиц. Замечания, высказанные прокурором и прочими участниками, по общему правилу, также отражаются в данном документе [7].

Так, прокурор правомочен участвовать практически во всех видах допросов любого участника процесса. Это может иметь место в процедурах решения вопросов о даче согласия на возбуждение перед следственным судьей ходатайства о санкционировании меры пресечения (ч. 2 ст. 147 УПК РК). Прокурор вправе принять участие в допросе, проводимом следственным судьей в рамках процедуры депонирования личных доказательств (ст. 217 УПК РК).

Кроме того, руководящий процессуальный статус прокурора в досудебном производстве подтверждается полномочиями прокурора давать письменные указания (п. 5 ч. 1 ст. 193 УПК РК), а

также утверждать процессуальные решения досудебного производства (п. 6 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Ключевое значение для исхода досудебного производства имеет процедура принятия прокурором по результатам изучения материалов уголовного дела решений, предусмотренных ст. 302 УПК РК (составление обвинительного акта; направление уголовного дела лицу, осуществляющему досудебное расследование, для производства дополнительного расследования; прекращение уголовного дела в полном объеме или в его части по основаниям, предусмотренным статьями 35 и 36 УПК РК; заключение процессуального соглашения; дополнение или сокращение списка лиц, подлежащих вызову в суд, за исключением списка свидетелей защиты).

Таким образом анализ правового регулирования полномочий прокурора в уголовном процессе показывает, что действующее законодательство в целом определяет общий объем надзорных полномочий прокурора. Вместе с тем специфика деятельности транспортной прокуратуры в уголовном процессе требует более четкого нормативного закрепления отдельных аспектов прокурорского надзора за законностью досудебного расследования на объектах транспорта.

Одной из основных проблем является специфика транспортной инфраструктуры, связанная с высокой степенью мобильности и территориальной протяженности объектов транспорта. Железнодорожные магистрали, аэропорты, морские и речные порты охватывают значительные территории, что усложняет осуществление оперативного прокурорского надзора и своевременное реагирование на нарушения законодательства.

Кроме того, определенные трудности возникают при осуществлении надзора за законностью досудебного расследования преступлений, совершенных на объектах транспорта. Особенности таких преступлений, включая транснациональный характер отдельных правонарушений, необходимость взаимодействия с различными ведомствами и оперативными службами, требуют высокой степени профессиональной подготовки прокуроров и наличия специализированных знаний в области транспортной безопасности.

В этой связи в целях повышения эффективности деятельности транспортной прокуратуры представляется целесообразным принять ряд мер организационного и нормативного характера.

Прежде всего необходимо совершенствовать механизм межведомственного взаимодействия между транспортной прокуратурой и правоохранительными органами, осуществляющими свою деятельность на объектах транспорта. Это может быть достигнуто посредством разработки совместных нормативных актов, регламентирующих порядок взаимодействия, а также создания координационных механизмов, направленных на повышение эффективности борьбы с преступностью в транспортной сфере.

Кроме того, целесообразным представляется совершенствование нормативно-правового регулирования прокурорского надзора в транспортной сфере, в том числе путем уточнения отдельных положений уголовно-процессуального законодательства и законодательства о прокуратуре, касающихся полномочий прокурора при осуществлении надзора в уголовно-правовой сфере.

Таким образом, совершенствование деятельности транспортной прокуратуры должно осуществляться на основе комплексного подхода, включающего развитие нормативно-правового регулирования, укрепление межведомственного взаимодействия. Реализация указанных мер будет способствовать повышению эффективности прокурорского надзора и укреплению законности в уголовно-правовой сфере.

Заключение. На основании проведенного исследования представляется целесообразным дополнить статью 58 УПК РК «Прокурор» новой частью, предусматривающей особенности полномочий специализированных прокуроров.

Предлагается дополнить частью 4-1 в следующей редакции:

«Часть 4-1 статьи 58 УПК РК:

4-1. Специализированные прокуроры, в том числе транспортные прокуроры, осуществляют надзор за законностью досудебного расследования, уголовного преследования, оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры в пределах своей компетенции. При осуществлении указанных полномочий они вправе требовать устранения нарушений закона, давать обязательные для исполнения письменные указания органам досудебного расследования, отменять незаконные и необоснованные процессуальные решения, а также принимать иные меры прокурорского реагирования, предусмотренные законодательством Республики Казахстан».

Введение указанной нормы позволит более четко определить процессуальный статус транспортного прокурора в уголовном процессе, повысить эффективность прокурорского надзора за расследованием преступлений на объектах транспорта, а также обеспечить единообразное применение

законодательства в данной сфере.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность деятельности транспортной прокуратуры и обеспечить более четкое нормативное закрепление ее полномочий в системе уголовного судопроизводства Республики Казахстан.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 10.03.2026).
2. Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре» от 5 ноября 2022 года. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 10.03.2026).
- 3 Абдул-Кадыров Ш. М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: монография: Юрлитинформ, 2016. - 190 с.
- 4 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 10.03.2026).
- 5 Положение о Главной транспортной прокуратуре, утвержденного приказом Генерального Прокурора от 20 января 2023 года. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G23W000003> (дата обращения: 10.03.2026).
- 6 Левченко О. В. Прокурорский надзор в досудебном производстве уголовного процесса Республики Казахстан // Ex jure. 2022. №4. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-v-dosudebnom-proizvodstve-ugolovnogo-protsessa-respubliki-kazahstan> (дата обращения: 10.03.2026).
- 7 Кыдыралин Т. К. Полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного процесса: проблемы теории и практики. Диссер...академ. степени. - Косшы, 2020. - Косшы, 2021 г. – 86 с.

УДК 349.2

Смагулов Жаслан Ундрусович,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ современного состояния прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан в Республике Казахстан. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы, включая системный, сравнительно-правовой и статистический анализ. На основе данных Бюро национальной статистики, Комитета по правовой статистике Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и материалов Уполномоченного по правам человека за 2024–2025 годы выявлены ключевые проблемы в сфере соблюдения трудового законодательства, включая задолженность по заработной плате, производственный травматизм, а также латентность нарушений, выражающуюся в сокрытии несчастных случаев.

Особое внимание уделено организационно-правовым аспектам прокурорского надзора, включая анализ его предмета, объектов и форм реализации. Обоснована необходимость законодательного закрепления мониторинга как самостоятельной формы прокурорской деятельности, отличающейся непрерывным характером и использованием цифровых инструментов анализа данных. Выявлены недостатки межведомственного взаимодействия и информационного обмена, ограничивающие эффективность надзорной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в уточнении теоретико-правового содержания мониторинга в системе прокурорского надзора, а также в обосновании расширения предмета надзора за счет включения физических лиц как самостоятельных субъектов. Практическая значимость работы выражается в разработке конкретных предложений по внесению изменений в Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре» и Трудовой кодекс Республики Казахстан, направленных на внедрение риск-ориентированного подхода, цифровизацию надзорной деятельности и повышение эффективности защиты трудовых прав граждан.

Ключевые слова: прокурорский надзор, трудовые права граждан, мониторинг, защита трудовых прав, задолженность по зарплате, производственный травматизм, цифровизация.

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы азаматтардың еңбек құқықтарын прокурорлық қадағалаудың қазіргі жағдайы кешенді талдауға негізделген. Зерттеудің әдіснамалық негізі жүйелік, салыстырмалы құқықтық және статистикалық талдауды қоса алғанда, жалпы ғылыми және мамандандырылған құқықтық әдістерден тұрады. Ұлттық статистика бюросының, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика комитетінің деректері және 2024-2025 жылдарға арналған Адам құқықтары жөніндегі уәкілдің материалдары негізінде еңбек заңнамасын сақтаудағы негізгі мәселелер, соның ішінде жалақы бойынша берешектер, өндірістік жарақаттар және жазатайым оқиғаларды жасыруда көрінетін бұзушылықтардың жасырындығы анықталды.

Прокурорлық қадағалаудың ұйымдастырушылық және құқықтық аспектілеріне, оның тақырыбына, объектілеріне және іске асыру әдістеріне талдау жасауға ерекше назар аударылады. Мониторингті үздіксіз сипаты мен цифрлық деректерді талдау құралдарын пайдалануымен сипатталатын прокурорлық қызметтің тәуелсіз нысаны ретінде заңнамалық түрде бекіту қажеттілігі негізделеді. Бақылау қызметінің тиімділігін шектейтін ведомствоаралық ынтымақтастық пен ақпарат алмасудағы кемшіліктер анықталды.

Бұл зерттеудің ғылыми жаңалығы прокурорлық қадағалау жүйесіндегі мониторингтің теориялық және құқықтық негізін нақтылауда, сондай-ақ қадағалау аясын кеңейту үшін жеке тұлғаларды тәуелсіз субъектілер ретінде қамтуды негіздеуде жатыр. Бұл жұмыстың практикалық маңыздылығы тәуекелге негізделген тәсілді енгізуге, қадағалау қызметін цифрландыруға және азаматтардың еңбек құқықтарын қорғауды жақсартуға бағытталған «Прокуратура туралы» Қазақстан Республикасының Конституциялық заңына және Қазақстан Республикасының Еңбек кодексіне түзетулер енгізу бойынша нақты ұсыныстарды әзірлеуде жатыр.

Түйінді сөздер: прокурорлық қадағалау, азаматтардың еңбек құқықтары, мониторинг, еңбек құқықтарын қорғау, жалақы бойынша берешек, өндірістік жарақаттану, цифрландыру.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the current state of prosecutorial oversight of citizens' labor rights in the Republic of Kazakhstan. The study's methodological basis is comprised of general scientific and specialized legal methods, including systemic, comparative legal, and statistical analysis. Based on data from the Bureau of National Statistics, the Committee on Legal Statistics of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, and materials from the Human Rights Commissioner for 2024–2025, key issues in labor law compliance are identified, including wage arrears, occupational injuries, and the latency of violations, manifested in the concealment of accidents.

Particular attention is paid to the organizational and legal aspects of prosecutorial oversight, including an analysis of its subject matter, objects, and implementation methods. The need for legislatively enshrining monitoring as an independent form of prosecutorial activity, characterized by its continuous nature and the use of digital data analysis tools, is substantiated. Shortcomings in interagency cooperation and information exchange that limit the effectiveness of oversight activities are identified. The scientific novelty of this study lies in its clarification of the theoretical and legal framework for monitoring within the prosecutorial oversight system, as well as its justification for expanding the scope of oversight to include individuals as independent entities.

The practical significance of this work lies in the development of specific proposals for amendments to the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan "On the Prosecutor's Office" and the Labor Code of the Republic of Kazakhstan, aimed at implementing a risk-based approach, digitalizing oversight activities, and improving the protection of citizens' labor rights.

Keywords: prosecutorial supervision, citizens' labor rights, monitoring, protection of labor rights, wage arrears, occupational injuries, digitalization.

Актуальность темы исследования обусловлена особой социальной значимостью трудовых прав граждан. Согласно данным Бюро национальной статистики по итогам 4 квартала 2025 года, в экономике Казахстана занято 9,3 млн человек, из которых 7,2 млн (77%) работают по найму [1]. Высокий уровень вовлеченности граждан в трудовые отношения обуславливает необходимость эффективного государственного, прежде всего прокурорского, надзора за соблюдением их прав.

Несмотря на положительную динамику в сфере занятости, состояние законности в сфере трудовых отношений по-прежнему остается неблагополучным. Анализ отчета о реализации Концепции безопасного труда на 2024-2030 годы свидетельствует о наличии фактов производственного травматизма со смертельным исходом, сокрытия несчастных случаев, а также отсутствия страховой защиты у значительной части работников [2]. Обращения в адрес Уполномоченного по правам человека в 2024 году (265 обращений) подтверждают, что право на труд и его справедливое вознаграждение является одним из наиболее часто нарушаемых [3]. Целью данной статьи является анализ современного состояния прокурорского надзора в данной сфере и выработка конкретных предложений по совершенствованию организационно-правовых механизмов защиты трудовых прав граждан.

Изучение статистических сведений Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК за 12 месяцев 2025 года показывает, что спектр административных правонарушений в трудовой сфере крайне широк. Он охватывает как нарушения непосредственно оплаты и охраны труда (ст. 87, 93 КоАП), так и несоблюдение прав лиц с инвалидностью (ст. 83), дискриминацию (ст. 90) и воспрепятствование деятельности госорганов (ст. 462) [4].

Важным индикатором эффективности надзора является доверие населения. Согласно опросам Бюро национальной статистики за октябрь-ноябрь 2025 года, 69,3% наемных работников доверяют прокуратуре. Однако среди причин недоверия респонденты отмечают закрытость органа (19%), коррумпированность (25,7%) и мнение, что деятельность прокуратуры больше связана с наказанием, чем с защитой прав (10%) [5]. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости повышения уровня открытости и правозащитной направленности деятельности органов прокуратуры.

В научной литературе справедливо отмечается системный и массовый характер нарушений трудовых прав, а также их высокая латентность.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость совершенствования организационных механизмов прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан. В этой связи особую актуальность приобретает анализ существующих подходов к организации надзорной деятельности. Работники зачастую воздерживаются от обращения за защитой из-за страха потерять работу или давления со стороны работодателя, что требует от прокуратуры применения проактивных, аналитических методов выявления нарушений, а не только реагирования на поступившие жалобы [6, с. 247].

Организация работы прокурора по надзору за соблюдением трудовых прав представляет собой сложную систему, включающую оперативное получение информации, анализ, прогнозирование и планирование. А.З. Агабян выделяет стадии надзора от организации до определения эффективности [7, с. 94]. В настоящее время деятельность органов прокуратуры регламентируется Конституционным законом РК «О прокуратуре» [8].

В современных условиях эффективность прокурорского надзора во многом определяется применением аналитических инструментов, позволяющих выявлять нарушения на ранней стадии. Одним из таких инструментов является мониторинг состояния законности. Одной из ключевых проблем организации надзора является отсутствие законодательной регламентации такой формы, как «мониторинг». В соответствии со ст. 20 Закона «О прокуратуре», анализ состояния законности

проводится путем изучения статистических данных, СМИ и иных источников. Однако мониторинг, в отличие от анализа, подразумевает непрерывный процесс сбора данных для раннего выявления отклонений.

В юридической науке мониторинг рассматривается как важный инструмент оценки эффективности законодательства и правоприменительной практики, позволяющий выявлять системные проблемы правового регулирования и формировать предложения по их устранению [9, с.73]

Несмотря на то, что совместным приказом Генерального Прокурора РК, Министра финансов РК, Министра труда и соцзащиты РК, Министра юстиции РК «О мерах по взаимодействию в сфере защиты трудовых прав граждан...» на органы прокуратуры возложена обязанность по ведению постоянного мониторинга предприятий - должников по зарплате, в самом Конституционном законе термин «мониторинг» отсутствует [10]. Это негативно сказывается на легитимности данной деятельности. Для устранения данного пробела представляется необходимым внести изменения в подпункт 1) пункта 1 статьи 10 и пункт 1 статьи 17 Конституционного закона «О прокуратуре», дополнив их словом «мониторинг», а также дополнить закон новой статьей 20-1 «Мониторинг состояния законности».

Таким образом, мониторинг выступает не только формой аналитической деятельности, но и важным инструментом профилактики правонарушений, обеспечивающим своевременное выявление рисков нарушения трудовых прав граждан.

Еще одной проблемой организации надзорной деятельности является преобладание реагирования на поступающие обращения граждан над инициативными формами выявления нарушений. Как отмечает Т.Ю. Сабельфельд, недостаточное информационное обеспечение - причина низкой организации надзорной деятельности [11, с. 132]. В целях перехода к риск-ориентированному подходу необходимо выделить ключевые индикаторы риска: задолженность по зарплате, производственный травматизм, массовые увольнения, процедуры банкротства работодателя.

В Конституционном законе РК «О прокуратуре» отсутствует прямое упоминание о предмете прокурорского надзора, однако фактически он прослеживается в содержании подпунктов 1), 2), 3), 5), 6) статьи 6, посвященной компетенции органов прокуратуры. В них закреплено, что органы прокуратуры осуществляют высший надзор за законностью: деятельности государственных, местных представительных и исполнительных органов, органов местного самоуправления, учреждений, их должностных лиц, иных организаций независимо от форм собственности, а также принимаемых ими актов и решений; производства по делам об административных правонарушениях; досудебного расследования и иных направлений [8].

По нашему мнению, приведенный законодателем исчерпывающий перечень направлений компетенции образует общий предмет прокурорского надзора. В контексте социально-экономической сферы к предмету надзора за соблюдением трудовых прав граждан относится высший надзор за законностью в деятельности указанных субъектов, а также принимаемых ими актов и решений. Однако это направление требует расширения такой категорией, как «физические лица».

В научной среде остается дискуссионным вопрос относительно статуса индивидуальных предпринимателей. Одни ученые полагают, что они не входят в объект прокурорского надзора, относя контроль за соблюдением законности физическими лицами к функциям инспекции труда, тогда как другие, напротив, считают индивидуальных предпринимателей объектом надзора и рассматривают их как организации. Данное обстоятельство связано с тем, что нарушение трудовых прав может допускать как работник, так и работодатель, где участником может выступать и физическое, и юридическое лицо.

Необходимость расширения предмета прокурорского надзора обосновывается установленной ответственностью согласно уголовному, гражданскому законодательству и законодательству об административных правонарушениях. Так, согласно статье 805 КоАП прокурор выносит постановление о возбуждении дел об административных правонарушениях, предусмотренных значительным перечнем статей, включая нарушения трудовых прав [4]. В соответствии со статьями 152, 153 Уголовного кодекса за нарушение трудового законодательства к ответственности привлекается физическое лицо [12]. Более того, согласно подпункту 39) статьи 1 Трудового кодекса работодателем может быть физическое лицо [13]. Физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, нанимают значительное количество работников и составляют основную часть сектора малого и среднего бизнеса [14]. Многие ученые, в частности Т.Ю. Сабельфельд, отмечают, что индивидуальные предприниматели должны быть законодательно вовлечены в число объектов надзорной деятельности прокуратуры, поскольку именно они чаще всего нарушают трудовое законодательство [11, с. 11].

Проведенный анализ теоретических и практических аспектов прокурорского надзора позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства. Принимая во внимание совершение правонарушений физическими лицами, в отношении которых прокурор вправе ставить вопрос об ответственности, полагаем, что оборот «...иных лиц...» точнее охватывает предмет прокурорского надзора с учетом субъектного состава. К иным организациям независимо от формы собственности могут относиться все юридические лица и индивидуальные предприниматели. Для отражения обстоятельств действительности предлагаем в подпункте 1) статьи 6 Конституционного закона «О прокуратуре» заменить слова «...деятельности государственных, местных представительных и исполнительных органов, органов местного самоуправления, учреждений, их должностных лиц, иных организаций независимо от форм собственности, а также принимаемых ими актов и решений...» на «...деятельности государственных, местных представительных и исполнительных органов, органов местного самоуправления, учреждений, должностных и иных лиц, а также принимаемых ими актов и решений...».

Анализ практики выявил ряд пробелов в информационном обмене. В частности, форма сверки по задолженности по заработной плате, утвержденная совместным приказом от 2013 года, не содержит информации о возможных протестных настроениях работников. Учитывая, что забастовки и мирные собрания являются законным способом разрешения трудовых споров (Закон РК «О порядке организации и проведения мирных собраний»), предлагается дополнить форму сверки сведениями о количестве уведомлений о проведении мирных собраний, поступивших от работников или профсоюзов [15].

В условиях цифровизации остро стоит вопрос качества статистических данных. Приказом Министра труда от 25 апреля 2024 года № 114 утверждена форма 3-ТН (скрытая безработица). Однако, во-первых, обязанность по ее предоставлению не возложена на индивидуальных предпринимателей, хотя они также выступают работодателями. Во-вторых, при возбуждении административных дел в Едином реестре административных производств (ЕРАП) отсутствует возможность сегментации нарушений именно по этой форме отчетности.

Особого внимания требует порядок сообщения о несчастных случаях на производстве. Пункт 2 статьи 187 Трудового кодекса РК обязывает работодателя сообщать о несчастном случае в правоохранительный орган, не конкретизируя его. Анализ архивных данных ДЧС Северо-Казахстанской области показывает, что сообщения нередко поступают в органы ЧС, которые не обладают полномочиями по расследованию, что ведет к бюрократической волоките [16]. Для устранения данного пробела предлагается внести изменение в подпункт 6) пункта 2 статьи 187 Трудового кодекса, установив обязанность сообщать о несчастных случаях непосредственно в органы внутренних дел и (или) органы прокуратуры.

Проведенное исследование позволило выявить системные проблемы в организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан, обусловленные как несовершенством нормативного регулирования, так и недостаточной эффективностью существующих организационных механизмов.

Установлено, что действующая модель надзорной деятельности в значительной степени носит реактивный характер, что снижает ее превентивный потенциал и не отвечает современным требованиям риск-ориентированного государственного контроля. В этой связи обоснована необходимость перехода к проактивной модели прокурорского надзора, основанной на использовании аналитических и цифровых инструментов.

Доказана целесообразность законодательного закрепления мониторинга как самостоятельной формы прокурорского надзора, обеспечивающей непрерывное наблюдение за состоянием законности и позволяющей своевременно выявлять риски нарушения трудовых прав. Обосновано, что внедрение мониторинга требует соответствующих изменений в Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре».

Уточнено теоретико-правовое содержание предмета прокурорского надзора, а также обоснована необходимость его расширения за счет включения физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей, в качестве самостоятельных объектов надзорной деятельности. Данный подход соответствует современным условиям развития трудовых отношений и структуре рынка труда.

Выявлены недостатки межведомственного взаимодействия и информационного обмена, препятствующие эффективному выявлению нарушений. В этой связи предложено создание единой цифровой платформы, обеспечивающей интеграцию данных различных государственных органов и автоматизацию процессов выявления рисков. Таким образом, предложенные в статье меры носят

комплексный характер и направлены на формирование современной модели прокурорского надзора, ориентированной на предупреждение правонарушений, цифровизацию процессов и повышение уровня защиты трудовых прав граждан. Их реализация будет способствовать укреплению законности, повышению эффективности деятельности органов прокуратуры и росту доверия общества к государственным институтам.

Список использованных источников:

1. Ситуация на рынке труда (IV квартал 2025г.) / Бюро национальной статистики АСПиР РК. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empty-unempl/publications/> (дата обращения: 15.01.2026).
2. Отчет о реализации Концепции безопасного труда Республики Казахстан на 2024–2030 годы / Министерство труда и социальной защиты населения РК. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/documents/1> (дата обращения: 02.01.2026).
3. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в РК за 2024 год. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/> (дата обращения: 15.11.2025).
4. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 15.01.2026).
5. Уровень доверия населения к правоохранительным органам / Бюро национальной статистики АСПиР РК [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-crime/spreadsheets/> (дата обращения: 15.12.2025).
6. Капинус О.С. Прокурорский надзор. Том 1. Общая часть. - М.: Изд-во Юрайт, 2015. - 684 с.
7. Агабян А.З. Прокурорский надзор за соблюдением конституционного права на труд: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2017. - 209 с.
8. Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре» от 5 ноября 2022 года № 155-VII ЗРК. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 18.01.2026).
9. Тихомиров Ю.А. Правовой мониторинг: проблемы теории и практики. – М.: Юриспруденция, 2010. – 160 с.
10. Совместный приказ Генерального Прокурора РК, Министра финансов РК, Министра труда и соцзащиты РК, Министра юстиции РК «О мерах по взаимодействию в сфере защиты трудовых прав граждан...» от 16 января 2013 года. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=31347771&pos=2;356 (дата обращения: 20.01.2026).
11. Сабельфельд Т.Ю. Прокурорский надзор за исполнением трудового законодательства в Российской Федерации: // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Новосибирск, 2014. - 206 с.
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 15.11.2025).
13. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> (дата обращения: 17.01.2026).
14. Приказ Министра труда и социальной защиты населения РК «Об утверждении форм ведомственных статистических наблюдений» от 25 апреля 2024 года № 114. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400034313> (дата обращения: 15.01.2026).
15. Закон Республики Казахстан «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020 года № 333-VI. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333> (дата обращения: 15.01.2026).
16. Архивные данные Департамента по чрезвычайным ситуациям Северо-Казахстанской области за 2025 год.

ӘОЖ 349.22

Тұрлыханқызы Құралай,Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің аға оқытушысы, PhD доктор,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы**ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ДӘУІРІНДЕГІ ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫ: ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ
ҚҰҚЫҚТЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Аннотация. Бұл мақалада жасанды интеллект (ЖИ) технологияларының еңбек қатынастарына әсері және туындайтын құқықтық трансформациялар қарастырылады. Қазіргі цифрлық дәуірде ЖИ еңбек процесін ұйымдастыру, кадрлық басқару және қызметкерлердің өнімділігін бағалаудың жаңа құралына айналууда. Бұл еңбек шарттарының мазмұны мен тараптардың құқықтары мен міндеттерін қайта қарауды талап етеді. Зерттеу еңбек қатынастарына ЖИ енгізудің негізгі бағыттары мен құқықтық салдарын талдайды, оның ішінде еңбек шартын тоқтату, тәртіптік жауаптылық және жеке деректерді қорғау мәселелері көрсетіледі. Сонымен қатар, алгоритмдік басқару жүйелерінің әділдігі мен ашықтығын құқықтық бағалау қажеттілігі айқындалады. Мақалада ЖИ технологияларын құқықтық реттеу және олардың этикалық шектеулерін анықтау маңызды деп танылып, еңбек заңнамасын жетілдірудің басты бағыты ретінде ЖИ-дің құқықтық мәртебесін нақтылап, оны ұлттық және халықаралық стандарттармен үйлестіру ұсынылады.

Түйінді сөздер: еңбек қатынастары, тәртіптік жауаптылық, еңбек заңнамасы, реформалау, еңбек шарты, жасанды интеллект, цифрландыру, құқықтық реттеу.

Аннотация. В этой статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта (ИИ) на трудовые отношения и возникающие правовые преобразования. В современную цифровую эпоху ИИ становится новым инструментом для организации трудового процесса, управления персоналом и оценки производительности сотрудников. Это требует пересмотра содержания трудовых договоров и прав и обязанностей сторон. В исследовании анализируются основные направления и правовые последствия внедрения ИИ в трудовые отношения, в том числе отражаются вопросы прекращения трудового договора, дисциплинарной ответственности и защиты персональных данных. Кроме того, определяется необходимость правовой оценки справедливости и прозрачности алгоритмических систем управления. В статье признается важным правовое регулирование технологий ИИ и определение их этических ограничений, предлагается конкретизировать правовой статус ИИ как основного направления совершенствования трудового законодательства и гармонизировать его с национальными и международными стандартами.

Ключевые слова: трудовые отношения, дисциплинарная ответственность, трудовое законодательство, реформа, трудовой договор, искусственный интеллект, цифровизация, правовое регулирование.

Abstract. This article examines the impact of artificial intelligence (AI) technologies on labor relations and emerging legal transformations. In the modern digital age, AI is becoming a new tool for organizing the work process, managing personnel, and evaluating employee productivity. This requires a review of the content of employment contracts and the rights and obligations of the parties. The study analyzes the main directions and legal consequences of the introduction of AI into labor relations, including issues of termination of an employment contract, disciplinary liability and personal data protection. In addition, the need for a legal assessment of the fairness and transparency of algorithmic management systems is being determined. The article recognizes the importance of legal regulation of AI technologies and the definition of their ethical limitations, and suggests specifying the legal status of AI as the main direction for improving labor legislation and harmonizing it with national and international standards.

Keywords: labor relations, disciplinary responsibility, labor legislation, reform, employment contract, artificial intelligence, digitalization, legal regulation.

Қазіргі уақытта цифрландыру мен жасанды интеллект (ЖИ) технологияларының қарқынды дамуы еңбек қатынастары саласында елеулі құрылымдық өзгерістерге алып келуде. Еңбек процесін автоматтандыру, қашықтықтан және платформалық жұмыстың кең таралуы, сондай-ақ еңбек өнімділігін алгоритмдер арқылы бақылау еңбек құқығының дәстүрлі институттарына жаңа мазмұн беріп отыр. Мұндай үрдістер еңбек шартының тұрақтылығы, қызметкерлердің құқықтық қорғалу деңгейі, дербестік және жеке өмірге қол сұқпаушылық мәселелерін қайта пайымдауды талап етеді.

ЖИ жүйелерінің еңбек қатынастарына енгізілуі жұмыс беруші мен қызметкер арасындағы құқықтық тепе-теңдікке әсер етуде. Алгоритмдік шешімдер қабылдау барысында қателіктердің орын алуы, деректердің бұрмалануы немесе бейтараптылық қағидаттарының сақталмауы қызметкерлердің еңбек құқықтарын шектеу қаупін туындатады. Осыған байланысты ЖИ-дің құқықтық мәртебесін айқындау, жауаптылық шектерін белгілеу және оны қолданудың заңды аясын нақтылау еңбек заңнамасын реформалаудың басым бағыттарының бірі ретінде қарастырылады.

Жаһандық тәжірибе көрсеткендей, цифрлық еңбек қатынастарының құқықтық реттелмеуі еңбек нарығында әлеуметтік теңсіздік, дискриминация және жұмыстан заңсыз босату сияқты жаңа тәуекелдерді тудырады. Сондықтан Қазақстан жағдайында ЖИ технологияларын құқықтық тұрғыда бейімдеу және ұлттық еңбек заңнамасын халықаралық стандарттармен үйлестіру - өзекті ғылыми әрі практикалық міндет болып табылады.

Зерттеудің мақсаты - жасанды интеллект технологияларының еңбек қатынастарына ықпалын теориялық және құқықтық тұрғыдан талдау, олардың еңбек шарты мен тәртіптік жауаптылық институттарына әсерін анықтау және Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасын реформалау бағыттарын ұсыну.

Осы мақсатқа жету үшін келесі міндеттер қойылады:

1. ЖИ-дің еңбек қатынастары жүйесіндегі трансформациялық рөлін айқындау;
2. Алгоритмдік басқару мен еңбек тәртібін бақылаудың құқықтық салдарын талдау;
3. Еңбек шартын бұзу және тәртіптік жауаптылық институттарында ЖИ қолданудың тәуекелдері мен артықшылықтарын бағалау;
4. Еңбек заңнамасын цифрландыру жағдайында жетілдірудің негізгі бағыттарын негіздеу.

Зерттеу жұмысының ғылыми жаңалығы еңбек құқығы саласында жасанды интеллект технологияларын қолданудың құқықтық және этикалық аспектілерін кешенді талдауында көрініс табады. Алғаш рет ЖИ-дің еңбек шартын бұзу мен тәртіптік жауаптылық институттарына әсері еңбек құқығының жүйелік элементі ретінде қарастырылды.

Зерттеу нәтижесінде:

- ЖИ шешімдерінің еңбек қатынастарындағы заңдық күші мен жауаптылығының құқықтық өлшемдері айқындалды;

- еңбек заңнамасын реформалау барысында ЖИ қолданудың құқықтық регламентациясына қойылатын негізгі қағидаттар ұсынылды (ашықтық, әділдік, жауаптылық, адам бақылауының басымдығы);

- цифрлық еңбек қатынастарындағы адам құқықтарын қорғаудың жаңа тетіктері ғылыми негізделді.

Осылайша, зерттеу еңбегі еңбек құқығы ғылымында ЖИ технологияларының ықпалын зерделеудің теориялық және практикалық негізін қалайды және Қазақстандағы еңбек заңнамасының жаңа кезеңдік дамуына үлес қосады.

Жасанды интеллект (ЖИ) ұғымы XX ғасырдың екінші жартысында ғылыми айналымға енгенімен, оның еңбек қатынастарына әсері соңғы онжылдықта айқын көрініс таба бастады. ЖИ - адамның ойлау, талдау және шешім қабылдау қабілеттерін имитациялайтын компьютерлік жүйелер жиынтығы. Ол үлкен деректерді өңдеу, мінез-құлық үлгілерін болжау және басқару шешімдерін автоматтандыру функцияларын орындайды.

Еңбек қатынастары теориясы тұрғысынан алғанда, ЖИ технологиялары жұмыс беруші мен қызметкер арасындағы құқықтық байланыстардың жаңа үлгісін қалыптастырады. Бұл үлгіде еңбек процесі тек адамның физикалық немесе интеллектуалдық қызметіне ғана емес, сонымен қатар алгоритмдердің басқару шешімдеріне де тәуелді болады. Мұндай өзгеріс еңбек қатынастарының классикалық принциптеріне - теңдік, әділдік және адам еңбегінің қадірін қорғау қағидаларына - жаңа құқықтық түсінік береді.

Заманауи зерттеушілердің пікірінше (ILO, OECD, ЕС, т.б.), еңбек нарығының цифрлануы «гибридті еңбек қатынастары» феноменін туындатты, яғни қызметкердің құқықтары мен міндеттері ішінара автоматтандырылған жүйелермен реттеледі [1]. Бұл жағдайда еңбек шартының құқықтық мәні өзгеріске ұшырайды: жұмыс уақытының, өнімділіктің және тәртіптіліктің көрсеткіштері адамның еркіне емес, ЖИ алгоритмдеріне байланысты белгіленеді.

Демек, еңбек құқығы ғылымы ЖИ-ді тек техникалық құрал ретінде емес, еңбек қатынастарының дербес субъектісі ретінде қарастыру қажеттілігіне бет бұруда. Бұл бағытта ЖИ шешімдерінің құқықтық мәртебесін, заңдық күшін және жауаптылық механизмін айқындау маңызды теориялық міндет болып табылады.

Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасында жасанды интеллект ұғымы мен оның еңбек қатынастарына ықпалы арнайы реттелмеген. Қолданыстағы Еңбек кодексі (2015 ж.) еңбек шартын жасасу, өзгерту және бұзу, сондай-ақ тәртіптік жауаптылық институттарын реттейді, бірақ цифрлық еңбек процестерін немесе алгоритмдік басқару жүйелерін қамтымайды [2].

Дегенмен, ЖИ технологияларын еңбек саласында пайдалану еңбек құқықтарының сақталуына қатысты бірқатар жаңа міндеттерді туындатады. Мәселен, еңбек тәртібін бақылау, қызметкерлердің дербес деректерін өңдеу, өнімділікті бағалау және кадрлық шешім қабылдау процестерінде ЖИ

жүйелерін пайдалану кезінде жеке өмірге қол сұқпаушылық, дискриминацияға жол бермеу және шешімдердің әділдігі қағидаттары сақталуы тиіс.

Халықаралық деңгейде бұл мәселелер Еуропалық Одақтың «Ethics Guidelines for Trustworthy AI» (2020) және ІО-ның «The Future of Work in the Digital Era» (2021) құжаттарында нақты көрсетілген. Бұл актілер ЖИ қолдану кезінде «адам бақылауының басымдығы», «ашықтық», «жеке деректерді қорғау» және «әділ шешім қабылдау» қағидаттарын енгізуді ұсынады [3].

Қазақстанның еңбек заңнамасын реформалау кезінде осы халықаралық стандарттарға сүйене отырып, келесі бағыттарды заңнамалық тұрғыда енгізу ұсынылады:

1. цифрлық еңбек қатынастарының құқықтық ұғымын бекіту;
2. ЖИ шешімдерінің заңдық салдарын реттейтін нормаларды енгізу;
3. алгоритмдік басқару кезіндегі қызметкердің құқықтарын қорғау кепілдіктерін күшейту;
4. ЖИ пайдаланудың этикалық стандарттарын нормативтік деңгейде бекіту.

Мұндай өзгерістер еңбек қатынастарының құқықтық қауіпсіздігін қамтамасыз етіп, цифрлық технологияларды адам құқықтары мен еркіндіктеріне сай үйлестіруге мүмкіндік береді [4].

ЖИ технологияларының еңбек қатынастарына әсері тәжірибе жүзінде әртүрлі формада көрініс табады. Мысалы, кейбір компаниялар қызметкерлердің жұмыс уақытын, өнімділігін және тәртіпті сақтау деңгейін жасанды интеллектке негізделген мониторинг жүйелері арқылы бақылайды. Мұндай тәжірибе тиімділік әкелгенімен, еңбек еркіндігі мен жеке өмір құпиялығына қатысты этикалық және құқықтық сұрақтар туындатады.

Халықаралық тәжірибеде белгілі мысал - Amazon, Uber, Google сияқты корпорациялардағы «algorithmic management» тәжірибесі. Бұл жүйелер қызметкерлердің жұмыс нәтижесін автоматты түрде бағалап, кей жағдайларда жұмыстан босату туралы шешім қабылдайды. Осыған ұқсас жағдайлар Еуропа елдерінде еңбек инспекциялары тарапынан сынға алынып, бірқатар компаниялар алгоритмдік шешім қабылдауда адам араласуын міндетті шарт ретінде енгізуге мәжбүр болды [5].

Қазақстанда ЖИ технологиялары еңбек саласында әлі кең қолданылмағанымен, мемлекеттік басқару мен кадрлық іріктеу процестерінде автоматтандырылған жүйелердің енгізілуі бұл тенденцияның жақын уақытта еңбек қатынастарына да таралатынын көрсетеді. Сондықтан, тәжірибелік тұрғыдан ЖИ енгізу кезінде:

- жұмыскерлердің құқықтарын бұзбау үшін заңдық шектеулер мен этикалық бақылау жүйесін қалыптастыру;
- ЖИ шешімдерінің дұрыстығын адам тарапынан верификациялау механизмін бекіту;
- еңбек даулары туындаған жағдайда ЖИ шешімдерінің заңдық дәлел ретінде қолданылу тәртібін айқындау қажет.

Бұл шаралар ЖИ мен еңбек құқығы арасындағы үйлесімді құқықтық жүйені қалыптастыруға мүмкіндік береді [6].

Жүргізілген теориялық, заңнамалық және тәжірибелік талдау нәтижелері ЖИ технологияларының еңбек қатынастарының құрылымы мен мазмұнына терең ықпал етіп отырғанын көрсетеді. Ол еңбек шартының мәнін, еңбек тәртібін және жауаптылық тетіктерін қайта пайымдауды талап етеді. Осыған байланысты еңбек заңнамасын цифрлық шынайылыққа бейімдеу және ЖИ-дің құқықтық мәртебесін нақтылау - еңбек құқығы ғылымы мен тәжірибесінің өзекті бағыттарының бірі болып табылады.

Жасанды интеллекттің қарқынды дамуы еңбек қатынастарының мазмұны мен құрылымына сапалы өзгерістер енгізіп отыр. Зерттеу нәтижесінде анықталғандай, қазіргі еңбек қатынастары тек экономикалық және әлеуметтік категория ретінде ғана емес, сонымен қатар технологиялық және құқықтық феномен ретінде де қарастырылуы тиіс. ЖИ технологиялары еңбек үдерісін оңтайландыруға, өнімділікті арттыруға және басқару шешімдерін автоматтандыруға мүмкіндік береді. Алайда, бұл үрдіс еңбек құқықтарының сақталуы, адам еңбегінің қадір-қасиеті мен әлеуметтік әділеттілікті қамтамасыз ету тұрғысынан жаңа құқықтық тәуекелдерді туындатады.

Зерттеу барысында еңбек заңнамасының қазіргі жағдайы жасанды интеллект пен цифрлық платформалардың қолданылуын толық реттемейтіні анықталды. Бұл жағдай қызметкерлердің құқықтық қорғалу деңгейін төмендетіп, еңбек шарттарын бұзу, еңбек қауіпсіздігі, дербес деректерді қорғау және кемсітушілікке жол бермеу сияқты мәселелерде құқықтық олқылықтар туғызады.

Халықаралық тәжірибеге сүйене отырып, еңбек заңнамасын жаңғырту барысында жасанды интеллектті пайдалану кезіндегі этикалық және құқықтық жауаптылық қағидаттарын айқындау қажеттілігі туындайды. Жасанды интеллекттің шешімдері адам тағдырына тікелей әсер етуі мүмкін болғандықтан, еңбек құқығы жүйесінде "адамның бақылау құқығы" (human oversight) мен «алгоритмдік әділдік» ұғымдарын заңнамалық деңгейде бекіту маңызды.

Осылайша, еңбек қатынастарының трансформациясы еңбек заңнамасын реформалаудың жаңа бағытын - цифрлық құқықтық реттеу және жасанды интеллект этикасы контекстінде еңбек құқықтарын қорғауды айқындайды.

Ұсыныстар: Еңбек кодексіне толықтырулар енгізу: «Жасанды интеллект негізіндегі шешім қабылдау», «цифрлық еңбек қатынастары», «платформалық жұмыскер» ұғымдарын заңнамалық тұрғыда бекіту; еңбек шарттарын бұзу кезінде автоматтандырылған шешімдерге адам тарапынан бақылау және шағымдану тетіктерін енгізу. Еңбек қатынастарындағы алгоритмдік жауаптылықты реттеу: ЖИ жүйелерінің қызметін пайдаланған жұмыс берушілердің шешімдері үшін құқықтық жауапкершілігін нақтылау; еңбек қатынастарына әсер ететін алгоритмдердің ашықтығын (transparency) және түсіндірілетіндігін (explainability) қамтамасыз ету. Жұмыскерлердің дербес деректерін қорғау: ЖИ арқылы деректерді өңдеу кезінде қызметкердің жеке өміріне қол сұқпау және жеке деректердің қауіпсіздігін қамтамасыз ететін құқықтық механизмдерді күшейту; деректерді өңдеу процесінде әділдік пен бейтараптық қағидаларын сақтау. Кемсітушілікке қарсы құқықтық тетіктерді жетілдіру: алгоритмдік кемсітушілікті (bias) болдырмау үшін ЖИ жүйелерін тәуелсіз аудиттен өткізу және бақылау институттарын қалыптастыру; гендерлік, жас ерекшелігіне немесе әлеуметтік мәртебеге байланысты теңсіздікке жол бермеу үшін еңбек кодексіне тиісті нормалар енгізу.

Жалпы алғанда, жасанды интеллект еңбек саласындағы құқықтық қатынастарды түбегейлі өзгертуде және бұл өзгерістерге құқықтық жүйе уақтылы жауап беруі тиіс. Тек осылай ғана Қазақстан еңбек заңнамасын халықаралық стандарттарға сәйкестендіріп, әлеуметтік әріптестік пен әділ еңбек қағидаларын жаңа цифрлық дәуір талаптарына бейімдей алады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Canton H. International labour organization – ILO //The Europa directory of international organizations 2021. – Routledge, 2021. – С. 333-338.
2. Қазақстан Республикасының Еңбек Кодексі 23 қараша 2015. // <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000414> (жүгінген күні: 15.10.2025)
3. Smuha N. A. The EU approach to ethics guidelines for trustworthy artificial intelligence //Computer Law Review International. – 2019. – Т. 20. – №. 4. – С. 97-106.
4. Гусев А.А. Искусственный интеллект и трудовое право: вызовы цифровизации. – Москва: Юрист, 2022.
5. Broecke S. Artificial intelligence and the labour market: Introduction //OECD Employment Outlook. – 2023. – С. 93.
6. Бекжанов Е.Ц. Цифрландыру жағдайындағы еңбек қатынастарының құқықтық эволюциясы // Қазақ ұлттық заң университетінің хабаршысы, 2023.

УДК 349.6:502/504

Утешова Миргуль Жангельдиевна,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

Самигуллин Кайрат Маратович,
старший преподаватель Института профессионального обучения
Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННЫМИ ПОЛЕЗНЫМИ ИСКОПАЕМЫМИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования пользования общераспространенными полезными ископаемыми в Республике Казахстан в контексте конституционного правила о государственной собственности на недра. Исследуются нормы Конституции Республики Казахстан, Кодекса «О недрах и недропользовании», Экологического кодекса, регламентирующих общественные отношения в указанной области. Рассмотрены особенности правового режима общераспространенных полезных ископаемых, порядок предоставления права недропользования на основе лицензирования и принципа «первый пришел - первый получил». Особое внимание уделено экологическим требованиям, предъявляемым к добыче недр названной категории, включая проведение оценки воздействия на окружающую среду. По результатам анализа статистических данных и деятельности органов прокуратуры обозначены наиболее характерные нарушения законности. Обоснована необходимость усиления прокурорского надзора и совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия. Сформулированы предложения по модернизации правового регулирования и правоприменительной практики в сфере пользования общераспространенными полезными ископаемыми.

Ключевые слова: общераспространенные полезные ископаемые; недропользование; правовое регулирование; государственная собственность; лицензия; прокурорский надзор; законность.

Аннотация. Мақала жер қойнауына мемлекеттік меншік туралы конституциялық ереже аясында Қазақстан Республикасында кең таралған пайдалы қазбаларды пайдалануды құқықтық реттеуді талдауға арналған. Қазақстан Республикасы Конституциясының, «Жер қойнауы және жер қойнауын пайдалану туралы» Кодексінің, Экология кодекстің аталған облыстағы қоғамдық қатынастарды регламенттейтін нормалары зерттеледі. Кең таралған пайдалы қазбалардың құқықтық режимінің ерекшеліктері, лицензиялау негізінде және «бірінші келген - бірінші алады» қағидаты бойынша жер қойнауын пайдалану құқығын беру тәртібі талданған. Аталған санаттағы пайдалы қазбаларды өндіруге қойылатын экологиялық талаптарға, оның ішінде қоршаған ортаға әсерді бағалау рәсіміне ерекше назар аударылған. Статистикалық деректерді және прокуратура органдарының қызметін талдау нәтижелері бойынша заңдылықтың неғұрлым тән бұзушылықтары белгіленді. Прокурорлық қадағалауды күшейту және ведомствоаралық өзара іс-қимыл тетіктерін жетілдіру қажеттілігі негізделген. Кең таралған пайдалы қазбаларды пайдалану саласында құқықтық реттеу мен құқық қолдану практикасын жаңғырту бойынша ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: кең таралған пайдалы қазбалар; жер қойнауын пайдалану; құқықтық реттеу; мемлекеттік меншік; лицензия; прокурорлық қадағалау; заңдылық.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal regulation of the use of widespread minerals in the Republic of Kazakhstan in the context of the constitutional rule on state ownership of mineral resources. The article examines the norms of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Code «On Subsoil and Subsoil Use», and the Environmental Code regulating public relations in this area. The features of the legal regime of widespread minerals, the procedure for granting the right of subsurface use based on licensing and the «first come - first served» principle are considered. Special attention is paid to the environmental requirements for the extraction of subsurface resources of this category, including environmental impact assessment. Based on the results of the analysis of statistical data and the activities of the prosecutor's office, the most characteristic violations of the rule of law are identified. The necessity of strengthening the prosecutor's supervision and improving the mechanisms of interdepartmental interaction is substantiated. Proposals for the modernization of legal regulation and law enforcement practice in the field of the use of widespread minerals are formulated.

Keywords: common minerals; subsoil use; legal regulation; state ownership; license; prosecutorial supervision; legality.

В соответствии со статьей 6 Конституции Республики Казахстан недра принадлежат народу. От имени народа право собственности осуществляет государство [1]. Как отмечают отечественные исследователи Л. Фанг, Н.К. Амиров и С. Адилгазы, «Недра страны должны служить интересам людей,

живущих на этой земле. Недра являются природной кладовой, минеральной базой, необходимой для существования и развития страны» [2].

Согласно статье 10 Кодекса Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» недра включают следующие ресурсы: полезные ископаемые; техногенные минеральные образования; пространство недр [3].

Одним из видов полезных ископаемых являются общераспространенные полезные ископаемые (далее - ОПИ), к которым, в свою очередь, относятся:

метаморфические породы, включающие, в том числе, мраморы, кварциты, кварцево-полевошпатовые породы;

магматические горные породы, включающие, в том числе, граниты, сиениты, диориты, габбро, риолиты (липариты), андезиты, диабазы, базальты, вулканические туфы, шлаки, пемзы, вулканические стекла и стекловидные породы (перлиты, обсидиан);

осадочные горные породы, включающие, в том числе, галечники и гравий, гравийно-песчаную (песчано-гравийную) смесь, пески и песчаники, глины и глинистые породы (суглинки, алевролиты, аргиллиты, глинистые сланцы), соль поваренную, гипсовые породы, мергели, известняки, в том числе ракушечники, меловые породы, доломиты, известняково-доломитовые породы, кремнистые породы (трепелы, опоки, диатомиты), природные пигменты, торф, лечебные грязи (статья 12 Кодекса «О недрах и недропользовании») [3].

С учетом их стратегической и экономической значимости, любые нарушения в сфере пользования общераспространенными полезными ископаемыми, подрывают устойчивость государства, наносят материальный и экологический ущерб.

В связи с изложенным, цель статьи заключается в выявлении и систематизации основных нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере пользования ОПИ. Кроме того, необходимо определить характерные нарушения законности, наиболее часто совершаемые в данной области. Учитывая полученные результаты, представляется возможным выработать предложения, направленные на совершенствование правового регулирования и повышение эффективности мер реагирования на факты несоблюдения требований законодательства в рассматриваемой сфере деятельности.

Нормативную базу подготовки статьи составили Конституция Республики Казахстан, Кодекс Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» и Экологический кодекс Республики Казахстан в части предоставления и реализации права пользования ОПИ, а также охраны права государственной собственности на недра. В качестве теоретической основы изучены труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемным вопросам недропользования [4], [5], [6], [7], [8].

При подготовке публикации применены метод документального анализа, формально-юридический и статистический методы.

Закрепленные в Конституции нормы обуславливают публично-правовой и особенный характер регулирования отношений, связанных с недропользованием, в том числе с использованием ОПИ.

По мнению А.В. Малько «...правовое регулирование обычно определяют как осуществляемое всей системой юридических средств воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения...» [9, с. 398]. Исходя из приведенной дефиниции, представляется обоснованным сосредоточить внимание на ключевых правовых актах, содержащих нормы по исследуемой теме.

Центральное место занимает Кодекс Республики Казахстан «О недрах и недропользовании», который определяет режим пользования недрами, порядок осуществления государственного управления и регулирования в сфере недропользования, особенности возникновения, осуществления и прекращения прав на участки недр, правового положения недропользователей и проведения ими соответствующих операций, а также вопросы пользования недрами и распоряжения правом недропользования и другие отношения, связанные с использованием ресурсов недр (статья 2 Кодекса «О недрах и недропользовании») [3].

Применительно к ОПИ кодифицированный нормативный правовой акт предусматривает основания возникновения, приобретения и прекращения права недропользования, виды операций по недропользованию, устанавливает ограничения и запреты для проведения операций по недропользованию.

Особенностью правового регулирования данной категории недр стал переход к модели, ориентированной на международные стандарты, упрощение процедуры предоставления права недропользования и внедрение принципа «первый пришел - первый получил». Так, право недропользования на добычу ОПИ приобретается на основании лицензии, выдаваемой компетентным

органом по результатам положительного рассмотрения заявления заинтересованного лица (см. статьи 20, 29, 231 Кодекса «О недрах и недропользовании») [3].

По смыслу статей 206, 231 Кодекса «О недрах и недропользовании» заявления на выдачу лицензий на добычу ОПИ, поданные в компетентный орган, включающие одну и ту же территорию, рассматриваются в порядке очередности их поступления [3].

В системе источников права, регулирующих отношения по пользованию ОПИ, существенное значение имеет Экологический кодекс Республики Казахстан, в котором добыча указанного вида недр квалифицируется как вид хозяйственной деятельности, в результате которой природа может подвергаться отрицательному влиянию. Исходя из этого, для объектов, характеризующихся значительным объемом выполняемых работ, установлена обязанность проведения процедуры оценки воздействия на окружающую среду и получения экологического разрешения. В приложениях 1 и 2 к Экологическому кодексу такие работы прямо выделены в перечень видов намечаемой деятельности и объектов, для которых проведение оценки воздействия на окружающую среду является обязательным, а также в список видов намечаемой деятельности, на основании которых осуществляется отнесение объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I-II категории по уровню экологической опасности [10].

При разработке месторождений ОПИ применяются общие экологические требования к недропользованию и охране вод, земель и животного мира, включая обязанности по рекультивации земель и предупреждению загрязнения поверхностных и подземных вод. Отходы горнодобывающих работ при добыче таких полезных ископаемых подлежат управлению по специальным правилам: требуется проектирование безопасных объектов складирования, предотвращение ухудшения состояния воды, воздуха и почвы, а также последующий мониторинг после закрытия объектов (статьи 225, 357, 397 Экологического кодекса) [10].

ОПИ традиционно включают песок, глину, песчано-гравийную смесь и иные нерудные строительные материалы, используемые преимущественно для местных хозяйственных нужд. Их специфика состоит в широкой территориальной распространенности, относительной простоте добычи и высокой вовлеченности субъектов малого и среднего бизнеса. Вместе с тем именно данные факторы обуславливают повышенные риски самовольной добычи, уклонения от оформления разрешительных документов, причинения экологического ущерба.

Е.А. Куницына отмечает, что «В современных реалиях надзорная деятельность прокуроров приобретает особую значимость при обеспечении конституционных прав граждан на экологическое благополучие. Основопологающей задачей прокурорского надзора выступает защита природных объектов от деструктивного влияния различных форм хозяйствования. Приоритетными направлениями работы органов прокуратуры становятся выявление и пресечение противоправных действий в сфере недропользования, включая несанкционированную добычу минеральных ресурсов, нарушение экологических нормативов при разработке месторождений, несоблюдение лицензионных требований» [11, с.131].

В соответствии со статьей 83 Конституции Республики Казахстан прокуратура от имени государства осуществляет в установленных законом пределах и формах высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан [1]. Реализация данной функции в контексте рассматриваемой темы выражается в выявлении фактов самовольного и незаконного пользования ОПИ, оспаривании неправомерных решений уполномоченных органов, внесении актов прокурорского реагирования.

Согласно сведениям Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за 2025 год прокурорами выявлено 229 нарушений в сфере недропользования, тогда как в 2024 году их число составило 146. Ими внесено 86 (64) представлений, по которым к дисциплинарной ответственности привлечено 40 (22) лиц, к административной ответственности - 423 (51), исполнено штрафов на сумму 1,3 млрд. (20,2 млн.) тенге; в доход государства взыскано свыше 14,2 млрд. (8,7 млрд.) тенге; возвращено имущества на сумму 82,0 млн. (24,4 млн.) тенге [12], [13]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что нарушения указанной категории продолжают место быть и имеют тенденцию роста.

Анализ практики надзорной деятельности показывает, что наиболее характерными нарушениями являются: незаконная выдача лицензий на добычу ОПИ, самовольное пользование недрами, несоблюдение экологических требований и норм земельного законодательства.

Например, в 2025 году прокуроры Северо-Казахстанской области выявили факты выдачи лицензий на добычу полезных ископаемых на месторождениях «Березовка» и «Шаховское», общей площадью 44 гектара, которые находятся на землях населенных пунктов и частично затрагивают

территорию государственного лесного фонда. По актам специализированной природоохранной прокуратуры лицензии были признаны судом недействительными, виновные должностные лица наказаны в дисциплинарном порядке [14].

Или, в 2024 году прокурорами Западно-Казахстанской области установлено два недропользователя, осуществлявших операции по добыче ОПИ без оформления земельных участков. В связи с этим специализированной природоохранной прокуратурой в Департамент по управлению земельными ресурсами внесено представление, по результатам рассмотрения которого указанные лица за нарушение права государственной собственности на землю привлечены к административной ответственности в виде штрафов на общую сумму более 369 тысяч тенге [15].

Заключение. Правовое регулирование сферы пользования ОПИ представляет собой сложную систему норм, обеспечивающих баланс публичных и частных интересов. Несмотря на наличие отраслевого кодифицированного правового акта, продолжают иметь место нарушения законности в сфере недропользования. Анализ статистических данных о работе органов прокуратуры позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию функционирования правового регулирования пользования ОПИ:

- обеспечить межведомственное взаимодействие уполномоченных и местных исполнительных органов (обмен информацией, интеграция информационных систем);
- организовать систематическую работу по правовому просвещению недропользователей;
- усилить государственный контроль и прокурорский надзор за деятельностью в сфере пользования недрами, в том числе общераспространенными полезными ископаемыми, с внедрением цифровых технологий мониторинга.

08 сентября 2025 года Глава государства К.-Ж.Токаев в своем ежегодном Послании народу Казахстана обозначил, что «Ключевой остается задача развития геологоразведки. Проведенные всеобъемлющие аэрогеофизические исследования в стране абсолютно устарели. Необходимо составить современные карты наших недр с использованием цифровых инструментов. Это позволит на качественно новом уровне оценить потенциал наших месторождений. В данной работе можно задействовать и международную экспертизу. Успешная геологоразведка невозможна без прочного научного фундамента.» [16].

В этой связи существенной задачей остается совершенствование нормативной правовой базы для полноценного внедрения цифровых технологий в области недропользования; преодоления правовых барьеров в сфере электронного документооборота и обеспечения прозрачности; решения вопросов юридической ответственности и защиты данных в цифровом пространстве.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 01.03.2026);
2. Fang L., Амиров Н.К., Адилгазы С. Правовое регулирование ответственности недропользователей в Китайской Народной Республике и Республике Казахстан. // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Право. – 2025. – № 1 (150). – с.98-109;
3. Кодекс Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» от 27 декабря 2017 г. № 125-VI ЗРК // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000125> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Бекишева С.Д. Экологическое право Республики Казахстан. – Караганда: Арко, 2009. – 472 с;
5. Бринчук М.М. Экологическое право (Право окружающей среды). – М.: Эксмо, 2010. – 668 с;
6. Культелеев С.Т. Экологическое право Республики Казахстан. Особенная часть: Учебник. – Алматы: HAS, 2007. – 368 с;
7. Проблемы правового регулирования недропользования: отечественный опыт и зарубежная практика. Монография (Елюбаев Ж.С., Алматы, 2010). // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://prg.kz/document/?doc_id=31506129 (дата обращения: 01.03.2026);
8. Баймбетов Н.С. Вопросы дальнейшего совершенствования законодательства о недрах. // Вестник КазНУ. Серия юридическая. Том 89 № 1 (2019). – с.109-118;
9. Теория государства и права: Курс лекций. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. – 776 с;

10. Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (дата обращения: 01.03.2026);

11. Куницына Е.А. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране и использовании недр: практика надзора // Закон и право. 2025. № 9. – с.130-134;

12. Сведения «О работе прокурора по надзору за законностью в социально-экономической сфере» раздела 1 отчета «О надзорной деятельности прокурора». 12 месяцев 2025 года;

13. Сведения «О работе прокурора по надзору за законностью в социально-экономической сфере» раздела 1 отчета «О надзорной деятельности прокурора». 12 месяцев 2024 года;

14. Прокуроры СКО в судебном порядке признали лицензии на добычу полезных ископаемых недействительными // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-sko/press/news/details/1043344?lang=ru> (дата обращения: 01.03.2026);

15. В ЗКО прокурорами выявлены факты нарушения права государственной собственности на землю // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-zko/press/news/details/807356?lang=ru> (дата обращения: 01.03.2026);

16. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K25002025_1 (дата обращения: 02.03.2026).

УДК 34.347.91/.95

Хабиева Эльвира Серикбаевна,
магистрант Академии правоохранительных органов при
Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы участия прокурора в гражданском судопроизводстве по делам, затрагивающим интересы государства. Проведен анализ процессуального статуса прокурора, также правовых оснований его участия в рассмотрении гражданских дел. Особое внимание уделяется особенностям представительства государственных интересов в суде, а также взаимодействию прокурора с судебными органами при рассмотрении гражданских дел. На основе изучения норм действующего законодательства и научных подходов исследуются основные направления деятельности прокурора в целях обеспечения законности и защиты государственных интересов. Отмечается значение деятельности прокурора при обеспечении законности и соблюдения принципа верховенства права в гражданском судопроизводстве. В результате проведенного исследования сформулированы выводы относительно проблемы правового регулирования участия прокурора в гражданском процессе, а также предложены пути их совершенствования. Обоснована необходимость дальнейшего развития процессуальных механизмов, направленных на повышение эффективности участия прокурора в защите публичных интересов, укрепление гарантий законности и справедливости судебного разбирательства.

Ключевые слова: прокурор; гражданское судопроизводство; интересы государства; защита публичных интересов; процессуальные полномочия прокурора; прокурорский надзор.

Аннотация. Мақалада мемлекет мүдделерін қозғайтын істер бойынша азаматтық сот ісін жүргізуге прокурордың қатысу мәселелері қарастырылады. Қазақстан Республикасының азаматтық процесінде прокурор өкілеттіктерін жүзеге асырудың құқықтық негіздері мен процессуалдық нысандары талданады. Прокурордың процессуалдық мәртебесіне, сондай-ақ оның азаматтық істерді қарауға қатысуының құқықтық негіздеріне талдау жүргізілген. Сотта мемлекеттік мүдделерді білдірудің ерекшеліктеріне, сондай-ақ азаматтық істерді қарау барысында прокурордың сот органдарымен өзара іс-қимылына ерекше назар аударылады. Қолданыстағы заңнама нормалары мен ғылыми тәсілдерді зерделеу негізінде заңдылықты қамтамасыз ету және мемлекеттік мүдделерді қорғау мақсатында прокурор қызметінің негізгі бағыттары зерттеледі. Азаматтық сот ісін жүргізуде заңдылықты қамтамасыз ету мен құқық үстемдігі қағидатын сақтауда прокурор қызметінің маңызы атап өтіледі. Жүргізілген зерттеу нәтижесінде прокурордың азаматтық процеске қатысуын құқықтық реттеу мәселелері бойынша қорытындылар тұжырымдалып, оларды жетілдіру жолдары ұсынылады. Қоғамдық мүдделерді қорғауда прокурордың қатысу тиімділігін арттыруға, заңдылық кепілдіктерін және сот талқылауының әділдігін нығайтуға бағытталған процессуалдық тетіктерді одан әрі дамыту қажеттілігі негізделеді.

Түйінді сөздер: прокурор; азаматтық сот ісін жүргізу; мемлекет мүддесі; жария мүдде; соттағы өкілдік; прокурорлық қадағалау; процессуалдық өкілеттіктер; заңдылықты қамтамасыз ету.

Abstract. The article examines the issues of the prosecutor's participation in civil proceedings in cases affecting state interests. It analyzes the legal foundations and procedural forms for the exercise of the prosecutor's powers in the civil process of the Republic of Kazakhstan. An analysis of the prosecutor's procedural status, as well as the legal grounds for their participation in the consideration of civil cases, is carried out. Particular attention is paid to the specifics of representing state interests in court, as well as to the interaction between the prosecutor and judicial authorities during the consideration of civil cases.

Based on the study of current legislation and scholarly approaches, the main areas of the prosecutor's activity aimed at ensuring legality and protecting state interests are explored. The importance of the prosecutor's activity in ensuring legality and adherence to the principle of the rule of law in civil proceedings is emphasized.

As a result of the conducted research, conclusions are formulated regarding the problems of legal regulation of the prosecutor's participation in civil proceedings, and ways for their improvement are proposed. The necessity of further development of procedural mechanisms aimed at increasing the effectiveness of the prosecutor's participation in the protection of public interests, as well as strengthening the guarantees of legality and fairness of judicial proceedings, is substantiated.

Keywords: prosecutor, civil proceedings, state interests, public interests, representation in court, prosecutorial supervision, procedural powers, legality.

В Республике Казахстан продолжается реализация масштабных преобразований, предусматривающих проведение конституционной реформы, направленные на укрепление принципа верховенства закона и обеспечение устойчивого правопорядка в обществе. В данном контексте особое

значение приобретает реализация концепции «Закон и Порядок», который должен рассматриваться как фундаментальная основа государственной политики [1].

Закрепление данного принципа в проекте новой Конституции Республики Казахстан свидетельствует о стремлении государства к формированию эффективного механизма правового регулирования общественных отношений, основанного на строгом соблюдении норм законодательства, равенстве всех перед законом и ответственности государственных институтов за принимаемые решения.

Реализация принципа «Закон и Порядок» предполагает комплексное совершенствование деятельности государственных органов, направленное на обеспечение законности, правовой стабильности и защиту публичных интересов.

Существенная роль в данном процессе принадлежит органам прокуратуры, осуществляющим надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан.

Институт участия прокурора по защите интересов государства занимает особое место в системе публично-правовых гарантий Республики Казахстан. В условиях трансформации государственного управления, модернизации судебной системы и укрепления принципа верховенства закона возрастает значение активный правозащитный характер, направленный на охрану имущественных, финансовых и иных публичных интересов государства.

26 января 2026 года на заседании в Генеральной прокуратуре Республики Казахстан Глава государства Касым-Жомарт Токаев подчеркнул важность роли прокуратуры в обеспечении законности и правопорядка, сотрудники которой не имеют права оставаться равнодушными или спокойно наблюдать нарушения закона [2].

Генеральный прокурор Республики Казахстан Берик Асыллов отметил, что активную роль в реализации системы, в которой закон – гарант справедливого обеспечения прав и свобод человека, а порядок – это результат доверия граждан к государству и их взаимной ответственности отводится прокуратуре [3].

Согласно статьи 83 Конституции Республики Казахстан и статьи 1 Конституционного закона «О прокуратуре», прокуратура от имени государства осуществляет высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, представляет интересы государства в суде и от имени государства осуществляет уголовное преследование.

Ее участие в гражданском, административном и иных видах судопроизводства представляет собой самостоятельную форму реализации конституционных полномочий, направленных на предотвращение ущерба государственным интересам, восстановление нарушенных прав и пресечение противоправных действий.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления правовой природы положения прокурора по представительству интересов государства в судебном процессе, поскольку в теории гражданского процессуального права нет единого понимания. Отсутствие единообразия в подходах по данному вопросу порождает продолжающийся интерес как со стороны науки, так и практики представительства интересов государства прокурором, определения пределов его процессуальной самостоятельности, а также анализа практики применения соответствующих норм законодательства Республики Казахстан.

Цель настоящей статьи заключается в анализе правовой природы положения прокурора по представительству интересов государства в гражданском судебном процессе при обеспечении законности судебных решений.

Исследовательские вопросы по данной статье можно обозначить следующим образом:

- проанализировать правовую природу участия прокурора в гражданском судопроизводстве;
- рассмотреть нормативно-правовое регулирование деятельности прокурора в гражданском процессе Республики Казахстан.

В процессе проведения исследования использованы нормативно-правовые акты Республики Казахстан, регулирующие деятельность органов прокуратуры и их участие в гражданском судопроизводстве, положения гражданского процессуального законодательства, а также научные публикации отечественных исследователей, посвященные вопросам прокурорского надзора.

Методологическая база исследования сформирована на основе применения как общенаучных, так и специальных юридических методов. В частности, использовались методы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также системный подход и обобщение научных источников. Применение указанных методов позволило комплексно изучить особенности участия прокурора в гражданском процессе и определить специфику реализации его полномочий.

В рамках реализации Плана нации — 100 конкретных шагов [4], направленных на проведение институциональных реформ, одной из приоритетных задач было сокращение роли прокурора в гражданском судопроизводстве.

Однако в Гражданском процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – ГПК) эта проблема решена недостаточно глубоко: прежние подходы к участию прокурора в судебном процессе в значительной мере сохранены.

Согласно ч.1 ст.54 ГПК высший надзор за законностью судебных актов, вступивших в законную силу от имени государства, реализуется непосредственно Генеральным прокурором либо подчиненными ему прокурорами.

Суть данной формы участия прокурора в гражданском процессе является в проверке судебных актов на их соответствие действующему законодательству, реализация которого происходит посредством внесения протеста на вступившие в законную силу судебные решения, либо путем представления заключения в суде кассационной инстанции при рассмотрении гражданских дел в Верховном Суде.

Нормативно-правовую основу осуществления прокурорского надзора в данной сфере также составляет Инструкция «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора», утвержденная приказом Генерального прокурора № 32 от 17 января 2023 года (далее-Инструкция), которая конкретизирует порядок организации надзорной деятельности и определяет основные направления участия прокурора в гражданском судопроизводстве.

В научной литературе обращается внимание и на дискуссионные аспекты рассматриваемого института. Так, В.Т. Конусова указывает, что участие прокурора в гражданском процессе может не соответствовать принципу независимости судей, поскольку отражает недоверие к профессионализму судей [5].

По мнению, С.А. Акимбекова, С.В. Скрыбина и С.М. Лер основная задача прокурора в гражданском процессе должна заключаться в защите государственных и публичных интересов, а не в подмене частных лиц, участвующих в гражданских правоотношениях [6].

М. Касымов утверждает, что прокурор, участвуя в суде и представляя интересы государства, не должен вмешиваться в осуществление правосудия. Прокурорский надзор осуществляется в рамках взаимодействия с судом направлен на обеспечение единообразного применения законов. При этом, прокурор не должен конкурировать с судом, поскольку обеспечение в принятии законных судебных решений относится к исключительной компетенции суда [7].

Ряд исследователей высказывают противоположную точку зрения считая прокуратуру единственным институтом, защищающий нарушенные права и законные интересы граждан в суде.

К примеру, Ж. Сейтова ссылается на необходимость дальнейшего совершенствования реализации надзорных полномочий прокурора, а также необходимость своевременного реагирования на нарушения, допускаемые судами в своих актах [8].

Необходимо согласиться также с мнением А.С. Оспанова, который отмечает, что прокурор фактически является одним из гарантов обеспечения Конституционных прав и свобод, что обуславливает необходимость вступления прокурора в судебный процесс в целях обеспечения их защиты [9].

Формируется объективная необходимость более детального осмысления правового статуса прокурора при его участии в судебном разбирательстве, что обусловлено задачей обеспечения законности и обоснованности принимаемых судом решений по гражданским делам. Участие прокурора в гражданском процессе рассматривается как один из механизмов укрепления гарантий соблюдения прав и законных интересов граждан, общества и государства.

Нормы действующего законодательства предусматривают несколько процессуальных форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве. К их числу относятся: обращение в суд с иском или заявлением, участие в судебном разбирательстве с дачей заключения по делу, внесение ходатайств и представлений в отношении судебных актов, не вступивших в законную силу, осуществление надзора за законностью вступивших в законную силу судебных решений, а также участие в гражданском процессе в процессуальном положении ответчика либо третьего лица в случаях, предусмотренных законом.

Согласно статье 54 ГПК прокурор вправе вступить в гражданский процесс для дачи заключения по отдельным категориям дел в пределах предоставленных ему полномочий. При этом, заключение — это официальная выраженная позиция органов прокуратуры относительно законности и обоснованности заявленных исковых требований. Данная форма участия способствует всестороннему

и объективному рассмотрению дела судом, а также содействует принятию законного и обоснованного судебного решения.

Следует отметить, что действующее законодательство не содержит исчерпывающего перечня ситуаций, в которых участие прокурора является обязательным. Нормы закона ограничиваются указанием на участие прокурора в «случаях, предусмотренных законом», что предполагает дальнейшую конкретизацию соответствующих оснований в подзаконных нормативных актах, регулирующих организацию прокурорской деятельности.

Более детальное регулирование данных вопросов закреплено в Инструкции. В соответствии с её положениями, при осуществлении представительства интересов государства прокуроры вступают в гражданский процесс по ряду категорий дел. К таким делам относятся споры, затрагивающие интересы государства; дела, связанные с необходимостью защиты общественных интересов либо прав и законных интересов лиц, которые по причинам физического, психического или иного характера не способны самостоятельно защищать свои права; случаи, когда участие прокурора признано необходимым судом. Кроме того, прокурор участвует в рассмотрении дел о лишении родительских прав, об оспаривании законности нормативных правовых актов, о помещении несовершеннолетних в специальные организации образования для детей с девиантным поведением либо в организации с особым режимом содержания, а также по делам об усыновлении (удочерении) детей, об отмене усыновления и о признании усыновления недействительным.

Таким образом, участие прокурора в гражданском процессе выступает важным правовым механизмом обеспечения законности, направленным на защиту публичных и частных интересов, а также на содействие суду в правильном применении норм материального и процессуального права.

Одним из значимых направлений деятельности прокуратуры является представительство интересов государства в суде. Данная функция направлена на обеспечение соблюдения законности в ходе рассмотрения гражданских дел, а также на содействие принятию судом законных решений. При этом, участие прокурора должно осуществляться при соблюдении принципа независимости судей и равенство сторон перед законом и судом.

Вместе с тем анализ действующего гражданского законодательства свидетельствует о наличии определённых пробелов в правовом регулировании данного института. В частности, в законе отсутствует конкретизированный перечень категорий дел, которые непосредственно затрагивают интересы государства и, соответственно, требует участия прокурора в целях их защиты.

Дополнительные трудности в правоприменительной практике обусловлены также отсутствием в действующем законодательстве ясного и однозначного определения понятия «интересы государства». Недостаточная определённость данной категории может приводить к неоднозначному толкованию соответствующих норм и, как следствие, к различиям в практике их применения.

В результате одно и то же дело в одной ситуации может рассматриваться как затрагивающее интересы государства дела, тогда как в других случаях такого разделения может и не быть. Подобная неопределённость, в свою очередь, способна негативно отражаться на формировании единообразной судебной практики. В этой связи, вопросы правового регулирования участия прокурора в гражданском судопроизводстве требуют дальнейшего научного анализа и совершенствования нормативной базы на законодательном уровне.

В соответствии с пп.6 ст.1 и ст. 4-6 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности» под государственными интересами понимаются потребности государства, направленные на укрепление законности, обеспечение строгого и единообразного соблюдения законодательства, поддержание экономической безопасности, рациональное и целевое использование стратегических ресурсов в интересах общества, противодействие теневой экономике, а также сохранение и улучшение экологической обстановки.

Под интересами государства по мнению исследователей [10] понимаются как общественно значимые блага и ценности, связанные с обеспечением сохранности государственной собственности, защитой земель государственной и коммунальной формы собственности, надлежащим использованием бюджетных средств, охраной окружающей среды, а также защитой иных публичных интересов общества.

Так, М.К. Сулейменов отмечает, что интересы государства проявляются прежде всего в сфере имущественных и обязательственных отношений и представляют собой охраняемые законом притязания государства как особого субъекта гражданского права, направленные на защиту государственной собственности и финансовых ресурсов [11].

По мнению А. Г. Диденко, интересы государства следует рассматривать как закреплённые в праве приоритеты публичной власти, выражающие необходимость обеспечения устойчивого

функционирования государственного механизма и реализации его социально-экономических задач [12].

К.А. Мамутов подчёркивает, что интересы государства носят комплексный характер и включают в себя как материальные (имущественные), так и нематериальные элементы, такие как авторитет государственной власти, законность и общественный порядок [13].

Также определенные трудности вызывает формулировка, содержащаяся в статье 54 ГПК. Согласно которой прокурор вправе вступить в процесс для дачи заключения по отдельным категориям дел в рамках, возложенных на него полномочий. Использование законодателем именно такой конструкции создает впечатление, что участие прокурора в подобных случаях зависит от усмотрения прокурора и является не обязательным.

В то же время положения ведомственного документа Инструкции формулируют данное правило иначе. Так, в соответствии с Инструкцией на прокуроров возложена обязанность вступать в судебный процесс по соответствующей категории и дать заключение. То есть участие прокурора в подобных делах рассматривается не как право, а как служебная обязанность, вытекающая из его функции по защите государственных интересов.

Наличие подобного расхождения между законодательными и подзаконными нормативными актами свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования рассматриваемого института. В этой связи представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить более чёткий и систематизированный перечень категорий гражданских дел, которые могут рассматриваться как затрагивающие интересы государства, а также конкретизировать процессуальные основания и обязанность вступления прокурора в процесс в соответствии с положениями статьи 54 ГПК.

Согласно разъяснительному письму о применении норм гражданского процессуального законодательства А.Лукина [11], прокурор наделен правом вступать в гражданский судебный процесс по следующим категориям дел.

К таким делам, в частности, относятся имущественные споры, включая требования о взыскании денежных средств, возврате имущества либо иных активов. Также к указанной категории относятся дела, связанные с оспариванием государственными служащими приказов о применении дисциплинарных взысканий, решений об увольнении за совершение проступков, дискредитирующих государственную службу, а также за совершение преступлений, коррупционных правонарушений либо предоставление заведомо ложных документов или сведений, которые могли бы послужить основанием для отказа в поступлении на государственную службу. Данные положения предусмотрены нормами Закон Республики Казахстан «О государственной службе» (статья 50, подпункты 11–16 и подпункт 21 пункта 1 статьи 61).

Кроме того, прокурор вправе участвовать в делах о выселении в случаях, когда они связаны с существующими между сторонами спорами относительно права государства на объекты недвижимого имущества. К числу таких дел могут быть отнесены и иные споры неимущественного характера, если их разрешение в пользу государственного учреждения способно повлечь дополнительные расходы из государственного бюджета, переход права собственности на имущество либо иные активы государства, освобождение другой стороны от предусмотренных законом обязанностей или гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, анализ действующего законодательства, позволяет сделать вывод о том, что участие прокурора в гражданском судопроизводстве выступает важным механизмом обеспечения и защиты государственных интересов. Реализация прокурором соответствующих полномочий направлена на предотвращение нарушений законодательства, защиту имущественных и неимущественных прав государства, а также на обеспечение законности в деятельности государственных органов и должностных лиц.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в целях устранения выявленных пробелов и противоречий в правовом регулировании участия прокурора в гражданском судопроизводстве представляется необходимым проведение комплексной модернизации действующего законодательства Республики Казахстан. Прежде всего, требуется внесение системных изменений и дополнений в ГПК Республики Казахстан, а также в иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы участия прокурора в судебной деятельности.

Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел представляют собой важный правовой механизм, способствует более детальному анализу всех доказательств, проверке соблюдения норм материального и процессуального права, а также формированию обоснованной правовой позиции, что в свою очередь оказывает положительное влияние на принятие судом законного судебного решения.

Не менее значимым является введение в законодательство четкой дефиниции понятия «интересы государства». С учётом подходов, выработанных в научной литературе, на наш взгляд под интересами государства можно понимать совокупность общественно значимых потребностей и целей, направленных на обеспечение устойчивого функционирования государства, защиту его имущественных и неимущественных прав, а также создание условий для реализации публичных функций в интересах общества и граждан.

Закрепление данного понятия на уровне закона позволит повысить правовую определённость, обеспечить предсказуемость участия прокурора и снизить вероятность произвольного толкования норм.

Одним из ключевых направлений совершенствования является закрепление на законодательном уровне исчерпывающего перечня случаев обязательного участия прокурора в гражданском процессе. В настоящее время действующая редакция законодательства содержит отсылочные нормы, что приводит к неоднозначному толкованию и формированию различной правоприменительной практики. В этой связи, предлагается нормативно определить конкретные категории дел, согласно перечню предусмотренной письма разъяснения, А. Лукина по которым участие прокурора является обязательным, с одновременной гармонизацией данных положений с ведомственной Инструкцией Генерального прокурора №32 и отраслевым законодательством. Такой подход обеспечит единообразие судебной практики и повысит эффективность прокурорского надзора.

Наряду с совершенствованием законодательства требуется развитие и детализация внутренних актов органов прокуратуры. В частности, Инструкцию Генерального прокурора целесообразно дополнить разъяснениями и методическими рекомендациями, направленными на формирование единых подходов к оценке необходимости участия прокурора в гражданском процессе.

Таким образом, комплексное обновление законодательства в сочетании с совершенствованием внутренних инструкций позволит сформировать более чёткую, прозрачную и эффективную модель участия прокурора в гражданском судопроизводстве, направленную на обеспечение законности, защиту публичных интересов и укрепление доверия к судебной системе.

Список использованных источников:

1. Принцип «Закон и Порядок» нужно закрепить в Конституции- Касым Жомарт Токаев // Международное информационное агентство «Казинформ». // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/plan-nacii-100-shagov-po-realizacii-pyati-institucional-nyh-reform-n-nazarbaeva_a277794311 (дата обращения: 07.03.2026).
2. Переход к совершенно новой политической системе — Президент проводит совещание в Генеральной прокуратуре // Международное информационное агентство «Казинформ». // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gazinform.com/news/transition-to-brand-new-political-system-president-holds-meeting-in-prosecutor-generals-office-82a45d?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 01.03.2026).
3. Берик Асылыов. Основная миссия – закон и порядок. // *Vecher.kz* // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vecher.kz/ru/article/berik-asylov-osnovnaia-missiia-zakon-i-poriadok.html> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Назарбаев Н.А. План нации - 100 шагов по реализации пяти институциональных реформ // Международное информационное агентство «Казинформ». // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/plan-nacii-100-shagov-po-realizacii-pyati-institucional-nyh-reform-n-nazarbaeva_a277794311 (дата обращения: 03.03.2026).
5. Конусова В.Т. Роль и формы участия прокурора в гражданском процессе в контексте нового Гражданского процессуального кодекса/ В.Т.Конусова // *Вестник Института законодательства и правовой информации*. – 2021 – Т.64, № 1. – С. 68-82.
6. Скрыбин С.В., Акимбекова С.А., Лер С.М. Участие прокурора в судебном процессе: сравнительно-правовой анализ / С.В. Скрыбин, С.А. Акимбекова, С.М. Лер // *Вестник Института законодательства Республики Казахстан*. – 2016. – № 3 (44). – С. 45–52.
7. Касымов М. Участие прокурора в гражданском процессе/ М. Касымов // *Закон и время*. – 2014. – № 6. – С. 32–36.
8. Сейтова Ж. Роль прокурора в гражданском судопроизводстве / Ж. Сейтова // *Закон и время*. – 2015. – № 9. – С. 38–41.
9. Оспанова А.С. Участие прокурора в гражданском процессе в свете исполнения Плана нации «100 конкретных шагов» / А.С. Оспанова // *Закон и время*. – 2016. – № 10. – С. 45–49.

10. Макашева Ж.С., Саудабекова Е.К., Ташбулатова М.К. Теоретический дискурс концепции «национальный интерес»: сравнительный анализ / Ж.С. Макашева, Е.К. Саудабекова, М.К. Ташбулатова // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. — 2021. — № 2 (94).
11. Сулейменов М.К. Гражданское право Республики Казахстан: учебник. — Алматы: Жеты Жаргы, 2013. С. 656
12. Диденко А.Г. Проблемы публичного права в Республике Казахстан: монография. — Алматы: Юрист, 2010. С. 320
13. Мамутов К. А. Теория государства и права: учебное пособие. — Алматы: Норма-К, 2015. С.384
14. Лукин А. Письмо-разъяснение о применении норм гражданского процессуального законодательства / А. Лукин // *Закон и время*. — 2017. — № 5. — С. 60–62.

УДК 347.963

Шәуәли Мира Қанатқызы
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРАВОВАЯ СТАТИСТИКА И МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОКУРАТУРЫ: ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье на основе анализа национального опыта внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры предоставлен обзор информационных систем прокуратуры Республики Казахстан, направленный на определение целесообразности применения технологий искусственного интеллекта. Проведенный анализ позволил определить ключевые этапы цифровой трансформации правоохранительной деятельности, выявить основные направления внедрения информационно-коммуникационных технологий в работу органов прокуратуры, а также оценить их влияние на формирование более открытого и эффективного механизма функционирования правоохранительной системы и развитие межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: прокуратура, межведомственное взаимодействие, электронное уголовное дело, правовая статистика.

Аннотация. Мақалада прокуратура органдарының қызметіне цифрлық технологияларды енгізудің ұлттық тәжірибесін талдау негізінде Қазақстан Республикасы прокуратурасының ақпараттық жүйелеріне шолу жасалып, жасанды интеллект технологияларын қолданудың орындылығын айқындау қарастырылады. Жүргізілген талдау құқық қорғау қызметін цифрлық трансформациялаудың негізгі кезеңдерін анықтауға, прокуратура органдарының қызметіне ақпараттық-коммуникациялық технологияларды енгізудің басым бағыттарын айқындауға, сондай-ақ олардың құқық қорғау жүйесінің жұмыс істеуінің неғұрлым ашық әрі тиімді тетігін қалыптастыруға және ведомствоаралық өзара іс-қимылды дамытуға әсерін бағалауға мүмкіндік берді.

Түйінді сөздер: прокуратура, ведомствоаралық өзара іс-қимыл, электрондық қылмыстық іс, құқықтық статистика.

Abstract. The article, based on the analysis of the national experience of implementing digital technologies in the activities of prosecutorial authorities, provides an overview of the information systems of the Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan aimed at determining the feasibility of applying artificial intelligence technologies. The conducted analysis made it possible to identify the key stages of the digital transformation of law enforcement activities, to determine the main directions for the introduction of information and communication technologies into the work of prosecutorial authorities, as well as to assess their impact on the formation of a more open and effective mechanism for the functioning of the law enforcement system and the development of interagency cooperation.

Keywords: prosecutor's office, interagency cooperation, electronic criminal case, legal statistics.

Разработанные цифровые инструменты автоматизации административного процесса и уголовного судопроизводства, а также инструменты организации работы с обращениями граждан и юридических лиц, назначения прокурорской проверки и другие обеспечивают комплексное взаимодействие прокуратуры с органами государства и иными правоохранительными органами в процессе осуществления функций прокуратуры.

В условиях глобальной цифровизации трансформация государственных институтов становится ключевым фактором повышения эффективности их деятельности. Цифровизация органов прокуратуры Республики Казахстан является частью государственной программы «Цифровой Казахстан» [1].

Ее реализация направлена на формирование современной, технологически оснащенной системы государственного управления, обеспечивающей прозрачность, подотчетность и оперативность принятия решений. Особое значение цифровая трансформация приобретает в правоохранительной сфере, где от скорости обработки информации и координации действий напрямую зависит обеспечение законности и правопорядка.

В Послании Президента Республики Казахстан К.-Ж.Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года подчеркивается, что современный этап общественного развития характеризуется переходом к эпохе искусственного интеллекта, что обуславливает необходимость активного внедрения цифровых и интеллектуальных технологий в систему государственного управления [2].

В научных исследованиях подчёркивается, что цифровизация государственного управления включает формирование электронного и открытого правительства, внедрение современных аналитических платформ и информационных технологий, направленных на повышение эффективности и адаптации государственных институтов к современным вызовам цифровой трансформации [3].

В данном контексте цифровизация прокуратуры рассматривается не только как инструмент оптимизации внутренних процессов, но и как средство укрепления доверия общества к правоохранительной системе. Направленность разработанных и апробированных цифровых проектов прокуратуры позволяет минимизировать коррупционные риски, а также усилить правозащитную деятельность прокуратуры посредством достижения автоматизации межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и иных государственных органов. Таким образом, цифровые технологии становятся важным инструментом институционального развития прокуратуры.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания. В ходе работы применялись методы системного анализа, сравнительно-правовой метод, а также метод обобщения нормативных и практических материалов. Основное внимание уделено анализу действующих информационных систем органов прокуратуры Республики Казахстан, нормативно-правовых актов, регулирующих их функционирование, а также практики их применения. Кроме того, использовались элементы функционального анализа, позволившие определить роль цифровых технологий в обеспечении межведомственного взаимодействия и повышении эффективности правоохранительной деятельности.

Процесс цифровизации органов прокуратуры Республики Казахстан неразрывно связан с созданием и внедрением инновационных цифровых платформ, направленных на оптимизацию работы правоохранительных органов. Данные платформы формируют единую цифровую экосистему, обеспечивающую эффективное взаимодействие всех участников правоохранительной деятельности.

Среди ключевых цифровых инструментов можно выделить: ЕРСОП – Единый реестр субъектов и объектов проверок; ЕРДР – Единый реестр досудебных расследований; е-УД – Система электронного уголовного дела; ЕРАП – Единый реестр административных производств; АЦ – Аналитический центр; е-Otinish – платформа для электронных обращений граждан; САО ПСО – Система информационного обмена между правоохранительными и государственными органами и др. [4]. Каждая из указанных систем выполняет специализированные функции, однако в совокупности они обеспечивают комплексную цифровизацию деятельности прокуратуры.

Одним из значимых этапов цифровой трансформации стало внедрение с 1 января 2021 года автоматизированной системы – Единого реестра административных производств (ЕРАП). Данная платформа представляет собой централизованную базу данных, содержащую полную информацию: о зарегистрированных административных правонарушениях; лицах, привлеченных к административной ответственности; принятых процессуальных решениях по каждому конкретному случаю.

Ключевой особенностью системы является предоставление доступа участникам производства к материалам дела через специальный «Публичный сектор» платформы ЕРАП. Это обеспечивает не только прозрачность административного процесса, но и расширяет возможности взаимодействия граждан с государственными органами.

В частности, данный функционал позволяет оперативно получать актуальную информацию по делу, направлять электронные обращения и жалобы, а также получать официальные ответы на поданные запросы. Тем самым реализуется принцип доступности правосудия и открытости деятельности государственных органов.

Правовые основы функционирования ЕРАП закреплены в специальных Правилах, утвержденных нормативным актом Генерального прокурора Республики Казахстан [5], что подчеркивает институциональную значимость данной системы.

Информационная система ЕРАП реализована как комплексное решение с межведомственным взаимодействием. Она обеспечивает следующие параметры: автоматизированный обмен данными с уполномоченными государственными органами, наделенными правом возбуждения административных производств в соответствии с действующим законодательством; интеграцию с системами судебных исполнителей, что позволяет осуществлять контроль за исполнением принятых решений в режиме реального времени; электронное взаимодействие с финансовыми институтами, включая: банки второго уровня, акционерное общество «Казпочта» для оперативного и прозрачного исполнения финансовых обязательств по административным штрафам.

Указанная система формирует единую цифровую среду административного производства, обеспечивая непрерывность и согласованность действий всех его участников. Такая архитектура

системы обеспечивает сквозную цифровизацию всего процесса административного производства — от возбуждения дела до исполнения решения, минимизируя бумажный документооборот и человеческий фактор.

Вместе с тем, развитие цифровых решений в органах прокуратуры не ограничивается только сферой административного производства. Цифровая повестка органов прокуратуры придает особую значимость защите прав и свобод граждан, а также интересов юридических лиц и предпринимателей. Для осуществления данного направления прокурорской деятельности разработаны и внедрены специальные цифровые инструменты.

Одним из таких инструментов является Единый реестр субъектов и объектов проверок. Создание и внедрение данной информационной системы направлено на осуществление мониторинга соблюдения законодательства в сфере предпринимательства, прежде всего в части выполнения правовых норм, ограничивающих проведение проверок предпринимателей с учетом существующих рисков.

При этом функциональные возможности ЕРСОП ориентированы на внедрение риск-ориентированного подхода в контрольной деятельности. В ЕРСОП функционирует автоматизированный механизм оценки уровня риска, на основании которого принимается решение о назначении проверки. Модуль «Карта проверок» в режиме реального времени демонстрирует уровень «надежности» предпринимателя, формируемый на основе результатов проведенных проверочных мероприятий. Итоги проверок и начисленные по их результатам баллы доступны самому предпринимателю; при несогласии с ними он вправе обратиться с жалобой в органы прокуратуры [6].

Наряду с цифровизацией контрольной деятельности важнейшим направлением выступает трансформация уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) предусматривает норму, согласно которой все поступающие в правоохранительные органы заявления и сообщения о совершенных или готовящихся уголовных правонарушениях подлежат обязательной регистрации в Едином реестре досудебных расследований (ЕРДР). Введение данного механизма направлено, прежде всего, на предупреждение и исключение фактов сокрытия уголовных правонарушений.

Порядок приема, учета и регистрации заявлений, сообщений либо рапортов о правонарушениях, а также правила ведения ЕРДР закреплены приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89 [7]. В соответствии с положениями УПК РК регистрации в реестре подлежат обращения и сообщения, перечисленные в статье 180 данного кодекса [8].

Практическая реализация данного механизма была обеспечена запуском информационной системы «Единый реестр досудебных расследований» в 2015 году, что позволило полностью автоматизировать процедуру регистрации уголовных дел и систематизировать сведения о ходе расследования. В дальнейшем интеграция ЕРДР с информационной системой Верховного Суда «Төрелік» стала важным этапом развития цифровизации уголовного процесса, поскольку создала основу для комплексной автоматизации всех его стадий.

Логическим продолжением цифровизации уголовного судопроизводства стало внедрение электронного уголовного дела. Последующее внедрение цифровых решений в сферу уголовного судопроизводства было связано с запуском в 2017 году пилотного проекта электронного уголовного дела. Нормативной базой для данного нововведения послужили изменения, внесенные в УПК РК, предусматривающие возможность осуществления уголовного судопроизводства в электронном формате; указанные поправки вступили в силу с 1 января 2018 года. Дополнительным правовым основанием стала реализация совместного приказа от 27 марта 2018 года, направленного на поэтапную цифровизацию уголовного процесса, включая процедуры обращения граждан.

Внедрение системы электронного уголовного дела (е-УД) осуществлялось последовательно, что обеспечило ее адаптацию к существующим условиям правоохранительной деятельности. Сначала она применялась в рамках пилотных проектов в отдельных регионах страны, а затем была распространена на всю территорию Казахстана с учетом технического обеспечения процессов автоматизации расследования. Поэтапность внедрения также была обусловлена категорией тяжести преступлений.

Так, начиная с 2018 года, электронный формат расследования использовался при рассмотрении уголовных проступков и преступлений небольшой тяжести, с 2019 года – по делам о преступлениях средней тяжести, а с 2021 года – по делам, относящимся к тяжким и особо тяжким категориям.

В результате внедрения электронного формата значительно повысилась эффективность взаимодействия участников уголовного процесса. Использование цифровых технологий в уголовном

судопроизводстве позволило существенно снизить влияние территориальной удаленности участников производства, поскольку предоставляет возможность дистанционного ознакомления с материалами дела, направления ходатайств и реализации других процессуальных прав. Кроме того, сокращаются временные затраты благодаря возможности получения санкций и различных сведений от государственных органов в удаленном режиме.

Важным направлением является повышение открытости уголовного судопроизводства. Через функциональный раздел «Публичный сектор» системы е-УД участники уголовного судопроизводства получают возможность знакомиться с материалами дела, направлять заявления, жалобы и ходатайства в электронном формате, что повышает открытость и доступность правосудия.

Дальнейшее развитие системы е-УД связано с внедрением ряда специализированных цифровых проектов, расширяющих ее функциональные возможности. В их числе модуль «Е-сараптама», предназначенный для назначения судебных экспертиз и обработки их результатов непосредственно в электронном уголовном деле; система «ЕРДР-offline», позволяющая осуществлять проведение следственных действий на выезде и фиксировать их результаты в процессуальном порядке; а также сервис «Е-заң көмегі», обеспечивающий оперативное назначение защитника посредством уведомления дежурного адвоката через сообщение на мобильное устройство.

В условиях дальнейшей цифровой трансформации правоохранительной системы логичным этапом развития представляется внедрение технологий искусственного интеллекта. Интеграция таких технологий в работу указанных информационных систем позволит выйти на качественно новый уровень обработки данных. Использование алгоритмов искусственного интеллекта может способствовать автоматическому анализу больших массивов данных ЕРДР, выявлению типичных схем преступной деятельности, прогнозированию рисков и оптимизации распределения следственных ресурсов. Кроме того, интеллектуальные системы способны ускорить обработку процессуальных документов, обеспечить интеллектуальный поиск по материалам дела и повысить качество аналитической поддержки следственных органов, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности уголовного судопроизводства и защите прав граждан.

Наряду с указанными цифровыми решениями в системе органов прокуратуры реализуется еще один значимый проект — Система информационного обмена правоохранительных и специальных органов (СИО ПСО). Данная система была создана с целью обеспечения оперативного взаимодействия государственных органов при осуществлении профилактики правонарушений и борьбе с преступностью.

По своей сути СИО ПСО представляет собой универсальный электронный портал, предоставляющий доступ к многочисленным государственным информационным базам данных. Перечень подключенных систем утвержден постановлением Правительства и включает десятки информационных ресурсов различных государственных ведомств.

К числу таких ресурсов относятся база данных «Специальные учеты», система судебных органов, государственная система «Е-Лицензирование», система «Единый учет обращений лиц», базы данных органов миграции, информационные ресурсы «Беркут» и «Контроль», электронная система «Е-нотариат» и ряд других информационных платформ.

Функционирование СИО ПСО наглядно демонстрирует высокий уровень развития межведомственного информационного взаимодействия между государственными органами. Благодаря объединению различных ведомственных баз данных в единую цифровую среду обеспечивается быстрый обмен необходимой информацией, сокращается время получения сведений и повышается эффективность принятия управленческих и процессуальных решений.

Таким образом, система способствует более скоординированной работе правоохранительных и специальных органов, что положительно влияет на результативность деятельности по предупреждению и раскрытию правонарушений.

Логическим продолжением развития цифровых сервисов, ориентированных на взаимодействие с населением, является портал Qamqor. На портале Qamqor сосредоточены различные цифровые сервисы и информационные ресурсы, разработанные при участии Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Данная платформа обеспечивает открытый доступ пользователей к широкому спектру правовой информации и электронных услуг, связанных с деятельностью правоохранительных органов.

Сервис структурирован по нескольким основным направлениям, каждое из которых содержит специализированные информационные блоки и инструменты для взаимодействия граждан с государственными органами. Одним из ключевых разделов портала является кластер «Обращения», который предоставляет возможность направить заявление в органы полиции, обжаловать

административные правонарушения, а также получить сведения о регистрации проверок. Функциональные возможности этого раздела интегрированы с ранее рассмотренными публичными секторами различных реестров, что позволяет пользователям отслеживать статус поданных обращений и получать актуальную информацию о ходе их рассмотрения.

Другим важным блоком выступает раздел «Проверки», включающий ряд сервисов, предназначенных для получения сведений о различных правовых процедурах. В рамках данного раздела пользователи могут проверить автомобиль на предмет участия в дорожно-транспортном происшествии с пострадавшими, узнать статус своего обращения, убедиться в факте регистрации заявления о правонарушении, а также получить информацию о наличии административных штрафов. Кроме того, здесь представлен публичный сектор Единого реестра досудебных расследований и реестр лиц, признанных судом недееспособными либо ограниченно дееспособными.

Значимым информационным направлением портала является раздел «Розыск», содержащий сведения о различных категориях разыскиваемых лиц. В частности, здесь публикуется информация о пропавших детях, лицах, уклоняющихся от уплаты алиментов, преступниках, находящихся в розыске, должниках, а также гражданах, числящихся без вести пропавшими. Данный раздел способствует повышению информированности общества и содействует правоохранительным органам в установлении местонахождения разыскиваемых лиц.

Отдельное место занимает информационный кластер, включающий правовую статистику, географические карты и раздел с ответами на наиболее распространенные вопросы пользователей. Особый интерес представляет функционал «Правовая статистика», который содержит систематизированные данные о состоянии правопорядка.

В этом разделе представлены статистические сведения по уголовным и административным правонарушениям, дорожно-транспортным происшествиям, гражданско-правовым спорам, а также информация о количестве зарегистрированных проверок. Статистические показатели доступны как в обобщенном виде по всей территории республики, так и в более детализированном разрезе по регионам, включая аналитические материалы и сравнительные данные.

Дополнительным инструментом визуализации информации выступает раздел «Географические карты», позволяющий в режиме реального времени отслеживать различные показатели правовой статистики. В частности, «карта преступности» отображает на электронной карте места совершения преступлений и их виды, сопровождая информацию диаграммами и статистическими характеристиками. «Карта лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних» демонстрирует адреса проживания и основные сведения о гражданах, отбывших наказание за подобные преступления. «Карта аварийности» содержит данные о местах дорожно-транспортных происшествий и типах аварий, представленных в аналитической форме.

Помимо этого, функционирует «карта преступлений несовершеннолетних», отражающая территории совершения правонарушений подростками и сопровождаемая статистическими показателями. Также доступна «карта проверок предпринимателей», на которой отображаются адреса субъектов предпринимательской деятельности, подвергшихся проверочным мероприятиям, а также результаты и виды проведенных проверок.

В условиях дальнейшего развития цифровых технологий логичным этапом совершенствования указанных сервисов является внедрение инструментов искусственного интеллекта в работу портала Qamqog и связанных с ним информационных систем. Применение технологий искусственного интеллекта может значительно повысить эффективность обработки больших массивов правовой и статистической информации, автоматизировать аналитические процессы и обеспечить более точное прогнозирование криминогенной обстановки. Кроме того, интеллектуальные алгоритмы способны ускорить обработку обращений граждан, выявлять типичные нарушения законодательства, анализировать тенденции преступности и формировать рекомендации для правоохранительных органов.

Использование подобных технологий будет способствовать повышению прозрачности деятельности государственных институтов, улучшению качества предоставляемых электронных услуг и укреплению системы обеспечения законности и правопорядка.

Проведенный обзор электронных средств прокуратуры Казахстана свидетельствует: интеграция цифровых инноваций в уголовное преследование, административные процедуры и другие сферы прокурорской работы идет по планам государственных стратегий, носит комплексный и организованный вид, охватывает не только внутреннюю структуру и функции прокуратуры, но и сферу продуктивного сотрудничества с другими силовыми структурами в сфере правоприменения.

Протестированные цифровые решения прокуратуры доказали свою результативность и ориентацию на открытость уголовных расследований и административных дел, рост лояльности населения и предпринимателей к прокуратуре и правоохранителям. Поскольку рассматриваемые цифровые технологии внесли конкретный вклад в эффективность работы прокурорских органов, полагаем, что искусственный интеллект позволит существенно упростить их повседневные задачи.

Внедрение ИИ в прокурорскую практику открывает перспективы автоматизации рутинных операций, таких как анализ больших массивов данных, прогнозирование рисков и оперативный мониторинг дел. Это не только ускорит процессы правоприменения, но и минимизирует человеческий фактор, повысив точность, объективность и оперативность принимаемых решений. В итоге, комбинация существующих цифровых инструментов с передовыми алгоритмами ИИ укрепит позиции прокуратуры в сфере обеспечения верховенства права.

Список использованных источников:

1. Об утверждении государственной программы «Цифровой Казахстан»: Постановление Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 // Информационно правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 18.02.2026 г.);
2. Куналиев А.А., Слинкова О.К. Цифровизация государственного управления в мировой практике и на примере Республики Казахстан // Scientific Journal of Pedagogy and Economics. 2025. Т.416, №4, С.459–476. DOI:10.32014/2025.2518-1467.1013. URL: https://journals.nauka-nanrk.kz/bulletin-science/article/view/7597?utm_source (дата обращения: 20.03.2026 г.);
3. Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года. URL: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 21.02.2026 г.);
4. Портал органов правовой статистики и специальных учетов <https://qamqor.gov.kz/> (дата обращения: 18.02.2026 г.);
5. Приказ и. о. Генерального Прокурора Республики Казахстан от 10 июля 2020 г. № 85. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 14 июля 2020 года № 20962 «Об утверждении Правил ведения Единого реестра административных производств» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020962> (дата обращения: 21.02.2026 г.);
6. Приказ и.о. Генерального Прокурора Республики Казахстан от 25 декабря 2020 года № 162. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 30 декабря 2020 года № 21964 «Об утверждении Правил регистрации актов о назначении, дополнительных актов о продлении сроков профилактического контроля с посещением субъекта (объекта) контроля и надзора и (или) проверки, отказа в их регистрации и отмены, уведомлений о приостановлении, возобновлении, продлении сроков профилактического контроля с посещением субъекта (объекта) контроля и надзора и (или) проверки, изменении состава участников и представлении информационных учетных документов о профилактическом контроле с посещением субъекта (объекта) контроля и надзора и (или) проверке и их результатах» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021964> (дата обращения: 18.02.2026 г.);
7. Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 сентября 2014 г. № 9744 «Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> (дата обращения: 21.02.2026 г.);
8. Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК «Уголовно процессуальный кодекс Республики Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 23.02.2026 г.).

**ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАРДЫҢ АЛДЫН АЛУ МЕМЛЕКЕТТІК САЯСАТТЫҢ
БАСЫМДЫҒЫ РЕТІНДЕ: ЦИФРЛЫҚ ҚҰРАЛДАР ЖӘНЕ ВЕДОМСТВОАРАЛЫҚ ӨЗАРА
ІС-ҚИМЫЛ**

**ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ: ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**

**CRIME PREVENTION AS A PRIORITY OF STATE POLICY: DIGITAL TOOLS AND
INTERAGENCY COLLABORATION**

ӘОЖ 343.6

Алибаева Әсемгүл Оразқызы,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ОТБАСЫЛЫҚ-ТҰРМЫСТЫҚ ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚТАН ҚОРҒАУДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАРЫ МЕН ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕСІ

Аннотация. Мақала отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимылдың халықаралық тетіктері мен шетелдік тәжірибесін талдауға арналған. Адам құқықтарын қорғау саласындағы негізгі халықаралық-құқықтық актілер, соның ішінде БҰҰ-ның әмбебап шарттары, Әйелдерге қатысты кемсітушіліктің барлық нысандарын жою туралы конвенция, Бала құқықтары туралы конвенция және Стамбұл конвенциясы қарастырылады.

Отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу және жолын кесу бойынша шетелдік тәжірибелерге ерекше назар аударылады. Атап айтқанда, арнайы заңнаманы қабылдау, қорғау нұсқамаларын қолдану, ведомствоаралық өзара іс-қимылды дамыту, жәбірленушілерге қолдау көрсету жүйесін қалыптастыру және агрессорлардың мінез-құлқын түзету бағдарламаларын енгізу мәселелері талданады.

Зерттеу нәтижесінде отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу және адам құқықтарын тиімді қорғау үшін құқықтық, әлеуметтік және профилактикалық шараларды үйлестіретін кешенді тәсілді қолданудың қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық; адам құқықтарын қорғаудың халықаралық стандарттары; қорғау нұсқамалары; ведомствоаралық өзара іс-қимыл; жәбірленушілерді қолдау; агрессорлардың мінез-құлқын түзету бағдарламалары.

Аннотация. Статья посвящена анализу международных механизмов и зарубежного опыта противодействия семейно-бытовому насилию. Рассматриваются основные международно-правовые акты в сфере защиты прав человека, включая универсальные договоры ООН, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенцию о правах ребенка и Стамбульскую конвенцию. Особое внимание уделено зарубежным практикам предупреждения и пресечения домашнего насилия, таким как принятие специализированного законодательства, применение защитных предписаний, межведомственное взаимодействие, развитие системы поддержки жертв и программ коррекции поведения агрессоров. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего правовые, социальные и профилактические меры, для повышения эффективности защиты прав человека и предупреждения бытового насилия.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие; международные стандарты защиты прав человека; защитные предписания; межведомственное взаимодействие; поддержка жертв; программы коррекции поведения агрессоров.

Abstract. The article is devoted to the analysis of international mechanisms and foreign experience in combating domestic violence. The main international legal acts in the field of human rights protection are examined, including universal UN treaties, the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, the Convention on the Rights of the Child, and the Istanbul Convention. Particular attention is paid to foreign practices aimed at preventing and suppressing domestic violence, such as the adoption of specialized legislation, the use of protection orders, interagency cooperation, the development of victim support systems, and programs for the behavioral correction of offenders. The study concludes that a comprehensive approach combining legal, social, and preventive measures is necessary to enhance the effectiveness of human rights protection and to prevent domestic violence.

Keywords: domestic violence; international human rights protection standards; protection orders; interagency cooperation; victim support; offender rehabilitation programs.

Отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық мәселесі қазіргі уақытта халықаралық қоғамдастық тарапынан адамның қадір-қасиетіне, қауіпсіздігіне және теңдігіне нұқсан келтіретін адам құқықтарының өрескел бұзылуы ретінде қарастырылады. Соңғы онжылдықтарда аталған құбылыстың алдын алуға, жәбірленушілерді қорғауға және құқық бұзушыларды жауаптылыққа тартуға бағытталған халықаралық құқықтық стандарттардың кең жүйесі қалыптасты.

Бұл стандарттар әмбебап халықаралық шарттарда, арнайы конвенцияларда, декларацияларда және үлгілік заңнамалық актілерде бекітіліп, мемлекеттердің ұлттық заңнамасы мен құқықтық саясатын қалыптастырудың маңызды негізін құрайды. Бұл тұрғыдан алғанда халықаралық құқық нормалары тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күрестің жалпы құқықтық бағыттарын айқындап қана қоймай, мемлекеттердің осы саладағы нақты міндеттемелерін де белгілейді.

Тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимылдың халықаралық-құқықтық негізін адам құқықтары саласындағы әмбебап құжаттар құрайды. Бұл құжаттарда адамның қадір-қасиеті, өмірі мен қауіпсіздігі негізгі құндылықтар ретінде бекітіледі.

Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы әрбір адамның азаптауға және қатыгез қарым-қатынасқа ұшырамау құқығын жариялайды. Бұл қағида тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күрестің базалық құқықтық негізін қалыптастырады [1].

Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактте де адамның жеке басына қол сұқпаушылық және кемсітушілікке жол бермеу қағидаттары бекітілген [2]. Бұл нормалар мемлекеттердің тек қоғамдық салада ғана емес, жеке өмір шеңберінде де құқықтарды қорғау міндетін айқындайды.

Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пакт отбасының қоғамдағы ерекше рөлін атап көрсетіп, оны қорғау қажеттілігін негіздейді [3].

Әйелдерге қатысты кемсітушіліктің барлық нысандарын жою туралы конвенция тұрмыстық зорлық-зомбылықты гендерлік кемсітушіліктің бір нысаны ретінде қарастырады [4]. Бұл тұрғыдан алғанда тұрмыстық зорлық-зомбылық жеке мәселе емес, жүйелі құқық бұзушылық ретінде бағаланады.

Бала құқықтары туралы конвенция балаларды кез келген зорлық-зомбылықтан қорғау міндетін бекітеді, ал мүгедектердің құқықтары туралы конвенция осал топтарды қорғаудың қосымша кепілдіктерін қарастырады [5].

Осылайша, халықаралық құқық тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күрестің әмбебап қағидаттарын қалыптастырады. Дегенмен, бұл нормалар көбіне жалпы сипатта болып, олардың нақты іске асырылу тетіктері ұлттық деңгейде айқындалады.

Көптеген мемлекеттерде тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу, оны анықтау және жолын кесу мақсатында арнайы заңнамалық тетіктер қалыптастырылған.

Ұлыбритания заңнамасында тұрмыстық зорлық-зомбылық ұғымы кең мағынада түсіндіріледі және оған физикалық, психологиялық, экономикалық және эмоциялық қысым түрлері енгізілген [6]. Мұндай әрекеттер физикалық зиян келтірілмеген жағдайда да қылмыстық жауаптылыққа әкеп соғады. Қазақстан Республикасында мұндай мінез-құлық нысандары толық көлемде қылмыстық-құқықтық реттеуге жатқызылмаған.

Ұқсас тәсіл Испания заңнамасында да қолданылады, онда жүйелі түрде жасалатын тұрмыстық зорлық-зомбылық үшін қылмыстық жауаптылық көзделген [7]. Испания заңнамасының ерекшелігі – гендерлік зорлық-зомбылық істері бойынша мамандандырылған соттардың болуы. Бұл соттар қылмыстық, азаматтық және отбасылық істерді кешенді түрде қарастырады, бұл жәбірленушіні қорғаудың тиімділігін арттырады. Қазақстанда өкінішке орай мұндай арнайы сот жүйесі қарастырылмаған.

Францияда қорғау ордері институты кеңінен қолданылады. Мысалы, отбасылық істер жөніндегі судья жәбірленушіні қорғауға бағытталған кешенді шараларды көздейтін қорғау нұсқамасын шығара алады. Мұндай шараларды бұзу қылмыстық жауаптылыққа әкеп соғады, оның ішінде бас бостандығынан айыру және ірі айыппұлдар қарастырылған.

Бұл шаралар төрт ай бойы күшінде болады және егер ажырасу немесе бөлек тұру туралы өтініш берілген жағдайда, олардың мерзімі ұзартылуы мүмкін. Судья оларды кез келген уақытта өзгерте алады. Сондай-ақ, зорлық-зомбылық немесе зорлық жасау қаупі кемінде бес жылға дейін бас бостандығынан айыру жазасын көздейтін қылмыс болып табылатын жағдайларда электрондық білезік тағу да тағайындалуы мүмкін [8].

АҚШ-та тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күрес мемлекеттік саясаттың маңызды бағыттарының бірі ретінде қарастырылады. Мәселен, Америка заңнамасында тұрмыстық зорлық-зомбылық фактілері анықталған жағдайда құқық қорғау органдарының міндетті әрекет ету қағидаты (mandatory arrest) кеңінен қолданылады. Көптеген штаттарда полиция қызметкерлері құқық бұзушыны жәбірленушінің арызына қарамастан ұстауға міндетті [9]. Бұл тәсіл құқық бұзушылықтардың латенттілігін төмендетуге және қайталама зорлық-зомбылықтың алдын алуға бағытталған. Қазақстанда мұндай қағидат толық көлемде бекітілмеген, бұл жағдайда шешім жәбірленушінің пікіріне байланысты болып қалады.

Канадада заңнамалық реформалар отбасылық қатынастарда жасалатын жыныстық зорлық-зомбылық үшін қылмыстық жауаптылықты тануға мүмкіндік берді [10].

Канада тәжірибесінде жәбірленушілерді қолдау жүйесі кешенді сипатқа ие. Дағдарыс орталықтарымен қатар, ұзақ мерзімді психологиялық, құқықтық және әлеуметтік сүйемелдеу бағдарламалары іске асырылады. Бұл жүйе жәбірленушінің тек қауіпсіздігін қамтамасыз етумен

шектелмей, оның толық әлеуметтік бейімделуіне бағытталған. Қазақстанда мұндай кешенді және үздіксіз қолдау жүйесі жеткілікті деңгейде институционалданбаған.

Зерттеу негізінде, шетелдік тәжірибеде отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимылдың келесі модельдерін бөліп көрсетуге болады:

- 1) Репрессивтік модель – қылмыстық-құқықтық шараларға басымдық береді (АҚШ, Испания);
- 2) Қорғау-превентивтік модель – жәбірленушіні жедел қорғау құралдары дамыған (Франция);
- 3) Әлеуметтік-бағдарланған модель – әлеуметтік қолдау жүйесі негізгі рөл атқарады (Канада);
- 4) Аралас модель – құқықтық және әлеуметтік шаралардың үйлесуі (Ұлыбритания).

Бұл жіктеме шетелдік тәжірибені жүйелеуге және олардың тиімділігін салыстырмалы түрде бағалауға мүмкіндік береді.

Жүргізілген талдау көрсеткендей, отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы тиімді жүйе құқықтық, институционалдық және әлеуметтік тетіктердің үйлесімді әрекетіне негізделеді.

Сонымен, дамыған елдердің тәжірибесінде тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимыл жүйесі тек қылмыстық-құқықтық шаралармен шектелмейді. Керісінше, бұл салада профилактикалық, әлеуметтік және құқықтық шаралардың үйлесімді қолданылуына негізделген кешенді тәсіл қалыптасқан.

Біздің ойымызша, отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы тиімді іс-қимыл жасау үшін құқықтық шаралармен қатар әлеуметтік және ақпараттық саясатты да дамыту қажет. Бұл тұрғыдан алғанда қоғамда зорлық-зомбылыққа төзбеушілік мәдениетін қалыптастыру ерекше маңызға ие.

Қазақстанда соңғы жылдары отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу және оған қарсы іс-қимыл жүйесін жетілдіруге бағытталған бірқатар заңнамалық және институционалдық шаралар қабылданды.

Сонымен қатар отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу мақсатында құқық қорғау органдары тарапынан бірқатар профилактикалық шаралар жүзеге асырылды.

Мәселен, 2025 жылдың қорытындысы бойынша учаскелік полиция инспекторлары 90 мыңнан астам қорғау нұсқамасын шығарған, ал соттар тарапынан құқық бұзушылардың мінез-құлқына қатысты 20 мыңнан астам ерекше талаптар белгіленген. Оған қоса, агрессорларға қатысты психологиялық түзету бағдарламаларын қолдану тәжірибесі де қалыптасуда: есепті кезеңде 987 құқық бұзушыға міндетті психокоррекциялық бағдарламалар тағайындалған [11].

Бұдан бөлек, отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың қайталану қаупін төмендету мақсатында халықаралық тәжірибеге негізделген тәуекелді бағалау ұлттық стандарты енгізілген. Осы стандарт бойынша 2025 жылы шамамен 59 мыңнан астам тұлғаға бағалау жүргізіліп, олардың ішінде 1 587 адам қайталама құқық бұзушылық жасау қаупі жоғары тұлғалар ретінде анықталған [12].

Аталған шаралар отбасылық тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимыл жүйесінің институционалдық негізін күшейтуге бағытталғанымен, халықаралық тәжірибе көрсеткендей, бұл саладағы құқықтық және әлеуметтік тетіктерді одан әрі жетілдіру қажеттілігі сақталып отыр.

Қазақстан Республикасында отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу саласындағы құқықтық реттеу соңғы жылдары елеулі өзгерістерге ұшырады.

Атап айтқанда, бұрын қолданылған «Тұрмыстық зорлық-зомбылық профилактикасы туралы» заң өз күшін жойды [13].

Қазіргі уақытта аталған саладағы құқықтық қатынастар Қазақстан Республикасының «Құқық бұзушылық профилактикасы туралы» заңымен реттеледі, сондай-ақ осы бағыттағы жаңа заңнамалық тәсілдер кезең-кезеңімен енгізілуде [14].

Осыған байланысты, отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимыл мәселелерін жетілдіру бұрынғыдай жеке заң шеңберінде емес, қолданыстағы профилактикалық заңнама аясында қарастыруды талап етеді.

Осы тұрғыдан алғанда, Қазақстан Республикасының «Құқық бұзушылық профилактикасы туралы» заңын отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың ерекшеліктерін ескере отырып, келесі бағыттар бойынша толықтыру орынды деп есептеймін:

Біріншіден, қорғау нұсқамалары институтын күшейту қажет. Атап айтқанда, қорғау нұсқамасын бұзғаны үшін жауаптылықты нақтылау және күшейту, оның ішінде қайталанған бұзушылықтар кезінде құқық бұзушыға қатысты қосымша шектеу шараларын, соның ішінде электрондық бақылау құралдарын қолдану мүмкіндігін заңнамалық деңгейде бекіту ұсынылады. Себебі, тәжірибе бойынша электрондық бақылау білезіктері тек қана ауыр қылмыс жасаған және балаларға қатысты қылмыс жасаған тұлғаларға, педофилдерге ғана қолданылады.

Екіншіден, жәбірленушілерді қолдау жүйесін кешенді түрде құқықтық реттеу қажет. Осы мақсатта дағдарыс орталықтарының, уақытша баспаналардың, психологиялық және құқықтық көмек көрсету қызметтерінің қызметін заңнамалық тұрғыдан бекіту және бұл жұмыстарды тәулік бойы үзбей жүргізу, сондай-ақ жәбірленушілерге әлеуметтік сүйемелдеу тетіктерін нақты айқындау ұсынылады.

Осылайша, отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы тиімді іс-қимыл жасау үшін қолданыстағы заңнаманы жетілдіру жалпы профилактикалық тәсілдермен қатар, аталған құқық бұзушылықтың өзіндік ерекшеліктерін ескеретін арнайы құқықтық тетіктерді енгізу арқылы жүзеге асырылуы тиіс.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы. Біріккен Ұлттар Ұйымы Бас Ассамблеясының 1948 жылғы 10 желтоқсандағы 217 А (III) қарарымен қабылданған декларация. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001> (жүгінген күні 03.03.2026).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1966 года [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (жүгінген күні 03.03.2026).
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1966 года [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (жүгінген күні 04.03.2026).
4. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. 48/104) [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.un.org/ru/docs/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (жүгінген күні 04.03.2026).
5. Бала құқықтары туралы конвенция 1989 жылғы 20 қараша. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесінің 1994 жылғы 8 маусымдағы «Бала құқықтары туралы конвенцияны ратификациялау туралы» қаулысы // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/B940001400> (жүгінген күні 04.03.2026).
6. Domestic Abuse Act (Тұрмыстық зорлық-зомбылық туралы акт) 2021 жылғы 29 сәуір [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/17/section/1> (жүгінген күні 03.03.2026).
7. ORGANIC ACT 10/1995, DATED 23RD NOVEMBER, ON THE CRIMINAL CODE KING OF SPAIN [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.mjusticia.gob.es/es/AreaTematica/DocumentacionPublicaciones/Documents/Criminal_Code_2016.pdf (173-бап) (жүгінген күні 03.03.2026).
8. Law on Violence Against Women. The French Parliament has adopted Law 2010-769, of July 9, [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2010-09-20/france-law-on-violence-against-women/> (жүгінген күні 05.03.2026).
9. АҚШ федералдық үкіметінің ресми сайты [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.acf.hhs.gov/fysb/programs/family-violence-prevention-services/programs/ndvh> (жүгінген күні 05.03.2026).
10. Канада заңнамасының ресми базасы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/> (жүгінген күні 05.03.2026).
11. Тұрмыстық зорлық-зомбылық профилактикасы туралы Қазақстан Республикасының 2009 жылғы 4 желтоқсандағы № 214-IV Заңы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z090000214> (жүгінген күні 03.03.2026).
12. Құқық бұзушылық профилактикасы туралы Қазақстан Республикасының 2025 жылғы 30 желтоқсандағы № 245-VIII Заңы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000245> (жүгінген күні 03.03.2026).
13. Даирова О. Более 600 казахстанцев направили на курсы для снижения уровня агрессии // Zakon.kz. 03.12.2025. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6499850-bolee-600-kazakhstansev-napravili-na-kursy-dlya-snizheniya-urovnnya-agressii.html> (жүгінген күні 03.03.2026).
14. Қазақстан Республикасындағы отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын-алу туралы ұлттық баяндама. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://api.kipd.kz/storage/uploads/images/2026/02/10_1770704133.pdf (жүгінген күні 08.03.2026).

УДК 343.85:656.2

Асембек Айсултан Бакытжанулы,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-правовые и практические аспекты профилактики правонарушений на объектах железнодорожного транспорта Республики Казахстан. Анализируются особенности криминогенной обстановки на объектах транспортной инфраструктуры. Раскрываются основные направления деятельности транспортной полиции по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Исследуются проблемы межведомственного взаимодействия, кадрового обеспечения и технической оснащенности подразделений. Особое внимание уделяется вопросам цифровизации профилактической деятельности правоохранительных органов. Рассматриваются перспективы внедрения современных технологий мониторинга и аналитики данных. Предлагаются меры по совершенствованию профилактических механизмов. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к обеспечению транспортной безопасности.

Ключевые слова: транспортная полиция; профилактика правонарушений; железнодорожный транспорт; общественная безопасность; транспортная безопасность; цифровизация; межведомственное взаимодействие; предупреждение преступлений.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының теміржол көлігі объектілеріндегі құқық бұзушылықтардың алдын алудың ұйымдастырушылық-құқықтық және практикалық аспектілері қарастырылады. Көлік инфрақұрылымы объектілеріндегі криминогендік жағдайдың ерекшеліктері талданады. Көлік полициясы қызметінің қылмыстар мен әкімшілік құқық бұзушылықтардың алдын алу жөніндегі негізгі бағыттары ашылады. Ведомствоаралық өзара іс-қимыл, кадрлық қамтамасыз ету және бөлімшелерді техникалық жаратандыру мәселелері зерттеледі. Құқық қорғау органдарының профилактикалық қызметін цифрландыру мәселелеріне ерекше назар аударылады. Деректерді мониторингілеу мен талдаудың заманауи технологияларын енгізу перспективалары қарастырылады. Алдын алу тетіктерін жетілдіру бойынша шаралар ұсынылады. Көлік қауіпсіздігін қамтамасыз етудің кешенді тәсілінің қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: көлік полициясы; құқық бұзушылықтың алдын алу; теміржол көлігі; қоғамдық қауіпсіздік; көлік қауіпсіздігі; цифрландыру; ведомствоаралық өзара іс-қимыл; қылмыстың алдын алу.

Abstract. The article discusses the organizational, legal and practical aspects of crime prevention at railway transport facilities in the Republic of Kazakhstan. The features of the criminogenic situation at transport infrastructure facilities are analyzed. The main areas of activity of the transport police for the prevention of crimes and administrative offenses are revealed. The problems of interdepartmental interaction, staffing and technical equipment of departments are investigated. Special attention is paid to the issues of digitalization of preventive activities of law enforcement agencies. The prospects for the introduction of modern monitoring and data analytics technologies are being considered. Measures are proposed to improve preventive mechanisms. The conclusion is made about the need for an integrated approach to ensuring transport security.

Keywords: transport police; crime prevention; railway transport; public safety; transport security; digitalization; interagency cooperation; crime prevention.

В современных условиях обеспечение общественной безопасности является одной из ключевых задач государства. Особое значение имеет поддержание правопорядка на объектах транспортной инфраструктуры, поскольку транспортная система играет важную роль в социально-экономическом развитии страны. Железнодорожный транспорт обеспечивает перевозку значительного количества пассажиров и грузов между различными регионами Республики Казахстан, что делает его важным элементом транспортной системы государства.

Развитие транспортной инфраструктуры сопровождается увеличением пассажиропотока и объемов перевозок. Это приводит к появлению новых вызовов в сфере обеспечения общественной безопасности. На объектах железнодорожного транспорта могут совершаться имущественные преступления, нарушения общественного порядка и иные противоправные действия. В связи с этим вопросы профилактики правонарушений на транспорте приобретают особую актуальность.

Правовые основы профилактики правонарушений в Республике Казахстан закреплены в ряде нормативных правовых актов. В частности, Закон Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» определяет полномочия органов внутренних дел, их основные задачи и

направления деятельности [1]. Законодательство предусматривает, что органы внутренних дел обязаны осуществлять деятельность по предупреждению и пресечению правонарушений, обеспечению общественного порядка и безопасности граждан.

Кроме того, важное значение имеет Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений», который определяет систему мер предупреждения противоправных действий и устанавливает основные направления профилактической деятельности [2]. Данный закон закрепляет принципы профилактической работы и определяет роль государственных органов в предупреждении правонарушений.

Особое место в системе обеспечения общественной безопасности занимает транспортная полиция. Основной задачей данного подразделения является обеспечение правопорядка на объектах железнодорожного транспорта, а также предупреждение и пресечение правонарушений.

Железнодорожный транспорт обладает рядом специфических особенностей [3]. К таким особенностям относятся высокая концентрация пассажиропотока, большое количество объектов транспортной инфраструктуры и постоянное перемещение людей между различными регионами страны.

В местах массового скопления людей значительно возрастает вероятность совершения имущественных правонарушений, в частности краж личного имущества пассажиров. Подобные преступления чаще всего совершаются на вокзалах, станциях и в пассажирских поездах. Кроме того, на объектах железнодорожного транспорта нередко фиксируются правонарушения, связанные с нарушением общественного порядка. К таким правонарушениям относятся мелкое хулиганство, распитие алкогольных напитков в общественных местах и другие противоправные действия.

Одним из важнейших направлений профилактической деятельности транспортной полиции является выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений [4]. Анализ криминогенной ситуации позволяет определить наиболее проблемные участки транспортной инфраструктуры и разработать эффективные меры профилактики [5].

Сотрудники транспортной полиции осуществляют патрулирование вокзалов и станций, проводят профилактические беседы с гражданами и принимают меры по пресечению противоправных действий. Подобная деятельность способствует снижению уровня правонарушений и повышению безопасности пассажиров.

В современных условиях большое значение имеет использование технических средств обеспечения безопасности. На объектах железнодорожного транспорта активно внедряются системы видеонаблюдения [6]. Такие системы позволяют контролировать ситуацию в режиме реального времени и своевременно выявлять противоправные действия.

Важную роль играет взаимодействие транспортной полиции с администрациями железнодорожных вокзалов и транспортными организациями [7]. Совместная деятельность позволяет оперативно реагировать на возникающие угрозы и принимать необходимые меры по обеспечению безопасности.

Помимо систем видеонаблюдения, активно применяются автоматизированные системы анализа данных. Использование таких систем позволяет выявлять закономерности преступности и прогнозировать возможные угрозы безопасности [8].

Цифровизация правоохранительной деятельности является одним из важнейших направлений развития системы обеспечения общественной безопасности. В Республике Казахстан реализуется государственная программа цифровизации, направленная на внедрение современных информационных технологий [9].

Использование цифровых технологий позволяет значительно повысить эффективность деятельности правоохранительных органов. Современные информационные системы обеспечивают оперативный обмен информацией между различными государственными органами.

Важным направлением государственной политики является реализация стратегических программ развития государства [10]. Эти программы предусматривают модернизацию системы обеспечения общественной безопасности и развитие транспортной инфраструктуры.

Особое значение имеет повышение уровня правовой культуры населения. Проведение информационно-разъяснительной работы способствует формированию уважительного отношения к закону.

Пассажиры должны быть информированы о правилах поведения на объектах транспортной инфраструктуры и ответственности за их нарушение. Информационные материалы, объявления на вокзалах и в поездах, а также средства массовой информации могут использоваться для распространения подобных сведений.

Важным направлением деятельности транспортной полиции является постоянный анализ состояния правопорядка на объектах железнодорожного транспорта. Проведение регулярного мониторинга криминогенной обстановки позволяет выявлять тенденции преступности и определять наиболее уязвимые участки транспортной инфраструктуры.

На основе полученных данных разрабатываются профилактические меры, направленные на предупреждение противоправных действий. Такой подход позволяет не только реагировать на уже совершенные правонарушения, но и предотвращать их на ранних стадиях.

Одной из особенностей правонарушений на железнодорожном транспорте является их латентность. Не все правонарушения регистрируются правоохранительными органами, поскольку часть потерпевших по различным причинам не обращается в полицию. В связи с этим особое значение приобретает проведение профилактической работы, направленной на повышение доверия граждан к правоохранительным органам.

Кроме того, важным фактором предупреждения правонарушений является обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры. Для этого применяются различные организационные и технические меры.

На вокзалах и станциях устанавливаются системы видеонаблюдения, которые позволяют контролировать ситуацию и своевременно реагировать на противоправные действия [6].

Еще одним важным направлением профилактической деятельности является проведение информационно-разъяснительной работы среди пассажиров.

Особое значение имеет работа с несовершеннолетними. Подростки нередко становятся участниками различных правонарушений на транспорте. В связи с этим сотрудники транспортной полиции проводят профилактические мероприятия в образовательных учреждениях.

Следует отметить, что эффективность профилактики правонарушений во многом зависит от уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Сотрудники транспортной полиции должны обладать необходимыми знаниями и навыками для эффективного выполнения своих обязанностей.

В последние годы значительное внимание уделяется развитию цифровых технологий в сфере обеспечения общественной безопасности [9].

Кроме того, профилактика правонарушений должна осуществляться с учетом международного опыта. Во многих странах применяются современные методы обеспечения транспортной безопасности, включая интеллектуальные системы видеонаблюдения и автоматизированные системы контроля [11].

Изучение международного опыта позволяет внедрять наиболее эффективные методы обеспечения безопасности и совершенствовать систему профилактики правонарушений.

Профилактика правонарушений на объектах железнодорожного транспорта представляет собой сложную систему мероприятий, направленных на предупреждение противоправных действий и обеспечение безопасности граждан.

Комплексный подход к профилактике правонарушений предполагает использование организационных, правовых и технических мер.

Таким образом, профилактика правонарушений на объектах железнодорожного транспорта является важным направлением деятельности правоохранительных органов. Эффективность данной деятельности зависит от совершенствования законодательства, внедрения современных технологий и развития межведомственного взаимодействия. Реализация указанных мер позволит повысить уровень общественной безопасности и обеспечить устойчивое функционирование транспортной системы Республики Казахстан.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000199> (дата обращения: 15.02.2026);
2. Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000245> (дата обращения: 15.02.2026);
3. Максимов С.В. Транспортная безопасность: учебник. – Москва, 2020. -[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://urait.ru> (дата обращения: 15.02.2026);
4. Кудрявцев В.Н. Профилактика преступлений: теоретические основы. – М.: Норма, 2018 (дата обращения: 15.02.2026);
5. Малков В.Д. Криминология: учебник. – Москва, 2019. - <https://urait.ru>

6. Бекмагамбетов А.Б. Цифровизация правоохранительной деятельности. - <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 15.02.2026);
7. Министерство внутренних дел Республики Казахстан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim> (дата обращения: 15.02.2026);
8. Государственная программа «Цифровой Казахстан». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://digitalkz.kz> (дата обращения: 15.02.2026);
9. Стратегия «Казахстан-2050». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 15.02.2026);
10. Международный опыт обеспечения транспортной безопасности.
11. Аналитические материалы по профилактике правонарушений на транспорте.

ӘОЖ 343.37:004.8

Асқаров Нұрлыбек Асқарұлы,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ЦИФРЛЫҚ АКТИВТЕР МЕН ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ПАЙДАЛАНА ОТЫРЫП, ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖОЛМЕН АЛЫНҒАН КІРІСТЕРДІ ЗАНДАСТЫРУҒА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫҢ СТРАТЕГИЯЛЫҚ БАҒЫТТАРЫ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының қаржы секторын цифрлық трансформациялау жағдайында қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимылдың (ҚЖЗ/ТҚ) заманауи тетіктеріне кешенді талдау жасалған. ФАТФ (FATF) ұсынымдарын, Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан» атты Жолдауын (2025 ж.) және ҚР «Жасанды интеллект туралы» жаңа Заңын (2025 ж.) талдау негізінде цифрлық активтер айналымын реттеудегі құқықтық және институционалдық кедергілер зерттеледі. Еуразиялық топ (ЕАТ) және «Эгмонт» тобы шеңберіндегі халықаралық ынтымақтастықтың рөлі қарастырылады. ҚР Қаржылық мониторинг агенттігінің (ҚМА) заңсыз криптоайырбастау орындарын анықтау жөніндегі статистикалық мәліметтеріне ерекше назар аударылды. Қаржылық қауіпсіздікті қамтамасыз ету үшін блокчейн-аналитика мен жасанды интеллект алгоритмдерін біріктіретін «ақылды комплаенс» моделіне көшу қажеттілігі негізделген.

Түйінді сөздер: цифрлық активтер; ҚЖЗ/ТҚ; ФАТФ; жасанды интеллект; Қаржылық мониторинг агенттігі; Еуразиялық топ; «Эгмонт» тобы; блокчейн-аналитика.

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ современных механизмов противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем (ПОД/ФТ), в условиях цифровой трансформации финансового сектора Республики Казахстан. На основе анализа Рекомендаций ФАТФ (FATF), Послания Главы государства Касым-Жомарта Токаева «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта» (2025 г.) и нового Закона РК «Об искусственном интеллекте» (2025 г.) исследуются правовые и институциональные барьеры в регулировании оборота цифровых активов. Рассматривается роль международного сотрудничества в рамках Евразийской группы (ЕАГ) и группы «Эгмонт». Особое внимание уделено статистическим данным Агентства РК по финансовому мониторингу (АФМ) по выявлению незаконных криптообменников. Обоснована необходимость перехода к модели «умного комплаенса», сочетающей блокчейн-аналитику и алгоритмы ИИ для обеспечения финансовой безопасности.

Ключевые слова: цифровые активы; ПОД/ФТ; ФАТФ; искусственный интеллект; Агентство по финансовому мониторингу; Евразийская группа; группа «Эгмонт»; блокчейн-аналитика.

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of modern mechanisms for combating money laundering and the financing of terrorism (AML/CFT) in the context of the digital transformation of the financial sector of the Republic of Kazakhstan. Based on an analysis of the FATF Recommendations, the Address of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev «Kazakhstan in the Era of Artificial Intelligence» Republic of Kazakhstan (2025) and the new Law of the Republic of Kazakhstan «On Artificial Intelligence» (2025), legal and institutional barriers in the regulation of digital assets are investigated. The role of international cooperation within the Eurasian Group (EAG) and the Egmont Group is considered. Special attention is paid to the statistical data of the Financial Monitoring Agency of the Republic of Kazakhstan (FMA) on identifying illegal crypto exchangers. The necessity of transitioning to a «smart compliance» model, combining blockchain analytics and AI algorithms to ensure financial security, is substantiated.

Keywords: digital assets; AML/CFT; FATF; artificial intelligence; Financial Monitoring Agency; Eurasian Group; Egmont Group; blockchain analytics.

Қазақстан Республикасының мемлекеттік құрылысының қазіргі кезеңі цифрлық экономиканың инновациялық моделіне қарқынды көшуімен сипатталады. Бұл қозғалыстың іргелі идеологиялық векторы Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына арналған «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: цифрлық трансформация арқылы өзекті міндеттер және оларды шешу жолдары» (2025 жылғы қыркүйек) атты Жолдауы болды. Осы бағдарламалық құжатта Президент жасанды интеллект (ЖИ) технологияларын жаппай енгізу тек экономикалық өсудің ғана емес, сонымен бірге жаңа технологиялық сын-қатерлер жағдайында ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің локомотивіне айналуы тиіс екенін атап өтті [1]. Осы стратегияны іске асыру шеңберінде цифрлық активтерді пайдалана отырып, қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға қарсы іс-қимыл ұлттық құқықты жаһандық стандарттармен үйлестіруді талап ететін басым міндет мәртебесіне ие болады. Бұл үйлестірудің іргелі негізін қаржылық ашықтық саласындағы танылған халықаралық эталон болып табылатын ФАТФ (Financial Action Task Force) ұсынымдары құрайды. ФАТФ-тың

жаңартылған №15 Ұсынымы («Жаңа технологиялар») ерекше маңызға ие, ол мемлекеттерге виртуалды активтерге тәуекелге бағдарланған тәсілді қолдануды және виртуалды активтер бойынша қызметтерді ұсынатын барлық провайдерлерді (VASP) лицензиялауды немесе тіркеуді міндеттейді. Әрбір транзакцияның жіберушісі мен алушысы туралы ақпаратты беруді талап ететін «Travel Rule» (қаражатты аудару ережесін) енгізу Қазақстанның жаһандық қаржы жүйесіне интеграциялануының міндетті шарты болып табылады.

Цифрлық ортада заңсыз кірістерді заңдастыру әдістерінің эволюциясы қаржылық барлау органдарынан дәстүрлі банктік қадағалау шеңберінен шығуды және ФАТФ үлгісіндегі өңірлік топ болып табылатын Еуразиялық топтың (ЕАТ) жұмысына белсенді қатысуды талап етеді. ЕАТ Орталық Азия елдерінің «кибер-кір жуу орындарымен» күресудегі күш-жігерін үйлестіру платформасы болып табылады және ұлттық жүйелердің ФАТФ-тың 40 Ұсынымына сәйкестігін өзара бағалау кезінде әдістемелік қолдау көрсетеді [2]. Қазақстан техникалық сәйкестіктің жоғары деңгейін көрсете отырып, әлемнің 170 елінің қаржылық барлау бөлімшелері арасында қорғалған ақпарат алмасу үшін «Эгмонт» тобының (Egmont Group) тетіктерін белсенді пайдаланады [3]. Шетелдік зерттеуші К. Линч негізді түрде атап өткендей, «Эгмонт» тобы арқылы институционалдық өзара іс-қимыл жасау – «unhosted wallets» (некастодиалдық әмияндар) анонимділігін еңсерудің және орталықсыздандырылған алаңдар арқылы ақшаны жылыстатудың трансшекаралық схемаларын тоқтатудың жалғыз тиімді жолы болып табылады [4].

ФАТФ (FATF) және ЕАТ (EAG) – бұл әлемдік және өңірлік деңгейде қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл жүйесінің ең маңызды тіректері. Төменде осы ұйымдардың қызметі, міндеттері мен Қазақстан үшін маңызы туралы толық ақпарат берілген.

ФАТФ – қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға қарсы іс-қимыл жөніндегі қаржылық шараларды әзірлеу тобы. Бұл 1989 жылы «Үлкен жетілік» (G7) елдерінің шешімімен құрылған үкіметаралық ұйым.

Негізгі қызметтері мен стандарттарына ФАТФ-тың 40 Ұсынымы яғни бұл ФАТФ-тың басты құжаты болып табылады. Онда қаржы жүйесінің ашықтығын қамтамасыз ету, қылмыстық жауапкершілікке тарту және халықаралық ынтымақтастық бойынша әлемдік стандарттар жинақталған.

Сонымен қатар, «Сұр» және «Қара» тізімдер: ФАТФ стратегиялық кемшіліктері бар елдерді бақылауда ұстайды. «Қара тізімге» (Иран, Солтүстік Корея, Мьянма) енген елдермен қаржылық операциялар жасау өте қауіпті деп саналады және оларға санкциялар қолданылады.

ФАТФ-тың №15 Ұсынымы цифрлық активтер бойынша: Соңғы жылдары ФАТФ крипто-активтерге баса назар аударуда. Ол виртуалды активтер провайдерлерін (VASP) тіркеуді және Travel Rule (транзакция туралы ақпаратты беру) ережесін сақтауды талап етеді.

Еуразиялық топ (ЕАТ) – бұл ФАТФ үлгісіндегі өңірлік топ (FSRB). Ол 2004 жылы құрылған және Еуразия аймағындағы (оның ішінде Қазақстан да бар) 9 мемлекетті біріктіреді. Негізгі мақсаттарының бірі болып өңірлік қауіпсіздік, яғни, Орталық Азия мен Еуразия кеңістігіндегі ақша жылыстату схемаларын анықтау және жою. Өзара бағалау (Mutual Evaluation): ЕАТ мүше-мемлекеттердің ФАТФ стандарттарына қаншалықты сәйкес келетінін тексереді. Мәселен, Қазақстан ЕАТ сарапшыларының тексеруінен өтіп, өз жүйесінің тиімділігін дәлелдейді. Типологиялық зерттеулер: ЕАТ қылмыскерлердің ақша жылыстату үшін қолданатын жаңа әдістерін (мысалы, онлайн-казино, крипто-миксерлер немесе алтын айналымы арқылы) зерттеп, мүше елдерге нұсқаулықтар береді.

Бұл екі ұйым «иерархиялық» емес, «серіктестік» негізінде жұмыс істейді. ФАТФ «жаһандық ережелерді» жазады, ал ЕАТ сол ережелердің нақты бір өңірде (Еуразияда) орындалуын бақылайды және жергілікті ерекшеліктерді (көші-қон, көлеңкелі экономиканың ерекшелігі және т.б.) ескере отырып бейімдейді.

Қазақстан ЕАТ-тың негізін қалаушы мүшелердің бірі және ФАТФ стандарттарын толық қабылдаған ел болып табылады. Инвестициялық тартымдылық жағынан, егер Қазақстан ФАТФ стандарттарын сақтамаса, шетелдік банктер біздің елмен жұмыс істеуден бас тартады. Сондықтан бұл ұйымдармен жұмыс істеу — елдің қаржылық беделі.

Сондай-ақ, жасанды интеллект және мониторинг: Қазақстанның жаңадан қабылдаған «Жасанды интеллект туралы» заңы ФАТФ-тың жаңа технологияларды реттеу талаптарына тікелей жауап болып табылады.

Техникалық көмек тұрғысында ҚР Қаржылық мониторинг агенттігі (ҚМА) ЕАТ шеңберінде басқа елдердің тәжірибесіне қол жеткізеді және заманауи аналитикалық бағдарламаларды енгізеді.

ФАТФ (FATF) және ЕАТ (EAG) – бұл әлемдік және өңірлік деңгейде қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл жүйесінің ең маңызды тіректері. Төменде осы ұйымдардың қызметі, міндеттері мен Қазақстан үшін маңызы туралы толық ақпарат берілген.

ФАТФ – қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға қарсы іс-қимыл жөніндегі қаржылық шараларды әзірлеу тобы. Бұл 1989 жылы «Үлкен жетілік» (G7) елдерінің шешімімен құрылған үкіметаралық ұйым.

Негізгі қызметтері мен стандарттарына ФАТФ-тың 40 Ұсынымы яғни бұл ФАТФ-тың басты құжаты болып табылады. Онда қаржы жүйесінің ашықтығын қамтамасыз ету, қылмыстық жауапкершілікке тарту және халықаралық ынтымақтастық бойынша әлемдік стандарттар жинақталған.

Сонымен қатар, «Сұр» және «Қара» тізімдер: ФАТФ стратегиялық кемшіліктері бар елдерді бақылауда ұстайды. «Қара тізімге» (Иран, Солтүстік Корея, Мьянма) енген елдермен қаржылық операциялар жасау өте қауіпті деп саналады және оларға санкциялар қолданылады.

ФАТФ-тың №15 Ұсынымы цифрлық активтер бойынша: Соңғы жылдары ФАТФ крипто-активтерге баса назар аударуда. Ол виртуалды активтер провайдерлерін (VASP) тіркеуді және Travel Rule (транзакция туралы ақпаратты беру) ережесін сақтауды талап етеді.

Еуразиялық топ (EAT) – бұл ФАТФ үлгісіндегі өңірлік топ (FSRB). Ол 2004 жылы құрылған және Еуразия аймағындағы (оның ішінде Қазақстан да бар) 9 мемлекетті біріктіреді. Негізгі мақсаттарының бірі болып өңірлік қауіпсіздік, яғни, Орталық Азия мен Еуразия кеңістігіндегі ақша жылыстату схемаларын анықтау және жою. Өзара бағалау (Mutual Evaluation): ЕАТ мүше-мемлекеттердің ФАТФ стандарттарына қаншалықты сәйкес келетінін тексереді. Мәселен, Қазақстан ЕАТ сарапшыларының тексеруінен өтіп, өз жүйесінің тиімділігін дәлелдейді. Типологиялық зерттеулер: ЕАТ қылмыскерлердің ақша жылыстату үшін қолданатын жаңа әдістерін (мысалы, онлайн-казино, крипто-миксерлер немесе алтын айналымы арқылы) зерттеп, мүше елдерге нұсқаулықтар береді.

Бұл екі ұйым «иерархиялық» емес, «серіктестік» негізінде жұмыс істейді. ФАТФ «жаһандық ережелерді» жазады, ал ЕАТ сол ережелердің нақты бір өңірде (Еуразияда) орындалуын бақылайды және жергілікті ерекшеліктерді (көші-қон, көлеңкелі экономиканың ерекшелігі және т.б.) ескере отырып бейімдейді.

Қазақстан ЕАТ-тың негізін қалаушы мүшелердің бірі және ФАТФ стандарттарын толық қабылдаған ел болып табылады. Инвестициялық тартымдылық жағынан, егер Қазақстан ФАТФ стандарттарын сақтамаса, шетелдік банктер біздің елмен жұмыс істеуден бас тартады. Сондықтан бұл ұйымдармен жұмыс істеу – елдің қаржылық беделі.

Сондай-ақ, жасанды интеллект және мониторинг: Қазақстанның жаңадан қабылдаған «Жасанды интеллект туралы» заңы ФАТФ-тың жаңа технологияларды реттеу талаптарына тікелей жауап болып табылады.

Техникалық көмек тұрғысында ҚР Қаржылық мониторинг агенттігі (ҚМА) ЕАТ шеңберінде басқа елдердің тәжірибесіне қол жеткізеді және заманауи аналитикалық бағдарламаларды енгізеді.

Бұл тетіктерді Қазақстанда іс жүзінде асыру Қаржылық мониторинг агенттігінің (ҚМА) статистикалық көрсеткіштерінен тікелей көрініс табады. Ведомствоның ресми мәліметтеріне сәйкес, 2023 жыл мен 2024 жылдың басында елде 19 заңсыз криптоайырбастау орнының қызметі тоқтатылды, олардың жалпы айналымы 60 млн АҚШ долларынан асты [5]. Ұлттық ҚЖЗ/ТҚ жүйесі тиімділігінің айқын мысалы – ТМД-дағы ең ірі көлеңкелі криптоайырбастау орны деп танылған «RAKS exchange» сервисінің жабылуы болды, оның айналымы 224 млн доллардан асып, бұғатталған активтер сомасы 9,7 млн USDT-ге жетті [6]. Аталған кезеңде ҚМА құқық қорғау органдарымен бірлесіп, АХҚО-да тіркеусіз жұмыс істеген 5500-ден астам заңсыз онлайн-айырбастау орнын бұғаттады. Бұл деректерді талдау отандық ғалым С.П. Мороздың криптоқылмыстың жоғары латенттілігі тек тыйым салу шараларын ғана емес, сонымен қатар көлеңкелі секторды ығыстыруға қабілетті ашық реттелетін нарық құруды талап етеді деген тұжырымдарын растайды [7].

Отандық құқық саласындағы сапалы серпіліс 2025 жылғы 17 қарашадағы «Жасанды интеллект туралы» Қазақстан Республикасының № 230-VIII Заңының қабылдануы болды [8]. Бұл нормативтік акт мемлекеттік басқаруда, соның ішінде транзакцияларды автоматты түрде скорингтеу және криптоэкономика субъектілерінің аномальді мінез-құлық үлгілерін анықтау үшін зияткерлік жүйелерді пайдаланудың құқықтық негізін қалайды. Заң машиналық оқыту алгоритмдерін ҚМА-ның талдау жүйелеріне заңды түрде біріктіруге мүмкіндік береді, бұл жаһандық RegTech трендіне сәйкес келеді.

Дегенмен, отандық зерттеуші Г.А. Әлібаева «түсіндірілетін ЖИ» (Explainable AI) қағидатын сақтау қажеттілігіне назар аударады: жүйенің активтерді бұғаттау туралы әрбір шешімін адал тексере

алуы және сотта дауласу мүмкіндігі болуы тиіс, бұл нарықтың адал қатысушыларының құқықтарын қорғауға кепілдік береді [9]. Бұл қаржылық қадағалауды автоматтандыру тәуекелдерін атап көрсететін профессор Н. Нараянның еңбектеріндегі этикалық стандарттармен ұштасады [10].

Қорыта айтқанда, Президенттің саяси бағытының, ФАТФ-тың қатаң стандарттарының және «Жасанды интеллект туралы» заңда бекітілген технологиялық мүмкіндіктердің синергиясы Қазақстанда қаржылық мониторингтің ең озық модельдерінің бірін қалыптастырады. Цифрлық дәуірде ҚЖЗ/ТҚ жүйесінің тиімділігі мемлекеттің ЕАТ және «Эгмонт» тобы шеңберіндегі халықаралық ынтымақтастықты ЖИ негізіндегі болжамды аналитикамен ұштастыру қабілетіне тікелей байланысты. Құқықтық доктринаның одан әрі дамуы цифрлық дәлелдемелердің іс жүргізу мәртебесі нақтылауға және ұрланған криптоактивтерді трансшекаралық қайтару тетіктерін жетілдіруге бағытталуы тиіс.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы — Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-kazakstan-halkyna-zholdauy-zhasandy-intellekt-daurindegi-kazakstan-ozekti-maseleler-zhane-ony-tubegeyli-cifrlыk-ozgerister-arkyly-sheshu-881957> (жүгінген күні: 30.03.2026);
2. Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) [Электрондық ресурс] // ЕАГ ресми сайты - Кіру режимі: <https://eurasiangroup.org/ru> (жүгінген күні 31.03.2026);
3. Устав Группы подразделений финансовой разведки Эгмонт (Группы Эгмонт) [Электрондық ресурс] // EGMONT GROUP ресми сайты - Кіру режимі: https://egmontgroup.org/wp-content/uploads/2021/09/Egmont_Group_Charter_-_Revised_September_2018_Russian.pdf (жүгінген күні 31.03.2026);
4. Lynch K. The Egmont Group and the Evolution of Financial Intelligence Units in the Digital Age // Journal of Financial Crime. – 2024. – Vol. 31, No. 4 – P. 112-128;
5. Қазақстан Республикасы Қаржылық мониторинг агенттігінің Баспасөз қызметі - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm> (жүгінген күні: 31.03.2026);
6. Қазақстан Республикасы Қаржылық мониторинг агенттігінің Баспасөз қызметі - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm> (жүгінген күні: 31.03.2026);
7. С.П. Мороз Цифрлық активтер: АХҚО шеңберіндегі құқықтық табиғаты мен реттеу мәселелері // Заңнама және құқықтық ақпарат институтының хабаршысы. – 2022. – №3 (70) – 45 – 56 бб.;
8. «Жасанды интеллект туралы» Қазақстан Республикасының 2025 жылғы 17 қарашадағы № 230-VIII Заңы «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000230> (жүгінген күні: 31.03.2026);
9. Г.А. Әлібаева Қазақстан Республикасының қаржылық мониторинг жүйесінде жасанды интеллектіні құқықтық реттеу // Заң жаршысы. – 2025. – №1 – 44 – 52 бб.;
10. Narayanan N. Explainable AI in AML: Legal and Ethical Challenges. Stanford Law Review, 2024.

ӘОЖ 342.95:656.13:004.9

Бактияров Нуркен Пралиевич,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

Манатов Муратбек Мирамбекович,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ЖОЛ ҚОЗҒАЛЫСЫ ҚАУІПСІЗДІГІ КОМПОНЕНТТЕРІН НАВИГАЦИЯЛЫҚ СЕРВИСТЕРГЕ ЕНГІЗУ: ҰЙЫМДАСТЫРУШЫЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕР

Аннотация. Бұл мақала жол қозғалысы қауіпсіздігін қамтамасыз ететін компоненттерді навигациялық сервистерге енгізудің ұйымдастырушылық-құқықтық қырларын талдайды. Зерттеу навигациялық платформалардың тек маршрут құру құралы емес, қауіп факторларын алдын ала ескерту және мінез-құлыққа ықпал ету арқылы қоғамдық қауіпсіздік инфрақұрылымының бөлігіне айналып отырғанын негізге алады. Жұмыста қауіпсіздік компоненттері ретінде жылдамдық режимі, қауіпті учаскелер, жол жұмыстары, ауа райы тәуекелдері, апаттылық карталары және жедел хабарландыру арналары қарастырылады. Әдіснама нормативтік талдауды, құрылымдық-функционалдық тәсілді және платформалық реттеу тәжірибесіне тән салыстырмалы элементтерді біріктіреді. Негізгі құқықтық мәселелер деректердің заңды режимі, жауаптылықтың бөлінуі, дербес деректерді қорғау, ақпараттық қауіпсіздік және алгоритмдік ұсынымдардың ашықтығы контекстінде ашылады. Ұйымдастырушылық тұрғыдан дерек жеткізушілер, уәкілетті органдар және жеке сервистер арасындағы интеграцияны басқару, сапа стандарттары, қызмет көрсету деңгейі туралы келісім және инциденттерге ден қою тәртібі сияқты тетіктер ұсынылады. Қорытындыда қауіпсіздік компоненттерін енгізу үшін минималды деректер стандарты мен валидация рәсімдерін бекіту, аудиттік журналдау және тәуекелге негізделген жаңарту регламенті тиімді нәтиже беретіні тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: жол қозғалысы қауіпсіздігі; навигациялық сервистер; қауіпсіздік компоненттері; деректерді басқару; платформалық реттеу; жауаптылық; дербес деректер; ақпараттық қауіпсіздік.

Аннотация. Статья посвящена организационно-правовым аспектам внедрения компонентов обеспечения безопасности дорожного движения в навигационные сервисы. Исходная позиция исследования состоит в том, что навигационные платформы становятся инфраструктурным посредником между государственными задачами безопасности и повседневным поведением водителей. В качестве ключевых компонентов рассматриваются данные о скоростных ограничениях, опасных участках, дорожных работах, погодных рисках, очагах аварийности и каналах экстренного информирования. Методологическую основу составляют нормативный анализ, структурно-функциональный подход и элементы сравнительного анализа платформенного регулирования. Выявлены правовые узлы, связанные с режимом данных, распределением ответственности между поставщиками данных и сервисами, защитой персональных данных, киберрисками и требованиями к обоснованности цифровых рекомендаций. Организационный блок фокусируется на модели интеграции и контроле качества: стандарты данных, процедуры валидации, соглашения об уровнях сервиса и порядок реагирования на ошибки. Сформулированы предложения по минимальному стандарту безопасности данных, журналированию действий и регламенту обновления информации, позволяющим повысить надежность предупреждений и снизить риски недостоверности.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; навигационные сервисы; интеграция данных; платформенное регулирование; распределение ответственности; персональные данные; кибербезопасность; управление качеством.

Abstract. This article examines the organizational and legal aspects of embedding road safety components into navigation services. It argues that navigation platforms increasingly operate as an infrastructure layer connecting public safety goals with everyday driving decisions. The paper conceptualizes safety components as structured datasets and alerts, including speed limits, hazardous segments, road works, weather-related risks, crash hotspots, and emergency notifications. The methodology combines doctrinal legal analysis with a structural-functional perspective and selected comparative insights from platform governance. The analysis highlights core legal constraints concerning data governance, allocation of liability among data providers and service operators, personal data protection, cybersecurity, and transparency of automated recommendations. On the organizational side, the study proposes a coordination model based on interoperability rules, data quality standards, validation workflows, service-level commitments, and incident-response procedures. The article concludes with practical recommendations on a minimum data standard, audit logging, and risk-based update schedules to improve reliability and reduce misinformation risks.

Keywords: road safety; navigation services; data governance; interoperability; liability allocation; personal data protection; cybersecurity; quality assurance.

Жол қозғалысы қауіпсіздігі қоғамдық тәртіптің тар салалық мәселесі емес, адамның өмірі мен денсаулығын қорғауға бағытталған базалық әлеуметтік міндеттердің бірі. Осы міндеттің құқықтық негізі ретінде конституциялық деңгейде бекітілетін заңдылық, құқықтарды қорғау және мемлекеттік функциялардың құқықтық шектелуі сияқты қағидаттар маңызды бағдар береді [1]. Салалық деңгейде жол жүрісін ұйымдастыру, қозғалысқа қатысушылардың мінез-құлқын реттеу және қауіпсіздік талаптарын белгілеу жол жүрісі туралы заңнама арқылы нақты мазмұнға ие болады [2]. Қазіргі кезеңде бұл қатынастардың бір бөлігі цифрлық ортаға ауысты, соның ішінде жүргізушілер күнделікті қолданатын навигациялық сервистер арқылы жолдағы шешім қабылдау траекториясы айтарлықтай өзгерді.

Навигациялық сервистер қазіргі кезеңде тек маршрут құру құралы ретінде ғана емес, жүргізушінің тәуекелді қабылдауына және жол жағдайына бейімделуіне ықпал ететін цифрлық инфрақұрылым элементі ретінде көріне бастады. Олар жылдамдық режимі, қауіпті учаскелер, уақытша шектеулер және өзге де факторлар туралы мәліметтерді ұсыну арқылы жүргізушінің шешім қабылдауына әсер етеді. Осыған байланысты құқықтық өлшем де күшейеді, өйткені қауіпсіздік компоненттерін сервистерге енгізу деректерді жинау, өңдеу, тарату және жаңарту тәртібін құқықтық реттеуді талап етеді [3], [4]. Яғни мәселе тек технологияда емес, деректердің заңды мәртебесінде, қолжетімділік шегінде және жауаптылықтың бөліну логикасында жатыр.

Осы зерттеуде «жол қозғалысы қауіпсіздігін қамтамасыз ететін компоненттер» дегеніміз навигациялық сервис арқылы жүргізушіге ұсынылатын құрылымдалған қауіпсіздік деректері мен ескертулердің жиынтығы ретінде түсіндіріледі. Мұндай компоненттерге тұрақты және уақытша жылдамдық шектеулері, жол жұмыстары, қауіпті учаскелер, көрінуді төмендететін факторлар, ауа райы тәуекелдері, апаттылық жоғары аймақтар және төтенше хабарландыру арналары кіруі мүмкін. Мұндай ақпараттың практикалық құндылығы оның көлемімен емес, дәлдігімен, өзектілігімен және уақтылы жаңартылуымен айқындалады. Қауіпсіздік туралы қате немесе ескірген ескерту пайдаланушы сенімін төмендетіп, навигациялық сервистің алдын алу функциясының тиімділігін әлсіретуі мүмкін. Сондықтан деректердің шығу тегі, жаңарту жиілігі, валидация рәсімі және қателікке ден қою тәртібі ұйымдастырушылық механизм ғана емес, құқықтық тұрғыдан да маңызды талаптар ретінде қаралады [4].

Трансшекаралық қозғалыс кеңістігі мен халықаралық трафик логикасы да назардан тыс қалмайды. Жол қозғалысы туралы Вена конвенциясы халықаралық жүріс-тұрыстың жалпы құқықтық үйлесімін сипаттайтын базалық рамка ретінде қарастырылуы мүмкін [5]. Ал цифрлық қабатқа келгенде, интеллектуалды көлік жүйелерін (ITS) енгізудің құқықтық архитектурасы деректердің үйлесімділігі және сервистердің координациясы мәселесін алдыңғы қатарға шығарады [6]. ЕО тәжірибесінде қауіпсіздікке қатысты ең аз әмбебап трафик ақпаратын пайдаланушыға жеткізу үшін деректер мен рәсімдер арнайы делегирленген регламент арқылы нақтыланған, бұл дерек сапасы мен қолжетімділік тәртібін құқықтық деңгейде бекітуге ұмтылысты көрсетеді [7]. Қауіпсіздік деректерін көпбрендті және трансшекаралық ортада жеткізу тәжірибесі бар екенін көрсететін салалық құжаттарда да ұйымдық құрылым, қатысушылардың рөлі және дерек тізбегін басқару ұстанымдары ерекше аталады [8]. Бұл материалдар ұлттық құқықтық жүйеге дайын модель ұсынбайды, алайда дерек көзін анықтау, оны тексеру және жауаптылықты бөлу логикасын түсіндіруге мүмкіндік береді.

Сонымен қатар навигациялық қолданбалардың жол қауіпсіздігіне ықпалына қатысты ғылыми әдебиет біржақты оптимизмге негіз бермейді. Мобильді қосымшаларды Хаддон матрицасы тұрғысынан жүйелеген зерттеу жол-көлік оқиғалары саласындағы қолданбалардың әлеуетін және шектеулерін қатар көрсетеді, әсіресе ақпараттың сапасы мен пайдаланылу контексті маңызды фактор ретінде белгіленеді [9]. Навигациялық қосымшалардың қауіпке әсері тек «аландату» мәселесімен шектелмей, жүргізушінің тәуекелді қабылдауына және мінез-құлық нормаларына ықпал етуі мүмкін екені туралы редакциялық пікір де бар [10]. Ескерту қолданбаларының технологиялық және экономикалық перспективасын талдаған еңбектер қауіпсіздік хабарламаларын жеткізу кезінде басқарылатын параметрлер мен жанама әсерлерді бағалаудың қажеттігін негіздейді [11].

Эмпирикалық деңгейде жүргізуші назарын бөлу және интерфейстік өзара әрекеттесудің салдары нақты көрсетілген. Нақты трафик жағдайында GPS конфигурацияларының жүргізу мінез-құлқына ықпалын зерттеген жұмыс навигациялық жүйенің шығарылым форматы (дыбыс, визуал, комбинация) жүргізу сапасына әсер ететінін дәлелдейді [12]. GPS немесе қағаз нұсқаулықпен бағдарланған кезде жүргізу өнімділігі өзгеретінін көрсететін зерттеу де навигацияның «көмектесу»

және «кедергі жасау» әсері қатар жүретінін меңзейді [13]. Соңғы жылдардағы қолданушы тәжірибесіне бағытталған зерттеулерде C-ITS мобильді қолданбалары бойынша жүргізілген симуляторлық бағалау қауіпсіздікке арналған ескертулерді енгізудің UX және қауіпсіздік көрсеткіштері тұрғысынан өлшенетін нәтижелері бар екенін көрсетеді [14]. Қалалық ортада мәтін жазысу, веб шолу және навигация қолданбаларын пайдаланудың жүргізу мінез-құлқы мен апат тәуекеліне ықпалын бағалаған жұмыс навигациялық қолданбалардың өзі де қауіп факторы болуы мүмкін екенін нақтылайды [15]. Ал жүргізушіге кері байланыс беру тетіктерін жүйелі шолуда тиімділік шарттары мен қолдану шекаралары талданып, «кері байланыс» құралдарының әсері контекстке тәуелді екені айтылады [16].

Осы ғылыми қорытындылар қауіпсіздік компоненттерін енгізуді құқықтық және ұйымдастырушылық тұрғыдан нақтылау қажеттігін күшейтеді. Егер навигациялық сервис қауіпсіздікке қатысты функцияларды орындайтын болса, онда деректер қателігінің, кешігуінің немесе бұрмалануының салдары тек пайдаланушы тәжірибесі мәселесі болып қалмайды, қоғамдық қауіпсіздік өлшеміне өтеді. Мұнда киберқауіпсіздік тәуекелдері де өзекті: деректерге заңсыз қолжетімділік, жабдықтау тізбегіндегі осалдықтар және инциденттерге әрекет ету қабілеті қауіпсіздік компоненттерінің сенімділігіне тікелей әсер етеді [17]. Сонымен қатар жол қауіпсіздігі саясатында, әсіресе жылдамдықты басқару саласында, деректердің сапасы мен басқарушылық шаралардың үйлесімі тиімді нәтиже беретінін көрсететін нұсқаулықтар бар, бұл навигациялық сервистердегі қауіпсіздік компоненттерін «басқару құралы» ретінде қарастыруға әдістемелік негіз береді [18].

Осы зерттеудің мақсаты жол қозғалысы қауіпсіздігін қамтамасыз ететін компоненттерді навигациялық сервистерге енгізудің ұйымдастырушылық-құқықтық алғышарттарын жүйелеу және деректер сапасы, жауаптылықты бөлу, дербес деректерді қорғау, ақпараттық қауіпсіздік тәуекелдері тұрғысынан қолданбалы ұсынымдар ұсыну болып табылады [2], [3], [4].

Материалдар мен әдістері. Зерттеу материалдары ретінде жол қозғалысы қауіпсіздігін және цифрлық деректер айналымын реттейтін конституциялық және салалық нормативтік актілер, сондай-ақ дербес деректерді қорғау мен ақпараттандыру жөніндегі талаптар пайдаланылды [1]-[4].

Салыстырмалы контекст үшін халықаралық құжаттар және ITS саласындағы құқықтық актілердің ережелері қарастырылды [5]-[7].

Эмпирикалық негізді навигациялық қолданбалардың қауіпсіздікке ықпалы, жүргізуші назарын бөлу және ескерту сервистерінің тиімділігі жөніндегі рецензияланатын ғылыми мақалалар құрады [9]-[16].

Әдістеме нормативтік-құқықтық талдауды құрылымдық-функционалдық және тәуекелге бағдарланған талдаумен ұштастырып, деректер сапасы мен жаңарту рәсімдерінің құқықтық салдарын бағалауға бағытталды [6], [7], [17].

Нәтижелер. Зерттеу навигациялық сервистерге енгізілетін қауіпсіздік компоненттерін құқықтық тұрғыдан деректер мен ескертулердің құрылымдалған пакеті ретінде жүйелеуге мүмкіндік берді.

Қауіпсіздік компоненті	Қысқаша мазмұны	Ықтимал дерек көзі	Жаңарту режимі	Құқықтық және ұйымдастырушылық ескертпе
Жылдамдық шектеулері	Тұрақты және уақытша жылдамдық режимі туралы мәліметтер	Уәкілетті мемлекеттік органдар, жол операторлары	Тұрақты деректер бойынша жоспарлы, уақытша шектеулер бойынша жедел	Ресми дереккөзбен міндетті түрде салыстырылып тексерілуі тиіс
Қауіпті учаскелер	Апаттылық деңгейі жоғары немесе көрінуі шектеулі жол бөліктері	Жол полициясы, жол қызметтері, талдамалық деректер	Кезеңдік және тәуекелге қарай жаңарту	Ескерту форматы жүргізушіні артық алаңдатпайтындай болуы тиіс
Жол жұмыстары	Жөндеу, реконструкция, уақытша шектеулер, айналып өту маршруттары	Жол операторлары, мердігер ұйымдар, әкімдіктер	Жедел жаңарту	Уақтылы жаңартылмаған ақпарат жүргізуші шешіміне теріс әсер етуі мүмкін

Ауа райы тәуекелдері	Мұз, тұман, боран, қатты жел, жауын-шашынға байланысты қауіптер	Метеорологиялық қызметтер, төтенше жағдай органдары	Жедел және қысқа интервалмен	Дерек дәлдігі мен өзектілігі негізгі талап болып табылады
Апаттылық жоғары аймақтар	ЖКО жиі тіркелетін аумақтар мен тәуекел нүктелері	ПО, талдамалық жүйелер, статистикалық деректер	Кезеңдік талдамалық жаңарту	Мұндай деректерді ұсыну кезінде әдістемелік негізі мен дерек көзі айқын болуы қажет
Жедел хабарландырулар	Жабық жолдар, төтенше оқиғалар, шұғыл қауіп туралы ескертулер	Уәкілетті органдар, жедел басқару орталықтары	Нақты уақытқа жақын режимде	Жауаптылық шегі мен хабарламаны тарату тәртібі алдын ала айқындалуы тиіс

Кесте 1 – Навигациялық сервистерге енгізілетін қауіпсіздік компоненттерінің сипаттамасы

Кестеде көрсетілгендей, навигациялық сервистерге енгізілетін қауіпсіздік компоненттері біртекті емес және олардың әрқайсысы дерек көзіне, жаңарту жиілігіне, валидация тәртібіне және құқықтық режиміне қарай ерекшеленеді. Осыған байланысты мұндай компоненттерді енгізу тек техникалық интеграциямен шектелмей, деректер сапасын басқару, жауаптылықты бөлу және ресми ақпаратпен сәйкестікті қамтамасыз ету тетіктерін де талап етеді.

Мұнда дәлдік шешуші фактор. Пакетке ресми параметрлер (жылдамдық шектеулері), жағдайлық факторлар (жол жұмыстары, ауа райы тәуекелі), сондай-ақ қауіпті учаскелер туралы ескертулер және жедел хабарландыру арналары кіретіні нақтыланды [2]. Ақпарат ескірсе, тәуекел өседі.

Қауіпсіздік компоненттерін енгізу кезінде дербес деректерді өңдеудің мақсаттылығы мен ең аз жеткіліктілік қағидаты негізгі құқықтық шектеу ретінде көрінді, өйткені геолокацияға және мінез-құлыққа жақын көрсеткіштер пайда болуы мүмкін [3]. Дерек көзі міндетті көрсетіледі. Ұйымдастырушылық модельдің тұрақтылығы деректердің заңды айналымына тәуелді, ал ол ақпараттандыру талаптарымен, интеграция ережелерімен және әрекеттер журналына тіркеу тәртібімен бекітіледі [4].

Халықаралық-құқықтық материалдар қауіпсіздік деректерін енгізудің жалпы логикасын нақтылайды: трансшекаралық қозғалыс рамкасы [5], ITS архитектурасы және интероперабельдік талаптары [6], сондай-ақ қауіпсіздікке қатысты ең аз әмбебап ақпаратты жеткізуге қойылатын параметрлік талаптар [7]. Көпбрендті ортада дерек тізбегін басқару тиімділігі рөлдерді бөлу және дерек шығу тегін бекітумен байланысты екені расталды [8]. Сенім жоғалса, әсер жоғалады.

Эмпирикалық әдебиеттер навигацияның қауіпсіздікке ықпалын екіұшты сипаттайды: тиімділік дерек сапасы мен контекстке тәуелді [9], ал қауіп тек алаңдатумен шектелмей, тәуекелді қабылдау арқылы күшеюі мүмкін [10]. Қысқа хабарлама қауіпсіздеу болуы мүмкін. Интерфейс, уақытылы жеткізу және когнитивтік жүктеме ескертудің құндылығын айқындайды [11], бұл нақты жолдағы назар бөліну нәтижелерімен және жүргізу өнімділігіне әсерімен расталады [12], [13]. С-ITS қолданбаларын бағалау UX өлшемдерін қолдануға болатынын көрсетті [14], ал қалалық жағдайда навигация қолданбалары тәуекелмен байланысуы мүмкін екені белгіленді [15]. Кері байланыс құралдарының тиімділігі де контекстке тәуелді [16]. Экранға қарау уақыты қысқарсын.

Жинақталған дәлелдер қолданбалы талаптарды нақтылады: қауіпсіздік компоненттері үшін минималды деректер стандарты қажет, ал деректер сапасы деректі уәкілетті дереккөзбен салыстырып тексеру рәсімі арқылы бекітілуі тиіс [6], [7]. Жауаптылық алдын ала бөлінеді. Дербес деректер мен ақпараттандыру режимдері қолжетімділікті деңгейлеу, сақтау мерзімін басқару және аудитті қамтамасыз етуге міндеттейді [3], [4]. Киберқауіпсіздікті кейінге қалдыруға болмайды. Инцидентке ден қою және осалдықтарды басқару сенімділік шарты ретінде қаралады [17], ал өлшенетін қауіпсіздік әсері дерек сапасы мен басқарушылық шаралар үйлескенде ғана күшейеді [18].

Талқылау. Қауіпсіздік компоненттерін навигациялық сервистерге енгізу қоғамдық қауіпсіздік мүддесін платформалық ортада іске асырудың құқықтық шекарасын айқындайды және бұл жерде конституциялық қағидаттар бастапқы бағдар береді [1]. Әр қадам құжатталуы керек. Салалық деңгейде ұсынылатын ақпарат ресми талаптармен үйлесуі тиіс, өйткені сервис норманы алмастырмаса да, жүргізуші шешіміне ықпал етеді [2].

Деректердің құқықтық режимі өзекті, себебі қауіпсіздік деректері геолокациямен және оқиғалық контекстпен жиі байланысады. Дербес деректерді қорғау мақсаттылық пен ең аз

жеткіліктілік өлшемдерін қатаң қояды [3], ал ақпараттандыру нормалары интеграция, сақтау және қолжетімділік тәртібін құқықтық тұрғыдан бекітеді [4]. Инцидентке әрекет ету уақыты өлшенеді.

Мысалы, жол жөндеуі басталған сәтте уақытша 40 км/сағ шектеуі енгізіліп, навигациялық сервис оны уақтылы жаңартпаса, жүргізуші ескі нұсқаулықпен жүруі мүмкін, бұл дерек көзі мен жаңарту жауапкершілігін нақтылауды талап етеді [2], [7]. Осыған байланысты ITS архитектурасы мен интероперабельдік қағидалары деректер тізбегін басқарудың ең кемінде ортақ талаптарын ұсынады [6], ал қауіпсіздікке қатысты ең аз әмбебап ақпаратты жеткізуге қойылатын параметрлер сапаны басқаруды құқықтық деңгейге шығаратынын көрсетеді [7]. Салалық жобалар да рөлдерді бөлу, дерек шығу тегін бекіту және сапаны бақылау рәсімдерінің маңызын күшейтеді [8].

Эмпирикалық зерттеулер енгізілетін компоненттердің форматын сақтықпен таңдауды талап етеді. Қолданбалардың әлеуеті бар, бірақ әсері контекстке тәуелді [9]; қауіпке ықпал ету арналары алаңдатумен ғана шектелмейді [10]. Сондықтан ескертудің интерфейстік дизайны, уақытылы жеткізілуі және когнитивтік жүктемесі қатаң бақылануы тиіс [11], бұл жүргізуші назарын бөлу және өнімділік жөніндегі нәтижелермен сәйкес келеді [12], [13]. Сенім әлсіресе, қабылдау төмендейді.

Зерттеу қауіпсіздік компоненттерін навигациялық сервистерге енгізу техникалық интеграциядан кең міндет екенін көрсетті: ол деректердің құқықтық режимін және ұйымдық координацияны талап етеді [2]. Бұл маңызды. Дербес деректерді қорғау енгізудің шекарасын айқындайды [3], ал ақпараттандыру нормалары интеграция, сақтау, қолжетімділік және аудит тәртібін бекітуді қажет етеді [4].

Қолданбалы тұрғыдан минималды деректер стандарты, дерек шығу тегін белгілеу, жаңарту регламенті және дерек сапасын салыстырып тексеру рәсімі негізгі шарттар ретінде тұжырымдалады [6], [7]. Киберқауіпсіздік кейінге ешқашан қалмайды. Инцидентке ден қою мен осалдықтарды басқару сенімділікке тікелей әсер етеді [17], ал өлшенетін қауіпсіздік әсері сапалы дерек басқарушылық шаралармен үйлескенде күшейеді [18].

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылғы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (жүгінген күні: 06.03.2026).
2. Жол жүрісі туралы. Қазақстан Республикасының Заңы 2014 жылғы 17 сәуірдегі № 194-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1400000194> (жүгінген күні: 06.03.2026).
3. Дербес деректер және оларды қорғау туралы. Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094> (жүгінген күні: 06.03.2026).
4. Ақпараттандыру туралы. Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 24 қарашадағы № 418-V ҚРЗ Заңы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000418> (жүгінген күні: 06.03.2026).
5. United Nations Economic Commission for Europe. Convention on Road Traffic (Vienna, 1968). [Electronic resource] – Access mode: <https://unece.org/DAM/trans/conventn/crt1968e.pdf> (access date: 06.03.2026).
6. Directive 2010/40/EU of the European Parliament and of the Council of 7 July 2010 on the framework for the deployment of Intelligent Transport Systems (ITS). [Electronic resource] – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32010L0040> (access date: 06.03.2026).
7. Commission Delegated Regulation (EU) No 886/2013 of 15 May 2013 on road safety-related minimum universal traffic information (supplementing Directive 2010/40/EU). [Electronic resource] – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R0886> (access date: 06.03.2026).
8. van Ekelburg M., Hoffmann T., Ismail M., Segesten H. Data for Road Safety: Safety Related Traffic Information across Brands & Borders // 27th ITS World Congress, Hamburg, 11-15 October 2021. Paper ID #2862. [Electronic resource] – Access mode: https://www.dataforroadsafety.eu/images/Documenten/Data_for_Road_Safety_ITS_WC_Paper.pdf (access date: 06.03.2026).
9. Aghayari H., Kalankesh L.R., Sadeghi-Bazargani H., Feizi-Derakhshi M.-R. Mobile applications for road traffic health and safety in the mirror of the Haddon's matrix // BMC Medical Informatics and Decision Making. 2021. Vol. 21(1). Article 230. DOI: 10.1186/s12911-021-01578-8.

10. Oviedo-Trespalacios O., Watson B. Navigation apps are becoming a threat to road safety (beyond distraction) // *Injury Prevention*. 2021. Vol. 27(2). P. 103. DOI: 10.1136/injuryprev-2020-044012.
11. Trager J., Kalová L., Pagany R., Dorner W. Warning apps for road safety: a technological and economical perspective for autonomous driving // *International Journal of Human–Computer Interaction*. 2021. Vol. 37(4). P. 363-377. DOI: 10.1080/10447318.2020.1860545.
12. Jensen B.S., Skov M.B., Thiruravichandran N. Studying driver attention and behaviour for three configurations of GPS navigation in real traffic driving // *Proceedings of the ACM Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI'10)*. 2010. DOI: 10.1145/1753326.1753517.
13. Cochran L.M., Dickerson A.E. Driving while navigating: on-road driving performance using GPS or printed instructions // *Canadian Journal of Occupational Therapy*. 2019. Vol. 86(1). P. 61-69. DOI: 10.1177/0008417419831390.
14. Burger G., Guna J. Enhancing driving safety through user experience evaluation of the C-ITS mobile application: a case study of the DARS Traffic Plus app in a driving simulator environment // *Sensors (Basel)*. 2024. Vol. 24(15). Article 4948. DOI: 10.3390/s24154948.
15. Oikonomou M.G., Orfanou F., Sekadakis M., Pavlou D., Yannis G. Examining the effects of texting, web surfing, and navigating apps on urban driving behavior and crash risk // *Traffic Safety Research*. 2025. Vol. 9. e000087. DOI: 10.55329/wiwt2358.
16. Kontaxi A., Ziakopoulos A., Yannis G. Exploring the impact of driver feedback on safety: a systematic review of studies in real-world driving conditions // *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. 2025. Vol. 114. P. 118-140. DOI: 10.1016/j.trf.2025.05.028.
17. ENISA. 2024 Report on the State of the Cybersecurity in the Union. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.enisa.europa.eu/publications/2024-report-on-the-state-of-the-cybersecurity-in-the-union> (access date: 06.03.2026).
18. World Bank Global Road Safety Facility. Guide for Safe Speeds: Managing Traffic Speeds to Save Lives. 2024. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.globalroadsafetyfacility.org/sites/default/files/2024-05/Guide%20for%20Safe%20Speeds%20-%20Managing%20Traffic%20Speeds%20to%20Save%20Lives.pdf> (access date: 06.03.2026).

УДК 343.9:343.85:343.34

Васнецова Анастасия Сергеевна,
старший научный сотрудник отдела Научно-исследовательского института
Университета Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Аннотация. Статья посвящена анализу экстремистской деятельности как ключевой угрозы национальной и международной безопасности России, подчеркивая ее лидерство в борьбе с экстремизмом из-за полиэтничности и многоконфессиональности общества. Автор акцентирует актуальность криминологического программирования профилактики экстремизма, отмечая рост общественной опасности таких преступлений, прогнозы их увеличения и проблемы в планировании антиэкстремистских мер на региональном уровне.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, криминологическое программирование, экстремистская деятельность (экстремизм).

Abstract. The article analyzes extremist activity as a key threat to Russia's national and international security, emphasizing its leadership in the fight against extremism due to the multiethnic and multi-confessional nature of society. The author emphasizes the relevance of criminological programming for the prevention of extremism, noting the growing public danger of such crimes, forecasts of their increase, and problems in planning anti-extremist measures at the regional level.

Keywords: crime prevention, criminological programming, extremist activity (extremism).

Аннотация. Мақала экстремистік қызметті Ресейдің ұлттық және халықаралық қауіпсіздігіне негізгі қауіп ретінде талдауға арналған, оның қоғамның көпэтностығы мен көпконфессиялылығына байланысты экстремизмге қарсы күрестегі көшбасшылығын көрсетеді. Автор экстремизмнің алдын алудың криминологиялық бағдарламалауының өзектілігін атап өтіп, мұндай қылмыстардың қоғамдық қауіптілігінің өсуін, олардың ұлғаюының болжамдарын және аймақтық деңгейде экстремизмге қарсы шараларды жоспарлаудағы проблемаларды атап өтеді.

Түйінді сөздер: Құқық бұзушылықтың алдын алу, криминологиялық бағдарламалау, экстремистік қызмет (экстремизм).

Экстремистская деятельность в современном мире является одной из крупнейших угроз международной и национальной безопасности государств. При этом с полным правом можно сказать, что Российская Федерация в силу социальных неоднородности и дифференциации, полиэтничности и многоконфессиональности, является одним из мировых лидеров в борьбе с экстремизмом. В то же время вполне очевидно, что если бы эффективная профилактика экстремистских угроз была налажена должным образом, то не пришлось бы говорить о их наличии. Пресечение экстремистской деятельности по линии правоохранительных органов имеет серьезные успехи, но вот в организации профилактики экстремистских проявлений, особенно в части ее криминологического программирования, до сих пор остается много нерешенных задач.

Между тем, актуальность криминологического программирования профилактики экстремизма определяется как ухудшающимися тенденциями распространения экстремистской преступности, так и обусловленными ими потребностями правоприменительной практики.

Так, основной тенденцией экстремистской преступности в последние годы стало интенсивное повышение ее общественной опасности. Прогнозируется рост экстремистских проявлений и в последующие годы, что свидетельствует о необходимости особого внимания к профилированию экстремистских проявлений.

С другой стороны, в связи с усложнением криминальных характеристик экстремизма повсеместно нарастают проблемы в сфере планирования и организации антиэкстремистской деятельности, принятия, реализации и эффективности программ профилактики экстремизма на региональном и местном уровнях.

В документах стратегического планирования Российской Федерации закреплено, что профилактика экстремистской деятельности является актуальной задачей органов публичной власти всех уровней, юридических и физических лиц в рамках их компетенции.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1], отражает, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации

государственной политики, направленной, в том числе на предупреждение экстремистской деятельности организаций и физических лиц.

Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [2] определены основные направления национальной системы противодействия экстремизму в части его предупреждения: проведение мониторинга межрасовых, межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, социально-политической ситуации в Российской Федерации в целях предотвращения возникновения конфликтов либо их обострения, разработка и реализация с участием институтов гражданского общества региональных и муниципальных программ по профилактике экстремизма, оценка эффективности деятельности по профилактике экстремизма и др.

Приоритетность предупредительной деятельности и раннего реагирования на процессы детерминации экстремизма также отражена профильном законе (ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» закреплена модель организации профилактической деятельности, в т.ч. и в сфере предупреждения экстремизма.

На проблематику профилактики экстремизма обращается внимание на самом высоком уровне. Президентом Российской Федерации Путиным В.В. на постоянной основе отмечается, что ранняя и всесторонняя профилактика экстремизма должна стать одним из важнейших направлений работы всех органов публичной власти [3]. Экс-секретарь Совета безопасности Российской Федерации Патрушев Н.П. регулярно акцентировал особую важность выработки и реализации системных профилактических мер, направленных на устранение причин распространения экстремистских идей: низкого уровня жизни, расслоения общества по уровню доходов, неблагоустроенного быта, коррупции.

Депутат Государственной Думы Российской Федерации Матвеев М.Н. также обратил внимание на необходимость комплексного подхода в профилактике экстремистской деятельности, выразив надежду, что профилактика «не должна ограничиваться организацией фестивалей плова и распеванием песен про многонациональность» [4].

В России вопросами профилактики преступности в целом и отдельными аспектами ее программирования занимались такие ученые как Аванесов Г.А., Алексеев А.И., Герасимов С.И., Долгова А.И. [5], Ефремова О.С., Жубрин Р.В., Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Орехов В.В., Побегайло Э.Ф., Сахаров А.Б., Сухарев А.Я., Эминов В.Е., Смирнов Г.Г., Гуринская А.Л.

Наиболее заметный вклад в теоретическую разработку проблем профилактики экстремизма внесли Антонян Ю.М., Бикеев И.И., Бычков В.В., Дамаскин О.В., Бааль Н.Б., Борисов С.В., Бурковская В.А., Буткевич С.А., Колобов О.А., Красинский В.В., Коршунова О.Н., Матвеев А.В., Меркурьев В.В., Павлинов А.В., Петрянин А.А., Романов И.А., Ростокинский А.В., Тамаев Р.С., Тамайко Л.Л., Черноус В.В., Чудинов С.И., Чупров В.И., Хлебушкин А.Г., Фридинский С.Н. и др.

При этом комплексных работ, посвященных вопросам криминологического программирования профилактики экстремизма, практически не имеется, за исключением отдельных исследований, отражающих специфику предупреждения таких видов экстремизма как: молодежный (Белокобыльский М.Е., Галахов С.С., Демидова-Петрова Е.В., Маркова Ю.В., Сазанова Е.А.), информационный (Мешалкин С.Н.), религиозный (Шарипов А.К.).

В связи с этим, проблемы программирования профилактики экстремизма требуют своего решения, как в практической деятельности органов прокуратуры, так и при проведении научных исследований НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации.

Среди таких проблем:

формальный и забюрократизированный подход к планированию программных мероприятий и к их содержанию, обновление программ в связи с возникающими вызовами и угрозами национальной безопасности и стабильности;

неучет при разработке программ конкретных проблем, стоящих перед регионом или муниципалитетом (социально-экономических, межнациональных, межконфессиональных, экологических и др.), могущих повлечь радикализацию населения, рост протестной активности и совершение преступлений экстремистской направленности;

неиспользование в программах современных информационно-технологических решений, возможностей искусственного интеллекта;

пренебрежение необходимостью планировать мероприятия, направленные на предупреждение широкого круга социальных конфликтов, порождаемых социально-экономическими, политическими, экологическими проблемами, и отражение в программах лишь тех мероприятий, которые направлены на профилактику межнациональных конфликтов;

непроработанность критериев эффективности антиэкстремистских мероприятий;

слабое использование в программах профилактики экстремизма потенциала институтов гражданского общества и бизнес-сообщества, игнорирование каналов обратной связи с населением, отсутствие четких и прозрачных алгоритмов взаимодействия с гражданским обществом;

проблемы с финансированием муниципальных программ профилактики экстремизма и расходованием выделяемых финансовых средств на их реализацию, а также с кадровым обеспечением антиэкстремистской деятельности;

продолжающие иметь место вопиющие факты непринятия муниципалитетами мер по разработке программ профилактики экстремизма, а также неразмещение в сети «Интернет» местных нормативных правовых актов, регламентирующих работу муниципалитетов в сфере профилактики экстремизма, и контрпропагандистских материалов;

превалирование в программах праздничных, а не повседневных мероприятий, нацеленность программ на законопослушную часть населения, а не на группы риска, охват программными мероприятиями отдельных малочисленных групп населения (например, студентов, а не работающей молодежи) и т.д.;

подмена в программах профилактики экстремизма мер по интеграции мигрантов малорезультативными мероприятиями по их ассимиляции, недостаточность мер по формированию лояльного отношения россиян к мигрантам, неучет при программировании социально-культурных особенностей стран-доноров миграции и потенциала их сближения с нормами и традициями российского общества и т.д.

Таким образом, системная разработка проблем криминологического программирования профилактики экстремизма безусловно носит актуальный характер. Она позволит сформировать комплекс согласованных мероприятий социально-экономического, воспитательного, организационного, профилактического, государственно-правового характера. Реализация указанного комплекса мер определит более правильную расстановку сил в деле по профилактике экстремистских правонарушений, обеспечит дифференцированный подход к организации предупредительных мероприятий применительно к регионам с различной степенью распространенности экстремистских правонарушений, к разным социальным группам и т.д. Криминологическое программирование – это одновременно и организационная форма эффективной координации деятельности органов, ведущих профилактику экстремизма, усиления их связи с общественными организациями и гражданами, с учетом обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности на этом направлении, сохранения баланса в защите прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Программно-целевой подход позволит сформировать систему методик и приемов определения целей профилактики на основе анализа потребностей в ней, перевода их в строго определенную форму, подбора перечня необходимых работ, обеспечения их необходимыми материальными, финансовыми, информационными и кадровыми ресурсами, составления программирующих решений.

Деятельность в сфере профилактики экстремизма должна расширять свои границы, что найдет отражение в объединении усилий государственных органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в целях ранней профилактики экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, формирования в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей.

Таким образом, разрешение теоретических и прикладных проблем, связанных с профилактикой экстремистской деятельности, а также разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию сложившейся законодательной и правоприменительной практики, приобретает повышенную актуальность.

Список использованных источников:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400.
2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014 № Пр-2753.
3. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70678>. Дата обращения: 11.11.2025.

4. Электронный ресурс: https://tsargrad.tv/news/festivali-plova-zakonchilis-rossija-vvedjot-vizovyj-rezhim-so-vsemi-posle-krokusa_978250. Дата обращения: 11.11.2025.
5. Криминология: учебник для вузов/под общ. ред Долговой А.И., 3-е изд, перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с.
6. Криминология: Учебник для вузов/Под общ. ред. д. ю. н., К82 проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. - 912 с.

УДК 340.114.5:340.114.6

Губанова Виктория Владимировна,
адъюнкт Волгоградской академии МВД России,
г. Волгоград, Россия

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И МЕРЫ ПРАВОВОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье обосновывается, что противоправное поведение во многом связано с дефектами правовой социализации личности и деформацией ее ценностных ориентиров. Автором раскрывается содержание правового воспитания как процесса, направленного на формирование уважения к праву, позитивного правосознания, правовой культуры и устойчивой ориентации личности на правомерное поведение. В этой связи правовое воспитание рассматривается в качестве одного из ключевых факторов профилактики правонарушений. Особое внимание уделяется современным условиям цифровой трансформации общества, в которых традиционные институты воспитания частично утратили определяющее влияние. Одновременно информационно-цифровая среда характеризуется как значимый фактор социализации и как источник рисков деформации правосознания. В статье анализируются действующие правовые механизмы регулирования информационной среды и делается вывод о том, что они могут рассматриваться как элементы профилактики правонарушений. Обосновывается необходимость совершенствования государственной политики посредством создания согласованной системы мер, объединяющей правовое просвещение и ограничение деструктивного контента. Отдельно подчеркивается значение развития межотраслевого института правовой цензуры как инструмента предупреждения деформации правосознания и профилактики правонарушений.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, правовое воспитание, правосознание, правовая культура, правовая социализация личности, предупреждение правонарушений, цифровая информационная среда, правовая цензура.

Аннотация. Мақалада құқыққа қайшы мінез-құлықтың көп жағдайда тұлғаның құқықтық әлеуметтенуіндегі ақаулармен және оның құндылық бағдарларының деформациясымен байланысты екені негізделеді. Автор құқықтық тәрбиенің мазмұнын құқыққа құрметті, оң құқықтық сананы, құқықтық мәдениетті және құқыққа сай мінез-құлыққа деген орнықты ұстанымды қалыптастыруға бағытталған үдеріс ретінде ашады. Осыған байланысты құқықтық тәрбие құқық бұзушылықтардың профилактикасының негізгі факторларының бірі ретінде қарастырылады. Қоғамның цифрлық трансформациясының қазіргі жағдайларына ерекше назар аударылады, мұндай жағдайда дәстүрлі тәрбие институттары өздерінің айқындалушы ықпалын ішінара жоғалтқан. Сонымен қатар ақпараттық-цифрлық орта әлеуметтенудің маңызды факторы әрі құқықтық сананың деформациялану қаупінің көзі ретінде сипатталады. Мақалада ақпараттық ортаны құқықтық реттеудің қолданыстағы тетіктері талданып, олардың құқық бұзушылықтардың профилактикасының элементтері ретінде қарастырылуы мүмкін екендігі туралы қорытынды жасалады. Құқықтық ағартуды және деструктивті контентті шектеуді біріктіретін келісілген шаралар жүйесін құру арқылы мемлекеттік саясатты жетілдіру қажеттігі негізделеді. Құқықтық сананың деформациясының алдын алу және құқық бұзушылықтардың профилактикасы құралы ретінде құқықтық цензураның салааралық институтын дамытудың маңызы жеке атап көрсетіледі.

Түйінді сөздер: құқық бұзушылықтардың профилактикасы, құқықтық тәрбие, құқықтық сана, құқықтық мәдениет, тұлғаның құқықтық әлеуметтенуі, құқық бұзушылықтардың алдын алу, цифрлық ақпараттық орта, құқықтық цензура.

Abstract. The article substantiates that unlawful behavior is largely associated with defects in an individual's legal socialization and with the deformation of their value orientations. The author reveals the content of legal upbringing as a process aimed at fostering respect for law, positive legal consciousness, legal culture, and a stable orientation toward law-abiding behavior. In this regard, legal upbringing is considered one of the key factors in the prevention of offenses. Special attention is paid to the contemporary conditions of the digital transformation of society, in which traditional institutions of upbringing have partly lost their determining influence. At the same time, the information-digital environment is characterized as a significant factor of socialization and as a source of risks of deformation of legal consciousness. The article analyzes the existing legal mechanisms for regulating the information environment and concludes that they may be regarded as elements in the prevention of offenses. It substantiates the need to improve state policy through the creation of a coordinated system of measures combining legal enlightenment and the restriction of destructive content. Particular emphasis is placed on the importance of developing an intersectoral institution of legal censorship as an instrument for preventing the deformation of legal consciousness and for preventing offenses.

Keywords: prevention of offenses, legal upbringing, legal consciousness, legal culture, individual legal socialization, offense prevention, digital information environment, legal censorship.

Проблема противодействия правонарушениям не утрачивает актуальности ни на одном этапе развития государства. Меняются исторические условия, трансформируются модели взаимоотношений

личности, общества и государства, усложняются виды преступности и способы совершения правонарушений, совершенствуются меры борьбы с ними, потребность в обеспечении устойчивого правопорядка при этом остается неизменной. Детерминантный комплекс противоправного поведения, безусловно, отличается широким многообразием. Вместе с тем, при всем множестве причин и условий, лежащих в основе противоправного поведения, всякое правонарушение в той или иной степени свидетельствует о дефектах механизма правовой социализации личности, о недостатках в системе формирования ее ценностных ориентиров, ведущих к нивелированию внутренней готовности личности соотносить собственное поведение с требованиями правовых норм. По этой причине борьба с правонарушениями не может ограничиваться лишь реагированием на уже совершенные факты – она неизбежно предполагает обращение к тем факторам, которые предшествуют противоправному поведению и способны воздействовать на него упреждающим образом.

Такой подход соответствует как доктринальному, так и нормативному пониманию предупреждения правонарушений. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что процесс предупреждения противоправной деятельности сопряжен с воздействием как на правомерное поведение (в форме профилактики), так и на противоправное (в формах предотвращения и пресечения) [1, с. 34]. В свою очередь, в Федеральном законе «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ содержится определение профилактики правонарушений, согласно которому она представляет собой «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [2]. Таким образом, предупредительная деятельность субъектов правовой политики осуществляется, в том числе, путем формирования таких условий, при которых правонарушение с меньшей вероятностью будет задумано вообще. В данной связи можно констатировать, что профилактика занимает особое место в системе предупреждения правонарушений. Если предотвращение и пресечение направлены на уже задуманное или происходящее правонарушение, то профилактика обращена к более раннему уровню – к сфере становления личности, ее установок, мотивов, привычек, представлений о справедливости и должном поведении. Именно на данном уровне должны закладываться основы будущего правового поведения: уважение к праву либо безразличие к нему, восприятие закона как ценности либо в качестве навязанной внешней воли, готовность к выстраиванию своего поведения в строгом соответствии с правовыми нормами либо сознательное допущение противоправных моделей действия.

В связи с тем, что профилактика правонарушений по существу затрагивает проблемы внутренней организации личности, вопрос об ее осуществлении не может быть поставлен исключительно в плоскость установления запретов, санкций и контроля. Устойчивость правопорядка обеспечивается не только страхом перед ответственностью, но и внутренним принятием права, осознанием его ценности, готовностью следовать его требованиям без необходимости постоянного внешнего понуждения. Таким образом, профилактика правонарушений неизбежно предполагает обращение к воспитательным механизмам формирования правомерного поведения.

Одной из ключевых предпосылок эффективной профилактики противоправного поведения в этой связи выступает правовое воспитание. Его содержание и значение не исчерпываются сообщением определенного объема юридических знаний, разъяснением действующего законодательства или информированием об особенностях юридической ответственности. Подобная трактовка неоправданно сужала бы и само понятие, и заложенный в него профилактический потенциал. По своей природе правовое воспитание представляет собой значительно более сложный и содержательно насыщенный процесс, в рамках которого формируется ценностное отношение к праву, вырабатывается уважение к закону, утверждаются представления о недопустимости противоправного поведения, складывается устойчивая привычка соотносить свои действия с правовыми предписаниями и делать осознанный выбор в пользу правомерного поведения.

В юридической литературе правовое воспитание характеризуется как «целенаправленная деятельность по формированию ценностных правовых установок личности, направленная на формирование позитивного правосознания и высокого уровня правовой культуры личности, что служит ее правовой социализации и правомерному поведению во всех сферах общественной жизни» [3, с. 115]. Саакян М.В. формулирует определение правового воспитания как «целестремиленное и систематическое воздействие на сознание и культуру поведения членов общества, осуществляемое с целью выработки у них чувства уважения к праву и привычки соблюдения права на основе личного

убеждения» [4, с. 107]. Обобщая представленные идеи, можно сделать вывод о том, что правовое воспитание направлено, прежде всего, на формирование внутренней правовой позиции личности.

Подобное понимание правового воспитания приобретает особую значимость в условиях становления и развития правового государства. Право в данном контексте выступает не только как система общеобязательных правил, обеспеченных государственным принуждением, но и как нормативная форма согласования условий совместного существования людей в рамках определенного общественного пространства – заимствуя и несколько интерпретируя к новым реалиям лексику Т. Гоббса [5], Дж. Локка [6] и Ж.-Ж. Руссо [7], своего рода писанный общественный договор. Именно посредством права закрепляются фундаментальные параметры социальной солидарности, очерчиваются пределы свободы и ответственности участников общественных отношений, определяются допустимые способы реализации их интересов, обеспечивается их согласование, устанавливаются границы дозволенного, должного и запрещенного поведения. Тем самым право создает такую нормативную архитектуру, которая делает возможной упорядоченную, относительно безопасную и в разумной степени предсказуемую общественную жизнь. Однако для того, чтобы право действительно реализовало свое социальное назначение, недостаточно одного лишь факта его формального существования. Право не действует в изолированно от социальной среды, а его эффективность во многом определяется тем, насколько глубоко оно укоренено в общественном сознании и насколько последовательно воспроизводится в реальном поведении людей. Даже наиболее совершенный в технико-юридическом отношении закон не способен в полной мере проявить свой регулятивный потенциал там, где отсутствует уважительное отношение к праву, где не сформировано правовое мышление и не выработана привычка воспринимать юридические предписания как обязательные ориентиры поведения. В связи с этим небезосновательно утверждать, что устойчивость правопорядка обеспечивается не только качеством законодательства и эффективностью правоприменительной деятельности, но и состоянием правосознания общества. Уровень развития правосознания выступает важным условием дееспособности правовой системы. Деформация правосознания и правовой культуры общества создает благоприятную почву для воспроизводства противоправного поведения, тогда как их укрепление выступает важнейшим условием качественной профилактики правонарушений.

Следовательно, значение правового воспитания определяется тем, что именно оно создает предпосылки для формирования зрелого правосознания и надлежащего уровня правовой культуры. Через правовое воспитание право получает возможность быть воспринятым не как внешняя, навязанная извне воля, а как необходимое условие упорядоченного общежития, справедливости, безопасности и взаимной ответственности. Тем самым правовое воспитание выступает не столько периферийным элементом правовой политики, сколько одним из ее базовых профилактических направлений, воздействуя на наиболее ранний – ценностно-мотивационный – уровень формирования поведения личности.

Особую актуальность обращение к проблеме правового воспитания приобретает в современных условиях. Процессы социализации личности сегодня протекают в качественно иной социальной и информационной среде, нежели это имело место ранее. Традиционные институты воспитания – семья, образовательные организации, профессиональное окружение – продолжают играть значимую роль, однако их влияние уже не всегда является безусловно определяющим. Существенная часть идеологического воздействия на человека переместилась в цифровое пространство, в котором активно циркулируют потоки разнородной информации, далеко не всегда отвечающей задачам формирования качественного правосознания. Исследователи обоснованно отмечают: «Использование неофициальных каналов коммуникации создает повышенную вероятность столкнуться с неполными, противоречивыми, а иногда недостоверными сведениями ... Такая ситуация создает почву для формирования различных асоциальных проявлений, нивелирует ценность закона, отражается на доверии правоохранительным органам» [8, с. 51]. В указанных условиях правосознание все чаще подвергается разрушительному воздействию манипулятивной, недостоверной и ценностно-деструктивной информации, что особенно опасно по отношению к молодежной среде как наиболее восприимчивой к внешнему влиянию.

В связи с вышесказанным становится очевидным, что современная профилактика правонарушений требует не фрагментарных, а системных решений, сочетающих, с одной стороны, конструктивное смысловое наполнение информационного пространства, а с другой – защиту правосознания граждан от деструктивного информационного воздействия. Иначе говоря, речь должна идти не только о передаче правовых знаний, но и о формировании такой информационно-воспитательной среды, которая препятствовала бы подрыву ценностно-правовых основ личности.

В данной связи закономерно встает вопрос о конкретных мерах правового реагирования, способных обеспечить процесс качественного правового воспитания в условиях цифровой трансформации общественной жизни. Если современная информационная среда не только социализирует, но и способствует деформации правосознания граждан, то государственная политика в рассматриваемой сфере должна быть ориентирована не только на распространение достоверных правовых знаний, укрепление ценностных оснований законопослушного поведения и развитие правового просвещения, но и на создание действенных механизмов ограничения оборота такого контента, который подрывает уважение к праву, снижает ценность правомерного поведения и, в целом, способствует нормализации антиобщественных установок. Правовое воспитание в современных условиях предполагает формирование такой информационной среды, в пределах которой становление личности не будет сопровождаться систематическим разрушением ее правовых и нравственных ориентиров.

Анализ данной проблематики требует обращения к уже существующим средствам правового регулирования вопроса. Российская правовая система на современном этапе предпринимает меры в решении ряда проблем, относящихся к предметному полю настоящего исследования. Текущее законодательство содержит важные правовые инструменты: механизм ограничения доступа к информации, распространение которой запрещено в Российской Федерации, закреплён в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9]; специальные меры, направленные на защиту несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, предусмотрены в Федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [10]; в Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [11] прямо соединены задачи противодействия деструктивному поведению молодежи, ее правового просвещения и информационной защиты; наконец, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [12] исходит из необходимости реагирования на угрозы ценностной составляющей духовной жизни российского общества. Действующие правовые механизмы в информационной сфере по своей природе могут быть истолкованы как меры профилактики правонарушений. Так, ограничение доступа к противоправному контенту направлено на недопущение формирования у неопределенного круга лиц, прежде всего несовершеннолетних, установок, снижающих ценность правомерного поведения. В том же ключе могут быть рассмотрены меры по защите детей от вредной их здоровью и развитию информации, поскольку их назначение заключается во многом в предупреждении деформации их нравственно-правовых ориентиров на этапе становления личности. Проблема, однако, заключается в том, что существующие меры по-прежнему носят преимущественно фрагментарный и нередко реактивный характер.

Между тем наиболее продуктивным представляется системный подход, предполагающий содержательное и функциональное обобщение мер в рамках единого межотраслевого правового института. Указанный институт в силу его назначения по нормативно-правовому упорядочению информационного оборота в целях защиты личности, общества и государства от деструктивного информационного воздействия корректно было бы терминологически представить через понятие «правовая цензура». Если исходить из того, что правонарушение во многих случаях становится внешним выражением предшествующей деформации правосознания, то и меры правового реагирования должны быть ориентированы не только на блокирование контента, но и в целом на создание такой информационно-воспитательной среды, которая снижала бы вероятность формирования антиправовых установок еще до их воплощения в поведении человека. В этом смысле распространение достоверных правовых знаний, формирование уважения к закону, развитие правового просвещения и правовой культуры должны рассматриваться в неразрывной связи с ограничением оборота материалов, содержащих эксплицитную либо имплицитную поддержку или пропаганду насилия, криминального образа жизни и иных форм противоправного и, в целом, негативно девиантного поведения. Именно такое сочетание просветительского и охранительного компонентов позволит придать профилактике правонарушений действительно упреждающий и системный характер.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в современных условиях правовое воспитание должно рассматриваться в качестве одного из ключевых факторов профилактики правонарушений. Цифровая трансформация социальной среды, ослабление традиционных институтов социализации и нарастание деструктивных информационных воздействий обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования государственной информационно-воспитательной политики по пути формирования внутренне согласованной системы мер, в которой правовое просвещение и ограничение деструктивного контента качественно дополняли бы друг друга. Существенное значение в этой связи

может иметь развитие межотраслевого института правовой цензуры как правомерного, созидательного инструмента правовой политики, ориентированного на формирование, сохранение и развитие качественного правосознания граждан и правовой культуры общества. Эффективная система правового воспитания способна обеспечить наиболее фундаментальную профилактику правонарушений путем снижения вероятности формирования тех личностных деформаций, которые впоследствии получают выражение в противоправном поведении.

Список использованных источников:

1. Алексеева А.П., Бабошкин П.И. Понятие противодействия преступности // ЮП. 2008. № 3. С. 33-35.
2. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Демидова И.Л. Правовое образование и правовое воспитание: теоретико-юридический аспект // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 112-117.
4. Саакян М.В. Правовое воспитание и обучение как средство формирования правовой культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 3. – С. 107-110.
5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. – 240 с..
6. Локк Дж. Два трактата о правлении: в кн. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137-405.
7. Руссо Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с..
8. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Влияние средств массовой коммуникации на формирование правовой культуры граждан // Власть и управление на Востоке России. – 2018. – № 2 (83). – С. 45-52.
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс.
10. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС КонсультантПлюс.
11. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
12. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС КонсультантПлюс.

ӘОЖ 343.85

Даркембаева Айгерім Маратқызы,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ОТБАСЫЛЫҚ АГРЕССОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ТҮЗЕТУ БАҒДАРЛАМАЛАРЫ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ЕНГІЗУ ЖОЛДАРЫ

Аннотация. Мақалада Қазақстандағы отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық жасаған тұлғаларға арналған түзету бағдарламаларының қазіргі жай-күйі мен оларды жетілдірудің басым бағыттары талданады. Duluth, когнитивті-мінез-құлық және қабылдау мен жауаптылық терапиясына негізделген шетелдік бағдарламаларға шолу жасалып, оларды қылмыстық сот төрелігі жүйесіне және тәуекелдерді бағалау құралдарына интеграциялай отырып, ұлттық стандарттар қабылдау қажеттігі негізделеді.

Түйінді сөздер: зорлық-зомбылық; тұрмыстық зорлық-зомбылық; профилактика; түзету бағдарламалары; агрессор; құрбан; супервизия.

Аннотация. В статье анализируется современное состояние программ коррекции лиц, совершающих семейно-бытовое насилие в Казахстане, и основные направления их дальнейшего развития. На основе обзора национальной нормативно-правовой базы и практики кризисных центров сопоставляются зарубежные модели Duluth, когнитивно-поведенческая терапия и терапия принятия и ответственности. Обосновывается необходимость нормативного закрепления обязательных коррекционных программ, разработки национальных стандартов и их интеграции в систему уголовного правосудия с учетом инструментов оценки риска и приоритета безопасности потерпевших.

Ключевые слова: насилие; бытовое насилие; профилактика; коррекционные программы; агрессор; жертва; супервизия.

Abstract. The article analyzes the current state of correction programs for perpetrators of domestic violence in Kazakhstan and the main directions of their further development. Based on a review of the national regulatory framework and the practice of crisis centers, foreign models of Duluth, cognitive behavioral therapy, and acceptance and responsibility therapy are compared. The article substantiates the need for regulatory consolidation of mandatory correctional programs, the development of national standards and their integration into the criminal justice system, taking into account risk assessment tools and the priority of victim safety.

Keywords: violence; domestic violence; prevention; correctional programs; aggressor; victim; supervision.

Отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық – қазіргі қоғамның ең өзекті әлеуметтік-құқықтық проблемаларының бірі. Бұл құбылыс жеке адамның негізгі құқықтары мен бостандықтарын шектеп қана қоймай, отбасының ішкі тұрақтылығына, қоғамдағы гендерлік теңдік қағидаттарының сақталуына, әлеуметтік институттардың дамуына және жалпы ұлттық қауіпсіздікке тікелей әсер етеді. Сондықтан да отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықпен күрес және оның алдын алу мәселесі мемлекеттік саясаттың басым бағыттарының бірі ретінде қарастырылады.

Қазақстан Республикасында соңғы жылдары отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимылды жетілдіруге, құқық қорғау тетіктерін нығайтуға және жәбірленушілердің құқықтарын қорғау деңгейін арттыруға бағытталған бірқатар заңнамалық және ұйымдастырушылық шаралар қабылданды.

2024 жылдың сәуір айында Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаев «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне әйелдердің құқықтары мен балалардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» заңға қол қойды [1].

Соған қарамастан, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің статистикалық мәліметтеріне сәйкес, 2025 жылдың 12 айында отбасылық-тұрмыстық қатынастар саласында 3683 қылмыстық құқық бұзушылық тіркелді, бұл 2024 жылдың сәйкес кезеңінің көрсеткіштерінен + 9,2 %-ға (3373-тен 3683-ке дейін) өскен [2].

Сондықтан да осы салада шешуді талап ететін мәселелер әлі де өзекті. Атап айтқанда: зорлық-зомбылықтың алдын алу механизмдерінің тиімділігі, құқық бұзушыларды қайта әлеуметтендіруге бағытталған түзету бағдарламаларының жеткілікті деңгейде іске асырылмауы, жәбірленушілерге көрсетілетін институционалдық қолдаудың әлсіздігі, жауаптылық шараларының тиімділігін арттыру қажеттілігі.

Бұл жағдай қолданыстағы ұйымдастырушылық-құқықтық тетіктерді кешенді түрде талдауды және оларды жетілдіру жолдарын ғылыми тұрғыдан негіздеуді талап ететінін көрсетеді.

Тұрмыстық зорлық-зомбылық профилактикасын реттейтін негізгі нормативтік акт — 2025 жылғы 30 желтоқсанда қабылданған «Құқық бұзушылықтар профилактикасы туралы» Қазақстан Республикасының № 245-VIII Заңы болып табылады. Аталған Заңда мақсаттар, қағидаттар, профилактика субъектілері және тұрмыстық зорлық-зомбылық жасаған адамдарға қатысты жеке профилактика шаралары айқындалған.

Заңға сәйкес арнаулы әлеуметтік қызметтер тұрмыстық зорлық-зомбылық жасаған адамдармен психокоррекциялық бағдарламаларды жүзеге асыруды қамтиды, бұл олардың мінез-құлқын нысаналы түрде өзгертуге бағытталған жұмысты нормативтік тұрғыдан бекітеді. Сонымен қатар, жәбірленушілерді әлеуметтік оңалту және құқық бұзушыларға психологиялық түзету жүргізу көмек көрсету жөніндегі мемлекеттік және үкіметтік емес ұйымдардың құзыретіне жатады [3].

Қазақстанда түзету бағдарламаларын практикалық іске асыру мемлекеттік және мемлекеттік емес секторларда дамып келеді, алайда әзірге жүйелі әрі бірізді сипатқа ие емес. Мемлекеттік қаржыландыру және гранттар есебінен жұмыс істейтін дағдарыс орталықтары дәстүрлі түрде зардап шеккен әйелдер мен балаларды қолдауға бағытталған, соңғы жылдары бірқатар ұйымдар қызмет аясын кеңейтіп, агрессорлармен жұмыс элементтерін енгізуде. Мысал ретінде халықаралық серіктестердің қолдауымен зорлық-зомбылық құрбандарымен де, құқық бұзушылармен де жұмыс істеу бағдарламаларын жүзеге асыратын «Женский луч» үкіметтік емес ұйымын атауға болады.

Қылмыстың зорлық-зомбылық жағдайларын ерте анықтау, ведомствоаралық үйлестіру, сондай-ақ агрессорларға арналған бағдарламалар мен құрбандарды қолдауды тұрақты қаржыландырумен ұштаспаса, зорлық-зомбылық деңгейінің төмендеуіне өздігінен кепілдік бермейді. Қазақстандық тәжірибе көрсеткендей, түзету бағдарламаларының мазмұны мен стандарттарын, мамандарды даярлауды және нәтижелерді мониторингілеу жүйесін нақты нормативтік регламенттеу болмаған жағдайда, агрессорлардың мінез-құлқын нақты өзгертпестен, оларды «психологиялық оңалтуға» жіберу туралы шешімдердің ресми түрде ғана орындалу қаупі туындайды.

Қазақстандық тәжірибе түзету бағдарламаларының мазмұны мен стандарттарын нақты нормативтік реттеу, мамандарды даярлау және нәтижелерді мониторингтеу жүйесі болмаған жағдайда, агрессорларды «психологиялық оңалтуға» жіберу туралы шешімдердің формалды орындалу қаупі бар екенін, олардың мінез-құлқында нақты өзгерістердің болмауы мүмкін екенін көрсетеді.

Орталық Азия елдерінде тұрмыстық зорлық-зомбылық туралы заңнаманы реформалау ұзақ уақыт бойы әкімшілік әрекет ету модельдерінің басымдығы жағдайында жүзеге асырылуда, ал олардың тиімділігі профилактика мен түзету бағдарламаларының қатар дамуына байланысты.

Соңғы жылдары Қазақстан отбасылық зорлық-зомбылықтың жекелеген нысандарын криминализациялауды тәуекелдерді бағалауды енгізумен және психологиялық-әлеуметтік көмек көрсететін орталықтар желісін дамытумен ұштастыра отырып, сондай-ақ агрессорлармен жұмыс істеу бойынша пилоттық және жобалық бастамаларды іске асыру арқылы ілгерілеушілік көрсетіп келеді. Халықаралық ұйымдардың қолдауымен өткізілетін өңірлік конференциялар міндетті түзету бағдарламалары бойынша (мысалы, Қырғызстанда — пробация органдары арқылы) тәжірибе алмасу алаңы ретінде қызмет етеді, бұл тәсілдерді үйлестіруге және өңірлік стандарттарды әзірлеуге мүмкіндік береді [4].

Шет елдерде отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа жүйелі қарсы іс-қимылды дамыту үдерісі жақын серіктестеріне қатысты зорлық-зомбылық жасаған тұлғаларға арналған мамандандырылған бағдарламалардың қалыптасуымен ұштасты. Бұл бағдарламалар қылмыстық-құқықтық және виктимологиялық шараларды толықтыратын кешенді профилактиканың маңызды элементі ретінде қарастырылады және әртүрлі теориялық негіздерге сүйеніп құрылады. Қазіргі уақытта үш негізгі тәсіл барынша кең таралған: Duluth моделі, когнитивті-мінез-құлық бағдарламалары және қабылдау мен жауаптылық терапиясына негізделген жаңа интервенциялар.

Duluth моделі — зорлық-зомбылықты билік пен бақылаудың саналы стратегиясы ретінде түсінуге негізделген агрессорлармен жұмыс істеудің жүйелі және ведомствоаралық тәсілі. Оның негізгі элементтері — құрбандардың мүддесіне бағдарлану, зардап шеккендерді қорғау қызметтері алдындағы есептілік, сондай-ақ полиция, сот және пробация органдарының қатысуымен үйлестірілген әрекет ету жүйесіне интеграциялану. Сапалы іске асырылған және қатаң сот бақылауы орнатылған жағдайда, бағдарлама қайталанған зорлық-зомбылық оқиғаларының азаюына ықпал етеді, дегенмен оның тиімділігі қалыпты деңгейде қалып отыр. Дулут моделінің негізгі маңызы агрессордың жауаптылық шеңберін айқындайтын және ведомствоаралық өзара іс-қимылды талап ететін идеологиялық әрі

ұйымдастырушылық стандартты қалыптастыруында, бірақ мінез-құлықтық және мотивациялық компоненттерсіз бұл тәсілдің мүмкіндіктері шектеулі [5].

Жақын қарым-қатынастарда зорлық-зомбылық жасаған тұлғалармен жұмыс істеудегі когнитивті-мінез-құлық тәсілі бұрмаланған сенімдерді, өзін-өзі реттеу дағдыларының тапшылығын және өзара іс-қимылдың деструктивті модельдерін өзгертуге бағытталған бағдарламалардың дәлелді негізделген «технологиялық негізі» ретінде көрініс табады. Эмпирикалық зерттеулерде СВТ-интервенциялары зорлық-зомбылықтың қайталануы мен вербалды агрессияның аздаған, бірақ тұрақты төмендеуін көрсетеді; бұл ретте олардың тиімділігі қылмыстық сот төрелігі жүйесіне интеграциялану, тәуекел деңгейі бойынша саралау және ілеспе проблемалармен параллельді жұмыс істеу кезінде айтарлықтай артады, бұл аталған тәсілді Дулут моделінің идеологиясымен тұжырымдамалық тұрғыдан үйлесімді және практикалық тұрғыдан толықтырушы етеді.

Жақын қарым-қатынастарда зорлық-зомбылық жасаған тұлғалармен жұмыс істеудегі когнитивті-мінез-құлық тәсілі бұрмаланған сенімдерді, өзін-өзі реттеу дағдыларының тапшылығын және өзара іс-қимылдың деструктивті модельдерін өзгертуге бағытталған бағдарламалардың дәлелді негізделген «технологиялық негізі» ретінде көрініс табады. Эмпирикалық зерттеулерде СВТ-интервенциялары зорлық-зомбылықтың қайталануы мен вербалды агрессияның аздаған, бірақ тұрақты төмендеуін көрсетеді; бұл ретте олардың тиімділігі қылмыстық сот төрелігі жүйесіне интеграциялану, тәуекел деңгейі бойынша саралау және ілеспе проблемалармен параллельді жұмыс істеу кезінде айтарлықтай артады, бұл аталған тәсілді Дулут моделінің идеологиясымен тұжырымдамалық тұрғыдан үйлесімді және практикалық тұрғыдан толықтырушы етеді [6].

«Құндылықтар арқылы өзгерістерге қол жеткізу» бағдарламасы форматындағы қабылдау мен жауаптылық терапиясы — агрессивті ойлардың мазмұнына тікелей әсер етудің орнына психологиялық икемділікті, саналылықты және құндылықтарға негізделген зорлық-зомбылықсыз мінез-құлықты дамытуға бағытталған тұрмыстық зорлық-зомбылық саласындағы когнитивті-мінез-құлық интервенцияларының «үшінші толқынының» перспективалы бағыты болып табылады. АСТV рандомизацияланған зерттеуінің нәтижелері дәстүрлі Duluth/СВТ бағдарламаларымен салыстырғанда жаңа зорлық-зомбылық және зорлық-зомбылықсыз құқық бұзушылықтар деңгейінің статистикалық тұрғыдан айтарлықтай төмендегенін, сондай-ақ физикалық және психологиялық зорлық-зомбылық туралы хабарламалар жиілігінің азайғанын айғақтайды. Бұл одан әрі эмпирикалық тексеруден өткізу және әртүрлі институционалдық контекстерге бейімдеу шартымен аталған терапияның ғылыми және практикалық перспективалығын көрсетеді [7].

Duluth, СВТ және АСТ тәсілдерін салыстыру қазақстандық отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу жүйесі үшін бірнеше тұжырымдамалық маңызды сәттерді айқындауға мүмкіндік береді.

Біріншіден, шетелдік тәжірибе агрессорларға арналған бағдарламалар окшауланған түрде емес, қылмыстық-құқықтық саясат пен ведомствоаралық өзара іс-қимылдың кеңірек контекстіне біріктірілген жағдайда барынша тиімді болатынын көрсетеді.

Екіншіден, зерттеу нәтижелері жауаптылық пен зорлық-зомбылықтан бас тартудың идеологиялық шеңберін сенімдер мен мінез-құлықты өзгертудің нақты когнитивті-мінез-құлық техникаларымен және заманауи мотивациялық-бағдарланған әдістермен ұштастыру қажеттілігін растайды.

Үшіншіден, бағдарламалардың құрбандар қауіпсіздігіне бағдарлануына және нәтижелерді бағалау кезінде олардың пікірін ескеруге ерекше назар аударылады, бұл Қазақстанда отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алудың «құрбанға бағдарланған» моделін қалыптастыру міндеттерімен үндеседі.

Аталған үрдістерді ескере отырып, агрессорларға арналған бағдарламалардың шетелдік модельдерін Қазақстанда бейімдеу айтарлықтай қызығушылық тудырады. Жүргізілген талдау отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық жасайтын тұлғаларға арналған түзету бағдарламаларын нормативтік тұрғыдан бекіту, мұндай бағдарламалардың ұлттық стандарттарын әзірлеу, сондай-ақ құрбандарды қорғау тетіктерімен міндетті түрде үйлестіре отырып, пробация жүйесі мен пенитенциарлық мекемелерде аралас форматтарды пилоттық сынақтан өткізу қажеттілігін негіздеуге мүмкіндік береді. Бұл ұлттық құқықтық және әлеуметтік-мәдени ерекшеліктерді ескеретін нақты ұйымдастырушылық-құқықтық ұсыныстарды кейіннен әзірлеу үшін негіз қалайды.

Қорытындылай келе, Қазақстанда отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимылдың базалық нормативтік құқықтық және институционалдық құрылымы қалыптасқанын атап өткен жөн. Дегенмен, агрессорлармен жұмыс істеу шаралары әлі де фрагментарлы сипатқа ие және тәуекелдерді бағалау мен құрбандардың қауіпсіздігін ескере отырып, стандарттауды және ғылыми

негізделген реттеуді қажет етеді. Duluth, CBT және АСТ тәсілдерінің шетелдік тәжірибесі қылмыстық сот төрелігі мен ведомствоаралық өзара іс-қимыл жүйесіне интеграцияланған аралас бағдарламалардың әлеуетін айғақтайды. Бұл Қазақстанда ұқсас модельдерді бейімдеуге, ұлттық стандарттарды әзірлеуге және аралас форматтарды пилоттық сынақтан өткізуге негіз болады.

Практикалық ұсынымдар:

- Орташа және жоғары тәуекел деңгейлерінде түзету бағдарламаларын заңнамалық деңгейде міндетті шара ретінде бекіту, бұл ретте құрбандардың қауіпсіздігіне басымдық беру;
- Бағдарламалардың ұлттық стандартын бекіту (мақсаттары, принциптері, ұзақтығы, мазмұны, құрбанға бағытталу тәсілі, «татуласудан» бас тарту);
- Тәуекелдерді бағалау нәтижелерін (ODARA және т.б.) бағдарламаға жіберу фактісімен және оның қарқындылығымен байланыстыру (жоғары тәуекел — ұзақ әрі қарқынды, төмен тәуекел — қысқа мерзімді мотивациялық модульдер);
- Агрессорларға арналған бағдарламалар мен құрбандарды қолдау қызметтерін ведомствоаралық үйлестіруді және оларды тұрақты әрі бөлек қаржыландыруды қамтамасыз ету;
- Бағдарламаларды іске асыратын мамандар үшін міндетті мамандандырылған даярлық пен супервизияны енгізу;
- Ұлттық мониторинг және бағалау жүйесін құру (рецидив, бағдарламаны аяқтау, зардап шеккендерден алынған мәліметтер) және дәлелді базаны қалыптастыру үшін тәуелсіз бағалауы бар пилоттық бағдарламаларды қолдау.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне әйелдердің құқықтары мен балалардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Қазақстан Республикасының 2024 жылғы 15 сәуірдегі № 72-VIII Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2400000072> (жүгінген күні: 10.03.2026);
2. Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің ресми порталы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (жүгінген күні: 10.03.2026);
3. Қазақстан Республикасының «Құқық бұзушылық профилактикасы туралы» 2025 жылғы 30 желтоқсандағы №245-VIII Заңы. // [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000245> (жүгінген күні: 10.03.2026);
4. «Criminalization of domestic violence on agenda of Central Asian countries» // [Electronic resource] – Acces mode: <https://www.undp.org/kazakhstan/news/criminalization-domestic-violence-agenda-central-asian-countries> (access data: 10.03.2026);
5. Babcock, J. et al (2016) Domestic Violence Perpetrator Programs: A Proposal for Evidence-Based Standards in the United States Partner Abuse, 7(4): 355-460.;
6. «Paving the Way for Legislative Reforms to Combat Domestic Violence in Kazakhstan» // [Electronic resource] – Acces mode: <https://www.eurasia.org/success-stories/paving-the-way-for-legislative-reforms-to-combat-domestic-violence-in-kazakhstan/> (access data: 10.03.2026);
7. «A randomized clinical trial of acceptance and commitment therapy and the Duluth Model classes for men court-mandated to a domestic violence program» // [Electronic resource] – Acces mode: <https://anrows.intersearch.com.au/anrowsjspui/handle/1/22939> (access data: 10.03.2026);

ӘОЖ 343.85:343.98:37.015.3

Егізбаева Амина Оңғарбайқызы,

Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

Тулиева Кенжегүл Советовна,

Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДӘУІРІНДЕ ӘЛЕУМЕТТІК ҚАҚТЫҒЫСТАРДЫ БАСҚАРУДЫҢ ҰЙЫМДАСТЫРУ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ: БІЛІМ БЕРУ ОРТАСЫНДАҒЫ БУЛЛИНГТІҢ АЛДЫН АЛУ

Аннотация. Мақалада цифрлық трансформация жағдайында әлеуметтік қақтығыстарды басқарудың ұйымдастыру-құқықтық тетіктері талданады. Нысаналы бағдар ретінде білім беру ұйымдарындағы буллингтің профилактикасы және қақтығыс ушығатын кезеңдерде ішкі істер органдарының әрекет етуі қарастырылады. Қазақстан Республикасының нормативтік құқықтық базасы, ведомствоаралық өзара іс-қимылдың практикалық алгоритмдері, тәуекелге бағдарланған маршрутизация (А/В/С) және цифрлық есепке алу-талдау құралдары арқылы алдын алу мен жауап қайтаруды байланыстыратын басқарушылық цикл негізделеді. Нәтижесінде локалдық актілерді стандарттау, кейс-координацияны күшейту және деректерге негізделген мониторингті енгізуге бағытталған ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: әлеуметтік қақтығыс; буллинг; профилактика; ішкі істер органдары; ведомствоаралық өзара іс-қимыл; цифрлық басқару; тәуекелді бағалау; қауіпсіз білім беру ортасы.

Аннотация. В статье анализируются организационно-правовые механизмы управления социальными конфликтами в условиях цифровой трансформации. В качестве целевого ориентира предусматривается профилактика буллинга в организациях образования и действия органов внутренних дел в периоды обострения конфликта. Обосновывается управленческий цикл, связывающий профилактику и реагирование посредством нормативной правовой базы Республики Казахстан, практических алгоритмов межведомственного взаимодействия, риск-ориентированной маршрутизации (А/В/С) и цифровых средств учета-анализа. В результате будут сформулированы предложения, направленные на стандартизацию локальных актов, усиление кейс-координации и внедрение мониторинга, основанного на данных.

Ключевые слова: социальный конфликт; буллинг; профилактика; органы внутренних дел; межведомственное взаимодействие; цифровое управление; оценка риска; безопасная образовательная среда.

Abstract. The article analyzes the organizational and legal mechanisms for managing social conflicts in the context of digital transformation. As a target orientation, the Prevention of bullying in educational institutions and the functioning of internal affairs bodies during periods of exacerbation of the conflict are considered. The regulatory framework of the Republic of Kazakhstan, practical algorithms for interdepartmental interaction, risk-oriented routing (A/B/C) and the management cycle connecting prevention and response through digital accounting and analysis tools are substantiated. As a result, proposals will be formulated aimed at standardizing local acts, strengthening case coordination and introducing data-based monitoring.

Keywords: social conflict; bullying; prevention; internal affairs bodies; interdepartmental interaction; digital management; risk assessment; safe educational environment.

Әлеуметтік қақтығыстардың ушығуы көбіне шағын тұрмыстық немесе коммуникациялық эпизодтан басталып, қысқа мерзім ішінде тұрақты шиеленіске айналуы мүмкін. Бұл әсіресе жасөспірімдер ортасында байқалады: эмоциялық реакцияның жоғары болуы, топтық ықпал, мәртебе үшін күрес және онлайн коммуникацияның жылдамдығы конфликтіні «көрінбейтін» түрде күшейтеді. Білім беру ұйымдарындағы буллинг осындай процестердің нақты көрінісі ретінде құқықтық және басқарушылық тұрғыдан жоғары тәуекелге ие, өйткені ол тұлғаның қадір-қасиетіне, психологиялық саулығына, білім алу мүмкіндігіне және мектептегі қауіпсіздік режиміне тікелей әсер етеді.

Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесі білім алушылардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету міндетін білім беру ұйымдарының басқару функцияларымен байланыстырады және баланың зорлық-зомбылықтан, қатыгез қарым-қатынастан қорғалу құқығын бекітеді [1], [2]. Алайда қолдану практикасында буллингке жауап беру көбіне «оқиға болғаннан кейінгі» реакциямен шектеліп қалады: ерте хабарлау арналары жеткілікті дамымаған, тәуекелді бағалау бірыңғайланбаған, ведомствоаралық қатысу шегі түсініксіз, ал жауап беру мерзімдері мен нәтижелерін өлшеу жүйесі әлсіз. Осы себептен профилактикаға жұмсалған ресурстардың тиімділігі төмендеп, қайталану тәуекелі сақталады.

Цифрлық трансформация бұл салада жаңа мүмкіндіктер ашады: оқиғаларды тіркеу, динамиканы бақылау, тәуекел индикаторларын талдау және субъектілер арасындағы ақпарат алмасуды құқықтық кепілдіктермен ұштастыруға мүмкіндік береді [6]. Сондықтан зерттеудің мақсаты – әлеуметтік қақтығыстарды басқарудың ұйымдастыру-құқықтық тетіктерін жүйелеу және буллинг профилактикасынан бастап ішкі істер органдарының әрекет етуіне дейінгі біртұтас басқарушылық циклдің қолданбалы моделін ұсыну. Зерттеу әдістері ретінде нормативтік-құқықтық талдау, институционалдық талдау және тәуекелге бағдарланған тәсіл қолданылды. Негізгі болжам: ведомствоаралық өзара іс-қимылдың стандартталған алгоритмі мен деректердің қауіпсіз цифрлық контуры енгізілсе, оқиғаларды ерте анықтау, жауап беру мерзімін қысқарту және қайталану тәуекелін төмендету мүмкін болады.

Әлеуметтік қақтығыс басқару объектісі ретінде үш құрамдасқа сүйенеді: (1) субъектілер мен олардың рөлдері (жәбірленуші, агрессор, куәгерлер, заңды өкілдер, педагог, әкімшілік, профилактика субъектілері); (2) эскалация динамикасы (қайталану жиілігі, топтық қысым, күш қолдану белгілері, онлайн әсер); (3) институционалдық жауап (шешім қабылдау, орындату, мониторинг және қалпына келтіру). Буллинг – қайталанатын және мақсатты қудалау арқылы теңгерімсіз күш қатынасын орнықтыратын әлеуметтік қақтығыс түрі. Басқарушылық тұрғыдан буллинг «тәуекелі бар жағдай» ретінде қаралады: оның салдары оқу үдерісін бұзып қана қоймай, құқыққа қарсы мінез-құлыққа бейімділікті арттыруы мүмкін, сондықтан ерте алдын алу басымдыққа ие.

Ұлттық нормативтік база білім беру ұйымдарының міндеттері мен мемлекеттік органдардың функцияларын өзара байланыстырады. «Білім туралы» заң білім беру ұйымдарының тәрбиелік жұмыс жүргізуін, білім алушылардың құқықтарын қорғауын және қауіпсіз жағдай жасауын міндеттейді [1]. Бұл норма буллинг профилактикасын мектептің ішкі басқару процесінің ажырамас бөлігі ретінде қарастыруға негіз береді: қауіпсіз орта саясаты, ережелер, тәртіптік рәсімдер, психологиялық-педагогикалық сүйемелдеу және ата-анамен байланыс басқарушылық стандартқа айналуға тиіс.

Баланың құқықтары туралы заң баланың қадір-қасиетін құрметтеу, зорлық-зомбылықтан және қатыгез қарым-қатынастан қорғалу құқығын және уәкілетті органдардың баланы қорғау жөніндегі міндеттерін бекітеді [2]. Бұл – буллинг оқиғасын қарастырғанда негізгі құқықтық бағдар: шешім қабылдау баланың мүддесін бірінші орынға қоюы, ал ықпал ету шаралары пропорционал, қауіпсіз әрі қайта виктимизацияны болдырмайтындай болуы керек.

«Құқық бұзушылық профилактикасы туралы» заң профилактика субъектілерінің өзара іс-қимылын, тәуекел факторларын ерте анықтауды және алдын алу шараларының кешенділігін көздейді [3]. Буллингті осы контексте қарастыру – нақты профилактикалық әрекеттерді (индивидтік профилактика, заңды өкілдермен жұмыс, әлеуметтік көмекке бағыттау, қайталануды бақылау) бір жүйеге келтіруге мүмкіндік береді. Бұл акт сондай-ақ «маршрутизация» идеясын құқықтық тұрғыдан негіздеуге көмектеседі: тәуекел деңгейіне қарай жауапты субъектіні дұрыс таңдау және шаралар пакетін сәйкестендіру.

Ішкі істер органдарының функциялары «Қазақстан Республикасының ішкі істер органдары туралы» заңда қоғамдық тәртіпті қорғау, құқық бұзушылықтардың алдын алу және азаматтардың құқықтарын қорғау міндеттері арқылы айқындалған [4]. Сондықтан ПО-ның буллинг жағдайларына қатысуы тек құқық қолдануға ғана емес, профилактикалық қолдау мен ведомствоаралық үйлестіруге де бағытталуы мүмкін. Дегенмен ПО қатысуының шегі айқын регламенттелмесе, шамадан тыс криминалдандыру немесе керісінше, қауіп факторын елемей тәуекелі туындайды.

Халықаралық деңгейде UNESCO баяндамасы мектептегі зорлық-зомбылық пен буллингтің таралуы мен салдары туралы деректерді жинақтап, тиімді жауап беру үшін «whole-school approach», оқыту, хабарлау және мониторинг жүйелері қажет екенін көрсетеді [5]. Ал цифрлық трансформацияның институционалдық негізі ретінде «Цифрлық Қазақстан» бағдарламасы деректерге негізделген басқаруды және электрондық өзара іс-қимылды дамытуға бағытталған [6]. Осы екі бағдарды ұлттық құқықтық нормалармен интеграциялау – буллинг профилактикасы мен қақтығысқа әрекет ету тетіктерін нақтылаудың әдіснамалық негізі.

Аналитикалық бөлім: проблемалар, практика, дәлелдер

1) Нормативтік талаптарды орындаудың біркелкі еместігі және «локальдық бос кеңістік». Заң деңгейінде қауіпсіз білім беру ортасын қамтамасыз ету міндеті бекітілгенімен [1], мектептердің ішкі құжаттарында (тәртіп ережесі, қауіпсіздік саясаты, тәрбие жұмысының жоспары) буллингтің нақты анықтамасы, хабарлау арналары, құпиялылық режимі, жауапты тұлғалар мен мерзімдер көбіне толық көрсетілмейді. Мұндай жағдайда мектеп әкімшілігі әр оқиганы «жеке тәртіптік мәселе» ретінде

бағалап, бір жүйелі басқарушылық шешім қабылдай алмайды. Салдары – оқиғалардың бір бөлігі тіркелмейді, ал қайталанатын буллинг «нормаға» айналып, тәуекел өседі.

2) Хабарлау мен бастапқы бағалаудың әлсіздігі. Буллингтің бір ерекшелігі – жәбірленуші көбіне қорқыныш, ұят немесе сенімсіздік салдарынан хабарламайды. Егер мектепте қауіпсіз және сенімді хабарлау арналары болмаса, баланың қорғалуы туралы құқықтық кепілдіктер іс жүзінде әлсірейді [2]. Бұл жағдайда жәбірленушіге психологиялық қолдау көрсету кешігеді, ал агрессорлық мінез-құлық бекіп қалуы мүмкін. Демек, хабарлау арнасы – құқықтық емес, басқарушылық «түйін»; ол жоқ болса, профилактика жұмысы статистикасыз және дәлелсіз жүргізіледі.

3) Ведомствоаралық өзара іс-қимылдың фрагментациясы және жауаптылықтың шашырауы. Құқық бұзушылық профилактикасы туралы заң кешенді әрі үйлестірілген алдын алуды көздейді [3]. Бірақ практикада мектеп, ата-ана, әлеуметтік қызмет, психологиялық-педагогикалық қолдау және ПО әрекеті көбіне параллель жүреді немесе бір-біріне кеш жалғанады. Нәтижесінде «бір оқиға – бірнеше шешім» моделі қалыптасады: әр субъект өз құзыреті шегінде әрекет етеді, алайда ортақ мақсат (қайталауды тоқтату, қауіп факторын жою, жәбірленушіні қорғау) бойынша бірлескен жоспар болмайды. Бұл – басқарушылық тиімділікті төмендететін институционалдық ақау.

4) ПО қатысу шегін айқындау: профилактика мен құқық қолданудың теңгерімі. ПО-ның алдын алу функциясы заңмен бекітілген [4]. Дегенмен буллингке қатысты ПО-ны тым ерте тарту бала мен ата-ананың сенімін азайтып, стигматизацияға әкелуі, ал тым кеш тарту – қауіптің жоғары деңгейге дейін өсуіне себеп болуы мүмкін. Сондықтан ПО қатысуы тәуекелге бағдарланған қағидамен құрылуы тиіс: төмен тәуекелде ПО-ның рөлі консультативтік және профилактикалық (түсіндіру, құқықтық сауат, ата-анамен жұмыс); орта және жоғары тәуекелде – қауіпсіздік шаралары, дәлелдемелерді бекіту және заңды рәсімдер. Мұндай теңгерім баланың мүддесін қорғау қағидатымен үйлеседі [2].

5) Тәуекелге бағдарланған маршрутизация (А/В/С) және басқарушылық цикл. Қолданбалы басқару үшін буллинг және өзге әлеуметтік қақтығыстарды үш деңгейге бөлу ұсынылады.

А деңгейі (төмен тәуекел): алғашқы эпизод, күш қолдану белгілері жоқ, тараптар ынтымақтасуға дайын. Негізгі жауапты – мектеп әкімшілігі мен педагог-психолог. Шаралар – медиация элементтері, сынып ішіндегі алдын алу жұмысы, мінез-құлық келісімі, қысқа мерзімді бақылау (2–4 апта), ата-анамен түсіндіру.

В деңгейі (орта тәуекел): қайталану бар, топтық қысым байқалады, психологиялық зиян индикаторлары бар, тараптардың бірі ынтымақтаспайды. Мектеппен қатар әлеуметтік-психологиялық қызметтер тартылады; профилактика субъектілері заңнамаға сәйкес ықпал ету шараларын іске асырады [3]. ПО – профилактикалық деңгейде заңды өкілдермен жұмыс жүргізіп, қауіп факторларын жоюға бағытталған келісілген әрекетке қатысады [4].

С деңгейі (жоғары тәуекел): жүйелі қудалау, қорқыту, күш қолдану, өзін-өзі зақымдау қауіпі немесе өзге құқыққа қарсы әрекет белгілері бар. Мұнда баланың қауіпсіздігі бірінші орында: шұғыл қорғау шаралары, дәлелдемелерді сақтау, қажет болғанда процестік шешімдер және кешенді қолдау іске қосылады [2], [4].

Осы деңгейлеу «басқарушылық циклмен» толықтырылуы тиіс: (1) хабарлау/тіркеу; (2) тәуекелді бағалау; (3) маршрутизация және жауапты тұлғаларды бекіту; (4) шаралар жоспары; (5) мониторинг және қорытынды бағалау. UNESCO тиімді жауаптардың негізгі компоненттері ретінде нақты саясат, персоналды оқыту, хабарлау және мониторинг жүйелерін айқындайды [5]. Демек, циклдің өлшенетін көрсеткіштері болғанда ғана профилактика нәтижелі басқарылмақ.

6) Цифрлық деректер контуры және дәлелді басқару. Қақтығыстарды басқарудың әлсіз жері көбіне деректер сапасына тіреледі: оқиға тіркелмесе, ол басқарылмайды. «Цифрлық Қазақстан» бағдарламасының логикасы – процестерді цифрландыру арқылы ашықтықты, тиімділікті және шешім қабылдаудың дәлдігін арттыру [6]. Білім беру ұйымдары үшін бұл: қауіпсіз хабарлау модулі (құпия/анонимді), инциденттің электрондық карточкасы, тәуекел индикаторларының чек-парағы, мерзімдерді автоматты бақылау, қайталану тәуекелін көрсететін қарапайым аналитика және жауапты тұлғаларға арналған бақылау панелі болуы мүмкін. Ведомствоаралық деңгейде бұл шешімдер ақпарат алмасудың қорғалған форматымен және рөлдік қол жеткізу моделімен сүйемелденуі тиіс, өйткені баланың құқықтары мен құпиялылығы басым [2].

7) Қайта виктимизация және коммуникация тәуекелі. Буллинг бойынша дұрыс емес коммуникация (жәбірленушіні «өзін кінәлі сезіндіру», ашық жариялау, әлеуметтік желіде ақпараттың таралуы) екінші рет жарақаттауға әкеледі. Бұл тәуекелді төмендету үшін кейс-координация қағидаты қажет: бір іс бойынша бір үйлестіруші (мектеп деңгейінде – жауапты әкімшілік қызметкер/әлеуметтік педагог) белгіленіп, барлық субъектілердің әрекеті ортақ жоспарға біріктіріледі [3]. Құпиялылық

режимі, ақпараттың минимизациясы және тараптармен жұмыс стандарттары баланың құқықтарын қорғау қағидатымен сәйкестенуі тиіс [2].

8) Институционалдық сенім және тұрақтылық. UNESCO деректері мектептегі зорлық-зомбылық пен буллингке қарсы саясаттың тиімділігі институттарға сеніммен тығыз байланысты екенін көрсетеді: сенім жоғары болған жерде хабарлау да жоғары, ал бұл мониторинг пен ерте араласуды күшейтеді [5]. Сондықтан мектеп пен ПО арасындағы өзара іс-қимыл «жазаға ғана» емес, алдын алуға және қауіпсіздікке бағдарлануы қажет. Бұл ретте заңмен бекітілген құзыреттер (мектептің басқару міндеттері [1], профилактика жүйесі [3], ПО функциялары [4]) нақты регламент пен цифрлық бақылау құралдары арқылы бір басқару логикасына біріктірілгенде ғана тұрақты нәтиже береді.

Қорытынды және ұсыныстар. 1) Білім беру ұйымдарының локальдық актілерінде буллинг профилактикасын қауіпсіз білім беру ортасын басқарудың міндетті элементі ретінде бекіту ұсынылады: нөлдік төзімділік саясаты, хабарлау тәртібі, құпиялылық, жауапты тұлғалар және әрекет ету мерзімдері «Білім туралы» заң талаптарымен үйлестірілуі тиіс [1].

2) Баланың құқықтарын қорғау қағидатына сүйене отырып, буллинг жағдайларын тәуекелге бағдарланған А/В/С деңгейлеуімен рәсімдеу және әр деңгей бойынша нақты жауапты субъектілерді (мектеп–әлеуметтік қызмет–ПО) бекіту қажет [2].

3) Құқық бұзушылық профилактикасы туралы заңда көзделген ведомствоаралық тәсілді нақтылау үшін инцидентті құжаттаудың бірыңғай нысандарын (хабарлама, тәуекел бағасы, шешім, шаралар жоспары, мониторинг белгісі) әзірлеу және өңірлік деңгейде бекіту орынды [3].

4) ПО-ның буллингке қатысты қатысуын пропорционалдылық қағидатымен ұйымдастыру қажет: төмен тәуекелде – профилактикалық қолдау; орта/жоғары тәуекелде – қауіпсіздік шаралары, дәлелдемелерді бекіту және заңды рәсімдер ПО туралы заң шегінде іске асуы тиіс [4].

5) UNESCO ұсынымдарына сәйкес «whole-school approach» қағидаттарын институционалдандыру ұсынылады: мектеп саясаты, персоналды даярлау, оқушылардың қатысуы, ата-анамен жұмыс, хабарлау және тұрақты мониторинг [5].

6) Цифрлық трансформация аясында инциденттерді тіркеу мен талдаудың қауіпсіз цифрлық контурын құру (құпия хабарлау, тәуекел индикаторлары, мерзімді бақылау, нәтижелер панелі) және ведомствоаралық алмасудың қорғалған форматтарын бекіту қажет; бұл «Цифрлық Қазақстан» бағдарламасының басқарушылық логикасымен үйлеседі [6].

7) Қайта виктимизацияны болдырмау үшін кейс-координация институтын күшейту (бір іс – бір үйлестіруші), коммуникация стандартын бекіту және құпиялылық режимін сақтауды бақылау қажет [2], [3].

8) Профилактика тиімділігін жыл сайын басқарушылық бағалау жүйесін енгізу ұсынылады: қайталану жиілігі, жауап беру уақыты, тәуекел деңгейінің төмендеуі, сүйемелдеудің нәтижесі және ведомствоаралық келісілген әрекеттердің сапасы көрсеткіштері мектептің ішкі бақылауына және жергілікті басқарудың есептілігіне енгізілуі тиіс [1], [6].

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. «Білім туралы» Қазақстан Республикасының Заңы (2007 жылғы 27 шілде, № 319). [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z070000319> (жүгінген күні: 05.02.2026).
2. «Қазақстан Республикасындағы баланың құқықтары туралы» Қазақстан Республикасының Заңы (2002 жылғы 8 тамыз, № 345-II). [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z020000345> (жүгінген күні: 14.02.2026).
3. «Құқық бұзушылық профилактикасы туралы» Қазақстан Республикасының Заңы (2010 жылғы 29 сәуір, № 271-IV). [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z100000271> (жүгінген күні: 06.02.2026).
4. «Қазақстан Республикасының ішкі істер органдары туралы» Қазақстан Республикасының Заңы (2014 жылғы 23 сәуір, № 199-V ҚРЗ). [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1400000199> (жүгінген күні: 09.02.2026).
5. UNESCO. Behind the numbers: ending school violence and bullying. 2019. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000366483> (жүгінген күні: 10.02.2026).
6. «Цифрлық Қазақстан» мемлекеттік бағдарламасын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің қаулысы (2017 жылғы 12 желтоқсан, № 827). [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1700000827> (жүгінген күні: 14.02.2026).

Жұмашова Аида Танырбергенқызы,
Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАРДЫҢ ЖЫНЫСТЫҚ ҚОЛСҰҒЫЛМАУШЫЛЫҒЫНА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан Республикасында кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылығын қорғаудың қылмыстық-құқықтық аспектілері қарастырылады. Зерттеуде цифрландыру жағдайында кәмелетке толмағандар сексуалдық қанау мен жезөкшелікке тарту мәселесінің өзектілігі талданып, Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіндегі тиісті нормалардың мазмұны мен қолданылу ерекшеліктері зерделенеді. Сонымен қатар кәмелетке толмағандардың жыныстық еркіндігін қорғау, құқықтық статистиканың рөлі, халықаралық құқықтық стандарттар және алдын алу шараларының маңызы қарастырылады. Зерттеу нәтижесінде кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылығын қорғау саласындағы құқықтық тетіктерді жетілдірудің қажеттілігі негізделеді.

Түйінді сөздер: қылмыстық жауаптылық, кәмелетке толмағандар, жезөкшелік, сексуалдық қанау, Қазақстан Республикасының ҚК-нің 122-бабы, жыныстық қол сұғылмаушылық, балалардың құқықтарын қорғау.

Аннотация. В данной статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних в Республике Казахстан. В исследовании анализируется актуальность проблемы сексуальной эксплуатации несовершеннолетних и вовлечения их в проституцию в условиях цифровизации, а также изучаются содержание и особенности применения соответствующих норм Уголовного кодекса Республики Казахстан. Кроме того, рассматриваются вопросы защиты сексуальной свободы несовершеннолетних, роль правовой статистики, международные правовые стандарты и значение профилактических мер. По результатам исследования обосновывается необходимость совершенствования правовых механизмов защиты половой неприкосновенности детей.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетние, проституция, сексуальная эксплуатация, статья 122 УК Республики Казахстан, половая неприкосновенность, защита прав детей.

Abstract. This article examines the criminal law aspects of protecting the sexual inviolability of minors in the Republic of Kazakhstan. The study analyzes the relevance of the problem of sexual exploitation of children and their involvement in prostitution in the context of digitalization, and also explores the content and application features of the relevant provisions of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. In addition, the protection of minors' sexual freedom, the role of legal statistics, international legal standards, and the importance of preventive measures are discussed. The study substantiates the need to improve legal mechanisms for protecting the sexual inviolability of children.

Keywords: criminal liability, minors, prostitution, sexual exploitation, Article 122 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, sexual integrity, protection of children's rights.

Қазіргі жаһандану және цифрландыру жағдайында кәмелетке толмағандарды сексуалдық қанау мен жезөкшелікке тарту мәселесі ерекше өзектілікке ие болып отыр. Ақпараттық-коммуникациялық технологиялардың қарқынды дамуы, интернет пен әлеуметтік желілердің кең таралуы кәмелетке толмағандардың осал топ ретінде түрлі құқыққа қайшы әрекеттердің нысанасына айналу қаупін арттырды. Осыған байланысты мемлекет тарапынан кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылығын қамтамасыз ету басым бағыттардың бірі ретінде айқындалуда.

Қазақстан Республикасында кәмелетке толмағандардың құқықтарын қорғау саласындағы саясат қылмыстық заңнаманы жетілдіру арқылы жүйелі түрде жүзеге асырылуда. Соның ішінде жезөкшелік қызметін немесе өзге де сексуалдық сипаттағы қызметті көрінеу кәмелетке толмағаннан алу үшін жауаптылықты күшейтуге бағытталған нормалардың қабылдануы құқықтық реттеудің жаңа кезеңін айқындайды.

Аталған тақырыпты зерттеу қылмыстық-құқықтық нормалардың мазмұнын, олардың қолданылу тетіктерін және құқық қолдану тәжірибесіндегі ерекшеліктерін кешенді талдауды талап етеді. Сонымен қатар, кәмелетке толмағандардың келісімі қылмыстық жауаптылықтан босатудың негізі болып табылмайтыны туралы қағиданың мәнін ашу, қылмыстың саралаушы белгілерін нақтылау және қашықтан сексуалдық қанаудың құқықтық бағасын айқындау ғылыми тұрғыдан маңызды болып табылады. Қазақстанда кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы қылмыстар қоғам үшін ерекше қауіпті құқық бұзушылықтардың қатарына жатады. Соңғы жылдары цифрлық технологиялардың дамуына байланысты балаларға қатысты сексуалдық сипаттағы құқық

бұзушылықтардың жаңа нысандары пайда болуда. Әсіресе интернет арқылы жасалатын жыныстық қол сұғылмаушылыққа қатысты қылмыстардың үлесі артып келеді.

Балалардың құқықтары олардың өмірі мен денсаулығы Қазақстан Республикасының Конституциясы талаптарына сәйкес әрдайым мемлекеттің бақылауы мен қорғауында болуы тиіс. Кәмелетке толмағандар мен жас балалар өздерінің жас ерекшеліктері мен әрекет қабілетінің толық қалыптаспауы салдарынан өз құқықтары мен заңды мүдделерін толық деңгейде қорғай алмайды [1].

Сондықтан ата-аналар және қамқоршылық органдары балалардың психологиялық тұрғыдан дұрыс дамуына, олардың болашақта қоғамға саналы азамат болып қалыптасуына ерекше көңіл бөлуі қажет. Соңғы жылдары кәмелетке толмағандарға олардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы бағытталған қылмыстардың артуы қоғамды алаңдататын маңызды мәселе болып отыр.

Заң ғылымдарының докторы В.П. Коняхин өзінің «Проблемы квалификации насильственных действий сексуального характера» мақаласында жыныстық қол сұғылмаушылықты тұлғаның жыныстық еркіндігінің маңызды құрамдас элементі ретінде қарастырады. Сондықтан адамның жыныстық қол сұғылмаушылығына бағытталған кез келген заңсыз әрекет оның жыныстық еркіндігін бұзу ретінде бағаланады [2].

Кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы іс-қимыл мәселесі қазіргі кезеңде ұлттық қауіпсіздік, қоғамдық мораль және адам құқықтарын қорғау салаларымен тікелей байланысты кешенді құқықтық проблема ретінде қарастырылады. Цифрландыру жағдайында кәмелетке толмағандардың интернет кеңістігіне еркін енуі, әлеуметтік желілердің қолжетімділігі және анонимді коммуникация құралдарының дамуы олардың сексуалдық сипаттағы құқық бұзушылықтардың нысанасына айналу қаупін арттырды. Осыған байланысты мемлекет тарапынан қабылданып жатқан құқықтық, ұйымдастырушылық және профилактикалық шаралар жүйелі сипатқа ие болуда.

Осы конституциялық қағидаларды іске асыру мақсатында Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі кәмелетке толмағандарға қарсы жыныстық сипаттағы қылмыстар үшін жауаптылықты қатаңдататын бірқатар нормаларды қамтиды. Атап айтқанда, 122-баптың жаңартылған редакциясы жезөкшелік қызметін немесе өзге де сексуалдық сипаттағы қызметті көрінеу кәмелетке толмағаннан алу үшін дербес қылмыстық жауаптылық белгілейді [3].

Бұл қылмыстың құқықтық табиғатын талдай отырып, оның тікелей объектісі ретінде кәмелетке толмағандардың жыныстық еркіндігі мен жыныстық қолсұғылмаушылығы ғана емес, сонымен бірге олардың психикалық саулығы, адамгершілік дамуы және әлеуметтік қалыптасуы танылатынын атап өткен жөн.

А.Б. Мельников, М.А. Кочубей және С.Н. Радочинскийдің көзқарасы бойынша, жыныстық бостандық – бұл адамның өзінің жыныстық қажеттіліктерін қандай жолмен және кіммен жүзеге асыратынын дербес анықтау мүмкіндігін білдіреді [4].

Объективтік жағы кінәлі адамның кәмелетке толмаған тұлғаның сексуалдық сипаттағы қызметін пайдалануы арқылы сипатталады. «Көрінеу» белгісі ерекше маңызға ие, өйткені ол кінәлі адамның жәбірленушінің жасын нақты білгенін немесе анық білуге тиіс болғанын білдіреді. Субъективтік жағынан бұл қылмыс тікелей қасақаналықпен жасалады. Жәбірленушінің келісімі қылмыстық жауаптылықтан босатпайды, себебі кәмелетке толмаған адамның еркі құқықтық мағынада толық қалыптасқан деп танылмайды.

Қазақстандық қылмыстық саясаттың ерекшелігі – жазаның бұлтартпастығы қағидатын барынша қамтамасыз етуге ұмтылу. Мұндай қылмыстар бойынша рақымшылық актілерінің қолданылмауы және ескіру мерзімдерінің жүрмеуі құқық бұзушылардың жауаптылықтан жалтару мүмкіндігін шектейді. Сонымен қатар сот үкімі негізінде педагогикалық қызметпен және кәмелетке толмағандармен байланысты өзге де қызмет түрлерімен өмір бойына айналысу құқығынан айыру қарастырылған. Бұл арнайы алдын алу шарасы ретінде қоғамды ықтимал қауіптен қорғауға бағытталған.

Заңнамада медициналық сипаттағы мәжбүрлеу шарасы ретінде химиялық кастрация институты көзделген. Бұл шара сот шешімімен және медициналық комиссияның қорытындысы негізінде қолданылады. Оның мақсаты – қайталама қылмыс жасау қаупін төмендету. Химиялық кастрация мәселесі құқықтық ғылымда пікірталас тудырады, өйткені ол адамның дене тұтастығына араласу ретінде бағалануы мүмкін. Дегенмен, қазақстандық заңнамада бұл шара қатаң процессуалдық кепілдіктермен бекітілген және тек ерекше жағдайларда қолданылады.

Балалардың құқықтарын қорғау саласындағы мемлекеттік саясат тек қылмыстық жазалаумен шектелмейді. Алдын алу шаралары да маңызды орын алады. Құқық қорғау органдары, білім беру мекемелері, әлеуметтік қызметтер және үкіметтік емес ұйымдар бірлесіп профилактикалық

бағдарламалар жүргізеді. Мектептерде қауіпсіз интернетті пайдалану мәдениетін қалыптастыру, ата-аналарға арналған түсіндіру жұмыстары, психологиялық көмек қызметтерін дамыту – осындай кешенді шаралардың құрамдас бөлігі.

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитеті кәмелетке толмағандарға қарсы жасалған қылмыстар бойынша деректерді жинап, талдайды. Геоақпараттық карталар, талдамалық есептер және ашық деректер қоғамның ақпараттандырылуын қамтамасыз етеді және қылмыстың алдын алу стратегияларын жетілдіруге мүмкіндік береді.

Бұл статистикалық деректер қылмыстың динамикасын, құрылымын және өңірлік ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік береді. Мысалы, жыл сайын құқықтық статистика органдары кәмелетке толмағандарға қарсы жасалған қылмыстардың жалпы саны, олардың түрлері, жасалған орындары және қылмыс жасаған тұлғалардың әлеуметтік сипаттамасы туралы мәліметтерді жариялайды.

Сонымен қатар статистикалық мәліметтер мемлекеттік бағдарламаларды әзірлеуде де қолданылады. Қылмыстың өсуін немесе төмендеуін анықтау арқылы кәмелетке толмағандардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған заңнамалық және ұйымдастырушылық шаралар қабылданады. Ашық статистикалық деректер қоғамға, ғылыми зерттеушілерге және үкіметтік емес ұйымдарға кәмелетке толмағандарға қарсы қылмыстардың жағдайын зерттеуге мүмкіндік береді.

Бұл бағыттағы статистикалық есептерді дайындау және талдау жұмыстарын үйлестіруде Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитеті негізгі рөл атқарады. Комитет жыл сайын қылмыстық құқық бұзушылықтардың ресми статистикалық жинақтарын жариялап, қоғамға ашық ақпарат ұсынады. 2026 жылы жыныстық қол сұғылмаушылыққа қатысты қылмыстық құқық бұзушылықтар саны 13,3%-ға өскенін байқауға болады [5].

Қазақстан халықаралық құқық нормаларын да басшылыққа алады. Біріккен Ұлттар Ұйымы қабылдаған Бала құқықтары туралы конвенция кәмелетке толмағандардың сексуалдық пайдаланудан қорғау жөніндегі мемлекеттердің міндеттерін айқындайды. Сонымен қатар адам саудасына қарсы күрес және балаларды қорғау саласындағы өзге де халықаралық құжаттар ұлттық заңнаманың дамуына ықпал етті.

Салыстырмалы құқықтық талдау көрсеткендей, Украина елінің қылмыстық кодексінде кәмелетке толмағандармен жыныстық қатынас және оларды сексуалдық мақсатта пайдалану үшін жауаптылық белгілейді. Дегенмен, Қазақстандағы ескіру мерзімінің қолданылмауы және химиялық кастрация институтының болуы жазалау саясатының қатаңдығын айқындайды. Кейбір еуропалық мемлекеттерде де балаларға қарсы сексуалдық қылмыстар үшін өмір бойына бас бостандығынан айыру немесе арнайы тіркеу тетіктері қолданылады [6].

Кінәлі тұлға белгілі бір әрекеттерді жүзеге асыру арқылы өзінің қылмыстық ниетін іске асырады. Осыған байланысты, «Зорлау және өзге де сексуалдық сипаттағы зорлық-зомбылық әрекеттерімен байланысты қылмыстарды саралаудың кейбір мәселелері туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2007 жылғы 11 мамырдағы №4 Нормативтік қаулысында жас балаларды азғындық жолға түсіру әрекеттерін саралау барысында нақты қандай іс-әрекеттердің азғындық деп танылатыны жөнінде айқын түсіндірме берілмеген. Бұл құқық қолдану тәжірибесінде туындайтын алғашқы мәселелердің бірі болып табылады [6].

Адам мен азаматтың құқықтық мәртебесі конституциялар мен басқа да нормативтік құқықтық актілерде бекітілген құқықтар мен міндеттердің жиынтығы арқылы сипатталады. Қазақстан Республикасының Конституциясының 1-бабында мемлекет демократиялық, зайырлы, құқықтық және әлеуметтік мемлекет ретінде айқындалып, оның ең жоғары құндылығы – адам, оның өмірі, құқықтары мен бостандықтары екені көрсетілген. Бұл мемлекетте адам құқықтарына ерекше мән берілетінін білдіреді. Сонымен қатар құқықтық реттеуді қажет ететін маңызды мәселелердің бірі – баланың құқықтық мәртебесі. Осы тақырып бойынша ғылыми зерттеулер жеткілікті болғанымен, қазіргі уақытта бұл саладағы бірқатар мәселелер заңнамалық тұрғыдан толық әрі нақты реттелмеген. «Кәмелетке толмаған» ұғымы құқықтың әртүрлі салаларында қолданылады және белгілі бір жасқа жетпеген тұлғаларды білдіреді. Бұл түсінік кәмелетке толмағандардың құқықтары, бостандықтары мен міндеттеріне ерекше назар аударумен байланысты. Жалпы алғанда, кәмелетке толмаған – заңда белгіленген жасқа толмаған және толық құқықтық қабілеттілікке ие болмаған тұлға. Қазақстан Республикасының «Баланың құқықтары туралы» 2002 жылғы 8 тамыздағы №345-ІІ Заңына сәйкес, он сегіз жасқа толмаған адам бала деп танылады. Дегенмен, халықаралық және ұлттық құқықтық тәжірибе көрсеткендей, жас шектеулерін белгілеу белгілі бір деңгейде шартты сипатқа ие. Ол мемлекеттің

тарихи даму кезеңіне, құқықтық жүйесіне, ұлттық ерекшеліктеріне және басқа да факторларға байланысты анықталады. Әлем елдерінің көпшілігінде кәмелетке толу жасы 18 жас болып белгіленгенімен, кейбір мемлекеттерде ол 15, 20 немесе 21 жас болуы мүмкін. Осыған байланысты халықаралық құқықтық актілерде кәмелетке толмағандардың жас шегі ретінде әдетте 18 жас көрсетіледі, бірақ ұлттық заңнамада өзгеше жас белгіленуі мүмкін. [8].

Қазіргі уақытта онлайн-қылмыстар ерекше алаңдаушылық тудырады. Мұндай жағдайларда цифрлық дәлелдемелерді жинау, IP-мекенжайларды анықтау, халықаралық құқықтық көмек рәсімдерін іске асыру күрделі процесс болып табылады. Сондықтан құқық қорғау органдарының киберқылмысқа қарсы бөлімшелерін күшейту және халықаралық ынтымақтастықты дамыту маңызды. Балалардың жыныстық қолсұғылмаушылығын қорғау халықаралық құқықта да маңызды орын алады. Біріккен Ұлттар Ұйымының Бала құқықтары туралы конвенциясынан бөлек, келесі халықаралық құжаттар да ерекше маңызға ие:

- Балаларды сексуалдық пайдаланудан қорғау жөніндегі халықаралық ұсынымдар;
- Бала саудасына, балалар жезөкшелігіне және балалар порнографиясына қарсы факультативтік хаттама;
- Адам саудасына қарсы халықаралық конвенциялар.

Бұл құжаттар мемлекеттерге балаларды сексуалдық пайдаланудан қорғау бойынша тиімді құқықтық және институционалдық механизмдерді қалыптастыру міндетін жүктейді.

Криминологиялық тұрғыдан алғанда, кәмелетке толмағандарды сексуалдық қанаудың себептері әлеуметтік-экономикалық факторлармен, отбасындағы бақылаудың әлсіздігімен, балалардың психологиялық осалдығымен және интернеттегі қауіпсіздік мәдениетінің төмендігімен байланысты. Қылмыскерлер көбінесе сенімге кіру, материалдық көмек ұсыну немесе эмоционалдық тәуелділік қалыптастыру тәсілдерін пайдаланады. Сондықтан алдын алу шаралары тек жазалаумен шектелмей, әлеуметтік саясатпен ұштасуы тиіс.

Балалардың жыныстық қолсұғылмаушылығын қорғау саласындағы қылмыстық саясаттың тиімділігі құқық қолдану тәжірибесіне де байланысты. Тергеу барысында жәбірленушінің психологиялық жай-күйін ескеру, виктимизацияны болдырмау, процессуалдық кепілдіктерді сақтау аса маңызды. Арнайы дайындықтан өткен тергеушілер мен психологтардың қатысуы баланың құқықтарын қорғауға ықпал етеді.

Жүргізілген зерттеу Қазақстан Республикасында кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығын қорғау мәселесі қазіргі кезеңде құқықтық саясаттың маңызды бағыттарының бірі болып табылатынын көрсетті. Балалардың құқықтарын қорғау – кез келген құқықтық мемлекеттің басты міндеттерінің бірі. Сондықтан мемлекет кәмелетке толмағандарға қарсы жасалатын сексуалдық сипаттағы құқық бұзушылықтарға ерекше назар аударып, оларды болдырмау және қатаң жазалау тетіктерін үнемі жетілдіріп келеді.

Зерттеу барысында Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасында кәмелетке толмағандарды сексуалдық қанауға қарсы бағытталған нормалардың жүйесі талданды. Атап айтқанда, Қылмыстық кодекстің бірқатар баптары балалардың жыныстық бостандығы мен қолсұғылмаушылығын қорғауға бағытталған. Соның ішінде ерекше назар ҚР ҚК-нің 122-бабының жаңартылған редакциясына аударылды. Бұл норма кәмелетке толмағандардың жезөкшелік қызметін немесе өзге де сексуалдық сипаттағы қызметін пайдаланғаны үшін тікелей қылмыстық жауаптылықты көздейді. Осылайша заңнамада тек ұйымдастырушылар ғана емес, сонымен қатар осындай қызметті пайдаланатын тұлғалар да жауаптылыққа тартылатыны белгіленген.

Қылмыстық заңнамада кәмелетке толмағандарға қатысты сексуалдық қылмыстар үшін жауаптылықты күшейту мемлекеттің балаларды қорғау саласындағы «нөлдік төзімділік» қағидатын ұстанатынын көрсетеді. Мұндай құқық бұзушылықтар үшін жазаның қатаңдатылуы, оның ішінде педагогикалық қызметпен өмір бойы айналысуға тыйым салу, рақымшылық пен ескіру мерзімдерін қолданбау, сондай-ақ химиялық кастрация сияқты шаралардың қарастырылуы қоғамда балалардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған маңызды құқықтық механизмдер болып табылады.

Халықаралық құқықтық стандарттарды талдау Қазақстан Республикасының балаларды қорғау саласындағы заңнамасы көптеген халықаралық нормалар мен талаптарға сәйкес келетінін көрсетті. Әсіресе балаларды сексуалдық қанаудан қорғау, олардың құқықтары мен қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселесінде халықаралық тәжірибені ескеру ұлттық заңнаманы жетілдіруге мүмкіндік береді. Салыстырмалы талдау нәтижесінде көптеген мемлекеттерде балаларға қатысты сексуалдық қылмыстар үшін жауаптылықтың қатаңдатылып отырғаны анықталды.

Криминологиялық тұрғыдан алғанда, кәмелетке толмағандарға қатысты жыныстық қылмыстардың пайда болуына әсер ететін бірқатар факторлар бар. Олардың қатарына әлеуметтік-

экономикалық жағдайлар, отбасы тәрбиесінің әлсіздігі, интернет пен цифрлық кеңістіктің бақылаусыз пайдаланылуы, сондай-ақ құқықтық мәдениеттің жеткіліксіздігі жатады. Сондықтан мұндай құқық бұзушылықтардың алдын алу тек қылмыстық-құқықтық шаралармен ғана шектелмеуі тиіс. Бұл бағытта кешенді алдын алу шараларын жүзеге асыру қажет.

Алдын алу шараларының тиімділігі ең алдымен мемлекеттік органдардың, білім беру ұйымдарының, әлеуметтік қызметтердің және қоғамның бірлескен жұмысына байланысты. Балаларды қорғау саласында құқықтық ағарту жұмыстарын күшейту, ата-аналардың жауапкершілігін арттыру, интернет қауіпсіздігін қамтамасыз ету, сондай-ақ балаларға арналған психологиялық және әлеуметтік қолдау жүйесін дамыту маңызды болып табылады. Сонымен қатар білім беру мекемелерінде балалардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған арнайы бағдарламалар мен профилактикалық іс-шараларды жүйелі түрде жүргізу қажет.

Сонымен қатар бұл бағыттағы жұмысты одан әрі жетілдіру үшін құқық қорғау органдарының қызметін күшейту, қоғамдық бақылауды дамыту, профилактикалық шараларды кеңейту және құқықтық мәдениетті арттыру қажет. Тек осындай кешенді тәсіл ғана кәмелетке толмағандардың құқықтарын тиімді қорғауға және олардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Конституция 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (жүгінген күні: 07.03.26).
2. Коняхин В. Насильственные действия сексуального характера // Законность. - М., 2005, № 9. -
3. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226>
4. Мельников А.Б., Кочубей М.А., Радочинский С.Н. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Ростов на \ Д., 2001.
5. Қазақстан Республикасы Бас Прокуратурасының құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің ресми порталы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/> (жүгінген күні: 07.03.26).
6. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.01.2025 г.). [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (жүгінген күні: 07.03.26).
7. «Зорлау және өзге де сексуалдық сипаттағы зорлық-зомбылық әрекеттерімен байланысты қылмыстарды саралаудың кейбір мәселелері туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2007 жылғы 11 мамырдағы №4 Нормативтік қаулысы.
8. «Қазақстан Республикасындағы баланың құқықтары туралы ҚР 2002 жылғы 8 тамыздағы N 345 Заңы. [Электрондық ресурс] // «Әділет» ҚР нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z020000345> (жүгінген күні: 07.03.26).

Имашев Нурлан Сейлханович

магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УЧАСТИЯ ДРОППЕРОВ В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕЖВЕДОМСТВЕННОЙ КООРДИНАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен «дропперов» как ключевого звена финансового и коммуникационного обеспечения рынка незаконного оборота наркотиков, функционирующих в цифровой среде. Цель исследования состоит в формировании системной модели предупреждения вовлечения граждан в схемы дропперства на основе правовых, организационных и технологических мер. Методологическую основу составляют анализ законодательства Республики Казахстан о противодействии незаконному обороту наркотиков и легализации преступных доходов, а также сопоставление с международными рекомендациями в части виртуальных активов и аналитики транзакций. Профилактика ориентирована на раннее выявление рекрутинга через мессенджеры и социальные сети, блокировку инфраструктуры платежей, автоматизированное выявление аномальных поведенческих паттернов и повышение цифровой грамотности уязвимых групп. Предложены механизмы межведомственного обмена данными и создания совместных аналитических контуров между правоохранительными органами, финансовым мониторингом, банками и цифровыми платформами. Практическая значимость работы заключается в использовании предложений для разработки ведомственных регламентов и комплексных планов противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: дроппер; наркотические средства; криптовалюта; финансовый мониторинг; цифровая идентификация; межведомственное взаимодействие; профилактика.

Аннотация. Мақалада цифрлық ортада жұмыс істейтін желілік нарконарықтардың қаржылық және коммуникациялық қамтамасыз етуіндегі «дроппер» феномені талданады. Зерттеудің мақсаты – құқықтық, ұйымдастырушылық және технологиялық шараларды ұштастыру арқылы дропперлерді тартудың алдын алудың жүйелік моделін қалыптастыру. Әдіснамалық негіз ретінде Қазақстан Республикасының есірткінің заңсыз айналымына және қылмыстық кірістерді заңдастыруға қарсы іс-қимыл туралы заңнамасы, сондай-ақ виртуалды активтер мен транзакциялық аналитика бойынша халықаралық ұсынымдар салыстырмалы түрде зерделенді. Профилактика мессенджерлер мен әлеуметтік желілер арқылы рекрутингті ерте анықтауға, төлем инфрақұрылымын бұғаттауға, мінез-құлықтық аномалияларды автоматтандырылған айқындауға және осал топтардың цифрлық сауаттылығын арттыруға бағдарлануы тиіс екені негізделді. Құқық қорғау органдары, қаржылық мониторинг, банктер және цифрлық платформалар арасында деректер алмасу және бірлескен талдамалық контурлар құру тетіктері ұсынылады. Практикалық маңыздылығы – ведомстволық регламенттер мен кешенді жоспарларды әзірлеуде қолдану мүмкіндігі.

Түйінді сөздер: дроппер; есірткі қылмыстылығы; криптовалюта; қаржылық мониторинг; транзакциялық аналитика; цифрлық сәйкестендіру; ведомстволаралық өзара іс-қимыл; профилактика.

Abstract. This article examines «money mules» as a pivotal element of the financial and communication infrastructure of digitally mediated drug markets. The study aims to develop a systemic prevention model combining legal, organisational and technological instruments. The methodology relies on an analysis of Kazakhstan's legislation on combating illicit drug trafficking and anti-money laundering, complemented by a comparative review of international guidance on virtual assets and transaction analytics. The findings demonstrate that prevention should be oriented toward early detection of recruitment via social media and messengers, disruption of payment rails, automated identification of anomalous behavioural patterns, and the digital literacy of vulnerable groups. The paper proposes interagency data-sharing mechanisms and joint analytical loops between law enforcement, financial intelligence, banks and digital platforms. Scientific novelty is expressed in a risk-oriented «mule involvement matrix» and a set of practical prevention KPIs. The practical value lies in the potential use of the recommendations for departmental regulations and national anti-drug policy instruments.

Keywords: money mule; drug trafficking; cryptocurrency; financial intelligence; transaction analytics; digital identity; interagency cooperation; prevention.

Цифровизация теневой экономики сформировала устойчивую связь между незаконным оборотом наркотиков, цифровым пространством и теневыми финансовыми сервисами. На практике наблюдается схема, в которой распространение наркотиков организуется дистанционно, а денежные потоки маскируются через многоступенчатую цепочку карт и счетов физических лиц, управляемых через мессенджеры и анонимные аккаунты.

В этой цепочке особое место занимает «дроппер» - лицо, предоставляющее банковские реквизиты, платежные инструменты или криптовалютные кошельки для приема и транзита средств, полученных от преступной деятельности, тем самым содействуя отмыванию преступных доходов.

Актуальность темы определяется тем, что при «бесконтактной» модели распространения наркотиков дропперы становятся масштабируемым ресурсом, позволяющим преступным группам минимизировать прямые риски и снизить вероятность установления организаторов.

При этом пресечение деятельности дропперов имеет выраженный профилактический потенциал: своевременное выявление и пресечение рекрутинга, финансовых потоков и цифровой инфраструктуры позволяет нарушить жизненный цикл сетей сбыта наркотических средств, не дожидаясь этапа физического изъятия вещества.

Цель исследования – обосновать комплекс механизмов предупреждения участия дропперов в незаконном обороте наркотических средств с учетом роли цифровых технологий и межведомственной координации.

В качестве задач можно назвать раскрытие типовой модели вовлечения дроппера в схемы незаконного оборота наркотиков, определение правовых оснований профилактики в Республике Казахстан, систематизирование цифровых инструментов раннего выявления и блокирования, разработка алгоритма межведомственного взаимодействия с набором практических индикаторов эффективности.

Применены методы формально-юридического анализа, сравнительного правоведения, системного и риск-ориентированного подходов. Нормативной базой выступают Закон Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими» и Закон Республики Казахстан «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», а также нормы Уголовного кодекса Республики Казахстан, предусматривающие ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Для уточнения технологических трендов использованы материалы UNODC (Управление ООН по наркотикам и преступности) [1] и FATF (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), а также аналитические отчеты Europol о киберпреступности и виртуальных активах [2].

Криминологическая модель «дроппер - цифровой рынок оборота наркотиков».

Вовлечение дроппера, как правило, строится по рекрутинговой основе:

- поиск кандидатов в социально уязвимых группах (молодежь, безработные, лица с долговой нагрузкой);
- контакт через мессенджеры и социальные сети под видом «работы с переводами», «арбитража», «помощи с платежами»;
- сбор персональных данных и привязка устройства/сим-карты;
- открытие банковских счетов/карт, выпуск виртуальных карт, подключение P2P-переводов;
- участие в многошаговых транзакциях, вывод в наличность или конвертация в виртуальные активы;
- быстрая ликвидация инфраструктуры и замена исполнителей.

В контексте пресечения незаконного оборота наркотических средств дроппер выполняет две функции: финансовую (маскировка происхождения средств, дробление платежей, конвертация) и операционную (обеспечение анонимных коммуникаций, логистика «закладок» через цифровые каналы, взаимодействие с курьерами). По сути, дроппер является вариационной частью схемы, которая легко заменяется, но оставляет критически важные следы: телефоны, IP/IMEI, банковские KYC-данные (процедура идентификации клиента, применяемая банками и финансовыми организациями), историю транзакций и связи в мессенджерах. Следовательно, профилактика должна быть сосредоточена на нейтрализации рекрутинга и на ослаблении финансового контура.

Казахстанская модель противодействия незаконному обороту наркотиков базируется на специальном законе (1998 г.), определяющем государственную политику, режим контроля, запрета пропаганды и иные меры. Финансовый контур обеспечивается AML-законодательством (2009 г.), закрепляющим обязанности субъектов финансового мониторинга по идентификации клиентов, выявлению и сообщению о подозрительных операциях. Эти нормы создают юридическую основу для превентивного выявления транзакций, характерных для дропперских цепочек, и для межведомственного информационного обмена [3].

С учетом международной практики целесообразно выделить четыре ключевых аспекта профилактики:

- цифровая среда рекрутинга (мессенджеры, социальные сети, даркнет-рынки);
- банковские и платежные сервисы (P2P, быстрые переводы, виртуальные карты);
- виртуальные активы (криптокошельки, обменники, P2P-площадки);
- офлайн-этап обналичивания и покупки инструментов анонимности (SIM- карты, устройства, аккаунты).

Материалы зарубежных исследований фиксируют рост роли криптовалют и цифровых сервисов в преступных схемах и увеличение спроса правоохранительных органов на поддержку по отслеживанию транзакций, в частности, Europol в ЮСТА 2024 (отчет об оценке организованной интернет-преступности) отмечает расширение использования криптоактивов в различных криминальных направлениях и рост запросов на идентификацию и отслеживание цифровых кошельков [4].

Цифровые технологии как превентивный инструмент.

Транзакционная аналитика и поведенческие модели. На уровне банков и финтех-провайдеров профилактика должна опираться на риск-ориентированную модель выявления дропперов: частые входящие мелкие переводы от множества контрагентов, быстрый перевод средств на один/два счета, регулярные операции по снятию наличных в разных точках, использование нескольких устройств, а также несоответствие профиля клиента финансовому поведению. Практический эффект дает комбинация правил и машинного обучения для выявления аномалий.

Для легитимности таких моделей требуется нормативное закрепление критериев подозрительности и протоколов передачи сведений в подразделения финансовой разведки и правоохранительные органы.

Цифровая идентификация.

Снижение минимизации рисков вовлечения граждан в финансовые схемы в качестве дроппера достигается усилением процедур удаленной идентификации: биометрическая верификация, контроль активности, сопоставление документов, контроль SIM-swap, привязка к подтвержденным устройствам, мониторинг пользователей с множеством аккаунтов. Особое значение имеют ограничения на массовый выпуск виртуальных карт и на открытие счетов при повышенном риске (молодежный сегмент, операции с нерезидентами, нетипичные устройства).

При этом меры должны быть ориентированы на финансовую инклюзию и защиту прав добросовестных пользователей; в международной практике FATF подчеркивает необходимость риск-ориентированного подхода и корректного управления данными.

Мониторинг цифровой среды рекрутинга.

Профилактика в цифровой среде включает OSINT-мониторинг публичных каналов рекрутинга, выявление имитационных вакансий, анализ связей и семантики сообщений, а также работу с платформами по оперативной блокировке контента, содержащего признаки вовлечения в преступную деятельность. UNODC в своих аналитических материалах фиксирует устойчивую тенденцию цифровизации рынка сбыта наркотических средств и смещение коммуникаций в онлайн-пространство, следовательно, цифровая профилактика должна быть институционализирована как постоянная функция [3], [4].

Криптоаналитика и контроль виртуальных активов.

Для схем сбыта наркотических средств характерно использование криптовалюты как средства расчетов и инструмента дальнейшей легализации. FATF публикует индикаторы показателей риска для виртуальных активов, которые могут быть имплементированы в практику анализа: дробление переводов, использование миксеров, быстрые конвертации, маршрутизация через сомнительные сервисы. На национальном уровне это предполагает развитие компетенций по blockchain-tracing (отслеживание операций), формирование перечней высоко рискованных адресов, а также создание процедур взаимодействия с VASP (провайдерами услуг виртуальных активов) [5].

Межведомственная координация.

Центральной проблемой профилактики участия дропперов является неполный массив данных: банки видят транзакции, правоохранительные органы – уголовные эпизоды, цифровые платформы – коммуникации, финансовая разведка – типологии и отчеты о подозрительных операциях. В связи с этим, требуется единая координационная рамка, включающая:

- совместные оперативно-аналитические группы;
- стандартизированные форматы обмена (структурированные сообщения, единые справочники индикаторов);

- цикл контроля от расследований к финансовому сектору (подтверждение/опровержение подозрительных кейсов для обучения моделей);
- согласованные процедуры быстрого замораживания активов и блокировки платежной инфраструктуры.

Эффективной представляется модель «совместного аналитического контура», когда на основе обезличенных либо юридически разрешенных к передаче наборов данных строятся общие риск-рейтинговые модели и предполагает институционализацию постоянного обмена данными между правоохранительными органами, субъектами финансового мониторинга, банками и цифровыми платформами. Ее сущность заключается в объединении разрозненных массивов данных (KYC, транзакции, цифровые следы, OSINT), формировании единых риск-моделей и обеспечении обратной связи от результатов расследований в аналитические системы.

В практическом измерении это реализуется через: межведомственные соглашения о доступе к данным, создание «единого окна» для запросов, унификацию сроков и оснований реагирования, регламент совместного анализа профиля рекрутеров и организаторов рынка сбыта наркотических средств.

Это позволяет повысить практику выявления дропперов и сократить время реагирования [6].

Риск-ориентированная модель вовлечения дропперов и KPI (показатель эффективности) профилактики.

Для управления профилактикой предлагается использовать матрицу, связывающую стадии вовлечения (контакт + идентификация + выпуск инструмента + транзакции + обналичивание) с цифровыми индикаторами и ответственными субъектами. Пример индикаторов – резкое увеличение числа входящих переводов, географический разброс операций по снятию наличных, регистрация аккаунтов с однотипными шаблонами, частая смена устройств, связь номера/устройства с известными рекрутинговыми каналами.

KPI профилактики целесообразно фиксировать в ведомственных планах число предотвращенных регистраций счетов высокого риска, доля своевременно заблокированных рекрутинговых каналов, среднее время реакции на подозрительные операции, объем предотвращенного ущерба, число выявленных рекрутеров по данным финансового мониторинга, доля кейсов, где обратная связь использована для калибровки моделей.

К числу ключевых индикаторов относятся - доля выявленных рекрутинговых каналов на ранней стадии, количество предотвращенных регистраций счетов высокого риска, среднее время реагирования на подозрительные операции, объем заблокированных транзакций.

Социальная профилактика и коммуникационные меры.

Технологические меры неэффективны без социальной профилактики. Анализ показывает, что значительная часть дропперов вовлекается через «работу мечты», обещания легкого заработка и давление со стороны рекрутеров.

Для Казахстана приоритетны:

- таргетированные информационные кампании для молодежи;
- обучение сотрудников банков и служб безопасности по типологиям дропперских схем;
- включение модулей финансовой и цифровой грамотности в образовательные программы;
- создание доступных каналов анонимного сообщения о рекрутинге;
- развитие механизмов ранней виктимологической помощи, чтобы лица, вовлеченные на начальной стадии, могли выйти из схемы без дальнейшей криминализации [7], [8].

Предупреждение участия дропперов в незаконном обороте наркотических средств требует перехода от реагирования на факт к управлению рисками в цифровой среде. Наиболее результативной является комбинация транзакционной аналитики и сильного KYC, мониторинга цифрового рекрутинга и быстрого взаимодействия с платформами, аналитики рынка криптовалют и процедур взаимодействия с VASP, межведомственного совместного аналитического контура и обратной связи между расследованием и финансовым сектором, социальной профилактики.

Реализация предложенной модели оценки вовлечения дропперов и ключевой показатель эффективности позволяет институционализировать профилактику и измерять ее эффект, снижая ресурсную нагрузку на расследование и повышая устойчивость национальной системы противодействию незаконному обороту наркотических средств.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими» [1] от 10 июля 1998 года № 279-І. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000279> (дата обращения: 25.02.2026).

Закон Республики Казахстан «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» от 28 августа 2009 года № 191-ІV. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000191> (дата обращения: 25.02.2026).

2. UNODC Regional Office for Southeast Asia and the Pacific. Transnational Organized Crime and the Convergence of Illicit Markets in Southeast Asia (2024). [Electronic resource] – Access mode: https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2024/TOC_Convergence_Report_2024.pdf (access date: 25.02.2026).

3. United Nations Office on Drugs and Crime. World Drug Report 2024: Key findings and conclusions. [Electronic resource] – Access mode: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/WDR24_Key_findings_and_conclusions.pdf (access date: 25.02.2026).

4. United Nations Office on Drugs and Crime. World Drug Report 2024 (portal page). [Electronic resource] – Access mode: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2024.html> (access date: 25.02.2026).

INTERPOL. Global Financial Fraud Assessment (Public version), March 2024. [Electronic resource] – Access mode: https://www.interpol.int/ar/content/download/21077/file/24COM005563-01%20-%20CAS_Global%20Financial%20Fraud%20Assessment_Public%20version_2024-03%20v2.pdf (access date: 25.02.2026).

5. Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2024. [Electronic resource] Access mode: <https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/Internet%20Organised%20Crime%20Threat%20Assessment%20IOCTA%202024.pdf> (access date: 25.02.2026).

Bank of Italy. Money muling awareness campaign (2023). [Electronic resource] – Access mode: <https://www.bancaditalia.it/media/notizia/money-muling-awareness-campaign-2023/> (access date: 25.02.2026).

Europol. Money muling (public awareness and prevention guide). [Electronic resource] – Access mode: <https://www.europol.europa.eu/operations-services-and-innovation/public-awareness-and-prevention-guides/money-muling> (access date: 25.02.2026).

7. Financial Action Task Force (FATF). Money Laundering and Terrorist Financing Red Flag Indicators Associated with Virtual Assets (2020). [Electronic resource] – Access mode: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators.pdf> (access date: 25.02.2026).

8. European Banking Federation. Paper trail ends in jail time for 1,013 money mules (2023). [Electronic resource] – Access mode: <https://www.ebf.eu/ebf-media-centre/paper-trail-ends-in-jail-time-for-1-013-money-mules-2-822-banks-and-financial-institutions-join-forces-with-law-enforcement-agencies-in-global-effort-against-money-laundering/> (access date: 25.02.2026).

УДК 343.97

Каримова Меруерт Каримовна,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

Асатчев Андрей Викторович,
руководитель Аппарата Главного военного прокурора,
магистрант Национального университета обороны Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

Муканов Данияр Жумагатович
к.ю.н., заместитель руководителя Аппарата Главного военного прокурора,
г. Астана, Республика Казахстан

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ВОИНСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к профилактике правонарушений в воинской среде в контексте реализации принципа «Закон и порядок». Отмечается, что обеспечение дисциплины и правопорядка в войсках является важным условием поддержания боеготовности и эффективного функционирования военной организации государства.

Проанализированы основные направления реализации межведомственных программ «Закон и порядок в армии» и «Цифровая профилактика», направленных на предупреждение правонарушений, гибели и травматизма военнослужащих. Рассматриваются меры по совершенствованию нормативного регулирования, усилению социальной защиты военнослужащих, развитию воспитательной работы и модернизации механизмов профилактики.

Особое внимание уделяется внедрению цифровых инструментов контроля и аналитических систем мониторинга правонарушений. Отмечается значение использования технологий искусственного интеллекта, цифровых сервисов и автоматизированных систем учета для повышения эффективности профилактической деятельности.

По результатам делается вывод о формировании комплексной модели профилактики правонарушений, направленной на укрепление законности, повышение дисциплины и обеспечение устойчивого функционирования военной организации государства.

Ключевые слова: профилактика правонарушений; воинская среда; воинская служба; дисциплина; правопорядок; цифровая профилактика; закон и порядок; военная безопасность.

Аннотация. Мақалада «Заң және тәртіп» қағидатын іске асыру контекстінде әскери ортадағы құқық бұзушылықтардың алдын алудың заманауи тәсілдері қарастырылады. Әскерде тәртіп пен құқықтық тәртіпті қамтамасыз ету жауынгерлік әзірлікті сақтау мен әскери ұйымның тиімді қызмет етуінің маңызды шарты екендігі атап өтіледі.

«Әскердегі заң және тәртіп» және «Цифрлық профилактика» ведомствоаралық бағдарламаларын іске асырудың негізгі бағыттары талданады, олар құқық бұзушылықтардың, әскери қызметшілердің қаза болуы мен жарақаттануының алдын алуға бағытталған. Нормативтік реттеуді жетілдіру, әскери қызметшілердің әлеуметтік қорғалуын күшейту, тәрбиелік жұмысты дамыту және профилактика тетіктерін жаңғырту шаралары қарастырылады.

Құқық бұзушылықтарды бақылау мен мониторингтеудің цифрлық құралдарын енгізуге ерекше назар аударылады. Жасанды интеллект технологияларын, цифрлық сервистерді және автоматтандырылған есепке алу жүйелерін қолданудың профилактикалық қызметтің тиімділігін арттырудағы маңызы көрсетіледі.

Зерттеу нәтижелері бойынша заңдылықты нығайтуға, тәртіпті арттыруға және әскери ұйымның тұрақты қызмет етуін қамтамасыз етуге бағытталған құқық бұзушылықтардың алдын алудың кешенді моделінің қалыптасуы туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: құқық бұзушылықтардың алдын алу; әскери орта; әскери қызмет; тәртіп; құқықтық тәртіп; цифрлық профилактика; заң және тәртіп; әскери қауіпсіздік.

Abstract. The article examines modern approaches to the prevention of offenses in the military environment in the context of implementing the “Law and Order” principle. It is noted that ensuring discipline and legal order in the armed forces is a key condition for maintaining combat readiness and the effective functioning of the military organization of the state.

The main directions of implementation of the interdepartmental programs «Law and Order in the Army» and «Digital Prevention» are analyzed, aimed at preventing offenses, deaths, and injuries among servicemen. Measures to

improve regulatory frameworks, strengthen social protection of servicemen, develop educational work, and modernize preventive mechanisms are considered.

Particular attention is paid to the introduction of digital control tools and analytical monitoring systems for offenses. The importance of using artificial intelligence technologies, digital services, and automated accounting systems to enhance the effectiveness of preventive activities is emphasized.

Based on the results, the conclusion is made about the formation of a comprehensive model of offense prevention aimed at strengthening legality, improving discipline, and ensuring the устойчивого functioning of the military organization of the state.

Keywords: offense prevention; military environment; military service; discipline; law and order; digital prevention; law and order principle; military security.

Обеспечение законности и правопорядка является одной из ключевых функций государства и важнейшим условием устойчивого функционирования общественных институтов. Указанные задачи в полной мере распространяются и на военную сферу, где поддержание дисциплины и предупреждение правонарушений выступают необходимым элементом обеспечения боеготовности и управляемости войск.

Специфика воинской службы связана с особыми условиями организации деятельности, строгой системой подчиненности, высокой служебной нагрузкой и повышенной ответственностью за выполнение задач по обеспечению безопасности государства. В этих условиях формирование эффективной системы профилактики правонарушений приобретает особое значение.

Следует отметить, что состояние правопорядка в войсках обладает повышенной общественной значимостью. Негативные проявления, включая насилие, неуставные взаимоотношения, грубые нарушения мер безопасности, коррупционные правонарушения и иные противоправные действия, оказывают влияние не только на конкретных военнослужащих, но и на морально-психологическое состояние воинских коллективов, уровень дисциплины и доверие к командованию [1].

Кроме того, в условиях информационной открытости любые происшествия в армии оперативно становятся предметом общественного обсуждения, что влияет на престиж воинской службы и уровень доверия граждан к институтам обороны. В этой связи обеспечение законности и предупреждение правонарушений в войсках приобретают значение не только внутренней служебной задачи, но и важного элемента государственной политики.

С научной точки зрения профилактика правонарушений рассматривается как система мер, направленных на выявление и устранение причин и условий противоправного поведения. В криминологии подчеркивается, что наибольшую эффективность имеют превентивные механизмы, ориентированные на раннее выявление факторов риска и их своевременную нейтрализацию [2]. Применительно к воинской среде это означает необходимость сочетания организационных, социально-психологических, правовых и управленческих инструментов профилактики, позволяющих предупреждать негативные проявления на ранних стадиях их формирования.

Именно такой подход лежит в основе современных моделей обеспечения правопорядка, ориентированных на переход от реагирования на уже совершенные правонарушения к проактивной системе профилактики [3].

В своем Послании народу Казахстана Глава государства обозначил принцип «Закон и порядок» как фундамент общественной безопасности и устойчивого развития страны [4]. Реализация данного принципа приобретает особое значение в военной сфере, где состояние правопорядка непосредственно влияет на уровень боеспособности армии и эффективность функционирования военной организации государства.

В целях практической реализации указанного принципа по инициативе органов военной прокуратуры разработаны и реализуются межведомственные программы «Закон и порядок в армии» и «Цифровая профилактика», направленные на формирование современной системы предупреждения правонарушений, гибели и травматизма военнослужащих.

Реализация программы «Закон и порядок в армии» осуществляется по нескольким ключевым направлениям.

Одним из приоритетных направлений стало усиление социальной защищенности военнослужащих срочной службы и повышение привлекательности воинской службы для молодежи. В этой связи внесены изменения в законодательство, предусматривающие запрет на выдачу кредитов военнослужащим срочной службы. Данная мера направлена не только на предотвращение формирования долговых обязательств у молодых военнослужащих, но и на пресечение злоупотреблений, включая случаи вымогательства денежных средств и принуждения к оформлению кредитов.

Дополнительно реализована инициатива о предоставлении отсрочек по кредитным обязательствам на период прохождения срочной службы и в течение шестидесяти дней после ее завершения, что позволяет снизить финансовую нагрузку на военнослужащих и минимизировать социальные риски.

Важным элементом повышения престижа воинской службы стало введение образовательных грантов для военнослужащих срочной службы, отличившихся в период прохождения службы.

Реализация указанных мер свидетельствует о стремлении сформировать более устойчивую систему профилактики правонарушений, учитывающую не только дисциплинарные аспекты, но и социальные факторы, влияющие на поведение военнослужащих.

Значительное внимание уделяется формированию единых стандартов обеспечения безопасности воинской службы. Военными ведомствами принят совместный приказ «Об утверждении Единых требований по оснащению воинских объектов системами видеонаблюдения». Ранее требования к оснащению военных объектов системами видеонаблюдения носили разрозненный характер, отличались по техническим параметрам и порядку эксплуатации. Новый нормативный акт установил единые стандарты размещения камер и хранения информации, что повысило эффективность профилактического использования данного инструмента.

Кроме того, принят совместный приказ об утверждении Единой формы учета травм, что позволило унифицировать механизм регистрации и анализа травматизма в воинской среде и сформировать более достоверную аналитическую базу для выработки профилактических мер.

Важным направлением стало взаимодействие с системой здравоохранения. По инициативе Главной военной прокуратуры был инициирован вопрос о необходимости системного подхода к предупреждению суицидов. В результате Министерством здравоохранения разработана Дорожная карта по превенции суицидов среди населения на 2026-2028 годы, предусматривающая меры, охватывающие также военнослужащих.

Отдельное внимание уделяется модернизации методов воспитательной и профилактической работы с личным составом. Практика показала, что традиционные инструкции и нормативные документы часто недостаточно эффективно воспринимаются военнослужащими срочной службы. В этой связи разработаны новые формы доведения информации, включая видеоматериалы и краткие инструкции по соблюдению мер безопасности при обращении с оружием, боеприпасами, горюче-смазочными материалами и при несении боевого дежурства.

Одновременно разработаны лекционные материалы нового формата, сопровождаемые презентациями и видеороликами. Основным принципом их подготовки стало использование более доступного языка изложения и отказ от излишне сложной юридической терминологии.

Дополнительно внедряются новые формы активного обучения офицеров и военнослужащих контрактной службы. Необходимость этих мер обусловлена тем, что значительная часть молодых офицеров поступает на службу после военных кафедр и не имеет достаточного опыта управления личным составом.

Важным направлением совершенствования профилактической деятельности стало внесение изменений в Правила организации и проведения призыва, предусматривающих обязательную оценку военными психологами суицидогенных рисков у призывников.

Кроме того, в целях оптимизации служебной деятельности сокращено количество ведомственных проверок, что позволило высвободить дополнительное время для работы командиров с личным составом.

Вторым ключевым направлением стала цифровая трансформация профилактической деятельности.

В рамках программы «Цифровая профилактика» осуществляется внедрение систем сплошного видеонаблюдения с использованием технологий искусственного интеллекта. Использование таких инструментов позволяет автоматизировать анализ видеопотоков и оперативно выявлять потенциально опасные ситуации.

Для повышения дисциплины и обеспечения законности внедряется практика оснащения военнослужащих видеожетонами, что позволяет формировать объективную доказательственную базу при расследовании инцидентов и одновременно способствует дисциплинированию личного состава.

В информационном сервисе ARMIA.KZ создан «Цифровой военный консультант» – чат-бот на основе искусственного интеллекта, позволяющий гражданам получать информацию о порядке прохождения воинской службы.

Для повышения качества медицинского освидетельствования призывников внедрена информационная система «е-Медосмотр», интегрированная с информационными системами Министерства здравоохранения и Министерства цифрового развития.

Дополнительно реализуются меры по цифровизации деятельности призывных комиссий, включая аудио- и видеофиксацию заседаний и цифровизацию протоколов.

Отдельное направление связано с предупреждением хищений военного имущества. В этой связи внедрена система штрих-кодирования военной продукции, а также цифровая система контроля расходования топлива с использованием GPS-датчиков и автоматизированного учета.

Важным элементом цифровой инфраструктуры является создание информационной системы «Воинский ситуационно-аналитический центр», позволяющей вести автоматизированный учет правонарушений и происшествий в войсках и формировать аналитические отчеты в режиме реального времени.

На основании изложенного представляется обоснованным вывод о том, что в воинской среде формируется качественно новая модель профилактики правонарушений, основанная на системном, межведомственном и риск-ориентированном подходе. Реализуемые меры свидетельствуют о переходе от фрагментарной и преимущественно реактивной практики к интегрированной системе предупреждения правонарушений, сочетающей нормативные, организационные, социально-психологические и цифровые инструменты.

Ключевым направлением трансформации профилактической деятельности является внедрение проактивных механизмов, ориентированных на раннее выявление факторов риска, их аналитическую обработку и своевременное управленческое реагирование. В данном контексте особое значение приобретает цифровизация профилактики, обеспечивающая повышение прозрачности процессов, объективизацию контроля и усиление доказательной базы при принятии решений.

Интеграция мер социальной поддержки, развитие воспитательной работы, унификация учетных процедур и внедрение цифровых систем мониторинга формируют взаимосвязанную систему профилактики, оказывающую комплексное воздействие на причины и условия противоправного поведения в воинской среде.

При этом дальнейшее развитие системы требует институционализации механизмов оценки эффективности профилактических мероприятий, расширения аналитического мониторинга факторов риска, формирования единого цифрового контура управления данными, а также повышения уровня профессиональной подготовки командного состава и специалистов психологического профиля.

Таким образом, формируется устойчивая модель профилактики, ориентированная на предупреждение правонарушений, снижение рисков и обеспечение стабильного функционирования армии.

Список использованных источников:

1. Муканов Д.Ж., Байсеитова А.Т., Ешназаров А.А. Специфические факторы, обуславливающие применение насилия в воинской среде // Ученые труды Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан № 2, 2025;
2. Кабанов П.А. Криминологическая виктимология. Казанский федеральный университет, Набережночелнинский институт. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. – 117 с;
3. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркомании, проституции, самоубийств и иных отклонений. – СПб: Юридический центр Пресс, 2007. – 525 с;
4. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-porya-dok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения: 02.03.2026).

Кудияров Ерик Айдарханович
Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

КӨЛІКТЕГІ ІШКІ ІСТЕР ОРГАНДАРЫ ҚЫЗМЕТІНІҢ РӨЛІ

Аннотация. Бұл мақалада ұлттық қауіпсіздік, құқықтық тәртіп және азаматтардың конституциялық құқықтарын қорғау тұрғысынан көліктегі ішкі істер органдарының атқаратын рөлі жан-жақты талданады. Көлік инфрақұрылымы нысандарын күзетудің құқықтық режимдері, терроризм мен экстремизмге қарсы іс-қимыл тұжырымдамалары және қылмыстың алдын алудағы заманауи технологиялық тәсілдер қарастырылған. Сонымен қатар, мемлекет басшысымен белгіленген басымдықтар негізінде көлік полициясын цифрлық трансформациялау және сервистік модельге көшіру мәселелеріне ерекше назар аударылады. Зерттеу барысында көлік инфрақұрылымы нысандарын, атап айтқанда теміржол түйіктері мен әуежайлардың ішкі кешендерін күзетудің құқықтық режимдері және олардың ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз етудегі маңызы талданады. Автор көлік полициясының құзыреттілігін логистикалық хабтар мен жекеменшік терминалдарға дейін кеңейту арқылы «құқықтық вакуумды» жою және трансшекаралық қылмысқа тосқауыл қою тетіктерін ұсынады. Сонымен қатар, қауіпсіздік жүйесін ICAO, IATA және UIC халықаралық стандарттарына сәйкестендіру – елдің жаһандық «Транзиттік хаб» ретіндегі имиджін нығайтудың басты шарты ретінде қарастырылған. Мақаланың түйінді бөлігінде көлік полициясын цифрлық трансформациялау және сервистік модельге көшіру арқылы инвесторлардың мемлекетке деген сенімін арттырудың заманауи технологиялық тәсілдері тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: көлік полициясы, қоғамдық қауіпсіздік, цифрландыру, терроризмге қарсы іс-қимыл, сервистік модель, көлік инфрақұрылымы, конституциялық құқықтар.

Аннотация. В данной статье всесторонне проанализирована роль органов внутренних дел на транспорте с точки зрения национальной безопасности, правопорядка и защиты конституционных прав граждан. Рассмотрены правовые режимы охраны объектов транспортной инфраструктуры, концепции противодействия терроризму и экстремизму и современные технологические подходы в предупреждении преступности. Кроме того, особое внимание будет уделено вопросам цифровой трансформации транспортной полиции и перехода на сервисную модель на основе приоритетов, установленных главой государства. В ходе исследования анализируются правовые режимы охраны объектов транспортной инфраструктуры, в частности железнодорожных тупиков и внутренних комплексов аэропортов, и их значение в обеспечении национальной безопасности. Автор предлагает механизмы для устранения «правового вакуума» и сдерживания трансграничной преступности путем расширения компетенции транспортной полиции до логистических хабов и частных терминалов. Кроме того, приведение системы безопасности в соответствие с международными стандартами ICAO, IATA и UIC рассматривается как главное условие укрепления имиджа страны как глобального «транзитного хаба». В ключевой части статьи будут сформулированы современные технологические подходы к повышению доверия инвесторов к государству путем цифровой трансформации транспортной полиции и перехода на сервисную модель.

Ключевые слова: транспортная полиция, общественная безопасность, цифровизация, противодействие терроризму, сервисная модель, транспортная инфраструктура.

Abstract. This article analyzes in detail the role played by the internal affairs bodies in transport in terms of national security, law and order and protection of the constitutional rights of citizens. The legal regimes of protection of transport infrastructure facilities, concepts of countering terrorism and extremism and modern technological approaches to Crime Prevention are considered. At the same time, special attention is paid to the issues of digital transformation and transition of the Transport Police to a service model based on the priorities set by the head of state. In the course of the study, the legal regimes of protection of transport infrastructure facilities, in particular railway dead ends and internal complexes of airports, and their importance in ensuring national security are analyzed. The author proposes mechanisms to eliminate the "legal vacuum" and curb cross-border crime by expanding the competence of the Transport Police to logistics hubs and private terminals. In addition, compliance of the security system with international standards ICAO, IATA and UIC is considered as the main condition for strengthening the country's image as a global "transit hub". In the key part of the article, modern technological approaches to increasing investors' confidence in the state through digital transformation of the Transport Police and transition to a service model are formulated.

Keywords: transport police, public safety, digitalization, counter-terrorism, service model, transport infrastructure.

Мемлекеттік басқару жүйесіндегі көлік саласының стратегиялық орны айрықша маңызға ие. Қазіргі таңда көлік кешені мемлекет экономикасының, әлеуметтік дамуының және халықаралық интеграциялық процестердің ажырамас құрамдас бөлігі болып табылады. Теміржол, әуе, су және

автомобиль магистральдары арқылы күн сайын миллиондаған адамдар мен стратегиялық маңызы бар жүктер тасымалданады. Елдің инвестициялық тартымдылығы мен халықтың өмір сүру сапасы тікелей көлік жүйесінің қауіпсіздік деңгейіне тәуелді. Осы ауқымды қозғалыс барысында қоғамдық тәртіпті сақтау, құқық бұзушылықтардың алдын алу және азаматтардың конституциялық құқықтарын қорғау міндетін Көліктегі полиция департаменті (бұдан әрі – КПД) жүзеге асырады. Бұл құрылым тек құқық қорғау органы ғана емес, елдің транзиттік әлеуетін қорғайтын стратегиялық маңызы бар мемлекеттік институт болып табылады.

КПД – ішкі істер жүйесінің ерекше спецификаға ие мамандандырылған ведомстволық құрылымы. Оның қызметі келесі құқықтық базаға негізделген:

- «Қазақстан Республикасының ішкі істер органдары туралы» Заңы;

Көлік инфрақұрылымы нысандарын күзетуді реттейтін нормативтік-құқықтық актілер.

Көліктегі қылмыспен күрес және терроризмге қарсы іс-қимыл мақсатында КПД қызметінде жалпы және арнайы ережелер қолданылады. Департаменттің жауаптылық аймағына 16 000 шақырымнан астам теміржол желісі, 20-дан астам халықаралық және өңірлік әуежайлар, сондай-ақ, ірі су порттары мен вокзал кешендері кіреді. КПД өз қызметінде прокуратура, Ұлттық қауіпсіздік комитеті, кеден органдары және тасымалдаушы компаниялардың қауіпсіздік қызметтерімен тығыз ведомствоаралық байланыста жұмыс істейді.

Қызметтің негізгі бағыттары мен функциялары бойынша статистикалық талдау есебіне сүйенсек, келесі оң динамиканы байқауға болады:

1. Қылмыс деңгейінің регрессиясы: Көлік нысандарында жасанды интеллект элементтері бар бейнебақылау жүйелерін енгізудің нәтижесінде, пойыз ішіндегі мүліктік ұрлық оқиғалары соңғы үш жылда 15-20%-ға төмендеген.

2. Наркобизнеске қарсы іс-қимыл: Көліктегі полиция департаментінің 2025 жылғы статистикалық мәліметтері бойынша есірткі айналымына қатысты 367 қылмыс анықталып, нәтижесінде 794 кг-нан астам есірткі заттары заңсыз айналымнан тәркіленген.

3. Жедел әрекет ету тиімділігі: Цифрлық планшеттерді қолдану полиция қызметкерлерінің құқық бұзушы тұлғаларды деректер базасы бойынша тексеру уақытын 10 минуттан 45 секундқа дейін қысқартты. Сондай-ақ, есепті кезеңде 89 мыңнан астам әкімшілік құқық бұзушылық анықталды [1].

Көліктегі қауіпсіздіктің теориялық тұрғыда үш деңгейлі моделін негіздеуге болады:

- Бірінші деңгей (превентивті): вокзал мен әуежай кіреберісіндегі досмотрлық (тексеру) іс-шаралары мен сканерлеу процестері.

- Екінші деңгей (технологиялық): «Интеллектуалды бейнебақылау» жүйесі – күдікті тұлғалар мен иесіз қалған заттарды автоматты түрде идентификациялау.

- Үшінші деңгей (оперативті): Желілік полиция бөлімшелері мен «Сергек» жүйесінің интеграциясы арқылы қылмыскерлерді «ізін суытпай» ұстаудың кешенді тетігі [2].

Туристік полицияның рөлін арттыру:

Қазақстанның транзиттік әлеуеті артқан сайын, көліктегі полиция департаментінің құрамына Туристік полиция енгізілді. Олар тек тәртіп сақшысы емес, сонымен қатар, гид және аудармашы рөлін атқаруына биімделді. Бұл халықаралық аренада мемлекеттің «демократиялық және сервистік полиция» имиджін қалыптастырудың негізгі құралы.

Кинологиялық қызметтің маңызы. Технология дамығанымен, иіс сезу қабілеті жоғары қызметтік иттердің рөлі әлі де жоғары. Қызметтік иттерді қолдану – жарылғыш заттар мен есірткілерді анықтаудағы ең тиімді және қатесіз әдістердің бірі болып қала береді. Көлік полициясының кинологиялық орталықтары стратегиялық нысандарды тексеруде басты рөл атқарады [3].

Халықаралық ынтымақтастық (Интерполмен байланыс) – КПД қызметінің ажырамас бөлігі. Көліктегі қылмыс көбінесе трансшекаралық сипатқа ие болғандықтан, Қазақстанның көлік полициясы Интерполмен және ТМД елдерінің жедел ақпарат алмасу жүйелерімен интеграцияланған. Бұл халықаралық іздеудегі қылмыскерлерді Қазақстанның стратегиялық көлік тораптарында бірден анықтауға мүмкіндік береді.

КПД қызметінің басым бағыттары мынадай функционалдық блоктарды қамтиды:

- Қоғамдық қауіпсіздікті қамтамасыз ету: Вокзалдар мен пойыздардағы тәулік бойы кезекшілік мүліктік қылмыстар мен бұзақылықты болдырмауға бағытталған.

- Терроризммен және экстремизммен күрес: КПД халықаралық стандарттарға (БҰҰ конвенциялары, FATF стандарттары) сәйкес көп деңгейлі тексеру шараларын жүргізеді. Маңызды көпірлер, туннельдер мен терминалдар тұрақты патрульденеді [4].

- Контрабандаға қарсы іс-қимыл: Мобильді рентген кешендері мен «ақылды» тексеру жүйелерін қолдану арқылы синтетикалық есірткілер мен контрабандалық тауарлардың транзитіне тосқауыл қойылады.

- Сервистік модельге көшу: Полицияның жазалаушы органнан көмек көрсетуші модельге ауысуы шеңберінде SafeTravel.kz жүйесі іске қосылды.

- Сыбайлас жемқорлықты жою: Процестердің ашықтығын қамтамасыз ету арқылы транзиттік көліктерге негізсіз тексерістерді азайту [5].

Технологиялық инновациялар мен халықаралық тәжірибе. Заманауи кезеңде КПД жұмысының тиімділігі инновациялық шешімдермен айқындалады: «Сфера» интеллектуалды жүйесі: Бұл жүйе вокзалдар мен әуежайлардағы бейнебақылауды жай ғана «жазу» құралынан «талдау» құралына айналдырды. Ол іздеудегі тұлғаларды бет-әлпеті арқылы танып, күдікті мінез-құлықты автоматты түрде анықтайды [6].

Кадрлық әлеует және қауіпсіздік мәдениеті. Тек техникалық жабдықтау жеткіліксіз, қызметкерлердің кәсіби даярлығы, психологиялық төзімділігі мен этикасы басты орында. Сондай-ақ, қауіпсіздік – қоғамның ортақ міндеті. Жолаушылардың құқықтық мәдениетін арттыру, күдікті заттар туралы хабарлау дағдыларын қалыптастыру бойынша профилактикалық шаралардың маңызы зор.

Болашақ сын-қатерлер мен даму перспективалары. 2026 жылға қарай транзиттік ағынның өсуіне байланысты КПД алдында жаңа міндеттер тұр:

- Кибер қауіпсіздікті күшейту (электронды билет жүйелерін қорғау);
- Трансұлттық қылмыспен күресудегі халықаралық ынтымақтастықты кеңейту;
- Көлік-логистикалық бағыттағы қауіпсіздік стандарттарын жетілдіру.

2025 жылы көліктегі ішкі істер органдарының рөлі қарапайым патрульдеуден стратегиялық қауіпсіздік деңгейіне көтерілді. Мемлекет басшысы ұсынған «Заң және Тәртіп» қағидатын іске асыру арқылы көлік полициясы елдің тұрақтылығын, инвесторлардың сенімін және азаматтардың жайлылығын қамтамасыз етеді. Қауіпсіз көлік жүйесі – Қазақстанның халықаралық беделі мен экономикалық өркендеуінің кепілі [7].

Қазіргі таңда КПД жұмысы тек физикалық қатысумен ғана шектелмейді. Ол «Ақылды вокзал» (Smart Station) және «Қауіпсіз әуежай» тұжырымдамаларына негізделген көп деңгейлі архитектурадан тұрады.

Заманауи көлік полициясы қолданатын қауіпсіздік жүйесінің құрылымын былайша сипаттауға болады:

- деректерді жинау қабаты: бейнебақылау камералары, биометриялық терминалдар және рентген-телевизиялық қондырғылар (РТҚ);
- талдау қабаты (AI): жасанды интеллект бет-әлпетті танып қана қоймай, адамның мінез-құлқындағы ауытқуларды (агрессия, мақсатсыз жүру, иесіз заттарды қалдыру) автоматты түрде анықтайды;
- әрекет ету қабаты: планшетпен жарақтанған жақын маңдағы патрульдік топқа дабыл сигналын жедел жолдау.

Мемлекеттік саясат және Президент Жолдауындағы басымдықтарға тоқталатын болсақ, Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаевтың 2025 жылғы «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: цифрлық трансформация арқылы өзекті міндеттерді шешу» атты Жолдауында көлік полициясының алдына жаңа міндеттер қойылды. Олар: Цифрландыру – жаңа стандарт: Қауіпсіздік жүйесіне Жасанды интеллект пен Big Data технологияларын енгізу. Бұл ықтимал қауіптерді алдын ала болжайтын интеллектуалды бейнебақылауға көшуді білдіреді. КПД үшін бұл тек физикалық қылмыспен күрес емес, сонымен қатар, билет жүйелерін қорғау, хакерлік шабуылдардың алдын алуы болып табылады.

Деректер базасының қауіпсіздігі: Жолаушылардың жеке мәліметтерін (ЖСН, паспорт деректері) заңсыз қолдануда болудан сақтау.

Соңғы есептерге сәйкес, Қазақстанның ірі көлік тораптарында «Бет-әлпетті тану» (Face ID) жүйесін енгізу арқылы халықаралық іздеуде жүрген қылмыскерлерді ұстау тиімділігі 35%-ға артты.

Вокзалдар мен әуежайлардағы заңсыз сауда мен рұқсатсыз тасымал жасаушылар саны 2,5 есеге азайды.

Қазіргі таңда көлік қауіпсіздігі тек физикалық күзетпен шектелмейді. Жолдаудағы басымдықтарға сәйкес КПД жұмысына келесі технологиялар енгізілуде: ұшқышсыз ұшу аппараттары (дрондар) - жетуі қиын станцияларда және жекеменшік тупик объектілерінде жүктердің сақталуын бақылау үшін дрондар қолданылады. Бұл металл және жанармай ұрлығын 37,3%-ға азайтуға мүмкіндік берді, бірақ бұл нысандар КПД құзыреттілігіне жатпайды, осындай қарама қайшылықтарды болдырмау мақсатында теміржол нысандарын толығымен көліктегі полиция департаментінің

құзыреттілігіне өткізуге ұсыныс жасау. Жолдауда айтылған «Заң және Тәртіп» қағидаты шеңберінде теміржол инфрақұрылымының қауіпсіздік архитектурасын қайта қарау.

Қауіпсіздік архитектурасы:

Қабат	Компоненттер	Функциялар
Деректер жинау	Камералар, РТК, биометрия	Реалтайм мониторинг
AI талдау	Face ID, Big Data	Аномалияларды болжау (+35%)
Әрекет ету	Дабыл, патрульдар	Реакция 45 сек adilet.zan+1

Жетуі қиын станциялар, жеке тупиктер және теміржол ғимараттарының кешендерін КПД тікелей құзыреттілігіне тапсыру мәселесі туындап отыр [8].

Халықаралық тәжірибедегі модельдік мысалдарды қарастырсақ, Қазақстанның көлік полициясы әлемдік озық тәжірибелерді негізге алады:

- АҚШ: Көлік қауіпсіздігі әкімшілігі (TSA) мен теміржол полициясының (Amtrak Police) стратегиялық нысандарды қатаң федералдық бақылауға алу моделі;

- Жапония: «Shinkansen» жүйесіндегідей жоғары технологиялық мониторинг және кез келген заң бұзушылыққа «нөлдік төзімділік»;

- Германия: Федералдық полицияның (Bundespolizei) теміржол вокзалдары мен ғимараттарын сервистік және күзеттік функциялармен ұштастыру тәжірибесі.

Қазақстан 2026 жылға қарай транзиттік тасымалды 343 миллион тоннаға жеткізуді жоспарлап отыр. Осыған орай, КПД-нің цифрландырылуы және оның құзыреттілігінің кеңеюі – елдің «Транзиттік хаб» ретіндегі имиджін қалыптастырады. Қауіпсіз теміржол, қорғалған жүк және заманауи сервис – бұл инвесторлар мен азаматтардың мемлекетке деген сенімінің негізі[9].

Ұсыныс: Теміржол желісіне қатысты объектілерді және әуежай ғимараттарын КПД құзыретіне беру:

- Теміржол желісіне тікелей қатысты объектілер тізімі
 - 1.1.Негізгі магистральдық инфрақұрылым:
 - Тұйықтар (тупиктер): Барлық жекеменшік және мемлекеттік кірме жолдар (А1, А2, БМЗ сызықтары бойынша 1 247 тупик).

- Жүк терминалдары: Сұрыптау станциялары.

- Вагон қоймалары: Ашық/жабық типті жүк сақтау алаңдары.

- Жөндеу ангарлары: Локомотив/вагон жөндеу базалары.

1.2.Техникалық және қауіпсіздік объектілері:

- Сигналдық-телефония жүйелері: ЦТС станциялары және релейлік кабиналар.

- Электрберілу байлестері: Контакт торы трансформатор подстанциялары.

- Көпірлер астынғы аймақтар: Маңызды аркалар.

1.3. Қосымша инфрақұрылым:

- Вагон жуу станциялары: Автоматтандырылған жабдықталған нысандар.

- Пломбалау пункттері: Контейнерлік жүктерді пломбалау аймақтары.

Барлық стратегиялық маңызы бар теміржол тұйықтары мен жүк терминалдарын КПД-ның жедел қызмет көрсету аймағына ресми түрде енгізу.

Нәтиже: Инвесторлар мен жеке кәсіптік тұрғыдан жүктің «есіктен есікке дейін» (door-to-door) мемлекеттік полиция бақылауында болуы – қауіпсіздіктің 100% кепілі.

- Әуежайларға қатысты жеке ғимараттар мен аймақтар.

Әуе транзиті – ең қымбат және жылдам тасымал түрі. «Транзиттік хаб» имиджі үшін әуежайдағы қауіпсіздік тек жолаушылармен шектелмеуі тиіс.

2.1. Карго және жүк инфрақұрылымы:

- Халықаралық карго-терминалдар: Астана халықаралық (7 500 м²), Алматы (5 200 м²), Шымкент.

- Жүк қоймалары: Температуралық режимді сақтайтын рефрижераторлық камералар.

- Контейнерлік аймақтар: ULD контейнерлерді сақтау алаңдары.

2.2. Техникалық және қауіпсіздік нысандары:

- Жанармай құю кешендері: Авиатотын сақтауыштары және гидрант жүйелері.

- Техникалық ангарлар: Boeing/Airbus жөндеу базалары.

- Ұшқышсыз ұшу аппараттары (UAV) алаңдары: Дрон хабтары.

2.3. Шекаралық және қауіпсіздік аймақтары:

- Транзиттік жүк зонасы: «Air Bridge» транзиттік коридоры.

- Қауіпсіздік сканерлері бөлмелері: Рентген және АІ талдау орталықтары.

Әуежайдың карго-терминалдарын, жанармай құю кешендерін және техникалық қызмет көрсету ангарларын КПД-ның тікелей бақылауына беру. Егер халықаралық әуежайдың жүк қоймасында заңсыздық орын алса, КПД мамандары «жедел желі» арқылы цифрлық деректерді бірден алып, шекаралық бақылаумен үйлестіре алады. Бұл контрабанда мен «сұр» каргоның жолын кеседі.

КПД құзыреттілігін кеңейтудің стратегиялық негіздемесі: бұл нысандарды КПД-ға беру ел экономикасына келесідей оң әсер етеді – практикалық жағынан жүк Қытай шекарасынан (Достық) кіріп, Каспий портына (Ақтау) жеткенше немесе әуежай арқылы Еуропаға кеткенше, ол бір ғана құзыретті органның – КПД-ның бақылауында болады. Бұл (End-to-End Security) «жауаптылықты бірінен-біріне ысыруды» тоқтатады. Егер барлық тұйықтар мен әуежай нысандары КПД құзыретілігіне өтсе, оларды бірыңғай Цифрлық қауіпсіздік мониторингіне қосу оңай болады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Ақпараттық медиа-портал POLISIA.KZ // [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://polisia.kz/ru/departament-politsii-na-transporte-podvel-itogi-operativno-služhebnj-devatel-nosti/> (жүгінген күні 05.03.2026).
2. Көліктегі қауіпсіздік және құқық тәртібі: Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. – Алматы: ҚР ПМ Академиясы, 2023. – 145-152 бб. (жүгінген күні 05.03.2026).
3. «Қазақстан Республикасының ішкі істер органдары туралы» Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 23 сәуірдегі № 199-V Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1400000199> (жүгінген күні 05.03.2026).
4. «Терроризмге қарсы іс-қимыл туралы» Қазақстан Республикасының 1999 жылғы 13 шілдедегі № 416-I Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z990000416> _ International Transport Forum (ITF): Transport Security and Counter-Terrorism. – OECD Publishing, 2024. <https://www.itf-oecd.org> (жүгінген күні 05.03.2026).
5. SafeTravel.kz бағдарламасы мен сервистік полиция моделін енгізу туралы есептер. ҚР ПМ Көліктегі полиция департаментінің ресми статистикалық жинағы, 2025. (жүгінген күні 05.03.2026).
6. «Көлік туралы» Қазақстан Республикасының 1994 жылғы 21 қыркүйектегі № 156-XIII Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z940004000> (жүгінген күні 05.03.2026).
7. Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің 2024-2026 жылдарға арналған стратегиялық жоспары. – Астана: ҚР ПМ баспасы, 2024. [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim> (жүгінген күні 05.03.2026).
8. Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына Жолдауы: «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: цифрлық трансформация арқылы өзекті міндеттерді шешу» (2025 жылғы қыркүйек). // [Электрондық ресурс] – айналыс режим: <https://www.akorda.kz> (жүгінген күні 05.03.2026).
9. Қазақстан Республикасы Көлік министрлігі // [Электрондық ресурс] – Айналыс режим: <https://www.gov.kz/memleket/entities/transport/press/news/details/1169455?lang=kk> (жүгінген күні 05.03.2026).

УДК 343.98

Қадылжанова Ақбота Мұқтарқызы,
магистрант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения криминалистического профайлинга в системе противодействия терроризму. Анализируются особенности использования методов поведенческого анализа для выявления лиц, склонных к радикализации и участию в террористической деятельности. Особое внимание уделяется проблемам внедрения криминалистического профайлинга в Республике Казахстан, включая недостаточность правового регулирования, дефицит квалифицированных специалистов и технические ограничения. Рассматривается зарубежный опыт применения криминалистического профайлинга на примере деятельности Федерального бюро расследований США. Сделан вывод о необходимости нормативного закрепления и научного развития данного инструмента для повышения эффективности антитеррористической деятельности.

Ключевые слова: криминалистический профайлинг, терроризм, противодействие терроризму, поведенческий анализ, правоохранительные органы.

Аннотация. Мақалада терроризмге қарсы іс-қимыл жүйесінде криминалистикалық профайлингті қолдану мүмкіндіктері қарастырылады. Террористік әрекеттерге қатысуға немесе радикалдануға бейім тұлғаларды анықтау мақсатында мінез-құлықтық талдау әдістерін пайдалану ерекшеліктері талданады. Сонымен қатар Қазақстан Республикасында криминалистикалық профайлингті енгізу мәселелері, атап айтқанда құқықтық реттеудің жеткіліксіздігі, білікті мамандардың жетіспеушілігі және техникалық шектеулер қарастырылады. АҚШ тәжірибесі мысалында профайлингті қолданудың шетелдік тәжірибесіне талдау жүргізіледі. Зерттеу нәтижесінде антитеррористік қызметтің тиімділігін арттыру үшін криминалистикалық профайлингті заңнамалық тұрғыда бекіту қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: криминалистикалық профайлинг, терроризм, құрал, құқық қорғау органдары.

Abstract. The article examines the potential of criminal profiling as a tool for combating terrorism. The study analyzes the application of behavioral analysis methods aimed at identifying individuals prone to radicalization and involvement in terrorist activities. Particular attention is paid to the challenges of implementing criminal profiling in the Republic of Kazakhstan, including insufficient legal regulation, a lack of qualified specialists, and technological limitations. The article also considers international experience, particularly the practices of the Federal Bureau of Investigation in the United States. The study concludes that the effective use of criminal profiling requires clear legal regulation and further scientific development of this method.

Keywords: criminal profiling, terrorism, counterterrorism, behavioral analysis, law enforcement agencies.

В современном мире человечество сталкивается с большим количеством угроз, среди которых терроризм занимает одно из наиболее опасных мест. Данное явление представляет серьёзную угрозу общественной безопасности как на национальном, так и на международном уровне. В условиях активного развития цифровых технологий террористические организации всё чаще используют интернет-пространство и социальные сети для распространения радикальной идеологии, вербовки новых сторонников и координации противоправной деятельности. Это значительно усложняет работу правоохранительных органов и требует внедрения новых методов предупреждения и выявления подобных угроз [1].

В Республике Казахстан были зафиксированы несколько случаев террористических актов. Так, в 2016 году в городе Актобе группа вооружённых лиц совершила нападения на оружейные магазины и воинскую часть, в результате чего погибли военнослужащие и гражданские лица [2]. Ранее, в 2011 году, в Таразе и Атырау были зафиксированы террористические нападения на сотрудников правоохранительных органов, в том числе с использованием смертника [3]. Кроме того, в январе 2022 года события в Алматы сопровождались нападениями на государственные учреждения и силовые структуры, что также было квалифицировано как террористическая деятельность [4].

В связи с этим особое значение приобретает поиск эффективных инструментов противодействия терроризму. Одним из таких инструментов может выступать криминалистический профайлинг. Под данным понятием понимается метод анализа психологических, социальных и поведенческих характеристик человека с целью выявления признаков, свидетельствующих о возможной склонности к радикализации или участию в противоправной деятельности [5].

Внедрение криминалистического профайлинга в Казахстане сталкивается с существенными препятствиями, прежде всего из-за отсутствия чётко закреплённого правового регулирования. В Казахстане действует Закон «О борьбе с терроризмом» №416-І (1999г.), который определяет основные принципы и направления противодействия террористической деятельности, а также устанавливает полномочия государственных органов в данной сфере [6]. Однако в действующем законодательстве отсутствуют нормы, прямо регулирующие применение криминалистического профайлинга. Не определены цели использования данного метода, его правовые границы, а также субъекты, уполномоченные применять подобные инструменты.

Отсутствие нормативного регулирования может привести к возникновению различных правовых коллизий. В частности, возникают вопросы о допустимости отдельных методов наблюдения за поведением человека, анализа его речевых особенностей, мимики и других поведенческих маркеров. При отсутствии чётких правил такие действия могут быть восприняты как вмешательство в личную жизнь граждан.

Дополнительные сложности возникают и в сфере защиты персональных данных. Закон «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года регулирует вопросы сбора, обработки и хранения персональной информации [7]. Однако положения данного закона также не содержат норм, касающихся использования криминалистического профайлинга. В результате возникает риск неоднозначного толкования допустимых методов анализа данных, что может привести к юридическим последствиям. Таким образом, для эффективного и безопасного использования криминалистического профайлинга необходимо его нормативное закрепление и разработка чётких процедур применения.

Ещё одной серьёзной проблемой является недостаточная подготовка специалистов, способных профессионально применять методы криминалистического профайлинга. Данный инструмент находится на пересечении нескольких научных дисциплин — криминалистики, психологии, криминологии и анализа данных. Поэтому для его эффективного применения необходимы специалисты, обладающие комплексными знаниями в данных областях.

В настоящее время в Казахстане наблюдается дефицит таких специалистов. Хотя проводятся отдельные тренинги, мастер-классы и образовательные программы, на уровне высшего образования криминалистический профайлинг изучается фрагментарно либо рассматривается лишь в рамках отдельных тем курсов криминологии или психологии. Это приводит к тому, что подготовка кадров по данному направлению остаётся недостаточной. Кроме теоретических знаний криминалистический профайлинг требует значительного практического опыта. Специалисты должны уметь анализировать поведенческие особенности людей, работать с материалами видеонаблюдения, анализировать информацию из социальных сетей и различных баз данных. При отсутствии соответствующей подготовки эффективность применения криминалистического профайлинга существенно снижается.

Отдельного внимания заслуживают социальные и культурные особенности казахстанского общества. Казахстан является многонациональным и многоконфессиональным государством, что требует осторожного и взвешенного подхода при внедрении новых методов обеспечения безопасности. Механическое заимствование зарубежных моделей криминалистического профайлинга без учёта национальных особенностей может оказаться малоэффективным. Кроме того, в обществе могут возникать опасения относительно возможного нарушения прав и свобод граждан. Некоторые люди воспринимают криминалистический профайлинг как инструмент контроля или вмешательства в личную жизнь. Вместе с тем важно понимать, что криминалистический профайлинг не предполагает тотального наблюдения за гражданами. Его задача заключается в анализе поведенческих признаков и выявлении факторов риска, которые могут свидетельствовать о возможной радикализации. При соблюдении правовых и этических норм данный инструмент может способствовать повышению уровня общественной безопасности.

Для эффективного функционирования криминалистического профайлинга необходима развитая технологическая инфраструктура: системы видеонаблюдения, технологии распознавания лиц, анализ больших массивов данных, использование искусственного интеллекта. В Казахстане подобные технологии постепенно внедряются, однако уровень их развития остаётся неравномерным. В крупных городах функционируют системы видеонаблюдения, однако центры аналитической обработки данных пока находятся на стадии развития. Дополнительной проблемой является высокая стоимость соответствующих технологий. Системы анализа больших данных и программные комплексы требуют значительных финансовых ресурсов. Помимо этого, важным вопросом остаётся обеспечение информационной безопасности, поскольку централизованное хранение больших объёмов данных создаёт риски утечек информации и кибератак.

Примером успешного применения криминалистического профайлинга является опыт США. В 1970-е годы в структуре Федерального бюро расследований было создано подразделение Behavioral Science Unit, сотрудники которого исследовали поведение преступников и особенности совершения преступлений. Позднее данное направление развилось в подразделении Behavioral Analysis Unit (BAU), которое анализирует сложные преступления и помогает следственным органам. Специалисты изучают место преступления, характер действий преступника и возможные мотивы, формируя вероятностный психологический портрет. Дополнительно используется программа ViCAP, позволяющая сопоставлять данные о преступлениях из разных регионов страны и выявлять возможные связи между ними [8]. В США криминалистический профайлинг рассматривается как вспомогательный инструмент расследования и не заменяет традиционные доказательства.

Отдельного внимания заслуживает необходимость формирования в Казахстане комплексного подхода к внедрению криминалистического профайлинга в систему противодействия терроризму. В частности, представляется целесообразным разработать нормативные рекомендации по применению методов поведенческого анализа, а также внедрить специализированные образовательные программы для подготовки профайлеров. Кроме того, важным направлением может стать создание аналитических подразделений, занимающихся изучением поведенческих маркеров радикализации и анализом информации из открытых источников. Реализация этих мер позволит повысить эффективность выявления потенциальных угроз и усилить профилактическую направленность антитеррористической деятельности.

Проведённое исследование позволяет сформулировать комплексные научно обоснованные выводы и практико-ориентированные рекомендации, направленные на совершенствование системы противодействия терроризму в Республике Казахстан с использованием криминалистического профайлинга.

Современный терроризм характеризуется высокой степенью трансформации под воздействием цифровых технологий, что выражается в активном использовании интернет-пространства и социальных сетей для распространения радикальной идеологии, вербовки и координации противоправной деятельности. Указанная тенденция существенно осложняет применение традиционных методов противодействия и обуславливает необходимость внедрения инновационных криминалистических инструментов. В современных исследованиях особое внимание уделяется феномену онлайн-радикализации. Согласно докладу UNODC (2022) и INTERPOL (2023), интернет-пространство стало ключевой средой формирования экстремистских установок, особенно среди молодёжи. Социальные сети и мессенджеры используются не только для пропаганды, но и для создания замкнутых радикальных сообществ, что существенно осложняет их выявление [9]. В научной литературе Республики Казахстан подчёркивается, что цифровизация усиливает латентность и транснациональный характер террористических угроз (Калиев Е.Ж.) [10].

В данном контексте криминалистический профайлинг выступает как перспективное направление предупреждения террористической деятельности, позволяющее выявлять признаки радикализации личности на ранних стадиях. Вместе с тем эффективность его применения определяется наличием научно обоснованных методик, уровнем подготовки специалистов и институциональной поддержкой. Как справедливо отмечает Смагулов А.С., отсутствие единых методологических подходов способно снижать достоверность результатов поведенческого анализа [11].

Анализ действующего законодательства Республики Казахстан свидетельствует об отсутствии нормативного закрепления криминалистического профайлинга как самостоятельного инструмента противодействия терроризму. Это обуславливает правовую неопределённость в вопросах допустимости использования методов поведенческого анализа, а также их соотношения с конституционными правами и свободами граждан. По мнению Нургалиева Б.М., развитие криминалистических средств должно сопровождаться их чёткой правовой регламентацией и установлением процессуальных гарантий [11].

Существенным сдерживающим фактором является недостаточный уровень кадрового обеспечения. Отсутствие системной подготовки специалистов, обладающих междисциплинарными знаниями в области криминалистики, психологии и анализа данных, ограничивает практическую эффективность применения профайлинга. Кроме того, внедрение данного инструмента требует учёта социально-культурных особенностей казахстанского общества, что исключает возможность прямого заимствования зарубежных моделей без их адаптации.

С учётом изложенного представляется обоснованным предложить комплекс взаимосвязанных рекомендаций. Прежде всего, необходимо нормативное закрепление криминалистического профайлинга посредством внесения соответствующих изменений в законодательство Республики

Казахстан, в частности в Закон «О борьбе с терроризмом». Законодательное определение понятия, целей, принципов и пределов применения профайлинга позволит обеспечить его легитимность и минимизировать риски нарушения прав граждан [12].

Одновременно требуется разработка единых научно обоснованных методических стандартов применения криминалистического профайлинга. Стандартизация процедур и алгоритмов поведенческого анализа будет способствовать повышению объективности и достоверности получаемых результатов.

Не менее важным направлением является формирование системы подготовки и повышения квалификации специалистов. Введение специализированных образовательных программ в высших учебных заведениях, а также развитие программ профессиональной переподготовки позволит устранить кадровый дефицит и повысить уровень профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов.

В целях повышения эффективности практического применения профайлинга целесообразно создание специализированных аналитических подразделений, осуществляющих мониторинг информационного пространства, анализ поведенческих данных и выявление признаков радикализации. Комплексный межведомственный подход позволит повысить результативность выявления потенциальных угроз.

Дополнительно необходимо развитие технологической инфраструктуры, современные научные исследования также подчёркивают возрастающую роль технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных в противодействии терроризму. По мнению ряда зарубежных авторов (Borum, 2021; UNODC, 2022), алгоритмы машинного обучения позволяют выявлять скрытые поведенческие паттерны и прогнозировать риски радикализации, однако требуют строгого правового регулирования [13].

Наконец, заимствование зарубежного опыта должно осуществляться с учётом национальных особенностей Республики Казахстан. Адаптивный подход позволит обеспечить баланс между эффективностью мер безопасности и соблюдением прав и свобод граждан.

Таким образом, криминалистический профайлинг при условии его нормативного закрепления, методологической проработки и кадрового обеспечения может стать важным элементом современной системы противодействия терроризму в Республике Казахстан.

Список использованных источников:

1. Антонов О.Ю. Криминалистическая модель экстремистской преступной деятельности в сети Интернет и её использование в борьбе с экстремизмом // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 6 (29). – С. 195–202.
2. Теракт в Актобе (2016) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Теракт_в_Актобе_\(2016\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Теракт_в_Актобе_(2016)) (дата обращения: 25.02.2026).
3. Теракт в Таразе (2011) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теракт_в_Таразе (дата обращения: 25.02.2026).
4. События в Казахстане в январе 2022 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-64121146> (дата обращения: 25.02.2026).
5. Арефинкина Е.Г. Криминалистический профайлинг или психология на службе закона // Государство, право и общество: вопросы теории и практики. – 2023. – С. 87–89.
6. Закон Республики Казахстан «О борьбе с терроризмом» от 13 июля 1999 года № 416-І // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416> (дата обращения: 25.02.2026).
7. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года № 94-V // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (дата обращения: 25.02.2026).
8. Federal Bureau of Investigation. Behavioral Analysis Unit // [Electronic resource]. – Available at: <https://www.fbi.gov/how-we-investigate/behavioral-analysis> (дата обращения: 25.02.2026).
9. UNODC. Counter-Terrorism in the Digital Age. – Vienna, 2022.
10. Калиев Е.Ж. Современные угрозы терроризма в условиях цифровизации // Вестник Казахского национального университета. – 2021.
11. Смагулов А.С. Криминалистический профайлинг: теория и практика. – Алматы, 2020.
12. Нурғалиев Б.М. Развитие криминалистики в Республике Казахстан. – Караганда, 2019.
13. Borum R. Understanding Terrorist Behavior in the Digital Era. – 2021.

ӘОЖ 342.95:656.13

Манатов Муратбек Мирамбекович

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

Бактияров Нуркен Пралиевич

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ЦИФРЛЫҚ ЕСЕПКЕ АЛУДАҒЫ РЕЗИДЕНТ ЕМЕС ТҰЛҒАЛАРДЫҢ ЖОЛ ҚОЗҒАЛЫСЫ САЛАСЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАРЫ: ҰЙЫМДАСТЫРУШЫЛЫҚ ҮЛГІЛЕР ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ ШЕКТЕУЛЕР

Аннотация. Жол қозғалысы саласындағы құқық бұзушылықтарды цифрлық есепке алу бүгінгі күні оқиғаларды жаппай тіркеу мен өңдеуді едәуір жеңілдетеді. Алайда резидент еместерге қатысты жағдайларда бұл жүйе тез арада ұйымдастырушылық және құқықтық шектеулерге тіреледі. Тәжірибеде ең осал үш түйін айқын көрінеді: көлік құралына байланысты жауапты тұлғаны дұрыс сәйкестендіру, адресатқа хабарламаны (хабардар етуді) тиісті түрде жеткізу және автоматтандырылған құралдармен алынған цифрлық материалдардың тексерілгіштігін қамтамасыз ету. Мақалада істі цифрлық контурда әкімшілік сүйемелдеудің циклі кезең-кезеңімен сипатталады: оқиғаны бастапқы тіркеуден және есептік жазбаны қалыптастырудан бастап, қаулының орындалуын бақылауға дейін. Осы негізде құқық қолданудың әртүрлі нұсқаларында кездесетін ұйымдастырушылық модельдер бөлініп көрсетіледі: бірізді мәртебелері бар орталықтандырылған тізілім, деректерді күшейтілген верификациялауға сүйенетін бақылау сатылары моделі, сондай-ақ жүйелер арасындағы дерек алмасуға негізделген интеграциялық модель. Сонымен қатар цифрлық есепке алудың құқықтық шектеулері қарастырылады: құқық бұзушылықты қате атрибуциялау тәуекелі, дәлелдемелік ақпараттың жол берілетіндігі мен қайта тексерілуіне қойылатын талаптар және дербес деректерді қорғау мәселелері. Қорытынды бөлімде қателерді азайтып, орындаудың болжамдылығын арттыратын ең төменгі есептік деректер стандарты мен рәсімдерді регламенттеу бойынша ұсыныстар беріледі.

Түйінді сөздер: резидент еместер; жол қозғалысы саласындағы құқық бұзушылықтар; цифрлық есепке алу; автоматты тіркеу; әкімшілік іс жүргізу; хабардар ету; қаулыны орындау; дербес деректер.

Аннотация. Цифровой учет дорожных правонарушений сегодня во многом решает задачу массовой фиксации и обработки событий, однако в отношении нерезидентов он быстро упирается в организационные и правовые ограничения. На практике наиболее уязвимыми оказываются три узла: идентификация лица, связанного с транспортным средством, доставка уведомления адресату и проверяемость цифровых материалов, полученных автоматическими средствами. В статье последовательно описывается административный цикл цифрового сопровождения дела, начиная с первичной регистрации события и формирования учетной записи, заканчивая контролем исполнения постановления. На этой основе выделены организационные модели, которые встречаются в разных вариантах правоприменения: централизованный реестр со сквозными статусами, модель контрольных стадий с усиленной верификацией данных, а также интеграционная модель межсистемного обмена. Отдельно рассматриваются правовые ограничения цифрового учета, включая риск ошибочной атрибуции правонарушения, требования к допустимости и воспроизводимости доказательственной информации, а также вопросы защиты персональных данных. В завершение предложены рекомендации по стандартизации минимального набора учетных данных и регламентации процедур, которые снижают количество ошибок и повышают предсказуемость исполнения.

Ключевые слова: нерезиденты; дорожные правонарушения; цифровой учет; автоматическая фиксация; административное производство; уведомление; исполнение постановлений; персональные данные.

Abstract. Digital recording of road traffic offences significantly streamlines large-scale detection and processing of incidents. However, when offences involve non-residents, the system quickly encounters organizational and legal constraints. In practice, three bottlenecks are particularly sensitive: accurate identification of the liable person linked to a vehicle, proper service of notice to the addressee, and ensuring

the verifiability of digital materials obtained through automated means. The article describes the administrative lifecycle of a case in a digital environment, from initial event registration and creation of a case record to monitoring the enforcement of the decision. On this basis, the paper distinguishes several organizational models that are commonly used in different enforcement settings: a centralized register with end-to-end case statuses, a control-stage model focused on enhanced data verification, and an integration model based on inter-system data exchange. The analysis also addresses legal limitations of the digital recording framework, including the risk of erroneous attribution of an offence, requirements for admissibility and reproducibility of digital evidence, and personal data protection considerations. The article concludes with practical recommendations on a minimum standard for recorded data and procedural regulation aimed at reducing errors and improving predictability of enforcement.

Keywords: non-residents; road traffic offences; digital recording; automated enforcement; administrative proceedings; service of notice; enforcement of decisions; personal data.

Жол қозғалысы қауіпсіздігі саласында құқық бұзушылықтарды анықтау және әкімшілік ықпал ету шараларын іске асыру біртіндеп цифрлық ортаға шоғырланып келеді. Бұл үрдіс тек техникалық құралдардың кеңеюімен шектелмейді, мәселенің өзегі цифрлық тіркеуден кейінгі құқық қолдану тізбегінің қалай ұйымдастырылатынында. Резидент еместерге қатысты істерде аталған тізбек күрделене түседі, өйткені құқық бұзушылық фактісін тіркеумен қатар оны нақты жауапты субъектімен байланыстыру, адресатты тиісті түрде хабардар ету және қабылданған шешімнің орындалуын бақылау міндеттері қатар жүреді.

Тәжірибелік деңгейде ең осал үш түйін айқындалады. Біріншісі – тұлғаны және көлік құралын дәл сәйкестендіру, өйткені нөмірді тану немесе бейнематериалдың болуы жауаптылық субъектісін автоматты түрде айқындауға әрдайым жеткіліксіз. Екіншісі – адресатты тиісті түрде хабардар ету және оның процессуалдық құқықтарын іске асыруға нақты мүмкіндік беру, себебі хабарламаны тек формальды жолдау әрдайым жеткілікті нәтиже бермейді. Үшіншісі – автоматтандырылған режимде алынған цифрлық материалдардың тексерілгіштігін қамтамасыз ету, оған деректердің тұтастығы, қалыптастыру параметрлері және аудиттік із қалдыру мәселелері жатады.

Аталған мәселелер құқықтық шектеулермен тығыз байланысты. Конституциялық деңгейдегі заңдылық және құқықтарды қорғау қағидаттары цифрлық есепке алу барысында да сақталуға тиіс [1]. Әкімшілік жауаптылық пен іс жүргізудің жалпы тәртібі тиісті кодекспен реттеледі, ал цифрлық есепке алу сол іс жүргізудің құралдық қабаты ретінде қарастырылады [2]. Сонымен бірге дербес деректерді қорғау режимі және ақпараттандыру саласындағы талаптар цифрлық контурдың институционалдық шекарасын белгілейді [3], [4].

Резидент еместер қатысатын құқық бұзушылықтар, мазмұны бойынша, трансшекаралық сипатқа ие болғандықтан, деректер алмасу және өзара құқықтық көмек логикасы да мәнге ие. Бұл тұрғыда халықаралық жол қозғалысы кеңістігінің базалық нормалары 1968 жылғы Вена конвенциясында көрініс тапқан [5]. Өңірлік деңгейде трансшекаралық құқық бұзушылықтар бойынша ақпарат алмасуды институционалдандыратын тәсілдер ЕО-ның 2015/413 директивасында байқалады [6]. Осы контексте мақала резидент еместерге қатысты цифрлық есепке алудың ұйымдастырушылық модельдерін жүйелеп, оларды шектейтін құқықтық талаптарды талдауға және деректер стандарты мен рәсімдерді регламенттеу бойынша практикалық ұсыныстар ұсынуға бағытталған.

Зерттеудің мақсаты резидент еместер жасаған жол қозғалысы саласындағы құқық бұзушылықтарды цифрлық есепке алудың ұйымдастырушылық модельдерін жүйелеу және цифрлық ортада материалдардың тексерілгіштігі, хабардар ету стандарты мен қаулының орындалуына ықпал ететін құқықтық шектеулерді айқындау болып табылады [2], [3].

Материалдар мен әдістері зерттеудің нормативтік негізін талдау, құрылымдық-функционалдық тәсіл және салыстырмалы-құқықтық элементтерді қамтиды. Материал ретінде әкімшілік іс жүргізуді, дербес деректерді қорғауды және ақпараттандыруды реттейтін нормативтік актілер, сондай-ақ трансшекаралық деректер алмасуға қатысты халықаралық құжаттар пайдаланылды [2]-[6].

Нәтижелер. Зерттеу резидент еместер қатысатын жол қозғалысы саласындағы құқық бұзушылықтарды цифрлық есепке алу кезінде құқық қолданудың орнықтылығы үш негізгі торапқа тәуелді екенін көрсетті. Бірінші торап жауаптылық субъектісін сәйкестендіру сапасымен айқындалады. Нөмірлік белгі немесе бейнефрагменттің болуы жеткіліксіз, себебі құқықтық тұрғыдан маңыздысы тұлға, көлік және оқиға арасындағы байланыс қисынын дәл әрі қайталанбалы түрде негіздеу болып табылады [2], [12]. Екінші торап хабардар ету рәсімінің тиімділігімен байланысты. Әкімшілік іс жүргізу логикасында адресаттың тиісті түрде хабардар етілуі, оның ішінде ақпараттың қолжетімділігі мен түсініктілігі, кейінгі дауларда шешуші мәнге ие болады [2], [8], [9]. Үшінші торап

автоматтандырылған режимде алынған деректердің тексерілгіштігін қамтамасыз етуге тіреледі. Мұнда деректердің тұтастығы, қалыптастыру параметрлері, өзгерістер тарихы және сақталу режимі маңызды, өйткені дәлелдемелік ақпараттың жол берілетіндігі көбіне осы сипаттамаларға тәуелді [2], [3].

Ұйымдастырушылық өлшемде цифрлық есепке алуды жүргізудің үш үлгісі жүйеленді. Орталықтандырылған тізілім моделі істердің мәртебесін бірізді бақылауға және жауаптылық аймақтарын нақты бөлуге мүмкіндік береді. Бұл үлгінің артықшылығы басқарылатындық пен есептіліктің айқын болуында, алайда жүйелік ақаулар немесе сапасыз бастапқы деректер бүкіл контурға таралу қаупін арттырады [4]. Бақылау сатылары моделі цифрлық істі “сапа қақпалары” арқылы өткізуге негізделеді, яғни сәйкестендіру, материалды верификациялау, хабарлама қалыптастыру, орындауды бақылау кезеңдерінде міндетті тексерулер енгізіледі. Бұл тәсіл қате атрибуция тәуекелін төмендетеді, бірақ қосымша уақыт пен ресурсты талап етеді [2], [12]. Интеграциялық модель әртүрлі ақпараттық жүйелерден дерек алмасуды институционалдандыруға бағытталған. Мұнда негізгі нәтиже шетелдік тіркеуі бар көлікке қатысты ақпаратты алу және өзара көмек рәсімдерін стандарттау арқылы “жазасыздық әсерін” азайтуға ұмтылу болып табылады [7], [8], [9]. Интеграцияның әлсіз жері деректердің құқықтық мәртебесі, қолжетімділік шектері және дербес деректерді қорғау талаптарымен шектеледі [3], [10].

Құқықтық шектеулерді талдау цифрлық есепке алу тетігі әкімшілік іс жүргізуді алмастырмайтынын, керісінше оны техникалық деңгейде сүйемелдейтінін растады. Сондықтан құқықтық талаптардың өзегі материалдардың дәлелдемелік жарамдылығы, рәсімдік кепілдіктердің сақталуы және дербес деректерді өңдеудің заңдылығы болып қала береді [1], [2], [3]. Практикалық қорытынды ретінде ең төменгі есептік деректер стандарты (оқиға уақыты, орны, құқық бұзушылық құрамы, дәлелдемелік файлдардың метадеректері, верификация белгісі, хабарлау статусы, төлем статусы), әрекеттерді журналдау, көпарналы хабардар ету және тәуекелге бағдарланған қосымша тексеру рәсімдерін бекіту цифрлық контурдың құқықтық орнықтылығын күшейтетіні негізделді [2], [4], [9], [10].

Талқылау. Нәтижелер резидент еместерге қатысты цифрлық есепке алу тетігі тек фиксацияға тірелмейтінін көрсетеді. Мұнда шешуші мәселе әкімшілік істің толық циклін басқару болып қалады: сәйкестендіру, хабардар ету, дәлелдемелік деректердің тексерілгіштігі және орындалуды бақылау. Осы төрт элементтің біреуі әлсіз болса, цифрлық контур құқықтық тұрғыдан орнықсыз болады [2], [4].

Бірінші түйін ретінде сәйкестендіру мәселесі сақталады. Нөмірді тану немесе бейнежазбаның болуы жауапты субъектімен құқықтық байланысты әрдайым толық орнатпайды, сондықтан қате атрибуция тәуекелі жоғары жағдайларда міндетті верификация тетіктерін енгізу орынды. Бұл тәсіл трансшекаралық ақпарат алмасуды жетілдіруге бағытталған еуропалық тәжірибемен де үйлеседі [6], [7], [9].

Екінші түйін хабардар ету рәсіміне қатысты. Резидент еместер жағдайында хабарламаны формальды жолдау жеткіліксіз болуы мүмкін, сондықтан мазмұнның қолжетімділігі, жеткізу мәртебесін бақылау және жауап беру мүмкіндігін қамтамасыз ету ерекше мәнге ие. Осыған байланысты көпарналы хабардар ету мен жеткізу ізін тіркеу құқық қолданудың сапасын арттыратын шаралар ретінде бағаланады [2], [9].

Үшінші түйін автоматтандырылған деректердің дәлелдемелік жарамдылығымен байланысты. Цифрлық материалдардың құқықтық құндылығы олардың мазмұнымен ғана емес, қалыптастырылу параметрлерімен, тұтастығын растау тетіктерімен және әрекеттерді журналдау арқылы да анықталады [3], [4], [10].

Ұйымдастырушылық модельдер арасында бірыңғай әмбебап шешім жоқ. Орталықтандырылған тізілім басқарушылық айқындық береді, бақылау сатылары моделі тәуекелі жоғары істерде құқықтық орнықтылықты күшейтеді, ал интеграциялық модель трансшекаралық жағдайларда тиімді. Дегенмен олардың әрқайсысының тиімділігі бастапқы деректер сапасына және деректердің құқықтық режимінің анықтығына тәуелді [3], [6], [9].

Практикалық қорытынды ретінде ең төменгі есептік деректер стандартын бекіту қажеттігі негізделді. Мұндай стандартқа оқиға уақыты мен орны, құқық бұзушылық құрамы, дәлелдемелік файлдардың метадеректері, верификация белгісі, хабарлау статусы және төлем статусы кіруі тиіс. Бұған қоса, әрекеттерді журналдау, көпарналы хабардар ету және тәуекелге бағдарланған қосымша тексеру рәсімдерін енгізу цифрлық контурдың құқықтық орнықтылығын күшейтеді [11].

Резидент еместер жасаған жол қозғалысы саласындағы құқық бұзушылықтарды цифрлық есепке алу тетігі тиімді болуы үшін ол тек оқиғаны автоматты тіркеумен шектелмеуге тиіс. Негізгі нәтиже әкімшілік істің толық циклін құқықтық тұрғыдан орнықты жүргізуге тәуелді: жауаптылық

субъектісін дәл сәйкестендіру, адресатты тиісті түрде хабардар ету, цифрлық материалдардың тексерілгіштігін қамтамасыз ету және қаулының орындалуын бақылау [2].

Зерттеу көрсеткендей, цифрлық контурда әлсіз буын көбіне деректер сапасы мен рәсімдердің регламенттелу деңгейінен туындайды. Осыған байланысты ең төменгі есептік деректер стандарты, міндетті верификация сатылары, әрекеттерді журналдау және қолжетімділікті шектеу сияқты ұйымдастырушылық шаралар құқық қолданудың болжамдылығын арттырып, қате атрибуция мен дәлелдемелік даулар тәуекелін төмендетеді [3], [4], [10].

Трансшекаралық сипатқа ие жағдайларда деректер алмасу рәсімдерін институционалдандыру және өзара құқықтық көмек логикасын күшейту өзекті болып қалады. Бұл бағыттағы тәсілдер Вена конвенциясының жалпы қағидаларымен үйлеседі және ЕО деңгейінде жаңартылған құқықтық реттеу арқылы нақты тетіктерге айналып отыр [5]-[7], [9].

Жалпы алғанда, цифрлық есепке алу жүйесінің құқықтық тұрақтылығы заңдылық қағидаттарын сақтау, дербес деректерді қорғау талаптарын орындау және киберқауіпсіздік тәуекелдерін басқару арқылы қамтамасыз етіледі [1], [3], [10]. Осы шарттар орындалған кезде цифрлық есепке алу жол қауіпсіздігі мақсаттарына қызмет ететін басқарушылық құрал ретінде өз әлеуетін толық көрсете алады [11].

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылғы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000_ (жүгінген күні: 06.03.2026).
2. Әкімшілік құқық бұзушылық туралы. Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 5 шілдедегі № 235-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235> (жүгінген күні: 06.03.2026).
3. Дербес деректер және оларды қорғау туралы. Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы. [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094> (жүгінген күні: 06.03.2026).
4. Ақпараттандыру туралы. Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 24 қарашадағы № 418-V ҚРЗ Заңы. [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000418> (жүгінген күні: 06.03.2026).
5. United Nations Economic Commission for Europe. Convention on Road Traffic (Vienna, 1968). [Electronic resource] - Access mode: <https://unece.org/DAM/trans/conventn/crt1968e.pdf> (access date: 06.03.2026).
6. Directive (EU) 2015/413 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2015 facilitating cross-border exchange of information on road-safety-related traffic offences. [Electronic resource] - Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2015/413/oj/eng> (access date: 06.03.2026).
7. Directive (EU) 2024/3237 of the European Parliament and of the Council of 19 December 2024 amending Directive (EU) 2015/413 facilitating cross-border exchange of information on road-safety-related traffic offences. [Electronic resource] - Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/3237/oj/eng> (access date: 06.03.2026).
8. Council of the European Union. Road safety: Council adopts new law for better cooperation on road-safety-related traffic offences across Europe. Press release, 16 December 2024. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/12/16/road-safety-council-adopts-new-law-for-better-cooperation-on-road-safety-related-traffic-offences-across-europe/pdf/> (access date: 06.03.2026).
9. European Parliamentary Research Service. Cross-border exchange of information on road safety-related traffic offences. EU Legislation in Progress, updated 22 January 2025. [Electronic resource] - Access mode: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI%282023%29747915 (access date: 06.03.2026).
10. ENISA. 2024 Report on the State of the Cybersecurity in the Union. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.enisa.europa.eu/publications/2024-report-on-the-state-of-the-cybersecurity-in-the-union> (access date: 06.03.2026).
11. World Bank Global Road Safety Facility. Guide for Safe Speeds: Managing Traffic Speeds to Save Lives. 2024. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.globalroadsafetyfacility.org/sites/default/files/2024-10/Guide%20for%20Safe%20Speeds%20-%20Managing%20Traffic%20Speeds%20to%20Save%20Lives%20v9.pdf> (access date: 06.03.2026).

12. Tang J. et al. Automatic number plate recognition (ANPR) in smart cities. 2022. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0264275122002724> (access date: 06.03.2026).

УДК 343.9.01, 343.721.

Маханов Талгат Габитович

Ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса
Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

АДАПТАЦИЯ МЕТОДОВ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВУ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации экономики Республики Казахстан и роста объема онлайн-услуг проблема интернет-мошенничества приобретает критическое значение. Традиционные методы реагирования уступают место проактивным системам на базе искусственного интеллекта (ИИ). В данной статье проводится анализ передового международного опыта в области применения методов обработки естественного языка (NLP) для выявления и предотвращения киберугроз. На основе изученных практик Испании, Германии, Великобритании, Китая и других стран автор предлагаются конкретные пути адаптации этих технологий для государственных органов и финансового сектора Казахстана, а также формулируются рекомендации по развитию локальных NLP-решений с учетом языковой специфики (казахский и русский языки).

Ключевые слова: обработка естественного языка (NLP); искусственный интеллект; кибербезопасность; интернет-мошенничество; фишинг; Казахстан; цифровая криминалистика.

Аннотация. Қазақстан Республикасының экономикасын жедел цифрландыру және онлайн-қызметтер көлемінің өсуі жағдайында интернет-алаяқтық проблемасы аса маңызды мәнге ие болып отыр. Қоғамға қауіпті бұл әрекетке дәстүрлі түрдегі қарсы іс-қимыл әдістері жасанды интеллект (ЖИ) негізіндегі белсенді жүйелерден қалып қояды. Бұл мақалада киберқауіптерді анықтау және алдын алу үшін табиғи тілді өңдеу әдістерін (NLP) қолдану саласындағы озық халықаралық тәжірибеге талдау жасалады. Испания, Германия, Ұлыбритания, Қытай және басқа елдердің зерттелген тәжірибелері негізінде автор осы технологияларды Қазақстанның мемлекеттік органдары мен қаржы секторы үшін бейімдеудің нақты жолдарын ұсынады. Сондай-ақ тіл ерекшелігін (қазақ және орыс тілдері) ескере отырып, жергілікті NLP-шешімдерді дамыту жөніндегі ұсынымдарды тұжырымдайды.

Түйінді сөздер: табиғи тілді өңдеу (NLP); жасанды интеллект; киберқауіпсіздік; интернет-алаяқтық; фишинг; Қазақстан; цифрлық криминалистика.

Abstract. In the context of the rapid digitalization of the economy of the Republic of Kazakhstan and the growth of online services, the problem of Internet fraud is becoming critical. Traditional response methods are giving way to proactive systems based on artificial intelligence (AI). This article analyzes international best practices in the application of natural language processing (NLP) methods to identify and prevent cyber threats. Based on the studied practices of Spain, Germany, Great Britain, China and other countries, the author suggests specific ways to adapt these technologies for government agencies and the financial sector of Kazakhstan, and also formulates recommendations for the development of local NLP solutions, taking into account language specifics (Kazakh and Russian).

Keywords: natural language processing (NLP); artificial intelligence; cybersecurity; Internet fraud; phishing; Kazakhstan; digital forensics.

Актуальность противодействия интернет-мошенничеству в Казахстане продиктована его количественным ростом и качественной эволюцией, включающей использование технологий ИИ, что требует разработки принципиально новых, адаптивных методов анализа данных.

На последнем заседании Национального курултая Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев заявил, что «распоясавшиеся мошенники превратились в реальную угрозу национальной безопасности» [1].

По данным Генеральной прокуратуры, за 7 месяцев 2025 года зарегистрировано свыше 14 тыс. интернет-мошенничеств, что на 22% больше аналогичного периода прошлого года. Ущерб превысил 6 млрд тенге, из них возмещено потерпевшим 26%. Привлечены к уголовной ответственности 217 дропперов, способствовавших совершению преступления путем предоставления мошенникам платежных средств. Разоблачена 61 кибергруппа, заблокированы подозрительные транзакции на сумму свыше 2,9 млрд тенге [2].

Обострение проблемы интернет-мошенничества в Казахстане, подтверждаемое данными профилактических рейдов МВД РК, характеризуется качественным усложнением методов злоумышленников. Классические схемы телефонного мошенничества («ваш счет заблокирован»)

дополняются атаками с применением технологий искусственного интеллекта, включая синтез голоса и создание поддельных видеообращений.

Данная динамика подчеркивает критическую важность разработки адаптивных аналитических моделей, способных не только реагировать на инциденты, но и превентивно выявлять семантические и поведенческие аномалии в коммуникации [3].

Действительно мошенники активно используют методы социальной инженерии, фишинговые рассылки и поддельные интернет-магазины, мимикрируя под легитимный бизнес.

В этой связи проведенный анализ научной литературы показывает, что методы обработки естественного языка (далее – NLP) и искусственного интеллекта (далее – ИИ) становятся ключевыми инструментами в обнаружении и предотвращении онлайн-мошенничества. Современные исследования акцентируют внимание на переходе от традиционных систем, основанных на жестких правилах, к адаптивным моделям, способным анализировать поведение пользователей и текстовые данные в реальном времени.

В зарубежных источниках выделяются исследования, основанные на опыте различных стран, где ученые применяют NLP для решения специфических задач кибербезопасности.

К примеру, проект LUCIA, предлагаемые учеными М. Санчес-Паниагуа и другие, демонстрирует эффективность анализа не только контента веб-ресурсов, но и «технологического стека» мошеннических сайтов. Созданный датасет ELFW-2031 позволяет классифицировать фальшивые магазины по косвенным признакам, включая их присутствие в социальных сетях [4]. Для Казахстана, где растет число мошеннических Instagram-магазинов и фишинговых страниц, внедрение подобной мультимодальной классификации является крайне актуальным.

Работа Д. Брауна и Ф. Маттеса по автоматической проверке пользовательских соглашений (T&C) на базе BERT открывает возможности для защиты прав потребителей [5]. Адаптация такой модели под гражданское законодательство РК и гибридную (казахско-русскую) языковую среду позволила бы Комитету по защите прав потребителей автоматизировать выявление незаконных пунктов в договорах онлайн-кредитования и интернет-сервисов.

Подход П. Булиериса (FraudNLP), которые анализирует поведенческие аномалии как «языка» (Опыт Греции и Швеции), рассматривающий последовательности API-запросов как лингвистические конструкции, является прорывным [6]. Для казахстанских банков второго уровня (БВУ) и платежных шлюзов это означает возможность выявления мошеннических действий без доступа к самим персональным данным, анализируя лишь паттерны поведения. Это позволяет соблюдать требования Закона РК «О персональных данных и их защите» и одновременно повышать эффективность фрод-мониторинга.

Выявление эмоциональных колебаний (Опыт Тайваня), демонстрирует инвестиционные аферы и финансовые пирамиды (в том числе в криптосфере), которые активны в Казахстане, могут быть обнаружены на ранней стадии через анализ тональности в мессенджерах (WhatsApp, Telegram), как это предлагают Куо и Цанг. Модели NLP могут фиксировать резкие всплески позитивных обсуждений «гарантированного дохода», что служит маркером мошеннической схемы [7].

Наряду с этим, Антонис Папасавва (Antonis Papasavva) провел систематический обзор литературы, охватывающий более 200 работ. Исследования в этой стране также касаются мошенничества при найме на работу (автор Махбуб (Mahbub)), где использовались данные с британских сайтов поиска работы для обучения моделей на контекстуальных признаках [8].

Исследователи (например, Лян (Liang) и Ху (Hu)) активно занимаются вопросами противодействия телефонному мошенничеству (вишингу), используя транскрипцию звонков и анализ идентификаторов вызывающего абонента от телекоммуникационных операторов [9].

Таким образом, на основе анализа выделены наиболее эффективные практики, которые могут быть масштабированы в РК:

- гибридный подход – наилучшие результаты в международных исследованиях показывают комбинации алгоритмов (например, Random Forest для структурированных данных и BERT для текстов). Казахстанским разработчикам следует отойти от монолитных решений в сторону гибридных архитектур;

- от статике к динамике – необходим переход от анализа статических баз данных мошенников к потоковой обработке данных из открытых источников (соцсети, форумы, Telegram-каналы) на казахском и русском языках;

- проблема открытости данных – главным барьером является отсутствие размеченных датасетов на казахском языке, аналогичных ELFW-2031 или FraudNLP. Без этого обучение локальных моделей затруднено.

Суть данных практик заключается в переходе от реактивной модели кибербезопасности, основанной на сигнатурах известных угроз, к проактивной семантической аналитике, способной выявлять новые типы мошенничества через анализ контекста, поведения и потоковых данных.

Однако имплементация этих подходов в Казахстане упирается в необходимость адаптации инструментов под локальную языковую специфику и создания соответствующей инфраструктуры данных.

В этой связи, на основании проведенного исследования, для повышения эффективности противодействия киберпреступности с использованием NLP и ИИ в РК предлагаются следующие меры:

1. Необходимо инициировать создание открытого репозитория «KZ-FraudNLP», включающего аннотированные примеры мошеннических текстов (фишинговые письма на русском и казахском языках, скрипты телефонных мошенников, описания фейковых товаров). Это требует коллаборации АО «Государственная техническая служба» с вузами и IT-компаниями. Важно обеспечить воспроизводимость исследований, как это делается в зарубежной практике.

2. Учитывая специфику Казахстана, необходима дообучение (fine-tuning) трансформерных моделей (BERT, RoBERTa) на корпусах казахского и русского языка для задач кибербезопасности. Модель должна понимать контекст «переключения кодов» (code-switching), характерный для казахстанского сегмента интернета.

3. Рекомендуются пилотное внедрение в банках второго уровня методов анализа последовательностей действий пользователя (как в исследовании Булиериса). Это позволит выявлять подозрительные сессии в онлайн-банкинге на основе поведенческих аномалий (например, нехарактерная скорость заполнения форм или порядок нажатий), интерпретируя их как лингвистические паттерны.

4. С учетом развития больших языковых моделей (LLM), казахстанским киберподразделениям целесообразно внедрять автоматизированные системы scam-baiting. Чат-боты на базе GPT могут вступать в диалог с мошенниками от имени потенциальных жертв, выявляя новые схемы и отвлекая ресурсы злоумышленников, как это предлагают зарубежные ученые.

5. При оценке систем безопасности необходимо сместить фокус с общей точности (ассурагу) на метрики Precision и Recall. Для Казахстана, где наблюдается высокая латентность киберпреступлений, критически важен высокий показатель Recall (полноты) для выявления максимума угроз, даже ценой небольшого роста ложных срабатываний.

Таким образом, международный опыт убедительно доказывает, что NLP и ИИ являются незаменимыми инструментами в борьбе с цифровым мошенничеством. Для Республики Казахстан, обладающей развитой телекоммуникационной инфраструктурой и высоким уровнем проникновения интернета, критически важно не копировать слепо западные решения, а адаптировать их с учетом локальной языковой специфики и правового поля.

Переход к проактивной модели кибербезопасности, основанной на анализе семантики и поведения, способен значительно снизить уровень цифровой виктимизации населения и повысить доверие к электронной коммерции и госуслугам.

Список использованных источников:

1. Выступления Президента Казахстана К.К. Токаева на Национальном курултае. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/opublikovan-polnyiy-tekst-vyistupleniya-tokaeva-natsionalnom-590731/ (дата обращения: 15.02.2026).

2. Об итогах межведомственного совещания по вопросам противодействия кибермошенничеству. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/1045524?lang=ru> (дата обращения: 15.02.2026).

3. Вопросы профилактики интернет-мошенничества обсудили в Астане. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://polisia.kz/ru/voprosy-profilaktiki-internet-moshennichestva-obsudili-v-astane/> (дата обращения: 15.02.2026).

4. Sánchez-Paniagua, M., Fidalgo, E., Alegre, E. et al. Fraud detection in e-commerce: a comparative analysis of features to enhance machine learning models. Electron Commer Res (2025). <https://doi.org/10.1007/s10660-025-10029-9> (дата обращения: 15.02.2026).

5. Daniel Braun and Florian Matthes. 2021. NLP for Consumer Protection: Battling Illegal Clauses in German Terms and Conditions in Online Shopping. In Proceedings of the 1st Workshop on NLP for Positive Impact, pages 93–99, Online. Association for Computational Linguistics.

<https://aclanthology.org/2021.nlp4posimpact-1.10/> (дата обращения: 15.02.2026).

6. Boulrieris, P., Pavlopoulos, J., Xenos, A. et al. Fraud detection with natural language processing. *Mach Learn* 113, 5087–5108 (2024). <https://doi.org/10.1007/s10994-023-06354-5> (дата обращения: 15.02.2026).

7. Kuo, C., & Tsang, S. S. (2024). Constructing an Investment Scam Detection Model Based on Emotional Fluctuations Throughout the Investment Scam Life Cycle. *Deviant Behavior*, 45(2), 204-225. <https://doi.org/10.1080/01639625.2023.2244115> (дата обращения: 15.02.2026).

8. Papasavva, A., Lundrigan, S., Lowther, E. et al. Applications of AI-Based Models for Online Fraud Detection and Analysis. *Crime Sci* 14, 7 (2025). <https://doi.org/10.1186/s40163-025-00248-8> (дата обращения: 15.02.2026).

9. Liang, Fei-Yao, Fei-Peng Li, Ronghai Xu, Wei Cheng, Shi-Xian Deng, Zhe-Rui Yang and Chang-Dong Wang. «Telecom Fraud Detection Based on Feature Binning and Autoencoder.» 2023 IEEE International Conference on Data Mining (ICDM) (2023): 368-377 (дата обращения: 15.02.2026).

УДК 343.9:004

Мейрхан Данияр Мейрханович,Председатель Комитета по противодействию наркопреступности МВД Республики Казахстан,
адъюнкт Академии Управления МВД РФ**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В
РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И
КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния наркопреступности в Республике Казахстан в условиях цифровой трансформации. Актуальность исследования обусловлена ростом общественной опасности незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также внедрением цифровых технологий в преступную деятельность. Целью работы является комплексное изучение правовых, институциональных и технологических аспектов противодействия наркопреступности. Рассматриваются изменения уголовного законодательства, направленные на дифференциацию ответственности участников наркорынка, а также роль Комитета по противодействию наркопреступности МВД Республики Казахстан в координации антинаркотической политики. Особое внимание уделено анализу бесконтактных форм сбыта, функционированию даркнета, использованию криптовалют и цифровых платформ. Обоснована необходимость внедрения современных технологий, включая искусственный интеллект и цифровую криминалистику, а также совершенствования кадровой подготовки. Сделан вывод о том, что повышение эффективности противодействия наркопреступности возможно при условии синхронного развития правовой базы, институциональных механизмов и технологических инструментов.

Ключевые слова: наркопреступность; цифровизация; незаконный оборот наркотиков; даркнет; криптовалюта; уголовное право; МВД РК; цифровая криминалистика.

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасындағы цифрлық трансформация жағдайындағы есірткі қылмысының қазіргі жай-күйін талдауға арналған. Зерттеудің өзектілігі есірткі құралдары мен психотроптық заттардың заңсыз айналымының қоғамдық қауіптілігінің артуымен, сондай-ақ қылмыстық қызметке цифрлық технологиялардың енгізілуімен негізделеді. Жұмыстың мақсаты – есірткі қылмысына қарсы іс-қимылдық құқықтық, институционалдық және технологиялық аспектілерін кешенді түрде зерделеу. Есірткі бизнесін ұйымдастырушылардың жауапкершілігін саралауға бағытталған қылмыстық заңнамадағы өзгерістер, сондай-ақ ПМ Есірткі қылмысына қарсы іс-қимыл комитетінің есірткіге қарсы саясатты үйлестірудегі рөлі қарастырылады. Тікелей қарым-қатынассыз тәсілмен тарату, даркнеттің жұмыс істеуі, криптовалюталарды және цифрлық платформаларды пайдалану мәселелеріне ерекше назар аударылған. Жасанды интеллект пен цифрлық криминалистиканы қоса алғанда, заманауи технологияларды енгізу, сондай-ақ кадрларды даярлауды жетілдіру қажеттілігі негізделген. Есірткі қылмысына қарсы іс-қимыл тиімділігін арттыру құқықтық базаны, институционалдық тетіктерді және технологиялық құралдарды қатар дамыту жағдайында мүмкін екендігі туралы қорытынды жасалған.

Түйінді сөздер: есірткі қылмысы; цифрландыру; есірткінің заңсыз айналымы; даркнет; криптовалюта; қылмыстық құқық; ҚР ПМ; цифрлық криминалистика.

Abstract. The article examines the current state of drug-related crime in the Republic of Kazakhstan in the context of digital transformation. The relevance of the study is обусловлена by the increasing social danger of the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as the growing use of digital technologies in criminal activities. The aim of the research is to provide a comprehensive analysis of the legal, institutional, and technological aspects of countering drug crime. The paper reviews recent amendments to criminal legislation aimed at differentiating liability among participants in the drug market, as well as the role of the Committee for Counteracting Drug Crime of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan in coordinating national anti-drug policy. Particular attention is paid to contactless distribution methods, the functioning of darknet platforms, and the use of cryptocurrencies and digital channels. The study substantiates the need to implement advanced technologies, including artificial intelligence and digital forensics, and to improve professional training. It concludes that enhancing the effectiveness of countering drug crime requires the integrated development of legal frameworks, institutional mechanisms, and technological tools.

Keywords: drug-related crime; digitalization; illicit drug trafficking; darknet; cryptocurrency; criminal law; Ministry of Internal Affairs of Kazakhstan; digital forensics.

Современное состояние наркопреступности в Республике Казахстан определяется двумя взаимообусловленными тенденциями. Первая связана с устойчивым ростом общественной опасности незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вторая обусловлена ускоренной технологизацией преступной деятельности, которая сводит к минимуму эффективность традиционных методов её пресечения. Оба процесса разворачиваются на фоне масштабной цифровой трансформации государственного управления и правоохранительной системы, которые уже не могут оставаться в

стороне от вызовов, формируемых в среде сетевых коммуникаций, криптографических расчётов и зашифрованных платформ. Исследование данной проблематики требует комплексного подхода. Необходимо одновременно анализировать нормативный массив, регулирующий противодействие наркообороту, институциональную архитектуру антинаркотической деятельности органов внутренних дел, далее ОВД, цифровые механизмы преступной деятельности, а также направления их нейтрализации посредством соответствующей модернизации правоприменительной и технологической базы государства.

Правовую основу противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, далее НСПВ, в Казахстане образует Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226 V, глава 11 которого сосредоточила составы преступлений против здоровья населения и нравственности [1]. В данном нормативном массиве ключевую роль играют ст. 296 и ст. 297, разграничивающие уголовную ответственность в зависимости от наличия либо отсутствия цели сбыта. Ст. 296 регулирует незаконное обращение с НСПВ без цели сбыта, устанавливая уголовную ответственность за приобретение, хранение и перевозку в различных объёмах. Ст. 297, напротив, охватывает деяния, направленные на введение наркотических веществ в незаконный оборот, включая незаконные приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта, пересылку либо сбыт НСПВ и их аналогов [1]. При этом Законом РК от 2 января 2025 года № 150 VIII в структуру уголовной ответственности внесены принципиальные изменения. Заголовок и диспозиция ст. 297 были скорректированы, а наряду с ней введена новая ст. 297 1, закрепляющая самостоятельный состав незаконных изготовления, переработки и производства НСПВ в целях сбыта [1]. Такая конструкция позволила более последовательно разграничить ответственность организаторов и производителей наркобизнеса, которым грозит лишение свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы, и лиц, осуществляющих распространение, в том числе так называемых закладчиков, для которых законодатель снизил нижний предел санкции ст. 297 ч. 1.

Разграничение правового статуса закладчика и организатора наркотрафика закономерно вытекает из трансформации самого механизма незаконного сбыта. Бесконтактный способ реализации НСПВ, при котором покупатель и продавец не вступают в непосредственный физический контакт, стал системообразующей чертой современной наркопреступности. Как справедливо отмечают Суходолов А.П. и Бычкова А.М., цифровые технологии принципиально изменили типологию участников незаконного оборота наркотиков. Наряду с традиционными ролями организаторов, контрабандистов и наркокурьеров в структуру преступных сетей вошли диспетчеры, кладмены, кассиры, промоутеры, а также дропы и кураторы, выполняющие строго сегментированные функции в условиях жёсткой конспирации [2, с. 121]. Каждый из перечисленных участников действует в изолированном информационном сегменте, а координация между ними осуществляется преимущественно через зашифрованные мессенджеры и автоматизированные боты. Подобная специализация не только повышает устойчивость преступной структуры к разоблачению, но и существенно затрудняет доказывание умысла при привлечении к уголовной ответственности, поскольку каждый рядовой участник располагает минимальным объёмом сведений об организации в целом.

В этом контексте важнейшее процессуальное значение приобретает нормативное постановление Верховного Суда РК от 14 мая 1998 года № 3 О применении законодательства по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, в редакции 2020 года [3]. Согласно позиции Верховного Суда, сбыт посредством использования электронных информационных ресурсов квалифицируется по ст. 297 ч. 3 как обстоятельство, влекущее более строгую уголовно правовую оценку [3]. Данное разъяснение имеет принципиальное значение, поскольку суды должны устанавливать сам факт использования цифровых каналов передачи информации как самостоятельный квалифицирующий признак и не допускать его поглощения общими признаками совершения преступления группой лиц либо по предварительному сговору.

Для понимания природы и масштабов цифровой наркопреступности необходимо обратиться к статистическому измерению рассматриваемого явления. По данным Министерства внутренних дел Республики Казахстан, далее МВД РК, в 2024 году в стране зарегистрировано около 8 тыс. наркоправонарушений. По итогам реализации Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом на период с 2023 по 2025 годы объём изъятия синтетических наркотических средств возрос в три раза, с 382 кг до 1,2 т [4]. Данная статистика, с одной стороны, свидетельствует об определённых успехах оперативной работы, а с другой стороны, фиксирует тревожный рост доступности синтетических наркотиков, значительная часть которых реализуется именно через цифровые каналы. Уже в январе и феврале 2026 года из незаконного оборота изъято 881,5 кг

наркотических средств, из которых более 104 кг составили синтетические наркотики [5]. Снижение общего уровня преступности на 8 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года МВД РК связывает в том числе с совершенствованием цифровых инструментов выявления и пресечения незаконного оборота [5].

Институциональным выражением переосмысления роли государства в антинаркотической деятельности стало образование Комитета по противодействию наркопреступности Министерства внутренних дел Республики Казахстан, далее КПН МВД РК, на основании постановления Правительства РК от 11 сентября 2024 года [6]. До этого соответствующий комитет, существовавший на правах государственного учреждения, в 2014 году был реорганизован в Департамент по противодействию наркопреступности, что, по оценкам разработчиков последующих программных документов, привело к ослаблению координирующей роли МВД в формировании и реализации государственной наркополитики [4]. Восстановление комитетского уровня управления свидетельствует о признании государством недостаточности прежнего ведомственного формата, особенно в условиях, когда противодействие наркопреступности требует межведомственной координации, масштабного технологического оснащения и международной кооперации.

Функциональная архитектура КПН МВД РК охватывает организацию оперативно профилактических мероприятий Дәрмек, проведение контролируемых поставок и оперативных закупок, а также координацию деятельности управлений по противодействию наркопреступности в составе департаментов полиции. В 2024 году МВД РК провело три республиканских оперативно профилактических мероприятия Дәрмек и 21 операцию с применением метода контролируемой поставки, 19 из которых завершились задержанием участников наркотрафика с поличным [6]. Такая практика важна не только как способ получения доказательственной базы, но и как инструмент последующего документирования цифровых следов, включая зашифрованную переписку, транзакции в криптовалюте, адреса цифровых кошельков и маршруты доставки. Именно совокупность этих данных позволяет устанавливать связи между сегментами преступной структуры, которые по общему правилу функционируют в режиме информационной изоляции.

Цифровой срез современной наркопреступности включает несколько структурных уровней, каждый из которых требует самостоятельных правовых и технических средств противодействия. Первый уровень представлен мессенджерами, прежде всего Telegram, обеспечивающим сочетание массовой доступности, сквозного шифрования и возможности создания анонимных каналов с десятками тысяч подписчиков. По данным исследования, проведённого Суходоловым А. П. и Бычковой А. М., анализ противоправного контента в мессенджере Telegram позволил выявить 70 каналов, насчитывающих десятки тысяч подписчиков и ориентированных на незаконный оборот наркотиков [2, с. 123]. На таких платформах реализуются полные воронки сбыта, начиная от рекламы психоактивных веществ и заканчивая автоматизированной передачей координат закладки и подтверждением получения криптовалютного платежа. Законодатель Казахстана отреагировал на данную угрозу введением специальной уголовной ответственности за пропаганду либо незаконную рекламу НСПВ в соответствии со ст. 299 1 [1], которая отсутствовала в первоначальной редакции кодекса и была включена именно под влиянием цифровизации наркорынка. Незаконный оборот НСПВ посредством интернета квалифицируется по ст. 297 ч. 3 п. 5 и влечёт лишение свободы на срок до 15 лет, а сбыт с использованием электронных ресурсов заведомо несовершеннолетнему влечёт пожизненное лишение свободы.

Второй уровень образует даркнет, анонимные торговые площадки которого функционируют в сети Тог и используют для расчётов криптовалюту. Представляется обоснованной позиция, согласно которой именно даркнет представляет наибольшую латентную опасность для антинаркотической деятельности, поскольку традиционные методы оперативного наблюдения здесь принципиально неприменимы без специализированных технических средств деанонимизации трафика. Показательно, что даркнет рынок Hydra, обслуживавший в том числе Казахстан, Россию, Украину и ряд других постсоветских государств, с января 2016 года по март 2022 года аккумулировал криптовалюту на сумму около 5,2 млрд долларов США, что характеризует его как одну из крупнейших в мире платформ нелегальной торговли [7]. После его ликвидации в апреле 2022 года в результате совместной международной операции часть участников рынка мигрировала в альтернативные зашифрованные каналы, в том числе в мессенджеры с функцией самоуничтожения сообщений. Это наглядно демонстрирует закономерность, присущую сетевой преступности. Уничтожение отдельной платформы лишь ускоряет дисперсию инфраструктуры, но не ликвидирует её.

Третий уровень составляют криптовалютные расчёты, позволяющие наркоторговцам получать оплату без использования традиционной банковской инфраструктуры. Расследование финансовых

потоков в криптосреде требует специальных технических компетенций, а также нормативной базы, позволяющей осуществлять параллельные финансовые расследования. Именно этим обусловлено включение в Комплексный план по борьбе с наркоманией и наркобизнесом на период с 2026 по 2028 годы, утверждённый постановлением Правительства РК от 19 декабря 2025 года № 1117, законодательных поправок в части регулирования криптовалют и проведения параллельных финансовых расследований [8]. Указанные меры соответствуют логике международной антинаркотической политики. Конвенция ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, принятая в Вене в 1988 году, обязывает государства участники принимать меры по конфискации доходов, полученных от незаконного оборота, независимо от используемого инструмента расчётов [9].

Комплексный план на период с 2026 по 2028 годы является наиболее технологически насыщенным государственным документом в данной сфере за всю историю антинаркотической политики Казахстана. Среди предусмотренных им мероприятий следует назвать внедрение искусственного интеллекта, далее ИИ, в аналитическую и оперативную деятельность, закуп беспилотных летательных аппаратов с газоанализаторами и спектральными камерами для мониторинга незаконных посевов, цифровизацию камер хранения вещественных доказательств, а также формирование баз цифровых следов [8]. Практическая ценность аналитики на базе ИИ заключается прежде всего в выявлении латентных сетевых связей. Алгоритмы машинного обучения способны обнаруживать закономерности в потоках зашифрованных транзакций, поведенческих паттернах пользователей мессенджеров и геолокационных данных, которые для аналитика, работающего вручную, оставались бы практически незаметными. Вместе с тем применение ИИ в правоохранительной деятельности требует тщательного нормативного обеспечения. Необходимо определить процессуальный статус данных, полученных в результате такого анализа, допустимость их использования в качестве доказательств, а также пределы автоматизированного принятия решений.

На современном этапе принципиально важным нормативным ориентиром выступает Концепция кибербезопасности Республики Казахстан Киберщит Казахстана, утверждённая постановлением Правительства РК от 17 августа 2017 года № 407, с изменениями, внесёнными постановлением Правительства РК от 17 марта 2023 года № 236 [10]. Данная Концепция формирует общую архитектуру цифровой безопасности государства, определяя требования к защите информационных систем, порядок реагирования на киберинциденты и принципы межведомственного взаимодействия. Применительно к антинаркотической деятельности это означает, что информационные ресурсы, задействованные в противодействии наркопреступности, включая базы данных по подозреваемым, системы мониторинга сетей и аналитические платформы, должны соответствовать стандартам киберзащиты, установленным Киберщитом Казахстана. В противном случае сами эти ресурсы становятся объектом потенциальных атак со стороны организованных преступных структур, заинтересованных в получении сведений о проводимых оперативных мероприятиях.

Представляется обоснованным вывод о том, что переход к бесконтактному способу сбыта НСПВ через цифровые платформы породил не только оперативные, но и глубокие концептуальные трудности для правовой системы. Традиционная криминалистическая модель расследования наркопреступлений, основанная на задержании с поличным, изъятии физических образцов наркотика и допросе очевидцев, в условиях цифрового оборота утрачивает значительную часть своей применимости. Место передачи наркотика становится виртуальным. Закладчик не вступает в контакт с покупателем, а кладмен нередко не осведомлён о конечном потребителе. Сам акт передачи фактически замещается передачей координат, а расчёт производится до момента физического обнаружения тайника. Всё это означает, что доказательственная база во всё большей степени должна формироваться за счёт цифровых следов, включая метаданные переписки, хеш значения криптовалютных транзакций, IP адреса, геолокационные метки и характеристики используемых устройств.

Отдельную проблему представляет феномен так называемого спайкинга, то есть тайного подмешивания наркотических или психотропных веществ в напитки либо пищу, в отношении которого Комплексный план на период с 2026 по 2028 годы предусматривает специальные законодательные поправки [8]. Указанное явление ещё не получило системной правовой квалификации в действующем уголовном законодательстве, однако его распространение, особенно в молодёжной среде, свидетельствует о том, что цифровая трансформация наркопреступности затрагивает не только каналы сбыта, но и способы вовлечения новых потребителей. Отсутствие самостоятельного состава для спайкинга создаёт квалификационный пробел, который организованные преступные группы могут

использовать, рассчитывая на то, что привлечение виновного к ответственности при отсутствии специальной нормы будет существенно затруднено.

Наряду с институциональной модернизацией и совершенствованием уголовного законодательства фундаментальной проблемой остаётся подготовка кадров, способных работать на стыке права и цифровых технологий. Традиционная подготовка сотрудников ОВД ориентирована на классические методы оперативно розыскной деятельности, тогда как расследование цифровых наркопреступлений требует владения инструментами форензики, анализа блокчейна, мониторинга сетевого трафика и выявления скрытых паттернов в больших массивах данных. Разрыв между правовыми знаниями сотрудников и технологической реальностью цифровой преступности носит общемировой характер. В правоведении по-прежнему доминирует аналоговый подход, основанный на традиционных правовых конструкциях, тогда как цифровая среда требует иного темпа принятия решений и иной методологии работы с доказательствами. Имеются основания полагать, что без системных инвестиций в подготовку специалистов по цифровой криминалистике никакое технологическое оснащение ОВД не обеспечит ожидаемого эффекта. Соответствующие инструменты останутся невостребованными, а цифровые улики будут фиксироваться ненадлежащим образом и признаваться процессуально недопустимыми.

Аналитический взгляд на международный опыт показывает, что эффективные модели противодействия цифровым наркосетям исторически формировались в рамках двух параллельных стратегий. Первая связана с технологическим доминированием, при котором государство систематически инвестирует в инструменты сетевого анализа, криптографического реверс инжиниринга и межведомственного обмена разведывательными данными, добиваясь в конечном счёте асимметричного информационного преимущества над преступными структурами. Вторая стратегия заключается в законодательной адаптации. Юрисдикции, наиболее успешно сочетающие оба подхода, как правило, располагают нормами, позволяющими оперативно реагировать на появление новых психоактивных веществ и новых технологических инструментов сбыта без необходимости каждый раз ожидать полного цикла законодательного обновления. Казахстан в последние годы движется именно в этом направлении. Пополнение перечней наркотических средств и прекурсоров на 31 новый вид за период действия Комплексного плана с 2023 по 2025 годы, а также ускорение производства судебных экспертиз с одного месяца до одних суток за счёт оснащения лабораторий современным оборудованием представляют собой системные шаги, закладывающие технологическую основу для перехода к следующему уровню цифровой антинаркотической деятельности [4].

Существенное значение имеет и международный контекст. Республика Казахстан расположена в транзитном коридоре наркотрафика из Афганистана через Центральную Азию в Россию и Западную Европу. Данное обстоятельство придаёт проблеме наркопреступности выраженный трансграничный характер. Значительная часть наркотических веществ поступает не от местных производителей, а в результате организованной контрабанды с использованием многоуровневых логистических схем. Цифровые технологии существенно усиливают трансграничный потенциал преступных сетей. Координация между участниками в различных государствах, переводы средств через децентрализованные криптовалютные кошельки, заказы на закладки через Telegram боты формируют ситуацию, при которой преступные действия совершаются одновременно в нескольких правовых юрисдикциях. Комплексный план на период с 2026 по 2028 годы прямо предусматривает развитие международного сотрудничества в качестве самостоятельного стратегического направления, включая взаимодействие с профильными международными организациями [8]. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, принятая в Вене в 1988 году и ратифицированная Казахстаном, обязывает государства не только криминализировать незаконный оборот, но и обеспечивать взаимную правовую помощь, экстрадицию и проведение совместных расследований [9]. Указанные механизмы приобретают новое измерение в условиях, когда значительная часть доказательственной информации существует исключительно в цифровой форме и хранится на зарубежных серверах.

Не менее значимой остаётся проблема латентности цифровых наркопреступлений. Специфика закладочной системы такова, что само по себе обнаружение тайника далеко не всегда позволяет установить полную цепочку участников. Кладмен может не знать конечного покупателя, кассир может не располагать сведениями об организаторе, а промоутер, рекламирующий товар через Telegram канал, формально может отрицать осведомлённость о конкретных лицах, стоящих за продажей. Это создаёт значительную нагрузку на органы досудебного расследования. Необходимо не просто задокументировать единичный эпизод, но и выстроить цифровую доказательственную картину всей преступной структуры. При таких условиях качество оперативного мониторинга сетевых каналов,

скорость реагирования на выявленные угрозы и возможность сохранения цифровых доказательств в процессуально допустимой форме становятся критическими факторами эффективности всей антинаркотической деятельности.

Законодательные поправки декабря 2024 года затронули и сферу уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в цифровой среде. Ст. 299 1, закрепляющая ответственность за пропаганду либо незаконную рекламу НСПВ, в том числе с использованием интернет ресурсов, органично дополнила систему норм о незаконном обороте, устранив правовой пробел в части наказуемости не самого сбыта, а его информационного обеспечения [1]. Это имеет принципиальное значение, поскольку в экосистеме Telegram торговли промоутер, распространяющий рекламный контент и привлекающий потенциальных покупателей, выполняет функцию, без которой вся система сбыта лишилась бы значительной части доступа к новым потребителям. Криминализация данной деятельности в качестве самостоятельного состава создаёт правовой инструмент для привлечения к ответственности участников, в действиях которых ранее было крайне затруднительно установить непосредственное соучастие в сбыте.

Более детального анализа требует вопрос о правовых последствиях введения специальной ст. 297 1 для организаторов наркобизнеса и производителей НСПВ. Представляется, что данная законодательная конструкция отвечает принципу дифференциации уголовной ответственности и в целом согласуется с подходами ряда европейских юрисдикций, разграничивающих ответственность рекрутёров и производителей, с одной стороны, и мелких дистрибьюторов, с другой стороны. Вместе с тем практика применения новой нормы неизбежно поставит перед правоприменителями вопрос о критериях разграничения изготовления и сбыта. Лицо, совмещающее обе функции, должно квалифицироваться по совокупности составов, тогда как специализированное производство без сбыта подлежит квалификации в рамках ст. 297 1. Отсутствие устойчивой судебной практики применения новой нормы в условиях цифровых расследований означает, что именно в ближайшие годы судебное сообщество будет вырабатывать ориентиры, без которых единообразное применение закона окажется недостижимым.

В целом анализ нормативного массива и институционального устройства антинаркотической деятельности ОВД Казахстана позволяет констатировать, что государство последовательно трансформирует правовую и организационную архитектуру противодействия наркопреступности применительно к вызовам цифровой эпохи. Восстановление комитетского уровня управления в системе МВД, принятие технологически ориентированных комплексных планов и дифференциация уголовной ответственности в зависимости от роли участника незаконного оборота представляют собой структурные изменения, которые при надлежащем кадровом и технологическом наполнении способны существенно повысить эффективность борьбы с наркоторговлей в цифровой среде. Однако реализация намеченных преобразований встретит сопротивление как со стороны адаптивности самих преступных структур, так и со стороны организационных и правовых препятствий, которые будут рассмотрены при анализе практических проблем цифровой криминалистики и межведомственного взаимодействия, без разрешения которых декларируемые стратегические цели рискуют остаться не более чем программными намерениями.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями, внесёнными Законом РК от 2 января 2025 года № 150-VIII). [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 09.03.2026).
2. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. № 1. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-i-narkoprestupnost-problemy-protivodeystviya-ispolzovaniyu-messendzhera-telegram-v-rasprostranenii-narkotikov> (дата обращения: 09.03.2026).
3. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 14 мая 1998 года № 3 «О применении законодательства по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2020 год). — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P98000003S> (дата обращения: 09.03.2026).
4. Об утверждении Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2023–2025 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 24

апреля 2023 года № 508. — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000508> (дата обращения: 09.03.2026).

5. МВД РК: итоги оперативно-служебной деятельности за январь–февраль 2026 года // Polisia.kz. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.news-asia.ru/view/17438> (дата обращения: 09.03.2026).

6. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 11 сентября 2024 года (об образовании Комитета по противодействию наркопреступности МВД РК); Положение о Комитете по противодействию наркопреступности МВД РК, утверждённое приказом Министра внутренних дел РК (2024). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G24C0000851> (дата обращения: 09.03.2026).

7. Криминальное противостояние даркнета и правовых институтов государственной власти // киберленинка. — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnoe-protivostoyanie-darkneta-i-pravovyh-institutov-gosudarstvennoy-vlasti> (дата обращения: 09.03.2026).

8. Об утверждении Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2026–2028 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 19 декабря 2025 года № 1117. — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://toppress.kz/article/v-kazahstane-utverzhdenn-kompleksnii-plan-po-borbe-s-narkomaniei-i-narkobiznesom-na-2026-2028-godi> (дата обращения: 09.03.2026).

9. Конвенция Организации Объединённых Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 года). — [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/drug_traffick.shtml (дата обращения: 09.03.2026).

10. Об утверждении Концепции кибербезопасности («Киберщит Казахстана»): постановление Правительства Республики Казахстан от 17 августа 2017 года № 407 (в редакции постановления Правительства РК от 17 марта 2023 года № 236). — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407> (дата обращения: 09.03.2026).

УДК 343.9

Нечаева Юлия Леонидовнамагистрант Евразийского Национального Университета имени Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан**КОРПОРАТИВНЫЙ КОМПЛАЕНС КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕВЕНЦИИ
КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОТ НОРМАТИВНОЙ МОДЕЛИ К
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИ ОБОСНОВАННОЙ СИСТЕМЕ**

Аннотация. В статье исследуется проблема разрыва между нормативной моделью корпоративного комплаенса и криминологической реальностью функционирования организаций. Показано, что формализованный характер антикоррупционных программ, ориентированных преимущественно на документальное подтверждение соответствия требованиям законодательства, ограничивает их превентивный потенциал. На основе теорий напряжения Р. Мертона, нейтрализации Г. Сайкса и Д. Матзы, дифференцированного научения Э. Сазерленда и рутинной деятельности Л. Коэна и М. Фелсона раскрываются механизмы формирования коррупционного поведения в корпоративной среде. Обосновывается необходимость интеграции криминологического анализа мотиваций, организационной культуры и поведенческих индикаторов риска в структуру комплаенс-систем. Предлагается переориентация KPI комплаенс-служб на снижение мотивационных и структурных условий коррупции, а также внедрение расширенного due diligence с учетом социальных связей контрагентов. Особое внимание уделяется междисциплинарной подготовке специалистов комплаенс. Сделан вывод о необходимости трансформации комплаенса из реактивного механизма правовой защиты в систему активной превенции корпоративной коррупции.

Ключевые слова: корпоративный комплаенс; коррупционное поведение; криминологические теории; превенция коррупции; due diligence; организационная культура; поведенческие индикаторы риска; антикоррупционная политика.

Аннотация. Мақалада корпоративтік комплаенстің нормативтік моделі мен ұйымдардың қызмет етуіндегі криминологиялық шынайылық арасындағы алшақтық мәселесі қарастырылады. Заң талаптарына сәйкестікті құжаттық растауға бағытталған формалданған сыбайлас жемқорлыққа қарсы бағдарламалардың превентивтік әлеуетін шектейтіні негізделеді. Р. Мертонның шиеленіс теориясы, Г. Сайкс пен Д. Матзаның бейтараптандыру теориясы, Э. Сазерлендтің дифференциалды оқыту теориясы және Л. Коэн мен М. Фелсонның рутиндік әрекет теориясы негізінде корпоративтік ортада жемқорлық мінез-құлықтың қалыптасу механизмдері талданады. Комплаенс-жүйелер құрылымына мотивациялық факторлар мен ұйымдық мәдениетті криминологиялық талдауды енгізудің қажеттілігі дәлелденеді. Комплаенс-қызметтердің KPI көрсеткіштерін жемқорлыққа итермелейтін құрылымдық жағдайларды төмендетуге бағыттау ұсынылады. Сондай-ақ әлеуметтік байланыстарды ескере отырып кеңейтілген due diligence енгізу қажеттілігі көрсетіледі. Комплаенс мамандарын пәнаралық даярлаудың маңыздылығы атап өтіледі. Қорытындысында комплаенсті реактивті құқықтық қорғаныс құралынан белсенді алдын алу жүйесіне айналдыру қажеттігі тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: корпоративтік комплаенс; жемқорлық мінез-құлық; криминологиялық теориялар; сыбайлас жемқорлықтың алдын алу; due diligence; ұйымдық мәдениет; мінез-құлықтық тәуекел индикаторлары; сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясат.

Abstract. The article examines the gap between the regulatory model of corporate compliance and the criminological reality of organizational functioning. It is argued that the formalized nature of anti-corruption programs, primarily focused on documentary confirmation of legal compliance, limits their preventive effectiveness. Drawing on Merton's strain theory, Sykes and Matza's techniques of neutralization, Sutherland's differential association theory, and Cohen and Felson's routine activity theory, the mechanisms of corruption formation in corporate environments are analyzed. The study substantiates the need to integrate criminological analysis of motivations, organizational culture, and behavioral risk indicators into compliance systems. A reorientation of compliance KPIs toward reducing structural and motivational conditions of corruption is proposed, along with the implementation of extended due diligence considering social networks of counterparties. Particular attention is paid to interdisciplinary training of compliance officers. The article concludes that corporate compliance must evolve from a reactive legal defense mechanism into an active system of corruption prevention.

Keywords: corporate compliance; corruption behavior; criminological theories; corruption prevention; due diligence; organizational culture; behavioral risk indicators; anti-corruption policy.

Исторически антикоррупционная политика в Республике Казахстан была ориентирована на сферу государственной службы и применяла инструменты уголовно-правового воздействия, в то время как участие квазигосударственного сектора, частных коммерческих организаций, субъектов предпринимательства в системе превенции коррупции было лишь фрагментарным. При этом, криминологический анализ причин и условий коррупционных правонарушений показывает, что

коррупция является институциональным явлением, что обуславливает необходимость разработки комплексных превентивных механизмов, в том числе ориентированных на частный сектор [1; 2]. В этой связи, корпоративные комплаенс-программы в последние годы стали рассматриваться как один из ключевых инструментов профилактики преступлений, независимо от того, совершаются они в публичной или частной сфере. Однако, очевидно, что эффективность таких систем напрямую зависит от того, насколько они переходят из плоскости формальных деклараций в сферу реальных, работающих механизмов воздействия на поведение участников корпоративных отношений. На практике нередко внедрение комплаенса ограничивается принятием типовых регламентов, но не сопровождается формированием необходимых организационных условий, надлежащей профессиональной подготовкой ответственных лиц, и развитием компетенций, позволяющим им осуществлять полноценную антикоррупционную превенцию. В таких случаях комплаенс система приобретает декларативный характер, создаёт лишь иллюзию контроля и может даже повышать уровень латентности коррупционных правонарушений [1].

Цель исследования заключается в выявлении причин ограниченной эффективности существующих комплаенс-моделей и обосновании необходимости интеграции криминологических инструментов в корпоративную превенцию. В ходе исследования использованы методы анализа нормативных правовых актов Республики Казахстан и зарубежного законодательства, сравнительно-правовой метод, а также криминологический подход к изучению причин и условий коррупционного поведения. Применён системный и институциональный анализ корпоративных комплаенс-практик, позволивший выявить разрыв между нормативной моделью и реальными поведенческими механизмами функционирования организаций. Теоретическую основу составили положения классических криминологических концепций (теории напряжения, рационального выбора, нейтрализации, рутинной деятельности), адаптированные к сфере корпоративного управления.

В рамках действующих комплаенс-политик недооценивается важность криминологического анализа коррупции - мотивации, моделей поведения сотрудников, признаков формирования устойчивых теневых практик, использование служебного положения для личных целей до момента фактического правонарушения. Между тем исследования в криминологии (например, теория аномии Мертона или концепция «нейтрализации» Сайкса и Матзы) подчёркивают необходимость изучения внутренних рационализаций нарушителей, того, как они оправдывают собственные действия перед собой и окружением [3]. Указанная проблема проявляется также в формализме внутреннего анализа коррупционных рисков: он часто проводится по типовым регламентам с акцентом на технические несоответствия и следование процедурам [4], при этом реальные поведенческие паттерны могут оставаться вне поля внимания, собранные данные не используются для выработки мер профилактики именно на стадии предкриминального поведения. Введение элементов криминологического анализа, например, профилирование риска по направлениям деятельности с учётом человеческого фактора, могло бы повысить эффективность корпоративного комплаенса на практике.

Существуют международные инициативы, такие как UN Global Compact [5], которые предоставляют компаниям доступ к методическим материалам по борьбе с коррупцией, но даже они часто ориентированы на стандартизированные принципы управления рисками. Для реальной интеграции криминологических знаний, по нашему мнению, требуется междисциплинарная подготовка комплаенс-специалистов: сочетание юридической компетенции с навыками поведенческого анализа и пониманием экономических стимулов (в рамках подходов Беккера и Канемана) [6], теории рутинизированного действия Коэна и Фелсона о том, что преступления происходят при совпадении мотивированного нарушителя и доступной возможности при отсутствии надзора. Расширение функций корпоративных служб комплаенса до проведения собственных поведенческих исследований и тестирования сотрудников на знание антикоррупционной системы могло бы обеспечить выявление латентных рисков ещё до их проявления [1, 2]. Такая интеграция требует соответствующей подготовки офицеров комплаенса, не просто по юридическим вопросам казахстанского законодательства о коррупции, но и по психологии, социальным механизмам и экономическим моделям принятия решений. Это предполагает создание новой концепции обучения специалистов комплаенса с опорой на анализ причин коррупции, распознавание ранних поведенческих индикаторов и выработку методов их блокирования до наступления стадии правонарушения.

Правовая основа антикоррупционного комплаенса складывается из сочетания международных актов, национального законодательства и внутренних регламентов компаний, которые стремятся отразить правовые требования в конкретных процедурах. В Казахстане основу составляет Закон «О противодействии коррупции» и подзаконные акты, определяющие как общегосударственную стратегию, так и стандартизированные подходы для отдельных субъектов [7, 8]. Эти документы

закрепляют обязательность системных мер профилактики, включая внутренний анализ рисков, мониторинг исполнения и отчётность перед уполномоченными органами. При этом такое регулирование опирается на модель стандартизованного реагирования: ответственность компании связывается с доказанным наличием предписанных политик и процедур, а не с демонстрацией их реальной эффективности в предотвращении коррупции.

Правовая база детализируется через внутренние нормативные акты организаций. Например, антикоррупционная политика в юридическом лице формируется с учётом национального стандарта РК «Система менеджмента по противодействию коррупции» и международного ISO 37001 [9]. Эти документы устанавливают принципы и цели политики, закрепляют обязанности сотрудников, предусматривают набор мер, от выявления причин правонарушений до создания антикоррупционной культуры. Они носят обязательный характер для всех работников и подрядчиков, что формирует основу для дисциплинарной и договорной ответственности. Однако сам стандарт не предписывает анализировать поведенческие особенности коллектива или управленческой среды, которые могут создавать условия для коррупционных практик. Внутренние регламенты специализированных комплаенс-служб часто прямо ориентированы на выполнение требований государственных органов, например, предоставление регулярной отчётности о предпринятых мерах или передача информации по запросу уполномоченного органа по противодействию коррупции [10]. В них подробно прописаны процедуры взаимодействия подразделений: сбор документов, совместное обсуждение выявленных рисков, корректировка планов. Такая структура удобна для проверки соответствия формальным критериям, но не всегда создаёт стимулы для проактивного выявления латентных угроз.

Ещё один пример формализации это правила внутреннего анализа рисков, где источниками информации считаются официальные проверки, жалобы граждан, судебные акты [11]. Такой подход практически исключает прогнозирование на основании косвенных индикаторов поведения сотрудников до возникновения конфликта с законом. На международном уровне законодательные модели нередко содержат элементы стимулирования бизнеса к внедрению профилактических процедур. Так, UK Bribery Act вводит корпоративную ответственность за подкуп со стороны аффилированных лиц при условии отсутствия «адекватных процедур» для его предотвращения [12]. Это смещает бремя доказывания: компания должна подтвердить наличие действенной программы как защитную позицию в случае обвинения. Аналогичные конструкции использует итальянское право (Legislative Decree 231/2001), где предусмотрена возможность освобождения от ответственности при доказательстве эффективной работы организационной модели предупреждения преступления [13]. На практике это означает необходимость комплексного документирования как структуры программы, так и результатов её работы. Некоторые страны пошли дальше, включив фиксированные элементы комплаенс-механизмов прямо в закон. Например, французский Sapin II требует от крупных компаний наличия кода поведения, системы внутреннего уведомления о нарушениях, оценки рисков контрагентов и регулярного мониторинга эффективности программы [14]. Как отмечают Meyer, van Roomen и Sikkema, в правоприменительной практике ключевое значение приобретает способность компании доказать фактическое внедрение и контроль антикоррупционных процедур, а не их декларативное наличие [15]. Эти законодательные инновации демонстрируют тенденцию к унификации ключевых блоков антикоррупционного контроля в транснациональном контексте. Однако даже здесь законодатель оставляет за рамками прямого регулирования вопросы криминологического анализа мотиваций или организационных культурных факторов. В отличие от такой модели в англосаксонской традиции параллельно существует концепция расширенной уголовной ответственности корпораций за действия аффилированных лиц без необходимости доказывать факт согласия руководства (корпоративное преступление по s. 7 Британского закона о взяточничестве) [12]. Это стимулирует компании внедрять превентивные меры глубже минимальных стандартов, чтобы иметь аргумент в суде об адекватности программ. Но реализация этих требований внутри компаний, ограничивается созданием типовых инструкций и отчётов. При этом, Naugh указывает, что чрезмерная формализация и правовая нагрузка на комплаенс-службы может трансформировать их из превентивного механизма в элемент доказательной базы обвинения [16].

Без включения криминологического анализа есть риск, что комплаенс останется инструментом фиксации уже совершенных нарушений, в то время как системное включение криминологических знаний и анализа поведенческих факторов в его архитектуру, по сути, гарантирует превентивный результат. Такой переход на практике потребует внедрения инструментов измерения уровня мотивационной готовности персонала к противоправным действиям. Это может быть реализовано через регулярные анонимные опросы о восприятии этических норм, мониторинг внутренних коммуникаций на предмет оправдательных нарративов (паттернов нейтрализации по Сайксу и Матзе),

а также анализ сетевых взаимодействий сотрудников из модели дифференцированного научения Сазерленда [3]. Криминологический анализ должен стать постоянным элементом due diligence, процедура проверки контрагентов должна учитывать репутационные данные, историю участия в теневых схемах и наличие неформальных связей с носителями коррупционной практики. Такие данные нельзя получить только из бухгалтерских отчетов; требуется объединение методов юридического аудита с социально-психологическим исследованием среды контрагента. Включение таких подходов позволит выявлять латентные угрозы до момента их материализации.

Эти изменения невозможны без соответствующей подготовки офицеров комплаенс. В евразийском научном дискурсе также подчёркивается эволюционный характер корпоративных комплаенс-практик и их связь с системой обеспечения экономической безопасности организации, что требует перехода от формального соответствия требованиям к управлению рисками на основе аналитических моделей [17]. Образовательная программа должна расширяться за счет модулей по криминологии, в результате офицер комплаенс сможет оценивать не только факт нарушения процедуры, но и предикторы его возникновения, что могло бы реализоваться в виде создания аналитической платформы внутри компании, которая будет объединять данные из разных подразделений: результаты финансового аудита, отчёты службы безопасности, наблюдения HR о динамике коллективных взаимодействий. На этой основе формируется комплексная карта рисков с выделением зон вероятного появления мотивированных нарушителей. Здесь полезны алгоритмы моделирования вероятности события на основе сочетания факторов: высокое организационное давление + доступ к значимым ресурсам + толерантная культура = высокий индекс риска (логика теории напряжения плюс модель рутинной деятельности). Практическая реализация требует перестройки регламентов: обязательный раздел программы комплаенс должен описывать процедуру криминологического анализа ключевых процессов (закупки, лицензирование, работа с посредниками).

Список использованных источников:

1. Huisman W., Vande Walle G. The criminology of corruption // *Crime, Law and Social Change*. 2010. Vol. 53. P. 115–145.
2. Горшенков Г.Н. Коррупция как криминологическая категория // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2009. № 3. С. 240–245.
3. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие / Ю. Ю. Комлев. — Электронный ресурс. — М.: Изд-во, 2008. — 352 с. — Режим доступа: https://socio-levkom-1.narod.ru/Monografies/TDP_1.pdf (дата обращения: 22.02.2026).
4. OECD. Good Practice Guidance on Internal Controls, Ethics, and Compliance. 2010.
5. United Nations Global Compact. Fighting Corruption in the Supply Chain: A Guide for Customers and Suppliers. — New York: UN Global Compact Office, 2010. — [Электронный ресурс] — айналыс режимі: <https://www.unglobalcompact.org/library/136> (дата обращения: 22.02.2026).
6. Rabin M., Thaler R.H. Behavioral Economics: Past, Present, and Future / Rabin M., Thaler R. H. — Princeton University Press, 2013. — 84 p. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://www.princeton.edu/~mrb/papers/rabinthaler.pdf> (дата обращения: 22.02.2026).
7. Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2022 года № 802 «Об утверждении Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022–2026 годы».
8. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год). — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> (дата обращения: 22.02.2026).
9. ISO 37001:2016 Anti-bribery management systems — Requirements with guidance for use.
10. Положение о службе антикоррупционного комплаенса АО «Qazaqstan Investment Corporation». 2023.
11. Правила внутреннего анализа и выявления коррупционных рисков в ТОО «FSC of RE». 2022.
12. UK Bribery Act 2010.
13. Legislative Decree No. 231 of 8 June 2001 (Italy).
14. Loi n° 2016-1691 du 9 décembre 2016 relative à la transparence, à la lutte contre la corruption et à la modernisation de la vie économique (Sapin II).
15. Meyer B., van Roomen T., Sikkema E. Corporate Criminal Liability for Corruption Offences and the Due Diligence Defence: A Comparison of the Dutch and English Legal Frameworks // *Utrecht Law Review*. 2014. Vol. 10. No. 3.
16. Haugh T. The Criminalization of Compliance // *Notre Dame Law Review*. 2017. Vol. 92. No. 3. P. 1215–1266.

17. Агафонов А.В., Лебедев И.А. Эволюция корпоративных комплаенс-практик в системе обеспечения экономической безопасности: теоретико-методический и прикладной аспекты // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № S2.

УДК 343.85:323.28-053.6

Омаров Темирлан Серикович,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
г. Косшы, Республика Казахстан

ОТДЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию отдельных мер по профилактике религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в Казахстане, рассматриваемых как значимый элемент государственной стратегии в обеспечении безопасности общества. Значимость исследования связана с увеличивающейся угрозой вербовки подростков в экстремистские структуры благодаря активному влиянию социальных сетей и онлайн-платформ. Основная цель исследования – выявить причины и механизмы привлечения молодёжи в радикальные религиозные группы, а также оценить эффективность текущих мер профилактики. Научной новизной работы является всестороннее рассмотрение проблемы с учётом её юридического, психолого-социального и образовательного контекста. Результатом исследования стали конкретные рекомендации по усовершенствованию механизмов раннего распознавания признаков склонности к радикализму и повышению качества профилактических программ. Практическая значимость результатов исследования проявляется в возможности их применения при формировании новых подходов к предупреждению экстремизма в образовательных учреждениях и молодёжной среде Казахстана.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; профилактика; несовершеннолетние; информационная безопасность; правовое регулирование; социальные сети; радикализация; терроризм.

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстандағы кәмелетке толмағандар арасындағы діни экстремизмнің алдын алу жекелген шаралары қарастырылады, олар қоғамдық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің мемлекеттік стратегиясының маңызды элементі болып саналады. Зерттеудің маңыздылығы әлеуметтік желілер мен онлайн платформалардың белсенді әсеріне байланысты жасөспірімдердің экстремистік топтарға тартылу қаупінің артуымен байланысты. Зерттеудің негізгі мақсаты - жастардың радикалды діни топтарға тартылу себептері мен механизмдерін анықтау және қазіргі алдын алу шараларының тиімділігін бағалау. Зерттеудің ғылыми жаңалығы мәселенің құқықтық, психологиялық, әлеуметтік және білім беру контекстін ескере отырып, кешенді зерттелуінде жатыр. Зерттеу нәтижесінде радикализмге бейімділік белгілерін ерте анықтау механизмдерін жетілдіру және алдын алу бағдарламаларының сапасын арттыру бойынша нақты ұсыныстар жасалды. Зерттеу нәтижелерінің практикалық маңыздылығы оларды Қазақстандағы білім беру мекемелерінде және жастар арасында экстремизмнің алдын алудың жаңа тәсілдерін әзірлеуде қолдану мүмкіндігінде жатыр.

Түйінді сөздер: діни экстремизм; алдын алу; кәмелетке толмағандар; ақпараттық қауіпсіздік; құқықтық реттеу; әлеуметтік желілер; радикалдану; терроризм.

Abstract. This article examines measures to prevent religious extremism among minors in Kazakhstan, which are considered a significant element of the state strategy for ensuring public safety. The significance of the study is related to the increasing threat of adolescent recruitment into extremist groups due to the active influence of social media and online platforms. The primary objective of the study is to identify the causes and mechanisms of youth recruitment into radical religious groups and to evaluate the effectiveness of current preventive measures. The scientific novelty of the study lies in its comprehensive examination of the problem, taking into account its legal, psychological, social, and educational context. The study resulted in specific recommendations for improving mechanisms for the early recognition of signs of a tendency toward radicalism and enhancing the quality of preventive programs. The practical significance of the study's findings lies in their potential application in developing new approaches to preventing extremism in educational institutions and among young people in Kazakhstan.

Keywords: religious extremism; prevention; minors; information security; legal regulation; social networks; radicalization; terrorism.

Современное общество сталкивается с серьёзной проблемой религиозного экстремизма, который угрожает национальной безопасности и стабильному развитию государств. Особенно тревожит распространение влияния радикальных группировок среди несовершеннолетних, ведь подростковый возраст характеризуется повышенным восприятием чужих взглядов, эмоциональной неуравновешенностью и стремлением обрести свою социальную роль. Современные технологии и социальные сети существенно облегчают доступ молодёжи к экстремистской пропаганде, делая необходимым принятие действенных предупредительных мер как на уровне государства, так и общественности.

Актуальность глубокого изучения вопросов предотвращения вовлечения подростков в религиозный экстремизм приобретает особую остроту именно в Республике Казахстан. Многонациональная страна с разнообразием конфессий стремится сохранить мир и согласие между народами, одновременно пресекая распространение радикальных учений. Однако опыт показывает, что экстремисты успешно применяют современные методы психологической обработки и манипуляции сознанием молодёжи через интернет, усложняя задачу оперативного обнаружения потенциальных опасностей и подчёркивая необходимость комплексного подхода к решению проблемы.

Научная новизна проведенного исследования определяется углубленным изучением феномена профилактики религиозного экстремизма среди подростков с учетом особенностей современной цифровой эпохи и социальных процессов, провоцирующих процессы радикализации молодежи. Работа акцентирует внимание на определении ключевых факторов и обстоятельств, приводящих несовершеннолетних к участию в экстремистских структурах, а также проводит оценку действенности используемых ныне мер предосторожности. Сложность проблематики диктует потребность интеграции усилий госорганов власти, учебных заведений, правоохранительной сферы, религиозных организаций и гражданских институтов для достижения эффективного результата.

Цель данной статьи заключается в изучении способов предотвращения распространения религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в Казахстане и формулировании рекомендаций по оптимизации существующей профилактической деятельности. Для достижения цели исследования необходимо выделить ряд задач:

1. Проанализировать основные факторы, способствующие развитию религиозного экстремизма среди несовершеннолетних;
2. Рассмотреть действующую правовую базу противодействия экстремизму;
3. Изучить основные формы профилактической работы, реализуемые в Казахстане в данном направлении;
4. Предложить рекомендации по повышению эффективности системы профилактики экстремизма среди несовершеннолетних.

Правовое регулирование профилактики религиозного экстремизма в Республике Казахстан.

Правовая основа противодействия религиозному экстремизму в Республике Казахстан формируется рядом нормативных правовых актов.

Ключевое значение имеет Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» [1]. В частности, в соответствии со статьей 1 настоящего Закона дается определение экстремизма, а статья 3 закрепляет основные принципы противодействия экстремистской деятельности. Статья 7 Закона определяет компетенцию государственных органов в сфере противодействия экстремизму, включая профилактическую деятельность. Однако анализ данных норм показывает, что они носят общий характер и не содержат специальных механизмов профилактики среди несовершеннолетних.

Закон Республики Казахстан «Об образовании» также играет важную роль в профилактике экстремизма. В частности, его положения предусматривают формирование у обучающихся гражданской ответственности, правовой культуры и устойчивости к деструктивным идеологиям. Однако в Законе отсутствуют конкретные нормы, прямо направленные на профилактику религиозного экстремизма [2].

Кроме того, Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» предусматривает меры индивидуальной профилактики. В частности, в соответствии со статьей 48 данного Закона, к таким мерам относятся профилактическая беседа, постановка на профилактический учет, а также контроль за поведением лица, находящегося в группе риска [3].

Однако анализ указанных норм показывает, что они носят универсальный характер и применяются ко всем категориям правонарушений. Закон не содержит специальных положений, учитывающих особенности религиозной радикализации несовершеннолетних, включая механизмы выявления признаков вовлечения через интернет и психологическое воздействие.

Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» регулирует вопросы свободы вероисповедания и деятельности религиозных организаций, однако также не содержит специальных норм, направленных на защиту несовершеннолетних от вовлечения в деструктивные религиозные течения [4].

Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает ответственность за преступления экстремистской направленности, включая пропаганду терроризма и участие в экстремистской деятельности. Однако данные меры носят преимущественно реактивный характер и применяются уже после совершения правонарушения. Особое значение имеет вопрос юридической ответственности за вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

Уголовное законодательство Республики Казахстан предусматривает ответственность за:

- пропаганду терроризма (Статья 256);
- участие в экстремистской деятельности;
- создание и руководство экстремистскими организациями (Статьи 182, 404) [5].

Однако в научной плоскости остается недостаточно разработанным вопрос квалификации действий, связанных с вовлечением несовершеннолетних через интернет-платформы, что требует дополнительного нормативного уточнения.

Таким образом, действующее законодательство Республики Казахстан формирует основу противодействия экстремизму, однако требует дальнейшей конкретизации именно профилактических механизмов, ориентированных на несовершеннолетних.

Проведенный анализ нормативных правовых актов показывает, что в Республике Казахстан сформирована правовая база противодействия экстремизму, однако она недостаточно ориентирована на профилактику среди несовершеннолетних.

Основной проблемой является отсутствие детализированных процедур раннего выявления, а также недостаточная регламентация взаимодействия образовательных учреждений, правоохранительных органов и социальных служб.

Объектом научного исследования служат общественные связи, возникающие вокруг процесса профилактики религиозного экстремизма среди лиц, не достигших совершеннолетия.

Предметом исследования выступает совокупность государственно-правовых и общественных инструментов, направленных на снижение вероятности вовлечения подростков в радикальные группировки и формирование стойкого иммунитета к экстремистским взглядам.

Полученные в ходе исследования выводы и разработанные рекомендации обладают высокой практической значимостью, так как могут применяться при обновлении профилактических проектов в школах и вузах, использоваться соответствующими ведомствами и служить ориентиром для организаций, занимающихся молодежной политикой и проведением разъяснительной работы.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование показало, что система профилактики религиозного экстремизма среди молодежи Казахстана включает ряд согласованных мероприятий: просветительские кампании, контроль сети Интернет, координацию действий государственных органов, участие учебных заведений и общественных организаций [6]. Обработка официальной статистики демонстрирует интенсивную профилактическую активность госструктур Казахстана. В Таблице 1 рассмотрим действующие меры профилактики религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в РК:

Таблица 1 - Действующие меры профилактики религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в РК

Направление профилактики	Конкретные меры	Исполнители	Целевая аудитория
Информационно-разъяснительная работа	лекции, встречи, дискуссии, консультации теологов	ИРГ, акиматы, профильные ведомства	подростки, молодежь, родители
Образовательная профилактика	воспитательные часы, уроки правовой грамотности, профилактические мероприятия	школы, колледжи, психологи	несовершеннолетние
Интернет-мониторинг	выявление экстремистских материалов, удаление, блокировка	госорганы, уполномоченные структуры	подростки и широкая аудитория
Социально-психологическая профилактика	работа с группами риска, семейные консультации	психологи, социальные службы, НПО	несовершеннолетние группы риска
Правоохранительная профилактика	выявление преступлений, профилактические беседы, предупреждение	МВД, прокуратура	лица группы риска

Государственные структуры организуют масштабные просветительские кампании, включающие семинары, круглые столы, конференции и интерактивные дискуссии с участием ученых-теологов, религиоведов, психологов и сотрудников силовых ведомств. Согласно официальной статистике, за первые шесть месяцев 2025 года в республике состоялось около 40 тысяч профилактических мероприятий, посетителями которых стали более полутора миллиона человек [6].

Особое внимание уделяется образовательным учреждениям - школам и колледжам, где внедряются программы правового просвещения, тематические классные часы, проводятся мероприятия, направленные на развитие культуры терпимости и формирование основ светского мировоззрения. Школьные психологи и педагоги социальных служб играют особую роль, ведь именно подростки чаще всего становятся объектом манипуляции и агрессивной агитации.

Большое значение имеет цифровая сфера профилактики, учитывая широкое использование социальных сетей и закрытых онлайн-каналов для привлечения молодых людей. За тот же период было зафиксировано почти 11 тысяч случаев размещения запрещенного контента, из которого более трех тысяч публикаций были оперативно заблокированы.

Эффективным инструментом предотвращения негативных явлений являются специализированные группы - информационно-разъяснительные рабочие группы. Сегодня в стране действуют 236 таких групп, состоящих из квалифицированных специалистов общей численностью около 2700 человек [7].

Еще одно важное направление ведет Министерство внутренних дел Казахстана, которое регулярно выявляет преступления экстремистской направленности. Так, в 2024 году зарегистрировано 85 фактов экстремистской активности, по которым к ответственности привлечено 44 нарушителя.

Показатели профилактики в Казахстане подтверждают системный характер работы. В частности, отмечается высокий охват населения профилактическими мероприятиями, а также масштабная информационная кампания в интернет-пространстве. Рассмотрим данные Таблицы 2:

Таблица 2 - Официальные показатели профилактики религиозного экстремизма в РК

Показатель	Значение	Период	Источник
Разъяснительные мероприятия	более 40 000	I полугодие 2025	Gov.kz
Охват участников	более 1,5 млн	I полугодие 2025	Gov.kz
Выявлено экстремистского контента	10 852	I полугодие 2025	Gov.kz
Удалено материалов	3 126	I полугодие 2025	Gov.kz
Выявлено экстремистских преступлений	85	2024	МВД / Polisia.kz

Исследование показало, что работа по предупреждению религиозного экстремизма среди подростков в Казахстане проводится и охватывает разнообразные направления: совершенствование законодательной базы, повышение уровня информированности населения, контроль над цифровым пространством и взаимодействие государственных структур [6].

При этом исследователи подчеркивают, что эффективность профилактических мер зависит не только от качества предоставляемой информации, но и от устранения глубинных социальных факторов, способствующих формированию радикальных взглядов. Например, З.К. Аюпова утверждает, что стратегия борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом в Казахстане должна гармонично совмещать применение уголовных санкций и создание условий для предупреждения молодежного радикализма [9].

Это свидетельствует о важности развития механизмов первичного выявления рисков именно среди подростков, поскольку молодежь отличается повышенной уязвимостью перед влиянием деструктивной идеологии.

По мнению М.М. Рахимбекова, значительную роль в профилактике могут сыграть негосударственные организации, способные взаимодействовать с молодежью быстрее и эффективнее, чем традиционные государственные институты. Следовательно, успешная система защиты подростков от влияния радикальной идеологии должна включать сотрудничество государства, учебных заведений и гражданских инициатив [10].

Значительное внимание уделяют процессу деактивации последствий воздействия экстремистской идеологии (так называемой дезэкстремизации). Исследователь А.К. Сабдин выделяет особенности казахстанского опыта, обращая особое внимание на индивидуальную работу специалистов разных профилей с теми, кто оказался подвержен влиянию радикальных идей [11]. Применительно к несовершеннолетним эта задача требует внедрения специализированных методов психологической поддержки для подростков, находящихся в зоне повышенного риска.

Анализ статистических данных демонстрирует активное внедрение интернет-программ профилактики в Казахстане. Проведенный анализ статистики показывает, что Казахстан активно реализует интернет-профилактику. Однако доля удаленного экстремистского контента (3 126 из 10 852)

свидетельствует о том, что значительная часть материалов остается доступной, что повышает риск вовлечения несовершеннолетних через цифровую среду.

Следовательно, возникает потребность в дальнейшем совершенствовании технологий цифрового контроля и укреплении взаимодействия с крупными интернет-компаниями и международными организациями. Тем не менее, количество проведенных массовых мероприятий (более 40 тыс.) и значительный охват аудитории (свыше 1,5 млн человек) демонстрируют постоянную государственную стратегию формирования антитеррористического сознания среди населения. Таким образом, доля удаленного контента составляет около 28,8%, что указывает на наличие существенного объема информации экстремистского характера, сохраняющейся в цифровой среде и потенциально доступной подросткам [12]. Рассмотрим рисунок 1:

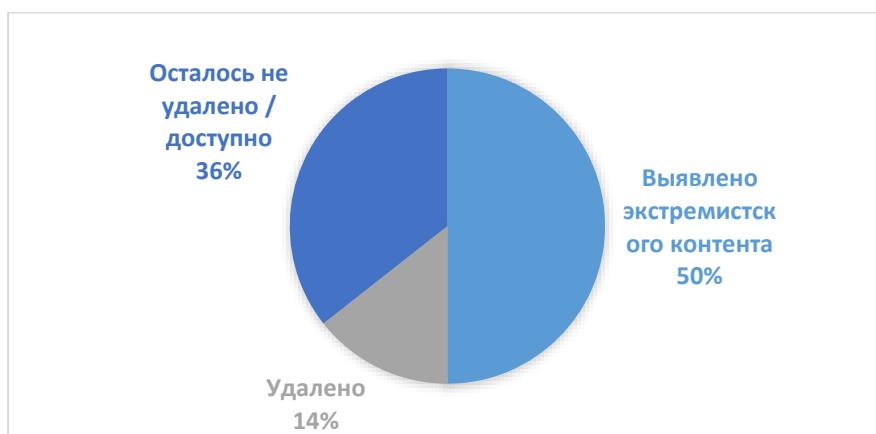

Рисунок 1. Доля удаленного экстремистского контента (I полугодие 2025 г.)

На основании проведенного исследования предлагаются следующие меры профилактики, ориентированные на практическое применение в условиях Республики Казахстан. Рассмотрим данные в Таблице 3:

Таблица 3. Предлагаемые меры профилактики религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в РК

№	Предлагаемая мера	Содержание меры	Исполнители	Ожидаемый результат
1	Введение школьного модуля «Медиаграмотность и антивербовка»	Обучение подростков распознаванию манипуляций, экстремистских нарративов, вербовочных схем в социальных сетях	Минпросвещения, школы, психологи	снижение уязвимости подростков к интернет-вербовке
2	Разработка алгоритма раннего выявления группы риска	Чек-лист признаков радикализации и маршрут реагирования: школа → психолог → социальная служба → ИРГ	школы, ИРГ, социальные службы, акиматы	предотвращение вовлечения на ранней стадии
3	Переход к адресной профилактике	Проведение профилактики в малых группах и индивидуально вместо формальных массовых лекций	ИРГ, молодежные центры, школы	повышение эффективности профилактических мероприятий
4	Усиление профилактики через родителей	Семинары для родителей о признаках радикализации, безопасном поведении подростков в интернете	школы, ИРГ, НПО	снижение семейных факторов риска, рост контроля в семье
5	Автоматизация цифрового мониторинга	Использование технологий анализа контента, ключевых слов и сетевой активности для быстрого выявления угроз	компетентные органы, ИТ-структуры	увеличение доли удаляемого экстремистского контента

6	Усиление психологической поддержки подростков	Развитие школьной психологической службы, профилактика изоляции, агрессии, депрессивных состояний	школы, психологи, социальные педагоги	снижение вероятности вовлечения в радикальные группы
7	Введение системы оценки эффективности профилактики	Учет не только количества мероприятий, но и качественных изменений: знания, установки, поведение	госорганы, акиматы	повышение результативности профилактической политики
8	Развитие альтернативных молодежных программ	Вовлечение подростков группы риска в спорт, волонтерство, обучение, карьерные проекты	молодежные центры, НПО, акиматы	снижение социальной маргинализации подростков

Закключение. Проведенное исследование показало, что в Республике Казахстан сформирована правовая база противодействия религиозному экстремизму, включающая нормы законодательства в сфере противодействия экстремизму, образования и профилактики правонарушений.

Вместе с тем анализ действующего законодательства выявил ряд проблем. В частности, нормы Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» и Закона «О профилактике правонарушений» носят общий характер и не содержат детализированных механизмов профилактики религиозной радикализации среди несовершеннолетних [1], [3].

Установлено, что уголовно-правовые меры (включая ответственность за пропаганду терроризма и участие в экстремистской деятельности) применяются преимущественно после совершения правонарушений и не обеспечивают предупреждение вовлечения несовершеннолетних на ранней стадии. Повышение эффективности профилактики требует совершенствования правовых механизмов, направленных на раннее выявление рисков радикализации, а также усиления нормативного регулирования профилактической деятельности в образовательной и цифровой среде.

Исследования продемонстрировали, что защита подростков от религиозного экстремизма стала ключевым направлением государственной стратегии Казахстана, направленной на обеспечение внутренней безопасности и общественного спокойствия. Современная ситуация характеризуется усилением опасности радикализации молодого поколения вследствие активного использования социальных сетей, интернет-ресурсов и массового распространения экстремистских материалов, превращая профилактику не только в юридический, но и социальный и психологический процесс [10].

Статистические данные подтверждают интенсивную профилактическую деятельность государственных структур. Только за первое полугодие 2025 года прошло свыше 40 тысяч мероприятий с целью разъяснения, затронувших более 1,5 млн человек. Выявлено 10 852 случая публикации экстремистского контента, причем треть из них была оперативно ликвидирована, что ставит проблему дальнейшей модернизации системы мониторинга и оперативного реагирования в виртуальном пространстве [6]. Статистика Министерства внутренних дел отражает сохраняющуюся актуальность проблемы, поскольку в течение 2024 года раскрыто 85 преступлений экстремистского характера, а виновниками признаны 44 человека [13].

Подводя итоги правового анализа, следует отметить, что действующая система профилактики экстремизма в Республике Казахстан реализуется через нормы законодательства и включает следующие направления:

- информационно-разъяснительную деятельность, осуществляемую в рамках государственной политики;
- меры индивидуальной профилактики, предусмотренные законодательством о профилактике правонарушений;
- деятельность уполномоченных государственных органов, закрепленную в законодательстве о противодействии экстремизму.

Вместе с тем установлено, что указанные меры не обладают достаточной правовой конкретизацией в части профилактики среди несовершеннолетних.

На основании проведенного анализа законодательства и представленных статистических данных, дальнейшая оптимизация профилактики религиозного экстремизма среди несовершеннолетних должна предполагать переход от оценки объема проделанной работы к оценке реальных результатов, включая укрепление иммунитета подростков против вербовки, улучшение медиа-грамотности и организацию качественной психолого-педагогической помощи.

С правовой точки зрения установлено, что действующее законодательство Республики Казахстан, включая Закон «О противодействии экстремизму» и Закон «О профилактике правонарушений», содержит общие положения, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, однако не предусматривает специализированных норм, ориентированных на профилактику среди несовершеннолетних.

В частности, в законодательстве отсутствуют детализированные механизмы раннего выявления признаков радикализации, а также недостаточно регламентировано межведомственное взаимодействие образовательных учреждений, правоохранительных органов и социальных служб при работе с несовершеннолетними группы риска.

Таким образом, выявленные пробелы свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования в части профилактики религиозного экстремизма среди несовершеннолетних.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года № 31-III. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031> (дата обращения: 08.03.2026).
2. Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июля 2007 года № 319-III. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319> (дата обращения: 08.03.2026).
3. Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» от 30 декабря 2025 года № 245-VIII ЗРК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000245> (дата обращения: 08.03.2026).
4. Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 года № 483-IV. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483> (дата обращения: 08.03.2026).
5. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z1483> (дата обращения: 08.03.2026).
6. Итоги I полугодия 2025 года: меры профилактики религиозного экстремизма и терроризма (мероприятия, охват, мониторинг контента) // Gov.kz. – 2025. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/press/news/details/1039036?lang=ru> (дата обращения: 08.03.2026).
7. Информационно-разъяснительные группы: количество ИРГ и специалистов // Gov.kz. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/inf/activities/2823?parentId=141> (дата обращения: 08.03.2026).
8. 85 экстремистских преступлений раскрыто в 2024 году – МВД // Polisia.kz. – 2024. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://polisia.kz/ru/85-ekstremistskih-prestuplenij-raskryto-v-2024-godu-mvd/> (дата обращения: 08.03.2026).
9. Аюпова З.К., Сералиева А.М. Правовая политика Республики Казахстан в противодействии терроризму и религиозному экстремизму // CyberLeninka. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-politika-respubliki-kazahstan-v-protivodeystvii-terrorizmu-i-religioznomu-ekstremizmu> (дата обращения: 08.03.2026).
10. Рахимбеков М.М. Неправительственные организации как субъекты предупреждения религиозного экстремизма в Республике Казахстан // CyberLeninka. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepravitelstvennye-organizatsii-kak-subekty-preduprezhdeniya-religioznogo-ekstremizma-v-respublike-kazahstan> (дата обращения: 08.03.2026).
11. Сабдин А.К. Казахстанский опыт теологической дерадикализации // CyberLeninka. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazahstanskiy-opyt-teologicheskoy-deradikalizatsii-1> (дата обращения: 08.03.2026).
12. Экстремизм в Казахстане: современное состояние и вопросы противодействия // CABAR.asia, 2016. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cabar.asia/ru/andrey-chebotarev-ekstremizm-v-kazahstane-sovremennoe-sostoyanie-i-voprosy-protivodejstviya-2> (дата обращения: 09.03.2026).
13. Сколько человек наказали за экстремизм в Казахстане // Tengrinews.kz, 2025. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-nakazali-ekstremizm-kazahstane-rasskazali-mvd-559464/ (дата обращения: 09.03.2026).

ӘОЖ 342.9:656.11

Отарбай Ақниет Серікжанқызы

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ЖОЛ ҚОЗҒАЛЫСЫ ҚАУІПСІЗДІГІНДЕ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасының жол қозғалысы қауіпсіздігін реттеу саласында жасанды интеллект технологияларын қолданудан туындайтын құқықтық мәселелерді кешенді пәнаралық тұрғыдан зерттеуге арналған. Зерттеудің өзектілігі цифрлық трансформация жағдайында заңнамалық реттеудің технологиялық шындықтан артта қалуымен және ЖИ негізіндегі бақылау жүйелерін енгізу кезінде азаматтардың конституциялық құқықтарын қорғаудың кепілдіктері мен тетіктерінің жеткіліксіздігімен айқындалады.

Зерттеудің ғылыми жаңашылдығы жол қозғалысы қауіпсіздігі саласында жасанды интеллект технологияларын қолданудың құқықтық мәселелерін Қазақстан Республикасының нормативтік-құқықтық жүйесі шеңберінде кешенді пәнаралық тұрғыдан алғаш рет жүйелі зерттеуде көрініс табады. Зерттеу барысында «Жасанды интеллект туралы» Заң, Цифрлық кодекс, «Жол жүрісі туралы» Заң, «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заң және «Әкімшілік құқық бұзушылық туралы» кодекс нормалары бейнебақылау мен автоматты тіркеу жүйелері контекстінде өзара байланыста алғаш рет жүйелі талданған. Жасанды интеллект жүйелері арқылы жиналатын жеке деректерді қорғаудың және алгоритмдік шешімдер үшін жауаптылықты бөлудің нормативтік реттелмегендігі ғылыми тұрғыдан дәлелденген. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының заңнамасы Еуропалық Одақтың жасанды интеллект туралы регламентімен салыстырмалы-құқықтық талдауға алынып, отандық реттеудің олқылықтары айқындалған. Зерттеу нәтижелері бойынша алгоритмдік ашықтық стандарттарын бекіту, автоматтандырылған шешімдерді даулаудың рәсімдік тетіктерін нақтылау және ЖИ операторларының жауаптылық жүйесін дамыту бойынша нақты заңнамалық ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; жол қозғалысы қауіпсіздігі; дербес деректерді қорғау; алгоритмдік жауаптылық; бейнебақылау; автоматты тіркеу жүйелері; цифрлық реттеу.

Аннотация. Статья посвящена комплексному междисциплинарному изучению правовых проблем, возникающих при использовании технологий искусственного интеллекта в сфере регулирования безопасности дорожного движения Республики Казахстан. Актуальность исследования определяется отставанием законодательного регулирования от технологической реальности в условиях цифровой трансформации и недостаточностью гарантий и механизмов защиты конституционных прав граждан при внедрении систем контроля на основе ИИ.

Научная новизна исследования впервые находит отражение в системном исследовании правовых проблем применения технологий искусственного интеллекта в области безопасности дорожного движения с комплексной междисциплинарной точки зрения в рамках нормативно-правовой системы Республики Казахстан. В ходе исследования впервые систематически проанализированы нормы закона «об искусственном интеллекте», цифрового кодекса, Закона «О дорожном движении», закона «О персональных данных и их защите» и Кодекса «об административных правонарушениях» во взаимосвязи в контексте систем видеонаблюдения и автоматической регистрации. Научно доказано, что защита персональных данных, собираемых с помощью систем искусственного интеллекта, и распределение ответственности за алгоритмические решения не регулируются нормативно. Кроме того, законодательство Республики Казахстан подвергнуто сравнительно-правовому анализу с регламентом Европейского Союза об искусственном интеллекте, выявлены пробелы в отечественном регулировании. По результатам исследования сформулированы конкретные законодательные предложения по утверждению алгоритмических стандартов прозрачности, уточнению процедурных механизмов оспаривания автоматизированных решений и развитию системы ответственности операторов ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; безопасность дорожного движения; защита персональных данных; алгоритмическая ответственность; видеонаблюдение; системы автоматической регистрации; цифровое регулирование.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive interdisciplinary study of the legal problems arising from the use of artificial intelligence technologies in the field of traffic safety regulation in the Republic of Kazakhstan. The relevance of the research is determined by the lag between legislative regulation and technological reality in the context of digital transformation and the lack of guarantees and mechanisms for protecting citizens' constitutional rights when implementing AI-based control systems.

For the first time, the scientific novelty of the research is reflected in a systematic study of the legal problems of applying artificial intelligence technologies in the field of road safety from a comprehensive interdisciplinary point of view within the framework of the regulatory system of the Republic of Kazakhstan. In the course of the research, the norms of the law "On Artificial Intelligence", the digital Code, the Law "On Road Traffic", the law "On Personal Data

and their Protection" and the Code "On Administrative Offenses" were systematically analyzed for the first time in the context of video surveillance and automatic registration systems. It has been scientifically proven that the protection of personal data collected using artificial intelligence systems and the allocation of responsibility for algorithmic solutions are not regulated by law. In addition, the legislation of the Republic of Kazakhstan has been subjected to a comparative legal analysis with the European Union regulation on artificial intelligence, and gaps in domestic regulation have been identified. Based on the results of the study, specific legislative proposals were formulated to approve algorithmic transparency standards, clarify procedural mechanisms for challenging automated decisions, and develop a system of responsibility for AI operators.

Keywords: artificial intelligence, road safety, personal data protection, algorithmic responsibility, video surveillance, automatic registration systems, digital regulation.

Цифрландыру үдерістерінің жеделдеуі және ақпараттық-коммуникациялық технологиялардың қарқынды дамуы қоғамдық қатынастардың барлық салаларына, соның ішінде жол қозғалысы қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласына елеулі ықпал етуде. Қазақстан Республикасының (бұдан әрі - ҚР) аумағында автокөлік санының жылдан жылға өсуі, урбанизация деңгейінің артуы және көлік инфрақұрылымына түсетін жүктеменің ұлғаюы жол-көлік оқиғаларының алдын алу тетіктерін жетілдіру қажеттігін айқындайды. Осы тұрғыда жасанды интеллект (бұдан әрі - ЖИ) технологияларын қолдану жол қозғалысын басқарудың тиімділігін арттырудың, тәуекелдерді болжаудың және құқық қолдану практикасын оңтайландырудың маңызды құралы ретінде қарастырылуда.

Жол қозғалысы қауіпсіздігі саласында ЖИ-ді енгізу бейнебақылау жүйелері, интеллектуалды көлік жүйелері (ITS), автоматтандырылған құқық бұзушылықтарды тіркеу кешендері, үлкен деректерді талдау және болжамды модельдеу секілді құралдар арқылы жүзеге асырылады. Мұндай технологиялар жол-көлік оқиғаларының себеп-салдарлық байланыстарын талдауға, қауіпті учаскелерді анықтауға, жүргізушілердің мінез-құлқын бағалауға және құқық бұзушылықтардың алдын алу шараларын ғылыми негізде әзірлеуге мүмкіндік береді.

Алайда, бұл процестер дербес деректерді қорғау, алгоритмдердің ашықтығы мен айқындығы, автоматтандырылған шешімдердің заңдылығы және жауаптылық мәселелері сияқты күрделі құқықтық аспектілерді туындатады.

Қолданыстағы нормативтік-құқықтық база, атап айтқанда Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі (2014 жылғы 5 шілдедегі №235-V ҚРЗ) [7], Жасанды интеллект туралы заң (2025 жылғы 17 қарашадағы №230-VIII ҚРЗ) [3], Жол жүрісі туралы заң (2014 жылғы 17 сәуірдегі №194-V ҚРЗ) [4], Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексі (2026 жылғы 9 қаңтардағы №255-VIII ҚРЗ) [5], Дербес деректер және оларды қорғау туралы заң (2013 жылғы 21 мамырдағы №94-V ҚРЗ) [6] цифрлық технологияларды қолдану үдерісінде қалыптасатын жаңа қоғамдық қатынастарды толық әрі кешенді түрде реттеуді қамтамасыз ете алмайды. Сондай-ақ, ЖИ негізінде қабылданған шешімдердің құқықтық мәртебесі, оларды дәлелдеме ретінде тану мәселелері және алгоритмдік қателіктер салдарынан туындайтын құқықтық жауаптылық шеңбері ғылыми-құқықтық талдауды талап етеді.

Зерттеудің мақсаты – ҚР жол қозғалысы қауіпсіздігі саласында ЖИ технологияларын қолданудың құқықтық негіздерін кешенді талдау, қолданыстағы заңнаманың жеткіліктілігі мен тиімділігін бағалау, құқықтық реттеудегі олқылықтар мен қайшылықтарды айқындау және осы бағыттағы құқықтық саясатты жетілдірудің ғылыми негізделген ұсыныстарын әзірлеу болып табылады.

Аталған мақсатқа жету үшін төмендегі міндеттер қойылды:

- жол қозғалысы қауіпсіздігі саласындағы ЖИ қолданудың теориялық негіздерін зерделеу;
- ЖИ-ді жол қозғалысында қолдануды реттейтін қолданыстағы нормативтік-құқықтық базаны талдау;
- жол қозғалысын бақылауда жеке деректерді өңдеу мен қорғаудың құқықтық мәселелерін зерттеу;
- ЖИ жүйелерінің шешімдері үшін жауаптылықты бөлудің тетіктерін талдау;
- халықаралық тәжірибені зерделеп, еліміздің заңнамасы үшін практикалық ұсыныстар әзірлеу.

Зерттеудің нысаны – Қазақстан Республикасының жол қозғалысы қауіпсіздігі саласындағы қоғамдық қатынастар жүйесі.

Зерттеудің пәні – жол қозғалысы қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласында ЖИ технологияларын қолдануға байланысты туындайтын құқықтық нормалар, заңнамалық актілер және құқық қолдану практикасы.

Зерттеу методологиясы жүйелік-функционалдық талдау, салыстырмалы-құқықтық және эмпирикалық зерттеу әдістерін қамтиды. Бастапқы деректер ретінде ҚР мен халықаралық ұйымдардың нормативтік-құқықтық актілері, сот практикасы және статистикалық мәліметтер пайдаланылды.

Ұсынылып отырған мақаланың ғылыми жаңалығы жол қозғалысы қауіпсіздігі саласында ЖИ технологияларын қолданудың құқықтық мәселелерін ҚР құқықтық жүйесі шеңберінде кешенді және пәнаралық тұрғыдан талдауда көрініс табады.

Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Жолдауы ЖИ технологияларын мемлекеттік басқарудың барлық салаларына, оның ішінде жол қауіпсіздігін реттеу жүйесіне де кеңінен ендіруді стратегиялық міндет ретінде белгілеп берді. Бұл Жолдаудың нормативтік маңызы оның іске асырылуы жөніндегі Жалпыұлттық іс-шаралар жоспарынан айқын көрінеді [1].

Қазіргі уақытта елімізде көлік және жол қозғалысы саласы қарқынды өсіп келуімен, жол апаттары да артуда. Бас прокуратураның Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің ресми дерегіне сүйенсек, елімізде 2025 жылғы 36 146 жол-көлік оқиғасы тіркелді, бұл 2024 жылдың қорытындысымен салыстырғанда 14,4%-ға өсім алған (31 597).

Ал жол-көлік оқиғаларынан зардап шеккендердің саны – 51 561 құрап, өткен жылмен салыстырғанда 18,6%-ға артқан (43 478), оның ішінде:

- «жараланғандар» - 49 230 олардың үлесі 95,5%-ды құрады (өткен жылмен салыстырғанда өсімі – 20,4%-ға (40 896) жетті).

- «қаза болғандар» - 2 331, олардың үлесі 4,5%-ды құрады (өткен жылмен салыстырғанда өсімі – 9,7%-ға (2582) төмендегенімен, әлі де болса жоғары деңгейде екенін көрсетуде) [2].

Бұл көрсеткіштер елімізде жол қозғалысы қауіпсіздігі мәселесінің өзекті екенін көрсетеді. Сарапшылардың пікірінше, жол-көлік оқиғаларының артуына көлік санының көбейуі, жүргізушілердің жол ережелерін сақтамауы және инфрақұрылымның дамуының әлі де жеткіліксіздігі әсер етуде. Осы ретте, жол қозғалысын қадағалауды күшейтуде жасанды интеллект жүйесін енгізу аса маңызды бастау болуы мүмкін деп санаймыз.

Теориялық тұрғыдан алғанда, жасанды интеллект — адамның интеллектуалды қызметінің нәтижелерімен салыстырылатын немесе олардан асып түсетін нәтижелерді қамтамасыз ететін, адамға тән когнитивті функцияларды имитациялай алатын функционалдық қабілет деп анықталады. Бұл анықтама «Жасанды интеллект туралы» ҚР 2025 жылғы 17 қарашадағы № 230-VIII Заңында нормативтік тұрғыдан бекітілген. Заң шеңберінде ЖИ жүйелері тәуекел дәрежесіне қарай минималды, орташа және жоғары деп жіктеледі, ал жоғары тәуекелді жүйелер аса маңызды ақпараттық-коммуникациялық инфрақұрылым объектісіне жатқызылады [3].

Жол қозғалысы саласында ЖИ-ді қолданудың теориялық негіздерін талдауда «Жол жүрісі туралы» ҚР 2014 жылғы 17 сәуірдегі № 194-V Заңы маңызды рөл атқарады. Аталған Заңда интеллектуалды көлік жүйесі «жол жүрісі мен жолаушыларды, багажды, жүктерді және пошта жөнелтілімдерін тасымалдау жөніндегі қызметті басқаруды, мониторингтеу мен бақылауды қамтамасыз ететін өзара байланысты автоматтандырылған жүйелердің, сондай-ақ автоматты режимде жұмыс істейтін, Қазақстан Республикасының жол жүрісі туралы және автомобиль көлігі туралы заңнамасын құқық бұзушылықтарды тіркейтін сертификатталған арнайы бақылау-өлшеу техникалық құралдарының, аспаптар мен жабдықтардың кешені» ретінде айқындалады [4]. Бұл анықтама жол қозғалысы саласындағы ЖИ жүйелерінің теориялық ауқымын заңнамалық деңгейде бекітеді.

2026 жылдың 9 қаңтарындағы ҚР Цифрлық кодексі цифрлық деректер мен цифрлық объектілерді құру, олардың айналымы, сақтау, беру және пайдалану жөніндегі қатынастарды реттейтін жүйелі кодификацияланған нормативтік актіге айналды. Осы Кодекстің 3-бабына сәйкес оның мақсаты жеке және заңды тұлғалардың, қоғам мен мемлекеттің мүддесі үшін цифрлық ортаның орнықты дамуы мен жұмыс істеуін қамтамасыз ету болып табылады [5]. Жол қозғалысы саласындағы ЖИ жүйелері де цифрлық ортаның бір бөлігі ретінде осы Кодекс нормаларының реттеуіне жатады.

Осылайша, жол қозғалысы қауіпсіздігі саласындағы ЖИ-дің теориялық және құқықтық негіздері конституциялық ережелерге сүйене отырып, арнайы заңнамалық актілер, тұжырымдамалар және стратегиялық бағдарламалар жүйесімен қалыптасқан деп қорытынды жасауға болады.

Жол қозғалысын ЖИ арқылы бақылау жүйелерінің – бейнебақылау камераларының, автоматты тіркеу жүйелерінің, биометриялық сәйкестендіру технологияларының кеңінен тарала бастауы жеке деректерді қорғау мен азаматтардың жеке өміріне қолсұғылмаушылығын қамтамасыз етуді заңды тұрғыдан өзекті мәселе ретінде алға шығаруда. Бұл мәселенің реттеуші заңнамалық іргетасын «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» ҚР 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы құрайды [6].

Аталған Заңның 5-бабы дербес деректерді жинау, өңдеу және қорғаудың негіздемелі қағидаттарын – заңдылық, нысаналылық, пропорционалдылық, деректердің дұрыстығы мен олардың сақталуын шектеу принциптерін бекітеді. Жол қозғалысын ЖИ арқылы бақылаған кезде жиналатын деректер автокөлік иесінің суреті, мемлекеттік белгісі, орналасу деректері, қозғалыс уақыты көрсетілген принциптердің аясында пайдаланылуы тиіс.

«Жасанды интеллект туралы» Заңында азаматтардың ЖИ жүйелері пайдаланылып шешімдер қабылданатын жағдайлардан хабардар болу, автоматтандырылған өңдеуге қарсылық білдіру құқықтары нормативтік тұрғыда бекітіліп, бұл ереже жол қозғалысын бақылайтын ЖИ жүйелері тарапынан азаматтардың кемсітілмеуін және теңдікке негізделген қатынас алуын қамтамасыз ету міндетімен тікелей ұштасады. Атап айтқанда, Заңның тиісті бабы бойынша ЖИ жүйелері биометриялық белгілері бойынша адамдарды кемсітуге тыйым салынатын шарттарда жұмыс істеуге міндетті [3].

«Әкімшілік құқық бұзушылық туралы» кодекстің (бұдан әрі - ӘҚБтК) 16-бабы жеке өмірге қол сұғылмаушылық және құпияны қорғау принципін нормативтік тұрғыдан бекіте отырып, жеке өмір, жеке бас, отбасы құпиясы заңның қорғауында болатынын айқын белгілейді [7]. Кодекстің тиісті ережелері жеке өмір туралы мәліметтерді Кодексте көзделмеген мақсаттар үшін жинауға, пайдалануға және таратуға тыйым салынатынын регламенттейді. Бұл норма бейнебақылау жүйелерінен алынған деректерді тек жол қозғалысына қатысты құқық бұзушылықтарды тіркеу мақсатынан тыс пайдалануға қарсы тосқауыл болып отыр.

Шешім қабылдауы заң ғылымы мен құқық қолдану тәжірибесінде маңызды сұрақты алға тартып отыр: мұндай шешімдердің салдары үшін жауаптылықты кім көтеруі тиіс деген сұрақ туындайды. Әсіресе жол қозғалысы саласында қолданылатын ЖИ жүйелері – автоматты айыппұл тіркейтін камералар, жылдамдықты өлшейтін радарлар және жол белгілерін анықтайтын бағдарламалар – жыл сайын миллиондаған құқықтық мәні бар шешімдер мен актілер қалыптастырады. Егер алгоритмнің қателігі салдарынан азаматқа негізсіз айыппұл салынса, онда мұндай жағдай үшін жауапты тарапты анықтау мәселесі өте өзекті әрі күрделі сипатқа ие болады.

«Жасанды интеллект туралы» заңда жауаптылық мәселесіне қатысты бірқатар нормалар бекітіліп, осы саланы реттеудің бастапқы құқықтық негізі қалыптастырылды. Заң талаптарына сәйкес, ЖИ жүйесінің қызметі нәтижесінде туындайтын салдар үшін оның иелері мен пайдаланушылары заң шеңберінде тікелей жауап береді. ЖИ жүйесінің меншік иесі, иеленушісі және оны пайдаланушы тұлға жауаптылық жүктелетін негізгі үш субъект ретінде қарастырылады. Олар ЖИ қабылдаған шешімдердің нәтижесінде пайда болатын құқықтық салдарлар үшін тиісті түрде жауапты болады.

Автоматты тіркеу жүйелері арқылы берілетін әкімшілік айыппұлдар мәселесінде ӘҚБтК-нің нормалары негізгі реттеуші рөл атқарады. Кодекстің 10-бабы жеке тұлға кінәсі анықталған құқық бұзушылықтары үшін ғана әкімшілік жауаптылыққа жататынын, кінәсіз зиян келтіргені үшін объективті кінә тағуға жол берілмейтінін айқындайды. Мұндай норма алгоритмдік жүйенің қателігінен туындаған айыппұл жағдайында азаматтың кінәсіздігінің презумпциясын қолдануға конституциялық-заңнамалық негіз береді. Кінәсіздік туралы күмән пайдасына шешіледі деген ереже кодекс нормасы ретінде нормативтік маңызын сақтайды [7].

Жол қозғалысы қауіпсіздігі саласында жасанды интеллектті қолдануды құқықтық тұрғыдан жетілдіру еліміздің цифрлық трансформация саясатының маңызды бағыттарының бірі болып табылады. Соңғы жылдары «Жасанды интеллект туралы» заңның, Цифрлық кодекстің және «Жол жүрісі туралы» заңның қабылданып, толықтырулар мен өзгерістердің енгізілуі осы саланың құқықтық негізін қалыптастыруға мүмкіндік берді. Дегенмен, аталған нормативтік актілерде жол қозғалысы жүйесіне тән ерекшеліктерді ескеретін арнайы реттеу нормалары мен нақты тетіктердің жеткіліксіз болуы құқық қолдану тәжірибесі үшін белгілі бір қиындықтар туындатуы мүмкін.

Жол қозғалысы саласындағы ЖИ-ді реттеудің халықаралық тәжірибесінде Еуропалық Одақтың жасанды интеллект туралы регламенті (Regulation (EU) 2024/1689, бұдан әрі – ЕО ЖИ актісі) ерекше теориялық және практикалық маңызға ие. 2024 жылғы 1 тамызда күшіне енген және 2026 жылғы 2 тамыздан бастап толық қолданысқа кіретін аталған актіні ғылыми қауымдастық «әлемдегі жасанды интеллект саласындағы бірінші жан-жақты горизонталды заңнамалық шеңбер» ретінде бағалайды. ЕО ЖИ актісі тәуекелге негізделген реттеу тәсілін ұстана отырып, ЖИ жүйелерін қабылдауға болмайтын, жоғары, орташа және аз тәуекелді деп төрт санатқа жіктейді [8].

ЕО ЖИ актісінің 5-бабы жалпы қолжетімді кеңістікте нақты уақыттағы биометриялық сәйкестендіру жүйелерін қолдануды, жалпы ережелер тұрғысынан, тыйым салынған тәжірибелер қатарына жатқызады. Осыған сәйкес, жол қозғалысын бақылайтын ЖИ жүйелері жолаушылардың биометриялық деректерін автоматты жинауды жүзеге асырса, мұндай жүйелер ЕО аумағында жоғары

тәуекелді санатына жатқызылады. Бұл тәсіл – Қазақстанның «Жасанды интеллект туралы» Заңының тәуекел негізіндегі жіктеу концепциясымен тұжырымдамалық үйлесімділігін дәлелдейді. Алайда тыйым салынатын тәжірибелер мен жоғары тәуекелді жүйелерге қойылатын талаптардың нормативтік егжей-тегжейленуі Қазақстан заңнамасында ЕО моделіне қарағанда әлі болса дамытуды қажет ететінін байқатады.

Жүргізілген зерттеу жол қозғалысы қауіпсіздігі саласында жасанды интеллект технологияларының Қазақстан Республикасының нормативтік-құқықтық жүйесіне біртіндеп әрі белсенді енгізіліп жатқанын көрсетеді. «Жасанды интеллект туралы» Заңның, Цифрлық кодекстің және «Жол жүрісі туралы» Заңның қабылдануы жасанды интеллектті мемлекеттік реттеу жүйесіне құқықтық тұрғыдан енгізудің алғашқы маңызды кезеңі болды. Аталған нормативтік актілер жол қозғалысын бақылауға арналған интеллектуалды жүйелердің қызмет етуінің жалпы қағидаларын, негізгі субъектілерін және олардың құқықтары мен міндеттерін айқындап берді.

Жеке деректерді қорғау мәселесіне келсек, «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заң мен Цифрлық кодекс тиісті құқықтық негіз қалыптастырып, бейнебақылау және автоматты тіркеу жүйелері арқылы жиналатын деректерді тек заңдылық, мақсаттылық және пропорционалдылық қағидаларына сәйкес пайдалануға мүмкіндік береді. Соған қарамастан, жасанды интеллект жүйелері өндейтін биометриялық және геолокациялық деректердің жол қауіпсіздігін қамтамасыз ету мақсатынан тыс пайдаланылуына жол бермеу үшін арнайы құқықтық нормаларды кодификацияланған деңгейде нақтылау қажеттілігі сақталып отыр.

Зерттеу нәтижелері Қазақстан Республикасында жол қозғалысы саласында жасанды интеллектті қолдануды жетілдірудің бірнеше негізгі бағытын айқындауға мүмкіндік береді. Біріншіден, автоматтандырылған жүйелер тіркеген құқық бұзушылықтарды даулау тәртібін, оның ішінде сотқа дейінгі және соттағы рәсімдерді заңнамалық деңгейде нақты бекіту қажет. Екіншіден, жол қозғалысын бақылауға арналған жасанды интеллект жүйелерінде биометриялық деректерді өңдеуге байланысты арнайы құқықтық кепілдіктерді Цифрлық кодекске немесе «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңға енгізу орынды. Үшіншіден, сертификатталған бақылау жүйелеріндегі техникалық ақаулар салдарынан туындайтын залал үшін жауаптылықты бөлу тетіктерін «Жол жүрісі туралы» Заңда нақтылау қажет.

Мемлекет басшысының Жолдауында айқындалған стратегиялық басымдықтар жасанды интеллект технологияларын пайдалану арқылы жол қозғалысы қауіпсіздігін арттыру мемлекеттік саясаттың маңызды бағытына айналғанын көрсетеді. Бұл мақсаттарға қол жеткізу үшін құқықтық реттеу жүйесін жетілдіру, технологиялық стандарттарды дамыту және азаматтардың конституциялық құқықтарын тиімді қорғауды қамтамасыз ететін құқықтық механизмдерді үйлесімді түрде қалыптастыру қажет деген ғылыми қорытынды жасауға болады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Мемлекет басшысының «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына 2025 жылғы 8 қыркүйектегі Жолдауы. [Электрондық ресурс] — Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K25002025_1 (жүгінген күні: 09.03.2026).
2. Құқықтық статистика және арнайы есепке алу органдарының порталы [Электрондық ресурс] — Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/indicators/accident> (жүгінген күні: 09.03.2026).
3. «Жасанды интеллект туралы» Қазақстан Республикасының Заңы 2025 жылғы 17 қарашадағы № 230-VIII ҚРЗ. [Электрондық ресурс] — Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000230> (жүгінген күні: 09.03.2026).
4. «Жол жүрісі туралы» Қазақстан Республикасының Заңы 2014 жылғы 17 сәуірдегі № 194-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] — Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1400000194> (жүгінген күні: 09.03.2026).
5. Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексі 2026 жылғы 9 қаңтардағы № 255-VIII ҚРЗ. [Электрондық ресурс] — Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2600000255> (жүгінген күні: 09.03.2026).
6. «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Қазақстан Республикасының Заңы 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V. [Электрондық ресурс] — Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094/z13094.htm> (жүгінген күні: 10.03.2026).
7. Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі 2014 жылғы 5 қазандағы № 235-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] — Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235> (жүгінген күні: 10.03.2026).

8. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. — OJ L, 2024/1689, 12.07.2024. [Электрондық ресурс] — Айналыс режимі: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202401689 (жүгінген күні: 10.03.2026).

УДК 34.341.018

Русланулы Акижан
магистрант Международного Университета Астана,
г. Астана, Республика Казахстан

ОДНОСТОРОННИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ И САНКЦИИ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются односторонние ограничительные меры и санкции в контексте международного права и правовой системы Республики Казахстан. Анализируется разграничение между санкциями, принимаемыми Советом Безопасности ООН в рамках Устава Организации Объединённых Наций, и односторонними мерами, вводимыми отдельными государствами вне универсального мандата. Особое внимание уделяется международно-правовой природе односторонних санкций, их соотношению с принципами суверенного равенства государств невмешательства во внутренние дела. Исследуются конституционные основы и национальное законодательство Республики Казахстан, регулирующие имплементацию обязательных санкционных режимов. Рассматривается позиция Казахстана в условиях усиления глобальной санкционной политики и роста применения вторичных санкций. Анализируется влияние односторонних ограничительных мер на внешнеэкономическую деятельность и международные обязательства государства. Делается вывод о необходимости выработки сбалансированного подхода, обеспечивающего соблюдения международного права при защите национальных интересов Республики Казахстан.

Ключевые слова: односторонние ограничительные меры; санкции Совета Безопасности ООН; международное право; Республика Казахстан; вторичные санкции; суверенитет государства; принцип невмешательства; санкционная политика.

Аннотация. Мақалада біржақты шектеу шаралары мен санкциялар халықаралық құқық және Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесі аясында қарастырылады. Біріккен Ұлттар Ұйымы Жарғысы шеңберінде БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесі қабылдайтын санкциялар мен жекелеген мемлекеттер әмбебап мандатсыз енгізетін біржақты шаралардың ара-жігі талданады. Біржақты санкцияларды халықаралық-құқықтық табиғатына, олардың мемлекеттердің егемендік теңдігі және ішкі істеріне араласпау қағидаттарымен арақатынасына ерекше назар аударылады. Қазақстан Республикасының міндетті санкциялық режимдерді имплементациялауды реттейтін конституциялық негіздері мен ұлттық заңнамасы зерттеледі. Жаһандық санкциялық саясаттың күшеюі және қайталама санкциялардың артуы жағдайындағы Қазақстанның ұстанымы қарастырылады. Біржақты шектеу шараларының мемлекеттің сыртқы экономикалық қызметіне және халықаралық міндеттемелеріне ықпалы талданады. Зерттеу нәтижесінде халықаралық құқық нормаларын сақтау мен ұлттық мүдделерді қорғау арасындағы теңгерімді тәсілді қалыптастырудың маңыздылығы туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: біржақты шектеу шаралары; БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесі санкциялары; халықаралық құқық; Қазақстан Республикасы; қайталама санкциялар; мемлекеттік егемендік; араласпау қағидаты, санкциялық саясат.

Abstract. The article examines unilateral restrictive measures and sanctions within the framework of international law and the legal system of the Republic of Kazakhstan. It analyzes the distinction between sanctions adopted by the United Nations Security Council under the Charter of the United Nations and unilateral measures exposed by individual states without a universal mandate. Particular attention is paid to the international legal nature of unilateral sanctions and their correlation with the principles of sovereign equality and non-intervention in the internal affairs of states. The constitutional foundations and national legislation of Kazakhstan governing the implementation of binding sanctions regimes are explored. The article also considers Kazakhstan's position amid the intensification of global sanction policy and the growing use of secondary sanctions. The impact of unilateral restrictive measures on the country's foreign economic activity and its international obligations is analyzed. The study concludes by emphasizing the importance of developing a balanced approach that ensures compliance with international law while safeguarding national interests.

Keywords: unilateral restrictive measures, United Nations Security Council sanctions, international law, Republic of Kazakhstan, secondary sanctions, state sovereignty, principle of non-intervention, sanctions policy.

В условиях трансформации современной системы международных отношений институт санкций приобретает всё более широкое применение и политико-правовое значение. Наряду с санкциями, принимаемыми Советом Безопасности ООН в рамках Устава Организации Объединённых Наций, широкое распространение получили односторонние ограничительные меры, вводимые отдельными государствами или их объединениями без универсального мандата [1]. Данная практика вызывает дискуссии в доктрине международного права относительно их легитимности, соответствия принципам суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и свободы международной торговли.

Актуальность темы обусловлена усилением санкционной политики в глобальном масштабе и расширением применения так называемых вторичных санкций, оказывающих влияние на третьи государства, не являющимися непосредственными участниками конфликта. В этих условиях Республика Казахстан, придерживающаяся принципов многовекторной внешней политики и соблюдения международного права, оказывается в сложной правовой и экономической ситуации, требующей выработки сбалансированного подхода к реализации международных обязательств и защите национальных интересов.

Целью настоящего исследования является анализ международно-правовой природы односторонних ограничительных мер и определение их места в правовой системе Республики Казахстан. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: раскрыть понятие и классификацию санкций в международном праве; проанализировать правовые основания применения санкций Совета Безопасности ООН; исследовать доктринальные подходы к оценке односторонних мер; рассмотреть особенности их соотношения с национальным законодательством Республики Казахстан.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе применения санкционных режимов в международном праве. Предметом исследования являются нормы международного и национального права, регулирующие вопросы введения и реализации санкций. Методологическую основу работы составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный метод анализа.

Санкции являются важным инструментом реализации принципов международного права и механизмом обеспечения коллективной безопасности, позволяя международному сообществу реагировать на угрозы миру и правопорядку. В научной литературе выделяют два основных типа санкций:

1. Обязательные санкции Совета Безопасности ООН, применяемые в соответствии с главой VII Устава Организации Объединённых Наций. Они имеют универсальный характер, обязательны для всех государств-членов и направлены на предотвращение или прекращение конфликтов, восстановление международного мира и безопасности. Такие санкции могут включать экономические ограничения, дипломатические меры и использование силы в случае крайней необходимости. Их легитимность и обязательность подкрепляются механизмом контроля Советом Безопасности, что обеспечивает согласованность действий всех государств-членов и снижает риски нарушения международного права.

2. Односторонние ограничительные меры, вводимые отдельными государствами или их союзами без мандата ООН, представляют собой более гибкий, но одновременно спорный инструмент внешней политики. К ним относятся торговые эмбарго, финансовые ограничения, замораживание активов, запрет на въезд отдельных лиц, а также вторичные санкции, направленные на государства и организации, которые продолжают сотрудничать с объектом санкций. Эти меры часто используются как инструмент политического давления, защиты национальных интересов или реакции на нарушения международных норм в тех случаях, когда международные организации не принимают согласованных решений.

С точки зрения международного права, односторонние меры остаются предметом дискуссий. С одной стороны, государства обладают суверенным правом защищать свои интересы и принимать меры реторсии в ответ на нарушения международных норм. С другой стороны, применение односторонних санкций может противоречить принципам суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, а также свободе международной торговли. Кроме того, широкое распространение вторичных санкций приводит к экстерриториальному воздействию, создавая коллизию между национальным законодательством и обязательствами перед международными организациями, такими как Всемирная торговая организация. Таким образом, односторонние меры остаются инструментом, требующим осторожного применения и тщательного анализа их правовых последствий.

Дискуссионный характер односторонних мер получил дальнейшее развитие в современной международно-правовой доктрине. Так, в работе Н. К. Семенова, Е. А. Марченкова и И. В. Грачева подчеркивается, что односторонние санкции не обладают универсальной легитимностью, поскольку вводятся вне рамок коллективных механизмов, предусмотренных Уставом ООН, и потому не могут рассматриваться как полноценный инструмент поддержания международного мира и безопасности [11]. Авторы отмечают, что подобные меры нередко выходят за пределы допустимых форм реторсии и приобретают характер экономического принуждения, что ставит под сомнение их соответствие принципам суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела.

Существенное значение имеет также разграничение между правомерными контрмерами (countermeasures) и односторонними санкциями. В соответствии со Статьями о международной ответственности государств, разработанными Комиссией международного права ООН, контрмеры допустимы лишь при наличии международно-противоправного деяния, при условии их соразмерности и временного характера [12]. Однако, как отмечается в современной зарубежной литературе, значительная часть действующих санкционных режимов не отвечает данным критериям, что усиливает аргументы об их спорной правовой природе. Дополнительную проблему представляет экстерриториальное действие вторичных санкций, которые, по мнению Т. Руиса и К. Рингарта, фактически распространяют юрисдикцию государства-инициатора на третьи страны и создают риски фрагментации международного правопорядка [13; 14]. Таким образом, теоретические подходы подтверждают сложный и неоднозначный характер односторонних санкций в системе международного права.

Санкции Совета Безопасности ООН регулируются статьями 39-41 Устава Организации Объединённых Наций. Они вводятся при угрозе миру, нарушении мира или актах агрессии. В отличие от односторонних мер, эти санкции обладают обязательным характером для всех государств-членов, приоритетом над национальным законодательством и прозрачностью процедур принятия решений.

Одновременно односторонние меры вызывают значительные сомнения в международно-правовой доктрине. Во-первых, их применение может противоречить принципу суверенного равенства государств и нормам невмешательства во внутренние дела, закреплённым в Уставе ООН и в международной практике. Во-вторых, широкое использование вторичных санкций создаёт экстерриториальное воздействие, когда государства или компании, не являющиеся непосредственными объектами ограничительных мер, сталкиваются с юридическими и экономическими последствиями, что порождает конфликт между национальными законами и международными обязательствами.

Несмотря на эти проблемы, практика показывает, что односторонние меры становятся всё более распространённым инструментом внешней политики ведущих государств. Их использование требует внимательного анализа с точки зрения международного права и национальной правовой системы государства-реципиента, а также оценки возможных экономических и политических последствий. В связи с этим для стран, таких как Республика Казахстан, критически важно вырабатывать сбалансированный подход, который позволит соблюдать международные обязательства, минимизировать риски вторичных санкций и одновременно защищать национальные интересы.

В качестве иллюстрации влияния санкций на экономическую и международную политику можно рассмотреть деятельность Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), который обеспечивает экспорт казахстанской нефти на мировые рынки. Поскольку КТК является совместным проектом с участием иностранных компаний и инвесторов, введение односторонних санкций, например со стороны США или ЕС против некоторых партнеров, оказывает прямое влияние на внешнеэкономическую активность Казахстана. Это проявляется в ограничении доступа к международным финансовым ресурсам, сложностях в страховании грузов и задержках поставок оборудования, что потенциально снижает экономическую эффективность проекта.

С точки зрения международного права, Казахстан не является объектом санкций и соблюдает свои международные обязательства. Однако, вторичные санкции, действующие на иностранных партнеров КТК, создают правовую и экономическую коллизию, когда компании- участники проекта вынуждены выбирать между выполнением обязательств перед иностранными государствами и соблюдением национального законодательства. Данный пример иллюстрирует сложность практического применения односторонних санкций и необходимость выработки сбалансированной стратегии, позволяющей государству сохранять устойчивую внешнеэкономическую политику, минимизировать негативное влияние санкций и защищать национальные интересы [2].

Несмотря на существенные международно-санкционные вызовы, Республика Казахстан в 2025 году сохранила высокий уровень международного доверия и внешнеполитической активности, что подтверждается визитами ряда ведущих иностранных лидеров. Среди них – Президент Европейского совета Антониу Кошта, Премьер-министр Италии Джорджия Мелони, Президент Финляндии и Премьер-министр Армении Никол Пашинян. Такие визиты свидетельствуют о заинтересованности зарубежных государств в укреплении политического и экономического сотрудничества, несмотря на сложные геополитические условия, и подчеркивают устойчивость казахстанской внешней политики, ориентированной на диалог и взаимовыгодное взаимодействие в рамках международных норм и обязательств.

Рассмотрение национально-правового регулирования санкций в Республике Казахстан требует учета как конституционных основ, так и конкретных нормативных актов, обеспечивающих

имплементацию международных обязательств. В соответствии со статьей 4 Конституции Республики Казахстан, международные договоры, ратифицированные государством, обладают приоритетом над национальным законодательством [3]. Данное положение создаёт юридическую базу для соблюдения международного права и гарантирует, что решения таких международных органов, как Совет Безопасности ООН, находят своё отражение в национальной правовой системе. Таким образом, конституционный принцип верховенства международного права является ключевым элементом формирования национальной политики в сфере санкций и обеспечивает Казахстану возможность корректно реализовывать международные обязательства.

Вместе с тем, конституционно-правовое регулирование претерпело изменения в связи с принятием новой редакции Конституции. В соответствии с положениями Раздела I «Основы конституционного строя» (статьи 1-11), Конституция закрепляет приоритет суверенитета, территориальной целостности и верховенства Основного закона в системе источников права.

Особое значение для рассматриваемой темы имеют положения, регулирующие соотношение международного и национального права. В 3 пункте 5 статьи новой редакции Конституции закреплено, что ратифицированные международные договоры сохраняют статус действующего права Республики Казахстан, однако механизм их применения определяется национальным законодательством [16]. При этом Конституция обладает высшей юридической силой и имеет приоритет над иными нормативными правовыми актами, включая международные договоры [16].

Таким образом, в отличие от Конституции 1995 года (ст. 4) новая конституционная модель трансформирует подход к имплементации международных обязательств, усиливая роль внутреннего правового регулирования. Данное положение имеет принципиальное значение в условиях расширения практики односторонних санкций и вторичных ограничительных мер, поскольку позволяет государству более гибко определять пределы применения внешних правовых режимов на своей территории.

Дополнительно следует отметить, что Конституция 2026 года (Раздел XI, ст.94) прямо устанавливает порядок вступления Основного закона в силу и прекращения действия прежней Конституции, что подчеркивает системный характер конституционной реформы [15]. В совокупности данные положения формируют обновлённую конституционно-правовую основу, ориентированную на баланс между соблюдением международных обязательств и защитой национального суверенитета в условиях глобальной правовой трансформации.

Законодательная база страны дополняет и конкретизирует конституционные положения. Основным нормативным актом, регулирующим вопросы применения санкций, является Закон Республики Казахстан «О мерах по реализации решений Совета Безопасности ООН» [4]. Этот закон устанавливает порядок имплементации обязательных санкционных решений Совета Безопасности и формирует правовые механизмы контроля за их исполнением на территории государства. Важной особенностью национального законодательства является то, что оно не предусматривает автоматического признания или применения односторонних санкций, введённых другими государствами без соответствующего международного мандата. При этом закон также учитывает потенциальные сложности, связанные с обходом санкционных ограничений, включая случаи вторичных санкций, вводимых иностранными государствами, что позволяет снизить правовые и экономические риски для национальной экономики.

Практическая позиция Республики Казахстан демонстрирует стремление к выработке сбалансированного подхода. Страна придерживается принципов международного права и воздерживается от введения односторонних ограничительных мер без соответствующего мандата международных органов. Вместе с тем, Казахстан активно осуществляет мониторинг внешнеэкономической деятельности, чтобы минимизировать последствия вторичных санкций и защитить национальные экономические интересы. Такой подход отражает стратегию многовекторной внешней политики, при которой соблюдение международных обязательств сочетается с необходимостью обеспечения экономической и правовой безопасности государства.

Таким образом, национально-правовое регулирование санкций в Казахстане сочетает конституционные принципы, конкретные законодательные меры и практические механизмы защиты интересов государства. Это позволяет не только эффективно исполнять решения Совета Безопасности ООН, но и сохранять независимость в оценке и реакции на односторонние меры других государств, поддерживая баланс между международными обязательствами и национальными интересами.

Проведённый анализ односторонних ограничительных мер и санкций в международном праве и национальной правовой системе Республики Казахстан позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, обязательные санкции Совета Безопасности ООН обладают универсальной легитимностью и служат эффективным инструментом обеспечения международной безопасности и соблюдения норм

международного права. Во-вторых, односторонние меры, вводимые отдельными государствами без мандата международных организаций, остаются спорным инструментом, использование которого требует тщательного анализа правовых последствий и осторожного подхода, особенно в контексте вторичных санкций и экстерриториального воздействия.

Республика Казахстан в данной сфере демонстрирует пример выверенной многовекторной политики, сочетая соблюдение международных обязательств с необходимостью защиты национальных интересов и минимизации экономических рисков. Конституционные и законодательные механизмы, обеспечивающие имплементацию международных решений и регулирование санкционных мер, создают правовую основу для эффективного реагирования на вызовы санкционной политики, соблюдая баланс между международными требованиями и национальными приоритетами.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении односторонних санкций и их соотношения с нормами международного права, а также в анализе национально-правового аспекта реализации санкций в Казахстане. Практическая значимость работы состоит в возможности использования её выводов при разработке внутренних рекомендаций для государственных органов, а также при формировании национальной политики в области внешнеэкономических и внешнеполитических отношений.

Таким образом, исследование подтверждает необходимость выработки сбалансированного подхода к санкционной политике, который обеспечивает соблюдение международного права, защиту национальных интересов и эффективное функционирование экономики страны в условиях глобального санкционного давления. В перспективе это позволит Республике Казахстан занимать устойчивую позицию на международной арене, эффективно участвовать в реализации коллективных решений и минимизировать негативное влияние односторонних ограничительных мер.

Список использованных источников:

1. Организация Объединённых Наций. (1945). Устав Организации Объединённых Наций, ст. 39–51. Доступно по адресу <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 24.02.2026)
2. Министерство иностранных дел Республики Казахстан. (2025). Заявление официального представителя Министерства иностранных дел Республики Казахстан Айбека Смадиярова в связи с атакой на Каспийский трубопроводный консорциум. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/1115687?lang=ru> (дата обращения: 24.02.2026)
3. Конституция Республики Казахстан. (1995). Статья 4. Приоритет международных договоров над национальным законодательством. Доступно по адресу <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 18.02.2026)
4. Закон Республики Казахстан «О мерах по реализации решений Совета Безопасности Организации Объединённых Наций». (2001). Закон Республики Казахстан № 1644. Доступно по адресу <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P010001644> (дата обращения: 16.02.2026)
5. Всемирная торговая организация. (1947). Генеральное Соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). <https://adilet.zan.kz/rus/docs/M4700000286> (дата обращения: 20.02.2026)
6. Калдаров, С. (2023). Вторичные санкции на Казахстан – какие есть риски? Аналитический центр Halyk Finance. https://halykfinance.kz/download/files/analytics/sanctions_kz.pdf (дата обращения: 23.02.2026)
7. Mares, D. R. (2023). The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. Yale University Press. https://books.google.com/books/about/The_Economic_Weapon.html?id=kMhQEAAAQBAJ (дата обращения: 17.02.2026)
8. Dizaji, S. F., & Farzanegan, M. R. (2024). The impact of US trade sanctions on the global trade of target countries: Do the political institutions of the targets matter? CESifo Working Paper No. 10910. Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo). <https://hdl.handle.net/10419/295999> (дата обращения: 19.02.2026)
9. Шокаманов, Ю., Баева, Ю., & Бельгибаева, К. (2025). Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и России в условиях санкций. Статистика, учёт и аудит, 1(96), 5–18. <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2025.-1.01> (дата обращения: 20.02.2026)
10. Ермолаев Т. А. (2021). Санкционный комплаенс в Республике Казахстан под воздействием санкций ЕС и США. CyberLeninka. <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsionnyy-komplaens-v-respublike-kazahstan-pod-vozdeystviem-sanktsiy-es-i-ssha> (дата обращения: 23.02.2026)

11. Семенов Н.К., Марченков Е.А., Грачев И.В. (2022). Санкции, односторонние ограничительные меры и рестрикции в международном праве. *Международный научно-исследовательский журнал*, № 8 (122). С. 45–52. (дата обращения 02.04.2026)
12. International Law Commission. (2002.) *Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. ISBN: 978-0-521-01540-3. <https://www.refworld.org/pdfid/3ddb8f804.pdf> (дата обращения 02.04.2026)
13. Ruys T., Ryngaert C. (2020). Secondary sanctions: a weapon out of control? The international legality of, and European responses to, US secondary sanctions // *British Yearbook of International Law*. Vol. 89. <https://doi.org/10.1093/bybil/braa007> (дата обращения 02.04.2026)
14. Ruys T., Ryngaert C., Rodríguez Silvestre F. (2024). Introduction // *The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009365840.001> (дата обращения 02.04.2026)
15. Ryngaert C.M.J. (2019). Immunity from execution and diplomatic property // *The Cambridge Handbook of Immunities and International Law*. Cambridge University Press. ISBN: 978-1108417884. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108283632.015> (дата обращения 02.04.2026)
16. Конституция Республики Казахстан. (2026). Доступно по адресу <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения 02.04.2026)

ӘОЖ 343.721

Сағитова Салтанат Серікқызы,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ПАЙДАЛАНА ОТЫРЫП, ИНТЕРНЕТ-АЛАЯҚТЫҚТЫҢ АЛДЫН АЛУДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында жасанды интеллект технологияларын (ЖИ) пайдалана отырып, интернет-алаяқтықтың алдын алудың теориялық-құқықтық негіздері талданады. ҚР ҚК-нің 190-бабы бойынша сараланатын кибер алаяқтық түрлері және 2025 жылғы 17 қарашадағы «Жасанды интеллект туралы» ҚР Заңындағы жоғары тәуекелді ЖИ жүйелерінің тәуекелдерін реттейтін олқылықтар қарастырылады. Кибер сауаттылық бойынша ұсынымдар мен ҚР ҚК-де қылмыстық заңнамаға толықтырулар (ҚК 190-1-бабы ЖИ қолдануымен алаяқтық) ұсынылды.

Түйінді сөздер: интернет-алаяқтық; жасанды интеллект; алдын алу; киберқауіпсіздік; ҚР Қылмыстық кодексі.

Аннотация. В статье анализируются теоретико-правовые основы профилактики интернет-мошенничества с использованием технологий искусственного интеллекта в Республике Казахстан. Рассматриваются виды кибер-мошенничества, квалифицируемые по статье 190 УК РК и пробелы в Законе РК от 17 ноября 2025 года «Об искусственном интеллекте», регулирующие риски систем ИИ высокого риска. Представлены рекомендации по кибер грамотности и дополнения в уголовное законодательство УК РК (мошенничество с применением ИИ ст. 190-1 УК).

Ключевые слова: интернет-мошенничество; искусственный интеллект; профилактика; кибербезопасность; Уголовный кодекс РК.

Abstract. The article analyzes the theoretical and legal foundations of internet fraud prevention using artificial intelligence technologies in the Republic of Kazakhstan. The types of cyber fraud, differentiated under Article 190 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and the gaps in the law of the Republic of Kazakhstan «on artificial intelligence» dated November 17, 2025 regulating the risks of high-risk AI systems are considered. Recommendations on cyber literacy and additions to the criminal legislation of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (fraud with the use of AI in Article 190-1 of the criminal code) were proposed.

Keywords: internet fraud; artificial intelligence; prevention; cybersecurity; Criminal Law of the Republic of Kazakhstan.

Тақырыптың өзектілігі Қазақстан Республикасында (ҚР) интернет-алаяқтықтың экспоненциалды өсуіне байланысты. Қазіргі таңда ақпараттық технологиялардың қарқынды дамуы, интернет пен цифрлық қызметтердің кеңінен қолданылуы интернет-алаяқтықтың жаңа түрлері мен көлемін айтарлықтай ұлғайтты. Сондықтан, интернет-алаяқтықтың алдын алу мақсатында ЖИ технологияларын аталған қылмыстарды анықтау құралы ретінде оңтайлы қолдану қарастырылуда, себебі олар үлкен көлемдегі деректерді тез арада өңдеп, күдікті әрекеттерді автоматты түрде анықтай алады.

Салыстырмалы-құқықтық әдіс негізінде ғылыми әдебиеттер талданып, логикалық талдау және құқықтық нормаларды түсіндіру әдістерін қолдану арқылы шетелдік және ұлттық заңнамалар зерделенді.

ҚР Үкіметінің 2025 жылғы 1 сәуірдегі №200 қаулысымен бекітілген «Заң мен тәртіп» идеологиясын ілгерілету жөніндегі 2025-2030 жылдарға арналған тұжырымдамада құқық бұзушылықтар саны бойынша көшбасшы ретінде интернет-алаяқтыққа қарсы күрестің басымдығы атап көрсетілген [1].

08.09.2025 ж. мемлекет басшысы Қ.К. Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына жолдауында ЖИ-нің қарқынды дамуы қазірдің өзінде халықтың, әсіресе, жастардың мінез-құлқы мен болмыс-бітіміне әсер етуі мен алдағы үш жыл ішінде жаппай цифрлық ел болуы керектігі айтылып өтті [1].

Сонымен қатар, 07.10.2025ж. ҚР Бас Прокуроры Б.Н. Асылловтың төрағалығымен өткізілген құқықтық тәртіп саласында цифрлық құралдарды дамытуға, қылмыстық қатерлерді болжауға және қылмыспен күрес тиімділігін арттыруға арналған үйлестіру кеңесінің отырысында да цифрлық

прогрестің жаһандық дамудың негізгі қозғаушы күшіне айналып отырғаны және цифрландыру мен ЖИ-ні енгізу жөніндегі стратегиялық бағыттың айқын белгілері туралы атап көрсетілген [1].

Бұған қоса, 02-04.10.2025 ж. аралығында өткізілген IT-компания мен технологиялық кәсіпкерлер, IT-мамандар, мемлекеттік органдар мен БАҚ өкілдеріне бірегей ынтымақтастық ұсынатын халықаралық «Digital Bridge» форумында «Әлем Ай» ЖИ зертханасының ашылуы жарияланып, прокуратура органдарының осы құрылыммен қылмыс және өзге де құқық бұзушылықтармен күрес тиімділігін арттыру мақсатында ынтымақтастық орнату туралы жоспарланғанын да атап өткен жөн.

Жалпы, интернет-алаяқтық ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалана отырып жасалған алдау жолымен бөтеннің мүлкін ұрлау ретінде ҚР Қылмыстық кодексінің 190-бабы 2-бөлігінің 4-тармағы бойынша сараланатын, цифрлық ортадағы қылмыстық қызметтің неғұрлым серпінді дамып келе жатқан нысандарының бірі болып табылады.

ҚР Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің мәліметтеріне сәйкес, ағымдағы жылдың өткен кезеңінде 4941 интернет-алаяқтық фактісі тіркелген. Алайда бұл өткен жылдың сәйкес кезеңімен салыстырғанда (+5544 факті) -10,9%-ды құрағанымен, орын алған интернет-алаяқтық фактілерінің саны азаймауда [1].

Алаяқтар дипфейктер мен дербестендірілген шабуылдар жасау үшін ЖИ технологияларын белсенді пайдалануы ҚР Ұлттық Банкінің Антифрод-орталығының дәстүрлі алдын алу шараларын озып отыр. Қылмыстың бұл түрі қазіргі заманғы цифрлық технологияларды қолдана отырып, жәбірленушіні адастыру арқылы бөтеннің мүлкін иемденуден тұратын алаяқтықтың әдеттегі белгілерінің симбиозы. Оларға фишингтің автоматтандырылған схемалары, әлеуметтік инженерия және интернет желісіндегі пайдаланушыға әсер етудің басқа да әдістері жатады.

Аталған заңсыз әрекеттің салдары жәбірленушіге онымен тікелей физикалық байланыссыз ақпараттық-коммуникациялық технологиялар арқылы қашықтан әсер ету мүмкіндігі табиғи түрде ерекшеленеді. Тәжірибе көрсеткендей, цифрлық құралдар қылмыскерлердің мүмкіндіктерін едәуір кеңейтіп, осындай құқық бұзушылықтардың таралу ауқымын арттырады. Орын алған жағдайлардың едәуір саны осы бағыттағы алдын алу шараларының тиімділігі салыстырмалы түрде төмен болып қалатынын және шамамен 30%-ға жететінін көрсеткенімен, интернет-алаяқтықтың алдын алу және оған қарсы іс-қимыл тетіктерін жетілдіру қажеттігін көрсетеді.

Интернеттегі алаяқтық түрлерін олардың қалай жүзеге асырылатындығына және ЖИ технологияларын қолдану дәрежесі қаншалықты жоғары екендігіне қарай жіктеуге болады.

Біріншіден, бұл жалған интернет-ресурстарды, электрондық пошталарды немесе құпия деректерді алу үшін ресми қызметтерді көшіретін хабарламаларды құруды білдіретін фишинг. Статистикалық деректер көрсеткендей, 2025 жылы елімізде мұндай схемалар интернет-алаяқтықтың барлық тіркелген жағдайларының шамамен 23%-ын құраған.

Екіншіден, вишинг – телефон алаяқтығының бір түрі, онда шабуылдаушылардың артында жәбірленушіні адастыратын дауыстық байланыс бар. Қазіргі жағдайда мұндай схемалар белгілі бір адамның дауысына еліктеуге мүмкіндік беретін сөйлеу синтезі мен дипфейк технологияларын қолданумен қатар жүруі мүмкін.

Үшіншіден, ЖИ технологияларын қолдана отырып, әлеуметтік инженерияны қолдану, бұл жеке хабарламалар мен әлеуетті құрбанмен қарым-қатынас сценарийлерін автоматты түрде құруды білдіреді.

Табиғи тілді өңдеу технологиялары мен автоматтандырылған байланыс жүйелерін пайдалану мұндай алаяқтық схемалардың тиімділігін едәуір арттырады және олардың танымалдылығының артуына әкеледі.

Сонымен қатар, қазіргі уақытта тәжірибеде тағы бір қылмыс түрі ұрланған ақшаны жылыстату мақсатында банктік шоттар арқылы аударымды жүзеге асыратын адамдар «дропперлер» деп аталатын схемалар көп кездеседі. Мұндай қылмыстар көбінесе автоматтандырылған құралдарды, соның ішінде қатысушылардың әрекеттерін үйлестіруге және қаржылық операцияларды жеделдетуге көмектесетін Телеграмм боттарын қолдана отырып ұйымдастырылады.

Шет елдердің тәжірибесінде жеке түрі, атап айтқанда шабуылдаушылар жәбірленушіге сенімді адамдардың келбетін немесе дауысын имитациялау үшін ЖИ арқылы дипфейктерді қолдану алаяқтық фактісі де ерекшеленеді. Мұндай технологиялар адамның визуалды және сөйлеу сипаттамаларын сенімді түрде қайталауға және оларды қаржылық ресурстарға немесе құпия ақпаратқа қол жеткізу үшін пайдалануға мүмкіндік береді.

Еуропалық Одақ интернет-алаяқтық пен киберқылмыстарға қарсы тұру үшін ЖИ-ні қолданудың «risk-based» ЖИ жүйелерінің жіктелуі және міндетті ашықтықты көздейтін «EU AI Act» талаптарымен үйлестірілген озық тәжірибесін көрсетеді.

Бұл жүйелер машиналық оқытуды, табиғи тілді өңдеуді (NLP) және мінез-құлықты талдауды біріктіріп, нақты жауап беру уақытын қамтамасыз етеді және фишинг пен «ransomware» (төлем бағдарламасы) зақымдануын 40-94% төмендетеді.

Әлемде алғашқылардың бірі болып FRA қолдауымен «Europol Innovation Lab» Шеффилд университетімен бірге EUAA, CEPOL және Еуросотпен бірлесіп әзірлеген AP4AI (Accountability Principles for Artificial Intelligence) жүйесі болып табылады. Бұл жүйе bias, GDPR және «EU AI Act» сәйкестігін тексеру арқылы құқық қорғау органдарының ЖИ құралдарына автоматтандырылған аудит жүргізіп, нәтижесінде ЕО-ның 28 елінде кеңес беру өткізіліп, жалған позитивтер 40%-ға азайып, 2023-2025 жылдардағы Europol Darknet marketplaces қатысушыларының 89%-ы анықталған.

Europol AI (ЕСЗ - Еуропалық Киберқылмыс Орталығы) NLP және машиналық оқытуды Telegram және darknet форумдарын бақылау, ЖИ арқылы жасалған мазмұнды тану (дипфейктер, фишинг) және цифрлық анықтамаларды іздеу үшін қолданып, нәтижесімен талдау уақыты апталық уақыттан сағатқа дейін қысқарып, 12 ТБ DDoS шабуылдарының алдын алу, фишингтің 94,7%-ы блокталған.

Германия, Франция және Нидерланды елдерінде енгізілген Darktrace Antigena UEBA (пайдаланушы мен субъектінің мінез-құлқын талдау) және self-learning AI аномалияларды автономды түрде бұғаттау үшін (хостты оқшаулау, карантин) пайдаланады.

Ал Ұлыбритания елінде National Fraud Service (NFS) Chainalysis (2026 ж. пилоттық жоба) фрод және синтетикалық сәйкестендіруді анықтау туралы есеп беру үшін agentic AI-ге назар аударып, пилоттық банктердегі алаяқтықтың 54% төмендеуіне қол жеткізді [1].

Осылайша, интернеттегі алаяқтықтың қолданыстағы жіктемелерін зерттеу ЖИ технологиялары жүйеге белсенді түрде енгізілген сайын қылмыстық әрекеттің жаңа түрлерін қалыптастыратынын көрсетеді. Бұл ретте ҚР қолданыстағы қылмыстық заңнамасында ЖИ технологияларын пайдалана отырып жасалатын алаяқтық туралы жеке бап жоқтығы аталған қылмыстардың алдын алу мен ескертудің тиімділігін төмендетуі мүмкін.

ҚР ЖИ-ді қолдана отырып, интернет-алаяқтықтың алдын алу бағытын нормативтік-құқықтық реттеу қылмыстық және әкімшілік заңнамалардың жалпылама нормаларына негізделетініне қарамастан, аталған қылмыстың арнайы баппен саралануы заңнамаларда көрсетілмеген, бұл туралы К.Карабеков өзінің «Киберпреступность Российской Федерации и Республике Казахстан: состояние и меры предупреждения» атты еңбегінде алаяқтық киберқылмыстың 50-63%-ын құрайтынын, ҚК-тің 190-бабы 2-бөлігінде тек ақпараттық жүйе немесе интернет желісін пайдаланушыны алдау туралы қарастырылып, ал ЖИ-ге баса назар аударылмағаны атап өткен [1]. Нәтижесінде аталған фактілер превенциядағы олқылықтарға әкеліп отыр.

2025 жылғы 17 қарашадағы «Жасанды интеллект туралы» ҚР Заңы (бұдан әрі- Заң) орталық акт болып табылғанымен, онда ЖИ-ні қолдана отырып құқық бұзушылық жасаған жағдайда жауаптылыққа тарту туралы талаптар қарастырылмаған (заңның 24-бабында тек ЖИ жүйелері келтірген зиянды өтеу ҚР АҚ-нің талаптарымен жүзеге асырылатыны көрсетілген) [1].

Сонымен қатар, заңның 11-бабында ЖИ-ні теріс пайдалану мен тәуекелдерін басқару бойынша міндеттерін тиісінше атқармағаны үшін ҚР ӘҚБтК-нің 641-1-бабының талаптарына сәйкес 200 АЕК дейін айыппұл ғана қарастырылған [2].

Осының салдарынан ЖИ үшін қылмыстық жауаптылық туралы нормалардың болмауы прокурорлық қадағалаудың тиімділігін төмендетуінен бөлек, ЖИ қолдану барысында тұтынушылардың деректерін шектен тыс пайдалану тәуекелін тудырып, құпиялық пен этика мәселелеріне әкеп соғуда.

Алдын алу шараларын әзірлеудің өзектілігі Қазақстан Республикасында интернет-алаяқтық фактілері санының өсуіне байланысты. Осы құқық бұзушылықтарға қарсы іс-қимыл тәжірибесінде Антифрод-орталықтың қызметінің арқасында 2,9 млрд теңгеге күдікті операциялар бұғатталған. Заманауи алаяқтық схемалардың күрделілігін және ЖИ технологияларын қолдануды ескере отырып, алдын алу шаралары жан-жақты болуы керек және құқықтық, техникалық және білім беру шараларын қамтуы керек.

Алдын алу бағыттарының бірі интернет-алаяқтыққа қарсы іс-қимылдың қылмыстық-құқықтық тетіктерін одан әрі дамыту болып табылады. ЖИ технологияларын пайдалана отырып, интернет-алаяқтықтың алдын алуда анықталған олқылықтарды жою үшін шетелдік тәжірибені (EU AI Act,

AP4AI және Darktrace Antigena жүйелері) ескере отырып, қылмыстық-құқықтық және әкімшілік-құқықтық тетіктерді саралайтын төмендегідей шаралар кешені ұсынылады.

Атап айтқанда, ЕО тәжірибесіне және жоғары әлеуметтік қауіптілігі бойынша (2025 ж. 26,3 мың факті) ЖИ қолдана отырып жасалған қылмыстарды (дипфейк, фишинг) арнайы саралайтын «жасанды интеллектіні пайдалана отырып алаяқтық» ҚК-тің жекелеген жаңа 190-1-бабының енгізілуі:

- 1-бөлігі: 200 АЕК шегінде залал келтірген жасанды интеллектіні пайдалана отырып алдау жолымен бөтеннің мүлкін ұрлау- 2000 АЕК дейінгі мөлшерде айыппұл немесе сол мөлшерде түзеу жұмыстары немесе 360 сағатқа дейінгі мерзімге қоғамдық жұмыстарға тарту;
- 2-бөлігі: 200 АЕК жоғары залал келтірген дәл сол әрекет- үш жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру;
- 3-бөлігі: адамдар тобы алдын ала сөз байласу арқылы немесе ұйымдасқан топ немесе қылмыстық қоғамдастық жасаған әрекет- үш жылдан бес жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру;
- 4-бөлігі: 1000 АЕК астам зиян келтірген дипфейктерді немесе алдаудың автоматтандырылған схемаларын жасау үшін жасанды интеллектіні пайдалана отырып жасалған әрекет- мүлкі тәркіленіп, бес жылдан сегіз жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру;
- 5-бөлігі: аса ірі табыс алу мақсатында ұйымдасқан қылмыстық топ жасаған іс-әрекет- мүлкі тәркіленіп, сегіз жылдан он екі жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру жазаларын тағайындау.

Сонымен қатар Заңға (12-бап) ЕО AP4AI моделі бойынша жыл сайынғы аудитпен (bias-ты 40%-ға төмендету) прокуратураның және ІІМ-нің алдын алу ЖИ жүйелерін (ML-аномалияларды анықтау алгоритмдері) міндетті сертификаттау туралы норма енгізу.

Аталған шаралар кешені 2-3 жыл ішінде интернет-алаяқтық фактілерінің санын 20-30%-ға төмендетуді қамтамасыз етіп, шетел тәжірибесіне сәйкес келтірілген залалды өтеуді 26%-дан 50%-ға дейін арттыруды, ҚК-тің 190-1-бабы әкімшілік және техникалық шаралармен бірлесіп, қолданыстағы заңнаманың оқылдықтың жойып, ЕО-ның озық тәжірибесін бейімдей отырып, жүйелі профилактика жасауға көсектесетін болады.

Мысалға алатын болсақ, Ресей Федерациясында интернет-алаяқтық қылмысын жасағаны үшін ҚК-тің 159.6-бабы компьютерлік ақпарат саласындағы алаяқтық туралы қылмыстық жауаптылық қарастырылған [1].

Аталған норма дипфейк технологияларын, автоматтандырылған фишингті және ЖИ-нің басқа түрлерін қолдану жағдайларын қамтиды.

Сондай-ақ, ЖИ саласындағы заңнаманы алаяқтық схемаларды анықтау және болдырмау үшін мемлекеттік органдар қолданатын жүйелерді міндетті сертификаттауды көздейтін нормалармен толықтыру орынды болып табылады. ЖИ көмегімен жасалған мазмұнның таралуын реттеу, оның ішінде таңбалауды талап ету және таңбаланбаған ЖИ мазмұнын тарату жауапкершілігін белгілеу ерекше маңызға ие.

Алаяқтық схемалар үшін зиянды алгоритмдер құруды қоса алғанда, құқыққа қайшы әрекеттер жасауға арналған ЖИ бағдарламалық құралдарын әзірлеу және тарату үшін жауаптылықты көздейтін ҚР ӘҚБтК-не өзгерістер енгізу туралы мәселені қосымша қарауға болады.

Атап айтқанда, ҚР ӘҚБтК-нің 464-1-бабы: алаяқтық үшін зиянды ЖИ әзірлеу немесе тарату үшін жауаптылық - жеке тұлғалар үшін 100-200 АЕК, заңды тұлғалар үшін 500-1000 АЕК айыппұлмен толықтыру.

Техникалық және ұйымдастырушылық шаралар бойынша интернет-алаяқтыққа қарсы іс-қимылдың тиімділігін арттыру құқық қорғау органдарының қызметіне заманауи Талдамалық құралдарды енгізумен байланысты болып келеді. Перспективалық бағыттардың бірі- қаржылық операцияларды талдау және қалыптан тыс әрекеттерді анықтау үшін машиналық оқыту технологияларын пайдалану. «Anomaly detection» алгоритмдері күдікті операцияларды анықтауға және оларды ерте кезеңдерде блоктауға мүмкіндік береді.

Цифрлық қауіпсіздіктің маңызды элементі деректерді талдау алгоритмдерінің ашықтығын және автоматтандырылған шешімдердің нәтижелерін тексеру мүмкіндігін қамтамасыз ететін «түсіндірілетін ЖИ жүйелерін (Explainable AI) » енгізу болып табылады.

Сонымен қатар, құқықтық және техникалық құралдармен қатар халықтың цифрлық сауаттылық деңгейін арттыру маңызды рөл атқарады. Интернет-алаяқтықтың алдын алу шеңберінде цифрлық ортада қауіпсіз мінез-құлық дағдыларын қалыптастыруға бағытталған білім беру мекемелерінде ақпараттық-білім беру науқандарын өткізу. Фишингтік хабарламаларды, телефондық

алаяқтық схемаларды және дипфейк технологияларын қолдана отырып жасалған мазмұнды тануға ерекше назар аудару керек.

Сондай-ақ, интернет-алаяқтықтың алдын алу жаңа алаяқтық схемаларының пайда болуын жүйелі бақылауды және киберқауіптердің трансформациясын ескере отырып, қарсы іс-қимыл шараларын уақтылы жаңартуды талап етеді. Осыған байланысты құқық қорғау органдарының, мемлекеттік мекемелердің, банк секторының және IT-компаниялардың осындай құқық бұзушылықтарды жедел анықтауға және жолын кесуге бағытталған келісілген қызметі маңызды мәнге ие.

Анықталған алаяқтық схемалар ақпараттық жүйелердің осалдығы және цифрлық ортадағы жаңа қауіптер туралы үнемі ақпарат алмасу маңызды рөл атқарады. Бұдан басқа ақпараттық жүйелердің қорғалу деңгейін арттыру және киберқылмыстардың алдын алу тетіктерін жетілдіру мақсатында технологиялық компаниялармен өзара іс-қимылды дамыту қажет.

Интернет-алаяқтыққа қарсы іс-қимылдың маңызды бағыттарының бірі халықаралық өзара іс-қимылды дамыту болып табылады. Киберқылмыспен күресуге бағытталған халықаралық бастамалар мен бағдарламалар басқа мемлекеттердің құқық қорғау органдарымен бірге жұмыс атқару барысында ақпарат алмасу жүйесінің трансшекаралық алаяқтық схемаларды уақтылы анықтауға және жолын кесуге мүмкіндік беретін ескерген жөн.

Бұдан басқа, алаяқтық әрекеттерді, оның ішінде ЖИ технологияларын қолдана отырып жасалатын әрекеттерді анықтауға және болдырмауға бағытталған шешімдерді әзірлеу және енгізу мақсатында шетелдік технологиялық компаниялармен әріптестік қатынастарды дамыту өзекті болып табылады.

Осылайша, аталған кешенді шараларды іске асыру, біздің ойымызша, Интернет желісін қоса алғанда, ақпараттық жүйелерде азаматтарды қорғау деңгейін арттыруға, алаяқтық фактілерінің санын азайтуға, сондай-ақ Қазақстан Республикасында неғұрлым қауіпсіз цифрлық ортаны қалыптастыруға ықпал ететін болады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. «Қоғамда заң мен тәртіп идеологиясын ілгерілету жөніндегі 2025 – 2030 жылдарға арналған тұжырымдаманы бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2025 жылғы 1 сәуірдегі № 200 қаулысы, [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2500000200> (жүгінген күні: 21.02.2026);

2. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы, [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-kazakstan-halkyna-zholdauy-zhasandy-intellekt-dauirindegi-kazakstan-ozekti-maseleler-zhane-ony-tubegeyli-cifirlyk-ozgerister-arkyly-sheshu-881957> (жүгінген күні: 21.02.2026);

3. ҚР Бас Прокуроры Б.Асылловтың төрағалығымен өткізілген үйлестіру кеңесінің отырысы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-sko/press/news/details/1082463?lang=kk> (жүгінген күні: 21.02.2026);

4. Құқықтық статистика [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (жүгінген күні: 15.03.2026);

5. INTERPOL/Chainalysis. Global Fraud Summit 2026: AI-scams 4.5x profitable, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.chainalysis.com/blog/global-fraud-summit-2026> (access date: 15.03.2026);

6. К.О. Карабеков «Киберпреступность в Российской Федерации и Республике Казахстан: состояние и меры предупреждения», [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.dissercat.com/content/kiberprestupnost-v-rossiiskoi-federatsii-i-respublike-kazakhstan-sostoyanie-i-mery-preduprez> (жүгінген күні: 15.03.2026);

7. «Жасанды интеллект туралы» Қазақстан Республикасының 2025 жылғы 17 қарашадағы № 230-VIII ҚРЗ Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z250000023> (жүгінген күні: 15.03.2026);

8. Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Қазақстан Республикасының Кодексі, 05.07.2014 ж. №235-V ҚР Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235> (жүгінген күні: 15.03.2026);

9. Ресей Федерациясының 13.06.1996 ж. № 63-ФЗ (20.02.2026 ж. ред.) Қылмыстық Кодексі [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/51c53d82b60ac8c009745bdea3838d507064c6d3/ (жүгінген күні: 15.03.2026);

10. Ещанов А.Ш. «Профилактика мошенничества с использованием информационных систем», [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://astanazan.kz/?p=7067> (жүгінген күні: 15.03.2026);

11. Dr. Bolla Veerabrahmam & Dr. S. Ramesh. «AI in Fraud Detection and Cyber Security [Electronic resource] – Access mode: <https://www.jetir.org/papers/JETIRHC06036.pdf> (access data: 03.03.2026).

ӘОЖ 343.85:004.9

Сәдуаев Махамбет Ералыұлы,
Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ОТБАСЫЛЫҚ ЗОРЛЫҚ – ЗОМБЫЛЫҚ ФАКТІЛЕРІН АНЫҚТАУ ЖӘНЕ АЛДЫН АЛУДА АҚПАРАТТЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫҢ РӨЛІ

Аннотация. Мақалада отбасылық зорлық-зомбылық фактілерін анықтау және олардың алдын алу жүйесінде ақпараттық технологияларды қолдану мәселелері жан-жақты қарастырылады. Автор тұрмыстық зорлық-зомбылықтың латентті сипатын және оны ерте кезеңде айқындаудың құқықтық әрі ұйымдастырушылық маңызын талдайды. Құқық қорғау органдары қызметінде цифрлық платформалар, бірыңғай деректер базалары және тәуекелдерді бағалау алгоритмдерін енгізу тетіктері зерттеледі. Электрондық мониторинг құралдарының профилактикалық әлеуеті мен оларды қолданудың құқықтық негіздері ашып көрсетіледі. Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасына талдау жасалып, ақпараттық жүйелерді енгізудің нормативтік алғышарттары айқындалады. Сонымен қатар шетелдік тәжірибенің жекелеген элементтері салыстырмалы тұрғыда қарастырылады. Мақалада цифрлық шешімдерді енгізу барысында туындайтын тәуекелдер мен шектеулер де көрсетіледі. Қорытынды бөлімде құқық қолдану тәжірибесін жетілдіруге бағытталған нақты ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: отбасылық зорлық-зомбылық; цифрландыру; ақпараттық жүйе; электрондық мониторинг; құқық қорғау органдары; тәуекелдерді бағалау; деректер базасы; профилактика; жәбірленушілерді қорғау; жасанды интеллект.

Аннотация. В статье комплексно рассматриваются вопросы применения информационных технологий при выявлении и предупреждении фактов семейно-бытового насилия. Автор анализирует латентный характер домашнего насилия и значение его ранней диагностики в правоприменительной деятельности. Исследуются механизмы внедрения цифровых платформ, единых баз данных и алгоритмов оценки рисков в работе правоохранительных органов. Раскрывается профилактический потенциал электронного мониторинга и правовые основы его использования. Проводится анализ действующего законодательства Республики Казахстан в контексте цифровизации. В сравнительном аспекте освещаются отдельные элементы зарубежного опыта. Отмечаются риски и ограничения, возникающие при использовании информационных систем. В заключении формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие; цифровизация; информационная система; электронный мониторинг; правоохранительные органы; оценка рисков; база данных; профилактика; защита потерпевших; искусственный интеллект.

Abstract. The article comprehensively examines the use of information technologies in detecting and preventing domestic violence. The author analyzes the latent nature of domestic abuse and emphasizes the importance of early identification in law enforcement practice. Mechanisms for introducing digital platforms, unified databases and risk assessment algorithms are explored. The preventive potential of electronic monitoring and its legal framework are disclosed. The current legislation of the Republic of Kazakhstan is analyzed in the context of digital transformation. Certain elements of foreign experience are considered in a comparative perspective. Risks and limitations related to the use of information systems are also identified. The conclusion provides practical recommendations aimed at improving law enforcement activities.

Keywords: domestic violence; digitalization; information system; electronic monitoring; law enforcement agencies; risk assessment; database; prevention; victim protection; artificial intelligence.

Отбасылық зорлық-зомбылық қазіргі кезеңде тек әлеуметтік проблема ғана емес, сонымен қатар мемлекет қауіпсіздігі мен адам құқықтарын қорғау жүйесіне тікелей әсер ететін күрделі құқықтық құбылыс болып табылады. Оның ерекшелігі – құқық бұзушылықтардың едәуір бөлігі жасырын сипатта жасалуы және жәбірленушілердің құқық қорғау органдарына жүгінуден бас тартуы. Осыған байланысты құқық бұзушылықтарды анықтаудың дәстүрлі тәсілдері жеткіліксіз болып, заманауи ақпараттық технологияларды енгізу қажеттілігі туындайды.

Қазақстан Республикасының Конституциясына сәйкес адам және оның өмірі, құқықтары мен бостандықтары ең жоғары құндылық болып танылады [1]. Бұл қағида отбасылық зорлық-зомбылықтың кез келген көрінісіне қарсы тиімді құқықтық және ұйымдастырушылық шаралар қабылдауды талап етеді. «Тұрмыстық зорлық-зомбылық профилактикасы туралы» Қазақстан Республикасының Заңы профилактикалық есепке алу, қорғау нұсқамасын шығару және ерекше

талаптар белгілеу тәртібін бекітеді [2]. Алайда құқық қолдану тәжірибесі көрсеткендей, тек құқықтық реттеу жеткіліксіз, оны іске асырудың заманауи цифрлық құралдары қажет.

Ақпараттық технологияларды енгізудің негізгі бағыттарының бірі – бірыңғай ведомствоаралық деректер базасын қалыптастыру. Құқық қорғау органдары, соттар және әлеуметтік қызметтер арасындағы ақпарат алмасу процестерін автоматтандыру қайталанатын құқық бұзушылықтарды дер кезінде анықтауға мүмкіндік береді. Мысалы, бұрын бірнеше рет әкімшілік жауаптылыққа тартылған тұлғаларға қатысты тәуекел деңгейін автоматты түрде есептеу профилактикалық бақылауды күшейтуге жағдай жасайды. Тәуекелдерді бағалау жүйелері алгоритмдік талдау негізінде жүзеге асырылуы мүмкін. Әлеуметтік мәртебе, жұмыссыздық фактісі, алкогольдік мас күйінде құқық бұзушылық жасау, бұрынғы қорғау нұсқамаларын бұзу сияқты көрсеткіштер кешенді түрде талданады. Осындай модельдер құқық бұзушылықтың қайталану ықтималдығын болжауға мүмкіндік береді. Шетелдік зерттеулерде болжамды полиция қызметі (predictive policing) құралдарының тиімділігі атап өтіледі [3].

Электрондық мониторинг отбасылық зорлық-зомбылықтың алдын алуда маңызды рөл атқарады. Қорғау нұсқамасын бұзған жағдайда автоматты түрде хабарлама жіберетін құрылғылар жәбірленушінің қауіпсіздігін қамтамасыз етеді. Бұл құралдар агрессордың жәбірленушіге жақындауын бақылауға және тиісті шараларды жедел қабылдауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, мұндай бақылау құқық бұзушының тәртібіне психологиялық әсер етеді.

Ақпараттық технологиялар жәбірленушілер үшін де қолжетімділікті арттырады. Мобильді қосымшалар арқылы онлайн-өтініш беру, дабыл батырмасын пайдалану, геолокацияны жіберу мүмкіндігі құқық қорғау органдарының жедел әрекет етуін қамтамасыз етеді. Анонимді форматтағы кеңес беру сервистері де зорлық-зомбылық фактілерін жасырын қалдырмауға ықпал етеді. Сонымен қатар, цифрландыру процесінде жеке деректерді қорғау мәселесі ерекше маңызға ие. Деректердің заңсыз таралуы немесе үшінші тұлғаларға берілуі жәбірленушілердің қауіпсіздігіне қауіп төндіруі мүмкін. Сондықтан ақпараттық жүйелерді енгізу кезінде ақпараттық қауіпсіздік стандарттарын сақтау, қолжетімділік деңгейлерін нақты шектеу және техникалық қорғаныс құралдарын пайдалану міндетті. Құқық қолдану тәжірибесін талдау цифрлық технологияларды енгізудің бірқатар проблемаларын көрсетеді. Біріншіден, ведомствоаралық ақпарат алмасудың жеткіліксіздігі. Екіншіден, техникалық инфрақұрылымның өңірлер бойынша әркелкі дамуы. Үшіншіден, қызметкерлердің цифрлық сауаттылық деңгейінің әртүрлілігі. Бұл факторлар ақпараттық жүйелердің әлеуетін толық пайдалануға кедергі келтіреді. Осыған байланысты келесі бағыттарда жетілдіру ұсынылады:

- Біріншіден, отбасылық зорлық-зомбылыққа қатысты деректерді біріктіретін бірыңғай ұлттық цифрлық платформаны дамыту стратегиялық маңызға ие. Қазіргі уақытта құқық қорғау органдары, соттар, пробация қызметі, денсаулық сақтау ұйымдары мен әлеуметтік қорғау құрылымдары өзара ақпарат алмасқанымен, бұл процесс толық автоматтандырылған және интеграцияланған сипатқа ие емес. Бірыңғай платформа аясында қорғау нұсқамалары, әкімшілік және қылмыстық өндірістер, профилактикалық есеп, пробациялық бақылау және әлеуметтік қызметтердің қорытындылары туралы мәліметтер жинақталуы тиіс. Мұндай жүйе нақты уақыт режимінде деректерді жаңартып, құқық бұзушының мінез-құлық динамикасын бақылауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, жасанды интеллект элементтерін енгізу арқылы қайталану тәуекелін автоматты түрде бағалау, қауіп деңгейі жоғары істерді басым тәртіппен қарау және жедел әрекет ету алгоритмдерін іске қосу мүмкіндігі туындайды. Платформа деректердің қорғалуын қамтамасыз ететін заманауи криптографиялық құралдармен және қолжетімділік деңгейлерін саралау тетіктерімен жабдықталуы тиіс. Бұл бір жағынан ведомствоаралық өзара іс-қимылды күшейтсе, екінші жағынан жәбірленушілердің жеке өміріне қол сұғылмаушылық қағидатын сақтауға мүмкіндік береді.

- Екіншіден, тәуекелдерді бағалау әдістемесін нормативтік деңгейде бекіту қажеттілігі туындайды. Қазіргі таңда қауіп деңгейін анықтау көбіне қызметкердің тәжірибесіне және субъективті пайымына негізделеді. Ал ғылыми негізделген, бірыңғай стандартталған әдістеме қабылданған жағдайда бағалау процесі айқын әрі өлшемді болар еді. Мұндай әдістеме әлеуметтік-психологиялық факторларды, бұрын жасалған құқық бұзушылықтарды, агрессордың тәуелділік жағдайын, экономикалық ахуалын, отбасы құрамын және өзге де мән-жайларды ескеретін кешенді индикаторлар жүйесін қамтуы қажет. Әдістемені нормативтік құқықтық актімен бекіту оның міндетті қолданылуын қамтамасыз етеді және өңірлер арасындағы тәжірибе алшақтығын азайтады. Сонымен қатар, тәуекелдерді бағалау нәтижелерін цифрлық жүйеге енгізу автоматты түрде профилактикалық шараларды таңдауға, мысалы, қорғау нұсқамасын ұзарту, электрондық бақылау тағайындау немесе әлеуметтік қызметтерді тарту сияқты шешімдерді жедел қабылдауға ықпал етеді. Бұл тәсіл құқық қолдану тәжірибесінің бірізділігін қамтамасыз етіп, адами фактордың ықпалын төмендетеді.

- Үшіншіден, электрондық мониторинг құралдарын қолданудың нақты рәсімдерін заңнамалық тұрғыда регламенттеу маңызды. Қазіргі кезеңде мұндай технологияларды пайдалану мәселелері жалпы нормалармен реттелгенімен, оларды қолданудың процессуалдық тәртібі, бақылау мерзімі, техникалық талаптары және жауаптылық шаралары нақты айқындалуы тиіс. Электрондық білезіктер немесе геолокациялық құрылғылар арқылы бақылау жүргізу кезінде деректерді сақтау мерзімі, ақпаратты үшінші тұлғаларға беруге тыйым салу, құрылғыны әдейі бүлдіргені үшін жауаптылық секілді мәселелер заңда нақты көрініс табуы қажет. Сонымен қатар, электрондық мониторингті тағайындау кезінде соттың санкциясы, тараптардың құқықтары мен міндеттері, сондай-ақ жәбірленушінің келісімі мәселелері де егжей-тегжейлі регламенттелуі орынды. Бұл құқықтық айқындық азаматтардың конституциялық құқықтарының сақталуына кепілдік береді және технологияны теріс пайдаланудың алдын алады. Тиісті регламент болмаған жағдайда, цифрлық құралдардың тиімділігі төмендеп, олардың заңдылығына қатысты даулар туындауы мүмкін.

- Төртіншіден, құқық қорғау органдары қызметкерлерінің цифрлық құзыреттілігін арттыру бойынша тұрақты оқыту бағдарламаларын енгізу ерекше маңызға ие. Кез келген ақпараттық жүйенің тиімділігі оны пайдаланатын мамандардың біліктілігіне тікелей байланысты. Осыған байланысты арнайы курстар, тренингтер және біліктілікті арттыру бағдарламалары жүйелі түрде ұйымдастырылуы қажет. Оқыту бағдарламалары тек техникалық дағдыларды ғана емес, сонымен қатар деректерді қорғау талаптарын, цифрлық этика қағидаларын және тәуекелдерді бағалау алгоритмдерін қолдану ерекшеліктерін қамтуы тиіс. Бұдан бөлек, ведомствоаралық тәжірибе алмасу семинарларын өткізу, үздік практикаларды тарату және пилоттық жобалардың нәтижелерін талқылау да маңызды. Цифрлық сауаттылықты арттыру қызметкерлердің жаңа технологияларға бейімделуін жеңілдетіп, шешім қабылдау сапасын жақсартады. Нәтижесінде ақпараттық технологиялар формалды құрал емес, нақты профилактикалық және қорғаныштық функция атқаратын тиімді тетікке айналады.

Осы аталған бағыттарды кешенді түрде іске асыру отбасылық зорлық-зомбылықтың алдын алу жүйесін сапалы жаңа деңгейге көтеруге мүмкіндік береді. Бірыңғай цифрлық инфрақұрылым, ғылыми негізделген тәуекелдерді бағалау, нақты регламенттелген электрондық мониторинг және кәсіби даярланған кадрлар өзара үйлесім тапқан жағдайда ғана ақпараттық технологиялардың әлеуеті толық ашылады.

Қорытындылай келе, ақпараттық технологиялар отбасылық зорлық-зомбылық фактілерін анықтау мен алдын алу жүйесін сапалы жаңа деңгейге көтеруге қабілетті. Ең алдымен, цифрлық трансформация құқық қорғау қызметінің реактивті моделінен проактивті моделіне көшуге жағдай жасайды. Яғни құқық бұзушылық жасалғаннан кейін ғана әрекет ету емес, оның туындау қаупін алдын ала бағалау және тиісті шараларды дер кезінде қабылдау мүмкіндігі артады. Бірыңғай деректер базалары, тәуекелдерді бағалау алгоритмдері және автоматтандырылған ескерту жүйелері құқық бұзушылықтардың қайталану ықтималдығын төмендетуге бағытталған нақты басқарушылық шешімдер қабылдауға негіз болады. Бұл өз кезегінде профилактикалық есепке алу шараларының формалды сипаттан арылып, мазмұндық тұрғыдан тиімді болуына ықпал етеді. Цифрлық құралдарды тиімді пайдалану құқық бұзушылықтарды ерте кезеңде айқындауға мүмкіндік береді. Мысалы, бірнеше мәрте әкімшілік жауаптылыққа тартылған немесе қорғау нұсқамасын бұзу фактілері тіркелген тұлғаларға қатысты жүйе автоматты түрде жоғары қауіп деңгейін көрсетсе, уәкілетті органдар қосымша бақылау шараларын қолдана алады. Сонымен қатар, жәбірленушілерге арналған мобильді сервистер мен онлайн-платформалар зорлық-зомбылық фактілерін жасырын қалдырмауға, көмек сұрауды жеңілдетуге және құқық қорғау органдарының жедел әрекет етуін қамтамасыз етуге жағдай жасайды. Осылайша, ақпараттық технологиялар жәбірленуші мен мемлекет арасындағы өзара байланыстың тиімді арнасына айналады.

Тәуекелдерді болжау жүйесі де ерекше маңызға ие. Әлеуметтік, мінез-құлықтық және криминологиялық факторларды кешенді талдау арқылы жасалатын болжамдар ресурстарды ұтымды бөлуге мүмкіндік береді. Қауіп деңгейі жоғары отбасыларға әлеуметтік қызметкерлерді, психологтарды және учаскелік инспекторларды уақытылы тарту зорлық-зомбылықтың ауыр салдарының алдын алуға септігін тигізеді. Бұл ретте цифрлық талдау құралдары тек статистикалық деректерді жинақтаумен шектелмей, оларды стратегиялық жоспарлау мен ведомствоаралық үйлестірудің негізіне айналуы тиіс. Сонымен бірге, жәбірленушілердің қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселесінде электрондық мониторинг пен геолокациялық технологиялардың рөлі артып келеді. Қорғау нұсқамасын бұзған жағдайда автоматты түрде сигнал беру, агрессордың белгіленген шектеулі аймаққа жақындауын анықтау сияқты функциялар қауіптің алдын алуға мүмкіндік береді. Мұндай технологиялар тек бақылау құралы ғана емес, сонымен қатар құқық бұзушының жауаптылық сезімін арттыратын психологиялық фактор ретінде де қызмет атқарады. Нәтижесінде қорғау шараларының

тиімділігі күшейіп, жәбірленушілердің мемлекетке деген сенімі артады. Алайда бұл бағыттағы реформалар құқықтық кепілдіктерді, адам құқықтарын қорғау қағидаларын және дербес деректердің қауіпсіздігін сақтай отырып жүзеге асырылуы тиіс. Цифрландыру үдерісі азаматтардың жеке өміріне қол сұқпаушылық, ақпараттың құпиялығы және заңдылық қағидаттарымен үйлесуі қажет. Ақпараттық жүйелерде жинақталатын деректердің көлемі ұлғайған сайын оларды қорғау талаптары да күшейтілуі тиіс. Қолжетімділік деңгейін шектеу, деректерді шифрлау, аудит жүргізу және жауаптылық шараларын нақтылау – осы бағыттағы міндетті шарттар болып табылады. Сонымен қатар, алгоритмдік шешімдер қабылдау кезінде әділдік пен кемсітпеушілік қағидалары сақталуы қажет. Тәуекелдерді бағалау модельдері белгілі бір әлеуметтік топтарға қатысты теріс стереотип қалыптастырмауы және автоматтандырылған шешімдер адам факторын толық алмастырмауы тиіс. Қорытынды шешім қабылдау барысында әрбір істің нақты мән-жайлары ескеріліп, жеке дара тәсіл қолданылуы маңызды.

Жалпы алғанда, ақпараттық технологияларды кешенді әрі құқықтық тұрғыдан сауатты енгізу отбасылық зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимыл жүйесінің тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді. Цифрлық инфрақұрылымның дамуы, ғылыми негізделген талдау құралдары және кәсіби даярланған мамандар үйлесім тапқан жағдайда ғана бұл салада нақты оң нәтижелерге қол жеткізуге болады. Осылайша, цифрлық трансформация адам құқықтарын қорғау мүддесіне қызмет ететін, қауіпсіз әрі әділ құқықтық ортаны қалыптастырудың маңызды тетігіне айналуы тиіс.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Конституция 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (жүгінген күні: 01.03.2023).
2. Қазақстан Республикасының «Тұрмыстық зорлық-зомбылық профилактикасы туралы» Заңы. 2009 жылғы 4 желтоқсан №214-IV. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z090000214> (жүгінген күні: 01.03.2023).
3. Perry W.L., McInnis B., Price C.C. Predictive Policing: The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations. – Santa Monica: RAND Corporation, 2013.
4. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. 2014 жылғы 3 шілде №226-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 01.03.2025).
5. Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі. 2014 жылғы 5 шілде №235-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235> (жүгінген күні: 01.03.2025).
6. Қазақстан Республикасының «Ақпараттандыру туралы» Заңы. 2015 жылғы 24 қараша №418-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000418> (жүгінген күні: 01.03.2025).
7. Қазақстан Республикасының «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңы. 2013 жылғы 21 мамыр №94-V. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094> (жүгінген күні: 01.03.2025).
8. Қазақстан Республикасының «Жасанды интеллект туралы» Заңы. 2025 жылғы 17 қараша №230- VIII. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000230> (жүгінген күні: 01.03.2025).
9. Бекмагамбетов А.Б. Тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу мәселелері: қылмыстық-құқықтық және криминологиялық аспектілер // Құқық және мемлекет. 2021. №2. Б. 45–52.
10. Сарсенова Г.А. Отбасылық зорлық-зомбылықтың латенттілігі және оны төмендетудің құқықтық тетіктері // Заң ғылымдарының жаршысы. 2020. №4. Б. 73–81.
11. Куцурова Д.И.1, Дербок З.Г.2, Васильев А.М.3: Семейно – бытовые насилии и его концептуальные основы минимизации на законодательном уровне// Международный научно – исследовательский журнал. №6 (120). Б. 157-158.

УДК 347.73:004.7

Солтанов Азамат Сәкенұлы,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ И ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: МИРОВОЙ ОПЫТ И МОДЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Представленное исследование анализирует процессы институционализации и догматической трансформации правовых режимов виртуальных имущественных благ в эпоху цифровизации, где юридическая квалификация технологии распределенных реестров становится критическим вызовом для цивилистики. Статья структурирована по стандарту IMRaD. Концептуальное ядро – проприетарная «двухконтурная» модель Казахстана (2023 г.), сочетающая запрет необеспеченных токенов в государственном поле с легитимным функционированием индустрии в экстерриториальной юрисдикции МФЦА. Выявлена специфика дуалистического подхода и доктринальные лакуны в кастодальной инфраструктуре, правовой природе смарт-контрактов и применении нейросетей для декриминализации криптотранзакций.

Ключевые слова: цифровые активы; децентрализованные финансы; блокчейн; цифровой майнинг; МФЦА; правовая квалификация; токенизация; смарт-контракты; противодействие отмыванию доходов.

Аннотация. Бұл зерттеу виртуалды мүлік құқықтарын реттейтін құқықтық негіздердің институционалдық дамуы мен доктриналық эволюциясын зерттейді. Әлемдік экономикалардың жылдам цифрлануы кезінде таратылған тізбектің дұрыс құқықтық классификациясы заманауи азаматтық құқық жүйелері үшін шешуші мәселе болып қала береді. Халықаралық IMRaD стандартына сәйкес құрылған мақала юрисдикциялық модельдердің салыстырмалы деконструкциясын жүзеге асырады. Жұмыстың негізгі бөлігі Қазақстанның 2023 жылы заңнамалық тұрғыдан бекітілген «екі сатылы» меншікті моделіне талдау. Бұл модель реттелмеген токендерге республикалық деңгейдегі тыйымды «Астана» халықаралық қаржы орталығының экстерриториалдық юрисдикциясындағы өнеркәсіп қызметімен теңгеретін дуалистік тәсілді біріктіреді. Зерттеу кастодиалдық жүйелер, смарт-контракттардың құқықтық мәртебесі және криптовалюта транзакцияларын легитимдеу туралы.

Түйінді сөздер: цифрлық активтер; орталықтанбаған қаржы; блокчейн; цифрлық майнинг; АХҚО; құқықтық бағалау; токендеу; смарт-контракттар; ақша жылыстатуға қарсы іс-қимыл.

Abstract. This research investigates the institutional development and doctrinal evolution of legal frameworks governing virtual property rights. Amid the rapid digitization of global economies, properly classifying distributed ledger technology remains a pivotal challenge for modern civil law systems. Structured according to the international IMRaD standard. At its heart lies an analysis of Kazakhstan's "two-tier" proprietary model, enacted through legislation in 2023. This approach balances a nationwide prohibition on unregulated tokens with sanctioned industry activities in the extraterritorial Astana International Financial Centre. Key findings highlight doctrinal shortcomings in custodial systems, the juridical status of smart contracts, and neural algorithms for legitimizing cryptocurrency transactions.

Keywords: digital assets; decentralized finance; blockchain; digital mining; AIFC; legal qualification; tokenization; smart contracts; anti-money laundering.

Трансформация глобальной финансовой архитектуры, катализатором которой выступила концепция децентрализованных реестров (Distributed Ledger Technology), обнажила фундаментальный онтологический кризис классической цивилистической догматики. Объекты, абсолютно лишённые физического, осязаемого субстрата и зачастую не имеющие персонифицированного эмитента-гаранта, стихийно интегрировались в макроэкономический оборот. Данный феномен вынудил национальных суверенов экстренно пересматривать устоявшиеся парадигмы вещного и обязательственного права для формирования релевантных регуляторных механизмов [1]. Перманентная волатильность виртуальных валют, помноженная на их беспрецедентную уязвимость перед схемами легализации доходов, добытых преступным путем (AML/CFT), детерминировала историческую необходимость перехода мирового сообщества от стадии регуляторного нигилизма к жесткой, многоуровневой институционализации.

Догматическая апория правопонимания цифровых активов заключается в их гибридной сущности. Традиционные континентальные юрисдикции, базирующиеся на жесткой дихотомии объектов гражданских прав, оказались в состоянии концептуального цугцванга: криптографический токен не является ни «вещью» в ее физическом понимании, ни классическим бездокументарным имущественным правом требования, поскольку предъявлять солидарное или субсидиарное требование в децентрализованных сетях (подобных Bitcoin) попросту некому [2].

Республика Казахстан в контексте описываемых глобальных метаморфоз продемонстрировала выдающуюся регуляторную гибкость. Превратившись на фоне мировых геополитических и энергетических сдвигов в одного из абсолютных глобальных лидеров по концентрации вычислительных хеш-мощностей для добычи цифровых активов, государство столкнулось с безальтернативным выбором. Требовалось либо позволить индустрии деградировать в серой зоне с колоссальными техногенными рисками для национальной энергосистемы, либо спроектировать инновационную правовую оболочку [3]. Кульминацией законотворческой эволюции в РК стало конструирование уникальной гибридной (двухконтурной) модели регулирования, закреплённой в 2023 году. Целью настоящего академического исследования является комплексное компаративное изучение траекторий эволюции правового режима цифровых активов в ведущих мировых юрисдикциях с последующей критической рецепцией институциональной модели Республики Казахстан.

Эпистемологический фундамент представленного исследования базируется на многоуровневой системе общенаучных и специальных юридических методов познания. В качестве опорного философского инструментария использован метод материалистической диалектики, позволивший проследить генезис цифровых имущественных прав не как статичной правовой фикции, а как динамично развивающегося института, детерминированного непрерывным усложнением финансово-технологического базиса общества.

Матрица специальных методов включает в себя следующие компоненты:

Синхронный и диахронный сравнительно-правовой анализ — применен для сопоставления регуляторных ландшафтов государств англосаксонской правовой семьи (прецедентный путь Великобритании, функциональный подход США), стран кодифицированного права (Европейский Союз с регламентом MiCA, адаптация законодательства Японии) и рестриктивных азиатских моделей (Китайская Народная Республика).

Формально-догматический (нормативно-аналитический) метод — послужил основным ключом при герменевтическом разборе дефиниций, юридических конструкций и ограничительных барьеров, имплементированных в базовый Закон Республики Казахстан «О цифровых активах в Республике Казахстан» от 6 февраля 2023 года № 193-VII, а также в профильные акты Международного финансового центра «Астана» (в частности, AIFC Rules on digital asset activities).

Метод структурно-функционального моделирования — использован при оценке архитектуры двухконтурной системы регулирования казахстанского крипторынка с выявлением ее потенциальных уязвимостей в аспекте кастодиальных рисков и уголовно-процессуального мониторинга.

Информационную и эмпирическую базу исследования составили легальные дефиниции национальных нормативных актов РК, наднациональные директивы, прецедентная судебная практика зарубежных стран, отчетные доклады международных институтов (FATF), а также актуальные диссертационные исследования в области цивилистики, криминалистики и кибербезопасности.

Диверсификация глобальных регуляторных парадигм. Исторический континуум правового признания криптоактивов демонстрирует четкий вектор транзита: от полного игнорирования маргинальной технологии к попыткам интегрировать виртуальные сущности в прокрустово ложе устаревших законов, и, наконец, к созданию специализированного, автономного отраслевого законодательства (*lex cryptographia*). Изучение мирового опыта позволяет стратифицировать стратегии суверенов на несколько магистральных моделей.

Прецедентно-функциональная модель стран общего права. В юрисдикциях, исторически опирающихся на англосаксонскую правовую традицию (Великобритания, США, Сингапур), квалификация активов происходила преимущественно посредством судебного усмотрения и расширительного толкования существующих норм. В Соединенном Королевстве переломным моментом стала публикация стейтмента Целевой группы по юрисдикции (UKJT) в 2019 году. Документ разрешил многовековую коллизию английского права: криптовалюта не может считаться «вещью во владении» (*choses in possession*) ввиду отсутствия физической осязаемости, и не является «вещью в требовании» (*choses in action*) из-за отсутствия обязанного контрагента. Однако было установлено, что она удовлетворяет всем базисным критериям имущества (определимость, контролируемость, объективная ценность), образуя тем самым третью, уникальную (*sui generis*) категорию имущественных прав [4]. В США такие регуляторы, как SEC (Комиссия по ценным бумагам и биржам), заняли прагматичную позицию, массово применяя исторический Тест Хоуи (Howey Test), квалифицируя большинство операций по первичному размещению токенов (ICO) как незарегистрированное предложение ценных бумаг инвестиционного характера [5].

Унифицированная кодифицированная модель (Европейский Союз и Япония). Отрицая фрагментарность, европейский законодатель пошел по пути создания монументального нормативного

свода — Регламента о рынках криптоактивов (Markets in Crypto-Assets, MiCA). Данный акт установил жесткую таксономию, стратифицировав виртуальные блага на токены, привязанные к активам (Asset-Referenced Tokens), токены электронных денег (E-Money Tokens) и прочие утилитарные криптоактивы. MiCA имплементировал беспрецедентные требования к авторизации эмитентов, обязав их публиковать подробнейшие меморандумы («белые книги» — White Papers) с детальным раскрытием рисков и бенефициаров, тем самым воздвигнув непреодолимый барьер для скам-проектов [6]. В свою очередь, Япония, пережившая глубочайший шок после краха биржи Mt. Gox, пошла по пути поэтапной адаптации Закона о платежных услугах (Payment Services Act), легализовав криптовалюты как платежное средство, но подчинив криптобиржи драконовскому аудиту и строжайшим правилам сегрегации клиентских фондов.

Азиатская рестриктивная модель и CBDC (на примере КНР). Кардинально иную, авторитарную парадигму демонстрирует Китай. Эволюция правового поля в КНР прошла через каскад нарастающих запретов: от ограничения транзакций для финансовых институтов до абсолютной криминализации всех аспектов оборота частных криптовалют и майнинга. Этот беспрецедентный регуляторный вакуум был искусственно создан для расчистки поля под суверенный проект — цифровой юань (DC/EP). Эмитируемый Народным банком Китая, e-CNY представляет собой строго централизованную двухуровневую систему, где государство обеспечивает макроэкономическую монополию и тотальную алгоритмическую прослеживаемость транзакций под эгидой концепции «контролируемой анонимности» [7].

Институциональный дуализм Республики Казахстан. Осознавая деструктивность тотальных запретов, провоцирующих теневизацию высокотехнологичного сектора, и одновременно понимая фатальные риски децентрализованных финансов для национальной макроэкономики, Республика Казахстан выстроила сложную, филигранную архитектуру. Догматической квинтэссенцией данного подхода стал принятый Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 193-VII «О цифровых активах в Республике Казахстан» [8].

Казахстанский законодатель внедрил в гражданское право строгую дихотомию, расщепив собирательное понятие «цифровой актив» на два юридически изолированных класса. Первый класс — обеспеченные цифровые активы (ОЦА). С позиций цивилистики, ОЦА дефинируется как электронно-цифровое имущество, легитимно зарегистрированное в распределенном реестре, которое удостоверяет абсолютное право требования на классические материальные блага, интеллектуальную собственность или услуги (за исключением фиатных денег и традиционных ценных бумаг). Эмиссия и оборот ОЦА инкорпорированы в общенациональное гражданско-правовое пространство. Эмитенты таких токенов обязаны верифицировать базовый актив, получать разрешения и полностью подчиняться юрисдикционным требованиям законодательства о противодействии легализации незаконных доходов.

Второй класс — необеспеченные цифровые активы (НЦА). В эту номенклатуру попадают классические децентрализованные криптовалюты (Bitcoin, Ethereum и альткоины), меновая ценность которых зиждется исключительно на математическом консенсусе участников сети и рыночном балансе спроса и предложения. Закон № 193-VII устанавливает императивный, не подлежащий расширительному толкованию запрет на использование НЦА в качестве платежного средства и не признает их финансовыми инструментами на суверенной территории РК. Оборот НЦА категорически исключен из внутреннего контура страны.

Однако, избегая радикальных китайских сценариев, законодатель сконструировал правовую «песочницу» — экстерриториальный контур Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), базирующийся на рецепции норм английского общего права. Именно юрисдикция МФЦА стала единственным легальным хабом для институализации криптобирж. Площадки, прошедшие комплаенс и получившие лицензию Комитета МФЦА по регулированию финансовых услуг (AFSA), обрели право проводить торги НЦА. При этом были разработаны уникальные правила пилотной интеграции, позволяющие казахстанским банкам второго уровня открывать фиатные счета криптобиржам МФЦА, образуя тем самым жестко контролируемый шлюз (fiat-gateway) между волатильной криптоиндустрией и консервативным реальным сектором экономики [8].

Системным прорывом стал инновационный подход к цифровому майнингу. Ранее находившийся в правовом полумраке, майнинг был классифицирован как лицензируемая предпринимательская (промышленная) деятельность. Законодатель дифференцировал лицензии на два подвида: для собственников центров обработки данных (провайдеров инфраструктуры) и для непосредственных владельцев вычислительных мощностей. В целях купирования угроз национальной энергетической безопасности внедрены механизмы жесткого квотирования потребления электроэнергии. Более того, закреплена императивная обязанность майнеров реализовывать

квотируемую долю добытых активов (вплоть до 75%) исключительно через лицензированные биржи МФЦА. Эта норма обеспечила синергетический эффект: генерацию налоговых поступлений и прозрачный приток валютной ликвидности.

Угрозы кастодальной архитектуры и защита инвесторов. Фундаментальным драйвером криптоэкономики является механизм кастодального хранения (управления приватными криптографическими ключами). Опираясь на эмпирические исследования европейских авторов (в частности, Д. Зетцше и А. Николакопулу), можно констатировать, что мировая практика пользовательских соглашений (T&C) криптобирж изобилует критической асимметрией в пользу операторов платформ. Биржи массово практикуют хранение клиентской ликвидности на консолидированных омнибус-счетах (*omnibus wallets*), смешивая средства розничных инвесторов с собственным корпоративным капиталом [9]. При наступлении процедуры несостоятельности (коллапса площадки, как в хрестоматийном кейсе FTX), отсутствие ончейн-сегрегации мгновенно лишает пользователей статуса привилегированных, обеспеченных залогом кредиторов. В этом контексте регулятору МФЦА (AFSA) критически необходимо имплементировать жесткие императивы, обязывающие биржевые площадки использовать алгоритмы «холодного хранения» (*cold storage*) и строго разделять активы на криптографическом уровне, заимствуя лучшие стандарты европейского MiCA.

Криминалистические барьеры и нейросетевой комплаенс. Легитимизация криптоиндустрии перманентно продуцирует риск ее эксплуатации в схемах транснациональных предикатных преступлений. Высочайшая скорость транзакций, алгоритмическое микширование (*coin mixers*) и отсутствие персонификации в пространстве DarkNet превращают расследование инцидентов в трудновыполнимую процессуальную задачу. Как отмечают профильные исследователи, органы предварительного следствия сталкиваются с юридическим нонсенсом при попытке наложить секвестр на цифровой актив: физическое изъятие аппаратного флеш-кошелька в ходе обыска абсолютно ничтожно без знания мнемонической фразы (*seed-phrase*) [10]. Выходом из данного процессуального тупика должно стать обязательное внедрение алгоритмов машинного обучения (*Machine Learning*) и искусственного интеллекта (ИИ) в работу подразделений Агентства по финансовому мониторингу РК. Современные нейросетевые кластеризаторы способны анализировать миллионы графов в блокчейне, деанонимизируя подозрительные узлы и связывая виртуальные адреса с цифровыми следами реальных пользователей на этапах конвертации в фиат [11].

Гражданско-правовая судьба смарт-контрактов. В контексте развития обеспеченных цифровых активов обделенным вниманием остается феномен смарт-контрактов. В Гражданском кодексе Республики Казахстан на сегодняшний день зияет правовой вакуум относительно алгоритмически исполняемых сделок. Смарт-контракт, представляющий собой децентрализованно исполняемый программный код, лишен возможности классического судебного расторжения ввиду существенного изменения обстоятельств или непреодолимой силы (*force majeure*), так как запись в блокчейне криптографически необратима [11]. Академическому сообществу предстоит выработать консенсус: следует ли признавать смарт-контракт самостоятельной, инновационной формой сделки (наряду с устной и письменной) или интерпретировать его исключительно как технический способ обеспечения исполнения традиционных обязательств.

Тщательный компаративный и формально-догматический анализ генезиса правового регулирования криптоактивов неопровержимо доказывает, что эпоха регуляторного индифферентизма безвозвратно завершилась. Глобальный опыт репрезентует широкий спектр защитных реакций национальных суверенов на технологические шоки: от выработки гибких прецедентных дефиниций до тотального вытеснения децентрализованных алгоритмов авторитарными цифровыми валютами центральных банков.

В этой парадигме Республика Казахстан сумела сформировать высококонкурентную, сбалансированную и прагматичную модель. Разделив цифровые блага на обеспеченные и необеспеченные, государство локализовало токсичные риски волатильности криптовалют в строго контролируемом экстерриториальном периметре МФЦА, защитив тем самым макроэкономическую стабильность. Принятие профильного Закона в 2023 году позволило провести масштабную декриминализацию и институционализацию сектора майнинга, трансформировав его из хаотичного и энергозатратного промысла в прозрачную отрасль цифровой промышленности с четким налогообложением.

Тем не менее, институциональное строительство нельзя считать окончательно завершенным. Вектор дальнейшей догматической эволюции должен быть бескомпромиссно направлен на ликвидацию лакун в механизмах кастодального хранения, легитимизацию природы смарт-контрактов

в базовом гражданском законодательстве и глубокую модернизацию уголовно-процессуальных норм. Только синергия прогрессивного материального права и передовых ИИ-технологий финансового мониторинга обеспечит устойчивую, безопасную интеграцию Республики Казахстан в авангард глобальной цифровой экономики.

Список использованных источников:

1. Перетолчин, А.П. Генезис и перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации. 2023 г. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс] – режим доступа: [https:// Journal of Digital Technologies and Law, 1\(3\), 752–774.https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.33](https://Journal of Digital Technologies and Law, 1(3), 752–774.https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.33) (дата обращения: 25.03.2026).
2. Lee, L. Examining the Legal Status of Digital Assets as Property: A Comparative Analysis of Jurisdictional Approaches. 2024 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://arxiv.org/pdf/2406.15391> (дата обращения: 28.03.2026).
3. Павлюк, А.В., Айбазов, П. И., Дубасов, М. В. Перспективы правового регулирования деятельности по майнингу криптовалют в Российской Федерации с учетом международного опыта. Юридическая наука и практика, 2023 г. (3), 15–28.
4. UK Jurisdiction Taskforce. Legal Statement on Cryptoassets and Smart Contracts. The LawTech Delivery Panel. 2019 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://technation.io/wpcontent/uploads/2019/11/6.6056_JO_Cryptocurrencies_Statement_FINAL_WEB_11119-1.pdf (дата обращения: 27.03.2026).
5. Боброва, О.Г., Горлов, К. В. Правовое регулирование отдельных видов цифровых активов в странах мира. Экономика. Право. Инновации, 2020 г. (3), 37–42.
6. European Parliament and Council. Regulation (EU) 2023/1114 on Markets in Crypto-Assets. Official Journal of the European Union. 2023 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng> (дата обращения: 27.03.2026).
7. Xu, C., Jin, B. Digital Currency in China: Pilot Implementations, Legal Challenges, and Prospects. 2nd edition of the International Conference on Fintech Law, 2022 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hal.science/hal05048221v1/file/Digital%20Currency%20in%20China%20Pilot%20implementation%2C%20Legal%20Challenges%20and%20Prospects%2C.pdf> (дата обращения: 27.03.2026).
8. Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 193-VII «О цифровых активах в Республике Казахстан». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193/z23_193.htm (дата обращения: 29.03.2026).
9. Zetzsche, D., & Nikolakopoulou, A. (2025). Crypto Custody: An Empirical Assessment. Journal of Financial Regulation, 2025 г. 11(1), 73–97. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jfr/fjaf004> (дата обращения: 29.03.2026).
10. Рясков, А.А. Проблемные аспекты расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты. Human Progress, 2024 г. 10(11), 35. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://DOI: 10.46320/2073-4506-2024-11a-38>. (дата обращения: 28.03.2026).
11. Маханов, Т. Ғ., Мұқатаев, Т. М. Криптовалютаны қолдану арқылы жасалатын қылмыстарға қарсы іс-қимылдағы жасанды интеллекттің рөлі. В Материалы Международной конференции «Искусственный интеллект и большие данные (Big Data) в судебной и правоохранительной системе» 2023 г. (сс. 261–266).

УДК 4414

Шрахметова Гульмира Тлеугалиевна,
докторант Академии управления МВД РК, м.ю.н.,
г. Астана, Республика Казахстан

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОМУ НАСИЛИЮ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты применения виктимологического подхода в сфере противодействия семейно-бытовому насилию. Особое внимание уделяется анализу современного состояния научных исследований в данной области и выявлению ключевых тенденций развития виктимологической теории. Автором обоснована актуальность изучения виктимизации женщин как одной из наиболее уязвимых социальных групп. Выявляются институциональные и методологические проблемы, существующие в системе правовой и социальной защиты жертв насилия. Подчеркивается необходимость комплексного междисциплинарного подхода, объединяющего правовые, социологические и психологические методы исследования. В работе предлагаются направления совершенствования государственной политики и законодательства в сфере предупреждения насилия. Особое значение придается развитию правоприменительной практики с учетом индивидуальных и социальных характеристик жертв. Сделан вывод о необходимости усиления виктимологической составляющей в системе профилактики семейно-бытового насилия.

Ключевые слова: виктимология, семейно-бытовое насилие, виктимизация, виктимное поведение, профилактика насилия, социально-правовая защита, вторичная виктимизация, межведомственное взаимодействие.

Аннотация. Бұл мақалада тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күресте виктимологиялық тәсілді қолданудың теориялық және қолданбалы аспектілері қарастырылады. Осы саладағы ғылыми зерттеулердің қазіргі жағдайын талдауға және виктимологиялық теорияның дамуындағы негізгі үрдістерді анықтауға ерекше назар аударылады. Автор әйелдердің ең осал әлеуметтік топтардың бірі ретінде виктимизациялануын зерттеудің өзектілігін негіздейді. Зорлық-зомбылық құрбандарын құқықтық және әлеуметтік қорғау жүйесіндегі институционалдық және әдіснамалық мәселелер анықталған. Заңдық, әлеуметтанулық және психологиялық зерттеу әдістерін біріктіретін кешенді пәнаралық тәсілдің қажеттілігі атап өтілген. Мақалада зорлық-зомбылықтың алдын алу саласындағы мемлекеттік саясат пен заңнаманы жетілдіру бағыттары ұсынылған. Жәбірленушілердің жеке және әлеуметтік ерекшеліктерін ескере отырып, құқық қорғау тәжірибесін дамытуға ерекше мән берілген. Тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу жүйесінде виктимологиялық компонентті күшейту қажеттілігі туралы қорытынды жасалған.

Түйінді сөздер: виктимология, тұрмыстық зорлық-зомбылық, виктимизация, жәбірленушінің мінез-құлқы, зорлық-зомбылықтың алдын алу, әлеуметтік және құқықтық қорғау, қайталама виктимизация, ведомствоаралық ынтымақтастық.

Abstract. This article examines the theoretical and applied aspects of applying the victimological approach to combating domestic violence. Particular attention is paid to analyzing the current state of scientific research in this area and identifying key trends in the development of victimological theory. The author substantiates the relevance of studying the victimization of women as one of the most vulnerable social groups. Institutional and methodological problems in the system of legal and social protection for victims of violence are identified. The need for a comprehensive interdisciplinary approach combining legal, sociological, and psychological research methods is emphasized. The paper proposes areas for improving public policy and legislation in the field of violence prevention. Particular importance is attached to the development of law enforcement practices taking into account the individual and social characteristics of victims. A conclusion is drawn regarding the need to strengthen the victimological component in the system of domestic violence prevention.

Keywords: victimology, domestic violence, victimization, victim behavior, violence prevention, social and legal protection, secondary victimization, interdepartmental cooperation.

Проблема семейно-бытового насилия остается одной из наиболее острых и социально значимых для современного общества [6; 8]. Несмотря на наличие международных договоров, национальных законов и программ, направленных на предупреждение насилия в семье, его уровень остается стабильно высоким, особенно в отношении женщин, детей и иных уязвимых категорий граждан [15].

Традиционно в правоприменительной и профилактической практике акцент делается преимущественно на личности правонарушителя [11]. При этом виктимологический компонент - личность жертвы, ее поведенческие и психологические особенности, а также факторы, повышающие риск виктимизации - нередко остаются вне поля внимания специалистов [9; 10]. Между тем именно

системный виктимологический анализ позволяет глубже понять механизмы возникновения насильственных отношений, а также повысить эффективность мер защиты и реабилитации пострадавших [13].

Теоретико-методологические основы исследования. Виктимология - это научная дисциплина, изучающая личность жертвы преступления, закономерности ее взаимодействия с правонарушителем и систему факторов, способствующих виктимизации [9; 18]. С позиции виктимологического подхода, семейно-бытовое насилие рассматривается не только как преступление против личности, но и как результат сложного социально-психологического взаимодействия между участниками семейных отношений [12; 13].

Исследование опирается на междисциплинарную методологию, объединяющую достижения криминологии, социологии, психологии и права [11]. Используются методы анализа и синтеза научных источников, сравнительно-правовой анализ, социологические методы (анкетирование и интервьюирование жертв и специалистов), кейс-анализ конкретных ситуаций насилия, а также контент-анализ судебных решений и статистических данных [14].

Степень научной разработанности проблемы. Несмотря на активное развитие виктимологии во второй половине XX века, ее интеграция в систему противодействия семейно-бытовому насилию остается недостаточной [10]. В научных трудах отечественных и зарубежных исследователей виктимологическая проблематика представлена фрагментарно: преимущественно изучаются психологические аспекты жертвенного поведения или правовые механизмы защиты, при этом отсутствует целостная концепция, объединяющая эти направления в единую систему профилактики и реагирования.

Современные исследования свидетельствуют о необходимости усиления межведомственного взаимодействия, а также о дефиците виктимологических знаний у специалистов органов внутренних дел, социальных служб и судебных органов [17]. Все это обуславливает научную и практическую значимость разработки системного виктимологического подхода.

Целью исследования является теоретическое обоснование и практическое внедрение виктимологического подхода как эффективного направления в системе противодействия семейно-бытовому насилию.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Проанализировать современные научные концепции, посвященные виктимизации и семейно-бытовому насилию.
2. Определить типологию жертв семейного насилия и выявить факторы, способствующие их виктимизации.
3. Исследовать механизмы первичной и вторичной виктимизации.
4. Определить институциональные и организационные дефициты системы защиты жертв.
5. Провести социологический анализ информированности населения и специалистов о виктимологических аспектах насилия.
6. Разработать предложения по совершенствованию государственной политики и законодательства в контексте виктимологического подхода.
7. Обосновать роль межведомственного взаимодействия государственных и негосударственных структур в предупреждении повторной виктимизации.

Новизна исследования заключается в разработке теоретико-методологических основ применения виктимологического подхода в сфере семейно-бытового насилия [18].

Впервые предложены:

- уточненная классификация жертв семейно-бытового насилия с учетом их психологических и социальных характеристик;
- описание моделей виктимного поведения в семейных конфликтах;
- система критериев оценки риска виктимизации;
- анализ факторов вторичной виктимизации, возникающих в процессе взаимодействия жертвы с институтами правопорядка;
- концепция межведомственного взаимодействия субъектов профилактики и защиты.

Обсуждение и результаты. Проведенный анализ показал, что эффективность борьбы с семейно-бытовым насилием напрямую зависит от учета виктимологических характеристик жертв [16]. Необходим переход от реактивной модели (наказание агрессора) к проактивной (предупреждение виктимизации) [7].

Проведенный анализ показал, что эффективность борьбы с семейно-бытовым насилием напрямую зависит от учета виктимологических характеристик жертв [16]. Необходим переход от реактивной модели (наказание агрессора) к проактивной (предупреждение виктимизации) [7].

В целях подтверждения теоретических выводов в рамках исследования был проведен социологический анализ уровня виктимологической осведомленности населения, результаты которого позволили выявить ряд значимых тенденций.

Прежде всего, исследование показало неоднозначность понимания базовой категории виктимологии — «виктимное поведение». Так, 35,8% респондентов затруднились дать определение данному понятию, 35% продемонстрировали корректное понимание, определяя его как поведение, повышающее риск стать жертвой, в то время как 24,5% ошибочно связывают его исключительно с фактом уже пережитого насилия.

Полученные данные свидетельствуют о недостаточном уровне концептуального понимания виктимологических категорий в обществе. Фактически около 60% респондентов либо не владеют данным понятием, либо интерпретируют его некорректно, что подтверждает необходимость развития виктимологического просвещения и формирования научно обоснованного информационного поля, исключающего явления виктимблейминга.

Анализ уровня информированности населения о проблеме семейно-бытового насилия показал, что 47,3% респондентов считают общество в достаточной степени информированным, 34,1% оценивают уровень информированности как частичный, тогда как 11,6% указывают на его недостаточность.

Данные результаты демонстрируют, что, несмотря на наличие определенного уровня осведомленности, значительная часть населения фиксирует пробелы в понимании проблемы. Это обуславливает необходимость повышения качества информационного контента, а также усиления роли социальных служб и неправительственных организаций в распространении знаний о механизмах защиты жертв [6].

Отдельного внимания заслуживает уровень осведомленности о службах помощи жертвам насилия. Большинство респондентов (74,9%) указали, что знают о существовании конкретных служб, 15,2% отметили частичную осведомленность, а 9,9% полностью не владеют данной информацией.

При этом основным источником получения информации выступают средства массовой информации и интернет (45,1%), на втором месте — правоохранительные органы и социальные службы (33,4%), тогда как образовательные учреждения играют минимальную роль (9,1%).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о доминирующей роли медиасреды в формировании правовой информированности населения, при одновременном недоиспользовании потенциала образовательных институтов, что требует пересмотра подходов к профилактической работе и внедрения виктимологических знаний в образовательные программы.

Анализ личного опыта столкновения с семейно-бытовым насилием показал, что 74,4% респондентов не сталкивались с данным явлением, 13% указали на наличие случаев в ближайшем окружении, 8,8% сообщили о личном опыте, а 3,8% отказались от ответа.

Таким образом, совокупная доля лиц, прямо или косвенно сталкивавшихся с насилием, составляет около 26%, что свидетельствует о значительном уровне латентности рассматриваемой проблемы. При этом наличие категории респондентов, уклоняющихся от ответа, дополнительно указывает на высокую социальную чувствительность темы и возможное занижение реальных показателей.

Ключевыми направлениями повышения эффективности системы защиты жертв являются:

- формирование у специалистов навыков виктимологической оценки ситуации [7];
- внедрение обучающих программ для сотрудников полиции, социальных и судебных работников [6];
- разработка алгоритмов раннего выявления факторов виктимизации [20];
- совершенствование правовых механизмов межведомственного обмена информацией [17].

Особое внимание должно быть уделено профилактике вторичной виктимизации, возникающей в результате неэтичного обращения с жертвой со стороны государственных институтов [13]. Этические стандарты допроса, консультирования и сопровождения пострадавших должны стать обязательной частью профессиональной подготовки специалистов.

Ключевыми направлениями повышения эффективности системы защиты жертв являются:

- формирование у специалистов навыков виктимологической оценки ситуации [7];
- внедрение обучающих программ для сотрудников полиции, социальных и судебных работников [6].;

- разработка алгоритмов раннего выявления факторов виктимизации [20];
- совершенствование правовых механизмов межведомственного обмена информацией [17].

Особое внимание должно быть уделено профилактике вторичной виктимизации, возникающей в результате неэтичного обращения с жертвой со стороны государственных институтов [13]. Этические стандарты допроса, консультирования и сопровождения пострадавших должны стать обязательной частью профессиональной подготовки специалистов.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии понятийного аппарата виктимологии и уточнении механизмов виктимизации личности в условиях семейных конфликтов [9].

Практическая значимость - в возможности применения полученных результатов:

- при разработке программ профилактики и ресоциализации жертв [7];
- в деятельности органов власти и правоохранительных структур;
- в образовательных программах по подготовке специалистов социальной и юридической сферы [1;2; 3];
- при совершенствовании законодательства о защите прав жертв насилия [11].

Виктимологический подход к проблеме семейно-бытового насилия позволяет рассматривать ее в единстве правовых, психологических и социальных факторов [13]. Его внедрение в практику предупреждения и реагирования на насилие способствует повышению эффективности мер защиты, снижению риска повторной виктимизации и укреплению системы правовой и социальной поддержки пострадавших [6].

Таким образом, развитие виктимологического направления является важным стратегическим направлением государственной политики по обеспечению прав человека и укреплению института семьи.

Список ключевых понятий:

1. Виктимология - наука о жертве преступления и закономерностях ее виктимизации.
2. Семейно-бытовое насилие - противоправные действия в пределах семьи, включающие физическое, психологическое, сексуальное и экономическое насилие.
3. Виктимное поведение - тип поведения, повышающий вероятность стать жертвой.
4. Вторичная виктимизация - повторное травмирование жертвы вследствие негативных реакций общества или системы.
5. Межведомственное взаимодействие - согласованная деятельность органов и НПО в сфере защиты жертв.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан. - Астана, 2023. Конституция была принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. // [Электронный ресурс] - Режим распространения: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (дата обращения: 04.01.2026).
2. Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 04.12.2009 г. [Электронный ресурс] - Режим распространения: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214> (дата обращения: 04.01.2026).
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан. - Астана, 2025. // [Электронный ресурс] - Режим распространения: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214> (дата обращения: 04.01.2026).
4. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях. - Астана, 2025. // [Электронный ресурс] - Режим распространения: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214> (дата обращения: 04.01.2026).
5. Стамбульская конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. - 2011.
6. UN Women. Global Guidance on Addressing Domestic Violence. - New York, 2020.
7. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Handbook on Effective Police Responses to Violence Against Women. - Vienna, 2019.
8. World Health Organization. Violence Against Women: Prevalence Estimates 2018. - Geneva, 2021.
9. Шестаков Д.А. Виктимология. - Санкт-Петербург: Юридический центр, 2019.
10. Кудрявцев В.Н. Проблемы виктимологии. - Москва: Наука, 2017.
11. Гилянский Я.И. Криминология: Учебник. - СПб: Питер, 2020.
12. Барри С., Хикс Э. Domestic Violence and Criminal Justice. - London: Routledge, 2018.
13. Walklate S. Victimology: The Victim and the Criminal Justice Process. - London: Routledge, 2021.

14. Добряков И.В. Виктимологические аспекты семейного насилия // Журнал социологии и права. - 2022. - №3. - С. 45-59.
15. Абдрахманова Г.М. Семейно-бытовое насилие в Казахстане: правовые и социальные аспекты // Вестник КазНУ. - 2023. - №2. - С. 116-128.
16. Елубаева Ж.Т. Виктимизация женщин в условиях семейных конфликтов // Право и государство. - 2021. - №4. - С. 72-80.
17. Назарова А. Межведомственное взаимодействие субъектов профилактики насилия в семье // Социальная политика и право. - 2022. - №1. - С. 56-65.
18. Fattah E.A. Theoretical Foundations of Victimology. - New York: Springer, 2020.
19. Jackson N., Fawcett B. Policing Domestic Abuse: Risk, Policy and Practice. - London: Palgrave, 2018.
20. Campbell J. Danger Assessment: A Tool for Identifying Domestic Violence Risk // Journal of Interpersonal Violence. - 2020. - Vol. 35(15). - P. 3148-3166.

УДК 343.97

Шукурова Гиджран Рауфкызы,
Аспирант Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

КРИМИНОЛОГО-ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблематики профилактики преступности несовершеннолетних мигрантов в условиях интенсификации миграционных процессов и трансформации современного многополярного мироустройства. Исследуются ключевые детерминанты криминализации несовершеннолетних мигрантов в Российской Федерации, рассматриваются действующие отечественные механизмы профилактического воздействия, а также зарубежные подходы к предупреждению преступности и обеспечению социальной адаптации мигрантской молодежи. В результате исследования обосновывается вывод о наличии кризисных тенденций в российской системе профилактики, характеризующейся преобладанием репрессивно-карательных мер, ориентированных преимущественно на устранение последствий преступности, а не её причин. Подчеркивается необходимость формирования комплексного превентивного подхода и адаптации эффективных зарубежных практик с учетом российских правовых и правоприменительных особенностей.

Ключевые слова: несовершеннолетние мигранты, мигрантская преступность, преступность несовершеннолетних мигрантов, детерминанты преступности, профилактика преступности.

Аннотация. Мақала көші-қон үдерістерінің қарқын алуы және қазіргі көпполярлы әлемдік тәртіптің трансформациясы жағдайындағы кәмелетке толмаған мигранттар қылмыстылығының алдын алу мәселелерін талдауға арналған. Зерттеуде Ресей Федерациясындағы кәмелетке толмаған мигранттардың криминалдануының негізгі детерминанттары қарастырылып, профилактикалық ықпал етудің қолданыстағы отандық тетіктері, сондай-ақ мигрант жастардың қылмыстылығының алдын алу және әлеуметтік бейімделуін қамтамасыз етуге бағытталған шетелдік тәсілдер зерттеледі. Зерттеу нәтижесінде ресейлік профилактика жүйесінде қылмыстылықтың себептерін емес, салдарын жоюға бағытталған репрессивтік-жазалау шараларының басымдығымен сипатталатын дағдарыстық үрдістердің бар екендігі туралы қорытынды негізделеді. Ресейдің құқықтық және құқық қолдану ерекшеліктерін ескере отырып, тиімді шетелдік тәжірибелерді бейімдеу және кешенді превентивтік тәсілді қалыптастыру қажеттілігі атап өтіледі.

Түйінді сөздер: кәмелетке толмаған мигранттар; мигранттар қылмысы; кәмелетке толмаған мигранттар қылмысы; қылмыстың детерминанттары; қылмыстың алдын алу.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems related to the prevention of juvenile migrant delinquency in the context of intensified migration processes and the transformation of the contemporary multipolar world order. The study examines the key determinants of the criminalization of juvenile migrants in the Russian Federation, analyzes the existing domestic mechanisms of preventive intervention, and explores foreign approaches to crime prevention and the social adaptation of migrant youth. As a result of the study, the author substantiates the conclusion that the Russian system of prevention is experiencing crisis tendencies characterized by the predominance of repressive and punitive measures aimed primarily at eliminating the consequences rather than the causes of delinquency. The necessity of developing a comprehensive preventive approach and adapting effective foreign practices with due regard to Russian legal and law enforcement specificities is emphasized.

Keywords: underage migrants, migrant crime, juvenile delinquency, determinants of crime, crime prevention.

На сегодняшний день современный мир испытывает поистине глобальную проблему фактически нерегулируемой миграции вопреки принимаемым административным мерам сдерживания и распределения миграционных потоков, а также адаптации мигрантов под социально-культурные, экономические, политические и иные особенности в стране пребывания.

И ведь действительно, с одной стороны, создание административно-правовых условий для равного доступа иностранных граждан в другие страны, в том числе для осуществления в них трудовой или хозяйственной деятельности, для семейной ассимиляции, осуществления научной, образовательной или иной деятельности, создаёт благоприятные основания для обмена межгосударственным положительным опытом, является ключом для восполнения дефицита рабочих кадров, в том числе для получения новых высококвалифицированных кадров в наиболее сложных сферах и областях экономики.

С другой стороны, в условиях глобализации отношений и формирования многополярного мира соответствующие миграционные процессы становятся всё более масштабными, многообразными и сложными по своей сущностной природе. В частности, меняется средний срок пребывания трудовых

мигрантов в России и в мире в целом, изменяется модель экономического поведения трудовых мигрантов, а также изменяется характер миграции. И если прежде трудовые мигранты приезжали, как правило, в страну трудовой или иной деятельности единолично, то на сегодняшний день всё чаще можно встретить явление, связанной с переездом наряду с трудовым мигрантом его членов семьи (жены, детей и даже пожилых родителей).

Как показывают многочисленные эмпирические данные по России, более половины членов семей мигрантов, в том числе и дети, не спешат ассимилироваться в российское общество. Они не учат русский язык, не изучают особенности многонациональной российской культуры, не развивают свои знания в области права и правопорядка, не перенимают опыт и модели общественного поведения [1]. Более того, как отмечают эксперты, в России имеется специфическая проблема, связанная с так называемым феноменом диаспор в структуре отношений по ассимиляции и интеграции мигрантов. Автор С. Билич отмечает, что диаспоры, как общины мигрантов в другой стране, которые по идее должны содействовать социально-культурной адаптации и правовой помощи своих сограждан, фактически препятствуют этим процессам, выбирая приоритетную модель закрытых социальных отношений в кругу сограждан [2].

В конечном итоге складывается следующая ситуация: пребывая на территорию России, около 80% детей мигрантов не обучаются в образовательных и дошкольных учреждениях Российской Федерации [3]; дети не получают должного процесса воспитания и образования от своих родителей (в связи с трудовой занятостью последних) и большая часть из детей мигрантов вынуждена самоорганизовывать досуг среди таких же несовершеннолетних мигрантов; учитывая то, что дети мигрантов, как и их родители, придерживаются модели дезинтегрированного социального взаимодействия преимущественно в структуре диаспор и иных мигрантских общин, у детей мало того что не происходит социальной адаптации и интеграции, так и более того осуществляется искажение объективных представлений о культуре, социальных связях, праве и правосознании в рамках российского общества [4, с. 128].

Указанные обстоятельства, как следует из множества криминологических исследований, а также заключений должностных лиц СК РФ и МВД РФ, являются факторами, детерминирующими преступность среди несовершеннолетних мигрантов. Это и нежелание мириться с правопорядком и нетипичными общественными устоями, и следование несовершеннолетних противоправному (в том числе криминальному) опыту своих родителей или других членов диаспоры, и слабый уровень образованности детей мигрантов, и неосознание всей ответственности за совершаемые деяния в российской правовой и правоприменительной действительности, и банально социальные конфликты с участием несовершеннолетних мигрантов, возникающие на фоне языкового и иного культурного барьера [5, с. 54; 6].

Встаёт закономерный вопрос о профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними мигрантами в условиях глобализации отношений и построения многополярного мира. На сегодняшний день отечественная практика профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними мигрантами, строится скорее на постактивном подходе, предусматривающим применение мер административного, в том числе правоохранительного реагирования уже по факту случившегося преступления или совершённого административного правонарушения, которое может свидетельствовать о дальнейшей возможности криминализации несовершеннолетнего мигранта.

В основном такие меры профилактики носят рекомендательный характер и предполагают своевременное реагирование педагогов и иных сотрудников образовательных учреждений на асоциальное, противоправное и иное типичное поведение, свойственное для криминализировавшихся подростков, детей и юношей мигрантов [7]. Однако, как и было отмечено ранее, около 80 всех несовершеннолетних мигрантов, пребывающих на территории России, фактически не обучаются в образовательных учреждениях, что ставит под сомнение возможность реагирования конкретно педагогическими работниками или психологами образовательных учреждений банально из-за неподконтрольности им поведения детей мигрантов.

В связи с этим, как справедливо отмечают исследователи А.А. Базулина, О.М. Дорошенко и Г.М. Семененко, наиболее действенным способом профилактики преступлений несовершеннолетних мигрантов остаётся работа подразделений органов внутренних дел России по делам несовершеннолетних, которые нацелены на выявление групп риска, склонных к совершению преступлений, а также последующую просветительскую и иную работу, направленную на минимизацию факторов и условий, способствующих криминализации несовершеннолетнего мигранта.

Однако, авторы справедливо отмечают, что на сегодняшний день данные подразделения в силу существующих правовых неопределённостей статуса органа и полномочий сотрудников по делам

несовершеннолетних, имеют формальные барьеры по взаимодействию с детьми мигрантов и их семьями. В частности, они пишут: «...на практике сотрудникам ПДН приходится решать вопросы, которые не входят в круг их компетенций, что связано с тесной работой с семьями мигрантов. Так, перед такими семьями остро стоят социальные и экономические вопросы, которыми и обусловлено девиантное поведение ребенка. И для того, чтобы скорректировать поведение ребенка, необходимо решить проблемы, которыми занимается государство, а не отдельно взятый инспектор ПДН» [8, с. 250].

Учитывая слабую эффективность профилактических мер в отечественной практике, в последние годы государство взяло курс на усиление административно-миграционных аспектов, которые призваны обеспечить превенцию противоправного поведения детей мигрантов. В частности, с 2026 года начнёт действовать нормативное положение, согласно которому родители несовершеннолетних мигрантов, совершивших преступления, могут быть депортированы из страны. Приказ МВД, в котором содержатся нововведения, предусматривает, что если ребёнок признан нежелательным для пребывания в РФ, такой же административно-правовой статус получают и его законные представители. Соответствующее нормативное решение опять же связано с ростом числа преступлений, совершаемых детьми мигрантов, в том числе тяжких и особо тяжких [9], и предполагает, что дети мигрантов будут более ответственно подходить к общественной интеграции и правовому просвещению своих детей, их воспитанию и контролю за ними для недопущения среди них противоправной, в том числе преступной деятельности.

Учитывая то, что для многих зарубежных стран Европейского Союза и Запада в целом проблема преступности среди мигрантов, в том числе такой несовершеннолетней преступности детей мигрантов, является фундаментальной уже несколько десятилетий, то, как следствие, представляется необходимым, в частности, обратиться и к зарубежным подходам в профилактике соответствующего вида преступности.

Так, опыт Германии, Испании, Канады и Великобритании ориентирован на проактивное профилактическое воздействие путём создания благоприятных условий для реализации детьми мигрантами образовательных прав, таких прав на досуг и всестороннее развитие. Можно заметить, что в этих странах, в сравнении с Россией, делается большой акцент на развитие сетей образовательных организаций, в которых образовательные программы адаптированы под нужды интеграции детей мигрантов в социум и устранение существующих культурных барьеров. Это и специализированные дошкольное и школьные заведения образования, и учреждения спорта и физической культуры, и специальные учреждения, предоставляющие внеобразовательные услуги по обучению языку за счёт государственного бюджета [10; 11, с. 120].

В Нидерландах также прослеживается проактивный подход, предполагающий взаимодействие государственных структур и общественных объединений, а также некоммерческих негосударственных организаций, системно осуществляющих деятельность по организации в поселениях, где отмечается наибольшее сосредоточение мигрантов, специальных пунктов поддержки мигрантов и членов их семей, которые вовлекают детей, подростков и юношей мигрантов в процесс менторства (наставничества), оказывают им репетиторские услуги, обеспечивают в их интересах профориентацию, а также несомненно ведут непрерывный мониторинг за поведением несовершеннолетних мигрантов для своевременного выявления криминогенных факторов [12].

Обобщённо исследования и зарубежные отчёты показывают, что проактивные и системные меры профилактики преступлений несовершеннолетних мигрантов, которые реализуются в ранее отмеченных странах, снижают в зависимости от отдельно взятой страны число преступных актов среди исследуемой категории субъектов от 10% (в Нидерландах) до целых 30% (в Германии).

Не стоит идеализировать зарубежные подходы, поскольку и они не лишены некоторых недостатков, в том числе связанных с чрезмерно мягким уголовно-правовым подходом этих стран к применению мер ответственности к несовершеннолетним, однако, как нам кажется, вышеотмеченные адаптационные программы, всё же, являются крайне эффективными и позволяют бороться с детерминантами и факторами рисков совершения преступлений, а не с последствиями, как это в большей мере свойственно для отечественной практики.

Таким образом, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день российская система профилактики преступлений несовершеннолетних мигрантов испытывает кризис. Сама проблема мигрантской преступности лишь начинает назревать и постепенно достигает своего пика, из-за чего власти предпринимают регуляторные меры по противодействию преступности несовершеннолетних мигрантов, однако в большинстве своём они носят карательный характер и борются не с причиной, а с последствием. Как нам кажется, рецепция выше озвученных зарубежных подходов с учётом адаптации

под российские правовые и правоприменительные реалии может оказать позитивное влияние на превенцию преступного поведения несовершеннолетних мигрантов.

Список использованных источников:

1. Соколов А. Проблема насилия детей мигрантов в школах РФ становится все острее // Информационно - аналитическое издание Фонда «Исторической перспективы», 2024. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/obschestvo/ih_nevozmozhno_assimilirovat_625.htm (дата обращения: 14.12.2025).
2. Белич С. Дилемма мигранта: ассимилироваться нельзя обособиться // Экономика для всех, 2023. // [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://guru.nes.ru/actual/dilemma-migranta-assimilirovatsya-nelzya-obosobitsya.html> (дата обращения: 14.12.2025).
3. Рособрандзор раскрыл, сколько детей мигрантов смогли поступить в школы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6921345d9a794731dd21247f> (дата обращения: 14.12.2025).
4. Ананьина Д.А., Терентьева А.В., Цзян Д. Адаптация детей-мигрантов в условиях инокультурной среды: социально-философский анализ // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 122-130.
5. Фабрика Т.А., Шергина Е.С., Преступность несовершеннолетних, её уровень, структура, динамика // Вестник магистратуры. 2025. № 3-2 (162). С. 52-55.
6. Бастрыкин: Преступность подростков-мигрантов вызывает серьезное беспокойство. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/23594185> (дата обращения: 15.12.2025).
7. Дети мигрантов больше не смогут насиловать русских: школам дали новые права. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.ru/society/deti-migrantov-bolshe-ne-smogut-nasilovat-russkih-shkolam-dali-novye-prava> (дата обращения: 15.12.2025).
8. Базулина А.А., Дорошенко О.М., Семененко Г.М. комплексный подход в решении социальных и образовательных проблем детей из семей мигрантов // Вестник экономической безопасности. 2024. №3. С. 247-253.
9. Родителей несовершеннолетних мигрантов-нарушителей накажут депортацией. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/roditeley-nesovershennoletnikh-migrantov-narushiteley-nakazhut-deportaciyey.html> (дата обращения: 16.12.2025).
10. Specific action dedicated to newly-arrived migrants. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/sport-migrant-integration-directory/premece> (дата обращения: 16.12.2025).
11. Youth policies in germany: youth wiki national description, 2020. 412 p.
12. Preventing youth crime that undermines society. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.government.nl/topics/crime-that-undermines-society/preventing-youth-crime-that-undermines-society> (дата обращения: 16.12.2025).

**ҰЛТТЫҚ ДАМУДЫҢ НЕГІЗГІ МІНДЕТТЕРІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДЕГІ ЗАМАНАУИ
АЗАМАТТЫҚ, ӘКІМШІЛІК ЖӘНЕ АҚПАРАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҢ РӨЛІ**

**РОЛЬ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ
НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

**THE ROLE OF MODERN CIVIL, ADMINISTRATIVE AND INFORMATION LAW IN
ENSURING THE MAIN OBJECTIVES OF NATIONAL DEVELOPMENT**

УДК 347.1

Батраханов Арман Аблайханович,
 Научный сотрудник Института законодательства и
 правовой информации Республики Казахстан,
 г. Астана, Республика Казахстан

ЗНАЧЕНИЕ ПРИЮДИЦИАЛЬНЫХ ФАКТОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ ПО ВОЗВРАТУ НЕЗАКОННО ПРИВАТИЗИРОВАННЫХ АКТИВОВ

Аннотация. Настоящая статья посвящена раскрытию такого теоретико-правового института, как рассмотрение споров по возврату незаконно приватизированных активов. В данной работе гносеологический интерес вызывает применение институтов цивилистического процесса в деятельности по возвращению незаконно приватизированных активов. Дается оценка эффективности процессуальных механизмов для достижения поставленных целей и задач. В статье анализируются и раскрываются такие теоретические понятия, как иски в защиту неопределенного круга лиц, на примере заявленного спора. Эволюция социальных процессов в Казахстане подталкивает законодателя, правоприменителя и научное сообщество к осмыслению новых подходов к правовому регулированию общественных отношений. При исследовании данной проблематики автор обращается к зарубежному законодательству и доктрине. Новизна обусловлена детальным исследованием отдельных процессуальных аспектов рассмотрения деприватизационных исков.

Ключевые слова: деприватизация; иск; особенности категории дел; соотчетчики.

Аннотация. Бұл мақала заңсыз жекешелендірілген мүлікті қайтару жөніндегі сынды дауларды қарастыру теориялық және құқықтық институтты ашуға арналған. Осы жұмыста заңсыз жекешелендірілген мүлікті қайтаруда азаматтық құқық институттарын қолдану гносеологиялық қызығушылықты тудырады. Қойылған мақсаттар мен міндеттерге жетудегі процессуалды механизмдердің тиімділігі бағаланады. Мақалада көрсетілген дау мысалында белгісіз тұлғалар тобын қорғау мақсатындағы талап сияқты теориялық ұғымдар талданып, түсіндіріледі. Қазақстандағы әлеуметтік процестердің дамуы заң шығарушыларды, құқық қорғау органдарын және ғылыми қауымдастықты әлеуметтік қатынастарды құқықтық реттеудің жаңа тәсілдерін қарастыруға итермелеуде. Осы мәселені зерттеу барысында автор шетелдік заңнама мен доктринаға жүгінеді. Зерттеудің жаңалығы – деприватизация талаптарын қарастырудың нақты рәсімдік аспектілерін егжей-тегжейлі талдауында.

Түйінді сөздер: жекешелендіру; талап қою; істер санатының ерекшеліктері; жауапкерлер.

Abstract. This article is devoted to the disclosure of such a theoretical and legal institution as the consideration of disputes over the return of illegally privatized assets. In this work, the application of civil law institutions in the process of returning illegally privatized assets is of epistemological interest. An assessment is given of the effectiveness of procedural mechanisms for achieving the set goals and objectives. The article analyzes and explains such theoretical concepts as claims in defense of an indefinite group of persons, using the example of the stated dispute. The evolution of social processes in Kazakhstan is prompting legislators, law enforcement officials, and the scientific community to consider new approaches to the legal regulation of social relations. In researching this issue, the author refers to foreign legislation and doctrine. The novelty is due to a detailed study of certain procedural aspects of the consideration of deprivatization claims.

Keywords: deprivatization; lawsuit; specific features of the category of cases; co-defendants.

Право как социальный регулятор должно отвечать социальным запросам при регулировании общественных отношений. Это проявляется, например, в тенденции социализации правосудия, которую отмечают мировые специалисты по гражданскому процессу [1, с. 14]. Тенденция социализации правовых институтов и механизмов позволяет им оправдывать ожидания заинтересованных субъектов. Это, в свою очередь, позволит повысить уровень политической и экономической стабильности в стране. Процесс последнего десятилетия отчётливо показывает, что процессуальный облик правосудия в Казахстане активно подвергается изменению. Конечно, нельзя категорично утверждать о том, что через несколько десятилетий правовой облик страны будет неузнаваемым. Однако, как показывает опыт, законодательство, практика, а также доктрина не всегда оказываются готовы к тем вызовам, которые несет время. Профессор Н.А.Шайкенов считал, что «главное – построить правосудие, адекватное рыночной экономике» [2, с. 97]. Профессор М. Cappelletti, говоря о принципе доступности также высказал мнение, согласно которому она отражает эффективность правового, организационного и экономического механизмов правосудия и обеспечивает его на всех стадиях [3, с. 181]. Рассмотрение и разрешение отдельных категорий споров, создание дополнительных правил к исковому производству традиционно обусловлено сложным содержанием того или иного материально-правового правоотношения. Именно материально-правовые

обстоятельства выступают предпосылками для создания обособленных процессуальных механизмов для осуществления правосудия. Для доктрины интерес представляет, всестороннее изучение вопроса рассмотрения конкретного спора.

Данный тезис в полной степени применим ко всем процессуальным институтам и элементам судопроизводства. Вышеизложенное следует подтвердить конкретными примерами из законодательного регулирования осуществления правосудия. Положение ч.5 ст.54 ГПК РК, ст.11 Конституционного Закона от 5 ноября 2022 года № 155-VII «О Прокуратуре» и ч.6 ст.35 Закона Республики Казахстан от 12 июля 2023 года № 21-VIII «О возврате государству незаконно приобретенных активов», предоставляет прокурору право подавать иск в целях возврата незаконно приобретенных активов. Стоит отметить, что порядок рассмотрения данной категории дел по общим исковым правилам ГПК РК с учетом особенностей, прописанных в вышеназванном законе. В связи с вышеизложенным, стоит предложить вывести особые правила производства по данной категории дел за пределы обще искового производства по аналогии с другими категориями дел, рассматриваемых с дополнительными особенностями, в отличие от искового производства. Участие прокурора в качестве процессуального истца указывает на социально значимый характер интереса в возврате незаконно приватизированных активов. Как отмечал профессор М.Cappelletti, большинство юристов-компаративистов согласятся, что недавний рост числа исков, подаваемых лицами для защиты общественных интересов, является одним из наиболее значимых событий в современном гражданском процессе [3, с. 20]. Это является проявлением охранительной функции права в общем и правосудия в частности.

Междисциплинарный аспект предмета изучения в настоящей проблематике диалектически проистекает из предмета исковых требований. Факт коррупционного правонарушения, лежащий в основании исковых требований, создает почву для изучения роли преюдициальных фактов в данном виде судопроизводства. К ним относятся те факты, которые были отражены в судебных актах по уголовным и административным делам (а именно из административных деликтов). В соответствии ч.4 и 5 ст.76 ГПК РК обстоятельства, установленные судом в рамках уголовного и административного судопроизводства, считаются доказанными, стороны в свою очередь освобождаются от доказывания. В этой связи возникает вопрос, может ли прокурор в исковом заявлении ссылаться на судебные акты, вынесенные в рамках уголовного и административного судопроизводства? Например, если судом был установлен факт получения взятки (что следует из судебного решения), то возможно высказать гипотезу о том, что имущество, которое в хронологическом порядке было приобретено позже подлежит возврату? Вопрос заключается в том, будет ли судебное решение в отношении лица, совершившего коррупционное правонарушение, преюдициальным фактом при подаче исковых требований в отношении имущества, аффилированного с ним лиц. В данном случае преюдициально установленные факты во взаимосвязи с фактом владения имуществом, могут выступать как основание для подачи искового заявления. В этой связи стоит высказать следующие предложения:

- Судебные акты по коррупционным правонарушениям должны выступать в качестве основания для предъявления прокурором исковых требований о деприватизации.

- Соответственно, освободить от доказывания фактов, установленных судами в рамках уголовного и административного судопроизводства. Это подчеркивает преюдициальный характер судебных решений. При предъявлении иска возможно использовать в качестве приложения к исковому заявлению вышеуказанные судебные акты. В поиске данных сведений комитету по возврату незаконно приватизированных активов может помочь сведения, которые имеются у Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, исходя из его полномочий в соответствии ст.11 Конституционного Закона от 5 ноября 2022 года № 155-VII «О Прокуратуре».

Сведения, о совершение коррупционных правонарушений, сроки и иные сведения, имеющие юридическое значение для предъявления исковых требований, следует запрашивать у вышеназванного комитета. Это существенно упростит деятельность прокурора в процессе и позволит более эффективно достичь поставленной цели. С другой стороны, как справедливо отмечает Г.С. Геворгян, наличие вины является одним из условий, хотя и не всегда обязательным, для привлечения правонарушителя к деликтной ответственности. [4, с. 171]. По нашему мнению, вина, как и в других гражданско-правовых спорах деликтного характера является неотъемлемой частью правоотношения. Этот вывод подтверждается судебной практикой зарубежных стран. Например, в деле № 171/0030/02/10 [4, с. 169] Кассационный суд РА указал, что сам факт добросовестности приобретателя вещи не является основанием для отказа в требовании о признании нарушающей закон сделки недействительной и применении последствий недействительности сделки, так как добросовестный приобретатель не

защищен от требования собственника вернуть вещь, если вещь выбыла из владения последнего помимо его воли. Данная позиция была подтверждена Кассационным судом также по иным делам, например, решением от 26.12.2013г. по делу ЁСҒ/0230/02/11 [4, с. 169].

При этом преюдициальная сила судебных актов будет выступать в качестве основания для предъявления исковых требований не только к лицу, совершившему коррупционное правонарушение, но и к лицам выступавшими номинальными участниками гражданского оборота, чья деятельность была направлена на легализацию имущества, приобретенного незаконным путем. Подтверждение этого мы можем видеть, в судебной практике Армении. Так в определении Административного суда от 17.09.2020г. по делу ЧҒ/14181/05/17, в рамках которого истец оспаривал запись права собственности на квартиру одного из ответчиков в связи с тем, что запись права последнего была внесена на основе поддельного договора дарения, а также истец требовал признать недействительными последующий договор об отчуждении квартиры и записи права собственности конечного приобретателя. Суд, без выяснения факта владения квартирой (по крайней мере, из решения суда не ясно, кто владеет спорным имуществом) истцом удовлетворил требования истца, отмечая, что в силу недействительности административного акта, принятого на основании поддельного договора дарения, следует признать недействительными также последующие сделки и внесенные на их основании записи государственной регистрации прав ответчиков [4, с. 147]. Прокурор же в качестве процессуального истца сможет привлечь в качестве соответчиков нескольких лиц, выдвигая предположение об их связи между собой как номинального, так и бенефициарного в отношении имущества, добытого преступным путем. Концептуальный смысл приюдиции в том, что она будет выступать в качестве основания исковых требований. Здесь также стоит иметь в виду положения п.1 ст.158 ГК РК, указывающие, что сделка, содержание которой не соответствует требованиям законодательства, а также сделка, совершенная с целью, заведомо противоречащей основам правопорядка, является оспоримой и может быть признана судом недействительной, если настоящим Кодексом и иными законодательными актами Республики Казахстан не установлено иное. В контексте производства по деприватизационным искам, на наш взгляд, сокрытие имущества, полученного в результате коррупционного правонарушения, является частным случаем противоречия основам правопорядка. Соответственно, прокурор в исковом заявлении может требовать признания таких сделок недействительными.

В связи с социальным запросом на справедливость, а также связью научной, законодательной правоприменительной плоскости, свою актуальность приобретает институт деприватизационных исков. В научном аспекте изучение и выработка теоретической базы динамики разрешение данной категории споров помогут решить следующие задачи. Во-первых, определить и конкретизировать круг субъектов процессуальных правоотношений. Во-вторых, выработать стандарты, критерии и способы доказывания фактов, необходимых для разрешения споров. В-третьих, систематизировать действующее законодательство. Данная задача может быть достигнута посредством согласованности содержаний ГПК РК и Закона Республики Казахстан «О возврате государству незаконно приобретенных активов» в вопросах правового регулирования процессуального порядка возврата незаконно приватизированных активов. На сегодняшний день, данной проблематике посвящено ряд научных работ отечественных авторов [5, с.55]. В четвертых, закрепить в системе действующего законодательства, право прокурора подачи иска по возврату незаконно приватизированных активов, на основании наличия судебного решения в отношении лица совершившего преступление коррупционного характера. Дальнейшие исследования заявленной проблематики в гражданском процессуальном праве Казахстана позволят наметить перспективы исследования и предложить пути устранения пробелов в действующем законодательстве.

Список использованных источников:

1. Storme M. Tomorrow's Civil Trial // The recent tendencies of development in civil procedure law — between East and West. International Conference to celebrate 100th Anniversary of the birth of Professor Jonas Zeruolis. Vilnius, 2007. P. 14—25.
2. Подвижник права памяти Нагашбая Шайкенова в 2 т. Авт.-сост.: Л.А. Шайкенова. – Астана 2002 -Т.2 432 с.
3. Cappelletti M. Access to Justice and the Welfare State European University Institute 1981- P. 393
4. Геворгян Г.С. Проблемы истребования недвижимого имущества из чужого незаконного владения в Республике Армения дисс. на соискание степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – Частное право (гражданское, торговое (коммерческое), международное частное, семейное, трудовое право, право социального обеспечения) Ереван 2024-188 с.

5.Сулейменов М.К., Каргусов Ф.С., Осипов Е.Б. О проекте Закона Республики Казахстан «О возврате государству незаконно приобретенных активов»// Статья подготовлена на основе Экспертного заключения от 29 мая 2023 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: [О_ЗаконеПроВозвратАктивов.pdf](#) (дата обращения:26.03.2026)

Жұмабаев Әділ Асқарұлы,
Халықаралық Астана университетінің магистранты,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

САНДЫҚ КЕҢІСТІКТЕГІ ЖЕКЕ ДЕРЕКТЕРДІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ СИПАТЫ ЖӘНЕ ЖІКТЕЛУІ

Аннотация. Мақала сандық кеңістіктегі жеке деректердің құқықтық табиғатын және оларды жіктеудің теориялық негіздерін талдауға арналған. Зерттеуде жеке деректердің конституциялық құқықтар жүйесіндегі орны мен олардың құқықтық режимінің ерекшеліктері қарастырылады. Автор цифрлық ортадағы деректерді өңдеу тәуекелдері мен субъектілердің құқықтарын қорғау мәселелеріне баса назар аударады. Деректерді идентификациялау деңгейі, сезімталдық дәрежесі және өңдеу мақсаты бойынша нақты жіктеу өлшемдері ұсынылады. Бұл жіктеу принциптері сандық ақпаратты қорғаудың сараланған тетіктерін қалыптастыруға мүмкіндік береді. Зерттеуші сандық ортада тәуекелге бағдарланған құқықтық тәсілді енгізудің қажеттілігін ғылыми тұрғыдан негіздейді. Ұсынылған тұжырымдар жеке өмірге қол сұғылмаушылық кепілдіктерін нығайту мен заңнаманы жетілдіруге бағытталған.

Түйінді сөздер: жеке деректер; сандық кеңістік; құқықтық режим; құпиялылық; деректерді қорғау; жіктеу; идентификация; ақпараттық қауіпсіздік.

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой природы персональных данных в цифровом пространстве и теоретических основ их классификации. В исследовании рассматриваются место персональных данных в системе конституционных прав и особенности их правового режима. Автор уделяет особое внимание рискам обработки данных в цифровой среде и вопросам защиты прав субъектов. В работе предлагаются конкретные критерии классификации данных по уровню идентификации, степени чувствительности и целям обработки. Данные принципы классификации позволяют сформировать дифференцированные механизмы защиты цифровой информации. Исследователь научно обосновывает необходимость внедрения риск-ориентированного правового подхода в условиях цифровой среды. Предложенные выводы направлены на укрепление гарантий неприкосновенности частной жизни и совершенствование законодательства.

Ключевые слова: персональные данные; цифровая среда; правовой режим; конфиденциальность; защита данных; классификация; идентификация; информационная безопасность.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal nature of personal data in the digital space and the theoretical foundations of its classification. The study examines the place of personal data within the system of constitutional rights and the specific features of its legal regime. The author pays particular attention to the risks of data processing in the digital environment and issues regarding the protection of subjects' rights. The work proposes specific criteria for data classification based on the level of identifiability, degree of sensitivity, and processing purposes. These classification principles enable the formation of differentiated mechanisms for protecting digital information. The researcher scientifically substantiates the necessity of implementing a risk-oriented legal approach in the digital environment. The proposed conclusions are aimed at strengthening privacy guarantees and improving legislation.

Keywords: personal data; digital environment; legal regime; privacy; data protection; classification; identifiability; information security.

Сандық трансформация жағдайында жеке деректер құқықтық реттеудің дербес объектісі ретінде ерекше мәнге ие болды. Цифрлық сервистердің кеңеюі (электрондық мемлекеттік қызметтер, әлеуметтік платформалар, қаржылық технологиялар және маркетплейстер) жеке тұлғаға қатысты мәліметтердің үздіксіз жиналуына, сақталуына және талдануына алып келді. Мұндай жағдайда дербес деректерді қорғау тек техникалық қауіпсіздік шараларының жиынтығы емес, ең алдымен адамның жеке өміріне қол сұқпаушылық құқығын қамтамасыз ететін құқықтық механизм ретінде бағалануы тиіс. Қазақстан Республикасының Конституциясы әркімнің жеке өміріне, жеке және отбасылық құпиясына қол сұғылмаушына кепілдік береді; бұл норма дербес деректерді қорғаудың конституциялық негізін құрайды және жеке деректерді адамның қадір-қасиеті мен автономиясын қорғау жүйесінің құрамдас элементі ретінде тануға мүмкіндік береді [1].

Салалық реттеу деңгейінде дербес деректердің құқықтық режимі Қазақстан Республикасының «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңымен айқындалады. Аталған заң дербес деректерді субъектіні тікелей немесе жанама айқындауға мүмкіндік беретін мәліметтер ретінде сипаттай отырып, құқықтық қорғаудың басты өлшемін деректердің идентификациялау әлеуетін алдыңғы қатарға шығарады [2]. Бұл тәсіл сандық кеңістіктің ерекшелігімен тығыз байланысты: цифрлық ортада жеке тұлғаны айқындау көбіне бір ғана дерек арқылы емес, әртүрлі дерек жиынтықтарын байланыстыру, агрегаттау және салыстыру арқылы жүзеге асады. Демек, «дерек» ұғымының құқықтық салмағы оның мазмұнынан бұрын, оны басқа мәліметтермен біріктірген кездегі айқындаушылық мүмкіндігіне

тәуелді болады. Заң сондай-ақ деректерді жинау мен өңдеу барысында мақсаттылық, заңдылық және субъектінің құқықтарын сақтау талаптарын бекітіп, деректер операторлары мен үшінші тұлғалардың міндеттерін белгілейді [2].

Дербес деректерді құқықтық тұрғыдан сипаттауда халықаралық стандарттармен салыстыру маңызды методологиялық бағдар береді. Еуропалық Одақтың Жалпы деректерді қорғау регламенті (GDPR) «personal data» ұғымын сәйкестендірілген немесе сәйкестендірілетін тұлғаға қатысты кез келген ақпарат ретінде түсіндіреді және «сәйкестендірілетін тұлға» өлшемшартын тікелей және жанама идентификаторлар арқылы нақтылайды [3].

Бұл тәсіл дербес деректерді құқықтық қорғаудың шекарасын кеңейтеді: тұлғаны айқындауға ықпал ететін онлайн-идентификаторлар (мысалы, IP-адрес, cookie идентификаторлары) және мінез-құлықтық белгілер де деректерді қорғау саласына кіруі мүмкін. Соның нәтижесінде сандық кеңістікте дербес деректердің құқықтық сипаты көпқабатты сипатқа ие болады: бір жағынан, ол конституциялық деңгейде жеке өмірге қол сұқпаушылық құқығымен негізделеді [1]; екінші жағынан, салалық заңнама арқылы өңдеудің құқықтық режимі мен кепілдіктері айқындалады [2]; үшінші жағынан, халықаралық стандарттар деректердің кең ауқымын қорғау логикасын және тәуекелдерді бағалау қажеттігін көрсетеді [3].

Сандық кеңістіктегі дербес деректердің құқықтық сипаты олардың ақпараттық сипатымен ғана шектелмейді: олар адамның негізгі құқықтарын іске асырумен тікелей байланысқан құқықтық құндылық ретінде көрінеді. Дербес деректерді құқықтық қорғаудың тиімділігі деректердің идентификациялау әлеуетін, өңдеу мақсаттарын, сондай-ақ цифрлық ортадағы біріктіру және қайта сәйкестендіру тәуекелдерін ескере отырып, құқықтық нормаларды жүйелі қолдануға тәуелді. Бұл дербес деректерді құқықтық реттеудің негізгі элементтері мен олардың нормативтік негіздемесі төмендегі кесте арқылы жүйелі түрде көрсетілген:

Кесте 1. Сандық кеңістіктегі жеке деректердің құқықтық сипатының негізгі элементтері және нормативтік негіздері

№	Негізгі құқықтық аспект	Құқықтық мазмұны	Сандық кеңістіктегі ерекшелігі	Құқықтық салдары
1	Конституциялық негіз	Жеке өмірге, жеке және отбасылық құпияға қол сұқпаушылық – адамның негізгі құқығы	Деректердің цифрлық форматта сақталуы жеке өмір шекарасын кеңейтеді	Мемлекет пен жеке субъектілердің деректерге қол жеткізуі заңмен шектеледі
2	Дербес деректер ұғымы	Тұлғаны тікелей немесе жанама айқындауға мүмкіндік беретін кез келген мәлімет	Бірнеше деректерді біріктіру арқылы қайта сәйкестендіру тәуекелі	Идентификациялау әлеуеті – құқықтық қорғау өлшемі
3	Идентификация критерийі	Тұлғаны анықтау мүмкіндігі негізгі құқықтық белгі	Онлайн-идентификаторлар (IP, cookie, device ID) дербес дерек ретінде танылуы мүмкін	Қорғалатын деректер ауқымы кеңейеді
4	Құқықтық режим	Деректерді жинау, өңдеу, сақтау заңдылық, мақсаттылық және пропорционалдық қағидаттарына бағынады	Автоматтандырылған өңдеу және алгоритмдік талдау	Операторлардың жауапкершілігі артады
5	Келісім қағидаты	Субъектінің ерікті және нақты келісімі – өңдеудің құқықтық негізі	Пайдаланушы келісімінің формализациялану қаупі	Келісімнің мазмұндық талаптарын нақтылау қажеттілігі
6	Халықаралық стандарттармен үйлесім	Деректерді қорғаудың трансшекаралық сипаты	Шекарааралық деректер айналымы	Ұлттық заңнаманы халықаралық талаптарға сәйкестендіру

7	Құқықтық құндылық ретіндегі деректер	Деректер – адамның қадір-қасиеті мен автономиясын қорғау құралы	Деректерді коммерциялық ресурс ретінде пайдалану	Құқықтар мен экономикалық мүдделер теңгерімі қажет

Кестеден көрінгендей, сандық кеңістіктегі жеке деректердің құқықтық сипаты үш деңгейде көрінеді:

1. Конституциялық деңгей – жеке өмірді қорғау [1];
2. Салалық құқықтық деңгей – деректерді өңдеудің нақты тәртібі мен кепілдіктері [2];
3. Халықаралық деңгей – сәйкестендіру мен тәуекелге бағдарланған қорғау қағидаттары [3].

Бұл жүйе дербес деректерді тек ақпарат ретінде емес, құқықтық тұрғыдан қорғалатын кешенді әлеуметтік-құқықтық феномен ретінде қарастыру қажеттігін дәлелдейді.

Сандық кеңістіктегі дербес деректердің құқықтық режимін нақтылау оларды жүйелі жіктеуді талап етеді. Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесінде дербес деректер субъектіні тікелей немесе жанама айқындауға мүмкіндік беретін мәліметтер ретінде айқындалады, алайда құқық қолдану тәжірибесінде деректердің әртүрлі санаттары әртүрлі құқықтық тәуекел тудырады. Осыған байланысты деректерді жіктеу құқықтық реттеудің пропорционалдық қағидатын іске асыруға мүмкіндік береді және қорғау шараларының көлемін саралауға жағдай жасайды [4].

Бірінші өлшем - идентификациялау әлеуеті. Қазақстандық доктринада дербес деректердің құқықтық мәртебесі олардың тұлғаны анықтау мүмкіндігімен тікелей байланысты екендігі атап көрсетіледі [4]. Тікелей идентификаторларға аты-жөні, жеке сәйкестендіру нөмірі (ЖСН), төлқұжат деректері жатады. Мысалы, мемлекеттік ақпараттық жүйелерде азаматтарды аутентификациялау көбіне ЖСН арқылы жүзеге асырылады, бұл деректердің жоғары құқықтық қорғалуын талап етеді. Ал жанама идентификаторлар - IP-мекенжай, құрылғы деректері, электрондық поштаның метадеректері - жеке дара түрде жеткіліксіз болуы мүмкін, бірақ басқа деректермен біріктірілгенде нақты тұлғаны айқындауға мүмкіндік береді. Цифрлық платформа операторларының деректерді біріктіру қабілеті артқан сайын сәйкестендіру тәуекелі де өседі, сондықтан құқықтық режим мұндай жанама деректерге де қолданылуы тиіс [4].

Екінші өлшем - деректердің сезімталдық деңгейі. Қазақстан Республикасының «Ақпараттандыру туралы» Заңы ақпараттық жүйелердегі деректерді қорғау талаптарын бекіте отырып, ақпараттық қауіпсіздік шараларының қажеттігін айқындайды [5]. Сезімтал деректерге биометриялық мәліметтер, денсаулыққа қатысты ақпарат, кәмелетке толмағандар туралы деректер жатады. Мысалы, білім беру саласындағы электрондық платформаларда оқушылардың жеке деректері мен үлгерім көрсеткіштері сақталады; егер оған психологиялық немесе медициналық сипаттағы мәліметтер қосылса, мұндай ақпарат жоғары деңгейдегі қорғауды талап етеді. Бұл жағдайда қолжетімділікті шектеу, деректерді сақтау мерзімін нақтылау және техникалық қорғау құралдарын қолдану міндетті. Ал қарапайым байланыс деректері (мысалы, жұмыс телефоны) салыстырмалы түрде төмен сезімтал болуы мүмкін, бірақ олар да заңсыз таралу жағдайында құқық бұзушылыққа әкелуі ықтимал.

Үшінші өлшем - қолжетімділік режимі. Қазақстандық құқықтық тәжірибеде дербес деректердің жария болуы оларды еркін айналымға жіберу дегенді білдірмейді [4]. Мысалы, азамат әлеуметтік желіде өзінің аты-жөнін немесе жұмыс орнын жариялаған жағдайда, бұл деректерді коммерциялық мақсатта жинақтау немесе бейнелеу жаңа құқықтық негізді талап етеді. Осы тұрғыда деректерді жария, шектеулі және құпия санаттарға бөлу құқық қолдануда маңызды. Құпия деректерге медициналық немесе қаржылық мәліметтер жатса, шектеулі деректер ұйымның ішкі жүйелерінде сақталатын және тек қызметтік мақсатта пайдаланылатын ақпарат болып табылады.

Төртінші өлшем - өңдеу мақсаты. Қазақстан Республикасының нормативтік актілерінде деректерді өңдеудің заңдылығы оның нақты және алдын ала айқындалған мақсатына байланысты екендігі көрсетіледі [4]. Мысалы, мемлекеттік орган азаматтың табысы туралы мәліметті әлеуметтік төлемді тағайындау үшін өңдей алады, алайда бұл деректі басқа мақсатта (мысалы, маркетингтік талдау) пайдалану заңсыз болады. Сондықтан мақсаттылық қағидаты деректерді жіктеу жүйесінде негізгі критерий болып табылады.

Бесінші өлшем - деректердің пайда болу арналары. Қазақстандық ақпараттық жүйелерде деректер пайдаланушының өзі енгізген мәліметтермен ғана шектелмейді. «Ақпараттандыру туралы» Заңда ақпараттық жүйелердегі автоматтандырылған өңдеу процестері қарастырылған [5]. Мысалы, қаржы ұйымы клиенттің транзакциялық тарихына сүйене отырып, кредиттік рейтинг қалыптастырады. Бұл туынды дерек бастапқыда субъект енгізген мәлімет емес, бірақ ол құқықтық салдар тудырады (несие беру туралы шешім). Сондықтан мұндай деректер де дербес деректер режиміне бағынуға тиіс.

Осы аталған бес өлшем бойынша дербес деректердің жіктелу ерекшеліктері, олардың отандық тәжірибеге көрінісі мен туындайтын құқықтық салдары төмендегі 2-кестеде жүйеленіп көрсетілген:

Кесте 2. Сандық кеңістіктегі жеке деректердің жіктелу өлшемдері және құқықтық салдары

№	Жіктеу өлшемі	Нақты мысал (Қазақстан контексті)	Құқықтық тәуекел	Құқықтық салдары және қорғау шаралары
1	Идентификация лау әлеуеті	ЖСН, төлқұжат деректері (тікелей); IP-мекенжай, құрылғы деректері (жанама)	Тұлғаны нақты айқындау немесе қайта сәйкестендіру	Қатаң қолжетімділік шектеуі, заңды негізді дәлелдеу, қауіпсіздік шараларын күшейту
2	Сезімталдық деңгейі	Медициналық мәліметтер, биометрия (жоғары); қаржылық деректер (орта); жұмыс телефоны (төмен)	Кемсітушілік, қаржылық зиян, беделге нұқсан	Пропорционалдық қағидаты; қосымша техникалық және ұйымдастырушылық қорғау
3	Қолжетімділік режимі	Медициналық жүйедегі пациент деректері (құпия); университеттің ішкі жүйесі (шектеулі); әлеуметтік желідегі ашық профиль (жария)	Контекстен тыс пайдалану, коммерциялық профильдеу	Мақсаттылық қағидаты; жаңа өңдеу үшін құқықтық негіз талап етіледі
4	Өңдеу мақсаты	Әлеуметтік төлем тағайындау; жеткізу қызметі; банктік скоринг	Мақсаттан ауытқу, деректерді шамадан тыс жинау	Деректерді азайту, заңдылық пен айқындық қағидаты
5	Генерация арналары	Тіркелу формасы (берілген); геолокация логтары (бақыланған); кредиттік рейтинг (туынды)	Автоматтандырылған шешім қабылдау тәуекелі	Ашықтық, әділдік, алгоритмдік шешімдердің негізділігі

Кестеде көрсетілгендей, сандық кеңістіктегі жеке деректерді жіктеу көпөлшемді сипатқа ие. Өрбір өлшем деректердің құқықтық режимін саралауға мүмкіндік береді. Идентификациялау әлеуеті деректердің «дербестік» мәртебесін анықтаса, сезімталдық деңгейі қорғау интенсивтілігін айқындайды. Қолжетімділік режимі мен өңдеу мақсаты заңдылық пен пропорционалдықты бағалауға жағдай жасайды, ал генерация арналары автоматтандырылған шешімдерге байланысты жаңа құқықтық тәуекелдерді көрсетеді.

Жүргізілген талдау сандық кеңістіктегі жеке деректердің құқықтық табиғаты олардың тек ақпараттық ресурс емес, конституциялық деңгейде қорғалатын жеке өмір мен тұлғалық автономияның құрамдас элементі екенін көрсетті. Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесінде дербес деректерді қорғау конституциялық кепілдіктерге, салалық заңнамаға және ақпараттық қауіпсіздік талаптарына негізделеді.

Сандық ортадағы деректердің күрделенуі оларды көпөлшемді жіктеуді қажет етеді. Идентификациялау әлеуеті, сезімталдық деңгейі, қолжетімділік режимі, өңдеу мақсаты және генерация арналары деректердің құқықтық режимін саралауға мүмкіндік береді. Мұндай тәсіл пропорционалдық пен мақсаттылық қағидаттарын нақты іске асыруға жағдай жасап, құқық қолдану тәжірибесінің тиімділігін арттырады.

Сандық кеңістіктегі дербес деректерді құқықтық реттеу тәуекелге бағдарланған, кешенді және адам құқықтарын басымдыққа қоятын үлгіге сүйенуі тиіс. Осы бағыттағы құқықтық тетіктерді жетілдіру — технологиялық прогресс пен жеке тұлғаның қауіпсіздігі арасындағы теңгерімді қамтамасыз етудің басты алғышарты болып табылады. Түйіндей келе, жеке деректердің құқықтық табиғатын жүйелі тану және оларды саралап жіктеу сандық егемендік жағдайында азаматтардың конституциялық еркіндігін қорғаудың жаңа сапалық деңгейіне жол ашады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы: 1995 ж. 30 тамыз (өзгерістер мен толықтыруларымен). // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (жүгінген күні: 23.02.2026);

2. Қазақстан Республикасының «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңы: 2013 ж. 21 мамыр № 94-V (өзгерістер мен толықтыруларымен). // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094> (жүгінген күні: 23.02.2026);

3. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1 – 88. // [Electronic resource] – Acces mode: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (acces data: 23.02.2026);
4. Искакова З.К., Кадыжанова Т.К. Analysis of problems and challenges in the legislation of the Republic of Kazakhstan on personal data protection and international legal regulation // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва. Серия «Право». 2022.- № 4(141). С. 48–60;
5. Қазақстан Республикасының «Ақпараттандыру туралы» Заңы: 2015 ж. 24 қараша № 418-V (өзгерістер мен толықтыруларымен). // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz> (жүгінген күні: 23.02.2026).

ӘОЖ 347.9:004.8

Садыков Мухтар Бейбутович,

философия докторы (PhD), Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының аға оқытушысы,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

Рахметоллов Аскар Канатович,

философия докторы (PhD), Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының аға оқытушысы,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСТЕ ДЕРЕКТЕРГЕ НЕГІЗДЕЛГЕН ШЕШІМДЕР: ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ КЕПІЛДІКТЕРІ

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасының азаматтық сот ісін жүргізуінде жасанды интеллект пен цифрлық технологияларды енгізуді, ең алдымен автоматтандыру шектері және процессуалдық кепілдіктердің сақталуы тұрғысынан қарастырады. Цифрландыру сотпен өзара әрекеттесуді жеңілдетіп, жекелеген әрекеттерді жеделдетеді, алайда кейбір жағдайларда ол істің қаралу траекториясына және тараптардың іс жүзіндегі процессуалдық мүмкіндіктерінің көлеміне байқалмай әсер етуі ықтимал, мысалы материалдарды автоматты жіктеу немесе рәсімдік режимді таңдауға ықпал ету арқылы. Жұмыста процесті ұйымдастыруға арналған цифрлық құралдар мен істің қозғалысына немесе сот актісінің уәжделу құрылымына әсер ете алатын алгоритмдік тетіктер арасындағы айырмашылық айқындалады. Негізгі тәуекелдер алгоритмдік ықпалдың ашық еместігімен, нәтиженің бастапқы деректер сапасына тәуелділігімен, цифрлық ресурстардың асимметриясымен және іс материалдарының құпиялылығына төнетін қауіптермен байланыстырылады. Минималды кепілдік ретінде жасанды интеллект қолданылған факт пен оның функциясын жариялау және тіркеу, нәтижені тексеруге келетіндей ету, қарсылық білдіру және шағымдану рәсімдерінің тиімділігін қамтамасыз ету, сондай-ақ дербес деректерді қорғау мен инфрақұрылымның тұрақтылығына қойылатын талаптарды қамтитын рамка ұсынылады. Жалпы қорытынды мынаған саяды: дауды түпкілікті шешу және шешімді уәждеу судьяның жауаптылық аймағында қалуға тиіс, ал жасанды интеллектті қолдану қағидалары процессуалдық принциптермен және жалпы цифрлық реттеу режимдерімен сабақтастыра отырып нормативтік тұрғыдан нақтылануы қажет.

Түйінді сөздер: азаматтық сот ісін жүргізу; цифрлық сот төрелігі; жасанды интеллект; автоматтандыру шектері; процессуалдық кепілдіктер; жарыспалылық; тараптардың теңдігі; сот актісінің уәжделуі; ашықтық; тексерілгіштік; дербес деректер; шағымдану.

Аннотация. В статье рассматривается внедрение искусственного интеллекта и цифровых технологий в гражданское судопроизводство Республики Казахстан, прежде всего с точки зрения пределов автоматизации и сохранности процессуальных гарантий. Цифровизация упрощает взаимодействие с судом и ускоряет отдельные действия, однако в ряде ситуаций она способна незаметно повлиять на траекторию дела и на фактический объем возможностей сторон, например через автоматическую классификацию материалов или выбор процедурного режима. В работе проводится разграничение между организационными цифровыми инструментами и алгоритмическими средствами, которые могут затрагивать движение дела либо структуру мотивировки судебного акта. Ключевые риски связаны с непрозрачностью алгоритмического влияния, зависимостью результата от качества данных, цифровой асимметрией ресурсов и угрозами конфиденциальности материалов дела. В качестве минимальной гарантии предлагается рамка, включающая раскрытие и фиксацию применения ИИ, проверяемость результата, право на возражение и эффективные процедуры обжалования, а также требования к защите персональных данных и устойчивости инфраструктуры. Общий вывод состоит в том, что окончательное разрешение спора и мотивирование решения должны оставаться в сфере ответственности судьи, а правила применения ИИ нуждаются в нормативном уточнении в увязке с процессуальными принципами и общими режимами цифрового регулирования.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; цифровое правосудие; искусственный интеллект; пределы автоматизации; процессуальные гарантии; состязательность; равноправие сторон; мотивированность судебного акта; прозрачность; проверяемость; персональные данные; обжалование.

Abstract. This article examines the introduction of artificial intelligence and digital technologies in civil proceedings in Kazakhstan, focusing primarily on the limits of automation and the preservation of procedural safeguards. Digitalisation simplifies interaction with the courts and accelerates certain procedural actions; however, in some situations it may discreetly influence the trajectory of a case and the parties' effective procedural opportunities, for instance through automated classification of materials or the selection of a procedural track. The paper distinguishes organisational digital tools from algorithmic mechanisms that may affect case progression or the structure of judicial reasoning. Key risks are associated with the opacity of algorithmic influence, the dependence of outcomes on data quality, asymmetries in digital resources, and threats to the confidentiality of case materials. As a minimum safeguard, the article proposes a framework

that includes disclosure and recording of AI use and its function, meaningful auditability of results, the ability to raise objections and pursue effective appeal procedures, as well as requirements for personal data protection and infrastructural resilience. The overall conclusion is that final adjudication and the reasoning of decisions must remain within the judge's responsibility, while rules governing AI use require normative clarification aligned with procedural principles and broader digital regulatory regimes.

Keywords: civil proceedings; digital justice; artificial intelligence; limits of automation; procedural safeguards; adversarial process; equality of arms; reasoned decision; transparency; auditability; personal data; appeal.

Қазақстан Республикасындағы азаматтық сот ісін жүргізуді цифрландыру тек процестік нысандарды өзгертумен шектелмей, конституциялық деңгейде бекітілген заңдылық және құқықтар мен бостандықтарды қорғау талаптарына сүйенетін соттық қорғаудың институционалдық құрылымына да ықпал етеді [1]. Салалық реттеу деңгейінде бұл талаптар Азаматтық процестік кодекстің нормалары арқылы нақтыланып, жарыспалылық пен тараптардың теңдігі, тыңдалу құқығы және сот актісін уәждеу міндеті сияқты кепілдіктерді бекітеді [2]. Осы нормативтік өрісте цифрлық шешімдер тек қатысушылар кепілдіктерінің деңгейін төмендетпей, процестік кедергілер тудырмаған жағдайда ғана құпталады.

Қазіргі талқылаудың өзегі рәсімдерді электрондық форматқа көшіруден гөрі, келіп түсетін материалдарды жіктейтін, заңи мәні бар фрагменттерді бөліп көрсететін, формальды кемшіліктерді анықтайтын және процесуалдық құжаттардың жобаларын қалыптастыра алатын алгоритмдік құралдарды қолдануға ауысып отыр. Автоматтандырудың шектерін жалпы цифрлық реттеу актілері арқылы бағалау қиынды. Цифрлық кодекс цифрлық орта мен цифрлық жүйелердің базалық режимдерін бекітіп, деректер мен цифрлық құралдардың айналымына құқықтық шеңбер белгілейді [3]. «Жасанды интеллект туралы» заң жасанды интеллект (ЖИ) жүйелерін қолдануға қатысты жауаптылық, бақылауға бағынушылық және тәуекелдерді басқару сияқты негізгі бағдарларды айқындайды [4]. Сот ісін жүргізуде бұл мәселе алгоритм анықтамалық модуль ретінде ғана қолданылмай, процестік шешімдерге, қарау тәртібіне немесе тараптардың іс жүзіндегі процестік мүмкіндіктерінің көлеміне ықпал еткен кезде ерекше практикалық маңызға ие болады, мысалы материалдарды автоматты жіктеу немесе процесуалдық құжаттардың жобаларын дайындау арқылы.

Азаматтық істердің материалдарымен жұмыс істеу дербес деректер режиміне жататын мәліметтерді өңдеумен және ақпараттық қауіпсіздік талаптары қойылатын цифрлық инфрақұрылымды пайдаланумен тығыз байланысты [5], [6]. Электрондық нысанда жасалатын процестік әрекеттердің заңи маңызы электрондық құжат және электрондық цифрлық қолтаңба туралы нормаларға сүйенеді, өйткені дәл осы нормалар электрондық құжат айналымының тексерілгіштігін және расталу мүмкіндігін қамтамасыз етеді [7]. Цифрлық рәсімдердің практикалық қыры сот жүйесінің ресми электрондық сервистері арқылы көрінеді, олар құжат тапсыруды, материалдарға қолжетімділікті және хабарламаларды қамтамасыз етеді [8]. Осы себепті автоматтандыру мәселесі қолданбалы сипатқа ие: алгоритм істің қозғалысына ықпал ететін кез келген жағдайда оның қолданылуы ашық болуы, нәтиже тексерілетіндей ұйымдастырылуы және тиімді шағымдану мүмкіндігі сақталуы тиіс, әйтпесе жарыспалылық пен тараптардың теңдігі үшін тәуекелдер туындайды.

Минималды кепілдіктер жиынтығын айқындау кезінде әділ сот талқылауының іргелі халықаралық стандарттарына, сондай-ақ жасанды интеллектті қолданудың басқару және этика мәселелеріне арналған құжаттарға сүйену орынды, өйткені оларда ашықтық, бақылауға бағынушылық, кемсітпеу және деректер сапасына қойылатын талаптар бекітілген [9]-[13]. Бұл дереккөздер салыстырмалы бағдар ретінде пайдаланылады және ұлттық реттеуді алмастырмайды. Дегенмен олар автоматтандырудың жол берілетін өлшемдерін нақтылауға мүмкіндік береді: нәтижеге қатысты адамдық бақылауды сақтау, ЖИ қолданылған факт пен оның функциясын ашып көрсету, нәтижені тексеруге келетіндей ету және алгоритмдік ықпалға нақты түрде шағымдану мүмкіндігін қамтамасыз ету.

Зерттеудің мақсаты Қазақстан Республикасының азаматтық сот ісін жүргізуінде автоматтандырудың заң жүзінде жол берілетін шектерін айқындау және ЖИ мен цифрлық технологиялар қолданылған кезде процеске қатысушылардың құқықтарын қамтамасыз ететін кепілдіктер жүйесін тұжырымдау болып табылады. Осы мақсатқа қол жеткізу үшін мына міндеттер көзделеді: сервистік цифрландыру мен алгоритмдік қолдауды ажырату; автоматтандыруға жол берілетін аймақтарды және міндетті түрде адам шешімі қажет болатын аймақтарды бөлу; жарыспалылыққа, тараптардың теңдігіне, сот актісінің уәжделуіне және деректердің қорғалуына төнетін тәуекелдерді айқындау; ЖИ қолданылғанын тіркеуді, нәтижені тексерілетін етуді және тиімді шағымдану тетіктерін қамтитын процесуалдық «сақтандырғыштарды» ұсыну [2]-[8], [11]-[13].

Зерттеудің дереккөздік негізіне Қазақстан Республикасының Конституциясы, Азаматтық процестік кодекс нормалары, сондай-ақ жалпы сипаттағы цифрлық реттеу актілері, оның ішінде Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексі және «Жасанды интеллект туралы» Қазақстан Республикасының Заңы енгізілді.

Әдістемелік тұрғыдан нормативтік-құқықтық талдау мен құқықтық түсіндіру тәсілдері, азаматтық процестің сатыларын құрылымдық-функционалдық талдау және процесуалдық кепілдіктер тұрғысынан автоматтандырудың жол берілетіндігін бағалайтын тәуекелге бағдарланған құқықтық бағалау қолданылды. Қолданбалы контекст ретінде сот жүйесінің ресми электрондық сервистері ескерілді, өйткені олар қатысушылардың сотпен цифрлық форматта өзара әрекеттесу рәсімдерін іс жүзінде қамтамасыз етеді.

Жүргізілген талдау азаматтық сот ісін жүргізу үшін сервистік цифрландыру мен интеллектуалдық операцияларды алгоритм арқылы автоматтандыруды айқын ажырату қажет екенін көрсетті. Электрондық түрде талап қоюды беру және тіркеу, қатысушыларды хабардар ету, іс материалдарына қол жеткізу, мерзімдерді күнтізбелік бақылау сияқты сервистік рәсімдер тараптардың құқықтарын іске асыру тәсілдерінің эквиваленттілігі сақталған және цифрлық арналар шын мәнінде қолжетімді болған жағдайда, жалпы алғанда, процестік тұрғыдан бейтарап деп бағалануы мүмкін [2], [6]. Ал алгоритмдік құрал істің қозғалысына немесе дәлелдеу мен уәждеу логикасына ықпал ете бастаған кезде басқа құқықтық бағалау талап етіледі. Бұл аймақта тараптардың іс жүзіндегі процесуалдық мүмкіндіктері қайта бөлініп, қорытынды тұжырымдарға жасырын ықпал ету қаупі туындайды, сондықтан мұндай құралдарды жалпы цифрлық реттеу актілерімен байланыстыра талдау қажет [3], [4].

Автоматтандыру ең алдымен қамтамасыз етуші сегментте орынды екені анықталды. Мұнда ол процестің басқарылуын күшейтеді, бірақ дауды мәні бойынша шешетін сот бағасын алмастырмайды. Практикада бұл талап арыздың формальды толықтығын тексеру, мерзімдер мен процестік салдарлар бойынша ескертпелер беру, материалдар массиві бойынша интеллектуалдық навигация, деректердегі дубликаттар мен техникалық сәйкессіздіктерді табу, сондай-ақ анықтамалық сипаттағы жобалық мәтіндерді дайындау арқылы көрінуі мүмкін, бірақ міндетті шарт біреу, жауапты тұлғаның кейінгі тексеруі [2]. Керісінше, дәлелдемелерді алгоритм арқылы бағалау, құқықтық мәні бар мән-жайларды автоматты саралау және судьяның мазмұнды бақылауынсыз уәждемені генерациялау азаматтық процестің кепілдік қаңқасын қозғайды. Доктриналық негіздеме мынада: уәжділік нақты фактілер бойынша қорытындының рационалды тексерілгіштігін және бақылауға келуін қамтамасыз етеді, ал ол болмаса сот актісі құқықтық тұрғыдан верификацияланатын сипатын жоғалтады [15], [16].

Процеске қатысушылар кепілдіктері үшін тікелей мәні бар тәуекел тараптары айқындалды. Ең сезімтал тәуекел алгоритмнің процестік шешімдерге ашық емес ықпалына қатысты: тарап оның өтінішхаты неге басқа қарау бағытына ауысқанын, немесе дау қандай негізбен «азырақ күрделі» санатқа түсірілгенін түсінбейді. Микро-ситуация мынадай болуы мүмкін: талап арыз берілген кезде жүйе дауды талаптардың қысқа сипаттамасына сүйеніп «жеңілдетілген» бағытқа автоматты түрде жатқызады, ал тарап бұл туралы кейін біледі де, даудың күрделі екенін және дәлелдемелерді толық зерттеу қажеттігін дәлелдеуге мәжбүр болады. Деректер тәуекелі де өзектілігін жоғалтпайды, өйткені қателер, толық еместік және кіріс массивтеріндегі ығысулар формальды рәсімдер сақталғанның өзінде тараптардың іс жүзіндегі теңсіздігіне алып келуі ықтимал [17]. Бұдан бөлек, құпиялылық пен киберқауіптер бөлек контур ретінде көрінеді: істердің материалдары сезімтал мәліметтерді қамтиды, ал цифрлық өңдеу шабуыл беткейін кеңейтіп, істен шығудың бағасын арттырады [5], [6].

Шетелдік тәжірибе дайын үлгіні көшіріп алуға емес, алгоритмдік ықпалдың өлшемділігі мен түсіндірілгіштігі жөніндегі типтік құқықтық сабақтарға назар аудартуға көмектеседі. Нидерландтағы SyRI ісі көрсеткіш: сот тәуекел-индикацияға арналған алгоритмдік жүйені қолдану режимін, соның ішінде ашықтықтың жеткіліксіздігі және жария мақсат пен құқықтарға араласу арасындағы теңгерімнің бұзылуы себепті, өлшемсіз деп таныды [19], [20]. Бұл азаматтық процесс емес, бірақ логикасы ұқсас: алгоритм құқықтық мәні бар салдарға ықпал етсе, түсіндірілгіштік пен процестік даулауға қойылатын стандарт жоғары болуы тиіс. Азаматтық дауларды цифрлық форматта шешу бөлігінде Британдық Колумбиядағы Civil Resolution Tribunal тәжірибесі назар аударарлық, өйткені ол онлайн-трибунал ретінде жұмыс істей отырып, технологияны қолдана алмайтын немесе қолданғысы келмейтіндерге балама арналарды да қарастырады, сол арқылы “аналогтық мүмкіндік” қолжетімділік кепілдігіне айналады [21], [22]. Істерді автоматты бөлу мен бастапқы сұрыптау тұрғысынан АҚШ-тағы National Center for State Courts (NCSC) ұсынымдары пайдалы, өйткені онда екпін формальды жылдамдықтан күрделіліктің тексерілетін критерийлеріне және істі пропорционалды басқаруға ауысады [23]. Реттеушілік өлшемде Еуропалық одақтың тәсілі маңызды: құқық сот жүйесіне арналған

кейбір ЖИ жүйелері жоғары тәуекел санатына (high-risk) жатқызылады, бірақ мәні бойынша қарауға әсер етпейтін көмекші әкімшілік міндеттер ең қатаң режимге автоматты түрде кірмейді [24].

Ғылыми әдебиетте де автоматтандыруға қатысты бірнеше бағыт қатар көрінеді. «Оптимистік» дәстүрде цифрлық құралдар құқыққа қолжетімділікті кеңейтудің және транзакциялық шығындарды азайтудың институционалдық ресурсы ретінде қарастырылады, бірақ бұл жағдайда рәсімдерді жеңілдету құқықтарды шектеуге айналмауы тиіс. Бұл логика М. Каппеллетти мен Б. Гарттың «әділ сотқа қолжетімділік» туралы классикалық тұжырымымен үйлеседі: қорғаныс тиімділігі процедураның формальды бар болуынан емес, оның адресат үшін нақты жетімді болуынан туындайды [14]. Қазіргі әдебиетте осы бағыт Р. Сасскиндтың онлайн-соттар тұжырымдамасы арқылы дамиды, онда цифрлық инфрақұрылым дауларды қарауды “масштабтаудың” құралы ретінде ұсынылады, бірақ құқықтық мәні бар бағалау мен бақылау соттың институционалдық контурында қалуы керек [18].

Критикалық бағыт, керісінше, ашықтық, тексерілгіштік және жауаптылық қамтамасыз етілмесе, алгоритмдік қолдау жасырын «нормативтендіруші» немесе квази-шешім қабылдаушы функцияға оңай айналатынын алға тартады. Ф. Паскуале қоғамдық мәні бар шешімдердегі «қара жәшік» жауаптылық тапшылығын тудыратынын және құқықтық тұрғыдан мәнді даулауды қиындататынын көрсетеді, себебі адресат ықпалдың негізін қайта құрастыра алмайды [17].

Компромистік, «реттеуші-кепілдік» тәсіл тәуекелге бағдарланған жол берілетіндік идеясын ұсынады. Мәні мынада: автоматтандыру сервистік және қамтамасыз етуші функцияларда қабылдауға келеді, алайда тыңдалу құқығы, тараптардың теңдігі және шешімнің уәждеуі сияқты ядролық кепілдіктер қозғалған жерде құқықтық тұрғыдан шектелуі тиіс. Азаматтық процесс теориясында бұл шекара М. Таруффонның уәждеме туралы доктринасымен жақсы үйлеседі, өйткені уәждеме фактілер бойынша қорытындының рационалды тексерілгіштігінің тетігі ретінде бақылау мен шағымданудың шартын құрайды [15], [16]. Істерді сұрыптау және басқару жөніндегі қолданбалы ұсынымдарда да екпін жылдамдықтан күрделіліктің тексерілетін критерийлеріне және процестік траекториялардың пропорционалдылығына ауысады, бұл қате «жеңілдетілген» маршрутқа қауіпін төмендетеді [23]. Реттеушілік деңгейде осыған ұқсас логиканы ЕО-ның тәуекелге негізделген тәсілі көрсетеді: ЖИ жүйелерінің бір бөлігі жоғары тәуекел санатына жатқызылады, бірақ мәні бойынша қарауға әсер етпейтін көмекші міндеттер бөлек қарастырылады [24]. ЕЭЫДҰ өз кезегінде ЖИ қолдануды басқарудың прагматикалық рамкасын ұсынады: аудитке келетіндік, қарсылық білдіру мен шағымдану рәсімдері, сондай-ақ деректер мен нәтижелер сапасына институционалдық жауаптылық [25].

Алынған нәтижелер негізінде азаматтық сот ісін жүргізуде ЖИ қолданылатын жағдайлар үшін минималды процесуалдық «сақтандырғыштар» жиынтығы тұжырымдалды. Оған ЖИ қолданылған факт пен функцияны іс материалдарында тіркеу, нәтижені аудит және қайта өндіру арқылы тексерілетін ету, сондай-ақ алгоритм ықпал еткен процестік шешімдерге қатысты қарсылық білдіру және шағымданудың тиімді рәсімдерінің болуы жатады [2], [13]. Бұдан бөлек, деректер сапасына қойылатын талаптар, қолжетімділікті деңгейлеп бөлу және дербес деректерді қорғау шаралары, сондай-ақ кибер орнықтылық пен инциденттерге ден қоюдың ұйымдастырушылық тетіктері қажет [3], [5]. Осылайша ЖИ дауды мәні бойынша шешудің автономды көзі ретінде емес, процесуалдық ағындарды қолдау және басқару құралы ретінде жол берілетін модель негізделді [4].

Азаматтық сот ісін жүргізудегі автоматтандыру шектерін технологияның мүмкіндігімен емес, процестік кепілдіктер жүйесімен және цифрлық құралдардың тараптардың іс жүзіндегі жағдайына қалай әсер ететінімен айқындаған дұрыс. Конституциялық деңгейде рәсімнің қандай форматта жүргізілетініне қарамастан заңдылық пен құқықтарды сот арқылы қорғаудың басымдығы бекітіледі. Азаматтық процестік заңнамада бұл талап жарыспалылық пен тараптардың теңдігі, сот актісінің уәждеуі, сондай-ақ қарсылық білдіру және шағымдану құралдарын нақты әрі тиімді қолдану мүмкіндігі арқылы көрініс табады. Демек, істің қозғалысына немесе құқықтық дәлелдеу құрылымына ықпал ететін автоматтандыру тек рәсімдік тепе теңдік сақталған жағдайда ғана жол беріледі.

Практикада ең осал аймақ алгоритм техникалық көмекші шеңберінен шығып, сүзгілеуші немесе бағыттаушы функция атқара бастаған жерде пайда болады. Мынадай көрсеткіш микро-ситуацияны еске түсірейік: талап арыз электрондық арна арқылы берілген кезде жүйе талаптардың қысқа сипаттамасына сүйеніп дауды «жеңілдетілген» бағытқа автоматты түрде жатқызады, ал тарап бұл туралы қарау тағайындалғаннан кейін ғана біледі де, дәлелдемелерді толық зерттеу қажеттігін дәлелдеуге мәжбүр болады. Мұндай жағдайда мәселе жылдамдықта емес, жіктеу өлшемдерінің және оның процестік салдарының ашық еместігінде. Сол себепті цифрлық реттеу шеңбері мен ЖИ жүйелерін қолданудың қағидаттары процестік кепілдіктер тіліне «аударылуға» тиіс, әйтпесе жауаптылық пен тәуекелдерді басқару талаптары рәсімнің өзінен тыс қалып қояды.

Доктринада бұл жөнінде бірнеше бағыт қатар жүреді. Оптимистік ұстаным (Каппеллетти, Гарт) цифрландыруды сотқа қолжетімділікті кеңейтетін және шығындарды төмендететін институционалдық ресурс ретінде түсіндіреді, бірақ бір шартпен, рәсімдерді жеңілдету құқықтарды шектеуге айналмауы керек. Сасскинд онлайн-соттар идеясын дауларды қарауды кең ауқымда ұйымдастырудың құралы ретінде дамытады, бұл ретте соттың институционалдық бақылауы мен жауапкершілігі сақталуы тиіс деп есептейді. Критикалық бағыт, керісінше, «қара жәшік» жағдайында жауаптылық тапшылығы күшейетінін және құқықтық тұрғыдан қарсы дәлел келтіру қиындайтынын алға тартады, өйткені қатысушы ықпалдың негізін қайта құрастыра алмайды; бұл идея Паскуаленің еңбектерінде жүйелі түрде негізделген. Нидерландтағы SyRI ісі бойынша сот логикасы да маңызды: ашықтық жеткіліксіз және араласу өлшемсіз болған жағдайда алгоритмдік режимнің өзі құқыққа сыйымсыз деп танылуы мүмкін екенін көрсетеді.

Синтездейтін тәсіл тәуекелге бағдарланған ажыратуды ұсынады: автоматтандыру қамтамасыз етуші функцияларда қабылдауға келеді, бірақ дәлелдемелерді бағалау, мән-жайларды құқықтық саралау және шешімді уәждеу сияқты өзекке қатысты жерде шектелуге тиіс. Бұл шекара, жалпы алғанда, М. Таруффонның ұстанымымен үйлеседі: ол уәждемені тек формальды талап ретінде емес, фактілер жөніндегі қорытындының тексерілгіштігін қамтамасыз ететін, демек сот шешімін бақылауға мүмкіндік беретін тетік ретінде қарастырады. Қолданбалы деңгейде азаматтық істерді басқаруға арналған ұсынымдар да осыған жақын: екпін тек жылдамдыққа емес, күрделіліктің тексерілетін өлшемдеріне және рәсімдік режимді соразмерлі таңдауға түседі. Реттеушілік тұрғыдан алғанда, сот саласында қолданылатын ЖИ жүйелеріне арналған еуропалық тәуекелдік модель де ұқсас конструкция ұсынады. ЕЭЫДҰ баяндамаларында ЖИ қолданудың басқарылуы декларациялар арқылы емес, нақты операциялық талаптар арқылы қамтамасыз етілетіні қосымша атап өтіледі: нәтиженің аудитке келетіндігі, қарсылық білдіру мүмкіндігі және деректер мен қорытындылар сапасына бекітілген жауаптылық.

Қазақстан Республикасының жағдайында аталған тәсілдер деректердің құқықтық режимімен және цифрлық инфрақұрылымға қойылатын талаптармен сабақтастырылуы керек. Дербес деректер режимі өңдеудің мақсаттылығын, жиналатын мәліметтің ең аз жеткіліктілігін және қолжетімділікті бөлу қағидаларын көздейді. Цифрландыруға қатысты нормалар ақпараттық жүйелердің қорғалуына және қолжетімділікті басқаруға қойылатын талаптарды белгілейді. Электрондық құжат пен электрондық цифрлық қолтаңбаның құқықтық режимі цифрлық процестік әрекеттердің заңи маңызын қамтамасыз етіп, электрондық құжат айналымының тексерілгіштігін растауға мүмкіндік береді. Осыдан практикалық қорытынды шығады: ЖИ қолданылған жағдайда минималды кепілдік конфигурациясы істің материалдарында құрал қолданылған факт пен оның функциясын тіркеуді, аудит және қайта өндіру арқылы нәтижені тексеруге келетіндей етуді, деректер мен параметрлер нұсқаларын сақтауды, сондай-ақ алгоритм ықпал еткен шешімдерге қатысты жұмыс істейтін қарсылық және шағымдану рәсімдерін қамтуы тиіс. Мұндай тіркеу істің карточкасындағы арнайы белгі және қолданылған құрал туралы техникалық есеп қоса берілуі арқылы рәсімделуі мүмкін. Онсыз қарсылық көбіне формальды сипатта қалып қояды. Бұдан бөлек, деректер сапасына қойылатын талаптар, дербес деректерді қорғау шаралары және инциденттерге ден қою регламенті қажет, өйткені осы саладағы ақау немесе ақпараттың сыртқа шығуы тікелей процестік мәнге ие.

Жүргізілген зерттеу Қазақстан Республикасының азаматтық сот ісін жүргізуінде ЖИ мен цифрлық технологияларды енгізуді ең алдымен процестік кепілдіктер жүйесі тұрғысынан бағалау қажет екенін, ал технологиялық қолайлылық өлшемі дербес шешуші критерий бола алмайтынын көрсетеді. Конституциялық деңгейдегі сот арқылы қорғау бағдарлары мен заңдылық қағидаты, азаматтық процестік заңнамамен нақтылана отырып, мына шекті белгілейді: цифрлық құралдар жарыспалылықты, тараптардың теңдігін, тыңдалу құқығын және сот актісінің уәжделуіне қойылатын талапты әлсіретпеген жағдайда ғана жол берілетін болып табылады.

Электрондық құжат тапсыру, хабарламалар және іс материалдарына қолжетімділік сияқты сервистік цифрландыру, цифрлық рәсімдердің процестік эквиваленттілігі сақталған және цифрлық арналарды пайдалана алмайтын тұлғалар үшін қолжетімді баламалар қарастырылған жағдайда, аталған кепілдіктермен жалпы үйлеседі. Ал істің қозғалысына немесе құқықтық тұрғыдан мәні бар дәлелдеу мен уәждеу құрылымына ықпал ете алатын алгоритмдік құралдарға басқа құқықтық бағалау қажет. Мұндай жағдайда ЖИ қолданудың ашықтығы, нәтижені тексеруге келетіндей ету және қарсылық білдіру мен шағымданудың жұмыс істейтін рәсімдері шешуші мәнге ие болады, өйткені дәл осы элементтер соттық бақылауды қамтамасыз етіп, тараптардың процестік мүмкіндіктерінің жасырын түрде қайта бөлінуіне жол бермейді.

Дербес деректер режимін, акпараттандыру талаптарын, сондай-ақ электрондық құжат пен электрондық цифрлық қолтаңбаның құқықтық күшін ескере отырып, сот ісін жүргізуде ЖИ қолдану қолжетімділікті басқаруға, деректерді ең аз жеткіліктілік қағидатымен жинауға, кибер орнықтылыққа және процестік әрекеттердің цифрлық іздерін тіркеуге қатысты күшейтілген талаптарды көздейді. Қолданбалы тұрғыдан автоматтандырудың шектерін тәуекелге бағдарланған жіктеу арқылы белгілеу және міндетті процестік «сақтандырғыштар» жиынтығын бекіту ұсынылады. Мұндай жиынтыққа ЖИ қолданылған факт пен функцияны тіркеу, нәтижені аудитке келтірілетін және қайта өндіруге болатын ету, деректер сапасына қойылатын стандарттар, сондай-ақ алгоритм ықпал еткен шешімдерге қатысты қарсылық және шағымдану тетіктері кіреді.

Осылайша ЖИ азаматтық процесте ұйымдастырушылық қолдау мен талдаудың құралы ретінде негізделеді, бірақ дауды мәні бойынша автономды түрде шешетін дербес көз ретінде қарастырылмайды. Аталған шарттар сақталған кезде цифрлық трансформация сот ісін жүргізудің қолжетімділігі мен басқарылуын арттыра отырып, қатысушылардың құқықтық кепілдіктері деңгейін төмендетпей жүзеге аса алады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылғы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (жүгінген күні: 10.03.2026);
2. Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексі. Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 31 қазандағы № 377-V ҚРЗ Кодексі. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000377> (жүгінген күні: 10.03.2026);
3. Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексі. Қазақстан Республикасының 2026 жылғы 9 қаңтардағы № 255-VIII ҚРЗ Кодексі. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2600000255> (жүгінген күні: 10.03.2026);
4. Жасанды интеллект туралы. Қазақстан Республикасының 2025 жылғы 17 қарашадағы № 230-VIII ҚРЗ Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000230> (жүгінген күні: 10.03.2026);
5. Дербес деректер және оларды қорғау туралы. Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094> (жүгінген күні: 10.03.2026);
6. Ақпараттандыру туралы. Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 24 қарашадағы № 418-V ҚРЗ Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000418> (жүгінген күні: 10.03.2026);
7. Электрондық құжат және электрондық цифрлық қолтаңба туралы. Қазақстан Республикасының 2003 жылғы 7 қаңтардағы № 370-II Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z030000370> (жүгінген күні: 10.03.2026);
8. «Сот кабинеті» (ҚР сот органдарының ресми электрондық сервисі). // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://office.sud.kz/> (жүгінген күні: 10.03.2026);
9. International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR), 1966, Article 14. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (жүгінген күні: 10.03.2026);
10. European Convention on Human Rights (ECHR), 1950, Article 6. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: (https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng (жүгінген күні: 10.03.2026);
11. CEPEJ. European Ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. 2018. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (жүгінген күні: 10.03.2026);
12. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. 2021. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: (<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (жүгінген күні: 10.03.2026);
13. Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). 2024. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://rm.coe.int/1680afae3c> (жүгінген күні: 10.03.2026);
14. Cappelletti M., Garth B. Access to Justice: The Newest Wave in the Worldwide Movement to Make Rights Effective // Buffalo Law Review. 1978. Vol. 27. P. 181-292. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.repository.law.indiana.edu/facpub/1142/> (жүгінген күні: 10.03.2026);

15. Taruffo M. Inferences in Judicial Decisions About Facts // *Evidential Legal Reasoning* / Ed. J. Ferrer Beltrán, C. Vázquez. Cambridge University Press. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.cambridge.org/core/books/evidential-legal-reasoning/inferences-in-judicial-decisions-about-facts/8DDF55C25BD4C19C4619FDB1C9DF4666> (жүгінген күні: 10.03.2026);
16. Taruffo M. The Duty to Provide Reasoned Decisions in Civil Procedure: A Comparative Perspective. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.cplj.org/publications/8-6-the-duty-to-provide-reasoned-decisions-in-civil-procedure-a-comparative-perspective> (жүгінген күні: 10.03.2026);
17. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://digitalcommons.law.umaryland.edu/books/96/> (жүгінген күні: 10.03.2026);
18. Susskind R. *Online Courts and the Future of Justice*. Oxford: Oxford University Press, 2019. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://global.oup.com/academic/product/online-courts-and-the-future-of-justice-9780192849304> (жүгінген күні: 10.03.2026);
19. Rechtbank Den Haag. Judgment of 5 February 2020. ECLI:NL:RBDHA:2020:1878 (SyRI). // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:RBDHA:2020:1878> (жүгінген күні: 10.03.2026);
20. van Bekkum M. Digital welfare fraud detection and the Dutch SyRI judgment // *European Journal of Social Security*. 2021. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13882627211031257> (жүгінген күні: 10.03.2026);
21. BC Civil Resolution Tribunal. Official website. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://civilresolutionbc.ca/> (жүгінген күні: 10.03.2026);
22. Salter S. Online Dispute Resolution and Justice System Integration: British Columbia's Civil Resolution Tribunal // *Windsor Yearbook of Access to Justice*. 2017. Vol. 34. P. 112+. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://wyaj.uwindsor.ca/index.php/wyaj/article/view/5008/4272> (access date: 10.03.2026);
23. Hannaford-Agor P., Graves S. Meaningful Criteria for Automated Civil Case Triage. NCSC, 2017. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://ncsc.contentdm.oclc.org/digital/api/collection/civil/id/152/download> (access date: 10.03.2026);
24. Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act). // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (access date: 10.03.2026);
25. OECD. AI in justice administration and access to justice: Governing with artificial intelligence. 2025. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://www.oecd.org/en/publications/2025/06/governing-with-artificial-intelligence_398fa287/full-report/ai-in-justice-administration-and-access-to-justice_f0cbe651.html (access date: 10.03.2026).

УДК 347.7

Толеуов Сакен Сержанович,

Магистрант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, г. Косшы, Республика Казахстан

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СНИЖЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье исследуются организационно-правовые механизмы снижения административных барьеров в сфере предпринимательской деятельности в Республике Казахстан. Раскрывается правовая природа административных ограничений, а также анализируются основные причины их возникновения и особенности проявления в системе государственного регулирования. Особое внимание уделяется оценке влияния административных барьеров на развитие субъектов малого и среднего предпринимательства, уровень деловой активности и инвестиционную привлекательность экономики.

Обосновывается, что чрезмерная регламентация предпринимательской деятельности, сложность и многоступенчатость разрешительных процедур, а также наличие дублирующих контрольно-надзорных функций со стороны государственных органов формируют дополнительную административную нагрузку на бизнес и снижают эффективность правового регулирования. В этой связи аргументируется необходимость комплексного совершенствования организационно-правовых механизмов, предусматривающего оптимизацию контрольно-надзорной деятельности, расширение применения цифровых технологий в сфере государственных услуг и развитие системы правового обеспечения предпринимательства.

В заключение формулируется вывод о том, что дальнейшее развитие и институциональное закрепление правовых механизмов, направленных на снижение административной нагрузки на хозяйствующие субъекты, является необходимым условием повышения эффективности государственного регулирования предпринимательской деятельности и формирования устойчивой, конкурентоспособной предпринимательской среды в Республике Казахстан.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; административные барьеры; государственное регулирование; малый и средний бизнес; контроль и надзор.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасындағы кәсіпкерлік қызмет саласында әкімшілік кедергілерді төмендетуге бағытталған ұйымдастырушылық-құқықтық тетіктер зерттеледі. Әкімшілік шектеулердің құқықтық табиғаты ашылып, олардың пайда болу себептері мен мемлекеттік реттеу жүйесіндегі көрініс табу ерекшеліктері талданады. Әкімшілік кедергілердің шағын және орта кәсіпкерлік субъектілерінің дамуына, іскерлік белсенділік деңгейіне және экономиканың инвестициялық тартымдылығына тигізетін әсерін бағалауға ерекше назар аударылады.

Кәсіпкерлік қызметті шамадан тыс регламенттеу, рұқсат беру рәсімдерінің күрделілігі мен көпсатылылығы, сондай-ақ мемлекеттік органдар тарапынан бақылау-қадағалау функцияларының қайталануы бизнеске қосымша әкімшілік жүктеме қалыптастырып, құқықтық реттеудің тиімділігін төмендететіні негізделеді. Осыған байланысты бақылау-қадағалау қызметін оңтайландыруды, мемлекеттік қызметтер көрсету саласында цифрлық технологияларды қолдануды кеңейтуді және кәсіпкерлікті құқықтық қамтамасыз ету жүйесін дамытуды көздейтін ұйымдастырушылық-құқықтық тетіктерді кешенді түрде жетілдірудің қажеттілігі дәлелденеді.

Қорытындыда шаруашылық жүргізуші субъектілерге түсетін әкімшілік жүктемені төмендетуге бағытталған құқықтық тетіктерді одан әрі дамыту және оларды институционалдық тұрғыдан бекіту кәсіпкерлік қызметті мемлекеттік реттеудің тиімділігін арттырудың, сондай-ақ Қазақстан Республикасында орнықты әрі бәсекеге қабілетті кәсіпкерлік ортаны қалыптастырудың қажетті шарты болып табылатыны жөнінде тұжырым жасалады.

Түйінді сөздер: кәсіпкерлік қызмет; әкімшілік кедергілер; мемлекеттік реттеу; шағын және орта бизнес; бақылау және қадағалау.

Abstract. The article examines organizational and legal mechanisms aimed at reducing administrative barriers in the sphere of entrepreneurial activity in the Republic of Kazakhstan. The legal nature of administrative restrictions is revealed, and the main reasons for their emergence as well as the specific features of their manifestation within the system of state regulation are analyzed. Special attention is paid to assessing the impact of administrative barriers on the development of small and medium-sized enterprises, the level of business activity, and the investment attractiveness of the economy.

It is substantiated that excessive regulation of entrepreneurial activity, the complexity and multi-stage nature of permit and authorization procedures, as well as the duplication of control and supervisory functions by state bodies, create an additional administrative burden on businesses and reduce the effectiveness of legal regulation. In this regard, the necessity of comprehensive improvement of organizational and legal mechanisms is argued, including the optimization of control and supervisory activities, the expansion of digital technologies in the provision of public services, and the development of the system of legal support for entrepreneurship.

In conclusion, it is stated that the further development and institutional consolidation of legal mechanisms aimed at reducing the administrative burden on economic entities is a necessary condition for enhancing the effectiveness of state regulation of entrepreneurial activity and for forming a sustainable and competitive business environment in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: entrepreneurial activity; administrative barriers; state regulation; small and medium-sized enterprises; supervision; Republic of Kazakhstan.

В Послании Главы государства от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» акцентируется внимание на том, что ключевую роль в цифровом развитии страны должны играть предприниматели, а государственное регулирование должно строиться не на усложнении требований, а на их гибкой адаптации к реальным потребностям бизнеса.

Предпринимательство традиционно занимает центральное место в системе социально-экономических приоритетов Республики Казахстан, поскольку именно бизнес формирует рабочие места, способствует внедрению инноваций, обеспечивает стабильное развитие экономики и выступает важнейшим элементом национальной экономической системы.

Вместе с тем результативность предпринимательской деятельности в значительной степени зависит от уровня и качества государственного регулирования.

Особое значение в данном контексте имеют административные барьеры, под которыми понимается совокупность процедур, требований, ограничений и форм государственного контроля, затрудняющих (замедляющих) как создание, так и дальнейшее осуществление предпринимательской деятельности.

Они проявляются на стадии регистрации и получения разрешительных документов, а также в ходе текущей работы бизнеса через избыточный контроль, дублирование функций государственных органов и необоснованные регуляторные издержки.

Конституция Республики Казахстан закрепляет право на свободу предпринимательской деятельности (статья 26), а Гражданский кодекс определяет предпринимательство как самостоятельную, инициативную деятельность, направленную на систематическое получение дохода.

Государством гарантируется защита прав предпринимателей, включая сокращение разрешительных процедур, ограничение количества и продолжительности проверок, установление ответственности должностных лиц за воспрепятствование законной деятельности, а также развитие механизмов саморегулирования.

Предпринимательский кодекс Республики Казахстан дополняет указанную правовую основу, закрепляя такие принципы, как равенство субъектов предпринимательства, развитие добросовестной конкуренции, прозрачность деятельности государственных органов, эффективность правового регулирования, недопустимость незаконного вмешательства в хозяйственную деятельность, участие бизнеса в нормотворческом процессе и сокращение избыточных форм государственного контроля.

Несмотря на наличие разветвлённой нормативной базы, административные барьеры продолжают оказывать заметное влияние на развитие предпринимательского сектора, прежде всего малого и среднего бизнеса.

В этих условиях особую значимость приобретает исследование причин их возникновения, а также разработка организационно-правовых механизмов, направленных на их последовательное снижение.

Цель исследования заключается в анализе современного состояния административных барьеров в Республике Казахстан и выявлении эффективных способов их минимизации в контексте совершенствования системы государственного регулирования.

Научная новизна исследования заключается в формировании комплексного подхода к снижению административных барьеров, основанного на интеграции риск-ориентированной модели государственного контроля, цифровизации административных процедур и развития механизмов саморегулирования, а также в выявлении институциональных факторов, препятствующих эффективной реализации указанных инструментов в Республике Казахстан.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования предложенных рекомендаций при совершенствовании законодательства Республики Казахстан, а также в деятельности государственных органов при реализации контрольно-надзорных функций.

В зарубежных исследованиях административные барьеры рассматриваются преимущественно в рамках институциональной экономики и теории государственного регулирования. Так, Э. де Сото отмечает, что избыточные административные процедуры и сложность правового регулирования

существенно затрудняют развитие предпринимательской активности, увеличивают транзакционные издержки и стимулируют уход части экономической деятельности в неформальный сектор [1].

Схожей позиции придерживаются С. Джанков, Р. Ла Порта, Ф. Лопес-де-Силанес и А. Шлейфер, которые указывают, что чрезмерное государственное регулирование, выраженное в сложных регистрационных и разрешительных процедурах, негативно влияет на инвестиционный климат и снижает уровень деловой активности в государстве [2].

С институциональной точки зрения Д. Норт подчеркивает, что эффективность экономического развития во многом зависит от качества формальных институтов и правил государственного регулирования, поскольку сложные и неэффективные административные процедуры формируют дополнительные издержки для хозяйствующих субъектов и ограничивают развитие предпринимательства [3].

Практика зарубежных государств демонстрирует эффективность комплексного подхода к снижению административных барьеров.

Так, в Эстонии внедрение цифровых государственных услуг позволило существенно сократить сроки получения разрешительных документов и минимизировать административные процедуры.

В Сингапуре применяется модель «единого окна», обеспечивающая централизованное взаимодействие бизнеса с государственными органами и сокращение регуляторных издержек.

Указанные подходы свидетельствуют о том, что ключевыми факторами снижения административных барьеров являются цифровизация, упрощение процедур и координация деятельности государственных органов.

В отечественной правовой науке проблемы административных барьеров рассматриваются в контексте совершенствования государственного управления и обеспечения благоприятных условий для развития предпринимательства. Так, М.К. Сулейменов и Ю.Г. Басин отмечают, что формирование устойчивой предпринимательской среды требует создания стабильной и предсказуемой правовой системы, в которой административные процедуры должны быть прозрачными, обоснованными и не создавать необоснованных ограничений для субъектов бизнеса [4].

По мнению С.С. Сартаева, эффективность государственного регулирования экономики достигается при соблюдении баланса между необходимым уровнем государственного контроля и недопустимостью чрезмерного административного вмешательства в предпринимательскую деятельность [5].

Анализ научных источников свидетельствует об отсутствии единой, общепринятой трактовки понятия «административные барьеры».

В отдельных случаях они рассматриваются как препятствия, формируемые деятельностью либо бездействием государственных органов, которые приводят к затягиванию сроков или усложнению процедур, предусмотренных законодательством.

Представители другого подхода трактуют данное явление более широко, определяя его как многоаспектное нарушение прав предпринимателей, обусловленное:

- действиями или бездействием государственных органов;
- практикой деятельности организаций-монополистов (в сфере водо-, тепло- и энергоснабжения);
- правовой неопределённостью и объективной невозможностью исполнения отдельных нормативных требований.

В обобщённом виде административные барьеры можно охарактеризовать как совокупность обязательных процедур, которые предприниматель обязан пройти для получения права на осуществление хозяйственной деятельности — начиная с государственной регистрации и лицензирования и заканчивая прохождением контрольных и надзорных мероприятий.

Наличие таких барьеров ведёт к росту транзакционных издержек, ограничивает экономическую инициативу и негативно сказывается на динамике развития деловой среды.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составляют Конституция Республики Казахстан, Предпринимательский кодекс, Закон «О разрешениях и уведомлениях», кодексы, отраслевые законы и подзаконные нормативные правовые акты.

В качестве методологической базы исследования использованы сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы, позволившие проанализировать действующее законодательство и выявить проблемы правового регулирования.

Также применён метод анализа регуляторного воздействия (АРВ), направленный на оценку эффективности принимаемых нормативных решений, а также элементы статистического анализа.

Эмпирическую основу исследования составили обобщённые данные государственных органов Республики Казахстан, материалы Национальной палаты предпринимателей «Атамекен», а также аналитические отчёты и результаты опросов предпринимателей.

Теоретическую основу работы образуют научные исследования, посвящённые проблемам государственного регулирования, административных барьеров, цифровой трансформации и предпринимательского права.

Автор предлагает рассматривать административные барьеры как трехуровневую систему:

- 1) нормативные барьеры (обусловленные несовершенством законодательства);
- 2) институциональные барьеры (связанные с деятельностью государственных органов);
- 3) процедурные барьеры (проявляющиеся в избыточности административных процедур).

Такой подход позволяет более точно определить направления их минимизации и повысить эффективность государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Причины формирования административных барьеров

Возникновение административных барьеров в предпринимательской сфере Республики Казахстан обусловлено совокупным воздействием взаимосвязанных факторов, имеющих как нормативно-правовой, так и организационно-институциональный характер.

1. Фрагментарность нормативного регулирования

Наличие значительного количества подзаконных актов, ведомственных инструкций и внутренних регламентов нередко приводит к дублированию требований и различиям в практике их применения. Отсутствие целостного и системного подхода к правовому регулированию усложняет взаимодействие предпринимателей с государственными органами и снижает предсказуемость административных процедур.

2. Чрезмерная дискреция должностных лиц

Широкие пределы усмотрения при принятии решений в сферах лицензирования, разрешительной системы и надзорной деятельности создают предпосылки для неоднозначного толкования правовых норм и увеличивают вероятность субъективных и непоследовательных решений.

3. Дублирование контрольных полномочий

Недостаточная согласованность действий различных государственных органов приводит к проведению повторных проверок одного и того же субъекта по сходным основаниям, что существенно увеличивает административную нагрузку на бизнес и снижает эффективность контроля.

4. Формальный характер анализа регуляторного воздействия

В ряде случаев анализ регуляторного воздействия осуществляется без всесторонней оценки реальных последствий принимаемых норм для предпринимательской среды. Это приводит к принятию решений, которые фактически увеличивают административные издержки и усложняют ведение хозяйственной деятельности.

5. Преобладание карательной модели государственного надзора

Смещение акцента на выявление нарушений и применение санкций, а не на профилактику и консультативную поддержку предпринимателей, усиливает конфронтационный характер отношений между бизнесом и государственными органами.

Влияние административных барьеров на предпринимательскую активность

Административные барьеры оказывают многоаспектное негативное воздействие на развитие деловой среды, в частности:

- повышают уровень регуляторной неопределённости и рисков;
- увеличивают транзакционные издержки предпринимательской деятельности;
- способствуют уходу части бизнеса в теневой сектор;
- ограничивают внедрение инноваций;
- затрудняют рост и масштабирование малых предприятий.

Для субъектов малого предпринимательства данные барьеры имеют особенно тяжёлые последствия, поскольку затраты на выполнение административных требований носят условно-постоянный характер и оказываются относительно более значимыми по сравнению с крупными хозяйствующими субъектами.

По данным аналитических отчетов Национальной палаты предпринимателей «Атамекен», значительная часть субъектов малого и среднего бизнеса отмечает избыточность административных процедур и сложность взаимодействия с государственными органами как ключевые факторы, сдерживающие развитие предпринимательской деятельности.

2. Оптимизация контрольно-надзорной деятельности как способ снижения административных барьеров

Одним из приоритетных направлений уменьшения административной нагрузки является последовательное реформирование системы государственного контроля и надзора с учетом новых условий развития общества, экономики и технологии.

1. Внедрение риск-ориентированной модели контроля

Использование данного подхода позволяет:

- сократить количество необоснованных и формальных проверок;
- сосредоточить контрольные меры на наиболее рискованных видах деятельности;
- снизить административное давление на добросовестных предпринимателей.

2. Усиление профилактической функции надзора

Консультирование, разъяснение требований законодательства и предупреждение возможных нарушений способствуют снижению конфликтности и формированию партнёрских отношений между бизнесом и государством.

3. Развитие механизмов саморегулирования

Передача части регуляторных функций профессиональным и отраслевым объединениям:

- уменьшает нагрузку на государственные органы;
- повышает уровень ответственности внутри профессионального сообщества;
- способствует формированию единых стандартов качества и деловой практики.

4. Цифровая координация деятельности контрольных органов

Автоматизация процессов планирования проверок, создание единых электронных реестров и интеграция информационных систем позволяют исключить дублирование контрольных мероприятий и повысить прозрачность надзорной деятельности.

5. Цифровизация и повышение правовой грамотности как факторы снижения административных барьеров

Развитие электронных государственных услуг формирует более прозрачную и предсказуемую регуляторную среду, снижает уровень субъективного усмотрения и минимизирует коррупционные риски. Использование цифровых сервисов:

- сокращает сроки предоставления услуг;
- упрощает административные процедуры;
- уменьшает объём требуемых документов;
- обеспечивает прослеживаемость и обоснованность принимаемых решений.

Одновременно особое значение имеет повышение уровня правовой осведомлённости предпринимателей. Недостаток знаний в сфере законодательства и административных процедур нередко формирует восприятие регулирования как избыточно сложного и непрозрачного.

В этом контексте важную роль играют образовательные программы, деятельность НПП «Атамекен», центров правовой поддержки и специализированных цифровых платформ.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что административные барьеры в предпринимательской сфере представляют собой комплексное социально-правовое явление, формируемое совокупностью нормативных, институциональных и организационно-управленческих факторов.

Их сохранение негативно отражается на деловой активности, инновационном развитии и уровне конкурентоспособности национальной экономики. Минимизация административных барьеров требует системного совершенствования организационно-правовых механизмов, включающего:

- модернизацию контрольно-надзорной системы на основе риск-ориентированного и профилактического подходов;
- развитие институтов саморегулирования;
- углубление цифровой трансформации государственного регулирования;
- повышение уровня правовой культуры и грамотности предпринимателей.

Последовательная реализация указанных мер создаст предпосылки для упрощения ведения бизнеса, повышения прозрачности государственного управления и укрепления доверия между государством и предпринимательским сообществом. В свою очередь, это будет способствовать формированию благоприятной деловой среды и устойчивому развитию предпринимательства в Республике Казахстан.

Список использованных источников:

1. De Soto H. The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World. – New York: Harper & Row, 1989. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://archive.org/details/otherpathinvisib0000deso>. (дата обращения: 12.03.2026).

2. Djankov S., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. The Regulation of Entry. // The Quarterly Journal of Economics. – 2002. – Vol. 117. – No. 1. – P. 1–37. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.1162/003355302753399436> (дата обращения: 12.03.2026).
3. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678> (дата обращения: 12.03.2026).
4. Сулейменов М.К., Басин Ю.Г. Гражданское право. Академический курс. – Алматы: Жеті Жарғы, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 12.03.2026).
5. Сартаев С.С., Ибраева А.С. Теория государства и права. – Алматы: Жеті Жарғы, 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 12.03.2026).
7. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> (дата обращения: 12.03.2026).

УДК 342.9:347.451

Шаймухамбетова Айнура Болатбековна,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) И РЕШЕНИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования обжалования действий (бездействия) и решений административных органов в сфере защиты прав потребителей в Республике Казахстан. Проанализировано действующее законодательство, включая Закон Республики Казахстан «О защите прав потребителей» и Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Выявлены основные проблемы правоприменительной практики, связанные с отсутствием специализированных процедур рассмотрения потребительских споров, дублированием компетенции государственных органов и недостаточной цифровизацией механизмов подачи и рассмотрения жалоб. На основе анализа законодательства и зарубежного опыта предложены меры по совершенствованию механизма административного обжалования и повышению эффективности защиты прав потребителей.

Ключевые слова: защита прав потребителей; административное обжалование; административные органы; административная процедура; цифровизация; государственный контроль; потребительские споры.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында тұтынушылардың құқықтарын қорғау саласындағы әкімшілік органдардың әрекеттеріне (әрекетсіздігіне) және шешімдеріне шағымдануды құқықтық реттеудің өзекті мәселелері қарастырылады. «Тұтынушылардың құқықтарын қорғау туралы» Қазақстан Республикасының Заңы және Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексі сияқты қолданыстағы заңнамаға талдау жасалған. Тұтынушылық дауларды қараудың арнайы рәсімдерінің болмауы, мемлекеттік органдар құзыреттерінің қайталануы және шағымдарды беру мен қарау тетіктерінің жеткіліксіз цифрландырылуы сияқты құқық қолдану тәжірибесінің негізгі проблемалары анықталған. Заңнаманы талдау және шетелдік тәжірибені салыстырмалы зерттеу негізінде әкімшілік шағымдану тетігін жетілдіру және тұтынушылардың құқықтарын қорғау тиімділігін арттыру бойынша ұсыныстар қарастырылған.

Түйінді сөздер: тұтынушылардың құқықтарын қорғау; әкімшілік шағымдану; әкімшілік органдар; әкімшілік рәсім; цифрландыру; мемлекеттік бақылау; тұтынушылық даулар.

Abstract. The article examines current issues of legal regulation of appealing actions (inaction) and decisions of administrative bodies in the field of consumer rights protection in the Republic of Kazakhstan. The current legislation, including the Law of the Republic of Kazakhstan “On Consumer Rights Protection” and the Administrative Procedural and Process Code of the Republic of Kazakhstan, is analyzed. The study identifies key problems of law enforcement practice, such as the absence of specialized procedures for consumer disputes, duplication of competencies of state bodies, and insufficient digitalization of mechanisms for submitting and reviewing complaints. Based on the analysis of legislation and comparative study of foreign experience, proposals are formulated to improve the mechanism of administrative appeal and enhance the effectiveness of consumer rights protection.

Keywords: consumer rights protection; administrative appeal; administrative bodies; administrative procedure; digitalization; state control; consumer disputes.

Защита прав потребителей является одним из важнейших направлений государственной политики любого государства. Эффективная система защиты потребителей способствует формированию справедливой рыночной среды, повышению доверия граждан к государственным институтам и обеспечению высокого уровня правовой защищенности населения.

Современное развитие рыночной экономики, цифровизация торговых площадок и расширение сферы услуг способствовали увеличению количества потребительских правоотношений. В данных условиях возрастает значимость правовых механизмов, направленных на защиту прав и законных интересов потребителей. Особую актуальность приобретает эффективное функционирование института обжалования действий (бездействия) и решений административных органов, ответственных за контроль и надзор в области защиты прав потребителей.

В Республике Казахстан правовое регулирование отношений в сфере защиты прав потребителей осуществляется на основе норм гражданского, административного и специализированного закона. Основные гарантии прав и свобод граждан закреплены в Конституции Республики Казахстан, которая предусматривает право каждого на судебную защиту и обращение в государственные органы для защиты своих прав и законных интересов.

Особое значение в регулировании рассматриваемой сферы имеет Закон Республики Казахстан «О защите прав потребителей» от 4 мая 2010 года №274-IV (далее – Закон), который устанавливает правовые основы взаимодействия между потребителями и субъектами предпринимательства, определяет права и защиту интересов потребителей, в том числе обеспечение граждан безопасными и качественными товарами, работами и услугами, а также обязанности продавцов, изготовителей и исполнителей услуг [1].

В последние годы система защиты прав потребителей в Казахстане претерпевает значительные изменения. Развитие электронной торговли, цифровизация государственных услуг и расширение онлайн-взаимодействия между государством и гражданами обусловили необходимость совершенствования механизмов рассмотрения жалоб потребителей и обжалования решений административных органов.

Вместе с тем, несмотря на наличие развитой нормативной базы, правоприменительная практика показывает существование ряда проблем, связанных с реализацией права на обжалование решений административных органов. Среди них можно выделить недостаточную детализацию административных процедур, сложности в применении норм административного законодательства, а также низкий уровень использования электронных сервисов подачи жалоб.

В этой связи исследование правового регулирования обжалования действий (бездействия) и решений административных органов в сфере защиты прав потребителей представляет значительный научный и практический интерес.

В научной литературе отмечается, что современная система защиты прав потребителей должна включать эффективные административные процедуры, позволяющие оперативно реагировать на нарушения прав граждан и обеспечивать баланс интересов потребителей и субъектов предпринимательской деятельности.

Результаты/обсуждение. Институт защиты прав потребителей формировался в результате длительного исторического развития общественных отношений. Еще в древних правовых системах существовали нормы, регулирующие торговые отношения и направленные на обеспечение справедливости обмена товарами и услугами.

С развитием рыночной экономики потребитель стал рассматриваться как особый субъект экономических отношений, нуждающийся в повышенной правовой системе. В научных исследованиях отмечается, что потребитель является экономически более слабой стороной в договорных отношениях, поскольку обладает меньшим объемом информации и ресурсов по сравнению с предпринимателем.

В научной литературе подчеркивается, что защита прав потребителей является одним из ключевых элементов социальной функции государства. Так, С.Б. Жаркенова и Л.Ш. Кулмаханова отмечают, что в условиях рыночной экономики государство должно создавать эффективные правовые механизмы защиты потребителей, поскольку предприниматели, ориентированные на получение прибыли, не всегда учитывают интересы потребителей [3].

Отечественные ученые в области административного права Р.С. Мельник и Р.А. Подопригора отмечают, что современная система публичного управления должна обеспечивать эффективные механизмы защиты прав граждан от неправомерных действий государственных органов [5].

В международной правовой практике защита прав потребителей рассматривается как важнейший элемент обеспечения устойчивого экономического развития и социальной стабильности. В частности, Руководящие принципы ООН по защите интересов потребителей закрепляют основные права граждан на безопасность товаров, получение информации и возмещение ущерба. Они охватывают устойчивое потребление, защиту данных и электронную торговлю, в целом закрепляют фундаментальные принципы защиты прав потребителей на международном уровне. В нём государствам предписывается разрабатывать и реализовывать соответствующую национальную политику и законодательство, направленные на обеспечение защиты потребительских интересов. Особый акцент сделан на охране здоровья и безопасности потребителей, в том числе в критически важных сферах, таких как доступ к безопасным продуктам питания, питьевой воде и лекарственным средствам, что способствовало признанию потребительских прав в качестве значимого элемента международного права [4].

В Республике Казахстан правовое регулирование защиты прав потребителей осуществляется на основе комплекса нормативных актов, включающих Конституцию РК; Гражданский кодекс Республики Казахстан; Закон Республики Казахстан «О защите прав потребителей»; Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее - АППК).

Конституция Республики Казахстан закрепляет фундаментальные принципы защиты прав граждан и устанавливает право каждого на судебную защиту. Эти положения являются основой для формирования административных и судебных механизмов защиты прав потребителей.

Гражданский кодекс Республики Казахстан закрепляет общие принципы защиты нарушенных гражданских прав, в том числе право на восстановление нарушенных прав и возмещение причиненного вреда.

Закон «О защите прав потребителей» определяет основные права потребителей, включая право на безопасность товаров и услуг, право на получение достоверной информации о товаре, право на возмещение ущерба и право на защиту своих интересов в суде и государственных органах. Закон также предусматривает участие общественных объединений потребителей в защите прав граждан и возможность обращения в суд в интересах потребителей [1].

Особое значение для обеспечения права на обжалование имеет АППК, который регулирует порядок принятия административных актов и их обжалования. В научных исследованиях отмечается, что введение АППК стало важным этапом реформирования системы административной юстиции в Казахстане.

Согласно позиции Ю.Н. Старилова, «административная жалоба как внесудебная форма защиты прав представляет собой упрощенную процедуру обжалования, направленную на оперативное восстановление законности в действиях (бездействии) органов публичной власти без обращения в суд, что повышает эффективность административной юстиции» [7, 55 стр.].

При нарушении прав и законных интересов АППК предусматривает возможность подачи жалобы на действия (бездействие) государственных органов. При этом, срок рассмотрения жалобы в административном порядке согласно статье 99 АППК составляет двадцать рабочих дней [2].

Согласно ст. 5 Закона, уполномоченным органом является Министерство торговли и интеграции РК, осуществляющее координацию в сфере защиты прав потребителей. Статьями 42-4-42-8 Закона предусмотрено, что потребители имеют право на обжалование действий продавцов, изготовителей и исполнителей, но механизм обжалования решений самих административных органов регулируется АППК [1].

Глава 13 АППК РК предусматривает административный порядок обжалования: жалоба подается в вышестоящий орган или должностному лицу в течение трех месяцев. Для потребительских споров характерны сжатые сроки (ст. 42-5 Закона – два месяца с момента обращения к продавцу). Однако отсутствие специализированных норм приводит к применению общих процедур, не учитывающих уязвимость потребителя: бремя доказывания ложится на него, а сроки рассмотрения (до 30 дней) часто затягиваются [1], [2].

Несмотря на наличие нормативной базы, практика применения законодательства показывает наличие ряда проблем. Одной из основных проблем является недостаточная детализация процедур обжалования. Некоторые нормы административного законодательства имеют обобщенный характер, что приводит к неоднозначности их толкования и различиям в правоприменительной практике. Поскольку потребительские споры обладают рядом специфических особенностей, такие споры связаны с относительно небольшими суммами требований, требуют оперативного рассмотрения и характеризуются неравенством сторон, поскольку потребитель зачастую обладает меньшим объемом информации и ресурсов по сравнению с предпринимателем. Использование общих административных процедур не всегда позволяет обеспечить оперативное и эффективное восстановление нарушенных прав потребителей.

Как утверждает Д.Н. Бахрах, эффективная система административного права должна учитывать особенности различных категорий публично-правовых споров и предусматривать дифференцированные процедуры их разрешения, преимущественно административные [6, 3–4 стр.].

Кроме того, недостаточная информированность граждан о механизмах защиты своих прав. Многие потребители не осведомлены о существующих процедурах подачи жалоб и возможностях административного обжалования.

Еще одной проблемой является сложность взаимодействия между различными государственными органами, осуществляющими контроль в сфере защиты прав потребителей. Рассмотрение жалоб граждан может осуществляться несколькими государственными структурами, включая уполномоченные органы в сфере торговли, местные исполнительные органы и иные государственные учреждения. Наличие нескольких уполномоченных органов может приводить к затягиванию сроков рассмотрения жалоб. Зачастую обращения граждан перенаправляются между различными органами, что снижает эффективность защиты прав потребителей.

Недостаточная цифровизация механизмов рассмотрения жалоб. Современные процессы цифровизации государственного управления создают новые возможности для повышения эффективности защиты прав потребителей. В Казахстане активно развивается система электронного правительства, позволяющая гражданам получать государственные услуги и направлять обращения в государственные органы в электронном формате. Однако, уровень использования электронных сервисов подачи жалоб потребителей остается относительно низким, поскольку граждане сталкиваются с определенными трудностями при использовании электронных государственных сервисов, что снижает уровень их практического применения.

Отсутствие единой цифровой платформы для подачи и отслеживания жалоб потребителей также снижает прозрачность деятельности государственных органов.

В международной практике защита прав потребителей рассматривается как важный элемент государственной политики и включает как административные, так и судебные механизмы защиты.

Исследования зарубежного опыта показывают, что в странах Европейского союза широко применяются альтернативные механизмы разрешения потребительских споров, включая медиацию, омбудсменов и специальные органы досудебного урегулирования конфликтов. Так, в Директиве 2013/11/ЕС предусмотрена система альтернативного разрешения споров, предусматривающая обязательное участие компетентных органов в процедурах медиации со сроками рассмотрения до 90 дней. В Российской Федерации Федеральный закон «О защите прав потребителей» сочетает административное обжалование с цифровой платформой Госуслуг, обеспечивающей отслеживание жалоб в реальном времени [8], [9]. Данные модели демонстрируют высокую эффективность цифровизации и специализации правовых процедур, а также позволяют значительно снизить нагрузку на судебную систему и повысить доступность защиты прав потребителей.

В научных исследованиях отмечается, что развитие эффективной системы защиты прав потребителей возможно только при тесном взаимодействии государственных органов, общественных организаций и потребительских ассоциаций.

Использование зарубежного опыта может способствовать совершенствованию национального законодательства Республики Казахстан и повышению эффективности административных механизмов защиты прав потребителей.

Закключение/выводы. Проведенный анализ показывает, что механизм обжалования действий (бездействия) и решений административных органов в сфере защиты прав потребителей в Республике Казахстан требует дальнейшего совершенствования.

В целях повышения эффективности защиты прав потребителей представляется целесообразным реализовать ряд мер, направленных на совершенствование законодательства Республики Казахстан.

Во-первых, представляется целесообразным дополнить АППК специальной главой, регулирующей порядок обжалования по потребительским спорам. В частности, после главы 13 «Порядок обжалования. Подача жалобы», необходимо предусмотреть новую главу 13-1 «Порядок обжалования по потребительским спорам», устанавливающую сокращенные сроки рассмотрения жалоб до 15 календарных дней и упрощенный порядок доказывания.

Во-вторых, необходимо создать унифицированную онлайн-платформу на базе egov.kz с интеграцией Единой информационной системы защиты прав потребителей.

В-третьих, в целях повышения уровня правовой информированности граждан, предусмотреть обязанность предпринимателей размещать в местах реализации товаров и оказания услуг QR-коды, содержащие информацию о правах потребителей и порядке подачи жалоб.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность защиты прав потребителей, укрепить доверие граждан к государственным институтам и обеспечить формирование справедливой и прозрачной системы регулирования потребительских отношений.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Казахстан «О защите прав потребителей» от 4 мая 2010 года № 274-IV. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000274> (дата обращения: 15.02.2026).

2. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350/350_1.htm (дата обращения: 17.02.2026).

3. Zharkanova S.B., Kulmakhanova L.Sh. Consumer Rights Protection in International and Municipal Law: Problems and Perspectives // European Research Studies Journal. - 2015. - Vol. XVIII. - Issue 4. - P. 147–166.
4. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для защиты интересов потребителей, принятые резолюцией 39/248 от 16 апреля 1985 года, расширены Экономическим и Социальным Советом в резолюции 1999/7 от 26 июля 1999 года, пересмотрены и приняты Генеральной Ассамблеей в резолюции 70/186 от 22 декабря 2015 года. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/ditccplpmisc2016d1_ru.pdf (дата обращения: 17.02.2026).
5. Мельник Р.С., Подопригора Р.А. Административный процедурно-процессуальный кодекс: просто о сложном. - Астана, 2021. - 28 с.
6. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для вузов. Москва: Норма, 2004. - 416 с.
7. Старилов Ю.Н. Новейшая административная юстиция в России: многотрудный путь к административному иску и специальной процессуальной форме // Российская юстиция. 2023. № 1. С. 53-63.
8. Directive 2013/11/EU of the European Parliament and of the Council on alternative dispute resolution for consumer disputes. // [Electronic resource]. - Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/alternative-dispute-resolution-for-consumer-disputes.html> (access date: 01.03.2026).
9. Федеральный закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 01.03.2026).

**ҚЫЛЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ҚЫЛЫСТЫҚ-АТҚАРУ САЯСАТЫН ДАМУДЫҢ
ТҰЖЫРЫМДАМАЛЫҚ БАҒЫТТАРЫ**

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ**

**CONCEPTUAL DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW AND
PENITENTIARY POLICY**

ӘОЖ 343.549

Абибулла Айымкүл Ерболқызы,
Астана халықаралық университетінің студенті,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

Сеилханов Жанат Дюйсенбаевич,
Астана халықаралық университетінің аға оқытушысы,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА НЕКЕ БОСТАНДЫҒЫН ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚОРҒАУ: МӘЖБҮРЛЕУГЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ ТӘСІЛДЕРІН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасындағы неке бостандығын қамтамасыз ету мәселесі, соның ішінде некеге тұруға мәжбүрлеудің алдын алуға бағытталған құқықтық тетіктердің эволюциясы жан-жақты қарастырылады. Зерттеу барысында тұлғаның некеге еркін келісім беру құқығы мен қоғамда сақталып келе жатқан дәстүрлі түсініктер арасындағы қайшылыққа құқықтық тұрғыдан баға беріледі. Ұзақ уақыт бойы некеге мәжбүрлеу әрекеттері отбасылық қатынастар шеңберіндегі құбылыс ретінде қабылданып, қылмыстық-құқықтық талдаудың толыққанды нысанына айналмағаны айқындалады.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне енгізілген өзгерістер негізінде некеге мәжбүрлеу үшін көзделген қылмыстық жауаптылықтың мазмұны талданып, оның қоғамдық қауіптілік дәрежесі анықталады. Ғылыми талдау нәтижесінде мәжбүрлеудің нысандары, кінә түрлері және жауаптылықтың құқықтық ерекшеліктері сараланып, теориялық тұрғыдан негізделді.

Сонымен қатар автор некеге мәжбүрлеуге қарсы іс-қимылдың тиімділігін арттыру үшін құқықтық-ағартушылық жұмысты күшейту, жәбірленушілерді қорғаудың құқықтық тетіктерін жетілдіру жөнінде нақты ұсыныстар ұсынады. Неке бостандығы адам құқықтары мен бостандықтарын қорғау жүйесінің маңызды құрамдас бөлігі ретінде тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: неке бостандығы; некеге тұруға мәжбүрлеу; қылмыстық-құқықтық қорғау; ерікті келісім; жеке өмірге қол сұқпаушылық; қылмыстық жауаптылық; құқықтық саясат трансформациясы; алдын алу тетіктері.

Аннотация. В статье всесторонне рассматривается проблема обеспечения свободы брака в Республике Казахстан, с акцентом на правовую трансформацию механизмов противодействия принуждению к вступлению в брак. В рамках исследования даётся правовая оценка противоречию между правом личности на свободное и добровольное заключение брака и сохраняющимися в обществе традиционными установками. Показано, что на протяжении длительного времени факты принуждения к браку воспринимались преимущественно как явление семейно-бытовой сферы и не становились объектом системного уголовно-правового анализа.

На основе изменений, внесённых в Уголовный кодекс Республики Казахстан, анализируется содержание уголовной ответственности за принуждение к вступлению в брак и определяется степень его общественной опасности. В результате научного исследования раскрываются формы принуждения, виды вины и особенности уголовной ответственности, которым даётся теоретико-правовая оценка.

Кроме того, автор предлагает конкретные меры по совершенствованию политики противодействия принуждению к браку, включая усиление правового просвещения и укрепление правовых механизмов защиты потерпевших. Свобода брака обосновывается как неотъемлемый элемент системы защиты прав и свобод человека.

Ключевые слова: свобода брака; принуждение к вступлению в брак; уголовно-правовая защита; добровольное согласие; неприкосновенность частной жизни; уголовная ответственность; трансформация правовой политики; превентивные механизмы.

Abstract. The article provides a comprehensive examination of the problem of ensuring the freedom of marriage in the Republic of Kazakhstan, with a particular focus on the legal transformation of mechanisms for counteracting forced marriage. The study offers a legal assessment of the contradiction between an individual's right to enter into marriage freely and voluntarily and the traditional attitudes that persist in society. It is demonstrated that for a long time cases of forced marriage were perceived mainly as a family and domestic matter and did not become the subject of systematic criminal law analysis.

Based on the amendments introduced into the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, the author analyzes the content of criminal liability for forcing a person to marry and determines the degree of its social danger. As a result of the research, the forms of coercion, the types of guilt, and the specific features of criminal liability are identified and given a theoretical and legal assessment.

In addition, the author proposes specific measures aimed at improving the policy of counteracting forced marriage, including the strengthening of legal awareness and the enhancement of legal mechanisms for the protection of

victims. Freedom of marriage is substantiated as an inalienable element of the system for the protection of human rights and freedoms.

Keywords: freedom of marriage; forced marriage; criminal law protection; voluntary consent; right to privacy; criminal liability; transformation of legal policy; preventive mechanisms.

Қазіргі құқықтық мемлекет жағдайында адамның жеке бас бостандығын қамтамасыз ету және оның негізгі құқықтарын қорғау мемлекеттік саясаттың басты бағыттарының бірі болып саналады. Сол құқықтардың қатарында жеке тұлғаның некеге тұру немесе одан бас тарту мәселесін еркін шешу құқығы ерекше орын алады. Неке – тек әлеуметтік институт немесе дәстүрлі құбылыс ғана емес, ол адамның жеке өміріне, ар-намысына және қадір-қасиетіне тікелей байланысты құқықтық қатынас болып табылады. Сондықтан некеге қатысты кез келген мәжбүрлеу әрекеті жеке тұлғаның еркіндігіне қол сұғу ретінде қарастырылады.

Қазақстан Республикасының Конституциясында адам құқықтары мен бостандықтары мемлекеттің ең жоғары құндылықтарының бірі ретінде танылған. Атап айтқанда, Конституцияның 12-бабының 1-тармағында «адам құқықтары мен бостандықтары танылады және оларға кепілдік беріледі» деп нақты көрсетілген [1]. Бұл норма мемлекет тарапынан әр азаматтың негізгі құқықтарын қорғауға бағытталған конституциялық кепілдіктердің негізін қалыптастырады.

Соңғы жылдары елімізде жүзеге асырылып жатқан құқықтық реформалар да адам құқықтарын қорғау жүйесін жетілдіруге бағытталған. Конституцияның жаңартылған жобасының преамбуласында бекітілген «Әділетті Қазақстан» идеясы мен «Заң мен тәртіп» қағидаты қоғамда заң үстемдігін нығайтуға және азаматтардың құқықтарын тиімді қорғауға арналған. Осы құжатта Конституцияның 12-бабының мазмұны жаңа редакцияда 15-баптың 1-тармағына енгізіліп, онда да «адам құқықтары мен бостандықтары танылады және оларға кепілдік беріледі» деген қағида сақталған [2].

Осы тұрғыдан алғанда, неке еркіндігі тек әлеуметтік немесе моральдық категория ретінде емес, адамның жеке өміріне қол сұғылмаушылықты қамтамасыз ететін маңызды құқықтық институт ретінде қарастырылуы тиіс. Демек, некеге мәжбүрлеу әрекеттері жеке тұлғаның еркін таңдау құқығына қауіп төндіретін қоғамдық қауіпті құқық бұзушылық болып табылады.

Қазақстан Республикасының заңнамасы неке қатынастарын реттеуде тараптардың ерікті келісіміне ерекше мән береді. Қазақстан Республикасының «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» кодексінің 25-бабының 1-тармағының 2) тармақшасына сәйкес, неке тек екі тараптың өзара ерікті әрі саналы келісімі негізінде ғана қиылуы мүмкін. Егер неке мәжбүрлеу арқылы жасалса, ол заң бойынша жарамсыз деп танылады [4].

Бұл норма неке бостандығы қағидатының азаматтық-құқықтық деңгейде қорғалатынын көрсетеді. Алайда тәжірибеде тек азаматтық-құқықтық механизмдер әрқашан жеткілікті бола бермейді. Кейбір жағдайларда некеге мәжбүрлеу физикалық немесе психологиялық қысым арқылы жүзеге асырылып, жәбірленушінің құқықтары өрескел бұзылады.

Осыған байланысты мемлекет қылмыстық-құқықтық шараларды да енгізу қажеттігін қарастырды. 2025 жылы Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасына маңызды өзгерістер енгізіліп, некеге мәжбүрлеу үшін арнайы қылмыстық жауаптылық белгіленді.

2025 жылғы 16 қыркүйектен бастап Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 125-1-баппен – «Некеге тұруға мәжбүрлеу» деген жаңа нормамен толықтырылды [3]. Бұл бапқа сәйкес, күш қолдану, қорқыту немесе басқа да қысым көрсету арқылы адамды некеге тұруға мәжбүрлеген тұлғалар қылмыстық жауаптылыққа тартылады.

Аталған заңға 2025 жылғы 16 шілдеде Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаев қол қойған болатын [3]. Жаңа нормаға сәйкес кінәлі тұлғалар екі жылдан он жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айырылуы мүмкін.

Бұл өзгерістер Қазақстанның қылмыстық заңнамасында некеге мәжбүрлеуді жеке адамның бостандығына қарсы бағытталған қоғамдық қауіпті әрекет ретінде ресми танудың маңызды қадамы болып табылады.

Сонымен қатар заңнамада бірқатар маңызды жаңалықтар енгізілді:

Біріншіден, бұрын қоғамда «қалыңдық алып қашу» деген атаумен белгілі әрекет заңнамада нақты құқықтық сипатқа ие болды. Енді ол «некеге тұруға мәжбүрлеу» ұғымы арқылы реттеледі. Бұл норманың маңызды ерекшелігі – оның гендерлік бейтараптығы. Яғни заң әйелдерді ғана емес, ер адамдарды да жәбірленуші ретінде тануға мүмкіндік береді.

Екіншіден, бұрын «Адам ұрлау» бабында көзделген ескертпе бар, яғни ұрланған адамды өз еркімен босатқан жағдайда қылмыстық жауаптылықтан босатылады [9]. Алайда бұл норма некеге

мәжбүрлеу жағдайларына қолданылмайды, сондықтан қылмыскерлердің формалды түрде жәбірленушіні босату арқылы жазадан жалтару мүмкіндігі шектеледі.

Үшіншіден, егер қылмыс бірнеше адаммен немесе туыстарының қатысуымен жасалса, бұл жағдай қылмысты адамдар тобының жасауы ретінде бағаланып, жазаның қатаңдатылуына әкеледі. Мұндай жағдайда кінәлі тұлғалар үш жылдан жеті жылға дейін бас бостандығынан айырылуы мүмкін [6].

Аталған құқықтық ұстаным Борчашвили еңбектерінде де негізделген, атап айтқанда, оның Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне түсіндірмесінде қылмыстық әрекеттің сипаты мен қоғамдық қауіптілік дәрежесі көбінесе кінәнің нысаны мен жазаның мөлшерімен тікелей байланысты екендігі көрсетіледі [7, 201]. Осыған сәйкес, қылмыстарды санаттарға бөлу мен оларды дұрыс саралау кінәнің нысаны мен тағайындалатын жаза мөлшеріне негізделеді, бұл өз кезегінде адамдар тобы арқылы жасалған қылмыстардың неғұрлым ауыр құқықтық салдарға әкелуін ғылыми тұрғыдан дәлелдейді.

Некеге мәжбүрлеу мәселесі тек Қазақстанға ғана тән емес. Бұл проблема көптеген мемлекеттерде кездеседі. Орталық Азия елдерінің бірқатарында да осыған ұқсас құқықтық нормалар бар.

Мысалы, Қырғызстан, Өзбекстан және Түркіменстан қылмыстық заңнамаларында әйелдерді немесе кәмелетке толмағандарды некеге мәжбүрлеу, сондай-ақ оларды ұрлау арқылы некеге тұрғызу әрекеттері қылмыс ретінде қарастырылады.

Айта кету керек, мұндай норма бұрынғы 1959 жылғы Қазақ КСР Қылмыстық кодексінде де болған. Алайда кейінгі заңнамалық реформалар барысында бұл бап алынып тасталған еді. Қазіргі кезде аталған норманың қайта енгізілуі қоғамдағы құқықтық қатынастардың өзгеруіне және адам құқықтарын қорғау қажеттілігінің артуына байланысты болып отыр.

Некеге мәжбүрлеу сияқты құқық бұзушылықтардың алдын алу – құқық қорғау жүйесінің маңызды бағыттарының бірі. Қазақстан Республикасының «Құқық бұзушылық профилактикасы туралы» 2010 жылғы 29 сәуірдегі Заңының 4-бабына сәйкес, профилактика келесі қағидаттарға негізделеді:

- адам құқықтары мен бостандықтарын қорғау;
- заңдылық;
- ізгілік;
- жеке өмірге қол сұғылмаушылық;
- алдын алу шараларының жазалау шараларынан басымдығы [5].

Бұл қағидаттар қоғамда адамның еркін таңдау құқығын бұзатын әрекеттердің алдын алуға бағытталған құқықтық негізді қалыптастырады.

Сонымен қатар некеге мәжбүрлеу көбінесе басқа да ауыр құқық бұзушылықтармен байланысты болуы мүмкін. Кейбір жағдайларда мұндай әрекеттер жыныстық еркіндікке қарсы қылмыстардан кейін орын алады. Егер зорлау немесе басқа да ауыр қылмыстар бойынша дәлелдемелер жеткіліксіз болса, некеге мәжбүрлеу фактісі бойынша қылмыстық жауаптылық қолдану мүмкіндігі сақталады.

Қазақстанда некеге мәжбүрлеу мәселесі қоғамдық талқылаудың маңызды тақырыптарының біріне айналып отыр. Мемлекет басшысы да бұл мәселеге ерекше назар аударып келеді. Атырауда өткен Ұлттық құрылтай барысында Қасым-Жомарт Тоқаев қыз алып қашу әрекеттеріне құқықтық баға беріп, тиісті заңнамалық шаралар қабылдау қажеттігін атап өткен болатын.

Қазақстан Республикасының Премьер-министрі Олжас Бектенов депутаттық сауалға берген жауабында осы бағыттағы статистикалық мәліметтерді келтірді.

2024 жылы Қылмыстық кодекстің 125-бабы бойынша 65 қылмыстық іс тіркелген, олардың 45-і сотқа жолданған. Ал 125-1-бап бойынша 2026 жылдың басынан бері 31 іс тіркелген. Оның ішінде:

- Шымкент қаласында – 15 іс.
- Түркістан облысында – 10 іс.
- Алматы және Қызылорда облыстарында – 2 іс.
- Алматы қаласы мен Жамбыл облысында – 1 іс тіркелген [8]. Бұл деректер мәселенің әлі де өзекті екенін көрсетеді.

Соған қарамастан, некеге мәжбүрлеу фактілері бойынша қылмыстық істердің сотқа дейін жету көрсеткіші әлі де төмен деңгейде қалып отыр.

Бұл жағдай бірнеше себептермен түсіндіріледі:

1. Жәбірленушілердің құқықтық сауаттылығының жеткіліксіздігі.
2. Қоғамдағы дәстүрлік көзқарастардың әсері.
3. Жәбірленушілердің беделінен айырылып қалу немесе қоғамдық айыптаудан қорқуы.

4. Құқық қорғау органдары қызметкерлерінің жаңа заңнамалық нормаларды толық меңгермеуі.

Көптеген жәбірленушілер қорқыныш немесе қысым салдарынан құқық қорғау органдарына жүгінбейді. Нәтижесінде мәжбүрлі некелердің бір бөлігі кейін ажырасумен аяқталады.

Жоғарыда аталған мәселелерді ескере отырып, некеге мәжбүрлеудің алдын алу және заңнаманы тиімді қолдану мақсатында келесі ұсыныстарды айтуға болады.

Біріншіден, халықтың құқықтық сауаттылығын арттыру қажет. Бұл бағытта мектептерде, жоғары оқу орындарында және бұқаралық ақпарат құралдарында арнайы ақпараттық-түсіндіру жұмыстарын жүргізу маңызды.

Екіншіден, құқық қорғау органдары қызметкерлерінің кәсіби даярлығын жетілдіру қажет. Осы мақсатта 125-1-бапты қолдану тәжірибесіне арналған әдістемелік нұсқаулықтар әзірленіп, тұрақты оқыту семинарлары ұйымдастырылуы тиіс.

Үшіншіден, мәжбүрлі некеге қатысты әлеуметтік жарнамалар мен ағартушылық бағдарламаларды көбейту қажет. Бұл қоғамда мұндай әрекеттердің заңсыз екенін түсінуге ықпал етеді.

Төртіншіден, жәбірленушілерге психологиялық және құқықтық көмек көрсету жүйесін дамыту қажет. Дағдарыс орталықтары мен сенім телефондары арқылы азаматтарға қолдау көрсету тиімді болуы мүмкін.

Бесіншіден, ҚР Қылмыстық кодексінің 125-1-бабының тармақтарында көрсетілген санкцияларды күшейту керек деп санаймыз. Атап айтқанда 1-тармақта көзделген екі жылға дейінгі бас бостандығынан айыру жазасын үш жылдан бес жылға дейінгі мерзімге, ал 2-тармақта белгіленген үш жылдан жеті жылға дейінгі мерзімді бес жылдан он жылға дейінгі мерзімге ұлғайтуға, 3-тармақ бойынша көзделген бес жылдан он жылға дейінгі бас бостандығынан айыру жазасын жеті жылдан он екі жылға дейінгі мерзімге ұлғайтуды орынды деп санаймыз. Себебі, жоғарыда айтылған статистикалардың күннен күнге артып келе жатқанын байқаймыз. Осыған байланысты, бұл қылмыстардың алдын алуға, құқық бұзушылықтарға тежеуші әсер етуге неғұрлым тиімді қорғауға бағытталғанқұ.

Қорытындылай келе, Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасына некеге мәжбүрлеу үшін арнайы жауаптылықтың енгізілуі адам құқықтарын қорғау саласындағы маңызды реформалардың бірі болып табылады. Бұл өзгерістер мемлекеттің азаматтардың жеке бостандығын қорғауға бағытталған құқықтық саясатының нақты көрінісі болып саналады.

Некеге мәжбүрлеуді қылмыстық құқық бұзушылық ретінде тану қоғамда адамның еркін таңдау құқығын құрметтеу мәдениетін қалыптастыруға ықпал етеді. Сонымен қатар бұл норма дәстүр немесе әлеуметтік қысым деген желеумен жасалатын заңсыз әрекеттердің алдын алуға бағытталған.

Алайда кез келген заң нормасының тиімділігі оны тәжірибеде дұрыс қолдануға байланысты. Сондықтан құқықтық ағарту жұмыстарын күшейту, құқық қорғау органдарының қызметін жетілдіру және жәбірленушілерді қорғау тетіктерін дамыту ерекше маңызға ие.

Мемлекет, қоғам және құқық қорғау институттары бірлесіп әрекет еткен жағдайда ғана неке бостандығы толық қамтамасыз етіліп, адамның еркін таңдау құқығы шынайы конституциялық құндылық ретінде орнығады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Конституция 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000/history> (жүгінген күні: 23.02.2026);

2. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Конституция 2026 жылы 15 наурызда республикалық референдумға ұсынылған жобасы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830> (жүгінген күні: 24.02.2026);

3. Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы ресми сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror?lang=ru> (жүгінген күні: 25.02.2026);

4. Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы «Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» № 518-IV Кодексі. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1100000518> (жүгінген күні: 25.02.2026);

5. Құқық бұзушылық профилактикасы туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2025 жылғы 30 желтоқсандағы № 245-VIII. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000245> (жүгінген күні: 25.02.2026);

6. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 24.02.2026);

7. Борчашвили И.Ш. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне түсіндірме. Жалпы бөлік. 1-том – Алматы: Жеті жарғы, 2021. ISBN 968-601-288-160-8 1 т. – 820 бет (жүгінген күні: 20.03.2026);

8. NUR.KZ сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://kaz.nur.kz/accidents/crime/2347972-elimizing-qai-ongirlerinde-qyzdardy-nekege-turuga-zhii-mazhb>[Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: [?utm_source=web-share-api](https://kaz.nur.kz/accidents/crime/2347972-elimizing-qai-ongirlerinde-qyzdardy-nekege-turuga-zhii-mazhb) (жүгінген күні: 25.02.2026);

9. Ағыбаев А.Н. Қылмыстық құқық. Ерекше бөлік: Оқулақ. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 608 бет. ISBN 947-601-288-104-2 (жүгінген күні: 20.03.2026).

ӘОЖ 343.8

Августхан Сырым Августханұлы,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының доценті, философия докторы (PhD),
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

СОТҚА ДЕЙІНГІ ПРОБАЦИЯНЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасындағы сотқа дейінгі пробацияның құқықтық негіздері, ұйымдастырылу нысандары және оның негізгі бағыттары қарастырылады. Пробациялық бақылау мен әлеуметтік-құқықтық көмектің мазмұны, сондай-ақ пробация қызметі мен өзге де субъектілердің өзара іс-қимылы талданады. Пробация есебінде тұрған тұлғаларды әлеуметтік бейімдеу және оңалту шараларының түрлері айқындалып, олардың тиімділігін арттыру мәселелері қозғалады.

Сонымен қатар, сотқа дейінгі пробацияның ерекшеліктері, оны жүзеге асыру тетіктері және сотқа дейінгі баяндаманың маңызы ашып көрсетіледі. Мақалада пробация қызметінің қазіргі тәжірибесіндегі проблемалар, соның ішінде әлеуметтік-құқықтық көмек көрсету тетіктерінің жеткіліксіздігі, мамандардың тапшылығы және құқықтық мәртебенің нақты айқындалмауы сыни тұрғыдан талданады.

Халықаралық тәжірибемен салыстыру негізінде пробация жүйесін жетілдірудің мүмкін бағыттары ұсынылады.

Түйінді сөздер: пробация, сотқа дейінгі пробация, пробациялық бақылау, әлеуметтік-құқықтық көмек.

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы, организационные формы и основные направления досудебной пробации в Республике Казахстан. Анализируются содержание пробационного контроля и социально-правовой помощи, а также взаимодействие службы пробации с другими субъектами. Определяются виды мер социальной адаптации и реабилитации лиц, состоящих на пробационном учёте, и поднимаются вопросы повышения их эффективности.

Кроме того, раскрываются особенности досудебной пробации, механизмы её реализации и значение досудебного доклада. В статье критически анализируются проблемы современной практики пробационной службы, включая недостаточность механизмов оказания социально-правовой помощи, нехватку специалистов и неопределённость правового статуса.

На основе сравнительного анализа международного опыта предлагаются возможные направления совершенствования системы пробации.

Ключевые слова: пробация, досудебная пробация, пробационный контроль, социально-правовая помощь.

Abstract. The article examines the legal foundations, organizational forms, and main directions of pre-trial probation in the Republic of Kazakhstan. It analyzes the content of probation supervision and social-legal assistance, as well as the interaction between probation services and other entities. The types of measures for social adaptation and rehabilitation of individuals under probation supervision are identified, and issues related to improving their effectiveness are addressed.

In addition, the article explores the specific features of pre-trial probation, the mechanisms for its implementation, and the significance of the pre-trial report. It critically analyzes the problems of current probation practice, including the insufficiency of mechanisms for providing social-legal assistance, the shortage of specialists, and the lack of clearly defined legal status.

Based on a comparative analysis of international experience, possible directions for improving the probation system are proposed.

Keywords: probation, pre-trial probation, probation supervision, social and legal assistance.

Қолданыста жүрген пробация туралы еліміздің заңына сәйкес пробация институты келесі нысандарда ұйымдастырылады: пробациялық есепте тұрған тұлғаларға пробациялық бақылау мен әлеуметтік-құқықтық көмек көрсету арқылы. Сонымен қатар, пробация қызметінің есебіндегі тұлғалардың заңмен және сотпен жүктелген міндеттерді орындауын қадағалау бойынша пробация қызметі мен полиция органдарының өзара іс-қимылын білдіреді. Әлеуметтік-құқықтық көмек көрсету пробация субъектілерінің, яғни өздеріне қатысты пробация қолданылатын адамдарды қоғамға қосып, әлеуметтік бейімдеуге және оңалтуға бағытталған шаралар кешенін іске асыруын қамтиды.

К.Х. Рахимбердин «еліміздің заңнамаларында әлеуметтік бейімдеуге және оңалтуға бағытталған шаралар кешені бағдарламаларының ұйымдастырушылық-құқықтық механизмдері айқындалмаған деп атап көрсетеді» [1].

Пробация есебінде тұратын адамдарға әлеуметтік-құқықтық көмек көрсету келесі іс-шаралардан көрініс табады: медициналық көмек алу; орта білім алу; кәсіптік даярлаудан, қайта

даярлаудан және біліктілікті арттырудан, кәсіпті меңгеруден; жұмысқа орналасуға көмектесуден; психологиялық көмек көрсетуден, заңдарда айқындалған белгілі жеңілдіктер мен әлеуметтік төлемдерді алумен.

Пробациялық есептегі тұлғаларды әлеуметтік бейімдеудің көріністері: әлеуметтік-психологиялық және психологиялық кеңес беру; әлеуметтік патронаж; тараптардың келісімі негізінде отбасылық және өзге де әлеуметтік-белсенді байланыстарды ұстап тұруда жәрдемдесуді қамтитын әлеуметтік байланыстарды қолдау жүйесін қалпына келтіру және дамыту.

Пробациялық есептегі тұлғаларды оңалту шаралары: тұрғылықты жермен қамтамасыз ету; әлеуметтік бейімдеу іс-шараларды ұйымдастыру; мәдени-спорттық іс-шараларға қатысуын қамтамасыз ету; әлеуметтік-құқықтық мәселелер бойынша консультация беру арқылы тұрмыстық және отбасылық бейімдеуді жүзеге асыру.

Заңда пробацияны жүзеге асырушы субъектілер ретінде: «Ішкі істер органдары, қылмыстық-атқару жүйесінің уәкілетті органы, жергілікті атқарушы органдар, азаматтар, қоғамдық бірлестіктер және өзге де заңды тұлғалар айқындалған. Бұдан басқа, қолданыстағы заңнамаға сәйкес, әрбір аталған субъектінің құзыреті нақтыланып, заңның екінші тарауында құқықтық тұрғыда бекітілген. Сотқа дейінгі пробация заңнамалық тәртіпте кәмелетке толмағандарға, елу сегіз жас және одан асқан әйелдерге, жүкті әйелдерге, үш жасқа дейінгі балалары бар әйелдерге, алпыс үш жас және одан асқан ер адамдарға, үш жасқа дейінгі балаларды жалғыз тәрбиелейтін ер адамдарға, мүгедектігі бар күдіктілер мен айыпталушыларға ерікті негізде қолданылады. Сонымен қатар, сотқа дейінгі пробация бұлтартпау шарасы ретінде ұйқамақ немесе күзетпен қамауда ұстау тағайындалған тұлғаларға қатысты қолданылмайды» [2].

Пенитенциарлық мәселелер бойынша ұлттық сарапшы Е.Н.Саламатовтың пікірінше, «заң бойынша сотқа дейінгі пробация еріктілік қағидатында жүзеге асырылғанымен, іс жүзінде пробация қызметтері үшін қызметтік индикаторлар бекітіледі, олардың жұмысы күдіктілер мен айыпталушыларға көрсетілген әлеуметтік-құқықтық көмектің көлемімен өлшенеді.

Бұл жағдай пробация қызметкерлерінен күдіктілер мен айыпталушылардың мінез-құлқын түзету мақсатында әлеуметтік және өзге де көмек көрсетуді талап етеді. Алайда, күдіктілер мен айыпталушылардың басым бөлігі мұндай көмекке жүгінуге құлықсыздық танытады, өйткені олар ең алдымен сот үкіміне тікелей әсер ететін құқықтық аспектілерге қызығушылық білдіреді. Сотқа дейінгі тергеу сатысында мемлекеттен әлеуметтік-құқықтық көмек алуды олар өзіне тағылған айыптауда кінәсін мойындаудың психологиялық көрінісі ретінде қабылдайды.

Екінші жағынан, пробация қызметкерлері арасында жүргізілген сауалнама олардың күдіктілер мен айыпталушыларға әлеуметтік-құқықтық көмек көрсетуге қатысты белгілі бір сыншылдықты анықтады. Бұл төмендегідей факторлармен түсіндірілуі мүмкін:

- көмек алушылардың ынтасының төмендігі;
- күдіктіге қатысты қылмыстық іс тоқтатылған жағдайларда (мысалы, жәбірленушімен татуласуына байланысты) атқарылған жұмыстың нәтижесіздігін түсіну;
- күдіктілер мен айыпталушыларға көмек көрсету үшін барлық пробация субъектілерінің (жергілікті атқарушы органдар, денсаулық сақтау, білім беру, жұмыспен қамту, әлеуметтік көмек және т.б.) тиісті өзара іс-қимылын ұйымдастыру үшін өкілеттіктердің жеткіліксіздігі;
- құқық бұзушыларға әлеуметтік-құқықтық көмек көрсетудің жеке бағдарламаларын әзірлеу қажеттілігі, олардың әлеуметтік проблемаларын анықтау, зерттеу және бағалау негізінде, бұл пробация қызметкерлерінің, негізінен заңгерлер бейінді емес қызмет ретінде қабылдауы;
- сотқа дейінгі тергеп-тексерудің шектеулі мерзімі жағдайында әлеуметтік-құқықтық көмек көрсетудің жеке бағдарламасының іс-шараларын сапалы жүзеге асырудың мүмкінсіздігі» [3].

«Сотқа дейінгі пробация белгілі бір санаттағы адамдардың ерікті жазбаша өтініші негізінде іске асырылады. Пробация қызметі жалпы заңнамалық актілерге сәйкес алынған мәліметтерді талдау негізінде, сот талқылауына дейін сотқа дейінгі пробация қолданылатын тұлғаға арналған сотқа дейінгі баяндаманы әзірлейді. Өзіне қатысты сотқа дейінгі пробация тағайындалған тұлға баяндаманы дайындау процесіне қатысуға және оның мазмұны бойынша өз пікірлерін білдіруге құқылы, бұл оның сотқа дейінгі баяндамада тіркелуін талап етеді. Дегенмен, сотқа дейінгі тергеу кезеңінде қылмыстық іс бойынша іс жүргізу тоқтатылған жағдайда, пробация қызметі сотқа дейінгі пробацияны тоқтатуға міндетті. Сотқа дейінгі баяндама күдіктінің немесе айыпталушының жеке басының ерекшеліктерін, әлеуметтік-құқықтық көмек көрсетудің жеке бағдарламасында белгіленген іс-шаралардың орындалуын, пробация қызметінің ұсынымдарын сақтауын және ұсынылған көмекті қабылдауын қамтитын ақпараттар жиынтығы болып табылады» [4].

Күдіктінің, айыпталушының жеке басын психологиялық-әлеуметтік тестілеу аталған пробация кезінде сотқа дейінгі баяндаманы жасау барысында жүргізіледі.

Қазақстандық пробация қызметінің тәжірибесінде сотқа дейінгі баяндамаларды тек заңгерлер жасайды, өйткені бұл қызметте басқа мамандар жоқ. Қазіргі жағдайда сотқа дейінгі баяндамалардың әлеуметтік мазмұны жағынан сапасы туралы айту өте қиын.

Сотқа дейінгі пробацияның өзекті мәселелерінің бірі ұлттық заңнамада пробация қызметі қызметкерінің де, сотқа дейінгі баяндаманың да қылмыстық іс жүргізушілік мәртебесінің заңды түрде бекітілмеуімен сипатталады. Сотқа дейінгі баяндаманың функционалдық мәні әлеуметтік факторларды ескере отырып, қылмыстық жазаны оңтайлы таңдау үшін сотқа ақпараттық қолдау көрсету болып табылады. Осыған байланысты, сотқа дейінгі баяндама процессуалдық тәртіпте судьяға алдын ала жолданады.

Мұндай баяндамада сот үкіміне қатысты ұсыныстар болуы керек екендігі Токио ережелерінде нақты көрсетілген. Сондықтан сотқа дейінгі пробация деп аталатын бұл механизм соттар талап ететін құқықтық жағдайларда ғана жұмыс жасауы мүмкін.

Сонымен қатар, пробация қызметінің ішінде тек сотқа дейінгі баяндамаларды дайындаумен айналысатын, яғни жазаны орындамайтын арнайы бөлімшенің болуы қажет. Қызметкерлер әлеуметтанушылар, психологтар, педагогтар болуы мүмкін. Және әлемдік тәжірибеде сотқа дейінгі пробация жұмысын ұйымдастырудың балама модельдері де орын алған. Мысалы, Америка Құрама Штаттарында мемлекеттік пробациялық қызметтермен қатар мемлекеттік емес пробациялық ұйымдар да нәтижелі қызмет етеді. Бұл модельдің мәні құқық бұзушының өзіне қатысты әлеуметтік баяндаманы дайындау үшін жеке қаржысын жұмсауында. Коммерциялық пробациялық қызметтердің қызметі лицензиялауға жатады, ал жан-жақтылық пен бейтараптылық қағидаларын бұзған жағдайда лицензиядан айыру санкциясы қолданылады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Рахимбердин К.Х. Закон Республики Казахстан «О пробации»: критические замечания на полях. // Евразийская адвокатура. 2020. -1. -97 б.
2. Пробация туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2016 жылғы 30 желтоқсандағы № 38-VI ҚРЗ. «Әділет» Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық жүйесінен.
3. Пенитенциарлық мәселелер бойынша сарапшы Е.Н. Саламатов. Досудебная пробация: проблемы и пути решения. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33958224&pos=6;-108#pos=6;-108 (жүгінген күні: 25.02.2026).
4. «Сотқа дейінгі пробация сатысында күдіктінің, айыпталушының жеке басын психологиялық-әлеуметтік тестіден өткізу әдістемесін және Сотқа дейінгі баяндаманы дайындау әдістемесін бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрінің 2017 жылғы 04 ақпандағы № 90 бұйрығы.

УДК 34.343.4

Айкен Дария Қанатқызы,
магистрант НАО Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева
г. Астана, Республика Казахстан

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЗБУЖДЕНИЕ РОЗНИ, СОВЕРШЁННОЕ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу уголовной ответственности за возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой и религиозной розни, совершаемое с использованием информационно-коммуникационных технологий в Республике Казахстан. Рассматривается трансформация признака публичности преступления в условиях цифровизации и переноса публичного дискурса в интернет-пространство. Проанализированы объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного статьёй 174 Уголовного кодекса Республики Казахстан, с учётом специфики онлайн-высказываний. Особое внимание уделено проблемам доказывания умысла и оценке цифровых доказательств, включая судебное психолого-филологическое исследование. На примере резонансных дел показаны сложности разграничения допустимого выражения мнения и уголовно наказуемых высказываний. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики с учётом международных стандартов и особенностей цифровой коммуникации.

Ключевые слова: возбуждение розни, интернет-коммуникация, цифровая публичность, статья 174 УК РК, уголовная ответственность, свобода выражения мнения, лингвистическая экспертиза, цифровые доказательства, правоприменение.

Аннотация. Мақала Қазақстанда ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалана отырып жасалатын элеуметтік, ұлттық, рулық, нәсілдік және діни алауыздықты қозғағаны үшін қылмыстық жауаптылықты талдауға арналған. Цифрландыру және жария дискурсты интернет-кеңістікке көшіру жағдайында қылмыстың жариялылық белгісін трансформациялау қарастырылуда. Онлайн-мәлімдемелердің ерекшелігін ескере отырып, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 174-бабында көзделген қылмыс құрамының объективті және субъективті белгілері талданды. Сот-психологиялық-филологиялық зерттеулерді қоса алғанда, ниетті дәлелдеу және цифрлық дәлелдемелерді бағалау мәселелеріне ерекше назар аударылады. Резонанстық істер мысалында рұқсат етілген пікір мен қылмыстық жазаланатын мәлімдемелерді ажыратудың қиындықтары көрсетілген. Халықаралық стандарттар мен цифрлық коммуникацияның ерекшеліктерін ескере отырып, заңнама мен құқық қолдану практикасын жетілдіру бойынша ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: араздықты қоздыру, интернет-коммуникация, цифрлық жариялылық, ҚР ҚК 174-бабы, қылмыстық жауаптылық, сөз бостандығы, лингвистикалық сараптама, цифрлық дәлелдемелер, құқық қолдану.

Abstract. The article examines criminal liability for inciting social, national, tribal, racial and religious discord committed using information and communication technologies in Kazakhstan. The article focuses on the transformation of the publicity element of criminal conduct in the context of digitalization and the transfer of public discourse to the Internet space. The objective and subjective elements of the corpus delicti provided for in Article 174 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan are examined, taking into account the specific features of online statements. Particular attention is given to the problems of proving intent and evaluating digital evidence, including forensic psychological and philological research. Using the example of high-profile cases, the difficulties of distinguishing between permissible expression of opinion and criminally punishable statements are shown. Proposals have been formulated to improve legislation and law enforcement practice, taking into account international standards and the specifics of digital communication.

Keywords: incitement of discord, Internet communication, digital publicity, Article 174 of Kazakhstan's Criminal Code, criminal liability, freedom of expression, linguistic expertise, digital evidence, law enforcement.

Процессы цифровизации общественных коммуникаций оказали существенное влияние на формы публичного взаимодействия, характер распространения информации и способы выражения мнений. Социальные сети, видеохостинги и стриминговые платформы выступают ключевыми пространствами публичности, вытеснив традиционные офлайн-формы дискуссии и трансформировав представления о границах допустимого высказывания. В условиях цифровой среды любое сообщение потенциально становится доступным неограниченному кругу лиц и способно вызвать масштабную общественную реакцию.

В Республике Казахстан трансформация публичного пространства сопровождается ростом числа уголовных дел, связанных с высказываниями в интернет-пространстве, прежде всего по статье 174 Уголовного кодекса Республики Казахстан [1]. Генеральная прокуратура Республики Казахстан в

официальных заявлениях неоднократно подчёркивала увеличение количества выявленных фактов возбуждения социальной и межнациональной розни в социальных сетях, рассматривая их как угрозу общественной стабильности и межнациональному согласию [2].

Классическое уголовно-правовое понимание публичности формировалось применительно к физическому пространству и традиционным средствам массовой информации. Публичность предполагала обращение к неопределённому кругу лиц в конкретном месте и времени. В цифровой среде данный признак утрачивает пространственные и временные границы.

Интернет-коммуникация характеризуется неопределённостью аудитории, потенциальной безграничностью охвата и алгоритмическим распространением контента. Социальные платформы самостоятельно продвигают публикации, ориентируясь на вовлечённость пользователей, а не на намерения автора. В результате высказывание способно приобрести масштаб, несоразмерный исходному замыслу субъекта.

В этой связи представляется возможным рассматривать цифровую публичность как самостоятельную правовую категорию, отличающуюся от традиционного понимания публичности наличием технологически обусловленного элемента распространения информации, не зависящего в полной мере от воли субъекта.

Репосты, цитирование, нарезка видеоматериалов и мем-культура формируют вторичную публичность, при которой сообщение функционирует автономно и нередко утрачивает первоначальный контекст. Стриминг представляет собой особую форму цифровой публичности – «одновременную публикацию», в рамках которой отсутствует предварительный контроль содержания, а высказывания носят импровизационный и эмоциональный характер.

Указанные особенности позволяют говорить о формировании многоуровневой публичности в цифровой среде, включающей первичное высказывание и последующие формы его трансформации, что требует учёта при уголовно-правовой оценке деяния.

Кроме того, правоприменительная практика демонстрирует отсутствие единых критериев квалификации онлайн-высказываний. Аналогичные по форме и содержанию публикации могут быть признаны допустимыми как оценочными суждениями, административными правонарушениями, так и уголовно наказуемыми деяниями. Это формирует состояние правовой неопределённости и усиливает риск расширительного толкования уголовно-правовых норм.

Дополнительно следует учитывать феномен «контекстной размытости» цифровой коммуникации. В отличие от офлайн-высказываний, интернет-сообщение может восприниматься различными аудиториями вне исходного социального и культурного контекста. Пользователи, не обладающие информацией о личности автора, его интенциях и обстоятельствах высказывания, интерпретируют сообщение автономно, что увеличивает риск его восприятия как враждебного или экстремистского.

Алгоритмы социальных сетей усиливают данный эффект за счёт приоритетного продвижения конфликтного и эмоционально окрашенного контента. Таким образом, распространение информации перестаёт быть исключительно следствием воли автора и приобретает характер технологически опосредованного процесса. В этой связи привлечение лица к уголовной ответственности без учёта роли цифровой платформы представляется односторонним и не отражающим реального механизма формирования общественной опасности.

Следовательно, публичность в интернете носит комплексный характер и формируется взаимодействием субъекта, аудитории и цифровых алгоритмов, тогда как действующая редакция статьи 174 УК РК [1] учитывает лишь формальный признак использования онлайн-платформ, не раскрывая специфики алгоритмического распространения контента.

Особое значение приобретает конфликт между свободой выражения мнения и необходимостью защиты общественной безопасности. В международно-правовом аспекте данный конфликт разрешается в пользу ограничения свободы слова в случаях пропаганды ненависти. В соответствии с пунктом 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом» [3]. Таким образом, свобода слова не является абсолютной и утрачивает приоритет, когда высказывания направлены на разрушение межнационального и социального согласия. Ключевая проблема заключается не в самой криминализации подобных деяний, а в отсутствии чётких критериев их квалификации в условиях цифровой коммуникации.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 174 УК РК [1], являются общественные отношения, обеспечивающие межнациональное, социальное и религиозное согласие. В условиях цифровой среды воздействие на данный объект приобретает усиленный характер вследствие скорости и масштабы распространения информации.

Объективная сторона преступления выражается в действиях, направленных на возбуждение розни, унижение достоинства либо пропаганду исключительности. Основная проблема правоприменения заключается в разграничении уголовно наказуемых деяний и допустимых форм выражения мнения. Например эмоциональные, саркастические и провокационные высказывания нередко могут квалифицироваться как возбуждение розни даже при отсутствии прямых призывов к насилию. В доктрине уголовного права публичность традиционно рассматривается как обязательный признак объективной стороны данного состава преступления, однако в условиях цифровизации данный признак требует переосмысления с учётом виртуального характера коммуникации.

Субъективная сторона преступления предполагает наличие прямого умысла. Однако в интернет-пространстве умысел зачастую выводится формально - исключительно из содержания текста. Анализ мотивов, целей и обстоятельств публикации нередко отсутствует, что снижает качество доказывания и усиливает репрессивный характер правоприменения. Такой подход свидетельствует о формализации доказывания субъективной стороны и требует выработки более дифференцированных критериев установления умысла в цифровой среде.

Субъект преступления также приобретает специфические черты. К ответственности привлекаются не только авторы контента, но и администраторы пабликов, владельцы страниц и распространители, что ставит под сомнение принцип индивидуализации уголовной ответственности. Так, согласно международному аналитическому отчёту «Freedom on the Net 2023», подготовленному организацией Freedom House [4], законодательство Республики Казахстан фактически приравнивает интернет-ресурсы к средствам массовой информации, вследствие чего пользователи социальных сетей могут быть привлечены к ответственности за экстремистские комментарии, размещённые третьими лицами на их страницах.

Отдельного внимания заслуживает проблема толкования понятия «возбуждение розни». Закон не содержит его легального определения, что позволяет правоприменителю опираться на оценочные категории, формируемые экспертным сообществом. В результате границы между критикой, резким мнением, сатирой и уголовно наказуемым деянием оказываются размытыми.

Также, негативная эмоциональная окраска высказывания может восприниматься как достаточный признак общественной опасности. При этом не устанавливается, привело ли высказывание к реальному ухудшению межнациональных отношений либо к возникновению угрозы насилия. То есть уголовная ответственность наступает за потенциальную, а не фактическую опасность.

В контексте субъективной стороны особую сложность представляет доказывание умысла при использовании интернет-сленга, иронии и сарказма. Представляется, что отдельные экспертные заключения не в достаточной степени отражают специфику цифровой коммуникации, в том числе особенности иронии, сарказма, меметической формы и разговорного интернет-дискурса.

Особенности доказывания в цифровой среде. Доказывание по делам о возбуждении розни в интернет-пространстве сопряжено с рядом существенных проблем. В качестве доказательств используются скриншоты, видеозаписи, данные серверов и экспертные заключения. При этом удаление публикаций, монтаж видео и использование фейковых аккаунтов затрудняют установление подлинности доказательств.

Ключевую роль играет судебное психолого-филологическое исследование. Фактически именно эксперт определяет наличие признаков возбуждения розни, тогда как суд зачастую ограничивается воспроизведением экспертных выводов. Экспертное заключение фактически приобретает квазидоказательственное значение, выходя за пределы вспомогательного средства доказывания. В таких случаях наблюдается тенденция к фактическому перенесению оценки юридически значимых обстоятельств на эксперта, что ставит вопрос о соблюдении принципа независимости суда.

Особенно уязвимыми являются дела, связанные со стримингом. Эмоциональность, импровизация и вырывание фраз из контекста создают высокий риск неверной интерпретации содержания высказываний. В ряде резонансных дел фрагменты трансляций использовались в качестве основного доказательства без анализа общего контекста общения.

Цифровые доказательства обладают высокой уязвимостью к фальсификации и искажению. Скриншоты не позволяют достоверно установить источник информации, время публикации и факт авторства без подтверждения данными серверных логов. Однако суды могут признать скриншоты допустимыми доказательствами без проведения фототехнической экспертизы.

Особую проблему представляет перевод контента, размещённого на иностранных языках. Ошибки перевода способны изменить смысл высказывания и усилить его негативную интерпретацию. При этом суды могут не назначить повторные или комплексные экспертизы, ограничившись одним заключением, и не давая самостоятельной оценки контекста высказываний.

Судебная практика по статье 174 УК РК в цифровой среде. Анализ современной судебной и следственной практики Казахстана позволяет говорить о сформировавшейся устойчивой тенденции к активному применению статьи 174 УК РК [1] в отношении публичных онлайн-высказываний, распространяемых с использованием цифровых платформ и социальных сетей. При этом интернет-пространство рассматривается правоохранительными органами не как особая или «смягчённая» сфера выражения мнений, а как полноценное публичное пространство, в котором действуют общие требования уголовного и административного законодательства.

Показательным в данном контексте является резонансное дело, произошедшее в городе Алматы в феврале 2026 года с участием иностранных стримеров, осуществлявших прямые трансляции в социальной сети TikTok. В ходе одного из прямых эфиров были допущены высказывания в отношении казахстанских девушек, вызвавшие общественное возмущение и ставшие предметом правовой оценки, что стало основанием для рассмотрения вопроса о наличии в высказываниях признаков нарушения законодательства Республики Казахстан.

Особенностью данного случая стало то, что единичный по форме медиапродукт - один прямой эфир - в условиях цифровой среды приобрёл многократный эффект распространения. Фрагменты трансляции были оперативно сохранены, переразмещены и растиражированы в казахстанском сегменте интернета, что существенно расширило аудиторию и усилило общественный резонанс. Тем самым были реализованы ключевые квалифицирующие признаки, традиционно учитываемые при применении статьи 174 УК РК [1]: публичность, массовость восприятия и использование сетей телекоммуникаций.

Правоприменительная реакция государства в данном случае продемонстрировала комплексный и поэтапный характер. Первоначальное привлечение к административной ответственности по статье 434 КоАП РК [5] позволило оперативно зафиксировать противоправность поведения и пресечь дальнейшее распространение оскорбительного контента. Вместе с тем последующее инициирование уголовного расследования по статье 174 УК РК [1] подтвердило, что наличие административного наказания не исключает более строгой уголовно-правовой оценки при выявлении признаков разжигания социальной или национальной розни.

Важно также то, что официальное подтверждение возбуждения уголовного дела прозвучало публично - в ходе брифинга в Мажилис Парламента Республики Казахстан, что свидетельствует о придании делу статуса значимого правового и общественно-политического прецедента. Тем самым была обозначена чёткая позиция государства: иностранное гражданство, формат онлайн-трансляции и развлекательный характер контента не освобождают от ответственности за действия, нарушающие основы межнационального согласия [6].

В более широком смысле данный инцидент иллюстрирует трансформацию подходов к применению статьи 174 УК РК [1] - от редкого и исключительного инструмента к регулярно используемому механизму защиты общественного порядка в цифровой среде. Судебно-следственная практика всё чаще исходит из того, что именно интернет и социальные сети создают повышенные риски быстрого распространения языка вражды, что, в свою очередь, оправдывает более жёсткую и превентивно ориентированную реакцию государства.

Такой кейс с иностранными стримерами в Алматы в 2026 году выступает не изолированным эпизодом, а репрезентативным примером новой правоприменительной реальности, в которой цифровые высказывания приравниваются по своей социальной опасности к действиям, совершаемым в традиционном публичном пространстве, и подлежат соответствующей уголовно-правовой оценке.

В ходе исследования установлено, что цифровая среда трансформировала традиционное понимание публичности, создав новые формы взаимодействия, характеризующиеся неограниченной аудиторией, алгоритмическим распространением контента и вторичной публичностью. В Республике Казахстан уголовная ответственность за возбуждение розни в интернете формально соответствует международным обязательствам государства, однако на практике её реализация сопровождается существенными проблемами правовой определённости, соразмерности и индивидуализации ответственности.

Основные сложности связаны с отсутствием чётких критериев разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений, неопределённостью понятия «возбуждение розни», ограничениями в доказывании субъективного умысла и высокой степенью

зависимости судебной оценки от экспертных заключений. Эти факторы создают репрессивный эффект, снижают предсказуемость правоприменения и способствуют самоцензуре пользователей цифровых платформ.

Введение института административной преюдиции, закрепление критериев цифровой публичности, разграничение ответственности авторов и распространителей контента, а также стандартизация судебной психолого-филологической экспертизы позволили бы обеспечить дифференцированный подход к оценке степени общественной опасности высказываний и повысить эффективность и справедливость уголовно-правовой реакции. Без системного пересмотра подходов к цифровой коммуникации и адаптации уголовно-правовых механизмов статья 174 УК РК будет применяться фрагментарно и непредсказуемо, что подрывает доверие к правовой системе и ограничивает развитие гражданского общества.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K140000226> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Обращение заместителя Генерального Прокурора Умиралиева Ж. в порядке статьи 31 Закона «О прокуратуре». [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=6ZcJyf9HTIY> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Freedom House. Freedom of the Net 2023 - Kazakhstan. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://freedomhouse.org/country/kazakhstan/freedom-net/2023> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K140000235> (дата обращения: 25.02.2026).
6. Российских блогеров посадили на 15 суток за оскорбление казахстанских девушек. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.instagram.com/reel/DUnNxyFiORw/> (дата обращения: 25.02.2026).

УДК 343.3/.7

Аслан Бақбол Асланұлы,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Террористические и экстремистские преступления из числа уголовных правонарушений представляют повышенную степень общественной опасности и причиняют зачастую невосполнимый ущерб человеку, обществу и государству, и соответственно требуют более жестких мер реагирования. Лишение свободы является наиболее строгой мерой наказания за их совершение, но не всегда данное наказание, несмотря на изоляцию от общества позволяет реализовать цели уголовного наказания, в силу несовершенства механизмов его исполнения.

В статье рассматриваются вопросы и обозначены проблемы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы осужденным за совершение террористических и экстремистских преступлений. Автор проанализировал казахстанское законодательство в данной сфере, позиции ученых-юристов и практических работников, и на этой основе обозначил и обосновал свою позицию о необходимости изоляции этой категории заключенных от других лиц, отбывающих лишение свободы для профилактики радикализации осужденных.

Публикация направлена на разрешение проблем радикализации осужденных в местах лишения свободы с соблюдением прав человека и обеспечение безопасности общества с дальнейшей профилактикой террористической и экстремистской преступности.

Ключевые слова: исполнение наказания; лишение свободы; террористические преступления; экстремистские преступления; осужденный; радикализация.

Аннотация. Қылмыстық құқық бұзушылықтар қатарындағы террористік және экстремистік қылмыстар қоғамдық қауіптіліктің жоғары дәрежесін білдіреді және адамға, қоғамға және мемлекетке жиі орны толмас залал келтіреді және тиісінше неғұрлым қатаң ден қою шараларын талап етеді. Бас бостандығынан айыру оларды жасағаны үшін ең қатаң жаза болып табылады, бірақ қоғамнан оқшауланғанына қарамастан, бұл жаза оны орындау тетіктерінің жетілмегендігіне байланысты қылмыстық жазаның мақсаттарын жүзеге асыруға мүмкіндік бермейді.

Мақалада террористік және экстремистік қылмыстар жасағаны үшін сотталған адамдарға бас бостандығынан айыру түріндегі қылмыстық жазаны орындау мәселелері қарастырылған. Автор осы саладағы қазақстандық заңнаманы, заңгер ғалымдар мен практикалық қызметкерлердің ұстанымдарын талдап, осы негізде сотталғандарды радикалдандырудың алдын алу үшін бас бостандығынан айыруды өтеп жатқан басқа адамдардан осы санаттағы тұтқындарды оқшаулау қажеттілігі туралы өз ұстанымын белгіледі.

Жарияланым адам құқықтарын сақтай отырып, бас бостандығынан айыру орындарында сотталғандарды радикалдандыру проблемаларын шешуге және террористік және экстремистік қылмыстың одан әрі алдын алумен қоғамның қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған.

Түйінді сөздер: жазаны орындау; бас бостандығынан айыру; террористік қылмыстар; экстремистік қылмыстар; сотталған; радикалдану.

Abstract. Terrorist and extremist crimes among criminal offenses pose an increased degree of public danger and often cause irreparable damage to a person, society and the State, and therefore require more stringent response measures. Deprivation of liberty is the most severe measure of punishment for their commission, but this punishment, despite its isolation from society, does not always allow for the realization of the goals of criminal punishment, due to the imperfection of its execution mechanisms.

The article discusses the issues and identifies the problems of the execution of criminal penalties in the form of imprisonment for persons convicted of terrorist and extremist crimes. The author analyzed the Kazakh legislation in this area, the positions of legal scholars and practitioners, and on this basis outlined his position on the need to isolate this category of prisoners from other persons serving their sentences in order to prevent the radicalization of convicts.

The publication is aimed at solving the problems of radicalization of convicts in places of detention, respecting human rights and ensuring the safety of society, with further prevention of terrorist and extremist crime.

Keywords: execution of punishment; imprisonment; terrorist crimes; extremist crimes; convicted; radicalization.

Противодействие террористическим и экстремистским преступлениям актуально в глобальных масштабах, что объясняется возможными угрозами национальной безопасности. Принятая на республиканском референдуме 15 марта 2026 года Конституция Республики Казахстан провозглашает

в ст.3, что «основополагающими принципами деятельности Республики Казахстан являются защита Суверенитета и Независимости; соблюдение прав и свобод человека и гражданина; обеспечение верховенства закона и порядка; укрепление общенационального единства; повышение благосостояния народа; продвижение идеи ответственного, созидательного патриотизма; развитие общественного диалога; утверждение ценностей трудолюбия, прогресса, знаний; формирование высокой экологической культуры; сохранение историко-культурного наследия; поддержка национальной культуры» [1]. Указанное определяет своевременность и целесообразность тематики статьи.

Кроме того, актуальность заявленной темы определяет и то, что в ней автор сделал попытку и обосновал необходимость особых условий отбывания наказания за террористические и экстремистские преступления с обособлением этих осужденных от иных лиц, что составляет основу профилактики, что корреспондирует с целями Закона Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года «О профилактике правонарушений», которые определены как «обеспечение защиты и соблюдение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в сфере профилактики правонарушений, сохранение и укрепление правопорядка путем выявления, изучения, устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений» (ст. 3) [2].

Действующее уголовное законодательство Республики Казахстан в условиях правовых реформ по противодействию преступности ориентируется на общепризнанные принципы и нормы международного права и базируется на их положениях и нормах Конституции страны. Одними из серьезных угроз национальной и внешней безопасности являются терроризм и экстремизм. В рамках международной встречи в марте 2024 года с американским сенатором Стива Дэйнса, Президент нашей страны К.К. Токаев отметил: «в борьбе против терроризма все страны, невзирая на противоречия во взаимоотношениях друг с другом, должны объединить усилия в рамках масштабной международной коалиции. Казахстан готов внести свой вклад в это нужное дело» [3].

В Казахстане отраслевыми законами по противодействию терроризма и экстремизма являются: Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года «О противодействии терроризму» и Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года «О противодействии экстремизму». В рамках усиленной и жесткой охраны общества от этих негативных явлений ответственность за различного рода проявления терроризма и экстремизма предусмотрена Уголовным кодексом Республики Казахстан 2014 года (далее - УК). Законодатель закрепил перечень террористических и экстремистских преступлений в п.30) ст. 3 УК, где указано, что террористическими преступлениями признаются деяния, предусмотренные ст.ст. 170 (Наемничество), 171 (Создание баз (лагерей) подготовки наемников), 173 (Нападение на лиц или организации, пользующихся международной защитой), 177 (Посягательство на жизнь экс-Президента Республики Казахстан), 178 (Посягательство на жизнь Президента Республики Казахстан), 184 (Диверсия), 255 (Акт терроризма), 256 (Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма), 257 (Создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности), 258 (Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму), 259 (Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности), 260 (Прохождение террористической или экстремистской подготовки), 261 (Захват заложника), 269 (Нападение на здания, сооружения, средства сообщения и связи или их захват) и 270 (Угон, а равно захват воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава) УК [4].

Экстремистские преступления исчерпывающе перечислены законодателем в п.39) ст. 3 УК – это деяния, предусмотренные ст.ст. 174 (Разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни), 179 (Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан), 180 (Сепаратистская деятельность), 181 (Вооруженный мятеж), 182 (Создание, руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности), 184 (Диверсия), 258 (Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму), 259 (Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности), 260 (Прохождение террористической или экстремистской подготовки), 267 (Организация незаконного военизированного формирования), ч.ч.2-3 ст. 404 (Создание, руководство и участие в деятельности незаконных общественных и других объединений) и 405 (Организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма) УК [4].

Уголовный закон не содержит нормативного определения террористических и экстремистских преступлений, эти понятия раскрывает теория уголовного права. С.Т. Абдрахманов, «под преступлениями с террористической направленностью понимает преступления, которые преследуют террористические цели» [5, 11 стр.].

С научной точки зрения Е.С. Кемали отмечает: «особенностью экстремистских преступлений является наличие единой цели, проявляющиеся в посягательстве на мир и безопасность человечества, основы конституционного строя и безопасность государства, общественную безопасность и общественный порядок, порядок управления» [6, 66 стр.].

Назначение уголовных наказаний является самой строгой реакцией на совершение террористических и экстремистских преступных деяний со стороны государства. В санкциях статей об ответственности за данные преступные деяния основным видом наказания является лишение свободы, в том числе пожизненное лишение свободы; по экстремистским преступлениям законодатель предусмотрел наряду с лишением свободы и такие виды наказаний как штраф (ч.1 ст.174 УК), исправительные работы (ст. 405 УК), ограничение свободы (ч.1 ст. 180 УК).

Мы рассмотрим особенности исполнения самого сурового наказания из числа основных видов наказаний, назначаемых судами за террористические и экстремистские преступления – лишения свободы.

Результаты/обсуждение. Лишение свободы, предусмотрено ст. 46 УК, оно «состоит в изоляции осужденного от общества путем направления его в учреждение уголовно-исполнительной системы» [4]. Пожизненное лишение свободы в УК не обособлено в качестве самостоятельного наказания, в отечественном уголовном законе - это разновидность лишения свободы.

Исполнение наказания в виде лишения свободы предусматривает Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан (далее - УИК). Уголовно-исполнительный закон упорядочил исполнение лишения свободы, в том числе пожизненного лишения свободы в Главе 16 УИК (Общие положения исполнения наказания в виде лишения свободы). Порядок исполнения наказания, обличенный в данной главе, распространяется и на осужденных за совершение террористических и экстремистских преступлений.

В Казахстане за прошедший 2025 год «за террористическую и экстремистскую деятельность по материалам органов КНБ задержаны 83 и осуждены 97 лиц» [7]. Как указано выше, осужденные к лишению свободы за террористические и экстремистские преступления направляются в учреждения уголовно-исполнительной системы. Согласно п.5) ст. 3 УИК, «учреждение уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы (далее – учреждение) – государственное учреждение, предназначенное для исполнения наказаний в виде лишения свободы» [8].

Статьи 46 УК и 89 УИК закрепляют виды учреждений уголовно-исполнительной системы, куда направляются осужденные к лишению свободы на определенный срок в зависимости от категории террористического и экстремистского преступлений:

1) учреждениях уголовно-исполнительной системы средней безопасности - осужденные к лишению свободы на срок свыше 2-х лет за совершение умышленных преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы (п.2) ч.5 ст. 46 УК);

2) учреждения уголовно-исполнительной системы максимальной безопасности - осужденные к лишению свободы, ранее отбывавшим лишение свободы за совершение умышленного преступления (п.3) ч.5 ст. 46 УК);

3) учреждения уголовно-исполнительной системы чрезвычайной безопасности - осужденные к пожизненному лишению свободы (п.4) ч.5 ст. 46 УК);

4) учреждения уголовно-исполнительной системы полной безопасности - осужденным к лишению свободы на срок свыше 5-ти лет за совершение особо тяжких преступлений, при опасном рецидиве преступлений, ранее отбывавшим лишение свободы, кроме лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, содержатся в этом учреждении не более 5-ти лет в (ч.6 ст. 46 УК) [4].

Пожизненно осужденные за террористические и экстремистские преступления содержатся только в одном учреждении чрезвычайной безопасности - «Черный беркут», которое официально имеет название РГУ «Учреждение № 39» ДУИС по Костанайской области КУИС МВД РК [9].

Все остальные осужденные за террористические и экстремистские преступления отбывают наказания в разных учреждениях уголовно-исполнительной системы по регионам, в Казахстане в настоящий момент отсутствует специальное учреждение для лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы на определенный срок, и больше того УИК (ст. 88) обязывает направлять осужденных для отбывания наказания в учреждение по месту его жительства (в пределах области).

Не смотря на факт осуждения и изоляции от общества террористов и экстремистов, проблема их исправления и превенции (предупреждения новых аналогичных преступлений) зачастую не решается. С позиции науки М.Д. Шкунова правильно выделяет следующие «проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных-террористов: несовершенство действующего уголовно-исполнительного законодательства; стремление осужденных-террористов к лидерству в исправительных учреждениях и их приобщение к «воровским» традициям, приводящие к ухудшению обстановки в исправительном учреждении; огромные сложности в работе по исправлению осужденных-террористов в силу их извращенных религиозных убеждений» [10]. Это же научное утверждение абсолютно обосновано и для осужденных экстремистов.

Изоляция от общества осужденных за террористические и экстремистские преступления не дает 100-процентных гарантий, что они не вновь не совершат новых аналогичных посягательств.

Свидетельством вышесказанному является следующая информация: «КНБ совместно с МВД при координации прокуратуры Алматинской области 22 ноября 2025 года пресечена деятельность 10 сторонников радикальной религиозной идеологии. Как сообщила 25 ноября 2025 года пресс-служба комитета, подозреваемые находились в учреждениях уголовно-исполнительной системы Алматинской, Костанайской областей и области Жетысу. Один из фигурантов готовил теракт в условиях заключения, а остальные принимали участие в пропаганде терроризма и вербовке лиц в целях организации террористической деятельности» [11].

Подводя итог, отмечаем, что причиной вышеизложенной ситуации, когда пенитенциарная система не исправляет террористов и экстремистов и «плодит» новых субъектов террористических/экстремистки преступлений с научной позиции объясняется «как особенностями обстановки, сложившейся в учреждениях (подавление личности, лишения, стрессовые ситуации, угрозы жизни и здоровью, отбывание наказания с лицами, имеющими психические расстройства и др.), так и спецификой негативного влияния заключенных друг на друга в условиях изоляции (трансформация мировоззрения, моральных ценностей и идеологических установок). Пропагандистам и вербовщикам международных террористических организаций даже легче работать в колониях, поскольку объектами их деструктивного влияния, как правило, становятся малообразованные люди с надломленной психикой. Некоторые «специалисты» даже умышленно «сдаются», чтобы вербовать уязвимые категории осужденных» [12, 114 стр.].

В 2023 году на тот момент заместитель председателя КУИС Мейрам Аюбаев заявил, что «в Казахстане изучается возможность строительства отдельных колоний для осужденных за терроризм и экстремизм» [13]. До настоящего времени такие учреждения в республике отсутствуют.

Исследователи-противники позиции о раздельном содержании террористов и экстремистов раздельно от других осужденных, указывают: «политика сегрегации уголовников и террористов вызывает определенные сомнения с позиций правозащитной доктрины и равенства правового статуса осужденных» [12, 115 стр.].

Мы полагаем, что в настоящее время возникла необходимость создания в республике специализированного учреждения для осужденных за террористические и экстремистские преступления, для чего необходимо дополнить УК и УИК новым видом учреждения уголовно-исполнительной системы – «учреждение специализированной безопасности» для всех лиц, осужденных к лишению свободы за террористические и экстремистские преступления, с покамерным содержанием с учетом категории совершенного преступления. Для этого нужно дополнить ч.5 ст. 46 УК пунктом 5 в редакции:

«5) в учреждениях уголовно-исполнительной системы специализированной безопасности лицам, осужденным к лишению свободы за террористические и экстремистские преступления».

Также для исключения вопросов о несоблюдении прав осужденных по направлению их в учреждение по месту жительства, дополнить п.1) ч.3 ст.88 УИК и изложить в следующей редакции:

«1) отсутствия по месту жительства осужденного учреждения соответствующего вида, или осуждения за террористические и экстремистские преступления;».

Предлагаемые нами поправки направлены на снижения уровня радикализации осужденных, отбывающих лишение свободы и модернизацию деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы по исполнению наказания в отношении осужденных за террористические и экстремистские преступления.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г.) // [Электронный ресурс] - Режим доступа:

https://prg.kz/document/?doc_id=35502996&doc_id2=35502996&pos2=48;108&po (дата обращения: 26.03.2026).

2. О профилактике правонарушений. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 245-VIII ЗРК. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000245> (дата обращения: 26.03.2026).

3. Токаев считает, что все страны должны объединить усилия в борьбе против терроризма. Президент Казахстана принял американского сенатора Стива Дэйнса // 26.03.2024. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/> (дата обращения: 25.02.2026).

4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения 24.02.2026).

5. Абдрахманов С.Т. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Казахстан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, – 2002. – С.32.

6. Кемали Е.С. Актуальные вопросы совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия религиозному экстремизму/ Совершенствование взаимодействия правоохранительных структур и неправительственных организаций в противодействии терроризму и экстремизму: Сборник международной научно-практической конференции, 16 ноября 2017 года. – Астана-Алматы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2017. – С. 57-67.

7. Задержаны 83 и осуждены 97 лиц в Казахстане за терроризм и экстремизм с начала года – КНБ. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://bizmedia.kz/2025-11-24-zaderzhany-83-i-osuzhdeny-97-lich-v-kazahstane-za-terrorizm-i-ekstremizm-s-nachala-goda-knb/> (дата обращения 24.02.2026).

8. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения 26.02.2026).

9. Как отбывают пожизненное наказание жестокие убийцы и педофилы в «Черном беркуте». // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/duiskost/press/news/details/837684?lang=ru> (дата обращения 26.02.2026).

10. Шкунова, М.Д. Основные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных-террористов // Уголовно-исполнительное право. – 2010. – № 2. – С.45-51.

11. КНБ: В исправительных колониях трех областей Казахстана действовали радикалы. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://forbes.kz/articles/knb-v-ispravitelnyh-koloniayah-tryoh-oblastey-kazahstana-deystvovali-radikaly> (дата обращения 26.02.2026).

12. Красинский, В.В. «Тюремные джамааты» в исправительных учреждениях // Современное право. – 2018. – №11. – С.114-120.

13. Будут ли строить отдельные колонии для террористов и экстремистов в Казахстане. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://bizmedia.kz/2023-05-29-budut-li-stroit-otdelnye-kolonii-dlya-terroristov-i-ekstremistov-v-kazahstane/> (дата обращения 26.02.2026).

ӘОЖ 343.346.22

Баешев Арманбек Түребекулы,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясы
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

КӨЛІК ҚҰРАЛЫН МАСАҢ КҮЙДЕ БАСҚАРУ ҮШІН ЖАУАПТЫЛЫҚТЫҢ ТАРИХИ ЭВОЛЮЦИЯСЫ ЖӘНЕ ОТАНДЫҚ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАНЫ ЖЕТІЛДІРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық және әкімшілік заңнамасындағы құқықтық реттеудің үйлесімсіздігі, атап айтқанда, жүргізуші куәлігі жоқ тұлғалардың масаң күйде көлік басқарғаны үшін жауаптылығындағы теңсіздік мәселесі қарастырылған. Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің 2023–2025 жылдардағы деректері негізінде масаң күйде жасалған құқық бұзушылықтар рецидивінің өсу динамикасы талданған. Тарихи құқықтық талдауды қолдана отырып, зерттеу нәтижесінде жүргізуші куәлігі жоқ тұлғалардың масаң күйде көлік басқаруын қайталағаны үшін жауаптылықты қылмыстандыру ұсынылады.

Түйінді сөздер: жол қауіпсіздігі; масаң күй; қылмыстық жауаптылық; криминализация; құқықтық үйлесімсіздік; тарихи-құқықтық талдау.

Аннотация. В статье рассматривается несогласованность правового регулирования в уголовном и административном законодательстве Республики Казахстан, в частности, проблема неравенства ответственности лиц, не имеющих водительского удостоверения и управляющих транспортным средством в состоянии опьянения. На основе статистических данных Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за 2023–2025 годы показана динамика роста рецидива правонарушений, совершенных в состоянии опьянения. С учетом историко-правового анализа, по результатам исследования предлагается криминализация ответственности лиц, не имеющих водительского удостоверения, за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; состояние опьянения; уголовная ответственность; криминализация; несогласованность правового регулирования; историко-правовой анализ.

Abstract. The article examines the inconsistency of legal regulation in the criminal and administrative legislation of the Republic of Kazakhstan, specifically the issue of unequal liability for persons driving under the influence of alcohol without a driver's license. Based on statistical data from the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, the growth dynamics of recidivism of offenses committed in a state of intoxication are demonstrated. Taking into account the historical and legal analysis, the study proposes the criminalization of liability for persons without a driver's license for repeated driving under the influence.

Keywords: road safety; state of intoxication; criminal liability; criminalization; inconsistency of legal regulation; historical and legal analysis.

Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының 2024 жылы жариялаған «Әлемдегі жол қозғалысы қауіпсіздігінің жай күйі туралы» 2023 жылғы (Global status report on road safety 2023) баяндамасына сәйкес, Біріккен Ұлттар ұйымы қабылдаған 2030 жылға дейінгі Тұрақты даму күн тәртібі шеңберінде жол-көлік оқиғалары салдарынан болатын өлім мен жарақаттануды, оның ішінде көлік құралын алкогольдік немесе өзге де психоактивті заттардың әсерімен басқаруға байланысты жағдайларды екі есе қысқарту жөнінде жаһандық мақсат айқындалған [1]. Аталған баяндамада атап өтілгендей, бұл мақсат халықаралық шарттық міндеттеме сипатына ие болмаса да, мемлекеттер ерікті түрде қабылдаған әмбебап саяси міндеттеме ретінде ұлттық құқықтық саясат пен жол қозғалысы қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласындағы заңнамалық және институционалдық шараларды жетілдіруге бағдар береді. Осылайша, бұл нысаналы көрсеткіш мемлекеттердің құқық қолдану практикасын күшейтуіне, статистикалық мониторингті жетілдіруіне және құқық бұзушылықтың алдын алу тетіктерін жүйелі түрде дамытуына бағытталған халықаралық «жұмсақ құқық» (soft law) стандарты ретінде бағаланады.

Осы халықаралық бағдарлармен үндесе отырып, Қазақстан Республикасында жол қозғалысы қауіпсіздігін қамтамасыз ету - ұлттық қауіпсіздіктің құрамдас бөлігі ретінде қарастырылады. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаев өзінің Қазақстан халқына Жолдауларында масаң күйде көлік басқарғандарға жазаны күшейту қажеттігін бірнеше рет атап өткен болатын [2][3]. 2019 жылы заңнамаға енгізілген өзгертулерге қарамастан, статистикалық деректер бұл мәселенің әлі де өзекті екенін айғақтайды.

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің деректеріне сүйенсек, масаң күйдегі жүргізушілердің кінәсінен болған жол-көлік оқиғаларының (бұдан әрі - ЖКО) саны азаймай отыр. Мәселен, 2024 жылы осындай 1402 ЖКО тіркелсе, 2025 жылы бұл көрсеткіш 1418-ге жеткен [4]. Аталған статистикалық динамика қолданыстағы санкциялардың жеткіліксіздігін айғақтайды, бұл «мүлдем төзбеушілік» мемлекеттік саясаты контекстінде заң талаптарын елемейтін тұлғаларға қатысты мемлекеттік мәжбүрлеу шараларының репрессивті пәрменін сапалы түрде арттыру қажеттілігін өзектендіреді.

Қазіргі таңдағы статистикалық көрсеткіштер мен қолданылып отырған шаралардың тиімсіздігі бұл мәселенің тамырын тереңірек зерттеуді қажет етеді. Көлік құралын масаң күйде басқарудың қазіргі қылмыстық-құқықтық моделінің қалыптасу жолын түсіну үшін оның заңнамалық эволюциясына үңілген жөн. Бұл саланың құқықтық тарихты зерделеу - заңнамалық базаның қарапайым субъективті бағалаудан қатаң ғылыми-техникалық стандарттарға көшу кезеңдерін айқын көрсетеді. Аталған процесс тек жазаны қатаңдату ғана емес, сонымен бірге қылмыс құрамы мен дәлелдеу базасының технологиялық прогреске бейімделу жолын көрсетеді.

Көлік құралын масаң күйде басқарудың құқықтық тарихын зерттеуде «автомобильге дейінгі» (ат арба заманы) және моторлы көлік дәуірінің (автомобиль заманы) аражігін ажыратып қарастыру әдіснамалық тұрғыдан маңызды. Көлік құралын масаң күйде басқаруға тыйым салатын алғашқы нормативтік актілердің бірі - Ұлыбританияның 1872 жылғы «Лицензиялау туралы» заңы (Licensing Act 1872).

Аталған Заңның 12-бөлімінде алғаш рет кез келген көлік құралын (any carriage), жылқыны немесе бу машинасы (steam engine) қоғамдық орында масаң күйде басқарған тұлғаларға қатысты санкциялар бекітілді. Мұндағы маңызды құқықтық аспект - жауаптылықтың саралануы: егер қоғамдық орында масаң күйде болғаны үшін айыппұл 10 шиллингті құраса, көлік тізгініндегі тұлғаға 40 шиллинг көлемінде айыппұл немесе бір айға дейінгі бас бостандығынан айыру жазасы қауіп төндірді [5]. Бұл заң шығарушының XIX ғасырдың өзінде-ақ масаң жүргізушінің қоғамдық қауіптілік дәрежесін жоғары бағалағанын айғақтайды.

Осы нормативтік негіздің практикалық жүзеге асуы және моторлы көлік дәуірінің алғашқы прецеденті 1897 жылғы 10 қыркүйекте Лондонда тіркелді. 25 жастағы Джордж Смит (George Smith) өзінің «Bersey electric cab» маркалы электрлі таксиді (яғни, іштен жану немесе электр қозғалтқышымен жабдықталған көлікті) масаң күйде басқарып, Бонд-стрит көшесінде апатқа ұшырайды. 1897 жылғы 11 қыркүйектегі «The Morning Post» газетінде жарияланған «Drunken Motor Cab Driver» атты сот хроникасы бұл оқиғаны ерекше құқық бұзушылық ретінде сипаттайды.

Мұрағаттық дерекке сүйенсек: Полиция қызметкері (№247 C) өз айғағында таксидің көшеде бір жақтан екінші жаққа теңселіп (cab was oscillating from to side) жүргенін атап өткен. Бұл - сол кезеңдегі дәлелдеме базасының тек полиция қызметкерінің субъективті бақылауына негізделгенін, ғылыми-медициналық сараптаманың әлі қалыптаспағанын көрсетеді.

Жүргізуші Джордж Смит (George Smith) сотта өз кінәсін толық мойындап, 1872 жылғы заңның 12-бөлімі негізінде 20 шиллинг көлемінде айыппұл төлеуге үкім кесілді [5].

Осылайша, 1897 жылғы оқиға заңнаманың «автомобильге дейінгі» дәуірден моторлы көлік заманына өтуінің және (carriage) экипаж ұғымының (motor vehicle) моторлы көлік ұғымына трансформациялануының бастапқы нүктесі болды. Бұл прецедент қоғам мен мемлекеттің жаңа технологиялық қауіптерге, жоғары жылдамдықты моторлы аппараттарға, заңнамалық деңгейде бейімделу қажеттігін тудырды.

Еуропалық құқықтық кеңістікте басталған бұл тенденция көп ұзамай англо-саксондық құқық жүйесінің басқа субъектілеріне де әсер етіп, заңнамалық кодификацияның келесі кезеңіне жол ашты.

Мәселен, Атлантикалық құқық жүйесіндегі маңызды қадам Нью-Джерси штатында жасалды. Атап айтқанда, 1909 жылғы 16 сәуірде жарияланған «Acts of the One Hundred and Thirty-Third Legislature of the State of New Jersey and Sixty-Fifth Under the New Constitution» заңдар жинағының 127-тарауымен (Chapter 127) масаң күйде көлік басқаруды ресми түрде теріс қылық (misdemeanor) деп таныды [7].

Дегенмен, жауаптылықтың заңнамалық негіздері қаланғанымен, сол дәуірдегі құқық қолдану практикасы маңызды бір әдіснамалық кедергіге тап болды. Дэвид Либов (David Liebow) атап өткендей, моторлы көлік заманының алғашқы онжылдықтарында масаң күйді анықтаудың ғылыми-медициналық өлшемдері (қандағы алкоголь концентрациясы) болмауы, дәлелдемелік базаның тек полиция қызметкерінің субъективті бақылауына негізделуіне әкеледі [8]. Бұл тарихи эволюция субъективті бағалаудан басталып, заңнамалық бекітуден өтіп, бүгінгі таңдағы қатаң ғылыми-техникалық стандарттарға негізделген қылмыстық саясатқа ұласты.

Романо-германдық құқық жүйесіндегі көліктік қылмыстардың даму тарихы - бұл техникалық прогресс пен қоғамдық қауіпсіздік парадигмасының өзара сабақтаса трансформациялануының тікелей көрінісі. Алғашқы автомобильдердің пайда болуынан бастап қазіргі қатаң санкцияларға дейінгі жолды зерделеу, бұл институттың дамуын екі іргелі тарихи кезеңге бөліп қарастыруға мүмкіндік береді.

XX ғасырдың басында көлік құралдарының жаппай өндіріске енуі дәстүрлі құқық теориясының алдына мүлдем жаңа міндеттер қойды. Осы қажеттіліктің нәтижесінде 1909 жылғы 3 мамырда Германияда қабылданған «Механикалық көлік құралдарының қозғалысы туралы» заң (Gesetz über den Verkehr mit Kraftfahrzeugen) бұл саланы реттеудегі әлемдегі алғашқы жүйелі құжаттардың біріне айналды [9]. Бұл кезеңнің басты құқықтық ерекшелігі - «пайдалану қауіптілігі» (Betriebsgefahr) концепциясының ресми түрде бекітілуі еді. Заңның II бөлімінде (Haftpflicht) көлік иесінің тікелей кінәсіне қарамастан, тек жоғары қауіптілік көзін пайдалану фактісінен туындаған зиян үшін азаматтық - құқықтық жауаптылық бекітілді [10]. Дегенмен, бұл уақытта масаң күйде көлік басқару мәселесі дербес қылмыс құрамы ретінде қарастырылмады. Ол заңның III бөліміндегі (Strafvorschriften) жалпы ереже бұзушылықтардың құрамында қалып, көбінесе әкімшілік - тәртіптік сипаттағы жазалармен шектелді. Осылайша, 1909 жылғы заң автомобильді «жоғары қауіптілік көзі» ретінде танып, мүлктік жауаптылықты күшейткенімен, масаң күйдегі жүргізушінің тұлғалық қауіптілігін бағалаудың және оны қозғалыстан оқшаулаудың (куәліктен айыру) нақты қылмыстық - құқықтық механизмін әлі қалыптастыра қоймаған еді.

Екінші дүниежүзілік соғыстан кейінгі кезеңде Еуропадағы автомобильдендіру үдерісінің қарқын алуы және жол апаттарының жиілеуі заңнамалық парадигманы түбегейлі қайта қарауды талап етті. 1962 жылғы 27 қыркүйекте Германия Бундестагының қаралуына ұсынылған IV/651 санды заң жобасы (Entwurf eines Zweiten Gesetzes zur Sicherung des Straßenverkehrs) романо - германдық құқық жүйесіндегі мас жүргізушілерге қатысты көзқарасты революциялық жолмен өзгерткен тарихи құжатқа айналды [11].

Аталған реформа аясында Германияның Қылмыстық кодексінің (Strafgesetzbuch - StGB) 315с-бабында [12] «алкогольдік ішімдіктерді немесе өзге де психотроптық (andere berauschende Mittel) пайдалану салдарынан көлікті қауіпсіз басқара алмайтын күйде» (Fahruntüchtigkeit) болу қылмыстың негізгі объективті белгісі ретінде бекітілді. Мұндағы басты жаңалық - масаңдық күйдің «өрескел және ойланбай жасалған» әрекеттермен ұштасуы қылмыстық саралаудың іргетасы ретінде танылды. Бұл ретте қылмыс құрамы тек нақты зиян келгенде емес, қоғамдық қауіп төнген сәттен бастап аяқталған деп есептелетін «абстрактілі қауіп» моделіне көшті.

Құқықтық реформаның тағы бір маңызды жетістігі - Германияның Қылмыстық - процестік кодексіне (Strafprozessordnung - StPO) енгізілген 111а-бабы [13] арқылы жүргізуші куәлігін уақытша тартып алу институтының бекітілуі. Егер бұрын жаза тек символикалық айыппұлмен немесе өткен іске өтем жасаумен шектелсе, 1962 жылғы реформация басты мақсат ретінде қоғамды қауіпті тұлғадан қорғауды, яғни оны қозғалыс құқығынан институционалды түрде айыруды бірінші орынға шығарды.

Осылайша, көлік құралын масаң күйде басқарумен күрес тарихы көрсеткендей, мемлекеттің қылмыстық құқықтық саясаты үнемі жазаны қатандату бағытында дамып келеді және бұл репрессивті тәсіл өзінің тарихи заңдылығы мен тиімділігін дәлелдеуде. Алайда, отандық заңнаманың қазіргі жай-күйін талдау барысында мемлекеттік мәжбүрлеу шараларының тиімділігін төмендететін құқықтық реттеудегі белгілі бір үйлесімсіздік анықталды. Ол - жүргізуші куәлігінен айырылған тұлғалар мен жүргізуші куәлігін ешқашан алмаған тұлғалардың жауаптылығындағы теңсіздік пен пропорционалдылық қағидатының бұзылуы.

Қазіргі таңда Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 346-бабының санкциясы тек көлік басқару құқығынан айырылған адамдарға ғана қолданылады. Ал көлік құралын басқару құқығы мүлде жоқ (куәлік алмаған) адам масаң күйде ұсталған жағдайда, оның әрекеті тек Қазақстан Республикасы Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексінің (бұдан әрі - ӘҚБтК) 608-бабының 6-бөлігімен сараланады. Мұндағы басты құқықтық парадокс мынада: аталған тұлға бұл әрекетті бір жыл ішінде қайталағанның өзінде қылмыстық жауаптылыққа тартылмайды, оған тек әкімшілік жаза (ӘҚБтК 608-бабының 7-бөлігі) қолданылады.

Құқықтық статистика бұл заңнамалық кемшіліктің құқық бұзушылардың жауаптылықтан жалтаруына және құқық бұзушылықтың қайталануына итермелейтін фактор ретінде ықпал етіп отырғанын көрсетеді. ӘҚБтК-нің 608-бабының 7-бөлігі бойынша (басқару құқығы жоқ адамның масаң күйде көлік жүргізуді қайталауы) тіркелген құқық бұзушылықтар тұрақты өсу динамикасын көрсетуде: егер 2023 жылы 285 факті тіркелсе, 2024 жылы бұл көрсеткіш 305-ке, ал 2025 жылы 339 фактіге жеткен [4]. Бұл сандық мәліметтер әкімшілік қамаққа алу шарасының құқық бұзушыларды тоқтата

алмайтынын, яғни аталған санаттағы тұлғаларға қатысты әкімшілік жазаның ескерту (профилактикалық) функциясының өз мақсатына толық жете алмай отырғанын дәлелдейді.

Осы тұста отандық қылмыстық және әкімшілік құқық доктринасына жүгіну маңызды. Отандық ғалым Е.М. Хахимов өзінің зерттеуінде атап өткендей, көлік құралын басқару контекстінде масаң күй «елеулі теріс детерминант» болып табылады, ал алкогольдік фактор ең сыни қауіп ретінде бағаланады [14]. Осы доктриналық тұжырымға сүйене отырып, жүргізуші куәлігі мүлде жоқ тұлғаның масаң күйде көлік басқаруы бұл қауіпті еселеп, оны әкімшілік теріс қылық деңгейінен қылмыстық құқық бұзушылық санатына (ҚК 346-бабы) көтереді деп пайымдаймыз.

Оған қоса, ғалым көліктік құқықбұзушылықтар саласында әкімшілік және қылмыстық жауаптылық арасындағы нақты шекараның жойылып бара жатқанына назар аударады [14]. Бұл заңнамалық олқылық тәжірибеде парадоксальді жағдайларға әкелуде. Мәселен, медициналық куәландырудан бас тартқаны үшін заң шығарушы оның жоғары қауіптілігін тани отырып, 15 тәулікке қамаққа алу және 8 жылға дейін көлік басқару құқығынан айыру сияқты өте қатаң санкцияларды белгілейді. Ал дәл осы уақытта жүргізуші куәлігі мүлде жоқ адамның масаң күйде көлік басқаруды қайталаған нақты әрекеті қылмыстық репрессия аясынан тыс қалып отыр. Бұл жазаның әділеттілігі мен мүлдем төзбеушілік қағидатына тікелей қайшы келеді.

Қылмыстық құқық теориясы тұрғысынан алғанда, жол қозғалысы ережелерін оқымаған, тиісті емтихан тапсырмаған (куәлігі жоқ) адамның алкогольдік масаң күйде жоғары қауіптілік көзін басқаруының қоғамдық қауіптілік дәрежесі куәліктен айырылған адамнан кем емес, керісінше, әлдеқайда жоғары.

Әрине, оппоненттер «Жол жүрісі туралы» Қазақстан Республикасы Заңының 74-бабы 2-1-тармағына сәйкес, мұндай тұлғалардың 8 жыл бойы көлік басқару құқығын алуға емтихан тапсыруына тыйым салынғанын алға тартуы мүмкін. Алайда, криминологиялық тұрғыдан алғанда, бұл норма формальды сипатқа ие. Жүргізуші куәлігін мүлде алмаған және заң талаптарын саналы түрде елемейтін маргиналды құқық бұзушы үшін «емтихан тапсыруға тыйым салу» ешқандай тежеуіш (превентивті) рөл атқармайды. Бұл шектеу олардың қоғамға қауіпті әрекеттерін физикалық немесе заңды тұрғыдан тоқтата алмайды, демек, бұл санаттағы тұлғаларға қатысты толыққанды қылмыстық-құқықтық репрессияны (инкапсацияны) қолдану қажеттілігі өз күшін жоймайды.

Қорытындылай келе, масаң күйде көлік басқаруға қарсы күрестің тарихи эволюциясы жазаның бұлтартпастығы мен қатаңдығын талап етеді. Осы орайда, әлеуметтік әділеттілікті орнату және азаматтардың жол қауіпсіздігін қамтамасыз ету мақсатында жүргізуші куәлігі жоқ адамдардың масаң күйде көлік басқару әрекетін бір жыл ішінде қайталағаны үшін жауаптылықты криминализациялау - кезек күттірмейтін қажеттілік. Бұл мақсатта Қылмыстық кодекстің 346-бабының диспозициясын «көлік басқару құқығынан айырылған» деген сөздермен қатар, «сондай-ақ көлік құралын басқару құқығы жоқ, бұрын осындай әрекеті үшін әкімшілік жазаға тартылған» деген нормамен толықтыру ұсынылады. Бұл қадам қылмыстық заңнамадағы субъектілер арасындағы теңсіздікті жойып, жол-көлік оқиғаларының алдын алуға тікелей ықпал етеді.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Всемирная организация здравоохранения. Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире, 2023 г. [Global status report on road safety 2023]. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2024. – ISBN 978-92-4-010055-8 (онлайн-версия) - 90 с.;
2. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы – Қазақстан Республикасы Президентінің ресми сайты [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-kazakstan-halkyna-zholdauy-zhasandy-intellekt-dauirindegi-kazakstan-ozekti-maseleler-zhane-ony-tubegeyli-cifrllyk-ozgerister-arkyly-sheshu-881957> (жүгінген күні: 16.02.2026);
3. Тоқаев көлікті мас күйінде жүргізгендерге жазаны қатандатуды тапсырды [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://stan.kz/tokaev-kolikti-mas-kuyinde-zhurgizgenderge-zhazani-kata-323477/> (жүгінген күні: 23.02.2026);
4. Правовая статистика [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/indicators> (жүгінген күні: 26.02.2026);
5. Licensing Act 1872. – 35 & 36 Vict. c. 94. – London: Printed by George Edward Eyre and William Spottiswoode, 1872. - 43 p.;
6. Drunken Motor Cab Driver // The Morning Post. – London, Saturday, September 11, 1897. – No. 39,084. – P. 2.;

7. Acts of the One Hundred and Thirty-Third Legislature of the State of New Jersey and Sixty-Fifth Under the New Constitution. – Paterson, N.J.: The News Printing Co., State Printers, 1909. – Chapter 127. – P. 200-201;
8. Liebow D. DWI Source Code Motions after Underdahl // Minnesota Journal of Law, Science & Technology. – 2010. – Vol. 11. – Issue 2. – P. 853-875;
9. Gesetz über den Verkehr mit Kraftfahrzeugen vom 3. Mai 1909. // Reichsgesetzblatt (RGBl.). – 1909. – Nr. 26. – S. 437-444;
10. Gesetz über den Verkehr mit Kraftfahrzeugen vom 3. Mai 1909. Teil II. Haftpflicht (§§ 7-12) // Reichsgesetzblatt (RGBl.). – 1909. – Nr. 26. – S. 438-439;
11. Entwurf eines Zweiten Gesetzes zur Sicherung des Straßenverkehrs vom 27.09.1962 // Deutscher Bundestag. 4. Wahlperiode. Drucksache IV/651. – Bonn, 1962. – 48 S.;
12. Strafgesetzbuch (StGB) § 315c Gefährdung des Straßenverkehrs // Zweites Gesetzes zur Sicherung des Straßenverkehrs vom 26. November 1964 // Bundesgesetzblatt (BGBl.). Teil I. – 1964. – Nr. 58. – S. 921;
13. Strafprozessordnung (StPO) § 111a Vorläufige Entziehung der Fahrerlaubnis // Zweites Gesetz zur Sicherung des Straßenverkehrs vom 26. November 1964 // Bundesgesetzblatt (BGBl.). Teil I. – 1964. – Nr. 58. – S. 924;
14. Хакимов Е.М. Административная ответственность в области дорожного движения: монография. – Алматы: ADAL KITAP, 2023. – 216 с.

УДК 343.3/7

Байсеитов Баграм Салькенович,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

АКТУАЛЬНОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ФАКТОВ УСТАНОВЛЕНИЯ НЕИЗМЕРЯЕМЫХ КОЛИЧЕСТВЕННО И НЕАДМИНИСТРИРУЕМЫХ ТРЕБОВАНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье автором определены перспективы криминализации фактов нарушений законодательства Республики Казахстан о государственных закупках к конкурсной (аукционной) документации либо в размещаемой информации при осуществлении государственных закупок способом запроса ценовых предложений путем установления любых не измеряемых количественно и (или) неадминистрируемых требований к поставщикам либо указания на характеристики, определяющие принадлежность товаров, работ и услуг отдельным поставщикам. Эмпирика, представленная статистическими данными и результатами правоприменительной практики ч.1 ст.207 Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан (далее - КоАП РК), подтверждает необходимость принятия кардинальных мер по противодействию неправомерным деяниям в государственных закупках, в том числе коррупционным проявлениям. Наряду с этим, автором изучены научные труды отечественных и зарубежных ученых, а также мировой опыт стран ближнего и дальнего зарубежья. По результатам исследования автором внесены предложения об отнесении противоправных действий, предусмотренных ч.1 ст. 207 КоАП РК, к числу уголовно-наказуемых деяний через призму института «административной преюдиции».

Ключевые слова: государственные закупки; требования; уголовная политика; криминализация; преступление; признаки уголовного правонарушения; административная преюдиция.

Аннотация. Мақалада автор Қазақстан Республикасының Мемлекеттік сатып алу туралы заңнамасын бұзу фактілерін конкурстық (аукциондық) құжаттамаға не мемлекеттік сатып алуды жүзеге асыру кезінде орналастырылатын ақпаратқа жеткізушілерге қойылатын кез келген сандық өлшенбейтін және (немесе) әкімшілендірілмейтін талаптарды белгілеу жолымен баға ұсыныстарын сұрату тәсілімен криминализациялау не жекелеген өнім берушілерге тауарлардың, жұмыстар мен көрсетілетін қызметтердің тиесілігін айқындайтын сипаттамаларға нұсқау перспективаларын айқындады. Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодексінің (бұдан әрі - ҚР ӘҚБтК) 207-бабының 1-бөлігі статистикалық деректермен және құқық қолдану практикасының нәтижелерімен ұсынылған Эмпирика Мемлекеттік сатып алулардағы заңсыз әрекеттерге, оның ішінде сыбайлас жемқорлық көріністеріне қарсы іс-қимыл жөнінде түбегейлі шаралар қабылдау қажеттігін растайды. Сонымен қатар, автор отандық және шетелдік ғалымдардың ғылыми еңбектерін, сондай-ақ жақын және алыс шет елдердің әлемдік тәжірибесін зерттеді. Зерттеу нәтижелері бойынша автор ҚР ӘҚБтК 207-бабының 1-бөлігінде көзделген құқыққа қайшы әрекеттерді «әкімшілік преюдиция» институтының призмасы арқылы қылмыстық-жазаланатын іс-әрекеттер қатарына жатқызу туралы ұсыныстар енгізді.

Түйінді сөздер: мемлекеттік сатып алу; талаптар; қылмыстық саясат; криминализация; қылмыс; қылмыстық құқық бұзушылық белгілері; әкімшілік преюдиция.

Abstract. In the article, the author defines the prospects for criminalizing violations of the legislation of the Republic of Kazakhstan on public procurement in competitive (auction) documentation or in posted information when conducting public procurement by requesting price offers by establishing any non-quantifiable and (or) non-administrative requirements for suppliers or indicating the characteristics that determine the ownership of goods, works and services to individual suppliers.. The empirical evidence presented by statistical data and the results of law enforcement practice, Part 1 of Article 207 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan (hereinafter referred to as the Administrative Code of the Republic of Kazakhstan), confirms the need to take drastic measures to counter illegal acts in public procurement, including corruption. Along with this, the author has studied the scientific works of domestic and foreign scientists, as well as the world experience of countries near and far abroad. Based on the results of the study, the author made proposals to classify illegal actions provided for in Part 1 of Article 207 of the Administrative Code of the Republic of Kazakhstan as criminally punishable acts through the prism of the institution of "administrative prejudice".

Keywords: public procurement; requirements; criminal policy; criminalization; crime; signs of a criminal offense; administrative prejudice.

Одним из важнейших звеньев стабильного развития государства является экономика. Приоритетность данного направления подтверждается тем, что на протяжении всей истории независимого Казахстана в каждом ежегодном послании Главы государства анализируется текущая экономическая обстановка и содержится перечень поручений по ее дальнейшему развитию. В

частности, 8 сентября 2025 года Президентом Республики Казахстан К.К. Токаевым в ежегодном послании определены основные ориентиры на предстоящий год, среди которых:

- необходимость привлечения крупных инвестиций;
- продолжение развития обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственной отрасли и транспортно-логистической сферы;
- модернизация жилищно-коммунальной и водной инфраструктуры;
- определение предпринимателей в качестве движущей силы цифрового развития [1].

Достижение ключевых целей, определенных Главой государства, возможно за счет реализации сопутствующих, но не менее значимых задач. Исходя из специфики проводимого нами исследования, направленного на формирование единого административно-правового и уголовно-правового механизма противодействия хищению бюджетных средств в государственных закупках, такими задачами являются рациональное расходование государственного бюджета и минимизация коррупционных проявлений в указанной сфере. Примечательно, что оба направления взаимосвязаны между собой, поскольку иррациональное использование бюджетных средств зачастую сопровождается коррупцией.

Так, Т.Я. Хабриевой отмечается, что противодействие коррупции, как правило, осуществляется по двум направлениям:

- борьба с проявлениями коррупции, с коррупционерами, путем непосредственного воздействия на участников коррупционных отношений любыми законными способами, в том числе и с помощью правового принуждения, в целях пресечения их противоправной деятельности;
- предупреждение коррупции, формирование и проведение превентивной антикоррупционной политики как самостоятельной функции государства [2, с.7].

Таким образом, следует полагать, что формирование единого административно-правового и уголовно-правового механизма противодействия хищению бюджетных средств, которое по своей природе непосредственно связано с коррупционными проявлениями, соответствует обоим направлениям. Отстаивая данную точку зрения, полагаем необходимым отметить, что формируемый нами механизм должен содержать как превентивную, так и санкционную функции.

Настоящее исследование, как один из аспектов механизма, проводится с целью криминализации ч.1 ст. 207 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КоАП РК), предусматривающей ответственность за нарушение требований законодательства Республики Казахстан о государственных закупках к конкурсной документации (аукционной документации) либо в размещаемой информации при осуществлении государственных закупок способом запроса ценовых предложений путем установления любых не измеряемых количественно и (или) неадминистрируемых требований к потенциальным поставщикам либо указания на характеристики, определяющие принадлежность приобретаемых товаров, работ, услуг отдельным потенциальным поставщикам, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Республики Казахстан о государственных закупках.

Актуальность данной тематики заключается в том, что в действующем КоАП РК имеются нормы, содержащие в себе признаки составов уголовных правонарушений и их выявление, а также последующая криминализация, по нашему мнению, будет способствовать успешному формированию уголовной политики государства. Наряду с этим уголовная политика должна сопровождаться основополагающими принципами, такими как законность, справедливость и соразмерность. Взгляды ведущих ученых – правоведов в этой области В.П. Ревина, Ю.С. Жарикова и В.В. Ревинной заключаются в том, что на основе принципов уголовной политики формируется стратегия и тактика деятельности государства, направленные на борьбу с преступностью, и влияющие на правоприменительную практику [3, с.23-24].

Материалы и методы исследования. Целью исследования является рассмотрение перспектив криминализации ч.1 ст. 207 КоАП РК. В процессе исследования использованы общенаучные методы познания: анализ, синтез и обобщение. Вместе с тем проанализированы нормы уголовного законодательства зарубежных стран, а также научные труды отечественных и иностранных ученых.

Результаты и обсуждение. Изучение мирового опыта, наряду с теоретическими основами, по нашему мнению, играет важную роль в выработке научно-обоснованных предложений в абсолютно любой отрасли права. В настоящем исследовании считаем обязательным уделить особое внимание законам стран ближнего зарубежья ввиду схожестей их законодательных систем с Республикой Казахстан.

Так, Уголовное законодательство Российской Федерации содержит нормы, предусматривающие ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения

государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4), подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5), заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200.6) [4].

В Азербайджанской Республике уголовная ответственность наступает в случаях расходования государственных средств без проведения процедур закупки или незаконного проведения государственных закупок (ст. 308-2) [5].

Уголовный кодекс Кыргызской Республики предусматривает уголовную ответственность за заключение должностным лицом заведомо невыгодного для государства договора, а равно осуществление таким должностным лицом государственной закупки (ст.339) [6].

В уголовном законе Италии (ст. 353) любое вмешательство в процесс государственных закупок, будь то путем насилия, угрозы, дарения подарков, любые мошеннические проявления либо препятствие к участию в процедуре закупок сопровождается уголовной ответственностью [7].

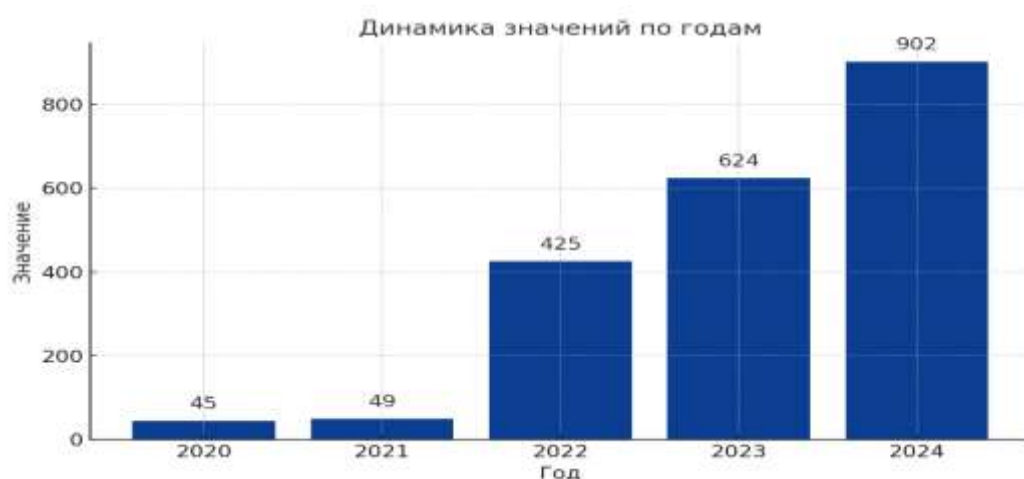
Анализируя уголовное законодательство зарубежных стран необходимо подчеркнуть, что несмотря на одну, объединяющую сферу – государственные закупки, составы преступлений во всех государствах отличаются друг от друга. На наш взгляд, различие уголовных правонарушений связано с тем, что законодатели криминализируют наиболее «болезненные» точки самого процесса государственных закупок, что, по нашему мнению, считается верным направлением, поскольку усиление ответственности в тех или иных областях способствует повышению правовой сознательности представителей государственного аппарата.

Одним из уязвимых мест в противодействии незаконным проявлениям в государственных закупках является исследуемая нами норма – ч.1 ст. 207 КоАП РК.

В сборнике научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» Генеральной прокуратуры Республики Беларусь нами ранее опубликована научная статья «Защита бюджетных средств в государственных закупках: перспективы криминализации административных правонарушений через призму административной преюдиции», в которой проанализированы положения ст. 207 КоАП РК, предусматривающей административную ответственность за нарушение законодательства о государственных закупках. По результатам анализа определено, что ч.1 ст.207 КоАП РК подлежит криминализации.

Такой шаг обусловлен стабильным ростом совершения данного деяния. С 2021 года число совершенных административных правонарушений по ч.1 ст. 207 КоАП РК возросло более чем на 100%. Ниже в диаграмме приведены статистические данные Единого реестра административных производств.

Диаграмма. Количество административных правонарушений, предусмотренных ч.1 ст.207 КоАП РК, совершенных с 2020 по 2024 годы

Сущность ч.1 ст. 207 КоАП РК заключается в том, что нарушение требований законодательства о государственных закупках происходит путем установления любых не измеряемых количественно и (или) неадминистрируемых требований к потенциальным поставщикам. Кроме того, диспозиция исследуемой нормы запрещает указание на характеристики, определяющие принадлежность товаров, работ и услуг отдельным потенциальным поставщикам, за исключением предусмотренных законодательством случаях.

Основой диспозиции ч.1 ст. 207 КоАП РК является Закон Республики Казахстан «О государственных закупках» (далее – Закон), в котором содержится необходимое разъяснение действиям, находящимся под запретом данной статьи. В соответствии с п.1 ч.4 ст. 12 Закона под «не измеряемыми требованиями» понимаются требования, которые нельзя точно оценить или измерить с помощью численных или статистических методов, а под «неадминистрируемыми требованиями» понимаются требования, которые невозможно проверить и (или) контролировать [9].

С точки зрения уголовного права, указание не измеряемых и неадминистрируемых требований совершается исключительно с прямым умыслом, т.е. субъект осознает, что на реализацию указанных действий наложен законодательный запрет, но сознательно совершает их. Мотивом же в исследуемом случае могут выступать как материальная заинтересованность и получение любых неимущественных прав, так и дружеские отношения с потенциальным участником госзакупок, в том числе осуществление покровительства в силу занимаемой должности.

Нахождение данного состава правонарушения в административно-правовом поле порождает его латентность. Об этом свидетельствует приведенная выше статистика. Высокая динамика изучаемого деяния демонстрирует о несоизмеримости наказания степени ущерба процессу государственных закупок, которое влечет исключительно штраф в размере 50 месячных расчетных показателей (далее-МРП) (по состоянию на 2025 год – 196 600 тенге).

Определив субъективную сторону ч.1 ст. 207 КоАП РК (умысел и мотив), надлежит отождествить и иные признаки состава уголовного правонарушения (объект, объективная сторона, субъект).

Как известно, объектом преступления является то, на что непосредственно посягает преступник. Н.Д. Сергеевский считал, что преступными могут признаваться деяния, направленные на предметы, с которыми человек находится в юридических отношениях. С этой точки зрения вся деятельность человека поделена на следующие сферы: отношения к самому себе; отношения к существам мира сверхчувственного; отношения к природе; отношения к обществу [10, с.51]. Следуя доктрине Н.Д. Сергеевского, объектом исследуемого посягательства необходимо признать сам процесс осуществления государственных закупок как один из направлений государственного управления.

Объективная сторона заключается в установлении любых не измеряемых количественно и (или) неадминистрируемых требований к потенциальным поставщикам либо указания на характеристики, определяющие принадлежность приобретаемых товаров, работ, услуг отдельным потенциальным поставщикам в конкурсной (аукционной) документации либо в размещаемой информации при осуществлении государственных закупок способом запроса ценовых предложений.

Отождествленная нами объективная сторона правонарушения, предусмотренного на сегодняшний день ч.1 ст. 207 КоАП РК, в качестве уголовно-наказуемого деяния порождает вопрос о том, к каким видам преступлений его следует отнести. Нами уже определены объект посягательства, умысел и мотив, побуждающие должностных лиц указывать не измеряемые количественно и неадминистрируемые требования, а также характеристики, способствующие заблаговременному определению нужного поставщика. Их личная заинтересованность свидетельствует о необходимости отнесения деяния к Главе 15 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) «Коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления». На следующем этапе решения данного аспекта надлежит уточнить полномочия субъекта. Согласно ст. 12 Закона конкурсная и аукционная документация, а также информация, размещаемая при осуществлении государственных закупок способом запроса ценовых предложений, разрабатываются организатором в соответствии с настоящим Законом и правилами осуществления государственных закупок [9]. Из этого также следует, что субъектом предлагаемого уголовного правонарушения выступает организатор государственных закупок. Е.З. Тургумбаев указывает, что разграничение между злоупотреблением должностными полномочиями и их превышением заключается в том, что при злоупотреблении общественно опасное деяние совершается в пределах полномочий должностного лица, а при превышении – действия выходят за эти пределы [11, с.161]. Поддерживая данную научную позицию, полагаем, что исследуемое нами деяние целесообразно внедрить в качестве новой нормы – ст. 361-1 УК РК.

В качестве квалифицирующих признаков считаем необходимым предусмотреть случаи совершения данного деяния группой лиц по предварительному сговору, поскольку в формировании соответствующей документации возможно участие нескольких должностных лиц, а также причинение материального ущерба государству в крупном и особо крупном размерах, т.к. суммы бюджетных средств, выделяемых для проведения государственных закупок, исчисляются миллионами и выше.

Являясь сторонниками упразднения категории «уголовных проступков», на VIII международной научно-практической конференции «Трансформация юридической науки: взгляд молодых ученых» нами предложено возродить институт «административной преюдиции» [12]. В данном случае полагаем, что внедрение новой нормы должно сопровождаться административной преюдицией. На наш взгляд, такая концепция позволит исключить излишнюю репрессивность уголовного законодательства и выполняя превентивную функцию даст возможность на исправление виновного лица после наложения административного взыскания.

По результатам проведенного исследования, нами предлагается дополнить УК РК ст.361-1 в следующей редакции:

«Статья 361-1. Нарушение законодательства Республики Казахстан о государственных закупках.

1. Нарушение законодательства Республики Казахстан о государственных закупках, выраженное в установлении лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, либо должностным лицом, к которому в течение пяти лет применялось административное взыскание за совершение такого же деяния, любых не измеряемых количественно и (или) неадминистрируемых требований к потенциальным поставщикам либо указания на характеристики, определяющие принадлежность приобретаемых товаров, работ, услуг отдельным потенциальным поставщикам, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Республики Казахстан о государственных закупках, если это повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, – наказывается...

2. Те же деяния, совершенные:

1) группой лиц по предварительному сговору;

2) в крупном размере.

3. Те же деяния, совершенные в особо крупном размере – наказывается...».

В целях установления степени значительного ущерба по предлагаемой статье, надлежит дополнить п.2 ст. 3 УК РК следующим положением: «361-1 – размер ущерба государственному бюджету в одну тысячу раз превышающий месячный расчетный показатель».

Наряду с этим, для определения крупного и особо крупного размера по предлагаемой норме, необходимо внести дополнения в п.п.3, 38 ст. 3 УК РК:

1) пункт 3 ст. 3 УК РК: «361-1 – размер ущерба государственному бюджету в двадцать тысяч раз превышающий месячный расчетный показатель».

2) пункт 38 ст. 3 УК РК: «361-1 – размер ущерба государственному бюджету в десять тысяч раз превышающий месячный расчетный показатель».

Предлагаемые нами размеры ущерба государственному бюджету обосновывается нормами Закона Республики Казахстан «О государственном бюджете на 2024-2026 годы», согласно которым затраты составляют 23 478 302 653 тенге, а дефицит бюджета – 3 670 911 928 тенге [13]. Полагаем, что установленные нами пределы соизмеримы с положениями настоящего Закона и привлечение виновных лиц по данной статье позволит снизить уровень затрат и восполнить дефицит бюджета.

Предлагаемые поправки направлены на усиление ответственности должностных лиц по планированию и использованию бюджетных средств, а также минимизации коррупционных рисков, способствующих хищению бюджетных средств.

Список использованных источников:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан // [Электронный ресурс] – Режим доступа: : <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 11.11.2025).

2. Хабриева Т.Я. Коррупция. Природа. Проявления. Противодействие. - Москва: изд "Юриспруденция", 2012. - 639 с.

3. Ревин В.П., Жариков Ю.С., Ревина В.В. Уголовная политика. - 2-е изд. - Москва: ООО "Издательство юрайт", 2017. - 391 с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года №63-фз // Юрист [Электронный ресурс] – Режим доступа:

https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397073&doc_id2=30397073#activate_doc=2&pos=2_2825;-87&pos2=0;159127 (дата обращения: 11.11.2025).

5. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1997 года №787-iq // Юрист // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353&doc_id2=30420353#pos=5;-98&pos2=0;160667&sdoc_params=text%3d%25d0%2597%25d0%25b0%25d0%25ba%25d1%2583%25d0%25bf%25d0%25be%25d0%25ba%26mode%3dindoc%26topic_id%3d30420353%26spos%3d1%26tsynonym%3d1%26tshort%3d1%26tsuffix%3d1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 11.11.2025).

6. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 года №127 // Юрист [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36675065&doc_id2=36675065#pos=4;-80&pos2=0;137532&sdoc_params=text%3d%25d0%25a3%25d1%2581%25d0%25bb%25d1%2583%25d0%25b3%26mode%3dindoc%26topic_id%3d36675065%26spos%3d1%26tsynonym%3d1%26tshort%3d1%26tsuffix%3d1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 11.11.2025).

7. Regio decreto 19 ottobre 1930, n. 1398 approvazione del testo definitivo del codice penale. (030u1398) // Normative il portale della legge vigente [Электронный ресурс] – Режим доступа: : <https://www.normattiva.it/uri-res/n2ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1930-10-19;1398:1~art353&utm> (дата обращения: 11.11.2025).

8. Байсеитов Б.С. Защита бюджетных средств в государственных закупках: перспективы криминализации административных правонарушений через призму административной преюдиции // проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. - Минск: ГУ "Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной Прокуратуры Республики Беларусь", 2025. - с. 75-82.

9. Закон Республики Казахстан "О государственных закупках" от 01.07.2024 года №106-viii ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан "Әділет" [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/z2400000106> (дата обращения: 11.11.2025).

10. Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергеевского. - Москва: проспект, 2017. - 135 с.

11. Тургумбаев Е.З. Уголовная ответственность за превышение власти или должностных полномочий. - Алматы: ТОО "Экономик'с", 2004. - 228 с.

12. Байсеитов Б.С. Административная преюдиция: проблемы и перспективы внедрения // материалы Международной научно-практической конференции "Трансформация юридической науки: взгляд молодых ученых". - Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2025. - с. 297-301.

13. Закон Республики Казахстан "О государственном бюджете на 2024-2026 годы" от 05.12.2023 года №43-viii ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/z2300000043#:~:text=вводится%20в%20действие%20с%2001.01,670%20911%20928%20тысяч%20тенге>. (дата обращения: 29.11.2025).

УДК 343.83

Балабеков Әділет Ильясулы

магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН И УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ПРОСТУПКАМ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье анализируются правовые коллизии, возникающие при реализации институтов уголовного наказания и примирения сторон по уголовным проступкам в законодательстве Республики Казахстан. Актуальность исследования обусловлена продолжающимися процессами гуманизации уголовной политики государства и расширением применения механизмов восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются особенности правового регулирования уголовных проступков, а также основания освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Особое внимание уделяется проблеме соотношения принципа неотвратимости уголовной ответственности и возможности прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. В статье проводится анализ положений Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, регулирующих прекращение уголовных дел по примирению сторон. Отмечается, что действующая правоприменительная практика в ряде случаев приводит к формальному применению примирительных процедур, что может снижать превентивное значение уголовного наказания и создавать предпосылки для повторного совершения правонарушений. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на обеспечение баланса между принципами гуманизации уголовной политики и необходимостью эффективной профилактики правонарушений.

Ключевые слова: уголовный процесс; Республика Казахстан; уголовный проступок; примирение сторон; уголовное наказание; восстановительное правосудие; уголовная ответственность; гуманизация уголовной политики; превенция правонарушений; правоприменительная практика.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының заңнамасында қылмыстық теріс қылықтар бойынша қылмыстық жаза институтын және тараптардың татуласу институтын іске асыру кезінде туындайтын құқықтық коллизиялар талданады. Зерттеудің өзектілігі мемлекеттің қылмыстық саясатын ізгілендіру үдерістерінің жалғасуымен және қылмыстық сот өндірісінде қалпына келтіруші әділет тетіктерін қолдану аясын кеңейтумен байланысты. Мақалада қылмыстық теріс қылықтарды құқықтық реттеудің ерекшеліктері, сондай-ақ жәбірленушімен татуласуына байланысты тұлғаны қылмыстық жауаптылықтан босатудың негіздері қарастырылады. Қылмыстық жауаптылықтың бұлтартпастығы қағидаты мен қылмыстық қудалауды ақтамайтын негіздер бойынша тоқтату мүмкіндігінің арақатынасы мәселесіне ерекше назар аударылады. Сонымен қатар мақалада тараптардың татуласуына байланысты қылмыстық істерді тоқтатуды реттейтін Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі мен Қылмыстық-процестік кодексінің нормаларына талдау жүргізіледі. Қолданыстағы құқық қолдану тәжірибесі бірқатар жағдайларда татуластыру рәсімдерінің формалды түрде қолданылуына әкелетіні, бұл өз кезегінде қылмыстық жазаның алдын алу маңызын төмендетіп, құқық бұзушылықтардың қайта жасалуына алғышарттар туындатуы мүмкін екені атап өтіледі. Жүргізілген талдау негізінде қылмыстық саясатты ізгілендіру қағидаттары мен құқық бұзушылықтардың тиімді профилактикасын қамтамасыз ету қажеттілігі арасындағы тепе-теңдікті сақтауға бағытталған заңнаманы және құқық қолдану тәжірибесін жетілдіру бойынша ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: қылмыстық процесс; Қазақстан Республикасы; қылмыстық теріс қылық; тараптардың татуласуы; қылмыстық жаза; қалпына келтіру әділеттілігі; қылмыстық жауаптылық; қылмыстық саясатты ізгілендіру; құқық бұзушылықтардың алдын алу; құқық қолдану практикасы.

Abstract. The article analyzes legal conflicts arising in the implementation of the institutions of criminal punishment and reconciliation of the parties in cases of criminal misdemeanors within the legislation of the Republic of Kazakhstan. The relevance of the study is due to ongoing processes of the humanization of the state's criminal policy and the expansion of the use of restorative justice mechanisms in criminal proceedings. The paper examines the specific features of the legal regulation of criminal misdemeanors, as well as the grounds for releasing a person from criminal liability in connection with reconciliation with the victim. Particular attention is paid to the problem of the correlation between the principle of the inevitability of criminal liability and the possibility of terminating criminal prosecution on non-rehabilitating grounds. The article analyzes the provisions of the Criminal Code and the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan that regulate the termination of criminal cases due to reconciliation between the parties. It is noted that current law enforcement practice in a number of cases leads to the formal application of reconciliation procedures, which may reduce the preventive significance of criminal punishment and create prerequisites for the repeated commission of offenses. Based on the conducted analysis, proposals are formulated for improving legislation and law

enforcement practice aimed at ensuring a balance between the principles of the humanization of criminal policy and the need for effective prevention of offenses.

Keywords: criminal procedure; the Republic of Kazakhstan; criminal misdemeanor; reconciliation of parties; criminal punishment; restorative justice; criminal liability; humanization of criminal policy; prevention of offenses; law enforcement practice.

Современное развитие уголовной политики Республики Казахстан характеризуется устойчивой тенденцией к гуманизации уголовного законодательства и поиску альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов. Одним из наиболее значимых направлений реформирования уголовного законодательства стало введение категории уголовных проступков и расширение применения институтов освобождения от уголовной ответственности. Данные изменения нашли отражение в Уголовном кодексе Республики Казахстан 2014 года, который закрепил новую систему дифференциации уголовных правонарушений. В соответствии со статьей 10 Уголовного кодекса Республики Казахстан уголовные правонарушения подразделяются на преступления и уголовные проступки, которые различаются по степени общественной опасности и характеру уголовно-правовых последствий [1]. Уголовный проступок представляет собой деяние, обладающее сравнительно низкой степенью общественной опасности и влекущее применение менее строгих мер уголовно-правового воздействия, таких как штраф, исправительные работы, общественные работы либо арест.

Введение категории уголовных проступков было обусловлено необходимостью дальнейшей дифференциации уголовной ответственности и оптимизации уголовной политики государства. Как справедливо отмечает Г.Р. Рустимова, цель внедрения института уголовного проступка в нашу правовую систему состояла из: а) реализации государственной политики гуманизации уголовной ответственности; б) декриминализации ряда деяний, которые признавались преступлениями; в) обеспечения полной и всесторонней защиты прав и свобод личности, которая привлекается к ответственности за те административные правонарушения, что влекут за собой наиболее суровые виды мер воздействия (арест, лишение свободы); г) уменьшении численности лиц, к которым применяются такие наказания, как лишение или ограничение свободы; д) существенном уменьшении числа лиц, привлекающихся к уголовной ответственности и имеющих в связи с этим судимость [2].

Важным элементом гуманизации уголовной политики является институт освобождения от уголовной ответственности. Среди оснований такого освобождения особое место занимает примирение лица, совершившего уголовное правонарушение, с потерпевшим. Согласно статье 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан лицо, впервые совершившее уголовный проступок либо преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред [3]. Данная норма отражает развитие концепции восстановительного правосудия, в рамках которой основное внимание уделяется не столько наказанию правонарушителя, сколько восстановлению нарушенных прав потерпевшего и устранению последствий совершенного правонарушения.

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан порядок прекращения уголовного преследования по основанию примирения сторон закреплен в статье 35 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан [4]. Указанная норма предусматривает возможность прекращения уголовного дела при наличии обстоятельств, исключающих уголовное преследование, включая примирение лица, совершившего уголовное правонарушение, с потерпевшим. Следует отметить, что прекращение уголовного дела по данному основанию относится к категории нереабилитирующих, поскольку оно не опровергает факт совершения уголовного правонарушения, а лишь освобождает лицо от уголовной ответственности.

В научной литературе институт примирения сторон рассматривается как важный элемент восстановительного правосудия. Применение примирительных процедур способствует более эффективному восстановлению нарушенных прав потерпевшего и формированию социального баланса между участниками конфликта [5]. Кроме того, использование подобных механизмов позволяет существенно сократить нагрузку на судебную систему и повысить оперативность рассмотрения уголовных дел.

Вместе с тем широкое применение института примирения сторон порождает ряд дискуссионных вопросов, связанных с соотношением публичных и частных начал в уголовном процессе. Уголовное судопроизводство традиционно основывается на принципе публичности, предполагающем обязанность государства реагировать на совершенное уголовное правонарушение и обеспечивать реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности. Однако возможность прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям фактически

ограничивает реализацию данного принципа и переносит акцент на частноправовые механизмы урегулирования конфликта.

Анализ правоприменительной практики показывает, что прекращение уголовных дел по основанию примирения сторон нередко носит формальный характер. Органы досудебного расследования в ряде случаев ограничиваются установлением факта возмещения ущерба и наличия заявления потерпевшего о примирении, не уделяя достаточного внимания оценке личности правонарушителя, обстоятельствам совершенного деяния и вероятности повторного совершения правонарушений. Подобная практика может приводить к снижению превентивной функции уголовного законодательства и формированию своеобразной модели компенсационного правосудия, при которой материальное возмещение вреда фактически подменяет собой уголовную ответственность.

Не менее важной проблемой является возможность оказания давления на потерпевшего при принятии решения о примирении. Несмотря на то что законодательство предусматривает добровольный характер примирения сторон, в реальной практике обеспечить полную свободу волеизъявления потерпевшего достаточно сложно. В этой связи в научной литературе высказываются предложения о необходимости усиления процессуальных гарантий добровольности примирения и более тщательной проверки обстоятельств заключения примирительного соглашения.

Следует отметить, что механизм института примирения с потерпевшим по уголовным проступкам, а также по преступлениям небольшой и средней тяжести предусматривает возможность прекращения уголовного дела и уголовного преследования уже на стадии досудебного расследования. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством следователь либо дознаватель вправе прекратить уголовное дело при наличии предусмотренных законом оснований. При этом данное основание прекращения уголовного дела относится к категории нереабилитирующих. По существу возникает правовая коллизия, при которой лицо фактически признается виновным органами предварительного расследования — следствием или дознанием, а не судом. Подобная ситуация вызывает обоснованные сомнения с точки зрения соблюдения конституционных гарантий уголовного судопроизводства, поскольку в соответствии со статьей 77 Конституции Республики Казахстан лицо считается невиновным, пока его виновность в совершении уголовного правонарушения не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда [6]. Таким образом, складывается противоречие между процессуальной возможностью прекращения уголовного дела на стадии досудебного расследования и конституционным принципом презумпции невиновности.

Указанная правовая коллизия требует дальнейшего научного осмысления и законодательного урегулирования. Представляется, что одним из возможных направлений решения данной проблемы может стать усиление судебного контроля за прекращением уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. В частности, целесообразно рассмотреть возможность введения обязательного судебного утверждения решений о прекращении уголовного преследования по основанию примирения сторон. Подобный подход позволил бы обеспечить более высокий уровень соблюдения конституционных гарантий и повысить доверие общества к институтам уголовного правосудия.

В целом следует отметить, что институт примирения сторон играет важную роль в системе уголовного судопроизводства Республики Казахстан и способствует реализации принципов гуманизации уголовной политики. Однако его применение должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения баланса между частными интересами участников уголовного процесса и публичными интересами государства, направленными на предупреждение правонарушений и укрепление законности. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на формирование сбалансированной модели уголовного процесса, в рамках которой примирительные процедуры будут сочетаться с эффективными механизмами уголовно-правового воздействия и профилактики правонарушений.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан [1] от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 13.03.2026).
2. «Модернизация уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в условиях цифровой трансформации общества»: Сборник материалов международного круглого стола (19 мая 2022 года) (Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК) [2]. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=33919802&pos=2:89 (дата обращения: 13.03.2026).

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан [3]. Статья 68 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 13.03.2026).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [4]. Статья 35 «Обстоятельства, исключающие уголовное преследование». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 13.03.2026).

5. Калиакпарова Л. Примирительные процедуры и ее преимущества [5]. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://krg.sud.kz/rus/massmedia/primiritelnye-procedury-i-ee-preimushchestva> (дата обращения: 13.03.2026).

6. Конституция Республики Казахстан [6] от 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 13.03.2026).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 13.03.2026).

8. Закон Республики Казахстан «О медиации» от 28 января 2011 года № 401-IV. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401> (дата обращения: 13.03.2026).

9. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года №674. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 13.03.2026).

УДК 343.9

Бартаев Ержан Абдимутанович,
магистрант Академии правоохранительных органов
г. Косшы, Республика Казахстан

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОРД ПО ДЕЛАМ О НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ЗАКОННОСТЬ И ГАРАНТИИ ПРАВ

Аннотация. В статье анализируется применение цифровых технологий в оперативно-розыскной деятельности по делам о наркопреступлениях в Республике Казахстан с акцентом на соотношение эффективности, законности и гарантий прав личности. Показано, что трансформация наркорынка, связанная с освоением мессенджеров, darknet-сервисов и криптовалютных расчётов, объективно смещает центр тяжести ОРД в цифровую среду и усиливает значение мониторинга онлайн-площадок (OSINT), анализа блокчейн-транзакций, а также перехвата коммуникаций при судебном санкционировании. Обосновывается, что действующая нормативная конструкция Закона об ОРД, сформированная до цифровой эпохи и закрепляющая закрытый перечень ОРМ, не создаёт достаточной правовой определённости для таких практик, как цифровой мониторинг и деанонимизация. Особое внимание уделено рискам недопустимости доказательств при нарушении процедур, проблемам верификации цифровых следов и пределам вмешательства в частную жизнь. Сформулированы предложения по специальному законодательному закреплению цифровых ОРМ и дифференцированному режиму санкционирования.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; наркопреступность; цифровые технологии; darknet; мессенджеры; криптовалюта; блокчейн-анализ; деанонимизация; допустимость доказательств; судебное санкционирование; права человека.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасындағы есірткі қылмыстары бойынша жедел-іздістіру қызметінде цифрлық технологияларды қолдану тиімділік, заңдылық және жеке адамның құқықтарына кепілдіктердің арақатынасына баса назар аударып зерттеледі. Есірткі нарығының трансформациясы, атап айтқанда мессенджерлерді, darknet-сервисстерді және криптовалюталық есеп айырысуларды игеруі, жедел-іздістіру қызметінің негізгі салмағын объективті түрде цифрлық ортаға ауыстыратыны және онлайн-платформаларды мониторингтеудің (OSINT), блокчейн-транзакцияларды талдаудың, сондай-ақ сот санкциясы негізінде коммуникацияларды ұстап қалудың маңызын арттыратыны көрсетілген. Цифрлық дәуірге дейін қалыптасқан және жедел-іздістіру іс-шараларының жабық тізбесін бекітетін Жедел-іздістіру қызметі туралы заңның қолданыстағы нормативтік құрылымы цифрлық мониторинг пен деанонимизация сияқты практикалар үшін жеткілікті құқықтық айқындықты қамтамасыз етпейтіні негізделеді. Дәлелдемелердің рәсімдер бұзылған жағдайда жол берілмейтін болып танылу тәуекелдеріне, цифрлық іздерді верификациялау мәселелеріне және жеке өмірге араласудың шектеріне ерекше назар аударылады. Цифрлық жедел-іздістіру іс-шараларын арнайы заңнамалық тұрғыдан бекіту және санкция берудің сараланған режимін енгізу жөнінде ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: жедел-іздістіру қызметі; есірткі қылмыстары; цифрландыру; darknet; мессенджерлер; криптовалюта; блокчейн талдауы; деанонимизация; дәлелдемелердің жарамдылығы; сот санкциясы; құқықтық кепілдіктер.

Abstract. The article examines the use of digital technologies in operational-search activity in drug-related cases in the Republic of Kazakhstan, with a particular focus on the correlation between efficiency, legality, and guarantees of individual rights. It is shown that the transformation of the drug market, including the adoption of messengers, darknet services, and cryptocurrency transactions, objectively shifts the center of gravity of operational-search activity into the digital environment and increases the importance of monitoring online platforms (OSINT), analyzing blockchain transactions, as well as intercepting communications subject to judicial authorization. It is argued that the current regulatory framework of the Law on Operational-Search Activity, which was formed before the digital era and establishes a closed list of operational-search measures, does not provide sufficient legal certainty for such practices as digital monitoring and deanonymization. Particular attention is paid to the risks of evidence being declared inadmissible in the event of procedural violations, the problems of verifying digital traces, and the limits of interference with private life. Proposals are formulated for the special legislative formalization of digital operational-search measures and for a differentiated authorization regime.

Keywords: operational investigative activities; drug crime; digital technologies; darknet; messengers; cryptocurrency; blockchain analysis; deanonymization; admissibility of evidence; judicial authorization; human rights.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ остаётся одной из наиболее устойчивых и социально опасных криминальных тенденций современности. Его транснациональный характер, высокая латентность, разветвлённая сетевая организация и устойчивая прибыльность превращают противодействие наркопреступности в одну из приоритетных задач

государственной системы обеспечения правопорядка любого государства. Республика Казахстан не является исключением: страна расположена на пересечении крупных торгово-транспортных маршрутов, включая так называемый северный маршрут транзита афганских опиатов, что исторически формирует дополнительное наркотическое давление на её территорию.

За последние годы картина наркопреступности существенно изменилась прежде всего вследствие активного освоения криминальными структурами цифровых коммуникационных платформ, криптовалютных расчётных инструментов и даркнет-сервисов. Эти изменения выдвигают принципиально новые требования как к методологии, так и к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности в сфере противодействия наркопреступлениям.

Правовые основы ОРД в Республике Казахстан закреплены прежде всего в Законе Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года [1], а также в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан от 4 июля 2014 года в части регулирования института негласных следственных действий [2]. В сфере противодействия наркопреступлениям этот нормативный массив дополняется Уголовным кодексом Республики Казахстан от 3 июля 2014 года, устанавливающим уголовную ответственность за незаконные изготовление, хранение, сбыт и организацию сбыта наркотических средств и психотропных веществ [3], а также специальным Законом Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими» от 10 июля 1998 года [4]. Международно-правовым фундаментом служит Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, принятая в Вене 20 декабря 1988 года [5], которая обязывает государства-участников применять современные оперативно-розыскные методы, включая контролируемые поставки и оперативное внедрение, не связывая их использование с технологическими условиями соответствующей эпохи.

Ключевыми инструментами ОРД по делам данной категории являются проверочная закупка, прослушивание переговоров, снятие информации с технических каналов связи и наблюдение — меры, закреплённые в ст. 11 Закона об ОРД [1]. При этом именно снятие информации с технических каналов связи и наблюдение образуют основу цифровой составляющей оперативной работы по делам о незаконном обороте наркотиков.

Сегодня подразделения Министерства внутренних дел и Агентства по финансовому мониторингу Республики Казахстан используют комплекс цифровых технологий: мониторинг darknet-площадок, разведку по открытым источникам (OSINT) в открытых и полузакрытых интернет-ресурсах, анализ транзакций в сетях криптовалют, перехват переписки в мессенджерах на основании судебного санкционирования, а также алгоритмические инструменты деанонимизации пользователей Telegram-ботов и анонимных маркетплейсов.

Масштаб проблемы подтверждается актуальными статистическими данными. По сведениям МВД, в 2025 году органами внутренних дел выявлено свыше 4,6 тыс. наркопреступлений только за первые семь месяцев; при этом значительная часть фактов сбыта фиксируется через интернет-ресурсы и цифровые каналы, а общее число выявленных онлайн-ресурсов с рекламой и продажей наркотиков исчисляется десятками тысяч. По оценкам Агентства по финансовому мониторингу, только в 2023 году выявлено 36 наркомагазинов с оборотом более 25,6 млрд тенге, а в 2024–2025 годах дополнительно установлены десятки наркоплощадок в мессенджерах и darknet-маркетплейсах с совокупным оборотом в миллиарды тенге и десятками тысяч задействованных банковских карт. В рамках реализуемых алгоритмов противодействия наркобизнесу в цифровой среде в 2025 году правоохранные органы и финансовая разведка заблокировали более 20 тыс. наркосайтов и свыше 38–44 тыс. банковских карт и счётов, используемых в наркобизнесе, с заморозкой миллиардных сумм, что свидетельствует о превращении цифрового наркорынка в один из системообразующих элементов наркотрафика в стране [6].

Показательным практическим примером служит операция АФМ 2023–2024 годов. Системный мониторинг казахстанского сегмента мессенджеров позволил установить функционирование трёх крупных торговых площадок, а также идентифицировать около 10 тыс. потенциальных потребителей, территориально сконцентрированных преимущественно в Астане, Алматы и Алматинской области. В 2024 году дополнительно установлены 59 карт-счётов, связанных с деятельностью 60 наркоплощадок в Telegram. Полученные материалы в дальнейшем направлены в органы внутренних дел для возбуждения уголовных дел. Этот пример наглядно демонстрирует оперативную эффективность цифрового мониторинга, но одновременно ставит острые правовые вопросы: на каком основании и с соблюдением каких процессуальных процедур осуществлялась идентификация 10 тыс. лиц,

большинство из которых на момент оперативной проверки лишь предположительно являлись потребителями?

Именно в этой плоскости проявляется центральная правовая проблема. Действующий Закон об ОРД формировался в 1994 году, задолго до появления мессенджеров, darknet-архитектуры, блокчейн-транзакций и алгоритмических методов анализа больших данных. Перечень ОРМ, закреплённый в ст. 11 Закона об ОРД [1], носит закрытый характер и не охватывает специфику цифрового мониторинга как самостоятельного способа получения оперативно значимой информации. Для снятия информации с технических каналов связи закон требует судебного санкционирования [1], однако на практике при мониторинге публичных или полузакрытых Telegram-каналов правоохранительные органы нередко квалифицируют свои действия как наблюдение или изучение документов, не прибегая к судебной санкции. При этом разграничение между публично доступной информацией и сведениями, полученными в ходе скрытого мониторинга аккаунтов, в отечественном законодательстве нормативно не проведено. УПК, регулируя негласные следственные действия в гл. 29, также не содержит специальных процедур для работы с данными из децентрализованных сетей [2].

На этот пробел прямо указывает и теория ОРД. Как отмечает М.П. Сысало, полноценная теория ОРД должна включать не только перечень конкретных мероприятий, но и методологию их адаптации к изменяющимся условиям, поскольку любой закрытый перечень неизбежно отстаёт от криминальной практики, которая объективно динамична [7, с. 57]. По мнению В.И. Жажицкого, процессуальная трансформация результатов ОРД в судебные доказательства возможна лишь тогда, когда сами эти результаты получены в строгом соответствии с законом об ОРД; нарушение установленной процедуры на стадии оперативно-розыскной работы делает последующее использование данных в суде юридически уязвимым вне зависимости от фактической достоверности полученных сведений [8, с. 66]. Это замечание приобретает особое значение в отношении цифровых данных: извлечённые из блокчейна сведения о транзакциях либо перехваченная переписка в мессенджерах могут быть признаны судом недопустимыми доказательствами, если отсутствуют чёткое нормативное основание и надлежащее процессуальное оформление соответствующего ОРМ.

Самостоятельное значение имеет и проблема криминалистической достоверности и верификации цифровых следов. Хеш-значения файлов, журналы соединений, IP-адреса в сетях с многослойной анонимизацией (Tor, I2P) — технически сложные артефакты, требующие специализированной экспертизы и корректной фиксации. К.К. Горяинов, В.С. Овчинский и Г.К. Синилов, рассматривая общую теорию оперативно-розыскных мероприятий, подчёркивают, что документирование хода и результатов ОРМ должно обеспечивать воспроизводимость зафиксированных данных и возможность их независимой проверки на всех последующих стадиях судопроизводства [9, с. 534]. В условиях darknet, где участники сделок подвергаются многоуровневой деанонимизации посредством специальных технических средств, это требование крайне сложно обеспечить без чёткого нормативного регулирования соответствующих методов и стандарта их документирования.

Не менее важен вопрос гарантий прав граждан при применении цифровых методов. Ст. 18 Конституции Республики Казахстан закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Закон об ОРД в ст. 16 устанавливает, что ограничение конституционных прав граждан при проведении ОРМ допускается лишь с санкции прокурора или по решению суда [1]. Как справедливо замечает И.Ш. Борчасвили, противоречие между эффективностью оперативной работы и гарантиями прав личности неустранимо в принципе; задача законодателя состоит не в устранении этого противоречия, а в чётком определении пределов допустимого вмешательства в конституционно защищённые права [10, с. 501]. В отношении цифровых технологий эти пределы пока законодательно не установлены: отсутствует норма, разграничивающая мониторинг открытых ресурсов, не требующий санкции, и перехват зашифрованных каналов связи либо доступ к содержанию сообщений, нуждающиеся в судебном разрешении.

С.Ж. Галлиев и О.Е. Сапарин, комментируя Закон об ОРД вскоре после его принятия, указывали, что принцип конспирации не должен вступать в противоречие с принципом законности: там, где оперативный метод неизбежно затрагивает конституционные права, законодательное умолчание недопустимо и должно квалифицироваться как пробел, требующий заполнения путём прямого нормативного регулирования, а не расширительного толкования [11, с. 44]. Высказанное в 1998 году наблюдение в современных условиях приобрело новую актуальность: умолчание законодателя о цифровых методах создаёт правовую неопределённость, которая в судебной практике нередко разрешается не в пользу процессуальной строгости, а в пользу оперативной целесообразности.

Мы полагаем, что казахстанская практика по данной проблематике обнаруживает те же дефекты, которые фиксируются и в сравнительно-правовом контексте. Немецкий опыт показателен: §§ 100b–100j Strafprozessordnung (УПК ФРГ) содержат детальный режим телекоммуникационного наблюдения, разграничивая получение метаданных, наблюдение за содержанием переписки и так называемый онлайн-обыск, каждый из которых требует особого уровня судебного контроля [12]. Американская практика раскрытия крупнейших darknet-маркетплейсов — «Silk Road» (2013), «AlphaBay» (2017), «Hansa» (2017) — наглядно показала, что техническая деанонимизация без процессуальной легитимности способна приводить к утрате доказательственной устойчивости в суде; дело «Ross Ulbricht» поставило под сомнение допустимость части доказательств именно в связи с отсутствием должного судебного санкционирования [13]. Казахстанская правоприменительная практика пока не выработала устойчивых решений по этим вопросам, поскольку они не становились предметом системного законодательного урегулирования.

Особую сложность представляет идентификация лиц в «darknet». Сеть «Tor», используемая наркоплощадками, не позволяет установить личность пользователя стандартными сетевыми методами. Правоохранительная практика Казахстана, судя по публичным данным АФМ, опирается главным образом на анализ финансовых транзакций через криптокошельки, идентификацию по операциям на платёжных счетах и агентурные данные — методы, которые в совокупности дают результат, но каждый из них в отдельности требует нормативного оформления применительно к цифровой среде. Оперативное внедрение как ОРМ предусмотрено Законом об ОРД [1], однако его применение в цифровой среде, создание легендированных аккаунтов, участие агента в онлайн-сделках и цифровых контактах нормативно детализированы недостаточно, что создаёт риск признания полученных результатов недопустимыми на стадии судебного разбирательства.

Таким образом, анализ современного состояния правового регулирования цифровых технологий в ОРД по делам о наркопреступлениях выявляет устойчивый системный дефект: разрыв между технологическими возможностями оперативных органов и законодательными рамками их деятельности. Этот разрыв порождает двойной дефицит: дефицит эффективности, поскольку оперативные сотрудники вынуждены действовать в зоне правовой неопределённости, рискуя утратить доказательственный потенциал материалов в суде, и дефицит гарантий прав граждан, чьи цифровые данные оказываются в орбите оперативного контроля без чётко прописанных механизмов защиты от произвольного вмешательства.

Следовательно, именно несоответствие между практической эффективностью цифровых методов и их процессуальной легитимностью выступает главным структурным изъяном действующего законодательного регулирования ОРД в сфере противодействия наркопреступности.

Представляется обоснованным утверждать, что системное решение данной проблемы связано с внесением в Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» специальной статьи, закрепляющей понятие, перечень и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий в цифровой среде, включая мониторинг darknet, перехват зашифрованных коммуникаций, анализ блокчейн-транзакций и применение технических средств деанонимизации, с установлением дифференцированного режима судебного санкционирования в зависимости от степени вмешательства в конституционно защищённые права, а также обязательного порядка уничтожения персональных данных о лицах, не признанных подозреваемыми по результатам оперативной проверки.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000> (Дата обращения: 23.02.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (Дата обращения: 23.02.2026).
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (Дата обращения: 03.03.2026).
4. Закон Республики Казахстан от 10 июля 1998 года № 279-І «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и употреблению ими» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов

Республики Казахстан «Әділет». — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000279> (Дата обращения: 23.02.2026).

5. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. — М., 1994. — Вып. XLVII. — С. 133–157.

6. Борьба с наркопреступностью в Казахстане: результаты МВД за 7 месяцев [Электронный ресурс] // Freshnews.kz. — 18.08.2025. — Режим доступа: <https://freshnews.kz/borba-s-narkoprestupnostyu-v-kazahstane-rezultaty-mvd-za-7-mesyaczev/> (Дата обращения: 23.02.2026).

7. Сысалов М. П. Теория оперативно-розыскной деятельности в Республике Казахстан : монография. — Алматы : Данекер, 2003. — 326 с.

8. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика : монография. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. — 449 с.

9. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 832 с. — (Высшее образование).

10. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан: общая и особенная части / под общ. ред. И. Ш. Борчашвили. — 2-е изд., испр. и доп. — Алматы : Жеті жарғы, 2007. — 989, [1] с.

11. Галиев С. Ж., Сапарин О. Е. Комментарий к Закону Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности». — Алматы : Жеті жарғы, 1998. — 96 с.

12. Уголовно-процессуальный кодекс (с изменениями, внесенными Законом от 30.10.2017), Германия [Электронный ресурс] // WIPO Lex. — 2018. — Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17666> (Дата обращения: 25.02.2026).

13. Кибератака на банки: как похитили 2 миллиарда тенге [Электронный ресурс] // Tengrinews.kz. — 07.06.2021. — Режим доступа: <https://tengrinews.kz/crime/kiberataka-na-banki-kak-pohitili-2-milliarda-tenge-439633/> (Дата обращения: 25.02.2026).

ӘОЖ 343.6:614

Боранбай Сапар Серікұлы,Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды Ұлттық зерттеу университетінің докторанты
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ.**МЕДИЦИНАЛЫҚ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАР ҮШІН ҚЫЛМЫСТЫҚ
ЖАУАПТЫЛЫҚ ЖӘНЕ ОНЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасындағы медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтардың ұғымын, жүйесін және құқықтық ерекшеліктерін талдауға арналған. Зерттеу барысында медициналық және фармацевтикалық қызмет саласында орын алатын бірқатар қылмыстық құқық бұзушылықтардың құрамдық белгілері талданды. Атап айтқанда, медициналық немесе фармацевтикалық қызметкерлердің кәсіби міндеттерін тиісінше орындамауы, науқасқа қажетті медициналық көмекті көрсетпеуі, дәрігерлік құпияны заңсыз жария етуі, заң талаптарына қайшы медициналық және фармацевтикалық қызметті жүзеге асыруы, сондай-ақ клиникалық зерттеулерді жүргізу тәртібін бұзуы мәселелері жан-жақты қарастырылды. Автор медициналық қылмыстардың жасалу себептерін, кінәнің нысандарын және құқық қолдану тәжірибесіндегі өзекті мәселелерді айқындайды. Зерттеу нәтижелері адам өмірі мен денсаулығын қорғауды күшейту, медициналық қызмет саласындағы қылмыстық жауаптылық институтын жетілдіру және медициналық персоналдың кәсіби әрі құқықтық жауапкершілігін арттыру қажеттілігін негіздейді.

Түйінді сөздер: медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтар; қылмыстық жауаптылық; медициналық қызметкер; фармацевтикалық қызмет; кәсіби немқұрайлылық; адам өмірі мен денсаулығы; Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасы.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию медицинских уголовных правонарушений в контексте уголовного законодательства Республики Казахстан. В работе раскрываются понятие, структура и специфика уголовной ответственности за нарушения, совершаемые в сфере медицинской и фармацевтической деятельности. Особое внимание уделено анализу составов преступлений и уголовных проступков, возникающих в результате ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей медицинскими и фармацевтическими работниками, отказа в оказании помощи пациенту, разглашения врачебной тайны, осуществления незаконной медицинской и фармацевтической деятельности, а также нарушений порядка проведения клинических исследований. Особое внимание в работе уделяется анализу объективных и субъективных признаков указанных правонарушений, форм проявления вины, а также их значительной общественной опасности. Аргументируется необходимость совершенствования уголовно-правового регулирования и повышения уровня профессиональной и юридической ответственности медицинских работников с целью эффективной защиты жизни и здоровья граждан.

Ключевые слова: медицинские уголовные правонарушения; уголовная ответственность; медицинский работник; фармацевтическая деятельность; профессиональная небрежность; врачебная тайна; уголовное право Республики Казахстан.

Abstract. This article examines medical criminal offenses as regulated under the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. It examines the concept, system, and legal characteristics of criminal liability for offenses committed in the field of medical and pharmaceutical activities. The study considers crimes and criminal misdemeanors related to improper performance of professional duties by medical and pharmaceutical workers, failure to provide medical assistance, disclosure of medical confidentiality, illegal medical and pharmaceutical practice, and violations of the procedure for conducting clinical trials. Special attention is paid to the objective and subjective elements of these offenses, forms of guilt, and their high degree of social danger. The article substantiates the need to improve criminal law regulation and to enhance the professional and legal responsibility of medical personnel in order to ensure effective protection of human life and health.

Keywords: medical criminal offenses; criminal liability; medical professional; pharmaceutical activity; professional negligence; medical confidentiality; criminal law of the Republic of Kazakhstan.

Қазіргі кезеңде денсаулық сақтау жүйесін жаңғырту, медициналық қызмет сапасын арттыру және азаматтардың өмірі мен денсаулығын қорғау мәселелері мемлекеттік саясаттың басым бағыттарының бірі болып табылады. Осыған байланысты медициналық қызмет саласында туындайтын құқықтық қатынастарды тиімді қылмыстық-құқықтық реттеу ерекше маңызға ие. Медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтар адамның өмірі мен денсаулығына тікелей қауіп төндіретін, кәсіби қызмет шеңберінде жасалатын құқыққа қайшы әрекеттер ретінде қоғамдық қауіптіліктің жоғары деңгейімен сипатталады.

Зерттеу мақсаты – медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтар үшін қылмыстық жауаптылықтың құқықтық негіздерін кешенді талдау, олардың құрамдық белгілерін айқындау және құқық қолдану тәжірибесіндегі өзекті мәселелерді анықтау.

Мемлекет басшысы қатысқан Үкіметтің кеңейтілген отырысында Қаржы министрлігінің Экономикалық тексеру қызметі, Ішкі істер министрлігі және Ұлттық қауіпсіздік комитетінің Шекара қызметі дәрі-дәрмектер сату және медициналық бұйымдар саласы бойынша 396 құқық бұзушылық фактілерін анықтағаны туралы тоқталған еді. Оның ішінде 76 іс Қылмыстық кодекстің бабтары бойынша қаралған. Атап айтқанда жеке тұлғалардың алып-сату деректері, дәріханалар желісінің қызметкерлерімен келісе отырып жасалған бірқатар әрекеттер.

Медициналық қызмет саласында жасалатын қылмыстық құқық бұзушылықтар өз табиғаты жағынан күрделі болып келетін құқық бұзушылықтардың ерекше санатына жатады. Мұндай істерді тергеп-тексеру барысында тергеушілерден жоғары деңгейдегі кәсіби дайындық талап етіледі. Сонымен қатар, оларды жан-жақты және объективті қарау үшін сот-медициналық және басқа да арнайы сараптамаларды жүргізу, сондай-ақ медицина саласының мамандарын тарту және олардың кәсіби кеңестерін пайдалану қажеттілігі туындайды. Құқық қолдану тәжірибесі көрсетіп отырғандай, медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтардың жасалуына көбінесе науқасқа салғырт қарау, медициналық көмектің уақтылы әрі сапасыз көрсетілуі, дұрыс емес диагноз қою, дәрігерлік құпияны жария ету және басқа да құқыққа қайшы әрекеттер себеп болады. Мұндай қызметтік құқық бұзушылықтар жиі жағдайда адам өліміне немесе денсаулыққа орны толмас ауыр зардаптардың туындауына алып келіп, азаматтардың өмірі мен денсаулығына елеулі зиян келтіреді.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 10-бабына сәйкес қылмыстық құқық бұзушылықтар қоғамдық қауіптілік дәрежесіне және жазаланушылығына қарай қылмыстар мен қылмыстық теріс қылықтарға бөлінеді. Қылмыс деп кінәлі түрде жасалған, қоғамға қауіпті әрекет немесе әрекетсіздік танылады және ол үшін айыппұл, түзеу жұмыстары, бас бостандығын шектеу, бас бостандығынан айыру немесе өлім жазасы көзделеді. Қылмыстық теріс қылық деп қоғамға үлкен қауіп төндірмейтін, елеусіз зиян келтірген не зиян келтіру қаупін туғызған кінәлі әрекет немесе әрекетсіздік танылады, ол үшін айыппұл, түзеу жұмыстары, қоғамдық жұмыстарға тарту немесе қамау түріндегі жаза көзделеді [1].

Қылмыстық жауаптылыққа тартудың басты негізі – тұлғаның Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінде көзделген қылмыстық құқық бұзушылық құрамының барлық белгілері бар іс-әрекетті жасауы болып табылады. Қылмыстық құқық бұзушылық құрамының негізгі элементтеріне қылмыстың объектісі, объективтік жағы, субъектісі және субъективтік жағы жатады.

Қылмыстың объектісі деп заңмен қорғалатын қоғамдық қатынастарды, материалдық және материалдық емес игіліктерді, сондай-ақ тұлғалардың заңды мүдделерін түсінеміз. Олардың қатарына, ең алдымен, адамның өмірі мен денсаулығы жатады. Қылмыстың объективтік жағы қылмыстық құқық бұзушылықтың сыртқы көрінісін сипаттайтын белгілердің жиынтығымен айқындалады. Ол әрекет немесе әрекетсіздік, олардың қоғамға қауіпті салдары, себептік байланыс, сондай-ақ қылмыстың жасалу уақыты, орны, жағдайы және өзге де нақты мән-жайларды қамтиды.

Қылмыстың субъектісі – қылмыстық құқық бұзушылықты жасаған жеке тұлға. Медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтар жағдайында субъект ретінде, әдетте, медициналық немесе фармацевтикалық қызметті жүзеге асыратын тұлғалар танылады.

Субъективтік жағы қылмысты жасаған тұлғаның психикалық қатынасын сипаттайды және кінә, ниет пен мақсат арқылы айқындалады. Кінә нысаны қасақаналық (тікелей немесе жанама) не абайсыздық (қылмыстық менмендік немесе қылмыстық немқұрайлылық) түрінде көрініс табуы мүмкін.

2014 жылы Қазақстан Республикасының жаңа Қылмыстық кодексі қабылданды. Осы Қылмыстық кодексте медициналық құқық бұзушылықтар алғаш рет жеке 12-тарауға біріктіріліп, жеті қылмыстық құқық бұзушылық құрамын қамтыды.

Олардың ішінде үш қылмыс көзделген: клиникалық зерттеулер жүргізу және профилактика, диагностика, емдеу мен медициналық оңалтудың жаңа әдістері мен құралдарын қолдану тәртібін бұзу (318-бап), абортты заңсыз жасау (319-бап), жалған дәрілік заттармен, медициналық мақсаттағы бұйымдармен немесе медициналық техникамен айналысу (323-бап).

Сонымен қатар төрт қылмыстық теріс қылық белгіленген: медициналық және фармацевтикалық қызметкерлердің кәсіби міндеттерін тиісінше орындамауы (317-бап), науқасқа көмек көрсетпеу (320-бап), дәрігерлік құпияны жария ету (321-бап), заңсыз медициналық және фармацевтикалық қызмет, сондай-ақ есірткілік немесе психотроптық заттарды алуға құқық беретін рецептілерді немесе өзге де құжаттарды заңсыз беру не қолдан жасау (322-бап).

Медициналық немесе фармацевтикалық қызметкерлердің кәсіби міндеттерін тиісінше орындамауы көп жағдайда олардың қызметтік міндеттеріне жауапсыз немесе немқұрайлы қарауынан

туындайды. Мұндай жағдайлар медициналық қызметкерлерді қылмыстық жауаптылыққа тартудың кең таралған негіздерінің бірі болып табылады.

Аталған салғырттық, әдетте, науқастың ауру тарихын толық әрі мұқият жинамау, медициналық тексеруді жеткілікті деңгейде жүргізбеу, соның салдарынан дұрыс диагноз қойылмауы және тиісті емдеу шараларының белгіленбеуі арқылы көрініс табады. Сонымен қатар медициналық практикада хирургиялық араласу барысында дәрігердің науқастың дене қуысында бөгде заттарды қалдырып кетуі де кәсіби міндеттерге немқұрайлы қараудың салдары ретінде бағаланады. Бұдан бөлек, медициналық қызметкерлердің салғырттығы дәрілік препараттарды дұрыс таңдамау, оларды шамадан тыс мөлшерде енгізу немесе жоғары концентрациялы дәрілік ерітінділерді қолдану жағдайларында да байқалуы мүмкін [2].

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 317-бабының 1-бөлігінің объективтік жағы медициналық немесе фармацевтикалық қызметкердің кәсіби міндеттерін орындамауымен, тиісінше орындамауымен немесе медициналық көмекті көрсету тәртібі мен белгіленген стандарттарды сақтамауымен сипатталатын әрекет не әрекетсіздік арқылы көрініс табады. Бұл қылмыстық құқық бұзушылықтың құрамы материалдық сипатқа ие, сондықтан ол денсаулыққа абайсызда орташа ауырлықтағы зиян келтірілген сәттен бастап аяқталған деп танылады.

Қазақстан Республикасының «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы» кодексінің 36-бабына сәйкес медициналық қызмет – жоғары немесе орта медициналық білімі бар жеке тұлғалардың, сондай-ақ денсаулық сақтау саласында қызметті жүзеге асыратын заңды тұлғалардың кәсіби қызметі болып табылады [3].

Аталған қызмет шеңберінде халыққа медициналық көмектің әртүрлі түрлері ұсынылады. Олардың қатарына дәрігерге дейінгі көмек, білікті және мамандандырылған медициналық қызметтер, жоғары технологиялық медициналық көмек, сондай-ақ медициналық-әлеуметтік қолдау көрсету жатады. Осы Кодекстің 1-бабының 112-тармағына сәйкес фармацевтикалық қызмет – дәрілік заттарды, медициналық мақсаттағы бұйымдар мен медициналық техниканы өндіру, дайындау, сақтау, көтерме және бөлшек саудада өткізу, сапасын бақылау, тасымалдау, пайдалану және жоюмен байланысты қызмет болып табылады.

Аталған құқық бұзушылықтың субъективтік жағы абайсыздық нысанындағы кінәмен сипатталады. Субъект арнайы болып табылады, яғни медициналық немесе фармацевтикалық қызметкер. Ауырлататын белгілер ретінде денсаулыққа ауыр зиян келтіру, адамның өлімі, сондай-ақ екі немесе одан да көп адамның өлімі көзделген. Сонымен қатар Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 317-бабының 5-бөлігінде медициналық қызметкерлердің, сондай-ақ тұрмыстық немесе халыққа өзге де қызмет көрсету саласының қызметкерлерінің кәсіби міндеттерін тиісінше орындамауының салдарынан басқа адамға ВИЧ/СПИД инфекциясын жұқтыру жағдайы үшін қылмыстық жауаптылық белгіленген [4]. Клиникалық зерттеулер жүргізу, сондай-ақ аурулардың алдын алу, диагностикалау, емдеу және медициналық оңалтудың жаңа әдістері мен құралдарын қолдану тәртібін бұзу медициналық қызметтің тиісті салаларында заңнамамен белгіленген талаптарды сақтамау арқылы көрініс табады.

Қазақстан Республикасының «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы» кодексінің 1-бабының 58-тармағына сәйкес клиникалық зерттеу деп адамның қатысуымен жүргізілетін, аурулардың алдын алу, диагностикалау және емдеу әдістері мен құралдарының қауіпсіздігі мен тиімділігін анықтауға бағытталған ғылыми зерттеу түсініледі [5]. Аталған қылмыстық құқық бұзушылықтың құрамы формальдық сипатқа ие болып табылады, ал кінә нысаны, әдетте, абайсыздық түрінде көрініс табады.

Абортты заңсыз жасау жүктілікті жасанды түрде үзуге бағытталған, белгіленген медициналық талаптарды бұзатын белсенді әрекеттер арқылы жүзеге асырылады. Қылмыстық жауаптылық абортты жасаудың салдарына ғана емес, оны жасау кезіндегі барлық мән-жайларға байланысты туындайды. Құрам формальды-материалдық сипатта болып, кінә нысаны ретінде тікелей қасақаналық, ал ауыр зардаптар болған жағдайда абайсыздық танылады. Науқасқа көмек көрсетпеу медициналық қызметкердің өз міндетін орындамауы, шақыру бойынша келмеуі, ауруды госпитализациялаудан немесе бақылау ұйымдастырудан бас тартуы арқылы көрініс табады. Бұл әрекетсіздік адамның өміріне немесе денсаулығына қауіп төндірген жағдайда қылмыстық жауаптылыққа әкеп соғады. Дәрігерлік құпияны жария ету науқастың медициналық көмекке жүгіну фактісі, денсаулық жағдайы, диагнозы және емдеу барысында алынған өзге де мәліметтерді заңсыз тарату арқылы жүзеге асырылады. Бұл құқық бұзушылық формальды құрамға ие және тікелей қасақаналықпен жасалады [6].

Заңсыз медициналық және фармацевтикалық қызмет деп тиісті лицензиясыз медициналық немесе фармацевтикалық қызметті жүзеге асыруды, сондай-ақ есірткілік немесе психотроптық

заттарды алуға мүмкіндік беретін рецептілерді не басқа да құжаттарды заңсыз рәсімдеу, беру немесе қолдан жасау әрекеттерін түсінуге болады.

Аталған қылмыстық құқық бұзушылықтың құрамы материалдық сипатқа ие. Мұндай әрекеттерді жасауда кінә нысаны абайсыздық түрінде де, тікелей қасақаналық түрінде де көрініс табуы мүмкін. Жалған дәрілік заттармен, медициналық мақсаттағы бұйымдармен немесе медициналық техникамен айналысу халықтың денсаулығына тікелей қауіп төндіреді және қасақаналықпен жасалатын ауыр қылмыстар санатына жатады [7].

Зерттеудің ғылыми жаңалығы медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтарды кешенді қылмыстық-құқықтық талдау негізінде олардың құрамдық белгілерін жүйелеуде және құқық қолдану тәжірибесіндегі проблемалық аспектілерді айқындауда көрініс табады.

Атап айтқанда:

- медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтардың объектісі ретінде адамның өмірі мен денсаулығын қорғауға бағытталған қоғамдық қатынастардың мәні мен мазмұны айқындалды;
- кәсіби міндеттерді тиісінше орындамау кезіндегі себептік байланысты анықтаудың ерекшеліктері ғылыми тұрғыдан негізделді;
- абайсыздық нысанындағы кінәнің медициналық қызмет аясындағы көрініс табу ерекшеліктері сараланды;
- формальды және материалдық құрамдардың арасындағы ерекшеліктерді нақтылау мәселелері бойынша тұжырымдар жасалды;
- қылмыстық және салалық (медициналық) заңнаманың өзара әрекеттесуін жетілдіруге бағытталған ұсыныстар ұсынылды.

Осылайша, жүргізілген зерттеу медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтар саласында қылмыстық жауаптылық институтын одан әрі жетілдіруге, құқық қолдану тәжірибесін біріздендіруге және азаматтардың өмірі мен денсаулығын тиімді қорғауға арналған ғылыми тұрғыдан негізделген ұсыныстар әзірлеуге мүмкіндік береді.

Медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтар профилактика, диагностика және емдеу саласындағы кәсіби міндеттердің дұрыс орындалмауы, дәрігерлік құпияның заңсыз жариялануы, лицензияланбаған медициналық және фармацевтикалық қызмет көрсету, науқасқа қажетті көмек көрсетпеу, сондай-ақ клиникалық зерттеулерді жүргізу тәртібін бұзу арқылы көрініс табады. Мұндай құқық бұзушылықтар үшін Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасында қатаң қылмыстық жауаптылық көзделген. Жүргізілген талдау медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтардың қылмыстық құқық жүйесінде ерекше орын алатынын және олардың қоғамдық қауіптілік деңгейі ең алдымен адамның өмірі мен денсаулығына тікелей қол сұғуымен айқындалатынын көрсетті. Медициналық және фармацевтикалық қызмет кәсіби білім мен жоғары жауаптылықты талап ететін сала болғандықтан, бұл бағыттағы құқық бұзушылықтар тек жеке тұлғалардың мүдделеріне ғана емес, жалпы қоғамның денсаулық сақтау жүйесіне деген сеніміне де нұқсан келтіреді.

Медициналық құқық бұзушылықтардың басым бөлігі абайсыздық нысанындағы кінәмен жасалатыны анықталды, алайда бірқатар құрамдар тікелей қасақаналықпен сипатталады. Бұл олардың саралануында, жаза тағайындауда және кінәні дәлелдеуде ерекше тәсілді талап етеді. Сонымен бірге формальды және материалдық құрамдардың ара-жігін нақты ажырату құқықтық айқындықты қамтамасыз етудің маңызды шарты болып табылады.

Осылайша, медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша қылмыстық жауаптылық институтын жетілдіру төмендегілерге бағытталуы мүмкін:

- қылмыстық-құқықтық нормаларды нақтылау;
- медициналық стандарттарды құқықтық тұрғыда біріздендіру;
- сот-медициналық сараптама сапасын арттыру;
- құқық қолдану тәжірибесін жүйелеу бағыттарында жүзеге асырылуы тиіс.

Қорытындылай келе, медициналық қылмыстық құқық бұзушылықтарды ғылыми тұрғыда жан-жақты зерделеу азаматтардың өмірі мен денсаулығын қорғаудың тиімді тетіктерін қалыптастыруға, денсаулық сақтау жүйесіндегі заңдылық пен құқықтық тәртіпті нығайтуға және құқық қолдану тәжірибесінің сапасын арттыруға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ Заңы (өзгерістер мен толықтыруларымен) // Қазақстан Республикасы нормативтік құқықтық актілерінің ақпараттық-құқықтық жүйесі «Әділет». – [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz> (жүгінген күні: 12.12.2025);

2. Қазақстан Республикасының 2020 жылғы 7 шілдедегі № 360-VI ҚРЗ Заңы (өзгерістер мен толықтыруларымен) // «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. – [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz> (жүгінген күні: 12.12.2025);

3. Адамның өмірі мен денсаулығына қарсы қылмыстар туралы заңнаманы қолдану практикасы туралы: Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2001 жылғы 21 маусымдағы № 1 нормативтік қаулысы (өзгерістер мен толықтыруларымен) // «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. – [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz> (жүгінген күні: 12.12.2025);

4. Медициналық көмек көрсету стандарттарын бекіту туралы: Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрінің 2020 жылғы 23 қазандағы № ҚР ДСМ-149/2020 бұйрығы (өзгерістер мен толықтыруларымен) // «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. – [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz> (жүгінген күні: 12.12.2025);

5. Бекназаров Б.М. Қазақстан Республикасының қылмыстық құқығы. Ерекше бөлім : оқулық. – Алматы : Жеті жарғы, 2019. – 416 б.;

6. Ахпанов А.Н., Қанатов А.К. Қазақстан Республикасының қылмыстық құқығы: Жалпы және Ерекше бөлімдер : оқулық. – Алматы: Норма-К, 2020. – 520 б.;

7. Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрінің 2019 жылғы 30 қыркүйектегі № ҚР ДСМ-135 бұйрығы (өзгерістер мен толықтыруларымен) // «Әділет» ақпараттық-құқықтық жүйесі. – [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz> (жүгінген күні: 12.12.2025).

УДК 343.2/.7:004.6

Генрих Мерейли Батырханқызы,
магистрант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан

ПОСМЕРТНАЯ ЦИФРОВАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ЦИФРОВУЮ ЛИЧНОСТЬ УМЕРШЕГО

Аннотация. Цифровая трансформация правовых отношений обнажает принципиально новые объекты уголовно-правовой охраны, существование которых ещё несколько десятилетий назад не поддавалось концептуализации. В центре настоящего исследования - цифровая идентичность умершего лица как совокупность персональных данных, учётных записей, медицинских и финансовых сведений, продолжающих присутствовать в информационных системах после того, как их носитель ушёл из жизни. В качестве эмпирической основы анализа избран прецедент «мёртвые души» - выявленная в начале 2026 года практика систематической фиксации медицинских услуг, якобы оказанных гражданам, официально зарегистрированным как умершие. Предложена авторская типология посмертных цифровых посягательств, охватывающая имущественное мошенничество, злоупотребления в системе здравоохранения, схемы легализации доходов и репутационный вред. Идентифицированы нормативные пробелы в казахстанском праве и сформулирован комплекс предложений: введение специального уголовно-правового состава (ст. 197-1 УК РК), реформирование законодательства о персональных данных, создание механизма автоматической блокировки и институт цифрового завещания.

Ключевые слова: посмертная виктимизация; цифровая идентичность умершего; персональные данные; информационные системы; цифровое наследие; квалификация преступлений; уголовная ответственность.

Андатпа. Цифрлық трансформация жағдайында қайтыс болған адамның цифрлық тұлғасы қылмыстық-құқықтық қорғаудың жаңа объектісіне айналууда. Мақалада 2026 жылғы «өлі жандар» прецеденті негізінде өлімнен кейінгі цифрлық қолсұғушылықтарға қылмыстық-құқықтық талдау жүргізіледі. Төрт санатты қамтитын типология ұсынылады, ҚК РК қолданыстағы баптары зерттеледі, заңнамадағы олқылықтар анықталады және жетілдіру жөніндегі нақты ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: өлімнен кейінгі виктимизация; цифрлық тұлға; жеке деректер; ақпараттық жүйелер; цифрлық мұра; қылмыстарды саралау.

Abstract. Digital transformation gives rise to fundamentally new objects of Criminal law protection. This article examines the digital identity of a deceased person, drawing on the 2026 Kazakhstani "dead souls" precedent. An original four-category typology of posthumous digital infringements is proposed. Legislative gaps are assessed and specific proposals are formulated to supplement the Criminal Code of Kazakhstan with a dedicated offence, to reform personal data legislation, and to introduce the institution of a digital testament.

Keywords: posthumous victimization; digital identity of the deceased; personal data; information systems; digital inheritance; qualification of crimes.

1. Постановка проблемы и степень её разработанности в казахстанской доктрине

Право традиционно выстраивает систему защиты вокруг живого и дееспособного субъекта. Это предположение настолько глубоко укоренено в правовой архитектуре, что остаётся незамеченным - до тех пор, пока реальность не предъявляет ситуацию, при которой субъект исчез, а его данные остались. Именно с такой ситуацией казахстанское право столкнулось в начале 2026 года. Исследователи С. Öhman и D. Watson ещё в 2019 году обратили внимание на то, что цифровые профили умерших пользователей накапливаются в сетевых системах быстрее, чем правовые системы успевают осмыслить связанные с этим риски [1]. Цифровая личность человека не исчезает с его биологической смертью - она лишается того, кто мог бы её защитить.

Казахстанская уголовно-правовая наука обратилась к смежным вопросам, однако не вышла на проблему посмертной цифровой виктимизации как самостоятельного предмета исследования. М.Ч. Когамов в своих работах по уголовной политике анализировал вызовы технологической трансформации применительно к системе запретов, но не рассматривал посмертные данные как самостоятельный объект охраны [2]. Е.О. Алауханов, исследуя криминологические закономерности в сфере информационных технологий, зафиксировал запаздывание законодателя как системную проблему цифровой эпохи, однако сосредоточился на живых субъектах [3]. С.И. Климкин в контексте реформирования наследственного законодательства поставил вопрос о правовом режиме цифровых активов, но преимущественно в гражданско-правовом измерении [4]. Уголовно-правовая концептуализация посмертной цифровой виктимизации в казахстанской доктрине отсутствует - и именно этот пробел настоящая работа стремится восполнить.

Конкретным поводом для исследования послужили события начала 2026 года. Межведомственная проверка государственных информационных систем Министерства здравоохранения и Фонда социального медицинского страхования выявила массив записей об оказании медицинских услуг лицам, которые к моменту предполагаемых обращений были официально зарегистрированы как умершие. Системный характер нарушений - охватывавших несколько организаций и значительный временной период - исключал объяснение технической ошибкой. Перед правовой системой встал вопрос, не имеющий готового ответа в действующем законодательстве: как квалифицировать умышленное использование данных умерших в государственных информационных системах в целях незаконного обогащения?

2. Концепция посмертной цифровой виктимизации

Под посмертной цифровой виктимизацией предлагается понимать противоправное использование, целенаправленное искажение или иное злоупотребление цифровой идентичностью умершего лица, влекущее причинение вреда охраняемым законом интересам третьих лиц, государства или общества. Это определение принципиально расходится с традиционной моделью: оно не предполагает наличия живого потерпевшего, допускает множественность объектов охраны и указывает на цифровую среду как конститутивный признак деяния.

Зарубежная доктрина не выработала единого подхода. Е. Harbinja последовательно отстаивает позицию, согласно которой данные умершего лица приобретают самостоятельную охраноспособность, не редуцируемую к интересам его окружения [5]. Иначе смотрит на проблему L. Edwards: первичными носителями охраняемого интереса она считает живых - родственников, наследников, тех, кого дискредитация умершего затрагивает непосредственно [6]. Для казахстанского права этот теоретический спор имеет вполне практическое измерение: первая позиция требует специальной уголовно-правовой нормы, вторая - лишь расширения круга потерпевших в уже существующих составах. Прецедент 2026 года показал, что ни один из этих путей законодателем пройден не был.

Принципиальная особенность данной категории посягательств состоит в том, что правовая система оказывается перед ситуацией, к которой она конструктивно не готова. Уголовное право строится на предположении о наличии субъекта, способного хотя бы потенциально заявить о нарушении - через представителя, через органы опеки, через прокуратуру. В случае с умершим этот канал закрыт не временно и не в силу недееспособности, а навсегда и по существу. Его данные при этом продолжают циркулировать в государственных реестрах, страховых базах, медицинских системах - без субъекта, уполномоченного их защищать, и без механизма, инициирующего блокировку. Казахстанский прецедент 2026 года превратил эту теоретическую уязвимость в документально зафиксированный криминальный факт [7].

3. Типология посягательств на цифровую личность умершего

Первая категория - мошеннические схемы с использованием цифровой идентичности умершего. Персональные данные, банковские реквизиты, номера страховых полисов умерших становятся инструментом получения незаконной имущественной выгоды. Особую общественную опасность представляют схемы, реализуемые непосредственно в государственных информационных системах: именно этот механизм был задействован в прецеденте 2026 года, когда данные умерших пациентов использовались для обоснования выплат из средств обязательного медицинского страхования [8].

Вторая категория - экономическая эксплуатация в сфере здравоохранения. Фальсификация сведений об оказанных услугах, получение страховых возмещений, формирование несуществующих рецептурных записей наносит ущерб сразу по двум направлениям: государство утрачивает бюджетные средства, а система здравоохранения - достоверность статистики, на которой основываются управленческие решения о распределении ресурсов и планировании медицинской помощи [9].

Третья категория - использование цифровой идентичности умершего в схемах легализации преступных доходов. Умерший, с точки зрения финансового надзора, представляет собой структурно удобную фигуру: его счёт не генерирует жалоб, его «подпись» не оспаривается, его «молчание» не привлекает внимания контролирующих органов. Регистрация юридических лиц, открытие банковских счетов, проведение транзакций от имени умерших позволяет выстраивать многоуровневые финансовые цепочки, в которых реальный бенефициар надёжно скрыт за лицом, утратившим правосубъектность.

Четвёртая категория охватывает посягательства на репутацию и цифровую память умершего: создание поддельных аккаунтов, синтез дискредитирующего аудио- и видеоконтента, вымогательство у родственников под угрозой публикации компрометирующих материалов. Технологический порог для реализации подобных деяний стремительно снизился: если ещё несколько лет назад производство

убедительного дипфейка требовало специализированного оборудования и значительных временных затрат, то сегодня это решается общедоступным программным обеспечением за считанные минуты [10]. Правовых инструментов, учитывающих эту скорость технологической доступности, казахстанское законодательство не содержит.

4. Уголовно-правовой анализ прецедента «мёртвые души» 2026 года

В начале 2026 года казахстанская система здравоохранения столкнулась с прецедентом, для которого в действующем праве не обнаружилось ни точного наименования, ни готового квалификационного решения. Межведомственная проверка зафиксировала сотни записей об оказании медицинских услуг гражданам, которые к тому моменту были мертвы - официально, по данным актов гражданского состояния. Нарушения охватывали несколько медицинских организаций и растянулись во времени настолько, чтобы исключить версию о техническом сбое [11].

Объект посягательства носит многоуровневый характер. Основным непосредственным объектом выступают финансовые отношения в сфере государственного медицинского страхования и расходования бюджетных средств. Дополнительным непосредственным объектом - нормальное функционирование государственных информационных систем, обеспечивающих достоверность медицинских данных как основы управленческих решений. Цифровая идентичность умерших лиц в данной конструкции выступает не самостоятельным объектом, а инструментом преступной схемы - и именно это создаёт принципиальные квалификационные затруднения.

Объективная сторона складывается из последовательности взаимосвязанных действий: получение доступа - правомерного или неправомерного - к базам данных умерших лиц; внесение заведомо ложных сведений об оказании медицинских услуг; формирование отчётной документации, обосновывающей финансирование из средств страхования или государственного бюджета; фактическое извлечение незаконно полученных средств. Цифровой способ совершения деяния является здесь не техническим обстоятельством, а конструктивным признаком, принципиально отличающим его от классического мошенничества: без доступа к государственным информационным системам схема физически невозможна.

Субъект преступления - специальный: медицинские работники и должностные лица, располагающие легитимным доступом к соответствующим базам данных. Именно это обстоятельство существенно осложняет квалификацию: использование законного доступа в незаконных целях выводит деяние за пределы составов, требующих неправомерного проникновения в информационную систему, и в то же время не охватывается в полной мере нормами о мошенничестве, конструировавшимися без учёта подобного механизма. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстной мотивацией: виновный осознаёт заведомую ложность вносимых сведений, предвидит причинение имущественного ущерба и желает этого.

Действующее законодательство позволяет квалифицировать совершённое по совокупности - хищение путём мошенничества (ст. 190 УК РК) и служебный подлог (ст. 369 УК РК). Между тем такая квалификация не отражает того, что цифровая идентичность умершего выступала самостоятельным инструментом схемы, а не просто техническим средством обмана. Это различие не терминологическое. Общественная опасность деяния определяется не только суммой ущерба, но и тем, какой именно механизм был задействован: систематическое использование государственного реестра умерших как ресурса для незаконного обогащения представляет самостоятельную угрозу доверию к публичным информационным системам. Действующие составы не дают возможности точно зафиксировать это в обвинительном акте и не создают превентивного сигнала о том, что подобное поведение является самостоятельным уголовно наказуемым деянием.

5. Пробелы законодательства и сравнительно-правовой анализ

Статья 17 Гражданского кодекса РК связывает прекращение правоспособности физического лица с моментом его смерти - и на этом правовое регулирование судьбы его цифровых данных фактически заканчивается [12]. Что происходит с персональными данными после смерти их носителя - хранятся ли они, кто вправе ими управлять, на каком основании могут продолжаться их обработка и использование - ни гражданское, ни уголовное право РК ответа не даёт.

С.И. Клишкин, исследуя правовой режим цифровых объектов в казахстанском праве, приходит к выводу, принципиально важному для настоящего анализа: цифровые активы умерших не вписываются в традиционные категории имущества и требуют самостоятельного правового режима [4]. А.Б. Мукашев, изучая регулирование оборота персональных данных в контексте цифровизации государственного управления, фиксирует структурный изъян: казахстанское право не предоставляет ни умершему при жизни, ни его правопреемникам инструментов для определения судьбы персональных данных после смерти [16]. Закон РК «О персональных данных и их защите» не

устанавливает ни обязанности операторов прекращать обработку данных умерших, ни механизма их блокировки, ни права родственников на управление цифровым наследием [13].

А.Т. Джаксыбеков, анализируя квалификационные трудности в сфере информационных преступлений, выявляет закономерность, напрямую релевантную для рассматриваемой темы: казахстанское уголовное право архитектурно ориентировано на защиту дееспособного и живого субъекта [17]. Прецедент «мёртвые души» обнажает системное следствие этого выбора: когда субъект выпадает из правовой конструкции в силу смерти - а не временной недееспособности - ни одна из действующих норм не срабатывает с полной силой. Перед нами не пробел в конкретной статье, а архитектурный дефект, требующий системного, а не точечного ответа.

Ряд зарубежных правовых порядков указывает возможные пути. Гражданский кодекс КНР (ст. 994) прямо наделяет родственников умершего правом требовать защиты его имени, изображения и репутации от посягательств третьих лиц - тем самым сохраняя правовую охрану личности за пределами её биологического существования. Французский закон о цифровой республике 2016 года закрепляет право каждого гражданина при жизни определить судьбу своих данных после смерти и назначить доверенных лиц для реализации этого волеизъявления [14]. Регламент GDPR разрешает данный вопрос иначе - прямо выводя умерших лиц из сферы своего действия (Recital 27) и передавая регулирование государствам-членам [15]. Казахское законодательство не располагает ни одним из этих инструментов. При наличии корыстного умысла и правомерного доступа к государственным базам данных этот правовой вакуум превращается в устойчивый структурный криминогенный фактор.

6. Предложения по совершенствованию законодательства

Первое: дополнить УК РК статьёй 197-1 «Незаконное использование цифровой идентичности умершего лица». Предлагаемая редакция части первой: «Использование персональных данных, биометрических характеристик, учётных записей или иных элементов цифровой идентичности умершего лица в целях извлечения незаконной имущественной или иной выгоды либо причинения существенного вреда правам третьих лиц - наказывается штрафом либо ограничением свободы на срок до двух лет». Квалифицирующие признаки части второй: совершение группой лиц по предварительному сговору; с использованием служебного положения; с использованием государственных информационных систем; в крупном размере.

Введение специального состава решает задачу, которую совокупность ст. 190 и ст. 369 УК РК решить не способна: оно фиксирует самостоятельную общественную опасность использования цифровой идентичности умершего как инструмента преступной деятельности и создаёт превентивный сигнал потенциальным нарушителям, имеющим правомерный доступ к государственным базам данных.

Второе: внести изменения в Закон РК «О персональных данных и их защите», установив обязанность операторов прекращать активную обработку данных умершего в течение 30 дней с момента получения уведомления о смерти; определив исчерпывающий круг лиц, уполномоченных передавать такое уведомление; установив порядок передачи контроля над данными правопреемникам или цифровым душеприказчикам.

Третье: ввести механизм автоматической блокировки записей умерших лиц в государственных информационных системах здравоохранения, социального страхования и налогового учёта посредством интеграции с данными Государственной базы данных «Физические лица» в режиме реального времени. Данная мера непосредственно устраняет структурную уязвимость, задокументированную в прецеденте «мёртвые души»: разрыв между фактом регистрации смерти и блокировкой записи в смежных системах.

Четвёртое: дополнить ГК РК нормами о цифровом завещании, предоставив каждому гражданину право при жизни назначить «цифрового душеприказчика» - лицо, уполномоченное после смерти управлять его учётными записями, принимать решения о судьбе персональных данных и защищать цифровую репутацию. Данная модель соответствует французскому опыту и создаёт гражданско-правовую основу, органично дополняющую предлагаемый уголовно-правовой состав: при наличии цифрового душеприказчика у него возникает процессуальная легитимация для участия в защите интересов умершего.

Заключение. Казахский прецедент «мёртвые души» 2026 года документально подтвердил: посмертная цифровая виктимизация - не умозрительная конструкция, а реальное криминальное явление с измеримыми бюджетными последствиями и конкретными исполнителями. Настоящий анализ позволяет сформулировать четыре взаимосвязанных вывода.

Во-первых, цифровая личность умершего образует самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Биологическая смерть субъекта персональных данных устраняет единственного, кто

был юридически управомочен и фактически способен их защитить - и именно этот разрыв становится точкой входа для злоупотреблений.

Во-вторых, действующие составы УК РК допускают лишь частичную квалификацию посмертных цифровых посягательств. Совокупность ст. 190 и ст. 369 описывает хищение и подлог, но не отражает специфической общественной опасности деяний, в которых именно цифровая идентичность умершего выступала инструментом преступной схемы.

В-третьих, выявленные пробелы носят системный характер и охватывают три взаимозависимых уровня: уголовное право не содержит специального состава; законодательство о персональных данных не регламентирует правовой режим данных умершего; гражданское законодательство не знает института цифрового завещания.

В-четвёртых, предложенный комплекс мер - введение ст. 197-1 УК РК, реформирование законодательства о персональных данных, автоматизация межведомственного взаимодействия и институт цифрового завещания - обеспечивает системную полноту защиты, одновременно устраняя как нормативные, так и технические предпосылки для воспроизводства описанных злоупотреблений.

Список использованных источников:

1. Öhman C., Watson D. Are the dead taking over Facebook? A Big Data approach to the future of death online // Big Data & Society. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 1-13.
2. Когамов М.Ч. Уголовная политика и уголовный закон Республики Казахстан: теоретические и прикладные проблемы. - Алматы: Жети Жаргы, 2016. - 384 с.
3. Алауханов Е.О. Криминология: учебник. - Алматы: Нур-пресс, 2018. - 428 с.
4. Климкин С.И. Гражданско-правовое регулирование цифровых объектов в законодательстве Республики Казахстан: состояние и перспективы // Право и государство. 2022. № 3 (96). С. 61-74.
5. Harbinja E. Post-Mortem Privacy 2.0: Theory, Law, and Technology // International Review of Law, Computers & Technology. 2017. Vol. 31. No. 1. P. 26-42.
6. Edwards L., Harbinja E. Protecting Post-Mortem Privacy: Reconsidering the Privacy Interests of the Deceased in a Digital World // Cardozo Arts & Entertainment Law Journal. 2013. Vol. 32. P. 101-147.
7. Bassett D.J. Who Wants to Live Forever? Living, Dying and Grieving in Our Digital Society // Social Sciences. 2015. Vol. 4. No. 4. P. 1127-1139.
8. Информационное сообщение Министерства здравоохранения Республики Казахстан о результатах проверки государственных информационных систем. Январь 2026 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.gov.kz> (дата обращения: 05.03.2026).
9. Kasket E. All the Ghosts in the Machine: Illusions of Immortality in the Digital Age. London: Little, Brown Book Group, 2019. 304 p.
10. Brubaker J.R., Dombrowski L.S., Gilbert A.M. et al. Stewarding a Legacy: Responsibilities and Relationships in the Management of Post-mortem Data // Proceedings of the 32nd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems. 2014. P. 4157-4166.
11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изм. по состоянию на 01.01.2026 г.). [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 05.03.2026).
12. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года (с изм. по состоянию на 01.01.2026 г.). [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000> (дата обращения: 05.03.2026).
13. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года № 94-V (с изм. по состоянию на 01.01.2026 г.). [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (дата обращения: 05.03.2026).
14. Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746> (access date: 05.03.2026).
15. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016. Recital 27. [Electronic resource] - Access mode: <https://eur-lex.europa.eu> (access date: 05.03.2026).
16. Мукашев А.Б. Правовое регулирование оборота персональных данных в Республике Казахстан в условиях цифровизации государственного управления // Вестник КазНУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 2 (74). С. 44-56.
17. Джаксыбеков А.Т. Информационные преступления в законодательстве Республики Казахстан: квалификация и пути совершенствования // Право и государство. 2021. № 1 (90). С. 80-93.

УДК 343.2

Ескалы Нұрғазы Төлегенұлы,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу развития института медиации в уголовном праве Республики Казахстан и перспективам её цифровизации. Рассматриваются цели и задачи медиации, ключевые принципы проведения процедуры, а также влияние цифровых технологий и искусственного интеллекта на эффективность медиативного процесса. Особое внимание уделяется психологическим аспектам медиации. Анализируется возможность изменения когнитивных, эмоциональных и ценностных установок участников конфликта. В работе выявлены преимущества цифровой медиации, такие как расширение доступа к квалифицированным специалистам и повышение оперативности урегулирования споров, а также её недостатки. Сделан вывод о необходимости дальнейшей модернизации института медиации и создания специализированной цифровой платформы, которая могла бы обеспечить безопасное проведение медиативных процедур и повысить эффективность применения медиации в уголовно-правовой практике.

Ключевые слова: медиация; цифровая медиация; уголовное право; искусственный интеллект; психологические аспекты; модернизация; конфиденциальность; добровольность участия.

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасының қылмыстық құқығындағы медиация институтының дамуын және оны цифрландыру перспективаларын талдауға арналған. Медиацияның мақсаттары мен міндеттері, рәсімнің негізгі қағидаттары, сондай-ақ цифрлық технологиялар мен жасанды интеллектінің медиативтік процестің тиімділігіне әсері қарастырылады. Медиацияның психологиялық аспектілеріне ерекше назар аударылады. Қатысушылардың когнитивтік, эмоционалдық және құндылықтық ұстанымдарының өзгеру мүмкіндігі талданады. Зерттеуде цифрлық медиацияның артықшылықтары, атап айтқанда білікті мамандарға қолжетімділіктің кеңеюі және дауларды шешудің жеделдігінің артуы, сондай-ақ оның кемшіліктері анықталады. Зерттеу нәтижесінде медиация институтын одан әрі жаңғырту қажеттілігі, соның ішінде медиативтік рәсімдерді қауіпсіз жүргізуді қамтамасыз ететін және қылмыстық-құқықтық тәжірибеде медиацияны қолданудың тиімділігін арттыратын арнайы цифрлық платформаны құру қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: медиация; цифрлық медиация; қылмыстық құқық; жасанды интеллект; психологиялық аспектілер; модернизация; құпиялылық; ерікті қатысу.

Abstract. The article analyzes the development of the mediation institution in the Criminal law of the Republic of Kazakhstan and the prospects for its digitalization. The goals and objectives of mediation, the key principles of the procedure, as well as the impact of digital technologies and artificial intelligence on the effectiveness of the mediation process are examined. Particular attention is paid to the psychological aspects of mediation. The study analyzes the possibility of changing the cognitive, emotional, and value-based attitudes of conflict participants. The paper identifies the advantages of digital mediation, such as expanded access to qualified specialists and increased efficiency in dispute resolution, as well as its disadvantages. The study concludes that further modernization of the mediation institution is necessary, including the creation of a specialized digital platform that could ensure the secure conduct of mediation procedures and improve the effectiveness of mediation in criminal law practice.

Keywords: mediation; digital mediation; criminal law; artificial intelligence; psychological aspects; modernization; confidentiality; voluntary participation.

Развитие уголовно-правовой практики демонстрирует появление новых методов реализации задач уголовного законодательства. Если ранее наказание рассматривалось как один из основных и наиболее жёстких способов воздействия на правонарушителя, то с развитием уголовного права всё чаще предпринимаются попытки разработки альтернативных механизмов. Эти механизмы направлены на достижение тех же целей уголовного закона. При этом они предполагают более гуманные меры реагирования, особенно в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. К таким механизмам можно отнести медиацию, которая с 28 января 2011 года закреплена в уголовном законодательстве Республики Казахстан и активно применяется в правоприменительной практике [1].

Вместе с тем данные механизмы уголовно-правового воздействия, с учётом развития правосознания, цифровых технологий и иных общественных процессов, требуют модернизации к современным реалиям. Такая модернизация необходима для обеспечения их эффективности в качестве правовых инструментов, способных адекватно реагировать на современные социальные и технологические вызовы.

В научных кругах всё чаще обсуждается возможность цифровизации медиации. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть данный вопрос по ключевым аспектам и определить, в какой степени цифровизация способна способствовать развитию института медиации, а также какие преимущества и возможные недостатки она может иметь.

Медиация - процедура урегулирования спора (конфликта) между сторонами при содействии медиатора (медиаторов) в целях достижения ими взаимоприемлемого решения, реализуемая по добровольному согласию сторон [2].

Согласно ст.68 УК РК лицо, совершившее уголовный проступок или преступление небольшой или средней тяжести, не связанное с причинением смерти, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим, заявителем, в том числе в порядке медиации, и загладило причиненный вред [3].

Основными целями медиации являются создание условий для разрешения спора (конфликта) с соблюдением прав и законных интересов граждан, а также снижение уровня конфликтности между сторонами. Достижение указанных целей предполагает формирование конструктивного диалога между участниками конфликта, направленного на поиск взаимоприемлемого решения без применения принудительных мер государственного воздействия. Медиация ориентирована не только на формальное урегулирование спора, но и на восстановление коммуникации между сторонами, снижение социальной напряженности и предупреждение дальнейшей эскалации конфликта.

Основные задачи законодательства о медиации заключаются в обеспечении сторонам возможности урегулировать спор через медиативные процедуры. Кроме того, закон создает условия для содействия сторонам в поиске такого решения, которое будет удовлетворять всех участников процесса. Реализация указанных задач направлена на формирование эффективного механизма альтернативного разрешения споров, способствующего снижению нагрузки на судебную систему, повышению уровня правовой культуры общества и развитию практики мирного урегулирования конфликтов. В данном контексте медиация выступает важным инструментом гуманизации правовой политики государства, позволяющим достигать баланса интересов сторон и обеспечивать более гибкие и взаимоприемлемые способы разрешения правовых конфликтов.

Медиация проводится на основе ряда основополагающих принципов, обеспечивающих её эффективность и справедливость процедуры. К числу таких принципов относятся добровольность участия сторон, равноправие участников медиативного процесса, независимость и беспристрастность медиатора, недопустимость вмешательства в процедуру медиации, а также конфиденциальность [2]. Совокупность указанных принципов формирует правовую и организационную основу медиативной процедуры, направленной на достижение взаимоприемлемого решения конфликта и поддержание конструктивного диалога между сторонами.

По мнению Хенни Саида Флора (Henny Saida Flora) и её соавторов, развитие цифрового восстановительного правосудия становится актуальным в условиях необходимости быстрого, доступного и справедливого разрешения уголовных дел. Цифровизация медиативных процедур может повысить доступ к правосудию, особенно в отдалённых регионах и в чрезвычайных ситуациях, однако одновременно возникают правовые риски, связанные с юридической силой онлайн-медиации, добровольностью участия сторон и защитой персональных данных [4, ст.35].

Филимонова А. И. и Вереницын Я. А. отмечают, что применение искусственного интеллекта способно повысить эффективность анализа дел, ускорить поиск решений и снизить нагрузку на судебную систему, обеспечивая при этом формальную беспристрастность при рассмотрении споров. Вместе с тем внедрение таких технологий связано с рядом рисков, включая возможную предвзятость алгоритмов, ошибки интерпретации исходных данных, а также угрозы конфиденциальности и защиты частной жизни [5, ст.121].

Мы намеренно начали анализ с рассмотрения основных принципов, поскольку, на наш взгляд, сопоставление традиционной и цифровой медиации по данным критериям позволяет провести более объективное исследование. Как отмечают Филимонова А. И. и Вереницын Я. А., цифровая медиация не всегда способна в полной мере обеспечивать конфиденциальность процедуры. Кроме того, мы солидарны с позицией Хенни Саида Флора (Henny Saida Flora), указывающей на возможные сложности в обеспечении принципа добровольности участия сторон в условиях цифрового взаимодействия. В то же время по большинству других принципов процедура цифровой медиации в целом соответствует требованиям, предъявляемым к медиативной практике.

Также весьма интересной областью исследования являются психологические аспекты медиации. Многие учёные проводили научные исследования, методологические результаты которых подтверждают, что медиация во многих случаях может способствовать изменению

криминологического сознания подозреваемого. В частности, медиативная процедура оказывает влияние на когнитивные, эмоциональные и ценностные установки личности, которые определяют отношение человека к преступному поведению и ответственности за причинённый вред [6,7,8].

Однако одной из существенных проблем остаётся зависимость эффективности такого воздействия от профессиональной подготовки медиатора. Так, А.Э. Каздин (А.Е. Kazdin) отмечает, что изменение установок и поведения участников конфликта во многом определяется применением психологических методов и механизмов воздействия, которые требуют более глубокого теоретического осмысления и адаптации для практической деятельности медиаторов [9].

Вместе с тем, как справедливо указывают П. Вохра (P. Vohra) и К. Ахуджа (K. Ahuja), а также Ф. Кёрбидж (F. Curbage), методы, применяемые в медиации, должны учитывать не только пол и возраст правонарушителя, но и культурные ценности, а также региональные особенности участников конфликта [10].

В этой связи можно отметить, что эффективность медиации во многом зависит от методов, используемых медиатором, и его профессиональных навыков. Цифровая медиация может расширить доступ к квалифицированным специалистам, позволяя участникам из удалённых регионов обращаться к медиаторам с необходимым опытом и профессиональными методиками.

В соответствии со статьёй 18 Закона Республики Казахстан «О медиации» стороны вправе по своему усмотрению определить место проведения медиации, а также с согласия сторон медиатор определяет дату и время проведения процедуры. При этом законодатель предусматривает возможность участия участников медиации с использованием технических средств связи по инициативе и с согласия сторон. Кроме того, стороны вправе удостоверить соглашение об урегулировании спора (конфликта) посредством электронной цифровой подписи.

Таким образом, действующее законодательство допускает проведение медиативных процедур в дистанционном формате с использованием цифровых средств коммуникации. Однако в настоящее время отсутствует единая цифровая платформа, которая обеспечивала бы надлежащий уровень защиты конфиденциальности и безопасности данных участников. Также не создан централизованный портал, в рамках которого медиаторы могли бы проходить регистрацию и осуществлять свою деятельность.

Представляется, что создание единой платформы способствовало бы развитию цифровой медиации. В частности, платформа могла бы обеспечивать защищённую коммуникацию сторон. Она также предоставлять возможность хранения процессуальных документов и использования электронной цифровой подписи. Кроме того, инструменты искусственного интеллекта могли бы анализировать конфликтную ситуацию и поддерживать медиатора в выборе наиболее эффективных методов урегулирования спора.

Кроме того, использование искусственного интеллекта способно содействовать анализу ситуации и предложению наиболее подходящих методов медиативного воздействия. Однако при дистанционном формате сохраняется и определённое ограничение: медиатору сложнее полноценно оценить эмоциональное состояние участников конфликта, поскольку через цифровые средства коммуникации такие психологические аспекты передаются менее точно.

Проведённый анализ показывает, что цифровизация медиативных процедур в целом соответствует основным целям и принципам традиционной медиации. Она может способствовать расширению доступа к квалифицированным специалистам и повышению эффективности урегулирования конфликтов.

Вместе с тем использование дистанционных форм взаимодействия выявляет ряд проблем. Они связаны прежде всего с обеспечением ключевых принципов медиации. Одним из наиболее значимых принципов является конфиденциальность. В условиях цифрового взаимодействия её соблюдение требует применения надёжных и защищённых средств коммуникации.

На сегодняшний день отсутствует единая специализированная цифровая платформа для проведения медиативных процедур. Такая платформа могла бы обеспечивать защищённую коммуникацию между сторонами и медиатором. Она также могла бы предоставлять возможность хранения процессуальных документов, использования электронной цифровой подписи, регистрации медиаторов и организации их профессиональной деятельности.

Интеграция инструментов искусственного интеллекта могла бы дополнительно способствовать анализу конфликтной ситуации. Это помогло бы медиатору выбирать наиболее эффективные методы урегулирования спора.

Таким образом, дальнейшее развитие цифровой медиации должно сопровождаться созданием соответствующей технологической инфраструктуры. Она позволит соблюдать основные принципы

медиативной процедуры, прежде всего принцип конфиденциальности. В итоге это повысит эффективность применения медиации в уголовно-правовой практике.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам медиации Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 402-IV. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000402> (дата обращения: 08.03.2026);
2. О медиации Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 401-IV. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401> (дата обращения: 08.03.2026);
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 08.03.2026);
4. Restorative Justice in the Digital Era: Criminal Law Mediation Through Online Platforms. (2025). *Ipsa Jure*, 2(6), 26-37. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.62872/mb21wr19> (дата обращения: 08.03.2026);
5. Филимонова Анастасия Игоревна, Вереницын Ярослав Александрович Использование цифровых технологий в процедуре медиации: потенциальные возможности и риски // Вестник Академии права и управления. 2025. №3 (84). // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovyyh-tehnologiy-v-protsedure-mediatsii-potentsialnye-vozmozhnosti-i-riski> (дата обращения: 08.03.2026);
6. Kury, H., & Kuhlmann, A. (2017). Mediation in Germany and Other Western Countries., 4, 5-46. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.15388/crimlithuan.2016.4.10726> (дата обращения: 08.03.2026);
7. Walters, G. (2016). Crime Continuity and Psychological Inertia: Testing the Cognitive Mediation and Additive Postulates with Male Adjudicated Delinquents. *Journal of Quantitative Criminology*, 32, 237-252. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10940-015-9262-9> (дата обращения: 08.03.2026);
8. Dijk, J. (2025). De impact van mediation in strafzaken op verdachten. *Tijdschrift voor Herstelrecht*. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.5553/tvh/1568654x2025025002004> (access data 08.03.2026);
9. Kazdin, A. E. (2007). Mediators and mechanisms of change in psychotherapy research. *Annual Review of Clinical Psychology*, 3, 1-27. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091432> (access data 08.03.2026);
10. Vohra, P., & Ahuja, K. (2025). The Role Of Mediation In Restorative Justice For Juvenile Offenders. *International Journal For Multidisciplinary Research*. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2025.v07i02.42631> (access data 08.03.2026);
11. Curbage, F. (2024). CONFLICT TRANSFORMATION THROUGH DIGITAL MEDIATION: A STUDY OF BRAZIL'S JUDICIARY COURTS. *Lex Electronica*. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.7202/1109096ar> (access data 08.03.2026).

УДК 343.9.01

Жагыпаров Даурен Манарович,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ЛУДОМАНИЯ КАК ПСИХИЧЕСКОЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО: МЕДИЦИНСКАЯ ПРИРОДА, ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию лудомании – патологического влечения к азартным играм, рассматриваемого как психическое и поведенческое расстройство. Представлен исторический обзор развития азартных игр от античности до современности, а также анализ медицинских и клинических характеристик расстройства, включая стадии формирования, уровни развития, симптомы и диагностические критерии по Международной классификации болезней (МКБ) и Диагностическому, статистическому руководству по психическим расстройствам, 5-е издание (DSM-5).

В работе рассматриваются социальные и криминальные последствия игровой зависимости. Приводятся данные международных исследований, подтверждающие повышенный риск психических и соматических нарушений, финансовых трудностей, разрушения социальных связей и вовлечения в преступную деятельность среди лиц с игровой зависимостью.

Ключевые слова: лудомания; игровая зависимость; психическое расстройство; МКБ; DSM-5; социальные и криминальные последствия азартных игр.

Аннотация. Мақала лудоманияны – құмар ойындарға патологиялық әуестік ретінде қарастырылатын психикалық және мінез-құлықтық бұзылысты зерттеуге арналған. Жұмыста құмар ойындардың ежелгі дәуірден бастап қазіргі кезеңге дейінгі дамуына тарихи шолу жасалып, сондай-ақ бұзылыстың медициналық және клиникалық сипаттамаларына талдау берілген. Атап айтқанда, тәуелділіктің қалыптасу сатылары, даму деңгейлері, негізгі симптомдары және Халықаралық аурулар жіктемесі (МКБ) мен Психикалық бұзылыстардың диагностикалық және статистикалық нұсқаулығының 5-басылымы (DSM-5) бойынша диагностикалық критерийлері қарастырылады.

Зерттеуде ойын тәуелділігінің әлеуметтік және криминалдық салдары да талданады. Халықаралық зерттеулердің деректері ойын тәуелділігі бар адамдар арасында психикалық және соматикалық бұзылыстардың, қаржылық қиындықтардың, әлеуметтік байланыстардың бұзылуының және қылмыстық әрекеттерге тартылу қаупінің жоғары екенін көрсетеді.

Түйінді сөздер: лудомания; ойын тәуелділігі; психикалық бұзылыс; МКБ; DSM-5; құмар ойындардың әлеуметтік және криминалдық салдары.

Abstract. This article examines gambling disorder as a mental and behavioral condition characterized by a pathological attraction to gambling activities. The paper provides a historical overview of the development of gambling from antiquity to the present day and analyzes the medical and clinical characteristics of this disorder. Particular attention is given to the stages of addiction formation, levels of development, symptoms, and diagnostic criteria according to the International Classification of Diseases (ICD) and the Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition (DSM-5).

The study also addresses the social and criminal consequences associated with gambling addiction. Data from international studies indicate an increased risk of mental and somatic disorders, financial difficulties, disruption of social relationships, and involvement in criminal activities among individuals affected by gambling disorder.

Keywords: Gambling disorder; gambling addiction; mental disorder; ICD; DSM-5; social and criminal consequences of gambling.

Лудомания представляет собой форму поведенческой зависимости, характеризующуюся патологическим влечением к азартным играм и утратой контроля над игровым поведением. В научной литературе данное состояние рассматривается как психическое расстройство, сопровождающееся стойкой потребностью участвовать в азартных играх, несмотря на негативные социальные, финансовые и психологические последствия. В клинической практике лудомания проявляется в виде навязчивого стремления к игре, повышенной раздражительности при невозможности участвовать в игровом процессе, а также постепенного увеличения времени и денежных средств, затрачиваемых на азартные игры.

Основная часть. Человечество азартно уже с давних времен, а появление азартных игр берет свое начало с игральных костей, в основе которых лежит генератор случайных чисел, изобретение которых приписывается и египтянам, и индейцам, и грекам. Первые механические устройства,

играющие с человеком на деньги, появились в конце XIX в. в США, затем родилась идея главного приза – джекпота, основные концепции этих систем используются и по настоящее время [1].

В Центральной Азии, включая территорию современного Казахстана, азартные игры долгое время воспринимались скорее, как элемент традиционных развлечений и досуга, а не как массовое явление или серьёзная зависимость. В то же время в Европе азартные игры получили более широкое развитие и стали распространённой социальной практикой.

Так, Европейская история содержит многочисленные указы, декреты и энциклики, запрещающие и осуждающие азартные игры, что косвенно свидетельствует об их популярности во всех слоях общества. Организованные азартные игры в больших масштабах, санкционированные правительствами и другими органами власти для сбора средств, начались в XV веке с лотерей, а столетиями ранее в Китае – с кено (числовая лотерея по типу бинго). С появлением легальных игорных заведений в XVII веке математики стали проявлять серьёзный интерес к играм с использованием случайных элементов (таких как игральные кости и карты), из которых выросла область теории вероятностей [2].

Помимо существовавших ранее форм азартных игр в Древнем Риме и Греции, организованные и санкционированные ставки на спорт начали формироваться в конце XVIII века. Примерно в это же время началось постепенное, хотя и неравномерное, изменение официального отношения к азартным играм: от признания их грехом к признанию их пороком и человеческой слабостью, и, наконец, к восприятию их как в основном безвредного и даже развлекательного занятия. Кроме того, Интернет сделал многие формы азартных игр доступными в невиданных масштабах. К началу XXI века примерно четыре из пяти человек в западных странах хотя бы иногда играли в азартные игры. Рост числа игроков в XX веке вывел личную и социальную проблему патологической зависимости от азартных игр, при которой люди не могут контролировать или ограничивать свою игру. В 1980-х и 1990-х годах медицинские власти в ряде стран признали патологическую зависимость от азартных игр когнитивным расстройством, и были разработаны различные программы лечения и терапии для решения этой проблемы [2].

Современная медицинская наука признаёт игровую зависимость самостоятельным психическим расстройством. Оно официально включено в Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем (далее – МКБ), разработанную Всемирной организацией здравоохранения, где рассматривается как расстройство, связанное с утратой контроля над игровой активностью, доминированием над другими сферами жизни и клиническим дистрессом или нарушением социального и профессионального функционирования [3].

Следует отметить, что в 11 пересмотре МКБ (код 6C50) рассматриваемое расстройство официально перенесено в категорию аддиктивного поведения наравне с алкогольной и наркотической зависимостями. Этот сдвиг означает, что современная медицина признает идентичность биологических механизмов формирования тяги к игре и химических зависимостей, смещая фокус диагностики с кратковременного «порыва» на системную потерю контроля, при которой игра становится приоритетнее семьи, работы и здоровья, несмотря на разрушительные последствия (в 10 пересмотре оно рассматривалось как нарушение контроля над импульсами, в одном ряду с kleptomanией, пироманией).

Аналогичная позиция отражена в Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам, 5-е издание (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition, DSM-5), подготовленном Американской психиатрической ассоциацией (American Psychiatric Association, APA), которая описывает игровое расстройство как устойчивое увлечение азартными играми, приоритетом игры над другими интересами и продолжением участия несмотря на негативные последствия [4].

Таким образом, игровая зависимость рассматривается как комплексное психическое расстройство с ярко выраженными медицинскими, психологическими и поведенческими компонентами. Для более детального изучения диагностических критериев и клинических рекомендаций можно обратиться к клиническому протоколу Министерства здравоохранения Республики Казахстан «Патологическое влечение к азартным играм» (далее – Протокол), который служит основой для оценки состояния пациентов и постановки диагноза [5].

Так, согласно протоколу, игровая зависимость рассматривается как поведенческое расстройство, имеющее определённые стадии формирования, уровни развития и диагностические признаки.

Стадии формирования игровой зависимости

В развитии патологического влечения к азартным играм выделяется несколько последовательных стадий:

- Подготовительная стадия – формирование интереса к азартным играм, эпизодическое участие в играх, восприятие их преимущественно как формы развлечения;
- Стадия выигрышей – появление первых значительных выигрышей, формирование иллюзии контроля над игрой и усиление вовлечённости;
- Стадия проигрышей – увеличение частоты игры, рост финансовых потерь, попытки «отыграться»;
- Стадия отчаяния – выраженная зависимость, значительные долги, ухудшение социального и профессионального функционирования.

Помимо стадий формирования зависимости, в Протоколе также выделяются уровни развития игромании, которые позволяют определить степень выраженности расстройства и глубину вовлечённости человека в азартные игры.

Уровни развития игромании:

- 0 уровень – отсутствие признаков игровой зависимости;
- 1 уровень – начальные признаки увлечённости азартными играми;
- 2 уровень – формирование устойчивого интереса к игре и увеличение частоты участия;
- 3 уровень – выраженная зависимость, сопровождающаяся финансовыми и социальными проблемами;
- 4 уровень – тяжёлая форма зависимости с серьёзными личностными и социальными последствиями.

Развитие игровой зависимости также характеризуется определёнными этапами формирования патологического влечения, которые отражают постепенный переход от начального интереса к устойчивым изменениям поведения и личности.

Стадии формирования патологической зависимости:

С точки зрения клинической динамики также выделяются стадии формирования патологического влечения:

- доклиническая стадия;
- стадия клинических проявлений;
- стадия структурных изменений личности, характеризующаяся стойкими поведенческими и психологическими нарушениями.

Одним из важных элементов диагностики игровой зависимости является выявление характерных симптомов, позволяющих определить наличие и степень выраженности патологического влечения к азартным играм.

Основные симптомы лудомании:

- Навязчивые мысли об азартных играх;
- Утрата контроля над игровым поведением;
- Увеличение времени и денежных средств, затрачиваемых на игру;
- Раздражительность и тревожность при невозможности играть;
- Стремление компенсировать проигрыши новыми ставками;
- Ухудшение социальных, семейных и профессиональных отношений.

Для постановки диагноза в клинической практике применяются международные классификации психических расстройств, в частности МКБ - 10, в которой патологическое влечение к азартным играм относится к расстройствам привычек и влечений.

Диагностические критерии по МКБ - 10:

- Повторяющиеся эпизоды участия в азартных играх;
- Доминирование игрового поведения в жизни человека;
- Продолжение игры несмотря на негативные последствия;
- Снижение способности контролировать частоту и продолжительность участия в игре.

Помимо МКБ - 10, в современной психиатрической практике широко применяется классификация DSM - 5, в которой игровая зависимость рассматривается как поведенческая аддикция.

Диагностические критерии по DSM-5:

- Необходимость увеличивать ставки для достижения желаемого волнения или удовольствия;

- Беспокойство или раздражительность при попытках сократить или прекратить участие в азартных играх;
- Неоднократные, безуспешные попытки контролировать, сократить или прекратить игровую активность;
- Постоянное погружение в игру: размышления о прошлых ставках, планирование будущих игр, поиск средств для игры;
- Игра в моменты эмоционального дискомфорта, например при чувстве беспомощности, вины, тревожности или подавленности;
- Стремление «отыграться» после проигрышей, возвращение к игре на следующий день для компенсации потерь;
- Соккрытие степени вовлечённости в азартные игры, включая ложь близким и окружающим;
- Подрыв значимых отношений, работы, учёбы или карьерных возможностей вследствие участия в азартных играх; в тяжёлых случаях — потеря этих сфер жизни;
- Зависимость от других людей в финансовых вопросах, чтобы справиться с последствиями проигрышей [5].

Клинический анализ патологического влечения к азартным играм по Протоколу Министерства здравоохранения Республики Казахстан показывает последовательность формирования зависимости, основные симптомы и диагностические признаки. Эти данные помогают увидеть реальную тяжесть расстройства и дают представление о том, каким образом оно может отражаться на поведении и социальной жизни человека.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), около 5,5% женщин и 11,9% мужчин во всём мире подвергаются негативным последствиям азартных игр. Исследование, проведённое в Швеции, показало, что лица с расстройством, связанным с пристрастием к азартным играм, имеют риск самоубийства в 15 раз выше, чем общая популяция. В австралийском штате Виктория на азартные игры приходится не менее 4,2% всех самоубийств.

Поведение каждого человека с опасной формой игровой зависимости наносит ущерб в среднем ещё 6 другим людям (как правило, не участвующим в азартных играх). Предполагается, что этот показатель может быть выше в культурах с развитыми семейными и родственными связями [6], что не исключает страны Центральной Азии, в том числе и Казахстан.

По мнению ВОЗ повышенный риск патологического пристрастия к азартным играм может угрожать людям, переживающим кризисные события в жизни, такие как развод, выход на пенсию, тяжёлая болезнь или смерть близкого. Повышению риска способствуют также социальные стрессогенные факторы, в частности бедность, дискриминация и другие проявления неблагополучия. Кроме того, агрессивная реклама азартных игр в онлайн-пространстве и через спорт создает опасность формирования у детей и молодежи представления об азартных играх как о нормальном явлении [6].

Другой пример, в Южной Корее путем интервьюирования провели исследование пагубных последствий азартных игр для корейского общества с экономической и психосоциальной точек зрения (12 зависимых игроков отобраны методом «снежного кома» в городе Кохан, Южная Корея).

Исследование показало, что у людей с патологической игровой зависимостью возникают серьёзные финансовые трудности, включая долги, проценты по займам, банкротство и потерю работы. Среди физических и психологических проявлений – головные боли, расстройства пищеварения, потеря веса, высокий уровень стресса, депрессия, тревожность, бессонница и суицидальные мысли. Социальные последствия включают разрушение отношений с родственниками и друзьями, чувство отчуждения и стигматизацию, а также повышенный риск вовлечения в правонарушения, связанный с попытками покрыть финансовые потери. Авторы подчёркивают необходимость комплексного подхода к профилактике и лечению игровой зависимости с учётом экономических, психологических, физических и социальных аспектов [7].

Аналогичные данные о социальных и криминальных последствиях игровой зависимости подтверждают европейские исследования. В Дании на основе регистрационных, медицинских и социальных данных были идентифицированы 1381 пациент с диагностированным расстройством игровой зависимости (в период 2013–2017 гг., в основном мужчины, медианный возраст которых составил 34 года), сопоставленные по возрасту и полу с контрольной группой из общей популяции. У этой группы в ходе наблюдения было выявлено значительно больше сопутствующих психических и соматических заболеваний, включая депрессию (39,8% у пациентов против 14,9% в контрольной группе), злоупотребление алкоголем (11,9% против 2,6%) и наркотическую зависимость (13% против

2,2%). По данным судебных реестров, уровень преступности среди людей с игровой зависимостью был более чем в 6 раз выше (7% против 1,1 % в общей популяции), при этом наиболее частыми правонарушениями были мошенничество, кража со взломом и нанесение телесных повреждений [8].

Подобные закономерности также зафиксированы и в американском исследовании, где из 427 участников с диагностированной игровой зависимостью, 43,3% респондентов сообщили о совершенных преступлениях для финансирования игры или погашения долгов (выписка чеков без покрытия и оплата с пустых счетов – 75%, кражи – 9,6%, присвоение или растрата денежных средств – 4,5%, фальсификация – 4% и др.) [9].

Эти результаты демонстрируют, что игровая зависимость сопряжена с серьёзными медицинскими, социальными и криминальными последствиями, подтверждая необходимость комплексного подхода к профилактике и лечению расстройства.

Заключение. Таким образом, лудомания является сложным психическим и поведенческим расстройством, сочетающим медицинские, психологические и социальные проявления. Она сопровождается потерей контроля над игрой, негативными последствиями для здоровья, семьи и общества, а также повышенным риском вовлечения в правонарушения. Изучение и диагностика игрового расстройства имеют ключевое значение для своевременной профилактики и разработки эффективных программ вмешательства, особенно среди групп риска. Комплексный подход, включающий медицинские, психологические и социальные меры, необходим для уменьшения индивидуальных и общественных последствий патологического влечения к азартным играм.

Список использованных источников:

1. Белюшина И.В. Проблема игровой зависимости в среде военнослужащих // научное мнение. – 2025. – № 11. – с. 108–114. – doi: 10.25807/22224378_2025_11_108.
2. Glimne d. History of gambling // britannica. – updated feb. 19, 2026. – [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/gambling/history> (дата обращения: 09.03.2026).
3. International classification of diseases, 11th revision (icd-11) for mortality and morbidity statistics (mms) // world health organization. – 2026-01. – [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://icd.who.int/browse/2026-01/mms/ru#1041487064> (дата обращения: 09.03.2026).
4. American Psychiatric Association. What is Gambling Disorder? – [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] – режим доступа: <https://www.psychiatry.org/patients-families/gambling-disorder/what-is-gambling-disorder> (дата обращения: 09.03.2026).
5. Клинический протокол диагностики и лечения «патологическое влечение к азартным играм» / министерство здравоохранения республики казахстан. – протокол № 192, одобрен объединённой комиссией по качеству медицинских услуг от 13 октября 2023 г. – 2023. – [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://diseases.medelement.com/disease/патологическое-влечение-к-азартным-играм-кп-рк-2023/17766> (дата обращения: 09.03.2026).
6. Gambling // world health organization. – 2 dec. 2024. – [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/gambling> (дата обращения: 09.03.2026).
7. Chun j., cho s., chung i-j., kim s. Economic and psychosocial impact of problem gambling in south korea // asian journal of gambling issues and public health. – 2011. – vol. 2. – p. 29–38. – doi: 10.1186/bf03342123. – [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1186/bf03342123> (дата обращения: 09.03.2026).
8. Vestergaard s.v., ulrichsen s.p., dahl c.m., marcussen t., christiansen c.f. Comorbidity, criminality, and costs of patients treated for gambling disorder in denmark // journal of gambling studies. – 2023. – vol. 39, no. 4. – p. 1765–1780. – doi:10.1007/s10899-023-10255-6. – [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10899-023-10255-6> (дата обращения: 09.03.2026).
9. Grant j. e., chamberlain s. r. Illegal behaviors as a consequence of gambling disorder // the american journal on addictions. – 2023. – vol. 32, no. 1. – p. 40–46. – doi: 10.1111/ajad.13360. – [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36398436/> (дата обращения: 09.03.2026).

УДК 340.12:004.89

Жанбабаев Ержан Алимханович,
докторант Академии КНБ Республики Казахстан,
г. Алматы, Республика Казахстан

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-методологических основ формализации процесса правовой квалификации правонарушений в интеллектуальных правовых системах. В условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности возрастает значение технологий искусственного интеллекта, способных обрабатывать большие массивы неструктурированных юридических текстов. Правовая квалификация рассматривается как логико-нормативный процесс сопоставления фактических обстоятельств деяния с нормативной моделью состава правонарушения. В работе проводится анализ структуры состава правонарушения как системы формализуемых юридически значимых признаков, включающей объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону и квалифицирующие признаки. Особое внимание уделяется проблемам алгоритмизации субъективной стороны правонарушения и разрешения конкуренции правовых норм. Обосновывается возможность частичной формализации правоприменительной логики посредством структурирования правовых норм и использования интеллектуальных технологий анализа текстов. Сделан вывод о возможности применения систем искусственного интеллекта в качестве инструмента аналитической поддержки юридической квалификации при сохранении решающей роли правоприменителя.

Ключевые слова: правовая квалификация; состав правонарушения; интеллектуальные правовые системы; искусственный интеллект; алгоритмизация правоприменения; обработка текстов; цифровизация правоохранительной деятельности; формализация правоприменительной логики.

Аннотация. Мақалада зияткерлік құқықтық жүйелерде құқық бұзушылықтарды құқықтық саралауды формализациялаудың теориялық-әдіснамалық негіздері қарастырылады. Құқық қорғау қызметінің цифрлық трансформациясы жағдайында құрылымдалмаған құқықтық мәтіндердің үлкен көлемін өңдеуге қабілетті жасанды интеллект технологияларының маңызы артып келеді. Зерттеуде құқықтық саралау құқық бұзушылықтың нақты мән-жайларын құқықтық нормамен бекітілген құқық бұзушылық құрамының нормативтік моделімен салыстыруға негізделген логикалық-нормативтік процесс ретінде қарастырылады. Құқық бұзушылық құрамының құрылымы объект, объективтік жағы, субъект, субъективтік жағы және саралаушы белгілерден тұратын формализацияланатын құқықтық элементтер жүйесі ретінде талданады. Сонымен қатар құқықтық нормалардың бәсекелестігін шешу және субъективтік белгілерді алгоритмдеу мәселелері қарастырылады. Зерттеу құқықтық нормаларды құрылымдау және мәтіндік талдау технологияларын қолдану арқылы құқық қолдану логикасын ішінара формализациялау мүмкіндігін негіздейді. Қорытындысында жасанды интеллект жүйелері құқықтық саралау процесін қолдайтын аналитикалық құрал ретінде қолданылуы мүмкін екендігі көрсетіледі.

Түйінді сөздер: құқықтық саралау; құқық бұзушылық құрамы; зияткерлік құқықтық жүйелер; құқықтағы жасанды интеллект; құқық қолдануды алгоритмдеу; құқықтық мәтіндерді өңдеу; құқық қорғау қызметін цифрландыру; құқықтық логиканы формализациялау.

Abstract. The article examines the theoretical and methodological foundations for the formalization of legal qualification of offenses within intelligent legal systems. In the context of the digital transformation of law enforcement, artificial intelligence technologies capable of processing large volumes of unstructured legal texts are becoming increasingly important. Legal qualification is considered as a logical and normative process of correlating factual circumstances of an act with the normative model of the «corpus delicti» established by law. The study analyzes the structure of the offense as a system of formalizable legally significant elements, including the object, objective side, subject, subjective side, and qualifying circumstances. Particular attention is given to the challenges of algorithmizing the subjective side of an offense and resolving the competition of legal norms. The article substantiates the possibility of partial formalization of legal reasoning through the structural representation of legal norms and the use of intelligent text analysis technologies. It is concluded that artificial intelligence systems can serve as analytical decision-support tools while preserving human responsibility for final legal qualification.

Keywords: legal qualification; corpus delicti structure; intelligent legal systems; artificial intelligence in law; algorithmization of law enforcement; legal text processing; digital transformation of law enforcement; formalization of legal reasoning.

Цифровая трансформация правоохранительной деятельности в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) формирует новую парадигму

правоприменения, в которой обработка и структурирование текстовой информации приобретают стратегическое значение.

Современная практика расследования и предварительной правовой оценки правонарушений связана с анализом больших массивов неструктурированных данных: рапортов, электронных заявлений, протоколов следственных действий, объяснений сторон, экспертных заключений и судебных актов [1, 2]. Объём информации непрерывно растёт, что усложняет оперативную и точную юридическую квалификацию.

Ключевой этап правоприменительного процесса – юридическая квалификация, соотнесение фактических обстоятельств с гипотезой, диспозицией и санкцией нормы. Она определяет правовую природу деяния, процессуальный порядок, компетенцию органов расследования и пределы ответственности [3]. Ошибки на этом этапе могут нарушить баланс публичных и частных интересов [4].

С точки зрения теории права квалификация – интеллектуально-логическая деятельность, включающая анализ объективной стороны (деяние, последствия, причинно-следственная связь, способ совершения), субъективной стороны (форма вины, мотив, цель), характеристик субъекта и квалифицирующих признаков [5, 6]. Важны также разрешение конкуренции норм и разграничение смежных составов [7]. Это сложная логико-правовая процедура, а не простая операция выбора статьи.

Традиционно квалификация рассматривается как результат профессионального юридического мышления [8]. Однако усложнение нормативной системы, рост числа актов и постоянные изменения законодательства создают предпосылки для внедрения интеллектуальных алгоритмических инструментов.

Современные технологии ИИ и методы обработки естественного языка позволяют выявлять семантические взаимосвязи в тексте, структурировать данные и формировать вероятностные модели интерпретации смыслового содержания [9]. Для правовой сферы это особенно важно, поскольку юридический смысл нормы определяется совокупностью условий, исключений и уточняющих конструкций.

Внедрение ИИ ставит ключевую научную проблему, речь идёт не о простой текстовой классификации, а о формализации правовой оценки фактических обстоятельств. Квалификация требует воспроизведения логической структуры состава правонарушения, включая объективную и субъективную стороны, квалифицирующие признаки и разрешение конкуренции норм [6, с.132].

Также, квалификация традиционно рассматривается как интеллектуальная деятельность человека [5, с.81], но структура состава и логика анализа содержат формализуемые элементы, которые можно представить алгоритмически [9].

Таким образом, целью настоящего исследования является разработка теоретико-методологических основ формализации процесса правовой квалификации и обоснование использования ИИ для поддержки правоприменительной деятельности.

В основном, правовая квалификация в уголовном и гражданском праве представляет собой особую форму интеллектуально-нормативной деятельности, направленную на установление соответствия между фактическими обстоятельствами конкретного деяния и абстрактной юридической моделью, закреплённой в норме закона [3, с.27]. В доктрине квалификация определяется как акт соотнесения факта и нормы, посредством которого устанавливается правовая природа деяния и выбирается применимая статья законодательства [6, с.141].

С позиции общей теории права квалификация является структурированным логико-нормативным процессом, включающим интерпретацию нормы и формализованное сопоставление признаков фактического и юридического состава. В классической конструкции правоприменения выделяются три взаимосвязанных этапа [1, с.88; 10].

Первый этап - установление фактических обстоятельств (*формирование фактического состава*). На этом этапе фиксируются объективные и субъективные характеристики события, причинно-следственные связи, анализируются доказательства и юридически значимые обстоятельства. Фактический состав представляет собой совокупность реально установленных признаков деяния, подтверждённых доказательствами [3, с.41].

Второй этап - интерпретация нормативной конструкции (*юридический состав*). Юридический состав является абстрактной моделью нормы и включает обязательные элементы: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону правонарушения [5, с.94; 7, с.203]. На этом этапе осуществляется толкование нормы, выявление её компонентов, анализ квалифицирующих и особо квалифицирующих обстоятельств, а также определение пределов диспозиции и санкции [6, с.152].

Третий этап - логическое сопоставление факта и нормы (*акт квалификации*). Представляет собой формально-логическую проверку соответствия фактического состава нормативной модели. При совпадении установленных признаков с юридическим составом деяние квалифицируется по соответствующей статье. Отсутствие хотя бы одного обязательного признака исключает применение нормы [3, с.52].

Квалификация опирается на операции юридической логики: анализ признаков, установление их значимости, разрешение конкуренции норм и применение специальных правил. В уголовном праве действуют принцип приоритета специальной нормы над общей, а также правила разрешения идеальной и реальной совокупности преступлений [7, с.247].

Структурированность правовой квалификации позволяет рассматривать её как алгоритмируемую процедуру. В логико-нормативном виде процесс квалификации можно представить как последовательность проверок условий: если фактические признаки соответствуют обязательным элементам состава и отсутствуют обстоятельства, исключающие преступность деяния, выбирается соответствующая статья. Такая конструкция обладает формальной определённой и создаёт теоретические предпосылки для математической и алгоритмической формализации [11].

В теории правоприменения подчёркивается, что квалификация – это интеллектуальная деятельность, опирающаяся на правила юридической техники и формально-логические методы [1, с.104; 4, с.67]. Наличие формализуемой структуры отличает квалификацию от произвольной оценки фактов.

Юридическая квалификация предполагает выявление устойчивых структурных элементов правонарушения, которые могут быть описаны как совокупность юридически значимых признаков, что делает её пригодной для представления в вычислительных системах анализа правовых текстов. Современные исследования в области LegalTech¹ подтверждают возможность алгоритмического анализа юридических документов и поддержки принятия правовых решений [12].

Таким образом, правовая квалификация как логико-нормативный процесс обладает двумя ключевыми характеристиками, критическими для алгоритмизации:

1. Структурная определённость - фиксированная система обязательных признаков состава, закреплённых в правовой норме.
2. Логическая проверяемость - возможность формализованной проверки соответствия фактических признаков нормативной модели.

Эти свойства позволяют рассматривать структуру состава правонарушения как объект формализации в рамках разработки интеллектуальных систем анализа юридических текстов и поддержки юридической квалификации.

Кроме того, ключевым объектом алгоритмизации в интеллектуальных системах юридической квалификации является состав правонарушения, через который нормативно описываются юридически значимые признаки деяния, позволяя разграничивать противоправное и правомерное поведение, а также смежные составы [13; 10, с.57].

В уголовном праве Республики Казахстан традиционно выделяются четыре элемента состава:

- объект – охраняемые законом общественные отношения;
- объективная сторона – внешнее проявление деяния, включая действие, последствия, причинно-следственные связи, способ, время и место;
- субъект – физическое лицо, обладающее деликтоспособностью;
- субъективная сторона – психическое отношение лица к деянию (*форма вины, мотив, цель*) [10, с.61; 13, с.83].

Эта структура признана универсальной как в отечественной, так и зарубежной доктрине [7, с.206], и является основой казахстанской теории квалификации преступлений [14]. Каждый элемент обладает собственной внутренней структурой с подпризнаками, имеющими самостоятельное юридическое значение. Например, объективная сторона включает способ совершения, наступление общественно опасных последствий, размер ущерба, временные и пространственные характеристики [5, с.101; 6, с.153]. Субъективная сторона дифференцирует формы вины и анализирует мотивы и цели поведения [15].

С точки зрения информационного моделирования состав правонарушения может быть представлен как многомерная структура:

¹ LegalTech — это совокупность технологических решений, предназначенных для автоматизации, оптимизации и поддержки юридических услуг, правового анализа и правоприменительной деятельности.

$$S=\{Obj, OS, Subj, SS, Qual_1, \dots, Qual_n\} \quad (1)$$

где: *Obj* – объект посягательства; *OS* – объективная сторона; *Subj* – субъект правонарушения; *SS* – субъективная сторона; *Qual_i* – квалифицирующие признаки. Каждый элемент описывается через набор атрибутов, отражающих конкретные характеристики деяния. Например, объективная сторона – наличие действия/бездействия, характер действия, способ совершения, последствия, причинно-следственная связь, размер ущерба. Субъективная сторона – форма вины (*прямой/косвенный умысел, неосторожность*), мотив, цель [10, с.73; 31].

С позиции формальной логики состав правонарушения представляет систему необходимых и достаточных условий для юридической квалификации: при наличии всех обязательных признаков квалификация подтверждается; при отсутствии хотя бы одного – исключается [3, с.54].

Нормативная конструкция близка к конъюнктивной модели:

$$Article_i = Obj \wedge OS \wedge Subj \wedge SS \wedge (Qualifiers) \quad (2)$$

где обязательные элементы соединены логическим «и», а *Qualifiers* –квалифицирующие признаки могут модифицировать санкцию или степень ответственности.

Состав правонарушения сочетает формально определённые и оценочные признаки. Некоторые параметры количественно измеримы (*размер ущерба, возраст субъекта*), другие носят интерпретационный характер (*существенность вреда, общественная опасность, характер мотивов*) [6, с.162]. Даже оценочные признаки могут быть формализованы через вероятностные или категориальные модели, что делает их пригодными для алгоритмической интерпретации [16].

Новые исследования демонстрируют, что методы интеллектуального анализа текста позволяют извлекать юридически значимые признаки из неструктурированных документов, включая процессуальные акты, судебные решения и материалы расследования, с последующим сопоставлением их с формализованной структурой правовой нормы [17].

Таким образом, структура состава правонарушения по своей юридической природе уже обладает алгоритмируемыми свойствами. Она является системой взаимосвязанных признаков, подлежащих выявлению, проверке и сопоставлению с нормативной моделью. Состав правонарушения выступает центральным объектом формализации для разработки ИИ системы юридической квалификации, обеспечивая трансляцию нормативной конструкции в архитектуру аналитической модели с возможностью логической валидации результатов квалификации.

Также, наиболее трудной для формализации частью состава правонарушения является субъективная сторона. В отличие от объективных признаков (*действие, последствия, способ совершения, размер ущерба*), которые фиксируются в процессуальных документах, субъективная сторона носит реконструктивный характер и устанавливается косвенно через анализ внешних обстоятельств [15, с.102].

Субъективная сторона включает форму вины, мотив и цель поведения лица. Иногда законодатель прямо указывает на форму вины или специальную цель деяния (*например «с целью хищения», «из корыстных побуждений»*), в иных случаях она выводится через анализ поведения и объективной обстановки [15, с.91].

Она отражает внутреннее психическое отношение лица к деянию и его последствиям, которое невозможно наблюдать напрямую, что делает её сложным объектом алгоритмизации [6, с.174]. Выявление субъективной стороны опирается на совокупность объективных факторов, среди которых особенно значимы: характер и последовательность действий; наличие подготовительных мероприятий; использование специальных средств; осознание возможных последствий; фактические последствия и их предсказуемость [5, с.117; 10, с.88].

С формальной точки зрения субъективная сторона является выводным знанием, получаемым из внешних индикаторов поведения. При алгоритмизации речь идёт о выявлении текстовых и поведенческих маркеров, сигнализирующих о форме вины, мотиве или цели. Современные исследования LegalTech интерпретируют эту задачу как поиск семантических паттернов в тексте, указывающих на наличие умысла или неосторожности [17, с. 41].

Прямые индикаторы могут быть явно сформулированы в документах: «действуя умышленно», «с целью незаконного обогащения», «осознавая противоправный характер действий». Более сложные случаи требуют контекстуального анализа: «предварительно договорившись», «скрывшись после деяния», «используя поддельные реквизиты», что косвенно указывает на прямой умысел и план

действий [6, с.183]. Для их интерпретации применяются алгоритмы анализа текста, выявляющие латентные семантические связи и формирующие вероятностные модели [18].

Математически задачу выявления субъективных признаков можно представить как функцию:

$$g\theta(X)=SS \quad (3)$$

где X – текстовое описание события, SS – вектор вероятностных характеристик форм вины, мотивов и целей поведения субъекта.

При этом ИИ система не устанавливает субъективную сторону как юридический факт, а оценивает вероятность наличия соответствующих признаков на основе языковых индикаторов [17, с.54].

Субъективная сторона является критически важным элементом, поскольку вывод о форме вины определяет объём уголовной ответственности и степень общественной опасности деяния [6, с.191]. ИИ системы могут выполнять только аналитическую и вспомогательную функцию, выявляя вероятные признаки, но не заменяя юридическую оценку доказательств [19].

Следовательно, субъективная сторона сочетает в себе сложности реконструктивной интерпретации с потенциальной формализуемостью через текстовые и поведенческие индикаторы. Она является наиболее сложным, но перспективным объектом для алгоритмизации правоприменительной логики и разработки ИИ систем поддержки юридической квалификации.

Отдельно выделяются, квалифицирующие признаки и они представляют собой сложный элемент состава правонарушения, который не образует самостоятельный базовый состав, а модифицирует его, изменяя степень общественной опасности, санкцию и правовую природу деяния. Они выступают вторичным уровнем нормативной конструкции, накладываемым на базовую модель [10, с.91].

В уголовно-правовой доктрине квалифицирующие признаки выполняют функцию дифференциации уголовной ответственности, позволяя учитывать повышенную опасность деяния при определённых обстоятельствах [6, с.203; 15, с.106].

Примеры квалифицирующих признаков в казахстанском уголовном праве включают: совершение деяния группой лиц; причинение ущерба в крупном или особо крупном размере; использование служебного положения; повторное совершение преступления; причинение тяжких последствий [5, с.142].

С точки зрения формальной логики структура квалифицированных составов может быть представлена как вложенная иерархическая система условий:

$$Base=A\wedge B\wedge C; \quad Qualified=Base\wedge Q1; \quad Aggravated=Base\wedge Q1\wedge Q2 \quad (4)$$

где A, B, C – обязательные элементы базового состава, $Q1, Q2$ – квалифицирующие признаки. Квалифицированный состав логически включает базовый, а особо квалифицированный – квалифицированный, что отражает иерархический характер правовой конструкции [6, с.218].

Иерархическая структура квалифицированных составов обеспечивает дифференциацию ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния [10, с.121]. В контексте ИИ систем такая структура критически важна: простая многоклассовая классификация не учитывает вложенность нормативных элементов и может приводить к ошибкам при разграничении базовых и квалифицированных составов [21].

Алгоритмизация квалифицирующих признаков предполагает многоуровневую модель принятия решений: 1. определение базового состава; 2. проверка наличия квалифицирующих признаков; 3. установление особо квалифицирующих обстоятельств [21].

Важно учитывать конкуренцию признаков: несколько квалифицирующих обстоятельств могут требовать выбора наиболее тяжкой части статьи или применения правил совокупности преступлений [6, с.229].

Математически процесс квалификации может быть представлен как функция последовательной проверки признаков:

$$f\theta(X) = (Base, Q1, Q2, \dots, Qn) \quad (5)$$

где $Base$ – вероятность базового состава, Q_i – вероятность наличия конкретного квалифицирующего признака. Итоговая квалификация определяется комбинацией базового состава и активированных признаков с учётом нормативного приоритета и взаимосвязи.

Современные исследования подтверждают, что иерархические модели точнее воспроизводят структуру правовых норм и повышают эффективность автоматизированной классификации юридических документов [16, с.84]. Таким образом, формализация квалифицирующих признаков требует перехода от плоской модели «одна статья - один класс» к многоуровневой иерархической системе, соответствующей нормативной конструкции закона и логике правоприменения.

Одним из наиболее сложных аспектов юридической квалификации, непосредственно влияющим на возможность её формализации, является проблема конкуренции норм. В уголовно-правовой доктрине под конкуренцией понимается ситуация, при которой одно и то же деяние формально подпадает под признаки нескольких уголовно-правовых норм, однако применению подлежит лишь одна из них [22; 23]. Неправильное разрешение конкуренции способно привести к ошибочной квалификации и нарушению принципа законности.

В теории уголовного права традиционно выделяются основные виды конкуренции норм: конкуренция общей и специальной нормы; конкуренция части и целого; поглощение менее тяжкого деяния более тяжким; идеальная совокупность преступлений.

Конкуренция общей и специальной нормы предполагает приоритет специальной нормы, более детально регулирующей конкретную ситуацию. Данное правило выражается принципом «специальный закон отступает от общего закона» и является фундаментальным механизмом разрешения подобных коллизий [24].

Конкуренция части и целого возникает в случаях, когда признаки одного состава включаются в структуру другого как элемент более сложного деяния. В подобных ситуациях квалификация осуществляется по норме, охватывающей деяние в целом. Близкой по логике является конструкция поглощения, при которой менее тяжкое деяние не требует самостоятельной квалификации, если его признаки полностью включены в более тяжкий состав. В отличие от этого идеальная совокупность предполагает наличие признаков нескольких самостоятельных составов, подлежащих отдельной юридической оценке.

С точки зрения формальной логики конкуренция норм представляет собой задачу выбора оптимальной нормативной модели из множества потенциально применимых. Если обозначить множество возможных статей как $A = \{A_1, A_2 \dots A_n\}$ то первичная классификация на основе семантического анализа текста может выявить несколько норм с высокой вероятностью соответствия:

$$P(A_i/X) > \tau \quad (6)$$

где X – текстовое описание события, а τ — порог вероятности. В этом случае алгоритмическая модель должна реализовывать последовательность операций:

- выявление множества потенциально применимых норм на основе вероятностной оценки;
- ранжирование норм по степени соответствия фактическим признакам;
- применение нормативных правил приоритета (*например, правила специальной нормы*).

Вероятностные модели способны эффективно решать первые два этапа – извлечение признаков и ранжирование статей. Однако они не содержат встроенной юридической логики разрешения конкуренции. Следовательно, поверх статистической модели должен функционировать логический модуль, реализующий правила юридической техники.

Формально итоговая квалификация может быть представлена следующим образом:

$$A = Logic(\{A_i, P(A_i/X)\}) \quad (7)$$

где функция *Logic* реализует правила приоритета норм, поглощения и разграничения составов.

С инженерной точки зрения это предполагает включение в архитектуру ИИ системы модуля юридической валидации, обеспечивающего: приоритет специальной нормы; исключение общей нормы при наличии специальной; применение правил поглощения; выявление случаев совокупности преступлений.

Подобная архитектура соответствует нейросимвольному подходу, при котором нейросетевая модель выполняет семантическое извлечение признаков из текста, а логический модуль обеспечивает нормативную корректность правового вывода [25].

Так, проблема конкуренции норм демонстрирует ограниченность чисто статистических моделей юридической квалификации. Даже при корректном выявлении релевантных норм окончательный выбор требует применения формально-логических правил правоприменения, что предполагает интеграцию вероятностных методов обработки языка и нормативного логического слоя в архитектуре интеллектуальных правовых систем.

Соответственно проведённый анализ структуры состава правонарушения, особенностей интерпретации субъективной стороны и механизма разрешения конкуренции норм позволяет сформулировать принципиальный вывод: юридическая квалификация не является исключительно интуитивным актом правоприменителя, а представляет собой нормативно структурированный логический процесс, основанный на правилах юридической техники, формальной логики и доктринально закреплённых принципах квалификации [25; с.46].

Также, правовая квалификация осуществляется посредством соотнесения фактических обстоятельств с заранее заданной нормативной моделью состава правонарушения. Правоприменитель не конструирует норму заново, а проверяет соответствие факта системе юридически значимых признаков, закреплённых в законодательстве. Таким образом, логика квалификации носит верификационный характер, предполагая последовательную проверку соответствия фактических признаков нормативной конструкции.

Это обстоятельство имеет ключевое значение для алгоритмизации. Формализация правоприменительного анализа возможна в тех случаях, когда присутствуют: устойчивая структура юридических признаков; логическая последовательность проверки условий; нормативные правила разрешения коллизий.

Подобными характеристиками обладает состав правонарушения, выступающий центральной категорией уголовно-правовой квалификации.

Вместе с тем возможность алгоритмизации не означает полной автоматизации правоприменения. Теоретически обоснованная формализация правовой квалификации предполагает соблюдение ряда условий.

Во-первых, необходима декомпозиция правовой нормы на систему юридически значимых элементов. Каждая норма должна быть представлена как структурированная совокупность признаков: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона и квалифицирующие обстоятельства. Такая декомпозиция обеспечивает возможность сопоставления текстовых индикаторов фактической ситуации с конкретными нормативными условиями.

Во-вторых, требуется экспертная аннотация обучающего корпуса юридических текстов. Нейросетевые модели не извлекают юридическую логику самостоятельно, а обучаются на размеченных данных. Следовательно, необходим корпус документов, в котором статьи законодательства, признаки состава и квалифицирующие обстоятельства выделены специалистами-юристами. Только при наличии подобной разметки вероятностная модель способна отражать нормативную структуру, а не случайные статистические корреляции [26].

В-третьих, принципиально важным является сохранение человеческого контроля на этапе принятия окончательного решения. Даже при высокой точности алгоритма его вывод носит вероятностный характер [27]. В условиях действия принципов презумпции невиновности, индивидуализации ответственности и процессуальной самостоятельности следователя окончательная юридическая квалификация должна оставаться за человеком.

С формальной точки зрения состав правонарушения может быть представлен как матрица юридических признаков:

$$Matrix = \{Norm\ i = (Elements, Attributes, PriorityRules)\} \quad (8)$$

где каждая норма описывается набором структурных элементов – *Elements*, их атрибутов – *Attributes* и *PriorityRules* – правила нормативного приоритета и разрешения коллизий. Задача ИИ системы заключается в сопоставлении текстового описания события с данной матрицей посредством семантического кодирования и вероятностной оценки признаков.

В данной архитектуре трансформерная модель ИИ выступает инструментом извлечения и контекстуализации признаков из неструктурированного текста, тогда как логический модуль валидации обеспечивает соответствие полученного результата нормативной структуре правовой нормы.

Проведённый анализ показал, что юридическая квалификация представляет собой структурированный логико-нормативный процесс, основанный на сопоставлении фактических

обстоятельств с нормативной моделью состава правонарушения. Квалификация не является произвольной оценкой фактов, а осуществляется через систему обязательных юридических признаков: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону и квалифицирующие обстоятельства.

Исследование показало, что структура состава правонарушения обладает формализуемыми свойствами. Объективные признаки (*действие, последствия, причинная связь*) могут быть непосредственно структурированы, тогда как субъективная сторона требует вероятностной интерпретации на основе текстовых и поведенческих индикаторов. Квалифицирующие признаки формируют иерархическую модель нормы, что делает целесообразным использование многоуровневых алгоритмов классификации.

Особое значение имеет проблема конкуренции норм, которая не может быть корректно решена исключительно статистическими методами. Для нормативно корректной квалификации требуется применение формально-логических правил (*приоритет специальной нормы, поглощение, разграничение совокупности преступлений*). Это обосновывает необходимость нейросимвольной архитектуры, сочетающей вероятностные модели обработки текста и логический модуль юридической валидации.

В результате исследования сформулирована концептуальная модель (см. рисунок 1) интеллектуальной системы юридической квалификации, включающая:

- модуль извлечения признаков из текстовых данных;
- формализованную модель состава правонарушения;
- иерархическую систему интерпретации квалифицирующих признаков;
- логический модуль разрешения конкуренции норм.

Рисунок 1 - Модель интеллектуальной системы автоматизированной правовой квалификации правонарушений

В данной модели показано, что алгоритмизация правовой квалификации возможна при соблюдении трёх условий: декомпозиции норм на юридические признаки, экспертной разметки обучающих данных и сохранения человеческого контроля над окончательным правовым выводом.

Таким образом, интеграция методов ИИ и юридической логики позволяет формализовать отдельные элементы правоприменительного анализа и создать системы аналитической поддержки юридической квалификации, способные повышать точность и эффективность обработки юридически значимых текстов при сохранении решающей роли правоприменителя.

Список использованных источников:

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: Омега-Л, 2009. – 607 с.;
2. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. – М.: Юрайт, 2018. – 521 с.;
3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Норма, 2001. – 304 с.;
4. Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.;

5. Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1951. – 314 с.;
6. Парог А.И. Квалификация преступлений: теория и практика. – М.: Норма, 2017. – 368 с.;
7. Кузнецова Н.Ф. Курс уголовного права. Общая часть. – М.: Зерцало, 2002. – 624 с.;
8. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. – М.: Норма, 2019. – 784 с.;
9. Ashley K.D. Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital Age. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 420 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/9781107134723> (дата обращения: 01.03.2026);
10. Бабаев В.К. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2010. – 592 с.;
11. Alarie B., Niblett A., Yoon A.H. How Artificial Intelligence Will Affect the Practice of Law // University of Toronto Law Journal. – 2018. – Vol. 68. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.utpjournals.press/doi/10.3138/utlj.2017-0053> (дата обращения: 01.03.2026);
12. Ashley K.D. Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital Age. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 420 p.;
13. Марченко М.Н. Теория государства и права. – М.: Проспект, 2016. – 656 с.;
14. Баймаханов М.Т. Теория государства и права Республики Казахстан. – Алматы: Жеті Жарғы, 2018. – 480 с.;
15. Абдрасулов Е.Б. Теория государства и права. – Алматы: Юрист, 2019. – 420 с.;
16. Chalkidis I., Androutsopoulos I. NLP for Legal Texts: A Survey of Methods and Applications // ACM Computing Surveys. – 2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3507123> (дата обращения: 02.03.2026);
17. Medvedeva M., Vols M., Wieling M. Using Machine Learning to Predict Decisions of the European Court of Human Rights // Artificial Intelligence and Law. – 2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10506-020-09260-8> (дата обращения: 02.03.2026);
18. Bommarito M., Katz D. Natural Language Processing in the Legal Domain: Applications and Opportunities // Artificial Intelligence and Law. – 2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10506-021-09270-7> (дата обращения: 03.03.2026);
19. Жанузакова Л.Т. Цифровизация правовой системы Республики Казахстан. – Алматы: Жеті Жарғы, 2020. – 256 с.;
20. Medvedeva M., Vols M., Wieling M. Using Machine Learning to Predict Decisions of the European Court of Human Rights // Artificial Intelligence and Law. – 2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10506-020-09260-8> (дата обращения: 03.03.2026);
21. Susskind R., Susskind D. The Future of the Professions: How Technology Will Transform the Work of Human Experts. – Oxford University Press, 2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://global.oup.com/academic/product/the-future-of-the-professions-9780198845494> (дата обращения: 05.03.2026);
22. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Норма, 2001. – 304 с.;
23. Наумов А.В. Квалификация преступлений: вопросы теории. – М.: Юрист, 2016. – 172 с.;
24. Алексеева Л.Б. Принципы разрешения конкуренции уголовно-правовых норм. – М.: Норма, 2012. – 184 с.;
25. Garcez A.S., Broda K., Gabbay D.M. Neural-Symbolic Learning Systems. – Springer, 2002. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-4471-0276-1> (дата обращения: 04.03.2026);
26. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing. – Pearson, 2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/> (дата обращения: 04.03.2026);
27. Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. – NAACL, 2019. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/1810.04805> (дата обращения: 04.03.2026);
28. Ribeiro M.T., Singh S., Guestrin C. «Why Should I Trust You?» Explaining the Predictions of Any Classifier. – KDD, 2016. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/1602.04938> (дата обращения: 04.03.2026).

ӘОЖ 343.54:341:231.14

Жарылғасынқызы Альбина,

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының
Кәсіби оқыту институты Прокурорлық қадағалау кафедрасының аға оқытушысы,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

НЕКЕГЕ ТҰРУҒА МӘЖБҮРЛЕУ ҚЫЛМЫСЫ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Бұл мақалада некеге тұруға мәжбүрлеу институтының қылмыстық-құқықтық табиғаты, оның енгізілуінің әлеуметтік-құқықтық алғышарттары, сондай-ақ құқық қолдану тәжірибесі мен халықаралық тәжірибенің ерекшеліктері талданады. Зерттеу барысында сот практикасының материалдары, қолданыстағы нормативтік құқықтық актілер және ғылыми дереккөздер негізге алынды. Сонымен қатар, аталған қылмыстық құқық бұзушылықты саралау барысында туындайтын проблемалық мәселелер айқындалып, оларды шешуге бағытталған ұсыныстар тұжырымдалды.

Мақаланың ғылыми жаңалығы нақты сот істерін кешенді талдау негізінде құқық қолдану практикасының қазіргі жай-күйін бағалаудан, сондай-ақ некеге тұруға мәжбүрлеу институтын салыстырмалы-құқықтық тұрғыдан зерделеу арқылы оның құқықтық реттелуін жетілдірудің негізгі бағыттарын айқындаудан көрініс табады.

Түйінді сөздер: некеге тұруға мәжбүрлеу; қыз алып қашу; қылмыстық-құқықтық саралау; сот практикасы; құқық қолдану тәжірибесі; жеке бостандық; жәбірленушінің құқықтары; қылмыстық жауаптылық, мәжбүрлеу; халықаралық тәжірибе; салыстырмалы-құқықтық талдау.

Аннотация. В данной статье анализируются уголовно-правовая характеристика института принуждения к вступлению в брак, социально-правовые предпосылки его введения, а также особенности правоприменительной и международной практики. В ходе исследования использованы материалы судебной практики, действующие нормативные правовые акты и научные источники. Кроме того, выявлены проблемные вопросы, возникающие при квалификации данного уголовного правонарушения, и сформулированы предложения, направленные на их решение.

Научная новизна статьи заключается в оценке современного состояния правоприменительной практики на основе комплексного анализа конкретных судебных дел, а также в определении направлений совершенствования правового регулирования института принуждения к вступлению в брак на основе сравнительно-правового анализа.

Ключевые слова: принуждение к вступлению в брак; похищение невесты; уголовно-правовая квалификация; судебная практика; правоприменительная практика; личная свобода; права потерпевшего; уголовная ответственность; принуждение; международный опыт; сравнительно-правовой анализ.

Abstract. This article analyzes the criminal law characteristics of the institution of forced marriage, the socio-legal prerequisites for its introduction, as well as the features of law enforcement and international practice. The study is based on materials of judicial practice, current regulatory legal acts, and academic sources. In addition, problematic issues arising in the qualification of this criminal offense are identified, and proposals aimed at resolving them are formulated.

The scientific novelty of the article lies in assessing the current state of law enforcement practice based on a comprehensive analysis of specific court cases, as well as in identifying directions for improving the legal regulation of the institution of forced marriage on the basis of a comparative legal approach.

Keywords. Forced marriage; bride kidnapping; criminal law qualification; judicial practice; law enforcement practice; personal freedom; victim rights; criminal liability; coercion; international experience; comparative legal analysis.

Қазақстан Республикасында адам құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз ету мемлекеттік саясаттың басым бағыттарының бірі болып табылады. Осы тұрғыда жеке тұлғаның еркін неке қию құқығын қорғау ерекше маңызға ие.

Қоғамда әлі де кездесетін некеге мәжбүрлеу фактілері, оның ішінде «қыз алып қашу» сияқты әрекеттер, тұлғаның еркін ерік білдіру қағидатын бұзатын әлеуметтік-құқықтық құбылыс ретінде бағаланады. Осыған байланысты мұндай әрекеттерге қылмыстық-құқықтық баға беру қажеттілігі туындады.

Қазақстан Республикасында адам құқықтары мен бостандықтары ең жоғары құндылық ретінде танылады. Бұл қағида Қазақстан Республикасының Конституциясында тікелей бекітілген, яғни мемлекеттің ең қымбат қазынасы – адам және адамның өмірі, құқықтары мен бостандықтары болып табылады [1]. Сонымен қатар, әркімнің жеке бас бостандығына құқығы бар екендігі белгіленген. Бұл

норма адамның еркін жүріп-тұруын ғана емес, оның жеке өміріне қатысты маңызды шешімдерді, соның ішінде неке құру мәселесін дербес қабылдау құқығын да қамтиды.

Осы тұрғыдан алғанда, некеге тұру еркіндігі адамның негізгі конституциялық құқықтарының бірі ретінде қарастырылады. Тұлғаның еркін ерік білдіруіне қарсы бағытталған кез келген әрекет, оның ішінде некеге мәжбүрлеу, конституциялық құқықтарды тікелей бұзу болып табылады.

Қазіргі қоғамда мұндай құқық бұзушылықтардың жекелеген көріністерінің сақталуы аталған мәселенің өзектілігін айқындайды және оны қылмыстық-құқықтық тұрғыдан реттеудің қажеттілігін негіздейді.

Қазақстан Республикасының неке және отбасы саласындағы құқықтық қатынастары арнайы заңнамамен реттеледі. Атап айтқанда, Қазақстан Республикасының Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы кодексында неке құрудың негізгі қағидаттары бекітілген.

Кодекске сәйкес, неке ерікті түрде, ер мен әйелдің өзара келісімі негізінде ғана жасалуы тиіс. Яғни, неке кінюдың басты шарты – тараптардың еркін және толық келісімі болып табылады.

Сонымен қатар, аталған кодексте некеге тұруға мәжбүрлеуге жол берілмейтіні тікелей көзделген. Бұл норма адамның жеке бас бостандығы мен еркін таңдау құқығын қамтамасыз етуге бағытталған.

Осы тұрғыдан алғанда, некеге тұруға мәжбүрлеу әрекеттері тек қана қылмыстық заңнаманы бұзып қана қоймай, сонымен қатар отбасы-құқықтық қатынастардың негізгі қағидаттарына да қайшы келеді.

Демек, некеге тұру еркіндігін қамтамасыз ету мәселесі тек қылмыстық құқықтық шеңберінде ғана емес, сонымен қатар отбасы құқығының негізгі қағидаттарымен тығыз байланысты кешенді құқықтық мәселе болып табылады.

Мақаланың мақсаты – некеге тұруға мәжбүрлеу институтын қылмыстық-құқықтық тұрғыдан талдау, сот тәжірибесін зерделеу және құқық қолдану барысында туындайтын проблемаларды айқындау.

Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың Ұлттық құрылтайдың бесінші отырысында сөйлеген сөзінде: «Қыз алып қашу – адам ұрлау деген сөз, бұл ұлтымыздың беделіне нұқсан келтіретін өрескел, жабайы қылмыс. Ондай қатыгездікке ешқашан жол беруге болмайды» - деп атап өтті [2]. Яғни, қыз алып қашу институты дәстүрлік сипаттағы құбылыс емес, керісінше қылмыстық-құқықтық тұрғыдан адам ұрлау ретінде сараланатын, қоғамның құқықтық мәдениетіне қайшы келетін әрекет болып табылады.

Некеге тұру еркіндігі адамның негізгі жеке құқықтарының бірі ретінде танылады. Алайда жекелеген әлеуметтік ортада дәстүрлі көзқарастардың ықпалымен бұл құқықтың шектелу жағдайлары кездеседі.

Некеге мәжбүрлеу, әдетте, психологиялық қысым көрсету, әлеуметтік немесе отбасылық ықпал ету, қорқыту, ал кейбір жағдайларда күш қолдану арқылы жүзеге асырылады. Аталған мән-жайлар құқық бұзушылықтың латентті сипатын қалыптастырып, оны анықтауды қиындатады.

Қазіргі таңда некеге тұруға мәжбүрлеу фактілері Қазақстан қоғамында жаппай сипат алды деп айту қиын. Дегенмен, ондай жағдайлардың әлі де кездесетіні және олардың қоғамдық резонанс тудыруы аталған мәселенің өзектілігін айқындайды. Әсіресе, соңғы жылдары әлеуметтік желілерде таралып жатқан оқиғалар бұл құқық бұзушылықтың белгілі бір деңгейде жария сипат алып отырғанын көрсетеді.

Қазіргі құқықтық әдебиеттерде некеге тұруға мәжбүрлеудің нақты әрі бірыңғай анықтамасы қалыптаспаған. Осыған байланысты аталған ұғымды теориялық тұрғыдан нақтылау қажеттілігі туындайды. Мәселен, И.М. Шаповаловтың ғылыми еңбегінде мәжбүрлі неке тұлғаның некеге ерікті түрде келісім беру жөніндегі азаматтық құқығын жүзеге асыруға кедергі келтіру ретінде қарастырылады [3]. Автордың пайымдауынша, мұндай кедергі сендіру, психикалық және (немесе) физикалық қысым көрсету арқылы жүзеге асырылып, тұлғаның еркін ерік білдіруін шектейді.

Осы теориялық тұжырымдар Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасында өз көрінісін тапты. Атап айтқанда, 2025 жылғы шілде айында Қылмыстық кодекске (бұдан әрі – ҚК) өзгерістер енгізіліп, некеге тұруға мәжбүрлеу үшін қылмыстық жауаптылық көздейтін жаңа құқықтық норма енгізілді. Бұл норма адамның жеке еркіндігіне және қадір-қасиетіне қол сұғатын әрекеттердің алдын алуға және оларға нақты құқықтық тосқауыл қоюға бағытталған.

Аталған құқықтық нормаға сәйкес, адамды күш қолдану, мүлікті жою немесе бүлдіру қатерін төндіру, сондай-ақ бопсалау арқылы некеге тұруға мәжбүрлеу қылмыстық құқық бұзушылық ретінде танылады. Бұл ретте бопсалау жәбірленушіні немесе оның жақындарын масқаралайтын мәліметтерді тарату қаупі арқылы жүзеге асырылуы мүмкін. Осылайша, Қазақстан Республикасының қылмыстық

заңнамасында некеге тұруға мәжбүрлеу ұғымы, оның ішінде тәжірибеде кең таралған «қыз алып қашу» әрекеттері, тұлғаның еркін ерік білдіруін шектейтін құқыққа қарсы мінез-құлық нысаны ретінде қарастырылып, дербес қылмыс құрамы ретінде құқықтық бағасын алды.

Қылмыстық заңнамада осындай әрекеттер үшін әртүрлі жаза түрлері көзделген. Атап айтқанда, айыппұл салу, түзеу жұмыстары, сондай-ақ бас бостандығын шектеу немесе бас бостандығынан айыру түріндегі жазалар қарастырылған.

Аталған норманың диспозициясына тоқталатын болсақ, адамды күш қолдану не мүлікті жою немесе бүлдіру қатерін төндіріп, сол сияқты бопсалау жолымен, оның ішінде жәбірленушіні немесе оның жақындарын масқаралайтын мәліметтерді не жариялануы немесе таратылуы жәбірленушінің немесе оның жақындарының мүдделеріне елеулі зиян келтіруі мүмкін өзге де мәліметтерді жариялау немесе тарату қатерін төндіріп некеге тұруға мәжбүрлеу әрекеті үшін қылмыстық жауаптылық көзделген.

Яғни осындай әрекеттер жасағаны үшін:

- екі мың айлық есептік көрсеткішке дейінгі мөлшерде айыппұл салуға;
- не сол мөлшерде түзеу жұмыстары;
- екі жылға дейінгі мерзімге бас бостандығын шектеуге, не сол мерзімге бас бостандығынан айыруға жазаланады.

Егер бұл әрекет күш қолданып, көрінеу кәмелетке толмаған адамға қатысты, жәбірленушінің материалдық немесе өзге де тәуелділігін пайдаланып, адамдар тобы немесе алдын ала сөз байласу арқылы адамдар тобы жасаған, өз қызмет бабын пайдаланып жасалған болса, бұл жағдайда жаза түрі қатаңдатылып, заңда көзделген тәртіппен неғұрлым ауыр жауаптылық қолданылады.

Атап айтқанда:

- бес мың айлық есептік көрсеткішке дейінгі мөлшерде айыппұл салуға не сол мөлшерде түзеу жұмыстарына;
- не бір мың екі жүз сағатқа дейінгі мерзімге қоғамдық жұмыстарға тартуға;
- не үш жылдан жеті жылға дейінгі мерзімге бас бостандығын шектеуге, не сол мерзімге бас бостандығынан айыруға жазаланады.

Сонымен бірге, егер бұл іс-әрекеттер абайсызда ауыр зардаптарға алып келсе, мысалы адам өлімі орын алған жағдайда бес жылдан он жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыруға жазаланады.

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің статистикалық мәліметтеріне сәйкес ҚК-нің 125-1-бабы бойынша қылмыстық құқық бұзушылықтар саны әзірге көп емес. Мәселен, бастапқы кезеңде 2025 жылы 5 қылмыстық құқық бұзушылық тіркелген, оның ішінде 3 дерек Маңғыстау облысында, ал Қарағанды және Жамбыл облыстарында бір-бірден тіркелген.

Алайда 2026 жылғы 3 айдағы деректер бұл санаттағы құқық бұзушылықтардың өсу үрдісін көрсетуі мүмкін. Атап айтқанда, а.ж. 3 айда 20 қылмыстық құқық бұзушылық тіркеліп, олардың басым бөлігі Шымкент қаласы мен Түркістан облысының аумағында орын алған. Оның ішінде сотқа 6 құқық бұзушылық бойынша істер сотқа жолданды [4].

Осылайша, келтірілген статистикалық мәліметтер некеге тұруға мәжбүрлеу фактілерінің нақты ауқымын толық көрсетпеуі мүмкін, себебі осындай құқық бұзушылықтар көбінесе латентті сипатқа ие. Бұл өз кезегінде аталған мәселені терең ғылыми зерттеудің және құқық қолдану тәжірибесін жетілдірудің қажеттілігін негіздейді.

Шетелдік зерттеушілердің еңбектерінде қыз алып қашу құбылысының себептері кешенді түрде қарастырылады. Мысалы, М. Махмудов, А.М. Королева және Д.М. Махмудованың пайымдауынша, мұндай әрекеттердің негізгі себептері ретінде қалыңдықпен келісімге келу үшін уақыттың немесе ниеттің болмауы, үйлену рәсімін өткізуге және қалыңмал төлеуге қаржылық мүмкіндіктің жеткіліксіздігі, сондай-ақ қалыңдықтың туыстары тарапынан некеге келісім алу мүмкіндігінің болмауы көрсетіледі [5].

Өз кезегінде, біздің ойымызша, қыз алып қашу және некеге тұруға мәжбүрлеу құбылысы патриархалдық әлеуметтік нормалардың сақталуы, гендерлік теңсіздік, құқықтық сауаттылықтың төмендігі, әлеуметтік-экономикалық қиындықтар, дәстүрді бұрмалап түсіну, сондай-ақ жәбірленушінің материалдық және әлеуметтік тәуелділігі сияқты өзара байланысты факторлардың жиынтығымен түсіндіріледі.

Қазіргі заманғы халықаралық құқық жүйесінде некеге тұруға мәжбүрлеу тұлғаның автономиясына, жеке еркіндігіне және қадір-қасиетіне қол сұғатын құқыққа қайшы құбылыс ретінде қарастырылып, адам құқықтарын қорғаудың әмбебап стандарттары аясында бағаланады. Бұл мәселе

халықаралық құқықтың іргелі қағидаттарымен тығыз байланысты және мемлекеттердің позитивтік міндеттерінің құрамдас бөлігі болып табылады.

Атап айтқанда, әйелдерге қатысты кемсітушіліктің барлық нысандарын жоюға бағытталған негізгі халықаралық-құқықтық акт, ол әйелдерге қатысты кемсітушіліктің барлық нысандарын жою туралы конвенция. Оған сәйкес некеге тұру тек тараптардың еркін және толық келісімі негізінде жүзеге асырылуы тиіс екендігін бекітеді [6]. Бұл ереже тұлғаның еркін ерік білдіру қағидатын қамтамасыз етудің халықаралық-құқықтық кепілі ретінде қарастырылады.

Сонымен қатар, кәмелетке толмағандардың құқықтарын қорғау тұрғысынан Бала құқықтары туралы конвенция ерекше маңызға ие, онда баланың мүдделерінің басымдығы және оның еркін дамуына кепілдік беретін құқықтық тетіктер бекітілген [7]. Аталған конвенциялар жиынтығы мәжбүрлі неке институтын адамның негізгі құқықтары мен бостандықтарына қайшы келетін әлеуметтік-құқықтық феномен ретінде тануға негіз қалайды.

Халықаралық ұйымдардың аналитикалық баяндамаларында да мәжбүрлі неке гендерлік теңсіздік, әлеуметтік қысым және дәстүрлі патриархалдық қатынастардың көрінісі ретінде сипатталады. Бұл ретте мемлекеттердің міндеті – осындай әрекеттерді тек формалды түрде тыйым салумен шектелмей, тиімді қылмыстық-құқықтық және институционалдық механизмдер арқылы алдын алу болып табылады.

Осы халықаралық стандарттардың ықпалымен ұлттық құқықтық жүйелерде некеге тұруға мәжбүрлеу әрекеттерін криминализациялау үдерісі қалыптасуда. Алайда Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы (ТМД) елдерінің тәжірибесі бұл бағытта құқықтық реттеудің біркелкі еместігін көрсетеді.

Қырғыз Республикасында некеге тұру мақсатында адамды ұрлау дербес қылмыс құрамы ретінде белгіленген (ҚР ҚК 175-бабы) [8]. Бұл норма дәстүрлі «ала качуу» практикасын құқықтық тұрғыдан шектеуге бағытталған. Ғылыми зерттеулерде аталған құбылыс құқықтық плюрализм жағдайында дәстүр мен құқықтың қайшылығы ретінде қарастырылып, оның әйелдердің құқықтық мәртебесіне теріс әсері дәлелденген. Сонымен қатар, халықаралық құқық қорғау ұйымдарының деректеріне сәйкес, бұл практика белгілі бір деңгейде сақталып отыр, бұл құқықтық тетіктердің жеткіліксіздігін көрсетеді.

Өзбекстан және Тәжікстан республикаларында да некеге тұруға мәжбүрлеу арнайы қылмыс құрамы ретінде толыққанды бекітілмеген [9, 10]. Бұл елдерде мұндай әрекеттер көбінесе қорқыту, мәжбүрлеу немесе адам ұрлау нормалары арқылы сараланады. Ғылыми әдебиеттерде бұл мемлекеттерде ерте және мәжбүрлі некелердің сақталуы әлеуметтік-мәдени факторлармен және құқықтық реттеудің жеткіліксіздігімен түсіндірілетіні көрсетіледі.

Осы тұрғыда Ресей Федерациясының қылмыстық-құқықтық реттеу тәжірибесі де ерекше назар аударуды талап етеді. Ресей Федерациясында некеге тұруға мәжбүрлеу дербес қылмыс ретінде қарастырылмайды. Осындай әрекеттер қылмыстық-құқықтық бағалауда адам ұрлау (РФ ҚК-нің 126-бабы) немесе заңсыз бас бостандығынан айыру (127-бабы) құрамдары арқылы сараланады. Қылмыстық-құқықтық доктринада осындай тәсілдің кемшілігі ретінде қылмыстың нақты объектісін (жеке еркіндік немесе отбасы қатынастары) анықтаудың күрделілігі және кінәлі тұлғаның ниетін дәлелдеудегі қиындықтар атап өтіледі.

Осыған байланысты бірқатар ресейлік зерттеушілер, соның ішінде К.И. Клименко, мұндай жағдайларда арнайы қылмыстық-құқықтық норманы енгізу қажеттілігін негіздейді. Автордың пікірінше, некеге мәжбүрлеу мақсатында жасалатын ұрлау әрекеттері жалпы адам ұрлау құрамымен толық қамтылмайды, себебі бұл жерде қылмыстың әлеуметтік-құқықтық бағыты өзгеше сипатқа ие [11]. Сондықтан арнайы құрам енгізу қылмыстық-құқықтық саралаудың нақтылығын арттырып, құқық қолдану тәжірибесіндегі бірізділікті қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Жалпы алғанда, ТМД мемлекеттеріндегі құқықтық реттеу тәжірибесі некеге тұруға мәжбүрлеу институтының фрагментарлы сипатта екенін және оның толыққанды криминализацияланбағанын айғақтайды. Бұл құқық қолдану тәжірибесінде біркелкіліктің болмауына, қылмыстық-құқықтың саралаудың тұрақсыздығына, сондай-ақ жәбірленушілердің құқықтарын қорғау деңгейінің төмендеуіне алып келуі мүмкін.

Осы тұрғыдан алғанда, Қазақстан Республикасында некеге тұруға мәжбүрлеуді дербес қылмыс құрам ретінде заңнамалық деңгейде бекіту халықаралық стандарттарға сәйкес келетін және құқықтық саясаттың прогрессивті бағытын айқындайтын маңызды қадам болып табылады. Бұл норма тұлғаның жеке автономиясын қорғауға бағытталған заманауи құқықтық тетіктерді қалыптастырып, қылмыстық-құқықтық қорғаудың тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді.

Сонымен бірге, аталған норманың құқық қолдану практикасы әлі де қалыптасу кезеңінде болғандықтан, ТМД елдерінің салыстырмалы тәжірибесін зерделеу ғылыми тұрғыдан да, практикалық

тұрғыдан да маңызды. Бұл қылмыстық заңнаманы жетілдіру, құқық қолдану біркелкілігін қамтамасыз ету және адамның негізгі құқықтарын қорғау механизмдерін күшейту үшін негіз болады.

2026 жылдың алғашқы 3 айындағы сот практикасын талдау нәтижесінде ҚК-нің 125-1-бабы, яғни некеге тұруға мәжбүрлеуге қатысты барлығы 4 қылмыстық іс қаралғаны анықталды. Оның ішінде 7 сотталушыға қатысты сот үкімдері шығарылып, кінәлі тұлғаларға қатысты қылмыстық жаза тағайындалған, ал 1 іс бойынша татуласуға байланысты қылмыстық іс жүргізу тоқтатылған. Аталған істердің ішінде 3 сотталушыға қатысты үкімдер заңды күшіне енген, ал 4 сотталушыға қатысты үкімдер заңды күшіне енген.

Бұл деректер аталған қылмыс құрамының құқық қолдану тәжірибесінде енді қалыптасу сатысында екенін және сот практикасының бірізділігінің толық орнықпағанын көрсетеді.

Сот тәжірибесінде қаралған қылмыстық істерге жасалған талдау көрсеткендей, аталған құқық бұзушылық әртүрлі жағдайларда көрініс табады.

Мәселен, сот үкімімен сотталушы Н. кінәлі деп танылып, оған 3 жыл 6 ай мерзімге бас бостандығын шектеу жазасы тағайындалған.

Сот актісіне сәйкес сотталушы жәбірленушімен WhatsApp мессенджері арқылы танысып, кейін кездесіп жүрген. Ол жәбірленушіге некеге тұруға ниеті жоқ екенін білдіріп, қарым-қатынасты тоқтатқан. Осыдан кейін сотталушы жәбірленушіні күш қолдану арқылы автокөлікке отырғызуға әрекет еткен. Сот жинақталған дәлелдемелерді бағалай отырып, сотталушы ҚК-нің 125-1 бабы 2-бөлігі 1-тармағымен кінәлі деп таныған (сот үкімі күшіне енген).

Басқа бір іс бойынша бірнеше тұлғаның алдын ала сөз байласу арқылы жәбірленушіні күш қолдану және психологиялық қысым көрсету жолымен некеге тұруға мәжбүрлеу әрекеттері анықталған. Жаза тағайындау барысында сот қылмыстық құқық бұзушылықтың қоғамдық қауіптілік дәрежесін, сотталушылардың жеке басын, олардың бұрын сотталмағанын, кінәларын толық мойындап, шын жүректен өкінгенін, сондай-ақ жәбірленушінің бас бостандығынан айыру жазасын қолданбау туралы пікірін ескерген.

Осы мән-жайларға сәйкес сот жазаны жеңілдететін мән-жайларды танып, ауырлататын мән-жайлардың жоқ екенін көрсеткен. Нәтижесінде сот үкімімен сотталушылар ҚК-нің 125-1-бабы 2-бөлігі 1,4-тармақтарымен кінәлі деп танып, оларға 3 жыл бас бостандығын шектеу түріндегі жаза тағайындалған (сот үкімі күшіне енген).

Тағы бір жағдайда бірнеше адамның алдын ала сөз байласу арқылы адамдар тобымен әрекет етуі анықталып, жәбірленушіні күш қолдану арқылы некеге тұруға мәжбүрлеу фактісі бойынша сотталушылар кінәлі деп танылған. Бұл іс бойынша сот бас бостандығынан айыру жазасын тағайындап, сотталушылар 3 жыл мерзімге сотталған (сот үкімі күшіне енген).

Бұл ретте қылмыстың алдын ала сөз байласу арқылы топпен жасалуы оның қоғамдық қауіптілігін арттыратыны байқалады.

Сонымен қатар, бір іс бойынша ҚК-нің 68-бабының 1-бөлігіне сәйкес тараптардың медиация тәртібімен татуласуына және жәбірленушіге келтірілген моральдық зиянның қалпына келтірілуіне байланысты сотталушы қылмыстық жауаптылықтан босатылып, оған қатысты қылмыстық іс жүргізу тоқтатылған.

Жалпы алғанда, жүргізілген талдау көрсеткендей, аталған санаттағы істердің саны шектеулі және сот практикасы қалыптасу кезеңінде. Істердің бір бөлігінде бас бостандығын шектеу, басқа жағдайларда бас бостандығынан айыру жазасы тағайындалған, сондай-ақ татуласуға байланысты іс жүргізуді тоқтату жағдайлары кездеседі.

Бұл құқық қолдану тәжірибесінде бірізділіктің толық қалыптаспағанын және соттардың жаза тағайындауда әртүрлі тәсілдерді қолданатынын көрсетеді. Осындай біркелкі еместік жаңа қылмыстық-құқықтық норманың енгізілуімен және оның құқық қолдану тәжірибесінің жеткілікті деңгейде қалыптаспауымен түсіндіріледі.

Некеге тұруға мәжбүрлеу құрамын қолдану барысында бірқатар құқықтық және практикалық мәселелер туындайды.

Біріншіден, мәжбүрлеу фактісін дәлелдеу күрделі процесс болып табылады, өйткені мұндай әрекеттер көбінесе жасырын түрде, куәлардың қатысуынсыз немесе жанама психологиялық қысым көрсету арқылы жүзеге асырылады.

Екіншіден, жәбірленуші мен кінәлі тұлға арасындағы туыстық немесе әлеуметтік байланыстар істі қарау барысында қосымша қиындықтар туғызады.

Үшіншіден, жәбірленушінің кейіннен татуласуы қылмыстық жауаптылықтың мақсаттарына мен қағидаттарына қатысты ғылыми және құқықтық пікірталастарды туындатады.

Төртіншіден, сот тәжірибесінде жаза тағайындау мәселесінде бірыңғай критерийлердің жеткілікті деңгейде қалыптаспауы байқалады.

Кейбір жағдайларда некеге мәжбүрлеу әрекеттері дәстүрлі көзқарастармен ақталып, бұл құқықтық жауаптылықтың төмендеуіне ықпал етуі мүмкін. Сонымен қатар, медиация тәртібімен татуласу әрдайым жәбірленушінің еркін білдіруінің шынайылығын толық көрсете бермейді. Сондай-ақ қылмыстың жасырын сипаты нақты статистикалық деректердің қалыптасуына да кедергі келтіреді.

Қылмыстық құқық бұзушылықтардың жекелеген санаттары бойынша құқық қолдану тәжірибесін біріздендіру мақсатында Жоғарғы Соттың нормативтік қаулылары қабылданатыны белгілі.

Қазіргі уақытта жаза тағайындау мәселелері бойынша қолданыстағы нормативтік қаулыларда адам ұрлау және адам саудасына қатысты қылмыстар жөнінде түсіндірмелер қамтылған. Алайда некеге тұруға мәжбүрлеу қылмысы дербес құрам ретінде жаңадан енгізілгендіктен, оның құқықтық табиғаты мен ерекшеліктері аталған қаулыларда толық ашылмаған.

Осыған байланысты құқық қолдану практикасын біріздендіру мақсатында аталған санаттағы қылмыстар бойынша Жоғарғы Соттың арнайы нормативтік қаулысын қабылдау қажеттілігі туындайды. Бұл, өз кезегінде, қылмыстық заңнаманы дұрыс қолдануға, ұқсас құрамдардан ажыратуға және әділ жаза тағайындауды қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Жүргізілген талдау нәтижесінде некеге тұруға мәжбүрлеу институтының қылмыстық-құқықтық деңгейде енгізілуі жеке тұлғаның еркіндігін қорғауға бағытталған маңызды құқықтық қадам екені анықталды. Бұл норма еркін таңдау құқығын қамтамасыз етуге, отбасылық қатынастардағы зорлық-зомбылықтың алдын алуға және әлеуметтік әділеттілікті нығайтуға бағытталған.

Осыған байланысты келесідей ұсыныстар беріледі:

- некеге тұруға мәжбүрлеу істері бойынша Жоғарғы Соттың нормативтік қаулысын қабылдау, сондай-ақ сот практикасына жалпылау жүргізу;
- мәжбүрлеу фактілерін дәлелдеуге қатысты әдістемелік ұсынымдар әзірлеу және құқық қорғау органдары үшін нақты алгоритмдер бекіту;
- жәбірленушілердің қауіпсіздігін қамтамасыз ету және оларға психологиялық әрі құқықтық қолдау көрсету жүйесін дамыту;
- ақпараттық кеңістікте құқықтық түсіндіру жұмыстарын күшейту арқылы қоғамда некеге мәжбүрлеудің құқық бұзушылық екені туралы құқықтық сананы қалыптастыру.

Жалпы алғанда, некеге тұруға мәжбүрлеу институты қазіргі құқықтық жүйеде тұлғаның еркіндігін қорғаудың маңызды құралы болып табылады. Алайда сот практикасының талдауы көрсеткендей, аталған норманы тиімді қолдану үшін құқықтық және институционалдық деңгейде қосымша жетілдіру шаралары қажет.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылғы 30 тамыздағы республикалық референдумда қабылданған // http://10.61.42.188/rus/docs/K950001000_ (жүгінген күні: 09.04.2026).
2. ҚР Президенті Қасым-Жомарт Тоқаевтың Ұлттық құрылтайдағы сөз. Ақорда ресми сайты // <https://share.google/Sd11cn9RKg2p59qHv> (жүгінген күні: 07.04.2026).
3. Шаповалов И. М. Историко-правовой анализ принуждения к вступлению в брак // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3. С. 168–173. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-168-173. С. 168-169.
4. Құқықтық статистика және арнайы есепке алу органдарының порталы // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (жүгінген күні: 07.04.2026).
5. Махмудова М.М., Королева А.М., Махмудова Д.М. Похищение невесты-обычай или вызов времени? //Женщина в российском обществе. 2019. №1 С 124-128.
6. Қазақстан Республикасының Әйелдерді кемсітушіліктің барлық нысандарын жою туралы конвенцияға қосылуы туралы Қазақстан Республикасының 1998 жылғы 29 маусымдағы N 248 Заңы// http://10.61.42.188/kaz/docs/Z980000248_ (жүгінген күні: 07.04.2026).
7. Бала құқықтары туралы Конвенцияны ратификациялау туралы Қазақстан Республикасының Жоғарғы Кеңесінің 1994 жылғы 8 маусымдағы қаулысы.// http://10.61.42.188/kaz/docs/B940001400_ (жүгінген күн: 07.04.2026).
8. Қырғыз Республикасы Қылмыстық кодексі, 2017 жылғы 2 ақпандағы №19 // <https://share.google/6NjR0llp5eKQa5Ijn> (жүгінген күні: 08.04.2026).

9. Өзбекстан Республикасының Қылмыстық кодексі, 1994 жылғы 22 қыркүйек №2012-ХП // <https://share.google/GSnTOYTSdO7M8DcfY> (жүгінген күні: 08.04.2026).
10. Тәжікстан Республикасының Қылмыстық кодексі, 1998 жылғы 21 мамыр №574// <https://share.google/srY0u4M2QfOQyknIe> (жүгінген күні: 08.04.2026).
11. Клименко К.И. Сравнительно-правовая характеристика законодательного регулирования обычая похищения невесты в России и иностранных государствах // «Novelty. Experiment. Traditions». 2022. Volume 8. Issue 4 (20). С 51-54.
12. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ// <http://10.61.42.188/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 08.04.2026).
13. Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасын оңтайландыру мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2025 жылғы 16 шілдедегі № 210-VIII ҚРЗ // <http://10.61.42.188/kaz/docs/Z2500000210> (жүгінген күні: 08.04.2026).
14. Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 26 желтоқсандағы № 518-IV кодексі // <http://10.61.42.188/kaz/docs/K1100000518> (жүгінген күні: 08.04.2026).
15. Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы Декларация Біріккен Ұлттар Ұйымы Бас Ассамблеясының резолюциясымен 1948 жылғы 10 желтоқсанда № 217 А (III) қабылданған // <http://10.61.42.188/kaz/docs/O4800000001> (жүгінген күні: 07.04.2026).

ӘОЖ 343.7

Жидебаева Дайана Еркінгазыевна,

Қазақстан Республикасы ІІМ Бәрімбек Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының докторанты,
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ.

ПАЙДАКҮНЕМДІК ҚЫЛЫСТАРДЫҢ ОБЪЕКТИВТІК БЕЛГІЛЕРІНІҢ ҚЫЛЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ СИПАТТАМАСЫ

Аннотация. Мақалада пайдакүнемдік қылмыстардың объективтік белгілерінің қылмыстық-құқықтық сипаттамасы қарастырылады. Зерттеу барысында қылмыс құрамының объективтік жағының негізгі элементтері – әрекет, қоғамдық қауіпті салдар және олардың арасындағы себепті байланыс талданады. Сонымен қатар қылмысты жасау тәсілі, уақыты, орны және жағдайы сияқты факультативтік белгілердің қылмысты саралаудағы маңызы зерттеледі. Пайдакүнемдік қылмыстардың объектісі ретінде меншік қатынастары қарастырылып, олардың қазіргі кезеңдегі даму үрдістері талданады. Зерттеу нәтижесінде объективтік белгілер қылмыстық құқық нормаларын дұрыс қолдануда маңызды рөл атқаратыны анықталды.

Түйінді сөздер: қылмыс құрамы; объективтік жақ; пайдакүнемдік қылмыстар; меншікке қарсы қылмыстар; қылмыстық құқық; қылмыстық жауаптылық; қылмысты саралау; әрекет; қоғамдық қауіпті салдар; себепті байланыс; қылмыс объектісі.

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика объективных признаков корыстных преступлений. В ходе исследования анализируются основные элементы объективной стороны состава преступления: действие, общественно опасные последствия и причинная связь между ними. Особое внимание уделяется значению факультативных признаков, таких как способ, время, место и обстановка совершения преступления. Объектом корыстных преступлений выступают отношения собственности. Рассматриваются современные тенденции развития имущественных преступлений. Сделан вывод о том, что объективные признаки играют важную роль при квалификации преступлений и применении норм уголовного законодательства.

Ключевые слова: состав преступления; объективная сторона преступления; корыстные преступления; преступления против собственности; уголовное право; уголовная ответственность; квалификация преступлений; действие; общественно опасные последствия; причинная связь; объект преступления.

Abstract. The article examines the criminal law characteristics of the objective elements of profit-motivated crimes. The study analyzes the main components of the objective side of a crime, including the act, socially dangerous consequences and the causal relationship between them. Particular attention is paid to optional elements such as the method, time, place and circumstances of committing the crime. Property relations are considered as the main object of profit-motivated crimes. The article also highlights current trends in the development of property crimes. The study concludes that objective elements play an important role in the correct qualification of crimes and the application of criminal law norms.

Keywords: elements of crime; objective side of a crime; profit-motivated crimes; crimes against property; criminal law; criminal liability; qualification of crimes; act; socially dangerous consequences; causal link; object of crime.

Қазіргі кезеңде қоғамдағы әлеуметтік-экономикалық қатынастардың дамуы мен цифрлық технологиялардың кеңінен таралуы мүліктік сипаттағы қылмыстардың құрылымына елеулі өзгерістер енгізуде. Соның ішінде пайдакүнемдік бағыттағы қылмыстар қылмыстылық құрылымында маңызды үлеске ие болып отыр. Мұндай құқық бұзушылықтар азаматтардың мүліктік құқықтарына нұқсан келтіріп қана қоймай, экономикалық қатынастардың тұрақтылығына, қоғамдық қауіпсіздік деңгейіне және мемлекеттегі құқықтық тәртіптің сақталуына да теріс әсерін тигізеді. Осыған байланысты пайдакүнемдік қылмыстардың құқықтық табиғатын зерттеу және олардың қылмыстық-құқықтық сипаттамасын талдау қылмыстық құқық ғылымының маңызды бағыттарының бірі болып табылады [1].

Қылмыстық құқық теориясында қылмысты дұрыс саралау оның құрамын толық әрі дәл анықтауға негізделеді. Қылмыс құрамының негізгі элементтерінің бірі – объективтік жақ. Объективтік белгілер қылмыстың сыртқы көрінісін сипаттайды және құқық қолданушыға нақты әрекеттің қоғамдық қауіптілік деңгейін анықтауға, оның қылмыстық заңнама нормаларына сәйкестігін бағалауға мүмкіндік береді. Объективтік жақ әрекет немесе әрекетсіздік, қоғамдық қауіпті салдар, олардың арасындағы себепті байланыс, сондай-ақ қылмысты жасау тәсілі, уақыты, орны және жағдайы сияқты элементтерден тұрады [2].

Пайдакүнемдік қылмыстардың ерекшелігі олардың мүліктік сипаттағы пайда табуға бағытталуында болып табылады. Мұндай қылмыстарда қылмыскердің мақсаты – бөтен мүлікті заңсыз иелену немесе мүліктік құқықтарды заңсыз пайдалану арқылы материалдық пайда табу. Осыған байланысты мүліктік қылмыстардың объективтік белгілерін зерттеу олардың құқықтық бағалануы үшін ерекше маңызға ие.

Сонымен қатар ғылыми әдебиеттерде көрсетілгендей, қылмыстың объективтік белгілері субъектінің жынысына тәуелді болмайды. Қылмыстық заңнама тұрғысынан алғанда, бірдей құқық бұзушылық әйел немесе ер адам тарапынан жасалғанына қарамастан, оның құқықтық бағалануы бірдей критерийлерге негізделеді. Дегенмен криминологиялық зерттеулер көрсеткендей, әйелдермен жасалатын пайдакүнемдік қылмыстардың жүзеге асу формалары кейбір әлеуметтік және рөлдік ерекшеліктердің ықпалымен өзгеше сипатта көрінуі мүмкін [3].

Қазіргі уақытта цифрлық технологиялардың дамуына байланысты мүліктік қылмыстардың жаңа формалары пайда болуда. Интернет арқылы жасалатын алаяқтық, электрондық төлем жүйелері арқылы жүзеге асырылатын қылмыстар, сондай-ақ онлайн платформалар арқылы орын алатын мүліктік қолсұғушылықтар қылмыстық құқық ғылымында жаңа зерттеу бағыттарын қалыптастыруда.

Осыған байланысты мақалада пайдакүнемдік қылмыстардың объективтік белгілерінің мазмұны, олардың қылмысты саралаудағы маңызы және қазіргі кезеңдегі мүліктік қылмыстардың даму үрдістері ғылыми тұрғыдан талданады.

Зерттеу әдістері мен тәртібі. Зерттеу барысында жалпы ғылыми және арнайы құқықтық әдістер кешені қолданылды. Атап айтқанда, формальды-құқықтық, жүйелік талдау, салыстырмалы-құқықтық және ғылыми әдебиеттерді талдау әдістері пайдаланылды. Формальды-құқықтық әдіс қылмыстық заңнаманың нормаларын зерттеу арқылы қылмыс құрамының объективтік белгілерін анықтауға мүмкіндік берді. Бұл әдіс Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің нормаларын талдау барысында кеңінен қолданылды. Жүйелік талдау әдісі қылмыс құрамының элементтері арасындағы өзара байланысты анықтауға бағытталды. Сонымен қатар ғылыми әдебиеттерді талдау әдісі арқылы отандық және шетелдік ғалымдардың еңбектері зерттеліп, пайдакүнемдік қылмыстардың объективтік белгілеріне қатысты ғылыми көзқарастар жүйеленді [4].

Зерттеу барысында Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасы, қылмыстық құқық теориясы саласындағы ғылыми еңбектер және криминологиялық зерттеулердің нәтижелері пайдаланылды.

Талқылау нәтижелері. Қылмыстық құқық теориясында объективтік жақ қылмыстың сыртқы көрінісін сипаттайтын элементтер жүйесі ретінде қарастырылады. Оның негізгі элементтеріне әрекет немесе әрекетсіздік, қоғамдық қауіпті салдар және олардың арасындағы себепті байланыс жатады. Сонымен қатар қылмысты жасау тәсілі, уақыт, орын және жағдай сияқты факультативтік белгілер де маңызды рөл атқарады [5].

Пайдакүнемдік қылмыстардың объективтік жағы көбіне бөтен мүлікті заңсыз иелену немесе мүліктік құқықтарға қол сұғу арқылы көрінеді. Мұндай қылмыстарда мүлікті иеленудің тәсілі ерекше маңызға ие. Мысалы, мүлікті жасырын түрде иелену ұрлық құрамының белгісі болып табылады. Алдау немесе сенімді теріс пайдалану арқылы мүлікті иелену алаяқтық ретінде сараланады. Ал күш қолдану немесе күш қолдану қатерін төндіру арқылы мүлікті иелену тонау немесе қарақшылық құрамдарының белгілерін құрайды [6].

Пайдакүнемдік қылмыстардың объектісі ретінде меншік қатынастары танылады. Меншік қатынастары қоғамдағы экономикалық тұрақтылықтың маңызды элементі болып табылады және оларды қорғау қылмыстық құқықтың негізгі міндеттерінің бірі болып саналады [7].

Қылмыстың заты ретінде заттай мүлік, ақша қаражаттары, бағалы қағаздар және мүліктік құқықтар танылады. Қазіргі цифрлық экономика жағдайында мүліктік құндылықтардың жаңа түрлері пайда болуда. Мысалы, электрондық ақша, банктік шоттардағы қаражат, онлайн платформалардағы активтер және цифрлық қолжетімділік құқықтары қылмыстық қолсұғушылықтың объектісіне айналуы мүмкін [8].

Сонымен қатар қылмыс жасау тәсілі қылмысты саралауда негізгі критерийлердің бірі болып табылады. Қылмысты жасау тәсілі қылмыстың қоғамдық қауіптілік дәрежесін анықтауға мүмкіндік береді және кейбір жағдайларда қылмыстың ауырлататын белгісі ретінде қарастырылуы мүмкін [9].

Криминологиялық зерттеулер әйелдермен жасалатын пайдакүнемдік қылмыстардың кейбір ерекшеліктерін көрсетеді. Мұндай қылмыстар көбіне зорлықсыз тәсілдер арқылы жүзеге асуы мүмкін. Сонымен қатар сенім қатынастарына негізделген әрекеттер немесе қызметтік жағдайды пайдалану арқылы жасалатын құқық бұзушылықтар да кездеседі.

Қазіргі уақытта цифрлық технологиялардың дамуына байланысты мүліктік қылмыстардың жаңа нысандары пайда болуда. Интернет арқылы жасалатын алаяқтық, электрондық төлем жүйелерін пайдалану арқылы жасалатын құқық бұзушылықтар, сондай-ақ онлайн платформалар арқылы жүзеге асырылатын мүліктік қолсұғушылықтар қылмыстық құқық ғылымында ерекше назар аударуды талап етеді.

Жүргізілген зерттеу нәтижелері пайдакүнемдік қылмыстардың объективтік белгілерін ғылыми тұрғыдан талдау олардың құқықтық табиғатын тереңірек түсінуге мүмкіндік беретінін көрсетті. Қылмыстық құқық теориясында объективтік белгілер қылмыстың сыртқы көрінісін сипаттайтын маңызды элементтер жүйесі болып табылады және қылмысты дұрыс саралаудың негізгі критерийлерінің бірі болып саналады.

Зерттеу барысында анықталғандай, пайдакүнемдік қылмыстардың объектісі ретінде меншік қатынастары танылады. Меншік қатынастары қоғамдағы экономикалық тұрақтылықтың маңызды элементі болып табылады және оларды қорғау қылмыстық құқықтың басты міндеттерінің бірі болып саналады. Қылмыстың заты ретінде заттай мүлік, ақша қаражаттары, бағалы қағаздар, мүліктік құқықтар және өзге де материалдық немесе материалдық емес құндылықтар қарастырылады.

Сонымен қатар зерттеу барысында пайдакүнемдік қылмыстардың объективтік жағының негізгі элементтері – әрекет немесе әрекетсіздік, қоғамдық қауіпті салдар және олардың арасындағы себепті байланыс екендігі анықталды. Қылмыс жасау тәсілі, орны, уақыты және жағдайы сияқты факультативтік белгілер де қылмыстың құқықтық бағалануы үшін маңызды мәнге ие болуы мүмкін.

Пайдакүнемдік қылмыстарды саралауда мүлікті иелену тәсілі ерекше маңызға ие. Мысалы, мүлікті жасырын түрде иелену ұрлық құрамының белгісі болып табылса, алдау немесе сенімді теріс пайдалану арқылы иелену алаяқтық құрамын құрайды. Ал күш қолдану немесе күш қолдану қатерін төндіру арқылы мүлікті иелену тонау немесе қарақшылық құрамдарының белгілерін білдіреді. Осыған байланысты қылмысты жасау тәсілі мүліктік қылмыстарды бір-бірінен ажыратудың негізгі критерийлерінің бірі болып табылады.

Зерттеу нәтижелері қазіргі кезеңде цифрлық технологиялардың дамуы мүліктік қылмыстардың жаңа нысандарының пайда болуына ықпал етіп отырғанын көрсетті. Интернет арқылы жасалатын алаяқтық, электрондық төлем жүйелері арқылы жүзеге асырылатын құқық бұзушылықтар, сондай-ақ онлайн платформалар арқылы орын алатын мүліктік қолсұғушылықтар құқық қорғау органдарының қызметінде жаңа міндеттерді туындатуда.

Сонымен қатар криминологиялық зерттеулер әйелдермен жасалатын пайдакүнемдік қылмыстардың кейбір ерекшеліктерін көрсетеді. Мұндай қылмыстар көбіне зорлықсыз тәсілдер арқылы жүзеге асуы мүмкін және сенім қатынастарына негізделген әрекеттер немесе қызметтік жағдайды пайдалану арқылы жасалуы ықтимал. Дегенмен бұл ерекшеліктер қылмыстың құқықтық бағалануы үшін шешуші фактор болып табылмайды. Қылмыстық жауаптылық әрқашан қылмыс құрамының объективтік және субъективтік белгілеріне негізделуі тиіс.

Жалпы алғанда, пайдакүнемдік қылмыстардың объективтік белгілерін кешенді зерттеу қылмыстық құқық нормаларын тиімді қолдануға, құқық қолдану тәжірибесінде қылмыстарды дұрыс саралауға және мүліктік қылмыстардың алдын алу шараларын жетілдіруге мүмкіндік береді.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Ағыбаев А.Н. Қылмыстық құқық. Жалпы бөлім: оқулық. – Алматы: Жеті жарғы, 2019. – 25 б.
2. Сембекова Б.Р. Криминология: оқу құралы. – Алматы: Нұр-пресс, 2020. – 48 б.
3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – Москва: Юрист, 2016. – 37 с.
4. Борчашвили И.Ш. Квалификация преступлений против собственности. – Алматы: Данекер, 2018. – 64 с.
5. Мальцев В.В. Преступления против собственности: теория и практика. – Москва: Юрист, 2018. – 74 с.
6. Рарог А.И. Уголовное право России. Общая часть. – Москва: Проспект, 2020. – 112 с.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. – Москва: Норма, 2018. – 89 с.
8. Коржанский Н.И. Объект преступления. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 57 с.
9. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. – Москва: Норма, 2019. – 102 с.

УДК 343.545

Кабланбеков Ерболат Даулетбекович,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИТОНОВ И СВОДНИЧЕСТВО В КАЗАХСТАНЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ уголовной ответственности за организацию и содержание притонов, а также сводничество в Республике Казахстан. Рассматриваются особенности действующей статьи 309 Уголовного кодекса Республики Казахстан, выявляются проблемы правовой неопределенности, связанные с использованием оценочных понятий, затрудняющих единообразную квалификацию преступлений.

Особое внимание уделено вопросам разграничения состава преступления от вовлечения в занятие проституцией и торговлей людьми, а также квалификации деяний, совершенных с применением насилия или эксплуатацией уязвимого положения потерпевших.

Проведенное исследование позволяет обосновать необходимость закрепления легальных определений ключевых понятий («организация притона», «содержание притона», «сводничество») в статье 3 УК РК, что направлено на устранение правовой неопределенности и обеспечение единообразия правоприменительной практики. Одновременно автор приходит к выводу о целесообразности совершенствования разъяснений судебной практики, содержащихся в Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 29 декабря 2012 года № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми», путем их дополнения положениями, предусматривающими учет использования информационно-коммуникационных технологий в качестве квалифицирующего признака преступлений, предусмотренных статьей 309 УК РК, а также конкретизацию подходов к дополнительной квалификации указанных деяний в случаях их сопряженности с вовлечением лиц в занятие проституцией или торговлей людьми.

Реализация предложенных мер позволит повысить правовую определенность, обеспечить единообразие судебной практики и адаптировать уголовное законодательство к современным цифровым реалиям, сохранив при этом комплекс квалифицирующих признаков статьи 309 УК РК.

Ключевые слова: уголовное право; притон; сводничество; организация притона; квалификация преступлений; торговля людьми; цифровизация преступности; правовая определенность; совершенствование законодательства.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында притондарды ұйымдастыру және ұстау, сондай-ақ сводничество үшін қылмыстық жауаптылықтың кешенді теориялық-құқықтық талдауы жүргізіледі. ҚР Қылмыстық кодексінің 309-бабының қолданыстағы ерекшеліктері қарастырылады, қылмыстарды біркелкі сипаттау мен квалификациялауды қиындататын бағалаушы ұғымдарды қолданумен байланысты құқықтық анықсыздық мәселелері анықталады.

Арнайы назар қылмыстық құрамның қарапайым проституция мен адам саудасына тартумен араласуын, сондай-ақ зорлық-зомбылық қолдану немесе зардап шеккендердің осал жағдайын пайдалану арқылы жасалған әрекеттердің квалификациясын айқындауға аударылады.

Жүргізілген зерттеу негізгі ұғымдарды («притон ұйымдастыру», «притон ұстау», «сводничество») ҚР ҚК 3-бабында заңды анықтамалармен бекіту қажеттілігін негіздеуге мүмкіндік береді, бұл құқықтық анықсыздықты жоюға және құқық қолдану практикасының біркелкілігін қамтамасыз етуге бағытталған. Сонымен қатар автор Қазақстан Республикасының Жоғарғы Сотының 2012 жылғы 29 желтоқсандағы № 7 «Адам саудасы үшін жауаптылықты белгілейтін заңнаманы қолдану практикасы туралы» нормативтік қаулысының сот тәжірибесін жетілдіру қажеттілігін атап көрсетеді, оның аясында ақпараттық-коммуникациялық технологияларды 309-баппен қарастырылған қылмыстардың квалификациясын анықтайтын белгі ретінде есепке алу және көрсетілген әрекеттерді проституцияға немесе адам саудасына тартумен байланысты қосымша квалификациялау тәсілдерін нақтылау ұсынылады.

Ұсынылған шараларды жүзеге асыру құқықтық айқындылықты арттыруға, сот тәжірибесінің біркелкілігін қамтамасыз етуге және қылмыстық заңнаманы қазіргі заманғы цифрлық жағдайларға бейімдеуге мүмкіндік береді, сонымен қатар 309-баптың квалификациялық белгілер кешенін сақтауға бағытталған.

Түйінді сөздер: қылмыстық құқық; притон; жеңгетайлық; притон ұйымдастыру; қылмыстарды саралау; адам саудасы; қылмыстың цифрлануы; құқықтық айқындылық; заңнаманы жетілдіру.

Abstract. Annotation. The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of criminal liability for the organization and maintenance of brothels, as well as pandering in the Republic of Kazakhstan. The article examines the features of the current Article 309 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, identifies the problems of

legal uncertainty associated with the use of evaluative concepts that make it difficult to classify crimes in a uniform manner.

Special attention is paid to the issues of distinguishing the corpus delicti from involvement in prostitution and human trafficking, as well as the qualification of acts committed with the use of violence or exploitation of the vulnerable position of victims.

The conducted research makes it possible to substantiate the need to consolidate the legal definitions of key concepts ("brothel organization", "brothel maintenance", "pandering") in Article 3 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, which is aimed at eliminating legal uncertainty and ensuring uniformity of law enforcement practice. At the same time, the author comes to the conclusion that it is advisable to improve the clarifications of judicial practice contained in the Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated December 29, 2012 No. 7 "On the practice of applying legislation criminalizing human trafficking" by supplementing them with provisions that take into account the use of information and communication technologies as a qualifying feature of crimes provided for in Article 309 OF THE Criminal Code OF THE Republic OF Kazakhstan, as well as specifying approaches to the additional qualification of these acts in cases of their involvement in prostitution or human trafficking.

The implementation of the proposed measures will increase legal certainty, ensure uniformity of judicial practice and adapt criminal legislation to modern digital realities, while maintaining the complex of qualifying features of Article 309 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: criminal law; brothel; pandering; organization of brothels; qualification of crimes; human trafficking; digitalization of crime; legal certainty; improvement of legislation.

Организация притонов и сводничество остаются одной из острых социальных и правовых проблем Республики Казахстан (далее – РК). Данные деяния посягают на общественную нравственность, создают условия эксплуатации личности и нарушают права и законные интересы граждан, одновременно порождая угрозу общественной безопасности и социальной стабильности.

При этом сама проституция не является объектом уголовного преследования, однако действия, направленные на организацию ее осуществления, создание условий для деятельности лиц в сфере проституции или посредничество между вовлеченными лицами, подлежат уголовно-правовой оценке и квалифицируются как уголовные правонарушения. Такие деяния наносят реальный вред человеку, способствуют уязвимости жертв и требуют адекватного реагирования со стороны правоохранительных и судебных органов [1, с. 45].

Законодательство Республики Казахстан устанавливает уголовную ответственность за организацию и содержание притонов, оказание сексуальных услуг третьими лицами и сводничество в статье 309 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК). За совершение данных преступлений предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до десяти лет, а в случаях, сопровождаемыхотягчающими обстоятельствами, возможно применение конфискации имущества [2].

Законодатель Республики Казахстан учёл цифровую трансформацию криминальной деятельности, расширив пределы уголовно-правового регулирования на деяния, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая интернет-ресурсы и мессенджеры. Указанная трансформация отражает современные тенденции цифровизации преступности и обеспечивает адаптацию уголовно-правовых механизмов к новым формам противоправного поведения, что также отмечается в исследованиях Н. М. Муратовой и Б. Б. Сарсенбаевой [3].

Научные исследования подтверждают устойчивый рост преступлений, совершаемых в цифровой среде, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-правовых и процессуальных инструментов противодействия таким деяниям [4].

Анализ правоприменительной практики по делам рассматриваемой категории свидетельствует о сохранении высокой социальной и правовой значимости преступлений, связанных с цифровыми формами организации противоправной деятельности, что, в свою очередь, согласуется с выводами Б. Рахметова о системном характере цифровой трансформации правового регулирования в Казахстане [5].

В условиях наличия отдельных исследований в отечественной юридической науке большинство работ носит фрагментарный характер и сосредоточено на анализе отдельных аспектов нормативно-правового регулирования или криминологической характеристики преступлений, связанных с проституцией и сводничеством [1]. Отмечается недостаточность комплексного анализа действующих уголовно-правовых норм и практики их применения, особенно в сочетании с новыми формами преступлений через сеть Интернет, что препятствует выработке научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Цель статьи – проанализировать уголовно-правовые основы ответственности за организацию и содержание притонов, выявить проблемы квалификации преступлений и предложить пути совершенствования законодательства.

В работе использованы общенаучные и специальные юридические методы, обеспечившие комплексный анализ уголовной ответственности за организацию и содержание притонов, а также сводничество в РК с учетом правоприменительной практики. Применение анализа, синтеза и системного подхода позволило исследовать составы преступлений, выявить пробелы и оценить нормы уголовного права в контексте Конституции РК и международных стандартов, тогда как формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы обеспечили углубленное изучение правового регулирования.

Эмпирическую основу составили данные правоохранительных органов за 2020 – 2025 годы и судебная практика, что позволило определить ключевые проблемы квалификации, включая деяния, совершаемые с использованием цифровых технологий. Комплексное применение указанных методов обеспечивает обоснованность выводов и позволяет сформулировать рекомендации по совершенствованию статьи 309 УК РК и повышению эффективности правоприменительной практики.

В настоящее время уголовно-правовое регулирование ответственности за организацию притонов и сводничество сталкивается с рядом проблем. Преступления в этой сфере трансформируются, проявляются новые формы, в частности с использованием цифровых технологий. Отечественный Уголовный кодекс 2014 года закрепил комплексную норму, направленную на наказание за организацию притонов и сводничество. Вместе с тем практика показывает, что суды испытывают трудности с точной квалификацией деяний, в том числе с определением объективных и субъективных признаков преступления.

Одной из ключевых проблем статьи 309 УК РК является присутствие оценочных категорий без юридически закрепленных определений. Понятия «организация», «содержание притона» и «сводничество» остаются недостаточно конкретизированными, что приводит к вариативности судебной практики и порой к расширительному толкованию норм. По мнению Н.С. Дулатбекова, такая неопределенность снижает предсказуемость применения закона и усложняет квалификацию преступлений [6, с.93].

Для решения данной проблемы представляется целесообразным закрепление легальных дефиниций ключевых понятий в статье 3 УК РК, регулирующей понятийно-категориальный аппарат уголовного законодательства. В частности, в статье 3 УК РК могут быть раскрыты следующие понятия:

- Организация притона – создание условий для систематического занятия проституцией или оказания иных услуг сексуального характера, включая подбор лиц, предоставление помещений и распределение доходов.
- Содержание притона – обеспечение функционирования объекта на постоянной или систематической основе.
- Сводничество – посредничество между лицами, оказывающими услуги сексуального характера, и их клиентами с целью извлечения имущественной выгоды.

Вторая проблема заключается в разграничении организации притона и вовлечения лица в занятие проституцией или торговлю людьми. На практике суды нередко сталкиваются с трудностями в различении действий, направленных на создание условий для оказания сексуальных услуг, и деяний, связанных с принуждением или эксплуатацией уязвимого положения потерпевших. Данные деяния обладают разной степенью общественной опасности и требуют дифференцированной правовой оценки. По мнению К.А. Абишева, важно учитывать умысел и характер эксплуатации потерпевших при квалификации преступлений [7, с. 141].

Для устранения указанной проблемы предлагается закрепить разъяснения о дополнительной квалификации деяний в НПВС РК №7 [8].

С учетом структуры постановления целесообразно добавить новый пункт 12-2 после пункта 12-1 следующего содержания:

«12-2. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 309 УК РК, суды применяют дополнительную квалификацию деяний в случаях, когда организация или содержание притонов, а также сводничество, сопряжены с вовлечением лиц в занятие проституцией или торговлей людьми.

Деяния считаются сопряженными при наличии использования насилия, угроз, обмана или эксплуатации уязвимого положения потерпевшего.

Дополнительная квалификация осуществляется по совокупности с соответствующими статьями УК РК, регулирующими вовлечение в занятие проституцией или торговлю людьми.

Настоящий порядок не отменяет отдельной ответственности за организацию или содержание притонов и сводничество и применяется исключительно для уточнения совокупности норм при повышенной общественной опасности деяний».

Третья проблема – цифровизация преступлений в сфере организации притонов и сводничества. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к использованию информационно-коммуникационных технологий, включая сеть Интернет, мессенджеры и социальные сети, для поиска клиентов, координации противоправной деятельности и осуществления расчетов за оказываемые услуги.

Цифровая среда трансформирует способы совершения данных преступлений, повышая их латентность и усложняя выявление и доказывание. Использование анонимных аккаунтов, электронных платежных инструментов и защищённых каналов связи снижает риск уголовного преследования, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики с учетом цифровых факторов.

В целях обеспечения единообразия судебной практики представляется целесообразным внесение дополнений в НПВС РК №7. Предлагается включить соответствующие разъяснения в блок норм, посвященных вопросам квалификации преступлений, дополнив его новым пунктом 12-3:

«12-3. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 309 УК Республики Казахстан, судам следует учитывать, что деяния, связанные с организацией или содержанием притонов и сводничеством, совершённые с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая сеть Интернет, мессенджеры, цифровые платформы, образуют квалифицирующий признак совершения преступления с использованием сетей телекоммуникаций.

Под использованием информационно-коммуникационных технологий понимаются действия, направленные на организацию, координацию, обеспечение функционирования притона или осуществление сводничества, включая размещение объявлений, подбор клиентов, обмен информацией с участниками через цифровые сети. При наличии обстоятельств, свидетельствующих о том, что указанные деяния были сопряжены с вовлечением лиц в занятие проституцией либо торговлей людьми, судам следует квалифицировать такие деяния по совокупности соответствующих статей УК РК. Положения настоящего пункта применяются независимо от формального характера использования цифровых средств, если из материалов дела усматривается намерение виновного использовать сеть Интернет или другие цифровые ресурсы для достижения корыстной цели».

На основании проведенного анализа правоприменительной практики по статье 309 УК РК можно констатировать, что действующая норма в целом эффективно регулирует ответственность за организацию и содержание притонов, оказание иных услуг сексуального характера и сводничество, сохраняя комплекс квалифицирующих признаков. Вместе с тем, выявленные пробелы связаны не с самой конструкцией статьи, а с отсутствием четких дефиниций ключевых понятий и недостаточной проработкой механизмов квалификации смежных составов, в том числе с вовлечением лиц в занятие проституцией или торговлей людьми, а также с цифровыми формами совершения преступлений.

Для устранения этих проблем целесообразно закрепить определения понятий «организация притона», «содержание притона» и «сводничество» в статье 3 УК РК, что обеспечит единообразие правоприменения и устранил неоднозначные интерпретации судами.

Дополнительно, для повышения согласованности судебной практики предлагается внести уточнения в НП ВС РК № 7:

пункт 12-2 – уточнение, что использование информационно-коммуникационных технологий, включая сети Интернет, мессенджеры и цифровые платформы, является квалифицирующим признаком при совершении преступлений, регулируемых статьей 309 УК РК, с возможностью совокупного применения норм при повышенной общественной опасности деяний;

пункт 12-3 – закрепление дополнительной квалификации деяний статьи 309 УК РК в случаях, когда организация или содержание притонов, а также сводничество сопряжены с вовлечением лиц в занятие проституцией или торговлей людьми.

Реализация этих мер позволит обеспечить правовую определенность, повысить эффективность квалификации преступлений и единообразие судебной практики без изменения санкционной части ст. 309 УК РК. Такой подход укрепляет законность, учитывает современные цифровые реалии преступной деятельности и обеспечивает защиту прав личности и общественных интересов.

Список использованных источников:

1. Абишев К.А., Жунусов А.Б., Дулатбеков Н.С. и др. Организация притонов и сводничество: проблемы уголовного права: монография. – Нур-Султан : ЮрИздат, 2023. – 312 с.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 4.03.2026).
3. Муратова Н.М., Сарсенбаева Б.Б., Развитие компетенций профессиональной деятельности специалиста-криминалиста в условиях цифровой трансформации правоохранительной службы. Алматы: Вестник КазНУ, 2025, 127 – 136 с. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.26577/JAPJ2025115314> (дата обращения: 5.03.2026).
4. Ергали А.М., Амангельди Б.С., Проблемы противодействия преступности в сфере информационных технологий. Вестник КазНУ. Серия юридическая, Том 84 № 4, 2017, 141 – 145 с. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/950> (дата обращения: 5.03.2026).
5. Рахметов Б., Цифровая трансформация Казахстана: регулирование, развитие и вызовы // Цифровые технологии и право. 2025. № 1 (1). Казахский гуманитарный юридический университет имени М. С. Нарикбаева, г. Алматы. 359 – 366 с. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://inlibrary.uz/index.php/digteclaw/article/view/137014> (дата обращения: 5.03.2026).
6. Дулатбеков Н.С., Теоретические проблемы квалификации преступлений, Нур-Султан, 2021, – 312 с.
7. Абишев К.А., Актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений против общественной нравственности, Алматы: Юридическая литература, 2022, – 256 с.
8. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 декабря 2012 года № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми». // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P120000007S> (дата обращения: 26.03.2026).

УДК 34.343.2/.7

Кыдырова Айдана Нурбековна,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХИМИЧЕСКОЙ КАСТРАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье исследуется институт принудительных мер медицинского характера, применяемых в Республике Казахстан к лицам, страдающим педофилией, с особым акцентом на химическую кастрацию. Проанализированы правовые, медицинские и этические аспекты данной меры, а также ее место в системе уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования. Автор рассматривается эволюция казахстанского законодательства о химической кастрации с 2018 года в условиях ужесточения ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Особое внимание уделяется выявленным дисcreпанциям между нормами Уголовного кодекса Республики Казахстан и Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения». На основе проведенного анализа сформулированы выводы о своевременности, допустимости и целесообразности применения химической кастрации как принудительной меры медицинского характера. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства для устранения правовых пробелов и противоречий, повышения эффективности правоприменительной практики.

Ключевые слова: преступление; принудительные меры медицинского характера; химическая кастрация; половая неприкосновенность; педофилия; несовершеннолетние; наказание.

Аннотация: Мақалада Қазақстан Республикасында педофилиядан зардап шегетін тұлғаларға қолданылатын медициналық сипаттағы мәжбүрлеу шаралары институты, әсіресе химиялық кастрацияға баса назар аударылады. Бұл шараның құқықтық, медициналық, этикалық аспектілері, оның қылмыстық құқық пен қылмыстық-атқару жүйесіндегі орны талданады. Автор 2018 жылдан бастап химиялық кастрацияға қатысты қазақстандық заңнаманың эволюциясын кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылыққа қарсы қылмыстар үшін жазаны күшейту контекстінде қарастырады.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі мен Қазақстан Республикасының «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы» Кодексінің нормалары арасындағы анықталған сәйкессіздіктерге ерекше назар аударылады. Жүргізілген талдау негізінде медициналық сипаттағы мәжбүрлеу шарасы ретінде химиялық кастрацияны қолданудың уақтылылығы, рұқсат етілгендігі және орындылығы туралы қорытындылар жасалды. Құқықтық олқылықтар мен қайшылықтарды жою және құқық қолдану тәжірибесінің тиімділігін арттыру үшін заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар ұсынылады.

Түйінді сөздер: қылмыс; медициналық сипаттағы мәжбүрлеу шаралары; химиялық кастрация; жыныстық қол сұғылмаушылық; педофилия; кәмелетке толмағандар; жаза.

Abstract: This article examines the institution of compulsory medical measures applied in the Republic of Kazakhstan to individuals suffering from pedophilia, with a particular focus on chemical castration. The legal, medical, and ethical aspects of this measure, as well as its place in the criminal and penal enforcement regulation, are analyzed. The author examines the evolution of Kazakhstan's legislation on chemical castration since 2018, in the context of stricter liability for crimes against the sexual inviolability of minors.

Particular attention is paid to the identified discrepancies between the provisions of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and the Code of the Republic of Kazakhstan «On Public Health and the Healthcare System». Based on the analysis, conclusions are drawn regarding the timeliness, admissibility, and appropriateness of using chemical castration as a compulsory medical measure. Recommendations are offered for improving legislation to eliminate legal gaps and contradictions and to enhance the effectiveness of law enforcement practice.

Keywords: crime; compulsory medical measures; chemical castration; sexual inviolability; pedophilia; minors; punishment.

Современное состояние уголовно-правовой политики Республики Казахстан характеризуется усилением внимания к вопросам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, а также предупреждения преступлений против их половой неприкосновенности. Проблема преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних остается одной из наиболее актуальных в современном обществе. Республика Казахстан, следуя мировой практике защиты детей от сексуального насилия, внедрила и последовательно совершенствует механизм применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих педофилией. В условиях роста общественной опасности сексуальных преступлений, совершаемых в отношении детей, особую актуальность

приобретает проблема применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих педофилией.

Проблема сексуального насилия в отношении детей является одним из наиболее тяжких вызовов для любого цивилизованного общества. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних отличаются особой общественной опасностью, поскольку посягают на фундаментальные ценности – здоровье, нормальное психосексуальное развитие и саму безопасность детства. Согласно сведениям Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за период с 2023 года 2025 год рассматриваемая категория деяний отличается высоким уровнем латентности, сложностью раскрытия и, что представляет особую общественную опасность, значительными показателями рецидивности среди виновных лиц [1]. Именно проблема рецидивной преступности со стороны педофилов заставляет государства искать эффективные правовые и медицинские механизмы защиты потенциальных жертв. В настоящей статье основное внимание уделяется анализу правовых аспектов применения химической кастрации, выявлению межотраслевых противоречий и формулированию по их устранению.

На сегодняшний день Казахстан является одним из немногих государств на постсоветском пространстве, где химическая кастрация не просто декларируется в законе, но и активно применяется на практике. Важно подчеркнуть, что казахстанская модель базируется на понимании химической кастрации именно как меры медицинского характера, а не уголовного наказания. Этот концептуальный подход принципиален, поскольку определяет цели применения – не кару и возмездие, а лечение и снижение общественной опасности лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения. Химическая кастрация рассматривается не как альтернатива тюремному заключению, а как дополнительный механизм, призванный минимизировать риск рецидива после отбытия основного наказания.

Отечественным законодательством перенят международный опыт и с 2018 года внедрило возможность применения химической кастрации в качестве принудительной меры медицинского характера [2]. Однако правоприменительная практика первых лет применения химической кастрации выявила определенные пробелы и недостатки первоначальной модели регулирования, что потребовало дальнейшего совершенствования законодательства.

В мировой практике сформировались различные подходы к решению данной проблемы: от усиления уголовной репрессии и пожизненного заключения до применения специализированных медицинских интервенций. Особое место среди таких мер занимает химическая кастрация – метод фармакологического воздействия, направленный на снижение полового влечения у лиц с диагностированными расстройствами сексуального предпочтения. Указанный метод вызывает неоднозначную реакцию как в профессиональном сообществе, так и среди широкой общественности, порождая дискуссии на стыке медицины, философии, этики и прав человека.

«В современной правовой системе Республики Казахстан химическая кастрация рассматривается не как мера уголовного наказания, а как принудительная мера медицинского характера. Согласно позиции И.Ш. Борчашвили, процедура направлена на «предупреждение совершения новых преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних путем введения специализированных препаратов, снижающих половое влечение» [3, с.94]. Другие исследователи указывают на то, что «химическая кастрация не гарантирует исчезновение такого рода преступлений, однако способствует снижению их количества» [4, с.54]. По мнению автора С.С. Аралбаева, «такая мера нужна как часть комплексного механизма социальной защиты, так как она встроена в «хорошо развитый» правовой институт, направленный на охрану общества, даже если она не дает абсолютной гарантии исправления преступника» [5, с.13].

Правовое регулирование этой меры осуществляется на основании п.п. 3 и 5 ч.1 ст. 91 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) [6]. Ключевым условием применения химической кастрации является решение суда, вступившее в законную силу. Сама процедура назначается исключительно лицам, достигшим 18-летнего возраста и совершившим уголовное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Химическая кастрация – это применение медикаментов (антиандрогенных препаратов или гормональных средств), снижающих уровень тестостерона, либидо и способность к сексуальному возбуждению, с целью уменьшить вероятность сексуального насилия. В отличие от хирургической кастрации, при которой убираются половые железы, химическая кастрация потенциально обратима после прекращения лечения, хотя побочные эффекты могут сохраняться. Медицинские вмешательства включают введение препаратов, которые подавляют выработку половых гормонов, что приводит к снижению сексуальных желаний. Проводить химическую кастрацию в отношении осужденных

педофилов начинают непосредственно перед их освобождением, а не во время отбывания наказания, так как осужденный находится в местах лишения свободы, то есть в изоляции, и не представляет общественную опасность при отсутствии объекта посягательства.

С 1 октября 2025 года концептуальные изменения в порядке применения химической кастрации были внесены приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан [7]. Главным нововведением стало требование о проведении химической кастрации в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, за шесть месяцев до освобождения. Как отмечается в пояснительных материалах Министерства здравоохранения, ссылка такое решение принято для снижения риска рецидива после выхода преступников на свободу. Заблаговременное проведение процедуры позволяет сохранить действие препарата в наиболее опасный период – первые месяцы после освобождения, когда риск совершения новых преступлений максимально высок [8].

Изменения также уточняют правовые основания применения этой меры – ссылаясь на статьи УК РК и Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» (далее – Кодекс о здоровье) [6], [9].

В Кодексе о здоровье по вопросам о принудительных мерах медицинского характера в отношении лица с психическими, поведенческими расстройствами (заболеваниями) имеется дополнительная юридическая неопределенность и содержится прямое расхождение с УК РК в части классификации (видов) мер медицинского характера.

В ходе системного анализа нормативной правовой базы была выявлена критическая дескрипция и ряд ключевых противоречий в регулировании принудительных мер медицинского характера. УК РК в ч.1 ст. 93 устанавливает пять принудительных мер медицинского характера видов (амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра; принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа; принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа; принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением; химическая кастрация и лечение склонности к сексуальному насилию и расстройству сексуального предпочтения), где пятым видом мер прямо указана «химическая кастрация». При этом в Кодексе о здоровье (ч.2 ст.170,) при нормативном закреплении принудительных мер медицинского характера указывает только четыре вида (амбулаторное наблюдение и три типа стационаров). То есть, Кодекс о здоровье, как отраслевой нормативный правовой акт, который должен регулировать исполнение принудительных мер и давать их перечень, не учел положения уголовного закона о химической кастрации как вида такой меры, хотя в специальной ст. 152 процедура упоминается и дается ее понятие (химическая кастрация – прием пациентом препаратов, снижающих половое влечение, который осуществляется в медицинской организации на основании решения суда) [9]. Это создает правовой вакуум: общая статья о допустимых видах принудительного лечения, которая имеет исчерпывающий характер (ст. 170) не включает в себя химическую кастрацию, что затрудняет ее системное применение как части мер медицинского характера [9].

Также отмечается противоречие в статусе пациента, то есть Кодекс о здоровье (ч.3 ст. 170) прямо утверждает, что лицо, помещенное в стационар для принудительных мер, признается нетрудоспособным на весь период пребывания, когда в УК РК (ч.1 ст. 98) указывается, что химическая кастрация для осужденных к лишению свободы исполняется по месту отбывания наказания. Если химическая кастрация – это принудительная мера медицинского характера (согласно ст. 93 УК РК), а специализированный закон (ст. 170 Кодекса о здоровье) связывает такие меры с нетрудоспособностью, возникает вопрос: должен ли осужденный в учреждении уголовно-исполнительной системы, проходящий кастрацию, освобождаться от работ как нетрудоспособный? Статья 170 Кодекса о здоровье говорит только о стационарах, но кастрация часто проводится амбулаторно, и ее статус в плане трудоспособности в Кодексе о здоровье не прописан.

С точки зрения уголовного права, принудительные меры медицинского характера служат двум основным целям:

1. Лечение и коррекция состояния личности, способствующей снижению рецидивной опасности;

2. Защита общества и предотвращение новых преступлений (социальная защита).

На сегодняшний день в национальном законодательстве сохраняется критическая дескрипция между нормами уголовного и профильного медицинского права. Речь идет о правовом вакууме, возникшем вокруг статуса химической кастрации, то есть вышеуказанные противоречия между кодексами.

Такое упущение влечет за собой правовую неопределенность: базовые социальные и правовые гарантии, предусмотренные ст. 170 Кодекса о здоровье (включая вопросы социальной защиты и признания временной нетрудоспособности), формально не распространяются на лиц, в отношении которых применяется данная мера. Это создает серьезные препятствия для единообразной правоприменительной практики [9].

Исполнение принудительных мер медицинского характера в Казахстане осуществляется по месту отбывания лишения свободы. В частности, соответствующим медицинским учреждениям передается решение суда с указанием формы и порядка воздействия, включая постановку на диспансерный учет у врача-психиатра.

Новыми правилами детально регламентирован и подготовительный этап. Администрация учреждения уголовно-исполнительной системы обязана не позднее чем за двенадцать месяцев до истечения срока отбывания наказания направить материалы в суд для назначения судебно-психиатрической экспертизы. Цель экспертизы – решение вопроса о наличии (или отсутствии) у осужденного психических отклонений и склонностей к сексуальному насилию.

Важно отметить, что указанные положения не распространяются на осужденных, к которым по решению суда уже применяются принудительные меры медицинского характера в связи с выявленным у них психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

После вступления решения суда в законную силу лицо в течение трех рабочих дней ставится на учет у врача-психиатра в учреждении уголовно-исполнительной системы. Медицинские организации обеспечивают динамическое наблюдение за состоянием осужденного, контроль эффективности и безопасности применения препаратов. Решение об изменении или отмене принудительной меры медицинского характера принимает суд на основании заключения комиссии врачей-психиатров [2].

Особое внимание уделяется срокам и порядку выполнения химической кастрации:

1. Лицо становится на учет у психиатра в колониях в течение трех рабочих дней после решения суда;
2. Медицинские учреждения включают таких лиц в динамическое наблюдение и контролируют состояние;
3. Решение о назначении принудительных мер медицинского характера, изменения или отмене принимает суд на основе заключения психиатров.

Таким образом, в практике Казахстана принудительная мера медицинского характера – это не только юридическая формулировка, но уже реализуемый инструмент профилактики рецидивов.

Реформирование института химической кастрации в Казахстане осуществляется в правильном направлении, ориентированном на максимальную защиту детей от сексуального насилия при одновременном соблюдении процессуальных гарантий и прав лиц, подвергаемых принудительным мерам медицинского характера. Дальнейшее развитие законодательства должно основываться на балансе между интересами безопасности общества и правами человека, а также на научно обоснованных подходах к профилактике рецидивной преступности среди лиц, страдающих расстройствами сексуального предпочтения.

Проведенное исследование института химической кастрации как принудительной меры медицинского характера в отношении лиц, страдающих педофилией, в Республике Казахстан позволяет сформулировать ряд выводов и обобщений, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Казахстанское законодательство демонстрирует последовательный курс на ужесточение мер воздействия в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Ключевым элементом этого курса выступает химическая кастрация, квалифицируемая не в качестве уголовного наказания, а как принудительная мера медицинского характера. Этот подход представляется концептуально верным, поскольку он смещает акцент с карательной функции на лечебно-профилактическую, направленную на снижение общественной опасности лица и предотвращение рецидивов.

Таким образом, новые правила применения химической кастрации, введенные в 2025 году, позволяют начать лечебно-профилактическое воздействие заблаговременно, что значительно повышает шансы на снижение рецидивной опасности в постпенитенциарный период и усиливает защиту потенциальных жертв [7].

Выявленная коллизия между нормами УК РК и Кодекса о здоровье создает не только теоретическую несогласованность, но и порождает практические сложности при исполнении судебных решений. В связи с этим, для совершенствования законодательства, предлагается внести изменение в ч.2 ст. 170 Кодекса о здоровье, дополнив его пунктом пятым в следующей редакции:

«5) амбулаторное и стационарное применение принудительных мер медицинского характера, химическая кастрация и лечение склонности к сексуальному насилию и расстройства сексуального предпочтения.».

Дополнение направлено на приведение Кодекса о здоровье в соответствие с нормами УК РК о химической кастрации. Закрепление химической кастрации в перечне видов принудительных мер медицинского характера позволит устранить правовую неопределенность и сформировать единую непротиворечивую систему мер медицинского принуждения.

Список использованных источников:

1. Интернет-портал правовой статистики Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>
2. Об утверждении правил применения принудительной меры медицинского характера. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 15 декабря 2020 года № ҚР ДСМ-262/2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021810/links> (дата обращения: 04.01.2026).
3. Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 2015. – Том № 2. – 504 с.
4. Хышиктуев О.В., Калашникова В.И. Химическая кастрация педофилов и насильников: зарубежный опыт и возможность его применения в России // Вестник Бурятского государственного университета. – Юриспруденция. – 2020. № 2. – С. 51-59.
5. Аралбаев С.С. Принудительные меры медицинского характера. Иные меры уголовно-правового воздействия: Учебно-методическое пособие. – Костанай: КПУ имени Ахмет Байтұрсынұлы. – 2024. – 64 с.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 15.02.2026).
7. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 1 октября 2025 года № 102 «О внесении изменений в правила применения принудительной меры медицинского характера». [Электронный ресурс] – <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2500037010/links> (дата обращения: 15.02.2026).
8. Осужденных за педофилию будут кастрировать за полгода до освобождения в Казахстане. Республиканская общественно-политическая газета «LITER» <https://liter.kz/osuzhdennykh-za-pedofiliiu-budut-kastrirovat-za-polgoda-do-osvobozhdeniia-v-kazakhstane-1759903629/>
9. О здоровье народа и системе здравоохранения. Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК. [Электронный ресурс] – <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360/links> (дата обращения: 15.02.2026).

УДК 343.211

Молдахметова Мадина Амантайкызы,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА ГРАЖДАН ПЕРЕД ЗАКОНОМ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Принцип равенства граждан перед законом является одним из базовых начал современного уголовного права и уголовной политики демократических государств. Особое значение данный принцип приобретает на стадии назначения уголовного наказания.

В международно-правовой сфере равенство перед законом рассматривается как универсальный стандарт прав человека, обязательный для государств, при этом Республика Казахстан, являясь участником ключевых международных договоров, осуществила имплементацию данных положений в свое уголовное законодательство, учитывая организационно-профилактические аспекты противодействия уголовным правонарушениям.

Однако реализация этого принципа в национальном законодательстве имеет свои особенности, связанные с правовой системой, реализуемой правовой политикой, правоприменительной практикой и социально-правовым контекстом, что требует проведения углубленного анализа нормативных правовых актов, а также международно-правовых актов и правоприменительной практики в данной области. Автор в статье отразил особенности, проблемы реализации принципа равенства граждан перед законом в отечественном законодательстве при назначении уголовных наказаний с учетом международных стандартов по данному вопросу и пути решения имеющихся проблем.

Ключевые слова: равенство; закон; законность; наказание; правовая система; Уголовный кодекс; декларация; конвенция; международное право.

Аннотация. Азаматтардың заң алдындағы теңдігі қағидаты демократиялық мемлекеттердің қазіргі қылмыстық құқығы мен қылмыстық саясатының негізгі қағидаларының бірі болып табылады. Бұл қағида қылмыстық жаза тағайындау сатысында ерекше маңызға ие болады.

Халықаралық-құқықтық салада заң алдындағы теңдік мемлекеттер үшін міндетті адам құқықтарының әмбебап стандарты ретінде қарастырылады, бұл ретте Қазақстан Республикасы негізгі халықаралық шарттардың қатысушысы бола отырып, қылмыстық құқық бұзушылықтарға қарсы іс-қимылдың ұйымдастырушылық-профилактикалық аспектілерін ескере отырып, осы ережелерді өзінің қылмыстық заңнамасына имплементациялауды жүзеге асырды.

Алайда, бұл қағиданы ұлттық заңнамада іске асырудың құқықтық жүйемен, құқықтық саясатпен, құқық қолдану практикасымен және әлеуметтік-құқықтық контекстпен байланысты өзіндік ерекшеліктері бар, бұл осы саладағы нормативтік құқықтық актілерге, сондай-ақ халықаралық-құқықтық актілерге және құқық қолдану практикасына терең талдау жүргізуді талап етеді. Автор мақалада осы мәселе бойынша халықаралық стандарттарды және бар проблемаларды шешу жолдарын ескере отырып, қылмыстық жазаларды тағайындау кезінде отандық заңнамада азаматтардың заң алдындағы теңдігі қағидатын іске асырудың ерекшеліктерін, проблемаларын көрсетті.

Түйінді сөздер: теңдік; заң; заңдылық; жаза; құқықтық жүйе; Қылмыстық кодекс; декларация; конвенция; Халықаралық құқық.

Abstract. The principle of equality of citizens before the law is one of the basic principles of modern criminal law and the criminal policy of democratic states. This principle acquires special importance at the stage of assigning criminal punishment.

In the international legal sphere, equality before the law is considered as a universal human rights standard binding on States, while the Republic of Kazakhstan, being a party to key international treaties, has implemented these provisions into its criminal legislation, taking into account the organizational and preventive aspects of countering criminal offenses.

However, the implementation of this principle in national legislation has its own peculiarities related to the legal system, the implemented legal policy, law enforcement practice and the socio-legal context, which requires an in-depth analysis of normative legal acts, as well as international legal acts and law enforcement practice in this area. The author in the article reflected the features and problems of implementing the principle of equality of citizens before the law in domestic legislation when imposing criminal penalties, taking into account international standards on this issue and ways to solve existing problems.

Keywords: equality; law; legality; punishment; legal system; Criminal Code; declaration; convention; international law.

В международном праве принцип равенства граждан перед законом означает то, что все лица подлежат одинаковым правовым стандартам ответственности и наказания, независимо от их социального положения, пола, расы, национальности, языка, религии, политических убеждений или иного статуса.

Актуальность темы корреспондирует с постановлением Правительства Республики Казахстан от 1 апреля 2025 года за № 200 «Об утверждении Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025 – 2030 годы» где, указывается на единство Закона для всех без исключений и обязательность его исполнения каждым гражданином и организацией, что в практической плоскости выступает фундаментом правопорядка и обеспечивает справедливое применение норм независимо от должностного положения или заслуг.

Так, по итогам республиканского референдума, проведенного 15 марта 2026 года, обновленная Конституция Республики Казахстан закрепляет в качестве основополагающего принципа соблюдение прав и свобод человека и гражданина, при этом непосредственно в принятой Конституции прямо устанавливается положение о том, что все без исключения равны перед законом и судом (статья 16), что в свою очередь выступает незыблемым конституционным базисом национальной правовой системы и уголовно-правовой политики государства.

Для Республики Казахстан в условиях модернизации и гуманизации законодательства вопросы правовых принципов приобретают характер фундаментальной нормативной конструкции, при этом важнейшим среди них выступает принцип равенства граждан перед законом и судом, обеспечивающий соблюдение прав человека и доверие общества к государственным институтам. Указанное определяет своевременность и необходимость исследования.

Целью настоящей статьи является анализ принципа равенства граждан перед законом при назначении уголовных наказаний в международном праве и его сопоставление с положениями уголовного законодательства Республики Казахстан с вычленением проблемных аспектов и путей их разрешения.

Верно указывает М.С. Досымбекова: «Следует отметить, что в силу огромной социальной и международной значимости проблема обеспечения прав человека имеет свою вековую историю, философию, традиции и даже научную базу. В последние годы в связи с разворачиванием глобализации эксперты многих стран исследуют и рекомендуют разные эффективные системы обеспечения естественных и неотъемлемых прав человека и гражданина в связи с положениями соответствующих международно-правовых актов. В качестве основной теоретической базы для формирования институтов защиты прав человека выступает теория общественного договора. В результате анализа положений теории общественного договора (Т. Гоббс, Б. Спиноза, П. Гассенди, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.) большинство экспертов по правам человека считают, что современное государство и основные его институты должны формироваться на основе открытого и справедливого договора между гражданами страны. Из данной теории вытекает, что образованные на основе честного волеизъявления граждане страны, все государственные институты обязаны создавать все условия для реализации естественных прав человека и гражданина, а при необходимости – и эффективно их защищать.» [1, 33 стр.].

Результаты/обсуждение. Основополагающим источником о принципах права является Всеобщая декларация прав человека 1948 года (далее - Декларация), а именно статья 7, которая закрепляет равенство всех перед законом и право на равную защиту закона.

Статья 10 Декларации провозглашает право каждого на справедливое и публичное разбирательство независимым и беспристрастным судом [2].

Ключевое значение в данном контексте также имеет Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года (далее - Пакт), в соответствии со статьей 14 указанного Пакта, все лица признаются равными перед судами и трибуналами, а каждому гражданину гарантируется справедливое судебное разбирательство, что подтверждается практикой Комитета по правам человека ООН, который в своих Общих комментариях неоднократно подчеркивал необходимость соблюдения равенства сторон как неотъемлемого элемента справедливого суда [3].

Принцип равенства участников уголовного процесса наиболее детально раскрыт в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [4]. Так в статье 6 Конвенции закреплено право на справедливое судебное разбирательство, которое Европейский суд по правам человека трактует как включающее принцип равенства сторон.

Мы разделяем позицию К.Ж. Балтабаева, который отмечает: «Для понимания смысла современной уголовно-правовой политики и содержания правовых норм населением огромное значение имеют принципы уголовного права. Принципы права и, в частности, принципы уголовного

права, тесно связаны с морально-нравственными устоями общества и поэтому через принципы права перекидывается «мостик» между нормами права и обыденным сознанием людей. Нормы уголовного права основываются на нормах морали и нравственности. Уголовно-правовая наука доказала, что уголовно-правовое регулирование общественных отношений только тогда эффективно, когда оно соответствует нормам морали и нравственности. Все это свидетельствует о значимости принципов уголовного права.

К сожалению, в Казахстане и в УК 1997 г. и УК 2014 г. принципы уголовного права не нашли своего законодательного закрепления.

Также такая позиция законодателя вряд ли оправдана. В Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексе и во всех даже некодифицированных законах называются принципы этих отраслей, а в Уголовном кодексе, затрагивающем основные права и свободы человека, мы не находим принципы этого права.» [5, 45 стр.].

Исходя из вышеуказанного следует что, в Республике Казахстан принцип равенства закреплен на высшем конституционном уровне, при этом согласно статье 14 Конституции РК, все лица признаются равными перед законом и судом, а также устанавливается то что, никто не может подвергаться какой-либо дискриминации [7], что в свою очередь выступает в качестве фундамента для уголовного и уголовно-процессуального законодательства, включая вопросы назначения наказания и обеспечения справедливости в данной области, требуя проведения углубленного анализа нормативных правовых актов и актуальной правоприменительной практики.

Само же закрепление принципа в Уголовном кодексе РК, учтено в части 4 статьи 15 Уголовного кодекса РК, где прямо указано, что: «Лица, совершившие уголовные правонарушения, равны перед законом независимо от происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, места жительства или любых иных обстоятельств» [6].

В процессе назначения наказания суд в обязательном порядке руководствуется характером и степенью общественной опасности совершенного деяния, а также личностью виновного и установленными обстоятельствами, смягчающими и отягчающими уголовную ответственность согласно требованиям статей 52–54 УК РК, что выступает основой для обеспечения справедливости и требует проведения углубленного анализа нормативных правовых актов, а также правоприменительной практики в данной области противодействия правонарушениям.

Вместе с этим согласно, статье 46 УК РК: «Пожизненное лишение свободы может устанавливаться за совершение особо тяжких преступлений. Пожизненное лишение свободы не назначается лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, женщинам, лицам с инвалидностью первой или второй группы, мужчинам в возрасте шестидесяти трех и выше лет» [6].

В нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан за «О некоторых вопросах назначения уголовного наказания», в пункте 8 также указано, что «женщинам независимо от возраста, в котором они совершили преступление, пожизненное лишение свободы не назначается» [8].

Таким образом, напрашивается вывод о том что, казахстанское законодательство неизменно исходит из принципа формального равенства всех лиц при одновременной индивидуализации наказания, вместе с тем рассматривая применение данного принципа в законодательстве других стран можно увидеть весомые различия в назначении уголовного наказания за совершенные правонарушения относящихся к категории особо тяжких.

В частности, в таких странах как Сингапур или Великобритания отсутствует гендерное ограничение на назначение пожизненного срока, вследствие чего женщины, как и мужчины могут быть осуждены по этим статьям в полной мере, что в свою очередь требует проведения углубленного анализа нормативных правовых актов и правоприменительной практики в данной области в нашей республике.

Коробеев А.И. и Мальцев А.А. указывают на то, что, «Уголовное право Сингапура отличается особой спецификой. Уголовный кодекс Сингапура не дает понятия наказания и не указывает на какой-либо единый порядок его назначения. При рассмотрении каждого уголовного дела суды руководствуются санкциями соответствующих статей УК, предусматривающих ответственность за данное преступление, а также верхними пределами каждого наказания, установленными в ст. 303 УПК. Общие начала назначения наказания оставлены уголовно-правовой науке и правовому обычаю, являющемуся в Сингапуре источником права. Превенция в сингапурском уголовном праве, так же, как

и в российском, исходя из адресата разделяется на общую, направленную на всех лиц, и частную, реализуемую в отношении конкретного преступника». [9, 3 стр.]

Так, одним из примеров пожизненного назначения наказания в виде лишения свободы женщине служит рассмотрение громкого дела в Великобритании, в отношении британской медсестры Люси Летби, которая признана виновной в убийстве семи младенцев, и была приговорена к 14 пожизненным срокам [9].

Другим примером является Турция, где турецкий суд приговорил гражданку Сирии Ахлам Албашир к пожизненному заключению за совершение теракта в Стамбуле. Теракт произошел 13 ноября 2022 года на Истикляльском проспекте, оживленной улице, которая является популярным туристическим местом в Стамбуле. В результате взрыва погибли шесть граждан Турции, еще около 100 человек получили ранения. Суд вынес в общей сложности семь пожизненных приговоров в отношении Ахлам Албашир [11].

Таким образом, проведенный анализ международного опыта показывает, что институт пожизненного лишения свободы применяется в ряде иностранных государств без учета гендерных исключений и рассматривается как допустимая мера уголовно-правового воздействия за совершение наиболее опасных деяний в данной области. В указанных правовых системах ключевым критерием назначения пожизненного наказания выступает не личность виновного по формальным признакам, а исключительная общественная опасность совершенного преступления и наступившие тяжкие последствия, прежде всего массовая гибель людей или террористическая направленность деяния. Указанное полностью корреспондирует с принципом равенства, провозглашенном международными стандартами и национальным законодательством без привилегий по половому признаку.

Заключение/выводы. С учетом изложенного представляется возможным рассмотреть вопрос о заимствовании отдельных элементов данного подхода в национальное уголовное законодательство, при этом обоснованным может выступать отказ от абсолютного запрета на назначение пожизненного лишения свободы женщинам и внедрение строго ограниченного исключения, применимого лишь в случаях совершения особо тяжких преступлений, к примеру таких преступлений повлекших гибель четырех и более лиц, включая несовершеннолетних, а также террористических и экстремистских деяний, что целесообразно закрепить в законе в качестве специальной нормы, например в виде дополнительного пункта, предусматривающего что ограничения установленные для отдельных категорий лиц не распространяются на указанные преступления.

Предлагаем внести дополнения в часть 4 статьи 46 УК РК (Лишение свободы), дополнив его абзацем вторым в редакции:

«Положение части четвертой настоящей статьи не применяется к женщинам, совершившим террористическое преступление или экстремистское преступление».

Предлагаемая нами редакция позволит распространять пожизненное лишение свободы в отношении лиц женского пола и позволит хотя бы в части реализовать принцип равенства по половому признаку, а также обеспечить более полную реализацию принципов справедливости и соразмерности наказания. В этом случае принцип равенства всех перед законом будет реализован в его материальном, а не формально-декларативном понимании, при этом одновременное сохранение исключительного характера данной меры и ее применение лишь в строго определенных законом случаях, что позволит избежать необоснованного ужесточения уголовной репрессии и сохранить гуманистическую направленность уголовной политики государства, поскольку в конечном счете речь идет не о пересмотре базовых ценностей уголовного права, а о корректировке отдельных правовых механизмов в целях адекватного реагирования на преступления, представляющие крайнюю угрозу общественной безопасности и основам конституционного строя.

Анализируя то, как устроено правосудие за рубежом, трудно игнорировать факт, что во многих странах «женский вопрос» при назначении пожизненного срока просто не стоит. Там не смотрят на пол смотрят на то, сколько жизней унес террористический акт или насколько жестоким было преступление.

Нам, судя по всему, пора перестать воспринимать это как нечто недопустимое и подумать о внедрении элементов такой жесткой, но логичной модели в наш уголовный закон.

На наш взгляд, пора отходить от тотального запрета. Можно оставить его как общее правило, но сделать исключение для «запредельных» преступлений. Да, это выглядит как ужесточение, но по факту это переход к реальному равенству всех перед законом, но такой подход поможет обеспечить более полную реализацию принципа равенства. Это не отказ от гуманизма, а защита общества, которая в текущих реалиях является очень важной темой.

Список использованных источников:

1. Досымбекова М.С. О принципе уважения прав и свобод человека и гражданина // *International relations and international law Journal*, Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. – 2009– Т.44. – №.6. – С. 32-37.
2. Всеобщая декларация прав человека. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.02.2026).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 15.02.2026).
4. Европейская конвенция по правам человека, измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, вступившими в силу 1 июня 2010 г. Конвенция о защите прав человека и основных свобод г. Рим, 4.XI. 1950 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 13.02.2026).
5. Балтабаев К.Ж. Справедливое правосудие – критерий доверия общества// Сборник материалов международной научно-практической конференции «Права человека и справедливое правосудие: современные горизонты видения» – 7 декабря 2018 года – Астана – С. 44-47.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан. [Электронный ресурс] -Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения 14.02.2026).
7. Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения 14.02.2026).
8. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 25 июня 2015 года № 4. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500000004S> (дата обращения 14.02.2026).
9. Коробеев А.И., Мальцев А.А. Особенности института наказания в уголовном праве республики Сингапур // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право.* – 2014. – Т. 16. – №. 3-4. – С. 89-100.
10. Сонный С. «Я злой человек». В Британии осудили медсестру, убивавшую младенцев, изд. «Газета.ру» – 21 августа 2023 год. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/2023/08/21/17459912.shtml?utm_auth (дата обращения 14.02.2026).
11. Информбюро – 26 апреля 2024 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/ustroivsuyu-terakt-v-stambule-devusku-prigovorili-k-semi-poziznennym-srokam> (дата обращения 11.02.2026).

ӘОЖ 343.3/7

Мысжанов Нұртас Талғатович,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

ӘСКЕРИ ҚЫЗМЕТШІЛЕР АРАСЫНДАҒЫ ЖАРҒЫДАН ТЫС ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАР ҮШІН ҚЫЛЫСТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚТЫ ІСКЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақала әскери қызметшілер жасайтын қылмыстық құқық бұзушылықтарды, атап айтқанда бағыныштылық қатынастары болмаған жағдайда орын алатын жарғыдан тыс өзара қарым-қатынастарды талдауға арналған. 2020–2025 жылдар аралығындағы статистикалық деректер негізінде тіркелген құқық бұзушылықтардың динамикасы мен құрылымы, сондай-ақ осы санаттағы істер бойынша құқық қолдану тәжірибесінің ерекшеліктері қарастырылады. Тіркелген құқық бұзушылықтар санының өсуі және қылмыстық істердің едәуір бөлігінің ақтамайтын негіздер бойынша тоқтатылуы байқалатыны атап өтіледі. Әскери ұжымдардың ерекшеліктерімен және әскери қызмет өткеру жағдайларымен байланысты аталған үрдістің себептері талданады. Жәбірленушілерді қорғау тетіктерін жетілдіру және қылмыстық-құқықтық ықпал ету тиімділігін арттыру қажеттілігі негізделеді.

Түйінді сөздер: жарғыдан тыс қарым-қатынастар; әскери қызметшілер; әскери қылмыстық құқық бұзушылықтар; қылмыстық жауаптылық; құқық қолдану практикасы.

Аннотация. Статья посвящена анализу уголовных правонарушений, совершаемых военнослужащими, а именно неуставных взаимоотношений при отсутствии подчинённости. На основе статистических данных за 2020–2025 гг. рассматривается динамика и структура зарегистрированных правонарушений, а также особенности правоприменительной практики по делам данной категории. Отмечается рост количества зарегистрированных правонарушений и высокая доля прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Анализируются причины данной тенденции, связанные со спецификой воинских коллективов и условиями прохождения службы. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов защиты потерпевших и повышения эффективности уголовно-правового реагирования.

Ключевые слова: неуставные взаимоотношения; военнослужащие; воинские уголовные правонарушения; уголовная ответственность; правоприменительная практика.

Abstract. The article is devoted to the analysis of criminal offenses committed by military personnel, namely non-statutory relationships in the absence of subordination. Based on statistical data for 2020–2025, the dynamics and structure of registered offenses are examined, as well as the features of law enforcement practice in cases of this category. An increase in the number of registered offenses and a high proportion of terminated criminal cases on non-rehabilitating grounds are noted. The reasons for this trend related to the specifics of military collectives and the conditions of military service are analyzed. The need to improve mechanisms for the protection of victims and to enhance the effectiveness of criminal law responses is substantiated.

Keywords: non-statutory relations; military personnel; military criminal offenses; criminal liability; law enforcement practice.

Қазіргі уақытта орын алып отырған әскери қақтығыстар жағдайында, сондай-ақ Қазақстан Республикасы Қарулы Күштері мен ішкі әскерлерін реформалау және жаңғырту процесі аясында әскери қызметшілер арасындағы қылмыстылықты, оның себептері мен алдын алу шараларын зерттеудің маңызы арта түсуде.

Қазақстан Республикасын қарулы агрессиядан қорғау мемлекеттің аса маңызды функцияларының бірі болып табылады және бүкіл халықтың ісі саналады. Қазақстан Республикасы Конституциясының 36-бабының 1-тармағына сәйкес Қазақстан Республикасын қорғау оның әрбір азаматының қасиетті борышы мен міндеті болып табылады [1].

Қазақстан Республикасының азаматтары әскери қызметті заңда белгіленген тәртіппен және түрлер бойынша атқарады.

Қарулы Күштердің әскери жарғылары әскери бөлімдердің, басқармалардың, мекемелер мен ұйымдардың әскери қызметшілерінің әскери қызмет өткеру тәртібін нақты айқындайды. Әскери тәртіпті бұзғаны немесе құқық бұзушылық жасағаны үшін әскери қызметшілер тәртіптік, материалдық, әкімшілік және қылмыстық жауаптылықта болады.

Әскери қызметшілердің қылмыс жасағаны үшін жауаптылығы Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 18-тарауында («Әскери қылмыстық құқық бұзушылықтар») көзделген [2].

Қылмыстық кодекске сәйкес әскери қылмыстар деп осы тарауда көзделген және әскери қызмет өткерудің белгіленген тәртібіне қарсы бағытталған, Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерінде,

басқа да әскерлер мен әскери құралымдарда әскери қызмет өткеріп жүрген әскери қызметшілер жасаған әрекеттер танылады.

2020–2025 жылдар аралығындағы әскери қызметшілер жасаған құқық бұзушылықтар бойынша статистикалық деректерді талдау олардың жалпы санының өсу үрдісін көрсетеді. Атап айтқанда, 2020 жылы 445 жағдай тіркелсе, 2025 жылы олардың саны 524 жағдайға дейін артқан.

Ауырлық дәрежесі бойынша жүргізілген құрылымдық талдау құқық бұзушылықтардың басым бөлігін орташа және ауыр санаттағы құқық бұзушылықтар құрайтынын көрсетеді.

Ауыр құқық бұзушылықтардың саны бүкіл кезең бойы салыстырмалы түрде тұрақты деңгейде сақталған: 2020 жылы 129 жағдайдан 2025 жылы 139 жағдайға дейін. Орташа ауырлықтағы құқық бұзушылықтар саны 2020 жылғы 148 жағдайдан 2025 жылы 163 жағдайға дейін өскен.

Онша ауыр емес құқық бұзушылықтар саны 2020 жылғы 84 жағдайдан 2025 жылы 85 жағдайға дейін ғана артқан. Аса ауыр құқық бұзушылықтар жалпы құрылымда ең төмен үлесті алады. Олардың саны 2020 жылғы 4 жағдайдан 2024 жылы 18 жағдайға дейін артқанымен, 2025 жылы 6 жағдайға дейін төмендеген [3].

Осылайша, қарастырылып отырған кезеңде тіркелген құқық бұзушылықтардың жалпы санының өсуі байқалады. Бұл ретте олардың негізгі үлесін орташа және ауыр санаттағы құқық бұзушылықтар құрайды, ал аса ауыр құқық бұзушылықтар бірен-саран сипатта қалып отыр.

Әскери құқықтық тәртіпке елеулі қауіп төндіретін факторлардың бірі – әскери қызметшілер арасында бағыныштылық қатынастары болмаған жағдайда орын алатын жарғыдан тыс өзара қарым-қатынас қағидаларын бұзу болып табылады. Қазіргі уақытта әскери ұжымдардағы жарғыдан тыс қарым-қатынастар қылмыстық-криминогендік сипатқа ие құбылыс ретінде байқалуда.

2020-2025 жылдар аралығында Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 440-бабында көзделген қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша статистикалық деректерді талдау олардың тіркелу және тергелу динамикасын анықтауға мүмкіндік береді.

Қарастырылып отырған кезеңде тіркелген құқық бұзушылықтар санының жалпы өсу үрдісі байқалады. Мәселен, 2020 жылы 28 жағдай тіркелсе, 2025 жылы 83 құқық бұзушылық тіркелген.

Өндірісте болған қылмыстық істердің саны жалпы алғанда құқық бұзушылықтарды тіркеу динамикасына сәйкес келеді. 2020 жылы өндірісте 31 іс болса, 2025 жылы олардың саны 88 іске жеткен.

Бұл сондай-ақ сотқа дейінгі тергеп-тексеру органдарына түсетін жүктеменің арту үрдісін көрсетеді.

Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 440-бабында көзделген әрекеттің қоғамдық қауіптілігі оның әскери ұжымның бірлігін әлсіретуімен, мемлекеттің қорғаныс қабілетіне нұқсан келтіруімен, әскери іс-шаралардың жүзеге асырылуына және қабылданған шешімдердің орындалуына кедергі келтіруімен сипатталады.

Бөлімшелер мен әскери бөлімдер алдында тұрған міндеттерді тиімді орындау әскери қызметшілер арасындағы өзара құрметті, ұйымшылдықты және бір-біріне көмек көрсетуге дайындықты талап етеді.

Қылмыстың тікелей объектісі – бағыныштылық қатынастарына байланысты емес әскери қызметшілер арасындағы өзара қарым-қатынастардың белгіленген тәртібі, сондай-ақ жәбірленуші әскери қызметшілердің жеке басы, олардың өмірі мен денсаулығы, ар-намысы мен қадір-қасиеті болып табылады.

Қылмыстың объективтік жағы әскери қызметшілер арасындағы жарғылық өзара қарым-қатынас қағидаларын бұзудан көрініс табады. Мұндай әрекеттер ұрып-соғу, денсаулыққа жеңіл зиян келтіру, өзге де күш қолдану, жәбірленушінің ар-намысы мен қадір-қасиетін қорлау немесе оны мазақ ету түрінде көрініс табуы мүмкін [4, 244 б.].

Өзге күш қолдану деп ұрып-соғу болып табылмайтын күш қолданудың әртүрлі түрлері түсініледі: байлап қою, күш қолдану арқылы бостандығынан заңсыз айыру, сексуалдық сипаттағы зорлық-зомбылық әрекеттері, әртүрлі келемеждеу мен қорлау түрлері. «Өзге күш қолдану» ұғымына сондай-ақ физикалық күш қолдану қауіпін төндіру де жатады. Мұндай жағдайларда кінәлі тұлға қорқыту арқылы жәбірленушіні әскери қызметтің белгілі бір міндеттерін өз орнына орындауға, жеке сипаттағы қызметтер көрсетуге мәжбүрлейді, сол арқылы оның жеке қадір-қасиетін қорлайтын әрекеттер жасауға итермелейді.

Ар-намыс пен қадір-қасиетті қорлау міндетті түрде әдепсіз нысанда білдірілуі шарт емес. Әскери қызметшінің ар-намысы мен қадір-қасиетін кемсітетін кез келген сөздер мен өзге де әрекеттер жарғылық өзара қарым-қатынас қағидаларын бұзу ретінде қарастырылады. Мұндай қорлау әрекеттерінің жария түрде жасалуы да талап етілмейді. Ол жәбірленушінің қатысуынсыз да жасалуы мүмкін, алайда әрқашан оның өз көзінде қадір-қасиетін төмендетуге бағытталады.

Қорлау – жәбірленушінің ар-намысы мен қадір-қасиетін қорлайтын әрекет болып табылады және ол оның жеке басын келемеждеу, сондай-ақ оны адамдық қадір-қасиетін кемсітетін белгілі бір әрекеттерді жасауға немесе қандай да бір жұмыстарды орындауға мәжбүрлеу арқылы көрініс табады.

Әскери қызметшілер арасында бағыныштылық қатынастары болмаған жағдайда олардың арасындағы жарғылық өзара қарым-қатынас қағидаларын бұзу деп Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 440-бабының диспозициясында көзделген, бір әскери қызметшінің екінші әскери қызметшіге қатысты күш қолдануы түсініледі. Мұндай әрекеттер әскери қызметпен байланысты немесе олардың кемінде біреуі қызметтік міндеттерін орындау барысында жасалуы мүмкін, сондай-ақ өзге де жағдайларда орын алуы ықтимал. Алайда кез келген жағдайда ол әскери ұжымға айқын құрметсіздік танытумен және бөлімшедегі ішкі тәртіптің өрескел бұзылуымен ұштасады.

Күш қолдану ұрып-соғу немесе дене ауруын келтіру түрінде ғана емес, сондай-ақ мазақ ету, ар-намыс пен қадір-қасиетті қорлау, әскери қызметшілерге заттай немесе өзге де қамтамасыз ету ретінде берілген азық-түлік өнімдерін, киім-кешек пен өзге де мүлікті мәжбүрлеп айырбастау немесе алып қою арқылы да көрініс табуы мүмкін.

Мүліктік, неке-отбасылық және өзге де азаматтық-құқықтық қатынастардан немесе міндеттемелерден туындаған, әскери құқықтық тәртіпке қол сұғумен байланысты емес күш қолдану Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің жеке адамға қарсы қылмыстар, бөтен мүлікке қарсы қылмыстар және әскери қылмыстарға жатпайтын өзге де қылмыстар үшін жауаптылық көздейтін баптары бойынша саралануы тиіс.

Қылмыс әскери қызметшілер арасында бағыныштылық қатынастары болмаған жағдайда олардың арасындағы жарғылық өзара қарым-қатынас қағидалары бұзылған сәттен бастап аяқталған деп танылады. Мұндай бұзушылық ұрып-соғу, денсаулыққа жеңіл зиян келтіру немесе өзге де күш қолдану арқылы, сондай-ақ жәбірленушінің ар-намысы мен қадір-қасиетін қорлаумен не оны мазақ етумен көрініс табуы мүмкін.

Қылмыстың субъективтік жағы тікелей қасақаналықпен сипатталады. Кінәлі тұлға ұрып-соғу, денсаулыққа жеңіл зиян келтіру, өзге де күш қолдану, жәбірленушінің ар-намысы мен қадір-қасиетін қорлау немесе оны мазақ ету арқылы әскери қызметшілер арасындағы жарғылық өзара қарым-қатынас қағидаларын бұзып отырғанын ұғынады және осы әрекеттерді жасауды қалайды.

Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 440-бабы бойынша әскери қызметшінің басқа бір әскери қызметшіге қатысты әскери қызметпен және әскери тәртіпті бұзумен байланысты емес жеке қарым-қатынастар негізінде оның ар-намысы мен қадір-қасиетін қорлау немесе күш қолдану жағдайлары сараланбайды. Мұндай жағдайларда қылмыстық жауаптылық жеке адамға қарсы қылмыстар үшін көзделген тиісті баптар бойынша туындауы мүмкін.

Қылмыстың жасалу себептері мен мақсаттары саралау үшін шешуші мәнге ие болмайды, алайда олар жаза тағайындау кезінде ескерілуі мүмкін.

Қылмыстың субъектісі – арнайы субъект, яғни шақыру бойынша немесе келісімшарт бойынша әскери қызмет өткеріп жүрген әскери қызметші. Оларға Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерінің, басқа да әскерлер мен әскери құралымдардың сарбаздары мен матростары, сержанттары мен старшиналары, сондай-ақ офицерлік құрамдағы тұлғалар жатады. Бұл ретте аталған тұлғалар жәбірленушімен бағыныштылық қатынастарында болмауы тиіс, яғни қызметі бойынша да, әскери атағы бойынша да оның бастықтары немесе бағыныштылары болып табылмайды. Олар жәбірленушімен қызметтік жағдайы мен әскери атағы бойынша тең болуы мүмкін, сондай-ақ әскери атағы бойынша үлкен немесе кіші болуы ықтимал.

Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 440-бабының 1 және 2-бөліктерінде (қайталап жасалған жағдайда) көзделген құқық бұзушылықтар қылмыстық теріс қылықтарға жатады, өйткені санкцияда айыппұл, түзеу жұмыстары немесе қамаққа алу түріндегі жазалар көзделген. Бұл баптың санкциясында жаза түрі ретінде бас бостандығынан айыру қарастырылмаған.

Әскери қызметшілер арасында бағыныштылық қатынастары болмаған жағдайда олардың арасындағы жарғылық өзара қарым-қатынас қағидаларын бұзу, егер ол жәбірленушінің денсаулығына орташа ауырлықтағы зиян келтіруге әкеп соқса (Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 440-бабының 2-1-бөлігі), үш жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру жазасымен жазаланады, бұл орташа ауырлықтағы қылмыстар санатына жатады.

Ал 440-баптың 3 және 4-бөліктерінде көзделген әрекеттер ауыр қылмыстар санатына жатады.

Әскери қызметшілер арасында бағыныштылық қатынастары болмаған жағдайда олардың арасындағы жарғылық өзара қарым-қатынас қағидаларын бұзу, атап айтқанда ұрып-соғу, денсаулыққа жеңіл зиян келтіру немесе өзге де күш қолдану арқылы, сондай-ақ жәбірленушінің ар-намысы мен

қадір-қасиетін қорлаумен не оны мазақ етумен ұштасқан әрекеттер үшін көзделген санкциялардың осы қылмыстың қоғамдық қауіптілік дәрежесіне сәйкес келмеуі қазақстандық ғалымдардың зерттеу нысаны болып табылатын өзекті мәселелердің бірі болып табылады [5, 5 б.].

Аталған қылмыс түріне тән негізгі мәселелердің бірі – қылмыстық істердің едәуір бөлігінің ақтамайтын негіздер бойынша тоқтатылуы, көбінесе тараптардың татуласуына байланысты.

Осы санаттағы қылмыстық істер бойынша өндірісі аяқталған істердің көрсеткіші бүкіл қарастырылып отырған кезең ішінде тұрақты түрде жоғары деңгейде сақталып отыр. Мәселен, 2020 жылы 28 іс аяқталған, бұл өндірісте болған істер санының 90,3 %-ын құраса, 2025 жылы бұл көрсеткіш 88,6 %-ды құраған. Бұл аталған санаттағы құқық бұзушылықтар бойынша тергеп-тексеруді аяқтау тиімділігінің жеткілікті жоғары деңгейде екенін көрсетеді.

Сонымен қатар, аяқталған өндірістердің тек бір бөлігі ғана сотта қарауға жіберіледі. 2020 жылы сотқа 6 іс жолданған, бұл өндірісте болған істердің 19,4 %-ын және аяқталған істердің 21,4 %-ын құраған, ал 2025 жылы сотқа 18 іс жіберілген, бұл өндірісте болған істердің 20,5 %-ын және аяқталған өндірістердің 23,1 %-ын құрайды. Басқаша айтқанда, сотқа шамамен әрбір бесінші іс ғана жолданады.

Істерді процессуалдық тұрғыдан аяқтаудың ең кең таралған нысаны – оларды ақтамайтын негіздер бойынша тоқтату болып табылады. Мәселен, 2020 жылы 22 іс тоқтатылған, бұл өндірісте болған істердің 71,0 %-ын және аяқталған істердің 78,6 %-ын құраған, ал 2025 жылы бұл көрсеткіш 68,2 %-ды құрады. 2021–2024 жылдар аралығында бұл көрсеткіш іс жүзінде тұрақты деңгейде сақталған [6].

Осылайша, қылмыстық істердің шамамен 5 істің 4-і ақтамайтын негіздер бойынша тоқтатылады, ал сотқа жолданатын істердің үлесі салыстырмалы түрде төмен деңгейде қалып отыр — шамамен әрбір бесінші іс, бұл аталған санаттағы құқық бұзушылықтар бойынша құқық қолдану тәжірибесінің өзіндік ерекшеліктерін көрсетеді.

Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 440-бабында көзделген құқық бұзушылықтар бойынша тоқтатылған қылмыстық істердің жоғары үлесі қылмыстық жауаптылық мақсаттарына қол жеткізуде белгілі бір мәселелердің бар екенін көрсетеді. Жүргізілген статистикалық деректерді талдау нәтижелері көрсеткендей, қылмыстық істердің едәуір бөлігі ақтамайтын негіздер бойынша тоқтатылумен аяқталады, ал сотқа жолданатын істердің үлесі салыстырмалы түрде төмен деңгейде қалып отыр. Мұндай жағдай жазаның бұлтартпастығы қағидатын толық көлемде іске асыруға және жәбірленушілердің бұзылған құқықтарын қалпына келтіруге кедергі келтіретін факторлардың бар екенін көрсетуі мүмкін [7,111 б.].

Аталған үрдістің ықтимал себептерінің бірі әскери қызмет өткеру жағдайларының ерекшелігімен байланысты болуы мүмкін. Мұндай жағдайларда жанжалға қатысушылар — жәбірленуші мен күдікті — тұрақты және тығыз өзара қарым-қатынас жағдайында болады. Азаматтық құқық бұзушылықтардан айырмашылығы, онда тараптар әдетте тұрақты байланыста болмайды, ал әскери ұжымдарда әскери қызметшілер бір жерде бірге тұрады, әскери қызмет атқарады, тамақтанады, демалады және қызметтік міндеттерін бір кеңістікте орындайды. Мұндай жағдай жанжалға қатысушылар арасында тұрақты әлеуметтік-психологиялық тәуелділіктің қалыптасуына алып келеді [8, 212 б.].

Тараптардың тұрақты жақын қарым-қатынас жағдайында болуы жәбірленушілерге бейресми қысым көрсетуге ықпал етуі мүмкін. Мұндай қысым бұрын берілген айғақтардан бас тартуға немесе тараптардың татуласуына бағытталуы ықтимал. Қысым тікелей ықпал ету түрінде (қорқыту, психологиялық қысым, қызметтес әріптестер тарапынан ықпал ету) де, сондай-ақ әскери қызметті әрі қарай бірге өткеру қажеттілігімен және ұжым ішіндегі қарым-қатынастарды сақтау талаптарымен байланысты жанама тетіктер арқылы да көрініс табуы мүмкін [9, 36 б.]. Нәтижесінде жәбірленушілер қылмыстық қудалауды жалғастыру олардың әскери ұжымдағы әрі қарайғы қызметін қиындатуы мүмкін жағдайға жиі тап болады.

Сонымен қатар жабық әскери ұжым жағдайында корпоративтік ынтымақтастық пен бөлімшенің сыртқы тұрақтылығын сақтауға ұмтылыс маңызды рөл атқарады, бұл да процесс қатысушыларына жанама түрде әсер етуі мүмкін. Мұндай жағдайларда жәбірленушілер бастапқы ұстанымын өзгертуге, берген арыздарынан бас тартуға немесе қылмыстық қудалауды тоқтатуға келісуге бейім болуы мүмкін. Нәтижесінде қылмыстық істер сотта қаралмай-ақ аяқталып жатады.

Осылайша, аталған санаттағы құқық бұзушылықтар бойынша қылмыстық істердің тоқтатылу деңгейінің жоғары болуы әскери қызметтің ерекшеліктерімен және әскери ұжымдардың тұйық сипатымен байланысты объективті институционалдық факторлардың бар екенін көрсетеді. Бұл, өз кезегінде, қылмыстық-құқықтық ықпал ету тиімділігін төмендетіп, қылмыстық жауаптылықтың негізгі

мақсаттарына – әлеуметтік әділеттілікті қалпына келтіруге, кінәлі тұлғаларды түзетуге және жаңа құқық бұзушылықтардың алдын алуға қол жеткізуге кедергі келтіреді.

Осыған байланысты жәбірленушілерді қорғау тетіктерін және қылмыстық процестегі процессуалдық кепілдіктерді жетілдіру қажеттілігі туындайды. Мұндай шаралар қылмыстық процесс қатысушыларына ықтимал қысым көрсетуді барынша азайтуға, сондай-ақ жәбірленушілердің өз құқықтарын әскери қызметті әрі қарай өткеру барысында қандай да бір жағымсыз салдарлардан қауіптенбей жүзеге асыруына мүмкіндік беретін жағдайларды қамтамасыз етуге бағытталуы тиіс.

Жабық әскери ұжым жағдайында ішкі корпоративтік ынтымақтастық факторы, сондай-ақ бөлімшенің сыртқы тұрақтылығы мен басқарылуын сақтауға ұмтылыс ерекше маңызға ие болады. Аталған мән-жайлар қылмыстық процесс қатысушыларына жанама түрде ықпал етуі мүмкін. Соның салдарынан жәбірленушілер бастапқы ұстанымдарын өзгертіп, берген өтініштерінен бас тартуы немесе қылмыстық қудалауды тоқтатуға келісім білдіруі жиі кездеседі. Бұл, өз кезегінде, істердің едәуір бөлігінің сотта қаралмай аяқталуына алып келеді.

Осылайша, жүргізілген талдау аталған санаттағы құқық бұзушылықтар бойынша қылмыстық істердің едәуір бөлігінің ақтамайтын негіздер бойынша тоқтатылатынын көрсетеді. Бұл әскери қызметтің ерекшеліктерімен және әскери ұжымдардың жабық сипатымен байланысты объективті институционалдық факторлардың ықпалын білдіруі мүмкін. Мұндай жағдай қылмыстық-құқықтық ықпал ету тиімділігін төмендетіп, қылмыстық жауаптылықтың негізгі мақсаттарына – әлеуметтік әділеттілікті қалпына келтіруге, кінәлі тұлғаларды түзетуге және жаңа құқық бұзушылықтардың алдын алуға қол жеткізуді қиындатады.

Осыған байланысты жәбірленушілерді қорғау тетіктерін жетілдіру және қылмыстық процестегі процессуалдық кепілдіктерді күшейту қажеттілігі туындайды.

Атап айтқанда, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 440-бабының 1 және 2-бөліктерінің санкцияларын үш жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру жазасымен толықтыру ұсынылады. Сонымен қатар қылмыстық істерді ақтамайтын негіздер бойынша сотқа дейінгі тергеп-тексеру сатысында тоқтатуды алып тастап, мұндай шешімді тек сотта қарау барысында қабылдау мүмкіндігін белгілеу ұсынылады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылғы 30 тамыздағы республикалық референдумда қабылданған [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (жүгінген күні: 12.03.2026).
2. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z1607> (жүгінген күні: 12.03.2026).
3. «Құқық қорғау органдары қызметінің негізгі көрсеткіштері туралы мәліметтер». Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің құқықтық статистика және арнайы есепке алу органдарының порталы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/> (жүгінген күні: 13.03.2026).
4. Лагуткина Н.Б. Особенности преступлений, связанных с неуставными взаимоотношениями. Синтез науки и общества в решении глобальных проблем. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции 24 января 2025 г. – Б.241-244.
5. Шандаулов, Т.С. О совершенствовании законодательства и правоприменения по воинской преступности / Т.С. Шандаулов, Д.Ж. Муканов // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2020. – № 1. – Б. 40-46.
6. «Тіркелген қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы» № 1-М есеп нысаны Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің құқықтық статистика және арнайы есепке алу органдарының порталы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/> (жүгінген күні: 13.03.2026).
7. Карипова А.Т., Омаров Е.А., Шоткин Б.Ж. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением и взыскание процессуальных издержек: состояние и проблемы // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, № 4 (53), 2018. – Б.107-116.
8. Альмухаметов Р.Ш. Неуставные взаимоотношения» среди военнослужащих срочной службы в современной России: факторы и контексты. Мир экономики и управления, №4 (130). 2013. – Б.202-213.

9. Саковец И.И. Способы совершения и сокрытия нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Вестник Сибирского юридического института МВД России. №1 (50). 2023. – Б. 32-38.

ӘОЖ 343.43

Накипбеков Амангельды Умирханович,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ КОДЕКСІНІҢ 430-БАБЫНДА КӨЗДЕЛГЕН ҚЫЛМЫСТЫҢ СУБЪЕКТИВТІ БЕЛГІЛЕРІ

Аннотация. Мақалада ҚР ҚК 430-бабында көзделген қылмыстың субъективтік жағын саралаудың теориялық және практикалық мәселелері қарастырылады. Ерекше назар сот үкімін, сот шешімін немесе өзге де сот актісін не атқарушылық құжатты қасақана орындамау мен оны объективті себептерге байланысты орындау мүмкін еместігін ажырату мәселелеріне, сондай-ақ тұлғаның қасақаналығын анықтау мәселелеріне аударылады.

Құқық қолдану тәжірибесі мен статистикалық деректерді талдау нәтижесінде аталған қылмыс түрін саралау барысында туындайтын проблемалық мәселелер айқындалды. Мақаланың қорытынды бөлімінде автор практикалық қызметті одан әрі жетілдіруге бағытталған тұжырымдар мен ұсыныстар ұсынады.

Түйінді сөздер: сот үкімі; сот шешімі; сот актісі; сот үкімін, сот шешімін немесе өзге де сот актісін орындамағаны үшін қылмыстық жауаптылық; сот үкімін, сот шешімін немесе өзге де сот актісін орындауға кедергі келтіру; сот актілерін орындамау кезіндегі субъективтік жағы.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы квалификации субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 430 УК РК. Особое внимание уделяется вопросам установления умысла лица, разграничения умышленного неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо исполнительного документа и невозможности его исполнения по объективным причинам. В результате анализа правоприменительной практики, статистических данных, выявлены проблемные вопросы квалификации данного вида преступности. В заключительной части автором приводятся выводы и предложения по дальнейшему совершенствованию практической деятельности.

Ключевые слова: приговор суда; решение суда; судебный акт; уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта; воспрепятствование исполнению приговора суда, решения суда или иного судебного акта; субъективная сторона при неисполнении судебных актов.

Abstract. The article examines theoretical and practical issues related to the qualification of the subjective aspect of the crime предусмотренного Article 430 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Particular attention is paid to the issues of establishing the intent of the offender, as well as distinguishing intentional non-execution of a court verdict, court decision, or other judicial act or enforcement document from the impossibility of its execution due to objective reasons.

Based on the analysis of law-enforcement practice and statistical data, problematic aspects in the qualification of this type of crime are identified. In the concluding part of the article, the author presents conclusions and proposals aimed at further improving practical activities.

Keywords: court verdict; court decision; judicial act; criminal liability for non-execution of a court verdict, court decision or other judicial act; obstruction of the execution of a court verdict, court decision or other judicial act; the subjective aspect of non-execution of judicial acts.

Қазақстан Республикасы Конституциясының 13-бабына сәйкес әркімнің өз құқықтары мен бостандықтарын сотта қорғауға құқығы бар [1]. Осы конституциялық норма өз құқықтарын, бостандықтарын мен заңды мүдделерін қорғау үшін сотқа жүгіну құқығын ғана емес, егер борышкер сот шешімімен белгіленген өз міндеттемелерін ерікті түрде орындаса, сот шешімін орындауға ұмтылу құқығын да көздейді.

Заңды күшіне енген сот актілерін орындау сот жүйесінің тиімділігін қамтамасыз ететін, мемлекеттік биліктің сот тармағының функцияларын орындайтын маңызды мемлекеттік функциялардың бірі болып табылады. Сонымен қатар, қазіргі уақытта сот төрелігін қамтамасыз ету бойынша барлық міндеттер шешілген жоқ деп айтуға болады. Олардың ішіндегі ең өзектілігі - сот үкімін, сот шешімін немесе өзге де сот актісін не атқарушылық құжатты орындамау мәселесімен байланысты сот билігі беделінің проблемасы.

Бұл әрекеттердің қоғамдық қауіптілігі осы қылмысты жасайтын адамдардың басты мақсаттарының бірі сот төрелігін жүзеге асыруға және заңда белгіленген жаза мақсаттарына қол жеткізуге кедергі жасау болып табылатындығына байланысты.

Мәселен, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы Құқықтық статистика және арнайы есепке алу жөніндегі комитетінің мен Жоғарғы Сотының деректері бойынша жыл сайын сот

шешімінің орындалмау фактілерінің едәуір саны тіркеледі, ал іс жүзінде қылмыстық жауаптылыққа тарту деңгейі салыстырмалы түрде төмен болып қалады.

Мысалы, 2024-2025 ж.ж. кезеңінде Қазақстан Республикасы қылмыстық кодексінің (бұдан әрі - ҚР ҚК) 430 - бабы бойынша 126 қылмыс тіркелді, оның тек 3% - ы сотқа жіберілді, оңалту негіздері бойынша-95%, ақталмайтын негіздер бойынша-2% қылмыстық істер тоқтатылды [2].

Іс-әрекеттің осы түрін анықтау және тергеу кезінде туындайтын негізгі проблемалар ҚР ҚК 430-бабының заңнамалық регламентіндегі белгілі бір олқылықтар мен осы қылмыстық-құқықтық норманың белгілерін түсіндірудегі қиындықтар болып табылады [3].

Атап айтқанда, «орындамау» ұғымы салыстырмалы түрде кең тұжырымдалған және әртүрлі түсіндіруге мүмкіндік береді. Бұдан басқа, қаралып отырған қылмыстың субъективті тарапының бар екендігін куәландыратын фактіні анықтаған кезде борышкердің табысы туралы бухгалтериядан анықтама негізге алынады және оның негізінде сот шешімін орындау мүмкіндігінің бар екендігі туралы қорытынды жасалады. Бұл ретте борышкердің қажетті шығыстары есепке алынбайды, бұл ақпараттың дұрыс дәлелдемелік мәнін куәландырады және істің мән-жайын анықтауға ықпал етпейді.

Зерттеудің мақсаты - ҚР ҚК 430-бабында көзделген қылмыстың субъективтік жағын саралаудың ерекшеліктерін кешенді талдау, сондай-ақ заңнаманы және оны қолдану тәжірибесін жетілдіру жөнінде ұсыныстар әзірлеу.

Аталған мақсатқа қол жеткізу үшін зерттеудің міндеттері ретінде сот актілерін орындамау кезінде қасақаналықты анықтаудың ерекшеліктерін қарастыру, осы қылмысты саралау барысында құқық қолдану тәжірибесінде туындайтын проблемаларды айқындау, сондай-ақ қылмыстық заңнаманы жетілдіру жөнінде ұсыныстар әзірлеу белгіленеді.

Мақаланы жазу барысында зерттеу материалдары ретінде Қазақстан Республикасының заңды күшіне енген сот үкімін, сот шешімін немесе өзге де сот актісін не атқарушылық құжатты орындамағаны үшін қылмыстық жауаптылық мәселелерін реттейтін қылмыстық заңнамасының нормалары пайдаланылды.

Зерттеу барысында ғылыми танымның келесі әдістері қолданылды: қарастырылып отырған құбылысты даму барысында және басқа құқықтық институттармен өзара байланыста қарастыруға мүмкіндік берген диалектикалық әдіс; қылмыстық заңнама нормаларын талдау кезінде қолданылған формальды-заңдық әдіс; сот актілерін орындамағаны үшін жауаптылықты құқықтық реттеудің әртүрлі тәсілдерін салыстыруға мүмкіндік берген салыстырмалы-құқықтық әдіс; құқықтық статистика деректерін талдау үшін пайдаланылған статистикалық әдіс; сондай-ақ осы санаттағы қылмыстарды саралау кезінде туындайтын негізгі мәселелерді анықтауға мүмкіндік берген сот тәжірибесін талдау әдісі.

ҚР ҚК 430-бабында заңды күшіне енген сот үкімін, сот шешімін немесе өзге де сот актісін не атқарушылық құжатты орындамағаны үшін қылмыстық жауаптылық белгіленген. Бұл әрекетті жай ғана қылмыстық құқық бұзушылықтардың бір түрі ретінде қарастыруға болмайды, өйткені ол қоғамдық қауіптілігі анағұрлым жоғары құқыққа қарсы қол сұғушылықтың нысаны болып табылады.

Бұл, ең алдымен, тиімді сот жүйесінің мемлекет құрылымының маңызды элементі болуымен түсіндіріледі. Ол қоғамдағы даулар мен қақтығыстарды заң талаптарына сәйкес шешуді қамтамасыз етеді. Егер мемлекетте сот шешімдерін орындаудың тиімді тетігі болмаса, онда сот талқылауының мәні жоғалады, ал азаматтардың құқықтары мен бостандықтары, сондай-ақ қоғам мен мемлекеттің мүдделері тиісті деңгейде қорғалмай қалады [4, 437 б.].

ҚР ҚК 430-бабында көзделген қылмысты дұрыс саралау үшін қылмыстың субъективтік жағын дәл және дұрыс түсіндіру қажет. Субъективтік жағы қылмыс құрамының міндетті элементі бола отырып, тұлғаның жасалған әрекетке және оның салдарына қатысты ішкі психикалық қатынасын сипаттайды.

ҚР ҚК 430-бабында көзделген қылмыс құрамында субъективтік жақтың негізгі элементі ретінде кінәнің қасақана нысаны табылады. Бұл тұлғаның заңды күшіне енген сот актісінің бар екенін түсінетінін, оны орындау міндетін білетінін, сондай-ақ сот шешімін орындауға нақты мүмкіндігі бола тұра, алты айдан астам уақыт бойы оны орындаудан қасақана жалтаруын білдіреді.

Осылайша, ҚР ҚК 430-бабы бойынша әрекетті саралау үшін тікелей қасақаналықтың бар екенін анықтау қажет, бұл аталған құқық бұзушылықты саралау кезіндегі ең күрделі міндеттердің бірі болып табылады.

Сонымен қатар, құқық қолдану органдары көбінесе борышкер сот актісін орындауға кедергі келтіретін объективті жағдайларға, атап айтқанда қаржылық қаражаттың болмауына, мүлктік қиындықтарға немесе өзге де себептерге сілтеме жасайтын жағдайлармен жиі кездеседі..

Әрекетті саралау кезіндегі екіұштылыққа қолданыстағы қылмыстық заңнаманың өзі де себеп болып отыр, өйткені онда сот актісін қасақана орындамау мен оны орындаудың объективті мүмкін еместігі арасындағы айырмашылықты нақты айқындайтын критерийлер қарастырылмаған.

Сот шешімін орындамау әрекеті тікелей де, жанама қасақаналықпен де жасалуы мүмкін, ал сот үкімін, шешімін немесе өзге де сот актісін орындауға кедергі келтіру тек тікелей қасақаналықпен жүзеге асырылады деген пікір де бар [5, 935 б.]. Бұл тұжырым РФ ҚК 315-бабында (ҚР ҚК 430-бабы) көзделген екі баламалы қылмыс құрамының да құрылымы жағынан формальды болып табылатынына негізделген, демек олар тек тікелей қасақаналықпен жасалуы мүмкін [6].

С.А. Ступина мен Л.В. Долгушина субъективтік жағын талдау барысында заңды күшіне енген сот актісін орындамауға қатысты тікелей қасақаналық белгілерін анықтауға ерекше назар аудару қажет деп есептейді. Бұл ретте кінәлі адамның сот шешімін орындаудың нақты мүмкіндігіне қатысты психикалық қатынасын бағалау маңызды. Мұндай талдау нақты құқықтық қатынастарды нормативтік-құқықтық реттеуді ескере отырып жүргізілуі тиіс, себебі заңды күшіне енген сот актісі сол құқықтық қатынастар субъектілерінің құқықтарын қалпына келтіруге және қорғауға бағытталған [7].

Осы тұрғыда Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2003 жылғы 19 желтоқсандағы № 12 «Сот актілерін орындамағаны үшін жауаптылық туралы» нормативтік қаулысына назар аударған жөн, онда тек қасақана жасалуы мүмкін орындамау нысандары көрсетілген [8].

Атап айтқанда, аталған нормативтік қаулының 12-тармағына сәйкес сот актісін және атқарушылық құжатты орындамау деп «...борышкердің сот актісін орындау жөнінде шаралар қабылдамауы, өндіріп алуға жататын жалақыны және өзге де мүлікті жасыруы, жұмыс орны туралы, заңды тұлға құрмай кәсіпкерлік қызметтен алынатын табыстары туралы ақпарат бермеуі, міндеттемелерді орындаудан жалтару мақсатында мүлікті иеліктен шығару жөнінде мәмілелер жасасуы, сондай-ақ ақшалай қаражат пен мүлікті өзге мақсаттарға пайдалануына байланысты басқа да әрекеттер» танылады.

Ал аталған нормативтік қаулының 13-тармағына сәйкес «...сот актісін немесе атқарушылық құжатты орындауға кедергі келтіру деп олардың орындалуын мүмкін емес ететін кез келген қасақана әрекеттер (әрекетсіздік) түсініледі».

Осылайша, кедергі келтіру сот орындаушысының тізімге алуына, бағалауына, мүлікке тыйым салуына, сауда-саттық жүргізуіне, борышкердің мүлкі болуы мүмкін тұрғын және өзге де үй-жайларды, қоймаларды қарауына қолжетімділікті шектеу арқылы көрініс табуы мүмкін. Сондай-ақ ұйым-жұмыс берушінің атқарушылық құжат бойынша берешекті өтеу мақсатында борышкердің табысынан ақша қаражаттарын ұстап қалуды жүзеге асырмауы, табыстарды жасыру мақсатында сот орындаушысына белгісіз шоттарды ашуы және орындауға кедергі келтіретін басқа да әрекеттер (әрекетсіздік) арқылы жүзеге асырылуы мүмкін.

Бұдан басқа, аталған нормативтік қаулының 1-1-тармағына сәйкес «борышкердің сот актісін немесе атқарушылық құжатты белгілі бір бөлігінде немесе толық көлемде орындауға нақты мүмкіндігінің болмауы тұлғаны әкімшілік немесе қылмыстық жауаптылыққа тарту мүмкіндігін жоққа шығарады».

Сонымен қатар, «сот актісін немесе атқарушылық құжатты орындаудың нақты мүмкін еместігі бағалау сипатына ие ұғым болып табылады және оның бар-жоғы туралы қорытынды тараптар ұсынған дәлелдемелерді, оның ішінде борышкердің мүліктік жағдайын, отбасы құрамын және оның жағдайын (мәртебесін) ескере отырып, толық, жан-жақты әрі объективті талдау негізінде жасалуы тиіс».

Осылайша, субъективтік жақ шеңберінде заңды күшіне енген сот актісін орындамауға қатысты тікелей қасақаналық белгілерін анықтауға ерекше назар аудару маңызды. Бұл ретте кінәлі тұлғаның сот актісін орындаудың нақты мүмкіндігіне қатысты психикалық қатынасын бағалау қажет. Мұндай талдау нақты құқықтық қатынастарды нормативтік-құқықтық реттеуді ескере отырып жүргізілуі тиіс, өйткені заңды күшіне енген сот актісі сол құқықтық қатынастар субъектілерінің құқықтарын қалпына келтіруге және қорғауға бағытталған.

Сот актісін орындаудың нақты мүмкін еместігін анықтау қылмыстық іс жүргізу барысында жан-жақты зерттелуі тиіс. Тиісінше, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 430-бабы бойынша қылмыстық жауаптылыққа тарту тек сот актісін осы баптың 1-бөлігінде белгіленген мерзімдерде орындамау фактісіне немесе оны орындауға кедергі келтіру туралы мәліметтердің болуына негізделуі тиіс.

Жүргізілген зерттеу нәтижесінде Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2003 жылғы 19 желтоқсандағы № 12 «Сот актілерін орындамағаны үшін жауаптылық туралы» нормативтік қаулысы заңды күшіне енген сот үкімін, сот шешімін немесе өзге де сот актісін не атқарушылық құжатты орындамау, сондай-ақ олардың орындалуына кедергі келтіру белгілерін толық көлемде ашып

көрсететіні және мұндай әрекеттердің қылмыстық жауаптылыққа әкеп соғатын құқық бұзушылық ретінде қарастырылатыны туралы қорытындыға келдік.

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 430-бабын досудебное өндіріс барысында түсіндіруде әртүрлі көзқарастар мен екіұшты түсіндірулерді болдырмау мақсатында сот актілерін орындамау кезінде қасақаналықты анықтау критерийлерін қамтитын, досудебное тергеу органдарына арналған бірыңғай әдістемелік ұсынымдарды әзірлеу қажет.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Конституция 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды;
2. Тіркелген қылмыстар және қылмыстық қудалау органдарының 2024-2025 жылдарға арналған нәтижелері туралы есеп // Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы құжаттар комитетінің ақпараттық қызметі. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (жүгінген күні: 04.03.2026);
3. Қазақстан Республикасының қылмыстық кодексі. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 04.03.2026);
4. Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан (Особенная часть). Том 2. – Алматы: Жеті жарғы. – 2021. – 1152 с.;
5. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. - Москва : Эксмо, 2005. - 1086 с.;
6. Сасин А. А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта как преступление против правосудия // Общество и право. 2011. №4 (36). [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://cyberleninka.ru/article/n/neispolnenie-prigovora-suda-resheniya-suda-ili-inogo-sudebnogo-akta-kak-prestuplenie-protiv-pravosudiya> (жүгінген күні: 04.03.2026);
7. Ступина С. А., Долгушина Л. В. Особенности установления субъективных признаков неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Право и государство: теория и практика. 2025. №1. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ustanovleniya-subektivnyh-priznakov-neispolneniya-prigovora-suda-resheniya-suda-ili-inogo-sudebnogo-akta> (жүгінген күні: 04.03.2026);
8. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2003 жылғы 19 желтоқсандағы № 12 «Сот актілерін орындамағаны үшін жауаптылық туралы» нормативтік қаулысы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P03000012S> (жүгінген күні: 04.03.2026).

УДК 343.8:004

Насиров Немэт Интигам оглы,
доцент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Саратов, Российская Федерация

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется деятельность уголовно-исполнительной системы России в условиях цифровизации. Внедрение инновационных технологий в деятельность уголовно-исполнительной системы способствовало повышению уровня эффективности осуществления административно-управленческой деятельности, исправительного воздействия на сознание и волю осужденных, контроля за поведением осужденных и лиц, подвергнутых уголовно-процессуальным мерам пресечения. В заключительной части работы сформулировано предложение о внедрении в деятельность уголовно-исполнительной системы России технологий искусственного интеллекта, которые окажут существенную помощь в исчислении срока отбывания наказания, составлении ответов на типичные вопросы, поступающие от осужденных и его родственников.

Ключевые слова: цифровая трансформация; информационные технологии; искусственный интеллект; научно-технический прогресс; уголовно-исполнительная система; осужденный; исправление осужденных; дистанционный контроль; образование; телефонный разговор.

Аннотация. Мақалада Ресейдің қылмыстық-атқару жүйесінің цифрландыру жағдайындағы қызметі талданады. Қылмыстық-атқару жүйесінің қызметіне инновациялық технологияларды енгізу әкімшілік-басқару қызметін жүзеге асырудың, сотталғандардың санасы мен еркіне түзеу әсерінің, сотталғандар мен қылмыстық-процестік бұлтартпау шараларына ұшыраған адамдардың мінез-құлқын бақылаудың тиімділік деңгейін арттыруға ықпал етті. Жұмыстың соңғы бөлігінде Ресейдің қылмыстық-атқару жүйесінің қызметіне жасанды интеллект технологияларын енгізу туралы ұсыныс тұжырымдалды, бұл жазаны өтеу мерзімін есептеуге, сотталғандар мен оның туыстарынан келетін типтік сұрақтарға жауап дайындауға айтарлықтай көмек көрсетеді.

Түйінді сөздер: цифрлық трансформация; ақпараттық технологиялар; жасанды интеллект; ғылыми-техникалық прогресс; қылмыстық-атқару жүйесі; сотталған; сотталғандарды түзету; қашықтықтан бақылау; білім беру; телефон арқылы сөйлесу.

Abstract. The article analyzes the activities of the Russian penal system in the context of digitalization. The introduction of innovative technologies into the activities of the penal enforcement system has contributed to an increase in the effectiveness of administrative and managerial activities, correctional effects on the consciousness and will of convicts, and control over the behavior of convicts and persons subjected to criminal procedural preventive measures. In the final part of the work, a proposal is formulated to introduce artificial intelligence technologies into the activities of the Russian penal system, which will provide significant assistance in calculating the length of time served and answering typical questions from convicts and their relatives.

Keywords: digital transformation; information technology; artificial intelligence; scientific and technological progress; penal enforcement system; convict; correction of convicts; remote control; education; telephone conversation.

Достижения человечества в области высоких технологий привели к масштабной цифровизации всех сфер жизнедеятельности. Передовые разработки, основанные на научных открытиях и инженерных инновациях, активно используются в повседневной жизни людей. Российская Федерация придает важное значение развитию информационного общества, искусственного интеллекта и иных наукоемких технологий. В целях успешной реализации названных направлений политики государства, публичная власть приняла ряд нормативных актов и документов стратегического характера. В качестве примера можно указать Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], Федеральный закон от 29 июля 2017 г. №216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» [3], Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [4], Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. №203) [5], Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019

г. №490) [6], Приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших наукоемких технологий (утв. Указом Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529) [7].

Наблюдаемая непрерывная цифровая трансформация социальных институтов не обошла стороной и уголовно-исполнительную систему России. Официальная позиция по данному вопросу нашла ярко выраженное отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года [8]. Вводится последовательная организационно-правовая работа по обновлению нормативной базы уголовно-исполнительной системы и модернизации ее материально-технического потенциала с учетом достижений в области высоких технологий.

Основываясь на правовых положениях и материалах правоприменительной практики условно можно выделить три направления использования продуктов научно-технического прогресса в деятельности уголовно-исполнительной системы России:

- введение документооборота и межведомственное взаимодействие с применением информационных технологий;
- осуществление дистанционного контроля за поведением осужденных и лиц, в отношении которых применены уголовно-процессуальные меры пресечения;
- осуществление мероприятий по исправлению и социальной реабилитации осужденных.

Считаем уместным тезисно охарактеризовать вышеуказанные направления уголовно-исполнительной практики.

Электронный документооборот оказывает колоссальную помощь сотрудникам уголовно-исполнительной системы России в своевременной организации процесса обмена служебными документами и управлении их движениями. Система межведомственного электронного взаимодействия помогает уголовно-исполнительной системе России оперативно координировать свою деятельность со структурными подразделениями и территориальными органами, а также передавать имеющихся в ее распоряжении сведений в электронном виде заинтересованным государственным органам. Внедрение в деятельность уголовно-исполнительной системы России инновационных технологий разгрузило заметную часть служебного времени ее сотрудников, позволяя им сконцентрировать свое внимание на решении иных профессиональных задач.

В уголовно-исполнительной практике активное использование информационных технологий наблюдается в процессе осуществления контроля за поведением отдельной категории осужденных и лиц, в отношении которых применены уголовно-процессуальные меры пресечения. В частности, в процессе исполнения уголовных наказаний в виде ограничения свободы, принудительных работ, лишения свободы, а также в местах содержания под стражей могут быть использованы аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля. Правовое основание их применения предусмотрено ст. 60, 60.19, 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [9] и ст. 34 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [10], а порядок использования регламентирован Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198 [11], Распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2016 г. № 2932-р [12] и приказами Минюста России от 19 сентября 2017 г. № 170 и от 30 ноября 2023 г. № 359 [13, 14]. Осуществление дистанционного контроля за поведением лиц, в отношении которых применены меры государственного принуждения, способствует своевременному выявлению сотрудниками ФСИН России пенитенциарно-правовых обстоятельств и их правовой оценке.

В последние годы в отечественной пенитенциарной практике наблюдается использование информационных технологий в организации мероприятий, направленных на исправление осужденных и их социальную реабилитацию. В частности, создаются условия для получения осужденным к лишению свободы высшего образования с применением дистанционных технологий и поддержания ими контакта с родственниками с использованием видеосвязи. Действующее законодательство Российской Федерации допускает возможность получения осужденным к лишению свободы высшего образования только в заочной форме. В целях содействия осужденному в реализации гарантированного ему Конституцией РФ [15] права на получение высшего образования, ФСИН России активно заключает соглашения с образовательными организациями, реализующими программы высшего образования с применением дистанционных образовательных систем.

Российское уголовно-исполнительное законодательство гарантирует осужденному к лишению свободы право на телефонные разговоры с родственниками (ст. 92). При отсутствии технических возможностей их количество может быть ограничено до двенадцати в год с продолжительностью каждого разговора до 15 минут. При наличии объективных обстоятельств, телефонные переговоры

могут предоставляться с использованием систем видеосвязи. Для этих целей исправительные учреждения оснащаются абонентским устройством, техническая возможность которого способна обеспечить интерактивную дистанционную межличностную коммуникацию с передачей аудио и видео данных в реальном времени. Лица, отбывающие уголовное наказание в виде лишения свободы, также имеют возможность вести электронную переписку с родственниками посредством информационных терминалов, установленных в исправительных учреждениях.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что в Российской Федерации цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы уделяется особое внимание. Она позволяет эффективно осуществлять административно-управленческую деятельность, исправительное воздействие на сознание и волю осужденных, контроля за поведением осужденных и лиц, в отношении которых применены уголовно-процессуальные меры пресечения. Одновременно следует констатировать, что научно-технический прогресс не стоит на месте, а движется вперед интенсивными темпами. Отдельные отечественные и зарубежные ученые уже предлагают технологии искусственного интеллекта, имитирующие когнитивные функции человека. Они успешно используются в отдельных сферах жизнедеятельности. Считаем возможным внедрение аналогичных технологий в деятельность уголовно-исполнительной системы России с возможностью решения интеллектуальных задач в виде исчисления срока отбывания наказания и составления ответов на поступающие типичные вопросы от осужденных и их родственников.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения: 20.02.2026).
2. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.garant.ru/71732778/> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.garant.ru/73945195/> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/?ysclid=mn056j2g6o410672520 (дата обращения: 20.02.2026).
5. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/?ysclid=mmzxe8vly1925814919> (дата обращения: 22.02.2026).
6. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 22.02.2026).
7. Указ Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409113212/?ysclid=mmzxcg2lkgg260179026> (дата обращения: 22.02.2026).
8. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/?ysclid=mmx3iotwj271043365> (дата обращения: 24.02.2026).
9. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ [Электронный ресурс] - Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/?ysclid=mmx3a5bbw0508229361 (дата обращения: 20.02.2026).

10. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.garant.ru/1305540/> (дата обращения: 20.02.2026).

11. Постановление Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-31032010-n-198/?ysclid=mmx3ewcj67936327964> (дата обращения: 24.02.2026).

12. Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2016 г. № 2932-р «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных центров для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-31122016-n-2932-r-ob-utverzhdanii/?ysclid=mmx3htv6rf813753809> (дата обращения: 22.02.2026).

13. Приказ Минюста России от 19 сентября 2017 г. № 170 (ред. от 20.11.2025 г.) «Об утверждении Порядка применения технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://sudact.ru/law/prikaz-miniusta-rossii-ot-19092017-n-170/?ysclid=mmx3jm2do8895104865> (дата обращения: 24.02.2026).

14. Приказ Минюста России от 30 ноября 2023 г. № 359 «Об утверждении Порядка применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и Порядка применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408010089/?ysclid=mn0075z0fp798636778> (дата обращения: 24.02.2026).

15. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 20.02.2026).

ӘОЖ 343.971

Нұрмағанбетов Батырбек Қалдыбекұлы
 Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы
 Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
 Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ЖАСӨСПІРІМДЕР СУИЦИДІН АЛДЫН АЛУ: ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ПРАКТИКАСЫ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ

Аннотация. Мақалада жасөспірімдер арасындағы суицидтің алдын алу мәселелері құқық қолдану практикасы және халықаралық тәжірибе тұрғысынан қарастырылады. Зерттеу барысында Қазақстан Республикасының қылмыстық және қылмыстық-процестік заңнамасы, сотқа дейінгі тергеп-тексеру материалдары, сондай-ақ Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының ұсынымдары мен шетелдік мемлекеттердің профилактикалық модельдері талданды. Мемлекеттік органдардың, білім беру, медициналық және әлеуметтік мекемелердің ведомствоаралық өзара іс-қимылының өзекті проблемалары айқындалып, жасөспірімдер суицидінің алдын алуды жетілдіруге бағытталған ғылыми-негізделген ұсыныстар тұжырымдалды.

Түйінді сөздер: жасөспірімдер; суицид; алдын алу; құқық қолдану практикасы; халықаралық тәжірибе; прокурорлық қадағалау; ведомствоаралық өзара іс-қимыл.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы профилактики суицида среди подростков с точки зрения правоприменительной практики и международного опыта. В ходе исследования проанализированы уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, материалы досудебного расследования, а также рекомендации Всемирной организации здравоохранения и профилактические модели зарубежных государств. Выявлены актуальные проблемы межведомственного взаимодействия государственных органов, образовательных, медицинских и социальных учреждений, сформулированы научно обоснованные предложения, направленные на совершенствование профилактики подросткового суицида.

Ключевые слова: подростки; суицид; профилактика; правоприменительная практика; международный опыт; прокурорский надзор; межведомственное взаимодействие.

Abstract. The article examines the issues of preventing suicide among adolescents from the perspective of law enforcement practice and international experience. The study analyzes the criminal and criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan, materials of pre-trial investigations, as well as the recommendations of the World Health Organization and preventive models of foreign countries. Current problems of interagency cooperation among state authorities, educational, medical, and social institutions are identified, and scientifically grounded proposals aimed at improving the prevention of adolescent suicide are formulated.

Keywords: adolescents; suicide; prevention; law enforcement practice; international experience; prosecutorial supervision; interagency cooperation.

Жасөспірімдер арасындағы суицидті болдырмау – қазіргі қоғамның ең өзекті әлеуметтік мәселелерінің бірі. Бұл феномен жеке тұлғаның психологиялық жағдайына ғана емес, сонымен бірге құқық қолдану практикасына, қоғамның әлеуметтік-экономикалық ортаға бейімділігіне және мемлекеттік саясаттың тиімділігіне тікелей байланысты. Соңғы жылдары әлемдік қауымдастық (World Health Organization) жасөспірімдер арасындағы суицидтік мінез-құлықты профилактикалаудың кешенді стратегияларын әзірлеуге ерекше мән беріп отыр.

Елімізде жасөспірімдер суицидінің алдын алу мәселесі мемлекеттік деңгейде жаңа серпін алды. Қазақстан Республикасының Президенті Қасым-Жомарт Тоқаев 2025 жылғы 8 қыркүйектегі Қазақстан халқына Жолдауында балалардың құқықтарын қорғауға кешенді көзқарас қалыптастырудың және балалық шақты қорғау саласындағы профилактикалық шараларды күшейтудің маңыздылығын атап өтті [1].

Бұл Жолдауда жасөспірімдердің қауіпсіз ортасын қамтамасыз ету, олардың психологиялық саулығын қолдау және әлеуметтік бейімделуін нығайту – мемлекеттің стратегиялық басым міндеті ретінде айқын көрсетілген.

Зерттеулер нәтижесінде, жасөспірімдердің суицидтік мінез-құлқының алдын алуда жүйелі тәсілдің, ведомствоаралық өзара іс-қимылдың және құқықтық механизмдерді тиімді қолданудың маңыздылығы атап өтіледі (Shaffer et al., 1996; Nock & Joiner, 2012) [2, 25 б]. Сонымен қатар, отандық ғалымдар бұл мәселеге психологиялық және әлеуметтік факторлар тұрғысынан терең талдау жасағанмен, құқық қолдану аспектісі мен прокурорлық қадағалау тәжірибесі тиісті деңгейде зерделенуді қажет ететінін көрсетуде [3, 164-170 б].

Осы тұрғыдан алғанда, құқық қолдану практикасы мен халықаралық тәжірибе негізінде жасөспірімдер суицидінің алдын алудың тиімді тетіктерін анықтау — қазіргі заманның ғылыми–практикалық талабы болып отыр. Бұл мәселе мемлекеттік органдардың, құқық қорғау құрылымдарының, білім беру және әлеуметтік институттардың өзара үйлесімді әрекетін қамтамасыз ету қажеттігін көрсетеді.

Осы саладағы құқықтық нормалар мен тәжірибелерді жүйелі түрде талдау халықаралық тәжірибемен салыстыра отырып, тиімді профилактикалық механизмдерді жетілдіруге мүмкіндік береді. Зерттеудің мақсаты – жасөспірімдер суицидінің алдын алу саласындағы құқық қолдану практикасын талдау және халықаралық тәжірибе негізінде оны жетілдіру жолдарын айқындау.

Зерттеу объектісі – жасөспірімдер суицидінің алдын алу саласындағы қоғамдық қатынастар, ал зерттеу пәні – жасөспірімдер суицидінің алдын алу жөніндегі құқықтық нормалар, құқық қолдану практикасы және халықаралық профилактикалық модельдер. Бұл зерттеу құқықтық аспектілердің тиімділігін бағалауға және халықаралық тәжірибеден алынған тиімді элементтерді практикаға енгізуге бағытталған.

Зерттеудің нормативтік базасы Қазақстан Республикасының Конституциясы, Қылмыстық кодексі, Қылмыстық-процестік кодексі, Бас Прокурордың бұйрықтары және бала құқықтарын қорғайтын халықаралық актілерді қамтиды. Теориялық база ретінде суицидология, криминология, жасөспірімдер психологиясы, сондай-ақ шетелдік және отандық авторлардың зерттеулері пайдаланылады. Бұл негіздер зерттеуге құқықтық және әлеуметтік-психологиялық тұрғыдан кешенді талдау жүргізуге мүмкіндік береді.

Зерттеудің методологиялық базасы салыстырмалы-құқықтық, жүйелік, талдау әдістеріне сүйенеді. Зерттеу кезеңдері нормативтік-құқықтық базаны және халықаралық тәжірибені талдау, құқық қолдану практикасын зерттеу, проблемаларды анықтау және практикалық ұсыныстар әзірлеуден тұрады. Күтілетін нәтижелерге құқық қолдану кемшіліктерін анықтау, тиімді халықаралық тәжірибені айқындау және жасөспірімдер суицидінің алдын алу бойынша ұсыныстар әзірлеуді қамтиды.

Қазіргі зерттеулер көрсетіп отырғандай, жасөспірімдер арасындағы суицид мәселесі құқықтық, әлеуметтік және психологиялық шараларды біріктіретін кешенді тәсілді қажет етеді. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының (WHO) деректеріне сәйкес, 15–19 жас аралығындағы жастар арасында суицид өлім себептерінің негізгі бірі болып табылады, ал негізгі қауіп факторларына психикалық бұзылулар, отбасы мен әлеуметтік проблемалар, сондай-ақ цифрлық ортаның әсері жатады. Shaffer, Linehan және Nock сияқты шетелдік зерттеушілер жасөспірімдер арасындағы психологиялық триггерлерді ерте анықтаудың және медициналық, білім беру мен құқықтық шараларды біріктіретін жүйелі алдын алу шараларының маңыздылығын атап көрсетеді [4, 34-35 б].

Отандық ғылыми әдебиетте жасөспірімдер арасындағы суицид мәселесі негізінен психологиялық және социологиялық тұрғыдан зерттелген, ал құқықтық аспектілер әлі де жеткілікті түрде дамуды қажет ететінін байқатады.

Қолданыстағы тәжірибе көрсеткендей, Қылмыстық кодекстің 105-бабымен тиісті жауаптылық қаралған «өзін-өзі өлтіруге дейін жеткізу» бойынша қылмыстық істерде негізгі назар трагедияның себептерін білуге емес, көбінесе нақты қылмыскерді анықтауға аударылады [5]. Дегенмен, суицид көбіне ашық итермелеусіз өздігінен жасалатын әрекет болғандықтан, бұл ұстаным көбіне нәтиже бермейді. Осындай тәсіл жасөспірімдер арасындағы суицидтің әлеуметтік және психологиялық жүйелік факторларын толық зерттеуге мүмкіндік бермейді деп санаймыз.

Өз кезегінде, халықаралық тәжірибе бойынша, тиімді тәсіл авиациялық апаттарды тергейтін модельге ұқсас кешенді шешімді талап етеді. Халықаралық азаматтық авиация ұйымы (ICAO) апат себептерін жеке адамдарды жазалау үшін емес, жүйелік факторларды анықтау және қайталанудың алдын алу мақсатында зерттейді. Жасөспірімдер арасындағы суицидке бұл тәсілді қолдану кезінде қылмыстық тергеу мен психологиялық талдау «жанана» жүргізілуі тиіс: тиісті органдар әлеуметтік желілер, цифрлық платформалар, отбасы мен мектеп ортасының әсері сияқты триггерлерді анықтауы керек. Мұндай тәсіл ықтимал қауіптерге жылдам жауап беруге, профилактикалық шараларды әзірлеуге және жаңа трагедиялардың алдын алуға мүмкіндік береді.

Осылайша, халықаралық тәжірибе құқықтық тергеуді психологиялық сараптамамен біріктіру қажеттігін көрсетеді, бұл тек қылмыстық фактілерді анықтап қана қоймай, қауіп факторларының дамуын алдын алу шараларын іске асыруға мүмкіндік береді. Мұндай модельді отандық практикаға енгізу жасөспірімдерді қорғау шараларының тиімділігін арттырып, жастар арасындағы суицид деңгейін төмендетуге ықпал етеді.

Авиаапаттарды тергеу жүйесінде басты назар қылмыскерді іздеуге емес, оқиғаның нақты себебін анықтауға аударылады. Сол сияқты, жасөспірімдер арасындағы суицид жағдайларын зерттеуде

де қылмыстық тергеуді «өзін-өзі өлтіруге дейін жеткізу» бабына шектеп қоймай, параллель түрде психологиялық, әлеуметтік және цифрлық факторларды (мысалы, әлеуметтік желілер мен телефондағы контент) талдау қажет. Мұндай тәсіл жүйелік себептерді уақытылы анықтауға, қауіпті жағдайда тұрған баланың не бала тобы портретін жасауға, профилактикалық шараларды тиімді ұйымдастыруға мүмкіндік береді және жасөспірімдер суицидінің алдын алу ісіндегі құқықтық тәжірибені жетілдіруге жол ашады.

Халықаралық деңгейде жасөспірімдер суицидіне қарсы күресте белгілі тәртіп пен нәтижелі әдістер қалыптасқан. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының мәліметтері бойынша, ұлттық профилактикалық стратегиялар жасөспірімдер арасындағы суицидтік әрекеттердің жиілігін айтарлықтай төмендеткен елдерде психологиялық қолдаудың, білім беру жүйесінің, медициналық қызметтердің және құқықтық механизмдердің үйлесімділігі жоғары деңгейде қамтамасыз етілгені байқалады. WHO ұсыныстары бойынша тиімділік көрсеткіші ретінде ерте диагностикалау, кең ауқымды ақпараттық-талдамалық жұмыс және психоәлеуметтік қолдау жүйелерінің барлығы ескеріледі [6].

Мысалы, Финляндияда жасөспірімдер арасындағы суицидтің алдын алу ұлттық деңгейде мемлекеттік бағдарлама арқылы жүзеге асырылады. Онда мектеп психологтары, жергілікті денсаулық сақтау қызметтері, әлеуметтік қызметкерлер және құқық қорғау органдары үйлесе жұмыс істейді: қауіпті белгілер ерте кезеңнен анықталады, социо-психологиялық жағдайы кешенді бағаланады, отбасымен, ұстаздармен байланыс орнатылады. Бұл тәсіл ықтимал триггерлерді, оның ішінде интернет-медиа мен әлеуметтік желілердегі әсерлерді бақылауды қамтиды.

Жапонияда жасөспірімдер суицидінің алдын алу жүйесі ұзақ жылдар бойы дамытылды және бірнеше деңгейлі көмекті қамтиды. Бұл елде мектептерде психологиялық мониторинг тұрақты жүргізіледі, ауыр психологиялық жағдайдағы оқушыларға жедел қолдау көрсетіледі, ата-аналар мен педагогтарға психологиялық сауаттылық бойынша оқыту бағдарламалары бар. Сонымен бірге қоғамдық орталарда стигмаға қарсы ақпараттық жұмыстар жүйелі түрде жүргізіледі.

АҚШ тәжірибесі жасөспірімдер суицидінің алдын алу саласында құқық қорғау, психикалық денсаулық сақтау және қоғамды қолдау қызметтерін интеграциялаған. Онда құқық қорғау органдары, мектеп кеңесшілері, қоғамдық денсаулық сақтау агенттіктері және балаларды қорғау мамандары «қызыл белгілерге» қатысты деректерді бөліседі, нақты талдау жасайды және жедел интервенция жүргізеді.

Бұл елдерде негізгі қағида — тек қылмыстық тергеуді жүргізу емес, сонымен бірге себептерді кешенді түрде анықтау және алдын алу. Ұсынылатын модель құқықтық тергеуді, психологиялық бағалауды, әлеуметтік жағдайды талдауды және цифрлық ортаны зерттеуді параллель жүргізуге негізделген. Мұндай тәсіл авиапаттарды зерттеу тәжірибесіне ұқсас: халықаралық авиациялық қауымдастық (ICAO) апат себептерін объективті және кешенді талдайды, жеке қылмыстық жауаптылық іздеу емес, жүйелік қауіп факторларын анықтау мақсатына бағдарланады. Қазақстанда да осындай модель енгізілсе, қылмыстық істерді тергеудің сапасы ғана емес, жасөспірімдер суицидінің әлеуметтік-психологиялық триггерлерін ерте кезеңнен табу мүмкіндігі артады.

Жасөспірімдер суицидінің алдын алу саласындағы қазіргі құқық қолдану тәжірибесі көбіне қылмыскерді анықтауға бағытталып, трагедияның жүйелік себептерін зерттеуге жеткілікті мүмкіндік бермейді. Халықаралық тәжірибе көрсеткендей, кешенді тәсіл — құқық қорғау органдарының тергеуімен қатар психологиялық және әлеуметтік қызметтердің белсенді қатысуы суицидтің триггерлерін уақытылы анықтауға мүмкіндік береді.

Қазақстанда да осындай кешенді модельді енгізу маңызды: уәкілетті органдар мен психологиялық мамандардың үйлесімді жұмысы, мектептерде тұрақты психологиялық мониторинг, цифрлық ортаны бақылау, нормативтік-құқықтық базаны жетілдіру және халықаралық тәжірибені бейімдеу — жасөспірімдер арасындағы суицидтің алдын алу тиімділігін арттырады.

Осылайша, құқық қолдану практикасын реформалау және жүйелік профилактикалық шараларды енгізу арқылы жасөспірімдердің өмірін қорғау саласында нақты, нәтижелі және ғылыми негізделген шешімдер қабылдауға болады деп есептейміз.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. «Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы». // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-kazakstan-halkyna-zholdauy-zhasandy-intellekt-dauirindegi-kazakstan-ozekti-maseleler-zhane-ony-tubegeyli-cifrllyk-ozgerister-arkyly-sheshu-881957> (жүгінген күні: 21.12.2025).

2. Shaffer D., Gould M., Fisher P. et al. *Risk factors for adolescent suicide: A review.* // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. – 1996, 67 P.
3. А.А. Баймаханов «Кәмелетке толмаған адамды тәрбиелеу жөніндегі міндеттерді орындамауды немесе тиісінше орындамауды тергеп-тексерудің және алдын алудың ұйымдық-құқықтық аспектілері». Монография. – Алматы, 2022 – 257 б.
4. Nock M. K., Joiner T. *The psychology of suicidal behavior.* // Annual Review of Clinical Psychology. – 2012, 138 P.
5. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. – 2014 жылғы 3 шілде, № 226-V ҚРЗ (өзгерістер мен толықтыруларымен) // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 22.12.2025).
6. World Health Organization. Preventing suicide: A global imperative. – Geneva: WHO // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://iris.who.int/items/c4c2c75a-701e-4aa5-b52b-f20a5cdd9890> (жүгінген күні: 22.12.2025).

УДК 343.2/7:328.185

Сагандыкова Гульназ Слямовна,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

Ахметкалиев Куаныш Жұмағалиұлы,
Руководитель управления Департамента собственной безопасности Министерства Внутренних Дел
Республики Казахстан, магистр юриспруденции,
г. Астана, Республика Казахстан

Алибаев Аскар Канатович,
Старший оперуполномоченный по ОВД Департамента собственной безопасности Министерства
внутренних дел Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЕГО ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье авторы рассматривают проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за незаконное получение и предоставление вознаграждения в Республике Казахстан. Анализ диспозиции статьи 247 Уголовного Кодекса РК показал имеющиеся недостатки в ее диспозиции и наименовании в том числе. В статье обосновывается необходимость введения абсолютно новой статьи 247-1 УК РК, которая в свою очередь предусматривает уголовную ответственность за незаконное предоставление вознаграждения работнику государственного органа либо государственной организации, либо субъекта квазигосударственного сектора, не являющимся лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, или приравненным к нему лицом, а равно работнику негосударственной организации, не выполняющему управленческие функции. Отдельное внимание уделяется понятийному аппарату субъектов коррупционных преступлений и устранению противоречий с нормами, изложенными в Нормативном Постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 (далее- НПВС). Внесены предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное право; незаконное получение вознаграждения; субъект преступления; коррупционные преступления; квазигосударственный сектор; совершенствование уголовного законодательства.

Аннотация. Мақалада авторлар Қазақстан Республикасында сыйақыны заңсыз алғаны және бергені үшін жауаптылықты қылмыстық-құқықтық реттеу мәселелерін қарастырады. ҚР Қылмыстық кодексінің 247-бабындағы диспозицияны талдау оның диспозициясы мен атауындағы кемшіліктерді көрсетті. Мақалада ҚР ҚК 247-1-бабын мүлдем жаңа енгізу қажеттілігі негізделді, ол өз кезегінде мемлекеттік органның не мемлекеттік ұйымның не мемлекеттік функцияларды орындауға уәкілеттік берілген тұлға болып табылмайтын квазимемлекеттік сектор субъектісінің қызметкеріне, сол сияқты басқару функцияларын орындамайтын мемлекеттік емес ұйымның қызметкеріне сыйақыны заңсыз бергені үшін қылмыстық жауаптылықты көздейді. Сыбайлас жемқорлық қылмыс субъектілерінің тұжырымдамалық аппаратына және Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2015 жылғы 27 қарашадағы № 8 нормативтік қаулысында (бұдан әрі – ЖСНҚ) баяндалған нормалармен қайшылықтарды жоюға ерекше назар аударылады. Қылмыстық заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар енгізілді.

Түйінді сөздер: қылмыстық құқық; сыйақыны заңсыз алу; қылмыс субъектісі; сыбайлас жемқорлық қылмыстар; квазимемлекеттік сектор; қылмыстық заңнаманы жетілдіру.

Abstract. In this article, the authors examine the issues of criminal regulation of liability for the illegal receipt and provision of remuneration in the Republic of Kazakhstan. An analysis of Article 247 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan revealed existing shortcomings in its wording, including its title. The article substantiates the need to introduce an entirely new Article 247-1 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, which, in turn, provides for criminal liability for the illegal provision of remuneration to an employee of a government agency, state organization, or quasi-public sector entity who is not a person authorized to perform government functions or an equivalent person, as well as to an employee of a non-governmental organization not performing managerial functions. Particular attention is given to the conceptual framework of subjects of corruption crimes and the elimination of contradictions with the provisions set forth in the Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated November 27, 2015, No. 8 (hereinafter, the RRSC). Proposals for improving criminal legislation are made.

Keywords: criminal law; illegal receipt of remuneration; subject of the crime; corruption crimes; quasi-public sector; improvement of criminal legislation.

Совершенствование уголовно-правового законодательства является одним из приоритетных направлений правовой политики государства [1,2]. Однако, практика применения уголовного законодательства демонстрирует отдельные пробелы и противоречия в привлечении к ответственности за незаконное получение вознаграждения и сопутствующие правонарушения.

Отдельного внимания требует 247 статья Уголовного Кодекса Республики Казахстан, которая регламентирует ответственность за получение незаконного вознаграждения. Анализ содержания, судебной практики показал, что необходима корректировка ее системного положения в структуре уголовного закона, а также наименования статьи.

Вместе с тем, в настоящее время в научной литературе, а также в рамках законодательных инициатив предлагается введение новой статьи 247-1 «Незаконное предоставление вознаграждения». Поддерживая данную инициативу, автор считает целесообразным закрепить указанную норму, так как она позволит обеспечить баланс уголовной ответственности сторон и устранить законодательный пробел.

Целью исследования является обоснование предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм, обеспечивающих полноту и системность регулирования соответствующих общественных отношений.

Глава государства в своем Послании 2021 года обозначил важнейший приоритет в борьбе с так называемой «бытовой коррупцией» [3]. Этот вид коррупции особенно проблематичен, поскольку создает прямые расходы для граждан при получении услуг, льгот, на которые они имеют право [4, 5].

Современные научные исследования прямо указывают на то, что «бытовая коррупция» формирует устойчивые поведенческие практики, укрепляющие неформальные платежи, что в перспективе подрывает институциональное доверие и снижает эффективность государственных реформ [6].

В настоящее время статья 247 УК РК регулирует ответственность за получение незаконного вознаграждения работником государственного органа либо государственной организации, не являющимся лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, или приравненным к нему лицом, а равно работником негосударственной организации, не выполняющим управленческие функции. При этом, сотрудники квазигосударственного сектора, не обладающие управленческими функциями, юридически остаются вне поля действия статьи 247 УК РК. Хотя на практике обладают полномочиями, которые могут прямо либо косвенно влиять на принятие решений, права и обязанности физических и юридических лиц [7].

С точки зрения теории уголовного права, подобные пробелы квалифицируются как «дефекты криминализации», при которых общественно опасные деяния фактически выпадают из сферы уголовно-правового регулирования, несмотря на наличие значимого вреда охраняемым общественным отношениям [8].

В странах с развитой практикой противодействия коррупции, такие как Сингапур, Великобритания, Южная Корея, уголовная ответственность распространяется на коррупционные деяния широкого круга лиц, включая не только должностных лиц, но и частных лиц, посредников, представителей коммерческих организаций и других субъектов, действия которых могут повлиять на выполнение служебных и общественных функций [9].

Так, например, главный закон противодействия коррупции в Сингапуре Prevention of Corruption Act 1960, предусматривает широкую трактовку понятия коррупция, охватывающей любые формы – денежные средства, подарки, услуги, иные выгоды. Вместе с тем закон распространяется как на государственный, так и на частный сектор, а ответственность несет как предлагающий, так и получающий незаконное вознаграждение, независимо от его должностного статуса [10].

Аналогично реализуется антикоррупционная политика в Великобритании, где согласно Bribery Act 2010, уголовно наказуемым деянием признаются как предложение взятки и ее дача, так и ее получение среди государственных чиновников и в частном секторе [11].

В южнокорейском уголовном законодательстве ответственность несут частные лица, выступившие посредниками влияния, если получили выгоду за свое влияние на государственного служащего или третьих лиц. Improper Solicitation and Graft Act распространяется также на журналистов, образовательные учреждения, иные лица, осуществляющие общественные функции [12].

Социальные опросы показывают, что граждане часто сталкиваются с незаконными действиями, вымогательствами вознаграждений в медицинских, образовательных учреждениях, в центрах по обслуживанию населения и т.д.

Только за 2023 год в колл-центр антикоррупционной службы поступило более 27 тыс звонков, с жалобами на сотрудников этих организаций.

Несмотря на то, что данные лица, формально не являются должностными лицами, и соответственно не признаются субъектами коррупции, в общественном восприятии подобные деяния рассматриваются как проявление коррупции в масштабах всей страны.

Эмпирические исследования, проводимые международными организациями, подтверждают, что именно повседневные коррупционные практики оказывают наиболее ощутимое влияние на качество жизни населения, поскольку затрагивают базовые государственные услуги – здравоохранение, образование и социальное обеспечение [13].

В настоящее время статья 247 УК РК является подследственностью органов внутренних дел. Статистика показывает, что, к примеру, по указанной статье за последние пять лет по всей стране зарегистрировано 223 фактов незаконного получения вознаграждения [14].

Безусловно, такая статистика необъективна в разрезе всей страны и не позволяет оценить реальные масштабы противозаконных деяний в этой сфере. Таким образом, создается некая «мертвая зона», недоступная для антикоррупционного уголовно-правового воздействия. Ведь, для эффективного расследования преступлений указанной категории, важно применять весь необходимый инструментарий оперативно-розыскной деятельности, используемые, к примеру, при проведении досудебного расследования по статье 366 УК РК «Получение взятки».

С точки зрения юридической техники, в наименовании статьи 247 УК РК «Получение незаконного вознаграждения» также имеются нестыковки. Так, «получение незаконного вознаграждения» создает смысловую неопределенность, предполагая наличие самостоятельного признака «незаконность» у предмета преступления. Тогда как уголовно-правовая оценка дается именно факту незаконного получения вознаграждения за действия, которые входят в круг служебных обязанностей.

Предполагается, что редакционное изменение заголовка статьи на «Незаконное получение вознаграждения» позволит устранить данное несоответствие и повысит правовую точность. При этом комплексное реформирование законодательства предполагает не только уточнение уже действующих положений, но и дополнение Уголовного кодекса новыми нормами, охватывающими деяния, связанные с подкупом лиц, не обладающих статусом должностных, но находящихся в позициях, позволяющих оказывать влияние на административные или финансовые процессы.

В настоящее время в УК отсутствует ответственность за незаконное предоставление вознаграждения лицам, не являющимися госслужащими и приравненным к ним лицами. Это вызывает проблемы на практике. В то же время, статья 253 УК («Коммерческий подкуп») предусматривает уголовную ответственность как за получение, так и за передачу незаконного вознаграждения лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации.

В Международном правовом сообществе странам – участникам Конвенции ООН против коррупции (UNCAC) прямо указано на необходимость внедрения уголовных норм, охватывающих все формы коррупционных правонарушений, включая как дачу, так и получение неправомерных вознаграждений.

Дополнительно в научной литературе подчеркивается, что асимметрия уголовной ответственности (наказуемость только получателя или дающего) формирует устойчивые коррупционные рынки, поскольку снижают риски для одной из сторон и тем самым стимулирует воспроизводство незаконных практик [15,16].

Аналогично, современная уголовно-правовая доктрина Казахстана указывает на системный характер коррупции и необходимость симметричного подхода к даче и получению взяток, так как ограничение ответственности только с одной стороны приводит к снижению эффективности противодействия коррупционным схемам. [17].

В этой связи, по аналогии со статьей 253 УК, не являющейся коррупционной, и предусматривающей уголовную ответственность как за получение денежного вознаграждения, так и за его предоставление, видится логичным привлекать к уголовной ответственности лиц за подкуп работников госорганов и организаций, а также квазигосударственного сектора, не являющихся субъектами коррупционных преступлений.

Вместе с тем есть определенные вопросы касательно понятийного аппарата субъектов коррупционных преступлений. Уголовный кодекс Республики Казахстан, а именно статья 3, даёт

детализированное определение лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, которое включает обязанности организационно-распорядительного и административно-хозяйственного характера. Так, в п.19 статьи 3 УК РК речь идет о лице, выполняющем управленческие функции в коммерческой или иной организации, – лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственной организацией либо субъектом квазигосударственного сектора. Это понятие охватывает как постоянных, так и временных работников, а также тех, кто действует по специальным полномочиям. Тогда как пункт 2 НПВС «Субъектами коррупционных преступлений» признает лиц, указанные в пунктах 16), 19), 26), 27) и 28) статьи 3 УК, и должностные лица иностранного государства или международной организации», что вызывает определенные нормативные расхождения.

Важно отметить, что преступления, совершенные должностными лицами, выполняющими свои функции в коммерческих организациях, не считаются коррупционными по своей природе согласно действующему законодательству Республики Казахстан. Уголовный кодекс не признает преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (Глава 9 УК РК), коррупционными, так как такие преступления касаются сферы частного права, а не государственного управления.

Следовательно, обосновывается необходимость внесения поправок в п.2 НПВС, в части исключения пункта 19) статьи 3 УК РК из перечня субъектов коррупционных преступлений. Так как лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях, не являются субъектами коррупционных преступлений в силу отсутствия прямой связи с государственной службой и публичными интересами.

Считаем обоснованным также исключение из п.3 НПВС понятий «должностное лицо иностранного государства» и «должностное лицо международной организации» и закрепление их непосредственно в статье 3 УК РК, что позволит улучшить правовую определенность, упорядочить понятийный аппарат, а также обеспечить единообразие в применении норм уголовного законодательства, что имеет важное значение для борьбы с коррупцией в международной сфере. Данные понятия должны быть отражены именно в статье 3 УК РК, так как они определяют субъектов преступлений, совершенных в контексте международных и внешнеэкономических отношений, что требует четкой правовой основы.

Таким образом, проведенный анализ уголовно-правового регулирования уголовной ответственности за незаконное вознаграждение позволяет сформулировать следующие выводы и предложения в контексте существующих законодательных инициатив по совершенствованию уголовного законодательства:

1.Предлагается отнести к субъектам деяния по статье 247 УК РК, работников квазигосударственного сектора, не являющихся лицами, приравненными к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, поскольку они имеют право по своему усмотрению принимать решения, выдавать документы или оказывать услуги, влекущие правовые последствия для физических и юридических лиц.

2.Также в соответствии с частью четвертой пункта 9 статьи 23 Закона РК «О правовых актах» заголовок нормативного правового акта, его статьи, главы, части, раздела, подраздела и параграфа должен отражать предмет регулирования самого нормативного правового акта, а также соответствующей статьи, главы, части, раздела, подраздела и параграфа.

В этой связи, предлагается внести поправки в наименование статьи 247 «Получение незаконного вознаграждения», изложив в следующей редакции - «Незаконное получение вознаграждения».

3.Вместе с тем, по аналогии со статьей 253 УК, не являющейся коррупционной, и предусматривающей уголовную ответственность как за получение денежного вознаграждения, так и за его предоставление, предлагается ввести новую норму, где предусмотреть привлечение к уголовной ответственности лиц за подкуп работников госорганов и организаций, а также субъектов квазигосударственного сектора, не являющихся лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, или приравненными к нему лицами, а равно работниками негосударственной организации, не выполняющими управленческие функции.

4.В целях обеспечения единообразия в правоприменении предлагается исключить из пункта 3 Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» такие понятия, как «должностное лицо иностранного государства», «должностное лицо международной организации».

Эти понятия следует закрепить непосредственно в статье 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан, поскольку данная норма посвящена категориально-понятийным определениям, и все субъекты коррупционных преступлений уже обозначены в этой статье.

5. Вместе с тем предлагается внести поправки в п. 2 Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений», исключив п. 19 статьи 3 УК РК, который включает в список субъектов коррупционных преступлений лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях. Так как указанные лица не являются субъектами коррупционных преступлений, а вовлечены в преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (Глава 9 УК РК), которые не признаны коррупционными.

6. Обосновывается необходимость внесения поправок в п. 2 НПВС, в части исключения пункта 19) статьи 3 УК РК из перечня субъектов коррупционных преступлений. Так как лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях, не являются субъектами коррупционных преступлений, а также такие понятия, как «должностное лицо иностранного государства», «должностное лицо международной организации» следует закрепить непосредственно в статье 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан, поскольку данная норма посвящена категориально-понятийным определениям, и все субъекты коррупционных преступлений уже обозначены в этой статье.

Предполагается, что реализация предложенного позволит обеспечить полноту уголовно-правового регулирования и повысить эффективность противодействия проявлениям коррупции.

Список использованных источников:

1. D.A. Kesuma, Criminal Law Reform to Increase the Effectiveness of the Justice System in Overcoming Crime/ Vol 6 No 1 (2024): International Journal of Science and Society (IJSOC) // [Electronic resource] – Access mode: DOI: <https://doi.org/10.54783/ijssoc.v6i1.1061> (access data: 15.12.2025).
2. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» от 15 октября 2021 года №674 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Послание Главы государства К.Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2021 года // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> <https://adilet.zan.kz/> (дата обращения: 11.01.2026).
4. F.Nieto-Morales, R.Peeters, G.Lotta/ Journal of Public Administration Research and Theory/Burdens, bribes, and bureaucrats: the political economy of petty corruption and administrative burdens/Volume 34, Issue 4, October 2024, Pages 481–497 // [Electronic resource] – Access mode: <https://doi.org/10.1093/jopart/muae010> (access data: 25.02.2026).
5. Torsello, D. (2024). Petty corruption. In L. de Sousa, & S. Coroado (Eds.), *Elgar Encyclopedia of Corruption and Society* (pp. 251-254). Edward Elgar Publishing Ltd.. // [Electronic resource] – Access mode: <https://doi.org/10.4337/9781803925806.ch55> (access data: 15.11.2025).
6. Юрасов И.А., Бондаренко В.В., Полутин С.В., Зябликова О.А., Юрасова О.Н. // Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как типы социального доверия // Том 31, № 4 (2023) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753> (дата обращения: 26.03.2026).
7. Сагандыкова Г. «Некоторые проблемы квалификации противоправных действий субъектов коррупции в квазигосударственном секторе»/ Международный научный журнал «Гылым» 1(84) 2025 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: ad3bb8059a6a48185924babe425da86763517168.pdf (дата обращения: 10.01.2026).
8. Наумов А.В. // Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 7-е изд., перераб. и доп. // Изд. Проспект, 2024 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://publications.hse.ru/books/895830832> (дата обращения: 26.03.2026).
9. S. Bekker, R. Dupay, I. Freiman/Confronting and Mitigating Against Corruption/JDsupra/ July 18, 2024/ <https://www.jdsupra.com/legalnews/confronting-and-mitigating-against-5603647/>
10. A Singapore Government Agency Website/ Prevention of Corruption Act 1960/ // [Electronic resource] – Access mode: <https://www.cpi.gov.sg/> (access data: 15.11.2025).
11. Transparency International the global coalition against corruption// [Electronic resource] – Access mode: <https://knowledgehub.transparency.org/guide/international-anti-corruption-commitments/8031> (access data: 19.11.2025).

12. The Law Society / Bribery Act 2010// [Electronic resource] – Access mode: <https://www.lawsociety.org.uk/> (access data: 15.11.2025).
13. Rose-Ackerman S., Palifka B.J.//*Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform.*//Cambridge: Cambridge University Press, 2016. // [Electronic resource] – Access mode: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139962933> (access data: 26.03.2026).
14. UNODC. United Nations Convention against Corruption: Legislative Guide.// Vienna, 2012.// [Electronic resource] – Access mode: <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/publications.html> (access data: 26.03.2026).
15. Improper Solicitation and Graft Act // [Electronic resource] – Access mode: <https://en.wikipedia.org/> (access data: 15.11.2025).
16. Портал органов правовой статистики и специальных учетов // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz> (дата обращения: 10.01.2026).
17. Transparency International the global coalition against corruption // [Electronic resource] – Access mode: <https://knowledgehub.transparency.org/guide/international-anti-corruption-commitments/8031> (access data: 19.11.2025).
18. Е.В. Мицкая, К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЕЩАНИЯ / ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВЗЯТКИ И СОГЛАСИЯ НА ЕЕ ПОЛУЧЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ/ Российско-азиатский правовой журнал/ №4, 2023 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2023\)4.13](https://doi.org/10.14258/ralj(2023)4.13) (дата обращения: 10.01.2026).

ӘОЖ 34.096

Сапарбаева Аружан Женисбекқызы,
Астана халықаралық университетінің студенті
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

Сеилханов Жанат Дюйсенбаевич,
Астана халықаралық университетінің аға оқытушысы,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТҰРМЫСТЫҚ ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚТЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУДІҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ЖАС ҒАЛЫМДАРДЫҢ КӨЗҚАРАСЫ

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы тұрмыстық зорлық-зомбылықты криминализациялау мәселелері және жаңа заңнамалық өзгерістер аясындағы құқық қолдану тәжірибесі талданады. Зерттеу тақырыбының өзектілігі отбасылық-тұрмыстық қатынастар саласында орын алатын зорлық-зомбылық фактілерінің қоғамдағы әлеуметтік қауіптің маңызды түріне айналуымен және азаматтардың өмірі мен денсаулығын қорғаудың тиімді құқықтық тетіктерін жетілдіру қажеттілігімен негізделеді.

Мақаланың мақсаты – тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қатысты жаңа қылмыстық-құқықтық нормалардың мазмұнын талдау, құқық қолдану тәжірибесінде туындайтын саралау мәселелерін анықтау және оларды жетілдіруге бағытталған ғылыми негізделген ұсыныстар әзірлеу.

Зерттеу барысында қылмыстық құқық нормаларын талдау, салыстырмалы-құқықтық талдау, құқық қолдану тәжірибесін зерделеу және ғылыми әдебиеттерді жүйелеу әдістері қолданылды. Сонымен қатар, сот-медициналық сараптаманың рөлі, психологиялық зорлық-зомбылықты дәлелдеу мәселелері, сондай-ақ тұрмыстық зорлық-зомбылық істері бойынша татуласу институтының шектелуі қарастырылды.

Зерттеу нәтижесінде тұрмыстық зорлық-зомбылықты саралау кезінде туындайтын негізгі құқықтық мәселелер анықталып, құқық қолдану тәжірибесін жетілдіруге бағытталған ұсыныстар ұсынылды. Мақаланың тәжірибелік маңызы ұсынылған қорытындылар мен ұсыныстарды құқық қорғау органдарының қызметінде, сот тәжірибесінде және қылмыстық заңнаманы жетілдіру барысында қолдану мүмкіндігімен айқындалады.

Түйінді сөздер: тұрмыстық зорлық-зомбылық; криминализация; қылмыстық құқық; құқық қолдану тәжірибесі; қылмысты саралау; сот-медициналық сараптама; психологиялық зорлық-зомбылық; Қазақстан Республикасының қылмыстық кодексі.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы криминализации бытового насилия в Республике Казахстан и особенности правоприменительной практики в условиях обновленного законодательства. Актуальность темы исследования обусловлена ростом правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений и необходимостью совершенствования эффективных правовых механизмов защиты жизни, здоровья и достоинства личности.

Целью статьи является анализ новых уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за бытовое насилие, выявление проблем квалификации соответствующих правонарушений в правоприменительной практике, а также разработка предложений по совершенствованию механизмов предупреждения подобных преступлений.

В ходе исследования были использованы методы правового анализа, сравнительно-правового исследования, а также изучение правоприменительной практики и научной литературы. Особое внимание уделено вопросам доказательства фактов бытового насилия, роли судебно-медицинской экспертизы, проблемам оценки психологического насилия и ограничениям института примирения сторон в подобных делах.

В результате проведенного исследования выявлены основные проблемы квалификации преступлений, связанных с бытовым насилием, и предложены рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в деятельности правоохранительных органов, судебной практике, а также при дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства.

Ключевые слова: бытовое насилие; криминализация; уголовное право; правоприменительная практика; квалификация преступлений; судебно-медицинская экспертиза; психологическое насилие; Уголовный кодекс Республики Казахстан.

Abstract. This article examines the issues of criminalization of domestic violence in the Republic of Kazakhstan and the features of law enforcement practice within the framework of updated legislation. The relevance of the research topic is expressed the increasing number of offenses in the sphere of family and domestic relations and the need to improve effective legal mechanisms for protecting human life, health, and dignity.

The purpose of the article is to analyze the new criminal law provisions regulating liability for domestic violence, identify the problems of qualification of such offenses in law enforcement practice, and develop proposals aimed at improving mechanisms for preventing such crimes.

The research is based on methods of legal analysis, comparative legal study, and the examination of law enforcement practice and academic literature. Particular attention is paid to issues related to proving cases of domestic violence, the role of forensic medical examination, the assessment of psychological violence, and the limitations of reconciliation procedures between the parties in such cases.

The study identifies the main problems in the qualification of crimes related to domestic violence and provides recommendations for improving law enforcement practice. The practical significance of the research lies in the possibility of applying its findings in the activities of law enforcement agencies, judicial practice, and the further development of criminal legislation.

Keywords: domestic violence; criminalization; criminal law; law enforcement practice; crime qualification; forensic medical examination; psychological violence; Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

Қазақстан Республикасының құқықтық саясатының негізгі басым бағыттарының бірі – адам құқықтары мен бостандықтарын қорғау болып табылады. Бұл қағида мемлекет дамуының іргелі негіздерінің бірі ретінде Конституциялық деңгейде бекітілген. Қазақстан Республикасының Конституциясының 1-бабында мемлекет өзін демократиялық, зайырлы, құқықтық және әлеуметтік мемлекет ретінде орнықтыратыны, ал оның ең қымбат қазынасы – адам және адамның өмірі, құқықтары мен бостандықтары екендігі атап көрсетілген [1]. Қазақстан Республикасының Жаңа Конституция Жобасында да 1-бабының мазмұны өзгеріссіз қалады [2]. Осы конституциялық қағида әрбір азаматтың жеке басының қауіпсіздігін қамтамасыз ету және кез келген зорлық-зомбылық түрінен қорғау міндетін мемлекетке жүктейді.

Отбасылық-тұрмыстық қатынастар саласындағы зорлық-зомбылық мәселесі қазіргі кезеңде тек әлеуметтік проблема ғана емес, сонымен қатар күрделі құқықтық және криминологиялық құбылыс ретінде қарастырылуда. Тұрмыстық зорлық-зомбылықтың салдары тек физикалық жарақаттармен шектелмейді. Ол адамның психологиялық жағдайына, әлеуметтік бейімделуіне және жалпы өмір сапасына елеулі әсер етеді.

Қазақстан Республикасының Конституциясының 17-бабының 2-тармағында [1] және Қазақстан Республикасының Жаңа Конституциясының Жобасында 20-бабының 2-тармағында [2] ешкімді азаптауға, зорлық-зомбылық жасауға немесе адамның қадір-қасиетін қорлайтындай қатыгездік көрсетуге болмайтыны нақты көрсетілген. Бұл норма адамның жеке басының қолсұғылмаушылығын қамтамасыз ететін негізгі құқықтық кепілдіктердің бірі болып табылады.

Соңғы жылдары Қазақстанда тұрмыстық зорлық-зомбылық фактілерінің жиі тіркелуі заңнамалық шараларды күшейту қажеттілігін көрсетті. Осыған байланысты 2024 жылы қылмыстық заңнамаға бірқатар маңызды өзгерістер енгізіліп, бұрын әкімшілік құқық бұзушылық ретінде қарастырылған кейбір әрекеттер қайтадан қылмыстық құқық бұзушылық санатына енгізілді.

Аталған ғылыми мақаланың мақсаты – тұрмыстық зорлық-зомбылықты криминализациялау бағытындағы жаңа заңнамалық нормаларды талдау, оларды қолдану кезінде туындайтын құқықтық саралау мәселелерін анықтау және құқық қолдану тәжірибесін жетілдіруге бағытталған ұсыныстар әзірлеу.

Қазақстан Республикасында тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күрес мемлекеттік саясаттың маңызды бағыттарының бірі болып табылады. Бұл саладағы құқықтық реттеу бірқатар заңнамалық актілер арқылы жүзеге асырылады, олардың ішінде Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі, Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі және тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алуға бағытталған арнайы заңдар бар.

2024 жылғы заңнамалық реформалардың нәтижесінде Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне елеулі өзгерістер енгізілді. Атап айтқанда, бұрын Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодекстің аясында қарастырылған «Ұрып-соғу» және «Денсаулыққа қасақана жеңіл зиян келтіру» құрамдары қайтадан қылмыстық құқық бұзушылық ретінде белгіленді.

ҚР Қылмыстық кодексінің 109-1-бабында ұрып-соғу әрекеті қылмыстық теріс қылық ретінде қарастырылып, адамның денсаулығына нақты зиян келтірмесе де, физикалық ауырсыну туғызатын зорлық-зомбылық әрекеттері үшін жауаптылық көзделген [3]. Ал 108-1-бапта денсаулыққа қасақана жеңіл зиян келтіру қылмыстық құқық бұзушылық ретінде белгіленіп, денсаулықтың қысқа мерзімге бұзылуына немесе еңбек қабілетінің аз мөлшерде тұрақты жоғалуына әкелетін әрекеттер үшін жауаптылық қарастырылған [3].

Бұл өзгерістер мемлекеттің тұрмыстық зорлық-зомбылықпен күрестегі ұстанымының қатаңдай түскенін көрсетеді. Заңнамалық реформаның негізгі мақсаты – отбасы мүшелерінің қауіпсіздігін күшейту және зорлық-зомбылық фактілеріне қатысты жазаның бұлтартпастығын қамтамасыз ету.

Қылмыстық заңнамаға енгізілген өзгерістерге қарамастан, тұрмыстық зорлық-зомбылық фактілерін дұрыс саралау тәжірибеде бірқатар қиындықтарды туындатып отыр.

Осы мәселелерді шешуде Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2007 жылғы 11 мамырдағы «Адамның өмірі мен денсаулығына қарсы кейбір қылмыстық құқық бұзушылықтарды саралау туралы» №1 нормативтік қаулысының маңызы ерекше. Аталған қаулыда денсаулыққа келтірілген зиянның ауырлығын анықтау кезінде тек физикалық жарақаттар ғана емес, сонымен қатар олардың адамның еңбек ету қабілетіне әсері де ескерілуі тиіс екендігі көрсетілген [4].

Дегенмен, құқық қолдану тәжірибесінде бірқатар проблемалар байқалады. Біріншіден, тұрмыстық зорлық-зомбылық көп жағдайда жабық ортада, яғни отбасы ішінде жүзеге асады. Сондықтан мұндай істер бойынша дәлелдемелерді жинау қиындық туғызады.

Екіншіден, жәбірленушілердің көпшілігі құқық қорғау органдарына жүгінуге асықпайды. Бұған бірнеше фактор әсер етеді:

- қоғамдық пікірден немесе айыптаудан қорқу;
- агрессорға экономикалық немесе әлеуметтік тәуелділік;
- құқық қорғау жүйесіне сенімнің жеткіліксіздігі.

Үшіншіден, қылмыстық құқық бұзушылық құрамын дәлелдеу кезінде сот-медициналық сараптаманың рөлі шешуші болып табылады. Сараптама көбінесе физикалық жарақаттарды ғана тіркейді. Ал психологиялық қысым, қорқыту, оқшаулау сияқты зорлық-зомбылық түрлері дәлелдеуге қиын келетін жағдайлар қатарына жатады.

Нәтижесінде, физикалық із қалдырмайтын зорлық-зомбылық әрекеттері құқықтық бағалаудан тыс қалып қоюы мүмкін.

Тұрмыстық қатынастар аясындағы зорлық-зомбылықтың маңызды ерекшеліктерінің бірі – оның тек физикалық емес, психологиялық сипатта болуы. Психологиялық қысым, қорқыту, қорлау, әлеуметтік оқшаулау немесе тұрақты бақылау сияқты әрекеттер жәбірленушінің психикалық денсаулығына ауыр зардаптар әкелуі мүмкін.

Алайда қазіргі құқықтық жүйеде психологиялық зорлық-зомбылықты дәлелдеу мен бағалау механизмдері жеткілікті деңгейде дамымаған. Көп жағдайда қылмыстық іс жүргізу барысында негізгі дәлел ретінде физикалық жарақаттардың болуы қарастырылады.

Шын мәнінде, тұрмыстық зорлық-зомбылық құрбандары ұзақ уақыт бойы психологиялық қысымға ұшырауы мүмкін. Бұл жағдай олардың еңбек қабілетінің төмендеуіне, депрессиялық күйге түсуіне немесе посттравмалық күйзеліс синдромының қалыптасуына алып келеді.

Осыған байланысты тұрмыстық зорлық-зомбылық істерін тергеу барысында кешенді сараптамаларды қолдану қажеттілігі туындайды. Атап айтқанда, сот-психологиялық және сот-психиатриялық сараптамалардың нәтижелері жәбірленушінің психикалық жай-күйін бағалауда маңызды дәлелдеме ретінде қарастырылуы тиіс.

Тұрмыстық зорлық-зомбылықты саралаудағы тағы бір маңызды мәселе – қылмыстың ниетін және оның жүйелілік сипатын анықтау.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 110-бабына сәйкес, егер зорлық-зомбылық жүйелі түрде жасалып, жәбірленушіге тән немесе психикалық азап келтіруге бағытталса, онда мұндай әрекеттер «қинау» ретінде саралануы мүмкін [3].

Алайда тәжірибеде құқық қорғау органдары кейде әрбір зорлық-зомбылық эпизодын жеке құқық бұзушылық ретінде қарастырып, олардың арасындағы байланысқа жеткілікті назар аудармайды. Нәтижесінде қылмыстық әрекеттердің жүйелілігі дәлелденбей, кінәлі тұлға тиісті жауаптылыққа тартылмай қалуы мүмкін [5].

Сондықтан тұрмыстық зорлық-зомбылық істерін тергеу барысында зорлық-зомбылықтың қайталану сипатына ерекше назар аудару қажет.

Тұрмыстық зорлық-зомбылық істері бойынша құқық қолдану тәжірибесіндегі маңызды мәселелердің бірі – тараптардың татуласу институты болды. Бұрын мұндай істер жәбірленуші мен құқық бұзушының татуласуы арқылы тоқтатылуы мүмкін еді.

Алайда тәжірибе көрсеткендей, мұндай жағдайларда жәбірленушілер көбінесе агрессордың қысымымен немесе әлеуметтік жағдайларға байланысты келісімге келуге мәжбүр болатын.

Сондықтан жаңа заңнамалық өзгерістер тұрмыстық зорлық-зомбылықтың қайталанған жағдайларында татуласу мүмкіндігін шектеуге бағытталды.

Халықаралық тәжірибеде де осындай ұстаным байқалады. Мысалы, тұрмыстық зорлық-зомбылықпен күреске бағытталған халықаралық құжаттардың бірі болып саналатын Стамбул конвенциясы мұндай істер бойынша міндетті медиацияны қолдануға қарсы көзқарасты ұстанады [6].

Бұл тәсіл жәбірленушілердің құқықтарын қорғауды күшейтуге бағытталған.

Тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күрестің тиімділігі тек қылмыстық жауаптылықты күшейту арқылы ғана емес, кешенді алдын алу шараларын енгізу арқылы да қамтамасыз етіледі.

Қазақстан Республикасының «Тұрмыстық зорлық-зомбылық профилактикасы туралы» Заңына сәйкес, бұл құбылыспен күрес тек қылмыстық жазалаумен ғана шектелмей, арнайы алдын алу шараларын қолдануды да қамтиды [7]. Осы орайда құқық қорғау органдары тарапынан шығарылатын қорғау нұсқамасының маңызы зор, өйткені ол агрессорға жәбірленушіні іздеуге, онымен кез келген байланыс орнатуға және жәбірленушінің еркіне қарсы психологиялық қысым көрсетуге нақты тыйым салады. Бұл ретте заңнаманың әрекет ету аясы тек ресми некедегі тұлғалармен ғана шектелмей, бірге тұратын немесе ортақ шаруашылық жүргізетін, сондай-ақ бұрын некеде болған адамдарға да таралатынын ескеру қажет. Сонымен қатар сот тәртібімен құқық бұзушының мінез-құлқына ерекше талаптар белгіленуі мүмкін, бұл шаралар агрессордың жәбірленушімен бір үйде тұруын уақытша шектеуге немесе оған зиянды әдеттерден бас тарту міндетін жүктеуге мүмкіндік береді [7]. Мұндай кешенді құқықтық құралдар тұрмыстық зорлық-зомбылықтың қайталану қаупін азайтып, жәбірленушілердің конституциялық құқықтарын қорғаудың қосымша кепіліне айналады.

Осы бағытта келесі шараларды жүзеге асыру маңызды:

Біріншіден, сот-медициналық сараптамамен қатар міндетті сот-психологиялық сараптама жүргізу механизмін енгізу қажет. Бұл жәбірленушінің моральдық және психологиялық зардаптарын құқықтық бағалауға мүмкіндік береді.

Екіншіден, цифрлық дәлелдемелерді жинау тәртібін жетілдіру маңызды. Қазіргі уақытта тұрмыстық жанжалдар кезінде мессенджерлердегі хабарламалар, аудио-бейне жазбалар немесе қоқан-лоқы мазмұнындағы хаттар маңызды дәлел ретінде қарастырылуы мүмкін. Мессенджерлер мен әлеуметтік желілерден алынған мәліметтерді легализациялау үшін цифрлық деректерді алудың және сақтаудың арнайы хаттамасын енгізу керек, бұл ретте ақпараттың түпнұсқалығын растау үшін міндетті түрде электрондық-цифрлық сараптама тағайындау механизмін бекіту маңызды. Латентті зорлық-зомбылықты әшкерелеу мақсатында цифрлық іздерді (жүйелі түрде жіберілген қоқан-лоқы хаттар мен аудиохабарламаларды) «қинау» немесе «психологиялық қысым» фактісін растайтын дербес дәлелдеме ретінде танудың құқықтық негізін қалыптастыру қажет.

Үшіншіден, жәбірленушілерге әлеуметтік қолдау көрсету жүйесін дамыту қажет. Бұл бағытта уақытша баспаналар желісін кеңейту, тегін құқықтық көмек көрсету және психологиялық қолдау орталықтарын дамыту маңызды.

Төртіншіден, тұрмыстық зорлық-зомбылық жасаған тұлғалар үшін міндетті 3 айлық психологиялық түзету бағдарламаларын енгізу қажет. Бұл – ең маңызды меже. Егер адам белгілі бір бағдарламаны 90 күн бойы ұстанса, жаңа мінез-құлық өмір салтына айналады. Мида жаңа нейрондық байланыстар бекиді. Мұндай бағдарламалар агрессиялық мінез-құлықты өзгертуге және құқық бұзушылықтың қайталануын азайтуға ықпал етеді.

Жүргізілген ғылыми талдау көрсеткендей, тұрмыстық зорлық-зомбылықты криминализациялау бағытындағы 2024 жылғы заңнамалық реформалар Қазақстанның құқықтық саясатын дамытудағы маңызды қадамдардың бірі болып табылады.

«Ұрып-соғу» және «денсаулыққа қасақана жеңіл зиян келтіру» құрамдарының Қылмыстық кодекске қайта енгізілуі мемлекет тарапынан азаматтардың жеке басының қауіпсіздігін қорғауға бағытталған нақты шаралардың жүзеге асырылып жатқанын көрсетеді.

Сонымен қатар құқық қолдану тәжірибесі тұрмыстық зорлық-зомбылықты саралау барысында бірқатар қиындықтардың бар екенін көрсетеді. Бұл, ең алдымен, психологиялық зорлық-зомбылықты дәлелдеу, қылмыстың жүйелілік сипатын анықтау және жәбірленушілердің құқықтарын тиімді қорғау мәселелеріне қатысты.

Осыған байланысты тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы құқықтық саясатты жетілдіру келесі бағыттар бойынша жалғасуы тиіс:

- кешенді сараптама жүйесін енгізу;
- цифрлық дәлелдемелерді қолдану механизмін дамыту;
- жәбірленушілерге әлеуметтік қолдау көрсету жүйесін кеңейту;
- құқық бұзушыларға арналған психологиялық түзету бағдарламаларын енгізу.

Аталған шараларды жүзеге асыру қоғамда зорлық-зомбылыққа қарсы нөлдік төзімділік мәдениетін қалыптастыруға және адамның құқықтары мен бостандықтарын қорғаудың конституциялық кепілдіктерін тиімді іске асыруға мүмкіндік береді.

Қазақстан Республикасының қылмыстық саясатында жеке тұлғаның құқықтары мен бостандықтарын қорғау ең жоғарғы басымдыққа ие екені белгілі. А.Н. Ағыбаевтың зерттеулеріне сәйкес, қылмыстық құқық жүйесіндегі жауаптылық негіздері тек кінәлі іс-әрекетті жазалаумен ғана шектелмей, қоғамдық қауіпті зардаптардың алдын алуға бағытталуы тиіс [8]. Қазіргі кезеңдегі заңнамалық трансформация жағдайында қылмыс құрамының объективті және субъективті белгілерін

дұрыс анықтау мәселесі ерекше өзекті болып отыр. С.М. Рахметов өз еңбегінде қылмыстық заңның міндеттерін түсіндіре отырып, адамның өмірі мен денсаулығына қарсы келетін қолсұғылмаушылықты тоқтату үшін мемлекеттік мәжбүрлеу шараларының барабарлығын қамтамасыз ету қажеттігін атап өткен [9]. Бұл, әсіресе, денсаулыққа қасақана жеңіл зиян келтіру немесе ұрып-соғу сияқты әрекеттердің құқықтық табиғатын ашуда маңызды рөл атқарады.

Қылмыстық құқықтың жалпы теориясында қылмыс пен қылмыстық теріс қылықтың аражігін ажырату – бұл құқық қолдану тәжірибесіндегі күрделі процестің бірі. Еуразия ұлттық университеті ғалымдарының редакторлығымен шыққан оқулықта көрсетілгендей, қылмыстық жауаптылықтың негізі ретінде заңда көзделген қылмыс құрамының барлық белгілерінің жиынтығы танылады. Тұрмыстық қатынастар аясындағы құқық бұзушылықтарды криминализациялау кезінде заң шығарушы тұлғаның моральдық-психологиялық жағдайын ескере отырып, әрекеттің қоғамдық қауіптілік дәрежесін нақтылауды көздейді. Осы тұрғыда, жаза тағайындау кезінде тек келтірілген физикалық зиян ғана емес, сонымен қатар қылмыстың жасалу жағдайлары мен кінәлі адамның жеке басының сипаттамалары да басты назарда болуы тиіс [10].

Қазақстанның қылмыстық заңнамасындағы трансформациялық өзгерістерді талдау, тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күрестің тек жазалаушылық сипаттан алдын алушылық және оңалтушылық сипатқа көшуі қажеттілігін айқындап отыр. Мақалада ұсынылған шаралардың өзектілігі қылмыстық құқықтың классикалық доктринасын заманауи криминологиялық талаптармен интеграциялау арқылы іске асады. Атап айтқанда, құқық қолдану тәжірибесіндегі «физикалық зиянды дәлелдеу» догмасынан «жүйелі психологиялық әсерді анықтау» моделіне көшу, болашақта отбасылық құқық бұзушылықтардың латенттілігін азайтудың негізгі факторына айналмақ. Бұл өзгерістер тек заңнамалық түзетулерді емес, құқық қорғау органдарының тергеу әдістемесін толықтай қайта қарауды, сондай-ақ қоғамдық институттармен серіктестікте жұмыс істейтін кешенді мониторинг жүйесін қалыптастыруды талап етеді. Нәтижесінде, ұсынылған ұстанымдар қылмыстық іс жүргізудегі дәлелдемелік базаны сапалық жағынан жаңартып, сот тәжірибесіндегі әділдік пен жазаның бұлтартпастығын қамтамасыз ететін жаңа құқықтық парадигманы бекітуге мүмкіндік береді.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Конституция 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (жүгінген күні: 17.02.2026)
2. Қазақстан Республикасының Конституциясы Жобасы. – 2026 жылғы 12 ақпан. – <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830> (жүгінген күні: 09.03.2026)
3. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 17.02.2026)
4. «Адамның өмірі мен денсаулығына қарсы кейбір қылмыстық құқық бұзушылықтарды саралау туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2007 жылғы 11 мамырдағы № 1 нормативтік қаулысы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P07000001S> (жүгінген күні: 18.02.2026)
5. Қылмыстық құқық бұзушылықтардың бірнеше рет жасалуын және жиынтығын саралау туралы Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2006 жылғы 25 желтоқсандағы N 11 Нормативтік қаулысы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P06000011S> (жүгінген күні: 18.02.2026)
6. Стамбульская конвенция – эффективный инструмент для предотвращения насилия по гендерному признаку – 2019. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://assembly.coe.int/LifeRay/EGA/WomenFFViolence/2019/2019-HandbookIstanbulConvention-RU.pdf> (жүгінген күні: 19.02.2026)
7. Тұрмыстық зорлық-зомбылық профилактикасы туралы - "Әділет" АҚЖ <https://share.google/iSstrzGtSz3zG3DyQ> (жүгінген күні: 19.02.2026)
8. Ағыбаев А. Н. Қылмыстық құқық : оқулық. Жалпы бөлік.- Алматы: Жеті жарғы, 2016, 276 б.
9. Рахметов С.М. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть: Учебник. – Алматы: ТОО Лантар Трейд, 2020, 404 с.
10. Қазақстан Республикасының қылмыстық құқығы: оқулық. Жалпы бөлік / Редакторлар: Қ.Ж. Балтабаев, А.Ә. Биебаева, Б.К. Сыздық; Қазақстан Республикасының ғылым және жоғары білім министрлігі; Л.Н. Гумилев атындағы Евразия ұлттық университеті. - Алматы : Жеті жарғы, 2022, 448 б.

УДК 343.8

Сыздыков Алмаз Жаксыбекович,
и.о. профессора Alikhan Bokeikhan University,
доктор философии (PhD), ассоциированный профессор,
г. Астана, Республика Казахстан

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТОВ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ И ЗАМЕНЫ НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В статье исследуется практика применения институтов условно-досрочного освобождения (УДО) и замены неотбытой части наказания более мягким видом (ЗМН) в зарубежных странах. Основой исследования выступили специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан 2025 года, международные стандарты Совета Европы, а также официальные акты и научные публикации по праву Германии, Франции, Канады, Великобритании и США. Автор показывает, что зарубежные модели различаются по минимальным срокам отбытия наказания, субъектам принятия решения и соотношению судебного усмотрения с обязательными механизмами освобождения. Вместе с тем их объединяют общие признаки: ориентация на ресоциализацию, оценку риска рецидива, участие пробационных служб и поэтапный переход от изоляции к жизни в обществе. Отдельное внимание уделено соотношению УДО и ЗМН, а также иным смежным механизмам. На основе сравнительного анализа обосновывается вывод о том, что эффективность рассматриваемых институтов обеспечивается не отдельной льготой осужденному, а целостной системой постпенитенциарного сопровождения. Сформулированы предложения по совершенствованию казахстанской практики.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение; замена наказания; probation; ресоциализация; зарубежный опыт; исполнение наказания; электронный мониторинг; возмещение вреда.

Андатпа. Мақалада шетел мемлекеттеріндегі шартты түрде мерзімінен бұрын босату және жазаның өтелмеген бөлігін жазаның неғұрлым жұмсақ түрімен ауыстыру институттарын қолдану тәжірибесі зерттеледі. Зерттеудің негізін Қазақстан Республикасындағы Адам құқықтары жөніндегі уәкілдің 2025 жылғы арнайы баяндамасы, Еуропа Кеңесінің халықаралық стандарттары, сондай-ақ Германия, Франция, Канада, Ұлыбритания және АҚШ заңнамасы мен ғылыми жарияланымдары құрайды. Автор шетелдік модельдердің жазаны өтеудің ең төменгі мерзімі, шешім қабылдайтын субъектілер және сот қалауының міндетті босату тетіктерімен арақатынасы бойынша ерекшеленетінін көрсетеді. Сонымен бірге оларды қайта әлеуметтендіруге бағдарлануы, қайталанған қылмыс тәуекелін бағалауы, probation қызметтерінің қатысуы және оқшаулаудан қоғамға кезең-кезеңімен көшуі біріктіреді. Мақалада басқада сабақтас тетіктердің мазмұны да ашылады. Салыстырмалы талдау нәтижесінде аталған институттардың тиімділігі сотталған адамға берілетін жеңілдікпен ғана емес, босатылғаннан кейінгі сүйемелдеудің тұтас жүйесімен қамтамасыз етілетіні негізделеді. Соңында Қазақстан тәжірибесін жетілдіруге бағытталған ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: шартты түрде мерзімінен бұрын босату; жазаны ауыстыру; probation; қайта әлеуметтендіру; шетелдік тәжірибе; жазаны орындау; электрондық мониторинг; зиянды өтеу.

Abstract. The article examines foreign approaches to conditional early release and replacement of the unserved part of punishment with a milder type. The study is based on the 2025 special report of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan, Council of Europe standards, official legal acts, and academic publications concerning Germany, France, Canada, the United Kingdom, and the United States. It is shown that foreign models differ in minimum time served, decision-making bodies, and the balance between judicial discretion and mandatory release mechanisms. At the same time, they share common features, including an orientation toward reintegration, recidivism risk assessment, probation support, and gradual transition from custody to community life. Special attention is paid to the correlation between parole and sentence replacement, as well as to related mechanisms such as release on license, statutory release, electronic monitoring, and day parole. The comparative analysis demonstrates that the effectiveness of these institutions depends not on a formal privilege granted to the offender but on a coherent post-release supervision and assistance system. Proposals have been formulated to improve the Kazakh practice.

Keywords: conditional early release; parole; replacement of punishment; probation; reintegration; foreign experience; electronic monitoring; victim compensation.

Современная пенитенциарная политика все в большей степени оценивается не только по строгости назначаемого наказания, но и по тому, насколько правовая система умеет сочетать защиту общества, уважение достоинства осужденного и снижение риска повторной преступности. Именно в этой логике институты условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом приобретают особое значение. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан справедливо рассматривает их не как техническое исключение из

общего правила об исполнении приговора, а как важнейшие гарантии права на свободу, гуманное обращение и реабилитацию. Международные стандарты также исходят из того, что досрочное освобождение должно быть встроено в общую систему подготовки к освобождению, надзора и социальной помощи, а не сводиться к разовой судебной льготе. [1], [2], [3]

Актуальность обращения к зарубежному опыту определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в Казахстане данные институты уже закреплены в статьях 72 и 73 Уголовного кодекса и активно применяются судами, следовательно, вопрос состоит не в их декларативном признании, а в качестве критериев и процедур их реализации. [4], [5] Во-вторых, сам специальный доклад УПЧ построен на сравнении правовых систем и показывает, что эффективные модели УДО и функциональных аналогов ЗМН давно развиваются в странах романо-германской и англосаксонской правовых семей. [1] В-третьих, в условиях цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы становится особенно заметной роль электронного мониторинга, цифровых профилей риска и межведомственного обмена данными, которые меняют практику контроля за освобожденными, но не отменяют требования индивидуального подхода. [1], [3]

Ключевым международным ориентиром выступает Рекомендация Rec(2003)22 Комитета министров Совета Европы, определяющая conditional release как досрочное освобождение осужденного при условии соблюдения индивидуализированных постпенитенциарных требований. [2] Из этого определения следуют два принципиальных вывода. Первый: УДО не тождественно амнистии или помилованию, поскольку предполагает контролируемое возвращение лица в общество. Второй: законность досрочного освобождения должна опираться на заранее известные критерии, прозрачную процедуру принятия решения и возможность реального сопровождения освобожденного после выхода на свободу. Эти идеи развиваются и в Правилах Совета Европы о пробации, где акцент сделан на сочетании контроля, помощи и профилактики рецидива. [3] Таким образом, международный стандарт переносит центр тяжести с формального отбытия части срока на проверку готовности лица к жизни на свободе и способности государства обеспечить безопасную реинтеграцию.

В странах континентальной Европы особенно показателен опыт Германии и Франции. Немецкое уголовное законодательство предусматривает, что остаток срочного лишения свободы может быть приостановлен на испытательный срок после фактического отбытия двух третей наказания, а в отдельных случаях – уже после половины срока, если речь идет о впервые осужденном и сравнительно непродолжительном наказании. При этом суд учитывает не только дисциплинарное поведение в учреждении, но и личность осужденного, его предшествующую жизнь, обстоятельства преступления, условия жизни после освобождения и интересы общественной безопасности [6]. Важна сама конструкция: решение носит судебный характер, но основано на комплексном прогнозе поведения лица вне мест лишения свободы. Германская модель демонстрирует, что УДО – это не награда за формальное соблюдение режима, а юридически оформленный вывод о том, что дальнейшее пребывание в изоляции уже не является необходимым для достижения целей наказания. [1], [6], [7]

Французский подход еще более отчетливо связывает условное освобождение с реинтеграцией и предупреждением рецидива. Code de procédure pénale прямо закрепляет, что libération conditionnelle направлена на реинтеграцию осужденных и профилактику повторных преступлений. Для ее предоставления требуются серьезные усилия в пользу социальной реинтеграции: труд, обучение, участие в семейной жизни, лечение, компенсация вреда потерпевшим либо иной реалистичный проект возвращения в общество. Как общее правило, освобождение возможно после отбытия срока, равного оставшейся неотбытой части, а по отдельным категориям дел действуют специальные, более строгие режимы, включая обязательную оценку опасности и промежуточные формы смягчения режима, в том числе электронный мониторинг и полу-свободу. [8] Кроме того, французское право предусматривает регулярный пересмотр вопроса об освобождении, что уменьшает риск фактической бессрочности лишения свободы и соответствует идее «права на надежду», о которой говорится и в специальном докладе УПЧ. [1], [8]

Если континентальная модель тяготеет к более выраженному судебному контролю, то англосаксонские системы делают упор на специализированные органы и дифференцированные формы постпенитенциарного надзора. Наиболее сбалансированным в этом отношении представляется канадский опыт. В соответствии с Corrections and Conditional Release Act полное условное освобождение возможно, как правило, после отбытия одной трети срока либо семи лет – в зависимости от того, что меньше; day parole допускается раньше и используется как подготовительная мера; statutory release наступает после отбытия двух третей срока, если нет оснований для дальнейшего удержания в интересах безопасности общества [9]. Тем самым канадская система сочетает дискреционное решение о более раннем освобождении с обязательным переводом оставшейся части

наказания в режим контролируемого пребывания в обществе. По существу, это функциональный аналог ЗМН: неотбытая часть срока не исчезает, а реализуется в иных, менее репрессивных условиях под надзором и при поддержке специалистов. [1], [9]

Практика Великобритании ценна тем, что демонстрирует развитую систему освобождения on licence. При решении об освобождении центральное место занимает Parole Board, а после выхода лицо продолжает отбывать оставшуюся часть срока в сообществе под надзором probation service и с обязательным соблюдением licence conditions. Существенно и то, что потерпевшие могут просить о включении в условия освобождения запретов, связанных, например, с приближением к определенным местам или контактами с конкретными лицами. [10] Специальный доклад УПЧ также обращает внимание на британские административные схемы раннего освобождения с электронным мониторингом, которые фактически приближаются к идее замены тюремного заключения более мягкой формой контроля на заключительном этапе срока. [1] Эта модель интересна для Казахстана тем, что соединяет общественную безопасность, учет интересов жертвы и технологические средства наблюдения без утраты принципа индивидуализации.

Американский опыт, напротив, показывает, насколько неоднородной может быть практика УДО в федеративном государстве. В федеральной системе США parole для преступлений, совершенных после 1 ноября 1987 года, было отменено в результате Sentencing Reform Act of 1984, а вместо него закреплен институт supervised release как форма контроля после отбытия назначенного срока лишения свободы. [11] Однако на уровне штатов parole во многих юрисдикциях сохранен и по-прежнему строится вокруг решений специальных советов, оценки риска рецидива, поведения осужденного и позиции потерпевшей стороны. Как верно отмечается в сравнительно-правовой литературе, американская система особенно ярко демонстрирует сдвиг от идеи «заслуженного освобождения» к идее «управляемого риска»: вопрос ставится не столько о том, исправился ли осужденный окончательно, сколько о том, возможно ли безопасно управлять его поведением вне тюрьмы. [1], [11]. Для казахстанского правоприменителя здесь важен не буквальный перенос модели, а понимание того, что отказ от системного УДО либо чрезмерная политизация решений увеличивают роль усмотрения и не всегда обеспечивают предсказуемость практики.

Сопоставление зарубежных моделей позволяет выделить несколько общих закономерностей. Во-первых, минимальные сроки фактического отбытия наказания колеблются от одной трети до двух третей срока, однако сами по себе они редко являются достаточным основанием для освобождения. Законодатель все чаще требует подтвержденной динамики исправления, наличия плана проживания, работы или лечения, а также оценки риска рецидива. [1], [11], [12] Во-вторых, функциональные аналоги ЗМН нередко реализуются не через самостоятельный судебный институт, а через поэтапные формы освобождения: day parole, semi-liberty, release on licence, statutory release, электронный мониторинг на дому. В-третьих, в большинстве эффективных систем пробация выступает не второстепенным элементом, а основным связующим звеном между тюрьмой и обществом. Наконец, заметна тенденция к расширению роли потерпевшего: через возмещение ущерба, учет позиции жертвы, специальные ограничительные условия после освобождения. [3], [9], [10]

Для Казахстана эти выводы имеют не абстрактное, а вполне прикладное значение. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан подчеркивает необходимость индивидуального подхода при разрешении вопросов УДО и ЗМН, а специальный доклад УПЧ показывает, что дальнейшее совершенствование должно идти не по линии простого ужесточения или либерализации, а по линии повышения обоснованности решений. [1], [5]

В докладе прямо акцентируется значимость подготовки к освобождению, усиления пробационного сопровождения, развития медиативных механизмов возмещения ущерба и введения новых форм контролируемого освобождения. Характерно, что в социологическом блоке доклада наибольшую поддержку получила идея применения электронных браслетов слежения, а также укрепления кадрового потенциала пробации и программ социальной адаптации [1]. Это означает, что общественный запрос направлен не столько на отказ от досрочного освобождения как такового, сколько на повышение управляемости и прозрачности его последствий.

С учетом зарубежного опыта представляется целесообразным развитие казахстанской модели по нескольким направлениям. Прежде всего, следует более четко стандартизировать критерии оценки исправления: не ограничиваться сведениями о поведении в учреждении, а включать данные об участии в трудовых и образовательных программах, прохождении лечения, компенсации вреда, наличии жилья и занятости после освобождения. Далее, ЗМН необходимо рассматривать как этап прогрессивной системы исполнения наказания, при котором лицо не просто получает послабление, а переходит в иной режим правовых обязанностей и контроля. Важным резервом является цифровизация: единый

цифровой досье-профиль осужденного, межведомственный обмен данными между судом, учреждением, службой пробации и органами социальной поддержки, а также адресное использование электронного мониторинга позволят сделать решения более доказательными и индивидуализированными. Наконец, зарубежный опыт убеждает, что без сильной пробации любое УДО рискует превратиться либо в формальную привилегию, либо, напротив, в излишне редкий и недоступный механизм. [1], [9], [10]

Подводя итог, следует отметить, что практика зарубежных стран не подтверждает ни тезис о чрезмерной опасности института УДО, ни представление о том, что замена наказания более мягким видом является лишь способом разгрузки пенитенциарных учреждений. Напротив, наиболее успешные модели строятся на балансе четырех элементов: определенности закона, индивидуальной оценки личности, постепенного перехода от изоляции к свободе и развитого постпенитенциарного сопровождения. Для Казахстана ценность зарубежного опыта состоит в возможности переосмыслить УДО и ЗМН как взаимосвязанные элементы единой прогрессивной системы исполнения наказания, где гуманизм не противопоставляется безопасности общества, а достигается через ее укрепление. Именно такое понимание позволяет рассматривать дальнейшее совершенствование данных институтов как одну из ключевых задач современной уголовно-исполнительной политики.

Список использованных источников:

1. Об институтах условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким видом: специальный доклад / Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан. – Астана, 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.kz/uploads/2025/7/18/00b3b819c00c8e8699b4134e30796ce5_original.1963559.pdf (дата обращения: 09.03.2026).
2. Recommendation Rec(2003)22 of the Committee of Ministers to member states on conditional release (parole). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/16800ccb5d> (дата обращения: 09.03.2026).
3. Recommendation CM/Rec(2010)1 of the Committee of Ministers to member states on the Council of Europe Probation Rules. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pjp-eu.coe.int/documents/41781569/42171329/CMRec%2B%282010%29%2B1%2Bon%2Bthe%2BCouncil%2Bof%2BEurope%2BProbation%2BRules.pdf/f943da48-65ff-4996-9bbd-1910527861bb> (дата обращения: 09.03.2026).
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 09.03.2026).
5. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и сокращения срока назначенного наказания: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 2 октября 2015 года № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000006S> (дата обращения: 09.03.2026).
6. Strafgesetzbuch (StGB). § 57 Aussetzung des Strafrestes bei zeitiger Freiheitsstrafe; § 57a Aussetzung des Strafrestes bei lebenslanger Freiheitsstrafe. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_57.html ; https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_57a.html (дата обращения: 09.03.2026).
7. Сравнительно-правовой анализ института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Вестник СПбГУ. Право. 2022. Т. 13. Вып. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-instituta-uslovno-dosrochnogo-osvobozhdeniya-ot-otbyvaniya-nakazaniyav-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii/pdf> (дата обращения: 09.03.2026).
8. Code de procédure pénale. Titre III: De la libération conditionnelle (Articles 729 à 733). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006138144> (дата обращения: 09.03.2026).
9. Corrections and Conditional Release Act (S.C. 1992, c. 20). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-44.6/> (дата обращения: 09.03.2026).
10. Guide to parole for victims of crime. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/guidance/guide-to-parole-for-victims-of-crime> (дата обращения: 09.03.2026).

11. Parole; Supervised Release Toolkit // United States Sentencing Commission. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ussc.gov/p>; <https://www.ussc.gov/education/supervised-release-toolkit> (дата обращения: 09.03.2026).

12. Закиров Т.М. Сравнительно-правовой анализ досрочного освобождения осужденных по законодательству зарубежных стран // Трибуна молодого ученого. 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-dosrochnogo-osvobozhdeniya-osuzhdennyh-po-zakonodatelstvu-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 09.03.2026).

ӘОЖ 343.436

Темірғали Заманбек Нұржанұлы
Астана халықаралық университетінің студенті,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

Сеилханов Жанат Дюйсенбаевич
Астана халықаралық университетінің аға оқытушысы,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ СТАЛКИНГТІ КРИМИНАЛИЗАЦИЯЛАУ: ЖЕКЕ ТҮЛҒАНЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚОРҒАУДЫҢ ЖАҢА ВЕКТОРЫ

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы сталкинг құбылысының қылмыстық-құқықтық тұрғыдан реттелуі және оның жеке тұлғаның құқықтары мен бостандықтарын қорғаудағы маңызы қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі қазіргі қоғамда адамның жеке өміріне қол сұғушылықтың жаңа нысандарының пайда болуымен және олардың психологиялық қауіпсіздікке төндіретін қауіпмен түсіндіріледі.

Зерттеудің мақсаты – сталкингтің құқықтық табиғатын талдау, оның қоғамға қауіптілік деңгейін анықтау және Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасында бұл әрекетті криминализациялаудың маңызын негіздеу. Сонымен қатар халықаралық тәжірибені салыстырмалы түрде зерттеу арқылы ұлттық құқықтық реттеуді жетілдірудің мүмкін бағыттары қарастырылады.

Зерттеу барысында ғылыми-теориялық талдау, салыстырмалы-құқықтық әдіс, статистикалық деректерді талдау және нормативтік-құқықтық актілерді зерделеу әдістері қолданылды. Халықаралық тәжірибе мен Қазақстандағы құқық қолдану практикасының деректері негізінде сталкингтің латенттілігі, оның басқа құқық бұзушылықтармен байланысы және жәбірленушілерге тигізетін психологиялық әсері анықталды.

Зерттеу нәтижелері сталкингтің жеке тұлғаның психологиялық қауіпсіздігі мен жеке өмірінің қол сұғылмаушылығына айтарлықтай қауіп төндіретінін көрсетеді. Осыған байланысты сталкингті қылмыстық құқық бұзушылық ретінде тану және оның алдын алу механизмдерін жетілдіру азаматтардың конституциялық құқықтарын тиімді қорғаудың маңызды бағыты болып табылады.

Түйінді сөздер: Сталкинг; криминализация; қылмыстық құқық; жеке тұлғаның құқықтарын қорғау; психологиялық қауіпсіздік; жеке өмірге қол сұғылмаушылық; құқық бұзушылықтың алдын алу; қылмыстық жауаптылық; латентті қылмыс.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы уголовно-правового регулирования stalking в Республике Казахстан и его значение в системе защиты прав и свобод личности. Актуальность исследования обусловлена появлением в современном обществе новых форм посягательства на частную жизнь человека и угрозой, которую они представляют для его психологической безопасности.

Целью исследования является анализ правовой природы stalking, определение степени его общественной опасности, а также обоснование необходимости его криминализации в уголовном законодательстве Республики Казахстан. Кроме того, на основе сравнительного анализа международного опыта рассматриваются возможные направления совершенствования национального правового регулирования.

В ходе исследования были использованы методы научно-теоретического анализа, сравнительно-правового исследования, анализа статистических данных и изучения нормативно-правовых актов. На основе международного опыта и данных правоприменительной практики в Казахстане выявлены такие особенности stalking, как его высокая латентность, взаимосвязь с другими правонарушениями и значительное психологическое воздействие на потерпевших.

Результаты исследования показывают, что stalking представляет собой серьезную угрозу психологической безопасности личности и неприкосновенности частной жизни. В связи с этим признание stalking уголовно наказуемым деянием и совершенствование механизмов его предупреждения являются важным направлением уголовно-правовой политики, направленной на эффективную защиту конституционных прав и свобод граждан.

Ключевые слова: Сталкинг; криминализация; уголовное право; защита прав личности; психологическая безопасность; неприкосновенность частной жизни; профилактика правонарушений; уголовная ответственность; латентная преступность.

Abstract. This article examines the issues of criminal law regulation of stalking in the Republic of Kazakhstan and its significance in the system of protection of individual rights and freedoms. The relevance of the study is determined by the emergence of new forms of intrusion into a person's private life in modern society and the threats they pose to psychological security.

The purpose of the study is to analyze the legal nature of stalking, determine the level of its social danger, and substantiate the necessity of its criminalization in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. In addition,

based on a comparative analysis of international experience, possible directions for improving national legal regulation are considered.

The research employed methods of theoretical analysis, comparative legal analysis, statistical data analysis, and the study of regulatory legal acts. Based on international practice and data from law enforcement practice in Kazakhstan, such features of stalking as its high latency, its connection with other offenses, and its significant psychological impact on victims were identified.

The results of the study indicate that stalking poses a serious threat to the psychological security of individuals and to the inviolability of private life. Therefore, recognizing stalking as a criminal offense and improving mechanisms for its prevention are important directions of criminal policy aimed at ensuring effective protection of the constitutional rights and freedoms of citizens.

Keywords: Stalking; criminalization; criminal law; protection of individual rights; psychological safety; privacy protection; crime prevention; criminal liability; latent crime.

Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесінде адам құқықтары мен бостандықтарын қорғау мемлекет қызметінің басты басымдықтарының бірі болып табылады. Бұл қағида Қазақстан Республикасы Конституциясының преамбуласында бекітілген «Заң мен тәртіп» қағидатымен тығыз байланысты. Конституциялық нормаларға сәйкес адам, оның өмірі, құқықтары мен бостандықтары – мемлекеттің ең жоғары құндылығы болып табылады.

Негізгі заңның 15-бабында адам құқықтары мен бостандықтары әркімге тумысынан тиесілі екендігі және олардың ажыратылмайтын сипаты бекітілген. Осыған байланысты мемлекет азаматтардың жеке өмірін, қауіпсіздігін және еркіндігін қамтамасыз етуге міндетті.

Конституциялық нормалар әрбір адамның өз құқықтары мен бостандықтарын заңға қайшы келмейтін тәсілдермен қорғауға, соның ішінде сот арқылы қорғауға құқылы екенін анықтайды. Бұл ережелер тұлғаның құқықтық қорғалу кепілдіктерін қамтамасыз етіп, кез келген заңсыз әрекеттерден қорғауға бағытталған. Сонымен қатар адамның құқықтары мен бостандықтарын жүзеге асыру басқа тұлғалардың құқықтары мен бостандықтарын бұзбауға тиіс екендігі Конституцияда нақты көрсетілген [1].

Алайда қоғам дамыған сайын адамның жеке өміріне қол сұғатын жаңа құқықбұзушылық түрлері де пайда болуда. Солардың бірі – stalking. Ұзақ уақыт бойы мұндай әрекеттер қоғамдық санада «артық назар аудару», «жауапсыз махаббат» немесе «шамадан тыс қызығушылық» ретінде бағаланғанымен, шын мәнінде ол адамның жеке өміріне, психологиялық қауіпсіздігіне және еркіндігіне қауіп төндіретін әлеуметтік-құқықтық құбылыс болып табылады.

Stalking (ағылш. *stalking* – аңду, жасырын бақылау) – бұл бір адамның екінші адамды оның еркіне қарсы жүйелі түрде аңдуы, бақылауы, байланыс орнатуға мәжбүрлеуі немесе түрлі психологиялық қысым көрсетуі арқылы жәбірленушінің қалыпты өмір сүруіне кедергі келтіретін әрекеттер жиынтығы. Мұндай әрекеттер әрдайым физикалық зорлық-зомбылықпен ұштаспаса да, жәбірленушінің психологиялық жағдайына, қауіпсіздік сезіміне және жеке өмірінің қол сұғылмаушылығына елеулі зиян келтіруі мүмкін [2].

Stalking құбылысы көптеген мемлекеттерде жеке тұлғаның қауіпсіздігіне қауіп төндіретін құқық бұзушылық ретінде танылып, қылмыстық заңнамамен реттелген. Халықаралық тәжірибеде stalkingке қарсы құқықтық механизмдердің қалыптасуы XX ғасырдың соңында басталды.

Мысалы, АҚШ-та stalkingке қарсы заң алғаш рет 1990 жылы Калифорния штатында қабылданған. Қазіргі уақытта бұл әрекет барлық штаттарда қылмыс ретінде қарастырылады.

Германияда 2007 жылдан бастап stalking қылмыстық жауаптылыққа әкелетін әрекет ретінде танылған. Канадада 1993 жылдан бастап «criminal harassment» ұғымы енгізіліп, жүйелі қудалау әрекеттері үшін жауаптылық көзделген.

Осы мемлекеттердің тәжірибесі stalkingті қылмыстық құқықтық деңгейде реттеу жәбірленушілердің құқықтарын қорғауда тиімді құрал екенін көрсетеді [3].

Қазақстанда stalkingке қарсы арнайы құқықтық норманың енгізілуіне қоғамда орын алған бірқатар қайғылы жағдайлар түрткі болды. Солардың бірі – Орал қаласында тіркелген трагедиялық оқиға.

Бұл жағдайда stalking құрбаны болған әйел құқық қорғау органдарына 30-дан астам рет шағым түсіргенімен, заңда арнайы баптың болмауына байланысты нақты көмек ала алмаған. Соңында ол шабуылдан аман қалғанымен, ауыр жарақат алып, өмір бойына мүгедек болып қалған. Мұндай жағдайлар Қазақстанның басқа өңірлерінде де тіркелген [4].

Осыған байланысты 2025 жылғы 16 шілдеде Қазақстан Республикасының Президенті Қылмыстық кодекске stalking үшін жауаптылықты көздейтін түзетулерге қол қойды.

Ал 2025 жылғы 16 қыркүйекте заңнамалық нормалар күшіне еніп, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 115-1-бабы бойынша құқық бұзушыларды қылмыстық жауаптылыққа тартудың құқықтық механизмі іске қосылды [5].

Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 115-1-бабына сәйкес сталкинг үшін қылмыстық жауаптылық көзделген.

Аталған баптың санкциясына сәйкес кінәлі тұлғаға:

- 200 айлық есептік көрсеткішке дейін айыппұл салу;
- түзету жұмыстары;
- 200 сағатқа дейін қоғамдық жұмыстар;
- 50 тәулікке дейін қамаққа алу түріндегі жазалар қолданылуы мүмкін [6].

Сталкингтің объектісі – жеке тұлғаның психологиялық саулығы мен жеке өмірінің қол сұғылмаушылығы.

Объективті жағы жәбірленушінің еркіне қарсы: анду, байланыс орнатуға мәжбүрлеу, бақылау жүргізу, психологиялық қысым көрсету сияқты жүйелі әрекеттерден көрінеді. Субъектісі – 16 жасқа толған, есі дұрыс тұлға. Субъективті жағы тікелей ниетпен сипатталады. Кінәлі адам өзінің заңсыз әрекеттер жасағанын түсінеді, әлеуметтік қауіпті салдардың басталуын болжайды және оны қалайды.

Сталкинг қылмысының маңызды проблемалық сипаттарының бірі - оның жоғары латенттілігі. Латенттілік термині латын тіліндегі *latens* – «жасырын» деген сөзден шыққан, құқық бұзушылықтың ресми тіркелмеуі немесе толық көлемде анықталмауы дегенді білдіреді. Сталкинг жағдайында бұл құбылыс кеңінен байқалады, себебі көптеген жәбірленушілер орын алған әрекеттерді құқық бұзушылық ретінде қабылдамайды немесе оны дәлелдеу қиын деп есептейді [7].

Сталкингтің жасырын қалуына бірнеше фактор әсер етеді:

1. Жәбірленушілердің құқық қорғау органдарына жүгінбеуі.
2. Қоғамдық пікірден қысылу, стигматизациядан немесе кек алудан қорқу
3. Қудалау әрекеттерін дәлелдеудің күрделілігі және құқықтық бағалаудың жеткіліксіздігі.
4. Психологиялық қысымның ұзақ уақыт бойы жинақталып, айқын физикалық белгілерсіз өтуі.

Қазақстанда сталкинкке қатысты статистикалық деректер де бұл мәселенің өзектілігін көрсетеді.

2025 жылғы 16 қыркүйектен бастап жаңа бап күшіне енгеннен кейін алғашқы кезеңде 15 қылмыстық іс тіркелген.

2026 жылдың басындағы деректер бойынша сталкинг фактілері бойынша 79 қылмыстық іс тіркелген. Ең көп жағдайлар Шымкент, Астана және Алматы қалаларында анықталған [8].

Осы тұрғыдан алғанда, сталкингтің латенттілігін төмендету мақсатында халық арасында құқықтық түсіндіру жұмыстарын күшейту, жәбірленушілерге арналған сенім тетіктерін дамыту, сондай-ақ құқық қорғау органдарының жедел әрекет ету және дер кезінде араласу механизмдерін жетілдіру қажет. Мұндай шаралар жәбірленушілердің құқық қорғау органдарына жүгіну белсенділігін арттырып, қудалау фактілерін ерте кезеңде анықтауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар цифрлық ортада жасалатын қудалау әрекеттерінің алдын алу үшін киберқауіпсіздік шараларын күшейту және онлайн шағым беру механизмдерін дамыту маңызды болып табылады.

Сталкинг әрекеттері қылмыстық және әкімшілік құқық бұзушылықтардың жекелеген құрамдарымен тығыз байланысты.

Мысалы: қорқыту – ҚК 115-бап, жыныстық мәжбүр ету – ҚК 123-бап, қорлау – ҚК 131-бап, жеке өмірге қол сұғылмаушылықты бұзу – ҚК 147-бап, ақпараттық жүйелерге заңсыз қол жеткізу – ҚК 205-бап.

Сонымен қатар әкімшілік құқық бұзушылықтар құрамында да кездеседі: ұсақ бұзақылық (ӨҚБтК 434-бап), отбасылық-тұрмыстық құқық бұзушылықтар (73-бап), қоғамдық орындарда тиісу (449-бап) [9].

Алайда бұл нормалар сталкингтің барлық көріністерін толық қамти алмайды.

Сталкинг жәбірленушінің өмір сүру салтын өзгертуге мәжбүрлейді, қауіпсіздік сезімін төмендетеді және әлеуметтік байланыстарды шектейді.

Зерттеулерге сәйкес, бұрынғы серіктесі тарапынан өлтірілген әйелдердің шамамен 76%-ы осы оқиғаға дейін бір жыл ішінде жүйелі түрде қудалауға ұшыраған [10].

2025 жылғы 30 желтоқсанда қабылданған «Құқық бұзушылық профилактикасы туралы» заң құқық бұзушылықтардың алдын алу жүйесін жетілдіруге бағытталған.

Аталған заңға сәйкес:

- құқық бұзушылық жасауға бейім тұлғалар профилактикалық есепке алынады;
- олардың мінез-құлқына бақылау жүргізіледі;

- жәбірленушілерге психологиялық көмек көрсетіледі;
- виктимологиялық профилактика жүзеге асырылады.

Сонымен қатар қорғау нұсқамасы сияқты превентивтік құралдар қарастырылған [11].

Біздің пікірімізше, сталкингті тек қылмыстық теріс қылық ретінде қарастыру оның қоғамдық қауіптілік деңгейін толық ашып көрсетпейді.

Сталкинг ұзақ уақыт бойы жәбірленушінің психологиялық жағдайына әсер етіп қана қоймай, ауыр қылмыстардың жасалуына алғышарт болуы мүмкін.

Мысалы, 2026 жылғы 11 қаңтарда Шымкент қаласында орын алған Нұрай Серікбайдың қаза табу фактісі қоғамда үлкен резонанс тудырды. Тергеу деректеріне сәйкес, күдікті жәбірленушіні ұзақ уақыт бойы қудалаған [12].

Аталған мән-жайларды ескере отырып, бапты жетілдіру мақсатында сталкингті Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 11-бабына сәйкес онша ауыр емес қылмыстар санатына жатқызу мәселесін қарастыру орынды деп санаймыз.

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 115-1-бабының құрылымына назар аудару қажет. Қазіргі уақытта аталған бап тек бір бөліктен тұрады және сталкингтің барлық көріністері бірыңғай құрам ретінде қарастырылады. Алайда қудалау әрекеттері өзінің сипаты, ұзақтығы және келтіретін зияны бойынша әртүрлі деңгейде көрініс табуы мүмкін. Осыған байланысты бапты жетілдіру мақсатында оны бірнеше бөліктерге бөліп, сталкингтің сараланған құрамдарын енгізу орынды болып табылады. Мәселен, қайталанған қудалау, жәбірленушіге қатысты қорқыту элементтерінің болуы, кәмелетке толмағандарға қатысты жасалуы немесе ақпараттық технологияларды пайдалану арқылы жүзеге асырылуы сияқты мән-жайларды ауырлататын белгілер ретінде қарастыруға болады. Мұндай тәсіл қылмыстың қоғамдық қауіптілік деңгейін неғұрлым нақты бағалауға, жазаны әділ дараландыруға және құқық қолдану практикасының тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді.

Халықаралық тәжірибе де мұндай тәсілдің тиімді екенін көрсетеді. АҚШ, Ұлыбритания, Германия, Франция, Канада, Жапония және Аустралия мемлекеттерінде сталкинг үшін қылмыстық жауаптылық қарастырылған [13].

Қорыта айтқанда, сталкинг қазіргі қоғамдағы жеке тұлғаның қауіпсіздігіне елеулі қауіп төндіретін құқық бұзушылықтардың бірі болып табылады. Бұл құбылыс жәбірленушінің психологиялық жағдайына ғана емес, оның әлеуметтік өміріне, қауіпсіздік сезіміне және жалпы өмір сапасына кері әсер етеді.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне 115-1-баптың енгізілуі азаматтардың психологиялық және жеке қауіпсіздігін қорғауға бағытталған маңызды құқықтық қадам болды. Дегенмен сталкингтің қоғамдық қауіптілік деңгейін ескере отырып, оны одан әрі құқықтық тұрғыдан жетілдіру қажеттілігі сақталып отыр.

Халықаралық тәжірибе мен статистикалық деректер сталкинг әрекеттері көбіне ауыр қылмыстардың алғышарты болатынын көрсетеді. Осыған байланысты сталкингті қылмыс санатына жатқызу және оның алдын алу механизмдерін күшейту Қазақстандағы қылмыстық-құқықтық саясаттың маңызды бағыттарының бірі болуы тиіс.

Осы шаралар азаматтардың жеке бас бостандығын, психологиялық қауіпсіздігін және конституциялық құқықтарын тиімді қорғауға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Конституция 2026 жылы 15 наурызда республикалық референдумға ұсынылған жобасы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru> (жүгінген күні: 01.03.2026);
2. Википедия сталкинг сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (жүгінген күні: 01.03.2026);
3. HALYQLINE.KZ. сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://share.google/ftCDgiXmaWV13nNRD> (жүгінген күні: 02.03.2026);
4. juzmedia.kz сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://juzmedia.kz/news/1313-oralda-stalking-ku-rbany-bolgan-iel-politsiia-30-ret-shagymdangan/> (жүгінген күні: 02.03.2026);
5. GOV.KZ - Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов (ЕПИР ГО). [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbekshikazakh-koram/press/news/details/1149970?lang=kk> (жүгінген күні: 03.03.2026);

6. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 03.03.2026);

7. vikiidalia.ru сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://vikiidalka.ru/3-122788.html> (жүгінген күні: 03.03.2026);

8. ҚР Парламент мәжілісінің ресми сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://mazhilis.parlam.kz/media/deputy_request_answer/documents/2026-02-26/Ответ_ДС-16_8_4_fCpZDUN.pdf (жүгінген күні: 04.03.2026);

9. Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235> (жүгінген күні: 04.03.2026);

10. Kursiv Media сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://kz.kursiv.media/kk/2025-08-09/qntd-kisi-qolynan-qaza-tapqan-aejelder-stalking-qurbany/> (жүгінген күні: 04.03.2026);

11. Құқық бұзушылық профилактикасы туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2025 жылғы 30 желтоқсандағы. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2500000245> (жүгінген күні: 04.03.2026);

12. kaz.caravan.kz сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://kaz.caravan.kz/zhangalyqtar/kazirgi-zandar-ajelderdi-korgauga-zhetkilikti-me-zhas-kyzdyn-omirin-kigan-kylymyskerdin-isi-ne-bolady/> (жүгінген күні: 05.03.2026);

13. 24.kz сайты. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://24.kz/kz/zha-aly-tar/lemde/742980-alem-elderinde-stalkerlerdi-kandaj-zaza-kutedi> (жүгінген күні: 05.03.2026).

УДК 343.7

Ульянов Михаил Владимирович

ведущий научный сотрудник отдела Научно-исследовательского института
Университета Российской Федерации, кандидат юридических наук,
г. Москва, Российская Федерация

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные векторы современной государственной политики в сфере противодействия киберпреступности. Анализируются ключевые законодательные инициативы, включая создание государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий. Отмечается деятельность правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению анализируемой категории преступлений. Подчеркивается значение укрепления международного сотрудничества в целях обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: международное сотрудничество, ООН, киберпреступность, мошенничество, организованная преступность, информационная безопасность, прокуратура, Конвенция, профилактика, ответственность.

Аннотация. Мақалада киберқылмысқа қарсы іс-қимыл саласындағы қазіргі заманғы мемлекеттік саясаттың негізгі векторлары қарастырылады. Ақпараттық және коммуникациялық технологияларды пайдалана отырып жасалатын құқық бұзушылықтарға қарсы іс-қимылдың мемлекеттік ақпараттық жүйесін құруды қоса алғанда, негізгі заңнамалық бастамалар талданады. Құқық қорғау органдарының талданатын қылмыстар санатының алдын алу, анықтау және жолын кесу жөніндегі қызметі атап өтіледі. Ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету мақсатында халықаралық ынтымақтастықты нығайтудың маңыздылығы атап өтіледі.

Түйінді сөздер: Халықаралық ынтымақтастық, БҰҰ, киберқылмыс, алаяқтық, ұйымдасқан қылмыс, ақпараттық қауіпсіздік, прокуратура, Конвенция, алдын алу, жауапкершілік.

Abstract. The article discusses the main vectors of modern state policy in the field of combating cybercrime. Key legislative initiatives are analyzed, including the creation of a state information system to combat offenses committed using information and communication technologies. The activities of law enforcement agencies to prevent, identify and suppress the analyzed category of crimes are noted. The importance of strengthening international cooperation to ensure information security is emphasized.

Keywords: international cooperation, UN, cybercrime, fraud, organized crime, information security, prosecutor's office, Convention, prevention, responsibility.

Криминализация цифрового пространства стала одним из наиболее серьезных вызовов для Российской Федерации. По оценкам экспертов, преступления с использованием информационных технологий ежегодно составляют более трети всех зарегистрированных в стране преступлений. В этих условиях правотворческая деятельность ориентирована на развитие электронного взаимодействия и разработку мер противодействия киберпреступности [1, С. 44].

Укрепление сотрудничества с иностранными партнерами в целях установления международно-правового режима обеспечения безопасности в сфере использования информационных технологий является одной из задач обеспечения информационной безопасности в соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400) [2].

В целях формирования международно-правовой базы для борьбы с киберпреступностью по инициативе Российской Федерации на площадке ООН несколько лет велась разработка универсального договора в области информационной безопасности. Итогом стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2024 г. Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям [3]. В соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 23.10.2025 № 409-рп [4] документ был подписан Генеральной прокуратурой Российской Федерации от имени Российской Федерации.

Исходя из положений Конвенции деяния, которые подлежат криминализации, включают незаконный доступ, незаконный перехват, воздействие на электронные данные, воздействие на

информационно-коммуникационную систему, неправомерное использование устройств, подлог, хищение или мошенничество с использованием информационно-коммуникационной системы, преступления сексуального характера.

При этом в документе не отражены вопросы борьбы с экстремизмом и терроризмом. Однако, учитывая, что Конвенция допускает дополнение специализированными протоколами, указанная проблематика может быть урегулирована в будущем.

Развитие угроз, связанных с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий, также связано с феноменом кибермошенничества. Ученые сходятся во мнении, что развитие информационных технологий и навыков обычных пользователей при работе с ними в значительной степени способствуют росту анализируемых посягательств.

Описанная динамика затрагивает сферу обеспечения национальной безопасности, расширяя возможности для использования информационно-коммуникационных технологий в качестве инструмента вмешательства во внутренние дела Российской Федерации.

В рамках обеспечения антикриминальной политики противодействия использованию информационных технологий в преступных целях, прежде всего, организованными преступными формированиями, всеми уполномоченными субъектами профилактики преступности реализуется комплекс превентивных мер.

Одним из значимых законодательных нововведений, разработанных по инициативе Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России), стал Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ [5].

Положениями закона предусмотрено создание государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий. Ее ключевой задачей выступает обеспечение взаимодействия между Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, Центральным банком России, кредитными организациями, операторами связи, а также федеральными органами исполнительной власти и иными организациями.

Функции оператора системы возложены на Минцифры России. Целью системы является оперативное предупреждение, выявление и пресечение преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Ее внедрение должно сформировать единую среду для обмена данными между органами власти, финансовыми институтами и операторами связи.

Кроме того, Федеральным законом от 01.04.2025 № 41-ФЗ внесены изменения в целый ряд федеральных законов в части финансовых ограничений. Законом, например, усилены требования к процедуре идентификации клиентов микрофинансовых организаций при удаленном получении займов.

В декабре 2025 г. председатель Правительства Российской Федерации провел стратегическую сессию, посвященную борьбе с кибермошенничеством. На ней в целом отмечена эффективность принятых мер, включая введение маркировки входящих звонков от бизнес-организаций, пресечение звонков с подменённых номеров, внедрение банками системы анализа транзакций и других [6]. В настоящее время прорабатывается очередной комплекс законодательных решений, включая проект документа стратегического планирования по противодействию правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. В нём будут определены ключевые термины и целевые показатели по борьбе с кибермошенничеством. Предстоит сформировать единую платформу сбора и анализа данных по цифровым преступлениям на базе государственной информационной системы «Антифрод» [7].

Одновременно с созданием новых инструментов происходит трансформация правоохранительной деятельности.

В частности, органами прокуратуры принимаются меры по предупреждению и пресечению данной категории преступлений. С этой целью организуются рабочие встречи с представителями правоохранительных органов для выработки согласованных решений, изучается и внедряется положительная практика, а также анализируются типичные нарушения.

Оптимизация межведомственного взаимодействия посредством регулярного обмена информацией способствует увеличению качества оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования.

Прокуроры нацелены на профилактику и пресечение преступлений до момента завладения имуществом потерпевшего, а также на информирование населения о новых способах преступных посягательств. Эта работа включает правовое просвещение в образовательных учреждениях и организацию постоянного мониторинга состояния законности при предупреждении, выявлении,

расследовании и раскрытии хищений, совершенных с использованием информационных технологий.

При этом особое внимание уделяется необходимости противодействия деятельности участников организованных групп и преступных сообществ, которые используют вредоносное программное обеспечение, фишинговые платформы, электронные платформы и кол-центры, осуществляющие звонки с подменных номеров, а также современные инструменты, включая мессенджеры, виртуальные автоматические телефонные станции, социальные сети и сим-боксы.

В связи с этим, как уже было сказано, заинтересованными ведомствами продолжается работа над созданием единой платформы для координации совместных действий правоохранительных и иных уполномоченных органов, а также ИТ-компаний, направленных на профилактику и пресечение мошеннической деятельности.

Активную роль в этой работе выполняют органы внутренних дел, которые осуществляют постоянный мониторинг интернет-пространства с целью выявления лиц, причастных к противоправной деятельности. В частности, ими используется сервис «Прозрачный блокчейн» для отслеживания операций с криптовалютой, осуществляется тесное взаимодействие с Росфинмониторингом и Банком России для блокировки подозрительных финансовых операций и анализа мошеннических схем.

В рамках расследования уголовных дел органами предварительного расследования принимаются меры по установлению активов подозреваемых (обвиняемых), на которые в последующем может быть обращено взыскание. Для решения этой задачи реализуются меры, направленные на повышение эффективности выявления имущества, подлежащего конфискации у лидеров и участников организованных групп, использование возможностей и баз данных Росфинмониторинга, Росреестра и ФНС России. Особое внимание уделяется документальному закреплению фактов легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенного организованными преступными группами.

В настоящее время повышенное внимание уделяется изучению практики расследования, судебного рассмотрения и прокурорского надзора по уголовным делам о мошенничествах, совершенных в организованных формах.

Указанные преступления совершаются сплоченными группами, часть из которых действует из-за пределов страны, а доступ к мессенджерам и другим цифровым сервисам осуществляется удаленно. Преступники активно используют технические средства для развертывания мошеннических кол-центров и сокрытия своего реального местоположения.

Правоохранительными органами принимаются меры по установлению и доказыванию преступной деятельности всех участников организованных преступных групп, в том числе тех, кто оказывает технические услуги по предоставлению «серых» сим-карт, персональных данных, а также источников их получения.

Ведется работа по выявлению и пресечению противоправной деятельности, совершаемой с использованием активаторов сим-карт (сим-боксов). Изучение практики противодействия использованию специальных аппаратно-программных комплексов передачи голосового трафика через сеть «Интернет» демонстрирует активное применение GSM-шлюзов и сим-боксов в преступных целях. Первые используются для перекодировки пакета данных, в протоколы конкретной GSM-сети, вторые позволяют осуществлять агрегацию большого количества сим-карт в одном месте по временному трафику. В одном сим-боксе может быть накоплено до 128 сим-карт [8, С. 40].

В целях нейтрализации данной угрозы проводятся мероприятия по выявлению и пресечению фактов использования специализированного оборудования для массовой рассылки сообщений, активации сим-карт и преобразования международного телефонного трафика. По их результатам осуществляется изъятие аппаратных средств.

Одновременно усилен контроль за легальным оборотом сим-карт. Правоохранительными органами пресекаются случаи их реализации лицами, не имеющими полномочий действовать от имени операторов связи, субдилерами, а также факты продажи через маркетплейсы без заключения договора с операторами. Кроме того, принимаются меры в отношении коммерческих организаций, которые не обеспечивают возможность подтверждения соответствия персональных данных пользователя услуг телефонной связи при заключении договора об активации сим-карт. В этих случаях может быть возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 13.29 (Нарушение требований законодательства Российской Федерации в области связи при заключении договоров об оказании услуг связи и оказании услуг связи) Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, внесен акт прокурорского реагирования в адрес юридических лиц.

Выявляются факты неправомерного доступа к компьютерной информации с целью сдачи в

аренду абонентских номеров для их использования в противоправных целях.

По фактам осуществления противоправной деятельности с использованием сим-боксов и незаконного оформления сим-карт возбуждаются уголовные дела по ст. 274.1 (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Органами прокуратуры для защиты прав граждан, пострадавших от мошеннических действий, активно используются гражданско-правовые механизмы. Эта работа включает в себя как взыскание в судебном порядке незаконно полученных средств с так называемых дропов, так и оказание правовой помощи гражданам в подготовке и подаче соответствующих исковых заявлений.

Проводится профилактическая работа с уязвимыми категориями населения – лицами пожилого возраста, учащимися, работниками социально важных сфер (образования, здравоохранения, культуры). Мероприятия направлены не только на противодействие кибермошенничеству, но и на предотвращение рисков вовлечения этих лиц злоумышленниками в диверсионно-террористическую деятельность.

Важным направлением работы является выявление и пресечение противоправных схем с использованием подставных лиц, которыми зачастую выступают иностранные граждане без легального статуса и доходов в Российской Федерации. Материалы проверок по таким фактам направляются в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовных дел по признакам незаконного оборота средств платежа.

Отдельным аспектом антикриминальной политики выступают вопросы противодействия экстремизму и терроризму в информационно-коммуникационных сетях, которые рассматриваются в современных научных исследованиях с точки зрения цифровизации террористической и экстремистской деятельности [9].

При совершении экстремистских и террористических преступлений с использованием информационных технологий задействуются интернет-ресурсы, в том числе контролируемые с территории иностранных государств, которые содержат призывы к совершению терактов и диверсий, инструкции по изготовлению самодельных зажигательных и взрывных устройств, руководство по финансированию и содействию указанной деятельности.

Исходя из этого уполномоченным лицам предписывается внедрить дополнительные технические и программные механизмы профилактики заведомо ложных сообщений об акте терроризма.

Подводя итог сказанному следует отметить, что рост киберпреступности, в особенности мошенничества, является закономерным следствием взаимодействия технологических, социальных и экономических факторов (ускоренного развития информационных технологий, цифровизации, объективного отставания мер безопасности, относительной безнаказанности). Это приобретает стратегическое значение, становясь элементом гибридных угроз и инструментом вмешательства во внутренние дела государства. Антикриминальная политика противодействия киберпреступности развивается путем развёртывания централизованных информационных систем, усиления межведомственной координации, внедрения технологий в деятельность правоохранительных органов и реализации превентивных мер, нацеленных на снижение уровня преступности с использованием информационных технологий.

Список использованных источников:

1. Законность: состояние и тенденции в 2020–2024 годах. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению / Под общ. ред. Р.В. Жубрина [науч. ред. А.Ю. Винокуров; И.С. Амелина и др.]. М.: ИД «Городец», 2026.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru>.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (Заклучена в г. Нью-Йорке 24.12.2024). URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243>.
4. Распоряжение Президента Российской Федерации от 23.10.2025 № 409-рп «О подписании Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с

использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям». URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243>.

5. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru>.

6. Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию о борьбе с кибермошенничеством. URL: <http://government.ru/news/57324/>.

7. Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии, посвящённой борьбе с кибермошенничеством. URL <http://government.ru/orders/selection/401/57476/>.

8. Головчанский А.В. Sim-боксы как средство реализации современных схем дистанционных мошенничеств // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. 2024. № 4. С. 36–43.

9. Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография / под общ. ред. В. В. Меркурьева. М.: Проспект, 2025. 248 с.

УДК 343.24

Уразалин Бауыржан Туреханович,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ССЫЛКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассмотрены возможные перспективы введения в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Республики Казахстан нового вида наказания за совершение экономических и коррупционных преступлений небольшой и средней тяжести - ссылки.

Автором изложена собственная позиция по реформированию нормативных правовых актов в части ссылки с акцентом на вопросы пенитенциарного характера, с учетом состояния действующего законодательства, мнения ученых по исследуемому вопросу и состояния практики.

В заключительной части статьи сделаны выводы и определены предложения по дальнейшему совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части введения и исполнения уголовного наказания в виде ссылки.

Ключевые слова: наказание; уголовное законодательство; уголовно-исполнительная система; ссылка; имплантируемое электронное средства контроля; микрочип; осужденные.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық және қылмыстық-атқару заңнамасына экономикалық және сыбайлас жемқорлық сипатындағы онша ауыр емес және орташа ауырлықтағы қылмыстарды жасағаны үшін жаңа жаза түрі – жер аударуды енгізудің ықтимал перспективалары қарастырылған.

Автор нормативтік-құқықтық актілерді пенитенциарлық сипаттағы мәселелерге баса назар аударып, қолданыстағы заңнаманың жай-күйін, ғалымдардың зерттеліп отырған мәселе бойынша пікірлерін және практиканың жай-күйін ескере отырып, жер аудару бөлігінде реформалау жөніндегі өзіндік ұстанымын баяндаған.

Мақаланың қорытынды бөлігінде тұжырымдар жасалып, қылмыстық және қылмыстық-атқару заңнамасын қылмыстық жазаны енгізу және оны орындау бөлігінде одан әрі жетілдіру жөніндегі ұсыныстар жер аудару түрінде айқындалған.

Түйінді сөздер: жаза; қылмыстық заңнама; қылмыстық-атқару жүйесі; жер аудару; имплантацияланатын электрондық бақылау құралдары; микрочип; сотталғандар.

Abstract. The article examines the possible prospects for introducing a new type of punishment - exile into the criminal and penal enforcement legislation of the Republic of Kazakhstan for the commission of minor and medium-severity economic and corruption offenses.

The author presents a position on reforming regulatory legal acts concerning exile, with an emphasis on penitentiary issues, taking into account the current state of legislation, the opinions of scholars on the issue under study, and the condition of existing practice.

In the final part of the article, conclusions are drawn and proposals are formulated for the further improvement of criminal and penal enforcement legislation regarding the introduction and execution of criminal punishment in the form of exile.

Keywords: punishment; criminal legislation; penal enforcement system; exile; implantable electronic monitoring devices; microchip; convicts.

Правовая политика Республики Казахстан в современный период выдвигает новые задачи для уголовной политики как ее составляющей, не все уголовно-правовые и пенитенциарные институты отвечают реалиям противодействия преступности. Наказания занимают ведущее место в сфере борьбы с преступностью, и только в тесном сочетании уголовно-правовая и пенитенциарная политика могут эффективно противостоять уголовным правонарушениям. Пенитенциарная политика направлена на дальнейшее совершенствование уголовно-исполнительной системы (далее-УИС).

Уголовно-исполнительная система – является неотъемлемой частью правоохранительной системы, целями которой с являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых уголовных правонарушений, как осужденными, так и иными лицами [1].

Е.А. Саламатов отмечает: «Современная уголовная политика Республики Казахстан нормативно ориентирована не на изоляцию личности как самоцель, а на достижение конкретных результатов уголовного наказания, прямо закрепленных в ч.2 ст. 39 Уголовного кодекса и ч.1 ст. 4 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан» [2]. Указанные цели носят не

декларативный, а прикладной характер и должны находить реальное воплощение в механизмах назначения и исполнения наказаний, особенно в отношении лиц, совершивших экономические и коррупционные преступления, не представляющих высокой степени общественной опасности. Вместе с тем практика применения наказаний, связанных с лишением свободы, свидетельствует о существенном расхождении между провозглашенными целями уголовного наказания и фактическими результатами их реализации. По нашему мнению, изоляция осужденных за экономические и коррупционные преступления приводит к утрате ими профессиональных навыков и социальных связей, формированию устойчивой зависимости от тюремной субкультуры, росту коррупционных рисков внутри учреждений уголовно-исполнительной системы, а также к полной утрате возможности возмещения причиненного ущерба потерпевшим.

В таких условиях восстановление социальной справедливости фактически подменяется формальным отбыванием срока наказания, тогда как потерпевшая сторона не получает реального возмещения вреда, а государство несет значительные бюджетные расходы на содержание осужденных.

На заседании расширенной коллегии правоохранительных органов от 23 июня 2025 года Глава государства отметил: «Сегодня назрела необходимость в серьезном реформировании уголовно-исполнительной системы. Она должна быть направлена на перевоспитание осужденных, а не просто их изоляцию от общества. Следует внедрять прогрессивные подходы, стимулирующие их к соблюдению ценностей Закона и Порядка и реинтеграции в общество.

Совершенствование уголовной политики смещает акцент в сторону наказаний, не связанных с лишением свободы. Следует активно внедрять различные цифровые решения, позволяющие эффективно проводить пробационный контроль. В целом, мы должны бороться не с последствиями, а причинами. Нужно отходить от карательного характера уголовно-исполнительной системы. Неверно пытаться подавить лиц, совершивших ошибку и оказавшихся в местах заключения. Мы должны помочь такому человеку встать на путь исправления. Мы все сплоченно строим цивилизованное, передовое и справедливое общество. Справедливость и закона, и суда – это наш незыблемый принцип» [3].

Если посмотрим статистику, в апреле 2025 года количество следственно-арестованных/осужденных составляет 40 021 человек, то по состоянию на тот же период 2024 года в тюрьмах и изоляторах содержались 29 673 человека. Получается, прирост за год на 10 348 заключенных (+ 25, 9 %) [4].

Так, весной 2024 года при общей вместимости 8 000 мест в 16 функционирующих СИЗО насчитывалось около 7 000 человек. В тот же период ожидался наплыв как минимум 5 000 осужденных по статье о домашнем насилии, которые начали действовать как раз в это время [5]. Данная проблема действительно требует своевременного решения, поскольку в настоящее время места лишения свободы, в частности учреждения смешанной безопасности, испытывают значительную перегруженность.

Наряду с этим, эксперты констатируют не просто наличие серьезных проблем с правами человека в местах лишения свободы, а глубинный кризис всей УИС страны. В Казахстане требуется проведение полной реформы: начиная с приведения законодательства в соответствие с современными международными стандартами, заканчивая изменением реализации уже существующих норм. Даже хорошие нормы часто применяются по усмотрению судей, что приводит к дискреции и неравенству в решениях – одного заключенного могут освободить, а другого при тех же условиях оставить в тюрьме [4].

В целях снижения численности лиц, содержащихся в местах лишения свободы, представляется целесообразным рассмотреть возможность расширения практики применения альтернативных мер уголовного наказания, включая такие меры, как ссылка либо высылка. Подобная формы ответственности может стать эффективной заменой лишению свободы для определенной категорий осужденных. В частности, применение меры в виде ссылки может быть оправдано в отношении лиц, признанных виновными в совершении экономических или коррупционных преступлений. Речь идет, прежде всего, о лицах с высоким уровнем образования, профессиональной квалификацией и значительным жизненным опытом, чьи знания и навыки могли бы быть рационально использованы на благо общества в местах исполнения данной меры, вместо содержания их в учреждениях УИС.

По мнению представителей Фракции «Ақ жол»: «такие нарушители обладают деловой хваткой, нередко имеют средства и целые предприятия, поэтому их переселение в малые города и районные центры может поддержать местную экономику. Ведь такие осужденные не захотят сидеть без дела, перевезут семьи и бизнес, построят дома для себя и своих специалистов, отремонтируют школы, откроют заведения для досуга и т.д.» [6].

Содержание осужденных очень дорого обходится для государственного бюджета. Эти финансовые средства могли бы быть перенаправлены на более важные социальные нужды – здравоохранение, образование, поддержка малоимущих слоев населения. При этом речь не идет об освобождении рецидивистов, убийц, насильников, экстремистов и террористов. Предлагаемые меры касаются исключительно лиц, впервые осужденных за ненасильственные преступления, в частности, имущественного характера.

Обращение к положительному опыту советского уголовного и исправительно-трудового права в данном контексте не является попыткой механического заимствования исторических моделей, а представляет собой научно обоснованный поиск эффективных форм уголовно-правового воздействия, ранее доказавших свою функциональную состоятельность. Институт ссылки применялся в качестве основного вида наказания за преступления небольшой и средней тяжести и по своей правовой природе не являлся тюремным наказанием, поскольку не предполагал изоляции от общества, но устанавливал территориальные ограничения проживания и обязательный трудовой элемент. Такая модель позволяла сочетать элементы контроля, ответственности и социальной полезности наказания.

Следует подчеркнуть, что в современном зарубежном уголовном праве формально термин «ссылка» практически не используется, однако по своей сущности аналогичные правовые механизмы получили широкое распространение. Территориальные ограничения проживания, контролируемое переселение, интенсивный пробационный надзор с обязательной трудовой занятостью и цифровыми средствами контроля фактически выполняют те же функции, что и ссылка, обеспечивая баланс между публичными интересами, правами осужденного и целями наказания. Следовательно, предлагаемое введение ссылки как самостоятельного вида уголовного наказания не противоречит международным стандартам, а, напротив, институционализирует уже применяемые в мире подходы, придавая им системность и уголовно-правовую определенность. Введение данного вида наказания полностью согласуется с международными стандартами, закрепленными в Правилах Нельсона Манделы, ратифицированных Казахстаном, которые призывают к применению альтернативных мер наказания в отношении лиц, впервые совершивших ненасильственные (неумышленные) преступления, с целью избежания лишения свободы [7].

Прозрачность границ правоприменения и актуальность изучения опыта зарубежных коллег подтверждается общностью правовой истории и динамикой развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России, которая является ближайшим соседом Казахстана. Научный и практический интерес вызывают реформы в этой области, реализуемые российской системой, что позволяет использовать их опыт для совершенствования отечественной практики. В частности, интересно и актуально высказывание А. Быстрыкина, председателя Следственного комитета РФ, «о необходимости взвешенного подхода к лишению свободы лиц, совершивших коррупционно-экономические преступления, учитывая эффективность альтернативных мер наказания» [8].

Эту позицию поддерживают и криминологи, например, Ю. Антонян отмечает, что «для ранее несудимых лиц применение альтернативных видов наказания, не связанных с лишением свободы, способствует снижению рецидива и более эффективной ресоциализации» [9]. Таким образом, интеграция научных подходов и зарубежного опыта позволяет формировать современные методы уголовно-исполнительной политики, направленные на соразмерность наказания и повышение эффективности профилактики преступлений.

Особое значение введение наказания в виде ссылки приобретает с точки зрения реализации принципа восстановительной справедливости, значение которого неоднократно подчеркивалось в отечественных программных документах и научных исследованиях. В условиях ссылки осужденный не утрачивает возможности трудовой деятельности, самостоятельно обеспечивает свое содержание и содержание семьи, а также получает реальную возможность возмещать причиненный материальный ущерб и погашать гражданские иски. Тем самым достигается ключевая цель уголовного наказания (восстановление социальной справедливости) не формально, а в интересах потерпевшего и общества в целом. Напротив, содержание осужденного в условиях тюремной изоляции фактически исключает возможность возмещения вреда, способствует криминальной социализации личности и перекладывает финансовое бремя ответственности с правонарушителя на государство и его семью.

Не менее значимым является и аспект исправления осужденного. Согласно п. 10 ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса (далее-УИК) исправление осужденного понимается как формирование у него правопослушного поведения, позитивного отношения к обществу, труду, нормам и этике поведения. Однако в условиях закрытых учреждений проверка реального исправления объективно затруднена, поскольку правопослушное поведение сводится к соблюдению режима, отношение к труду зачастую

носит формальный характер, а социальные связи с обществом фактически разорваны [2]. Введение наказания в виде ссылки, напротив, позволяет оценивать исправление осужденного в естественной социальной среде, через его участие в трудовой деятельности, взаимодействие с обществом и способность нести ответственность перед потерпевшими.

Несомненно, внедрение ссылки как нового вида уголовного наказания будет сопровождаться определенными организационными и институциональными рисками, связанными с необходимостью создания нормативной и инфраструктурной базы, а также с преодолением инерции традиционной пенитенциарной системы. Вместе с тем указанные риски носят управляемый характер и несоизмеримы с системными издержками применения лишения свободы в отношении лиц, не представляющих высокой общественной опасности.

С учетом нашего предложения о введении ссылки в национальное законодательство как уголовного наказания за отдельные виды преступлений, не обладающих повышенной степенью общественной опасности, мы хотели бы остановиться на пенитенциарном сопровождении данного вида наказания с позиции контроля и надзора. Обеспечение эффективного контроля и надзора за осужденными к ссылке возможно лишь при условии применения современных технологий и технических средств.

Современное развитие цифровых и биомедицинских технологий свидетельствует о качественном изменении способов взаимодействия человека и технических систем. Электронные имплантируемые устройства, включая кардиостимуляторы, возвращающий слух кохлеарные импланты, инсулиновые помпы и подкожные сенсоры, уже на протяжении длительного времени используются в медицинской практике и воспринимаются обществом как социально полезные и жизненно необходимые технологии. Их широкое распространение подтверждает, что сама по себе имплантация электронных устройств в тело человека не является ни научной новеллой, ни правовой аномалией, а представляет собой объективный результат технологического прогресса.

В зарубежных государствах с высоким уровнем цифровой зрелости, прежде всего, Швеция, Бельгия, Китай, технологии микрочипирования получили развитие и за пределами медицины. В этих государствах микрочипы применяются на добровольной основе для идентификации личности, упрощения доступа к инфраструктурным объектам, транспортным и социальным сервисам, что свидетельствует о формировании устойчивой общественной легитимации данной технологии. Аналогичные практики находят применение и в других регионах мира, в т.ч. в странах Южной и Северной Америки (Бразилия, Мексика), где микрочипы используются в целях обеспечения безопасности, защиты уязвимых категорий лиц и оперативной медицинской помощи. Таким образом, чипирование уже функционирует как элемент глобальной цифровой среды и не может рассматриваться исключительно как гипотетическая или экспериментальная технология.

С учетом изложенного предлагаем дополнить ч.2 ст. 40 УК РК о видах наказания за преступления пунктом 3-1) ссылка, а также ввести в УК РК новую статью 45-1 (Ссылка), которая будет раскрывать юридическую природу данного наказания.

Указанные поправки порождают необходимость внесения дополнений в УИК РК – дополнение его новой Главой об исполнении наказания в виде ссылки, в которой будут детально урегулированы вопросы исполнения предлагаемого основного наказания.

Анализ правоприменительной практики уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан показывает, что на сегодняшний день отсутствуют научно-проработанные механизмы постоянного, непрерывного и объективного контроля за поведением осужденных. Используемые технические средства, включая электронные браслеты и визуальный надзор, обладают рядом существенных ограничений: они зависят от климатических условий, требуют регулярной подзарядки, подвержены механическому воздействию, а также не обеспечивают скрытого и непрерывного мониторинга. В условиях экстремальных температур, высокой влажности и активной физической деятельности данные устройства демонстрируют низкую устойчивость и ограниченную эффективность.

В этой связи, мы предлагаем применения имплантируемого электронного средства контроля, т.е. чипирования осужденных к ссылке как инновационного инструмента технико-криминалистического обеспечения деятельности УИС. Актуальность данного предложения подтверждает и Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, в которой говорится: «Необходимо продолжить цифровизацию процессов исполнения наказаний и автоматизированного учета численности осужденных в учреждениях УИС и службах пробации с возможностью их анализа по различным критериям» [10].

В отличие от внешних носимых устройств, имплантируемые микрочипы не требуют подзарядки, не зависят от погодных и бытовых факторов, не подлежат самовольному снятию и обеспечивают постоянный сбор объективных данных о перемещениях и поведении осужденных к наказанию в виде ссылки. При этом чипирование рассматривается не как усиление репрессивного воздействия, а как замена устаревших и уязвимых форм контроля более устойчивым, технологически нейтральным и менее обременительным для осужденного инструментом.

Вопрос о возможном применении технологий чипирования требует всестороннего и взвешенного рассмотрения на законодательном уровне с обязательным учетом прав и свобод осужденных. В этой связи представляется необходимым проведение комплексного анализа действующей нормативной правовой базы, возможных медицинских последствий, а также разработка правовых норм, регламентирующих порядок и условия использования подобных технологий.

Таким образом, введение ссылки как самостоятельного вида уголовного наказания за экономические и коррупционные преступления небольшой и средней тяжести следует рассматривать не как возврат к устаревшим репрессивным практикам, а как научно-обоснованный и социально-ориентированный инструмент модернизации уголовной и уголовно-исполнительной политики, направленный на гуманизацию уголовной ответственности, оптимизации мер уголовных репрессий, сокращение бюджетных расходов и достижение реального восстановления социальной справедливости.

Список использованных источников:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 226-V ЗРК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 26.02.2026);
2. Саламатов Е.А. Проблемы целей уголовного наказания (анализ казахстанского законодательства и практики). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37067271 (дата обращения: 25.02.2026);
3. Выступление Президента Касым-Жомарта Токаева на заседании расширенной коллегии правоохранительных органов (г. Астана, 23 июня 2025 года). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kasym-zhomarta-tokaeva-na-zasedanii-rasshirennoy-kollegii-pravoohranitelnyh-organov-235114> (дата обращения: 16.02.2026);
4. Григорянц А. Миллиарды на проволоку, собачий корм и сарафаны: сколько в Казахстане тратят на тюрьмы и что с системой не так [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tengrinews.kz/article/milliardy-provoloku-sobachiy-korm-sarafanyi-skolko-2895/> (дата обращения: 20.02.2026);
5. Шашкина А. Мест не хватит? В Казахстане переполняются СИЗО [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/mest-ne-hvatit-v-kazahstane-perepolnyayutsya-sizo-533410/ (дата обращения: 20.02.2026);
6. Партия «Ак жол» предложила заменить лишение свободы для нарушивших закон бизнесменов ссылкой в отдаленные районы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/partiya-ak-zhol-predlozhila-zamenit-lishenie-svobody-dlya-narushivshih-zakon-biznesmenov-ssylkoj-v-otdalyonnye-raiony> (дата обращения: 16.02.2026);
7. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison_reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (дата обращения: 21.02.2026);
8. Бастрыкин А. Борьба с коррупцией – это марафон. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2025/12/09/6934179f9a7947296c7bc1c1> (дата обращения: 24.02.2026);
9. Антонян Ю.М. Личность преступника и исправление осужденных // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 2. – С. 117-127;
10. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 25.02.2026).

УДК 343.14

Уразбаев Адильхан Нурумович,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ЗАРУБЕЖНЫЕ СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ САМООБОРОНЫ В ДЕЛАХ ОБ УБИЙСТВЕ, СОВЕРШЕННОМ ЖЕРТВОЙ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу зарубежных стандартов доказывания необходимой обороны по делам об убийстве, совершенном жертвой систематического домашнего насилия. Обосновывается, что классическая доктрина самообороны, ориентированная на «единоразовое» нападение и узко понимаемую немедленность угрозы, нередко создает для потерпевших практически непреодолимый доказательственный барьер в ситуациях хронической виктимизации (включая случаи превентивного применения силы). Рассматривается эволюция доказательственных подходов: допустимость экспертных заключений о Battered Woman Syndrome в США, контекстуализация критерия «разумности» и реформирование нормы самообороны в Канаде (в т.ч. после реформы 2012 г.), а также ограниченные возможности британской модели «loss of control». Отдельно анализируется международный нормативный контекст и его значение для переоценки доказательственной картины. В заключение сформулированы практико-ориентированные рекомендации для Казахстана: контекстуальная оценка угрозы, построение временной линии насилия, унификация проверки альтернативных версий и использование экспертного заключения как нейтрального инструмента объяснения эффектов длительной виктимизации.

Ключевые слова: необходимая оборона; домашнее насилие; стандарты доказывания; синдром избитой женщины (BWS); экспертные доказательства; разумность; немедленность угрозы; соразмерность; loss of control; сравнительное право.

Аннотация. Мақалада жүйелі тұрмыстық зорлық-зомбылық құрбаны агрессорға қарсы өлімге әкелетін күш қолданған істер бойынша қажетті қорғануды дәлелдеудің шетелдік стандарттары салыстырмалы-құқықтық тұрғыдан зерттеледі. Автор классикалық өзін-өзі қорғау доктринасы көбіне «бір сәттік» шабуыл моделіне сүйенетінін және қауіптің «дереу/қазіргі» болуын тар техникалық мағынада түсіндіру ұзақ виктимизация жағдайында дәлелдеу үшін айтарлықтай кедергі туғызатынын көрсетеді. Зерттеуде АҚШ-та Battered Woman Syndrome туралы сараптамалық қорытындыларды дәлел ретінде қолдану тәжірибесі, Канадада «ақылға қонымдылық» өлшемін қатынастар тарихын ескере отырып контекстualандыру және 2012 жылғы реформадан кейінгі нормативтік бекіту талданады. Ұлыбританиядағы Coroners and Justice Act 2009 енгізген «loss of control» институтының тұрмыстық зорлық сценарийлеріне қатысты шектеулері де бағаланады. Сонымен қатар халықаралық стандарттардың (БҰҰ, Еуропа Кеңесі, CEDAW) ықпалы айқындалып, Қазақстан тәжірибесіне арналған ұсыныстар беріледі: зорлық тарихын толық жинақтау, уақыттық хронология құру, альтернативті нұсқаларды жүйелі тексеру және «диагноз» емес, контекст түсіндіретін бейтарап сараптаманы қолдану.

Түйінді сөздер: қажетті қорғану; тұрмыстық зорлық-зомбылық; дәлелдеу стандарты; BWS; сараптамалық дәлелдеме; ақылға қонымдылық; қауіптің дереулігі; шамаластық; loss of control; салыстырмалы құқық.

Abstract. The article offers a comparative analysis of foreign evidentiary standards for self-defence claims in homicide cases where the defendant is a victim of long-term intimate partner violence. It argues that the traditional self-defence framework-historically designed for a single, immediate confrontation often fails to capture the dynamics of coercive control, repeated victimisation, and the realistic predictability of lethal harm. This mismatch may translate into a high proof barrier when the victim acts preventively, for example during a lull in violence rather than at the moment of an overt attack. The paper reviews three major models: (1) U.S. practice allowing expert testimony on Battered Woman Syndrome to explain perception of danger and constraints on leaving; (2) the Canadian approach, especially after reforms reflected in section 34 of the Criminal Code, which contextualises «reasonableness» by expressly requiring consideration of relationship history and prior violence; and (3) the U.K. partial defence of «loss of control» under the Coroners and Justice Act 2009, whose structure fits poorly with many «non-affective» survival decisions. The author then proposes practice-oriented directions for Kazakhstan: context-based assessment of threat, structured timelines of abuse, unified testing of alternative versions, and neutral expert input as explanatory-not pathologising evidence.

Keywords: self-defence; domestic violence; evidentiary standards; battered woman syndrome; expert testimony; contextual reasonableness; imminence; proportionality; loss of control; comparative law.

Проблема уголовно-правовой защиты жертв систематического домашнего насилия, которые применили смертоносную силу против своего агрессора, занимает заметное и устойчивое место в сравнительно-правовой доктрине второй половины XX - начала XXI века. Классическая модель самообороны исторически формировалась как реакция на единичное столкновение между

посторонними лицами и потому часто плохо «накладывается» на ситуацию длительного насилия в близких отношениях. Ее базовые критерии, непосредственность (неизбежность) посягательства, соразмерность защиты и «разумность» поведения обороняющегося, создавались без учета длительной виктимизации и тех психологических изменений, которые формируются у потерпевшего при многолетнем насилии.

Поэтому, когда жертва хронических побоев лишает жизни партнера не в момент открытого нападения, а во время его сна, в период относительного затишья либо после угроз, которые она воспринимает как реально осуществимые, традиционный стандарт нередко приводит к почти непреодолимому доказательственному барьеру, суд фиксирует отсутствие «актуального» нападения в узком техническом смысле немедленности и квалифицирует содеянное как убийство, не обеспечивая достаточного учета контекста предшествующей виктимизации и реальной динамики угрозы.

Именно это несоответствие и стимулировало поиск в ведущих правовых системах специальных доказательственных подходов и защитных принципов, призванных закрыть структурный разрыв классической доктрины. Центральным концептом в этом процессе стал синдром избитой женщины (Battered Woman Syndrome, далее - BWS), введенный в научный оборот психологом Уокер Л. В своей монографии Уокер Л. предложила модель, которая описывает, как длительное насилие формирует у жертвы выученную беспомощность и закрепляет цикличность насильственных эпизодов (нарастание напряжения, акт насилия, «примирительная» фаза), создавая устойчивую систему контроля и страха, отличную от опыта человека, не жившего под постоянным насильственным давлением [1, с. 47].

Для уголовного процесса практический смысл концепции выражается в том, что она помогает объяснить субъективное восприятие угрозы, почему жертва могла действовать превентивно, почему она не ожидала «очевидной» атаки в форме открытого нападения и почему она не реализовала формально доступные варианты ухода, учитывая зависимость, угрозы эскалации, контроль и иные факторы, которые в реальности ограничивают свободу выбора.

Доктрина BWS получила первое масштабное развитие в Соединенных Штатах. В деле *State v. Kelly* (Верховный суд штата Нью-Джерси, 1984) суд признал допустимыми экспертные заключения о BWS в делах, где обвиняемая ссылается на самооборону [2]. Суд указал, что экспертное заключение способно помочь присяжным понять то, что без специальных разъяснений выглядит «нелогичным»: почему жертва не ушла от агрессора, как она воспринимала конкретные угрозы и почему оценка опасности в таких отношениях может отличаться от оценки стороннего наблюдателя. Этот прецедент стал процессуальной основой дальнейшего развития подхода: к 1990-м годам большинство американских юрисдикций допустили использование экспертных заключений о BWS, хотя пределы и условия их применения различались в зависимости от законодательства и судебной практики конкретных штатов.

В ряде случаев дополнительно закреплялась необходимость учитывать историю домашнего насилия при назначении наказания, а также формировались процедуры пересмотра приговоров по делам, где контекст насилия ранее не был должным образом представлен и оценен.

Наиболее проработанное доктринальное решение предложено канадским правом. В деле *R. v. Lavallee* (Верховный суд Канады, 1990) суд не только подтвердил допустимость экспертных показаний о BWS, но и существенно переосмыслил стандарт «разумного человека» применительно к жертвам домашнего насилия [3]. Судья Уильсон Б. сформулировала ключевую мысль: «разумность» нельзя оценивать так, как будто перед судом лицо, никогда не сталкивавшееся с систематическим насилием и контролем. Иными словами, разумное поведение жертвы, прошедшей через длительную виктимизацию, объективно отличается от поведения лица, не имеющего такого опыта. Это означало переход от абстрактного стандарта к контекстуализированному подходу, где восприятие угрозы оценивается с учетом реальных условий жизни жертвы.

По фабуле дела подсудимая произвела выстрел в партнера в ситуации, когда прямое нападение не происходило, однако незадолго до этого была высказана угроза лишения ее жизни; суд первой инстанции оправдал обвиняемую, апелляция отменила оправдание, сославшись на отсутствие немедленного нападения, а Верховный суд восстановил оправдательный приговор, признав значимость знания жертвы о поведении агрессора и реалистичности угрозы. Данный пример показал, что одинаковые факты при применении разных стандартов оценки угрозы способны приводить к противоположным юридическим выводам.

В 2012 году законодательная реформа уголовного законодательства Канады закрепила выработанный подход на нормативном уровне. ст. 34 Уголовного кодекса Канады в действующей редакции предписывает суду при оценке разумности самооборонных действий учитывать

совокупность обстоятельств, включая историю отношений и предшествующие случаи применения силы [4].

Тем самым критерий «немедленности» перестал работать как жесткий фильтр, автоматически отсекающий защиту: суд получил прямую законодательную опору для оценки поведения обвиняемой в полном контекстуальном измерении. Канадская модель отличается от американской логики регулирования: она не делает право на защиту зависимым от наличия синдрома как «психологического ярлыка», а изменяет сам юридический стандарт разумности, позволяя учитывать контекст насилия как правовую реальность.

Британский подход развивался иначе. Coroners and Justice Act 2009 ввел частичную защиту «утраты самоконтроля» (loss of control), которая во многом пришла на смену доктрине провокации [5, с. 54-56]. Для случаев домашнего насилия это решение оказалось ограниченно полезным: с одной стороны, закон признает «квалифицирующим триггером» страх тяжкого насилия, что теоретически позволяет ссылаться на страх даже при отсутствии немедленного нападения; с другой стороны, сама конструкция утраты самоконтроля плохо совместима с типичными сценариями превентивного действия жертвы после длительного насилия. Такие действия часто выглядят не как аффект, а как обдуманый шаг, вызванный накопленной угрозой, опытом контроля и ожиданием неизбежной эскалации. В результате требование доказывать именно «утрату самоконтроля» может исключать из защиты те ситуации, где длительная виктимизация толкает жертву к внешне «холодному», но по сути вынужденному превентивному решению. Поэтому британская модель остается предметом критики и споров, как в доктрине, так и в правоприменительной теории.

Научная дискуссия о роли BWS как доказательственного инструмента неоднозначна. Шнайдер Э. подчеркивает, что разрыв между классической конструкцией самообороны и реальным опытом жертвы домашнего насилия является системным: право длительное время исходило из модели «мужской» физической конфронтации и плохо учитывало жизнь человека в состоянии постоянной угрозы и контроля [6, с. 82–110]. В этой логике борьба за признание самообороны жертвы. Это, прежде всего борьба за пересмотр понятия «разумности», которое выглядит нейтральным, но на практике несет скрытые гендерные и социально-культурные предпосылки и часто «не видит» специфики хронического насилия.

Более критическую позицию занимает Магиган Х., изучавшая практику по делам данной категории. По ее выводам, значительная часть проблем связана не столько с недостатками материального права, сколько с тем, как дела ведутся и рассматриваются: ненадлежащая защита, ошибки в инструкциях присяжным, обвинительная стратегия и особенности оценки доказательств, особенно в ситуациях, где потерпевшим является мужчина-абыюзер [7, с. 396-418]. Магиган Х. предупреждает, что акцент исключительно на BWS как «специальной защите» способен создать иллюзию решенности проблемы, тогда как ее корни находятся глубже в устройстве процесса и устойчивых стереотипах восприятия доказательств. Данная позиция ученых остается актуальной: даже лучшие нормы работают ограниченно, если правоприменение сохраняет прежние установки и не меняет подход к оценке контекста насилия.

Считаем, что обе линии критики имеют сильные стороны, но по отдельности не дают полноценного ответа. Аргументы Магиган Х. особенно убедительны для многих дел, где самооборона могла бы быть принята и в рамках традиционной модели при качественной защите и корректном инструктаже присяжных; однако остается блок ситуаций, в которых угроза фактически неминуема и предсказуема для жертвы, но не совпадает с формальным критерием «немедленности», и здесь одна лишь «процессуальная дисциплина» проблему не снимает. Подход Шнайдер Э. точно фиксирует структурный дефект, однако требует перевода в конкретные нормативные и процессуальные механизмы: одной констатации, что стандарт разумности «исторически перекошен», недостаточно для устойчивого изменения практики.

Иную перспективу предлагает Нурс В., которая переосмысливает разумность через призму обоснованного убеждения обороняющегося. По ее позиции, суду следует концентрироваться на том, была ли вера обвиняемой в смертельную опасность обоснованной с учетом конкретных обстоятельств ее жизни, а не только на абстрактной оценке угрозы «снаружи» [8, с. 1278-1290]. Нурс В. предлагает различать произвольную, идиосинкразическую субъективность и субъективность как обоснованное убеждение, сформированное реальным контекстом длительного насилия; именно второй тип, по ее мнению, должен быть юридически значимым. Такой подход частично снимает доктринальные противоречия: он не требует «медицинского» синдрома как обязательного ключа к защите, но допускает полноценное включение истории виктимизации в доказательственную картину дела и позволяет оценивать ее по правилам судебной проверки.

Международный нормативный контекст придает проблеме дополнительный уровень. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (Генеральная Ассамблея ООН, 1993) обязывает государства принимать надлежащие меры для защиты жертв и устранения безнаказанности [9]. Стамбульская конвенция Совета Европы 2011 года в ст. 46 предписывает учитывать историю насилия при определении отягчающих и смягчающих обстоятельств [10]. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) в Общей рекомендации № 35 (2017) указал, что уголовно-правовые системы, игнорирующие контекст домашнего насилия при оценке самообороны, воспроизводят структурную дискриминацию и нарушают позитивные обязательства государства по противодействию гендерному насилию [11, п. 30].

В совокупности эти документы формируют стандарт: преследование жертвы, применившей силу против агрессора, не должно осуществляться в отрыве от документированной истории виктимизации и реальной логики угроз, характерных для длительных насильственных отношений.

Статистические оценки также показывают, что речь идет о системной, а не единичной проблеме. В исследовательских обзорах по США указывается, что в 2000-х годах ежегодно порядка 1000-1200 женщин погибали от действий интимных партнеров. При этом в ситуациях, когда жертвы хронического насилия лишали жизни агрессора, вероятность уголовного преследования зачастую оказывалась несоразмерно высокой именно потому, что такие случаи редко соответствуют «классическому» сценарию немедленного двустороннего столкновения, на который ориентирована традиционная модель самообороны.

По оценкам, от 40 до 60% женщин, осужденных в США за убийство, сообщали об истории систематической виктимизации со стороны лиц, признанных потерпевшими по их делам, что указывает на устойчивый характер проблемы недооценки контекста насилия в уголовном судопроизводстве.

С учетом сравнительно-правового материала можно выделить три основные модели ответа на описанную коллизию. Первая американская модель экспертного свидетельства о BWS, синдром используется как доказательственное объяснение, но нормативный стандарт самообороны в целом сохраняется прежним. Вторая канадская модель законодательной контекстуализации разумности (после реформы 2012 года), меняется сама норма, а право на защиту не связывается с обязательной психиатрической концепцией. Третья британская модель «квалифицирующих триггеров» страха через институт утраты самоконтроля (2009), создается отдельный механизм, который чаще работает как способ смягчения ответственности и структурно отделен от классической самообороны.

Каждая модель имеет свои издержки. Первая рискует патологизировать жертву, сводя ее опыт к клиническому диагнозу и смещая центр тяжести доказывания в сторону экспертизы. Вторая требует развитой культуры контекстуальной оценки доказательств и не полностью защищена от формалистического или, наоборот, чрезмерно расширительного толкования. Третья ограничена требованием утраты самоконтроля и поэтому плохо подходит для значительной части случаев, где превентивное действие жертвы выглядит рациональным и целенаправленным, хотя и обусловленным хронической угрозой.

В результате ни одна модель в «чистом виде» не выглядит универсальной: ее эффективность зависит от институциональных условий правовой системы, роли присяжных, стандартов судебного контроля и устойчивости предсказуемой судебной дискреции.

Наиболее сбалансированным является сочетание канадской нормативной логики с ограниченным допуском обобщенного экспертного заключения. Реформа стандарта разумности создает правовой механизм, который допускает учет всей истории угроз и насилия, а экспертное заключение не как диагноз, а как контекстуальная информация, помогает суду и присяжным понять психологические и поведенческие эффекты длительной виктимизации без стигматизации личности жертвы и без подмены юридической оценки медицинским ярлыком.

Для устранения противоречия между требованием immediacy угрозы и оценкой обоснованности самообороны в условиях хронического домашнего насилия наиболее эффективным представляется законодательное закрепление обязанности суда при оценке разумности и соразмерности самооборонных действий учитывать всю документированную историю насилия в отношениях сторон, одновременно допуская обобщенное экспертное заключение о последствиях длительной виктимизации как вспомогательное доказательственное средство, которое разъясняет контекст, но не превращает его в «патологический» признак и не заменяет собой правовую квалификацию.

Таким образом, в контексте отечественной практики доказывания Республике Казахстан целесообразно заимствовать ряд положительных элементов сравнительно-правовых моделей, не

подменяя ими национальную конструкцию необходимой обороны, а усиливая ее доказательственную применимость:

Во-первых, закрепить на уровне методических рекомендаций для органов расследования и суда (в том числе с участием присяжных заседателей) обязанность контекстуальной оценки обоснованности восприятия угрозы с учетом всей документированной истории насилия в отношениях сторон, поскольку именно совокупность повторяющихся эпизодов (обращения в полицию, медицинские фиксации, сообщения свидетелей, цифровые следы угроз и контроля, сведения о мерах защиты и их нарушении) позволяет реконструировать динамику риска и объяснить, почему для потерпевшей угроза могла быть фактически неминуемой даже при отсутствии «мгновенного» нападения;

Во-вторых, расширить практику назначения экспертных исследований не в форме «диагностирования» личности жертвы, а в форме нейтрального контекстуального заключения о механизмах принуждения и контролирующего поведения (coercive control), о закономерностях восприятия угроз при хронической виктимизации, о типичных причинах отказа от разрыва отношений, что снижает влияние стереотипов на оценку доказательств и повышает качество судебных выводов о разумности поведения обороняющегося;

В-третьих, унифицировать процессуальный стандарт проверки альтернативных версий (самооборона, превышение пределов обороны, иная квалификация) через обязательное построение временной линии насилия и угроз, сопоставление ее с поведением агрессора в предкриминальный период и оценку доступности реальных, а не теоретических возможностей избежать опасности, что позволяет минимизировать ошибки, возникающие из формального подхода к критерию непосредственности посягательства;

В-четвертых, обеспечить качественные судебные разъяснения относительно того, что «разумность» и «соразмерность» не сводятся к математическому сопоставлению сил и к ожиданию идеального поведения жертвы, а оцениваются через призму конкретной ситуации и накопленного опыта насилия, при сохранении общего требования доказанности обстоятельств, исключających преступность деяния, и недопустимости расширительного оправдания произвольного насилия.

Список использованных источников:

1. Уокер, Л.Э. Синдром избитой женщины. 3-е изд. – Нью-Йорк: Springer, 2009. – 358 с.;
2. Государство против Келли, 97, Нью-Джерси 178 (1984). – Верховный суд Нью-Джерси. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/new-jersey/supreme-court/1984/97-nj-178-0.html> (дата обращения: 01.03.2026);
3. Р. против Лавалли, [1990] 1 SCR 852. – Верховный суд Канады. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/609/index.do> (дата обращения: 01.03.2026);
4. Уголовный кодекс Канады. – РСК 1985, с. С-46. – Раздел 34 (в редакции ВС 2012 г., п. 9). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/section-34.html> (дата обращения: 01.03.2026);
5. Закон о коронерах и правосудии 2009 года. – ст. 25. – Лондон: HMSO, 2009. – Разделы 54-56;
6. Шнайдер, Э.М. Женщины, подвергавшиеся насилию, и феминистское законотворчество. – Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 2000. – 286 с.;
7. Магуиган, Х. Женщины, подвергшиеся насилию, и самооборона: мифы и заблуждения в современных предложениях по реформе // Юридический журнал Университета Пенсильвании. – 1991. – Том 140, № 2. – С. 379-486;
8. Норс, В.Ф. Самооборона и субъективность // Юридический журнал Чикагского университета. – 2001. – Том 68, № 4. – С. 1235-1308;
9. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. – A/RES/48/104. – 20 декабря 1993 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocity-crimes/Doc.21_declaration%20elimination%20vaw.pdf (дата обращения: 01.03.2026);
10. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. – CETS № 210. – Стамбул, 11 мая 2011 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/210> (дата обращения: 01.03.2026);
11. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, обновляющая Общую рекомендацию № 19. –

CEDAW/C/GC/35. - 26 июля 2017 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-recommendation-no-35-gender-based-violence> (дата обращения: 01.03.2026).

**ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ ҚЫЗМЕТІНІҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ПРОЦЕСТІК
ПАРАДИГМАСЫ: НЫСАНЫ МЕН МАЗМҰНЫ**

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ**

**THE CRIMINAL PROCEDURE PARADIGM OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES:
FORM AND CONTENT**

УДК 343.14

Айтмагамбетов Алмаз Сагындыкович,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ АВТОНОМНОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье исследуется влияние алгоритмической автономности научно-технических средств на механизм формирования доказательственной информации в досудебном производстве. Обосновывается, что внедрение цифровых технологий и интеллектуальных алгоритмов изменяет традиционное понимание роли технических средств в уголовном процессе. Предлагается авторская классификация уровней алгоритмической автономности научно-технических средств, а также раскрывается понятие алгоритмического риска доказывания. На основе разработанной модели алгоритмически опосредованного формирования доказательственной информации сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан в части регулирования использования интеллектуальных технологических систем.

Ключевые слова: научно-технические средства; алгоритмическая автономность; цифровые доказательства; досудебное производство; допустимость доказательств; алгоритмический риск; интеллектуальные системы.

Аннотация. Мақалада сотқа дейінгі өндірісте дәлелдемелік ақпаратты қалыптастыру механизміндегі ғылыми-техникалық құралдардың алгоритмдік автономдылығының әсері зерттеледі. Цифрлық технологиялар мен интеллектуалды алгоритмдерді енгізу қылмыстық процесте техникалық құралдардың рөлі туралы дәстүрлі түсініктерді өзгертетіні негізделді. Ғылыми-техникалық құралдардың алгоритмдік автономдылығы деңгейлерінің авторлық классификациясы ұсынылып, дәлелдеудегі алгоритмдік тәуекел ұғымы ашылады. Алгоритмдік түрде делдалданған дәлелдемелік ақпаратты қалыптастыру моделі негізінде интеллектуалды технологиялық жүйелерді пайдалануды құқықтық реттеуді жетілдіруге бағытталған ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: ғылыми-техникалық құралдар; алгоритмдік автономдылық; цифрлық дәлелдемелер; сотқа дейінгі өндіріс; дәлелдемелердің рұқсат етілуі; алгоритмдік тәуекел; интеллектуалды жүйелер.

Abstract. The article examines the impact of algorithmic autonomy of scientific and technical means on the formation of evidentiary information in pre-trial proceedings. It is argued that the introduction of digital technologies and intelligent algorithms transforms the traditional understanding of the role of technical tools in criminal procedure. The author proposes a classification of the levels of algorithmic autonomy of scientific and technical means and introduces the concept of algorithmic risk in the process of proof. Based on the developed model of algorithmically mediated formation of evidentiary information, proposals are formulated to improve the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: scientific and technical means; algorithmic autonomy; digital evidence; pre-trial proceedings; admissibility of evidence; algorithmic risk; intelligent systems.

Цифровая трансформация правоохранительной деятельности является одним из стратегических направлений развития современного Казахстана. Вектор технологической модернизации правовой системы обозначен в Послании Главы государства К.К. Токаева народу Казахстана от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию», где подчеркивается необходимость внедрения интеллектуальных технологий для повышения эффективности государственного управления и обеспечения конкурентоспособности страны [1].

Актуальность данной проблематики усиливается в условиях реализации Указа Президента Республики Казахстан №1151, объявившего 2026 год Годом цифровизации и искусственного интеллекта [2], а также положений Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, предусматривающей интеграцию цифровых технологий в механизм обеспечения законности и правопорядка [3].

В условиях цифровизации и реализации Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025–2029 годы [4] существенно меняется характер использования научно-технических средств (НТС) в уголовном процессе. Если ранее они рассматривались преимущественно как инструменты фиксации фактических данных, то современные программно-аппаратные комплексы, интегрированные в цифровую среду Единого реестра досудебных расследований (ЕРДР), способны осуществлять автоматизированный анализ и преобразование информации.

Развитие алгоритмических технологий свидетельствует о том, что научно-технические средства начинают участвовать не только в фиксации, но и в формировании доказательственной информации, что обуславливает необходимость переосмысления их роли в механизме доказывания и разработки дополнительных процессуальных гарантий достоверности цифровых доказательств.

Целью настоящего исследования является концептуальный анализ феномена алгоритмической автономности научно-технических средств и определение его влияния на механизм формирования доказательственной информации в досудебном производстве в условиях цифровой трансформации уголовного процесса.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи исследования:

- Раскрыть сущность алгоритмической автономности научно-технических средств и разработать их авторскую классификацию в зависимости от степени участия программно-алгоритмических систем в формировании доказательственной информации.
- Выявить и систематизировать специфические процессуальные риски («алгоритмические риски»), возникающие при использовании интеллектуальных технологий в доказывании, на примере функционирования автоматизированных комплексов перевода.
- Обосновать необходимость дифференциации стандартов допустимости цифровых доказательств и сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан в части нормативного закрепления интеллектуальных НТС.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы. Системно-структурный и функциональный анализ применён для изучения трансформации научно-технических средств в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. Формально-юридический и сравнительно-правовой методы использованы при анализе норм уголовно-процессуального законодательства и зарубежного опыта. Эмпирическую основу исследования составили программные документы цифровой трансформации Республики Казахстан, архитектура ЕРДР и параметры специализированных технологических систем.

Понятие алгоритмической автономности научно-технических средств. Цифровизация уголовного судопроизводства обуславливает появление новых категорий, позволяющих описать трансформацию механизма формирования доказательственной информации [5]. Одной из таких категорий является алгоритмическая автономность научно-технических средств, отражающая изменение характера участия технологий в познавательной деятельности органов уголовного преследования [6].

В классической уголовно-процессуальной доктрине научно-технические средства традиционно рассматривались преимущественно как инструменты технической фиксации фактических данных. Их роль сводилась к обеспечению объективности и точности документирования следов преступления, при этом предполагалось, что техника не влияет на содержание самой информации, а лишь обеспечивает её надёжное закрепление. Такой подход соответствовал технологическим условиям аналоговой эпохи, когда большинство средств фиксации выполняли преимущественно механическую функцию регистрации сигналов [7].

Развитие цифровых технологий и внедрение программно-аппаратных комплексов, функционирующих на основе алгоритмической обработки данных, существенно изменили характер взаимодействия техники и доказательственной информации. Современные цифровые системы способны не только фиксировать данные, но и осуществлять их последующее преобразование, структурирование и интерпретацию посредством программных алгоритмов. В результате технологии начинают участвовать не только в фиксации информации, но и в процессе её формирования.

В этих условиях возникает необходимость введения научной категории, позволяющей описать степень участия алгоритмических механизмов в формировании доказательственной информации.

В настоящем исследовании вводится и обосновывается научная категория «алгоритмическая автономность технических средств», под которой предлагается понимать степень самостоятельного влияния программно-алгоритмического комплекса на формирование, преобразование и интерпретацию доказательственной информации без непосредственного участия человека на каждом этапе обработки данных.

Использование данной категории позволяет отразить качественный переход от восприятия научно-технических средств как пассивных инструментов фиксации информации к их пониманию в качестве элементов цифровой доказательственной среды, участвующих в формировании содержания доказательства.

Анализ современных технологических решений, применяемых в правоохранительной деятельности, позволяет выделить несколько уровней алгоритмической автономности научно-технических средств.

Первый уровень характеризуется минимальной алгоритмической автономностью. К данной категории относятся традиционные технические средства фиксации информации, такие как фото- и видеозапись, аудиорегистрация и иные устройства документирования фактических данных. В подобных случаях алгоритмическая составляющая ограничивается техническими операциями кодирования сигнала и не оказывает существенного влияния на смысловое содержание фиксируемой информации. Результат фиксации в значительной степени воспроизводит исходную фактическую реальность.

Второй уровень предполагает наличие средней алгоритмической автономности. К данной категории относятся автоматизированные системы обработки информации, функционирующие на основе заранее заданных алгоритмов. Их характерной особенностью является способность преобразовывать исходные данные в иную форму представления информации. Примером могут служить системы распознавания речи, автоматизированные комплексы перевода, а также биометрические системы идентификации личности. Несмотря на то, что алгоритмы в таких системах работают по заранее установленным правилам, они уже оказывают влияние на форму представления информации и могут изменять её структуру.

Третий уровень характеризуется высокой алгоритмической автономностью. К нему относятся интеллектуальные аналитические системы, функционирующие на основе технологий искусственного интеллекта и машинного обучения. Подобные системы способны анализировать значительные массивы данных, выявлять скрытые закономерности и формировать аналитические выводы на основе вероятностных моделей. В отличие от автоматизированных систем предыдущего уровня, такие технологии обладают способностью к адаптивному обучению, что усиливает степень их влияния на результаты обработки информации.

Таким образом, повышение уровня алгоритмической автономности научно-технических средств объективно усиливает влияние программных алгоритмов на содержание доказательственной информации, что требует соответствующего переосмысления традиционных представлений о роли техники в механизме доказывания [8].

Алгоритмический риск в механизме доказывания. Увеличение степени алгоритмической автономности научно-технических средств неизбежно приводит к возникновению новой категории процессуальных рисков, связанных с особенностями функционирования цифровых технологий. Данный феномен может быть обозначен как алгоритмический риск доказывания [9].

В традиционной модели уголовного процесса основными источниками ошибок при формировании доказательственной информации выступали человеческий фактор, нарушение процессуальной формы получения доказательств либо недостатки технической фиксации данных. При использовании алгоритмических систем значительная часть потенциальных рисков переносится в сферу функционирования программных алгоритмов [10].

Алгоритмический риск проявляется прежде всего в ограниченной прозрачности алгоритмических моделей, зависимости результатов обработки информации от конкретной версии программного обеспечения, вероятностном характере интеллектуального анализа данных, а также в ограниченной воспроизводимости результатов работы сложных программных систем [11].

В научной литературе данная проблема нередко описывается посредством концепции «алгоритмического чёрного ящика», согласно которой внутренняя логика функционирования сложных программных систем остаётся недоступной для пользователя, что существенно затрудняет полноценную проверку корректности результатов обработки информации [12].

В условиях уголовного судопроизводства подобная ситуация приобретает особую значимость, поскольку достоверность доказательственной информации является фундаментальным условием справедливого правосудия. Если результаты обработки данных формируются алгоритмической системой, внутренняя логика которой не поддаётся полной проверке, возникает необходимость разработки дополнительных механизмов процессуального контроля [13].

В целях системного описания механизма цифровой трансформации доказательственной информации автором разработана модель алгоритмически опосредованного формирования доказательственной информации, отражающая последовательность перехода от фактической среды к доказательству через этап технологической и алгоритмической обработки данных (рис. 1).

Рисунок 1 — Модель алгоритмически опосредованного формирования

доказательственной информации в досудебном производстве.

Представленная модель демонстрирует, что в условиях цифровизации между фактическими данными и доказательственной информацией возникает дополнительный уровень алгоритмической обработки. Данный уровень выступает своеобразным технологическим посредником, через который проходит информация на пути от фактической среды к процессуальному доказательству.

Иначе говоря, алгоритмическая обработка становится самостоятельным элементом механизма формирования доказательственной информации. Это означает, что при оценке достоверности доказательства необходимо учитывать не только законность его получения и процессуальную форму фиксации, но и корректность функционирования применяемых алгоритмических систем.

Практическим примером применения технологий со средней степенью алгоритмической автономности может служить использование автоматизированных систем перевода устной речи в уголовном процессе. В рамках развития цифровых технологий разработан стационарный комплекс автоматизированного перевода устной речи, защищённый патентом на полезную модель №10240 [14].

Использование подобных систем позволяет существенно повысить оперативность проведения следственных действий и обеспечить реализацию процессуального права участников уголовного процесса на использование родного языка. Автоматизированные переводческие комплексы способны в режиме реального времени преобразовывать аудиосигнал в текстовую форму, а затем осуществлять перевод на другой язык [15].

Вместе с тем алгоритмический характер обработки речи предполагает вероятность возникновения определённых искажений, обусловленных особенностями функционирования алгоритмов распознавания и перевода. Точность полученного результата может зависеть от качества исходного аудиосигнала, особенностей фонетики речи, используемой языковой модели и иных факторов.

В связи с этим применение подобных технологий в уголовном процессе требует установления дополнительных процессуальных гарантий, направленных на обеспечение достоверности получаемой информации. К числу таких гарантий может быть отнесено обязательное сохранение исходной аудиозаписи как первичного носителя информации, фиксация версии программного обеспечения, используемого для обработки данных, сохранение цифровых метаданных обработки, а также возможность проведения независимой технической экспертизы корректности выполненного перевода.

Дифференциация стандарта допустимости цифровых доказательств. Развитие алгоритмических технологий объективно ставит вопрос о необходимости пересмотра традиционных критериев допустимости доказательств. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством допустимость доказательства определяется прежде всего законностью способа его получения и соблюдением установленной процессуальной формы.

Однако при использовании алгоритмических систем существенное значение приобретает не только процедура получения информации, но и условия её последующей цифровой обработки. В подобных ситуациях доказательственная информация формируется не исключительно в результате действий следователя, но и посредством функционирования программных алгоритмов.

В связи с этим представляется обоснованным положение о том, что степень алгоритмической автономности научно-технического средства должна учитываться при оценке допустимости доказательств. Чем выше уровень автономности алгоритмической системы, тем более строгими должны быть требования к процессуальной проверке результатов её применения.

Это предполагает необходимость документирования параметров алгоритмической обработки данных, сохранения цифровых метаданных обработки, обеспечения воспроизводимости результатов алгоритмической обработки и возможности проведения независимой технической экспертизы используемого программного обеспечения.

Таким образом, в условиях цифровизации возникает необходимость формирования так называемой цифровой цепочки доказательств (*digital chain of custody*), позволяющей проследить полный цикл обработки доказательственной информации от момента её фиксации до использования в судебном разбирательстве. Подобные требования к документированию и проверке цифровых данных закреплены и в международных стандартах расследования, в частности в Берклинском протоколе по расследованиям с использованием открытых цифровых данных [16].

Особый интерес в данном контексте представляет сравнительно-правовой опыт Республики Грузия. Анализ положений статей 78 и 111 Уголовно-процессуального кодекса Грузии [17] показывает, что результаты технической обработки данных подлежат обязательной процессуальной верификации ответственным лицом. В отличие от казахстанской модели, ориентированной на глубокую интеграцию алгоритмических систем в цифровую среду ЕРДР, грузинский подход делает акцент на персональной ответственности специалиста за достоверность результатов машинной обработки информации.

Использование подобного механизма позволяет обеспечить дополнительный уровень контроля за корректностью функционирования алгоритмических систем и может рассматриваться как один из возможных ориентиров для дальнейшего совершенствования национального уголовно-процессуального законодательства.

Предложения по совершенствованию законодательства. Выявленные особенности алгоритмически опосредованного формирования доказательственной информации обуславливают необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан с целью минимизации алгоритмических рисков и обеспечения допустимости цифровых доказательств.

Прежде всего представляется необходимым дополнить понятийный аппарат Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан определением интеллектуальных научно-технических средств, способных осуществлять автономную аналитическую обработку информации.

Кроме того, целесообразно нормативно закрепить обязанность фиксации параметров алгоритмической обработки данных при использовании интеллектуальных технологических систем в рамках проведения следственных действий.

Важным элементом правового регулирования также должно стать закрепление обязанности хранения цифровых метаданных обработки информации как составной части доказательства, что позволит обеспечить возможность последующей проверки корректности работы алгоритмической системы.

Наконец, следует предусмотреть процессуальное право стороны защиты инициировать техническую проверку корректности алгоритмической обработки доказательственной информации при наличии сомнений в достоверности полученных результатов.

Заключение. Алгоритмическая автономность научно-технических средств становится одним из ключевых факторов трансформации современного уголовного судопроизводства. В условиях цифровизации научно-технические средства перестают выполнять исключительно функцию технической фиксации информации и начинают выступать активными элементами механизма формирования доказательственной базы.

Это обстоятельство обуславливает необходимость переосмысления традиционных подходов к оценке доказательств и разработки новых процессуальных механизмов обеспечения достоверности алгоритмически обработанной информации.

Формирование нормативных процедур алгоритмической верификации, а также дифференциация стандартов допустимости доказательств в зависимости от степени алгоритмической автономности используемых технологий позволит обеспечить необходимый баланс между эффективностью цифровых инструментов расследования и гарантиями справедливого правосудия.

Разработка научно обоснованной концепции алгоритмической автономности научно-технических средств и её отражение в уголовно-процессуальном законодательстве представляется

необходимым условием адаптации правовой системы к реалиям цифровой трансформации правоохранительной деятельности.

Список использованных источников:

1. Послание Главы государства К.К. Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 24.02.2026);
2. Об объявлении 2026 года Годом цифровизации и искусственного интеллекта: Указ Президента Республики Казахстан от 6 января 2026 года № 1151 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 24.02.2026);
3. О Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 24.02.2026);
4. Об утверждении Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025–2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 1 апреля 2025 года № 200 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 24.02.2026);
5. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 192-196;
6. Završnik A. Algorithmic justice: Algorithms and big data in criminal justice settings // European Journal of Criminology. – 2021. – Vol. 18, Issue 5. – P. 623-642;
7. Bell S. Forensic Science: An Introduction to Scientific and Investigative Techniques. – 5th ed. – Boca Raton: CRC Press, 2019. – 700 p.;
8. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российский юридический журнал. – 2022. – № 2. – С. 110–120;
9. Головин К.С. Необходимость правового регулирования «черного ящика» искусственного интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 290-297;
10. Нургалиев Б. М., Лакбаев К. С. Цифровые технологии в досудебном расследовании: процессуальные и криминалистические аспекты // Наука и жизнь Казахстана. – 2024. – № 2;
11. Murodova S. The Black Box Problem in Administering Justice: Risks of Opaque Algorithms in Legal Decision-Making // International Journal of Law and Policy. – 2025. – Vol. 3, Issue 6. – P. 1-20;
12. Wisser H. Pandora's algorithmic black box: the challenges of using algorithmic risk assessments in sentencing // Semantic Scholar / Criminal Justice Studies. – 2023;
13. Gless S., Weigend T. AI-Based Evidence in Criminal Trials? // Tulsa Law Review. – 2024. – Vol. 59, Issue 3;
14. Айтмагамбетов А.С., Баймаханов А.А., Муканов М.Р., Жемпиисов Н. Ш. Стационарный комплекс аппаратуры для автоматизированного перевода устной, жестовой и письменной речи в уголовном судопроизводстве: пат. на полезную модель № 10240 (KZ) ; заявл. 24.12.2024 (№ 2024/1644.2); опубл. 26.12.2025. – Астана: РГП «Национальный институт интеллектуальной собственности» МЮ РК;
15. Айтмагамбетов А.С., Баймаханов А.А. Стационарный комплекс аппаратуры для автоматизированного перевода устной, жестовой и письменной речи в уголовном судопроизводстве // Хабаршы – Вестник: журнал Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. – 2025. – № 1 (87). – С. 275-280;
16. Берклинский протокол по расследованиям с использованием открытых цифровых данных. – Женева: Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Центр по правам человека Калифорнийского университета в Беркли, 2022;
17. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 года № 1772-Пс (с изм. и доп. по состоянию на 2025 г.) // Законодательный вестник Грузии. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge> (дата обращения: 24.02.2026).

ӘОЖ 343.98:004.8

Амиралиев Нұртас Қасенұлы,
Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ІШКІ ІСТЕР ОРГАНДАРЫ ТЕРГЕУШІСІ ҚЫЗМЕТІНДЕ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ НЕГІЗІНДЕ ҚОЛЖАЗБА МӘТІНДЕРІН ТАНУДЫ ЕНГІЗУ: ПРОЦЕСТІК ШЕКТЕУЛЕР ЖӘНЕ ДӘЛЕЛДЕМЕЛІК МӘРТЕБЕ

Аннотация. Бұл мақала ішкі істер органдары тергеушісінің қызметінде жасанды интеллект (ЖИ) негізіндегі қолжазба мәтіндерін тануды енгізудің процестік шектеулері мен дәлелдемелік мәртебесін талдайды. Технология қолжазба фрагментін сканерлеп, сандық сипаттама шығарып, бұрынғы үлгілермен салыстыру арқылы тергеуді бағдарлауға көмектеседі. Дәлелдеме бұлайша «өзінен өзі» болмайды. Нәтиже бірден дәлел емес. Қысқа мысал: аноним хат келіп түсті делік, жүйе ықтимал сәйкестіктер тізімін береді, ал тергеуші файлдың шығу тегін, өңдеу қадамдарын және уақыт белгісін хаттамаға енгізеді. Осы жерде тексерілгіштік нақты өлшемдермен бекітіледі: аудит ізі сақталады, нұсқа тіркеу жүргізіледі, өзгерістер тарихы жоғалмайды. Материалдарда дербес деректер кездесетіндіктен, қолжетімділікті шектеу және қауіпсіз өңдеуді ұйымдастыру талаптары да қатар қарастырылады. Қорытындыда ЖИ нәтижесін сараптамалық бағалаумен байланыстырып, процестік тіркеу арқылы ғана дәлелдемелік мәнге жеткізу қажет екені тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; қолжазба тану; криминалистика; цифрлық технологиялар; тергеу; дәлелдемелер; сараптама; автоматты талдау; құқық қорғау органдары.

Аннотация. Статья посвящена внедрению распознавания рукописных текстов на основе искусственного интеллекта в работе следователя органов внутренних дел, с акцентом на процессуальные ограничения и доказательственный статус результатов. Технология позволяет оцифровать фрагмент, сформировать признаки и сопоставить их с ранее накопленными образцами, тем самым уточняя версию и сужая круг проверки. Это не доказательство само по себе. Проверка обязательна. Микро-ситуация: поступило анонимное письмо, система выдала список совпадений, а следователь фиксирует происхождение файла, параметры сканирования и время операции и заносит эти сведения в протокол. В таком контуре «проверяемость» приобретает измеримые элементы, включая аудит-след, временную метку и регистрацию версий, без чего вывод легко оспаривается. Учитывая наличие персональных данных и требования к защищенности информационных систем, необходимы ограничения доступа и регламент безопасной обработки материалов. Делается вывод, что результат ИИ допустим, как ориентир для расследования, а доказательственное значение достигается через процессуальное оформление и экспертную оценку.

Ключевые слова: искусственный интеллект; распознавание рукописного текста, криминалистика, цифровые технологии, следствие, доказательства; экспертиза; автоматический анализ; правоохранительные органы.

Abstract. This paper examines the introduction of AI-based handwriting recognition in investigative practice, focusing on procedural constraints and the evidential status of algorithmic outputs. The technology can digitise a handwriting fragment, extract measurable features, and compare them with stored samples, thereby narrowing investigative hypotheses. The output is not evidence by itself. Verification is essential. An example: an anonymous note is received, the system returns candidate matches, and the investigator records file provenance, processing steps, and a time stamp in the official record. In this setting, “verifiability” is operationalised through an audit trail, time markers, and version registration, which preserves reproducibility and supports later review. Because case materials may contain personal data, access control and secure processing requirements must be implemented in line with information-system security duties. The paper concludes that AI results should be treated as investigative leads, while evidential weight is achieved only through procedural documentation and expert assessment.

Keywords: artificial intelligence; handwriting recognition; forensics; digital technologies; investigation; evidence; forensic examination; automated analysis; law enforcement.

Ішкі істер органдарының тергеу тәжірибесінде қолжазба мәтіндері әлі де жиі ұшырасады және оларды дер кезінде тіркеу тергеудің бастапқы бағытын айқындайтын факторға айналады. Аноним хат, қолмен толтырылған түбіртек, жазба дәптердегі қысқа белгі сияқты материалдар кейде оқиғаның уақытын, байланыс шеңберін, ниет пен тәсілді белгілеуге мүмкіндік береді. Бұл ұсақ мәселе емес.

Қолданбалы деңгейде мұндай мәтіндер көбіне көлемді дерек ағынында «жоғалып» кетеді, сондықтан оларды цифрлық криминалистика құралдарымен цифрландыру және құрылымдау қажеттілігі күшейіп отыр [1]. Соңғы жылдары жасанды интеллект негізіндегі қолжазба мәтінін тану технологиялары тергеушінің жұмысында мәтіндерді жедел салыстыруға және іріктеуге қолданылатын

құрал ретінде қарастырыла бастады. Мұндай жүйелер графикалық ерекшеліктерді өлшеп, бұрын сақталған үлгілермен алгоритмдік түрде салыстырады да, ықтимал сәйкестіктердің тізімін ұсынады [2]. Дегенмен, дәл осы жерде процестік шектеу туындайды: алгоритм берген нәтиже, қаншалықты «дәл» көрінсе де, өздігінен дәлелдеме мәртебесін автоматты түрде иеленбейді. Сот дәлелдеме соны талап етеді. Сондықтан ЖИ нәтижесін дәлелдемелік айналымға шығару үшін тек мазмұнды ғана емес, оның алыну және өңделу тәртібін де бекіту қажет [1].

Микро-ситуация ретінде мынадай жағдайды елестетейік: жәбірленушіге бопсалау сипатындағы қолжазба хат келеді, тергеуші оны сканерлеп, жүйеге енгізеді, ал бағдарлама бірнеше ықтимал авторға ұқсастық көрсетеді. Бірақ осы сәтте нәтиже тек «бағдар беретін дерек» деңгейінде қалады, өйткені дәлелдемелік мән үшін файлдың қайдан алынғаны, қандай параметрмен өңделгені, кім қандай операция жасағаны хаттамаға енгізілуі тиіс.

Мұнда «тексерілгіштік» ұғымы абстракция емес, нақты талаптарға тіреледі: аудит ізі, уақыт белгісі, нұсқа тіркеу және өзгерістер тарихы сақталмаса, қорытындының сенімділігі әлсірейді [1], [3]. Осыған байланысты қолжазба тану технологияларын енгізу екі параллель контурды қатар ұйымдастыруды талап етеді.

Бір контур техникалық, онда деректердің сапасын, сканерлеу режимін, салыстыру логикасын және қателік ықтималдығын өлшеу мәселелері тұрады. Екінші контур құқықтық және процестік, онда дербес деректерді қорғау, ақпараттық қауіпсіздік, қолжетімділікті шектеу және құжаттың заңи күшін қамтамасыз ететін тетіктер реттеледі [3], [4].

«Тексерілгіштік» бұл жерде қайтадан нақты мазмұн алады: уақыт белгісі бар тіркеу, нұсқаларды сақтау, әрекеттер журналын жүргізу, кейін тәуелсіз тексеріске мүмкіндік беру [1], [4]. Осы мақалада қолжазба мәтіндерін ЖИ арқылы тану технологияларын тергеуші қызметіне енгізудің перспективалары мен шектеулері дәлелдемелік мәртебе тұрғысынан негізделеді. Негізгі назар алгоритмдік нәтижені процестік тұрғыдан дұрыс бекітуге, тексерілгіштік стандарттарын нақтылауға және тергеуді жеделдету мен құқықтық кепілдіктердің арақатынасын тең ұстауға бағытталады [1], [2].

Осы зерттеудің мақсаты ішкі істер органдары тергеушісінің қызметінде жасанды интеллект негізіндегі қолжазба мәтіндерін тану технологияларын қолданудың құқықтық тұрғыдан жол берілетін шектерін айқындау және алынған нәтижелердің дәлелдемелік мәртебесін қамтамасыз етудің процестік талаптарын нақтылау болып табылады.

Зерттеу материалы ретінде қылмыстық іс жүргізудегі дәлелдемелердің жол берілетіндігі мен тексерілуіне қатысты нормалар, сондай-ақ дербес деректерді қорғау және ақпараттық жүйелердің қауіпсіздігі жөніндегі нормативтік негіз іріктелді [3], [4]. Қосымша ретінде қолжазбаны тану бойынша халықаралық тәжірибені сипаттайтын дереккөздер және FISH тәрізді жүйелер туралы ресми материалдар қамтылды [2]. Зерттеуде нормативтік-құқықтық талдау және құқықтық түсіндіру әдістері, қылмыстық процестегі құжатпен жұмыс істеу кезеңдерін құрылымдық талдау, сондай-ақ тәуекелге бағдарланған бағалау тәсілі қолданылды; «тексерілгіштік» өлшемі аудит ізі, уақыт белгісі және нұсқа тіркеу арқылы нақтыланды [1].

Жүргізілген талдау ішкі істер органдары тергеушісінің жұмысында қолжазба мәтіндерін ЖИ арқылы тану құралдарын қолдану логикасын нақтылауға мүмкіндік берді: бұл технологиялар, ең алдымен, тергеуді бағдарлау және материалды салыстыру кезеңінде тиімді, ал дәлелдемелік деңгейге шығару үшін процессуалдық бекіту қажет.

Қолданбалы мысал ретінде бопсалау сипатындағы аноним хатты алайық: тергеуші құжаттың қолжазба фрагментін сканерлейді, жүйеге енгізеді, ал бағдарлама ықтимал сәйкестіктердің шектеулі тізімін шығарады. АҚШ тәжірибесінде Secret Service қолданатын Forensic Information System for Handwriting (FISH) секілді жүйелер дәл осындай мақсатқа бағытталған, олар жаңа хаттарды архивтегі үлгілермен автоматтандырылған режимде салыстыруға және іздеу нәтижесін құрылымдалған түрде ұсынуға мүмкіндік береді [5], [6]. Бұл жерде тергеуге уақыт ұту маңызды, бірақ одан да маңыздысы нәтижені «жүйе көрсетті» деңгейінде қалдырмай, кейінгі процестік тексеруге жарамды күйде құжаттау.

Екінші жағдай: тінту барысында дәптерден қысқа қолжазба жазбалар табылды делік, онда ақша сомалары, күндер, шартты белгілер бар. Мұндай материалдар бойынша ЖИ құралдары мәтінді сегменттейді, жеке таңбаларды таниды, кейін деректер базасындағы үлгілермен сәйкестендіруді ұсына алады.

Ұқсас функционалды National Institute of Justice сипаттайтын CedarFox құралының мүмкіндіктерінде көрсетіледі: қолжазбаны тану, авторды немесе қолтаңбаны тексеру, мәтінді бөліп алу және іздеу сияқты модульдер тергеуге көмектеседі, бірақ адамның сараптамалық бағасын

алмастырмайды [7]. Осы шектеуді алдын ала белгілеу кейін дәлелдемелік мәртебе туралы дауда артық тәуекелдің алдын алады.

Тағы бір мысалды практикалық тұрғыдан жиі кездестіруге болады: мәміле қағазындағы қолтаңбаға дау туып, тергеу құжаттың түпнұсқасын алады да, қолтаңба иесінің салыстырмалы үлгілерін жинақтайды. Мұнда алгоритм ұсынған сәйкестік тергеу бағытын тарылтады, бірақ шешуші дәлел ретінде емес, тек сарапшыға бағыт беретін материал ретінде қаралады. NIST баяндамасында да қолжазбаны салыстырудағы жартылай автоматтандырылған жүйелер (FISH, WANDA сияқты) туралы айтылады және нәтижені рәсімдеу мен адам факторын ескеру қажеттігі ерекше атап өтіледі [2].

Бұл тәсіл тергеуші үшін бір қарапайым ереже береді: технологияны қолдануға болады, бірақ қорытындыны процестік түрде тіркеусіз «дәлел» деп ұсынуға болмайды. Процестік бекітуге қатысты нәтижелер нақты талаптарға келіп тіреледі. Егер ЖИ нәтижесі іс материалдарына енгізілсе, оның алыну тізбегін хаттамаға енгізу қажет: құжаттың қайдан алынғаны, кім қабылдағаны, қандай құрылғымен сканерленгені, қандай файл шыққаны, қандай өңдеу жасалғаны, операциялардың уақыты қалай белгіленгені. Бұл жерде тексерілгіштік әрекеттер журналы мен уақыт белгісін сақтау арқылы расталады, ал нұсқа тіркеу өзгерістер тарихын жоғалтпауға қызмет етеді [1].

Мұндай регламентсіз нәтиже даулауға төзімсіз болады. Сонымен қатар деректердің құпиялылығы мен жүйелік қауіпсіздікке қатысты тәуекелдер айқындалды. Қолжазба материалдары кейде дербес деректерді, байланыстарды, мекенжайларды қамтиды, сондықтан өңдеу мақсатын нақтылау, деректерді минималдау және қолжетімділікті деңгейлеп шектеу қажет. Ақпараттық жүйелердің қорғалуына қойылатын талаптар сақталмаса, сыртқа шығу немесе рұқсатсыз өзгерту қауіпі өседі, ал мұндай жағдай дәлелдеменің сенімділігіне тікелей әсер етеді [3], [4]. Осы себепті ЖИ қолданылатын әрбір жұмыс ағынында әрекеттер журналына тіркеу, рөлдік қолжетімділік және инцидентке ден қою тәртібі алдын ала бекітілуі тиіс.

ЖИ-ге негізделген қолжазба тану құралдарын тергеуші қызметіне енгізу, ең алдымен, дәлелдемелердің процестік табиғатын қайта айқындауды талап етеді. Жүйе ұсынған сәйкестік немесе ықтимал авторлар тізімі тергеу бағытын тарылтуы мүмкін, алайда ол автоматты түрде «дәлелдеме» мәртебесіне көтерілмейді. Қылмыстық процестік құқықтың логикасы бойынша дәлелдеме заңды жолмен алынуы, тексерілуі және бағалануы керек, сондықтан ЖИ нәтижесі әдетте бағдарлаушы ақпарат ретінде қабылданады, ал дәлелдемелік мән сараптамалық қорытынды және рәсімдік бекіту арқылы ғана бекітіледі [1], [2].

Тәжірибеде ең күрделі мәселе техникалық дәлдіктен гөрі нәтижені қалай құжаттау керектігінде көрінеді. Тергеуші қолжазба фрагментін сканерлеп, жүйеге енгізген кезде файлдың шығу тегі, сканерлеу параметрлері, өңдеу әрекеттері, сондай-ақ кімнің қандай операция жасағаны міндетті түрде хаттамаға енгізілуі тиіс. «Тексерілгіштік» осы жерде нақты мазмұн алады: аудит ізі сақталады, уақыт белгісі қойылады, нұсқа тіркеу жүргізіледі, өзгерістер тарихы жоғалмайды. Әйтпесе кейін қорғану тарапы «нәтиже қалай шықты?» деген сұрақты қойған сәтте, тергеу жағы процестік тұрғыдан әлсіз позицияға түседі [1].

ЖИ қолданылатын жүйелердің сипаттамалары да бұл тәсілді жанама түрде растайды. Мысалы, FISH секілді шешімдер жаңа қолжазба фрагменттерін архивтік үлгілермен салыстырып, ықтимал сәйкестіктер тізімін ұсынады, яғни олар «сарапшы орнына» қорытынды жасап бермейді, керісінше іздеу мен сұрыптауды жеңілдетеді [6]. NIST материалдары да жартылай автоматтандырылған жүйелердің нәтижесін адам факторын ескере отырып рәсімдеу қажеттігін атап өтеді: дәлелдемелік қорытындыға жауаптылық адамның кәсіби бағалауында қалуы тиіс [2]. Сондықтан ЖИ нәтижесін дәлел ретінде көрсетуге ұмтылу орнына, оны сарапшы жұмысына бағыт беретін құрал ретінде орналастырған дұрыс.

Дәлелдемелік мәртебе мәселесінде «кім қорытынды береді?» деген сұрақ шешуші болып шығады. Тергеуші жүйені қолдана алады, бірақ «автор осы» деген тезисті өзі негіздемеуі керек. Мұнда дұрыс модель мынадай: тергеуші материалды қабылдайды, оның цифрлық көшірмесін рәсімдеп, операцияларды әрекеттер журналына тіркейді, содан кейін құжаттық сараптама тағайындау арқылы кәсіби бағалау кезеңін іске қосады [1]. ЖИ жүйесі ұсынған ықтимал сәйкестіктер сарапшыға бастапқы шеңберді қысқартуға көмектеседі, бірақ қорытындының құқықтық салмағын сарапшы қорытындысы ғана көтереді.

Құпиялылық пен қауіпсіздік бөлігінде тәуекелдер көбіне «екінші қатардағы» мәселе ретінде қабылданады, бірақ іс жүзінде дәлелдеменің сенімділігі дәл осы жерде әлсіреуі мүмкін. Қолжазба материалдары тұлғаларды айқындайтын деректерді, байланыс деректерін немесе тұрмыстық ақпаратты қамтуы ықтимал, сондықтан өңдеу мақсатын нақтылау, мәліметті минималдау, қолжетімділікті рөлдер бойынша шектеу қажет [3]. Ақпараттандыру саласындағы талаптар ақпараттық

жүйенің қорғалуын, қолжетімділікті басқаруды және инциденттерге ден қоюды рәсімдеуді міндеттейді [4]. АҚШ тәжірибесінде де мұндай жүйелер бойынша құпиялылық тәуекелдері жеке бағаланады, бұл басқару рәсімдерін алдын ала бекіту қажеттігін көрсетеді [5].

Осы талқылаудан шығатын практикалық қорытынды біреу: ЖИ нәтижесін «дәлел» деп жарияламай тұрып, оны процестік тұрғыдан көтеретін инфрақұрылымды құру керек. Ол үшін қолдану регламентін бекіту, хаттама формаларын әзірлеу, операцияларды әрекеттер журналына тіркеу, уақыт белгісі мен нұсқа тіркеуді ұйымдастыру, қолжетімділікті деңгейлеуді енгізу қажет. Сонда ғана ЖИ құралдары тергеуді жылдамдатып қана қоймай, дәлелдемелердің заңдылығы мен тексерілгіштігін сақтай отырып қолданылатын технологияға айналады [1], [4].

Жүргізілген зерттеу ішкі істер органдары тергеушісінің қызметінде жасанды интеллект (ЖИ) негізіндегі қолжазба мәтіндерін тану технологияларын қолдану перспективалы екенін, бірақ оның нәтижелері дәлелдемелік мәртебеге автоматты түрде ие болмайтынын нақтылады. ЖИ құралдары, ең алдымен, материалды жедел сұрыптап, ықтимал сәйкестіктерді ұсынып, тергеу бағытын тарылтуға көмектесетін бағдарлаушы ресурс ретінде қызмет етеді; ал қорытындының құқықтық салмағы процестік бекіту мен сараптамалық бағалау арқылы ғана қамтамасыз етіледі.

Дәлелдемелердің тексерілгіштігі абстракт ұғым емес екенін зерттеу нәтижелері айқын көрсетті. Ол құжаттың шығу тегі мен өңдеу операцияларын хаттамаға енгізу сияқты нақты рәсімдер арқылы расталады. Егер осы тізбек сақталмаса, ЖИ ұсынған сәйкестік даулауға төзімсіз болып, соттық бақылау кезеңінде құндылығын жоғалтады.

Құпиялылық және ақпараттық қауіпсіздік мәселелері де дәлелдемелік сенімділікпен тікелей байланысады. Қолжазба материалдары дербес деректерді қамтуы мүмкін болғандықтан, өңдеу мақсатын нақтылау, деректерді минималдау және қолжетімділікті рөлдер бойынша шектеу міндетті болып табылады. Ақпараттық жүйелердің қорғалуына қойылатын талаптар сақталғанда ғана инциденттерге ден қою тәртібі, әрекеттерді журналға тіркеу және қолжетімділікті басқару арқылы дәлелдемелік деректердің бұрмалану қаупі төмендетіледі.

Қорытынды практикалық ұсыныс ретінде ЖИ қолданылатын тергеу жұмысы үшін регламенттік негізді бекіту қажет: қолдану мақсатын анықтау, операцияларды әрекеттер журналына тіркеу тәртібін енгізу, уақыт белгісін міндеттеу, нұсқаларды сақтау және нәтижені сараптамалық қорытындымен процессуалдық тұрғыдан байланыстыратын рәсімді қалыптастыру. Осы шарттар орындалған жағдайда ЖИ жүйелері тергеуді жеделдететін және дәлелдемелердің заңдылығы мен тексерілгіштігін сақтайтын технологиялық құралға айналады.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қылмыстық-процестік кодекс. Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 4 шілдедегі № 231-V ҚРЗ Кодексі. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231> (жүгінген күні: 17.03.2026);
2. NIST. Forensic Handwriting Examination and Human Factors: Improving the Practice Through a Systems Approach. NIST.IR.8282r1. 2021. // [Electronic resource] – Access mode: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2021/NIST.IR.8282r1.pdf> (access data: 17.03.2026);
3. Дербес деректер және оларды қорғау туралы. Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094> (жүгінген күні: 17.03.2026);
4. Ақпараттандыру туралы. Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 24 қарашадағы № 418-V ҚРЗ Заңы. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000418> (жүгінген күні: 17.03.2026);
5. U.S. Department of Homeland Security. Privacy Impact Assessment Update: USSS-017B (Forensic Services Division Systems Database). 2024. // [Electronic resource] – Access mode: https://www.dhs.gov/sites/default/files/2024-05/24_0506_priv_pia-uss-017b-fsds.pdf (access data: 17.03.2026);
6. National Archives and Records Administration (NARA). Forensic Information System for Handwriting (FISH) records schedule (USSS). // [Electronic resource] – Access mode: https://www.archives.gov/files/records-mgmt/rcs/schedules/departments/departments-of-homeland-security/rg-0087/n1-087-06-002_sf115.pdf (access data: 17.03.2026);
7. National Institute of Justice (NIJ). Tool for Document Examination (CedarFox) – product description. // [Electronic resource] – Access mode: <https://nij.ojp.gov/library/publications/tool-document-examination> (access data: 17.03.2026).

Бидайшиев Нуржан Илимбекович,
магистрант Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ТЕОРЕТИЧЕСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МОНИТОРИНГА И АНАЛИЗА КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты применения антикоррупционного мониторинга и анализа коррупционных рисков в целях повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности при обеспечении экономической безопасности в Республике Казахстан. Обосновывается значимость данных инструментов как элементов аналитического обеспечения противодействия экономической преступности и коррупционным проявлениям. Анализируются научные подходы к пониманию антикоррупционного мониторинга и оценки коррупционных рисков, а также их роль в выявлении криминогенных факторов в сфере государственного управления и экономики. Особое внимание уделяется их потенциалу в формировании информационно-аналитической базы для предупреждения правонарушений и минимизации экономического ущерба государству. Рассматривается взаимосвязь указанных механизмов с задачами обеспечения экономической безопасности и повышения результативности правоохранительной деятельности. Отмечается, что системное использование антикоррупционного мониторинга и анализа рисков способствует раннему выявлению предпосылок коррупционных правонарушений и повышению обоснованности управленческих и оперативных решений. Сделан вывод о необходимости дальнейшего научного осмысления и нормативного развития данных инструментов в контексте совершенствования оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: антикоррупционный мониторинг, анализ коррупционных рисков, оперативно-розыскная деятельность, экономическая безопасность, экономическая преступность, предупреждение коррупции, правоохранительная деятельность, аналитическое обеспечение, государственное управление, противодействие коррупции.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында жедел-іздістіру қызметінің тиімділігін арттыру мақсатында сыбайлас жемқорлыққа қарсы мониторинг пен сыбайлас жемқорлық тәуекелдерін талдауды қолданудың теориялық-құқықтық аспектілері қарастырылады. Аталған құралдардың экономикалық қылмыс пен сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылды аналитикалық қамтамасыз етудің маңызды элементтері ретіндегі маңызы негізделеді. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы мониторинг пен сыбайлас жемқорлық тәуекелдерін бағалаудың ғылыми тәсілдері, сондай-ақ олардың мемлекеттік басқару және экономика салаларындағы криминогендік факторларды анықтаудағы рөлі талданады. Құқық бұзушылықтардың алдын алу және мемлекетке келтірілетін экономикалық залалды азайту үшін ақпараттық-талдамалық базаны қалыптастырудағы олардың әлеуетіне ерекше назар аударылады. Сонымен қатар, аталған механизмдердің экономикалық қауіпсіздікті қамтамасыз ету және құқық қорғау қызметінің нәтижелілігін арттыру міндеттерімен өзара байланысы қарастырылады. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы мониторинг пен тәуекелдерді талдауды жүйелі қолдану сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылықтарының алғышарттарын ерте кезеңде анықтауға және басқарушылық әрі жедел шешімдердің негізділігін арттыруға ықпал ететіні атап өтіледі. Зерттеу нәтижесінде жедел-іздістіру қызметін жетілдіру контекстінде аталған құралдарды одан әрі ғылыми тұрғыдан дамыту мен нормативтік реттеуді жетілдіру қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: сыбайлас жемқорлыққа қарсы мониторинг, сыбайлас жемқорлық тәуекелдерін талдау, жедел-іздістіру қызметі, экономикалық қауіпсіздік, экономикалық қылмыс, сыбайлас жемқорлықтың алдын алу, құқық қорғау қызметі, талдамалық қамтамасыз ету, мемлекеттік басқару, сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл.

Abstract. The article examines the theoretical and legal aspects of applying anti-corruption monitoring and corruption risk analysis to improve the effectiveness of operational and investigative activities in the Republic of Kazakhstan. The importance of these tools as elements of analytical support in combating economic crime and corruption is substantiated. The study analyzes scientific approaches to the understanding of anti-corruption monitoring and corruption risk assessment, as well as their role in identifying criminogenic factors within the system of public administration and the economy. Particular attention is given to their potential in forming an information and analytical basis for preventing offenses and minimizing economic damage to the state. The relationship between these mechanisms and the objectives of ensuring economic security and enhancing the effectiveness of law enforcement activities is also considered. It is noted that the systematic application of anti-corruption monitoring and risk analysis contributes to the early identification of the prerequisites for corruption offenses and increases the validity of managerial and operational decisions. The article concludes that further scientific development and improvement of the regulatory framework governing these instruments are necessary in the context of enhancing operational and investigative activities.

Keywords: anti-corruption monitoring, corruption risk analysis, operational and investigative activities, economic security, economic crime, corruption prevention, law enforcement activity, analytical support, public administration, anti-corruption measures.

Экономическая преступность сохраняет статус одной из наиболее значимых угроз экономической безопасности государства, подрывая устойчивость бюджетной системы, снижая инвестиционную привлекательность и ослабляя институциональную стабильность государственного управления.

Динамика статистических показателей причиненного и возмещенного материального ущерба государству наглядно демонстрирует существенную нагрузку на бюджетную систему и устойчивую проблему неполного восстановления утраченных финансовых ресурсов.

Так, в 2023 году установленный ущерб от экономических преступлений составил 325 млрд тенге при объеме республиканского бюджета 21,6 трлн тенге, что эквивалентно около 1,5 % годового бюджета.

В 2024 году масштаб выявленного ущерба достиг 4,4 трлн тенге при бюджете 23,4 трлн тенге, - порядка 19 % бюджетных средств, то есть почти пятая часть годового объема финансирования государства, что отражает беспрецедентный уровень финансовых потерь.

В 2025 году установленный ущерб составил 135 млрд тенге при бюджете 25,1 трлн тенге, что соответствует около 0,54 % республиканского бюджета.

При этом значительная часть ущерба остается невозмещенной, а высокая латентность экономической преступности позволяет предполагать, что реальные финансовые потери могут быть намного выше официально зафиксированных показателей.

Сопоставление материального ущерба с параметрами государственного бюджета свидетельствует о том, что экономическая преступность оказывает прямое воздействие на финансовую устойчивость государства, формируя системные риски реализации социально-экономической политики.

Указанные обстоятельства подтверждают необходимость усиления превентивных механизмов противодействия экономическим преступлениям.

Принятие нового Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений», которым Агентство по финансовому мониторингу впервые определено полноценным субъектом профилактики экономической преступности, обозначило переход к усилению превентивной составляющей государственной политики.

Глава государства К.К. Токаев в ходе совещания в Агентстве по финансовому мониторингу подчеркнул необходимость смещения акцента с реагирования на уже совершенные правонарушения к их предупреждению, отметив, что причиненный государству ущерб зачастую оказывается затруднительным для полного возмещения. Особое внимание, по его словам, должно быть сосредоточено на социально значимых сферах - образовании и здравоохранении, где риски хищений и злоупотреблений затрагивают не только финансовые интересы государства, но и стратегические направления долгосрочного развития страны. При этом ключевая задача состоит не в проведении тотальных проверок, а в своевременном выявлении вызовов, угрожающих экономике, и формировании действенных превентивных мер на ранних стадиях возникновения правонарушений [1].

Современная экономическая преступность отличается высокой степенью латентности, активным использованием цифровых технологий и многоуровневых схем сокрытия незаконных операций.

Хищения государственных средств реализуются посредством фиктивных сделок, искусственного завышения стоимости государственных закупок, нецелевого использования бюджетных средств, создания подставных юридических лиц и применения иных механизмов вывода и легализации активов. Такие преступления, как правило, интегрированы в формально законные хозяйственные процессы, что затрудняет их разграничение с добросовестной предпринимательской деятельностью. В результате усложняется своевременное выявление противоправных действий, увеличивается продолжительность расследования и возрастает риск неполного возмещения причиненного государству ущерба.

Официальная статистика отражает лишь выявленную часть экономических преступлений, что обусловлено их высокой латентностью и сложностью доказывания. По данным Комитета по правовой статистике, в производстве Агентства по финансовому мониторингу по фактам присвоения или растраты вверенного имущества за период 2022-2025 годы находилось 694 уголовных дела (в 2022 году - 168, в 2023 году - 137, в 2024 году - 220, в 2025 году - 169 уголовных дел).

При этом в суд направлено лишь 347 уголовных дел, что составляет 50% от общего числа находившихся в производстве.

Иными словами, до стадии судебного разбирательства доходит только половина расследуемых фактов хищений (в 2022 году - 85 дел, в 2023 году - 61, в 2024 году - 104, в 2025 году - 97 дел). Остальная часть уголовных дел прекращается по различным процессуальным основаниям, в том числе в связи с недоказанностью состава преступления, отсутствием достаточной доказательственной базы либо иными обстоятельствами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством.

Анализ статистических данных демонстрирует нестабильность выявления хищений и существенный разрыв между количеством зарегистрированных преступлений и числом уголовных дел, находившихся в производстве. Так, за период 2022-2025 годов зарегистрировано 357 фактов хищений, тогда как в производстве находилось 694 уголовных дела, что свидетельствует о превышении объема (почти в два раза) расследуемых дел над числом вновь зарегистрированных преступлений. Соотношение указанных показателей составляет 51,4 %, что отражает накопительный характер расследования и многоэпизодность экономических преступлений.

По годам соотношение зарегистрированных преступлений и уголовных дел, находившихся в производстве складывалось следующим образом: в 2022 году при 85 зарегистрированных фактах хищений в производстве находилось 168 дел, в 2023 году - 75 и 137 соответственно, в 2024 году - 122 и 220, в 2025 году - 75 и 169 уголовных дел.

Таким образом, количество дел в производстве ежегодно почти в **два раза** превышало число вновь зарегистрированных преступлений, что свидетельствует о длительности расследования хищений и значительном объеме процессуальной работы, связанной с проведением финансово-экономических экспертиз и сбором доказательственной базы. В совокупности указанные обстоятельства формируют значительные процессуальные барьеры при привлечении виновных лиц к уголовной ответственности и подтверждают объективную сложность расследования экономических преступлений.

С учетом латентного характера хищений их реальный масштаб может значительно превышать официально зарегистрированные показатели, что усиливает нагрузку на бюджетную систему и требует внедрения системных превентивных механизмов противодействия экономическим и коррупционным правонарушениям.

В этих условиях особое значение приобретают антикоррупционные меры - антикоррупционный мониторинг и анализ коррупционных рисков, ориентированные на выявление и пресечение коррупционных практик. Данные инструменты обладают универсальным потенциалом и могут эффективно использоваться для обнаружения теневых экономических схем, связанных с использованием государственных средств и реализацией бюджетных программ, особенно в социально значимых сферах.

Их системное применение способствует укреплению экономической безопасности государства, повышению прозрачности финансовых процессов и снижению рисков злоупотреблений при использовании государственных ресурсов.

При этом следует учитывать, что не каждое хищение относится к коррупционным правонарушениям, поскольку законодательство Республики Казахстан предусматривает специальный круг субъектов, на которых распространяется такая квалификация.

Согласно статье 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии коррупции» под коррупцией понимается незаконное использование лицами, занимающими ответственную государственную должность, лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, а также лицами, приравненными к ним, своих должностных полномочий в целях получения или извлечения имущественных (неимущественных) благ и преимуществ для себя или третьих лиц [2].

Согласно статье 184 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан предварительное расследование по уголовным правонарушениям, связанным с причинением ущерба государству, в том числе содержащим признаки хищения, совершенным лицами, не обладающими статусом субъекта коррупционного правонарушения, относится к подследственности службы экономических расследований [3].

В этой связи выявление и пресечение как коррупционных проявлений, так и теневых экономических практик требует применения комплексных аналитических инструментов, интегрированных в систему оперативно-розыскной деятельности. В соответствии с Законом Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» одной из задач оперативно-розыскной деятельности является предупреждение, выявление и пресечение преступлений, что предполагает использование информационно-аналитических механизмов на стадии ранней диагностики угроз [4].

Таким образом, антикоррупционный мониторинг и анализ коррупционных рисков объективно могут рассматриваться как инструменты информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности, позволяющие осуществлять предварительную оценку криминогенных факторов, выявлять уязвимые направления финансово-хозяйственной деятельности и формировать ориентиры для планирования и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Их системное внедрение обеспечивает переход от преимущественно реактивной модели выявления уже совершенных преступлений к проактивному механизму предупреждения экономического ущерба, что способствует более рациональному распределению сил и средств правоохранительных органов, повышению результативности оперативно-розыскной деятельности и укреплению экономической безопасности государства.

В научной литературе антикоррупционный мониторинг и анализ коррупционных рисков рассматриваются как ключевые элементы институционального и риск-ориентированного подхода к предупреждению экономических и коррупционных правонарушений.

В зарубежной научной литературе существенный вклад в развитие институционального анализа коррупции внесла С. Роуз-Эккерман, обосновавшая зависимость коррупционных практик от структуры публичного управления и механизмов распределения ресурсов. В ее работах подчеркивается приоритет системных реформ и прозрачности над исключительно карательными мерами. Данный вывод формирует теоретическую основу для развития антикоррупционного мониторинга как инструмента системной диагностики управленческих уязвимостей [5].

Р. Клитгаард, сформулировавший модель «коррупция = монополия + дискреция – подотчетность», указывает на необходимость минимизации избыточных дискреционных полномочий и усиления механизмов контроля. В контексте оперативно-розыскной деятельности эта концепция позволяет рассматривать анализ коррупционных рисков как способ выявления зон повышенной управленческой дискреции и потенциальных криминогенных факторов [6].

М. Джонстон, анализируя «синдромы коррупции», указывает на структурную обусловленность коррупционных практик и подчеркивает, что репрессивные меры без институциональных изменений не обеспечивают долгосрочного эффекта, что усиливает аргументацию в пользу превентивных аналитических инструментов [7].

В российской научной школе А.И. Долгова рассматривает коррупцию как социально обусловленное явление, требующее системных мер профилактики, включая мониторинг управленческих процессов [8], И.М. Мацкевич подчеркивают значимость криминологического анализа и профилактики экономической преступности [9].

В сфере экономической безопасности значительный вклад внес В.К. Сенчагов, обосновав необходимость институционального контроля финансовых потоков и управления экономическими рисками [10].

Казахстанские исследователи, в частности М.А. Сарсембаев и Е.А. Бурибаев, акцентируют внимание на необходимости системного внедрения механизмов оценки коррупционных рисков в государственном секторе.

В казахстанской научной доктрине проблемы противодействия коррупции и совершенствования антикоррупционной политики исследованы в работах М.А. Сарсембаева, Д.А. Сатпаева, Е.А. Бурибаева.

М.А. Сарсембаев подчеркивает необходимость институционализации профилактических механизмов в рамках государственной антикоррупционной стратегии [11].

Д.А. Сатпаев анализирует влияние коррупции на политические и экономические институты Казахстана, акцентируя внимание на системных рисках для государственного управления [12].

Е.А. Бурибаев исследует правовые основы противодействия коррупции и обосновывает важность внедрения механизмов оценки коррупционных рисков в государственном секторе [13].

Обобщение указанных научных позиций позволяет рассматривать антикоррупционный мониторинг и анализ коррупционных рисков как инструменты предварительной оценки криминогенных факторов и формирования аналитической базы для оперативно-розыскной деятельности, ориентированной на предупреждение экономического ущерба и укрепление экономической безопасности государства.

Проведенный теоретико-правовой анализ позволяет констатировать, что антикоррупционный мониторинг и анализ коррупционных рисков занимают особое место в системе современных механизмов противодействия коррупционным и экономическим правонарушениям. Их значение приобретает характер инструмента обеспечения экономической безопасности государства. В условиях латентности хищений, сложности доказательственных процедур и ограниченности ресурсов

правоохранительных органов приоритетным становится не только выявление уже совершенных преступлений, но и предупреждение их возникновения на основе системной оценки рисков.

Нормативное регулирование оперативно-розыскной деятельности в Республике Казахстан, включая положения Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» и Уголовно-процессуального Кодекса Республики Казахстан, допускает использование информационно-аналитических механизмов в целях выявления и пресечения преступлений.

В этой связи антикоррупционный мониторинг и анализ коррупционных рисков могут рассматриваться как элементы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности, направленные на выявление уязвимых управленческих процедур, криминогенных факторов и теневых экономических практик, причиняющих ущерб государству.

Теоретическое обоснование применения указанных инструментов в оперативно-розыскной деятельности позволяет сформировать концепцию перехода от преимущественно реактивной модели противодействия экономическим преступлениям к проактивной системе предупреждения. Такой подход обеспечивает более рациональное распределение ресурсов, повышение результативности оперативно-розыскных мероприятий и снижение вероятности причинения значительного материального ущерба.

Таким образом, антикоррупционный мониторинг и анализ коррупционных рисков следует рассматривать как важные элементы современной системы обеспечения экономической безопасности Республики Казахстан, интеграция которых в практику оперативно-розыскной деятельности соответствует как теоретическим положениям криминологии и теории экономической безопасности, так и действующим правовым нормам. Их дальнейшее развитие требует совершенствования методологических подходов, нормативной регламентации и внедрения современных аналитических технологий, что открывает перспективы для последующих научных исследований в данной сфере.

Список использованных источников:

1. Президент провел совещание в Агентстве по финмониторингу // 24.kz. – 2025. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://24.kz/ru/news/top-news/751360-prezident-provel-soveshchanie-v-agentstve-po-finmonitoringu> (дата обращения: 07.03.2026).
2. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> (дата обращения: 07.03.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 07.03.2026).
4. Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-XIII «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000> (дата обращения: 07.03.2026).
5. Rose-Ackerman S. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 266 p. – [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] – РЕЖИМ ДОСТУПА: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139175098> (дата обращения: 07.03.2026).
6. Klitgaard R. Controlling Corruption. – Berkeley: University of California Press, 1988. – 220 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://archive.org/details/controllingcorru0000klit> (дата обращения: 07.03.2026).
7. Johnston M. Syndromes of Corruption: Wealth, Power, and Democracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 298 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://archive.org/details/syndromesofcorru0000john> (дата обращения: 07.03.2026).
8. Долгова А.И. Криминология. – М.: Норма, 2010. – 912 с. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://znanium.ru/catalog/document?id=365147> (дата обращения: 07.03.2026).
9. Мацкевич И.М. Коррупционная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 384 с.
10. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России. – М.: Дело, 2005. – 896 с. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/search#q=%D0%A1%D0%B5%D0%BD%D1%87%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B2%20%D0%92.%D0%9A> (дата обращения: 07.03.2026).
11. Сарсембаев М.А. Проблемы предотвращения коррупции в Казахстане // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. – 2019. – №3. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://bullaw.enu.kz/index.php/main/article/view/58> (дата обращения: 07.03.2026).

12. Сатпаев Д.А. Коррупция и государственное управление в Казахстане. – Алматы, 2013. – 256 с.
13. Бурибаев Е.А. Правовые основы противодействия коррупции в Республике Казахстан. – Алматы, 2016. – 240 с.

УДК 343.133.2

Демесін Алмаз Несіпбекұлы,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

Байғалиев Алибек Болатович,
доцент Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD),
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. Статья посвящена анализу правового механизма заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе Республики Казахстан. Рассматриваются нормативные основы института, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе РК (УПК РК), а также его взаимосвязь с положениями уголовного законодательства и конституционными гарантиями судебной защиты. Исследуется алгоритм заключения соглашения, роль прокурора и суда, а также критерии добровольности и законности процессуального компромисса.

Особое внимание уделяется проблеме неопределенности понятия «активного способствования раскрытию преступления» и формального характера судебной проверки исполнения соглашения. На основе анализа судебной практики выявлены риски снижения стандартов доказывания и возможного процессуального давления на обвиняемого.

В статье обобщается зарубежный опыт регулирования соглашений с правосудием и сопоставляется с казахстанской моделью. Предлагаются конкретные изменения в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на усиление гарантий прав личности и повышение транспарентности судебных решений.

Сделан вывод о необходимости системной законодательной конкретизации критериев эффективности сотрудничества и усиления судебного контроля как условий справедливого применения данного института.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; уголовный процесс; процессуальное соглашение; активное способствование; судебный контроль; презумпция невиновности; смягчение наказания; процессуальные гарантии; правовой механизм.

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасының қылмыстық процесінде ынтымақтастық туралы тергеуден бұрынғы келісімді жасау және жүзеге асырудың құқықтық механизміне арналған. Мақалада институттың Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік кодексінде (ҚР ҚПК) бекітілген нормативтік негіздері, сондай-ақ оның қылмыстық құқық нормаларымен және соттық қорғау конституциялық кепілдіктерімен байланысы қарастырылады. Келісімнің жасалуының алгоритмі, прокурор мен соттың рөлі, сондай-ақ процестік келісімнің еріктілік пен заңдылық критерийлері зерттеледі.

Арнайы назар «қылмыстың ашылуына белсенді ықпал ету» ұғымының айқын еместігі және келісімнің орындалуын соттық тексерудің формалды сипаты мәселесіне аударылады. Сот тәжірибесін талдау негізінде дәлелдемелер стандарттарының төмендеуі және айыпталушыға процестік қысым көрсету тәуекелдері анықталды.

Мақалада шетелдік тәжірибе жинақталып, сотпен келісімдерді реттеу Қазақстан моделімен салыстырылады. Жеке тұлғалардың құқықтық кепілдіктерін күшейту және сот шешімдерінің ашықтығын арттыруға бағытталған қылмыстық-процестік заңнамаға нақты өзгерістер ұсынылады.

Жүйелі түрде заңнамалық нақтылауларды енгізу, ынтымақтастық тиімділігінің критерийлерін айқындау және сот бақылауын күшейту институтты әділетті қолданудың негізгі шарттары ретінде қажет екендігі қорытындыланады.

Түйінді сөздер: тергеуге дейінгі ынтымақтастық келісімі; қылмыстық процесс; процестік келісім; белсенді ықпал ету; соттық бақылау; кінәсіздік презумпциясы; жазаны жеңілдету; процестік кепілдіктер; құқықтық механизм.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the legal mechanism for concluding and implementing pre-trial cooperation agreements in the criminal process of the Republic of Kazakhstan. The normative foundations of the institution, enshrined in the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (CPC RK), as well as its relationship with the provisions of Criminal law and constitutional guarantees of judicial protection, are examined. The article studies the procedure for concluding an agreement, the roles of the prosecutor and the court, and the criteria for voluntariness and legality of the procedural compromise.

Special attention is paid to the problem of the unclear concept of «active contribution to the disclosure of a crime» and the formal nature of judicial verification of agreement implementation. Based on an analysis of judicial practice, the risks of lowering evidentiary standards and potential procedural pressure on the accused are identified.

The article summarizes foreign experience in regulating agreements with justice and compares it with the Kazakh model. Specific amendments to Criminal Procedural legislation are proposed to strengthen personal rights guarantees and increase the transparency of judicial decisions.

The study concludes that systematic legislative specification of the criteria for effective cooperation and strengthening judicial control are necessary conditions for the fair application of this institution.

Keywords: pre-trial cooperation agreement; criminal process; procedural agreement; active contribution; judicial control; presumption of innocence; mitigation of punishment; procedural guarantees; legal mechanism.

Современная уголовная политика Республики Казахстан претерпевает заметные изменения. Основная цель реформ – повышение эффективности расследования сложных преступлений. При этом важно сохранять процессуальные права участников уголовного процесса.

В таких условиях особое внимание привлекает институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Он закреплён в УПК РК. Процедура регулируется Главой 63 и статьями 612 – 621 УПК РК. Эти нормы устанавливают условия заключения соглашения, требования к добровольности, участие защитника, полномочия прокурора и судебный контроль за исполнением соглашения [1].

Следует отметить, что внедрение данного института соответствует общемировой практике использования согласительных процедур. Они применяются для раскрытия организованной, коррупционной и экономической преступности. Также институт направлен на оптимизацию уголовного судопроизводства при соблюдении законности, состязательности и равенства сторон.

Актуальность исследования обусловлена тем, что досудебное соглашение о сотрудничестве находится на пересечении публичного и диспозитивного начал. Государство сохраняет монополию на уголовное преследование. Вместе с тем допускается процессуальный компромисс. На наш взгляд, такая модель требует прозрачных критериев, четких алгоритмов и эффективного судебного контроля.

В последние годы в научной литературе отмечается, что расширение согласительных процедур может влиять на концепцию доказывания и роль суда в уголовном процессе. Так, М.А. Рахимов подчеркивает, что договорные начала требуют системного подхода и внимательной законодательной конструкции, чтобы снизить риск произвольного толкования [2, с. 146].

Б.М. Нургалиев указывает, что эффективность процессуальных соглашений во многом зависит от ясности законодательных норм и единообразия судебной практики [3, с. 181]. К.Ж. Сатыбалдиев обращает внимание на то, что в Казахстане пока нет единых критериев оценки «активного содействия», и соглашения часто применяются формально, что снижает их практическую значимость [4, с. 134].

С российской практической точки зрения А.В. Соловьев отмечает, что механизмы досудебного сотрудничества требуют баланса интересов обвиняемого и государства. В противном случае возрастает риск формализации процесса и подмены принципа объективной истины [5, с. 89].

Зарубежные исследования также показывают неоднозначность данного института. Дж. Тернер в отчете Реформирование уголовного правосудия («Reforming Criminal Justice Volume 1: Introduction and Criminalization») указывает, что механизмы переговорного правосудия, включая сделки о признании вины, усиливают роль прокурора и требуют дополнительных гарантий против возможных злоупотреблений [6].

С. Таман отмечает, что договорные процедуры могут снижать стандарты доказывания, если суд ограничивается лишь формальной проверкой добровольности заключения соглашения [7, с. 274].

Таким образом, результаты современных научных исследований свидетельствуют о необходимости дальнейшей нормативной конкретизации института досудебного соглашения о сотрудничестве и разработки унифицированных практико-ориентированных критериев его применения.

Представляется, что формирование четких правовых параметров реализации данного института имеет принципиальное значение для обеспечения единообразия правоприменительной практики, повышения его эффективности и соблюдения баланса публичных и частных интересов в уголовном процессе.

Нормативной основой исследования стали положения УПК РК (Глава 63, статьи 612 – 621) и УК РК (статьи 52 – 64). Также учитывались положения Конституции РК (статья 13).

Эмпирическую базу образовали опубликованные судебные акты, размещенные в информационной системе «Судебный кабинет Республики Казахстан». Учтены современные научные исследования казахстанских, российских и зарубежных авторов, посвященные проблематике процессуального сотрудничества и переговорных форм уголовного судопроизводства.

В работе применен формально-юридический метод анализа норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в их действующей редакции. Использован системный подход к оценке института досудебного соглашения о сотрудничестве в структуре уголовного судопроизводства и механизме реализации публичного обвинения.

С целью сопоставления с зарубежным опытом осуществлен сравнительно-правовой анализ моделей переговорного правосудия. Наряду с этим исследована судебная практика, что позволило выявить существующие пробелы, коллизии и проблемы правоприменения.

Разработка предложений по совершенствованию законодательства осуществлялась посредством метода правового моделирования, ориентированного на формирование научно обоснованных рекомендаций с учетом реальных условий функционирования уголовного процесса.

Механизм заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве регулируется нормами УПК РК (Глава 63, статьи 612 – 621) и согласуется с положениями УК РК о назначении наказания (Раздел 4, статьи 52 – 64) [8]. Конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод человека закреплены в статье 13 Конституции РК, что требует строгого соблюдения принципов законности, состязательности сторон и их процессуального равенства в уголовном судопроизводстве [9].

Основная идея института заключается в добровольном согласии подозреваемого или обвиняемого активно содействовать расследованию преступлений при возможности смягчения наказания. На практике соблюдение добровольности вызывает вопросы. Так, Е.В. Новикова указывает, что переговорный характер процедуры может создавать скрытые формы давления, особенно когда подозреваемый находится в процессуальной зависимости [10, с. 137]. В этой связи рекомендуется рассматривать возможность законодательного закрепления дополнительных гарантий добровольности.

Судебная практика демонстрирует следующий порядок заключения соглашения: инициирование процедуры, проверка прокурором допустимости соглашения, формирование взаимных обязательств, письменное оформление и последующая проверка судом. Формально, модель кажется завершенной, однако остаются сложности с оценкой критерия «существенности содействия». Считаем целесообразным уточнить этот критерий в целях повышения прозрачности и предсказуемости правоприменения.

В практике встречаются случаи, когда оценка результативности сотрудничества вызывает сомнения. Например, по делам о хищении бюджетных средств обвиняемые сообщали сведения о посредниках, которые не подтверждались в ходе расследования. Тем не менее суд учитывал факт заключения соглашения и снижал наказание ниже минимального предела статьи [11].

В этом контексте возникает вопрос: можно ли считать такое сотрудничество достаточным?

Полагаем, что критерии оценки следует уточнить в контексте отражения реального вклада обвиняемого.

В литературе отмечается, что содействие должно приводить к конкретным процессуальным результатам. Например, С.Ж. Алимбаев указывает, что активное сотрудничество предполагает выявление новых фактических данных или разоблачение других участников преступной деятельности, а не простое подтверждение уже известных следствию сведений [12, с. 112]. Рекомендуется включить такую дефиницию в нормативные акты для повышения практической значимости института.

Международный опыт показывает различные способы решения этой проблемы. Так, М. Лангер отмечает, что в континентальной Европе суд обязан самостоятельно проверять доказательства, даже если заключено соглашение сторон [13, с. 219]. В противном случае существует риск формализма. Казахстану целесообразно учесть этот подход при усилении объективности судебного контроля.

В казахстанской модели пока недостаточно гарантий против формализации. Часто судебная проверка ограничивается фиксацией добровольности и соответствия соглашения закону. При этом важно, чтобы суд учитывал реальный вклад обвиняемого в раскрытие преступления. Рекомендуется разработать критерии оценки такого вклада касательно повышения прозрачности правоприменения.

Важным вопросом является соотношение соглашения с принципом презумпции невиновности. В литературе отмечается, что признание вины в рамках соглашения может переводить процесс в обвинительный формат [14, с. 159]. Однако при надлежащем судебном контроле этот риск минимизируется. Проблема скорее в стандартах и практике применения, чем в самом институте. Рекомендуется усилить контроль за соблюдением презумпции невиновности.

Не следует ограничиваться только доктринальными предложениями. Можно рекомендовать внести конкретные изменения в УПК РК для более точного регулирования института досудебного

соглашения о сотрудничестве. Такой подход позволит повысить прозрачность и эффективность его применения.

В качестве одной из рекомендаций можно предложить закрепить легальное определение «активного содействия раскрытию и расследованию преступления». Это может быть самостоятельная норма или дополнение к действующим статьям УПК РК. В частности, под активным содействием предлагается понимать:

- предоставление ранее неизвестных следствию сведений с доказательственным значением;
- раскрытие организаторов и соучастников преступления;
- содействие розыску и возврату незаконно приобретенного имущества;
- предотвращение готовящихся или продолжающихся преступлений;
- предоставление документов, предметов или цифровых данных, ранее недоступных следствию.

Также можно рекомендовать установить требование о наличии причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и достигнутыми процессуальными результатами. Формальное подтверждение уже известных следствию обстоятельств не должно рассматриваться как достаточная причина значительного смягчения наказания.

В качестве второй рекомендации можно предложить обязать полную аудио- и видеофиксацию переговоров между прокурором, подозреваемым и его защитником при обсуждении условий соглашения. Эти записи должны включаться в материалы дела и быть доступны суду для проверки добровольности и законности соглашения. Зарубежный опыт рассматривает такие меры как эффективную гарантию защиты от давления и процессуального принуждения [15, с. 301].

В качестве третьей рекомендации можно предложить закрепить в законе обязанность суда в описательно-мотивировочной части приговора отдельно указывать:

- конкретные действия, реально выполненные обвиняемым;
- процессуальный результат, достигнутый благодаря сотрудничеству;
- обоснование размера снижения наказания.

Такая мера может способствовать повышению прозрачности судебных решений и единообразию практики.

Дополнительно можно рекомендовать включить в УПК РК норму о возможности частичного исполнения досудебного соглашения. Отсутствие дифференциации степени выполнения обязательств снижает правовую определенность и затрудняет понимание обвиняемым возможных последствий.

Следует рассмотреть введение градации:

- полное исполнение – значительное смягчение наказания;
- частичное исполнение – ограниченное снижение;
- неисполнение – расторжение соглашения с соответствующими процессуальными последствиями.

Такой подход частично совпадает с зарубежной практикой регулирования соглашений с правосудием. В частности, в доктрине Соединенных Штатов Америки (США) отмечается, что предсказуемость последствий и прозрачность условий соглашения являются важными факторами добровольного и эффективного сотрудничества обвиняемого [16], [17].

Установление зависимости между объемом содействия и степенью уголовно-правового реагирования может способствовать формированию у обвиняемого мотивации предоставлять полные и достоверные сведения.

Еще одной рекомендацией может быть закрепление обязанности обязательного участия защитника при любых переговорах по заключению соглашения, с запретом проведения переговоров в его отсутствие. Практика Верховного суда США подтверждает, что профессиональная юридическая помощь является важным условием добровольного и осознанного согласия обвиняемого [18].

Учет зарубежного опыта подтверждает целесообразность уточнения норм о степени исполнения соглашения и усиления процессуальных гарантий при его заключении.

Досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой сложный правовой институт, интегрирующий элементы публичного обвинения с принципами процессуальной диспозитивности. Его нормативная конструкция, закрепленная в УПК РК, направлена на повышение эффективности предварительного расследования, ускорение уголовного судопроизводства и оптимизацию ресурсного обеспечения правоохранительных органов.

Анализ законодательства и правоприменительной практики выявляет ряд системных проблем, влияющих на эффективность и справедливость института. Среди них: неопределенность критериев «активного содействия», формальный характер судебной проверки заключенных соглашений,

отсутствие градации степени исполнения процессуальных обязательств, а также потенциальные риски оказания процессуального давления на подозреваемого или обвиняемого. Эти проблемы указывают на необходимость уточнения нормативных положений, обеспечивающих баланс между интересами государства в раскрытии преступлений и защитой прав субъектов уголовного процесса.

Дальнейшее совершенствование института досудебного соглашения о сотрудничестве должно осуществляться в трех взаимосвязанных направлениях:

Законодательная конкретизация критериев эффективности сотрудничества, включающая разработку четких показателей «активного содействия», критериев значимости предоставляемой информации и соразмерности предоставленных уступок в рамках уголовного производства.

Укрепление судебного контроля, предусматривающее обязательную мотивировку судебных решений о заключении и одобрении соглашений, процессуальную фиксацию переговоров, а также системную оценку фактического исполнения условий соглашения. Это обеспечит прозрачность процедур, снизит риски злоупотреблений и повысит доверие к институту.

Расширение гарантий защиты прав подозреваемого и обвиняемого, включая механизмы предотвращения процессуального давления, обеспечение информированного и добровольного характера сотрудничества, а также возможность дифференцированного учета степени содействия при определении мер уголовной ответственности.

Исключительно при условии комплексного реформирования нормативной базы досудебное соглашение о сотрудничестве способно трансформироваться из формализованного средства оптимизации уголовного судопроизводства в действенный, справедливый и предсказуемый механизм раскрытия преступлений, отвечающий принципам правового государства, современным международным стандартам уголовного процесса и положениям доктрины процессуальной справедливости.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231/k14_231.htm (дата обращения: 23.02.2026);
2. Рахимов М.А. Договорные начала в уголовном процессе Республики Казахстан. – Алматы: Жеті Жарғы, 2021. – 312 с.;
3. Нургалиев Б.М. Эффективность процессуальных соглашений: вопросы теории и практики. – Караганда: Болашак, 2022. – 240 с.;
4. Сатыбалдиев К.Ж. Процессуальные соглашения в уголовном праве Казахстана: проблемы и перспективы. – Алматы: Қазақ университеті, 2023. – 256 с.;
5. Соловьев А.В. Досудебные соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России. – Москва: Юрайт, 2021. – 208 с.;
6. Reforming Criminal Justice Volume 1: Introduction and Criminalization. 2022. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://academyforjustice.asu.edu/wp-content/uploads/2022/04/Reforming-Criminal-Justice_Vol_1.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 23.02.2026);
7. Thaman S. Comparative Criminal Procedure (Сравнительное уголовное судопроизводство). – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. – 432 p.;
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226/k226_.htm (дата обращения: 23.02.2026);
9. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 23.02.2026);
10. Новикова Е.В. Досудебное сотрудничество в уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ. – М.: Норма, 2020. – 224 с.;
11. Материалы судебной практики Республики Казахстан // Судебный кабинет Республики Казахстан: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://office.sud.kz> (дата обращения: 23.02.2026);
12. Алимбаев С.Ж. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве. – Алматы: Қазақ университеті, 2023. – 284 с.;
13. Langer M. Plea Bargaining and the Structure of the Criminal Process (Сделка о признании вины и структура уголовного процесса). – Cambridge University Press, 2021. – 356 p.;
14. Кусаинов Д.С. Процессуальные гарантии в условиях согласительных процедур. – Нур-Султан: ЕНУ, 2022. – 256 с.;

15. Thaman S. Comparative Criminal Procedure (Сравнительное уголовное судопроизводство). – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. – 432 p.;
16. Alschuler A.W. Plea Bargaining and Its History (Сделка о признании вины и ее история). 1979, Columbia Law Review. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/1122051?origin=crossref> (дата обращения: 24.02.2026);
17. Langbein J.H. Torture and Plea Bargaining (Пытка и сделка о признании вины). 1978, University of Chicago Law Review. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol46/iss1/3/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 24.02.2026);
18. Brady v. United States, 1970, 397 U.S. 742, pp. 748–755. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/397/742/> (дата обращения: 26.02.2026).

УДК 343.98:004.8

Жұмагелді Сұңғат,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ИИ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ)

Аннотация. В статье рассматривается доказательная база в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков с применением инструментов искусственного интеллекта. Исследованы функциональные возможности ИИ в области анализа больших массивов данных, выявления закономерностей и тенденций, а также автоматизации рутинных процедур. Приведены конкретные примеры использования ИИ для прогнозирования потенциальных очагов наркопреступности, анализа контента социальных сетей и мониторинга интернет-ресурсов, содержащих информацию о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. Обоснована значимость интеграции технологий ИИ в системе противодействия наркопреступности, способствующую повышению эффективности правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект; борьба с преступностью; наркотические средства; психотропные вещества; аналоги; доказывание; расследование.

Аннотация. Мақалада жасанды интеллект құралдарын қолдана отырып, есірткінің заңсыз айналымына байланысты қылмыстарды тергеу процесінде дәлелді негіз қарастырылады. Үлкен деректер массивтерін талдау, заңдылықтар мен тенденцияларды анықтау, сондай-ақ күнделікті Процедураларды автоматтандыру саласындағы ЖИ функционалдығы зерттелді. Есірткі қылмысының ықтимал ошақтарын болжау, әлеуметтік желілердің мазмұнын талдау және есірткі мен психотроптық заттардың заңсыз айналымы туралы ақпаратты қамтитын интернет-ресурстардың мониторингі үшін ЖИ қолданудың нақты мысалдары келтірілген. Құқық қорғау қызметінің тиімділігін арттыруға ықпал ететін есірткі қылмысына қарсы іс-қимыл жүйесіндегі ЖИ технологияларын интеграциялаудың маңыздылығы негізделді.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; қылмыспен күрес; есірткі құралдары; психотроптық заттар; аналогтар; дәлелдемелер; тергеу.

Abstract. The article examines the evidence base in the process of investigating crimes related to drug trafficking using artificial intelligence tools. The functional capabilities of AI in the field of analyzing large amounts of data, identifying patterns and trends, as well as automating routine procedures are investigated. Specific examples of using AI to predict potential drug crime hotbeds, analyze social media content, and monitor Internet resources containing information about illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances are given. The importance of integrating AI technologies in the system of countering drug crime, contributing to improving the effectiveness of law enforcement activities.

Keywords: artificial intelligence; crime prevention; narcotic drugs; psychotropic substances; analogues; evidence; investigation.

Актуальность исследования обусловлена серьёзной угрозой, которую представляет нелегальный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов для здоровья населения и общественной безопасности РК. Внедрение инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в противодействие данному явлению может существенно повысить эффективность деятельности правоохранительных и специальных органов и снизить уровень наркопреступности.

Современные технологии, включая ИИ, позволяют эффективно обрабатывать большие объёмы данных, выявлять скрытые связи и прогнозировать противоправные действия. Это особенно важно при изменяющихся схемах наркотрафика. Использование ИИ повышает качество сбора и анализа доказательств по делам о незаконном обороте наркотиков, обеспечивая более объективное и результативное правоприменение.

Кроме того, данное исследование актуально в связи с необходимостью адаптации правоохранительных органов к современным вызовам и угрозам, обусловленным технологическим прогрессом. Интеграция ИИ в систему противодействия наркопреступности может стать ключевым элементом в формировании более безопасной и здоровой среды для граждан РК.

Материалы исследования: нормативные правовые акты; статистические сведения; отчеты правоохранительных органов; материалы по уголовным делам; научные статьи и публикации.

Методы исследования: анализ нормативных правовых актов; методы статистического, сравнительного и системного анализа; обобщение и систематизация данных для формирования целостной картины проблемы; методы индукции и дедукции; методы экспертных оценок.

Цель исследования: исследование направлено на оценку возможностей и эффективности использования инструментов ИИ для борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в РК. Особое внимание уделяется процессу доказывания, включая автоматизацию анализа данных, выявление закономерностей и улучшение координации между правоохранительными органами.

Президент Республики Казахстан 2025 году подписал Закон «Об искусственном интеллекте» которое создало правовую основу для классификации рисков и определения ответственности при использовании ИИ-технологий и 2026 год указом Президента официально объявлен в Казахстане годом цифровизации и ИИ [1].

Справочно: Внедрение систем типа «Кибернадзор» с модулями ИИ позволяет автоматизировать выявление и немедленную блокировку интернет-ресурсов, распространяющих наркотики.

Постановлением Правительства РК 2023 году утвержден стратегический документ Комплексный план по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в РК на 2023–2025 годы [2]. По итогам реализации плана в сентябре 2025 года отмечено достижение значительных результатов в раскрытии наркопреступлений. За 2025 год из незаконного оборота изъято почти 49 тонн наркотиков [3].

На смену текущему документу уже утвержден Комплексный план на 2026–2028 годы, который предусматривает еще более активное использование инструментов ИИ и беспилотных технологий для охраны границ и мониторинга городов [4].

Таблица 1 - Сравнительный анализ комплексных планов (2023–2025 и 2026–2028)

Параметр	Комплексный план 2023–2025	Комплексный план 2026–2028
Нормативная база	Постановление Правительства РК №508	Постановление Правительства РК №1117 от 19.12.2025
Масштаб документа	77 пунктов мероприятий	109 пунктов (расширение на 40%)
Ключевой фокус	Стабилизация ситуации, запуск системы «Кибернадзор»	Глубокая цифровая трансформация и превенция
Технологии	Начало использования дронов и мониторинга соцсетей	ИИ, блокчейн-аналитика и БПЛА
Профилактика	Акцент на медицинскую реабилитацию и скрининг	Акцент на защиту молодежи через цифровые каналы

Если План 2023–2025 годов создавал фундамент и позволил изъять до 50 тонн наркотиков, то План 2026–2028 годов нацелен на полную «цифровую зачистку» наркорынка с применением инструментов ИИ [4].

Нормативное постановление Верховного Суда РК «О некоторых вопросах оценки доказательств по уголовным делам» от 2018 года является ключевым процессуальным фильтром для признания любых данных (включая результаты работы ИИ) допустимыми доказательствами в судах РК [5].

Интеграция ИИ в процесс расследования наркопреступлений в РК ставит перед юридической наукой фундаментальный вопрос: может ли «машинный вывод» обладать статусом допустимости доказательства? Согласно ст.111 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее - УПК РК) [6], доказательствами являются любые фактические данные, на основе которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для дела. В этом контексте использование ИИ порождает три критических аспекта:

1. Процессуальная легитимизация результатов ИИ.

В настоящее время результаты работы ИИ (например, выявленные алгоритмом связи между криптокошельками и конкретными IP-адресами) чаще всего рассматриваются лишь как ориентирующая информация для оперативных служб. Чтобы превратить их в допустимые доказательства, необходимо:

а) Трансформация в заключение эксперта, т.е. использование ИИ должно быть оформлено через призму судебной экспертизы (компьютерно-технической или молекулярно-генетической с применением ИИ-анализа). Согласно Институту судебных экспертиз МЮ РК, методология применения алгоритмов должна быть сертифицирована и прозрачна.

б) Проблема «черного ящика». Юридический принцип обоснованности требует, чтобы обвинение могло объяснить, как именно получены данные. Если алгоритм не может расшифровать логику своего вывода, возникает риск признания доказательства недопустимым в силу ст.112 УПК РК [6].

2. Цифровой мониторинг и негласные следственные действия (далее - НСД).

Инструменты ИИ в Казахстане активно применяется для мониторинга интернет-ресурсов. Здесь возникает тонкая грань между общим сбором данных и вмешательством в частную жизнь. Данные, полученные с помощью инструментов ИИ в ходе мониторинга открытых пабликов, например, в мессенджере Telegram, могут быть приобщены к делу как дополнительные материалы, полученные в ходе НСД (согласно главе 30 УПК РК) [6].

Для закрепления доказательственной силы необходимо обеспечить неизменность цифрового следа. Использование технологий блокчейн совместно с ИИ может гарантировать суду, что выявленная переписка или лог-файлы не подвергались корректировке с момента их фиксации алгоритмом.

3. Предиктивная аналитика как косвенное доказательство.

Применение ИИ для прогнозирования мест «закладок» или идентификации аномального поведения граждан (через систему «Сергек») не может являться прямым доказательством вины. Однако в Казахстанской практике эти данные могут:

а) Не служить основанием для регистрации дела в Едином реестре досудебных расследований (ЕРДР).

б) Использоваться как совокупность косвенных доказательств, подтверждающих умысел (например, системность передвижений подозреваемого по координатам, ранее определенным ИИ как «криминогенные»).

4. Необходимость внесения изменений в законодательство.

Для полноценного использования ИИ как инструмента доказывания предлагается:

а) Внедрить в УПК РК понятие «цифрового профиля правонарушения», сформированного автоматизированными системами.

б) Разработать регламент проверки «алгоритмической чистоты» ИИ-решений, чтобы исключить предвзятость (bias) при анализе подозреваемых.

в) Закрепить право защиты на привлечение специалиста для аудита работы ИИ-программы, использованной следствием.

В Республике Казахстан (РК) внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в правоприменительную практику по делам о незаконном обороте наркотиков перешло из теоретической плоскости в практическую фазу. Основной акцент делается на автоматизации выявления интернет-ресурсов, анализе финансовых потоков и использовании цифровых следов в качестве доказательств [7]. Правоохранительные органы РК используют ИИ преимущественно на стадиях оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и предварительного расследования для формирования доказательственной базы (Система «Кибернадзор» (Cyber Surveillance), инструменты Crypto Trace и ProkAi, БПЛА).

Таблица 2 - Итоги правоприменительной практики

Инструмент	Сфера применения	Результат (2025 г.)
Кибернадзор	Блокировка наркосайтов	> 6 000 ресурсов заблокировано
Crypto Trace	Финансовые расследования	Заблокировано 98 000 счетов на \$4.2 млн
БПЛА с ИИ	Поиск плантаций/лабораторий	Ликвидирована 21 лаборатория

На текущий момент ИИ в судах РК чаще выступает как инструмент обработки данных, а не как самостоятельный источник доказательств. В судебных актах (например, приговоры Специализированных межрайонных судов по уголовным делам г. Алматы и г. Шымкент) в качестве доказательств фигурируют результаты анализа больших данных (Big Data), извлеченных из

мессенджеров и криптокошельков. Прецедент в Шымкенте (2025 г.): по делу транснациональной сети (18 подсудимых) суд признал доказательствами данные, полученные путем финансового расследования с применением цифрового анализа транзакций. Организатор лаборатории был приговорен к 16 годам лишения свободы. Судебная практика показывает отсутствие четкого процессуального статуса у «выводов ИИ». Адвокаты часто оспаривают такие данные, ссылаясь на невозможность проверки алгоритмов (проблема «черного ящика») [8, 9].

Таблица 3

Сравнительная таблица: ИИ-инструменты в доказывании по наркопреступлениям (РК, 2025–2026 гг.)

Статья УК РК	Тип преступления	Инструмент ИИ / ИТ	Тип формируемого доказательства
Ст. 297	Незаконный сбыт (в т.ч. через интернет и «закладки»)	ProkAi	Цифровой след: история объявлений, привязка IP-адресов к аккаунтам в мессенджерах.
Ст. 218	Легализация (отмывание) денег	Crypto Trace	Выписка из блокчейна: визуализация цепочки транзакций от покупателя к организатору.
Ст. 232-1	Дропперство (новая статья с 2025 г.)	ProkAi + Банковский скоринг	Список связанных «дропперских» счетов и история движения средств на подставных лиц.
Ст. 264	Создание/участие в ТНПГ (транснациональной группе)	Big Data Analytics	Граф связей: анализ метаданных телефонных звонков и геолокации участников группы.
Ст. 300	Культивирование запрещенных растений	БПЛА с ИИ-аналитикой	Фото- и видеоматериалы со спектральным анализом (автоматическое распознавание посевов).

Таким образом, с принятием Закона РК «Об искусственном интеллекте» от 17.11.2025 № 230-VIII данные, полученные в ходе автоматизированной обработки, получили более четкий правовой статус. Однако в судах они по-прежнему требуют подтверждения экспертными заключениями (цифровая криминалистика). Практика 2025–2026 годов (например, дело сети «ДЮНЬ ОПЕРАТОР») показывает, что использование Crypto Trace позволяет прокуратуре доказывать умысел на сбыт через объемы криптовалютных оборотов, даже если физический товар не был изъят у организатора. Введение статьи 232-1 УК РК в 2025 году стало ответом на массовое использование подставных карт. ИИ-системы банков в реальном времени передают данные в прокуратуру (через платформу ProkAi), что позволяет пресекать вывод средств в течение минут.

По нашему мнению, для того, чтобы результаты работы ИИ-инструментов (таких как Crypto Trace, ProkAi или системы анализа БПЛА) были признаны судом Республики Казахстан (РК) в качестве допустимых доказательств, они должны быть соответствующим образом процессуально оформлены. На основе правоприменительной практики 2025–2026 годов, рекомендуется придерживаться следующего алгоритма оформления материалов уголовного дела: процессуальное закрепление источника, экспертное подтверждение (верификация алгоритма), для доказательств, полученных через Crypto Trace, критически важно доказать, что данные блокчейна не были изменены после загрузки. Если данные ИИ получены в ходе негласных следственных действий (НСД), они должны быть легализованы через постановление прокурора о рассекречивании материалов. В делах по ст. 297 УК РК (сбыт) данные системы «Кибернадзор» часто приобщаются как аналитические справки, которые затем подкрепляются показаниями оперативных сотрудников.

В документах необходимо делать ссылку на соответствие используемой системы нормам Закона РК «Об ИИ», подтверждая, что система прошла государственную регистрацию и не нарушает конституционные права граждан на тайну переписки и частную жизнь (ст. 18 Конституции РК).

Таблица 4 - Описание для суда

Элемент оформления	Описание для суда
Протокол выгрузки	Кто, когда и с помощью какого ПО (напр., Crypto Trace) получил данные.
Справка о сертификации	Подтверждение, что ИИ-инструмент официально принят на вооружение правоохранительных органов.
Заключение специалиста	Интерпретация данных ИИ человеческим языком (подтверждение связи кошелька с ФИО).

Таким образом, традиционные методы доказывания (контрольный закуп, изъятие веса) теперь играют вспомогательную роль по сравнению с аналитическими данными ИИ. Основной массив доказательств в судах по ст. 297 и 218 УК РК сегодня формируется на основе деанонимизации транзакций (Crypto Trace) и анализа цифрового следа в мессенджерах (ProkAi).

Принятие Закона РК «Об искусственном интеллекте» в ноябре 2025 года устранило правовой вакуум. Суды перестали воспринимать отчеты ИИ как «оперативную информацию» и начали признавать их надлежащими доказательствами, при условии их верификации экспертами-криминалистами.

Внедрение ИИ позволило правоохранительным органам отойти от задержания рядовых «закладчиков» к ликвидации целых транснациональных сетей. Судебная практика (особенно кейсы в Шымкенте и Алматы) демонстрирует успешное вынесение приговоров лидерам ОПГ, которые лично не контактировали с наркотиками, но были связаны с ними через алгоритмы финансового анализа.

Несмотря на прогресс, сохраняется риск оспаривания выводов ИИ стороной защиты из-за сложности алгоритмов («черный ящик»). Судебная практика выработала стандарт: вывод ИИ не может быть единственным доказательством, он должен подтверждаться протоколами осмотра электронных носителей и заключениями IT-специалистов.

На наш взгляд, в Республике Казахстан сформирована уникальная для региона Центральной Азии модель, где ИИ-инструменты стали «цифровым следователем», что позволило повысить раскрываемость киберпреступлений в сфере наркобизнеса на 40% в 2025 году.

Сравнительный анализ практики Республики Казахстан (РК) и Регламента ЕС об искусственном интеллекте (EU AI Act) показывает, что Казахстан стал второй юрисдикцией в мире, принявшей отдельный Закон об ИИ (от 17 ноября 2025 года), архитектура которого во многом заимствована из европейского опыта.

Таблица 5 - Сопоставление классификации рисков

Категория риска	Казахстан (Закон «Об ИИ» 2025)	Евросоюз (EU AI Act)
Неприемлемый (Запрещено)	Манипуляция поведением, социальный скринг, эксплуатация уязвимостей, распознавание эмоций без согласия.	Почти идентичный список + удаленная биометрическая идентификация в реальном времени (с исключениями).
Высокий	Системы в критических секторах (оборона, безопасность, госуслуги), влияющие на жизнь и здоровье.	Системы в правоохранительных органах, миграции, правосудии, критической инфраструктуре.
Средний / Ограниченный	Системы с умеренным влиянием; требования к прозрачности и документации.	Обязательства по информированию пользователей (например, чат-боты).

Минимальный	Массовые приложения (игры, спам-фильтры). Минимум регулирования.	Свободное использование без специальных обязательств.

Таким образом, обе системы используют риск-ориентированный подход, разделяя технологии на категории в зависимости от их влияния на права человека.

В процессе доказывания по наркопреступлениям инструменты ИИ (анализ транзакций, мониторинг даркнета) в обеих юрисдикциях классифицируются как системы высокого риска. В ЕС использование ИИ для биометрии в реальном времени полицией требует предварительного судебного разрешения. В РК закон также ограничивает бесконтрольный сбор биометрии и распознавание эмоций, требуя соблюдения законодательства о персональных данных. Казахстан ввел обязательную маркировку синтетического контента (дипфейков), что полностью соответствует европейским требованиям по борьбе с дезинформацией. Обе практики настаивают на том, что ИИ не может заменять судью или следователя в принятии юридически значимых решений.

В ЕС контроль осуществляют независимые органы надзора. В РК управление централизовано через Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития и оператора Национальной платформы ИИ. EU AI Act — более объемный и детальный документ с жесткими требованиями к технической документации и управлению данными (соответствие GDPR). Закон РК является более рамочным, делегируя конкретные механизмы контроля будущим подзаконным актам и Цифровому кодексу.

Мировая практика выработала два полярных подхода к интеграции ИИ в уголовный процесс, каждый из которых предлагает свои механизмы проверки достоверности доказательств [10, 11, 12, 13, 14, 15].

1. Модель Европейского Союза (далее - ЕС): приоритет прав человека и риск-ориентированный подход.

Центральным документом является Закон ЕС об ИИ (EU AI Act), вступивший в силу в августе 2024 года (Shaping Europe's digital future).

Большинство систем ИИ, используемых для раскрытия наркопреступлений (анализ данных, предиктивная аналитика), классифицируются как «высокорисковые» (high-risk).

В ЕС запрещено использование ИИ для «социального скоринга» или бесконтрольного распознавания лиц в реальном времени, за исключением поиска жертв похищений или предотвращения терактов.

В соответствии с Директивой (EU) 2016/680 (Law Enforcement Directive), использование ИИ должно сопровождаться строгим надзором человека (human-in-the-loop), чтобы исключить «автоматическую виновность» (EU AI Act).

2. Модель Соединенных Штатов Америки (далее – США): гибкость, инновации и судебные прецеденты.

В отличие от ЕС, в США нет единого федерального закона об ИИ. Регулирование опирается на Директивы Министерства юстиции (DOJ) и судебную практику (Department of Justice (.gov)).

Ключевым фильтром для ИИ-доказательств выступает Правило №702 (Standard Daubert). Оно требует, чтобы методы ИИ были научно обоснованы, прошли проверку сообществом и имели известную степень погрешности.

Министерство внутренней безопасности (DHS) активно использует ИИ для мониторинга даркнета и анализа цепочек поставок фентанила, рассматривая эти данные как законную основу для проведения обысков и задержаний.

Таблица 6 - Сравнительная таблица подходов [10, 11, 12, 13, 14, 15]

Параметр	Европейский Союз (ЕС)	Соединенные Штаты (США)
Основной акт	EU AI Act	Отраслевые стандарты и Исполнительные указы

Параметр	Европейский Союз (ЕС)	Соединенные Штаты (США)
Метод контроля	Предварительная сертификация (<i>Ex-ante</i>)	Судебный контроль постфактум (<i>Ex-post</i>)
Акцент	Защита частной жизни и недопущение биометрической слежки	Оперативная эффективность и технологическое превосходство
Допуск в суд	Через строгую техническую экспертизу	Через соответствие критериям надежности (<i>Rule 702</i>)

Опыт ЕС и США показывает, что для Казахстана оптимальным будет гибридный путь. Принятие национального регламента (по примеру ЕС), устанавливающего уровни риска для ИИ-систем в правоохранительных и специальных органах. Адаптация методики судебных экспертиз (по примеру США) для проверки алгоритмов на предмет «научной достоверности», чтобы результаты анализа Big Data могли быть признаны судом как допустимые доказательства в делах о сбыте наркотиков.

Ниже нами представлены авторские формулировки правок в УПК РК, разработанные на основе анализа опыта ЕС и США:

1. Необходимо ввести базовый термин, чтобы уравнивать данные ИИ с традиционными доказательствами, так в статье 7 УПК РК (Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе):

Включить новый пункт 58), изложить в следующей редакции:

«Цифровой аналитический отчет (профиль)» - документ, сформированный автоматизированной информационной системой с применением алгоритмов ИИ, содержащий результаты анализа больших массивов данных (Big Data) для выявления закономерностей, связей и идентификации объектов, имеющих значение для уголовного дела.

2. Предлагается дополнить перечень документов, которые могут служить доказательствами, так пункт 3) статьи 120 УПК РК (Документы) дополнить абзацем:

«К документам также относятся результаты автоматизированного мониторинга цифрового пространства, полученные с применением сертифицированных систем ИИ, зафиксированные на электронных носителях и позволяющие установить обстоятельства, предусмотренные статьей 113 настоящего Кодекса (Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу)».

3. Для соблюдения прав человека и исключения ошибок алгоритмов, необходимо закрепить принцип «человеческого контроля» (по аналогии с EU AI Act).

Новую статью 122-1 УПК РК («Особенности использования данных, полученных с применением ИИ») изложить в следующей редакции:

Условия допустимости данных ИИ: Данные, полученные с использованием ИИ, признаются доказательствами только при условии возможности проверки алгоритма на предмет отсутствия системных ошибок и предвзятости (верифицируемость).

Сведения, сформированные ИИ, подлежат обязательной оценке лицом, осуществляющим досудебное расследование, или судом в совокупности с другими доказательствами. Никакое решение не может быть основано исключительно на автоматизированном выводе ИИ.

В случае оспаривания стороной защиты достоверности выводов ИИ, суд вправе назначить специализированную компьютерно-техническую экспертизу для проверки программного обеспечения.

4. Чтобы легализовать методы ИИ, необходимо внедрить их в экспертную деятельность через Центр судебных экспертиз МЮ РК так дополнительно часть 2) статьи 270 УПК РК (Назначение экспертизы) изложить в следующей редакции:

«При проведении экспертиз по делам о незаконном обороте наркотических средств допускается применение аналитических инструментов ИИ для расшифровки криптографических данных, анализа транзакций в блокчейн-сетях и идентификации скрытых интернет-ресурсов».

Внедрение данных поправок позволит правоохранительным и специальным органам РК не просто собирать «ориентировки» из интернета, а представлять в суд структурированные цифровые доказательства, которые соответствуют критерию научной обоснованности (стандарт Daubert, США) и защищены от произвола алгоритмов через процессуальный фильтр (стандарты ЕС).

Проведенное исследование подтверждает, что интеграция ИИ в деятельность правоохранительных органов РК является необходимым условием для эффективного противодействия

современным формам наркопреступности. Переход криминальных структур в цифровое пространство (Darknet, мессенджеры, использование криптовалют) требует соразмерного технологического ответа.

Для признания выводов ИИ в суде необходимо внедрение механизмов верификации алгоритмов и соблюдение принципа «подконтрольности человеку», что минимизирует риски судебных ошибок.

Дальнейшее развитие должно быть направлено на создание единой аналитической экосистемы, объединяющей предиктивное моделирование и мониторинг в реальном времени, при строгом соблюдении конституционных прав граждан.

Таким образом, ИИ в Казахстане трансформируется из вспомогательного инструмента в ключевой элемент системы национальной безопасности в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

В данной статье затронута критическая важная область национальной безопасности Казахстана в условиях стремительной цифровизации преступности. Актуальность исследования обусловлена следующими ключевыми факторами:

а) Традиционные методы борьбы с наркобизнесом теряют эффективность в условиях «анонимизации» сбыта. Переход наркоторговли в Darknet и использование мессенджеров требует внедрения систем предиктивной аналитики и ИИ, способных обрабатывать массивы данных (Big Data), непосильные для ручного анализа.

б) В связи с принятием в ноябре 2025 года Закона РК «Об искусственном интеллекте» и его вступлением в силу в январе 2026 года, возникла острая необходимость в доктринальном обосновании новых процессуальных норм. Считаем, что наше исследование своевременно заполняет пробел в понимании того, как нормы этого закона должны коррелировать с УПК РК.

в) Исследование напрямую соотносится с реализацией Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, утвержденного Правительством РК, где акцент сделан на автоматизацию блокировки наркосайтов и выявление финансовых потоков через ИИ.

Предложены проекты законодательных формулировок для совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Особое внимание уделено проблеме «допустимости доказательств», полученных с помощью алгоритмов, что является наиболее дискуссионным вопросом в современной криминалистике.

Сравнительный анализ опыта ЕС (AI Act) и США, проведенный в статье, позволяет адаптировать лучшие мировые практики под правовое поле Казахстана, избегая ошибок в области защиты прав человека.

Предложенные рекомендации могут быть использованы правоохранительными и специальными органами РК и законодательной властью для совершенствования методик расследования и нормативной базы.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года №230-VIII ЗРК (*вступил в силу 18.01.2026*) // ИПС «Әділет».
2. Комплексный план по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2023–2025 годы // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра РК.
3. Об итогах реализации Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом на 2023-2025 годы рассказал Ерлан Карин. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mtrk.kz/ru/2025/09/25/ob-itogakh-realizacii-kompleksnogo-pl/> (дата обращения: 07.03.2026).
4. В Казахстане в борьбе с наркобизнесом внедряют ИИ и беспилотники. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rus.baq.kz/v-kazahstane-v-borbe-s-narkobiznesom-vnedryat-ii-i-bespilotniki> (дата обращения: 07.03.2026).
5. Нормативное постановление Верховного Суда РК «О некоторых вопросах оценки доказательств по уголовным делам» от 20 апреля 2018 года №4 // ИПС «Әділет».
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года №231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 год) // ИПС «Әділет».
7. ИИ подключат к борьбе с наркоторговлей в Казахстане. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://rus.baq.kz/ii-podklyuchat-k-borbe-s-narkotorgovley-v-kazahstane_300020259/#:~:text=\(дата обращения: 07.03.2026\).](https://rus.baq.kz/ii-podklyuchat-k-borbe-s-narkotorgovley-v-kazahstane_300020259/#:~:text=(дата обращения: 07.03.2026).)
8. Mukhamadiev, G.N.; Zhanibekov, A.K.; Apsimet, N.M.; Alimkulov, Y.T. Integration of Artificial Intelligence into Criminal Procedure Law and Practice in Kazakhstan. *Laws* 2025, 14, 98. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/laws14060098> (дата обращения: 07.03.2026).

9. Понимание рисков использования доказательств, созданных с помощью ИИ, в судебных разбирательствах. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www-revealdata-com.translate.goog/blog/understanding-the-risks-of-ai-generated-evidence-in-litigation?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sge#:~:text=Yes%2C%20AI%2Dgenerated%20evidence%20can,and%20judges%20examine%20each%20piece. (дата обращения: 07.03.2026).
10. Artificial intelligence to be used to identify and block drug sites [Electronic resource] // Official website of the Prime Minister of the RK. — 2023. — March 14.
11. Application of artificial intelligence in combating drug offences in Kazakhstan: new horizons and opportunities // Bulletin of the Karaganda University. Law Series. — 2025. — № 2(118). — P. 45-53.
12. EU Artificial Intelligence Act (Regulation (EU) 2024/1689) [Electronic resource] // Official Website of the European Union. — 2024.
13. Artificial Intelligence and Illicit Drugs: A World of Possibilities // Deviant Behavior Journal. — 2025. — July 24.
14. Innovative artificial intelligence algorithms in anti-drug security strategies // ResearchGate. — 2025. — November.
15. The use of artificial intelligence in combating offenses in the field of illegal drug trafficking // Ashdin Publishing. — 2024. — Vol. 13.

УДК 343.14

Кабдраш Аман Мәлікұлы,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ПОНЯТЫХ В ДОСУДЕБНОМ И СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию комплекса теоретических и практических проблем, возникающих при реализации института понятых в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. Автор рассматриваются правовые основы участия понятых в досудебном расследовании и судебном разбирательстве сквозь призму действующего Уголовно-процессуального кодекса РК. Выявлены и систематизированы устойчивые нарушения процессуальной формы: формализм привлечения, дефекты разъяснения прав, использование зависимых лиц и неполнота технической фиксации. Показана взаимосвязь между качеством участия понятых на досудебной стадии и доказательственной ценностью полученных материалов в ходе судебного разбирательства. Анализируется судебная практика Верховного Суда РК, отражающая переход от формального к содержательному контролю допустимости доказательств. Исследована проблема соотношения участия понятых и технических средств фиксации в условиях цифровизации уголовного процесса. Определены направления реформирования законодательства и правоприменительной практики в целях обеспечения реальной, а не декларативной гарантийной функции института.

Ключевые слова: институт понятых; досудебное расследование; допустимость доказательств; уголовный процесс; процессуальная форма; техническая фиксация; цифровизация; правовые гарантии; судебная практика.

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасының қылмыстық сот ісін жүргізуде куәлер институтын жүзеге асыру кезінде туындайтын теориялық және практикалық мәселелердің кешенін зерттеуге арналған. Автор куәлердің сотқа дейінгі тергеуге және сот талқылауына қатысуының құқықтық негіздерін ҚР қолданыстағы Қылмыстық процесстік кодексі тұрғысынан қарастырады. Процесуалдық нысанның тұрақты бұзылулары анықталып жүйеленді: тарту формализмі, құқықтарды түсіндірудегі кемшіліктер, тәуелді адамдарды пайдалану және техникалық тіркеудің толық болмауы. Сотқа дейінгі кезеңде куәлердің қатысу сапасы мен сот талқылауы барысында алынған материалдардың дәлелдемелік маңызы арасындағы өзара байланыс көрсетілген. ҚР Жоғарғы Сотының дәлелдемелердің жарамдылығын формалды бақылаудан мазмұндық бақылауға көшуін бейнелейтін сот тәжірибесі талданды. Қылмыстық процесстің цифрландырылуы жағдайында куәлердің қатысуы мен техникалық тіркеу құралдарының арақатынасы мәселесі зерттелді.

Түйінді сөздер: куәлер институты; сотқа дейінгі тергеу; дәлелдемелердің жарамдылығы; қылмыстық процесс; процесуалдық нысан; техникалық тіркеу; цифрландыру; құқықтық кепілдіктер; сот тәжірибесі.

Abstract. This article examines a complex of theoretical and practical problems arising in the implementation of the institution of attesting witnesses in criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan. The author analyses the legal foundations of witness participation in pre-trial investigation and judicial hearings through the lens of the current Code of Criminal Procedure. Persistent violations of procedural form are identified and systematised: formalism of engagement, defects in rights explanation, use of dependent persons, and incomplete technical recording. The relationship between the quality of witness participation at the pre-trial stage and the evidentiary value of materials obtained during court proceedings is demonstrated. The judicial practice of the Supreme Court of the RK reflecting a shift from formal to substantive admissibility control is examined. The problem of balancing witness participation and technical recording tools in the context of digitalisation is investigated. Directions for reforming legislation and law enforcement practice are determined.

Keywords: institution of witnesses; pre-trial investigation; admissibility of evidence; criminal procedure; procedural form; technical recording; digitalization; legal guarantees; judicial practice.

Уголовно-процессуальная система Республики Казахстан находится в состоянии системного обновления, обусловленного как внутренними реформами правосудия, так и необходимостью адаптации к вызовам цифровой эпохи. Среди множества институтов, претерпевающих трансформацию, особое место занимает институт понятых — один из наиболее устойчивых элементов традиционного уголовного процесса постсоветских государств. Его значимость определяется двойственной природой: с одной стороны, понятые выступают гарантом процессуальной прозрачности для общества, с другой — служат механизмом верификации законности действий следствия с точки зрения права [1].

Актуальность исследования данного института обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств. Во-первых, принятая законодателем в УПК РК 2014 года «гибридная» модель фиксации следственных действий — сочетание технических средств и присутствия понятых — сформировала нормативную коллизию, не нашедшую единообразного разрешения в правоприменительной практике. Во-вторых, качество доказательственной базы, формируемой на досудебной стадии, напрямую определяет судебные перспективы дела и уровень защиты прав участников процесса. В-третьих, распространение формализма при привлечении понятых не только снижает доказательственную ценность следственных действий, но и подрывает доверие граждан к институтам правосудия [2].

Целью настоящего исследования является системный анализ проблем применения института, понятых на досудебной и судебной стадиях уголовного процесса, выявление типичных нарушений и их причин, а также определение направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики Республики Казахстан.

Институт понятых в казахстанском уголовном процессе получил закрепление в статье 82 УПК РК, определяющей понятого как незаинтересованное физическое лицо, привлекаемое следователем или дознавателем для удостоверения факта, хода и результатов следственного действия. Данная норма устанавливает минимальный состав понятых (не менее двух), требования к их нейтральности по отношению к делу и участникам, а также процессуальные обязанности по активному наблюдению и праву внесения замечаний в протокол [3].

Функциональное назначение понятых включает три взаимосвязанных элемента. Первый — удостоверительная функция, состоящая в подтверждении точности и полноты протокола следственного действия. Второй — контрольная функция, обеспечивающая соответствие хода следственных действий требованиям закона от лица общества. Третий — превентивная функция, заключающаяся в создании психологического барьера для возможных злоупотреблений со стороны лиц, проводящих следственные действия [4].

Вместе с тем введение статьи 217 УПК РК, закрепившей обязательность аудио- и видеофиксации следственных действий, породило институциональную неопределённость: в правоприменительной практике сформировались конкурирующие подходы к соотношению технической записи и участия понятых. Часть следователей и судей стала рассматривать видеофиксацию как самодостаточный инструмент, устраняющий необходимость в понятых; другие, напротив, настаивают на сохранении обоих механизмов в связи с принципиальными различиями их гарантийной природы. Разрешение данной коллизии представляет собой одну из ключевых теоретических и практических задач современного уголовного процесса Казахстана [5].

Анализ следственной практики позволяет выделить несколько устойчивых категорий нарушений, существенно снижающих процессуальную ценность института понятых.

Первая категория — формализм участия. Данное нарушение предполагает присутствие понятых лишь на отдельных этапах следственного действия при формальном подписании протокола, охватывающего все стадии. По данным ряда региональных исследований, значительная часть граждан, привлечённых к участию в следственных действиях, оказывалась неспособна воспроизвести их существо, что свидетельствует о поверхностном характере вовлечённости [6]. Подобный подход трансформирует понятых из субъектов процессуального контроля в номинальных участников, выполняющих сугубо документальную функцию.

Вторая категория — дефекты разъяснения прав. Часть 3 статьи 82 УПК РК обязывает следователя не только ознакомить понятых с их правами, но и предупредить об ответственности за разглашение данных предварительного расследования. На практике данная норма нередко исполняется механически: следователь воспроизводит стандартную формулу, не убеждаясь в её реальном понимании приглашёнными лицами. Следствием становится то, что понятой не осознаёт ни объёма принятых на себя обязательств, ни юридического значения своих действий, что лишает его участие осознанного характера [7].

Третья категория — привлечение «ведомственных» понятых. Систематическое использование одних и тех же лиц в качестве понятых при следственных действиях, проводимых конкретным следователем или подразделением, прямо противоречит требованию незаинтересованности, закреплённому в части 2 статьи 82 УПК РК. Подобная практика существенно искажает природу общественного контроля: постоянный участник следственных действий неизбежно утрачивает независимость суждений и превращается в элемент ведомственной системы, утрачивая статус беспристрастного наблюдателя [8].

Четвёртая категория — неполнота технической фиксации при отсутствии понятых. Заменяя участие понятых аудио- и видеозаписью, следователи нередко допускают разрывы в записи,

ненадлежащее качество или ограниченный угол обзора. В такой ситуации возникает «двойной дефицит» доказательственного потенциала: ни технические средства не обеспечивают требуемой полноты фиксации, ни социальный контролёр в лице понятых не верифицирует ход действия [9].

Пятая категория – процессуальные ошибки идентификации. Неполнота или недостоверность анкетных данных понятых – ошибки в написании имён, отсутствие паспортных реквизитов или адреса проживания – формально кажутся незначительными, однако в судебной практике именно подобные дефекты нередко служат основанием для признания протоколов ненадлежащими, поскольку исключают возможность верификации личности участника и факта его реального присутствия [10].

Выявленные нарушения не носят случайного характера – они являются следствием взаимодействия нескольких институциональных факторов, формирующих устойчивую среду для воспроизводства процессуального формализма.

На организационном уровне ключевую роль играет избыточная процессуальная нагрузка на следователей. По сведениям Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры РК, среднее количество производств на одного следователя в системе органов внутренних дел нередко превышает три-четыре десятка одновременно находящихся в работе дел [11]. В условиях столь высокой занятости обеспечение надлежащего качества каждой процессуальной формы объективно воспринимается как дополнительное бремя, а не как профессиональный стандарт.

На культурно-институциональном уровне значительную роль играет инерция ведомственной традиции. За десятилетия сложилась практика восприятия процессуальной формы как самоцели: наличие подписей в протоколе воспринимается как достаточное свидетельство законности, тогда как вопрос о реальном содержании следственного действия отходит на второй план. Такая модель мышления обнаруживает себя в ориентации на «отчётность», а не на «качество» – системном явлении, описанном в сравнительно-правовой литературе применительно к постсоветским правовым системам [12].

На управленческом уровне критически важен дефицит действенного контроля. Прокурорский надзор на стадии расследования нередко ограничивается формальной проверкой документации, не проникая в вопросы реального соблюдения прав участников. Отсутствие персонализированной ответственности за процессуальные дефекты формирует у следователей стойкое убеждение в том, что последствия подобных нарушений для них ничтожны. Между тем, как показывает судебная практика, именно эти нарушения в итоге оборачиваются признанием доказательств недопустимыми и пересмотром дел [13].

На социальном уровне немаловажен дефицит правового просвещения граждан. Большинство лиц, получивших приглашение выступить понятыми, воспринимают своё участие как техническую любезность, а не как значимый процессуальный акт с реальным юридическим наполнением. Незнание собственных прав лишает понятого способности занять активную позицию – задавать вопросы, требовать разъяснений или вносить замечания в протокол. Без повышения правовой грамотности населения этот структурный изъян не может быть преодолен исключительно нормативными средствами [14].

Изучение судебной практики Республики Казахстан позволяет констатировать устойчивую тенденцию к содержательному, а не формальному подходу при оценке доказательств, полученных с участием понятых. Суды всё чаще исследуют не только наличие подписей в протоколе, но и реальные обстоятельства участия: присутствие понятых на всём протяжении действия, их фактическую возможность наблюдать происходящее, соответствие сведений в протоколе данным видеозаписи.

Верховный Суд РК последовательно применяет правило о признании доказательств недопустимыми при выявлении фиктивного характера участия понятых, ссылаясь на статью 112 УПК РК и принцип толкования процессуальных сомнений в пользу обвиняемого (*in dubio pro reo*). Так, в постановлении Верховного Суда РК по делу № 3-52/20 зафиксирована правовая позиция о том, что удостоверение протокола лицом, не наблюдавшим следственного действия в полном объёме, является существенным нарушением, влекущим утрату доказательственной силы соответствующего документа [15].

Показательна и правовая дискуссия о соотношении видеофиксации и участия понятых. Судебная практика сформировала дифференцированный подход, при котором надлежащая видеозапись – непрерывная, без монтажных фрагментов, с достаточным углом обзора и чёткостью аудиоряда – может компенсировать отсутствие понятых. Однако при наличии разрывов в записи, «слепых зон» или технических неполадок доказательство не обеспечивается достаточной верификацией, и отсутствие понятых в этом случае превращается в неустраняемый процессуальный дефект [16].

Примечательно, что казахстанская практика не противопоставляет технические и человеческие гарантии, формируя модель их взаимодополнения: технические средства обеспечивают точность и воспроизводимость фиксации, тогда как понятые сообщают результату следственного действия социальную легитимность, которую объектив камеры воссоздать не способен. Именно эта синергия обеспечивает подлинную доказательственную надёжность в условиях современного цифровизированного уголовного процесса. Отдельного рассмотрения заслуживает проблема эффективности допроса понятых в суде. Как показывают данные о практике судебного разбирательства, вызов понятых для дачи показаний крайне редко приносит существенный процессуальный результат. Большинство лиц, формально участвовавших в следственных действиях, не могут воспроизвести их значимые детали в ходе судебного разбирательства – нередко спустя год и более после самого события. Это ещё раз свидетельствует о том, что качество участия понятых на досудебной стадии непосредственно определяет их доказательственный потенциал в суде [17].

Выявленные проблемы требуют комплексного реагирования, охватывающего нормативный, организационный и социальный уровни.

В нормативном плане представляется необходимым конкретизировать требования к разъяснению прав понятых в протоколе следственного действия, установив обязательную процедуру устного опроса понятого относительно понимания разъяснённых прав с фиксацией результатов. Целесообразно также закрепить в законе критерии допустимой замены участия понятых видеофиксацией, определив параметры надлежащей записи (непрерывность, качество, полнота охвата), при соблюдении которых отсутствие понятых не влечёт признания доказательств недопустимыми [18].

В организационном плане перспективным представляется создание реестра граждан, добровольно выразивших готовность участвовать в следственных действиях в качестве понятых. Такой механизм позволил бы исключить систематическое использование одних и тех же лиц и обеспечить реальную независимость приглашаемых участников. Параллельно необходимо внедрение в систему прокурорского надзора оценочных критериев, ориентированных на качество процессуальных форм, а не только на соблюдение сроков и формальную комплектность документации [19].

В социальном плане принципиальное значение имеет развитие правового просвещения граждан применительно к их роли в уголовном судопроизводстве. Целевые информационные программы, разработанные совместно правоохранительными органами и институтами гражданского общества, могут существенно повысить осознанность участия граждан в следственных действиях. Понятой, осознающий подлинное содержание своей функции, превращается из пассивного подписанта в активного участника механизма обеспечения законности – субъекта гражданского контроля в самом непосредственном, конкретном его проявлении [20].

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Институт понятых в уголовном процессе Республики Казахстан сохраняет принципиальную процессуальную и социальную ценность, не утраченную с введением обязательной технической фиксации следственных действий. Технические средства и присутствие понятых представляют собой взаимодополняющие, а не конкурирующие механизмы: первые обеспечивают воспроизводимость и точность записи, вторые – социальную верификацию и общественное доверие к результатам следственных действий. Систематический характер нарушений при привлечении понятых – от поверхностного разъяснения прав до использования зависимых лиц и неполноты идентификации – свидетельствует не об изолированных просчётах исполнителей, а о глубинных институциональных деформациях: чрезмерной процессуальной нагрузке, инерции ведомственной культуры, дефиците содержательного надзора и недостаточной правовой осведомлённости граждан.

Преодоление сложившейся ситуации требует скоординированных усилий на нормативном, организационном и социальном направлениях. Конечная цель реформирования – не ужесточение формальных требований, а формирование процессуальной культуры, в рамках которой участие понятых воспринимается всеми участниками уголовного судопроизводства как реальная гарантия справедливости, а не как бюрократическая процедура. Только при достижении этого качественного сдвига институт понятых в полной мере реализует своё назначение – быть гражданским измерением законности уголовного процесса.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 20.02.2026);

2. Нургалиев Б.М. Теория доказывания в уголовном процессе: монография. – Астана: Академия правоохранительных органов, 2004. – 312 с.;
3. Абдрасилов А.А. Современные проблемы доказывания в уголовном процессе Казахстана. – Алматы: Юридическая литература, 2021. – 228 с.;
4. Аширбекова А.С. Гарантии допустимости доказательств в состязательном уголовном процессе // Право и государство. – 2020. – № 3 (88). – С. 47-55.;
5. Кенжетаев Ч.Д. Цифровизация уголовного процесса и её влияние на институт понятых // Вестник Академии правоохранительных органов. – 2021. – № 2. – С. 22-31.
6. Агильдин В.В. Процессуальные гарантии допустимости доказательств: сравнительно-правовой анализ. – Алматы: КазГЮУ, 2018. – 196 с.;
7. Каримов Б.А. Форма и содержание в уголовном судопроизводстве // Правовая наука Казахстана. – 2019. – № 1. – С. 60-68;
8. Сейткали Р.С. Независимость понятых как условие допустимости доказательств // Актуальные проблемы права и государства. – 2020. – № 4. – С. 112-119;
9. Джаксыбеков Н.А. Техническая фиксация и её место в системе доказательств по УПК РК // Юридический вестник. – 2022. – № 2. – С. 34-41;
10. Байжанов С.К. Процессуальная идентификация участников следственных действий // Казахстанский юридический журнал. – 2021. – № 3. – С. 78-84;
11. Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры РК. Статистические данные о нагрузке следователей за 2022–2024 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz> (дата обращения: 15.02.2026);
12. Верховный Суд Республики Казахстан. Обзор судебной практики по вопросам допустимости доказательств за 2021 год. – Астана, 2021. – 44 с.;
13. Тлеубаев Ж.С. Прокурорский надзор за качеством процессуальных форм досудебного расследования // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 90-97;
14. Мусаева Г.К. Правовое просвещение граждан как фактор обеспечения процессуальной законности // Право и политика. – 2021. – № 4. – С. 55-61;
15. Постановление Верховного Суда Республики Казахстан № 3-52/20 от 2020 года по вопросам допустимости доказательств, полученных с нарушением порядка участия понятых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud.kz> (дата обращения: 18.02.2026);
16. Постановление Верховного Суда Республики Казахстан № 3-159/21 от 2021 года о требованиях к полноте видеофиксации следственных действий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud.kz> (дата обращения: 18.02.2026);
17. Институт судебных исследований при Министерстве юстиции РК. Аналитический доклад о практике допроса понятых в суде. – Астана, 2022. – 28 с.;
18. Ахметов Б.З. К вопросу о законодательном регулировании технической фиксации следственных действий // Теория и практика правовой реформы. – 2022. – № 2. – С. 101-108;
19. Саматов Д.Н. Реестр общественных наблюдателей как механизм обеспечения независимости понятых // Правовая реформа Казахстана. – 2023. – № 1. – С. 44-51;
20. Нурпеисов Е.К. Гражданское участие в уголовном судопроизводстве: теория и перспективы // Вестник права. – 2020. – № 3. – С. 12.

УДК 343.13

Кадырова Камила Тлеукановна,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ДЕФИНИЦИЯ «ЭЛЕКТРОННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье анализируется вопрос отсутствия законодательного закрепления понятия «электронное доказательство» в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан. Автор проводит анализ доктринальных подходов отечественных и зарубежных ученых, а также действующих норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. Исследуется соотношение таких смежных понятий, как «материалы, содержащие компьютерную информацию» и «электронный документ». В статье раскрываются уникальные свойства электронных доказательств, отличающие их от вещественных доказательств и иных документов. Данные свойства выделены автором на основе анализа доктринальных, юридических и технических источников. В заключении автором обосновывается возможность законодательного закрепления «электронных доказательств» и их видов, предлагается введение конкретных изменений в главу 15 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан в целях модернизации уголовно-процессуального законодательства Казахстана.

Ключевые слова: электронное доказательство; цифровое доказательство; цифровая информация; электронная форма; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; система доказательств; доказательственное право; виды доказательств.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік заңнамасында «электрондық дәлелдеме» ұғымын заңнамалық бекітудің болмауы мәселесі талданады. Автор отандық және шетелдік ғалымдардың доктриналық тәсілдеріне, сондай-ақ Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процестік кодексінің қолданыстағы нормаларына талдау жүргізеді. «Компьютерлік ақпаратты қамтитын материалдар» және «электрондық құжат» сияқты іргелес ұғымдардың арақатынасы зерттеледі. Мақалада электрондық дәлелдемелердің оларды заттай дәлелдемелерден және өзге де құжаттардан ажырататын бірегей қасиеттері ашылады. Бұл қасиеттерді автор доктриналық, құқықтық және техникалық дереккөздерді талдау негізінде бөліп көрсетеді. Қорытындылай келе, автор «электрондық дәлелдемелерді» және олардың түрлерін заңнамалық тұрғыдан бекіту мүмкіндігін негіздейді, Қазақстанның қылмыстық-процестік заңнамасын жаңғырту мақсатында Қазақстан Республикасы қылмыстық-процестік кодексінің 15-тарауына нақты өзгерістер енгізуді ұсынады.

Түйінді сөздер: электрондық дәлелдемелер; цифрлық дәлелдемелер; цифрлық ақпарат; электрондық нысан; қылмыстық процесс; қылмыстық сот ісін жүргізу; дәлелдемелер жүйесі; дәлелдемелер туралы заң; дәлелдемелер түрлері.

Abstract. The article analyzes the issue of the lack of legislative consolidation of the concept of «electronic evidence» in the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan. The author analyzes the doctrinal approaches of domestic and foreign scientists, as well as the current norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. The correlation of such related concepts as «materials containing computer information» and «electronic document» is investigated. The article reveals the unique properties of electronic evidence that distinguish it from physical evidence and other documents. These properties are highlighted by the author based on the analysis of doctrinal, legal and technical sources. In conclusion, the author substantiates the possibility of legislative consolidation of «electronic evidence» and their types, and proposes the introduction of specific amendments to chapter 15 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan in order to modernize the criminal procedure legislation of Kazakhstan.

Keywords: electronic evidence; digital evidence; digital information; electronic form; criminal procedure; criminal proceedings; evidence system; evidentiary law; types of evidence.

Проникая во все сферы человеческой жизни, цифровое пространство неизбежно ставит перед юридической наукой и казахстанским законодателем все более новые вызовы. Так, традиционное по своей природе уголовное судопроизводство на сегодняшний день сталкивается с необходимостью адаптации к новой реальности. В современных реалиях именно цифровые следы становятся ключевыми фактическими данными, а порой и единственными источниками сведений о правонарушении, т.е. электронными доказательствами. Однако, на наш взгляд, приведение законодательства в соответствие с реалиями, может быть затруднено, ввиду отсутствия понятийного аппарата, закрепляющего «электронное доказательство» в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан.

Следует отметить, что анализ доктринальных подходов показывает, что отсутствие унифицированной дефиниции «электронное доказательство» является актуальной проблемой в современной юридической науке.

Например, В.В. Платонов, стремясь систематизировать существующие подходы в своей научной работе, предлагает следующее определение электронного доказательства: «сведения, в электронно-цифровом виде на цифровых носителях, необходимые для установления обстоятельств..., отвечающие требованиям относимости, достоверности, допустимости» [1, с. 208].

Ряд исследователей акцентируют внимание на том, что электронные доказательства определяются как сведения, зафиксированные на разнообразных электронных носителях, и имеющие отношения к делу [2, с. 151].

По мнению А.А. Ешназарова термин «электронное доказательство» является более широким и охватывает «цифровое доказательство». Согласно его определению, информация, представленная в электронной форме, которая используется для подтверждения фактов в юридическом процессе – является электронным доказательством [3, с. 85].

С.В. Зуев придерживается схожей точки зрения, определяя электронные доказательства как «информацию, представленную в цифровой форме, которая способна устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, хранящуюся на электронном носителе информации и (или) представленную независимо от него» [4, с. 47].

Следует отметить, что в основе предложений о законодательном закреплении электронных доказательств лежит тезис об особенностях данного вида доказательств. Так, А.А. Количенко подчеркивает, что «сама специфика электронных доказательств, их уникальность, позволяет выделять их как отдельный вид доказательств» [5, с. 138]. Уникальность электронных доказательств также подчеркивает и Б.К. Биржанов, который указывает на отсутствие их связи с материальным носителем [6, с. 18].

На наш взгляд, наиболее полную дефиницию, учитывающую международный опыт, предлагает А.И. Туршин. Электронное доказательство согласно его определению, представляет собой «изначально существовавшую в электронной форме информацию, сохранившую следы преступления, полученную в соответствии с законом, зафиксированную в виде электронного документа, целостность которой подтверждается...электронно-цифровым способом верификации» [7, с. 48].

Необходимо подчеркнуть, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан не содержит понятия «электронное доказательство». При этом в УПК РК закреплены такие смежные термины как «электронный документ» и «материалы, содержащие компьютерную информацию». Тем не менее, проведенный анализ вышеуказанных определений показал, что ни одно из них не способно полностью охватить все многообразие цифровых данных, присущих электронным доказательствам в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, понятие «электронный документ», закрепленное в п. 15 ст. 7 УПК РК ограничено наличием электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП), и его применение в УПК РК предусмотрено в качестве информационного обеспечения досудебного расследования. Таким образом, к электронным документам невозможно отнести не подписанные ЭЦП такие цифровые данные, как переписки в мессенджерах, данные о геолокации, лог-файлы и т.д.

Во-вторых, термин «компьютерная информация», содержащийся в ч. 3 ст. 120 УПК РК, применяется для обозначения любых данных, обрабатываемых компьютером. Данный термин не имеет законодательного определения ни в Уголовно-процессуальном кодексе, ни в отраслевом законодательстве об информатизации [8].

В свою очередь согласно п. 57 ст. 1 Закона РК «Об информатизации» электронными информационными ресурсами признаются данные в электронно-цифровой форме, содержащиеся на электронном носителе и в объектах информатизации [9].

Вопрос соотношения электронных доказательств с вещественными также остается открытым. Согласно ст. 118 УПК РК к вещественным доказательствам относятся любые физические объекты, связь которых с преступным событием очевидна. Они могут выступать в роли орудия совершения преступления, его предмета, источника следов или же являться непосредственным результатом [8]. Следовательно, вещественное доказательство по своей природе материально.

К примеру, Обидин К.В. считает, что ключевая характеристика вещественного доказательства заключается в том, что оно имеет неразрывную связь информационного содержания и материального носителя. В противовес данному утверждению содержание электронного доказательства т.е. информация полностью отделима от носителя. Например, один и тот же файл может быть скопирован на множество устройств без потери его содержания, а сам материальный носитель (жесткий диск,

флеш-накопитель) может не иметь никаких следов, указывающих на содержащуюся на нем информацию. Таким образом, отождествление электронного и вещественного доказательства является методологически неверным [10, с. 203].

Кроме того, электронные доказательства обладают уникальными свойствами, которые не подпадают под характеристики вещественных доказательств. На основе научных трудов, юридической и технической литературы, представляется возможным выделить следующие свойства, присущие электронным доказательствам:

1) виртуальность и нематериальность электронных доказательств заключается в том, что они существуют в виде электромагнитных сигналов, а не как физический объект;

2) отделимость от носителя означает, что данные, составляющие электронное доказательство, являются переносимыми. А именно, информация может быть скопирована, реплицирована на другие носители (в т.ч. на облачные сервисы хранения);

3) изменяемость и незащищенность информации состоит в том, что цифровая информация может быть изменена или уничтожена без видимых следов, что предъявляет особые требования к процедурам ее фиксации и обеспечения целостности;

4) наличие метаданных, т.е. скрытой информации о времени создания, авторе, геолокации данных также является отличительной чертой электронных доказательств;

5) трансграничность электронных доказательств заключается в том, что данные могут храниться на серверах, физически расположенных в другой юрисдикции, что создает серьезные проблемы для их получения в рамках национальных процедур [11].

Таким образом, по нашему мнению, совокупность вышеуказанных свойств не позволяет отнести электронные доказательства ни к одному из закрепленных в УПК РК видов доказательств. В следствие чего возникает необходимость их законодательного закрепления.

На наш взгляд, для создания правовой основы работы с цифровой информацией, во-первых, представляется возможным признать электронные доказательства самостоятельным видом доказательств и дополнить ч. 2 ст. 111 УПК РК словосочетанием «электронными доказательствами», изложить ее следующим образом:

«2. Фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела, устанавливаются: показаниями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, свидетеля имеющего право на защиту, эксперта, специалиста; заключением эксперта, специалиста; вещественными доказательствами; *электронными доказательствами*; протоколами процессуальных действий и иными документами».

Во-вторых, видится возможным дополнить главу 15 «Доказательства» УПК РК новой статьей, которая бы содержала дефиницию, а также виды электронных доказательств. Содержание нормы, регулирующей электронные доказательства предлагается отразить следующим образом:

«1. Электронными доказательствами признаются любые сведения (данные) в электронной (цифровой) форме, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, содержащиеся на материальном носителе, передаваемые по информационно-телекоммуникационным сетям, либо существующие в иной цифровой среде, полученные и зафиксированные в порядке, установленном настоящим Кодексом.

2. К электронным доказательствам относятся файлы документов, текстовые сообщения, электронные письма, данные из социальных сетей и мессенджеров, мультимедийные файлы (аудиозаписи, видеозаписи, цифровые изображения), сведения о соединениях между абонентами, данные геолокации, метаданные, лог-файлы, содержимое баз данных и иные сведения в электронной форме.

3. Допустимость, относимость и достоверность электронных доказательств определяется в соответствии с правилами, установленными настоящим Кодексом, с учетом специфики их создания, хранения и передачи».

На основании вышеизложенного, внесение предлагаемых новелл поможет создать правовую базу, необходимую для правоприменительной практики. Кроме того, внедрение предлагаемых изменений направлено на создание правовой базы, которая обеспечит гарантии всем участникам уголовного судопроизводства при работе с электронными доказательствами.

Список использованных источников:

1. Платонов В.В. Значение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. - (1). С. 208

2. Кольчурин, А. Г., Садырина, Л. В. Электронные доказательства в уголовном процессе / А. Г. Кольчурин, Л. В. Садырина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2022. - № 9. - С. 150-152.
3. Ешназаров А.А. Пробелы в уголовно-процессуальном регулировании электронных доказательств в Республике Казахстан: правовой анализ и пути решения // Материалы Международного конгресса юристов Закон, право, справедливость в современном мире. Академия правоохранительных органов. Косшы, 2025. С. 83
4. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. - 2020. - № 3 (26). С.46
5. Количенко А.А. Доктринальный подход к определению термина «электронные доказательства» в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. - №3 (55). С. 136-140
6. Биржанов Б.К. Цифровые данные – новый вид доказательств // Хабаршы-Вестник Карагандинской академии МВД РК. 2020. - №3. С. 16-23
7. Туршин А.И. Электронные доказательства в уголовном процессе: опыт зарубежных стран и российские перспективы // Юридические исследования. 2025. №9. С. 47-52
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. №231-V ЗРК. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>. (дата обращения 28.02.2026).
9. Закон Республики Казахстан Об информатизации от 24 ноября 2015 года. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (дата обращения 28.02.2026).
10. Обидин К.В. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - Т. 15. - № 11. - С. 198–206
11. Casino, F., Pina, C., Lypez-Aguilar, P., et al. SoK: Cross-Border Criminal Investigations and Digital Evidence // Journal of. Cybersecurity 2022. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://academic.oup.com/cybersecurity/article/8/1/tyac014/6909060> (дата обращения 28.02.2026).

УДК 343.37

Каландаров Ислам Музаффаровичоперуполномоченный по ОВД Агентства РК по финансовому мониторингу,
магистр юридических наук, г. Астана, Республика Казахстан**Серикова Арайлым Есенгельдиевна**старший следователь Департамента полиции г. Астаны,
магистр юридических наук, г. Астана, Республика Казахстан**Нугманов Рустем Рахимжанович**доцент кафедры Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
кандидат юридических наук, г. Косшы, Республика Казахстан**МОДЕРНИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ОПЫТ АГЕНТСТВА ПО
ФИНАНСОВОМУ МОНИТОРИНГУ**

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы совершенствования методов оперативно-розыскной деятельности в условиях цифровизации финансовой системы Республики Казахстан. Проводится комплексный анализ отечественной и зарубежной правоприменительных практик в соответствии с нормативной базой ФАТФ. Обозначена институциональная роль Агентства по финансовому мониторингу как уполномоченного органа в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Рассмотрены ключевые поправки, внесённые в национальное законодательство в сфере ПОД/ФТ в период с 2024 по 2025 годы. Авторами предложена концептуальная модель «Цифровой ОРД» в условиях правоохранительной практики АФМ.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; противодействие отмыванию доходов; АФМ; цифровизация; ФАТФ; блокчейн-аналитика; искусственный интеллект; финансовый мониторинг.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының қаржы жүйесін цифрландыру жағдайында жедел-іздістіру қызметінің әдістерін жетілдірудің өзекті мәселелері зерттеледі. ФАТФ нормативтік базасына сәйкес отандық және шетелдік құқық қолдану практикаларына кешенді талдау жүргізіледі. Қаржы мониторингі агенттігінің қылмыстық кірістерді заңдастыруға және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл саласындағы уәкілетті орган ретіндегі институционалдық рөлі белгіленді. 2024 жылдан 2025 жылға дейінгі кезеңде АЖ/ТҚҚ саласындағы ұлттық заңнамаға енгізілген негізгі түзетулер қаралды. Авторлар АФМ құқық қорғау практикасы жағдайында «Цифрлық ЖІҚ» тұжырымдамалық моделін ұсынды.

Түйінді сөздер: жедел-іздістіру қызметі; кірістерді жылыстатуға қарсы іс-қимыл; АФМ; цифрландыру; ФАТФ; блокчейн-аналитика; жасанды интеллект; қаржылық мониторинг.

Abstract. This article examines current issues related to improving investigative methods in the context of the digitalization of the financial system of the Republic of Kazakhstan. It provides a comprehensive analysis of domestic and international law enforcement practices in accordance with the FATF regulatory framework. The institutional role of the Financial Monitoring Agency as the competent authority in the field of combating money laundering and terrorist financing is outlined. Key amendments made to national AML/CFT legislation between 2024 and 2025 are examined. The authors propose a conceptual model of «Digital OIA» within the context of the FMA's law enforcement practices.

Keywords: operational-investigative activities; anti-money laundering; AML; digitalization; FATF; blockchain analytics; artificial intelligence; financial monitoring.

Глобальная цифровизация финансовой сферы кардинально трансформировала как способы совершения финансовых преступлений, так и методы их выявления и пресечения. Согласно оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности (далее - UNODC), ежегодный объём отмываемых в мире средств составляет от 2 до 5% мирового ВВП - то есть от 1,6 до 4,0 трлн долларов США [1]. При этом выявляется и конфискуется менее 1% от указанной суммы, что свидетельствует о системных слабостях существующих механизмов финансового контроля.

Республика Казахстан, занимает стратегически важное положение в евразийском финансовом секторе и активно развивает цифровую экономику в рамках Стратегии «Казахстан-2050» и Национального плана развития до 2029 года. В результате реализации проектов установлены новые типологии финансовых преступлений, включая использование криптовалют, DeFi-платформ, теневые платёжные агенты и анонимизированные транзакционные сети. Пятый раунд взаимной оценки

Казахстана, проведённый ФАТФ/ЕАГ в 2023–2024 годах, выявил ряд системных недостатков в области надзора за виртуальными активами и применения риск-ориентированного подхода [2].

С момента организации в 2021 году АФМ, как правопреемник Комитета по финансовому мониторингу Министерства финансов, претерпело существенную функциональную трансформацию. Наделение АФМ полномочиями органа досудебного расследования, введение в структуру специализированных аналитических подразделений, оснащённых системами искусственного интеллекта, а также интеграция с Единым накопительным пенсионным фондом, Национальным банком и органами прокуратуры создали принципиально новую архитектуру финансового расследования.

Цель настоящего исследования – разработка концептуальных основ цифровизации оперативно-розыскной деятельности в системе ПОД/ФТ Казахстана, с учётом международного опыта и новейших законодательных изменений. В рамках данной работы проводится сравнительно-правовой анализ методов ОРД в сфере ПОД/ФТ, рассматривается эффективность цифровых инструментов, применяемых АФМ, выявляются пробелы в нормативном регулировании, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию институциональной модели ОРД.

В современной научной литературе сформировались несколько концептуальных подходов к пониманию оперативно-розыскной деятельности в контексте противодействия финансовым преступлениям. Классическая теория оперативно-розыскной деятельности, сформированная в работах А. Ю. Шумилова, К. К. Горяинова и В. Г. Самойлова [3], рассматривает ОРД как специфический вид государственно-правовой деятельности, осуществляемой гласными и негласными методами в целях защиты охраняемых законом ценностей.

Применительно к сфере ПОД/ФТ данная концепция существенно обогащается финансово-аналитической составляющей. П. Реутер и Э. Трумэн в фундаментальном труде «Chasing Dirty Money» (2004 г.) обосновали необходимость интеграции разведки финансовых потоков в общую систему правоохранительной деятельности [4]. Позднее Д. Деламейд развил эту идею, указав на структурообразующую роль подразделений финансовой разведки (далее – ПФР) как «интеллектуального ядра» всей системы ПОД/ФТ [5].

Отечественная правовая доктрина в области ПОД/ФТ формировалась под влиянием как российской школы оперативно-розыскного права (В. И. Михайлов, О.А. Вагин), так и нормативных документов ФАТФ. Профессор К. Ж. Балтабаев в своих работах 2022–2023 годов обосновал концепцию «триады ПОД/ФТ» - превентивного мониторинга, оперативной разведки и финансового расследования – как единой системы, требующей законодательной институционализации [6].

В 2024–2025 годах казахстанское законодательство в сфере ПОД/ФТ претерпело существенные изменения, направленные на имплементацию рекомендаций ФАТФ по итогам прохождения пятого раунда взаимной оценки и приведения национальной нормативной базы в соответствие с международными стандартами.

Существенно дополнения внесены в Закон Республики Казахстан от 28 августа 2009 года № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» (далее – Закон о ПОД/ФТ).

Во-первых, расширена категория «субъектов финансового мониторинга» путём включения провайдеров услуг в сфере виртуальных активов (далее – ПУОВА) и операторов краудфандинговых платформ. Данное изменение соответствует Рекомендации 15 ФАТФ и Руководству ФАТФ по виртуальным активам 2021 года [7].

Во-вторых, статья 12 Закона о ПОД/ФТ дополнена требованием об оценке рисков ОД/ФТ при применении новых технологий, что является прямой имплементацией Рекомендации 15 ФАТФ.

Существенные изменения также коснулись уголовного законодательства Республики Казахстан.

Еще в 2020 году в соответствии с изменениями, внесенными в статью 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан, цифровые активы отнесены к имущественным благам и правам (имуществу) (Закон Республики Казахстан от 25 июня 2020 года № 347-VI ЗРК).

В 2025 году Верховный Суд Республики Казахстан в Нормативном постановлении от 18 декабря 2025 года № 7 разъяснил, что к имуществу, полученному в результате преступной деятельности, могут относиться цифровые активы, расширив, таким образом, содержание предмета преступления по статье 218 УК РК «Легализация (отмывание) денег и (или) иного имущества, добытых преступным путём».

Таким образом, на сегодняшний день нормативно-правовая база и институциональная структура ПОД/ФТ Республики Казахстан в целом соответствует международным стандартам в данной сфере.

Однако стремительное развитие цифровых технологий требует внедрения в правоохранительную деятельность новых инструментов. В этой связи применение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и машинного обучения (далее – МО) в оперативно-розыскной деятельности представляет собой один из наиболее развивающихся направлений современной правоохранительной деятельности.

Теоретические основы данного направления заложены в трудах Й. Клайна и С. Мёнха, разработавших концепцию «предсказательного финансового расследования», основанного на паттерн-анализе транзакционных данных с использованием нейронных сетей [8].

В контексте ПОД/ФТ применение ИИ реализуется через несколько ключевых технологических блоков. Системы обнаружения аномалий основаны на алгоритмах кластерного анализа и методах «изолирующего леса», позволяющих идентифицировать нетипичные паттерны транзакций в режиме близком к реальному времени.

Согласно данным McKinsey Global Institute за 2023 год, внедрение ИИ-систем мониторинга позволяет снизить долю ложноположительных срабатываний в системах AML-мониторинга на 30–50% при одновременном повышении точности идентификации подозрительных транзакций на 20–40% [9].

АФМ в 2023 году введена в эксплуатацию автоматизированная система мониторинга «Финансовый щит» (ФЩ-1), разработанная совместно с АО «Национальные информационные технологии» при технической поддержке ФБК Grant Thornton Kazakhstan. Система интегрирует данные более 400 субъектов финансового мониторинга, обрабатывает свыше 12 млн транзакций в сутки и формирует риск-профили в соответствии с параметрами, разработанными на основе типологий ФАТФ и ЕАГ. По данным годового отчёта АФМ за 2023 год, применение системы позволило увеличить количество выявленных подозрительных операций на 34% по сравнению с 2022 годом.

Стремительное распространение криптовалют создало принципиально новый ландшафт финансовых преступлений. По данным Chainalysis Crypto Crime Report за 2024 год, объём транзакций с незаконным происхождением средств в сети Bitcoin, Ethereum и производных протоколах составил в 2023 году около 24,2 млрд долларов США, что на 39% больше показателя 2022 года [11].

При этом, наиболее распространёнными схемами остаются: использование миксеров (tumblers/mixers), цепочки транзакций через DEX-биржи (децентрализованные обменники), применение конфиденциальных монет (Monero, Zcash), а также схемы с использованием «мул-счетов» (crypto money mules).

В казахстанской практике ключевым инструментом блокчейн-аналитики стало партнёрство АФМ с платформой Elliptic (Великобритания), заключённое в 2023 году. Данная платформа позволяет трассировать транзакции в более чем 100 блокчейн-сетях, выявлять аффилированность кошельков с санкционными списками (OFAC SDN List, UN 1267 Sanction List и др.), а также использовать граф-анализ для восстановления транзакционных цепочек. Аналогичные инструменты (CipherTrace, Chainalysis Reactor и т. д.) применяются FinCEN.

Блокчейн-технология, создаёт одновременно глобальный вызов и наибольшую возможность для правоохранителей: каждая транзакция неизменно записывается в публичный реестр, и при наличии надлежащих инструментов аналитики любая транзакционная история может быть полностью восстановлена.

В 2024 году АФМ успешно проведена первая в истории Казахстана крупная операция по пресечению использования криптовалют для отмывания доходов от наркоторговли – операция «Крипто-Барьер». В ходе операции заблокированы криптокошельки с суммарным балансом, 1,7 млрд тенге (около 3,8 млн долларов США), задержаны 23 участника схемы, использовавших Binance P2P и Bybit для конвертации USDT в фиатные деньги через нелегализованные обменные пункты. Дело направлено в суд по статьям 218 (отмывание доходов), 297 (незаконный оборот наркотических средств) и 490 УК РК (незаконные финансовые операции) [10].

Концепции RegTech и SupTech приобретают ключевое значение в контексте модернизации оперативно-розыскной деятельности в сфере ПОД/ФТ. Согласно классификации Института финансовой стабильности (FSI, BIS), SupTech аккумулирует в себе четыре функциональных блока: сбор данных, оперативный анализ, рыночный мониторинг и отчётность уполномоченного органа [12].

В Казахстане переход к SupTech-модели надзора в сфере ПОД/ФТ отражён в Стратегическом плане АФМ на 2024–2028 годы. В качестве основного компонента выступает внедрение API-интерфейса для автоматической подачи сообщений сигнального характера (далее - ССХ) от субъектов финмониторинга; генерация единой цифровой платформы регуляторной отчетности; адаптация системы «риск-радар» для надзора за небанковскими финансовыми операциями (далее - НФО);

Анализ официальной статистики АФМ позволяет выявлять основные тенденции в правоохранительной практике ПОД/ФТ за отчетный период. По данным, количество сообщений о подозрительных операциях, полученных от субъектов финмониторинга, демонстрирует уверенный рост, с 48,2 тыс. в 2022 году до 67,3 тыс. ССХ в 2024 году, что в процентном соотношении составляет увеличение на 39,8% за период 2-х лет [10].

Высокие показатели и достигнутые индикаторы результативности АФМ в области противодействия ОД/ФТ за 2022–2024 годы свидетельствуют о позитивных изменениях в деятельности органа, в т.ч. увеличении объема арестованного имущества в 2,94 раза и конфискованного в 2,84 раза за период 2022–2024 годов. Данный факт является свидетельством повышения эффективности по приоритетным направлениям, согласно 4 Специальной Рекомендации ФАТФ.

Анализируя материалы уголовных дел, находившихся в производстве АФМ в период 2022–2024 годов можно выделить несколько основных кейсов по отмыванию преступных доходов в цифровой среде, характерных для казахстанской финансовой системы.

Кейс №1 «Крипто-микс»

Схема предполагает конвертацию фиатных средств в USDT или BTC через нелегализованных ОТС-брокеров посредством дробления на несколько кошельков, аффилированных с иностранными государствами, после чего с помощью легальных обменных платформ выводить средства в странах с низким уровнем финмониторинга. В 2024 году АФМ выявлено 23 схемы данного типа на сумму 4,7 млрд тенге [10].

Кейс №2. «Ложный ВЭД через подставные компании»

Классическая схема отмыкания с использованием фиктивных экспортно-импортных операций приобрела новые цифровые черты: использование онлайн-систем банковского обслуживания для быстрого транзитного движения средств, применение электронного документооборота для создания видимости законных ВЭД-операций, привлечение технических директоров компаний-нерезидентов, зарегистрированных в МФЦА. В 2023 году АФМ завершил расследование крупного дела «Казахстан – ОАЭ» с общим объемом незаконно выведенных средств в размере 12,4 млрд тенге.

Кейс №3. «Гейминг и NFT-отмывание»

Новейшей типологией, зафиксированной в практике АФМ с 2023 года, является использование онлайн-игровых платформ и рынков NFT для создания видимости легальных транзакций. Данная схема основана на искусственном завышении стоимости цифровых активов при их перепродаже между аффилированными кошельками. Аналогичные случаи зафиксированы FinCEN в докладе «SAR Activity Review» в 2023 году и Europol в операции «DisrupTor-2» [14].

Управление по борьбе с финансовыми преступлениями США (далее - FinCEN) представляет наиболее развитую систему финансовой разведки в мире. Функционируя с 1990 года, FinCEN располагает базой данных Suspicious Activity Reports (далее - SARs), насчитывающей более 30 миллионов отчетов, и системой BSA E-Filing, обеспечивающей автоматизированный прием и анализ информации от более чем 90 000 субъектов.

Принципиальной особенностью американской модели является концепция «Information Sharing» - добровольный обмен информацией между финансовыми учреждениями через защищенный портал FinCEN. Данный инструмент не имеет аналогов в казахстанской правоохранительной практике, хотя его имплементация рекомендована ФАТФ как лучшая практика согласно Рекомендации 29. Профессор Гарвардской школы права Дж. Хоффманн подчеркивает, что модель FinCEN позволила выявить на 40% больше случаев отмыкания, чем традиционные отчеты SAR [15].

Европейский центр киберпреступности (European Cybercrime Centre, EC3) при Europol применяет модель совместных следственных групп (Joint Investigation Teams, JIT), позволяющих объединять оперативные ресурсы нескольких государств для расследования трансграничных схем отмыкания. В качестве основного инструмента выступает платформа Siena, которая должна обеспечить защищенный обмен оперативными данными с 46 государствами – партнерами Europol.

В результате проведенного анализа авторами предложена концептуальная модель «Цифровой ОРД», которая представляет собой интегрированную систему оперативно-розыскной и финансово-аналитической деятельности АФМ в условиях роста цифровизации. Модель представлена тремя уровнями и адаптирована по образу FinCEN и Europol.

На первом (стратегическом) уровне осуществляется системный анализ макроэкономических рисков ОД/ФТ, мониторинг международных санкционных списков и типологических трендов ФАТФ. Ключевым инструментом данного уровня является система финансово-разведывательного

прогнозирования на базе ИИ, разрабатываемая АФМ совместно с Национальным банком РК в рамках проекта «FinIntel-2025».

Профессор Женевской академии международного гуманитарного права Т. Бальзак в своей монографии «Financial Intelligence and the Rule of Law» обосновывает: «Необходимо разграничить стратегическую и тактическую финансовую разведку именно на институциональном уровне, с закреплением соответствующих компетенций за различными подразделениями ПФР» [19]. Данный подход нашёл отражение в структурной реорганизации АФМ, осуществлённой в 2024 году путём создания Управления стратегического анализа и Управления параллельных финансовых расследований как самостоятельных функциональных блоков в структуре Агентства.

На следующем уровне (оперативный уровень) «Цифровой ОРД» обеспечивает выявление, верификацию и документирование конкретных фактов ОД/ФТ. Ключевыми инструментами являются:

- автоматизированный анализ ССО с применением ML-алгоритмов классификации и скоринга рисков;
- блокчейн-трассировка подозрительных транзакций с применением Elliptic-платформы;
- анализ открытых источников (OSINT) с использованием специализированных ПО;
- оперативное взаимодействие с иностранными ПФР через защищённую сеть ЭГМОНТ.

Тактический уровень (третий уровень) включает следственные действия, основанные на данных, полученных на первых двух уровнях. Применительно к цифровым финансовым преступлениям это предполагает:

- производство обысков в офисах криптовалютных ОТС-операторов; проведение контролируемых цифровых операций с применением тест-транзакций;
- изъятие и криминалистическое исследование цифровых носителей с применением специальных аппаратно-программных комплексов;
- заморозка криптокошельков и криптоактивов.

Правовую основу применения указанных способов составляют Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года (далее – УПК РК), Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года и Закон ПОД/ФТ.

Проведенный анализ оперативно-розыскной деятельности в рамках проведения финансовых расследований в цифровой среде позволяет выделить следующие проблемы системного характера:

1. Дефицит специализированных кадров.

По данным АФМ, в 2024 году не более 20% сотрудников оперативных подразделений прошли специальную подготовку по ведению финансовых расследований в цифровой среде. При этом международная практика рекомендует проходить ежегодную переподготовку около 40% личного состава оперативных подразделений. Аналогичная проблема характерна для большинства стран постсоветского пространства [20].

2. Ограниченный межведомственный информационный обмен. Несмотря на существование Межведомственной комиссии по ПОД/ФТ при Правительстве РК, практика оперативного обмена данными между АФМ, Национальным банком, КНБ и органами прокуратуры в режиме реального времени остаётся недостаточно развитой. Это создаёт значительные пробелы в информационном обмене.

3. Отсутствие специализированного законодательства о цифровых финансовых расследованиях. Действующие нормы УПК РК содержат лишь общие положения о «следственных действиях в электронной среде», не предусматривая специфических процедур для работы с криптоактивами, смарт-контрактами и блокчейн-данными.

В целях совершенствования методов оперативно-розыскной деятельности в сфере ПОД/ФТ в Казахстане авторы предлагают следующий комплекс мер:

1. В сфере нормативного регулирования: разработать и принять специальный Закон РК «О цифровых финансовых расследованиях», регулирующий процедуры работы с доказательствами в блокчейн-среде, полномочия по изъятию криптоактивов и требования к экспертизе цифровых финансовых инструментов. Разработать подзаконный акт, регламентирующий применение OSINT-инструментов в оперативно-розыскной деятельности АФМ.

2. В институциональной сфере: создать Межведомственный центр цифровых финансовых расследований (МЦЦФР) на базе АФМ с включением представителей Национального банка, КНБ, прокуратуры и органов финансовой разведки МФЦА. Расширить штат специалистов по блокчейн-аналитике до 50 единиц к 2026 году.

3. В технологической сфере: завершить внедрение платформы «Финансовый щит-2» с интеграцией модулей блокчейн-трассировки, NLP-анализа текстовых документов и предиктивного

скоринга юридических лиц. Изучить возможность внедрения аналога системы COSMIC (MAS Сингапур) для защищённого обмена информацией между субъектами финансового мониторинга.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать выводы об интенсивном развитии отечественной системы ПОД/ФТ в период с 2021 по 2025 годы. Об этом свидетельствуют устойчивый рост показателей оперативно-розыскной деятельности и эффективность применения цифровых инструментов и аппаратно-программных комплексов на основе ИИ, внедрение блокчейн-аналитики, а также переход к новому уровню финансового расследования. Для ее дальнейшего совершенствования авторами предлагается внедрение концепции «Цифровая ОРД», сформулированной с целью системного устранения недостатков в национальном законодательстве, оптимизации оперативной работы, а также приведению ее в соответствие с лучшими международными практиками и требованиями ФАТФ в борьбе с отмыванием доходов и другими экономическими преступлениями.

Список использованных источников:

1. UNODC. Money Laundering and Globalization // United Nations Office on Drugs and Crime. – Vienna, 2023. [Электронный ресурс]: <https://www.unodc.org/unodc/en/money-laundering> (дата обращения: 12.02.2026).
2. FATF. Mutual Evaluation Report: Kazakhstan — Paris: Financial Action Task Force, 2024. – 312 p. (дата обращения: 12.02.2026).
3. Горяинов К.К., Самойлов В. Г. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. Москва, 2019. – 568 с. (дата обращения: 12.02.2026).
4. Reuter P., Truman E. Chasing Dirty Money: The Fight Against Money Laundering. – Washington, 2004. – 218 p. (дата обращения: 12.02.2026).
5. Delamayde D. Financial Intelligence Units and the AML Ecosystem // Journal of Financial Crime. – 2021. – Vol. 28, № 3. – P. 712–728. (дата обращения: 12.02.2026).
6. Балтабаев К.Ж. Триада ПОД/ФТ: превентивный мониторинг, оперативная разведка и финансовое расследование // Вестник Академии правоохранительных органов. – 2023. – № 2. – С. 44–61. (дата обращения: 12.02.2026).
7. FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach for Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris, 2021. – 88 p. (дата обращения: 12.02.2026).
8. Klein J., Möhle S. Predictive Financial Investigation: Machine Learning in AML // European Journal of Criminology. – 2022. – Vol. 19, № 5. – P. 1142–1167. (дата обращения: 12.02.2026).
9. McKinsey Global Institute. AI in Financial Crime: Reducing False Positives and Enhancing Detection. – New York: McKinsey & Company, 2023. – 64 p. (дата обращения: 12.02.2026).
10. АФМ РК. Годовые отчёты о деятельности Агентства по финансовому мониторингу Республики Казахстан за 2022, 2023, 2024 годы. – Астана: АФМ, 2023–2025. (дата обращения: 12.02.2026).
11. Chainalysis. Crypto Crime Report 2024: Illicit Activity in the Blockchain Ecosystem. – New York: Chainalysis Inc., 2024. – 136 p. (дата обращения: 12.02.2026).
12. FSI / BIS. SupTech Developments and Considerations for Financial Supervisors. Basel, 2022. — 52 p. (дата обращения: 12.02.2026).
13. Monetary Authority of Singapore. COSMIC: Collaborative Sharing of ML/TF Information & Cases. Singapore, 2024. – 28 p. (дата обращения: 12.02.2026).
14. Europol. European Union Serious and Organised Crime Threat Assessment (SOCTA) Europol Publications Office, 2025. – 104 p. (дата обращения: 12.02.2026).
15. Hoffmann J. Voluntary Information Sharing in AML: The FinCEN 314(b) Experience // Harvard Law Review. – 2022. – Vol. 135, № 7. – P. 1943–1978. (дата обращения: 12.02.2026).
16. Balzacq T. Financial Intelligence and the Rule of Law: Bridging Security and Accountability. Geneva: Geneva Academy of International Humanitarian Law, 2022. – 198 p. (дата обращения: 12.02.2026).
17. Egmont Group. Annual Report 2024: Financial Intelligence Units in Action. – Toronto: Egmont Group Secretariat, 2024. – 76 p. (дата обращения: 12.02.2026).

УДК 343.14

Күнгожинов Қанат Әуелбекұлы,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ЕДИНАЯ БАЗА КРИПТОВАЛЮТНЫХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЦИФРОВЫМИ АКТИВАМИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема разрозненного учета криптовалютных кошельков, ключей, фраз восстановления доступа, транзакционных идентификаторов, биржевых аккаунтов и других цифровых объектов, выявляемых при расследовании преступлений, связанных с цифровыми активами. Показано, что хранение таких сведений в материалах отдельных уголовных дел затрудняет их повторный поиск, сопоставление и последующий анализ. На основе изучения международного опыта, научных публикаций и законодательства Казахстана обоснована необходимость создания единой базы данных криптовалютных идентификаторов как элемента современной цифровой инфраструктуры правоохранительных органов. Установлено, что действующее законодательство регулирует цифровые активы, электронные документы и информационные системы, однако не содержит специального механизма централизованного учета криптовалютных идентификаторов в уголовном процессе. Предлагается модель специализированной информационной системы для извлечения, хранения, поиска и сопоставления данных, связанных с криптовалютами. Сделан вывод, что внедрение такой базы позволит повысить эффективность расследования преступлений, связанных с цифровыми активами, а также улучшить межведомственное взаимодействие.

Ключевые слова: цифровые активы, криптовалютные идентификаторы, электронные доказательства, централизованный учет, информационная система, цифровые данные, блокчейн-транзакции, криминалистическое обеспечение.

Аннотация. Мақалада цифрлық активтерге байланысты қылмыстарды тергеп-тексеру барысында анықталатын криптовалюталық әмияндар, кілттер, қолжетімділікті қалпына келтіру фразалары, транзакциялық идентификаторлар, биржалық аккаунттар және өзге де цифрлық объектілер туралы мәліметтердің бытыраңқы есепке алыну мәселесі қарастырылады. Мұндай мәліметтердің жекелеген қылмыстық істер материалдарында сақталуы оларды қайта іздеуді, салыстыруды және кейінгі талдауды қиындататыны көрсетілген. Халықаралық тәжірибені, ғылыми жарияланымдарды және Қазақстан заңнамасын зерделеу негізінде криптовалюталық идентификаторлардың бірыңғай деректер қорын құқық қорғау органдарының заманауи цифрлық инфрақұрылымының элементі ретінде құрудың қажеттілігі негізделді. Қолданыстағы заңнама цифрлық активтерді, электрондық құжаттарды және ақпараттық жүйелерді реттейтіні, алайда қылмыстық процесте криптовалюталық идентификаторларды орталықтандырылған есепке алудың арнайы тетігін қамтымайтыны анықталған. Криптовалюталарға байланысты деректерді алу, сақтау, іздеу және салыстыруға арналған мамандандырылған ақпараттық жүйенің үлгісі ұсынылады. Мұндай деректер қорын енгізу цифрлық активтерге байланысты қылмыстарды тергеудің тиімділігін арттыруға, сондай-ақ ведомствоаралық өзара іс-қимылды жақсартуға мүмкіндік беретіні туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: цифрлық активтер, криптовалюталық идентификаторлар, электрондық дәлелдемелер, орталықтандырылған есепке алу, ақпараттық жүйе, цифрлық деректер, блокчейн-транзакциялар, криминалистикалық қамтамасыз ету.

Abstract. The article examines the problem of fragmented recording of cryptocurrency wallets, keys, recovery phrases, transaction identifiers, exchange accounts, and other digital objects identified during the investigation of crimes related to digital assets. It is shown that storing such information within the materials of individual criminal cases complicates its repeated search, comparison, and further analysis. Based on the study of international practice, scholarly publications, and the legislation of Kazakhstan, the necessity of creating a unified database of cryptocurrency identifiers as an element of the modern digital infrastructure of law enforcement agencies is substantiated. It is established that the current legislation regulates digital assets, electronic documents, and information systems; however, it does not provide a special mechanism for the centralized recording of cryptocurrency identifiers in criminal proceedings. A model of a specialized information system intended for the extraction, storage, search, and comparison of data related to cryptocurrencies is proposed. It is concluded that the introduction of such a database will improve the efficiency of investigating crimes related to digital assets and will also strengthen interagency cooperation.

Keywords: digital assets, cryptocurrency identifiers, electronic evidence, centralized recording, information system, digital data, blockchain transactions, forensic support.

Развитие цифровой экономики и рост преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, ставят перед правоохранительными органами новые задачи, связанные с выявлением

противоправных операций и работой с цифровыми следами. Для Казахстана эта тема особенно актуальна в условиях развития правового регулирования цифровых активов и цифровых данных.

Практика расследования показывает, что сведения о криптовалютных кошельках, ключах, фразах восстановления доступа, транзакционных хэшах, биржевых аккаунтах и иных идентификаторах часто остаются в пределах отдельных уголовных дел и не используются повторно. Это затрудняет выявление связей между эпизодами и снижает эффективность расследования.

Международная практика развивается в направлении более системного учета и сопровождения данных, связанных с криптовалютами. В Казахстане вопрос о специальной централизованной системе учета криптовалютных идентификаторов пока остается недостаточно разработанным.

В рамках настоящего исследования целесообразно различать понятия «виртуальные активы» и «криптоактивы». В документах FATF термин «виртуальные активы» используется в широком смысле и охватывает цифровое представление стоимости, которое может передаваться и использоваться в платежных или инвестиционных целях. В статье понятие «криптоактивы» употребляется в более прикладном значении - как цифровые активы, выступающие объектом выявления, ареста, отслеживания и возможного возврата в уголовном производстве. Такое разграничение позволяет точнее определить предмет дальнейшего анализа.

Цель статьи - обосновать необходимость создания единой базы данных криптовалютных идентификаторов и определить ее назначение, состав учитываемых сведений и основные условия использования.

Материалы и методы. В статье использованы общенаучные и специальные юридические методы исследования. Диалектический метод применен при рассмотрении проблем учета криптовалютных идентификаторов в условиях развития цифровых активов и цифровой трансформации правоохранительной деятельности. Формально-юридический метод использован при анализе законодательства Казахстана, регулирующего цифровые активы, электронные документы, информационные системы и обращение с цифровыми данными в уголовном процессе. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы Казахстана с отдельными элементами международной практики. Системно-структурный метод использован при обосновании модели единой базы данных криптовалютных идентификаторов. Анализ и синтез применялись при изучении научной литературы, а метод правового моделирования - при разработке концепции специализированной информационной системы централизованного учета криптовалютных идентификаторов.

Результаты, обсуждение. Одной из ключевых проблем расследования преступлений, связанных с цифровыми активами, является разрозненный учет сведений о криптовалютных кошельках, публичных и приватных ключах, фразах восстановления доступа, транзакционных идентификаторах, биржевых аккаунтах и иных цифровых объектах, имеющих доказательственное или ориентирующее значение. На практике такие сведения фиксируются в рамках конкретного уголовного дела: в протоколах осмотра устройств, материалах компьютерно-технического исследования, переписке, скриншотах, бумажных записях и других носителях. Однако после приобщения к делу они, как правило, остаются внутри отдельного производства и не образуют единого массива данных, пригодного для повторного поиска, сопоставления и анализа [1].

Это ограничивает возможности правоохранительных органов по выявлению повторяющихся признаков преступной деятельности. Один и тот же адрес кошелька, QR-код, биржевой аккаунт либо связанные с ними идентификаторы могут встречаться в нескольких эпизодах мошенничества, незаконного оборота наркотиков, вымогательства, финансирования противоправной деятельности или легализации преступных доходов. Однако без централизованного учета такие совпадения нередко остаются невыявленными [2].

Проблема усугубляется тем, что данные, связанные с криптовалютами, распределены по разным носителям и форматам. Они могут содержаться в памяти работающего устройства, в файлах на диске, браузерных данных, заметках, изображениях, экспортированных кошельках, облачных сервисах и бумажных документах. А. Holmes и W.J. Buchanan показывают, что уже на первоначальном этапе доступа к устройству могут быть выявлены адреса, публичные ключи, сведения о приложениях-кошельках, фразы восстановления доступа и другие важные артефакты, однако их своевременное извлечение требует специальной модели первичного криминалистического анализа [3]. Поэтому такие сведения не должны теряться в материалах отдельных дел, а должны своевременно включаться в централизованный контур учета и анализа.

Международный опыт показывает, что в ряде государств и на наднациональном уровне уже используются отдельные элементы централизованного учета, анализа и специального процессуального обращения с криптовалютными активами и связанными с ними цифровыми идентификаторами. В

США подтверждены масштабная практика изъятия криптоактивов и необходимость их специального учета. В Великобритании введены специальные полномочия по изъятию, замораживанию и уничтожению криптоактивов.

Этот опыт важен не потому, что в указанных странах уже создана единая база всех преступных кошельков, а потому, что он отражает общее направление развития: переход от разрозненного учета отдельных эпизодов к более согласованным механизмам выявления, отслеживания, изъятия и межведомственного использования данных, связанных с криптовалютами. Для Казахстана из этого опыта важен прежде всего не перенос отдельных зарубежных решений, а сам подход к централизованному учету, обмену данными и аналитическому сопровождению расследования.

В этих условиях создание единой базы данных криптовалютных идентификаторов следует рассматривать как необходимую организационную, криминалистическую и аналитическую меру. Речь идет не просто об электронном архиве, а о специальной системе, которая позволяет накапливать сведения о криптовалютных объектах, выявляемых в ходе оперативно-розыскной деятельности, следственных действий и экспертных исследований, а затем использовать их для поиска, сопоставления и анализа [4].

Такой подход соответствует идее единой цифровой правоохранительной среды. В научной литературе отмечается, что совершенствование противодействия преступности невозможно без надлежащего информационного обеспечения, основанного на общих принципах, совместимых технологических решениях и едином доступе к значимым массивам данных [5]. Это означает, что сведения о кошельках, транзакциях, биржевых аккаунтах и иных цифровых идентификаторах должны храниться не в пределах отдельных дел, а в централизованной системе, приспособленной для масштабного поиска и анализа связей.

Необходимость такой базы связана и с особенностями обращения криптоактивов. В специальных исследованиях подчеркивается, что криптовалюта может быть перемещена любым лицом, располагающим легко копируемым цифровым ключом. Это означает, что лица, имеющие копии ключей, способны перевести активы раньше, чем правоохранительный орган успеет установить над ними контроль. Поэтому данные, дающие доступ к активам, должны подлежать немедленной фиксации и включению в специальную систему учета и контроля.

Дополнительным аргументом служит трансграничная природа криптовалютной среды. D.B. Vuković, M. Frömmel, S.A. Vigne и V. Zinovev показывают, что процессы на криптовалютном рынке выходят за пределы локального цифрового сегмента и затрагивают иные элементы мировой финансовой системы [6]. Для правоохранительной практики это означает, что связанные с криптовалютами цифровые идентификаторы должны рассматриваться не как данные одного эпизода, а как элементы более широкой среды, требующей централизованного накопления и анализа.

Для Казахстана вопрос о создании централизованной базы криптовалютных идентификаторов имеет не только практическое, но и правовое значение. Действующее законодательство уже регулирует цифровые активы, электронные документы, информационные системы и обращение цифровых данных, однако не предусматривает специального механизма централизованного учета криптовалютных идентификаторов, выявляемых в уголовном производстве.

Действующие процессуальные нормы позволяют работать с такими данными, но только в рамках общего порядка. Специальная межведомственная система учета криптовалютных адресов, фраз восстановления доступа, транзакционных хэшей, данных биржевых аккаунтов и иных значимых сведений прямо не предусмотрена. Поэтому создание такой системы следует рассматривать как одно из направлений дальнейшего развития законодательства и правоохранительной практики.

Для Казахстана вопрос возврата криптоактивов из-за рубежа имеет свои особенности. Они связаны не только с правовой квалификацией цифровых активов, но и с необходимостью согласованного взаимодействия следственных органов, прокуратуры, суда, органов финансового мониторинга и зарубежных компетентных органов. В отличие от традиционного имущества, криптоактивы требуют более быстрого реагирования, поскольку могут быть перемещены в короткий срок и без физического изъятия объекта. Поэтому эффективность международной правовой помощи в таких делах зависит не только от направления запроса, но и от своевременного выявления адресов кошельков, установления платформы обращения актива и принятия обеспечительных мер до вывода средств.

Практика показывает, что обеспечительные меры в отношении криптоактивов требуют особого подхода. Если в отношении традиционного имущества основной задачей является его обнаружение и арест, то в отношении криптоактивов необходимо одновременно устанавливать контроль над кошельком, фиксировать ключевые идентификаторы и предотвращать дальнейшее перемещение

актива. Поэтому особое значение имеют скорость процессуального реагирования, точность запроса о правовой помощи и наличие у уполномоченных органов понятного алгоритма действий.

Несмотря на наличие в Казахстане нормативной базы в сфере цифровых активов, практика показывает рост правонарушений, связанных с незаконными операциями с криптовалютой. При этом пользователи не всегда различают разрешенные и неразрешенные цифровые площадки, что создает ложное представление о законности таких действий. В этих условиях требуется не только совершенствование законодательства, но и создание практических инструментов для выявления, фиксации и сопоставления данных, связанных с криптовалютами. Одним из таких инструментов может стать единая база криптовалютных идентификаторов, способная упорядочить учет цифровых следов и повысить эффективность расследования [7].

Следует учитывать различие правового режима цифровых активов в общей юрисдикции Казахстана и в юрисдикции Международного финансового центра «Астана». В этой связи при формировании базы необходимо учитывать не только адрес кошелька, но и правовой статус соответствующего актива и платформы, через которую он обращается [8].

Предлагаемая модель единой базы включает три обязательных блока: учет криптовалютных идентификаторов, учет обстоятельств их обнаружения и механизм аналитического сопоставления. Именно совокупность этих блоков позволяет рассматривать такую базу не как архив сведений, а как инструмент криминалистического сопровождения расследования.

С практической точки зрения такая система может быть создана как межведомственный информационный ресурс с нормативным закреплением порядка внесения, проверки и использования сведений. Правовой основой для ее функционирования могут выступать как специальные ведомственные акты, регламентирующие порядок учета и обмена данными, так и последующее уточнение уголовно-процессуальных норм в части обращения с цифровыми объектами, имеющими ориентирующее и доказательственное значение. На первоначальном этапе такая система может быть создана на основе подзаконного регулирования с последующим уточнением уголовно-процессуальных норм. Это позволит поэтапно определить порядок внесения сведений, круг уполномоченных пользователей и правила доступа к различным категориям данных. Оператором такой системы может быть уполномоченный государственный орган с дифференцированным доступом для следственных, оперативных и экспертных подразделений.

Предлагаемая информационная система должна строиться как специализированная платформа, ориентированная на автоматизированное выявление, структурирование, хранение и анализ объектов, связанных с криптовалютами. Источниками наполнения такой системы могут выступать данные, извлеченные из мобильных устройств, компьютеров, облачных аккаунтов, переписки, изображений, сканированных документов, бумажных записей, биржевых сервисов и иных материалов, полученных в рамках уголовного процесса.

Ключевой функцией системы должно стать автоматическое извлечение данных, связанных с криптовалютами: адресов кошельков, приватных и публичных ключей, фраз восстановления доступа, QR-кодов, данных биржевых аккаунтов, транзакционных хэшей, сумм переводов и временных меток. При этом система должна сохранять не только сами идентификаторы, но и контекст их происхождения: источник получения, устройство обнаружения, процессуальное действие и лицо, осуществившее извлечение.

Современные исследования цифровых доказательств показывают, что работа с такой информацией должна строиться как последовательный жизненный цикл. Н.-W. Huang, С.-Н. Shih, С.-Y. Li и Н.-Y. Teng предлагают пятиэтапную модель, включающую идентификацию, получение, аутентификацию, сохранение и проверку [9]. Это означает, что единая база должна быть не пассивным хранилищем, а элементом полной процессуальной цепочки обращения с цифровыми данными.

Особое значение имеет ранняя фиксация криптовалютных артефактов. При первоначальном доступе к устройству могут быть обнаружены адреса, публичные ключи, сведения о приложениях-кошельках, фразы восстановления доступа и другие идентификаторы, причем промедление повышает риск утраты контроля над активами. Поэтому выявленные на раннем этапе данные должны загружаться в централизованную систему учета без необоснованной задержки.

После извлечения и обработки данных система должна обеспечивать поиск совпадений и выявление связей. Пользователь должен иметь возможность установить, встречался ли конкретный адрес кошелька, транзакционный хэш, QR-код, логин либо иной объект в других уголовных делах, у других лиц, на иных устройствах и в иных регионах. При наличии нескольких совпадений система должна формировать сеть связей между делами, фигурантами, устройствами, сервисами и финансовыми потоками.

Для того чтобы база имела реальную прикладную ценность, в нее необходимо включать не только адреса кошельков, но и сопутствующую контекстную информацию. Иначе она превратится в набор разрозненных записей, мало пригодных для процессуального и криминалистического использования.

В первую очередь в базу должны включаться адреса кошельков, публичные и приватные ключи, фразы восстановления доступа, QR-коды, хэши транзакций, сведения о размещенных кошельках и биржевых аккаунтах, логины, электронные адреса, привязанные номера телефонов, данные о типе цифрового актива, а также сведения о правовом статусе его обращения. Кроме того, в базе должны фиксироваться сведения о том, в каком приложении обнаружен объект, на каком устройстве, при каком следственном действии и в связи с каким уголовным делом он выявлен.

Необходимым является включение метаданных и контрольных параметров цифровых объектов. Каждый такой объект должен сопровождаться временными отметками, криптографическими хэш-значениями, сведениями об источнике происхождения и устройстве, на котором он был обнаружен. Это необходимо для последующей проверки и обеспечения процессуальной надежности таких сведений.

Создание подобной системы требует четкого разграничения ее доказательственного и учетно-аналитического назначения. Единая база не должна восприниматься как самостоятельный источник доказательств. Ее задача состоит в накоплении, систематизации и аналитическом использовании сведений, извлеченных из цифровых доказательств и иных материалов дела, при обязательной последующей процессуальной проверке и закреплении.

При этом сведения, содержащиеся в базе, не во всех случаях должны рассматриваться как доказательства. Часть из них будет иметь ориентирующее значение и использоваться для выявления совпадений, проверки версий, установления связей между делами, лицами и цифровыми объектами. Доказательственное значение такие сведения могут приобретать только при их надлежащем процессуальном закреплении, проверке источника происхождения и соблюдении требований уголовно-процессуального закона.

Особое место занимает обращение с чувствительными данными, связанными с криптовалютами. В специальных исследованиях подчеркивается, что цифровые ключи не должны рассматриваться как обычная текстовая информация в материалах дела, поскольку сам текст ключа позволяет контролировать цифровые активы высокой стоимости. Отсюда следует, что в единой базе должны существовать специальные режимы хранения, разграничения доступа, журналирования и процессуального контроля в отношении приватных ключей, фраз восстановления доступа и иных данных, обеспечивающих доступ к активам.

Не менее важен правовой режим адресов кошельков как идентификаторов. В исследовании I. K.O. Mayuna, R. Dewantara и P.A. Ruslijanto показано, что публичный адрес кошелька выступает как псевдонимизированный идентификатор, однако в сочетании с дополнительной информацией он может быть повторно идентифицирован и соотнесен с конкретным пользователем [10]. При этом сама база должна быть ориентирована прежде всего на учет криптовалютных идентификаторов и обстоятельств их выявления. Сведения, позволяющие прямо установить конкретное лицо, должны включаться в нее в ограниченном объеме и использоваться по специальным правилам доступа и процессуальной проверки. Это означает, что единая база должна учитывать различие между собственно криптовалютным идентификатором и данными, позволяющими связать его с конкретным лицом, обеспечивая повышенную защиту сопоставляющей информации.

Организационно необходима регламентация того, какие подразделения обязаны вносить сведения в такую базу, на каком этапе расследования это происходит, какие категории данных подлежат обязательной загрузке, кто отвечает за верификацию записей и в каком порядке сведения могут использоваться другими подразделениями. Без такой регламентации даже технически совершенная система рискует остаться факультативным инструментом, не обеспечивающим полноту и единообразие практики.

Внедрение единой базы данных криптовалютных идентификаторов способно повысить эффективность выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с цифровыми активами. Такая система позволит выявлять связи между разными делами и регионами, которые без централизованного учета могли бы остаться незамеченными, а также сократит время обработки цифровых материалов за счет автоматизированного извлечения и сопоставления таких сведений.

Не менее важно и то, что централизованный учет таких данных усилит межведомственное взаимодействие и создаст основу для более системной аналитики. При этом база будет полезна не только для расследования уже совершенных преступлений, но и для их предупреждения, поскольку

позволит выявлять повторяющиеся кошельки, каналы движения средств, используемые сервисы и устойчивые модели поведения преступников.

Проведенное исследование показывает, что разрозненный учет сведений о криптовалютных кошельках, ключах, фразах восстановления доступа, транзакционных идентификаторах и иных цифровых объектах снижает эффективность расследования преступлений, связанных с цифровыми активами. В условиях трансграничного характера криптовалютных операций правоохранным органам необходим централизованный механизм накопления, сопоставления и использования таких данных.

Анализ международного опыта свидетельствует о переходе к более системным подходам в выявлении, отслеживании, изъятии и учете данных, связанных с криптовалютами. В Казахстане уже создана нормативная основа в сфере цифровых активов, электронных документов и информационных систем, однако специальный механизм централизованного учета криптовалютных идентификаторов в уголовном производстве пока прямо не предусмотрен.

Единая база данных криптовалютных идентификаторов может рассматриваться как важный элемент цифровой инфраструктуры правоохранительных органов. Ее внедрение позволит повысить качество учета и сопоставления сведений о криптовалютных объектах, усилить аналитические возможности правоохранительных органов и тем самым повысить эффективность расследования преступлений, связанных с цифровыми активами.

Список использованных источников:

1. Taylor S. et al. A comprehensive forensic preservation methodology for cryptocurrencies from crypto wallets // *Forensic Science International: Digital Investigation*. 2022. Art. 301477. DOI: 10.1016/j.fsidi.2022.301477.
2. Woods D., Hollywood J. S., Barnum J.D., Fenimore D., Vermeer M.J.D., Jackson B.A. *Cryptocurrency and Blockchain Needs for Law Enforcement*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022.
3. Holmes A., Buchanan W. J. A framework for live host-based Bitcoin wallet forensics and triage // *Forensic Science International: Digital Investigation*. 2022. Vol. 43. Art. 301486. DOI: 10.1016/j.fsidi.2022.301486.
4. Park A., Ryu H., Park W., Jeong D. Forensic investigation framework for cryptocurrency wallet in the end device // *Computers & Security*. 2023. Vol. 133. Art. 103392.
5. Nikitin E., Marius M.C. Unified Digital Law Enforcement Environment – Necessity and Prospects for Creation in the “BRICS Countries” // *BRICS Law Journal*. 2020. Vol. 7, No. 2. P. 66–93. DOI: 10.21684/2412-2343-2020-7-2-66-93.
6. Vuković D.B., Frömmel M., Vigne S.A., Zinovev V. Spillovers between cryptocurrencies and financial markets in a global framework // *Journal of International Money and Finance*. 2024. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2024.103235.
7. Айтказин Е.М., Калияуов Ж. Т. Вопросы правового регулирования оборота цифровых активов в Республике Казахстан // *Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы*. 2025. № 3(37). DOI: 10.52425/25187252_2025_37_173.
8. AFSA announces new Rulebook on Digital Asset Activities [Электронный ресурс] // *Astana Financial Services Authority*. 2023. URL: afsa.aifc.kz. Дата обращения: 18.03.2026.
9. Huang H.-W., Shih C.-H., Li C.-Y., Teng H.-Y. A Blockchain-Based Framework for OSINT Evidence Collection and Identification // *Future Internet*. 2025. Vol. 17, No. 12. Art. 551. DOI: 10.3390/fi17120551.
10. Mayuna I.K.O., Dewantara R., Ruslijanto P.A. Pseudonymization of Personal Data of Crypto Assets Users: Issues of Legal Regulation in Indonesia // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2025. Vol. 3. No. 2. P. 275–303. DOI: 10.21202/jdtl.2025.12.

ӘОЖ 343.14(574)

Қайратұлы Рахат,Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік академиясының докторанты,
Қазақстан Республикасы, Алматы қ.**ҚЫЛЫМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУДЕГІ ЦИФРЛЫҚ ДӘЛЕЛДЕРДІҢ ПРОЦЕСТІК СЕНІМДІЛІГІ:
ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ПРАКТИКАЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Аннотация. Мақала құқық қорғау органдарының қылмыстық-процестік қызметін цифрлық криминалистика және дәлелдемелер құқығы тұрғысынан зерттейді. Тәжірибеде цифрлық іздердің қылмыстық іске көбіне жеткілікті процестік және техникалық қайта өндірілу қамтамасыз етілмей «ауыстырылатыны» көрсетіледі, бұл дәлелдемелердің қабылданбауына және кейіннен дау тудыру қаупін тудырады. Электрондық қылмыстық іс жағдайында шешуші фактор «файлдың болуы» емес, бастапқы деректер өзгеріссіз сақталған кезде деректерді алу, бекіту, сақтау және тексеру рәсімдерін тәуелсіз түрде қайта орындау мүмкіндігі екені негізделеді. Типтік осал тұстар қарастырылады: хаттамалардың жеткіліксіз нақтылануы, бақылау сомалары (хэш) мен көшіру параметрлерінің болмауы, «сақтау тізбегінің» үзілуі, сондай-ақ операторлар мен цифрлық платформалардан деректерді алу қиындықтары. Цифрлық дәлелдемелермен жұмыс істеудің минималды практикаларын қалыптастыратын халықаралық стандарттар мен нұсқаулықтар жүйеленді. Сотқа дейінгі тергеп-тексеру мен сот үшін процестік қайта өндірудің минималды стандарт моделі ұсынылды. Қорытындыда цифрлық дәлелдемелердің тексерілуін және тұрақтылығын арттыруға бағытталған ведомстволық регламенттер мен процестік практикаларды жетілдірудің негізгі бағыттары тұжырымдалды.

Түйінді сөздер: цифрлық дәлелдемелер; цифрлық криминалистика; дәлелдемелердің қабылдануы; сақтау тізбегі; электрондық қылмыстық іс; бақылау сомасы (хэш); цифрлық оқиғалар; электрондық құжат; киберқауіпсіздік; жасырын тергеу әрекеттері.

Аннотация. Статья исследует уголовно-процессуальную деятельность правоохранительных органов через призму цифровой криминалистики и доказательственного права. Показано, что цифровые следы в практике нередко «переносятся» в уголовное дело без достаточной процессуальной и технической воспроизводимости, что создает риски признания доказательств недопустимыми и их последующего оспаривания. Обосновывается, что в условиях электронного уголовного дела ключевым становится не «наличие файла», а возможность независимого повторения процедур извлечения, фиксации, хранения и проверки при неизменности исходных данных. Рассматриваются типовые уязвимости: недостаточная детализация протоколов, отсутствие контрольных сумм (хэш) и параметров копирования, разрывы «цепочки хранения», а также сложности получения данных у операторов и цифровых платформ. Обобщены международные стандарты и руководства, формирующие минимальные практики обращения с цифровыми доказательствами. Предложена модель минимального стандарта процессуальной воспроизводимости для досудебного расследования и суда. В заключении сформулированы направления совершенствования ведомственных регламентов и процессуальных практик, направленные на повышение проверяемости и устойчивости цифровых доказательств.

Ключевые слова: цифровые доказательства; цифровая криминалистика; допустимость доказательств; цепочка хранения; электронное уголовное дело; контрольная сумма (хэш); цифровые события; электронный документ; кибербезопасность; негласные следственные действия.

Abstract. This article examines the criminal procedural activities of law enforcement agencies through the lens of digital forensics and evidence law. It demonstrates that digital traces are often "transferred" into criminal cases without sufficient procedural and technical reproducibility, which creates the risk of evidence being declared inadmissible and subsequently challenged. It is argued that in the context of an electronic criminal case, the key factor is not the "availability of a file," but the ability to independently repeat the procedures of retrieval, recording, storage, and verification while maintaining the original data. Typical vulnerabilities are considered, including insufficient protocol detail, the absence of checksums (hash) and copy parameters, breaks in the "chain of custody," and difficulties in obtaining data from operators and digital platforms. International standards and guidelines that establish minimum practices for handling digital evidence are summarized. A model of a minimum standard of procedural reproducibility for pre-trial investigation and trial is proposed. The article concludes by formulating areas for improving departmental regulations and procedural practices aimed at increasing the verifiability and sustainability of digital evidence.

Keywords: digital evidence; digital forensics; admissibility of evidence; chain of custody; electronic criminal case; checksum (hash); digital events; electronic document; cybersecurity; unauthorized access control, covert investigative actions.

Кіріспе. Қазақстан Республикасындағы қылмыстық іс жүргізуді цифрландыру дәлелдемелік ақпараттың (хат алмасу, журналдар, геолокация, байланыс туралы ақпарат, аудио/бейне, құрылғы және бұлттық қызмет деректері) айтарлықтай бөлігінің дәстүрлі «қағаз» құжаттар емес, цифрлық жазбалар және «цифрлық оқиғалар» ретінде болуына әкелді. Тіпті салыстырмалы талдау деңгейінің өзінде

бірқатар юрисдикцияларда цифрлық криминалистика қылмыстық әділет жүйесінің жаппай инфрақұрылымдық функциясы ретінде қарастырылатынын көрсетеді (шетелдік полиция стратегияларында «көптеген» қылмыстарда цифрлық элемент бар деп айтылады), бұл өз кезегінде рәсімдерді стандарттауға және нәтижелердің сенімділігіне қойылатын талаптарды күшейтеді [1].

Қазақстандық қылмыстық іс жүргізуде дәлелдемелердің негізгі «құқықтық нысаны» жол берілу ережелеріне, дәлелдемелер көздеріне және хаттамаларда фактілік деректерді міндетті түрде жазу талаптарына сүйенеді. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі (бұдан әрі – ҚР ҚПК) дәлелдемелерді заңды түрде алынған фактілік деректер ретінде айқындайды және олардың көздерін (куәлік айғақтар, қорытындылар, заттай дәлелдемелер, хаттамалар, құжаттар және т.б.) тізбелейді [2]. Сонымен қатар цифрлық орта екі жүйелік сын-қатерді қалыптастырады:

- деректерді алу/сақтау бойынша техникалық рәсімдер дәлелдеменің «шығу тегі» құрамдас бөлігіне айналады;

- көптеген деректер динамикалық, әрі таратылған сипатқа ие болып, үшінші тұлғалардың инфрақұрылымына (операторлар, платформалар, провайдерлер) тәуелді болады.

Бұл мән-жайлар «процестік сенімділіктің» өлшемшарттарын (нәтижеге қол жеткізу жолын қайта жасап, тексеру мүмкіндігін) жол берілетіндік талаптарының практикалық баламасы ретінде қайта тұжырымдауды талап етеді [2].

Әдістемелік тұрғыдан мақала: ҚР ҚПК, электрондық қылмыстық іс жүргізу туралы заңнамалық актілердің және ғылыми-техникалық жазу құралдарын пайдаланудың нормативтік талдауы; Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексінде қамтылған ұғымдарды талдауы; цифрлық дәлелдемелер бойынша халықаралық стандарттар мен нұсқаулықтармен салыстыру (өзгермеушілік, құзыреттілік, сақтау тізбегі қағидаттары) бойынша негізделген [2].

ҚР ҚПК цифрлық криминалистика үшін аса маңызды төрт негізгі блок арқылы дәлелдемелік құқықтың «қаңқасын» қалыптастырады:

- Біріншіден, фиксация және жол берілетіндік. Фактілік деректер олардың анықтығына әсер ететін немесе ықтимал әсер ететін бұзушылықтармен алынған жағдайда жол берілмейтін деп танылады; сондай-ақ «белгісіз көзден» алынған деректер мен қазіргі заманғы ғылыми білімге қайшы әдістермен алынған деректердің жол берілмейтіні арнайы атап көрсетіледі. Бұл цифрлық криминалистиканы әдістемелердің ғылыми негізділігімен, рәсімдердің верификациялануымен және техникалық тұрғыдан тікелей байланыстырады;

- Екіншіден, компьютерлік ақпараттың тасымалдаушысы ретіндегі құжат. ҚР ҚПК құжаттарға компьютерлік ақпаратты қамтитын материалдарды, сондай-ақ белгіленген тәртіппен алынған/талап етілген/ұсынылған фото- және кинотүсірілімді, дыбыс және бейнежазбаларды тікелей жатқызады. Демек, цифрлық ақпарат процестік тұрғыдан не құжат ретінде, не хаттаманың қосымшасы (аудио/видео/фото және процесс барысын өзге де бейнелеулер) ретінде «процестендіріледі», бұл қосымшаларды дұрыс рәсімдеуді және сәйкестендіруді талап етеді;

- Үшіншіден, бекітудің орталық нысаны ретіндегі хаттама. Фактілік деректер процестік әрекеттердің хаттамаларында тіркелгеннен кейін ғана дәлелдеме ретінде пайдаланыла алады. Цифрлық криминалистика үшін бұл деректерді алу және тексерудің «техникалық тарихы» процесуалдық құжатта соншалықты деңгейде көрсетілуге тиіс екенін білдіреді, бұл оның қатыстылығын, жол берілетіндігін және анықтығын бағалауға мүмкіндік береді;

- Төртіншіден, сот ісін жүргізудің электрондық форматы. ҚР ҚПК процесті қағаз және (немесе) электрондық форматта жүргізуге жол береді әрі форматты таңдауға қатысты уәжді қаулы шығаруды және оны шағымдану мүмкіндігін көздейді. Бұл процестік әрекеттер мен құжаттардың едәуір бөлігі цифрлық түрде тіркеліп, айналымға түсетін «электрондық қылмыстық істің» институционалдық негізін қалыптастырады [3].

Қазақстан Республикасының цифрлық криминалистикасына әсер ететін Цифрлық кодекстің тұжырымдамалары.

Айрықша мән ҚР ҚПК-дегі электрондық құжат ұғымына тиесілі: ол ақпарат электрондық-цифрлық нысанда ұсынылып, электрондық цифрлық қолтаңбамен (ЭЦҚ) куәландырылатын құжат ретінде айқындалады. Цифрлық криминалистикада бұл анықтама процестік тұрғыдан аутенттіліктің «күшейтілген» өлшемшартын (ЭЦҚ арқылы) белгілейді, алайда цифрлық іздердің бүкіл массивін (логтар, желілік артефактілер, қолданба деректері) толық қамтымайды, өйткені олар көп жағдайда тар мағынадағы «электрондық құжат» болып табылмайды.

ҚР Цифрлық кодексі цифрлық ортаны инфрақұрылымның, технологиялардың, процестердің және цифрлық деректер мен цифрлық объектілерді құру/айналымға енгізу/сақтау/беру шарттарының жиынтығы ретінде, олардың орналасу аумағына тәуелсіз түрде айқындайды; сондай-ақ цифрлық

ортадағы қатынастарды реттеу мәселелері бойынша өзге заңдармен коллизия болған жағдайда кодекс нормаларының басымдығын белгілейді. Бұл ереже дәлелдемелер мен оларды алу «цифрлық ортаға» және цифрлық объектілердің құқықтық режиміне сүйенетін бөлігінде қылмыстық процесс үшін әлеуетті мәнге ие, алайда ҚР ҚПК-нің процестік мамандануы коллизиялық мәселелерді жеке доктриналық және құқық қолдану тұрғысынан қосымша пысықтауды талап етеді [4].

Цифрлық кодекс цифрлық криминалистика үшін «ортақ сөздік» бола алатын ұғымдар жиынтығын енгізеді: «цифрлық деректер», «цифрлық жазбалар», «цифрлық ресурс», «цифрлық оқиғалар», «цифрлық құжаттар» және «цифрлық мәліметтер».

Дәлелдемелік құқық үшін әсіресе перспективалысы — «цифрлық оқиға» ұғымы: ол субъектінің әрекеттерінен немесе цифрлық объектінің жұмыс істеуінен туындайтын, цифрлық нысанда тіркелген мән-жай ретінде сипатталады; цифрлық оқиғалар туралы деректер сақталады және, оның ішінде, операциялар журналдарын (журнал жүргізу) қалыптастыру үшін пайдаланылады, ал оларды өңдеу заңдық фактілерді растауға және цифрлық ортаның қауіпсіздігін қамтамасыз етуге жол беріледі.

Цифрлық криминалистика логикасында мұны логтар мен операциялар журналдарын процестік тұрғыдан дұрыс алу және бекітуді қажет ететін маңызды цифрлық іздер класы ретінде нормативтік деңгейде «тану» деп түсіндіруге болады.

Цифрлық кодекс сондай-ақ цифрлық ресурстардың иелеріне цифрлық деректердің/жазбалардың сақталуын, тұтастығын, қорғалуын және құпиялылығын қамтамасыз ету міндетін жүктейді, бұл сақтау ортасының «сенімділігін» бағалаудың және тиісінше осындай жүйелерден алынатын деректердің анықтығын бағалаудың нормативтік негізін құрайды.

Киберқауіпсіздік бөлімі оны цифрлық объектілердің құпиялылық–тұтастық–қолжетімділік триадасы бойынша қорғалғандығы ретінде айқындайды және цифрлық деректерді қорғаудың техникалық және ұйымдастырушылық шараларының қажеттілігін көрсетеді.

Сондай-ақ Цифрлық кодекстің өтпелі ережелері де мәнді: ол алғашқы ресми жарияланған күнінен бастап алты ай өткен соң қолданысқа енгізіледі және бір мезгілде 2003 жылғы «Электрондық құжат және электрондық цифрлық қолтаңба туралы» Қазақстан Республикасының Заңының күшін жоюды көздейді. Демек, 2026 жылы электрондық құжат/ЭЦҚ саласындағы нормативтік өрістің «қайта бапталуы» күтіледі, бұл қылмыстық процестегі терминология мен практикаларды (әсіресе электрондық қылмыстық іс жүргізуде және электрондық құжаттарды тексеру кезінде) үйлестіруді талап етеді [4].

Цифрлық криминалистикадағы қылмыстық іс жүргізудің теориялық және практикалық мәселелері.

Цифрлық криминалистикадағы қылмыстық іс жүргізу қызметінің теориялық тұрғыдан бірқатар мәселелерді айқындалады. ҚР ҚПК цифрлық ақпаратты негізінен құжаттар санатының ішінде (компьютерлік ақпаратты қамтитын материалдар ретінде) және хаттамаларға қоса берілетін қосымшалар ретінде «орналастырады». Алайда цифрлық криминалистика цифрлық іздердің әлдеқайда кең массивімен бетпе-бет келеді: динамикалық логтар, таратылған транзакциялар, бұлттық артефактілер, құрылғылар телеметриясы, «цифрлық оқиғалар» деректері мен хабарламалар. Олардың қылмыстық процестегі құқықтық табиғаты көбіне «сенім қалыптастыру үшін қандай минималды қайта өндірілу стандарты қажет» деген мәселе жағынан емес, «мұны қалай рәсімдеу керек» (құжат/хаттама/заттай дәлелдеме) деген сұраққа тіреледі.

ҚР Цифрлық кодексі концептуалды тұрғыдан өзге «сөздікті» (цифрлық деректер/жазбалар/оқиғалар) ұсынады, бірақ ол процестік заң болып табылмайды. Теориялық мәселе осы ұғымдарды қылмыстық-процесс доктринасына кіріктіруге тіреледі. Бұл не ҚР ҚПК-нің қолданыстағы санаттарын («құжаттар», «өзге құжаттар», «хаттамалар», «заттай дәлелдемелер») түсіндіру арқылы, не коллизиялар мен құқықтық айқынсыздықтың алдын алу үшін ведомстволық регламенттерді және сот практикасын одан әрі нақтылау арқылы жүзеге асырылуы қажет.

ҚР ҚПК дәлелдемелерді қатыстылығы, жол берілетіндігі, сенімділік және жеткіліктілігі бойынша жиынтық бағалауды талап етеді. Алайда цифрлық дәлелдемелер үшін сенімділік көбіне технологиялық үдеріспен байланысты (қандай құралдар қолданылды, өзгеріссіздіктің қамтамасыз етілуі, деректерді алуды қайталап орындап, дәл сол нәтижені қайта алынуы). Дәл осы жерде халықаралық нұсқаулықтар практикалық стандартты қалыптастырады: әрекеттер деректерді өзгертпеуге тиіс; түпнұсқаға қол жеткізу қажет болса — оны құзыретті маман орындауы тиіс [5].

ҚР ҚПК ұқсас логика дәлелдемелердің «белгісіз көзден» алынуының жол берілмейтіні және қазіргі заманғы ғылыми білімге қайшы әдістерге тыйым салу түрінде көрініс тапқан. Осыған сәйкес «процестік қайта өндірілу» қолданбалы доктриналық критерий ретінде қарастырылуы мүмкін: егер

тарап цифрлық деректерді алу/фиксациялау рәсімін түсіндіріп, қайталанатын түрде растауға қабілетсіз болса, көзді анықталмаған деп немесе әдісті тексерілмейтін деп саралау тәуекелі артады.

ҚР Цифрлық кодексі технологиялық бейтараптық және цифрлық этика қағидаттарын бекітеді, сондай-ақ деректердің орналасу аумағына тәуелсіз түрде цифрлық ортаны нормативтік сипаттайды. Сонымен қатар ҚР ҚПК дәлелдемелік бөлігінде хаттамалау мен материалдық тасымалдағыштарға/қосымшаларға бағдарланған, бұл «зат–құжат–хаттама» дәстүрлі моделін көрсетеді.

Теориялық шиеленіс цифрлық іздер «хаттамаға қосымша» түрінде ыңғайлы форматта негізделмегендіктен туындайды. Мысалы, бұлттық журналдар, қашықтағы деректер, таратылған цифрлық объектілер, сондай-ақ құрылғылардан ақпаратты жасырын түрде алу нәтижелері. Мұндай жағдайларда процестік нысан цифрлық объектіні баспаға шығару немесе ерікті скриншотқа дейін қарапайымдандырмай-ақ, оның күрделілігін сақтай отырып сипаттауға және тексеруге қабілетті болуы тиіс. Бұл «хаттамалардың хаттамасын» — техникалық метадеректерді, бақылау сомаларын, қол жеткізу шарттарын және деректерді шығару (экспорт/шығару) параметрлерін фиксациялаудың стандартын талап етеді [6].

Электрондық қылмыстық іс туралы нұсқаулық PDF-құжаттың түпнұсқамен сәйкестігін және қағаз түпнұсқалардың сақталуын талап етеді. Бұл жалғандық тәуекелдерінің бір бөлігін (түпнұсқалардың болуы) азайтқанымен, сканерлеу сапасы, толықтығы, электрондық істің тізімдемесіне дұрыс енгізілуі және байлануы, сондай-ақ «цифрлық көшірмені» қағаз түпнұсқамен кейіннен салыстырып тексеру мүмкіндігі сияқты жаңа тәуекелдерді туындатады. Цифрлық криминалистика тұрғысынан мұндай тәсіл «құжаттық» цифрландыру ретінде бағаланады: ол цифрлық іздерді (логтар, метадеректер, бақылау сомалары) форензикалық тұрғыдан дұрыс фиксациялауды алмастырмайды [3].

Ғылыми-техникалық фиксация қағидалары аудио-видео материалдарды тасымалдағыштар арасында көшіру фактісін міндетті түрде тіркеуді және көшіру кезінде файлдың бақылау сомасын, форматты, жабдықты, сондай-ақ көшіруді жүзеге асырған тұлға туралы деректерді көрсетуді талап етеді [6]. Практикада бұл мәліметтер «техникалық егжей-тегжей» ретінде жиі қалдырылып кетеді, алайда дәл осы деректер тәуелсіз тексеру мүмкіндігін қамтамасыз етіп, алмастыру/монтаж/редакциялау туралы уәждерге қарсы тұрады. Негізінде бақылау сомасының және көшіруді сипаттаудың болмауы цифрлық дәлелдемелер қағидаттары тұрғысынан деректердің өзгеріссіздігін дәлелдеуді қиындатады (деректерді өзгертпеу; әрекеттердің құзыреттілігі) [5].

ҚР ҚПК жасырын тергеу әрекеттері нәтижелерін зерттеуді және пайдалануды егжей-тегжейлі регламенттейді: нәтижелер тергеп-тексеру органына құпиялылық сақтала отырып беріледі; зерттеу жүргізіліп, хаттамаланады; іске қоса тіркелетін фактілік деректер хаттамаға қоса беріледі; ал нәтижелер дәлелдемелерде тергеу әрекеттерінің дәлелдемелерімен тең дәрежеде пайдаланылады. Сонымен қатар кейбір жасырын тергеу әрекет нәтижелерін материалдық тасымалдағышта бекітуді, оны қаптап, мөрлеп және уәкілетті органның лауазымды тұлғасы қол қоятын рәсімдерді көздейді (мысалы, компьютерлерден/серверлерден ақпаратты жасырын түрде алу кезінде). Практикалық тәуекел ретінде «материалдық тасымалдағыш» әрдайым «форензикалық тұрғыдан дұрыс қалпына» тең емес. Хеш-бақылаусыз, қолданылған құралдарды және ақпаратты алу шарттарын сипаттаусыз қорғау тарапы нәтиженің өзгеріссіздігі мен толықтығын күмән келтіруі мүмкін [2].

Цифрлық кодекс киберқауіпсіздікті цифрлық объектілердің құпиялылық, тұтастық немесе қолжетімділік бұзылуынан қорғалуы ретінде айқындайды және цифрлық деректерді қорғаудың кешенді шараларын қарастырады. Қылмыстық процесс үшін бұл мемлекеттік жүйелерден алынатын цифрлық дәлелдемелерді бағалау кезінде деректер киберинцидент салдарынан, ішкі техникалық қателерден немесе әкімші тарапынан теріс пайдаланудан бұзылмады ма немесе өзгертілмеді ме деген сұрақ туындауы мүмкін екенін білдіреді. Мұндай жағдайда цифрлық оқиғалар журналдары мен аудит іздерінің құндылығы артады, сондай-ақ осы журналдарды процестік тұрғыдан дұрыс алу және бекіту қажеттілігі күшейеді.

Процестік қайта өндірудің минималды стандарт моделі.

Жоғарыда айтылған мәселелерді ескере отырып, төменде сотқа дейінгі тергеу мен сот талқылауы барысында пайдаланылатын цифрлық дәлелдемелер тұрғысынан «Процестік сенімділік» моделі ұсынылады (Кесте – 1). Бұл модель ҚР ҚПК нормаларын алмастырмайды, керісінше, жол берілетіндік/анықтық талаптарына сәйкестендіру және жоғарыда сипатталған тәуекелдерді төмендету үшін хаттамалар мен қосымшаларда қандай мәліметтер міндетті түрде көрініс табуға тиіс екенін нақтылайды.

Процестік түйін	Қайта өндірілуін қамтамасыз ететін минималды техникалық мәліметтер	Мәліметтер болмаған жағдайда туындайтын типтік тәуекелдер
Компьютерлік ақпаратты қамтитын материалдарды құжаттар ретінде іске қоса тіркеу	Алу көзі (<i>кім ұсынды/талап етті</i>), деректер форматы, метадеректер (<i>уақыт белгілері, авторлық/иелік, жүйелік атрибуттар</i>), файлдар/архивтердің бақылау сомалары, сақтау ортасын сипаттау [7]	«Беймәлім дереккөз», түпнұсқалылық/тұтастық туралы дау
Тергеу әрекетінің хаттамасында цифрлық деректерді тіркеу	Хаттаманың егжей-тегжейлі «техникалық бөлімі»: қолданылған құралдар, бағдарламалық қамтамасыз етудің нұсқалары, деректерді алу параметрлері, қол жеткізу шарттары, түпнұсқамен жасалған әрекеттердің есебі, жасалған артефактілердің тізбесі [8]	Анықтықты даулау, қайта өндіру мүмкін еместігі, әдістеме туралы дау
Фиксациялаудың ғылыми-техникалық құралдарын қолдану (аудио/бейне/фото және т.б.)	Құралдың моделі және тасымалдағышы, жазбаның басталу/аяқталу уақыты, үзілістер болған жағдайлар, тасымалдау (көшіру) туралы мәліметтер, хэш-бақылау, файл форматы, қолданылған жабдық, қаптау/мөрлеу [9]	Монтаж/алмастыру күдігі, сақтау тізбегінің үзілуі
«Цифрлық оқиғалармен» жұмыс (логтар, операциялар журналдары)	Алу тәсілі (экспорт/снэпшот), журналдау параметрлері, уақыт белдеулері, уақытты синхрондау, қол жеткізу тізбегі, жүктеп алынған файлдың бақылау сомасы, әкімші құқықтарына қол жеткізу деңгейін сипаттау [10]	Уақыт белгілерінің/логтардың дұрыстығына қатысты даулар, оларды редакциялау (өзгерту) мүмкіндігі туралы дау
Жасырын тергеу әрекеттерінің нәтижелері, оның ішінде құрылғылардан ақпаратты алу	Хэш-бақылау, ақпаратты алу құралының сипаттамасы, іріктеу көлемі/критерийлері, қол жеткізу шарттары, жасырын тергеу әрекеттерінің нәтижелерін зерттеудің бүкіл циклі бойынша толық хаттамалау	Толықтығын, түпнұсқалық тарапынан даулар, сондай-ақ алу (тәркілеу) мен зерттеу арасындағы кезеңде араласу болғаны туралы күдік

Кесте 1 –«Процестік сенімділік» моделі

Қорытынды. Жоғарыда айтылған деректер бойынша негізгі түйіндер құрауға болады:

– ҚР ҚПК-де цифрлық деректер бойынша қатаң дәлелдемелік тәртіпті құруға мүмкіндік беретін нормалар жаңа технологиялық өзгерістердің талабын ескермегенде, қазірдің өзінде жақсы қаланған (жол берілетіндік, хаттамаларда фиксациялау, ғылыми-техникалық құралдарға қойылатын талаптар, процестің электрондық форматы);

– Заңға тәуелді актілер (электрондық қылмыстық іс; ғылыми-техникалық фиксация қағидалары) «цифрлық стандарттың» элементтерін қамтиды — оның ішінде бақылау сомаларын және көшіру параметрлерін тіркеу, бұл сақтау тізбегін қамтамасыз етуге елеулі артықшылық болып табылады;

– ҚР Цифрлық кодексі цифрлық орта үшін ұғымдық әрі реттеушілік фонды қалыптастырады (цифрлық оқиғалар, цифрлық ресурстар, киберқауіпсіздік, цифрлық мәліметтер/құжаттар) және сол арқылы операциялар журналдары мен цифрлық жазбаларды құқықтық талдаудың мәнді объектілері ретінде танудың нормативтік негіздерін кеңейтеді;

– Негізгі практикалық мәселе — цифрлық деректерді пайдалануға құқықтық мүмкінсіздігі емес, процестік қайта өндірілуінің жеткіліксіздігі (техникалық егжей-тегжейлердің, бақылау сомаларының, көшіру/құралдар сипаттамасының, цифрлық оқиғаларды есепке алудың жетіспеуі) болып табылады, осының салдарынан дәлелдеме туралы дау «процедураға сенім» туралы дауға айналады.

Осыған байланысты практика мен регламенттерді жетілдіру бойынша келесі ұсыныстар ұсынылады:

– «Процестік сенімділік» тәсілді моделді ведомстволық парақтар мен хаттама үлгілерінде институционалдандыру (құрылғыларды қарау, деректерді алу, логтармен жұмыс, операторлардан/платформалардан деректер алу үшін). Хеш-мәндер, формат, құрал/нұсқа, уақыт параметрлері және деректерді тасымалдау (көшіру) деректерін міндеттеу;

– «Цифрлық оқиға» концептін логтармен жұмыс істеуде процестік мәні бар санат ретінде қолдану (ең алдымен — заңдық фактілерді растау және оқиғаларды реконструкциялау үшін), логтардың метадеректерін және тұтастығын сақтай отырып алу/жүктеп алу тәртібін қамтамасыз ету.

Нормативтік негіз ретінде ҚР Цифрлық кодексінде цифрлық оқиғалар мен операциялар журналдарының танылуы алынады;

– Цифрлық дәлелдемелердің «соттық-тексеру контурын» күшейту: іс материалдарында тәуелсіз тексеруге арналған жағдайларды қалыптастыру (образдардың/дамптардың көшірмелері, хеш-мәндер, қолданылған құралдар сипаттамасы), өйткені бұл дәлелдемені белгісіз/тексерілмейтін тәсілмен алынған ретінде жол берілмейтін деп тану тәуекелін төмендетеді;

– ҚР Цифрлық кодексі күшіне ену жағдайында электрондық құжат/ЭЦҚ және цифрлық құжаттар/цифрлық мәліметтер режимін электрондық қылмыстық іс практикасымен терминологиялық әрі рәсімдік тұрғыдан «үйлестіру» орынды (ең кемі — әдістемелік түсіндірмелер және электрондық құжаттар мен хаттамалардың үлгілерін жаңарту арқылы).

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. NPCC. Digital Forensic Science Strategy // Association of police and crime commissioners. 2020. Vol. 5. Iss. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.npcc.police.uk/SysSiteAssets/media/downloads/publications/publications-log/2020/national-digital-forensic-science-strategy.pdf#page=1.00&gsr=0> (access date: 25.02.2026).
2. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі. Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 4 шілдедегі № 231-V ҚРЗ. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231> (жүгінген күні: 25.02.2026)
3. Қылмыстық сот ісін электрондық форматта жүргізу жөніндегі нұсқаулықты бекіту туралы. Қазақстан Республикасы Бас прокурорының 2018 жылғы 3 қаңтардағы № 2 бұйрығы. Қазақстан Республикасының Әділет министрлігінде 2018 жылғы 23 қаңтарда № 16268 болып тіркелді. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1800016268> (жүгінген күні: 25.02.2026).
4. Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексі. Қазақстан Республикасының Кодексі 2026 жылғы 9 қаңтардағы № 255-VIII ҚРЗ. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2600000255> (жүгінген күні: 25.02.2026)
5. ACPO. Good Practice Guide for Digital Evidence // Association of chief police officers. 2012. Vol. 11. Iss. [Electronic resource] – Access mode: <https://athenaforensics.co.uk/wp-content/uploads/2019/01/National-Police-Chiefs-Council-ACPO-Good-Practice-Guide-for-Digital-Evidence-March-2012.pdf> (access date: 02.03.2026).
6. Тергеу әрекеттерінің барысы мен нәтижелерін тіркейтін ғылыми-техникалық құралдарды қолдану қағидаларын бекіту туралы. Қазақстан Республикасының Бас Прокурорының 2014 жылғы 22 қыркүйектегі № 91 бұйрығы. Қазақстан Республикасының Әділет министрлігінде 2014 жылы 29 қыркүйекте № 9761 тіркелді. [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V14W0009761> (жүгінген күні: 02.03.2026).
7. ISO/IEC 27037:2012 – Information technology — Security techniques — Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence // ISO. 2012. Vol.5.4. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.iso.org/standard/44381.html> (access date: 03.03.2026).
8. NIST. Kent K., Chevalier S., Grance T., Dang H. NIST Special Publication 800-86: Guide to Integrating Forensic Techniques into Incident Response // National Institute of Standards and Technology. 2006. Vol.15. [Electronic resource] – Access mode: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/legacy/sp/nistspecialpublication800-86.pdf> (access date: 03.03.2026).
9. INTERPOL. Guidelines to Digital Forensics First Responders // GUIDELINES FOR DIGITAL FORENSICS FIRST RESPONDERS. 2021. Vol.23. [Electronic resource] – Access mode: https://www.interpol.int/content/download/16243/file/Guidelines_to_Digital_Forensics_First_Responders_V_7.pdf (access date: 03.03.2026).
10. ENFSI. Best Practice Manual for the Forensic Examination of Digital Technology // Best Practice Manual for the Forensic Examination of Digital Technology. 2015. Vol.15 [Electronic resource] – Access mode: https://enfsi.eu/wp-content/uploads/2016/09/1_forensic_examination_of_digital_technology_0.pdf (access date: 03.03.2026).

УДК 343.346.53

Құрманғазыұлы Арман,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С СОЗДАНИЕМ ПОМЕХ УПРАВЛЕНИЮ ВОЗДУШНЫМ СУДНОМ ПУТЕМ НАВЕДЕНИЯ НА ВОЗДУШНОЕ СУДНО БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей раскрытия и расследования преступлений, связанных с созданием помех управлению воздушным судном посредством беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в Республике Казахстан. Автор рассматривает современные угрозы авиационной безопасности и анализирует новеллы национального законодательства, в частности статью 352-1 УК РК, устанавливающую уголовную ответственность за наведение на суда лазерных устройств или БПЛА. В работе подробно освещаются теоретические аспекты, что дает определение понятию «помехи управлению» как общественно опасному последствию и проводится его разграничение с актами незаконного вмешательства. Проблемы следственной практики, а именно акцентируется внимание на сложности фиксации атак и идентификации дистанционных операторов. Технологические решения, которые обосновываются необходимостью внедрения искусственного интеллекта, систем интеллектуального видеонаблюдения и прогнозно-аналитических платформ для фиксации траекторий БПЛА и анализа радиочастотного спектра, а также процессуальные особенности и международный опыт.

Ключевые слова: авиационная безопасность; акты незаконного вмешательства; безопасность полетов; беспилотные летательные аппараты (БПЛА); беспилотная авиационная система (БАС); помехи управлению воздушным судном; транспортная безопасность; управление воздушным судном, цифровые следы.

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан Республикасында ұшқышсыз ұшу аппараттарын (ҰҰА) пайдалана отырып, әуе кемелерін басқаруға бөгет жасаумен байланысты қылмыстарды ашу және тергеу ерекшеліктері қарастырылады. Автор қазіргі уақытта авиационныелық қауіпсіздікке төніп тұрған қатерлерді зерттеп, ұлттық заңнамаға, атап айтқанда, лазерлік құрылғылармен немесе ұшқышсыз ұшу құрылғылардың әуе кемелерін нысанаға алғаны үшін қылмыстық жауаптылықты белгілейтін ҚР ҚК 352-1 бабына енгізілген түзетулерді талдайды. Жұмыста «басқаруға бөгет жасау» ұғымын қоғамдық қауіпті салдар ретінде анықтайтын және оны заңсыз араласу актілерінен ажырататын егжей-тегжейлі теориялық негіз берілген. Ол сондай-ақ шабуылдарды жазудың күрделілігіне және қашықтағы операторларды анықтауға назар аудара отырып, тергеу тәжірибесінің мәселелерін шешеді. Технологиялық шешімдер жасанды интеллектті, интеллектуалды бейнебақылау жүйелерін және ҰҰА траекторияларын жазу және радиожилік спектрін талдау үшін болжамды аналитикалық платформаларды енгізу қажеттілігімен, сондай-ақ процедуралық ойлар мен халықаралық тәжірибемен негізделеді.

Түйінді сөздер: авиациялық қауіпсіздік; заңсыз араласу актілері; ұшу қауіпсіздігі; ұшқышсыз ұшу аппараттары (ҰҰА); ұшқышсыз ұшу аппараттары жүйесі (ҰҰАЖ); әуе кемесін басқаруға кедергі; көліктік қауіпсіздік; әуе кемесін басқару; сандық іздер.

Abstract. This article examines the specifics of solving and investigating crimes related to interference with aircraft control using unmanned aerial vehicles (UAVs) in the Republic of Kazakhstan. The author examines current threats to aviation security and analyzes amendments to national legislation, particularly Article 352-1 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, which establishes criminal liability for targeting aircraft with laser devices or UAVs. The paper provides a detailed theoretical framework defining the concept of "interference with control" as a socially dangerous consequence and distinguishing it from acts of unlawful interference. It also addresses the challenges of investigative practice, focusing on the complexity of recording attacks and identifying remote operators. Technological solutions are justified by the need to implement artificial intelligence, intelligent video surveillance systems, and predictive analytics platforms for recording UAV trajectories and analyzing radio frequency spectrum, as well as procedural considerations and international experience.

Keywords: aviation security; acts of unlawful interference; flight safety; unmanned aerial vehicles (UAVs); unmanned aircraft systems (UAS); interference with aircraft control; transport security; aircraft control; digital footprints.

Современная угроза авиационной безопасности Республики Казахстан в последние годы приобрела качественно новый характер, выходящий за рамки традиционных мер противодействия преступлениям против безопасности полетов. Одной из наиболее острых проблем стало массовое использование гражданских лазерных устройств и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в зонах аэродромов и на маршрутах движения воздушных судов.

Несанкционированные полеты дронов создают прямую угрозу жизни пассажиров и экипажей, особенно на самых критических этапах полета – при взлете и посадке. Как отмечается в послании Главы государства Касым-Жомарта Токаева от 08 сентября 2025 года [1], Казахстан вступает в эпоху искусственного интеллекта, которая приносит не только возможности цифровой трансформации, но и совершенно новые виды угроз безопасности, требующие тотальной цифровизации правоохранительной деятельности.

В 2025 году законодательство Республики Казахстан претерпело значительные изменения в целях оптимизации уголовной ответственности за правонарушения в авиационной сфере. Ключевым нововведением стало введение в Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК) статьи 352-1, устанавливающей прямую ответственность за создание помех управлению воздушным судном [2].

Важно отметить, что уголовное законодательство Казахстана в этой части основывается на нормах Конституции и общепризнанных принципах международного права [3]. Статья 7 УК РК подчеркивает, что лица, совершившие преступление на воздушном судне, находящемся в открытом воздушном пространстве вне пределов Республики, но приписанном к порту РК, подлежат ответственности по национальному кодексу. Кроме того, согласно статье 15 УК РК, уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 344) наступает с шестнадцатилетнего возраста, что применимо и к рассматриваемому составу 352-1 [2].

Теоретические аспекты дефиниции «помеха управлению». Одной из главных проблем правоприменения является отсутствие четкого законодательного определения понятия «помехи управлению». В доктрине уголовного права предлагается рассматривать помехи управлению воздушным судном как общественно опасное последствие, возникающее в результате умышленных противоправных действий. Помехи не тождественны самому действию (наведению или запуску дрона), а представляют собой результат этого воздействия, выражающийся в возникновении угрозы безопасности полета из-за нарушения функционирования систем управления или деятельности экипажа.

Данный состав преступления является самостоятельной категорией и не входит в классический перечень «актов незаконного вмешательства» (далее – АНВ), закрепленный в статье 105 Закона «Об использовании воздушного пространства и деятельности авиации» [4]. К АНВ относятся такие деяния, как незаконный захват судна, захват заложников или помещение на борт опасных устройств. Наведение же БПЛА извне направлено на создание препятствий нормальному пилотированию, что требует специфического подхода к квалификации.

Административная ответственность и профилактика. Помимо уголовных норм, важную роль в обеспечении безопасности играет Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КРКоАП). Статья 563 КРКоАП устанавливает ответственность за нарушение порядка использования воздушного пространства, в том числе за полеты без разрешения или плана полета [5].

Особенности использования БПЛА и их правовой режим. Согласно Правилам использования беспилотных авиационных систем, утвержденным приказом № 706 Министерства индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан от 31 декабря 2020 года [6], эксплуатация БПЛА, иными словами, беспилотная авиационная система (далее – БАС) в Казахстане строго регламентирована. БПЛА классифицируются по массе на сверхлегкие (до 0,25 кг), легкие (до 1,5 кг), средние (до 25 кг), среднетяжелые (до 750 кг) и тяжелые (свыше 750 кг). Использование БАС допускается только после их регистрации или постановки на учет в уполномоченной организации в сфере гражданской авиации.

Для расследования преступлений критически важны требования к системам дистанционной идентификации дронов, которые должны в процессе полета транслировать уникальный серийный номер, местоположение и высоту. Полеты в категории «Специфическая» (например, над густонаселенными районами или ночью) требуют наличия специального сертификата оператора и согласования с органами управления воздушным движением. Нарушение этих правил является важным элементом доказывания вины при расследовании дел по статье 352-1 УК РК [2].

Организация раскрытия и досудебного расследования. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, расследование по статье 352-1 УК РК отнесено к подследственности органов внутренних дел (далее – МВД). Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК РК) [7] требует быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения безопасности участников процесса.

Ключевым вызовом для органов следствия в цифровую эпоху является сложность фиксации атак и идентификации операторов дронов, управляемых дистанционно. Традиционные методы осмотра

места происшествия часто оказываются неэффективными. Для решения этой задачи предлагается широкое внедрение инструментов искусственного интеллекта (ИИ), например, как:

- Системы интеллектуального видеонаблюдения, способные фиксировать траектории БПЛА;
- Алгоритмы ИИ для анализа радиочастотного спектра, позволяющие выявлять источники управления дронами;
- Прогнозно-аналитические платформы (predictive policing) для выявления зон повышенного риска в мегаполисах;

Роль специалистов и специальных знаний в расследовании.

Учитывая техническую сложность авиационной сферы, качественное расследование невозможно без участия специалистов. Согласно статье 80 УПК РК, в качестве специалиста может быть привлечено незаинтересованное лицо, обладающее специальными знаниями для оказания содействия в собирании и исследовании доказательств.

Следственная практика показывает, что основные трудности связаны с отсутствием у следователей узкоотраслевых знаний в области летной и технической эксплуатации. В состав следственных групп необходимо привлекать пилотов, инженеров, диспетчеров и техников. Эти специалисты помогают в:

- Осмотре места падения БПЛА или фрагментов световых устройств.
- Изъятии и расшифровке средств объективного контроля («черных ящиков»), которые фиксируют параметры полета в момент помехи.
- Определении влияния внешних факторов (метеоусловий, освещенности) на устойчивость управления.

Результаты ведомственного расследования, проводимого Комиссией Министерства индустрии и инфраструктурного развития (далее – МИИР), должны обязательно приобщаться к материалам уголовного дела, хотя они и не имеют заранее установленной силы. Взаимодействие органов следствия с ведомственной комиссией должно строиться на принципах своевременного обмена материалами и согласованности действий на полевом этапе.

Проблемы доказывания и электронные доказательства. В рамках расследования дел о помехах управлению особое значение приобретают цифровые следы. УПК РК в статье 42-1 [7] предусматривает возможность ведения судопроизводства в электронном формате, однако статус электронных доказательств и процедуры их легализации требуют дальнейшего совершенствования.

Для успешного доказывания вины необходимо:

- Установление идентификационных номеров дронов через реестры АО «Авиационная администрация Казахстана».
- Использование научно-технических средств для фиксации хода и результатов следственных действий (аудио- и видеозапись).

Международный опыт и сотрудничество. Учитывая трансграничный характер использования цифровых технологий, критически важным является активизация международного сотрудничества по линии Интерпола и ИКАО для обмена данными о попытках вмешательства в управление воздушными судами.

Эффективность раскрытия и расследования преступлений, связанных с созданием помех управлению воздушным судном, напрямую зависит от комплексного использования уголовно-правовых, административных и научно-технических средств. Введение статьи 352-1 УК РК [2] восполнило существующий правовой пробел, однако для успешной реализации этой нормы требуется:

- Законодательное закрепление процедур использования систем искусственного интеллекта для автоматического обнаружения источников помех;
- Развитие кадровой подготовки следователей в области цифровой криминалистики.
- Обеспечение тесного взаимодействия между правоохранительными и специальными органами, авиационными службами через единые цифровые платформы.

Только системный подход, сочетающий строгость уголовного закона с передовыми технологиями цифрового мониторинга, позволит минимизировать угрозы авиационной безопасности и обеспечить защиту жизни и здоровья граждан в воздушном пространстве Республики Казахстан.

Зарубежный опыт противодействия несанкционированным полетам беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) характеризуется интеграцией передовых правовых норм, развитием концепции цифрового управления воздушным пространством и внедрением многоуровневых технологических систем обнаружения и нейтрализации.

Эффективность обеспечения авиационной безопасности в Республике Казахстан в современных условиях напрямую зависит от способности правоохранительной системы противостоять

новым технологическим вызовом, связанным с несанкционированным использованием БПЛА. Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых аспектов:

1. Совершенствование законодательной базы: Введение в 2025 году статьи 352-1 УК РК стало важным шагом для восполнения правового пробела, установив четкую ответственность за создание помех управлению воздушным судном. Однако для успешного правоприменения требуется дальнейшее законодательное закрепление процедур использования систем ИИ и уточнение статуса электронных доказательств, а также определение отдельных понятий (таких как «помеха управлению» и т.д.).

2. Цифровая трансформация следствия: Традиционные методы расследования оказываются недостаточно эффективными против дистанционно управляемых дронов. Необходимо массовое внедрение инструментов искусственного интеллекта, включая системы интеллектуального видеонаблюдения для фиксации траекторий БПЛА, алгоритмы анализа радиочастотного спектра и платформы прогнозной аналитики (predictive policing).

3. Специфика доказывания и использование специальных знаний: Качественное расследование невозможно без привлечения авиационных специалистов (пилотов, инженеров) и использования методов цифровой криминалистики. Ключевое значение приобретает работа с «цифровыми следами»: извлечение данных телеметрии, журналов полетов, идентификация через системы Remote ID и анализ метаданных медиафайлов.

4. Интеграция международного опыта: Успешная борьба с угрозами в воздушном пространстве требует внедрения мировых стандартов, таких как концепция U-space, системы дистанционной идентификации и протоколы реагирования, разработанные ИКАО и Интерполом. Важным элементом является риск-ориентированный подход и четкое зонирование территорий вокруг аэропортов (зоны А, В, С).

5. Тактическая и техническая безопасность: при проведении следственных действий необходимо строго соблюдать протоколы безопасности, учитывая нестабильность LiPo батарей и риски удаленного стирания данных с устройств.

В конечном итоге, только системный подход, сочетающий строгость уголовного закона с тотальной цифровизацией мониторинга и тесным взаимодействием правоохранительных органов с авиационными службами, позволит минимизировать риски и обеспечить безопасность граждан в воздушном пространстве страны.

Список использованных источников:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 08 сентября 2025 года // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 02.03.2026);

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 года №226-V (с изм. и доп.) // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 02.03.2026);

3. Конституция Республики Казахстан принятая на Республиканском референдуме 30 августа 1995 года // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 02.03.2026);

4. Закон Республики Казахстан «Об использовании воздушного пространства от 15 июля 2010 года №339-IV // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000339> (дата обращения: 02.02.2026);

5. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05 июля 2014 года №226-V (с изм. и доп.) // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 03.03.2026);

6. Приказ Министерства индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстана от 31 декабря 2020 года №706 // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000022031> (дата обращения: 03.02.2026);

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изм. и доп.) // ИПС «Әділет». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 04.02.2026).

УДК 343.2/.7

Мағзумов Ардак Азаматович,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
г. Косшы, Республика Казахстан

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОМУ ФИНАНСИРОВАНИЮ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ международных стандартов противодействия криминальному финансированию и их имплементации в национальное законодательство Республики Казахстан. Рассмотрены ключевые договорные источники международного права, включая Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года и против коррупции 2003 года, а также инструменты «мягкого права» – Рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и руководящие документы Базельского комитета по банковскому надзору.

Особое внимание уделено институциональной архитектуре системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в Республике Казахстан, включая деятельность Агентства по финансовому мониторингу и специализированный режим Международного финансового центра «Астана». Проанализированы результаты национальной оценки рисков и отчеты взаимной оценки Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма 2023 года, выявлены проблемные зоны, включая прозрачность бенефициарной собственности, регулирование виртуальных активов и межведомственную координацию.

Сделаны выводы о необходимости дальнейшей нормативной детализации, усиления институциональной синхронизации и расширения механизмов раскрытия финансовой информации. Статья представляет интерес для специалистов в области международного права, финансового регулирования и борьбы с отмыванием доходов, подчеркивая роль адаптации международных стандартов к национальной правовой системе в условиях цифровизации и трансграничной экономики.

Ключевые слова: криминальное финансирование; противодействие легализации доходов; отмывание денег; финансирование терроризма; Международные стандарты FATF; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности; Конвенция ООН против коррупции; национальное законодательство Республики Казахстан; виртуальные активы; риск-ориентированное регулирование.

Аннотация. Мақалада қылмыстық қаржыландыруға қарсы іс-қимылдың халықаралық стандарттарына және олардың Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасына имплементациялануына кешенді талдау жүргізілген. Халықаралық құқықтың негізгі шарттық көздері, оның ішінде 2000 жылғы Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы Біріккен Ұлттар Ұйымының конвенциясы және 2003 жылғы Сыбайлас жемқорлыққа қарсы конвенциясы, сондай-ақ «жұмсақ құқық» құралдары – Ақшаны жылыстатуға қарсы қаржылық шараларды әзірлеу тобының ұсынымдары мен Банктік қадағалау жөніндегі Базель комитетінің басшылық құжаттары қарастырылған.

Қазақстан Республикасында қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға (жылыстатуға) және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл жүйесінің институционалдық архитектурасына, оның ішінде Қаржылық мониторинг агенттігінің қызметіне және «Астана» халықаралық қаржы орталығының арнайы құқықтық режиміне ерекше назар аударылған. 2023 жылғы Қылмыстық кірістерді заңдастыруға және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл жөніндегі Еуразиялық топтың ұлттық тәуекелдерді бағалау нәтижелері мен өзара бағалау есептері талданып, бенефициарлық меншік иелерінің ашықтығы, виртуалды активтерді реттеу және ведомствоаралық үйлестіру сияқты проблемалық бағыттар айқындалған.

Нормативтік құқықтық реттеуді одан әрі нақтылау, институционалдық өзара іс-қимылды күшейту және қаржылық ақпаратты ашу тетіктерін кеңейту қажеттілігі туралы қорытындылар жасалған. Мақала халықаралық құқық, қаржылық реттеу және кірістерді жылыстатуға қарсы күрес саласындағы мамандар үшін қызығушылық тудырады, цифрландыру және трансшекаралық экономика жағдайында халықаралық стандарттарды ұлттық құқықтық жүйеге бейімдеудің маңыздылығын айқындайды.

Түйінді сөздер: қылмыстық қаржыландыру; кірістерді заңдауға қарсы күрес; ақшаны жылыстату; терроризмді қаржыландыру; FATF халықаралық стандарттары; трансұлттық ұйымдасқан қылмыстық әрекетке қарсы БҰҰ конвенциясы; сыбайлас жемқорлыққа қарсы БҰҰ конвенциясы; Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасы; виртуалды активтер; тәуекелге бағдарланған реттеу.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of international standards for combating criminal financing and their implementation in the national legislation of the Republic of Kazakhstan. Key treaty-based sources of international law are examined, including the United Nations Convention against Transnational Organized Crime of 2000 and the United Nations Convention against Corruption of 2003, as well as «soft law» instruments such as the

Recommendations of the Financial Action Task Force and the guiding documents of the Basel Committee on Banking Supervision.

Special attention is paid to the institutional architecture of the system for combating the legalization (laundering) of proceeds of crime and the financing of terrorism in the Republic of Kazakhstan, including the activities of the Agency for Financial Monitoring and the special legal regime of the Astana International Financial Centre. The results of the national risk assessment and the 2023 mutual evaluation reports of the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism are analyzed, and problem areas are identified, including the transparency of beneficial ownership, the regulation of virtual assets, and interagency coordination.

Conclusions are drawn on the need for further regulatory detailing, strengthening institutional synchronization, and expanding mechanisms for financial information disclosure. The article is of interest to specialists in the fields of international law, financial regulation, and anti-money laundering, emphasizing the importance of adapting international standards to the national legal system in the context of digitalization and a cross-border economy.

Keywords: criminal financing; anti-money laundering; money laundering; terrorism financing; FATF international standards; UN Convention against Transnational Organized Crime; UN Convention against Corruption; national legislation of the Republic of Kazakhstan; virtual assets; risk-based regulation.

Криминальное финансирование представляет собой системообразующий элемент устойчивости организованной преступности, обеспечивающий ее воспроизводство, транснациональную экспансию и способность к институциональной интеграции в легальный экономический оборот. Финансовая инфраструктура современной преступности характеризуется высокой степенью диверсификации и технологичности: используются банковские и небанковские финансовые институты, платежные агрегаторы, электронные деньги, виртуальные активы, офшорные юрисдикции, а также многоступенчатые схемы дробления, маскировки и последующей легализации финансовых потоков. Указанные практики обуславливают объективную трансграничность криминального финансирования и ограниченность сугубо национальных механизмов противодействия.

Формирование универсальных подходов к противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, и связанным формам криминального финансирования осуществляется на стыке норм международного договорного права и инструментов так называемого «мягкого права». Ключевую роль в данной сфере играет Конвенция Организации Объединенных Наций (далее – ООН) против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, закрепляющая базовые обязательства государств по криминализации отмывания доходов и международному сотрудничеству, а также Рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – FATF), которые выступают глобальным нормативным ориентиром для построения национальных режимов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ) и комплаенс-архитектуры финансового сектора [1], [2].

Республика Казахстан является участником Глобальной сети FATF посредством членства в Евразийской группе по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ЕАГ). В рамках данного институционального взаимодействия Республика Казахстан проходит процедуры взаимной оценки, принимает на себя обязательства по имплементации международных стандартов и адаптирует национальную систему противодействия отмыванию доходов, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения [3], [4].

Нормативной основой национального режима ПОД/ФТ выступает Закон Республики Казахстан от 28 августа 2009 года «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Закон РК о ПОД/ФТ), а также институциональная деятельность Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу (далее – АФМ РК) как уполномоченного органа финансовой разведки [5], [6]. Существенное значение для формирования риск-ориентированной модели регулирования имеют результаты национальной оценки рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма (национальная оценка рисков), а также взаимодействие регуляторных и надзорных органов, включая Агентство по регулированию и развитию финансового рынка и органы Международного финансового центра «Астана» [7], [8].

В указанных условиях особую научную и практическую значимость приобретает анализ соотношения международных стандартов FATF и национального законодательства РК, степени их имплементации, а также выявление правовых и институциональных вызовов, возникающих в процессе адаптации глобальных норм к национальной правовой системе.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов, обусловленная комплексной природой криминального финансирования и многоуровневым характером правового регулирования в сфере противодействия ему.

В качестве базового используется диалектический подход, позволяющий рассматривать международные стандарты противодействия криминальному финансированию и национальное законодательство РК в динамике и взаимной обусловленности. Системный метод применяется для анализа договорных источников международного права, инструментов «мягкого права» и национальных нормативных и институциональных элементов как единой правовой конструкции.

Формально-юридический метод используется при исследовании международных конвенций, Рекомендаций FATF и национальных нормативных правовых актов РК с целью выявления их юридической природы, объема обязательств и особенностей имплементации. Сравнительно-правовой метод позволяет сопоставить международные стандарты с национальным правовым регулированием и оценить степень их соответствия требованиям FATF.

Функциональный метод применяется при анализе деятельности уполномоченных органов системы ПОД/ФТ РК, прежде всего АФМ РК и финансовых регуляторов. Эмпирическую базу исследования составляют отчеты взаимной оценки, материалы национальной оценки рисков и официальные данные международных и национальных институтов.

Применение указанных методов обеспечивает комплексный анализ международных стандартов противодействия криминальному финансированию и особенностей их имплементации в национальное законодательство РК, а также формирование обоснованных научных выводов.

Анализ международных стандартов противодействия криминальному финансированию предполагает обращение как к обязательным договорным источникам, так и к инструментам так называемого «мягкого права», формирующим комплексную и многоуровневую нормативную архитектуру. В данном контексте ключевое значение имеют универсальные конвенции ООН, которые закрепляют императивные обязательства государств в сфере противодействия организованной преступности и связанным с ней финансовым потокам.

Центральное место занимает Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (UNTOC), создающая нормативный «каркас» международного сотрудничества посредством криминализации участия в организованных преступных группах, легализации доходов, полученных преступным путем, а также развития механизмов взаимной правовой помощи, экстрадиции, конфискации и возврата активов. Существенное значение имеют и три Протокола к Конвенции, направленные на противодействие торговле людьми, контрабанде мигрантов и незаконному обороту огнестрельного оружия [9]. РК участвует в обзорном механизме UNTOC и присоединилась к профильным Протоколам, что подтверждается официальными данными UNTC и UNODC; в частности, по Протоколу о контрабанде мигрантов зафиксировано присоединение 31.07.2008 г. [10]. Юридическая природа UNTOC как многостороннего международного договора обуславливает ее обязательность для РК и применимость в национальной правовой системе в соответствии с Законом РК от 30 мая 2005 года «О международных договорах Республики Казахстан» [11].

Системное дополнение договорного уровня международных стандартов формирует Конвенция ООН против коррупции 2003 года (UNCAC), к которой РК присоединилась в 2008 году [12]. UNCAC закрепляет комплекс обязательств по криминализации коррупционных преступлений, конфискации и управлению активами, а также расширенным формам международного сотрудничества. В аспекте противодействия криминальному финансированию данная Конвенция выполняет функцию процессуально-правового связующего звена, позволяющего выявлять и пресекать финансовые потоки, обусловленные коррупционной преступностью [13].

Таким образом, UNTOC и UNCAC для РК являются ратифицированными источниками международного права, требующими постоянной гармонизации уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и финансово-правовых механизмов, включая институты конфискации и управления преступными активами.

Наряду с международными договорами ключевую роль в формировании глобальных стандартов противодействия криминальному финансированию играют инструменты «мягкого права», прежде всего Рекомендации FATF и руководящие документы Базельского комитета по банковскому надзору. Рекомендации FATF (40+) не обладают формально обязательной юридической силой и не подлежат ратификации, однако фактически выступают универсальным глобальным стандартом AML/CFT/CPF, определяющим содержание национальных режимов противодействия отмыванию доходов и криминальному финансированию. Их нормативный массив охватывает риск-

ориентированный подход, идентификацию бенефициарных владельцев, процедуры «Знай своего клиента» (KYC – Know Your Customer) и «Комплексная проверка клиента» (CDD – Customer Due Diligence), надзорные и санкционные механизмы, регулирование виртуальных активов и международное сотрудничество [14], [15].

Дополняющим элементом soft law выступает Руководство Базельского комитета «Sound management of risks related to ML/TF», адресованное кредитным организациям и органам банковского надзора. Указанный документ формирует наднациональные стандарты корпоративного управления, внутреннего контроля, оценки и управления рисками ПОД/ФТ, усиливая комплаенс-ориентированную модель регулирования финансового сектора [16]. По мнению автора, именно инструменты «мягкого права» обеспечивают наиболее оперативную реакцию правового регулирования на трансформацию форм криминального финансирования, включая цифровизацию финансовых услуг и распространение виртуальных активов, тогда как договорные источники обладают более высокой степенью нормативной стабильности, но меньшей адаптивностью.

Имплементация указанных международных стандартов в РК осуществляется посредством комплексного институционально-правового механизма, ядром которого выступает Закон о ПОД/ФТ. Данный закон определяет правовые основы ПОД/ФТ, круг субъектов финансового мониторинга, их обязанности и меры надзорного воздействия, а также процессуальные полномочия уполномоченного органа – АФМ РК. АФМ РК функционирует как орган финансовой разведки, непосредственно подотчетный Президенту РК, осуществляя аналитическую, координационную и правоохранительную деятельность в пределах установленной компетенции. Специфический регуляторный режим действует на территории Международного финансового центра «Астана», где функции надзора в сфере AML/CFT осуществляет AFSA с учетом международных стандартов; взаимодействие AFSA и АФМ реализуется на основе соглашений об обмене информацией [17].

Эффективность национальной системы ПОД/ФТ оценивается, в том числе, посредством процедур взаимной оценки в рамках Евразийской группы как регионального органа типа FATF. По итогам очного визита в РК в сентябре 2022 года в 2023 году был опубликован отчет взаимной оценки, в котором наряду с положительными результатами обозначены проблемные аспекты, связанные с межведомственной координацией, обеспечением прозрачности бенефициарной собственности и надзором за виртуальными активами и провайдерами услуг виртуальных активов [18], [19]. Существенную аналитическую роль играют и материалы Национальной оценки рисков (NOR/NRA) 2021 года и последующие обновления, отражающие эволюцию риск-профиля страны и реализованные институциональные реформы [20], [21], [22].

Вместе с тем представляется, что дальнейшее развитие национального законодательства РК в сфере противодействия криминальному финансированию требует более детальной нормативной регламентации оборота виртуальных активов, усиления механизмов раскрытия бенефициарной собственности и институциональной синхронизации надзорных, регуляторных и правоохранительных органов. Указанные направления обусловлены не только результатами взаимных оценок, но и объективной трансформацией форм криминального финансирования в условиях цифровизации и углубления трансграничных финансовых связей.

Проведенный анализ международных стандартов противодействия криминальному финансированию и особенностей их имплементации в национальное законодательство РК позволяет сделать вывод о формировании в государстве институционально и нормативно разветвленной системы ПОД/ФТ, в значительной степени ориентированной на глобальные правовые и регуляторные ориентиры. РК, являясь участником универсальных конвенций ООН и Глобальной сети FATF, приняла на себя комплекс международных обязательств, охватывающих уголовно-правовые, процессуальные и финансово-правовые механизмы противодействия легализации преступных доходов и криминальному финансированию.

Первый вывод состоит в том, что договорные источники международного права, прежде всего Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года и Конвенция ООН против коррупции 2003 года, образуют обязательный для РК нормативный минимум, обеспечивающий криминализацию легализации доходов, международное сотрудничество, конфискацию и возврат преступных активов. Их правовая сила и применимость в национальной системе подтверждаются Законом РК «О международных договорах Республики Казахстан», а также актами о ратификации соответствующих конвенций. Научно обоснованным представляется вывод о том, что данные конвенции формируют устойчивый, но относительно инерционный правовой каркас, требующий постоянного обновления через национальные механизмы имплементации.

Второй вывод заключается в том, что фактическое нормативное «наполнение» системы ПОД/ФТ обеспечивается инструментами «мягкого права», прежде всего Рекомендациями FATF и руководящими документами Базельского комитета по банковскому надзору. Несмотря на отсутствие формальной обязательности, данные стандарты приобретают де-факто императивный характер через процедуры взаимной оценки и риск репутационных и экономических последствий для государства. Это позволяет научно обосновать тезис о трансформации soft law в квазиобязательный регуляторный инструмент глобального финансового управления.

Третий вывод связан с оценкой национальной модели имплементации. Закон РК о ПОД/ФТ сформировал базовую правовую конструкцию ПОД/ФТ, институционально закрепив функции финансовой разведки за АФМ РК. Дополнительным элементом является функционирование специального AML/CFT-режима в рамках Международного финансового центра «Астана» под надзором AFSA. В совокупности это свидетельствует о стремлении законодателя к институциональной дифференциации и адаптации международных стандартов.

Вместе с тем результаты взаимной оценки ЕАГ 2023 года указывают на сохраняющиеся проблемные зоны, включая недостаточную прозрачность бенефициарной собственности, необходимость усиления надзора за виртуальными активами и провайдерами услуг виртуальных активов, а также потребность в более глубокой межведомственной координации. Данные выводы подтверждаются и материалами Национальной оценки рисков, отражающими усложнение финансовых схем и рост трансграничных угроз.

Исходя из изложенного, автор предлагает следующие направления совершенствования правового регулирования. Во-первых, представляется целесообразным нормативное уточнение правового статуса виртуальных активов и провайдеров услуг виртуальных активов с их более четким включением в контур финансового мониторинга, что соответствует Рекомендациям FATF и выводам взаимной оценки. Во-вторых, требуется дальнейшее развитие механизмов раскрытия бенефициарной собственности, включая межреестровое взаимодействие и расширение доступа уполномоченных органов к информации, что вытекает из международных стандартов и практики UNODC. В-третьих, научно и практически обоснованным является усиление институциональной синхронизации между АФМ, финансовыми регуляторами и правоохранительными органами, в том числе на основе риск-ориентированного подхода, закрепленного в Законе РК о ПОД/ФТ.

В целом можно констатировать, что система противодействия криминальному финансированию в РК находится в стадии устойчивого институционального развития и нормативного усложнения. Ее дальнейшая эффективность будет определяться не столько формальным соответствием международным стандартам, сколько способностью национального правового порядка адаптироваться к трансформации финансовых технологий и трансграничных криминальных практик.

Список использованных источников:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 16.01.2026);
2. FATF. The FATF Recommendations (консолидированные стандарты). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatfrecommendations.html> (дата обращения: 06.11.2025);
3. FATF Global Network – Kazakhstan. Профиль страны и ссылки на оценку ЕАГ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/en/countries/detail/Kazakhstan.html> (дата обращения: 06.11.2025);
4. Eurasian Group (EAG). О группе, членство, связь с FATF. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eurasiangroup.org/en> (дата обращения: 06.11.2025);
5. О некоторых вопросах Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу. Указ Президента Республики Казахстан от 20 февраля 2021 года № 515. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000515> (дата обращения: 16.01.2026);
6. Закон Республики Казахстан от 28.08.2009 № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z090000191> (дата обращения: 06.11.2025);

7. AFSA (AIFC). Kazakhstan AML legislation overview. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://afsa.aifc.kz/supervision/anti-money-laundering/the-republic-of-kazakhstan-aml-legislation/> (дата обращения: 06.11.2025);
8. AFSA–АФМ РК. Совместная работа по AML/CFT. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://afsa.aifc.kz/afsa-and-afm-agree-on-joint-work-in-aml-and-cft/> (дата обращения: 06.11.2025);
9. Протокол Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html> (дата обращения: 16.01.2026);
10. UNCTC. Palermo Convention (общие сведения). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://treaties.un.org/pages/viewdetails.aspx?chapter=18&clang=en&mtdsg_no=xviii-12&src=treaty (дата обращения: 06.11.2025);
11. Закон Республики Казахстан от 30 мая 2005 года N 54. «О международных договорах Республики Казахстан». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000054> (дата обращения: 16.01.2026);
12. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 года N 31-IV. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000031> (дата обращения: 16.01.2026);
13. Служба по противодействию коррупции Комитета национальной безопасности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/activities/1177?lang=en> (дата обращения: 16.01.2026);
14. AFSA – АФМ РК. Совместная работа по AML/CFT (новость). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://afsa.aifc.kz/afsa-and-afm-agree-on-joint-work-in-aml-and-cft/> (дата обращения: 06.11.2025);
15. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАФТ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/other_docs/FATF%20docs/rekomendacii-fatf-2019.pdf (дата обращения: 16.01.2026);
16. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАФТ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/other_docs/FATF%20docs/rekomendacii-fatf-2019.pdf (дата обращения: 16.01.2026);
17. AFSA (AIFC). Kazakhstan AML legislation overview (ссылки на Закон № 191-IV). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://afsa.aifc.kz/supervision/anti-money-laundering/the-republic-of-kazakhstan-aml-legislation/> (дата обращения: 19.01.2026);
18. FATF. The FATF Recommendations (консолидированные стандарты). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html> (дата обращения: 19.01.2026);
19. UNODC Central Asia. Сотрудничество в ПОД/ФТ в Казахстане. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.unodc.org/centralasia/en/news/unodc-and-partners-strengthen-cooperation-in-combating-money-laundering-and-terrorism-financing-in-kazakhstan.html> (дата обращения: 19.01.2026);
20. Финансовый мониторинг РК (АФМ). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm/press/news/details/993008?lang=ru> (дата обращения: 19.01.2026);
21. National (NOR/NRA) – AML/CFT Kazakhstan. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://afsa.aifc.kz/wp-content/uploads/2024/10/NOR-OD-otkr-versiya-ENG.pdf> (дата обращения: 19.01.2026);
22. Отчет взаимной оценки Республики Казахстан. 2023. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/ME_\(2023\)_1_rus_rev1_2.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/ME_(2023)_1_rus_rev1_2.pdf) (дата обращения: 19.01.2026).

ӘОЖ 343.1

Майлиев Мейіржан Мұратұлы

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

ҚЫЛЫМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТІҢ ҮШ БУЫНДЫ МОДЕЛІ ШЕҢБЕРІНДЕГІ ТЕРГЕУ БӨЛІМІНІҢ БАСТЫҒЫ МЕН ПРОКУРОРДЫҢ ӨКІЛЕТТІКТЕРІ

Аннотация. Мақалада қылмыстық процестің үш буынды моделі шеңберіндегі прокурор мен тергеу бөлімі бастығының өкілеттіктерін талдауға арналған. Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік заңнамасына енгізілген соңғы реформалар аясында аталған субъектілердің процестік мәртебесі мен функцияларындағы өзгерістер серпіні (динамикасы) зерттеледі.

Зерттеу барысында автор прокурордың қадағалау және процестік басшылық жасау функцияларын жүзеге асыру шарттары мен тергеу бөлімі бастығының ұйымдастырушылық-бақылау өкілеттіктерінің арақатынасын айқындаған. Сонымен қатар, олардың құзыреттерінің шектеріне, өзара іс-қимыл ерекшеліктеріне және тәжірибеде туындауы мүмкін құқықтық мәселелерге талдау жүргізіледі.

Мақалада қолданыстағы заңнаманы жетілдіру қажеттілігі негізделіп, өкілеттіктерді нақтылау және қайталанатын функцияларды алып тастау бойынша ұсыныстар берілген. Зерттеу барысында алынған нәтижелер қылмыстық процестің тиімділігін арттыруға және құқық қолдану тәжірибесін жақсартуға бағытталған.

Түйінді сөздер: үш буынды модель; прокурор; тергеу бөлімінің бастығы; процестік басшылық; ведомстволық бақылау; өкілеттіктердің аражігін ажырату; қылмыстық процесс; ҚР Қылмыстық-процестік кодексі; процестік шешімдер; құқық қолдану тәжірибесі.

Аннотация. Статья посвящена анализу полномочий прокурора и начальника следственного отдела в рамках трехзвенной модели уголовного процесса. В свете последних реформ уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан исследуется динамика изменений процессуального статуса и функций указанных субъектов.

В ходе исследования автором определено соотношение условий осуществления функций надзора и процессуального руководства прокурора с организационно-контрольными полномочиями начальника следственного отдела. Кроме того, проводится анализ пределов их компетенций, особенностей взаимодействия и правовых проблем, возникающих в практике.

В статье обосновывается необходимость совершенствования действующего законодательства, предлагаются рекомендации по конкретизации полномочий и исключению дублирующих функций. Результаты исследования направлены на повышение эффективности уголовного процесса и совершенствование правоприменительной практики.

Ключевые слова: трехзвенная модель; прокурор; начальник следственного отдела; процессуальное руководство; ведомственный контроль; разграничение полномочий; уголовный процесс; УПК РК; процессуальные решения; правоприменительная практика.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the powers of the prosecutor and the head of the investigative department within the framework of the three-tier model of the criminal process. In the light of the recent reforms of the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan, the dynamics of changes in the procedural status and functions of these subjects are examined.

In the course of the study, the author determines the correlation between the conditions for exercising the functions of supervision and procedural leadership by the prosecutor and the organizational and control powers of the head of the investigative department. Furthermore, an analysis is conducted on the limits of their competence, the specifics of their interaction, and legal issues arising in practice.

The article substantiates the need to improve the current legislation and offers recommendations for specifying powers and eliminating duplicating functions. The results of the study are aimed at increasing the efficiency of the criminal process and improving law enforcement practice.

Keywords: three-tier model, prosecutor, head of the investigative department, procedural leadership, departmental control, delimitation of powers, criminal process, Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, procedural decisions, law enforcement practice.

Тақырыптың өзектілігі Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік заңнамасын жаңғырту барысындағы ең ауқымды реформалардың бірі – қылмыстық процестің үш буынды моделін енгізу болды. Бұл реформа құқық қорғау жүйесіндегі өкілеттіктерді нақты бөлу арқылы азаматтардың конституциялық құқықтарын қорғауды күшейтуді және негізсіз процестік шешімдерге тосқауыл қоюды көздейді.

Үш буынды модель шеңберіндегі қарым-қатынастардың ең күрделі әрі маңызды тұсы - тергеу бөлімі бастығының ведомстволық бақылауы мен прокурордың процестік басшылық жасау функцияларының арақатынасы болып табылады. Қазіргі таңда тергеу бөлімі бастығының ұйымдастырушылық рөлі мен прокурордың негізгі процестік шешімдерді қабылдаудағы жаңа құзыреттері арасындағы теңгерімді айқындау өзекті мәселеге айналып отыр.

Аталған мақалада осы екі субъектінің құзыреттеріндегі өзгерістер талданып, олардың функцияларының қайталануын болдырмау және қылмыстық істерді тергеу сапасын арттыру жолдары қарастырылады.

Осы зерттеуді жүргізудің бастапқы материалдары ретінде Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі, «Прокуратура туралы» Конституциялық Заңы және құқықтық статистика мәліметтері алынды. Жұмыста қолданылған әдістер - диалектикалық, салыстырмалы-құқықтық және жүйелілік талдау. Аталған әдістер үш буынды модель жағдайындағы процестік өкілеттіктердің даму серпінін (динамикасын) кешенді түрде талдауға мүмкіндік берді.

Жүргізілген зерттеу нәтижесінде үш буынды модель шеңберінде прокурордың негізгі процессуалдық шешімдерді қабылдайтын басты тұлғаға айналғаны, ал тергеу бөлімінің бастығының ұйымдастырушылық-бақылау субъектісі ретіндегі рөлі айқындалды. Нұсқаулар беру кезінде өкілеттіктердің қайталану тәуекелі бар екені анықталды. Осыған байланысты тергеу бөлімінің бастығына тергеу сапасы үшін жауаптылықты бекіту, ал прокурорға түпкілікті құқықтық бағалау құзыретін қалдыру орынды деп танылды. Бұл өз кезегінде қылмыстық процестің тиімділігін арттыруға ықпал етеді.

Жүргізілген кешенді зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Қазақстан Республикасында қылмыстық процестің үш буынды моделінің енгізілуі сотқа дейінгі тергеп-тексеру сатысындағы өкілеттіктердің функционалдық архитектурасын түбегейлі қайта құруға негіз болды. Бұл реформаның басты мақсаты: қылмыстық қудалау органдарының функцияларын нақты бөлу арқылы азаматтардың конституциялық құқықтарын қорғауды күшейту және негізсіз айыптауларға жол бермеу. Зерттеу барысында анықталған ең маңызды нәтиже - прокурордың процестік мәртебесінің «қадағалаушыдан» «шешім қабылдаушы» (decision-maker) деңгейіне көтерілуі және осыған байланысты тергеу бөлімі бастығының ведомстволық бақылау функцияларының сипаты өзгеруі болып табылады.

Прокурор өкілеттіктерінің жаңа парадигмасы зерттеу нәтижесі бойынша үш буынды модель аясында прокурор айыптау билігінің орталық тұлғасына айналды. Бұған дейінгі модельде прокурор тергеушінің немесе бөлім бастығының шешімдеріне «кейінгі бақылау» тәртібімен ғана әсер етсе, қазіргі таңда ол қылмыстық істің тағдырын айқындайтын маңызды шешімдерді дербес қабылдайды. Атап айтқанда, күдіктінің іс-әрекетін саралауды бекіту, айыптау актісін өз бетінше жасау және қылмыстық істі тоқтату сияқты құзыреттердің прокурорға өтуі - сотқа дейінгі сатыдағы «заңдылық сүзгісін» мейлінше нығайтты.

Бұл прокурордың соттағы мемлекеттік айыптауды қолдау кезіндегі жауапкершілігін арттырып, тергеу сапасына тікелей әсер етуіне жағдай жасады. Статистикалық мәліметтер мен практикалық талдау көрсеткендей, прокурордың негізгі шешімдерді қабылдауы тергеу органдары тарапынан жіберілетін «айыптауға бейімділік» (обвинительный уклон) фактілерін едәуір азайтуға мүмкіндік берді. Тергеу бөлімі бастығының рөлі мен ведомстволық бақылаудың ерекшеліктері. Зерттеудің келесі бір маңызды нәтижесі - тергеу бөлімі бастығының өкілеттіктерінің әкімшілік-ұйымдастырушылық бағытқа ойысуы. Қазіргі таңда бөлім бастығының қызметі көбіне тергеудің сапасын ішкі бақылау, мерзімдердің сақталуын қамтамасыз ету және тергеушілердің жұмысын материалдық-техникалық үйлестірумен шектеледі.

Тергеу бөлімі бастығының рөлі мен ведомстволық бақылаудың ерекшеліктері. Зерттеудің келесі бір маңызды нәтижесі - тергеу бөлімі бастығының өкілеттіктерінің әкімшілік-ұйымдастырушылық бағытқа ойысуы. Қазіргі таңда бөлім бастығының қызметі көбіне тергеудің сапасын ішкі бақылау, мерзімдердің сақталуын қамтамасыз ету және тергеушілердің жұмысын материалдық-техникалық үйлестірумен шектеледі. Бұл ретте бөлім бастығының «ішкі ведомстволық сүзгі» ретіндегі рөлі маңызды болып қала береді, өйткені ол прокурорлық қадағалауға дейінгі техникалық және тактикалық қателіктерді түзетуге жауапты. Алайда, талқылау барысында анықталғандай, бөлім бастығының процестік дербестігі мен прокурордың процестік басшылығы арасындағы теңгерімді сақтау мәселесі әлі де болса жетілдіруді талап етеді.

Өкілеттіктердің қайталануы және «процестік коллизиялар». Алынған нәтижелерді ғылыми талқылау кезінде ең үлкен пікірталас тудырған мәселе - прокурор мен тергеу бөлімі бастығының тергеушіге нұсқау беру құзыреттерінің қайталануы (дублирование). ҚР Қылмыстық-процестік кодексінің нормаларына сәйкес, екі субъект де тергеушіге міндетті нұсқаулар беруге құқылы.

Тәжірибеде бұл жағдай көбіне «процестік қос билік» (двоевластие) тудырады. Мәселен, тергеу бөлімінің бастығы тергеудің бағытын ведомстволық көрсеткіштер мен тергеу тактикасы тұрғысынан айқындаса, прокурор оны заңдылық пен соттағы перспектива тұрғысынан бағалайды. Осы екі көзқарастың алшақтауы тергеушінің процестік дербестігіне нұқсан келтіріп қана қоймай, шешім қабылдау үдерісін баяулатып, бюрократиялық кедергілерді арттырады.

Халықаралық тәжірибені (Германия, Франция, Эстония) талдау көрсеткендей, дамыған елдерде прокурор тергеудің «қожайыны» (*dominus litis*) ретінде танылады, ал полиция немесе тергеу органдары оның нұсқауларын орындаушы техникалық аппарат ретінде әрекет етеді. Қазақстандық модельде де осы бағытқа бетбұрыс жасалғанымен, тергеу бөлімі бастығының әкімшілік ықпалы әлі де жоғары. Бұл қайшылықты шешу үшін заңнамалық деңгейде прокурордың нұсқауларының тергеу бөлімі бастығының нұсқауларынан басымдығын (приоритетін) нақтылау қажеттілігі туындайды.

Талқылаудың келесі бір маңызды аспектісі - прокурордың айыптау актісін өз бетінше жасауына қатысты болды. Кейбір заңгер-ғалымдар мен практиктердің пікірінше, бұл функция тергеуші мен оның бастығының істің ақырғы нәтижесіне деген жауапкершілігін төмендетуі мүмкін. Керісінше, прокурордың айыптау актісін жасауы - тергеу сапасын бағалаудың ең жоғарғы формасы. Егер тергеуші дәлелдемелерді толық жинамаса, прокурор айыптау актісін жасай алмайды, демек, тергеушінің жауапкершілігі сапалы дәлелдемелер базасын қалыптастыру деңгейінде сақталады. Талқылау қорытындысы бойынша, тергеу бөлімі бастығының жауапкершілігін тек тергеудің сапалы бастапқы кезеңіне шоғырландырып, ал прокурорға іс бойынша түпкілікті құқықтық баға беруді қалдыру тиімді деген тұжырым жасалды.

Зерттеу мен талқылау нәтижелерін жинақтай келе, бірқатар заңнамалық және практикалық ұсыныстар анықталды. Біріншіден, ҚР Қылмыстық-процестік кодексіне «прокурордың нұсқаулары тергеу бөлімі бастығының нұсқауларына қарағанда заңдылық тұрғысынан басымдыққа ие» деген норманы енгізу қажет. Бұл процестік иерархиядағы түсініспеушіліктерді жояды. Екіншіден, тергеу бөлімі бастығының өкілеттіктерін тек әдістемелік көмек көрсету және ресурстарды басқарумен шектеп, оның тергеушінің ішкі сеніміне процестік араласу мүмкіндігін азайту керек. Үшіншіден, «Е-қылмыстық іс» жүйесі аясында прокурор мен бөлім бастығының бақылау функцияларын автоматтандыру арқылы қағазбастылықты азайту және шешім қабылдаудың ашықтығын қамтамасыз ету ұсынылады.

Қорыта айтқанда, үш буынды модель шеңберіндегі прокурор мен тергеу бөлімі бастығының өкілеттіктері өзара бірін-бірі толықтыратын, бірақ міндеттері нақты бөлінген институттар болуы тиіс. Осы екі субъектінің аражігін нақты ажырату ғана қазақстандық қылмыстық процестің тиімділігін арттырып, сот төрелігінің қолжетімділігі мен әділдігін қамтамасыз етуге мүмкіндік береді. Зерттеу барысында алынған нәтижелер қылмыстық іс жүргізу құқығы теориясын дамытуға және құқық қолдану тәжірибесін жетілдіруге өз үлесін қосады.

Осылайша, аталған кешенді шараларды іске асыру, біздің ойымызша, Интернет желісін қоса алғанда, ақпараттық жүйелерде азаматтарды қорғау деңгейін арттыруға, алаяқтық фактілерінің санын азайтуға, сондай-ақ Қазақстан Республикасында неғұрлым қауіпсіз цифрлық ортаны қалыптастыруға ықпал ететін болады.

Жүргізілген зерттеу жұмысын қорытындылай келе, қылмыстық процестің үш буынды моделі аясындағы прокурор мен тергеу бөлімі бастығының өкілеттіктерін нақты ажырату - құқық қорғау жүйесін заманауи стандарттарға сай трансформациялаудың негізгі шарты болып табылатынын атап өткен жөн. Осы ғылыми жұмыс барысында жасалған кешенді талдаулар прокурордың процестік мәртебесі сапалық жаңа деңгейге көтерілгенін айқын көрсетті. Прокурор бұдан былай тергеу органдарының қызметін сырттай бақылаушы ғана емес, қылмыстық іс бойынша негізгі процестік жауаптылықты өз мойнына алатын, айыптаудың негізділігін айқындайтын басты тұлғаға айналды. Атап айтқанда, күдіктінің іс-әрекетін саралауды бекіту және айыптау актісін жасау өкілеттіктерінің прокурорға өтуі - сотқа дейінгі тергеп-тексеру сатысындағы «заңдылық сүзгісін» күшейтіп, азаматтарды негізсіз қудалаудан қорғаудың пәрменді кепіліне айналды. Бұл өзгерістер мемлекеттік айыптаудың соттағы сапасын арттырып, бүкіл қылмыстық қудалау жүйесінің тиімділігін жаңа белеске шығарды.

Сонымен қатар, тергеу бөлімі бастығының функцияларындағы өзгерістер оның ведомстволық бақылаушы ретіндегі рөлін нақтылап, ұйымдастырушылық-әдістемелік сипатқа ие болғанын көрсетті. Бүгінгі таңда бөлім бастығының қызметі көбіне тергеудің тактикалық сапасын қамтамасыз етуге, мерзімдерді бақылауға және ресурстарды басқаруға бағытталған. Бұл институт прокурорлық қадағалауға дейінгі «ішкі сүзгі» ретінде өзінің маңыздылығын сақтап қалғанымен, оның өкілеттіктерін прокурордың процестік басшылығымен қайшылыққа түспейтіндей етіп қайта қарау қажеттілігі

туындап отыр. Зерттеу барысында анықталған ең өзекті мәселе - прокурор мен тергеу бөлімі бастығының тергеушіге бір мезгілде міндетті нұсқаулар беру құзыреті болып табылады. Бұл жағдай іс жүзінде «процестік қос билік» мәселесін туындатып, тергеушінің дербестігіне нұқсан келтіреді және шешім қабылдау үдерісін баяулатады.

Осы қайшылықтарды шешу мақсатында заңнамада прокурордың нұсқауларының заңдылық пен саралау мәселелеріндегі басымдығын нақты бекіту ұсынылады. Бұл қадам процестік иерархияны реттеп, бюрократиялық кедергілерді жоюға жол ашады. Сонымен бірге, тергеу бөлімі бастығының жауапкершілігін тек тергеудің сапалы бастапқы кезеңіне шоғырландырып, ал прокурорға іс бойынша түпкілікті құқықтық баға беруді қалдыру - қылмыстық процестің ашықтығы мен әділдігін қамтамасыз ететін тиімді механизм болмақ. Қорыта айтқанда, үш буынды модельді одан әрі жетілдіру - тек заң нормаларын өзгерту емес, сонымен бірге құқық қолданушылардың кәсіби мәдениетін жаңа деңгейге көтеріп, халықаралық стандарттарға сай келетін, адам құқықтарын бірінші орынға қоятын заманауи қылмыстық сот ісін жүргізу моделін қалыптастыруға бағытталуы тиіс.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі, 2014 жылғы 4 шілдедегі № 231-V ҚРЗ, [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231> (жүгінген күні: 15.03.2026);
2. «Прокуратура туралы» 2022 жылғы 5 қарашадағы № 155-VII Қазақстан Республикасының Конституциялық Заңы [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2200000155> (жүгінген күні: 15.03.2026);
3. Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Қазақстан Республикасының Кодексі, 05.07.2014 ж. №235-V ҚРЗ [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000235> (жүгінген күні: 15.03.2026);
4. Қазақстан Республикасында қылмыстық процестің үш буынды моделін енгізу мәселелері туралы ҚР Президентінің Жолдауы. «Жаңа жағдайдағы Қазақстан: іс-қимыл кезеңі» [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz> (жүгінген күні: 15.03.2026).
5. «Қоғамда заң мен тәртіп идеологиясын ілгерілету жөніндегі 2025 – 2030 жылдарға арналған тұжырымдаманы бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2025 жылғы 1 сәуірдегі № 200 қаулысы, [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2500000200> (жүгінген күні: 15.03.2026).

УДК 343.1:343.37

Нұржан Мәди Сәкенұлы,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ОСОБЕННОСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Аннотация. В представленной научной работе осуществляется концептуальный анализ процессуальных и тактических аспектов деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в рамках судебного разбирательства дел о корыстных посягательствах в экономической сфере.

В ходе исследования детерминированы ключевые деструктивные факторы, снижающие эффективность прокурорского надзора на данной стадии: от информационной избыточности материалов досудебного производства до дефицита специализированных компетенций в области верификации финансовой отчетности и цифровых активов. Акцентируется внимание на имплементации современных инструментов форензики и алгоритмов цифровой криминалистики как векторе технологической модернизации уголовного преследования.

На основе синтеза правоприменительной практики и теоретических положений обоснован комплекс рекомендаций, направленных на совершенствование методического обеспечения обвинительной деятельности и внедрение прогрессивных механизмов профессиональной мотивации сотрудников надзорного ведомства.

Ключевые слова: государственный обвинитель; экономическая преступность; уголовный процесс; цифровая криминалистика; доказательственная база; форензик-технологии.

Аннотация. Ұсынылған ғылыми жұмыста экономикалық саладағы ақшалай қол сұғушылықтар туралы істерді сотта қарау шеңберінде мемлекеттік айыптауды қолдау бойынша прокурор қызметінің процестік және тактикалық аспектілеріне тұжырымдамалық талдау жүзеге асырылады.

Зерттеу барысында осы кезеңдегі прокурорлық қадағалаудың тиімділігін төмендететін негізгі деструктивті факторлар айқындалды: сотқа дейінгі өндіріс материалдарының ақпараттық артықтығынан бастап қаржылық есептілік пен цифрлық активтерді верификациялау саласындағы мамандандырылған құзыреттердің тапшылығына дейін.

Қылмыстық қудалауды технологиялық жаңғырту векторы ретінде заманауи форензик құралдары мен цифрлық криминалистика алгоритмдерін имплементациялауға баса назар аударылған. Құқық қолдану практикасы мен теориялық ережелерді синтездеу негізінде айыптау қызметін әдістемелік қамтамасыз етуді жетілдіруге және қадағалау ведомствосы қызметкерлерінің кәсіби уәждемесінің прогрессивті тетіктерін енгізуге бағытталған ұсынымдар кешені негізделген.

Түйінді сөздер: мемлекеттік айыптаушы; экономикалық қылмыстар; қылмыстық процесс; сандық криминалистика; дәлелдер; форензик-технологиялар.

Abstract. This scientific paper provides a conceptual analysis of the procedural and tactical aspects of the prosecutor's activities in sustaining the state prosecution during the trial of cases involving economic offenses. The study identifies key destructive factors that diminish the effectiveness of prosecutorial supervision at this stage, ranging from the information redundancy of pre-trial proceedings to a lack of specialized competencies in the verification of financial statements and digital assets. Emphasis is placed on the implementation of modern forensic tools and digital forensics algorithms as a vector for the technological modernization of criminal prosecution. Based on a synthesis of law enforcement practice and theoretical tenets, a set of recommendations has been substantiated, aimed at improving the methodological support of prosecutorial activities and introducing progressive mechanisms for the professional motivation of supervisory officials.

Keywords: state prosecutor; economic crimes; criminal procedure; digital forensics; evidence; forensic technologies.

Исследование исторических аспектов эволюции института поддержания государственного обвинения позволяет формировать однозначные выводы о значимости и важности рассматриваемой сферы прокурорской деятельности.

Данная функция на всех этапах становления и развития органов прокуратуры относилась к числу наиболее приоритетных.

В современных условиях модернизации правоохранительной системы Республики Казахстан особое внимание уделяется повышению эффективности деятельности органов прокуратуры.

В Посланиях Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева неоднократно подчеркивается необходимость укрепления законности, повышения профессионализма сотрудников

правоохранительных органов и внедрения современных цифровых инструментов в сферу уголовного судопроизводства [3].

В этом контексте институт поддержания государственного обвинения выступает важнейшим механизмом реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности и обеспечения справедливости судебного разбирательства. Развитие данной функции напрямую связано с совершенствованием профессиональных компетенций прокуроров, повышением качества доказательственной деятельности и укреплением доверия общества к системе правосудия [2].

В определенной степени это обусловлено ассоциативным восприятием обществом образа прокурора именно как государственного обвинителя.

Современные новостные ресурсы и социальные сети, освещаая результаты наиболее значимых и резонансных уголовных дел, также способствуют формированию устойчивого представления о прокуроре прежде всего как о представителе государства в суде, осуществляющем функцию уголовного преследования.

Судебная практика подтверждает, что преступления в сфере экономики представляют собой одну из наиболее трудоемких категорий дел в массиве рассматриваемых уголовных правонарушений.

Как правило, участие по делам данной категории обеспечивается наиболее опытными и подготовленными сотрудниками органов прокуратуры, а само судебное разбирательство нередко длится на протяжении многих месяцев, поскольку материалы уголовных дел могут включать десятки, а иногда и сотни томов.

Эффективность реализации данной функции определяется не только уровнем профессиональной подготовки государственного обвинителя, но и его способностью системно анализировать значительные массивы доказательственной информации, выстраивать логически последовательную структуру обвинительной аргументации и своевременно реагировать на процессуальные действия стороны защиты [3].

В условиях усложнения экономических преступлений и появления новых форм финансовых правонарушений деятельность государственного обвинителя требует междисциплинарных знаний, включающих элементы финансового анализа, цифровой криминалистики и работы с электронными доказательствами.

Проблемы с которыми сталкивается государственный обвинитель при поддержании обвинения относятся к категории организационного плана, обусловлены складывающейся практикой и характерны практически для всех регионов нашей страны. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

Первая проблема связана с большим объемом материалов досудебного расследования. Стоит отметить, что несмотря на назначение по делам процессуальных прокуроров, на практике, не во всех случаях, поддержание государственного обвинения обеспечивается именно этим сотрудником.

Данные причины носят преимущественно объективный характер: ротация кадров, командировки, временная нетрудоспособность или увольнение сотрудников. Зачастую участие процессуального прокурора становится невозможным и из-за дефицита штатных единиц.

В таких случаях возникает сопутствующая проблема: сменивший коллегу государственный обвинитель объективно не владеет материалами дела в той же мере, что требует от него дополнительного времени на изучение томов в перерывах между заседаниями.

Большим подспорьем для него является наличие у следователя дела в оцифрованном виде, вместе с тем, если у него нет такой возможности, ему приходится изучать дело непосредственно в суде и только в рабочее время суда, что также создает определенные неудобства.

Специфика поддержания государственного обвинения по данной категории дел обусловлена необходимостью анализа значительного массива финансовой документации, не вся из которых обладает доказательственным значением и может быть вовлечена в орбиту судебного следствия.

В частности, определенную сложность для государственных обвинителей представляет классификация бухгалтерских документов (распорядительных, оправдательных, документов учетного оформления и иных) с точки зрения их процессуальной релевантности.

При этом, по делам экономической направленности зачастую возникает потребность исследования такой документации наряду с допросом свидетелей.

Так, по уголовному делу в отношении Т. и других по факту хищения субсидий, выделенных крестьянским хозяйствам Костанайской области для приобретения и установки солнечных панелей и оборудования к ним, материалы досудебного расследования содержали большое количество таких документов как заявки сельхозтоваропроизводителей на получение субсидий.

К заявкам прилагались акты первичного осмотра, акты введения в эксплуатацию, документы технической спецификации оборудования для обводнения пастбищ.

Судебное следствие по данному делу показало, что самым удобным вариантом исследования приведенных документов был одновременный допрос в качестве свидетелей - глав крестьянских хозяйств от имени которых подавались заявки на информационную платформу Управления сельского хозяйства.

При таких обстоятельствах, одновременно, получая необходимые сведения от свидетелей и из исследованной документации, государственному обвинителю следует предложить суду исследовать протоколы осмотров мест происшествий по каждому крестьянскому хозяйству в раздельности для того, чтобы была возможность представить на обозрение свидетелям обстановку с зафиксированным на ней оборудованием, при этом попутно выясняя: функционировала она или нет, производилось ли подключение, кто производил установку оборудования и другие соответствующие вопросы.

Такая тактика вполне оправдана по делам экономической направленности в ходе расследования которых производились осмотры объектов, оборудования, складских помещений, терминалов.

Следующая проблема состоит в том, что руководствуясь постулатом «Бремя доказывания лежит на стороне, приводящей свои доводы», суд возлагает на прокурора вопрос обеспечения явки свидетелей, стороны обвинения. По делам рассматриваемой категории их количество может составлять десятки, а то и сотни человек.

Существенное затруднение для судебного разбирательства представляет обеспечение явки свидетелей и потерпевших, проживающих в отдаленных сельских районах. Данный вопрос частично разрешается посредством дистанционного допроса с применением систем видеоконференцсвязи и мобильных приложений. Однако техническая реализация данных процессуальных действий зачастую осложнена нестабильным интернет-соединением в регионах, что препятствует обеспечению надлежащего качества трансляции, четкой аудиовизуальной фиксации и, как следствие, соблюдению стандартов судебного допроса.

Нельзя не отметить, также проблему психологического выгорания государственного обвинителя, который зачастую принимает участие по делу на протяжении длительного времени, иногда более года.

Наибольшую утомляемость вызывают при этом повторяющиеся по своей фабуле эпизоды, непрекращающееся нервное напряжение, высокий уровень ответственности, необходимость постоянной отчётности перед руководством, сложности, возникающие в суде с обеспечением явки свидетелей и т.д. Все эти факторы существенно влияют на морально-психологическое состояние сотрудника прокуратуры и должны учитываться как его непосредственным руководством, так и кадровой службой подразделения, при его наличии.

Одной из возможностей нивелирования влияния вышеуказанных проблем при поддержании государственного обвинения является тщательное планирование поддержания государственного обвинения и судебного разбирательства в целом.

В научной литературе отмечается многоаспектность процесса планирования деятельности прокурора в суде.

Так, Кириллов Н.П. указывает на необходимость разработки как общего плана участия в разбирательстве, так и вспомогательных планов. К последним он относит график исследования доказательств, схематичное отображение преступных связей, расчеты по предъявленным гражданским искам, а также детализированные планы обвинения по конкретным эпизодам преступной деятельности [1, с.192].

Особо хотелось бы выделить план выстраивания контраргументов прокурора. По делам данной категории зачастую сторона защиты избирает тактику дачи показаний подсудимым в конце судебного следствия для того, чтобы оценить имеющийся арсенал доказательств стороны обвинения, выстроить линию защиты и определить её тактику.

В этой связи государственному обвинителю необходимо заблаговременно спрогнозировать возможную линию защиты, а также характер и содержание показаний подсудимого, основываясь при этом на исследованных доказательствах.

Кроме того, государственному обвинителю целесообразно заблаговременно проанализировать потенциальные ходатайства и доводы оппонентов. Ориентирами в данном случае служат письменные обращения адвокатов на стадии досудебного производства, а также содержание их вопросов в ходе судебного разбирательства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос чрезмерной нагрузки на прокурора из-за регулярных оперативных планерок у руководства, посвященных анализу хода процесса. Безусловно, такая форма контроля оправдана необходимостью методической поддержки прокурора.

Однако данные мероприятия следует проводить исключительно в рабочем формате, минимизируя бюрократическую нагрузку-подготовку излишних справок, протоколов и иной отчетности, если в них нет реальной потребности.

В качестве мотивации деятельности государственных обвинителей, стимулирования их профессионального развития хотелось бы предложить разработать отдельный механизм поощрения сотрудников, обеспечивающих прокурорский функционал в этой сфере.

К примеру, введение системы нагрудных знаков, с указанием количества уголовных дел, рассмотренных с участием данного сотрудника (100, 200, 500, 1000).

Речь идет не о приоритете статистических показателей, а о поддержке инициатив по повышению качественного уровня прокурорской деятельности. Представляется необходимым создание условий для реализации профессионального потенциала сотрудников и их стремления к самосовершенствованию.

В случае возникновения вопроса о том, какие привилегии могут иметь место для сотрудника, обеспечившего вышеприведенные числовые показатели, то можно предусмотреть возможность прохождения сотрудником престижных курсов повышения квалификации либо профессиональной переподготовки за счет государства, в том числе на зарубежных образовательных платформах, естественно по согласованию с руководством.

Особое значение совершенствование деятельности государственного обвинителя по уголовным делам об экономических преступлениях приобретает в контексте реализации положений Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, предусматривающей повышение эффективности уголовного преследования, укрепление принципа неотвратимости ответственности и дальнейшее совершенствование механизмов обеспечения законности [4].

Актуальность рассматриваемого вопроса подтверждается и статистическими данными.

В 2024 году в Республике Казахстан в сфере экономической деятельности зарегистрировано 940 уголовных правонарушений, общий размер причиненного ущерба по которым составил 489 307 353,8 тенге, при этом 529 уголовных дел были направлены в суд.

За десять месяцев 2025 года зарегистрировано 831 уголовное дело на сумму ущерба 451 030 055,95 тенге, из которых 352 дела переданы для судебного рассмотрения [5].

Приведенные показатели наглядно свидетельствуют о значительном масштабе и сложности расследования экономических преступлений, что, в свою очередь, объективно повышает требования к качеству и эффективности поддержания государственного обвинения в суде.

В этой связи представляется целесообразным расширение профессиональной подготовки государственных обвинителей посредством прохождения специализированных курсов по цифровой криминалистике, основанных на применении современных форензик-технологий.

Указанное направление научно-практической деятельности направлено на выявление и анализ следов противоправной финансовой активности, включая факты кибермошенничества, незаконного оборота денежных средств, подозрительных финансовых транзакций, а также схем по легализации и обналачиванию денежных средств.

Следует отметить, что в научной литературе форензик-подход нередко рассматривается как эффективный инструмент выявления и предупреждения внутренних финансовых злоупотреблений в организациях.

Данное обстоятельство позволяет рассматривать применение соответствующих методов в качестве перспективного направления совершенствования практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о финансово-экономических преступлениях.

Выводы:

- целесообразно на систематической основе проводить специальные курсы повышения квалификации для сотрудников прокуратуры по вопросам поддержания государственного обвинения по делам экономической направленности.

- имеется объективная необходимость разработки специализированной методики поддержания государственного обвинения по данной категории уголовных дел.

- представляется оправданным разработка механизмов стимулирования сотрудников прокуратуры, обеспечивающих поддержание государственного обвинения по сложным и многоэпизодным уголовным делам.

Список использованных источников:

1. Кириллова Н. П. Поддержание государственного обвинения в суде: учебное пособие. — Москва: Юрлитинформ, 2019. — 192 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2026 г.) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК «Әділет». — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 08.04.2026).

3. Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2023 года // Официальный сайт Президента РК. — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 08.04.2026).

4. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 // Информационно-правовая система «Әділет». — [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 08.04.2026).

5. Статистические данные о состоянии преступности в сфере экономической деятельности за 2024–2025 годы // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. — Астана, 2025.

Нұрланова Гүлжан Нұрланқызы

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің магистранты,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.**ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУ ЗАҢНАМАСЫНДАҒЫ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУ ТІЛІ
ҚАҒИДАТЫН ІСКЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕСІ БОЙЫНША ОЛҚЫЛЫҚТАР**

Аннотация. Мақалада сот ісін жүргізу тілі қағидатын іске асырудың қазіргі жағдайы және қылмыстық сот ісін жүргізуде аудармашыны ұсыну қарастырылады, халықара лық тәжірибе талданып, қылмыстық сот ісін жүргізуде аударма қызметін жетілдіру бойынша қорытындылар жасалды, жетілдіруді және пысықтауды талап ететін аударма қызметін пайдалануға байланысты қылмыстық сот ісін жүргізудің аспектілері атап өтіледі. Демократиялық институттардың қызмет етуі және адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарын қорғау үшін сот ісін жүргізу тілі қағидатының маңыздылығына баса назар аударылды. Халықаралық қоғамдастықта аудармашының қызметтеріне ақы төлеу деңгейінің объективті көрінісін әзірлеуге бағытталған мәселе бойынша халықаралық тәжірибені салыстырмалы талдауға ерекше назар аударылады.

Сотта аударма қызметі материалдық-техникалық қамтамасыз ету бойынша қылмыстық сот ісін жүргізуде мемлекеттік қызметші мәртебесін бере отырып, «Сот аудармашылары туралы» арнайы Заңды қабылдау бөлігінде де жетілдіруді талап ететіні атап өтілді.

Түйінді сөздер: сот ісін жүргізу тілінің қағидаты, құқықтық кепілдік, құқық тар мен бостандықтарды қорғау, сот процесі, сот ісін жүргізу тілі туралы заңнама, сот актілері, азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакт, іргелі халықаралық құжаттар, адам құқықтарын қамтамасыз ету, ҚР Қылмыстық-процестік кодексі.

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние реализации принципа языка судопроизводства и предоставления переводчика в уголовном судопроизводстве, проанализирована международная практика, сделаны выводы по совершенствованию переводческой деятельности в уголовном судопроизводстве, отмечаются аспекты уголовного судопроизводства, связанные с использованием переводческой деятельности, требующие совершенствования и доработок.

Сделан акцент на значение принципа языка судопроизводства для функционирования демократических институтов и защиты прав и свобод человека и гражданина. Особое внимание уделяется сравнительному анализу международной практики по рассматриваемому вопросу, направленному на составление объективной картины уровня оплаты услуг переводчика в международном сообществе.

Отмечается, что переводческая деятельность в суде требует совершенствования как в части материально-технического обеспечения, так и в части принятия специального Закона «О судебных переводчиках» с наделением переводчиков в уголовном судопроизводстве статусом государственного служащего.

Ключевые слова: принцип языка судопроизводства, правовая гарантия, защита прав и свобод, судебный процесс, законодательство о языке судопроизводства, судебные акты, Международный пакт о гражданских и политических правах, основополагающие международные документы, обеспечение прав человека, Уголовный процессуальный кодекс РК.

Abstract. The article examines the current state of the implementation of the principle of the language of judicial proceedings and the provision of an interpreter in criminal proceedings, analyzes international practice, draws conclusions on improving translation activities in criminal proceedings, and highlights aspects of criminal court proceedings related to the use of translation activities that require improvement and refinement. The emphasis is placed on the importance of the principle of the language of judicial proceedings for the functioning of democratic institutions and the protection of human and civil rights and freedoms. Special attention is paid to a comparative analysis of international practice on the issue under consideration, aimed at compiling an objective picture of the level of payment for translation services in the international community. It is noted that translation activities in the court require improvement both in terms of material and technical support, and in terms of the adoption of a special law on judicial interpreters with the granting of the status of a civil servant to translators in criminal proceedings.

Keywords: the principle of the language of judicial proceedings, legal guarantee, protection of rights and freedoms, judicial process, legislation on the language of judicial proceedings, judicial acts, the International Covenant on Civil and Political Rights, fundamental international documents, ensuring human rights, the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan.

Сот ісін жүргізу тілі қағидатын қолдану сот процесіне қатысатын тұлғалардың құқықтары мен бостандықтарын қорғауды қамтамасыз етудің құқықтық кепілі болып табылатыны белгілі («Сот ісін жүргізу тілі қағидатын қолданудың кейбір мәселелері туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2016 жылғы 22 желтоқсандағы № 13 Нормативтік қаулысының 2-тармағы), ал «сот ісін жүргізу тілі туралы заңнама талаптарын сақтамау іс жүргізу заңын бұзудың мәні болып табылады және

шығарылған сот актілерінің күшін жоюға әкеп соғады» (Нормативтік қаулының 13-тармағы), (Нормативтік қаулының 1, 23-тармағы) [1].

Заңнамада (Қылмыстық процестік кодексте, ҚР ҚК Нормативтік қаулы ларында және басқа да нормативтік құқықтық актілерде) сот ісін жүргізу тілі қағидатын іске асыру туралы нормалардың бекітілгеніне қарамастан, іс жүзінде қаралып отырған саладағы заңнамада олқылықтардың бар екенін көрсететін сот ісін жүргізу тілін қолдану саласында бірқатар көкейкесті мәселелер бар [2].

Негізгі бөлім. Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің (бұдан әрі - Пакті) 14-бабы 3-тармағының а) тармақшасына сәйкес «әрбір адамның өзіне тағылған кез келген қылмыстық айыптауды қарау кезінде, ең кем дегенде, төменде көрсетілген, толық теңдік негізінде берілетін кепілдік терге: өзіне тағылған айыптаудың сипаты мен негізі жөнінде өзі түсінетін тілде толық және дереу хабардар етілуіне құқығы бар».

Осы Пактінің осы бабының 3-тармағының f)-тармақшасына сәйкес әрбір адам, егер ол сотта пайдаланылатын тілді түсінбесе немесе сол тілді білмейтін болса, аудармашының көмегін тегін пайдалануға құқылы [3].

Адам құқықтарын қамтамасыз ету саласындағы негіз қалаушы халықаралық құжаттарға жүгіне отырып, біздің елімізде жоғарыда аталған құқықтық актінің нормалары сақталады және қылмыстық сот ісін жүргізу саласына тартылған адамдарға аудармашы ұсынылады деген тұжырым жасауға болады.

Мәселен, қолданыстағы ҚР Қылмыстық процестік кодексінің 30-бабының 3-бөлігіне сәйкес іс бойынша іс жүргізілетін тілді білмейтін немесе жеткілікті түрде білмейтін іске қатысатын адамдарға ана тілінде немесе өздері білетін басқа тілде мәлімдеме жасау, түсініктемелер және айғақтар беру, өтінішхаттар мәлімдеу, шағымдар беру, сот актілеріне дау айту, іс материалдарымен танысу, сотта сөз сөйлеу; осы Кодексте белгіленген тәртіппен аудармашының, есту қабілеті бойынша мүгедектігі бар адамдар үшін ымдау тілі маманының көрсететін қызметтерін тегін пайдалану құқығы түсіндіріледі және қамтамасыз етіледі [2].

Осы баптың 4-бөлігінде қылмыстық сот ісін жүргізуге қатысатын адамдарға істің олар үшін қажетті, басқа тілде жазылған материалдарын қылмыстық сот ісін жүргізу тіліне аудару тегін қамтамасыз етіледі. Сот процесіне қатыса тын адамдарға сотта айтылғандардың басқа тілде болған бөлігінің сот ісін жүргізу тіліне аудармасы өтеусіз қамтамасыз етіледі.

Заңнамада тиісті нормалардың болуына қарамастан, іс жүзінде сот отырысына қатысу үшін аудармашыларды шақыру көбінесе «аяқ асты» болып жатады, сот саласында қызмет ететін аудармашылардың ішінде қызметі аударма сапасының стандартына сәйкес келмейтіндер де жеткілікті, сол себепті оларға процеске қатысушылар тарапынан бас тарту жарияланып жатады (осындайда өзімнің қызметім туралы айтатын болсам сотта ауызша аудармашы болып қызмет еткен 12 жылдың ішінде маған бірде бір рет сапасыз аударма көрсетуге байланысты бас тарту болған емес тек барлық қатысушылар, судья, прокурорлар, адвокаттар тарапынан алғыстар айтылады және мен Астана қаласының соттар қызметін қамтамасыз ету департаментінің Алғыс хатымен марапатталғанмын), сондай-ақ, аударылған мәтіннің бастапқы сөйлеу тіліндегі мағынасына сәйкес келмейтін жағдайлар да жиі кездесіп тұрады, соттарда кәсіби лингвисттік жабдықтың болмауына байланысты, қылмыстық сот ісін жүргізуде ілеспе (синхронды) аударма мүлдем қолданылмайды, ал ол қылмыстық істі жүргізуді екі есе рет оңтайландыратын бірден бір тиімді шара болар еді, себебі көптеген процестер бойынша сот ісін жүргізу бір айдан алты және одан да көп айларға созылады және дәйекті аударманы қолдану процесті жүргізу уақытын кемінде екі есе ұлғайтады; аудармашы алдымен сот ісін жүргізу тілінде айтылғанды күтіп, содан кейін сот отырысы залында отырғандардың барлығы сол әрбір 10-20 минут сайын аудармашы сот ісін жүргізу тілінде айтылғанды аударылатын тілді қайталаған кезде аудармашының айтқанын күтуі керек, яғни, қылмыстық сот ісін жүргізуге жұмсалатын уақыт екі есе көп жұмсалады.

Қазіргі жалпыға ортақ цифрландыру дәуірінде соттарда аударманың осын дай түрі, яғни синхронды аударма және тиісінше, синхронды аудармаға қажетті құралдар күні бүгінге дейін қолданылмай келеді. Салыстыру үшін, қазіргі кезде маслихаттарда, мәжілісте, халықаралық конференцияларды өткізу кезінде синхронды аударма кеңінен қолданылуда.

Елімізде ірі халықаралық бизнес-форумдар мен басқа да маңызды іс-шараларды өткізу барысында ілеспе аудармаға арналған жабдық бұрыннан бері қолданылуда - кез келген қатысушы сөйлеуші спикердің сөзін құлаққап арқылы тыңдай алады, сол арқылы баяндамамен сөйлеп тұрған адамның сөйлеген ілеспе аударма арқылы сәйкесінше қазақ, орыс және ағылшын тілдеріне автоматты түрде аударылып тұрады - осылайша осындай іс-шараны өткізудің сапасы қамтамасыз етіледі,

сонымен қатар, іс-шараны өткізуге жұмсалатын уақыт та айтарлықтай оңтайландырылады, тиісінше егер қылмыстық іс жүргізу саласында сот ілеспе аударма түрі қолданылса ол қылмыстық процеске қатысушылардың мемлекеттік бюджеттен еңбекақы төлеуге жұмсалатын қаражаттың, қорғау тарапына төленетін гонорарлардың үнемделуіне ықпал етер еді.

Халықаралық тәжірибеге жасалған талдау барысында әлемнің көптеген дамыған елдерде кез келген адам сотта аудармашы болуға тартыла алмайтын дығы анықталды. Мәселен, Түркия, Германия, Бразилия, Бельгияда қылмыстық сот ісін жүргізуде тек «алқабилік аудармашы» деп аталатын сот аудармашысы мәртебесі бар аудармашы ғана қылмыстық сот ісін жүргізуге қатыса алады. Бұл ретте алқабилік аудармашы аталған елдерде заңды аударма деп саналатын аударма жасайды, себебі сот аудармашысының біліктілігі тиісті аккредитация органында расталады. Осындай мамандарға ерекше мәртебе берілген, себебі олар өздерінің кәсіби жарамдылығын растау үшін тиісінше тілді білу деңгейін анықтайтын емтиханын тапсырады және сотта ант беруі тиіс.

Қазақстан Республикасында қылмыстық соттардың штатына ауызша сот аудармашысы лауазымын енгізудің объективті қажеттілігі туындады деп нық сеніммен айта аламын, сонымен қатар сот аудармашыларын аккредитациядан өткізетін тәуелсіз аккредиттеуші ұйымды да құру қажет, осындай іс-шараларды қолдану арқылы аудармашылардың қызметіне мұқтаж адамдардың тиісті аккредитациядан өткен, белгілі бір соттың штаттық қызметкерлері болып табылатын, кезең сайын өз біліктілігін арттырып тұратын, жүйелі түрде еңбекақы алып тұратын және өз жұмысын сапалы орындайтын аудармашылардың сапалы аударма қызметтерін алуға қол жеткізуі үшін тиісінше жағдай жасау керек.

Осыған байланысты қолданыстағы заңнаманың тағы бір кем тұсын атап өту қажет: өзінің кәсіби қызметі арқылы Қазақстан Республикасында сот төрелігін жүзеге асырылуына ықпал ететін қылмыстық сот ісін жүргізудің барлық қатысушыларының мәртебесі тиісті Заңмен реттелген, яғни олардың: мәртебесі, функциялары, міндеттері, қызмет аясы, құқықтары мен міндеттері және басқа да мәселелер заң жүзінде бекітілген – тек сотта қызмет ететін аудармашылардың қызметі ғана ешқандай заңмен реттелмеген. Сотта аударманы жүзеге асыруға қатысты тек аудармашыларға ақы төлеуді реттейтін қаулы бар. Былтыр ғана, яғни тек 2025 жылы ғана алғаш рет Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігімен «Аудармашы» кәсіби стандарты қабылданған («Аудармашы» кәсіби стандартын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрінің 2025 жылғы 5 ақпандағы № 35 бұйрығы) [4].

Және осы орайда айта кететін жайт: қазіргі кезде қолданыстағы «Қылмыстық істер бойынша аудармаға тартылған аудармашыларға сыйақы төлеу тәртібі туралы» қаулының мәтіні алғашқы, яғни 1992 жылы қабылданған қаулының мәтінімен бірдей - яғни 34 жыл бұрын бекітілген аударма қызметінің бір сағатына жарты айлық есептік көрсеткіш мөлшерінде ақы төленетіндігі туралы нормалар күні бүгінге дейін қолданылуда, ал 1992 жылдан бері 34 жыл – ширек ғасырдан астам уақыт өтті және инфляция көрсеткіші едәуір өсіп, аударма шының еңбегінің бір сағатына жарты АЕК, яғни екі мың теңге төленуі тиімді еңбекақы деп айтуға келмейді [5].

Бұл ретте аудармашыларға бір сағат аударма қызметін жүзеге асыру үшін жарты айлық есептік көрсеткіш инфляцияны ескере отырып, аудармашының уақыты мен жұмсалған энергиясын баламалы өтеу болып табылмайды, ол өз кезегінде қылмыстық сот ісі саласында білікті мамандардың осындай аз еңбекақыға қызмет етуге деген қызығушылығын тудырмайды. Сонымен қатар, қазіргі кезде ауызша аудармашылардың күрделі қызметіне ақы төлену барысын дағы өлшемдестігі қағидаты бұзылуда – мәселен, Қазақстанда Қазақстанда бірдей аударма қызметі үшін қылмыстық сот ісін жүргізу саласында сот аударма шыларына 2 мың теңге төленсе аударма агенттігі арқылы дәл осындай аударма қызметін алу үшін аударма қызметіне мұқтаж тұлға 20 000 теңге төлейді. Күніне ауызша аудармашыларға (орысшадан қазақшаға, қазақшадан орысшаға аудару бағыты бойынша) 90 мыңнан 120 мыңға дейін еңбекақы төленеді. Осы орайда ауызша аудармашының еңбегі өте күрделі және аударма қызметі барысында энергия көп жұмсалатынын да айта кеткен орынды болар, себебі ауызша аудармашы бір мезетте ақпаратты бірден өңдеп басқа тілде айтуы тиіс, ол өз кезегінде назарда ұстап тұру қабілетінің барынша шоғырланылуын және эмоционалды тұрақтылықтың болуын талап етеді.

Ілеспе аударма нақты уақыт режимінде жұмыс істеуді қажет ететін әрі тез шаршауға әкеліп соғатын, ең күйзелісті қызмет түрлерінің бірі болып саналады.

Энергия жұмсаудың негізгі аспектілері:

- Когнитивтік жүктеме: Аудармашы бір мезетте сотта айтылатын көрсетулерді тыңдап, талдап, аударады, осындайда қысқа мерзімді жадының жоғары деңгейдегі жұмысы талап етіледі.
- Аударма қызметімен байланысты күйзеліс және жоғары жауапкершілік: ақпарат берудің дәлдігін қамтамасыз етуге деген жоғары жауапкершіліктен туындайтын эмоционалды шиеленіс.

- Физикалық шаршау: Дауыспен жұмыс істеу адамның дұрыс тыныс алуын талап етеді, ал ұзақ уақытқа созылатын сот процестері өз кезегінде аудармашыдан жоғары төзімділікті талап етеді.

- Синхронды аударма: Кабинада аудармашылар әр 20-30 минут сайын екі адам болып жұмыс істейді, өйткені ұзақ үздіксіз аударма қызметі ақыл-ой сарқылуынан аударма сапасының күрт төмендеуіне әкеледі.

Аудармашылардың ұзақ уақытта жұмыс қабілеттілігін ұстап тұру үшін стрессті болжай алу және басқару дағдыларын қоса алғанда, мамандандырылған даярлық қажет.

Сот аудармашыларының еңбегіне ақы төлеу мәселесі бойынша халықаралық тәжірибеге назар аударайық. Мәселен, АҚШ-та соттарда қаралатын істердің жүктемесі жоғары болғандықтан соттарда арнайы ауызша аудармашылардың штаты құрылған, олар бұйрық негізінде жұмысқа қабылданатын аудармашы лауазымы бірліктерінен тұрады [6].

Соттардың штатында қызмет ететін аудармашылардың еңбекақысы жылына \$30,000- \$80,000 - 16,5 млн. теңге - жылына 44 млн. теңге (айына тиісінше 1 375 000 теңгеден - 3 666 667 теңге). Ауызша және жазбаша сот аудармашыларға жылына \$100,000-нан астам - 55 млн. теңге (айына 4 583 333 т) дейін ақы төленеді.

Федералдық соттардың әкімшілік кеңсесі (қазақстандық Сот әкімшілігі департаментінің баламасы) аудармашылардың еңбегін пайдалану тәртібін, олардың біліктілігін, аудармашыларға төленетін еңбекақы тарифтерін және т.б. белгілейді, Сот аудармашыларының ұлттық дерекқоры - National Court Interpreter Database (NCID) құрылған.

2010 жылы АҚШ-тың сертификатталған және кәсіби сертификатталған/ сот аудармашыларының гонорарлары келесідей: \$388 толық жұмыс күніне ал сертификатталмаған аудармашыларға күніне \$ 187 төленеді, осындайда бірінші жарты күн үшін тиісінше \$210/\$ 103, екінші жарты күн үшін \$176/\$ 103; үстеме (бір күнде 8 сағаттан артық) - үстеме толық немесе толық емес сағат үшін \$55/\$ 32 төленеді [7, 96].

Коннектикут штатының Әділет департаментінің жазбаша және ауызша сот аудармасы қызметі өзінің штатындағы аудармашыларға келесі тарифтік мөлшер лемелер бойынша ақы төлейді: кесімді еңбекақы кезінде аудармашыларға сағатына \$15.93 төленеді, осындайда бір рет шақырған кезде аудармашыға кем дегенде 4 сағатқа ақы төленеді. Аудармашының сотқа дейінгі жолына жұмсалған шығын да ішінара төленеді. Аудармашы сотта алты айдан астам уақыт қызмет етсе оған медициналық сақтандыру да қоса төленеді.

Ал аудармашыға ұжымдық шарт негізінде ақы төленген кезде төленетін сома одан да көп: сағатына \$22.29, оған қоса сертификациядан өтпеген аудармашыларға әлеуметтік пакет те қоса төленеді: сағатына \$24.57. Медициналық сақтандыру 2 айдан кейін. Сотқа дейінгі жол шығыны да ішінара төленеді.

АҚШ-та аудармашыларға төленетін еңбекақы деңгейі де жоғары.

Канада елінде де аудармашыларының еңбекақысы жоғары. Мысалы, Онтарио провинциясында сот аудармашыларына \$25/сағат (13 750 т.т.) төленеді, бұл ретте аудармашы сотқа шақыртылғанда оған кем дегенде 3 сағат үшін ақы төленеді (41 250 т.т.) [7, 97].

Ұлыбританияда дүйсенбіден жұмаға дейінгі ауызша аударма қызметтерін көрсеткені үшін еңбекақы төлеудің тарифтік ставкалары қолданылады: бірінші сағатта £48 (бірінші сағат үшін 30 816 теңге), содан кейін: 8.00-ден 18.00-ге дейін - £16/сағат; 18.00-ден 08.00-ге дейін - £20/сағ., с еңбі күні: 1 сағатта £72, содан кейін: £26/сағ. төленеді.

Жексенбі және мереке күндері: бірінші сағатына £72, содан кейін: сағатына £32/сағ. төленеді. Осындайда ең кемі үш сағатқа бірден ақы төленеді (мысалы, дүйсенбіден жұмаға дейін 08.00 - 18.00 £48 + (2 x £16). Мобильдібейне конференц байланысы арқылы аударған жағдайда аудармашыға төленетін ақы сағатына £20 төленеді. Егер сотқа дейінгі жол 50 милядан асатын болса, жеңіл автокөлікпен келгені үшін аудармашының жол ақысы қосымша төленеді - әрбір миляға £23,8. Аудармашының автокөлігін автотұраққа тұрғызғаны үшін де ақы төленеді - қысқа мерзімді тұрақта £13 дейін.

Австралияда сотта қызмет ететін кәсіби ауызша аудармашыларға келесі мөлшерде ақы төлейді: жарты күнге (10-13 сағат) \$135/\$90–\$125; толық күнге (10-16 сағат) \$178 /\$150–\$165; құқықтық сипаттағы мәтіндерді жазбаша аударғаны үшін: алғашқы 100 сөз үшін \$36,3 және одан кейін 100 сөз үшін \$22,8. Австралияның кейбір штаттарында мемлекеттік сот аудармашылары қызметтері бар. Мемлекеттік аудармашылар қызметіндегі көкейкесті мәселелер - аудармашылардың әлеуметтік мәртебесінің төмендігі, еңбекақысының жеткіліксіздігі және мансаптық өсудің жоқтығы [7, 101].

Осылайша, басқа елдердегі сот аудармашылардың еңбекақысының деңгейі мен салыстырғанда Қазақстанда өылмыстық сот ісін жүргізу саласында қызмет ететін аудармашыларға төленетін еңбекақыс мөлшері өте төмен болып табылады - ауызша аударманың бір сағатына айлық есептік көрсеткіштің жартысы, яғни - 1 сағатқа 2 мың теңге ғана төленеді.

Осыған байланысты жоғарыда аталған аудармашыларға ақы төлеуді реттейтін Үкімет қаулысына өзгерістер енгізу және қылмыстық сот ісін жүргізу саласында қызмет ететін ауызша аудармашылардың еңбекақысы мөлшерін 1 сағатына 2 айлық есептік көрсеткіш (АЕК) төленуін көздейтін толықтыру енгізілуі ұсынылады.

Қаралып отырған саладағы қызметке қатысты тағы бір мәселе. Бүгінгі күні Қазақстанда аудармашылардан басқа Қылмыстық процестік кодексінде аталған сот құрамы мен сот ісін жүргізуге қатысушылардың қызметін реттелетін тиісті Заңдар қабылданған: «Судьялар және сот жүйесі туралы заң», «Прокуратура туралы заң», «Адвокаттық қызмет және заң көмегі туралы заң», «Алқабилер туралы заң», «Сот приставтары туралы заң», «Сот сараптамасы қызметі туралы заң» - тек аудармашының сот процесіндегі қызметі ғана арнайы Заңмен реттелмеген және жалпы аударма қызметі тиісті материалдық-техникалық базамен жабдыктандырылмаған, сот отырысының бірде-бір залында аударма шының сот процесіндегі қатысуына қатысты жағдайлар жасалмаған: мәселен, сот отырысы залында судьяның, прокурордың, адвокаттың және алқабилердің арнайы орындары белгіленген, олардың лауазымдары жазылған арнайы тақтай шалар да орнатылған, сот залында тек сот аудармашысының ғана орны белгілен беген, осындайда ауызша аударма қызметі кәсіби қызметтің күрделі түрлерінің бірі болып табылады және қылмыстық сот ісін жүргізуде сөйлеп тұрған қатысу шының ауызша айтқанының негізгі сәттерін сот отырысы залында дәптерге жазып отыруды көздейтіндігін атап өту керек, ал іс жүзінде аударма шыға сот залында арнайы ресми орын бөлінбеген, сонымен қатар, сот ісін жүргізу тіліне аударманың толықтығын, сапасын және жеделдігін қамтамасыз ететін лингафондық жабдықтар да орнатылмаған.

Осындайда қылмыстық сот ісін жүргізуге аудармашы қатысатындығы туралы нормалар 1997 жылы қабылданған Қылмыстық процестік кодексте де көзделгендігін атап өту керек – сол кезден бері 30 жылға жуық уақыт өтті, ал күні бүгінге дейін заңнамада сот аудармашысының мәртебесі бекітілмеген [8].

Қорытынды: Қисынды түрде «Сот аудармашылары туралы Заң» қабыл дануы керек деген тұжырым жасауға болады. Осындайда заңда сот аударма шысының мәртебесі, құқықтары мен міндеттерін, жауаптылық шегі, сот аудармашысының кәсіби қызметін жүзеге асыру стандарттары көзделуі тиіс және аталмыш заң сот аудармашысына штаттық кестеге сай ақы төленетін мемлекеттік қызметші мәртебесін бере отырып, оған штат кестесіне сәйкес ақы төленуімен қатар өзінің кәсіби міндеттерін адал әрі сапалы орындауға өзіндік ынталандыру және уәждеу қызметін атқарар еді. Және заңда аудармашыны соттың бірінші басшысының бұйрығы негізінде кезең кезеңмен іріктеуден өткен нен кейін қызметке қабылдау негіздемелелерін көздеу керек – сол арқылы аудар машының сотта қызмет етуге жарайтын кәсіби қабілеттері, жұмыс тәжірибесі және дағдылары да анықталатын еді.

Тиісті Заңды қабылдау, еңбекке ақы төлеу деңгейін арттыру және сот аудармашыларының мәртебесін арттыру сот жүйесіне сауатты, жоғары кәсіби аудармашыларды тартуға ынталандырады деген ойдамын.

Тек осындай жағдайда ғана сауатты білікті кадрлар халықаралық конферен цияларда ілеспе аудармашы болып емес, сот аудармашысы болып жұмыс істеуге қызығушылықтары арта түсетін еді, себебі қазіргі кезде осындай іс-шараларда ауызша аудармашылардың бір күніне төленетін еңбекақы (90-120 мың) сот саласында қызмет ететін аудармашыларға екі-үш айда төленетін еңбекақы мөлшеріне тең келеді, ол мүлдем әділдік қағидатына сәйкес келмейді.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. «Сот ісін жүргізу тілі қағидатын қолданудың кейбір мәселелері туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2016 жылғы 22 желтоқсандағы №13 Нормативтік қаулысы
2. «Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі» Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 жылғы 4 шілдедегі № 231-V ҚРЗ.
3. «Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактіні ратификация лау туралы» Қазақстан Республикасының 2005 жылғы 28 қарашадағы N 91 Заңы.
4. «Аудармашы» кәсіптік стандартын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрінің 2025 жылғы 5 ақпандағы № 35 бұйрығы
5. «Қылмыстық іс бойынша іс жүргізу кезінде адамдардың шыққан шығыстарын өтеудің кейбір мәселелері туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2014 жылғы 9 қазандағы № 1070 қаулысы

6. United States District Court, Southern District of New York жүгінген күні: 25.03.2026 ж. сағ. 15.30

7. Винников «О мировых закономерностях полицейского и судебного перевода»// Евразийская адвокатура №1 – 2013 г. с. 96-102

8. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі (күшін жойған) Қазақстан Республикасының 1997 жылғы 16 шілдедегі N 167 Кодексі. Күші жойылды - Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V Кодексімен

УДК 004.89:336.71:343.98

Омарбеков Мансур Карамендинович,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

Дәркенбай Максат Бейбітұлы,
главный криминалист Криминалистического управления
Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу,
г. Астана, Республика Казахстан

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ЭКСПЕРТИЗАХ: КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ АНАЛИЗА БАНКОВСКИХ ДАННЫХ

Аннотация. В статье исследуются возможности использования искусственного интеллекта (ИИ) в экономических исследованиях и судебных экспертизах, и деятельности службы экономических расследований Республики Казахстан. На основе анализа научных работ и практических потребностей авторы приходят к выводу о необходимости цифровизации экспертных процессов. Особое внимание уделено разработке интеллектуальной программы анализа банковских данных, поддерживающей различные форматы документов (Excel, Word, PDF, HTML и др.). Отмечаются этические и правовые аспекты применения ИИ в экспертизе, а также международный опыт США, ЕС и Китая. Подчеркивается, что разработка подобного программного продукта соответствует стратегическим установкам Послания Президента РК от 08.09.2025 года.

Ключевые слова: искусственный интеллект; судебно-экономическая экспертиза; криминалистика; цифровизация; Казахстан.

Аннотация. Мақалада жасанды интеллектіні (ЖИ) экономикалық зерттеулерде, сот сараптамаларында және Қазақстан Республикасының экономикалық тергеп-тексеру қызметінің қызметінде пайдалану мүмкіндіктері қарастырылады. Ғылыми еңбектер мен практикалық қажеттіліктерді талдау негізінде авторлар сараптамалық үдерістерді цифрландыру қажеттілігі туралы қорытындыға келеді. Excel, Word, PDF, HTML және басқа да құжат форматтарын қолдайтын банктік деректерді талдаудың зияткерлік бағдарламасын әзірлеуге ерекше назар аударылған. Сараптама саласында ЖИ қолданудың құқықтық және этикалық аспектілері, сондай-ақ АҚШ, Еуропалық Одақ және Қытайдың халықаралық тәжірибесі атап өтіледі. Осындай бағдарламалық өнімді әзірлеу 2025 жылғы 8 қыркүйектегі Қазақстан Республикасы Президентінің Жолдауында айқындалған стратегиялық бағдарларға сәйкес келетіні көрсетіледі.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; сот-экономикалық сараптама; криминалистика; цифрландыру; Қазақстан.

Abstract: The article examines the possibilities of using artificial intelligence (AI) in economic research, forensic economic examinations, and the activities of the Economic Investigations Service of the Republic of Kazakhstan. Based on the analysis of scholarly works and practical needs, the authors conclude that there is a necessity to digitalize expert processes. Particular attention is paid to the development of an intelligent banking data analysis program supporting various document formats, including Excel, Word, PDF, HTML, and others. The article also highlights the ethical and legal aspects of AI application in expert examinations, as well as the international experience of the United States, the European Union, and China. It is emphasized that the development of such a software product corresponds to the strategic priorities set out in the Address of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 8, 2025.

Keywords: artificial intelligence; forensic economic examination; criminalistics; digitalization; Kazakhstan.

Методологическую основу статьи составили формально-логический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, анализ научной литературы, обобщение практико-ориентированных подходов к производству экономических исследований и судебных экспертиз, а также моделирование архитектуры программного продукта. Указанные методы позволили, во-первых, определить актуальные проблемы экспертной и исследовательской деятельности в условиях цифровизации, во-вторых, соотнести технологические возможности искусственного интеллекта с требованиями законодательства Республики Казахстан и, в-третьих, предложить концептуальную модель интеллектуальной системы анализа банковских данных [2; 5; 6; 9; 10].

Развитие цифровых технологий радикально изменило характер экономической преступности. Все чаще противоправная деятельность реализуется через электронные платежи, дистанционные банковские сервисы, распределенные цепочки транзакций, номинальные компании и интернет-платформы. В результате существенно возрастают объем и сложность информации, которая подлежит

исследованию специалистом или экспертом. В Послании Президента Республики Казахстан от 8 сентября 2025 года особо подчеркнута необходимость активного внедрения искусственного интеллекта в сферу государственного управления, включая противодействие теневой экономике и коррупции [1]. Для сферы экономических исследований и судебных экспертиз данная установка имеет прикладное значение, поскольку требует перехода от преимущественно ручной обработки документов к интеллектуальным цифровым инструментам.

В научной литературе последовательно отмечается, что внедрение искусственного интеллекта в криминалистическую и судебно-экспертную деятельность должно рассматриваться не как технологическая дань моде, а как ответ на объективное усложнение предмета исследования [2; 3]. Для Казахстана этот вопрос имеет не только перспективный, но и практический характер: в работе Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу уже используются отдельные элементы интеллектуального анализа для выявления фиктивных счетов-фактур и компаний-«однодневок» [4]. Следовательно, речь идет не о принципиально новой для государства идее, а о необходимости ее дальнейшего институционального и методического развития применительно к судебно-экспертной и исследовательской практике.

Первая проблема связана с резким увеличением массивов анализируемых данных. В материалах уголовных дел о банковском мошенничестве, уклонении от уплаты налогов, выводе активов или легализации преступных доходов могут содержаться десятки тысяч транзакций, многочисленные бухгалтерские документы, договоры, счета-фактуры, налоговые формы, электронная переписка и выписки из нескольких банков. Ручная обработка такого объема информации требует значительного времени и неизбежно повышает риск пропуска существенных обстоятельств [5; 6].

Вторая проблема состоит в недостаточной унификации методик. По многим новым вопросам экономических исследований и судебных экспертиз отсутствуют единые детализированные алгоритмы анализа, в особенности когда объектами выступают электронные данные, смешанные массивы документов либо финансовые потоки, скрытые за многоступенчатыми транзитными операциями. На практике это ведет к зависимости результата от индивидуального опыта исполнителя, различиям в подходах и неодинаковой глубине исследования [5; 6].

Третья проблема обусловлена появлением новых цифровых способов сокрытия противоправной деятельности. Использование подставных компаний, дробление платежей, транзитное движение денежных средств, применение дистанционных сервисов и электронных кошельков затрудняют классический документальный анализ. Дополнительно усложняет ситуацию то обстоятельство, что значительная часть объектов существует исключительно в электронном виде и требует специальных процедур извлечения, структурирования и интерпретации.

Четвертая проблема имеет организационно-процессуальное измерение. Экономические исследования и судебные экспертизы нередко выполняются в ограниченные сроки, тогда как значительная часть рабочего времени расходуется на технические операции: систематизацию выписок, сверку реквизитов, перенос данных, группировку платежей, построение таблиц и сопоставление документов. В результате снижается ресурс, который специалист или эксперт может направить на собственно аналитическую и оценочную деятельность [6].

Практическая значимость проблемы для Казахстана проявляется, в частности, при исследовании дел, связанных с фиктивным документооборотом, обналичиванием денежных средств, сокрытием налогооблагаемой базы и использованием аффилированных контрагентов. В подобных ситуациях необходимо установить не только формальное наличие документов, но и экономический смысл операций, реальность хозяйственных связей, транзитный характер движения денег и конечных выгодоприобретателей. Именно на этом этапе наиболее востребованы цифровые инструменты, способные объединить разрозненные банковские и бухгалтерские данные в единую аналитическую картину.

Необходимость внедрения искусственного интеллекта в рассматриваемую сферу обусловлена прежде всего возможностью существенного ускорения обработки данных. Алгоритмы машинного обучения и правила интеллектуального анализа позволяют одновременно просматривать большие массивы транзакций, группировать их по заданным признакам, выделять аномальные операции и формировать первичные сигналы риска. Тем самым сокращается время, затрачиваемое на подготовительный этап исследования [5; 7].

Не менее важным является потенциал ИИ по выявлению скрытых взаимосвязей. Интеллектуальная система способна обнаруживать нетривиальные цепочки переводов, повторяющиеся шаблоны поведения, общие реквизиты, косвенные связи между счетами и участниками операций, которые трудно установить при последовательном ручном анализе. Для дел

экономической направленности это особенно ценно, поскольку финансовые схемы часто строятся на дроблении информации и распределении функций между несколькими субъектами.

Существенным преимуществом является и стандартизация аналитических процедур. При корректной настройке система может единообразно рассчитывать показатели, фиксировать основания выделения подозрительных операций, сохранять последовательность действий и формировать воспроизводимый цифровой след исследования. Такой подход способствует повышению объективности и снижению влияния случайных ошибок, вызванных утомляемостью или техническими просчетами исполнителя [5]. Показателен и зарубежный пример, когда специализированная платформа анализа финансовых данных обработала около 20 000 транзакций за пятилетний период в течение одних суток, что принципиально ускорило расследование мошенничества [7].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о целесообразности разработки специализированного программного продукта, ориентированного на обработку банковских и иных финансовых данных в целях аналитической поддержки экономических исследований и судебных экспертиз. С учетом Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» и Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы такая система должна строиться на принципах законности, прозрачности, объяснимости, подконтрольности и ответственности [9; 10]. Иными словами, программный продукт должен рассматриваться как инструмент поддержки специалиста, а не как средство автономного принятия процессуально значимых решений.

Функциональная архитектура подобной системы может включать несколько взаимосвязанных модулей. Первый модуль — импорт, верификация и предварительная обработка данных. Он должен обеспечивать загрузку и унификацию информации из наиболее распространенных форматов, включая Excel, Word, PDF, HTML и иные электронные источники. На этом этапе осуществляется нормализация реквизитов, очистка массива, устранение дублей и подготовка данных к дальнейшему анализу.

Второй модуль — интеллектуальный анализ транзакционной активности. Его назначение состоит в классификации финансовых операций, выявлении повторяющихся сценариев движения денежных средств, фиксации подозрительных платежных цепочек и формировании первичных индикаторов риска. Третий модуль — выявление аномалий и риск-индикаторов: признаков фиктивности хозяйственных операций, транзитного характера движения денег, искусственного дробления платежей, возможного обналичивания средств, использования номинальных либо подконтрольных юридических лиц, а также схем минимизации налоговых обязательств.

Четвертый модуль должен обеспечивать визуализацию финансовых потоков и субъектных связей. Графическое представление переводов, счетов, контрагентов и взаимосвязей между ними существенно облегчает выявление центров управления, промежуточных звеньев и повторяющихся маршрутов движения активов. Пятый модуль — автоматизированное формирование аналитических материалов: таблиц, диаграмм, карт связей, перечней риск-индикаторов и промежуточных выводов, значимых для последующего экспертного осмысления.

Шестой модуль связан с адаптивностью и интеграционным потенциалом системы. Перспективная архитектура должна предусматривать обновление алгоритмов, расширение сценариев выявления подозрительных операций, дообучение моделей на новых массивах данных, а также возможность интеграции с государственными и ведомственными информационными системами при строгом соблюдении требований информационной безопасности и законодательства о защите данных [9; 11; 12].

При всей очевидной перспективности искусственного интеллекта недопустимо рассматривать его исключительно через призму преимуществ. Во-первых, существует риск алгоритмических ошибок, связанных с качеством исходных данных, некорректной настройкой моделей или использованием упрощенных критериев аномальности. В результате система способна формировать как ложноположительные, так и ложноотрицательные сигналы, что особенно чувствительно в уголовном процессе, где любое ошибочное аналитическое заключение может повлиять на права участников производства [3; 9].

Во вторых, значимую проблему представляет так называемый эффект «черного ящика», когда пользователь получает результат анализа, но не может в полной мере проследить внутреннюю логику его формирования. Для сферы судебных экспертиз и исследований такая ситуация является методологически и юридически уязвимой, поскольку выводы должны быть проверяемыми, воспроизводимыми и доступными для оценки другими участниками процесса. Следовательно, применение ИИ возможно лишь при условии достаточной объяснимости результатов, журналирования операций системы и сохранения возможности последующей верификации человеком.

В третьих, отдельного внимания заслуживает вопрос юридической ответственности. Ответственность за содержание выводов исследования или экспертного заключения не может быть переложена на программный продукт. Искусственный интеллект не обладает процессуальным статусом и не заменяет лицо, обладающее специальными знаниями. Именно специалист либо эксперт должен интерпретировать полученные системой результаты, критически их оценивать, сопоставлять с материалами дела и формулировать окончательные выводы [9; 13].

В четвертых, применение таких систем связано с обработкой персональных данных, банковской и иной конфиденциальной информации. Поэтому их внедрение допустимо только при соблюдении требований законодательства Республики Казахстан о персональных данных, информатизации, надежности цифровой инфраструктуры и управлении рисками использования ИИ [9; 11; 12]. Иначе технологическое ускорение может сопровождаться нарушением режима конфиденциальности, избыточным вмешательством в частную сферу и снижением доверия к результатам исследования.

Международная практика подтверждает как высокий потенциал искусственного интеллекта, так и необходимость его правового и организационного ограничения. В США и странах Европейского Союза ИИ применяется прежде всего как средство повышения эффективности анализа больших массивов данных, включая финансовую информацию, при одновременном сохранении решающей роли человека в принятии итогового решения [3]. Китайский опыт демонстрирует наиболее высокие темпы внедрения интеллектуальных систем в правоохранительную и судебную деятельность, в том числе в части анализа доказательств и финансовых операций, однако и там подчеркивается вспомогательный, а не автономный характер таких технологий [8].

Для Казахстана из международного опыта вытекают три ключевых вывода. Во-первых, ИИ действительно способен радикально ускорять обработку банковских и иных финансовых данных. Во-вторых, технологическое внедрение должно сопровождаться нормативным регулированием, валидацией алгоритмов и процессуальными гарантиями. В-третьих, центральной фигурой при производстве исследования или экспертизы неизменно остается человек, а цифровая система выполняет вспомогательную аналитическую функцию [3; 8; 9].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Первое: цифровизация экономической преступности объективно требует модернизации подходов к производству экономических исследований и судебных экспертиз, поскольку традиционный ручной анализ уже не обеспечивает необходимой скорости и глубины обработки сложных финансовых массивов [1; 5; 6]. Второе: искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для ускорения обработки банковских данных, выявления скрытых связей и повышения стандартизации аналитических процедур, что делает его перспективным инструментом для практики расследования экономических правонарушений [3; 7]. Третье: наиболее обоснованной моделью является создание интеллектуальной системы аналитической поддержки, функционирующей под контролем специалиста или эксперта и не подменяющей их профессиональное суждение [9; 13]. Четвертое: эффективное внедрение таких решений возможно только при наличии объяснимости алгоритмов, верифицируемости результатов, журналирования действий системы и соблюдения требований законодательства о персональных данных, информатизации и использовании искусственного интеллекта [9; 11; 12].

В практическом плане представляется целесообразным: разрабатывать специализированные программные решения для анализа банковских данных с учетом типичных схем экономических правонарушений; апробировать их на контролируемых массивах информации; закреплять в методических материалах требования к использованию результатов автоматизированного анализа; а также рассматривать интеллектуальные системы как инструмент усиления, а не замещения судебно-экспертной и исследовательской деятельности. Именно такой подход в наибольшей степени соответствует задачам цифровой трансформации Республики Казахстан и позволяет совместить технологическую эффективность с правовыми гарантиями.

Список использованных источников:

1. Токаев К.-Ж. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию», 08.09.2025. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 01.10.2025).

2. Мальцев В.А., Муржина А.С., Сучкова Т.Е. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности // Вопросы современной науки и практики. Серия «Юридические науки». – 2023. – №2 (9). – С. 21–26, McCarthy, J., Minsky, M. L., Rochester, N., & Shannon, C. E. (2006). A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955. AI Magazine, 27(4), 12.
3. Europol. AI and Policing: The benefits and challenges of applying artificial intelligence in law enforcement. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/publication-events/main-reports/ai-and-policing> (дата обращения: 01.10.2025).
4. Бассарова О.В АФМ ищут нарушителей с помощью искусственного интеллекта // Kursiv.media. 03.03.2023. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://kz.kursiv.media/2023-03-03/lbsb-ii-afm/> (дата обращения: 01.10.2025).
5. Нарохина Е.И., Щербалёв А.А. Применение цифровых технологий в криминалистике // Научный лидер. 2025. №21(222).
6. Зайцева А.О., Печерица Е.В. Актуальные проблемы судебно-экономической экспертизы // XV Конференция посвящённая Будущему России. 2020. Страницы 1390-1397.
7. Расследование хищений в некоммерческой школе. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.valid8financial.com/lpp/forensic-accountants-ai-tools-handbook#s4> (дата обращения: 07.10.2025).
8. China / AI deeply embedded in criminal justice system // Oxford Institute of Technology and Justice // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.techandjustice.bsg.ox.ac.uk/research/china> (дата обращения: 07.10.2025).
9. Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230?> (дата обращения: 14.03.2026).
10. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 «Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы». // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592?> (дата обращения: 14.03.2026).
11. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года № 94-V. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094?> (дата обращения: 14.03.2026).
12. Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418?> (дата обращения: 14.03.2026).
13. Закон Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности» от 10 февраля 2017 года № 44-VI ЗРК. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000044?> (дата обращения: 14.03.2026).

УДК 347.963

Рахматуллаев Алибек Нуртазаевич
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
г. Косшы, Республика Казахстан

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правового регулирования в сфере строительства в Республике Казахстан. Особое внимание уделяется вопросам уголовной ответственности за правонарушения, связанные с хищением бюджетных средств, нарушением строительных норм и правил, а также злоупотреблениями должностными полномочиями при реализации строительных проектов. Проведен анализ действующих норм уголовного законодательства, регулирующих ответственность за преступления в строительной сфере. Выявлены отдельные пробелы правового регулирования, создающие предпосылки для совершения коррупционных преступлений. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства и повышению эффективности противодействия преступлениям в строительной отрасли.

Ключевые слова: строительство; уголовное законодательство; коррупционные преступления; бюджетные средства; технический надзор; ответственность.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасындағы құрылыс саласындағы қылмыстық-құқықтық реттеудің өзекті мәселелері қарастырылады. Автор құрылыс жобаларын іске асыру кезінде бюджет қаражатын жымқыру, құрылыс нормалары мен ережелерін бұзу, сондай-ақ лауазымды тұлғалардың қызметтік өкілеттіктерін теріс пайдалану сияқты құқық бұзушылықтар үшін қылмыстық жауаптылық мәселелерін талдайды. Зерттеу барысында қолданыстағы қылмыстық заңнама нормалары зерттеліп, құрылыс саласында сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылықтарының орын алуына ықпал ететін құқықтық олқылықтар анықталды. Зерттеу нәтижесінде құрылыс саласындағы қылмыстардың алдын алу және оларға қарсы күрес тиімділігін арттыруға бағытталған ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: құрылыс; қылмыстық заңнама; сыбайлас жемқорлық; техникалық қадағалау; бюджет қаражаты; жауаптылық.

Abstract. The article examines current issues of Criminal law regulation in the construction sector in the Republic of Kazakhstan. Particular attention is paid to criminal liability for offenses related to the embezzlement of public funds, violations of construction standards, and abuse of official powers during the implementation of construction projects. The author analyzes the provisions of criminal legislation governing liability for crimes in the construction sector and identifies legal gaps that create conditions for corruption and other offenses. Based on the results of the research, proposals aimed at improving criminal legislation and increasing the effectiveness of combating crimes in the construction industry are formulated.

Keywords: construction; criminal law; corruption crimes; budget funds; technical supervision; liability.

Строительная отрасль является одной из наиболее значимых сфер экономики, поскольку она обеспечивает развитие инфраструктуры, создание новых производственных мощностей, строительство жилья и развитие транспортной сети. В современных условиях государство реализует масштабные инфраструктурные проекты, направленные на повышение уровня социально-экономического развития.

В Республике Казахстан строительство крупных объектов, включая автомобильные дороги, социальные учреждения и жилые комплексы, финансируется как за счет частных инвестиций, так и за счет бюджетных средств. Значительные объемы финансовых ресурсов, направляемых в данную отрасль, нередко становятся объектом противоправных посягательств.

В этой связи особую актуальность приобретает анализ уголовно-правовых механизмов противодействия преступлениям в строительной сфере и разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые аргументирована потребность в создании специальной уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность для лиц, осуществляющих технический надзор. Кроме того, разработан и предложен механизм солидарной ответственности всех участников строительного процесса. В исследовании также представлен новый подход к внедрению цифровых технологий в систему уголовно-правового регулирования строительной отрасли.

Согласно Уголовному кодексу Республики Казахстан, принятому 3 июля 2014 года (№ 226-V ЗРК), за совершение преступлений, связанных со строительной деятельностью, установлена ответственность по нескольким статьям. Наиболее часто применяемыми нормами уголовного законодательства в рассматриваемой сфере являются:

1. статья 189 – присвоение или растрата вверенного чужого имущества;
2. статья 361 – злоупотребление должностными полномочиями;
3. статья 366 – получение взятки;
4. статья 367 – дача взятки;
5. статья 369 – служебный подлог [1].

Указанные преступления нередко совершаются при реализации государственных строительных проектов, в том числе при проведении государственных закупок и заключении подрядных договоров.

Одной из наиболее распространенных форм преступной деятельности является хищение бюджетных средств, выделяемых на строительство объектов инфраструктуры. Подобные правонарушения могут осуществляться путем завышения стоимости строительных работ, использования некачественных материалов либо фиктивного выполнения отдельных этапов строительства. Как отмечает С. В. Бородин, подобные механизмы типичны для экономических преступлений и часто сопровождаются коррупционными связями между субъектами предпринимательской деятельности [2].

Ключевое значение для обеспечения высокого качества строительных работ имеет система технического надзора, правовые основы которой определены в Законе Республики Казахстан от 16 июля 2001 года № 242-III «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности» [3]. Вместе с тем, в действующем законодательстве отсутствует чёткая детализация уголовной ответственности, возлагаемой на специалистов технического надзора. Этот пробел ослабляет эффективность контрольных механизмов и способствует возникновению коррупционных рисков.

Помимо этого, в Уголовном кодексе Республики Казахстан отсутствует отдельная статья, устанавливающая наказание за регулярные нарушения строительных норм, если они привели к серьёзным последствиям или создали угрозу для жизни и здоровья людей. Ещё одной значимой проблемой остаётся низкий уровень цифровизации строительного контроля, что осложняет оперативное обнаружение и предотвращение нарушений.

Вместе с тем, анализ уголовного законодательства Республики Казахстан, а также нормативных актов, регулирующих архитектурную, градостроительную и строительную деятельность, свидетельствует о недостаточной детализации ответственности специалистов технического надзора за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей.

Кроме того, отраслевое законодательство не формирует чёткой и прямой связи между нарушением профессиональных стандартов и наступлением уголовно-правовых последствий. Отраслевое законодательство и нормы Закона Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции» не устанавливают четкой корреляции между нарушениями профессиональных обязанностей и наступлением уголовно-правовых последствий [4].

На практике это приводит к тому, что основная тяжесть ответственности за выявленные нарушения ложится на подрядные организации. В то же время правовой статус и степень ответственности контролирующих лиц остаются неопределёнными. Такая правовая неопределённость ослабляет эффективность системы контроля и создаёт благоприятные условия для коррупционных проявлений. Как отмечает К.А. Мами, эффективное противодействие коррупции в Республике Казахстан требует не только ужесточения санкций, но и совершенствования механизмов правового регулирования и контроля за деятельностью уполномоченных субъектов [5].

Кроме того, в действующем уголовном законодательстве отсутствует специальная норма, предусматривающая ответственность за систематическое нарушение строительных стандартов, повлекшее значительный материальный ущерб либо угрозу жизни и здоровью граждан. По мнению Т. К. Кайржанова, отсутствие чёткой регламентации ответственности отдельных участников в уголовном законодательстве создаёт благоприятную почву для злоупотреблений и существенно ослабляет профилактическое воздействие уголовно-правовых норм [6].

Также одной из проблем является недостаточная цифровизация строительного контроля. Отсутствие эффективных цифровых инструментов мониторинга реализации строительных проектов существенно усложняет выявление правонарушений на ранних стадиях. Как справедливо подчёркивает С.С. Алексеев, пробелы в законодательстве и его недостаточная определённости снижают эффективность правоприменения и способствуют возникновению злоупотреблений. В связи

с этим особую актуальность приобретает вопрос совершенствования уголовно-правового регулирования в рассматриваемой области [7].

Для решения обозначенных проблем рекомендуется реализовать следующие меры:

1. Ужесточение наказания за хищения в строительстве. Внести поправки в статью 189 УК РК, выделив хищение бюджетных средств в строительной сфере как квалифицирующий признак, и увеличить максимальный срок лишения свободы до более 10 лет.

2. Введение отдельной ответственности для специалистов технического надзора. Дополнить Уголовный кодекс нормой, предусматривающей наказание за подписание заведомо ложных актов выполненных работ, если это привело к значительному ущербу или создало угрозу безопасности людей.

3. Установление принципа солидарной ответственности. Ввести норму, согласно которой подрядчик, заказчик и представитель технического надзора будут нести совместную (солидарную) ответственность за ущерб, возникший из-за нарушений строительных правил.

4. Цифровизация строительного контроля. Разработать и внедрить единую государственную информационную систему для мониторинга всех этапов реализации строительных проектов. Система должна включать обязательную фото- и видеофиксацию, а также использование BIM-технологий. Функции оператора системы возложить на уполномоченный государственный орган.

5. Ответственность за фальсификацию цифровых данных. Ввести уголовную ответственность за преднамеренное внесение недостоверной информации в электронные системы строительного контроля.

Реализация указанных мер позволит существенно повысить уровень правовой защищенности государственных интересов и снизить коррупционные риски.

Проведённый анализ свидетельствует, что строительная отрасль в Казахстане по-прежнему остаётся одной из наиболее подверженных криминогенным рискам. Это связано с значительными бюджетными вливаниями, сложной многоступенчатой структурой взаимодействия между участниками и недостаточной действенностью контрольных инструментов.

Исследование показало, что, несмотря на наличие в уголовном законодательстве норм, предусматривающих наказание за хищения, злоупотребления и коррупционные действия, оно не в полной мере адаптировано к специфике строительной сферы. В частности, выявлены пробелы, связанные с отсутствием отдельной уголовной ответственности для специалистов технического надзора, слабой детализацией их правового положения и отсутствием целостной системы распределения ответственности между всеми участниками строительного процесса.

В заключение подчёркивается, что модернизация уголовного законодательства должна носить комплексный характер. Её цель — устранение существующих пробелов, обеспечение прозрачности строительной деятельности и снижение коррупционных угроз. Внедрение предложенных инициатив позволит надёжнее защитить государственные интересы, обеспечить целевое расходование бюджетных средств и повысить качество и безопасность возводимых объектов.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК (дата обращения: 24.02.2026).
2. Бородин С. В. Преступления в сфере экономики. – Москва: Юрайт, 2019 (дата обращения: 24.02.2026).
3. Закон Республики Казахстан от 16 июля 2001 года № 242-II «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности» (дата обращения: 24.02.2026).
4. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции» (дата обращения: 24.02.2026).
5. Мами К. А. Комментарий к Конституционному закону Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан». – Алматы, 2012 (дата обращения: 24.02.2026).
6. Кайржанов Т. К. Уголовное право Республики Казахстан (Особенная часть). – Алматы: Жеті Жарғы, 2021 (дата обращения: 24.02.2026).
7. Алексеев С. С. Теория государства и права. – Москва: Норма, 2020 (дата обращения: 24.02.2026).

УДК 343.1

Сарсенбаев Азамат Серикович,

Помощник ректора по мобилизационной работе Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аннотация. В статье исследуется теоретический дискурс и исторический генезис мер процессуального принуждения. На основе анализа казахского обычного права выявлены альтернативные модели обеспечения процессуальных обязанностей (барымта, коллективная ответственность рода, поручительство), функционировавшие вне государственной монополии на принуждение, что позволяет переосмыслить эволюцию процессуальных институтов. Рассмотрены современные доктринальные подходы к пониманию сущности принуждения – от традиционного воздействия на поведение субъекта к концепции ограничения правового потенциала личности. Проанализированы классификации мер принуждения, дискуссионные вопросы их правовой природы и пределы применения, включая критерии соразмерности и целесообразности. Обоснован вывод о необходимости поиска баланса между публичными интересами (эффективность расследования, неотвратимость ответственности) и конституционными гарантиями прав личности, что предполагает дальнейшую гуманизацию процессуального законодательства.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, теоретический дискурс, казахское обычное право, барымта, коллективная ответственность рода, правовой статус личности, классификация мер принуждения, принцип пропорциональности, баланс публичных и частных интересов.

Аннотация. Мақалада процессуалдық мәжбүрлеу шараларының теориялық дискурсы мен тарихи генезисі зерттеледі. Қазақ әдет құқығын талдау негізінде мемлекеттік монополиядан тыс жұмыс істеген процессуалдық міндеттемелерді қамтамасыз етудің баламалы үлгілері (барымта, рудың ұжымдық жауапкершілігі, кепілдік) анықталды, бұл процессуалдық институттардың эволюциясын қайта қарауға мүмкіндік береді. Мәжбүрлеудің мәнін түсінудің заманауи доктриналық тәсілдері – субъектінің мінез-құлқына әсер етуден бастап, жеке тұлғаның құқықтық әлеуетін шектеу тұжырымдамасына дейін қарастырылған. Мәжбүрлеу шараларының жіктелуі, олардың құқықтық табиғаты мен қолдану шектерінің өзекті мәселелері, оның ішінде тиімділік пен мақсаттылық өлшемдері талданған. Жария мүдделер (тергеу тиімділігі, жауаптылықтың бұлтартпастығы) мен жеке тұлғаның құқықтық кепілдіктері арасындағы теңгерімді іздеу қажеттілігі туралы қорытынды негізделген, бұл процессуалдық заңнаманы одан әрі гуманизациялауды көздейді.

Түйінді сөздер: процестік мәжбүрлеу шаралары, теориялық дискурс, казактың дәстүрлі құқығы, барымта, рудың ұжымдық жауапкершілігі, жеке тұлғаның құқықтық мәртебесі, мәжбүрлеу шараларының жіктелуі, пропорционалдылық қағидаты, жария және жеке мүдделердің теңгерімі.

Abstract. The article examines the theoretical discourse and the historical genesis of procedural coercion measures. Based on the analysis of Kazakh customary law, alternative models of ensuring procedural duties (barymta, collective responsibility of the family, surety) have been identified that functioned outside the state monopoly on coercion, which allows us to rethink the evolution of procedural institutions. Modern doctrinal approaches to understanding the essence of coercion are considered, from the traditional influence on the behavior of the subject to the concept of limiting the legal potential of the individual. Classifications of coercive measures, controversial issues of their legal nature and limits of application, including criteria of proportionality and expediency, are analyzed. The conclusion is substantiated that it is necessary to find a balance between public interests (the effectiveness of the investigation, the inevitability of responsibility) and constitutional guarantees of individual rights, which implies further humanization of procedural legislation.

Keywords: measures of procedural coercion, theoretical discourse, Kazakh customary law, barymta, collective responsibility of the family, legal status of the individual, classification of coercive measures, the principle of proportionality, balance of public and private interests.

Институт мер процессуального принуждения является одним из ключевых в механизме правового регулирования, поскольку именно здесь наиболее остро сталкиваются публичный интерес (обеспечение эффективности правосудия) и частный интерес (неприкосновенность личности, защита ее прав и свобод).

Как отметил Президент Республики Казахстан К.К. Токаев, «в цивилизованной и прогрессивной стране законы должны быть справедливыми, власть – компетентной, а граждане – сознательными и активными. Значимость каждого государственного решения... должна измеряться конкретными делами» [1]. В данном контексте меры процессуального принуждения являются

ключевыми инструментами обеспечения эффективности уголовного судопроизводства и одновременно представляют наибольшую угрозу для прав и свобод личности на стадии досудебного расследования. Достижение баланса между этими двумя полюсами требует глубокого теоретического осмысления института.

Несмотря на многовековую историю изучения, в юридической науке отсутствует единство мнений относительно сущности, содержания и системы организации данного института.

Актуальность теоретического дискурса продиктована не только продолжающейся трансформацией процессуального законодательства (тенденции гуманизации против ужесточения практики), но и необходимостью переосмысления фундаментальных категорий в условиях вовлечения в орбиту судопроизводства новых субъектов, включая юридические лица.

Итак, понимание современной системы мер процессуального принуждения было бы неполным без обращения к историческим корням данного института. Анализ генезиса принуждения в правовой системе, не прошедшей длительной рецепции римского права, позволяет выявить альтернативные модели обеспечения процессуальных обязанностей, базирующиеся на общинных механизмах и родовой солидарности. В этом смысле казахское обычное право представляет собой уникальный материал для наблюдения за тем, как функции принуждения постепенно делегируются от социума формирующемуся государству.

Как отмечает Т.М. Культелеев, «в условиях отсутствия централизованного государственного аппарата и специализированных органов принуждения (полиции) до присоединения Казахстана к Российской империи меры процессуального характера носили преимущественно децентрализованный и самозащитный характер» [2, с.179]. Основным инструментом обеспечения явки ответчика в суд биев или исполнения судебного решения выступала барымта – насильственный угон скота.

С теоретической точки зрения, барымта представляет собой уникальный гибрид правонарушения и процессуального средства. В доктринальном понимании она рассматривалась не столько как криминальное деяние, сколько как легитимный способ «принудить доставить угнанный скот и захваченных в плен людей» или инициировать переговорный процесс между сторонами.

С позиций современной теории процессуального принуждения барымту можно квалифицировать как экстраординарную меру обеспечения иска и одновременно как способ создания условий для судебного разбирательства в безгосударственном обществе. Она выполняла функцию, аналогичную современному аресту имущества, но приводилась в действие силами самой заинтересованной стороны, а не государства.

Центральным элементом, обеспечивавшим функционирование всего процессуального механизма, выступала коллективная ответственность рода за действия своего члена. Данный институт является яркой иллюстрацией теории, согласно которой принуждение может воздействовать не напрямую на индивида, а на его правовой статус, неразрывно связанный со статусом рода.

В случае сокрытия виновного обязанность по возмещению ущерба (күн) или представлению правонарушителя суду биев возлагалась на его родственников. Юридическая конструкция была такова, что род выступал коллективным поручителем и гарантом процессуальной явки. Это создавало мощный внутрисистемный стимул: родственники, опасаясь разорения всего аула из-за солидарной ответственности, были кровно заинтересованы в применении внутриродового принуждения для выдачи преступника. Таким образом, государственное принуждение замещалось принуждением горизонтальным, что обеспечивало высокую эффективность без наличия репрессивного аппарата.

Наряду с коллективными формами источники фиксируют применение мер, адресованных непосредственно индивиду, что знаменует переход к персонализации ответственности. По мнению Т.М. Культелеева, «зафиксированы случаи отпуска подозреваемых «на поручительство» влиятельных лиц (султанов, биев). Поручители (аналогично современному личному поручительству) обязывались доставить обвиняемого в суд по первому требованию» [2, с.106]. Здесь мы видим зарождение института, основанного на авторитете и социальном капитале поручителя, который в случае нарушения обязательств терял лицо и влияние.

Существовали и примитивные формы лишения свободы, применявшиеся для обеспечения следствия и суда. Среди них – заключение в темницу (яму), привязывание к столбу или к решетчатому остоу юрты («кереге»), оставление связанным на солнцепеке или морозе [2, с.205]. С процессуальной точки зрения эти действия следует квалифицировать как протоформы задержания и содержания под стражей, лишённые, однако, формализованных процедур и сроков.

Бии и родоначальники обладали практически неограниченной дискрецией в применении силы для реализации судебных решений. Они могли санкционировать «поиски» виновного военными отрядами, что зачастую оборачивалось вооруженной расправой, легитимированной процессуальной

необходимостью. Важно отметить классовую природу этого принуждения: оно часто служило инструментом подавления и личного обогащения феодально-родовой знати.

Кардинальная трансформация института началась со второй половины XIX века, по мере интеграции казахских земель в правовую систему Российской империи. В этот период происходит формализация и огосударствление принуждения:

- вводятся регламентированные меры: отдача под надзор полиции, содержание под стражей на определенный срок (от 7 дней до месяца по Уложению о наказаниях 1845 г.), административная высылка;

- неявка в суд начинает официально квалифицироваться как самостоятельное наказуемое деяние;

- компетенция суда биев постепенно ограничивается в части применения наиболее жестких традиционных форм принуждения (особенно барымты), хотя на практике они сохранялись вплоть до начала XX века.

Советский период развития процесса характеризовался приматом публичного начала, что часто приводило к приоритету государственных интересов над правами личности. Классическая работа И.Л. Петрухина стала важным этапом переосмысления этой парадигмы, обосновав необходимость поиска допустимых пределов ограничений прав граждан [3, с.127].

Ряд авторов придерживается традиционного взгляда, согласно которому «принуждение – это механизм, с помощью которого государство рассчитывает претворить в жизнь требования закона в ситуации, когда обязанное лицо не выполняет или ненадлежащим образом выполняет установленные процессуальные обязанности» [4]. Цель такого воздействия – добиться нужного для судопроизводства результата в виде определенного поведения субъекта. Близкую позицию занимает А.А. Теппеев, определяющий принудительные меры как «действия, имеющие своей целью реализацию возбужденного уголовного судопроизводства и обеспечение установленного порядка его осуществления» [5]. В.С. Чистякова также связывала принуждение с необходимостью пресечения, нейтрализации и предупреждения неправомерного противодействия расследованию [6, с.3-11].

Существенную корректировку традиционного представления предлагает О.В. Гладышева. Она утверждает, что «принуждение оказывает воздействие не на поведение участников, а на их правовой статус. Корректировка поведения – это лишь следствие правоограничительного стеснения. Механизм принуждения выглядит как стесняющее воздействие на права, сужающее возможности лица в использовании своего правового потенциала для реализации законных интересов. Испытывая это неблагоприятное воздействие, субъект вынужден либо выполнить требуемое, либо продолжать испытывать правовое давление с нарастающей интенсивностью» [4]. Эта позиция представляется более глубокой, так как объясняет природу принуждения не как внешнего насилия над волей, а как создание правовой среды, в которой субъект самостоятельно выбирает модель поведения, минимизирующую правоограничения.

В ходе исследования подтверждается обоснованность позиции тех авторов, которые настаивают на отсутствии жесткой, неразрывной связи между применением мер принуждения и фактом совершенного правонарушения. Процессуальное принуждение все отчетливее осознается доктриной как самостоятельный институт, способный выполнять обеспечительные и превентивные функции вне зависимости от противоправного поведения участника процесса. Это позволяет рассматривать такие меры, как залог, подписка о невыезде или поручительство, не как санкции за прошлое деяние, а как инструменты управления процессуальными рисками.

В теории разработаны многочисленные классификации, существенно отличающиеся от законодательной. Некоторые авторы дают расширительное толкование мер принуждения, включая в них следственные действия (обыск, выемка, освидетельствование) [7, с.226]. Сторонники этой позиции утверждают, что весь уголовный процесс по своей сути является системой принуждения, поскольку даже вызов к следователю обеспечен потенциальной возможностью привода [8, с.41].

Противники широкого подхода, например, Б.Б. Булатов, В.В. Николук, настаивают, что «отождествление следственных действий с мерами принуждения неверно. Принуждение при производстве следственных действий выступает лишь составной частью и способом осуществления определенного следственного действия по собиранию доказательств, но не самоцелью» [9, с.47].

Законодатель в УПК РК (Раздел 4) закрепил классификацию, дифференцировав принудительные средства на три группы: задержание подозреваемого (Глава 17), меры пресечения (Глава 18) и иные меры процессуального принуждения (Глава 19) [10]. Отечественные процессуалисты обоснованно считают эту квалификацию верной, отмечая, что законодатель не пошел по пути включения в раздел 4 максимального числа принудительных средств, так как в ряде случаев (как в

следственных действиях) они являются неотъемлемым элементом иных процессуальных институтов [11], [12].

В ответ на усложнение системы принуждения О.В. Гладышева предлагает новый классифицирующий признак – по объему прав, на которые оказывается ограничительное воздействие. Эта классификация имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, помогая правоприменителю выбрать адекватную меру:

- универсальные меры – ограничивают всю совокупность основных гражданских прав (например, заключение под стражу, домашний арест);
- меры целевого воздействия – ограничивают определенную группу прав (например, залог ограничивает имущественные права, поручительство – связанность обязательствами);
- точечные меры – ограничивают отдельные права (подписка о невыезде – право на свободу передвижения; арест имущества – право распоряжения) [4].

Классическим примером теоретической коллизии является вопрос о правовой природе таких мер, как личное поручительство и отдача несовершеннолетнего под присмотр. И.М. Гуткин в свое время утверждал, что эти меры не являются мерами государственного принуждения, так как угроза ответственности адресуется не обвиняемому, а поручителям или родителям. Предупредительное воздействие обеспечивается силой морального воздействия, а не введением правовых ограничений в отношении самого обвиняемого [13, с.19]. Б.Б. Булатов убедительно возражал, утверждая, что, «несмотря на наличие морального воздействия, эти меры остаются процессуальными принудительными. Их выполнение обеспечивается силой государственного принуждения: если обвиняемый нарушает требования, возникает угроза применения более строгой меры пресечения. Эта потенциальная угроза, оказывающая психическое воздействие на обвиняемого, и подтверждает процессуально-принудительный характер данных мер» [9, с.38].

Таким образом, в механизме принуждения возможно использование «посредников» (поручителей, родителей), но конечным адресатом государственного воздействия остается обвиняемый, чье поведение корректируется под страхом ухудшения его положения.

Дискурс о пределах принуждения является центральным в современной науке. Ученые призывают к детальной законодательной регламентации, чтобы принудительное воздействие не затрагивало интересы личности больше, чем это необходимо для выполнения задач судопроизводства. Ключевым принципом здесь выступает пропорциональность (соразмерность). Показательна тенденция смягчения законодательства: согласно ч.2 ст.138 УПК РК, при отсутствии оснований, перечисленных в статье 136 УПК РК, тяжесть совершенного преступления не может являться единственным основанием для избрания меры пресечения в виде содержания под стражей [10].

Принцип экономии принуждения, закрепленный в ч.1 ст.136 УПК РК, требует от следователя и суда выбора наименее ограничительного варианта. Это коррелирует с принципом соразмерности, предусмотренным Конституцией РК.

По нашему мнению, применение мер процессуального принуждения будет законным при соблюдении ряда условий:

- применение надлежащим субъектом;
- наличие процессуального решения (документа);
- соблюдение специальных условий (например, невозможность применения более мягкой меры);
- наличие фактических оснований – доказательств, исключающих домыслы и предположения.

Проведенный анализ теоретического дискурса и исторического генезиса мер процессуального принуждения позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Опыт казахского обычного права демонстрирует, что процессуальное принуждение может эффективно функционировать и вне государственной монополии – за счет механизмов общинной солидарности и коллективной ответственности. Институты барымты, родовой поруки и поручительства биев представляли собой децентрализованную, но действенную систему обеспечения процессуальных обязанностей. Вместе с тем исторические примеры произвольного заточения и бессрочного содержания под стражей предостерегают от безграничного усмотрения власти, обуславливая необходимость законодательной регламентации.

2. В современной доктрине происходит углубление понимания объекта принуждения: от воздействия на поведение – к ограничению правового потенциала личности. Корректировка поведения выступает следствием, а не целью правоограничений, что позволяет адекватнее объяснять природу превентивных мер и лучше согласуется с принципом пропорциональности.

3. Исследование подтверждает обоснованность подхода, разрывающего жесткую связь принуждения с правонарушением. Принуждение все более осознается как самостоятельный институт, выполняющий обеспечительные и превентивные функции, а его меры (залог, подписка, поручительство) – как инструменты управления процессуальными рисками, а не санкции за прошлое деяние.

4. Центральной проблемой остается поиск баланса между публичным интересом (эффективность правосудия) и гарантиями прав личности. Этот баланс обеспечивается принципами пропорциональности, экономии принуждения и детальной процессуальной регламентации, а также соблюдением выработанных доктриной условий законности применения мер.

Таким образом, исследование создает понятийный аппарат и выявляет исторические закономерности, значимые для совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Интеграция исторического опыта в современный теоретический дискурс позволяет более осознанно подходить к конструированию мер принуждения, обеспечивая движение к более справедливой, гуманной и одновременно эффективной модели процессуального принуждения, в которой государственное начало и механизмы социального контроля не исключают, а дополняют друг друга.

Список использованных источников:

1. Послание главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/politika/6490118-poslanie-prezidenta-narodu-kazakhstana--2025-polnyy-tekst.html> (дата обращения: 08.09.2025).
2. Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов: с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти // Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1955. – 302 с.
3. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности // Издательство: Наука: Москва. 1985. – 239 с.
4. Гладышева О.В. Уголовно-процессуальное принуждение и проблемы правообеспечения: теоретико-прикладной аспект // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – №1. – С.55-61.
5. Теппеев А.А. Меры уголовно-процессуального принуждения // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – №3. – С.179-180.
6. Чистякова В.С. Законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения. М. – 1978. – 63 с.
7. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. - М., 1962. – 503 с.
8. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов, 1978. – 136 с.
9. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России) / Булатов Б.Б., Николук В.В. – М.: Спарк, 2003. – 180 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 17.01.2025).
11. Ахпанов А.Н. Проблемы уголовно-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования: дисс. . докт. юрид. наук. М, 1997. – 300 с.
12. Кенжетасов Ч.Д. Обеспечение предусмотренного УПК Республики Казахстан порядка расследования, судебного разбирательства по уголовным делам как цель применения мер принуждения (краткий анализ) // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2015. – №5(41). – С.56-60.
13. Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе.- М. – 1963. – 43 с.

УДК 34.343.12:03

Тулеева Аида Жаслановна,
магистрант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРЕСТОВАННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового режима арестованных денежных средств в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. Проанализированы нормы уголовно-процессуального и исполнительного законодательства, регулирующие наложение ареста и обращение взыскания на денежные средства. Обоснована необходимость формирования механизма эффективного управления арестованными средствами через отдельные процедуры исполнительного производства. Выявлены пробелы правового регулирования, связанные с длительным хранением денежных средств без экономического оборота и рисками их обесценивания. Предлагается концептуальная модель временного размещения арестованных сумм на депозитных счетах с сохранением гарантий прав участников уголовного судопроизводства. Сделаны выводы о целесообразности межотраслевой гармонизации уголовно-процессуальных и исполнительных процедур в целях обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: арест имущества; денежные средства; уголовный процесс; исполнительное производство; депозитный счет; обеспечение иска; конфискация; процессуальные гарантии.

Анотация. Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық процесіндегі қамауға алынған ақшалай қаражаттың құқықтық режимінің өзекті мәселелері қарастырылады. Ақшалай қаражатқа тыйым салу және өндіріп алу тәртібін реттейтін қылмыстық-процестік және атқарушылық заңнаманың нормалары талданған. Атқарушылық іс жүргізу құралдарын пайдалана отырып, қамауға алынған қаражатты ұтымды пайдалану тетігін қалыптастыру қажеттілігі негізделеді. Ұзақ уақыт бойы экономикалық айналымсыз сақталуына және құнсыздану тәуекелдеріне байланысты құқықтық реттеудегі олқылықтар айқындалды. Процесс қатысушыларының құқықтық кепілдіктерін сақтай отырып, қамауға алынған сомаларды депозиттік шоттарда уақытша орналастырудың тұжырымдамалық моделі ұсынылады. Қоғамдық және жеке мүдделер теңгерімін қамтамасыз ету мақсатында қылмыстық-процестік және атқарушылық рәсімдерді үйлестіру қажеттілігі туралы қорытындылар жасалған.

Түйінді сөздер: мүлікке тыйым салу; ақшалай қаражат; қылмыстық процесс; атқарушылық іс жүргізу; депозиттік шот; талап қоюды қамтамасыз ету; тәркілеу; процестік кепілдіктер.

Abstract. The article examines current issues of the legal regime of seized funds in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan. The norms of criminal procedure and enforcement legislation governing seizure and recovery of funds are analyzed. The necessity of forming a mechanism for rational use of seized funds through certain enforcement instruments is substantiated. Legal gaps related to the long-term storage of funds without economic turnover and the risks of depreciation are identified. A conceptual model for temporary placement of seized amounts in deposit accounts while preserving procedural guarantees is proposed. Conclusions are drawn about the expediency of intersectoral harmonization of criminal procedural and enforcement procedures to ensure a balance between public and private interests.

Keywords: seizure of property; funds; criminal procedure; enforcement proceedings; deposit account; securing a claim; confiscation; procedural guarantees.

Современное уголовно-процессуальное и исполнительное законодательство ориентировано на эффективное обеспечение имущественных интересов государства и потерпевших лиц. Одной из ключевых проблем правоприменительной практики является управление арестованными денежными средствами, которые приостанавливают своё участие в экономическом обороте на период уголовного преследования. Согласно данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан за последние три года органами уголовного преследования арестовано и изъято имущество на сумму 330 млрд тенге, из которых 318 млрд тенге – по делам, направленным в суд. В тот же период в рамках досудебного расследования возмещён ущерб на сумму 1,025 трлн тенге [1]. Значительная часть этих активов представлена ликвидными денежными средствами, которые не вовлечены в банковский оборот и не генерируют доход, что влечёт дополнительные расходы государства на их обслуживание.

Актуальность статьи определяется необходимостью выработки эффективных правовых механизмов, обеспечивающих не только сохранность таких активов, но и их рациональное использование в интересах потерпевших, государства и самого уголовного судопроизводства.

Материалы и методы. В качестве методологической базы использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Нормативную правовую базу исследования составили Конституция Республики Казахстан, Закон Республики Казахстан «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей», Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан и Рекомендации ФАТФ (Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF/ФАТФ). В качестве теоретической основы изучены труды ученых как: В.К. Булдакова, Р.Г. Хасаншина, В.Б. Искандиров и др.

Основная часть. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Закона Республики Казахстан «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» (далее – Закон) исполнительное производство – меры, направленные на принудительное исполнение исполнительных документов с взысканием с должника исполнительской санкции, пени, расходов по исполнительному производству, оплаты деятельности частного судебного исполнителя [2].

Исполнительное производство содержит более развитые механизмы обращения взыскания на денежные средства должника. Представляется обоснованным использование отдельных инструментов исполнительного производства в уголовном процессе на стадии обеспечения имущественных требований.

Как утверждает Булдакова В.К., «...возрастает значимость работы органов предварительного расследования по обеспечению возмещения вреда, так как именно на стадии предварительного расследования могут быть реализованы меры, направленные на обнаружение похищенного имущества, принятие и обеспечение исковых требований о возмещении причиненного преступлением вреда, закладывается основа для последующего реального восстановления нарушенных преступлением имущественных прав потерпевшего» [3].

Рассматривая вопрос обеспечения гражданских прав потерпевших, отметим мнение Хасаншиной Р.Г. о том, что «институт возмещения вреда лицу является основополагающим комплексным межотраслевым правовым институтом, который вызывает много вопросов как у теоретиков, так и у практиков» [4].

Искандирова В.Б. рассматривала наложение ареста на имущество как процессуальное принудительное действие, которое имеет двойственную процессуальную природу, так как оно осуществляется как по инициативе следователя, так и по поручению других участников уголовного судопроизводства, имеет целью обеспечить исполнение судебного решения, запретить отчуждение и укрытие имущества заключается в установлении запрета владельцу имущества распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, или в принудительном изъятии имущества с передачей на хранение его владельцу или другому лицу [5].

Современная правоприменительная практика выявляет проблему, связанную с управлением денежными средствами в уголовном процессе. Потеря перспективы экономического потенциала арестованных средств. Денежные средства находясь на банковских счетах, не участвуют в инвестиционной или кредитной деятельности, не приносят процентов и фактически изымаются из финансового оборота. Это приводит к двойным потерям: государство несёт затраты на их обслуживание, а экономика теряет потенциальный капитал.

Согласно рекомендации 4 Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег ФАТФ странам следует принять меры, позволяющие их компетентным органам замораживать или арестовывать и конфисковать без ущерба для прав добросовестных третьих сторон имущество, добытое преступным путем и доходы от его использования [6].

В пояснительной записке к рекомендации 4 ФАТФ указано, что страны должны создать механизмы, которые позволят их компетентным органам эффективно управлять и при необходимости распоряжаться имуществом, которое было заморожено, изъято или конфисковано [6].

Действующее законодательство в достаточной мере предусматривает положения об управлении конфискованным и обращенным в доход государства имуществом.

Вместе с тем, законодательством не регламентирован порядок эффективной работы с арестованным имуществом.

Важно понимать, что трансформация отдельных уголовных правонарушений привела к массовым денежным объемам, которые в силу сложности изобличения организаторов преступлений останутся невостребованными на неопределенный срок.

В современных реалиях одним из методов борьбы с преступностью видится создание механизма рационального использования невостребованных средств в интересах государства.

Реализация предлагаемых мер решит несколько задач. Во-первых, создаст дополнительный источник пополнения бюджета. Во-вторых, в период расследования эти средства будут вовлечены в

экономический оборот. Позволит сократить торговлю наркотиками и другие преступления (интернет-мошенничество, онлайн-казино, финансовые пирамиды и др.) в Интернете с использованием платежных систем банков второго уровня.

В Республике Казахстан право выставять инкассовые распоряжения предоставлено строго определенному кругу государственных органов в пределах их компетенции. Одними из таких уполномоченных должностных лиц являются судебные исполнители [2].

Исполнительное производство представляет собой стадию реализации судебных актов, в рамках которой возникает возможность эффективно использовать имущественные права и интересы сторон. На данном этапе могут применяться инструменты, которые позволяют заложить основу рационального использования арестованных денежных средств.

Целесообразность реализации предложенного механизма ареста имущества подозреваемого обосновывается следующей алгоритмической последовательностью процедур. Орган уголовного преследования инициирует ходатайство в следственный суд о наложении ареста на имущество подозреваемого. Следственный суд, санкционируя арест в соответствии с ч. 11 ст. 163 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, определяет место хранения денежных средств – депозитный счет органа следствия либо специально уполномоченного единого оператора [8]. Постановление суда об аресте направляется судебному исполнителю согласно пп. 2 п. 1 ст. 9 Закона [2]. Судебный исполнитель выдает инкассовое распоряжение банку второго уровня, на основании которого банк осуществляет изъятие денежных средств со счета подозреваемого и их перевод на указанный депозитный счет. Арестованные денежные средства временно вводятся в экономический оборот до окончательного разрешения их правовой судьбы по приговору суда. Полученные дивиденды от использования данных средств перечисляются государством в республиканский бюджет. Механизм обеспечивает баланс между обеспечением процессуальных гарантий и оптимизацией использования государственных ресурсов в рамках уголовного судопроизводства.

Данный инструмент исполнительного производства уже получил широкое распространение в международной правоприменительной практике. В ряде зарубежных государств, в частности в Республике Молдова, инкассовое распоряжение используется в рамках обеспечения мер по аресту денежных средств при осуществлении уголовного преследования и демонстрирует устойчиво положительные результаты.

Применение указанного механизма способствует повышению эффективности исполнения судебных актов, обеспечивает оперативное изъятие и сохранность активов, а также минимизирует риски их сокрытия или отчуждения. Кроме того, использование инкассовых распоряжений позволяет оптимизировать взаимодействие между правоохранительными органами и финансовыми институтами, что в конечном итоге усиливает превентивный и компенсационный потенциал уголовного судопроизводства.

В этой связи представляется целесообразным дальнейшее изучение и адаптация данного инструмента с учетом национальных особенностей правовой системы, а также выработка единых методологических подходов к его применению.

Важно понимать, что конституционное право граждан на собственность не нарушается, поскольку в данном механизме случае обращения взыскания на имущество осуществляется с соблюдением статьи 26 Конституции Республики Казахстан на основании решения суда [9].

Размещение изъятых и арестованных денежных средств в рамках уголовных расследований на депозитах правоохранительных органов может быть реализовано путем внесения изменений и дополнений в ряд законов (Уголовно-процессуальный кодекс, Бюджетный кодекс, Закон «О платежах и платежных системах», Закон «О возврате государству незаконно приобретенных активов» и т.д.).

Предлагаемый подход обеспечивает ряд преимуществ в рамках уголовно-процессуального и исполнительного производства. Во-первых, превентивное применение механизмов взыскания ущерба посредством исполнительного производства позволяет осуществлять изъятие денежных средств без согласия клиентов банков до вступления приговора в законную силу, что усиливает оперативность обеспечения сохранности активов. Во-вторых, на этапе досудебного производства возможно оптимальное размещение арестованных денежных средств на депозитных счетах с повышенной процентной ставкой либо в специализированных инвестиционных инструментах, предусмотренных государственными программами, с целью получения дохода от данных активов до их окончательного распределения. В-третьих, внедрение особых механизмов контроля и отчетности, таких как электронные реестры арестованных средств и регулярная подача отчетов перед судом и потерпевшими, способствует повышению прозрачности процедур, укреплению доверия к системе правосудия и минимизации рисков злоупотреблений со стороны участников уголовного процесса.

Таким образом, интеграция отдельных инструментов исполнительного производства в уголовный процесс способствует формированию более эффективной модели обращения с арестованными денежными средствами. Межотраслевая гармонизация позволит обеспечить баланс публичных интересов государства, прав потерпевших и имущественных гарантий подозреваемых и обвиняемых. Совершенствование законодательства в данном направлении отвечает современным задачам трансформации уголовно-процессуальной парадигмы и укрепления принципа справедливости.

Список использованных источников:

1. Отчет № 1-М «О зарегистрированных правонарушениях» // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 20.02.2026)
2. Закон Республики Казахстан «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» от 2 апреля 2010 года № 261-IV [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1000000261> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Булдакова В.К. Роль следователя (дознателя) в обеспечении возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4. С. 79.
4. Хасаншина Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: дис., к.ю.н., М., 2013. С. 73.
5. Искандиров В.Б. Исторический аспект развития и становления наложения ареста на имущество как меры принуждения в России/ В. Б. Искандиров // Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. М., 2018. Вып. 24. С. 35-39
6. Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fatf-gafi.org/recommendations.html> (дата обращения: 20.02.2026).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 20.02.2026).
8. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 20.02.2026).

УДК 343

Тулеуова Айгуль Жумабековна,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ФРЕЙМОВАЯ МОДЕЛЬ ИМУЩЕСТВЕННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье рассматривается фреймовая структуризация как когнитивно-информационный инструмент повышения эффективности имущественных расследований в условиях цифровизации уголовного процесса. Анализируются теоретические основы фреймовой теории и перспективы её применения в правоприменительной практике. Обосновывается, что представление расследования в формате фреймовой модели обеспечивает формализацию типичных следственных ситуаций и формирует логически последовательную систему доказательственной деятельности. Данный подход способствует упорядочению элементов доказательственной базы и установлению причинно-следственных связей между обстоятельствами дела. Значительное внимание уделено моделированию ключевых этапов имущественного расследования. Рассматриваются возможности внедрения фреймовых моделей в цифровые правоприменительные системы и интеллектуальные инструменты поддержки следователя. Сделан вывод о том, что использование фреймовой структуризации повышает обоснованность процессуальных решений и создает основу для дальнейшей цифровой трансформации следственной деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательственная база, следствие, когнитивное моделирование, фреймовая структуризация.

Аннотация. Мақалада қылмыстық процесті цифрландыру жағдайында мүліктік тергеулердің тиімділігін арттырудың когнитивті-ақпараттық құралы ретінде фреймдік құрылымдау қарастырылады. Фрейм теориясының теориялық негіздері және оны құқық қолдану тәжірибесінде пайдалану перспективалары талданады. Тергеуді фреймдік модель түрінде ұсыну типтік тергеу жағдайларын формализациялауды қамтамасыз етіп, дәлелдемелік қызметтің логикалық бірізді жүйесін қалыптастыратыны негізделеді. Бұл тәсіл дәлелдемелер базасының элементтерін жүйелеуге және іс мән-жайлары арасындағы себеп-салдар байланыстарын анықтауға ықпал етеді. Мүліктік тергеудің негізгі кезеңдерін модельдеуге ерекше назар аударылған. Фреймдік модельдерді цифрлық құқық қолдану жүйелеріне және тергеушіні қолдаудың интеллектуалды құралдарына енгізу мүмкіндіктері қарастырылады. Қорытындысында, фреймдік құрылымдауды қолдану процессуалдық шешімдердің негізділігін арттырып, тергеу қызметін одан әрі цифрлық трансформациялау үшін негіз қалыптастыратыны көрсетіледі.

Түйінді сөздер: қылмыстық процесс, дәлелдемелер базасы, тергеу, когнитивтік модельдеу, фреймдік құрылымдау.

Abstract. The article examines frame-based structuring as a cognitive and informational tool for improving the efficiency of property investigations in the context of the digitalization of criminal proceedings. The theoretical foundations of frame theory and the prospects for its application in law enforcement practice are analyzed. It is substantiated that representing an investigation in the form of a frame model ensures the formalization of typical investigative situations and establishes a logically consistent system of evidentiary activity. This approach contributes to the structuring of the evidentiary base and the identification of causal relationships between case circumstances. Particular attention is paid to modeling the key stages of property investigations. The possibilities of integrating frame models into digital law enforcement systems and intelligent tools supporting investigators are considered. It is concluded that the use of frame-based structuring enhances the validity of procedural decisions and provides a foundation for the further digital transformation of investigative activities.

Keywords: criminal procedure, evidentiary base, investigation, cognitive modeling, frame-based structuring.

Особое внимание вопросам цифровизации процессов уделено в ежегодном Послании Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» [1] от 8 сентября 2025 года, а также в Указе № 1151 «Об объявлении Года цифровизации и искусственного интеллекта» от 6 января 2026 года [2].

Цифровизация проникает в ключевые механизмы управления, контроля и регулирования как центрального элемента современной технологической повестки, включая правоохранительную деятельность [3, стр. 9].

В контексте обозначенных приоритетов особую значимость приобретает цифровая трансформация системы противодействия экономической преступности. Борьба с экономической

преступностью усложняется в связи с появлением более изощрённых форм сокрытия как самой преступной деятельности, так и незаконно приобретённого имущества.

В этой связи актуализируется применение интеллектуальных методов представления и обработки знаний, в частности семантических сетей. Семантическая сеть используется как инструмент цифровой формализации фрейма расследования. В рамках данного подхода близкие понятия группируются, а между ними устанавливаются смысловые связи. Понятие может выступать ссылкой на фрейм, при этом слот фрейма также может быть представлен в виде понятия. Это позволяет интегрировать знания в базе данных и использовать алгоритмы формирования различных модификаций интеллектуальной обработки юридического языка.

Семантическая сеть диалога обеспечивает контроль процесса обработки запроса на юридическом языке. Она содержит правила обработки данных и взаимодействует с другими семантическими сетями.

Одним из актуальных подходов, обеспечивающих систематизацию и структуризацию знаний и повышение эффективности расследования, является применение фреймовой теории, разработанной в рамках когнитивной науки [4].

Фреймовая модель позволяет формализовать типичные следственные ситуации, определять ключевые элементы доказательственной базы и выстраивать логически обоснованную последовательность действий.

Целью исследования является теоретическое обоснование фреймовой структуризации как инструмента повышения эффективности имущественных расследований в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: проанализировать теоретические основы фреймовой теории в когнитивной теории, раскрыть содержание и структуру фрейма расследования как модели представления типовой следственной ситуации.

В работе использованы следующие методы научного познания: анализ и синтез научной литературы по когнитивному моделированию; структурно-функциональный метод при построении модели фрейма расследования; сравнительно-правовой метод при сопоставлении традиционных и цифровых форм организации расследования.

Фреймовая теория возникла на стыке когнитивной психологии, лингвистики и информатики. В 1974 году американский учёный Марвин Минский предложил концепцию фрейма как способ хранения и организации знаний в области искусственного интеллекта. По Минскому, фрейм представляет собой структурированную единицу знаний, содержащую информацию о типичной ситуации, организованную в виде слотов — переменных компонентов, которые могут быть заполнены конкретными значениями в зависимости от контекста [5].

Позднее фреймовая теория получила развитие в работах лингвиста Чарльза Филлмора, который применил концепцию фрейма для анализа семантики языка. В его интерпретации фрейм — это когнитивная структура, стоящая за значением слова или выражения, содержащая набор типичных ролей, участников и обстоятельств [6]. Так, например, фрейм «расследование» включает следователя, подозреваемого, юридический статус, цель действия, место и временные характеристики.

С точки зрения правоприменения фреймы играют ключевую роль в организации ментальных моделей следователя: они определяют, какую информацию он будет искать, как интерпретировать уже имеющиеся данные, каким образом выдвигать гипотезы и принимать решения. Таким образом, фреймовая структура выполняет не только функцию хранения информации, но и активно участвует в процессе познания и доказательственной деятельности.

По Лазареву В.А. доказывание понимается как «собираение, проверка и оценка доказательств мыслительную и практическую деятельность органов уголовного преследования по изобличению подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления и обоснованию его вины» [7, стр. 50].

По мнению Белкина А.Р. «Процесс доказывания — это производимые в установленном законом порядке соби́рание, проверка и оценка доказательств и использование их с целью достоверного установления обстоятельств уголовного дела» [8, стр. 77].

Применительно к имущественным расследованиям, эти определения позволяют формализовать типовые ситуации обеспечивая их логическую взаимосвязь и полноту доказательственного процесса. Когнитивные схемы, лежащие в основе следственных действий, можно представить в виде фрейма — ментальной модели, включающей обязательные слоты (элементы), отражающие ключевые аспекты расследования.

Также преимущество фрейма перед другими схемами представления знаний заключается в том, что близкие понятия группируются. Соответственно, легко определить недостающие или ошибочные

понятия в данном контексте, так как смысловой контекст определяется именно связями с соседними понятиями. Эти качества делают эффективным и достаточно простым смешанное представление знаний в виде семантических сетей.

Рассмотрим более подробно, каким образом такие элементы, как «регистрация дела», «имущественное расследование» и «конфискация», отображаются в фреймовой структуризации.

1. Элемент «регистрация дела» представляет собой фиксацию юридически значимого события и начало процессуальной деятельности следователя. Он моделируется:

- как функциональный сценарий, последовательность регламентированных действий;
- через определение статуса дела и его реквизитов;
- через отнесение к определённой категории производств (квалификация правонарушения).

Данный элемент обеспечивает переход от стадии установления факта к стадии расследования дела.

2. Элемент «имущественное расследование» направлен на выявление, анализ и оценку активов, связанных с противоправной деятельностью. Он фиксируется следующим образом:

- для установления причинно-следственных связей между действиями субъекта и имущественными последствиями;
- для классификации видов имущества, финансовых инструментов и операций;
- для последовательности процедур поиска, ареста, оценки и возврата имущества;
- для уточнения правового статуса активов и их характеристик;
- для интеграции с процессуальными действиями и контроля полноты расследования.

Ключевой процесс в рамках этого элемента — собирание, исследование и оценка доказательств (компоненты мышления и структура мыслительной деятельности, в основном связаны с субъектом - следователем).

3. Элемент «конфискация» раскрывает процесс завершения имущественного расследования и достижения процессуальной цели. Он отображается следующим образом:

- «процесс выполнения действий»;
- «достижение цели» и «проблемная ситуация», где устанавливается причинно-следственная связь между решением следователя и результатом (конфискацией имущества).

При теоретическом обосновании причина, зафиксированная в начальной вершине, рассматривается как условие, а следствие — как цель, достигаемая в цепочке рассуждений. Если причинно-следственная связь получает доказательное подтверждение, она признаётся истинной и документально фиксируется как элемент фрейма.

Семантические сети обеспечивают формализованное представление логики расследования, интегрируют понятийные, функциональные, причинно-следственные связи и позволяют алгоритмизировать процесс имущественного расследования.

Каждый этап расследования может быть рассмотрен как слот фреймовой структуры. Она позволяет стандартизировать мышление следователя, выявить отклонения от типичного сценария, организовать информацию и представить ее в форме, пригодной для процессуального закрепления и дальнейшего анализа.

Таким образом, фреймовый подход предоставляет правоприменительной практике следующие преимущества:

- Упорядоченность — снижается вероятность упущения значимой информации;
- Согласованность — все действия соотносятся с общей схемой;
- Моделируемость — можно прогнозировать развитие событий и возможные риски;
- Цифровизация — структура пригодна для формализации в электронных системах расследования.

Одной из ключевых составляющих эффективности фреймовой модели в расследовании является её языковая реализация. Язык, как инструмент фиксации, интерпретации и передачи информации, напрямую влияет на точность восприятия следственной ситуации, формулировку гипотез, составление процессуальных документов и взаимодействие между различными участниками уголовного судопроизводства.

Следственная деятельность — это не только логико-юридический, но и языковой процесс [9]. Все элементы фрейма (слоты) находят своё выражение в текстах: постановлениях, протоколах допросов, запросах, обвинительных заключениях. Таким образом, эффективная реализация фреймовой модели требует точной и согласованной языковой формы, которая бы отражала когнитивную структуру следователя.

Проведённый анализ показал, что использование семантических сетей для моделирования элементов имущественного расследования («регистрация дела», «имущественное расследование», «конфискация») обеспечивает логически согласованное представление процессуальной деятельности. Семантические сети позволяют выявлять причинно-следственные связи, классифицировать объекты и действия, контролировать полноту доказательной базы и алгоритмизировать процесс расследования.

Вместе с тем, всю эту структуру можно рассматривать как реализацию фрейма «имущественное расследование». Каждый узел и каждая связь в семантической сети соответствуют слотам фрейма, которые отражают ключевые элементы следственного мышления: субъекты, действия, объекты, цели и причинно-следственные связи. Таким образом, семантическая сеть выступает инструментом цифровой формализации фрейма, обеспечивая возможность интеграции когнитивной модели следователя в экспертные и интеллектуальные системы поддержки принятия решений.

Следовательно, использование семантических сетей не только повышает эффективность расследований на практическом уровне, но и формирует методологическую основу для цифровой реализации фреймового подхода, позволяя стандартизировать мышление следователя, структурировать доказательства и строить логически обоснованную последовательность процессуальных действий.

Особую актуальность данный подход приобретает в условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности, поскольку позволяет формализовать когнитивные процессы следователя и интегрировать их в экспертные и интеллектуальные системы поддержки принятия решений.

Таким образом, полученные результаты расширяют теоретические представления о когнитивных механизмах следственной деятельности и создают методологическую основу для разработки цифровых моделей сопровождения имущественных расследований.

Дальнейшая цифровизация фреймовой модели позволит создавать интеллектуальные помощники следователя и автоматизированные системы контроля, полноты расследования, повысит эффективность и оптимизирует сроки досудебного расследования.

Список использованных источников:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию». [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145>. (дата обращения: 18.02.2026 г.).
2. Указ № 1151 «Об объявлении Года цифровизации и искусственного интеллекта» от 6 января 2026 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа www.akorda.kz/ru/ob-obyavlenii-goda-cifrovizacii-i-iskusstvennogo-intellekta-601222. (дата обращения: 18.02.2026 г.).
3. Технологии искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры: правовое регулирование и практика применения в государствах-участниках СНГ - Астана, 2025. - 171 с.
4. Хижняк Д.С. Информационные модели транснациональной криминальной деятельности - Москва, 2018. - 248 с.
5. Минский М. Фреймы для представления знаний: пер. с англ.; под ред. Ф.М. Кулакова - Москва, 1979. - 152 с.
6. Филлмор Ч. Лингвистические фреймы и их роль в понимании языка - Москва, 1982.
7. Лазарев В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб. пособие. 2-е изд. - Юрайт, 2011. - 343 с.
8. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве - Москва, 2005. - 528 с.
9. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции - Москва, 2012. - 320 с.

UDC 343.102

Uteggenov Nurbolat Abdimalikovich,

Doctoral Student, Academy of Law Enforcement Agencies under the
General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Laws,
Kosshy, Akmola Region, Republic of Kazakhstan

Nugmanov Azamat Allabergenovich,

Lecturer at the Department of Professional Training at the Academy of Law Enforcement Agencies under the
General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, Akmola Region, Republic of Kazakhstan

IMPLEMENTATION OF QR-BASED DIGITAL AUTHENTICATION IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Аннотация. Мақалада тергеушінің алдын ала тергеу деректер базасына қол жеткізуін QR-код арқылы жүзеге асыру тұжырымдамасы қарастырылады. QR-код мобильді құрылғыда сақталған электрондық цифрлық қолтаңбаға (ЭЦҚ) байланыстырылады. Автор ЭЦҚ-ны USB тасымалдағыштар арқылы қолданудың дәстүрлі әдісіндегі мәселелерді талдайды, ол тергеушінің мобильділігін төмендетіп, деректердің жоғалу қаупін арттырады және авторизация рәсімдерін баяулатады. Бұл мәселелерді шешу үшін ЭЦҚ кілттерін бұлттық қоймада сақтайтын қауіпсіз QR-идентификаторды пайдалану ұсынылады, ол процессуалдық әрекеттердің тиімділігі мен сенімділігін қамтамасыз етеді. Мақалада Қазақстан Республикасында мұндай үлгіні енгізудің құқықтық және техникалық алғышарттары қарастырылып, цифрлық әділеттілікті трансформациялаудың шетелдік тәжірибелерімен салыстырмалы талдау жасалады.

Түйінді сөздер: цифрландыру, алдын ала тергеу, электрондық цифрлық қолтаңба, QR-код, криминалистика, ақпараттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасы.

Аннотация. В статье рассматривается концепция внедрения бесконтактного доступа следователя к базам данных досудебного расследования посредством QR-кода, связанного с электронной цифровой подписью (ЭЦП), хранящейся на мобильном устройстве. Автор анализирует проблемы традиционного способа использования ЭЦП через USB-носители, которые снижают мобильность, увеличивают риски утраты данных и замедляют процедуры авторизации. Предлагается инновационный подход, предусматривающий использование защищённого QR-идентификатора, связанного с облачным хранилищем ключей ЭЦП, что обеспечивает эффективность и надёжность процессуальных действий. В статье обсуждаются нормативные и технические предпосылки реализации такой модели в Республике Казахстан и проводится сравнительный анализ с зарубежными практиками цифровой трансформации правосудия.

Ключевые слова: цифровизация, досудебное производство, электронная цифровая подпись, QR-код, криминалистика, информационная безопасность, Республика Казахстан.

Abstract. The article examines the concept of introducing contactless investigator access to pre-trial investigation databases through a QR code linked to an electronic digital signature (EDS) stored on a mobile device. The author analyzes the problems of the traditional method of using EDS via USB carriers, which reduce mobility, increase risks of data loss, and slow down authorization procedures. An innovative approach is proposed that enables the use of a secure QR identifier connected to a cloud-based EDS key repository, ensuring efficiency and reliability of procedural actions. The article discusses regulatory and technical prerequisites for implementing such a model in the Republic of Kazakhstan and provides a comparative analysis with foreign practices of digital justice transformation.

Keywords: digitalization, pre-trial proceedings, electronic digital signature, QR code, forensics, information security, Republic of Kazakhstan.

With the development of mobile communication technologies and the widespread use of smartphones, particularly with the introduction of 4G and 5G networks, as a result of the dynamic growth of information and communication technologies and the global spread of the Internet, QR codes have found wide application in all spheres of social activity, exerting a significant influence on labor organization, everyday life, and social interaction. QR codes are widely used in various fields — from logistics and transportation to financial institutions, marketing, security systems, and combating the circulation of counterfeit products. This tool represents a method of encoding information in the form of digital symbols placed within a specific graphical structure of a black-and-white image.

As Russian scholar O.A. Zaitsev emphasizes, digitalization has a substantial impact on the formation of evidence in criminal proceedings: “Digitalization actively penetrates criminal procedural relations, significantly influencing the formation of evidence in criminal cases” [1].

In recent years, with the development of artificial intelligence, digital technologies have been increasingly integrated into the intellectual sphere of criminal proceedings, making it possible to simplify the search for legal information.

In the context of digitalization, QR codes have become an integral element of the modern information space, providing rapid access to data, simplifying processes of identification, authentication, and interaction between government institutions, businesses, and citizens. Their use contributes to greater transparency, acceleration of document circulation, and the development of new mechanisms for managing digital forms.

Digital printing technologies are also actively applied in everyday life. QR codes, as an important element of digital content, protect URL addresses from direct access to web pages. Scanning such codes with mobile device cameras provides access to information, redirects to web resources, enables viewing of advertising materials, verification of product authenticity, execution of mobile payments, and other digital operations.

The use of digital forms in pre-trial proceedings has become one of the key trends in the modernization of criminal justice, aimed at increasing the speed, security, and convenience of investigative work. One of the pressing issues is ensuring secure and convenient access for investigators to databases using an electronic digital signature (EDS) without the need for a physical carrier — a USB flash drive containing the EDS key. A modern solution is the introduction of contactless access technology through QR codes that contain the EDS key stored on the investigator's mobile device.

As Russian scholar F.A. Abasheva notes regarding the use of digital technologies in investigative actions:

“The use of digital technologies in criminal proceedings contributes to improving the efficiency and quality of investigative actions” [2].

Digital Forms in Pre-Trial Proceedings

Modern criminal justice in many countries is actively introducing electronic documents and electronic workflow, which makes it possible to abandon paper carriers and increase the efficiency of investigations. The use of electronic forms implies automation of the processes of collecting, storing, and verifying evidence, as well as the possibility of remote access for investigators to the necessary information from various databases [3].

Problems with Using EDS on Physical Carriers

The traditional practice of using electronic digital signatures (EDS) is based on storing keys on USB flash drives (tokens), which creates a number of difficulties: the risk of losing or damaging the device, the need for physical connection to a workstation, and limitations on investigator mobility. These factors slow down the process of accessing data and complicate the operational work of investigative bodies [4]. Problems also arise with storing electronic keys on physical token devices, while at the same time humanity constantly uses and carries smartphones, which have become an integral part of human life and a communicator between people, used in everyday life. At present, humanity cannot take a single step without its smartphone, and this must be utilized in criminal proceedings to facilitate the work of investigators and participants in investigative actions, as well as to optimize processes within law enforcement agencies

All of the above-mentioned problems are solved through QR code technology, which enables fast and contactless access to secure databases. In the course of an investigation, an electronic digital signature (EDS) key can be stored directly in the protected storage of a mobile phone — in special software or a 'digital wallet' for keys. When accessing the database, the system scans a QR code containing the necessary information for authentication and signature verification, eliminating the need for a physical carrier. This increases the investigator's mobility and reduces risks associated with the use of external devices

In this context, Russian scholar A.N. Savchenko emphasizes the importance of using electronic documents in pre-trial proceedings:

“The introduction of the possibility of using electronic documents in pre-trial criminal proceedings” [5].

The Essence of QR Code Technology for Contactless Access to the ERDR Database

- A QR code is a two-dimensional barcode containing encrypted digital information, including the investigator's electronic digital signature (EDS).
- When accessing the ERDR database, the mobile device scans the QR code, recognizes and decodes the information using special algorithms, applying search markers for orientation and error correction.
- The system authenticates the user by verifying the EDS embedded in the QR code, without requiring physical connection of the key.
- This method ensures fast, secure, and contactless access, reducing the risks of loss or compromise of keys and providing investigator mobility.

- The QR code data structure includes service information for proper interpretation and verification, while the main part contains unique authentication data.
- The technology automatically restores data even in cases of partial QR code damage thanks to built-in error correction algorithms.
- This solution enhances the security and convenience of access to the ERDR database, accelerating work and reducing costs associated with physical carriers.

Advantages and Security Guarantees

The use of a QR code with an electronic digital signature (EDS) on a mobile device ensures:

- Reliable authentication of the investigator's identity and the validity of the signature;
- Convenience and speed of access without physical connection of a token;
- Enhanced protection against forgery or theft of the key thanks to secure smartphone elements;
- The ability to promptly update and revoke keys in case of compromise.

Hashing technologies and electronic digital signatures used in such systems ensure the immutability of documents and evidence, which is critical for the evidentiary basis in criminal cases [6].

Foreign Experience in the Digitalization of Pre-Trial Proceedings

In China, since 2012, criminal proceedings have been fully transferred into electronic format. Electronic data, including audio, video, and text materials, are officially recognized as evidence. To protect information, a comprehensive system of cryptographic security and electronic signatures is applied, guaranteeing the impossibility of data falsification. All criminal cases are conducted electronically, and court hearings can be held online, which significantly accelerates the process and increases its transparency.

In Germany, a developed system of electronic document management includes two main types of communication: interagency and intra-agency document exchange. Pre-trial materials are processed and stored in electronic form, which enhances the efficiency of courts and investigative bodies. The German experience demonstrates sustainable development of electronic communications and effective mechanisms of data protection [7].

In countries of the Anglo-Saxon legal family, such as the United States, Canada, and the United Kingdom, electronic document management and evidence storage have also been introduced at the pre-trial stage. In the United States, for example, the PACER system provides online access to court materials, while digital signatures and authentication systems allow control over the authenticity of electronic documents and restrict access to them exclusively to authorized persons [8].

The general trend in the development of judicial process digitalization in foreign countries is the creation of integrated computerized systems that ensure reliable exchange of electronic evidence, document signing through electronic digital signatures (EDS), and the conduct of criminal cases in electronic format while preserving the chain of evidence in its original, immutable form.

As American scholar Vasquez-Noriega notes in his research, QR codes were used to provide families of defendants with quick access via smartphones to information about the possibility of releasing a relative without bail, thereby increasing the awareness of participants in pre-trial proceedings:

"The poster included a QR code that family members with a smart phone could use to directly access information about no cost release options" [9].

Analysis and Application of Experience

Foreign experience confirms that the introduction of digital forms in pre-trial proceedings not only increases the speed of investigation but also creates a reliable mechanism for data protection. The use of mobile and contactless technologies, such as QR codes with electronic digital signatures (EDS) on mobile devices, corresponds to modern trends and can be adapted to national practice. This makes it possible to move away from physical carriers (USB tokens), reduce the risks of key loss, and improve the convenience of investigators' work with databases [10].

Thus, the integration of foreign experience in the digitalization of criminal justice into national legislation and practice can contribute to effectively addressing existing problems and advancing modern pre-trial procedures.

Conclusion. The introduction of digital forms in pre-trial proceedings using contactless access via QR codes, where the EDS key is stored on the investigator's mobile phone, addresses the problem of convenience and reliability of authentication without the use of physical carriers. This contributes to accelerating investigations, enhancing security, and shaping a modern digital infrastructure for criminal justice.

List of References:

1. Zaitsev O.A. Features of the Use of Electronic Information as Evidence in Criminal Cases: A Comparative Legal Analysis of Foreign Legislation [Electronic resource]. Available at:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-elektronnoy-informatsii-v-kachestve-dokazatelstv-po-ugolovnomu-delu-sravnitelno-pravovoy-analiz> (accessed 10.10.2025).

2. Abasheva F.A. Information Technologies in Criminal Proceedings: Current State and Prospects for Development [Electronic resource]. Available at: http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/22806/512%D0%BB%D0%B1_1000983440_13.12.2024.pdf?sequence=1 (accessed 11.10.2025).

3. On the Electronic Document in Pre-Trial Criminal Proceedings [Electronic resource]. Available at: <https://test.editorum.ru/ru/nauka/article/69865/view> (accessed 15.10.2025).

4. User Guide — Authorization in Databases with EDS [Electronic resource]. Available at: https://erdr-public.kgp.kz/resources/download/user_guide_ru.pdf (accessed 18.10.2025).

5. Savchenko A.N. On the Electronic Document in Pre-Trial Criminal Proceedings [Electronic resource]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-elektronnom-dokumente-v-dosudebnom-ugolovnom-proizvodstve> (accessed 18.10.2025).

6. Concept of Electronic Evidence in Criminal Proceedings 2023 [Electronic resource]. Available at: https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/155?locale=ru_RU (accessed 19.10.2025).

7. Serzhantova L.A. Foreign Experience of Administering Justice Using Digital Technologies in Criminal Cases // State and Law: Issues of Methodology, History, Theory and Practice of Functioning, 2022 [Electronic resource]. Available at: <https://repo.ssau.ru/handle/Gosudarstvo-i-pravo-voprosy-metodologii/Zarubezhnyi-opyt-osushestvleniya-pravosudiya-s-primeneniem-cifrovyyh-tehnologii-po-ugolovnym-delam-103982> (accessed 19.10.2025).

8. Zamuraeva I.O. Current Issues of Digitalization of Criminal Justice and the Use of Electronic Evidence in Foreign Countries, 2022 [Electronic resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/415/91616> (accessed 20.10.2025).

9. Carla Vasquez-Noriega. Supporting Individual Agency in the Pretrial Release Process: An Innovation Fund Case Study from Durham and Santa Clara Counties [Electronic resource]. Available at: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/99166/supporting_individual_agency_in_the_pretrial_release_process.pdf (accessed 20.10.2025).

10. Elkina N.Ya. Foreign Experience of Electronic Justice [Electronic resource]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-elektronno-go-sudoproizvodstva> (accessed 20.10.2025).

УДК 343.1:004

Чащина Ирина Валерьевна

ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения международного сотрудничества
прокуратуры и сравнительного правоведения Научно-исследовательского института Университета
прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук,
г. Москва, Российская Федерация

СОБЛЮДЕНИЕ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос влияния внедрения современных цифровых технологий при производстве по уголовным делам на соблюдение баланса частных и публичных интересов на примере разных стран. Обозначены проблемные вопросы широкого применения технологий при производстве по уголовным делам, которое может сопровождаться рисками нарушения прав участников процесса и дискриминацией.

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства; частный и публичный интерес; доступ к правосудию; участники уголовного судопроизводства.

Аннотация. Мақалада қылмыстық істер бойынша іс жүргізу кезінде заманауи цифрлық технологияларды енгізудің әртүрлі елдердің мысалында жеке және қоғамдық мүдделер теңгерімінің сақталуына әсері қарастырылған. Қылмыстық істер бойынша іс жүргізу кезінде технологияларды кеңінен қолданудың проблемалық мәселелері белгіленді, олар процеске қатысушылардың құқықтарын бұзу тәуекелдерімен және кемсітушілікпен қатар жүруі мүмкін.

Түйінді сөздер: қылмыстық сот ісін жүргізуді цифрландыру; жеке және жария мүдде; сот төрелігіне қол жеткізу; қылмыстық сот ісін жүргізуге қатысушылар.

Abstract. The article examines the impact of the introduction of modern digital technologies in criminal proceedings on the balance of private and public interests using the example of different countries. The problematic issues of the widespread use of technology in criminal proceedings, which may be accompanied by risks of violation of the rights of participants in the process and discrimination, are outlined.

Keywords: digitalization of criminal proceedings, private and public interest, access to justice, participants in criminal proceedings.

Соблюдение баланса частных и публичных интересов является одним из важных правовых вопросов, особенно при внедрении в правовую структуру информационных технологий. Осуществление таких инноваций требует корректной их адаптации в правоприменительной практике и разработки для этого соответствующего правового регулирования.

Цифровизация производства по уголовным делам заставляет задуматься над вопросом о соответствии внедряемых технологий и изменяющегося в связи с этим процесса взаимодействия участников уголовного судопроизводства частным и публичным интересам, которые последние реализуют в ходе производства по уголовным делам.

Внедряемые в производство по уголовным делам цифровые технологии соответствуют частным интересам, поскольку позволяют участникам уголовного судопроизводства более эффективно осуществлять свои права и облегчают доступ к правосудию, повышая в том числе уровень их информированности. Что касается публичных интересов, то применяемые цифровые технологии позволяют оптимизировать и рационализировать процесс производства по уголовным делам. И это свойственно разным странам.

Так, в Российской Федерации возможность подачи апелляционной, кассационной жалоб в электронном виде через ГАС «Правосудие» позволяет утверждать об обеспечении государством доступа к правосудию на данных стадиях уголовного процесса. Разработка подобного единого онлайн-сервиса на официальных сайтах Министерства внутренних дел Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации, позволяющего подать заявление о преступлении, заявить ходатайство в досудебном производстве, подать жалобу в порядке ст. 124 УПК РФ, а также получать подписанные электронной цифровой подписью решения, по данным обращения, безусловно, позволит разрешить и ряд проблем обеспечения доступа к правосудию, возникающих в досудебном производстве.

Система электронного правосудия базируется на принципах открытости, обеспечения права на доступ к информации о деятельности судов, что позволяет без труда взаимодействовать с судами посредством электронного документооборота.

Федеральным законом от 22.12.2008 №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» в п. 4 ст. 10 предусмотрено в целях обеспечения права пользователей информацией на доступ к ней, принятие мер к защите информации судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента.

Правоохранительные органы Киргизской Республики используют автоматизированную информационную систему «Единый реестр преступлений» [5].

Это одна из крупнейших автоматизированных информационных систем в Кыргызской Республике, интегрированная с рядом других систем государственных органов (к примеру, с базами данных государственной регистрационной службы, что позволяет оперативно получать данные о лицах, принадлежащем им имуществе, данные об актах гражданского состояния и другие сведения), в которой работают судьи, прокуроры, следователи, сотрудники дежурных частей, аналитики.

В Китае действует единая государственная открытая база судебных решений (China Judgements Online), в которой размещаются практически все решения, вынесенные китайскими судами.

В систему правосудия Китая внедрена «Шанхайская система рассмотрения уголовных дел с использованием ИИ» (обычно называемую «Системой 206»), которая представляет собой систему принятия решений в уголовном судопроизводстве с использованием искусственного интеллекта. Так, система может рассматривать, проверять и контролировать как единичные доказательства, так и цепочки доказательств по всему делу, и напоминать следователям, занимающимся рассмотрением дел, и сотрудникам правоохранительных органов о проблемах, связанных со своевременным представлением доказательств, с тем чтобы фактические доказательства по делам, находящимся в расследовании, рассмотрении и преследовании, могли выдержать проверку закона.

Благодаря использованию искусственного интеллекта и других высокотехнологичных средств для оказания помощи в судебном разбирательстве «Система 206» может обеспечить установление фактов по делу в суде и определение доказательств в суде с тем, чтобы реально осуществлять обоснование судебных разбирательств и защищать право истца на действия, а также право людей знать, участвовать, выражать свое мнение, осуществлять надзор и т.д. [6; 164].

В Китае внедрена также автоматизированная система судебного помощника с искусственным интеллектом по разрешению дел, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (система «TADRS») [3; 1139].

Основной задачей внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство является обеспечение доступа к правосудию при соблюдении как частных, так и публичных интересов. И это не только упрощение процесса подачи ходатайств и жалоб, возможность дистанционного участия в процессуальных действиях, но и расширение возможностей доказывания по уголовным делам посредством использования электронных доказательств.

Например, в Индии доказательствам посвящен отдельный самостоятельный закон, в котором заложен принцип универсальности. Данный акт регулирует институт доказательств в целом и является соответствующим источником процессуального законодательства для разных видов судопроизводства, обеспечивая тем самым унификацию доказательств и единые стандарты процесса доказывания [2; 109].

Согласно вводной главы Закон о доказательствах Индии доказательства означают и включают в себя: 1) все заявления, сделанные в суде свидетелями по расследуемым фактам, которые суд разрешает или требует – устные доказательства; 2) все документы, включая электронные или цифровые записи, представленные для проверки судом, называются документальными доказательствами [1].

В соответствии с п. 63 Закона о доказательствах Индии в судебном разбирательстве, в ходе которого требуется представить заявление в качестве доказательства, может быть выдано свидетельство, подтверждающее следующие обстоятельства: идентификация электронной записи, содержащей заявление, и описание способа, которым она была подготовлена; предоставление таких сведений о любом устройстве, задействованном в создании этой электронной записи, которые могут оказаться необходимыми для подтверждения того, что электронная запись была создана с помощью компьютера или устройства связи; должны быть подписаны лицом, ответственным за компьютер или устройство связи, или руководство соответствующей деятельностью (в зависимости от того, что является целесообразным), а также обязательное наличие эксперта.

В соответствии с УПК Китая электронные данные представляют собой вербальный либо цифровой текст, сформированный с помощью электронных технологий, таких как электронная почта, записи чатов и иных. В Китае приняты Правила, регулирующие процесс получения и проверки материалов, содержащих электронные данные, согласно которым электронные данные получают во

время расследования, они хранятся, обрабатываются, передаются в цифровом виде, а также могут являться доказательством по уголовному делу [4; 14].

Внедрение современных информационных систем позволяет значительно улучшить качество работы правоохранительных органов, повысить эффективность и скорость реагирования на происходящие события. Одним из наиболее важных преимуществ внедрения цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов является возможность оперативного анализа и обработки больших объемов информации.

Кроме того, внедрение цифровых технологий способствует эффективному взаимодействию между различными уровнями правоохранительных органов, быстро обмениваться данными о происшествиях и преступлениях, координировать свои действия в реальном времени, повысить качество правовой статистики. С помощью системы сбора и анализа данных правоохранительные органы получают точные и своевременные данные о количестве и характере преступлений, что позволяет проводить анализ тенденций и определять приоритеты в работе.

Вместе с тем при стремительном внедрении цифровых технологий в уголовное судопроизводство не следует забывать о сохранении баланса между эффективностью правоприменителей и правами человека, поскольку ускорение и упрощение процедур неизбежно сопровождается рисками нарушения прав участников процесса и дискриминации. Неизбежно возникает необходимость гарантий соблюдения прав участников – начиная от вопроса равенства участников вне зависимости от наличия доступа в Интернет и наличия технической оснащенности и заканчивая вопросом соблюдения прав участников в самом процессе – от момента подключения до особенностей донесения своей позиции.

В связи с этим совершенствование уголовно-процессуального права должно иметь важное значение для каждого государства и находится в постоянном развитии в соответствии с потребностями правоприменительной практики и реалиями сегодняшнего дня.

Список использованных источников:

1. Закон о доказательствах Индии <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/20063>, (дата обращения 24.02.2026 г.).
2. Курбатова С.М., Русаков А.Г. Доказательственное право как часть судебной системы Индии: понятие и виды доказательств // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3(231). С. 109 (дата обращения 24.02.2026 г.).
3. Никурадзе Н.О., Мищенко Е.В., Марина Е.А. Искусственный интеллект в уголовном процессе: перспективное будущее или утопия? Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2024, 17(6), 1139 (дата обращения 24.02.2026 г.).
4. Правила, принятые Верховным Народным Судом, Верховной Народной Прокуратурой, Министерством Общественной Безопасности для регулирования процесса получения и проверки материалов, содержащих электронные данные, которые в определенных случаях могут использоваться в качестве доказательств по уголовным делам от 9 сентября 2016 года No22. Захаренкова В.В., перевод на русский язык. М. 2018. С.14. (дата обращения 24.02.2026 г.).
5. Постановление Кабинета Министров от 24.03.25 №141 «Об утверждении Положения о Едином реестре преступлений» (дата обращения 24.02.2026 г.).
6. Реховский А.Ф. Китайский опыт использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / А.Ф. Реховский // Байкальские компаративистские чтения: Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 22–23 апреля 2022 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2022. С. 164. (дата обращения 24.02.2026 г.).

ӘОЖ 343.412.2

Шадыханов Естай Сисенғалиұлы,
Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясының магистранты,
Қазақстан Республикасы, Қосшы қ.

АШЫЛМАҒАН АДАМ ӨЛТІРУГЕ ҚАТЫСТЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ІСТЕРДІ ТЕРГЕП-ТЕКСЕРУ КЕЗІНДЕ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТІНІ ҚОЛДАНУДЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Бұл мақалада ашылмаған адам өлтіруге қатысты қылмыстық істерді тергеп-тексеру барысында жасанды интеллект технологияларын қолдану мәселелері туралы айтылады. Қазақстан Республикасындағы адам өлтіру қылмыстарының статистикалық деректері талданып, ашылмаған істердің құқықтық және әлеуметтік салдары көрсетіледі. Зерттеуде қылмыстық істер арасындағы ұқсастықтарды анықтау, қылмыс жасау тәсілдерінің қайталануын талдау және ықтимал байланысты істерді табу үшін жасанды интеллект мүмкіндіктерін қолданудың маңыздылығы негізделді. Нәтижесінде жасанды интеллект технологияларын енгізу тергеу тиімділігін арттыруға және құқық қорғау органдары қызметін жетілдіруге ықпал ету туралы ұсыныстар қалыптастырылды.

Түйінді сөздер: адам өлтіру; ашылмаған қылмыстар; қылмыстық істер; тергеп-тексеру; жасанды интеллект; цифрлық технологиялар.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы применения технологий искусственного интеллекта при расследовании нераскрытых уголовных дел, связанных с убийствами. Анализируются статистические данные по преступлениям против жизни в Республике Казахстан, а также раскрываются правовые и социальные последствия нераскрытых дел. В исследовании обосновывается важность использования возможностей искусственного интеллекта для выявления сходств между уголовными делами, анализа повторяемости способов совершения преступлений и установления потенциально связанных дел. В результате сформулированы предложения по внедрению технологий искусственного интеллекта, направленные на повышение эффективности расследования и совершенствование деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: убийство; нераскрытые преступления; уголовные дела; расследование; искусственный интеллект; цифровые технологии.

Abstract. This article discusses the application of artificial intelligence technologies in the investigation of unsolved criminal cases related to homicide. It analyzes statistical data on homicide crimes in the Republic of Kazakhstan and highlights the legal and social consequences of unsolved cases. The study substantiates the importance of using artificial intelligence capabilities to identify similarities between criminal cases, analyze recurring methods of committing crimes, and detect potentially linked cases. As a result, recommendations are developed for the implementation of artificial intelligence technologies aimed at improving the effectiveness of investigations and enhancing the activities of law enforcement agencies.

Keywords: homicide; unsolved crimes; criminal cases; investigation; artificial intelligence; digital technologies.

Қазақстан Республикасының Конституциясында: «мемлекеттің ең қымбат қазынасы - адам және адамның өмірі, құқықтары мен бостандықтары» болып табылады [1]. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының Қылмыстық Кодексінің 99-бабында (бұдан әрі – ҚР ҚК) берілген анықтамасына сәйкес «адам өлтіру дегеніміз – басқа адамды құқыққа қарсы қасақана қазаға ұшырату» болып табылады [2].

И.Ш. Борчашвилидің Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне түсіндірмесінде: «адам өлтірудің қоғамдық қауіптілігі – бұл ауыр қылмыс жасалған жағдайда адамның конституциялық құқығы, өмір сүру құқығы бұзылуымен көрініс табады».

Өмір сүру құқығы адамның азаматтығына, ұлтына, нәсіліне, тегіне, жасына, әлеуметтік шығу тегіне, кәсібіне, денсаулығына, біліміне, ақыл-ойына қарамастан әркімге тиесілі.

Адам өмірі – әркімге тумысынан тиесілі, табиғатынан әлеуметтік маңызы бар ең басты құндылық болып табылады [3].

Ресми статистикаға сәйкес 2020-2024 жылдар аралығы және ағымдағы жылдың өткен кезеңінде Қазақстан Республикасы бойынша 862 069 қылмыстық іс тіркелген. Оның ішінде 2 969 қылмыстық іс адам өлтіруге қатысты қылмыстық істер.

Жылдар	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Жалпы саны	631	579	520	472	449	318

Астана қаласы	26	19	21	25	21	18
Алматы қаласы	59	50	57	47	46	23
Шымкент қаласы	22	18	15	13	13	8
Абай облысы	0	0	11	21	20	12
Ақмола облысы	45	37	33	26	28	15
Ақтөбе облысы	33	26	23	22	22	20
Алматы облысы	68	79	53	44	52	23
Атырау облысы	17	18	11	14	10	17
Шығыс-Қазақстан облысы	59	67	39	36	29	29
Жамбыл облысы	47	35	32	22	30	15
Жетісу облысы	0	0	10	18	16	11
Батыс-Қазақстан облысы	20	17	16	15	18	8
Қарағанды облысы	65	48	33	26	27	23
Қостанай облысы	40	50	33	30	23	14
Қызылорда облысы	15	9	16	10	12	7
Маңғыстау облысы	12	16	14	11	9	8
Павлодар облысы	52	38	30	30	26	26
Солтүстік-Қазақстан облысы	20	20	26	19	10	17
Түркістан облысы	28	29	32	25	29	13
Ұлытау облысы	0	0	12	16	7	6
Көлік әкімшілік	0	0	0	0	0	2
Әскери әкімшілік	1	0	3	2	1	3

Алайда, статистикаға сәйкес соңғы 5 жылда 111 қылмыстық іс Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексінің (бұдан әрі – ҚР ҚПК) 45-бабы іс бойынша сот ісін жүргізуді тоқтата тұру және сотқа дейінгі тергеп-тексеру мерзімдері үзілген [4].

Атап айтқанда, 98 қылмыстық іс ҚР ҚПК-нің 45-бабы 7-бөлігі 1) тармағы яғни, қылмыстық құқық бұзушылық жасаған адам анықталмауына, 8 қылмыстық іс - ҚР ҚПК-нің 45-бабы 7-бөлігі 3) тармағы күдікті, айыпталушы қылмыстық қудалау органдарынан жасырынған не олардың болатын жері басқа да себептер бойынша анықталмауына, 3 қылмыстық іс -ҚР ҚПК-нің 45-бабы 7-бөлігі 4) тармағы күдіктінің, айыпталушының жүйкесінің уақытша бұзылуы немесе өзге де ауыр науқасы заңда көзделген тәртіппен куәландырылуына және 2 қылмыстық іс - ҚР ҚПК-нің 45-бабы 7-бөлігі 5) тармағы кодексте көзделген тәртіппен құқықтық көмек алуға байланысты процестік әрекеттер орындалмауына байланысты мерзімдері үзілген [5].

Яғни, ашылмаған адам өлтіруге қатысты қылмыстық істер дегеніміз бұл ресми түрде сотқа дейінгі тергеп тексеру мерзімі үзілген, іс мұрағатқа тапсырылған қылмыстық іс болып табылады.

Мұндай істер тоқтатылды деп есептелмейді және жаңа айғақтар табылған жағдайда қайта жаңартылады. ҚР ҚК-нің 71-бабы 4-бөлігінде егер қылмыс жасаған адам тергеуден немесе соттан жалтарса, ескіру мерзімдерінің өтуі тоқтатыла тұрады. Бұл жағдайда ескіру мерзімдерінің өтуі адамның ұсталған немесе оның айыбын мойындап келген кезінен бастап қайта басталады. Бұл ретте, егер қылмыс жасаған уақыттан бері ескіру мерзімі үзілмесе, ауыр қылмыс жасалғаннан кейін он бес жыл және аса ауыр қылмыс жасалғаннан кейін жиырма жыл өтсе, адам қылмыстық жауаптылыққа тартылмайды және егер ауыр немесе аса ауыр қылмыс жасаған адам осы баптың бірінші бөлігінде көрсетілген мерзім өткенге дейін жаңадан ауыр немесе аса ауыр қылмыс жасаса, ескіру мерзімінің өтуі үзіледі.

Мұндай жағдайларда ескіру мерзімін есептеу жаңа қылмыс жасалған күннен бастап қайта басталуы тиіс. Өзге жағдайларда, егер ескіру мерзімі өткенге дейін адам қайтадан қылмыс жасаса, әрбір қылмыс бойынша ескіру мерзімі дербес өтеді делінген.

Ашылмаған адам өлімі бұл тек бір адамның өлімі ғана емес, сонымен қатар қоғамдық әділеттілікке, құқықтық жүйеге деген сенімге тікелей әсер ететін аса маңызды және сезімтал әлеуметтік

проблемалардың бірі. Әр адам құқықтық мемлекетте өмір сүріп жатқандықтан, өз өмірінің, қауіпсіздігінің қорғалатынына сенгісі келеді. Адам өлімі бойынша қылмыстың ашылмауы бұл қоғамда «жазасыздық» сезімін қалыптастырады.

Өз кезегінде, Қазақстан Республикасының Қылмыстық-атқару кодексінің (бұдан әрі – ҚАК) 5-бабында Қазақстан Республикасының қылмыстық-атқару заңнамасының қағидаттары 1) адам және азамат құқықтарын, бостандықтарын және заңды мүдделерін сақтау; 2) заңдылық; 3) ізгілік; 4) жазаларды орындау шарттарын саралау; 5) жазаны және өзге де қылмыстық-құқықтық ықпал ету шараларын орындауды даралау; 6) мәжбүрлеу шараларын ұтымды қолдану; 7) түзелуге ықпал етумен жазаны сабақтастыру; 8) сотталғандардың құқыққа бағынушылық және белсенді, қоғамға пайдалы мінез-құлқын ынталандыру қағидаттарына негізделетініне нахар аударамыз [6].

Мұндай жағдайда қоғам құқық қорғау органдарына деген сенімін жоғалтып, жәбірленуші тараптың психологиялық және моральдық зардабына әкеліп соғу тәуекелі жоғары болатыны анық. Қаза тапқан адамның жақын туыстары үшін белгісіздік пен әділетсіздік ең ауыр күйзеліс болып табылады. Оған дәлел ретінде 2024 жылы елімізде орын алған Алматы облысы Талғар қаласындағы адам өліміне қатысты қылмыстық істе күдіктілер анықталғанның өзінде марқұмның жақын туыстары әділ жаза тағайындау мәселесінде қандай күйзеліске ұшырағаны халық арасында қызу талқылауға түскенін айта кетсек болады [7].

Қылмыскердің табылмауы оларды өмір бойы психологиялық күйзеліске ұшыратуы мүмкін. Жәбірленуші тарап жылдар бойы жауап пен шындықты күтіп өмір сүреді және құқық қорғау органдарына деген сенімді төмендетеді. Қылмыскердің табылмауы және жазаланбауы қауіптің сақталуы болып табылады.

Егер адам өлтірген қылмыскер жауапқа тартылмаса, ол тағы да қылмыс жасауы мүмкін. Көршілес орналасқан Ресей Федерациясында Алексей Львович Шерстобитов (лақапаты – Леша солдат) 1993-2006 жылдар аралығында 12 адам өлтіргендігі 2006 жылы дәлелденіп, 23 жылға қатаң режимінде бас бостандығынан айырылған [8].

Аталған сериялық адам өлтіруге қатысты қылмыстарды тергеп-тексеру кезінде кездесетін өзекті мәселелерді айқындау және сериялық кісі өлтірулерді тергеудің тактикалық және әдістемелік ерекшеліктеріне талдау жүргізген Ресей Федерациясының заң ғылымдарының кандидаты Х.А. Аккаева «Сериялық кісі өлтіруді тергеудің ерекшеліктері» туралы мақаласында атап өткен [9].

Бұл бүкіл қоғам үшін қауіп тудырады, әсіресе егер ол кісі өлтіруді қасақана және жүйелі түрде жасаған немесе сериялық кісі өлтіруші т.б. болса.

Ашылмаған істердің көп болуы тергеу органдарының техникалық жабдықталуының әлсіздігін және цифрлық іздерді қадағалайтын заманауи технологиялардың болмауының салдарынан да болуы мүмкін.

Егер қоғамда адам өлтірген қылмыскерлер жазасыз қалатыны белгілі болса, бұл басқа құқық бұзушыларға дем беріп, қоғамдағы қылмыстылық деңгейінің артуына ықпал етуіне кері әсерін тигізеді. Сондықтан мерзімі үзіліп тұрған адам өліміне қатысты істер бұл тек бір адамның тағдыры ғана емес, бүкіл құқықтық жүйенің тиімділігіне баға беретін көрсеткіш деп қабылдауымыз қажет.

Қазіргі таңда жасанды интеллектінің дамуы күннен күнге қарқындау үстінде. Оған мысал Қызылорда облысының прокуратурасы сот-тергеу тәжірибесінде жасанды интеллект мүмкіндіктерін пайдалана отырып, алаяқтықтың алдын алуға бағытталған «IT Tergeu» жобасын әзірлеп, бағдарламаның көмегімен 749 қылмыстық іс бойынша 1074 ұялы нөмір тексеріліп, нәтижесінде 151 қылмыс ашылып, 62 қылмыскер ұсталып, сондай-ақ 2 киберқылмыс тобы, 52 тамшы және 91 жоғалған адам анықталып, интернет-алаяқтық туралы 264 істің 78-і сотқа жіберілген. Бұл алдыңғы кезеңмен салыстырғанда қылмыстардың ашылу бойынша көрсеткішін 29%-ға арттырған [10].

Осы мақаланы жазудағы мақсатымыз адам өліміне қатысты қылмыстық істерді тергеп-тексеру кезінде арнайы әдістеме яғни, тергеушілерге тиімді көмекші құрал ретінде жасанды интеллектіні қолданысқа енгізу.

Бұл салада тергеудің тиімділігін арттыру мен заманауи технологияларды енгізу және цифрлық іздерді қадағалау сияқты заманауи технологиялар толық қолдану қажет. Кейбір қылмыстар жеке оқиғаға ұқсаса да, сол әрекеттерді бірнеше жылдар бойы бірдей орындаған қылмыскерлер болуы мүмкін.

Атап айтқанда, қылмыстық әрекеттері бірдей, бірақ бірнеше жылдар бұрын жасалған яғни, қылмыстың оқиғасы бірдей қылмыстырдың бір-біріне қаншалықты қатысы бар екендігіне талдау жасайды.

Мәселен, қылмыстық істерді тіркеу кезінде қылмыстың қалай жасалғандығы туралы жазған кезде жасанды интеллект дәл сондай немесе соған ұқсас және күдіктінің әрекеттері бірнеше қылмыстық

істерде қайталанған мерзімдері үзіліп тұрған қылмыстық істерді ұқсастық ретінде және бір-біріне байланысы болуы мүмкін деп шығарып береді. Яғни, бір адам бірдей қылмыстық іс әрекеттерді жасау арқылы бірнеше қылмыс жасауы мүмкін және бұл қылмыстардың бір-біріне қаншалықты қатысы бар екендігін әрі қарай тергеу амалдары арқылы анықтауға болады.

Осыған орай, қазіргі заманғы жасанды интеллект технологияларын қолдана отырып, оқиға сипаттары мен әрекеттердің ұқсастығына негізделген жүйе құру арқылы тергеуді тездетіп, мүмкін байланысты істерді анықтауға көмектеседі.

Жасанды интеллекттің мақсаты қылмыстық істерді тіркеу жазбалары мен тергеу материалдарының (оқиға орны сипаттамасы, куәгер мәліметтері қолданылған құралдар, зақымдау түрлері, география, уақыт белгілері жән т.б.) негізінде «ұқсастыққа» қарай ашылмай тұрған істер арасында ықтимал байланыстарды автоматты түрде анықтап, тергеушіге ықтималды ассоциациялар тізімін ұсынатын жүйе құру.

Жасанды интеллекттің міндеттері істер арасындағы семантикалық және құрылымдық ұқсастықтарды, ұқсастықтың ықтимал себебін (әдіс-амал, құрал, жазықтық, география, уақыт, тұлғалық профиль) түсінікті түрде визуализациялау, адам бірлескен жұмыс арқылы тергеу гипотезаларын жылдам тексеруге мүмкіндік беру, құпиялылық, заңдылық және қауіпсіздік талаптарын сақтау.

Қорытындылай келе, ашылмаған яғни, мерзімдері үзілген адам өлімі істерін байланыстыру үшін жасанды интеллект негізінде жүйе құру тергеушілерге тиімді көмекші құрал бола алады. Мұндай жүйе келесі қағидаларға негізделуі тиіс: деректерді жан-жақты өңдеу, гибридіті ұқсастықтық модельдер, адам-мамандардың бақылауы, қатал құпиялылық пен заңдылық талаптары. Жүйені енгізу пилоттан бастап кезең-кезеңімен жүргізіліп, модельдің нәтижелерін нақты тергеулер арқылы бағалау қажет.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы. Конституция 1995 жылы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (жүгінген күні: 13.11.2025);
2. Қазақстан Республикасының Қылмыстық Кодексі 2014 жылғы 3 шілдеде қабылданды. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 13.11.2025);
3. Заң ғылымының докторы, профессор, Қазақстан Республикасының Жаратылыстану ғылымы академиясының академигі Исидор Шамилович Борчашвилидің Қазақстан Республикасының Қылмыстық Кодексіне түсіндірмесі // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/T9700167_1 (жүгінген күні: 15.11.2025);
4. Құқықтық статистика // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (жүгінген күні: 17.11.2025);
5. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі 2014 жылғы 4 шілдеде қабылданды. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000231> (жүгінген күні: 17.11.2025);
6. Қазақстан Республикасының Қылмыстық-атқару кодексі 2014 жылғы 5 шілдеде қабылданды. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000234> (жүгінген күні: 22.11.2025);
7. Шерзат Полаттың өліміне кінәлілерге ауыр жаза бергені туралы // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://kaz.orda.kz/23-zhyl-sudja-sherzattyn-olimine-kinalilerge-nelikten-auyr-zhaza-bergenin-tysindirdi-133084/> (жүгінген күні: 23.11.2025);
8. Мысал Алексей Львович Шерстобитов // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шерстобитов,_Алексей_Львович (жүгінген күні: 24.11.2025);
9. Х.А. Аккаеваның мақаласы // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rassledovaniya-seriynyh-ubiystv-1> (жүгінген күні: 22.03.2026);
10. Қызылорда облысының жасанды интеллектіні қолдану тәжірибесі // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://inbusiness.kz/ru/last/v-kyzylordinskoj-oblasti-ispolzuyut-iskusstvennyj-intellekt-v-borbe-s-moshennichestvom> (жүгінген күні: 24.11.2025).

УДК 343.14

Шайхыстанова Салтанат Нурлановна,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ФРЕЙМОВОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ КАК МЕТОД КОГНИТИВНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье исследуется возможность применения метода фреймового структурирования в системе уголовно-процессуального доказывания. Актуальность работы обусловлена необходимостью повышения рациональности оценки доказательств и минимизации субъективного фактора при формировании внутреннего убеждения. На основе междисциплинарного анализа философских и когнитивных теорий фрейма обосновывается его применимость в правовой сфере. Предлагается авторская модель фрейма, включающая предмет доказывания, доказательственную информацию и нормативные критерии её оценки. Особое внимание уделяется корреляции когнитивных структур и процессуальных требований относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств. Фрейм рассматривается как эпистемическая и регулятивная конструкция, способствующая систематизации доказательственной деятельности. Обосновывается тезис о возможности снижения зависимости оценки доказательств от субъективных категорий посредством структурированного подхода. Делается вывод о перспективах внедрения фреймового метода как инструмента оптимизации правоприменительной практики.

Ключевые слова: фрейм, фреймовое структурирование, уголовно-процессуальное доказывание, оценка доказательств, когнитивная модель, эпистемическая функция, внутреннее убеждение, допустимость и относимость доказательств, рационализация правоприменения.

Аннотация. Мақалада қылмыстық-процестік дәлелдеу жүйесінде фреймдік құрылымдау әдісін қолдану мүмкіндігі қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі дәлелдемелерді бағалаудың ұтымдылығын арттыру және ішкі сенімге негізделген субъективтік факторды азайту қажеттілігімен негізделеді. Фрейм теориясының философиялық және когнитивтік негіздері пәнаралық талдау арқылы құқық саласында қолданылу мүмкіндігі тұрғысынан сараланады. Автор дәлелдеу пәнін, дәлелдемелік ақпаратты және оны бағалаудың нормативтік өлшемдерін қамтитын фреймнің үлгілік моделін ұсынады. Дәлелдемелердің қатыстылығы, жол берілетіндігі, шынайылығы және жеткіліктілігі талаптары когнитивтік құрылыммен өзара байланыста қарастырылады. Фрейм дәлелдеу қызметін жүйелеуге ықпал ететін эпистемологиялық және реттеушілік құрылым ретінде сипатталады. Құрылымдалған тәсіл арқылы дәлелдемелерді бағалаудағы субъективтік элементтердің ықпалын төмендету мүмкіндігі негізделеді. Зерттеу нәтижелері фреймдік әдісті құқық қолдану тәжірибесін оңтайландыру құралы ретінде енгізудің перспективаларын айқындайды.

Түйінді сөздер: фрейм, фреймдік құрылымдау, қылмыстық-процестік дәлелдеу, дәлелдемелерді бағалау, когнитивтік модель, эпистемологиялық функция, ішкі сенім, дәлелдемелердің жол берілетіндігі мен қатыстылығы, құқық қолдануды ұтымдандыру.

Abstract . The article examines the application of the frame structuring method in criminal procedural proof. Its relevance lies in enhancing rational evidence assessment and reducing subjectivity in forming internal conviction. Based on interdisciplinary analysis of philosophical and cognitive theories, the applicability of frames in law is substantiated. The author proposes a model including the subject of proof, evidentiary information, and normative evaluation criteria. Particular attention is given to the correlation between cognitive structures and procedural requirements of relevance, admissibility, credibility, and sufficiency. The frame is viewed as both an epistemic and regulatory construct that systematizes evidentiary activity. The study demonstrates that a structured approach can minimize subjectivity in evaluating evidence. It concludes that the frame method has strong potential for improving law enforcement practice.

Keywords: frame, frame structuring, criminal procedural proof, evaluation of evidence, cognitive model, epistemic function, internal conviction, admissibility and relevance of evidence, rationalization of law enforcement.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, особое место занимает проблема постоянной коррекции норм законодательства, придающей ему эквивокативный характер в правоприменительной деятельности, выражающийся в проявлении ошибок и нарушений норм лицами, не обладающими сведениями о внесённых изменениях.

Другой проблемой по-прежнему остаётся реализация механизмов защиты конституционных прав и свобод граждан в ходе осуществления уголовного преследования, а также отправления правосудия.

В этой связи Республика Казахстан взяла стратегический курс на достижение высокого уровня обеспечения соблюдения прав и законных интересов граждан стран Организации экономического

сотрудничества и развития путём усиления механизмов, направленных на обеспечение и неукоснительное соблюдение конституционных принципов презумпции невиновности и неприкосновенности частной жизни, расширение доступа граждан к правосудию, а также исключение обвинительного уклона в ходе уголовного преследования. В этом контексте особую значимость приобретают вопросы правового фреймирования. Необходимо отметить, что отдельной науки, как «фреймология», не существует; теории фреймов развиваются в различных научных областях, вследствие чего им присущ междисциплинарный характер.

Материалы и методы исследования. Ретроспективный анализ возникновения и развития понятия «фрейм» как метода научного познания представляет собой сложный и многоэтапный процесс, в котором пересеклись философия, психология, лингвистика, социология, информатика и другие области знания. Поскольку фрейм является универсальным инструментом структурирования знаний, применяемым как в гуманитарных, так и в точных науках, сведение его понимания к одной дисциплине является ошибочным.

Идеи, близкие к современному пониманию фрейма, прослеживаются в философских системах со времён античности. Так, предложенная Аристотелем систематизация знания, выраженная в учении о категориях и логике рода и вида, явилась основой выделения устойчивых мыслительных рамок как способа упорядочивания опыта, при котором познание осуществляется через корреляцию единичного с общей категорией посредством структурированных схем понимания.

Также «научная парадигма Куна есть часть научного опыта, ряд теорий, концепций и взглядов, которые определяют и структурируют мировоззрение учёного на данном этапе развития науки; в свою очередь, учёный формулирует теории и разрабатывает подходы в рамках той же научной парадигмы, используя представленные в ней знания. Следовательно, научную парадигму также можно рассматривать в качестве фрейма, определяющего восприятие и формирование научной реальности» [1].

Результаты и обсуждения. Сущность концепции фрейма заключается в функции систематизации и упорядочивания знаний, а также включении совокупности ролей, отношений и типичных сценариев, посредством которых отдельные эмпирические элементы приобретают целостное значение. В данном контексте фрейм может быть интерпретирован как продолжение аристотелевской традиции категориального упорядочивания, учения Канта об апперцепции как условии синтетического единства сознания, а также концепции научных парадигм Куна, где особо выделяется роль когнитивных структур организации знания.

Вышеуказанные идеи получили дальнейшее развитие в работах И. Гофмана, М. Минского, Р. Шенка, Р. Абельсона, Ч. Филлмора и других учёных, предлагавших представлять знания о мире в виде фреймов. Результаты их исследований получили в научной литературе название фреймовой теории.

В правовой науке метод правового фреймирования впервые был апробирован профессором В.В. Ханом. Посредством структуризации исторических событий и определения правовых критериев была осуществлена правовая оценка, по результатам которой выявлены латентные действия антиправового характера, связанные с раскулачиванием и дебаизацией. Это позволило объяснить объективные причины трагических последствий и преобладание в национальном правосознании элементов обвинительного уклона уголовного правосудия [2].

В целях дальнейшего развития потенциала внедрения метода фреймового структурирования в уголовно-процессуальное право предлагается универсальная конструкция, способная в дальнейшем оптимизировать процесс доказывания вне зависимости от отрасли права.

Согласно трактовке, представленной в современном философском словаре, «фрейм» — это структура данных для стереотипной ситуации [3].

Американский исследователь Марвин Минский, развивая концепцию фреймового структурирования в области программирования, определяет фрейм как структуру данных для представления стереотипной ситуации, к которой прикреплены различные виды информации о способах её использования, ожидаемых результатах и действиях в случае несоответствия ожиданий [4].

В праве данная структура функционирует как когнитивный механизм организации и упорядочивания информации, способствующий принятию обоснованного процессуального решения. Исходя из идей Минского, фрейм можно рассматривать как метод когнитивного структурирования доказательственной деятельности, где он выполняет функцию ментальной структуры, организующей познавательную ситуацию. В зависимости от целей такая структура может включать различные элементы.

В попытке адаптации в право метода фреймового структурирования мы опираемся на положения процессуального законодательства Республики Казахстан, регламентирующего универсальные критерия и свойства доказательств.

Так, в соответствии с частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела» [5]. Аналогичные положения закреплены в части первой статьи 68 Гражданско-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – ГПК РК): «каждое доказательство подлежит оценке с учётом относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения гражданского дела» [6].

Исходя из указанных норм, особую значимость приобретает оценка доказательств, осуществляемая через призму права, совести и внутреннего убеждения.

Согласно мнению С.Т. Қайса и А.Б. Искаковой, «на процесс оценки доказательств влияет правосознание судей, которое может различаться в зависимости от уровня их подготовки и отношения к делу. Вместе с тем категория правосознания является субъективной и не может быть зафиксирована в качестве критерия оценки доказательств» [7].

З.Х. Баймолдина, относя оценку доказательств к завершающей стадии судебного разбирательства, подчёркивает, что подход к ней зависит от уровня развития общества, организации судебной системы и основных начал судопроизводства [8].

М.К. Треушникова, выделяя логическую и правовую стороны оценки доказательств, отмечает, что логическая сторона состоит в анализе доказательств по отдельности и в совокупности путём построения умозаключений, основанных на их содержании и связи с обстоятельствами дела, а также в способности подтверждать или опровергать искомые факты [9].

Аналогичных позиций придерживаются и представители уголовно-процессуальной науки.

Авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» определяют оценку доказательств как мыслительную деятельность следователя, прокурора и суда, заключающуюся в рассмотрении каждого доказательства и их совокупности с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности для выводов по делу [10].

Р.С. Белкин рассматривает оценку доказательств как логический процесс установления допустимости и относимости доказательств, наличия и характера связей между ними, определение значения и путей использования доказательств для обнаружения истины [11].

Обобщая представленные подходы, можно сделать вывод, что оценка доказательств преимущественно рассматривается как когнитивный процесс субъекта доказывания, основанный на внутреннем убеждении и совести, при котором конечной целью является установление объективной истины.

Вместе с тем, как ранее нами было отмечено, метод фреймового структурирования необходимо воспринимать как ментальную схему, состоящую из слотов (ячеек): верхнего уровня где фиксируется предмет доказывания; нижнего уровня содержит получаемые в ходе исследования или проводимых следственных действий сведения; 3) маркёры предусматривают критерии устанавливаемые нормой права (относимость, допустимость и достоверность).

В процессе соотнесения полученных данных и установленных требований, фрейм предложит вариант в каком направлении действовать для установления истины, чего ожидать и что делать, если эти ожидания не подтвердятся, при этом особенно важным является исключение таких свойств оценки доказательств как внутреннее убеждение и совесть.

Таким образом применение метода фреймового структурирования в юриспруденции по праву претендует на звание инновационного когнитивно-правового метода анализа данных, направленного на обеспечение единства и внутренней согласованности системы уголовно-процессуального доказывания. Использование исследуемого метода в практической деятельности позволит рассмотреть доказательственную информацию не только через призму права, но и как элемент широкой эпистемологической структуры, способной обеспечить движение от факта к доказательству, от знания к объективной истине.

Список использованных источников:

1. Некрасов С.И., Молчанова Н.С. Значение теории фреймов в современной науке // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право.* 2009. №16 (71). [Electronic resource] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-teorii-freymov-v-sovremennoy-nauke> (дата обращения: 28.02.2026).

2. Правовое фреймирование полной реабилитации жертв политических репрессий (на примере раскулачивания и дебаизации) // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 30. / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. – 312 с.
3. Современный философский словарь/ под общ.ред. В.Е. Кемерова и Т.Х.Керимова. – 4-е изд., испр. И доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. – 823 с.
4. Minsky M.A Framework for Representing Knowledge. MIT's Artificial Intelligence Laboratory, 1974. [Electronic resource] Available at: // <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/6089>.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 28.02.2026.).
6. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (дата обращения: 28.02.2026.).
7. С.Т. Қайса, А.Б. Исакова. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Казахстан (часть 1). – 2-изд. измененное и доп. / Под общ. ред. С.Т. Қайса. – Алматы: Жеті жарғы, 2012. Ч. 1. – 440 с.
8. Баймолдина З.Х. Гражданское процессуальное право Республики Казахстан: В двух томах. Т.1. Общая часть. (Темы 1-15). Учебник. –Алматы: КазГЮА, 2001. - 416 с.
9. Гражданский процесс: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под. ред. М.К. Треушникова. М: Издательский Дом «Городец», 2011. – 832 с.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. Ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., и доп. М., 1973. С 428
11. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 66-67.

**ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ПӘНДЕРДІ ОҚЫТУДА ЖАСАНДЫ
ИНТЕЛЛЕКТІНІ ҚОЛДАНУ**

**ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН**

**THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING
SOCIAL AND HUMANITARIAN DISCIPLINES**

УДК 378:004.8

Абдуазимова Зарина Амировна,
доцент кафедры Социально-гуманитарных наук
Правоохранительной Академии Республики Узбекистан
г. Ташкент, Узбекистан

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения технологий искусственного интеллекта в образовательной среде при преподавании социально-гуманитарных дисциплин. Анализируются современные цифровые инструменты, которые позволяют модернизировать образовательный процесс, повысить эффективность обучения и расширить возможности индивидуализации образовательных траекторий студентов. Особое внимание уделяется использованию генеративных систем искусственного интеллекта, интеллектуальных образовательных платформ и аналитических инструментов в учебном процессе. Отмечается, что интеграция искусственного интеллекта в образовательную практику способствует развитию критического мышления, аналитических навыков и исследовательской активности обучающихся. Вместе с тем рассматриваются возможные риски и ограничения, связанные с использованием искусственного интеллекта в гуманитарном образовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект; образовательная среда; цифровые технологии; гуманитарное образование; инновационные методы обучения; образовательные технологии.

Аннотация. Мақалада элеуметтік-гуманитарлық пәндерді оқыту кезінде білім беру ортасында жасанды интеллект технологияларын қолдану мүмкіндіктері қарастырылады. Білім беру процесін жаңғыртуға, оқытудың тиімділігін арттыруға және студенттердің білім беру траекторияларын даралау мүмкіндіктерін кеңейтуге мүмкіндік беретін заманауи цифрлық құралдар талданады. Оқу процесінде жасанды интеллекттің генеративті жүйелерін, интеллектуалды білім беру платформаларын және аналитикалық құралдарды қолдануға ерекше назар аударылады. Жасанды интеллектті білім беру практикасына интеграциялау білім алушылардың сыни ойлауын, талдамалық дағдыларын және зерттеу белсенділігін дамытуға ықпал ететіні атап өтілді. Сонымен қатар, гуманитарлық білім беруде жасанды интеллектті қолдануға байланысты ықтимал тәуекелдер мен шектеулер қарастырылады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; білім беру ортасы; цифрлық технологиялар; гуманитарлық білім; оқытудың инновациялық әдістері; білім беру технологиялары.

Abstract. The article examines the possibilities of applying artificial intelligence technologies in the educational environment in teaching social sciences and humanities. Modern digital tools that allow modernization of the educational process, improvement of learning efficiency, and personalization of students' educational trajectories are analyzed. Particular attention is paid to the use of intelligent educational platforms, data analytics systems, and generative artificial intelligence models in educational practice. The advantages of implementing these technologies are highlighted, including increased interactivity of learning, development of critical thinking, and enhancement of students' research skills. At the same time, potential risks and limitations associated with the use of artificial intelligence in humanities education are discussed. The study concludes that the successful integration of artificial intelligence technologies into the educational process requires a comprehensive approach that considers pedagogical, ethical, and methodological aspects.

Keywords: artificial intelligence; educational environment; digital technologies; humanities education; educational innovation; digital transformation.

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на трансформацию современной системы образования. Одним из наиболее значимых направлений цифровой трансформации является внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс. Искусственный интеллект представляет собой совокупность методов и алгоритмов, позволяющих моделировать интеллектуальную деятельность человека и решать сложные аналитические задачи.

В последние годы технологии искусственного интеллекта активно применяются в различных сферах общественной жизни, включая экономику, управление, медицину и образование. В образовательной сфере данные технологии используются для разработки интеллектуальных обучающих систем, анализа образовательных данных и создания адаптивных образовательных платформ.

Особую актуальность применение искусственного интеллекта приобретает в преподавании социально-гуманитарных дисциплин, поскольку данные дисциплины направлены на развитие критического мышления, аналитических способностей и коммуникативных навыков обучающихся.

Теоретические основы применения искусственного интеллекта в образовании

Искусственный интеллект представляет собой область информатики, направленную на создание интеллектуальных систем, способных выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта. В образовательной практике данные технологии применяются для автоматизации образовательных процессов и повышения эффективности обучения.

Одним из ключевых направлений применения искусственного интеллекта является создание интеллектуальных образовательных систем, которые способны анализировать образовательные данные и адаптировать учебный процесс к индивидуальным особенностям обучающихся.

Согласно современным исследованиям, использование технологий искусственного интеллекта способствует:

- повышению эффективности образовательного процесса;
- персонализации обучения;
- развитию аналитических навыков студентов;
- оптимизации работы преподавателей.

Современное развитие информационных технологий оказывает существенное влияние на систему образования. Одним из ключевых направлений цифровой трансформации образовательной среды является внедрение технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект рассматривается как совокупность методов, алгоритмов и программных систем, способных выполнять задачи, требующие интеллектуальной деятельности человека, включая анализ информации, принятие решений и обучение на основе данных.

В образовательной сфере технологии искусственного интеллекта используются для совершенствования учебного процесса, разработки интеллектуальных обучающих систем и повышения эффективности образовательной деятельности. Исследователи отмечают, что искусственный интеллект позволяет создавать адаптивные образовательные среды, способные учитывать индивидуальные особенности обучающихся и формировать персонализированные образовательные траектории.

Одним из ключевых направлений применения искусственного интеллекта в образовании является разработка интеллектуальных образовательных систем. Такие системы способны анализировать результаты обучения студентов, выявлять пробелы в знаниях и предлагать индивидуальные рекомендации по освоению учебного материала. Использование подобных технологий способствует повышению качества образования и позволяет оптимизировать образовательный процесс.

Важную роль в образовательной среде играют технологии анализа больших данных (Big Data), которые позволяют собирать и анализировать информацию о процессе обучения. На основе анализа образовательных данных преподаватели могут оценивать эффективность образовательных программ, выявлять трудности, возникающие у студентов, и корректировать методику преподавания. Кроме того, технологии искусственного интеллекта активно используются для разработки интеллектуальных образовательных платформ. Такие платформы обеспечивают интерактивное взаимодействие между преподавателями и обучающимися, позволяют автоматизировать проверку учебных заданий и обеспечивают доступ к образовательным ресурсам в цифровой форме. Особое значение в последние годы приобрели генеративные модели искусственного интеллекта, которые способны создавать тексты, анализировать информацию и помогать в подготовке учебных материалов. Использование таких технологий способствует повышению эффективности образовательного процесса и расширяет возможности преподавателей в разработке инновационных методов обучения.

Таким образом, теоретические основы применения искусственного интеллекта в образовании связаны с развитием цифровых образовательных технологий, интеллектуальных обучающих систем и аналитических инструментов. Внедрение данных технологий способствует модернизации образовательного процесса, повышению качества обучения и формированию новых образовательных практик.

Новые подходы к преподаванию социально-гуманитарных дисциплин

Современные образовательные технологии существенно изменяют традиционные методы преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Использование искусственного интеллекта позволяет внедрять инновационные педагогические подходы, направленные на повышение качества обучения.

К основным направлениям применения искусственного интеллекта в преподавании гуманитарных дисциплин относятся:

1. Интеллектуальные образовательные платформы

Современные образовательные платформы используют алгоритмы машинного обучения для анализа образовательных данных и формирования индивидуальных образовательных траекторий студентов.

2. Генеративные модели искусственного интеллекта

Генеративные модели искусственного интеллекта позволяют создавать учебные материалы, анализировать тексты и разрабатывать интерактивные образовательные задания.

3. Аналитические системы образовательных данных

Использование технологий анализа данных позволяет преподавателям получать информацию об успеваемости студентов и корректировать образовательный процесс. Развитие цифровых технологий и внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду существенно изменяют традиционные методы преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Современные образовательные практики ориентированы не только на передачу знаний, но и на формирование у студентов аналитического мышления, критического восприятия информации и способности к самостоятельной исследовательской деятельности. В этом контексте использование технологий искусственного интеллекта открывает новые возможности для модернизации образовательного процесса и повышения его эффективности. Одним из ключевых направлений обновления методов преподавания является внедрение интеллектуальных образовательных платформ. Такие платформы позволяют организовать интерактивное обучение, предоставляя студентам доступ к различным образовательным ресурсам, мультимедийным материалам и аналитическим инструментам. Использование цифровых образовательных платформ способствует повышению вовлеченности студентов в учебный процесс и обеспечивает более эффективное усвоение учебного материала.

Другим важным направлением является применение технологий адаптивного обучения. Системы искусственного интеллекта способны анализировать образовательные данные, включая результаты тестирования, активность студентов и их индивидуальные особенности обучения. На основе полученных данных формируются персонализированные образовательные траектории, позволяющие учитывать уровень подготовки каждого студента и его образовательные потребности.

Значительную роль в преподавании социально-гуманитарных дисциплин играет использование генеративных моделей искусственного интеллекта. Такие системы способны помогать преподавателям в подготовке учебных материалов, анализе научных текстов и разработке интерактивных образовательных заданий. Кроме того, генеративные модели могут использоваться студентами для поиска информации, анализа различных точек зрения и развития навыков научного исследования.

Современные подходы к преподаванию гуманитарных дисциплин также предполагают использование методов проектного и проблемно-ориентированного обучения. В рамках таких методов студенты активно участвуют в обсуждении социальных, правовых и культурных проблем, анализируют различные источники информации и формируют собственные аргументированные выводы. Использование технологий искусственного интеллекта в данном процессе способствует расширению информационных возможностей студентов и повышению качества аналитической работы. Кроме того, важным элементом современных образовательных практик является развитие цифровой и информационной грамотности студентов. В условиях активного внедрения технологий искусственного интеллекта обучающиеся должны уметь критически оценивать получаемую информацию, анализировать её достоверность и использовать цифровые инструменты в научной и профессиональной деятельности. Таким образом, новые подходы к преподаванию социально-гуманитарных дисциплин связаны с интеграцией современных цифровых технологий, развитием интерактивных форм обучения и использованием интеллектуальных образовательных систем. Эти изменения направлены на повышение качества образования, развитие исследовательских компетенций студентов и формирование у них навыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности в условиях цифрового общества.

Педагогический потенциал искусственного интеллекта

Использование технологий искусственного интеллекта в образовательной практике обладает значительным педагогическим потенциалом. К основным преимуществам данных технологий относятся:

Персонализация обучения.

Интеллектуальные системы позволяют учитывать индивидуальные особенности студентов. Повышение интерактивности образовательного процесса. Использование цифровых инструментов способствует активному вовлечению студентов в учебный процесс.

Современные образовательные технологии стимулируют самостоятельную исследовательскую деятельность студентов.

Этические и методологические проблемы применения искусственного интеллекта расширяет значимость методов работы.

Несмотря на значительные преимущества использования искусственного интеллекта в образовательной сфере, существуют определённые риски и ограничения.

К числу основных проблем относятся:

возможная зависимость студентов от цифровых технологий;

вопросы академической честности;

необходимость формирования цифровой компетентности преподавателей;

обеспечение этического использования технологий искусственного интеллекта. Поэтому внедрение данных технологий должно сопровождаться разработкой соответствующих методических и этических рекомендаций.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в образовательной среде открывает новые возможности для совершенствования преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Современные цифровые технологии позволяют не только расширить доступ к знаниям, но и значительно повысить качество образовательного процесса за счёт персонализации обучения, интерактивных методов преподавания и оперативной обратной связи между преподавателем и обучающимися.

Применение интеллектуальных образовательных платформ, аналитических систем и адаптивных обучающих технологий способствует более глубокому усвоению учебного материала, развитию критического мышления и формированию аналитических навыков у студентов. В социально-гуманитарных дисциплинах искусственный интеллект может использоваться для анализа больших массивов информации, моделирования социальных процессов, проведения дискуссий, подготовки аналитических материалов и развития исследовательских компетенций обучающихся. Вместе с тем внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс требует взвешенного и этически обоснованного подхода.

Важно учитывать вопросы академической честности, защиты персональных данных, а также необходимость сохранения ведущей роли преподавателя как организатора и наставника образовательного процесса. Искусственный интеллект должен рассматриваться не как замена преподавателя, а как эффективный инструмент, расширяющий педагогические возможности и повышающий эффективность обучения. Следовательно, интеграция технологий искусственного интеллекта в преподавание социально-гуманитарных дисциплин является перспективным направлением развития современного образования. Их грамотное использование способствует формированию у студентов новых компетенций, необходимых в условиях цифровой трансформации общества, а также повышению качества подготовки специалистов, способных эффективно функционировать в условиях стремительного развития информационных технологий.

Список использованных источников:

1. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. – Pearson, 2021.
2. Luckin R. Machine Learning and Human Intelligence. – London, 2018.
3. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning. – Boston: Center for Curriculum Redesign, 2020. – p. 37.
4. Luckin R. Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century. – London: UCL Institute of Education Press, 2020. – p. 52.
5. Selwyn N. Education and Technology: Key Issues and Debates. – London: Bloomsbury Publishing, 2021. – p. 84.
6. Holmes W., Tuomi I. State of the Art in AI and the Future of Education. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022. – p. 56.
7. Кузнецов А. А. Цифровизация образования и использование искусственного интеллекта в обучении // Педагогика. — 2022. — № 7. — С. 15–23.
8. Андреев А. А., Солдаткин В. И. Электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. — М.: Юрайт, 2020. — 335 с.
9. Кларин М. В. Инновационные модели обучения: исследование мирового опыта. — М.: Юрайт, 2021. — 320 с.
10. ЮНЕСКО. Искусственный интеллект и образование: руководство по политике. — Париж: UNESCO Publishing, 2021. — 50 с.

11. Назаров А. Н. Цифровая трансформация образования: новые технологии и педагогические практики. — М.: Инфра-М, 2023. — 256 с.
12. Бондаренко О. В. Использование технологий искусственного интеллекта в образовательной среде университета // Образование и наука. — 2023. — Т. 25. — № 4. — С. 45–60.

УДК 378.1:004.8

Акрамов Хусан Фуркатович,
доцент Правоохранительной академии Республики Узбекистан,
доктор философии по социологическим наукам (PhD),
г. Ташкент, Республика Узбекистан

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН: ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ НЕЙРОСЕТЕВОГО АУДИОАНАЛИЗА В СИМУЛЯЦИОННУЮ СРЕДУ

Аннотация. В статье рассматривается инновационный подход к преподаванию социально-гуманитарных и профильных юридических дисциплин в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов. На примере концепции «умного симуляционного кабинета», оснащенного системами искусственного интеллекта (ИИ) и алгоритмами анализа акустических биомаркеров, раскрываются новые возможности для объективизации оценки практических навыков слушателей. Особое внимание уделяется применению технологий машинного обучения для анализа властных коммуникаций, антикоррупционного поведения и когнитивной нагрузки в ходе моделирования следственных действий.

Ключевые слова: искусственный интеллект; юридическое образование; симуляционное обучение; социология права; антикоррупционный комплаенс; следственные действия; аудиоаналитика; Правоохранительная академия.

Аннотация. Мақалада қўқық қорғау органдарының қызметкерлерін даярлау жүйесінде әлеуметтік-гуманитарлық және бейіндік заң пәндерін оқытудың инновациялық тәсілі қарастырылады. Жасанды интеллект (АИ) жүйелерімен және акустикалық биомаркерлерді талдау алгоритмдерімен жабдықталған «ақылды симуляциялық кабинет» тұжырымдамасының мысалында тыңдаушылардың практикалық дағдыларын бағалауды объективтендірудің жаңа мүмкіндіктері ашылады. Тергеу әрекеттерін модельдеу барысында билік коммуникацияларын, сыбайлас жемқорлыққа қарсы мінез-құлықты және когнитивті жүктемені талдау үшін машиналық оқыту технологияларын қолдануға ерекше назар аударылады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; заңгерлік білім; симуляциялық оқыту; құқық әлеуметтануы; сыбайлас жемқорлыққа қарсы комплаенс; тергеу әрекеттері; аудиоаналитика; Құқық қорғау академиясы.

Abstract. The article discusses an innovative approach to teaching social, humanitarian and specialized legal disciplines in the system of training law enforcement officers. Using the example of the concept «smart simulation cabinet», equipped with artificial intelligence (AI) systems and algorithms for analyzing acoustic biomarkers, new opportunities are revealed for objectifying the assessment of practical skills of students. Particular attention is paid to the use of machine learning technologies to analyze power communications, anti-corruption behavior and cognitive load during investigative modeling.

Keywords: artificial intelligence; legal education; simulation training; sociology of law; anti-corruption compliance; investigative actions; audio analytics; Law enforcement Academy.

В условиях стремительной цифровизации общества и трансформации правовой системы, традиционные методы преподавания социально-гуманитарных дисциплин в ведомственных вузах требуют качественного переосмысления. Подготовка современного следователя или прокурора выходит за рамки простого заучивания нормативно-правовых актов. Ключевой задачей становится интериоризация правовых норм, формирование устойчивого профессионального габитуса и развитие навыков эффективной коммуникации в условиях высокого психологического напряжения.

Правоохранительная академия Республики Узбекистан, являясь флагманом внедрения передовых образовательных стандартов, активно развивает практико-ориентированные форматы обучения. Одним из наиболее перспективных направлений в этой области является интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ) в симуляционные образовательные пространства. В данной статье мы рассмотрим практический потенциал применения ИИ-технологий, в частности, систем глубокого нейросетевого аудиоанализа, интегрированных в инфраструктуру симуляционных кабинетов.

Методология и концепция аппаратно-программного комплекса «Умный симуляционный кабинет».

Традиционный симуляционный кабинет представляет собой пространство, физически воссоздающее обстановку места происшествия, кабинета следователя или зала суда. Однако без объективных инструментов фиксации и анализа, оценка действий обучающегося (слушателя) во многом зависит от субъективного восприятия преподавателя-модератора.

Технологический переход к «умному» кабинету обеспечивается внедрением специализированного аппаратно-программного комплекса. Его ядром выступает высокочувствительный массив направленных микрофонов, подключенный к локальной или защищенной облачной Большой языковой модели (LLM). В отличие от стандартных систем транскрипции (Speech-to-Text), применяемый ИИ осуществляет многоуровневый анализ аудиопотока в режиме реального времени:

1. Семантический уровень: распознавание смысла сказанного, выявление логических противоречий и соответствия правовым алгоритмам.
2. Социолингвистический уровень: анализ применяемого лексикона, стилистики речи, наличия неформальной лексики или слов-паразитов.
3. Паралингвистический уровень (анализ биомаркеров): фиксация микроизменений тембра, частоты основного тона, темпа речи и пауз, что позволяет с высокой точностью определять уровень стресса, эмоциональное выгорание или растерянность спикера.

Рассмотрим практическое применение данной технологии в контексте конкретных социально-гуманитарных и профильных дисциплин.

Социология права: анализ властных коммуникаций и социального дистанцирования.

В рамках курса социологии права фундаментальное значение имеет понимание того, как правовые нормы реализуются через социальное взаимодействие. Процесс допроса — это, прежде всего, сложный акт властной коммуникации, где статус следователя должен поддерживаться не только силой закона, но и профессиональным авторитетом.

Сценарий применения: Слушатель проводит учебный допрос «подозреваемого» (роль исполняет подготовленный ассистент или преподаватель). В ходе симуляции ИИ-микрофон непрерывно анализирует паттерны общения. Система фиксирует, насколько корректно обучающийся выстраивает социальную дистанцию. Например, алгоритм способен выявить моменты, когда слушатель переходит на излишне агрессивный тон или, напротив, демонстрирует неуверенность через повышение тональности в конце утвердительных предложений.

Если «подозреваемый» начинает оказывать психологическое давление или провоцировать конфликт, ИИ оценивает устойчивость слушателя к эмоциональному заражению. По итогам занятия формируется тепловая карта коммуникации, наглядно демонстрирующая, в какие моменты слушатель терял контроль над социальной ситуацией. Это предоставляет преподавателю богатый эмпирический материал для разбора того, как теоретические концепты социологии права воплощаются в реальной следственной практике.

Антикоррупционный комплаенс и оценка профессиональной этики.

Развитие нулевой терпимости к коррупции требует не только знания этических кодексов, но и доведения навыков противодействия коррупционному давлению до автоматизма.

Сценарий применения: В симуляционном кабинете моделируется ситуация скрытой провокации. «Участник уголовного процесса» пытается склонить слушателя к неправомерным действиям, используя завуалированные фразы, намеки или предложения о «неформальном решении вопроса».

ИИ-система, обученная на обширных базах данных речевых паттернов, распознает скрытые коррупционные триггеры. Ключевой метрикой для алгоритма становится реакция слушателя. ИИ измеряет когнитивную паузу (время задержки ответа) и семантическую жесткость отказа. Если обучающийся начинает использовать уклончивые формулировки, допускает длительные паузы или меняет темп речи, система маркирует это как зону институционального риска. Такой подход позволяет перевести оценку антикоррупционной устойчивости из плоскости теоретического тестирования в сферу точных, измеримых поведенческих данных, что критически важно для методологии институциональной оценки рисков в правоохранительных органах.

Когнитивная нагрузка и тактика следственных действий.

Следственная работа сопряжена с колоссальными интеллектуальными перегрузками. Неспособность справляться с растущим объемом информации является одной из главных причин текучести кадров среди молодых специалистов.

Сценарий применения: Симуляция длительного, многоэпизодного допроса свидетеля по сложному экономическому преступлению. В данном случае ИИ выступает не только как оценщик, но и как невидимый ассистент. Микрофон анализирует структуру вопросов, задаваемых слушателем. Если вопросы становятся избыточно длинными (перегруженными придаточными предложениями), содержат логические сбои или превращаются в наводящие (что недопустимо с точки зрения УПК), система диагностирует когнитивное истощение.

Кроме того, ИИ сопоставляет произнесенный текст с заранее загруженной матрицей обстоятельств, подлежащих доказыванию. При обнаружении пробелов, система через интерфейс модератора может подать сигнал преподавателю о том, что слушатель потерял нить допроса. При моделировании допросов несовершеннолетних или жертв насилия, ИИ дополнительно оценивает уровень эмпатии в голосе, наличие поддерживающих конструкций, необходимых для установления раппорта (психологического контакта).

Дискуссия и влияние на образовательный процесс.

Внедрение искусственного интеллекта в симуляционную среду Правоохранительной академии решает ряд стратегических институциональных задач.

Во-первых, это обеспечение беспрецедентной объективности (Data-driven education). Оценка компетенций больше не опирается исключительно на экспертное, но субъективное мнение преподавателя. Она базируется на массиве измеримых метрик, что повышает прозрачность образовательного процесса и доверие к нему со стороны слушателей.

Во-вторых, это мощный инструмент профессиональной адаптации. Регулярные тренировки с последующим глубоким ИИ-анализом ошибок позволяют существенно снизить уровень стресса при переходе выпускников к реальной следственной практике. Моделируя сверхстрессовые ситуации в безопасной академической среде, мы способствуем удержанию молодых профессионалов в системе, предотвращая их раннее профессиональное выгорание.

В-третьих, накопленные деперсонализированные аудиоданные формируют уникальную эмпирическую базу. Анализ тысяч часов симуляций открывает новые горизонты для социально-гуманитарных исследований, позволяя выявлять макро-тенденции в коммуникативном поведении будущих офицеров и своевременно корректировать учебные программы.

Интеграция технологий искусственного интеллекта, в частности систем семантического и акустического анализа речи, в симуляционные кабинеты знаменует собой новый этап в развитии юридического образования. Это позволяет преодолеть разрыв между теоретической социально-гуманитарной подготовкой и жесткими требованиями реальной правоохранительной практики. Опыт Правоохранительной академии Республики Узбекистан в разработке и внедрении подобных высокотехнологичных комплексов может служить передовой моделью подготовки кадров, способных эффективно и этично действовать в самых сложных условиях современной правовой реальности.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (Утвержден Законом РУз от 22.09.1994 г. № 2013-ХП, с изменениями и дополнениями). – Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (Lex.uz).
2. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» от 23.09.2020 г. № ЗРУ-637. – Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (Lex.uz).
3. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии "Цифровой Узбекистан – 2030" и мерах по ее эффективной реализации» от 05.10.2020 г. № УП-6079.
4. Лапаева В.В. Социология права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 336 с.
5. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с. (Примечание: фундаментальный труд для понимания концепций социального дистанцирования и властных коммуникаций).
6. Вербицкий А. А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования. – М.: Педагогика, 2010. – 186 с.
7. Панина Т.С., Вавилова Л.Н. Современные способы активизации обучения: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 176 с.
8. Ходжаев А.А. Методика преподавания специальных дисциплин в правоохранительных вузах: интеграция теории и практики. – Ташкент, 2023. – 210 с.
9. Босова Л.Л. Искусственный интеллект в образовании: возможности и вызовы // Информатика и образование. – 2020. – № 9. – С. 5–13.
10. Макаров А.В. Симуляционное обучение в юридическом образовании: проблемы и перспективы // Юридическое образование и наука. – 2019. – № 3. – С. 15–20.
11. Ниязова Н.М., Рахманов А.А. Инновационные технологии в системе высшего юридического образования Республики Узбекистан // Вестник правоохранительных органов. – Ташкент, 2022. – № 2. – С. 45–51.

12. Расулов Ж. Технологии искусственного интеллекта в образовательных практиках и противодействии коррупции // Право и цифровая экономика. – 2023. – № 1. – С. 45–52.
13. Пэн И., Чжан С. Распознавание эмоций и анализ акустических параметров речи: методы машинного обучения для оценки стресса // Компьютерная лингвистика и когнитивные технологии. – 2021. – Т. 14. – С. 112–120.
14. Карпов А.О. Университет 3.0 – социальные миссии и реальность цифровой эпохи // Социологические исследования. – 2017. – № 9. – С. 114–124.
15. Соколов И.А., Чугунов А.В. Оценка когнитивной нагрузки и применение нейросетевых алгоритмов в профессиональной подготовке кадров // Информационное общество. – 2022. – № 4. – С. 22–31.

УДК 378.6

Акылбекова Бахыт Турсыновна,
Академия Комитета национальной безопасности Республики Казахстан,
г. Алматы, Республика Казахстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В ВОЕННЫХ, СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОРГАНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РК: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция цифровизации системы подготовки кадров в военных, специальных учебных заведениях органов национальной безопасности РК в условиях формирования информационного общества. Выделены три ключевых этапа развития: компьютеризация образования, цифровизация образовательной среды и внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс. На основе анализа научных исследований и государственных программ показано, что каждый этап характеризуется изменением технологической инфраструктуры, образовательных ресурсов и механизмов управления качеством подготовки кадров. На современном этапе особое внимание уделяется формированию цифровой образовательной экосистемы как среды интеграции цифровых платформ, образовательных ресурсов и интеллектуальных технологий. В качестве перспективного направления развития системы подготовки кадров рассматривается использование искусственного интеллекта для повышения качества образовательных программ и совершенствования управления образовательным процессом.

Ключевые слова: подготовка кадров; цифровизация высшего образования; компьютеризация; искусственный интеллект; цифровая образовательная экосистема; управление качеством образования в ВСУЗах.

Аннотация. Мақалада ақпараттық қоғам қалыптасу жағдайында ҚР әскери, арнаулы оқу орындарындағы кадрларды даярлау жүйесінің цифрландыру эволюциясы қарастырылады. Дамудың үш негізгі кезеңі: білім беруді компьютеризациялау, білім беру ортасын цифрландыру және білім беру процесіне жасанды интеллект технологияларын енгізу. Ғылыми зерттеулер мен мемлекеттік бағдарламаларды талдау негізінде әрбір кезең технологиялық инфрақұрылымның, білім беру ресурстарының және кадрларды даярлау сапасын басқару тетіктерінің өзгеруімен сипатталатыны көрсетілген. Қазіргі кезеңде цифрлық платформалардың, білім беру ресурстары мен интеллектуалдық технологиялардың интеграция ортасы ретінде цифрлық білім беру экожүйесін қалыптастыруға ерекше назар аударылады. Кадрларды даярлау жүйесін дамытудың перспективалы бағыты ретінде білім беру бағдарламаларының сапасын арттыру және білім беру үдерісін басқаруды жетілдіру үшін жасанды интеллектті пайдалану қарастырылады.

Түйінді сөздер: кадрларды даярлау; жоғары білім беруді цифрландыру; компьютерлендіру; жасанды интеллект; цифрлық білім беру экожүйе; ӘАЖОО білім беру сапасын басқару.

Abstract. The article considers the evolution of the digitalization of the personnel training system in the military, special educational institutions of the national security bodies of the Republic of Kazakhstan in the conditions of the formation of the information society. Three key stages of development are identified: computerization of education, digitalization of the educational environment and the introduction of artificial intelligence technologies into the educational process. Based on the analysis of scientific research and government programs, it is shown that each stage is characterized by changes in technological infrastructure, educational resources and quality management mechanisms of personnel training. At the present stage, special attention is paid to the formation of a digital educational ecosystem as an integration environment of digital platforms, educational resources and intelligent technologies. As a promising direction for the development of the training system, the use of artificial intelligence to improve the quality of educational programs and improve the management of the educational process is considered.

Keywords: personnel training; digitalization of higher education; computerization; artificial intelligence; digital educational ecosystem; management of quality education in MSEI.

Современный этап развития общества характеризуется переходом к цифровой экономике и формированием новой образовательной парадигмы, ориентированной на подготовку кадров для цифровой среды. В этих условиях особую значимость приобретает цифровизация системы подготовки кадров в военных, специальных учебных заведениях органов национальной безопасности РК (далее – ВСУЗ ОНБ РК), которая предполагает интеграцию информационно-коммуникационных технологий, цифровых платформ и интеллектуальных систем в образовательный процесс.

В Послании Президента Республики Казахстан «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию», К. Токаев обозначил необходимость внедрения новых подходов к подготовке кадров в условиях развития процессов цифровизации и активного внедрения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) [1].

Наряду с этим, решением Главы государства 2026 год объявлен Годом цифровизации и искусственного интеллекта, что обусловлено необходимостью ускоренного перехода страны к новой модели социально-экономического развития, основанной на цифровых платформах и интеллектуальных технологиях [2].

Целью данной статьи является проанализировать этапы цифровой трансформации системы подготовки кадров ВСУЗов РК и определить роль технологий ИИ в управлении качеством образовательных программ.

В ходе исследования были использованы труды отечественных и зарубежных ученых в области цифровизации образования: А.К. Мынбаевой, О.Р. Ельмикеева, А.Э. Исаевой, Д.М. Джусубалиева, А.Т. Каимова, А.Ю. Уварова, Дж. Кэролла, Б. Блума, Г. Гейса.

Необходимо выделить три этапа цифровизации высшего образования ВСУЗов РК. На первом этапе (1980 – 2001 годы) основное внимание уделялось техническому оснащению ВСУЗов компьютерным оборудованием, созданию локальных сетей.

Так, по мнению О.Р. Ельмикеева, в сфере образования компьютер выступает как предмет изучения, средство в учебно-воспитательном процессе, компонент системы педагогического управления, компонент управления образовательными учреждениями, средство научно-педагогической деятельности. Компьютер в учебном процессе служит средством общения, партнером, инструментом, источником информации, средством контроля и средством предоставления новых познавательных возможностей [3]. В свою очередь И.Г. Луцкая описывает характеристики и значение компьютеризации на современное образование [4].

Компьютеризация образования, то есть применение компьютеров как средство обучения и его использование в образовательной деятельности, которая направлена на повышение эффективности обучения путем внедрения средств информатизации.

Таким образом, компьютеризация – это процесс технического оснащения образовательной среды средствами вычислительной техники для автоматизации отдельных операций и хранения информации.

Принятая в 2001 году Концепция информатизации системы образования РК на 2002-2004 годы (далее – Концепция) стала фундаментальным этапом в цифровой трансформации образовательной сферы страны [5]. Созданы электронные учебники, осуществлялась активная разработка цифровых образовательных ресурсов, а также заложены основы для создания единой образовательной сети.

Таким образом, Концепция стала отправной точкой для масштабного внедрения информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс и позволила стране перейти от фрагментарного оснащения образовательных учреждений техникой к выстраиванию единой цифровой образовательной среды [5].

Следующим этапом цифровизации является, собственно, цифровизация (2001 – 2017 годы), которая предусматривает более глубокую интеграцию информационных технологий в образовательную деятельность, которую усиливала информация образовательной среды.

В исследованиях А.К. Мынбаевой [6] информатизация образования характеризуется ростом информации, в первую очередь, и лишь затем, широким распространением информационных технологий. Причем в настоящее время информационные технологии чаще рассматриваются как информационно-коммуникационные технологии. А.К. Мынбаева выделяет три свойства информации: новизна, разнообразие и динамичность, которые переносятся и характеризуют современное образование [6].

На данном этапе происходит:

- развитие цифровых образовательных платформ (ЕИСО, OpenKazNU);
- внедрение дистанционного и смешанного обучения (МООК, образовательный портал в ВСУЗах);
- использование онлайн-курсов и электронных образовательных ресурсов (Coursera, образовательный портал в ВСУЗах);
- формирование цифровых компетенций обучающихся и преподавателей.

Использование цифровых платформ способствовало повышению прозрачности управления системой образования и обеспечил доступ к необходимой информации. Другими словами, цифровизация это трансформация образовательных процессов на основе цифровых платформ и управления данными. Одним из ключевых результатов цифровизации является формирование цифровой образовательной экосистемы. Логическим завершением этого процесса стало появление концепции «Smart University».

В феврале 2018 года Указом Президента Республики Казахстан утвержден Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года, который заложил основу для развития ИИ [7].

Далее следует современный этап развития образования (2018 – по наст. время), который характеризуется переходом от экспериментального использования ИИ к его полной правовой регламентации и внедрения в систему подготовки кадров ВСУЗ РК.

Принятие Закона РК «Об искусственном интеллекте» (2025 г.) [8], Цифрового кодекса (2026 г.) [9] создали юридическую базу для разработки и применения интеллектуальных систем в организациях образования. Реализация масштабной государственной инициативы национальной программы «AI-Sana» направлена на развитие компетенций в области ИИ среди студентов и формирование технологической экосистемы страны [10].

В рамках реализации AI-Sana, технологиям ИИ обучено 650 тыс. обучающихся высшего и послевузовского образования.

Наряду с этим, Министерством науки и высшего образования РК принят межвузовский стандарт по применению ИИ в высшем и послевузовском образовании [11].

Более того, Концепция развития высшего и послевузовского образования на 2023-2029 годы предусматривает переход казахстанских ВУЗов к модели "smart-университетов" с цифровой экосистемой [12].

Цифровая образовательная экосистема представляет собой интегрированную систему цифровых технологий, образовательных ресурсов и сервисов, обеспечивающих эффективное функционирование образовательного процесса. В Государственной программе «Цифровой Казахстан» предусмотрено определение цифровой экосистемы: «Взаимозависимая группа субъектов и объектов цифровой экосистемы, которые используют стандартизованные цифровые платформы для достижения взаимовыгодных целей (таких как коммерческая прибыль, инновации или общие интересы)» [13].

В данном контексте Д.И. Закирова описывает цифровую экосистему вуза как совокупность субъектов и объектов образовательного процесса, взаимодействующих посредством либо с использованием цифровых технологий [14].

Основными характеристиками цифровой образовательной экосистемы являются:

- интеграция цифровых платформ и образовательных сервисов;
- открытость образовательных ресурсов;
- партнерство и сетевое взаимодействие;
- персонализация образовательных траекторий;
- использование аналитики образовательных данных [15].

Цифровая образовательная экосистема позволит объединить образовательные учреждения, цифровые платформы, научные организации и работодателей в единую систему подготовки кадров.

Интеграция в 2024 году всех высших учебных заведений страны в Единую платформу высшего образования свидетельствует переход сферы высшего образования Казахстана на качественно новый уровень. Платформа предоставляет комплексные сведения о высших учебных заведениях, образовательных программах, профессорско-преподавательском составе, сведения об обучающихся и других ключевых показателях [16]. Применение технологий ИИ связан с применением его инструментов для анализа данных организаций образования и повышения эффективности образовательного процесса.

Далее, на основе изучения научных достижений отечественных и зарубежных ученых, а также практики высших учебных заведений Казахстана, в том числе ВСУЗов в Таблице 1 проведен анализ сущностных характеристик каждого этапа по следующим параметрам:

Таблица 1 – Характеристики каждого этапа цифровизации системы подготовки кадров в ВСУЗах.

№ п/п	Параметр	Компьютеризация (1980-2001)	Цифровизация (2002-2017)	Искусственный интеллект (2018-по наст. вр.)
1.	Функция технологий образовательной деятельности	Применение вычислительной техники для выполнения отдельных учебных работ и хранения информации	Использование информационных систем для организации и управления образовательных процессов (Platonus, Moodle, Univer)	Применение интеллектуальных алгоритмов для анализа данных образования (единая платформа высшего образования)

2.	Модель управления качеством образования	Традиционная – контроль качества осуществляется экспертным и административным способом [ISQ]	Формируется цифровой мониторинг показателей образовательной деятельности (Национальная образовательная база данных НОБД)	Реализуется алгоритмическая модель управления качеством подготовки кадров
3.	Мониторинг качества подготовки кадров	Статистические отчеты, периодические проверки	Цифровая фиксация и анализ образовательных показателей	Прогнозирование образовательных результатов и выявление рисков снижения качества

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровизация системы подготовки кадров ВСУЗов РК прошла путь от элементарного технического оснащения образовательной деятельности компьютерами через, собственно, цифровизацию образовательных процессов и управления ВСУЗами с применением технологий ИИ с целью устойчивого развития системы подготовки кадров для ОНБ РК. Эволюция применения цифровых технологий в системе подготовки кадров ВСУЗов ОНБ РК характеризуется переходом от этапа компьютеризации, направленного на техническое оснащение организаций образования, к этапу цифровизации образовательных процессов, предполагающему внедрение информационных систем управления и цифровых образовательных платформ. Современный этап развития связан с интеграцией технологий ИИ, которые обеспечивают анализ образовательных данных, прогнозирование результатов обучения и повышение эффективности управления качеством системы подготовки кадров. Использование технологий ИИ открывает новые возможности для управления качеством образовательных программ, научно-исследовательской деятельности учебных заведений и повышения эффективности подготовки кадров ВСУЗов РК.

Список использованных источников:

1. Послание Президента РК народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2025. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://akorda.kz> (дата обращения: 10.09.2025);
2. Об объявлении Года цифровизации и искусственного интеллекта: Указ Президента Республики Казахстан № 1151 от 6 января 2026 года // Акorda: официальный сайт Президента РК. – 2026. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://akorda.kz> (дата обращения: 28.12.2025);
3. Ельмикеев О. Р. Компьютеризация образования как одна из ведущих тенденций развития образовательного пространства учебного заведения / О.Р. Ельмикеев. – Текст: непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 2. – С. 45–50;
4. Луцкая И.С. Компьютеризация, информатизация, цифровизация в современном образовании: характеристики, перспективы и значение / И.С. Луцкая. – Текст: непосредственный // Teaching Methodology in Higher Education. – 2021. – № 36. – С. 112–120;
5. О Концепции информатизации системы образования Республики Казахстан на 2002-2004 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан № 1037 от 6 августа 2001 года (Утратил силу) // Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 15.01.2026);
6. Мынбаева А.К. История, теория и технологии научной деятельности высшей школы: монография / А.К. Мынбаева. – Алматы: Қазақ университеті, 2010. – 380 с. – Текст: непосредственный;
7. Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года Указ Президента Республики Казахстан № 636 от 15 февраля 2018 года – Текст: электронный (Утратил силу) // Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 20.01.2026);
8. Об искусственном интеллекте: Закон Республики Казахстан. – Текст: электронный // Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 20.01.2026);

9. Цифровой кодекс Республики Казахстан // Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. – 2026. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 09.01.2026);

10. AI-Sana: единая платформа искусственного интеллекта // GOV.KZ: официальный сайт электронного правительства РК. – 2024. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz> (дата обращения: 12.12.2024);

11. Межвузовский стандарт по применению искусственного интеллекта: утвержден Министерством науки и высшего образования РК // GOV.KZ: официальный сайт электронного правительства РК. – 2024. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz> (дата обращения: 16.07.2024);

12. Об утверждении Концепции развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023 – 2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан. – Текст: электронный // Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 05.02.2026);

13. Об утверждении государственной программы «Цифровой Казахстан»: Постановление Правительства Республики Казахстан № 827 от 12 декабря 2017 года // Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 10.01.2026);

14. Закирова Д.И. Развитие цифровой экосистемы ВУЗа в современных условиях / Д.И. Закирова. – Текст: непосредственный // Вестник университета Туран. – 2022. – № 4 (96). – С. 231–238;

15. А.Э. Исаева. Инновационная цифровая образовательная экосистема как база перехода к индустрии 4.0// Государственное управление. Электронный вестник № 97 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://share.google/DVhtSjxRVuHPyrGeY> (дата обращения: 10.03.2023);

16. Единая платформа высшего образования: цифровая база данных // GOV.KZ: официальный сайт электронного правительства РК. – 2025. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gov.kz> (дата обращения: 14.05.2025).

UDC 378.1:004.8

Alimov Sardor Komil o'g'li,
Senior Lecturer at the Law Enforcement Academy of
the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in
Philosophical Sciences, Associate Professor

THE EVOLUTION OF INTELLECTUAL MIGRATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ERA OF DIGITALIZATION: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract. This article analyzes the complex interplay between intellectual migration and artificial intelligence technologies amid the digital transformation of modern society, examined through the lens of socio-philosophical and humanitarian sciences. The paper explores the logical, ethical, and sociological dimensions of artificial intelligence, alongside its impact on the intellectual labor market and the migration of intellectual resources. Specifically, it thoroughly addresses issues such as the transition of the intellectual capital migration phenomenon into a virtual state and the asymmetrical appropriation of human capital by global corporations.

Keywords: intellectual migration; ethics of artificial intelligence; virtual brain drain; social philosophy; algorithmic discrimination; human capital; digital sociology; rule of law.

Аннотация. Бул мақалада қазіргі қоғамның цифрлық трансформациясы жағдайындағы интеллектуалды көші-қон мен жасанды интеллект технологиялары арасындағы әлеуметтік-философиялық және гуманитарлық ғылымдар объективі арқылы қарастырылатын күрделі өзара әрекеттесу талданады. Мақалада жасанды интеллекттің логикалық, этикалық және әлеуметтанулық аспектілері, сондай-ақ оның зияткерлік еңбек нарығына және зияткерлік ресурстардың көші-қонына әсері зерттеледі. Атап айтқанда, ол интеллектуалды капиталдың көші-қон құбылысының виртуалды күйге ауысуы және жаһандық корпорациялардың адами капиталды асимметриялық иемденуі сияқты мәселелерді егжей-тегжейлі қарастырады.

Түйінді сөздер: интеллектуалды көші-қон; жасанды интеллект этикасы; мидың виртуалды ағуы; әлеуметтік философия; алгоритмдік кемсітушілік; адами капитал; цифрлық әлеуметтану; заңның үстемдігі.

Аннотация. В данной статье анализируется сложное взаимодействие между интеллектуальной миграцией и технологиями искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации современного общества, рассматриваемое через призму социально-философских и гуманитарных наук. В статье исследуются логические, этические и социологические аспекты искусственного интеллекта, а также его влияние на рынок интеллектуального труда и миграцию интеллектуальных ресурсов. В частности, в нем подробно рассматриваются такие вопросы, как переход феномена миграции интеллектуального капитала в виртуальное состояние и асимметричное присвоение человеческого капитала глобальными корпорациями.

Ключевые слова: интеллектуальная миграция; этика искусственного интеллекта; виртуальная утечка мозгов; социальная философия; алгоритмическая дискриминация; человеческий капитал; цифровая социология; верховенство закона.

For centuries, the developmental history of human civilization has been defined by the constant migration of material wealth, territories, and intellectual resources. In the mid-20th century, the relocation of thousands of intellectuals to the United States due to political crises in Europe served as one of the most vivid examples of traditional intellectual migration, ultimately leading to the transformation of entire philosophical movements and scientific schools. Historically, intellectual migration has always been directly tied to the physical movement of individuals and their adaptation to new cultural, social, and economic environments. However, the digital revolution of the 21st century, particularly the exponential growth of modern artificial intelligence (AI) systems, has fundamentally altered the ontological foundation of this phenomenon.

Today, technological progress is no longer merely a tool for automating economic processes; rather, it is elevating to the status of an independent social actor that reshapes – and sometimes threatens – human knowledge, will, and uniqueness. From a socio-philosophical perspective, the integration of artificial intelligence into everyday life and the intellectual labor market is generating profound epistemological contradictions in the relationship between humans and machines. The core issue lies in the fact that technological advancement is moving far ahead of humanity's capacity for ethical and legal adaptation. While human migration persists on a global scale due to factors such as poverty, unequal resource distribution, and climate change, a new category of "digital migrants" has emerged. Operating globally without borders or visas, they are inadvertently depreciating the value of traditional human capital.

Political discourse and state social policies traditionally focus on the physical migration of people, its economic consequences, and issues of cultural assimilation. Yet, modern philosophical and social analyses are uncovering an entirely different and significantly more potent transformational force: the movement of artificial intelligence systems functioning as "digital migrants." In social philosophy, human displacement is regarded as a gradual process of social adaptation that takes years to form. Artificial intelligence, however, completely eradicates these constraints of time and space. Digital migrants require no passports, visas, or state border permits. Through data transmission networks, they penetrate hundreds of countries simultaneously at near-light speeds, establishing their presence across numerous sectors of the economy.

Currently, AI systems have achieved human-level productivity in approximately 60 percent of measurable workplace tasks. The integration of these technologies in manufacturing sectors has demonstrated a 15-40 percent increase in labor productivity. Yet, a deep social dilemma is concealed behind these statistics: this surge in productivity is frequently accompanied not by the creation of new jobs, but by the reduction and displacement of human participation. Digital migration leaves no time for society's natural adaptation mechanisms. Traditionally, human physical migration required years for the local economy to adjust, for workers to undergo retraining, and for governments to draft new legislation. Algorithmic migration simply shatters this timeline. Social philosophy asserts that this very "acceleration" leads to humanity losing control over its own destiny.

Professions demanding high intellectual capacity, such as jurisprudence, medicine, finance, and higher education, were historically considered "safe." Now, AI algorithms are actively competing within these highly cognitive fields, calling the intrinsic value of human intellect into question. Automated customer service systems now independently resolve over 70 percent of initial inquiries, significantly narrowing the scope of economic opportunity for millions of individuals.

One of the most complex characteristics of modern intellectual migration is that it does not always culminate in the physical crossing of borders. Historically, "intellectual migration" (brain drain) referred to the departure of highly qualified scientists, doctors, and engineers from developing nations to permanently settle in economically robust regions. The advent of artificial intelligence and remote work technologies has radically transformed this concept, giving rise to a new socio-economic phenomenon known as the "virtual brain drain." The philosophical essence of this process is reflected in the detachment of human capital from its native social space. An employee physically resides in their home country, utilizing its infrastructure, healthcare, and security systems. Yet, their intellectual output and economic creativity exclusively serve an entirely different economic domain—primarily benefiting foreign transnational tech giants.

The primary driver of virtual intellectual migration is not solely high salaries, but rather the vulnerability of the intellectual ecosystem in developing countries. Developing artificial intelligence systems requires three fundamental resources:

1. Graphics processing units (GPUs) with ultra-high computing power;
2. Massive, clean, and high-quality databases;
3. Large-scale projects capable of delivering genuine, real-world economic impact.

Nearly all of these resources are concentrated in the hands of massive monopolistic corporations in Western America and Europe. Consequently, the most gifted engineers and data analysts in developing nations prefer employment with these global giants over local startups. What is the ultimate consequence? Local innovation processes decelerate, state institutions and domestic enterprises struggle to attract elite specialists, and technological dependency severely deepens. Recognized in academic literature as the "AI Brain Drain," this phenomenon is concurrently leading to the weakening of public administration and the public sector.

While the economic repercussions of intellectual resource migration span all industries, the most severe transformations and ethical dilemmas are emerging within the justice system. For thousands of years, concepts like justice, rights, and law have been the pure outcome of human reasoning, serving as the bedrock of the social contract between morality and the state. Today, however, professions requiring strict intellect, such as jurisprudence, taxation, and accounting, are being absorbed by artificial intelligence. Thomson Reuters' 2025 global "Future of Professionals"

research report presented staggering statistics regarding this shift in cognitive labor. According to the report, legal professionals who actively utilize AI technologies expect to save an average of 240 hours of free time annually (up from 200 hours in 2024). The average economic value of this saved time equates to \$19,000 per professional, which is projected to generate \$32 billion in additional annual value across the legal, tax, and accounting sectors in the US. Eighty percent of survey participants anticipated that AI will exert a transformational or highly profound impact on their professions within the next five years.

Within law enforcement agencies (such as internal affairs, prosecutorial bodies, and courts), the practice of conducting in-depth analyses and processing large datasets using AI ensures rapid operational speed. However, modern neural networks are engineered in a way that, despite successfully solving complex problems, they are unable to justify "why such a conclusion was reached" using language and logical reasoning comprehensible to humans.

Amid a landscape where intellectual and human capital migration is globalizing and transnational tech empires hold dominance, the Republic of Uzbekistan is executing a comprehensive state policy to protect and cultivate its national intellectual space. There is a clear realization that contemporary challenges must be met not with mere prohibitions, but by fostering a robust digital ecosystem. The Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. RP-358, dated October 14, 2024, "On the approval of the Strategy for the Development of Artificial Intelligence Technologies until 2030", is strategically designed precisely to prevent "virtual intellectual migration" and technological dependency. Under this resolution, the Government is tasked with specific objectives, including entering the top 50 countries in the international Government AI Readiness Index by 2030 and generating \$1.5 billion in software products and services utilizing AI. To preserve its intellectual demographic and halt capital flight, \$50 million in concessional financing has been allocated from the Fund for Reconstruction and Development to initiate the construction of "Big Data" and high-performance computing server infrastructures. The "absorption" of talent into global systems can only be halted if young professionals are granted the opportunity to tackle large-scale challenges and leverage powerful infrastructure within Uzbekistan itself. It is no coincidence that this strategic initiative by Uzbekistan has earned high recognition as an official document at the UN General Assembly.

Following a systematic analysis of the conflicting dynamics between intellectual migration and artificial intelligence systems during the digital revolution, alongside their epistemological and socio-philosophical dimensions, the following conclusions can be drawn:

First, intellectual migration within the digital environment is rapidly becoming the most impactful migratory trend in a globalized society. While the traditional "brain drain" referred to young, talented professionals migrating abroad in search of favorable economic conditions, today, artificial intelligence is engineering a "cognitive vacuum," automating these individuals' tasks seamlessly across state borders. Simultaneously, the proliferation of remote work models has birthed the "virtual brain drain" phenomenon.

Second, socio-humanitarian sciences are absolutely vital for addressing the adverse effects of intellectual migration in the digital realm. The significance of socio-humanitarian disciplines and foundational social values is profoundly increasing as a means to mitigate threats such as digital stratification.

List of References:

1. IOM (International Organization for Migration). World Migration Report 2022: Artificial Intelligence, Migration and Mobility. – Geneva, 2021. – P. 11-15.
2. Mökander, J., Schroeder, R. AI and social theory // AI & Society. – Springer, 2021. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2407.06233>
3. Thomson Reuters. Future of Professionals Report 2025: The widening competitive gap in the AI era. – 2025. – P. 2-10.
4. Alimov S. K. The impact of human migration on theethosphere of emigrant country: Philosophical and ethical analysis //Asian Journal of Multidimensional Research. – 2021. – T. 10. – №. 9. – C. 74-79.

5. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. RP-358 dated October 14, 2024, "On the approval of the Strategy for the Development of Artificial Intelligence Technologies until 2030" // <https://lex.uz/uz/docs/7159258>
6. Ruzzeddu, M. Artificial Intelligence and Inequality: A Sociological Perspective // RTSA. – 2025. – Vol. 2.

Баймағамбетов Ерлан Русланұлы,
Х. Досмұхамедов атындағы Атырау университетінің магистранты,
Қазақстан Республикасы, Атырау қ.

STEAM-ҚҰЗЫРЕТТІЛІК – ЗАМАНАУИ ПЕДАГОГТЫҢ ИНТЕГРАТИВТІ САПАСЫ

Аннотация. Мақалада білім беруде STEAM-тәсілінің пайда болу алғышарттары талданады, сондай-ақ педагогтарда STEAM-құзыреттілікті қалыптастырудың қажеттілігіне ерекше назар аударылады. Бұл мақалада STEAM-құзыреттілік заманауи педагогтың маңызды интегративті сапасы ретінде қарастырылады. Білім беру жүйесіндегі жаңартулар мен инновациялық өзгерістер жағдайында педагогтардың ғылым, технология, инженерия, өнер және математиканы кіріктіре отырып оқыту қабілеттерін дамыту қажеттілігі талданады. Мақалада STEAM-білім берудің мәні, оның қазіргі білім беру жүйесіндегі рөлі және педагогтың кәсіби қызметіндегі маңызы сипатталады. Сонымен қатар мұғалімнің STEAM-құзыреттілігінің құрылымы мен негізгі компоненттері айқындалады. Зерттеу нәтижелері STEAM-тәсілін білім беру процесіне енгізу оқушылардың зерттеушілік, шығармашылық және сыни ойлау дағдыларын дамытуға ықпал ететінін көрсетеді. STEAM-құзыреттілікті қалыптастыру заманауи педагогтың кәсіби дамуының маңызды бағыты болып табылады және білім беру сапасын арттыруға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: STEAM-білім беру; STEAM-құзыреттілік; құзыреттілікке негізделген тәсіл; жаратылыстану білім беру; педагог.

Аннотация. В статье анализируются предпосылки возникновения STEAM-подхода в образовании, а также особое внимание уделяется необходимости формирования STEAM-компетентности у педагогов. В этой статье STEAM-компетентность рассматривается как важное интегративное качество современного педагога. Анализируется необходимость развития способностей педагогов к обучению с интеграцией науки, технологий, инженерии, искусства и математики в условиях обновлений и инновационных изменений в системе образования. В статье описывается сущность STEAM-образования, его роль в современной системе образования и значение в профессиональной деятельности педагога. Также определяются структура и основные компоненты STEAM-компетентности учителя. Результаты исследования показывают, что внедрение STEAM-подхода в образовательный процесс способствует развитию у учащихся навыков исследовательского, творческого и критического мышления. Формирование STEAM-компетенций является важным направлением профессионального развития современного педагога и позволяет повысить качество образования.

Ключевые слова: STEAM-образование; STEAM-компетентность; компетентностный подход; естественнонаучное образование; педагог.

Abstract. The article analyzes the prerequisites for the emergence of the STEAM-approach in education, as well as the need for the formation of STEAM-competence in educators. In this article, STEAM-competence is seen as an important integrative quality of a modern educator. In the context of updates and innovative changes in the educational system, the need to develop teaching abilities of teachers, integrating science, technology, engineering, art and mathematics, is analyzed. The article describes the meaning of STEAM-education, its role in the modern education system and its importance in the professional activity of a teacher. At the same time, the structure and main components of the teacher's STEAM-competence are defined. Research findings suggest that incorporating the STEAM-approach into the educational process contributes to the development of students' research, creative, and critical thinking skills. STEAM-competence formation is an important direction of professional development of a modern teacher and allows to improve the quality of education.

Keywords: STEAM-education, STEAM-competence, competency-based approach, science education, educator.

Соңғы 100 жыл ішінде қоғам айтарлықтай өзгерістерге ұшырады. Бұл өзгерістердің негізгі қозғаушы механизмдері ретінде Индустрия 4.0 өнеркәсіптік революциясына көшу және Жаһандану 4.0 үдерісінің қарқынды дамуы қарастырылады. Ғаламдық электронизация, компьютерлендіру, автоматтандыру, ақпараттандыру, цифрландыру, технологияландыру, виртуалдандыру, зияткерлендіру және тағы басқа құбылыстар – XX ғасырда пайда болып, XXI ғасырда адамзат өмірінің ажырамас бөлігіне айналған феномендердің толық емес тізімі ғана. Қазіргі заманның мұндай жаһандық үрдістерін ұзақ тізбектеуге болады. Олар тек адамның өмір салтын өзгертіп қана қоймай, сонымен қатар қоғамның барлық салаларындағы өзгерістердің өзіндік катализаторы болып отыр. Қазіргі өндірістік мәселелер көп факторлы сипатқа ие, сондықтан оларды шешу пәнаралық тәсілді қажет етеді. Бүгінгі таңда мамандықтар да біртіндеп эволюцияға ұшырауда: бұрынғы тәжірибеге негізделген, белгілі бір алгоритм бойынша орындалатын кәсіптердің орнына жаңа мәселелерді қоя білуді және белгісіздік жағдайында күтпеген шешімдер қабылдауды талап ететін мамандықтар келуде. Яғни қоғам

алгоритмге негізделген мамандықтардан алгоритмге бағынбайтын мамандықтарға, монофункционалды технологиялардан полифункционалды технологияларға, тар маманданудан әмбебаптыққа қарай бет алуда [1]. Қазіргі мамандар бір мезгілде бірнеше міндетті орындауға мәжбүр, бұл құбылыс көбіне «Юлий Цезарь эффектісі» деп аталады.

Қазіргі уақытта білім беру саласы да үлкен өзгерістердің ортасында тұр. Педагогтар түрлі заманауи технологияларды пайдалана отырып, оқушыларда болашақта кәсіби қызметті табысты атқаруға және жоғары бәсекеге қабілетті болуға қажетті құзыреттерді қалыптастыруға ұмтылуда. Жоғарыда аталған қоғам трансформациясының жаһандық үрдістері заман талабына сай жаңа білім беру технологияларының пайда болуына негіз болды. Солардың бірі – STEAM-білім беру.

STEAM-білім беру – бұл ХХІ ғасырдың негізгі құзыреттерін қалыптастыруға бағытталған интегративті педагогикалық технология. Оның негізінде проблемалық оқыту, жобалық жұмыс, ғылыми-зерттеу әдістері және практикалық бағытталған оқыту тәсілдері жатыр. Бұл тәсілдер оқушыларда әлемнің тұтас бейнесін қалыптастырып, оларды қазіргі және болашақтағы әртүрлі ауқымдағы мәселелерді шешуге, сондай-ақ үнемі өзгеріп отыратын жағдайларға бейімделуге дайындауға бағытталған [2].

АҚШ-тың бұрынғы білім министрі, белгілі қоғам қайраткері Р. Райли (R.W. Riley) STEAM-білім берудің мәнін өте нақты сипаттаған: «Бүгін біз оқушыларды әлі пайда болмаған мамандықтарға және әлі ойлап табылмаған технологияларды қолдануға дайындап жатырмыз, олар арқылы біз бүгін әлі проблема деп санамайтын мәселелерді шешетін болады» [3]. Қазіргі кезде «STEAM-мамандық» деген ұғым да қалыптасты. Бұл – техникалық, жаратылыстану және инженерлік бағыттағы тар бейінді мамандықтар: компьютерлік технологиялар мен математикаға, жаратылыстану ғылымдары мен медицинаға, сәулет пен инженерияға, білім беру саласына, сондай-ақ менеджмент пен басқа да салаларға қатысты мамандықтар [4]. ХХІ ғасыр оқушыларында қандай құзыреттерді дамыту қажет деген мәселе бүгінгі күні де өзекті болып отыр. Бұл сұрақ жалпы білім беру жүйесінде де, STEAM-білім беру аясында да маңызды. Сондықтан болашақ STEAM-мамандық иелері ретінде жалпы білім беретін мектеп түлектеріне қандай құзыреттер қажет екенін анықтауға бағытталған түрлі ғылыми көзқарастар қарастырылуда. Қазіргі таңда жалпы орта білім берудің барлық деңгейлері үшін ХХІ ғасыр дағдылары мен білім беру нәтижелерінің бірқатар модельдері ұсынылған. Мысалы, Дүниежүзілік экономикалық форумның «Білім беруге жаңа көзқарас» атты баяндамасында орталық орынды «4К құзыреттері» алатын модель ұсынылған. Олар: креативтілік, сыни ойлау, коммуникация, кооперация (ынтымақтастық) [5]. Ақпарат көлемінің күрт өсуі сыни ойлауды дамыту қажеттілігін арттырса, дәстүрлі емес шешімдерді іздеу креативтілікті талап етеді. Күрделі пәнаралық жобаларды орындау командалық жұмысты қажет етеді, ал қазіргі әлемдегі шекаралардың жойылуы әртүрлі коммуникация түрлерінің дамуын талап етеді.

Ресейлік зерттеушілер «РОСНАНО мектеп лигасы» білім беру бағдарламасы аясында [6] – оның мақсаты жаратылыстану-ғылыми білім беруді насихаттау – қазіргі оқушыларда дамыту маңызды болып табылатын «жеті кемелдік сатысын», яғни жеті негізгі құзыреттілікті анықтап, ғылыми тұрғыдан негіздеді. Оқу және жазу – цифрлық медиамәтіндермен жұмыс істеу: гипермәтіндер, мультимедиялық және сызықтық емес мәтіндер, лонгридтер, инфографика. Сонымен қатар үлкен көлемдегі ақпаратты визуализациялау тәсілдерін меңгеру (майнмэппинг, скетчноутинг, скрайбинг). Коммуникация – бұл біздің білетініміздің жиынтығы мен біз танитын адамдардың мүмкіндіктерінің көбейтіндісі. Яғни бұл – айналамыздағы адамдардан ақпарат алу қабілеті, эмоционалдық интеллект пен эмпатияны дамыту. Командада жұмыс істеу – белгілі бір қызмет түрін орындау барысында адамдармен тиімді өзара әрекеттесу, ортақ іске қосқан үлесін түсіну және бірлескен жұмысты жоспарлай білу. Өзін-өзі ұйымдастыру – мақсат қоя білу, сол мақсаттарға жету үшін жеке ресурстарды дұрыс бөлу, сондай-ақ командалық жұмысты тиімді ұйымдастыру қабілеті. Өзін-өзі білімдендіру – өмір бойы білім алу қағидасына негізделген, яғни жеке білім беру траекториясын құру және оны қажет болған жағдайда түзете білу. Зерттеу – танымның ең өнімді әдістерінің бірі. Ол сұрақ қоя білу, зерттеу міндеттері мен гипотезаларды тұжырымдау, деректерді жинау және талдау, бақылау жүргізу және эксперимент жасау қабілеттерін қамтиды. Жобалау – болашаққа бағытталған ерекше көзқарас, уақыт бойынша ойша алға жылжу, қазіргі немесе болашақтағы белгілі бір өзгерістерді жүзеге асыруға бағытталған әрекет [6].

АҚШ-тың жаратылыстану-ғылыми білім беру стандарты «A Framework for K-12 Science Education» [7] негізінде STEAM тәсілі контекстінде оқушыларға қажетті негізгі құзыреттерді төмендегідей көрсетуге болады: сұрақтар қою және мәселелерді анықтау; модельдерді әзірлеу және пайдалану; зерттеуді жоспарлау және жүргізу; деректерді талдау және интерпретациялау; есептеу міндеттерін шешуде математиканы қолдану; логикалық дәлелдер келтіру және шешімдер ұсыну;

дәлелдерді пайдалану; ақпараттың сапасын бағалау және оны тиімді жеткізу. Оқушылар үшін маңызды құзыреттерді қарастырғаннан кейін, құзыреттілік тәсілі саласындағы бірқатар халықаралық беделді зерттеулерге назар аударуға болады. Бұл зерттеулерде болашақта ХХІ ғасыр мамандарына қандай құзыреттер қажет болатынын анықтауға ұмтылыс жасалған.

Жалпы әдіснамалық TUNING («Білім беру құрылымдарын үйлестіру») жобасында жоғары оқу орындары түлектеріне қажетті жалпы (әмбебап) құзыреттердің тізімі ұсынылған. Олар: жүйелік ойлау; сыни ойлау және өзін-өзі сын тұрғысынан бағалау; тайм-менеджмент (уақытты басқару); ауызша коммуникация; командада жұмыс істеу; тұлғааралық қарым-қатынас; бейімделгіштік; мәдени әртүрлілік пен мәдениетаралық өзара әрекеттесу; өзін-өзі ынталандыру; ақпаратты басқару дағдылары (әртүрлі дереккөздерден ақпарат алу және талдау); мәселелерді шешу; пәнаралық командада жұмыс істеу; зерттеу дағдылары; креативтілік; практикалық бағыттылық [8].

АҚШ-тағы The Institute for the Future институты [9] болашақ мамандар үшін маңызды келесі құзыреттерді атап көрсетеді: әлеуметтік интеллект; ойлаудың бейімделгіштігі; кроссмәдени құзыреттілік; есептеу және аналитикалық дағдылар; мағыналарды анықтау (яғни қандай мәселе шешуді талап ететінін түсіну); жаңа медиа сауаттылық; трансдисциплинарлық ойлау; дизайн-ойлау; когнитивтік жүктемені басқару; виртуалды ынтымақтастық. Педагогтар үшін маңызды STEAM-құзыреттерді талдау тұрғысынан «Future of Jobs Report 2020» атты есеп те өзекті болып табылады. Бұл есепте еңбек нарығында қай құзыреттердің маңызы артып, қайсысының екінші орынға ығысатыны көрсетілген [10].

2016–2026 жылдардағы ең маңызды 10 STEAM дағдысы; №1 кесте.

№	2016	2020	2026
1.	Күрделі мәселелерді кешенді шешу	Күрделі мәселелерді кешенді шешу	Аналитикалық ойлау және инновациялар
2.	Басқалармен үйлестіру (координация)	Басқалармен үйлестіру (координация)	Белсенді оқу және оқу стратегиялары
3.	Адам ресурстарын басқару	Адам ресурстарын басқару	Күрделі мәселелерді кешенді шешу
4.	Сыни ойлау	Сыни ойлау	Сыни ойлау және талдау
5.	Келіссөз жүргізу	Келіссөз жүргізу	Креативтілік, түпнұсқалық және бастамашылдық
6.	Сапаны бақылау	Сапаны бақылау	Көшбасшылық және әлеуметтік ықпал
7.	Қызмет көрсетуге бағытталу	Қызмет көрсетуге бағытталу	Технологияларды пайдалану, бақылау және басқару
8.	Пайымдау және шешім қабылдау	Пайымдау және шешім қабылдау	Технологияларды әзірлеу және бағдарламалау
9.	Белсенді тыңдау	Белсенді тыңдау	Тұрақтылық, стрессқа төзімділік және икемділік
10.	Креативтілік (шығармашылық)	Креативтілік (шығармашылық)	Негіздеу, мәселелерді шешу және идеяларды қалыптастыру

STEAM-құзыреттердің категориялары және олардың динамикасы. Зерттеушілер STEAM-құзыреттерін бірнеше негізгі категорияға бөлді: мәселелерді шешу, өзін-өзі басқару, адамдармен жұмыс істеу, технологияларды пайдалану және дамыту. Көріп отырғанымыздай (кесте 1), «Мәселелерді шешу» категориясы STEAM-құзыреттерінің ішінде ең маңызды болып қала береді (2020 жылы бірінші орынға шыққан). Алайда болжам бойынша 2026 жылы бұл құзырет аналитикалық ойлау және белсенді оқыту дағдылары сияқты өзектілігін жоғалтады. Ең үлкен өзгерістер рейтингте креативтілік саласында байқалады: 2020 жылы ол 10-орыннан 3-орынға көтерілді, бірақ 2026 жылы бірнеше орын төмендейді. Сонымен қатар 2020 жылы «Эмоционалдық интеллект» құзыреті пайда болып, бұрынғы «Белсенді тыңдау» құзыретін алмастырды. Жалпы алғанда, 2026 жылы «Технологияларды пайдалану және дамыту» категориясындағы STEAM-құзыреттер саны артқан. Әлемдік зерттеушілердің STEAM-құзыреттерге деген көзқарасы да қызықты [11]. Олар SELS (soft, emotional and leadership skills) деп аталатын кешенді STEAM-портфолионы ұсынады. Бұл портфолио

«жұмсақ», эмоционалдық және көшбасшылық дағдылардан тұрады. STEAM-портфолио автор тарапынан екі кластерге бөлінеді (кесте 2): негізгі дағдылар (Core skills) және қолдаушы дағдылар (Supporting skills)

STEAM-құзыреттерінің негізгі және қолдаушы дағдылары:

№ Дағдылар Қысқаша сипаттама

Негізгі дағдылар

1 Сыни ойлау Бірнеше ақпарат көздерін, бастапқы деректерді бағалай білу; дәлелдер мен аргументация үшін дұрыс материалды тандау; басқалардың жұмыстарын сыни тұрғыдан қарау; дәлелдер мен тұжырымдарды ажырата білу.

2 Күрделі мәселелерді кешенді шешу Идеялар генерациялау, мақсат пен кезеңдерді анықтау, проблеманы шешу процесін ғылыми әдіс және дизайн-ойлау тәсілі бойынша жоспарлау.

3 Креативтілік Мәселелерге әртүрлі қырынан қарау, өз пікірін білдіре білу.

4 Коммуникация Әртүрлі аудиторияға арналған тақырыптарды анық, нақты және сенімді түрде жеткізе білу қабілеті.

5 Командада жұмыс істеу Топтық жұмысқа қатысу: бірлескен жоспарлау, ұйымдастыру және ортақ іс-әрекеттерді орындау.

6 Деректерді пайдалану сауаттылығы Сапалы және сандық деректермен жұмыс істеу, аналитикалық тапсырмалар мен жобаларды зерттеу арқылы шешу.

7 Деректерді пайдалану және информатика сауаттылығы Мәселені шешу немесе дәлелдеме үшін информатика элементтерін қолдана білу.

Қолдаушы дағдылар

8 STEAM-логикасында ойлау Проблемаларға бейтарап қарау, пәнаралық шешімдерді қарастыру, жаңашылдық іздеу, идеяларды әртүрлі жолдармен жеткізу (мысалы, дизайн-ойлау, математикалық дәлелдеме).

9 Басқару және табандылық Проблемаларды шешу тәсілдерін зерттеуге, сәтсіздіктерді талдауға және кедергілер туындаған жағдайда жаңа тәсілдерді қабылдауға жеткілікті уақыт бөлу.

10 Әлеуметтік және мәдени сауаттылық Тұлғааралық және мәдениаралық коммуникация жүргізу; әртүрлі елдердің адамдарындағы әлеуметтік және мәдени құндылықтарды түсіну.

11 Көшбасшылық Басқарушы рөлдерді алу және көшбасшылық қасиеттерді дамыту: бастамашылық көрсету, консенсусқа қол жеткізу және топтарда тиімді қарым-қатынас жасау.

12 Этика Кәсіби қызметтің бір бөлігі ретінде этиканы білу және қолдану.

Бұл тәсіл STEAM-құзыреттерді жүйелі түрде дамытуға және заманауи оқушылар мен педагогтардың кешенді кәсіби дайындығын қамтамасыз етуге бағытталған.

STEAM-саласында көшбасшылықты маңызды құрамдас бөлік деп есептеледі. Классикалық басқару теориясынан айырмашылығы, жаңа көшбасшылық тәсілі тек қызметкерлерді жұмыспен қамтуға ғана емес, олардың мотивациясын арттыруға және өнімді әрекетке ынталандыруға бағытталған. Осыған байланысты STEAM-портфолиоға келесі құзыреттерді қосу орынды деп саналады: Өнімділік – белгілі мақсатқа жету үшін жұмыс процесін жүйелі ұйымдастыру, ресурстарды, қажеттіліктерді және приоритеттерді ескеру; Икемділік – өзгерістерге бейімделу, жобаларды тез ауыстыру, идеялар мен тәжірибемен әріптестермен бөлісу мүмкіндігі; Технологиялық сауаттылық – заманауи технологияларды тиімді қолдану; Уақытты басқару (тайм-менеджмент) – приоритеттік мәселелерді рационалды шешу үшін уақытты дұрыс пайдалану; Командада жұмыс істеу – жеке қабілеттер мен таланттарды ескере отырып міндеттерді бөлу; «синергетикалық» жұмыс атмосферасын қалыптастыру; Эмоционалдық көшбасшылық – өз эмоциясын және басқалардың эмоциясын басқару, эмпатия көрсету және пікірін білдіру кезінде ешкімнің қадір-қасиетіне нұқсан келтірмеу; HR-дағдылары – адам ресурстарын тиімді бөлу, персоналды олардың қажеттіліктері мен мансаптық өсу әлеуетіне сәйкес тандау; Әлеуметтік дағдылар – ақпараттық байланыстарды вертикаль және горизонталь бойынша орнату, кері байланысты қолдау, көпшілік алдында сөйлеу, ынтымақтастық пен өзара қолдауды дамыту [11].

XXI ғасыр тек өскелең ұрпаққа ғана емес, түрлі салалардағы мамандарға да қажетті құзыреттерді қалыптастыруға бағыт береді, педагогтар да ерекшелік емес. Қазіргі педагогикалық зерттеулер тек жас ұрпақ біліміндегі трансформация әсерін ғана емес, сонымен бірге қоғамның дамуына сәйкес педагогтарды дайындауға назар аударады. XXI ғасырдағы оқушыларға өз болашағын сәтті құруға дайындық беретін педагогтар қажет. Педагогтың кәсіби құзыреттілігі қазіргі қоғамның дамуына әсер етеді. «Педагогтың кәсіби құзыреттілігі» ұғымы кеңейіп, оның мәні тереңдеді. Педагогикалық әдебиетте бұл ұғым педагогтың кәсібилігінде көрініс табатын тұтас қасиет ретінде

қарастырылады, ол педагогтың теориялық және практикалық дайындығының бірлігін қамтамасыз етеді. Педагогтың кәсіби құзыреттілігін дамыту – көпфакторлы процесс, оның негізгі құрамдастары: пәндік, әдістемелік, коммуникативтік, зерттеу және басқа да дағдылар. Қазіргі қоғамдағы өзгерістерге байланысты педагогтың кәсіби құзыреттілігі динамикалық сипатқа ие. Заманауи педагогтың портретін «суреттеу» қиын, әсіресе оның эволюциясын көрсету: 10 жыл бұрынғы, бүгінгі және келесі 10 жылдағы педагог қандай болмақ. Мысалы, XX ғасырда педагогтың кәсіби құзыреттілігінің маңызды элементі ИКТ-құзыреттілік болды, ол қазіргі уақытта да өзектілігін сақтап отыр. Дегенмен осы компонент ішінде де өзгерістер бар: заманауи цифрлық технологиялардың білім беру процесін ұйымдастыруға әсері артып, педагогтың рөлі мен әдістемелік тәсілдері де өзгеруде. STEAM-құзыреттілік – болашақ педагогтың интегративті сапасы ол академиялық сауаттылық негізінде дамиды, жоғары білім стандартында педагогикалық технологияларды, жаратылыстану пәндерін оқыту әдістемелерін, жобалық оқыту әдістемесін, білім берудегі ақпараттық технологияларды және өзін-өзі білімденуге ұмтылуды қамтиды.

Қорытындылай келе, кез келген педагогикалық процестің негізгі мақсаты – оқушылардың белгілі бір оқу нәтижелеріне жетуін қамтамасыз ету, яғни олардың әрі қарайғы өсуі мен дамуының негізін құрайтын құзыреттерді қалыптастыру болып табылады. Қазіргі қоғамнан XXI ғасырдың талаптарына сай құзыреттерді меңгерген жас ұрпақты даярлау талап етіледі. Постиндустриалды, ғаламданған әлемде өмірге қажетті құзыреттерді қалыптастыруға бағытталған жаһандық білім беру трендтерінің бірі – STEAM-әдістемесі.

STEAM-әдістемесін білім беру кеңістігіне тиімді енгізудің деңгейі тікелей педагогқа байланысты: ол STEAM-білім берудің мәнін, әдіс-тәсілдерін және пәндерді интеграциялау жолдарын қаншалықты түсінеді. Басты назарға STEAM-педагогты дайындау қойылады. Мұндай педагог тек өз пәнін оқытумен шектелмей, пәнаралық байланыстарды жүзеге асыра алатын, кәсіби білімнің әлеуметтік және мәдени контексттегі маңыздылығын түсінетін және оқушыларда XXI ғасыр құзыреттерін қалыптастыру қажеттілігін сезінетін маман болуы керек.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Бұлтты балалық шақ. Технологияландыру мен гуманизация арасындағы компромиссті іздеу // [Электрондық ресурс]. – Қолжетімділік режимі: https://vogazeta.ru/articles/2020/10/13/psychology/15260-oblachnoe_detstvo . –
2. Аршанский, Е.Я. STEAM-білім беру: модельден практикалық іске асыруға / Е.Я. Аршанский, Н.С. Сологуб // Адукация і выхаванне. – 2020. – № 9. – Б. 22–30.
3. Фейдл, Ч. Төртөлшемді білім беру. Сәттілікке қажетті құзыреттер / Ч. Фейдл, М. Бялик, Б. Трилинг. – Мәскеу: МШУ «Сколково» Білім беру орталығы, 2016. – 212 б.
4. Жакын болашақ: әлемді өзгерте алатын STEM-мамандықтар // [Электрондық ресурс]. – Қолжетімділік режимі: <https://calculators-online.ru/novosti/budushhee-ryadom-stem-professii-kotorye-izmenyat-mir.html> .
5. «4К» құзыреттері: сабақта қалыптастыру және бағалау: практикалық ұсыныстар / құраст. М.А. Пинская, А.М. Михайлова. – Мәскеу: «Российский учебник» корпорациясы, 2019. – 76 б.
6. Дағдылар қоры // [Электрондық ресурс]. – Қолжетімділік режимі: https://nano-grad.ru/academy/#skills_bank
7. A Framework for K-12 Science Education. Practices, Crosscutting Concepts, and Core Ideas // [Электрондық ресурс]. – Қолжетімділік режимі: <https://www.nap.edu/download/13165> –
8. TUNING методологиясы: білім беру бағдарламаларының мазмұнын анықтаудағы құзыретке бағытталған тәсіл // [Электрондық ресурс]. – Қолжетімділік режимі: <http://www.unn.ru/cie/GorylevPonomarevaRusakov.pdf> .
9. Institute for the Future // [Электрондық ресурс]. – Қолжетімділік режимі: <https://www.iftf.org/home>
10. Sabirova, F. Professional Competences in STEM Education / F. Sabirova, M. Vinogradova, A. Isaeva, T. Litvinova // International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET). – 2020. – № 14. – P. 179–193.
11. STEAM-учитель – учитель для будущего. Чему и как учить? // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stem.ort.org/onlineconf20-lector/>. – Дата доступа: 05.12.2020. R E F E R E N C E S

Yeleussizova Sholpan

Master of Pedagogical Sciences

Senior - lecturer at Zhetysu University named after I. Zhansugirov

Taldykorgan, Kazakhstan

AI TECHNOLOGIES IN GENDER-ORIENTED HUMANITIES EDUCATION

Abstract. The rapid development of digital technologies and artificial intelligence has significantly influenced modern education. Humanities education, traditionally focused on critical thinking, cultural analysis, and social awareness, is increasingly incorporating digital tools to improve the quality of teaching and learning. At the same time, gender-oriented education is gaining importance as an essential component of modern pedagogical approaches aimed at promoting equality, inclusiveness, and social justice. The purpose of this study is to analyze the role of digital and artificial intelligence technologies in the development of gender-oriented humanities education. The article examines the pedagogical potential of artificial intelligence in the educational process. It explores how digital tools can support gender-sensitive teaching, and highlights the opportunities and challenges associated with integrating AI into humanities education. The study concludes that artificial intelligence can become an effective instrument for developing gender competence among students and improving the quality of humanities education.

Keywords: artificial intelligence, digital technologies, humanities education, gender education, gender competence, higher education, equality, digitalization, innovation, pedagogy.

Аннотация. В условиях цифровой трансформации образования особую актуальность приобретает использование современных информационных технологий и систем искусственного интеллекта в образовательном процессе. Гуманитарные дисциплины играют важную роль в формировании у студентов критического мышления, культурной и социальной компетентности, а также гендерной чувствительности. В данной статье рассматриваются возможности применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в гендерно-ориентированном обучении гуманитарным дисциплинам. Анализируется педагогический потенциал искусственного интеллекта для персонализации обучения, повышения эффективности образовательного процесса и развития гендерной компетентности студентов. Особое внимание уделяется использованию цифровых образовательных платформ, интеллектуальных систем обучения и аналитических инструментов в преподавании гуманитарных дисциплин. В работе подчеркивается, что применение технологий искусственного интеллекта способствует формированию инклюзивной образовательной среды и развитию гендерного равенства в системе высшего образования. В заключение делается вывод о том, что интеграция цифровых технологий и искусственного интеллекта в гуманитарное образование открывает новые возможности для совершенствования гендерно-ориентированного обучения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, гуманитарное образование, гендерное образование, гендерная компетентность, высшее образование, равенство, цифровизация, инновация, педагогика.

Аннотация. Білім беру жүйесінің цифрлық трансформациясы жағдайында білім беру процесінде заманауи ақпараттық технологиялар мен жасанды интеллект жүйелерін қолдану ерекше маңызға ие болып отыр. Гуманитарлық пәндер студенттердің сыни ойлауын, мәдени және әлеуметтік құзыреттілігін, сондай-ақ гендерлік сезімталдығын қалыптастыруда маңызды рөл атқарады. Бұл мақалада гуманитарлық пәндерді гендерлік бағытта оқытуда цифрлық технологиялар мен жасанды интеллектті қолдану мүмкіндіктері қарастырылады. Жасанды интеллекттің оқытуды жекелеңдіру, білім беру процесінің тиімділігін арттыру және студенттердің гендерлік құзыреттілігін дамытудағы педагогикалық әлеуеті талданады. Сонымен қатар гуманитарлық пәндерді оқыту барысында цифрлық білім беру платформаларын, интеллектуалды оқыту жүйелерін және білім беру аналитикасын пайдалану мәселелері қарастырылады. Зерттеу нәтижелері жасанды интеллект технологияларын қолдану инклюзивті білім беру ортасын қалыптастыруға және жоғары білім беру жүйесінде гендерлік теңдікті дамытуға ықпал ететінін көрсетеді. Қорытындыда цифрлық технологиялар мен жасанды интеллектті гуманитарлық білім беруге енгізу гендерлік бағытталған оқытуды жетілдірудің жаңа мүмкіндіктерін ашатыны атап өтіледі.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, цифрлық технологиялар, гуманитарлық білім, гендерлік білім, гендерлік құзыреттілік, жоғары білім, теңдік, цифрландыру, инновация, педагогика.

The digital transformation of education has become one of the most significant trends in the development of modern educational systems. Rapid technological progress, particularly in the field of artificial intelligence (AI), has created new opportunities for improving teaching methods and enhancing students' learning experiences. Educational institutions increasingly adopt digital tools to support interactive learning environments, personalize educational content, and facilitate access to knowledge resources [1].

At the same time, contemporary education places growing emphasis on the formation of social and cultural competencies among students. One of the important components of these competencies is gender awareness and gender competence. Gender education aims to promote equality, respect for diversity, and critical understanding of gender roles in society [2].

Humanities disciplines play a crucial role in this process because they focus on the study of culture, language, literature, and social relations. These fields provide an appropriate platform for discussing gender issues and developing students' critical thinking regarding social stereotypes and inequalities [3].

The integration of digital technologies and artificial intelligence into humanities education creates new possibilities for gender-oriented teaching. AI-powered platforms, educational applications, and digital learning environments can help teachers design more inclusive learning materials and provide personalized learning experiences that consider the diverse needs of students [4].

Therefore, the purpose of this study is to examine the role of digital and artificial intelligence technologies in gender-oriented humanities education and to analyze their potential for developing gender competence among students.

Materials and Methods

The methodological basis of the study includes theoretical analysis of scientific literature on digital education, artificial intelligence in pedagogy, and gender studies in education. The research is based on interdisciplinary approaches combining pedagogy, linguistics, sociology, and educational technology.

The following methods were used in the research:

- analysis of scientific and pedagogical literature;
- comparative analysis of digital educational tools used in humanities education;
- synthesis and generalization of theoretical approaches to gender education;
- interpretation of existing studies on the integration of artificial intelligence in education.

These methods made it possible to identify the key directions of implementing digital and AI technologies in gender-oriented humanities education and to analyze their pedagogical potential.

Results and Discussion

Artificial intelligence is increasingly becoming an important component of digital education systems. AI technologies can perform a wide range of functions, including adaptive learning, automated assessment, content recommendation, and learning analytics [5].

Modern AI-based educational platforms allow teachers to monitor students' progress and provide individualized feedback. Such technologies contribute to improving the quality of education and creating flexible learning environments that respond to students' needs [6].

In humanities education, artificial intelligence can assist in analyzing texts, supporting language learning, and facilitating research activities. Digital tools help students explore large amounts of information and develop analytical skills that are essential for humanities disciplines.

At the same time, AI technologies allow teachers to design innovative learning activities, such as interactive discussions, digital storytelling, and collaborative projects. These methods promote active learning and encourage students to engage critically with educational content.

Gender-Oriented Approach in Humanities Education

Gender-oriented education aims to develop students' awareness of gender equality and to challenge stereotypes that may exist in society. In the context of humanities disciplines, gender issues can be examined through literature, language studies, history, philosophy, and cultural studies.

Researchers emphasize that gender competence is an important element of professional training for future teachers and specialists in various fields [2]. Gender competence includes knowledge of gender theories, understanding of gender equality principles, and the ability to apply gender-sensitive approaches in professional activities.

Humanities disciplines offer numerous opportunities for integrating gender perspectives into educational content. For example, literature courses may analyze representations of gender roles in literary texts, while linguistic studies can explore gender differences in language use.

However, traditional teaching methods sometimes limit the effectiveness of gender education. In this context, digital technologies and artificial intelligence can significantly expand the possibilities of gender-oriented teaching.

Digital Technologies in Gender Education

Digital technologies play a crucial role in modernizing educational practices and supporting inclusive learning environments. Online platforms, multimedia resources, and interactive applications allow educators to present complex social issues in engaging and accessible ways [7].

In gender-oriented education, digital tools can support the development of critical thinking by providing students with access to diverse perspectives and cultural contexts. For example, digital archives, online databases, and multimedia materials can illustrate gender issues in literature, art, and historical documents.

Another important advantage of digital technologies is their ability to support collaborative learning. Online discussions, forums, and virtual classrooms enable students to exchange ideas and reflect on gender-related topics in a supportive academic environment.

Furthermore, digital technologies facilitate the integration of interdisciplinary approaches in humanities education. Students can explore gender issues through various forms of media, including digital storytelling, visual analysis, and interactive presentations.

The Role of Artificial Intelligence in Gender-Oriented Humanities Education

Artificial intelligence offers new opportunities for implementing gender-sensitive teaching strategies. AI-powered educational systems can analyze students' learning patterns and recommend personalized learning materials that reflect diverse perspectives and experiences [4].

For instance, AI-based text analysis tools can help students explore gender representations in literary works and media texts. Such technologies encourage deeper critical analysis and promote awareness of gender stereotypes.

Another promising application of AI is the development of intelligent tutoring systems. These systems can guide students through complex topics, provide additional explanations, and offer customized learning pathways.

AI technologies can also help educators identify potential biases in educational materials and promote more inclusive content. By analyzing large datasets, AI systems may reveal patterns of representation and suggest ways to improve gender balance in teaching resources.

However, the implementation of artificial intelligence in education also raises important ethical questions. Researchers emphasize the need to ensure that AI systems themselves do not reproduce gender biases present in training data [8].

Therefore, the development of gender-oriented AI technologies requires careful consideration of ethical principles, transparency, and inclusiveness.

Conclusion

The integration of digital technologies and artificial intelligence into humanities education represents a significant step toward modernizing educational practices and promoting inclusive learning environments. Artificial intelligence (AI) technologies provide innovative tools for supporting interactive learning, analyzing complex educational content, and personalizing the learning process according to students' individual needs and learning styles. These capabilities not only enhance the efficiency of knowledge acquisition but also allow educators to monitor students' progress more effectively, identify areas that require additional support, and design adaptive learning strategies that cater to diverse learners [1,4].

Gender-oriented education plays an essential role in developing students' social awareness and promoting equality in modern society. By integrating gender perspectives into humanities curricula, educators encourage critical engagement with cultural norms, historical narratives, and societal expectations that shape students' understanding of gender roles. Humanities disciplines, including literature, history, linguistics, philosophy, and cultural studies, provide a particularly suitable platform for exploring complex gender-related issues and fostering critical thinking about social norms and cultural representations. Digital tools and AI technologies enhance this process by offering access to diverse resources, supporting interactive discussions, and enabling the analysis of gender representation in texts, media, and cultural artifacts [2,3,7].

The findings of this study indicate that digital and AI technologies can significantly enhance gender-oriented humanities education. They allow educators to create more engaging and participatory learning environments, support interdisciplinary approaches that integrate multiple perspectives, and facilitate the development of students' gender competence. AI-powered platforms can assist in identifying biases in educational materials, ensuring balanced representation, and promoting inclusive pedagogical practices. Moreover, the integration of digital tools supports collaborative learning, enabling students to interact with peers across different cultural and social contexts, which further enriches their understanding of gender issues [4,6].

At the same time, the effective implementation of artificial intelligence in education requires careful consideration of ethical issues. One critical challenge is the potential reproduction of gender biases inherent in AI algorithms and datasets. Educators and developers must work collaboratively to ensure that AI systems are designed to promote equity, diversity, and inclusivity rather than reinforcing existing inequalities.

Transparency, accountability, and continuous evaluation of AI tools are essential to mitigate unintended consequences and maintain the integrity of educational processes [8].

Future research should focus on developing comprehensive pedagogical models that combine technological innovation with gender-sensitive educational practices. Such models may include frameworks for integrating AI tools in curriculum design, guidelines for ethical AI implementation, and strategies for assessing students' gender competence in humanities disciplines. Additionally, longitudinal studies could explore the long-term impact of AI-supported gender education on students' social awareness, critical thinking skills, and professional development. By aligning technological advances with inclusive educational goals, educators can ensure that digital and AI technologies serve as powerful instruments for fostering gender equality and enriching humanities education in higher education institutions.

List of References:

1. Elshina M.K. *Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: problemy i perspektivy* // *Pedagogicheskiy vestnik*. 2022. №3. 45–52 p.
2. Klyuchko O.I. *Gendernye aspekty obrazovaniya i sotsializatsii*. – Saransk: Izd-vo Mordovskogo universiteta, 2002.
3. Gorshko E.I. *Gendernye issledovaniya v lingvistike*. – M.: Nauka, 2004. Holmes W., Bialik M., Fadel C. *Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning*. – Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019.
4. Luckin R. *Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century*. – London: UCL Institute of Education Press, 2018.
5. Selwyn N. *Education and Technology: Key Issues and Debates*. – London: Bloomsbury Academic, 2017.
6. Bates A. *Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning*. – Vancouver: BCcampus, 2019.
7. UNESCO. *Artificial Intelligence in Education: Challenges and Opportunities for Sustainable Development*. – Paris: UNESCO Publishing, 2021.

УДК 378.147:004.8

Есімхан Жасұлан Ізбастыұлы,
 Юцент Академии правоохранительных органов при
 Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
 г. Косшы, Республика Казахстан

Бейсенова Айман Жанбиршиевна,
 старший преподаватель Esil University,
 г. Астана, Республика Казахстан

КОГНИТИВНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков в условиях цифровой трансформации образования. Обосновывается актуальность темы в контексте государственной политики Республики Казахстан и глобальных тенденций развития образовательных технологий. Анализируются современные научные исследования, посвящённые применению искусственного интеллекта в обучении, выявляются его дидактические преимущества и ограничения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, преподавание иностранных языков, цифровое образование, когнитивные процессы, языковая компетенция, образовательные технологии.

Аннотация. Мақалада білім беруді цифрландыру жағдайында шет тілдерін оқытуда жасанды интеллектті қолдану ерекшеліктері қарастырылады. Тақырыптың өзектілігі Қазақстан Республикасының мемлекеттік саясаты мен білім беру технологияларының жаһандық даму үрдістері контекстінде негізделеді. Жасанды интеллектті білім беру үдерісінде қолдануға қатысты заманауи ғылыми зерттеулер талданып, оның дидактикалық артықшылықтары мен шектеулері айқындалады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, шет тілдерін оқыту, цифрлық білім беру, когнитивтік үдерістер, тілдік құзыреттілік, білім беру технологиялары.

Abstract. The article examines the use of artificial intelligence in foreign language teaching within the context of digital transformation in education. The relevance of the topic is substantiated in relation to the state policy of the Republic of Kazakhstan and global trends in educational technologies. The study analyzes contemporary research on artificial intelligence in education, identifying both its pedagogical advantages and limitations.

Keywords: artificial intelligence, foreign language teaching, digital education, cognitive processes, language competence, educational technologies.

Современный этап развития образования характеризуется стремительной цифровой трансформацией, в рамках которой искусственный интеллект (ИИ) становится одним из ключевых факторов обновления содержания и методов обучения. Особую актуальность данный процесс приобретает в контексте преподавания иностранных языков. В условиях формирования цифровой экономики и общества знаний владение иностранным языком выходит за рамки академической дисциплины и становится базовой компетенцией, напрямую связанной с конкурентоспособностью личности и государства.

В Республике Казахстан внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательную сферу осуществляется в рамках государственной политики цифровизации и модернизации образования. В стратегических выступлениях Касым-Жомарт Токаев подчёркивается приоритетность широкого внедрения ИИ как ключевого направления развития страны. Так, в Обращении отмечается: «Ключевым компонентом нашего стратегического курса должно стать повсеместное внедрение искусственного интеллекта» [1]. Данная позиция отражает переход от точечного использования технологий к их системной интеграции в различные сферы, включая образование.

Особое значение искусственный интеллект приобретает в контексте обеспечения доступности и качества образования. Саясат Нурбек подчёркивает, что на современном этапе вопрос заключается уже не в том, использовать ли искусственный интеллект, а в том, «кто и по каким правилам будет его использовать». Данный тезис принципиально смещает акцент с технологии на педагогическую и методическую ответственность, включая сферу преподавания иностранных языков.

Практически внедрение искусственного интеллекта в преподавание иностранных языков уже приобретает системный характер. Используются интеллектуальные обучающие платформы, автоматизированные системы проверки письменной речи, чат-боты для моделирования

коммуникации, а также инструменты генерации учебных материалов. Данные технологии позволяют значительно расширить возможности образовательного процесса, обеспечивая персонализацию обучения, оперативную обратную связь и доступ к разнообразным языковым ресурсам. В то же время происходит трансформация традиционной педагогической модели: преподаватель всё чаще выступает не только как источник знания, но и как модератор, навигатор и аналитик образовательного процесса.

Вместе с тем актуализация проблемы использования искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков обусловлена не только её практической значимостью, но и высокой степенью научной разработанности, сопровождающейся противоречивостью полученных результатов. На современном этапе сформирован значительный массив научных исследований, посвящённых применению ИИ в образовании, включая систематические обзоры, метаанализы и эмпирические исследования.

Эмпирические исследования демонстрируют двойственный характер влияния ИИ на образовательный процесс. С одной стороны, фиксируются его значительные преимущества. Так, в работе Ф. Караташ установлено, что использование ChatGPT способствует развитию навыков письма, грамматики и словарного запаса, а также повышает мотивацию обучающихся [2]. Аналогичные выводы представлены в исследовании Б. Климова, где подчёркивается рост вовлечённости и удовлетворённости обучающихся при использовании ИИ в изучении иностранного языка [3].

С другой стороны, современные исследования всё более чётко фиксируют системные риски. В рекомендациях UNESCO подчёркивается необходимость человекоцентрированного подхода и указывается, что внедрение генеративного ИИ должно сопровождаться соблюдением принципов этики, защиты данных и педагогической целесообразности [4]. Аналогичные выводы содержатся в аналитических материалах OECD, где среди ключевых рисков выделяются неточность генерируемой информации, алгоритмическая предвзятость, угрозы приватности, а также возможная утрата когнитивных навыков обучающихся [5].

Таким образом, современная научная литература демонстрирует наличие двух взаимосвязанных исследовательских линий: с одной стороны признание значительного дидактического потенциала ИИ, с другой акцент на его ограничениях и рисках. Это обуславливает необходимость перехода от обсуждения целесообразности использования ИИ к анализу условий его педагогически обоснованной интеграции.

Несмотря на значительный потенциал искусственного интеллекта в сфере преподавания иностранных языков, его внедрение сопровождается рядом системных рисков, затрагивающих когнитивные, педагогические и этические аспекты образовательного процесса. Наиболее существенным из них является постепенное снижение уровня самостоятельного мышления обучающихся. При регулярном использовании ИИ-сервисов для генерации текстов, перевода и выполнения заданий у обучающихся формируется устойчивая модель поведения, при которой решение учебной задачи передаётся внешнему цифровому инструменту. В результате нарушается сам процесс формирования языковой компетенции: обучающийся не конструирует высказывание, а выбирает готовое, что ведёт к поверхностному усвоению материала и снижению уровня владения языком в долгосрочной перспективе.

Особую обеспокоенность вызывает трансформация письменной речи как ключевого навыка академического английского. Использование ИИ для написания эссе, отчётов и ответов на задания приводит к размыванию границ авторства и подрыву принципов академической честности. В отличие от традиционного плагиата, выявление ИИ-генерированных текстов значительно сложнее, что создаёт новую форму скрытой академической недобросовестности. Более того, обучающиеся начинают воспринимать текст как продукт, а не как процесс мышления, что снижает их способность к аргументации, логическому построению высказывания и критическому анализу информации.

Не менее важной проблемой является формирование технологической зависимости. При постоянной опоре на ИИ-инструменты у обучающихся снижается уверенность в собственных языковых навыках, что приводит к невозможности эффективного использования иностранного языка вне цифровой среды. Это особенно критично в условиях реальной коммуникации, где отсутствует возможность мгновенной помощи со стороны алгоритма. Таким образом, формируется парадоксальная ситуация: при высоком уровне цифровой поддержки фактическая языковая автономия обучающегося остаётся низкой.

Следует также учитывать ограниченность самих ИИ-систем. Несмотря на их высокую точность, они не обладают полноценным пониманием контекста, культурных особенностей и прагматики языка. Это может приводить к генерации формально корректных, но неестественных или коммуникативно неадекватных высказываний. В обучении иностранным языкам, где важна не только

грамматическая правильность, но и уместность, такие ошибки могут закрепляться и воспроизводиться обучающимися.

Кроме того, внедрение ИИ изменяет традиционную педагогическую модель. Существует риск снижения роли преподавателя как носителя экспертного знания и наставника. При чрезмерной автоматизации образовательного процесса преподаватель может быть сведён к функции контролёра или модератора, что ослабляет воспитательный и методический компонент обучения. Однако именно взаимодействие с преподавателем формирует не только языковые, но и коммуникативные, культурные и критические компетенции.

При этом указанные риски существенно усиливаются при игнорировании психофизиологических особенностей обучающихся, которые напрямую влияют на процесс усвоения иностранного языка. Одной из ключевых проблем становится рассеивание внимания в цифровой образовательной среде. Использование ИИ, как правило, происходит через устройства, сопряжённые с множеством отвлекающих стимулов: уведомления, многозадачность, параллельное потребление информации. В результате формируется фрагментарное восприятие материала, снижается глубина его обработки, а процесс обучения приобретает поверхностный характер. В контексте изучения иностранного языка это проявляется в механическом запоминании без осмысления и закрепления языковых структур.

С психофизиологической точки зрения важным аспектом является также возникновение когнитивных блокировок при непонимании материала. В традиционной модели обучения такие ситуации стимулируют мыслительную активность обучающегося: он анализирует, ищет закономерности, использует контекстуальные подсказки. Однако в условиях доступности ИИ этот процесс часто прерывается, так как обучающийся сразу обращается к готовому решению. Это снижает устойчивость к интеллектуальным трудностям и препятствует развитию языковой догадки, являющейся одним из ключевых навыков при овладении иностранным языком.

Дополнительным фактором выступают индивидуальные различия в восприятии информации. Среди обучающихся выделяются визуалы, аудиалы и кинестетики, и эффективность обучения напрямую зависит от соответствия формы подачи материала их когнитивному профилю. Современные ИИ-инструменты в большей степени ориентированы на текстовую и визуальную информацию, что может создавать дисбаланс в обучении. Визуально ориентированные обучающиеся получают преимущество, тогда как аудиалы и особенно кинестетики могут испытывать дефицит полноценного восприятия, если образовательный процесс не включает голосовые, интерактивные и практико-ориентированные элементы.

Не менее значимой является проблема когнитивной перегрузки. ИИ способен генерировать значительные объёмы информации за короткий промежуток времени, что превышает возможности рабочей памяти обучающегося. При отсутствии педагогической фильтрации это приводит к снижению эффективности усвоения, так как информация не успевает структурироваться и интегрироваться в существующую систему знаний. В результате возникает эффект информационного перенасыщения, сопровождающийся снижением концентрации и мотивации.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков представляет собой не только технологическую инновацию, но и сложный педагогический вызов.

Прежде всего, методически оправданным является использование искусственного интеллекта в тех зонах образовательного процесса, где он выступает в роли поддерживающего инструмента, не подменяющего когнитивную деятельность обучающегося. К таким зонам относится этап первичной работы с языковым материалом, где ИИ может выполнять функции объяснения, переформулирования и иллюстрации. Например, при изучении новой лексики или грамматических структур ИИ может предоставлять дополнительные примеры, адаптированные под уровень обучающегося, тем самым усиливая эффект персонализации обучения [6].

Эффективным является также использование ИИ на этапе постобработки и рефлексии. Проверка письменных работ, выявление грамматических ошибок, предложение альтернативных формулировок и стилистических улучшений позволяют обучающемуся осмыслить собственные языковые действия. В данном случае ИИ выполняет функцию «зеркала», отражающего результат деятельности обучающегося, но не заменяющего сам процесс её выполнения. Такой подход соответствует принципам активного обучения и способствует развитию языковой рефлексии [7].

Допустимым и продуктивным является применение ИИ в качестве симулятора коммуникации, особенно в условиях ограниченной языковой среды. Диалоговые системы позволяют моделировать реальные коммуникативные ситуации, развивать навыки говорения и аудирования, а также снижать

психологический барьер при использовании иностранного языка. При этом важно, чтобы такие взаимодействия дополнялись последующим анализом и обсуждением с преподавателем, что обеспечивает переход от имитации к осмысленной коммуникации [8].

Кроме того, ИИ может эффективно использоваться в аналитических заданиях, требующих критической оценки информации. Например, обучающимся может быть предложено проанализировать текст, сгенерированный ИИ, выявить его логические, стилистические или содержательные недостатки, а также предложить улучшения. В данном случае ИИ становится объектом анализа, а не источником знания, что способствует развитию критического мышления и информационной грамотности [9].

В то же время существуют зоны образовательного процесса, в которых использование искусственного интеллекта должно быть строго ограничено или полностью исключено. Прежде всего, это касается этапов формирования базовых языковых навыков, где ключевую роль играет самостоятельная когнитивная деятельность обучающегося. Например, при первичном освоении грамматических конструкций, развитии навыков письма и формировании языковой догадки использование ИИ для генерации готовых ответов приводит к подмене процесса обучения его результатом, что снижает эффективность усвоения материала [10].

Категорически недопустимым является использование ИИ в ситуациях, связанных с оценением учебных достижений, если оно не контролируется преподавателем. Выполнение тестов, написание контрольных и экзаменационных работ с использованием ИИ искажает результаты обучения и делает невозможной объективную оценку уровня владения иностранным языком. В научной литературе данный аспект рассматривается как одна из ключевых угроз академической честности в условиях цифровизации образования [11].

Ограничения также должны распространяться на использование ИИ в заданиях, направленных на развитие критического и аналитического мышления. Если обучающийся получает готовую интерпретацию текста, аргументацию или анализ, он лишается возможности самостоятельно пройти через когнитивно сложные этапы осмысления. В результате формируется поверхностное знание, не обеспечивающее устойчивого владения языком [12].

Особое внимание следует уделить психофизиологическим аспектам использования ИИ. В условиях постоянного обращения к цифровым инструментам возрастает риск рассеивания внимания, когнитивной перегрузки и снижения концентрации. В этой связи использование ИИ должно быть четко структурировано и ограничено по времени, а объем генерируемой информации адаптирован к возможностям восприятия обучающегося [13].

Дальнейшая конкретизация методических стратегий требует рассмотрения использования искусственного интеллекта через призму видов речевой деятельности, поскольку именно они отражают структуру языковой компетенции и определяют результативность обучения. В данном контексте использование ИИ должно рассматриваться не как универсальное решение, а как дифференцированный инструмент, эффективность которого зависит от характера формируемого навыка.

В области говорения искусственный интеллект демонстрирует значительный потенциал как средство моделирования языковой среды, особенно в условиях её дефицита. Диалоговые системы и голосовые интерфейсы позволяют обучающимся включаться в имитацию реального общения, развивая беглость речи, навыки реагирования и уверенность в использовании иностранного языка. Вместе с тем педагогическая ценность таких практик определяется степенью самостоятельности обучающегося: если ИИ начинает предлагать готовые реплики, сценарии или шаблонные ответы, происходит снижение способности к спонтанному формированию высказывания. Таким образом, в развитии говорения ИИ должен использоваться как инструмент тренировки, но не как источник речевого содержания.

Аналогичная двойственность наблюдается в области аудирования. Искусственный интеллект предоставляет широкие возможности для создания адаптивных аудиоматериалов, варьирования темпа речи, сложности и тематической направленности, что способствует индивидуализации обучения. Обучающийся получает возможность работать с материалом в комфортном режиме, возвращаться к сложным фрагментам и получать пояснения. Однако преждевременное обращение к переводу или объяснению содержания с помощью ИИ нарушает естественный процесс формирования навыка понимания на слух. В результате снижается способность к восприятию речи в условиях неопределённости и ограниченной информации, что является ключевым элементом аудирования как вида речевой деятельности.

В обучении чтению искусственный интеллект может выступать эффективным инструментом сопровождения, обеспечивая доступ к дополнительным объяснениям, адаптации текста и формированию вопросов по содержанию. Особенно значимым является его потенциал в развитии критического чтения, когда обучающийся не только воспринимает текст, но и анализирует его структуру, аргументацию и достоверность. Вместе с тем использование ИИ для предварительного пересказа или интерпретации текста до его самостоятельного прочтения приводит к утрате аналитического компонента чтения. Обучающийся получает готовое понимание, не проходя через процесс его формирования, что снижает глубину усвоения.

Наиболее чувствительной к влиянию искусственного интеллекта является письменная речь. С одной стороны, ИИ представляет собой мощный инструмент редактирования, позволяющий выявлять грамматические и стилистические ошибки, предлагать альтернативные формулировки и структурные улучшения текста. Это способствует развитию языковой рефлексии и осознанного отношения к собственному письму. С другой стороны, именно в письменной деятельности наиболее ярко проявляется риск подмены когнитивного процесса его результатом. Использование ИИ для генерации текстов лишает обучающегося необходимости самостоятельно выстраивать аргументацию, формулировать мысли и структурировать высказывание, что фактически разрушает сам механизм формирования письменной компетенции.

Рассматривая использование искусственного интеллекта через призму формируемых компетенций, следует отметить, что при педагогически обоснованном подходе он способен усиливать ключевые компоненты языковой подготовки. Лингвистическая компетенция развивается через анализ и корректировку ошибок, коммуникативная через моделирование ситуаций общения, критическое мышление через оценку и интерпретацию результатов работы ИИ, а цифровая грамотность через осознанное взаимодействие с технологией. В то же время неконтролируемое использование ИИ приводит к противоположному эффекту: снижению глубины понимания, утрате самостоятельности и формированию зависимости от внешнего источника.

Список использованных источников:

1. Глава государства провел первое заседание Совета по развитию искусственного интеллекта // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 2025. 1 октября. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-pervoe-zasedanie-soveta-po-razvitiyu-iskusstvennogo-intellekta-193222> (дата обращения: 17.03.2026).
2. Karataş F., Abedi F.Y., Günyel F.Ö. Incorporating AI in foreign language education: An investigation into ChatGPT's effect on foreign language learners // Education and Information Technologies. 2024. Vol. 29. No. 15. P. 19343–19366. // [Electronic resource] – Access mode: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10639-024-12574-6> (access date: 17.03.2026).
3. Klimova B., Pikhart M., Al-Obaydi L.H. Exploring the potential of ChatGPT for foreign language education at the university level // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article 1269319. // [Electronic resource] – Access mode: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2024.1269319/full> (access date: 17.03.2026).
4. Miao F., Holmes W. Guidance for generative AI in education and research. Paris: UNESCO, 2023. // [Electronic resource] – Access mode: <https://www.unesco.org/en/articles/guidance-generative-ai-education-and-research> (access date: 17.03.2026).
5. OECD. OECD Digital Education Outlook 2023: Towards an Effective Digital Education Ecosystem. Paris: OECD Publishing, 2023. // [Electronic resource] – Access mode: <https://www.oecd.org/education/digital-education-outlook/> (access date: 17.03.2026).
6. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning. Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019. // [Electronic resource] – Access mode: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000368021> (access date: 17.03.2026).
7. Luckin R. Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century. London: UCL IOE Press, 2018. // [Electronic resource] – Access mode: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10045852/> (access date: 17.03.2026).
8. Hattie J. Visible Learning: A Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement. London: Routledge, 2009. // [Electronic resource] – Access mode: <https://www.routledge.com/Visible-Learning-A-Synthesis-of-Over-800-Meta-Analyses-Relating-to-Achievement/Hattie/p/book/9780415476188> (access date: 17.03.2026).

9. Anderson L.W., Krathwohl D.R. A Taxonomy for Learning, Teaching, and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives. New York: Longman, 2001. // [Electronic resource] – Access mode: <https://www.uky.edu/~rsand1/china2018/texts/Anderson-Krathwohl%202001.pdf> (access date: 17.03.2026).
10. OECD. The Future of Education and Skills 2030. OECD Learning Framework 2030. // [Electronic resource] – Access mode: <https://www.oecd.org/education/2030-project/> (access date: 17.03.2026).
11. Sweller J. Cognitive Load Theory // Psychology of Learning and Motivation. 2011. Vol. 55. P. 37–76. // [Electronic resource] – Access mode: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780123876911000028> (access date: 17.03.2026).
12. Biggs J., Tang C. Teaching for Quality Learning at University. 3rd ed. Maidenhead: Open University Press, 2007. // [Electronic resource] – Access mode: <https://cetl.ppu.edu/sites/default/files/publications/Teaching%20for%20Quality%20Learning%20at%20University.pdf> (access date: 17.03.2026).
13. Selwyn N. Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education. Cambridge: Polity Press, 2019. // [Electronic resource] – Access mode: <https://politybooks.com/bookdetail/?isbn=9781509525720> (access date: 17.03.2026).

УДК 37.01:004.8

Зотов Алексей Юрьевич,
начальник кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
г. Волгоград, Российская Федерация

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на образовательный процесс и когнитивное развитие обучающихся. Анализируются этические дилеммы, возникающие при интеграции ИИ в образование, включая проблему алгоритмической зависимости, трансформацию академической честности, непрозрачность алгоритмических систем и риски деградации критического мышления. На основе анализа эмпирических данных и научной литературы предлагаются подходы к формированию культуры взаимодействия с ИИ, позволяющие сохранить когнитивную автономию обучающихся. Особое внимание уделяется пересмотру методик оценивания и проектированию учебных заданий, стимулирующих аналитическую деятельность.

Ключевые слова: искусственный интеллект; критическое мышление; алгоритмическая зависимость; академическая честность; цифровизация образования; нейросети; когнитивное развитие; образовательные технологии.

Аннотация. Мақалада жасанды интеллекттің білім беру процесіне және білім алушылардың когнитивті дамуына әсері қарастырылады. Алгоритмдік тәуелділік мәселесін, академиялық адалдықтың өзгеруін, алгоритмдік жүйелердің мөлдірлігін және сыни ойлаудың деградация қаупін қоса алғанда, АИ-дің білім беруге интеграциялануынан туындайтын этикалық дилеммалар талданады. Эмпирикалық деректер мен ғылыми әдебиеттерді талдау негізінде білім алушылардың танымдық автономиясын сақтауға мүмкіндік беретін АИ-мен өзара әрекеттесу мәдениетін қалыптастыру тәсілдері ұсынылады. Бағалау әдістемелерін қайта қарауға және аналитикалық қызметті ынталандыратын оқу тапсырмаларын жобалауға ерекше назар аударылады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; сыни ойлау; алгоритмдік тәуелділік; академиялық адалдық; білім беруді цифрландыру; нейрожелілер; когнитивті даму; білім беру технологиялары.

Abstract. The article examines the impact of artificial intelligence (AI) on the educational process and the cognitive development of students. It analyzes the ethical dilemmas that arise when integrating AI into education, including the problem of algorithmic dependence, the transformation of academic integrity, the opacity of algorithmic systems, and the risks of degrading critical thinking. Based on the analysis of empirical data and scientific literature, the article proposes approaches to fostering a culture of interaction with AI that preserves the cognitive autonomy of students. Special attention is given to revising assessment methods and designing learning tasks that encourage analytical activities.

Keywords: artificial intelligenc; critical thinking; algorithmic dependence; academic integrity; digitalization of education; neural networks; cognitive development; and educational technologies.

Современный этап развития образовательных технологий характеризуется активным внедрением генеративных моделей искусственного интеллекта (далее – ИИ). Системы, способные создавать связные тексты, решать задачи и генерировать идеи, стали доступны массовому пользователю начиная с 2022-2023 годов. К 2026 году проникновение этих технологий в образование достигло уровня, требующего переосмысления фундаментальных педагогических принципов. Вхождение искусственного интеллекта в образование ознаменовало начало новой эры, которую одни исследователи называют величайшей трансформацией со времен изобретения книгопечатания, а другие – тихой диверсией против человеческого разума. С одной стороны, алгоритмы обещают мгновенную обратную связь и освобождение преподавателя от рутинного труда. С другой – массовое внедрение генеративных моделей (ChatGPT, GigaChat, YandexGPT и др.) поставило под сомнение сами основы педагогики: как учить и оценивать, если машина пишет доклад, реферат, курсовую или дипломную работу лучше студента, и зачем думать, если ответ можно получить за секунду?

Масштабы использования нейросетей в студенческой среде сопоставимы с распространением поисковых систем в начале 2000-х годов. Однако качественное отличие заключается в том, что ИИ не просто предоставляет доступ к информации, но и производит готовые «интеллектуальные» продукты, которые ранее требовали самостоятельной мыслительной работы обучающегося. Это создает принципиально новую ситуацию, требующую анализа с позиций педагогики, когнитивной психологии и этики.

Эмпирические исследования, проведенные в 2024-2025 годах, демонстрируют устойчивый рост обращений студентов и школьников к инструментам генеративного ИИ. Согласно данным компании Turnitin, в первый год после массового запуска ChatGPT количество студенческих работ, содержащих признаки использования нейросетей, увеличилось в десятки раз. Опросы показывают, что от 30% до 50% студентов американских и европейских вузов хотя бы раз использовали ИИ для выполнения письменных заданий [1]. В российской образовательной практике аналогичные тенденции фиксируются исследователями Финансового университета при Правительстве РФ и другими научными коллективами. При этом характер использования варьируется от эпизодического обращения за справками до полного делегирования нейросетям подготовки курсовых работ и рефератов [2].

Задачи, для решения которых обучающиеся прибегают к использованию ИИ, можно поделить на 4 группы:

1. Рутинные текстовые работы – доклады, рефераты, эссе, курсовые работы на общие темы.
2. Решение типовых задач – математические и логические задачи, программирование, переводы.
3. Генерация идей – подготовка планов, структурирование материала, создание черновиков.
4. Редактирование и доработка – исправление стилистических ошибок, перефразирование, адаптация текстов под требуемый формат.

Проблема заключается не в самом факте использования нейросетей, а в характере этого использования. Когда ИИ применяется как вспомогательный инструмент, а финальный продукт проходит содержательную переработку и критическое осмысление, влияние на когнитивное развитие может быть нейтральным или даже позитивным. Однако в значительной части случаев фиксируется некритичное заимствование готовых результатов без последующей аналитической работы.

В образовательном контексте алгоритмическая зависимость проявляется в устойчивой тенденции обращаться к нейросети при возникновении любых интеллектуальных затруднений. Обучающийся перестает проходить этапы самостоятельного поиска решения, проб и ошибок, рефлексии над собственной познавательной деятельностью. В результате не формируются нейронные связи, отвечающие за соответствующие мыслительные операции. С когнитивной точки зрения процесс решения интеллектуальной задачи включает несколько этапов: анализ условий, поиск информации, выдвижение и проверка гипотез, формулировка выводов. Каждый из этих этапов требует активации определенных когнитивных структур и их тренировки.

При обращении к ИИ весь этот цикл заменяется одномоментным получением готового результата. Исследования показывают, что регулярное использование нейросетей для выполнения учебных задач ведет к снижению способности самостоятельно выстраивать логические цепочки, аргументировать свою позицию и критически оценивать информацию. Особенно заметно это проявляется при решении нестандартных задач, требующих творческого подхода. Ключевая проблема заключается не в самом факте использования технологии, а в пассивном копировании результата. Это порождает «обучающую иллюзию» – состояние мнимого знания, когда студент не проходит путь формирования нейронных связей, необходимый для подлинного усвоения материала [3]. Термин «обучающая иллюзия» используется в когнитивной психологии для обозначения ситуации, когда у субъекта возникает субъективное ощущение освоения материала при отсутствии реального усвоения. В контексте использования ИИ этот феномен приобретает новые масштабы. Обучающийся знакомится с текстом, сгенерированным нейросетью, и полагает, что ознакомление эквивалентно усвоению. Однако чтение готового текста и его самостоятельное создание активируют принципиально разные нейронные механизмы. При самостоятельном продуцировании текста происходят процессы кодирования информации, установления ассоциативных связей, интеграции нового знания в существующую когнитивную структуру. При пассивном чтении эти процессы либо отсутствуют, либо протекают в значительно ослабленной форме.

Помимо этого современные нейросети, особенно большие языковые модели, представляют собой сложные системы, логика работы которых не поддается простой интерпретации. Это создает ситуацию, которую специалисты называют проблемой «черного ящика»: пользователь видит входные данные и полученный результат, но не имеет доступа к процессу преобразования [4]. В образовательной практике эта проблема проявляется при использовании алгоритмических систем оценивания, рекомендательных сервисов, подбирающих образовательный контент, и автоматизированных систем проверки работ. Обучающийся и преподаватель не могут понять, на каком основании алгоритм принял то или иное решение, что затрудняет выявление ошибок и коррекцию всего учебно-воспитательного процесса.

Нейросети обучаются на массивах данных, которые могут содержать исторически сложившиеся предубеждения и стереотипы. В результате алгоритмы способны воспроизводить и усиливать существующие социальные неравенства. В образовательном контексте это может проявляться в несправедливом оценивании работ, принадлежащих определенным социальным, этническим или гендерным группам, а также в рекомендациях учебных материалов, закрепляющих стереотипные представления. Проблема усугубляется тем, что выявление алгоритмической предвзятости требует специальных знаний и методик, которыми не располагают рядовые участники образовательного процесса.

Также остро стоит вопрос соблюдения авторского права и правомерности заимствований. Появление ИИ привело к необходимости пересмотра самого понятия академической честности. Традиционные представления о плагиате предполагали заимствование текстов, созданных другими людьми. Нейросети генерируют уникальные тексты, которые формально не являются копированием, но по существу представляют собой результат работы алгоритма, а не самостоятельной мыслительной деятельности обучающегося. Для обозначения ситуаций, когда студент представляет в качестве собственной работы текст, сгенерированный ИИ, без указания на использование технологии и без содержательной переработки в научной литературе встречается термин «нейроплагиат» [2, 3, 4]. При этом существующие системы выявления заимствований не всегда способны надежно определить такие случаи, а нормативная база образовательных учреждений часто не содержит четких критериев допустимости использования ИИ.

Еще одной проблемой является уровень ответа, сгенерированного нейросетью. Хотя ИИ может достигать мультиструктурного и реляционного уровней понимания, ответы экспертов неизменно демонстрируют более высокий уровень критического мышления и интеграции этических принципов. ИИ-ответам часто не хватает глубины, новизны и способности предлагать инновационные решения с учетом более широких последствий. ИИ-инструменты успешно справляются с задачами низшего когнитивного уровня, но начинают «пробуксовывать» при выполнении заданий, требующих абстрактного мышления, сложного анализа и творческого подхода. Таким образом, передавая ИИ рутинные операции, студенты перестают тренировать именно те «высшие этажи» мышления, которые отличают человека от алгоритма.

Осознание рисков ставит перед педагогическим сообществом вопрос: возможна ли стратегия, при которой ИИ станет не врагом, а союзником в развитии критического мышления? Анализ литературы и успешных практик позволяет выделить несколько направлений, движение по которым позволит не утратить обучающимися критического мышления:

1. *Пересмотр педагогического дизайна.* Первоначальная реакция образовательных учреждений на распространение генеративного ИИ характеризовалась попытками ввести запреты на использование технологий. Опыт показал неэффективность таких мер: контроль за соблюдением запретов требует значительных ресурсов, а обучающиеся находят способы обхода ограничений. Технологическая «игра в кошки-мышки» с системами выявления ИИ отвлекает от главного. Эксперты предлагают сместить фокус оценивания с конечного результата на процесс его создания: целесообразно требовать от обучающихся не просто сдать сгенерированный текст, но и устно пересказать его суть, указать использованные запросы, найти и проанализировать ошибки в работе ИИ. Полагаем, что такой подход превратит нейросети в объект критики, а не в источник готовых ответов. Для этого необходимо внедрять, например: задания, основанные на личном опыте, которые отсутствуют в обучающих данных ИИ; процессуальную оценку, включающую черновики, планы, заметки; мультимедийные форматы (видео, дебаты), где невозможно полагаться на текстовый генератор.

2. *Развитие «цифровой гигиены».* Критическое мышление в эпоху ИИ – это, прежде всего, навык верификации. Обучающихся необходимо учить тому, что ИИ может выдавать ложные факты и воспроизводить предвзятости. Эффективным упражнением становится задание «Найди ошибку в тексте, сгенерированном нейросетью». Это трансформирует роль обучающегося из пассивного потребителя в куратора, редактора и критика. Эффективная интеграция ИИ в образование требует соответствующей подготовки и самих преподавателей. Педагоги должны не только владеть техническими навыками работы с нейросетями, но и понимать когнитивные механизмы, лежащие в основе учебного процесса, чтобы проектировать задания, стимулирующие развитие мышления, а не его атрофию.

3. *Техноэтика.* На уровне образовательных учреждений и государства необходима разработка четких этических норм, которые помогут сформировать академическую культуру на основе честности, прозрачности и уважения к разнообразию [4, 5]. В Российской Федерации и странах бывшего СССР существуют пробелы в законодательстве в этой сфере, что требует разработки комплексной стратегии,

включающей принятие специальных норм и кодексов нормативных актов. Кроме того, формирование «техноэтики» возможно не только путем нормативного закрепления требований, но и при активном участии семьи и образовательной организации в профилактике цифровой зависимости у обучающихся.

4. *Формирование «гибридного интеллекта».* Наиболее перспективной выглядит концепция симбиотических отношений человека и ИИ, где последний выступает в роли «интеллектуального партнера». Обучающихся можно научить использовать нейросети для: генерации идей (мозговой штурм, создание спектра возможных тезисов для последующего критического отбора); анализа собственных текстов (поиск логических пробелов или стилистических ошибок); создания интеллектуального оппонента (генерация контраргументов для подготовки к дискуссии). В этом случае критическое мышление не исчезает, а выходит на новый мета-уровень – уровень управления интеллектом машины. Образование должно готовить обучающихся к эффективному функционированию в такой гибридной среде, сохраняя при этом способность к автономному мышлению как базовую характеристику человеческого интеллекта.

Интеграция генеративного искусственного интеллекта в образование создает ситуацию, требующую переосмысления устоявшихся педагогических подходов. Эмпирические данные свидетельствуют о рисках, связанных с алгоритмической зависимостью, снижением самостоятельной познавательной активности и формированием поверхностных стратегий обучения.

Вместе с тем, технологии ИИ открывают новые возможности для персонализации обучения и повышения его эффективности. Ключевой задачей становится поиск баланса между использованием технологических инструментов и сохранением когнитивной автономии обучающегося.

Решение этой задачи лежит в плоскости педагогического дизайна: проектирования учебных заданий, стимулирующих аналитическую деятельность, формирования у обучающихся навыков критического взаимодействия с ИИ, разработки институциональных норм и этических кодексов.

Конечной целью выступает подготовка выпускников, способных эффективно функционировать в среде гибридного интеллекта, сохраняя при этом способность к самостоятельному мышлению, критической оценке информации и принятию ответственных решений.

Список использованных источников:

1. Интеллект молодежи деградирует. Согласно Microsoft, мозг отвыкает думать самостоятельно из-за нейросетей // Поиск – новости науки и техники. – 2025. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://poisknews.ru/> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Кузьмин, А.В. Отрицательное влияние искусственного интеллекта на развитие и обучение подростков 14–18 лет / А. В. Кузьмин // Молодой ученый. – 2025. – № 45 (596). – С. 334-336.
3. Дигтяр, О.Ю. Этика использования ИИ: как предотвратить списывание и плагиат и развить критическое мышление у студентов / О.Ю. Дигтяр // Финансовый университет при Правительстве РФ. – 2025. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.fa.ru/> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Лапутько, К.В. Этические и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в образовательных цифровых платформах для молодежи / К. В. Лапутько // Socio & Law. – 2025. – № 4. – С. 14-20.
5. Сизова, Е.В. Концепты академической этики в условиях цифровой трансформации образования: влияние искусственного интеллекта / Е.В. Сизова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. – № 7. – С. 324–342.

УДК 34:004.8:37

Калмурзина Зарина Жандарбековна,
доцент Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические аспекты трансформации юридической науки в условиях цифровизации и применения инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе. Автор раскрывает влияние цифровой среды на содержание юридических исследований, методологию правового познания и систему подготовки будущих юристов. Рассматриваются основные направления использования искусственного интеллекта в юридическом образовании, его роль в анализе правовых текстов, моделировании учебных кейсов и развитии исследовательских навыков обучающихся. Особое внимание уделено рискам, связанным с когнитивной делегацией, снижением самостоятельности мышления, нарушением академической честности и возможностью алгоритмических ошибок при генерации правовой информации. Выявлены проблемы, препятствующие эффективному внедрению искусственного интеллекта в образовательный процесс, включая недостаточную нормативную регламентацию, отсутствие единых стандартов использования искусственного интеллекта и необходимость сохранения ведущей роли преподавателя. Предложены пути совершенствования юридического образования с учетом human-in-the-loop и правовой промт-инженерии.

Ключевые слова: цифровизация; юридическая наука; искусственный интеллект; юридическое образование; академическая честность; правовая промт-инженерия.

Аннотация. Мақалада цифрландыру және білім беру процесінде жасанды интеллект құралдарын қолдану жағдайындағы заң ғылымы трансформациясының теориялық және практикалық аспектілері талданады. Автор цифрлық ортаның заңдық зерттеулердің мазмұнына, құқықтық таным әдіснамасына және болашақ заңгерлерді даярлау жүйесіне тигізетін әсерін ашады. Заңгерлік білім беруде жасанды интеллектіні пайдаланудың негізгі бағыттары, оның құқықтық мәтіндерді талдаудағы рөлі қарастырылады. Когнитивтік делегациямен, дербес ойлаудың төмендеуімен, академиялық адалдықтың бұзылуымен және құқықтық ақпаратты генерациялау кезінде алгоритмдік қателердің туындау мүмкіндігімен байланысты тәуекелдерге ерекше назар аударылды. Білім беру процесіне жасанды интеллектіні тиімді енгізуге кедергі келтіретін мәселелер, соның ішінде жеткіліксіз нормативтік құқықтық реттеу, жасанды интеллектіні пайдаланудың бірыңғай стандарттарының болмауы және оқытушының жетекші рөлін сақтау қажеттілігі анықталды. Human-in-the-loop концепциясы мен құқықтық промт-инженерияны ескере отырып, заңгерлік білім беруді жетілдіру жолдары ұсынылады.

Түйінді сөздер: цифрландыру; заң ғылымы; жасанды интеллект; заңгерлік білім беру; академиялық адалдық; құқықтық промт-инженерия.

Annotation. The article analyzes the theoretical and practical aspects of the transformation of legal science in the context of digitalization and the use of artificial intelligence tools in the educational process. The author reveals the influence of the digital environment on the content of legal research, the methodology of legal knowledge and the system of training future lawyers. The main directions of the use of artificial intelligence in legal education, its role in the analysis of legal texts, modeling of educational cases and the development of research skills of students are considered. Special attention is paid to the risks associated with cognitive delegation, decreased independence of thinking, violation of academic integrity and the possibility of algorithmic errors in the generation of legal information. The problems that hinder the effective implementation of artificial intelligence in the educational process have been identified, including insufficient regulatory regulation, the lack of uniform standards for the use of artificial intelligence and the need to maintain the leading role of the teacher. Ways of improving legal education are proposed, taking into account human-in-the-loop and legal industrial engineering.

Keywords: digitalization; legal science; artificial intelligence; legal education; academic integrity; legal industrial engineering.

Современная правовая система развивается в условиях цифровой трансформации. Данный процесс существенно влияет на характер общественных отношений, способы правового регулирования и содержание юридической деятельности. Цифровизация перестала восприниматься исключительно как прикладной технический инструмент и начала затрагивать фундаментальные основы юриспруденции – от трансформации правового статуса субъектов до формирования глобальных механизмов регулирования в сетевом пространстве [1]. Особую значимость эти процессы приобретают

в сфере высшего юридического образования, поскольку внедрение технологий искусственного интеллекта требует пересмотра методологии обучения и формирования новых стандартов профессиональной подготовки юристов.

Осознание глобальности этих вызовов закреплено на международном уровне. В ноябре 2021 года 193 государства - члена ЮНЕСКО приняли Рекомендацию по этическим аспектам искусственного интеллекта (англ. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence), которая установила принципы прозрачности и подконтрольности технологий человеку [2]. Дальнейшим развитием этих положений стали опубликованные в сентябре 2024 года Рамочных программ компетенций ЮНЕСКО в области искусственного интеллекта для учащихся и учителей (AI competency framework for students / teachers). Данные документы закрепляют переход от восприятия обучающегося как пассивного пользователя алгоритмов к модели его активного и ответственного участия в образовательном процессе. В качестве одного из ключевых принципов провозглашается приоритет человеческого контроля и участия (human agency), предполагающий, что обучающийся выступает не только пользователем, но и ответственным участником human-AI co-creation [3, 4]. Это требует внедрения специализированной ИИ-педагогике, в которой преподаватель выступает модератором в усложнившейся системе отношений «преподаватель – искусственный интеллект – обучающийся».

Особый импульс данным процессам придаёт стратегический курс Республики Казахстан. В Послании народу Казахстана Глава государства К.К. Токаев подчеркнул необходимость масштабной цифровой трансформации, указав, что искусственный интеллект должен выступать инструментом развития человеческого потенциала, а не подменять традиционные образовательные механизмы [5]. В связи с этим для Республики Казахстан проблема приобретает особую актуальность, поскольку требуется определить такие модели интеграции искусственного интеллекта в учебный процесс, которые одновременно обеспечивают академическую честность, персональную ответственность обучающегося и сохранение ведущей роли преподавателя [6].

Дополнительную значимость исследованию придаёт то обстоятельство, что в проекте новой Конституции Республики Казахстан акцентируется роль науки, инноваций и развития человеческого капитала как ориентиров государственной политики. В этом контексте подготовка юридических кадров нового типа приобретает не только ведомственное, но и более широкое конституционно-правовое значение, поскольку связывается с задачами модернизации системы образования и развития интеллектуального потенциала государства [7].

Цель исследования состоит в анализе влияния цифровизации и инструментов искусственного интеллекта на юридическую науку и юридическое образование, а также в выработке подходов к их безопасному и этически допустимому применению.

Теоретическую основу исследования составляют работы И.В. Шахновской [1] и А.В. Нестерова [17], исследующие влияние цифровизации на методологию правового познания. Специфические образовательные риски генеративных моделей, включая феномен «когнитивной делегации», раскрыты в трудах А.Я. Рыженкова [8]. При этом эмпирические и теоретические выводы D. Weber-Wulff et al. [10] и N.A. Garland [11] доказывают, что такие системы обладают структурными пределами точности и склонны к ложноположительным срабатываниям, что снижает эффективность исключительно технического контроля академической честности. В качестве концептуального решения О.И. Босык [19] и рекомендации ЮНЕСКО обосновывают переход к «гибридной модели» юридического образования [3, 4].

Эмпирическую основу исследования сформировали международные документы ЮНЕСКО, включая Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 года, Рамочные программы компетенции в области искусственного интеллекта для обучающихся и преподавателей 2024 года, доклад AI and education: Protecting the rights of learners 2025 года, а также Global Education Monitoring Report 2023. В исследование включены нормативные правовые акты Республики Казахстан, Послания Президента Республики Казахстан К.К. Токаева, положения проекта Конституции Республики Казахстан 2026 года, а также материалы, отражающие развитие цифрового и юридического образования в Казахстане. Дополнительно использованы научные публикации за 2021-2026 годы и отдельные примеры судебной практики, иллюстрирующие риски алгоритмических ошибок и генерации недостоверной правовой информации.

Методологическую основу исследования составил диалектический подход, реализованный посредством формально-логического, сравнительно-правового, системного и прогностического методов. Их применение позволило сопоставить международные стандарты с национальными правовыми подходами, выявить особенности адаптации цифровых технологий к специфике ведомственного образования и обосновать необходимость регламентированной интеграции

искусственного интеллекта как вспомогательного аналитического инструмента при сохранении интеллектуальной автономии и персональной ответственности юриста.

В ходе исследования выявлено, что интеграция технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс будущих юристов - в особенности при подготовке кадров для правоохранительных органов - сопряжена с рядом ключевых вызовов, требующих комплексного организационно-методического реагирования.

Во-первых, остро встаёт проблема академической честности и феномена «когнитивной делегации». Бесконтрольное делегирование генеративным сетям функций по подготовке научно-исследовательских работ ведёт к снижению навыков критического правового мышления обучающихся [8]. Как справедливо отмечает А.Я. Рыженков, ситуация усугубляется техническими ограничениями алгоритмов проверок, поскольку традиционные системы (например, применяемый в РФ «Антиплагиат») зачастую не распознают текст, созданный ChatGPT 4.0, если он подвергается минимальной редакционной поправке [8].

По аналогии с российской практикой можно предположить, что схожие технологические ограничения могут быть характерны и для образовательного пространства Республики Казахстан. При этом современные системы проверки на заимствования, включая широко используемые в образовательной среде решения типа «Антиплагиат», «StrikePlagiarism» и «Turnitin», дополняются модулями выявления AI-сгенерированных текстов. Характерно, что сами разработчики подобных систем признают возможность ошибок, что требует дополнительной экспертной оценки результатов автоматического анализа [9]. Как показывают эмпирические исследования Debora Weber-Wulff et al. (2023), детекторы AI-текста допускают ошибки и могут давать ложноположительные результаты [10]. В свою очередь, теоретическая работа N.A. Garland (2026) согласуется с этими выводами и указывает на структурные ограничения text-only one-shot детекторов. Ограничения связаны с распределительным перекрытием между индивидуальными письменными характеристиками обучающихся и AI-генерацией, из-за чего такие системы неизбежно сталкиваются с компромиссом между точностью обнаружения и риском ложноположительных результатов [11]. Ситуация осложняется тем, что системы функционируют как «черный ящик» и могут ошибочно маркировать оригинальные тексты авторов-билингвов как сгенерированные ИИ, что создаёт риски нарушения принципа академической добросовестности [12].

При этом в докладе ЮНЕСКО «AI and education: Protecting the rights of learners» на основе эмпирических исследований фиксируется риск так называемой «когнитивной атрофии», вызванной чрезмерной зависимостью обучающихся от чат-ботов на основе больших языковых моделей, что выражается в снижении учебной мотивации, ухудшении успеваемости и ослаблении метакогнитивных навыков [13].

Во-вторых, критическим риском выступает алгоритмическая «галлюцинация», создающая прямые угрозы для авторитета правосудия. Языковые модели склонны генерировать правдоподобные, но фактически несуществующие нормы законодательства и ссылки на судебную практику. Показательным примером рисков алгоритмической «галлюцинации» в правоприменительной практике является дело *Mata v. Avianca*, получившее широкую международную огласку, в том числе на страницах издания *The New York Times*, и рассмотренное Федеральным окружным судом Южного округа Нью-Йорка в 2023 году. В ходе подготовки процессуального документа адвокаты стороны истца использовали генеративную языковую модель ChatGPT, которая сгенерировала несуществующие судебные прецеденты и вымышленные цитаты. В связи с этим суд наложил на адвокатов процессуальные санкции, включая штраф в размере 5000 долларов США, за нарушение Правила 11 Федеральных правил гражданского судопроизводства США. В определении суд указал, что предоставление сгенерированных недостоверных материалов приводит к растрате процессуальных ресурсов, подрывает стандарты юридической профессии и снижает доверие к системе правосудия в целом [14].

В-третьих, традиционные образовательные методики демонстрируют определённый консерватизм перед лицом новых вызовов. Стратегия полного запрета генеративного искусственного интеллекта в учебном процессе представляется малоэффективной. Проводя историческую аналогию с движением луддитов, исследователи обоснованно указывают на контрпродуктивность таких мер, поскольку категоричные ограничения не останавливают технологический прогресс, а лишь вынуждают студентов обращаться к алгоритмам скрытно, что полностью выводит данный процесс из-под педагогического контроля [15].

Для преодоления данных барьеров представляется обоснованным внедрение следующего комплекса решений:

1. Трансформация форм контроля знаний.

Переход к форматам, требующим глубокого анализа в режиме реального времени (муркорты, диспуты). Высокую результативность демонстрирует метод поэтапного разбора кейсов, где искусственный интеллект выполняет функцию «наставника-куратора», задающего обучающемуся наводящие вопросы по фабуле дела для самостоятельного формирования системы доказательств. Это позволяет сместить фокус с оценки финального текста на оценку самого процесса правового мышления.

2. Институционализация этико-правовых стандартов и механизмов юридической ответственности.

Применение генеративных сетей в академической среде должно быть строго регламентировано локальными актами высших учебных заведений, опирающимися на императивы Закона Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года №230-VIII «Об искусственном интеллекте» [16]. Фундаментальным шагом представляется внедрение обязательного декларирования и маркировки обучающимися любых текстовых массивов, подпадающих под закреплённое в статье 1 Закона понятие «синтетических результатов деятельности систем искусственного интеллекта» [16]. Данная мера предлагается автором как институциональный механизм, реализуемый через локальные акты вузов, и направлена на обеспечение прозрачности использования ИИ в образовательном процессе.

Особое внимание академического сообщества должно быть обращено на статью 30 указанного Закона, устанавливающую ответственность за нарушение законодательства в сфере ИИ [16]. В контексте юридического образования это носит обязывающий характер, согласно которому феномен «когнитивной делегации» не освобождает будущего юриста от персональной, профессиональной и этической ответственности за достоверность выдвигаемой правовой позиции [16]. Интеграция технологий должна осуществляться исключительно в рамках концепции «human-in-the-loop» (человек в контуре управления), где языковая модель выступает лишь вспомогательным аналитическим инструментом, а окончательная верификация данных, предотвращение алгоритмических «галлюцинаций» и оценка фактов остаются исключительной прерогативой человека [17].

3. Модернизация образовательных программ и внедрение дисциплины «Правовая промт-инженерия» (Legal Prompt Engineering).

Как подчёркивается в международных стандартах, в частности в выводах Всемирного доклада ЮНЕСКО по мониторингу образования (GEM Report 2023) [18] и рамочных основах компетенций в области ИИ для обучающихся (AI Competency Framework for Students) [3], современная цифровизация требует смещения акцента с пассивного потребления технологий на ответственное и критическое взаимодействие с ними. Применительно к нейросетям это означает переход к формату «алгоритмического соавторства» (co-creation) [3].

Отечественная юридическая школа должна оперативно адаптировать учебные планы, включив в них обучение навыкам профессионального взаимодействия с искусственным интеллектом. Студенты-юристы обязаны овладеть методологией формулирования корректных правовых запросов к алгоритмам, основами алгоритмического аудита и выявлением скрытой предвзятости в сгенерированных ответах. Подобный подход позволит трансформировать образовательный процесс, в рамках которого будущий юрист будет обучаться не слепому копированию машинного текста, а его критическому сопоставлению с эталонными национальными базами данных (ИС «Эділет», «Параграф») с применением методов цифровой герменевтики [17]. В конечном итоге это обеспечит подготовку специалистов, способных оценивать машинную логику через призму «духа закона», конституционных гарантий и принципов социальной справедливости.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что цифровизация не отменяет традиционные основы юридической науки, а требует их качественного переосмысления. Искусственный интеллект в образовательном процессе способен существенно расширить аналитические возможности обучающихся, однако его применение должно быть строго ограничено рамками академической честности, профессиональной этики и персональной ответственности студента и преподавателя. Наиболее перспективной представляется модель, при которой искусственный интеллект используется не как замена мыслительной деятельности, а как вспомогательный инструмент в контуре человеческого контроля. Для этого необходимо обновление образовательных программ, развитие навыков критической работы с алгоритмами, введение обязательной маркировки использования искусственного интеллекта и формирование дисциплины правовой промт-инженерии. В целом можно утверждать, что устойчивое развитие юридической науки в цифровую эпоху возможно только при сочетании технологических инноваций с сохранением ценностных и методологических оснований права.

Список использованных источников:

1. Шахновская И.В. Юридические аспекты цифровизации права // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2023. №3 (65). - С. 106-109.
2. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта: принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО на ее 41-й сессии (Париж, 23 ноября 2021 г.) // Официальный сайт ЮНЕСКО. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 06.03.2026).
3. AI competency framework for students / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. - Paris: UNESCO, 2024. - 80 p. - ISBN 978-92-3-100709-5.
4. AI competency framework for teachers / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. - Paris: UNESCO, 2024. - 52 p. - ISBN 978-92-3-100710-1.
5. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 06.03.2026).
6. Давудова С.Я., Рагимханова К.Т. Применение искусственного интеллекта в высшем образовании при преподавании юридических дисциплин // Педагогический научный журнал. - 2026. - Т. 9, №1. - С. 140-144.
7. Проект Конституции Республики Казахстан (опубликован 12 февраля 2026 г.) // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru> (дата обращения: 06.03.2026).
8. Рыженков А.Я. Организационно-правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовательной деятельности на юридических факультетах в России // Правовой порядок и правовые ценности. - 2025. - Т. 3, №1. - С. 9-18. - DOI:10.23947/2949-1843-2025-3-1-9-18. - EDN: HXJZTF.
9. Модуль поиска контента ИИ // Официальный сайт системы StrikePlagiarism.com. - URL: <https://strikeplagiarism.com/ru/ai-content.html> (дата обращения: 06.03.2026).
10. Weber-Wulff D., Anohina-Naumeca A., Bjelobaba S. et al. Testing of detection tools for AI-generated text // International Journal for Educational Integrity. - 2023. - Vol. 19. - Article number: 26. - DOI: 10.1007/s40979-023-00146-z.
11. Garland N.A. AI Detectors Fail Diverse Student Populations: A Mathematical Framing of Structural Detection Limits // arXiv.- 2026/ - arXiv:2603.20254 [cs.CY]. - DOI: 10.48550/arXiv.2603.20254.
12. Pratama A.R. 2025. The accuracy-bias trade-offs in AI text detection tools and their impact on fairness in scholarly publication. [Электронный ресурс] // PeerJ Computer Science. 2025. Vol.
13. Article e2953 URL: <https://peerj.com/articles/cs-2953/#p-5> (дата обращения: 06.03.2026). DOI: 10.7717/peerj-cs.2953.
14. UNESCO. AI and education: Protecting the rights of learners. Paris: UNESCO, 2025. 100 p. DOI: 10.54675/ROQH4287.
15. Weiser, B. Lawyers Are Ordered to Consider Seeking Forgiveness [Электронный ресурс] / B. Weiser // The New York Times. - 2023. - June 22. - URL: <https://www.nytimes.com/2023/06/22/nyregion/lawyers-chatgpt-schwartz-loduca.html> (дата обращения: 06.03.2026).
16. Шайкова Е.С. Цифровизация юриспруденции // Инновационные научные исследования. - 2022. - С. 44-48.
17. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года №230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». [Электронный ресурс]. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> (дата обращения: 06.03.2026).
18. Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства // Правовое государство: теория и практика. - 2020. - №4 (62). - С. 49.
19. Global Education Monitoring Report 2023: technology in education: a tool on whose terms? - Paris: UNESCO, 2023. - 526 p. - ISBN: 978-92-3-100609-8.

20. Босык О.И. Гибридная модель юридического образования: от теории к практике промт-инжиниринга // Цифровое право. - 2025. - Т. 3, №1. - С. 22-29.

УДК 37.015.3:004.8

Карымсакова Асель Серикказыевна,
преподаватель Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

Карымсаков Рахмет Шамилович,
доцент Университета «Туран-Астана», кандидат юридических наук,
г. Астана, Республика Казахстан

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МОТИВАЦИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация. В статье исследуется влияние технологий искусственного интеллекта на образовательный процесс с позиции психологии и педагогики. Автор анализирует, как адаптивные системы обучения и интеллектуальные агенты трансформируют внутреннюю и внешнюю мотивацию обучающихся. Рассматриваются риски снижения когнитивной активности при чрезмерном делегировании задач ИИ. В работе подчеркивается роль персонализации контента в повышении вовлеченности обучающихся. Особое внимание уделяется изменению взаимодействия в системе «преподаватель-обучающий-ИИ». На основе анализа педагогических практик предлагаются рекомендации по интеграции ИИ-инструментов. В заключении делаются выводы о необходимости баланса между технологизацией и сохранением субъектности обучающихся.

Ключевые слова: искусственный интеллект; мотивация обучения; психология образования; адаптивное обучение; цифровизация; педагогические технологии; вовлеченность.

Аннотация. Мақалада жасанды интеллект технологияларының білім беру процесіне психологиялық және педагогикалық тұрғыдан әсері зерттеледі. Автор бейімделген оқыту жүйелері мен зияткерлік агенттердің білім алушылардың ішкі және сыртқы уәждемесін қалай өзгертетінін талдайды. Жасанды интеллектке тапсырмаларды шектен тыс тапсыру кезіндегі когнитивті белсенділіктің төмендеу қауіптері қарастырылады. Жұмыста білім алушылардың белсенділігін арттырудағы контентті дербестендірудің рөлі атап көрсетілген. «Оқытушы-оқушы-ЖИ» жүйесіндегі өзара іс-қимылдың өзгеруіне ерекше назар аударылады. Педагогикалық практиканы талдау негізінде ЖИ құралдарын интеграциялау бойынша ұсыныстар беріледі. Қорытындыда технологияландыру мен білім алушылардың субъектілігін сақтау арасындағы теңгерімнің қажеттілігі туралы тұжырымдар жасалады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; оқу уәждемесі; білім беру психологиясы; бейімделген оқыту; цифрландыру; педагогикалық технологиялар; белсенділік.

Abstract. The article examines the impact of artificial intelligence technologies on the educational process from the perspective of psychology and pedagogy. The author analyzes how adaptive learning systems and intelligent agents transform the internal and external motivation of students. The risks of decreased cognitive activity in cases of excessive delegation of tasks to AI are considered. The work emphasizes the role of content personalization in increasing student engagement. Particular attention is paid to the change in interaction within the "teacher-student-AI" system. Based on the analysis of pedagogical practices, recommendations for the integration of AI tools are proposed. In conclusion, findings are made regarding the need for a balance between technologization and the preservation of learners' agency.

Keywords: artificial intelligence; learning motivation; educational psychology; adaptive learning; digitalization; pedagogical technologies; engagement.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер жизнедеятельности, среди которых образование занимает одно из ключевых мест. Как отмечает Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, что в соответствии с требованиями времени Казахстан должен стать развитой и передовой страной. В связи с этим он отдельно остановился на перспективах цифровизации образования: «Реальностью современного мира стали цифровизация и искусственный интеллект. Именно поэтому в своём недавнем Послании я уделил особое внимание этой теме. Детям со школьной скамьи необходимо прививать цифровую грамотность. Учащиеся должны уметь эффективно использовать передовые технологии в процессе обучения. Это касается и преподавателей: педагогам важно осваивать современные навыки. Следует широко применять искусственный интеллект во всех уровнях системы образования. Превращение в цифровое государство – задача не одного дня. По сути, речь идет о внедрении кардинально новых подходов начиная с системы образования. Уверен, вы, уважаемые преподаватели, проявите активность в осуществлении этой важной миссии» [1]. Данная позиция отражает стратегический курс государства на развитие человеческого капитала в условиях

технологических изменений. В контексте государственной политики 2026 год ознаменован усилением процессов цифровизации и активным внедрением технологий искусственного интеллекта, что придает особую актуальность вопросам трансформации образовательной среды. В казахстанском научно-педагогическом сообществе вопросы цифровой трансформации высшей школы рассматриваются как фундамент реализации Концепции развития высшего образования и науки на 2023–2029 годы. Исследователи отмечают, что для Казахстана внедрение ИИ - это не только технологический вызов, но и инструмент преодоления образовательного неравенства между региональными и центральными вузами. Г.К. Нургалиева, подчеркивают, что методология цифровизации должна опираться на национальные стандарты качества образования, обеспечивая доступ к единым интеллектуальным платформам для всех категорий обучающихся [2].

Однако, помимо технологических преимуществ, на первый план выходят психолого-педагогические аспекты: как именно взаимодействие с «интеллектуальной машиной» влияет на когнитивные процессы и, что наиболее важно, на внутреннюю мотивацию обучающихся.

Проблема исследования заключается в существующем противоречии между стремительным внедрением ИИ-инструментов и недостаточной изученностью их долгосрочного влияния на психологическое состояние обучающихся. Существует риск, что чрезмерная алгоритмизация учебного процесса может привести к снижению субъектности обучающихся и ослаблению познавательного интереса.

Целью данной работы является анализ влияния систем искусственного интеллекта на мотивационную сферу обучающихся и выявление оптимальных педагогических условий, при которых цифровые инструменты становятся стимулом для профессионального и личностного роста, а не фактором академической пассивности.

Научные исследования последних лет демонстрируют, что ИИ может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на когнитивное развитие обучающихся. Одним из ключевых направлений является использование ИИ для персонализации обучения, что позволяет адаптировать образовательный процесс к индивидуальным потребностям обучающихся. Например, адаптивные платформы, такие как DreamBox или Coursera, используют алгоритмы машинного обучения для анализа данных об успеваемости учащихся и формирования персонализированных учебных траекторий. Исследователи отмечают, что «персонализация обучения с помощью ИИ способствует развитию аналитических способностей и улучшению памяти учащихся за счет предоставления заданий, соответствующих их уровню знаний». Это подтверждается тем, что обучающиеся, работающие с адаптивными системами, демонстрируют более высокие результаты в тестах на логическое мышление и решение проблем. Еще одним важным аспектом является влияние ИИ на развитие метакогнитивных навыков, таких как саморегуляция и рефлексия. Опыт ведущих вузов Казахстана, таких как КазНУ им. аль-Фараби и Astana IT University, показывает эффективность интеграции ИИ в национальные системы управления обучением (LMS). Исследования Б.Д. Сыдыковой подтверждают, что анализ «цифрового следа» обучающегося в отечественных образовательных средах позволяет прогнозировать академические риски и вовремя корректировать индивидуальную траекторию обучения. Это делает процесс обучения в условиях кредитной технологии более гибким и ориентированным на конкретные образовательные дефициты каждого [3].

В настоящее время системы ИИ, предоставляющие обратную связь в реальном времени, помогают учащимся осознавать свои сильные и слабые стороны в процессе обучения. Как подчеркивают авторы, «ИИ-инструменты, такие как виртуальные тьюторы, способствуют формированию метакогнитивных стратегий, позволяя учащимся более осознанно подходить к учебной деятельности».

Персонализированный подход, реализуемый средствами ИИ, позволяет сделать обучение по-настоящему студентоориентированным. Адаптивные системы подбирают материалы и задания в соответствии с уровнем подготовки, стилем мышления и предпочтениями обучающегося. Когда обучающийся получает учебный опыт, совпадающий с его интересами и возможностями, он испытывает меньше тревожности и больше уверенности, что напрямую влияет на вовлечённость и мотивацию.

Современные обучающийся всё чаще сталкиваются с необходимостью обучаться самостоятельно – в онлайн-курсах, цифровых платформах, дополнительных образовательных проектах. ИИ может существенно облегчить этот процесс, выступая в роли персонального наставника. Он предлагает обучающему индивидуальную траекторию, делит объёмный материал на удобные фрагменты, настраивает частоту повторений и способ подачи информации. Всё это позволяет учащемуся не теряться в потоке данных и сохранять чувство продвижения и контроля, что напрямую влияет на мотивацию. Например, использование ИИ-ассистентов, таких как Google Classroom или

Microsoft Teams, позволяет обучающим получать рекомендации по планированию учебного времени, что положительно сказывается на их способности к саморегуляции. Однако научная литература также указывает на потенциальные риски, связанные с применением ИИ в образовании [4].

ИИ-системы могут поддерживать регулярное обучение с помощью напоминаний, встроенных в повседневный ритм обучающего. Эти напоминания – ненавязчивые, краткие, своевременные – позволяют сформировать привычку учиться понемногу, но постоянно. Микрообучение с ИИ, построенное на логике коротких, завершённых циклов усвоения, даёт ощущение лёгкости и доступности процесса, что особенно важно для повышения мотивации у обучающихся с низкой учебной самооценкой.

Одним из наиболее мотивирующих эффектов ИИ является иллюзия постоянного присутствия поддержки. Даже если обучающийся занимается один, он получает впечатление, что рядом есть кто-то, кто подскажет, объяснит, направит. Это чувство снижает тревожность, делает обучение безопасным пространством и способствует формированию доверия к учебной деятельности.

Интерактивные системы на основе генеративных моделей ИИ позволяют вести диалог со обучающимся. Это могут быть квазисобеседники, виртуальные тьюторы или ассистенты, задающие вопросы, предлагающие размышления, формирующие метапознание. Диалог с машиной, в отличие от теста, воспринимается как более личностный, гибкий и мотивирующий процесс, особенно у цифрового поколения.

Эмоциональный интеллект машинных систем позволяет распознавать настроение учащегося и адаптировать под него подачу материала. На основании анализа мимики, интонации, темпа работы ИИ может определить усталость, скуку, заинтересованность и менять сценарий обучения. Это делает ИИ не просто инструментом передачи знаний, а настоящим цифровым партнёром в обучении, способным учитывать эмоциональное состояние обучающегося.

Одним из ключевых аспектов поддержания мотивации является наличие постоянной и понятной обратной связи. ИИ способен давать моментальный отклик на действия учащегося, объяснять ошибки, подсказывать направления для повторения. Это снижает фрустрацию, укрепляет ощущение контроля над процессом обучения и стимулирует к дальнейшему продвижению.

Современные ИИ-среды могут сопровождать обучающего при выполнении учебных проектов, помогать в сборе и анализе информации, строить гипотезы, визуализировать данные. Это расширяет возможности исследовательской деятельности и делает её доступной в рамках образовательных программ. ИИ-системы позволяют выстраивать оценивание, не только фиксирующее результаты, но и помогающее обучающему видеть прогресс. Платформы, отслеживающие развитие навыков, визуализирующие достижения, помогают формировать положительную учебную самооценку. Понимание того, что даже небольшие усилия приводят к заметному улучшению, поддерживает стремление продолжать обучение.

Внутренняя мотивация учащегося формируется тогда, когда обучение воспринимается как интересное, значимое и соответствующее личным целям. ИИ может поддерживать эту мотивацию за счёт создания адаптивной среды, в которой обучающийся сам выбирает путь решения задач, исследует темы, которые вызывают интерес, и получает подкрепление не внешней оценкой, а внутренним удовлетворением от результата. Такая образовательная среда формирует чувство автономии, которое является ключевым фактором устойчивой учебной активности.

Системы на основе ИИ могут сопровождать развитие саморегуляции у обучающихся: помогать ставить цели, планировать шаги, контролировать процесс, анализировать ошибки. Гибкая система подсказок и поддержки не только делает обучение более эффективным, но и развивает осознанность в действиях обучающегося. Понимание собственного прогресса, умение оценить усилия и результат укрепляют уверенность и снижают зависимость от внешней мотивации.

Одним из сильнейших мотивирующих факторов является визуализация достигнутых результатов.

Геймифицированные элементы – баллы, уровни, достижения, внутриигровые награды – усиливаются за счёт ИИ, который способен отслеживать успехи, предлагать задания нужной сложности и управлять динамикой игры. Это делает обучение захватывающим процессом. ИИ способен моделировать поведение игрового наставника, соперника или союзника, адаптируя сюжет и структуру заданий под поведение обучающихся, что делает процесс преподавания психологически насыщенным и эмоционально вовлекающим [5].

В учреждении, где работает ИИ-платформа, преподаватель получает аналитику по каждому обучающему: уровень вовлечённости, частоту ошибок, зоны успеха. Это позволяет преподавателю точнее выстраивать взаимодействие с каждым обучающимся, уделяя больше внимания тем, кто теряет

интерес. Такое опосредованное взаимодействие через ИИ делает образовательный процесс более человечным и направленным на потребности обучающихся. ИИ может строить графики, диаграммы, цифровые отчёты, в которых видно, как обучающийся развивается во времени. Наглядность и доступность таких отчётов способствуют формированию позитивного отношения к обучению, активизируют желание достичь следующего рубежа.

Кроме того, мотивация к обучению формируется не только на занятиях, но и во внеурочной активности. ИИ может поддерживать участие в олимпиадах, конкурсах, проектах, рекомендовать подходящие мероприятия, предлагать темы и партнёров. Это делает образовательную среду целостной, связанной с интересами и увлечениями обучающихся.

В рамках инклюзивного образования ИИ становится окном в мир знаний. Он адаптирует контент, предлагает альтернативные формы коммуникации, подстраивается под особенности восприятия информации. Это делает обучение доступным и мотивирующим, снижая барьеры и повышая чувство включённости в образовательный процесс.

Одним из факторов потери мотивации является страх ошибки. ИИ позволяет использовать ошибки как ресурс обучения: анализировать их, предлагать повторные попытки, формировать задания, направленные на устранение типичных затруднений. Такой подход формирует позитивное отношение к ошибке как к ступени развития, а не как к поражению.

ИИ – не просто технология, а новая парадигма взаимодействия в образовании. Если её использовать с учётом педагогических закономерностей, человеческих потребностей и ценностей, она может стать источником подлинного интереса к обучению. Образование, где ИИ помогает обучающимся чувствовать себя уверенно, свободно и осмысленно, способно формировать поколение увлечённых, компетентных и осознанных людей.

Несмотря на значительный потенциал ИИ в повышении учебной мотивации, его интеграция в образовательную среду сопряжена с рядом серьёзных вызовов и рисков. Одной из основных проблем является возможное снижение самостоятельности мышления обучающихся. Чрезмерная зависимость от интеллектуальных инструментов может привести к тому, что обучающиеся начнут полагаться на автоматические решения, вместо того чтобы развивать собственные аналитические навыки. Исследователи подчеркивают, что длительное делегирование когнитивных задач алгоритмам способно ограничить развитие творческого мышления и личной инициативности [6].

Кроме того, педагоги-практики КазНПУ имени Абая указывают на риск формирования «цифровой зависимости», при которой обучающийся утрачивает навык критического анализа первоисточников, ограничиваясь компиляцией ответов генеративных моделей. Исследователи подчеркивают, что для казахстанской системы образования, основанной на тесном личном контакте наставника и ученика, чрезмерная «экранная» медиация может привести к девальвации этических норм и академической честности. Кроме того, отмечается угроза стандартизации мышления: ИИ-системы, обученные на глобальных массивах данных, могут косвенно способствовать вымыванию национального культурного компонента и региональной специфики из содержания гуманитарных дисциплин [7].

К другим значимым проблемным аспектам относятся:

Риск академической пассивности: Алгоритмизация обучения может превратить обучающихся из активного субъекта в пассивного потребителя контента, что ведет к ослаблению подлинного познавательного интереса.

Также существуют острые вопросы, связанные с конфиденциальностью личных данных обучающихся и потенциальной предвзятостью самих алгоритмов. Алгоритмы могут содержать скрытые культурные или социальные искажения, что создает риск дискриминации отдельных групп.

ИИ-системы, стремясь сделать обучение максимально комфортным, могут неоправданно занижать уровень сложности. Если обучающийся перестает чувствовать вызов, требующий реальных усилий, его вовлеченность может стать поверхностной.

Анализ эмоциональных сигналов и постоянный мониторинг активности могут восприниматься как избыточный контроль, что вызывает стресс и учебное выгорание.

Замена живого общения с педагогом на взаимодействие с виртуальными тьюторами может негативно сказаться на эмоциональном состоянии и социализации обучающихся.

Таким образом, отечественные авторы настаивают на необходимости разработки жестких регламентов использования ИИ, которые бы поддерживали, а не подменяли интеллектуальные усилия человека.

Если ИИ используется для поддержки, а не замещения, для раскрытия, а не стандартизации, он становится мощным ресурсом личностного роста, помогающим обучающимся найти свой путь и сохранить интерес к познанию.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс является необратимым этапом цифровой трансформации высшей школы. Психолого-педагогический анализ показывает, что ИИ выступает не просто технологическим новшеством, а новой парадигмой взаимодействия, способной радикально изменить мотивационный профиль обучающегося. Ключевым преимуществом использования ИИ является возможность глубокой персонализации обучения, которая через механизмы адаптивности, мгновенной обратной связи и геймификации способствует росту внутренней мотивации, формируя у обучающихся чувство автономии и компетентности. В то же время, выявленные проблемные аспекты – такие как риск снижения когнитивной активности, угроза цифровой зависимости и дефицит эмоционального взаимодействия – требуют взвешенного подхода к внедрению данных технологий. Искусственный интеллект должен выполнять роль «цифрового партнера» и ассистента, а не заменять собой субъектность обучающегося или смыслообразующую роль преподавателя. Только при соблюдении баланса между технологизацией и сохранением классических педагогических ценностей возможно формирование поколения специалистов, обладающих не только цифровыми компетенциями, но и устойчивой мотивацией к постоянному профессиональному совершенствованию.

Список использованных источников:

1. Токаев К.-Ж. К. Выступление на Республиканском съезде педагогов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РК. [cite_start] — 2023. — URL: <https://www.akorda.kz/>).
2. Нургалиева Г.К. Методология цифровизации образования в Республике Казахстан // Вестник АПН Казахстана. — 2023. — № 2.
3. Сыдыкова Б.Д. Искусственный интеллект в высшей школе: психолого-педагогический аспект готовности студентов // Наука и жизнь Казахстана — 2024. — № 1.
4. Baker R., Siemens G. Educational Data Mining and Learning Analytics // Cambridge Handbook of the Learning Sciences. — 2014. — P. 254.
5. Шустова Л.В. Геймификация и ИИ как ресурсы повышения учебной мотивации // Цифровой Вуз. — 2022. — № 4. — С. 27-33.
6. Azevedo R., et al. Devising Intelligent Tutoring Systems for Self-Regulated Learning // Educational Psychologist. — 2018. — P. 137.
7. Ахметова А.К. Риски цифровизации и проблемы академической честности в вузах РК // Вестник КазНПУ им. Абая. — 2025. — № 2 (педагогические исследования рисков ИИ).

УДК 378.147:004.8

Кишкентаева Жанар Аргыновна,
старший преподаватель Института послевузовского образования
Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные тенденции применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в преподавании гуманитарных дисциплин в системе высшего образования. На основе анализа зарубежных эмпирических исследований 2022–2025 годов выявлены ключевые направления интеграции ИИ-инструментов (генеративные языковые модели, адаптивные обучающие платформы, интеллектуальные системы оценивания) в образовательный процесс по истории, лингвистике, праву, социальным наукам. Систематизированы педагогические эффекты: повышение академической успеваемости, развитие аргументативных и критических компетенций, персонализация учебного пути. Одновременно обозначены риски: когнитивная инертность, академическая нечестность, редукция критического мышления при бесконтрольном использовании. Автором предложены педагогические стратегии ответственной интеграции ИИ, ориентированные на сохранение субъектности обучающегося и академической культуры гуманитарного образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гуманитарные дисциплины, высшее образование, ChatGPT, критическое мышление, педагогические стратегии, генеративный ИИ, академическая честность.

Аннотация. Мақалада жоғары білім жүйесінде гуманитарлық пәндерді оқытуда жасанды интеллект (ЖИ) технологияларын қолданудың өзекті үрдістері қарастырылады. 2022–2025 жылдардағы шетелдік эмпирикалық зерттеулерді талдау негізінде тарих, лингвистика, заң, әлеуметтік ғылымдар бойынша білім беру үдерісіне ЖИ-құралдарын (генеративті тілдік модельдер, адаптивті оқыту платформалары, зияткерлік бағалау жүйелері) біріктірудің негізгі бағыттары айқындалды. Педагогикалық тиімділік жүйеленді: академиялық үлгерімнің артуы, аргументативтік және сыни құзыреттіліктің дамуы, оқу жолының жекелендірілуі. Сонымен бірге тәуекелдер де айқындалды: когнитивті инертность, академиялық адалдылықтың бұзылуы, бақылаусыз пайдалану кезіндегі сыни ойлаудың төмендеуі. Автор білім алушының субъективтілігін және гуманитарлық білімнің академиялық мәдениетін сақтауға бағытталған ЖИ-ді жауапты біріктіру педагогикалық стратегияларын ұсынады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, гуманитарлық пәндер, жоғары білім, ChatGPT, сыни ойлау, педагогикалық стратегиялар, генеративті жасанды интеллект, академиялық адалдылық.

Abstract. This article examines current trends in the application of artificial intelligence (AI) technologies in teaching humanities disciplines within the higher education system. Drawing on an analysis of empirical international studies published between 2022 and 2025, the article identifies key directions for integrating AI tools - including generative language models, adaptive learning platforms, and intelligent assessment systems - into educational practice in history, linguistics, law, and social sciences. The pedagogical effects are systematized: improved academic performance, development of argumentative and critical thinking competencies, and personalization of the learning path. At the same time, risks are identified: cognitive inertia, academic dishonesty, and reduction of critical thinking under uncontrolled AI use. Pedagogical strategies for the responsible integration of AI are proposed, aimed at preserving learner agency and the academic culture of humanities education.

Keywords: artificial intelligence, humanities disciplines, higher education, ChatGPT, critical thinking, pedagogical strategies, generative AI, academic integrity.

Стремительное распространение генеративных систем искусственного интеллекта (ИИ) — прежде всего больших языковых моделей (LLM) класса GPT — поставило перед академическим сообществом принципиальный вопрос: каким образом эти инструменты меняют облик гуманитарного образования? Если в технических дисциплинах ИИ воспринимается преимущественно как инструмент автоматизации вычислительных задач, то в сфере гуманитарных наук — истории, лингвистики, права, философии, социологии — он затрагивает саму природу познания: работу с текстом, аргументацию, интерпретацию, критическую рефлексию.

С момента публичного релиза ChatGPT в ноябре 2022 года аудитория сервиса достигла 100 миллионов пользователей менее чем за два месяца, что сделало его самым быстро набравшим популярность потребительским приложением в истории [2]. Столь стремительный охват неизбежно

трансформировал учебный процесс задолго до того, как академическое сообщество и регуляторы успели выработать согласованные позиции.

В казахстанском контексте значимость проблемы закреплена на государственном уровне: Концепция развития искусственного интеллекта в Республике Казахстан на 2024–2029 годы прямо указывает на необходимость использования ИИ и машинного обучения для персонализации обучения и предоставления студентам индивидуальной поддержки [25]. С 2023 года исследования в области ИИ включены в перечень приоритетных отраслей науки страны.

Несмотря на рост числа публикаций — в 2024 году количество рецензируемых статей по теме ИИ в высшем образовании выросло более чем в четыре раза по сравнению с 2022 годом [2] — исследования в сфере гуманитарных дисциплин по-прежнему остаются на периферии. Российские исследователи также констатируют: большинство работ сконцентрированы на STEM-областях, тогда как «педагогические возможности ChatGPT для гуманитариев требуют тщательного изучения» [23]. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел, систематизируя данные применительно к специфике гуманитарного знания.

Цель статьи — на основе анализа актуальных отечественных и зарубежных исследований охарактеризовать возможности и риски применения ИИ-технологий в преподавании гуманитарных дисциплин и предложить педагогические стратегии их ответственной интеграции.

Академическое осмысление роли ИИ в образовании прошло несколько этапов. Первоначально исследования концентрировались на узкоспециализированных системах: интеллектуальных репетиторах (ITS), системах прогнозирования успеваемости и автоматической проверки тестов. Roll и Wylie (2016) фиксировали, что внедрение ИИ в образование носило преимущественно технический характер и было сосредоточено в STEM-области [2]. Однако с появлением больших языковых моделей акцент сместился: теперь ИИ стал релевантным инструментом там, где ключевую роль играет работа с естественным языком — то есть именно в гуманитарных науках.

Казахстанские исследователи Джанегизова А., Нурсеит А.М. и Выборова К.С. (КазНУ им. аль-Фараби, Университет международного бизнеса, Алматы) провели анализ динамики восприятия ИИ в образовании и установили, что в условиях стремительной цифровизации вузы Казахстана находятся в начале пути интеграции ИИ-инструментов, при этом наибольший разрыв между декларируемыми возможностями и реальной практикой фиксируется именно в гуманитарных специальностях [24].

Наиболее показательной в международном контексте является работа Yan et al. (2024), опубликованная в *Nature Human Behaviour*: авторы устанавливают, что генеративный ИИ способен как стимулировать, так и подавлять когнитивную активность в зависимости от педагогического контекста и уровня управляемости взаимодействия [16]. Это наблюдение особенно значимо для гуманитарных дисциплин, где формирование суждений, интерпретационной компетентности и аргументации составляет ядро образовательных целей.

Российские исследователи Бермус А.Г. и Сизова Е.В. (Южный федеральный университет, Кубанский государственный университет) в систематическом обзоре 2024 года обращают внимание на то, что среди педагогов широко распространены опасения относительно развития «цифровой деменции» и «лжетворчества» как побочных эффектов цифровой трансформации образования [21]. Авторы, однако, настаивают на конструктивной позиции: не запрет, а методически выверенная педагогическая рамка.

Крупнейшее на сегодняшний день глобальное эмпирическое исследование восприятия ChatGPT студентами охватило 23 218 обучающихся из 109 стран и территорий. Авторы установили, что студенты прежде всего используют ChatGPT для мозгового штурма, конспектирования и поиска источников, тогда как инструмент оценивается как менее полезный для развития критического мышления и навыков межличностной коммуникации — качеств, принципиальных для гуманитарного образования [8].

Существенный вклад в понимание проблемы вносит исследование Farazouli et al. (2024), проведенное среди 24 университетских преподавателей гуманитарных и социальных наук Швеции: в ходе Тьюринг-теста преподаватели не смогли надёжно отличить студенческие тексты от сгенерированных ИИ, что поставило под сомнение традиционные методы оценивания [3]. Данный результат особенно остро ставит вопрос о переосмыслении форматов контроля в гуманитарных дисциплинах.

Одним из наиболее убедительно задокументированных эффектов является повышение академической успеваемости. Мета-анализ 51 исследования, выполненный Wang J. и Fan W. (Ханчжоуский педагогический университет) и опубликованный в *Humanities and Social Sciences Communications* (2025), установил, что ChatGPT оказывает большой положительный эффект на

учебные достижения ($g = 0,867$) и умеренно положительный — на учебное восприятие ($g = 0,456$) и мышление высокого порядка ($g = 0,457$) [4]. Важно, что эффект дифференцирован по типу дисциплины и модели обучения.

Гаркуша Н.С. и Городова Ю.С. (Россия, 2023) провели эмпирическое исследование педагогических возможностей ChatGPT для развития когнитивной активности студентов вузов. Авторы зафиксировали, что ИИ-инструмент стимулирует критическое мышление, творческий поиск и мотивацию к обучению при условии целенаправленного педагогического сопровождения. При этом авторы предупреждают: «Использование ChatGPT без педагогического контроля способно привести к снижению самостоятельности мышления и формированию у студентов пассивной позиции в отношении поиска и оценки информации» [23].

Для гуманитарных дисциплин особое значение имеет функция адаптивного сопровождения: ИИ-ассистент может предоставлять немедленную обратную связь по аналитическим текстам, структурировать дискуссию, генерировать контрпримеры и альтернативные интерпретации, тем самым симулируя работу с квалифицированным собеседником. Huang (2018) указывал на способность ИИ трансформировать взаимодействие в процессе обучения: от машинно-ориентированного к личностно-центрированному [19].

Вопрос о влиянии ИИ на критическое мышление остаётся дискуссионным. Исследование в области международных отношений (Smart Learning Environments, 2024), охватившее 95 студентов, показало: группа, использовавшая ChatGPT в дискуссионных сессиях, значимо превзошла контрольную группу по показателям аргументации и критического анализа [11]. Essel et al. (2024) зафиксировали схожие позитивные изменения в развитии рефлексивного и творческого мышления у студентов Ганы [9].

Структурированное взаимодействие с ChatGPT снижает когнитивную нагрузку, освобождая ресурсы для решения задач высокого уровня сложности [9]. Это принципиально для гуманитарных дисциплин, где студентам нередко необходимо удерживать одновременно большой массив исторического контекста, концептуальных позиций и источников.

Наиболее системно применение ИИ в гуманитарной сфере изучено на материале лингвистического и иноязычного образования. Систематический обзор Li B. и соавторов (Computers and Education: Artificial Intelligence, 2024), охвативший первый год публикаций о ChatGPT в языковом образовании, выявил широкий спектр его функций: грамматические пояснения, лексическая работа в контексте, генерация аутентичных диалогов, письменная обратная связь [7]. Авторы акцентируют ключевое условие: эффективность ИИ-инструмента напрямую зависит от педагогического сопровождения и совместного человеко-ИИ конструирования знания.

Klimova, Pikhart и Al-Obaydi (2024), проводившие исследование в Университете Градец-Кралове и Университете Дияла, установили, что ChatGPT воспринимается студентами как полезный для грамматики и словарного запаса, однако критически — как угрожающий навыкам самостоятельного поиска информации и когнитивной независимости [10].

В российской педагогической практике применение ChatGPT в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) также получает всё более широкое осмысление. Исследователи отмечают, что инструмент эффективен для генерации аутентичных диалоговых ситуаций и предоставления немедленной обратной связи по письменным работам, однако не способен заменить живое коммуникативное взаимодействие, составляющее основу гуманитарной подготовки [21].

В контексте подготовки научных работ ИИ-инструменты демонстрируют значительный потенциал для гуманитарных исследований: литературный поиск, структурирование обзоров, выявление концептуальных связей, перевод и адаптация текстов [2]. Казахстанские исследователи Джанегизова А. и соавторы констатируют, что студенты-гуманитарии КазНУ им. аль-Фараби воспринимают ИИ прежде всего как инструмент академического письма и перевода, недооценивая его аналитический потенциал [24].

Систематический обзор (ScienceDirect, 2025), синтезирующий 65 эмпирических исследований 2022–2025 годов, фиксирует тревожную закономерность: чрезмерное использование ИИ без метакогнитивного сопровождения снижает мотивацию к самостоятельной оценке источников и ослабляет навыки независимого рассуждения [6]. Авторы вводят понятие «когнитивной инертности» (cognitive inertia) — состояния, при котором студент принимает ответ ИИ без критической проверки.

Российский исследователь Бермус А.Г. (Южный федеральный университет) анализирует данное явление через категорию «симуляции знаний»: широкое распространение генеративного ИИ создаёт условия для воспроизводства внешне корректных, но содержательно пустых текстов, что он характеризует как «онтологический вызов образованию XXI века» [22]. Применительно к

гуманитарному образованию это означает риск профессиональной некомпетентности, замаскированной под академическую грамотность.

Исследование Krupp et al. (2024) показало, что значительная доля студентов копирует ответы ChatGPT без верификации, даже если те содержат фактические ошибки [6]. В праве, истории, лингвистике, где точность интерпретации имеет принципиальное значение, подобная практика несёт прямые профессиональные риски.

Эмпирическое исследование Бермуса А.Г. и Сизовой Е.В. (2025), проведённое на базе двух российских классических университетов — Кубанского государственного и Южного федерального — охватило студентов бакалавриата и магистратуры. Авторы зафиксировали, что большинство опрошенных осознают неправомерность использования генеративного ИИ для подготовки контрольных и экзаменационных работ, однако продолжают это делать, рационализируя практику как «вспомогательный инструмент» [22]. Этот феномен подтверждает парадокс, выявленный в глобальном исследовании 23 218 студентов из 109 стран: осознание рисков не предотвращает нарушений [8].

Farazouli et al. (2024) продемонстрировали, что ИИ-сгенерированные тексты по показателям грамматики и стилистики превосходят студенческие работы, что дезориентирует преподавателей при традиционном оценивании [3]. Это требует перехода к форматам, устойчивым к ИИ-нечестности: устным экзаменам, видеоконференциям, проектно-ориентированным заданиям с рефлексивными компонентами.

Специфический риск для гуманитарных дисциплин связан со склонностью языковых моделей к «галлюцинациям» — генерации правдоподобного, но фактически недостоверного контента. В праве, истории, политологии конфабуляция фактов, дат, судебных решений и статистики способна создать устойчивые когнитивные искажения, трудно поддающиеся коррекции [2]. Бермус А.Г. обозначает подобные тексты как «псевдонаучные» и включает их создание в расширенную типологию форм академической нечестности [22].

На основе синтеза рассмотренных исследований можно сформулировать следующие принципы педагогически обоснованной интеграции ИИ в преподавание гуманитарных дисциплин.

Во-первых, принцип управляемого взаимодействия. Эффективность ИИ резко возрастает при наличии педагогического сопровождения: преподаватель задаёт рамку запроса, предлагает критерии оценки ответа, организует рефлексивное обсуждение. UCI School of Humanities (2024) задокументировала опыт внедрения структурированных «ИИ-рефлексий» в учебный курс по истории искусства, где студенты не только использовали инструмент, но и систематически документировали его ограничения [13]. Гаркуша Н.С. и Городова Ю.С. подчёркивают, что именно «педагогическое наблюдение и целенаправленное включение ИИ в учебные задания» позволяет извлечь позитивный образовательный эффект [23].

Во-вторых, принцип диалогического партнёрства. Исследование в области международных отношений показывает, что ChatGPT наиболее эффективен как «диалогический партнёр»: инструмент предоставляет контраргументы, альтернативные позиции, смоделированные «оппонентские» тексты, но не подменяет собственное суждение студента [11]. Такая модель соответствует герменевтической традиции гуманитарного образования и перекликается с концепцией Бермуса А.Г. о «сохранении гуманитарной методологии» в условиях цифровой трансформации [21].

В-третьих, переориентация оценочных практик. Рекомендуется переход к оцениванию, ориентированному на процесс: портфолио с рефлексивными записями, устные защиты, поэтапные задания с обязательной аргументацией методологических решений [3]. Это создаёт ситуацию, в которой ИИ-нечестность не даёт конкурентного преимущества. Казахский опыт показывает, что данный подход согласуется с требованиями ГОСО РК к формированию компетенций аналитического и критического мышления [25].

В-четвёртых, формирование ИИ-грамотности. Laupichler et al. (2022) указывают, что для раскрытия потенциала ИИ-инструментов необходима базовая ИИ-грамотность участников образовательного процесса [18]. Бермус А.Г. и Сизова Е.В. дополняют: преподавателям гуманитарных дисциплин необходимо понимать архитектурные ограничения языковых моделей, природу «галлюцинаций» и алгоритмических предубеждений, чтобы не стать жертвой «симуляции компетентности» [21].

В-пятых, этические рамки и институциональная политика. Авторы доклада Министерства образования США (2023) настаивают на необходимости чётких институциональных политик, охватывающих вопросы приватности данных, авторства и академической честности [14]. Концепция развития ИИ в РК на 2024–2029 годы задаёт стратегическую рамку для казахстанских университетов,

однако её операционализация в гуманитарных специальностях требует разработки дисциплинарных кодексов использования ИИ с учётом профессиональной деонтологии [25].

Анализ актуальных отечественных и зарубежных исследований 2022–2025 годов показывает, что искусственный интеллект обладает доказанным педагогическим потенциалом в преподавании гуманитарных дисциплин — при условии управляемого взаимодействия он повышает академическую успеваемость ($g = 0,867$), развивает аргументацию и снижает когнитивную нагрузку, однако интерпретационный и дискуссионный характер гуманитарного знания одновременно порождает специфические риски, которые российские исследователи определяют как «симуляцию знаний» и «онтологический вызов образованию XXI века» [22], — фабрикации убедительных интерпретаций и редукцию аргументативных компетенций при бесконтрольном использовании. Ключевым условием эффективной интеграции остаётся педагогическое сопровождение — не запрет и не стихийное применение, а методически продуманное включение ИИ-инструментов в учебный процесс с сохранением субъектной позиции обучающегося; подготовка юристов, социологов и историков при этом требует специализированных дисциплинарных методик, учитывающих профессиональную деонтологию и нормы работы с источниками. Дальнейшие исследования должны быть ориентированы на лонгитюдное изучение эффектов ИИ-интеграции в контексте Центральной Азии, где данная тематика, несмотря на закреплённые в Концепции развития ИИ РК 2024–2029 стратегические ориентиры [25], остаётся недостаточно изученной на эмпирическом уровне.

Список использованных источников:

1. Al-Zahrani, A. (2024). Exploring the impact of artificial intelligence on higher education: The dynamics of ethical, social, and educational implications. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11, 978. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03432-4>
2. AlBlooshi, S. (2026). Artificial intelligence in higher education, opportunities, and challenges: a review. *Frontiers in Education*, 10, 1683968. <https://doi.org/10.3389/feduc.2025.1683968>
3. Liang, J., Stephens, J.M., & Brown, G.T.L. (2025). A systematic review of the early impact of artificial intelligence on higher education curriculum, instruction, and assessment. *Frontiers in Education*, 10, 1522841. <https://doi.org/10.3389/feduc.2025.1522841>
4. Wang, J. & Fan, W. (2025). The effect of ChatGPT on students' learning performance, learning perception, and higher-order thinking: insights from a meta-analysis. *Humanities and Social Sciences Communications*, 12, Article 621. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04787-y>
5. Bozkurt, A. et al. (2025). Artificial Intelligence in higher education: Impact depends on support, pedagogy, human agency, and purpose. *Innovations in Education and Teaching International*. <https://doi.org/10.1080/14703297.2025.2539579>
6. Guo, Y., Huang, L., Zhang, C., Li, Q., & Chen, M. (2025). ChatGPT in education: A systematic review of its impact on critical thinking skills and dispositions. *Thinking Skills and Creativity*, 60, 102106. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2025.102106>
7. Li, B. et al. (2024). A systematic review of the first year of publications on ChatGPT and language education: Examining research on ChatGPT's use in language learning and teaching. *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 7, 100266. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2024.100266>
8. Ravšelj, D., Keržič, D., Tomaževič, N., Umek, L., Brezovar, N. et al. (2025). Higher education students' perceptions of ChatGPT: A global study of early reactions. *PLOS ONE*, 20(2), e0315011. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0315011>
9. Essel, H.B., Vlachopoulos, D., Tachie-Menson, A., Johnson, E.E., & Baah, P.K. (2022). The impact of a virtual teaching assistant (chatbot) on students' learning in Ghanaian higher education. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 19(1), Article 57. <https://doi.org/10.1186/s41239-022-00362-6>
10. Klimova, B., Pikhart, M., & Al-Obaydi, L.H. (2024). Exploring the potential of ChatGPT for foreign language education at the university level. *Frontiers in Psychology*, 15, 1269319. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1269319>
11. de la Puente, M. et al. (2024). Investigating the use of ChatGPT as a tool for enhancing critical thinking and argumentation skills in international relations debates among undergraduate students. *Smart Learning Environments*, 11, 78. <https://doi.org/10.1186/s40561-024-00347-0>
12. Bozkurt, A. (2023). Generative artificial intelligence (AI) powered conversational educational agents: The inevitable paradigm shift. *Asian Journal of Distance Education*, 18(1), 198–204. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7716416>

13. UCI School of Humanities (2024). Humanities and AI. University of California, Irvine. <https://www.humanities.uci.edu/news/humanities-and-ai>
14. U.S. Department of Education (2023). Artificial Intelligence and the Future of Teaching and Learning: Insights and Recommendations. Office of Educational Technology, Washington, DC. <https://www2.ed.gov/documents/ai-report/ai-report.pdf>
15. Noroozi, O., Soleimani, S., Farrokhnia, M., & Banihashem, S.K. (2024). Generative AI in education: Pedagogical, theoretical, and methodological perspectives. *International Journal of Technology in Education*, 7(3), 373–385. <https://doi.org/10.46328/ijte.845>
16. Yan, L. et al. (2024). Promises and challenges of generative artificial intelligence for human learning. *Nature Human Behaviour*, 8(10), 1839–1850. <https://doi.org/10.1038/s41562-024-02004-5>
17. Papadimitriou, A. et al. (2024). Determinants of Humanities and Social Sciences Students' Intentions to Use Artificial Intelligence Applications for Academic Purposes. *Information*, 15(6), 314. <https://doi.org/10.3390/info15060314>
18. Laupichler, M.C., Aster, A., Schirch, J., & Raupach, T. (2022). Artificial intelligence literacy in higher and adult education: A scoping literature review. *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 3, 100101. <https://doi.org/10.1016/j.caeai.2022.100101>
19. Huang, J., Saleh, S., & Liu, Y. (2021). A review on artificial intelligence in education. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, 10(3). <https://doi.org/10.36941/ajis-2021-0077>
20. Popenici, S.A.D. & Kerr, S. (2017). Exploring the impact of artificial intelligence on teaching and learning in higher education. *Research and Practice in Technology Enhanced Learning*, 12, 22. <https://doi.org/10.1186/s41039-017-0062-8>
21. Бермус А.Г., Сизова Е.В. Педагогические, лингводидактические и психологические условия использования ChatGPT в системе высшего образования: систематический обзор // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2024. — № 11. — С. 150–166. — DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11183. — URL: <https://e-koncept.ru/2024/241183.htm>
22. Бермус А.Г., Сизова Е.В. Этические аспекты реализации технологий искусственного интеллекта в классическом университете: анализ отношения студенческой аудитории // Непрерывное образование: XXI век. — 2025. — Т. 13. — № 2. — DOI: 10.15393/j5.art.2025.10585
23. Гаркуша Н.С., Городова Ю.С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. — 2023. — Т. 11. — № 1 (52). — С. 6–23. — DOI: 10.52944/PORT.2023.52.1.001
24. Джанегизова А., Нурсейт А.М., Выборова К.С. (КазНУ им. аль-Фараби, Университет международного бизнеса, Алматы). Artificial intelligence in education: analysis of dynamics, perception, and prospects for integration // *Qainar Journal of Social Science*. — 2023. — Vol. 2. — № 4. — P. 34–49. — DOI: 10.58732/2958-7212-2023-4-34-49
25. Концепция развития искусственного интеллекта в Республике Казахстан на 2024–2029 годы: постановление Правительства РК от 24 июля 2024 года № 592. — Астана, 2024. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592>

УДК 378.14:340.12

Мусакулов Таир Маматович,
 Преподаватель Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына,
 г. Бишкек, Кыргызская Республика

Баялиева Айсулуу Суюнтбекова,
 Заведующая кафедрой Кыргызского национального университета
 им. Ж. Баласагына, к.п.н., доцент
 г. Бишкек, Кыргызская Республика

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические основы модернизации подготовки будущих юристов в условиях цифровой трансформации общества. Анализируются современные подходы к профессиональному образованию, ориентированные на формирование компетенций, необходимых для эффективной работы в цифровой правовой среде. Особое внимание уделяется развитию профессиональных и цифровых компетенций студентов, правового мышления, а также использованию интерактивных и проблемно-ориентированных методов обучения. Рассматриваются возможности применения цифровых образовательных платформ, электронных правовых информационных систем и инновационных образовательных технологий. Определены ключевые педагогические условия, способствующие повышению качества юридического образования, включая интеграцию цифровых технологий, обновление содержания образовательных программ и применение инновационных методов обучения. Сделан вывод о том, что комплексная реализация данных условий способствует эффективной подготовке будущих юристов, обеспечивая их профессиональную готовность к работе в условиях цифрового общества. Статья может быть полезна для педагогов, исследователей, методистов и специалистов в области юридического образования.

Ключевые слова: юридическое образование; педагогические подходы; цифровая трансформация; компетентностный подход; профессиональные компетенции; цифровые образовательные ресурсы; кейс-метод; проблемно-ориентированное обучение; инновационные технологии; электронные правовые системы.

Аннотация. Мақалада сандық трансформация жағдайында болашақ заңгерлерді даярлаудың педагогикалық негіздері қарастырылады. Кәсіби білім берудің қазіргі тәсілдері, цифрлық құқықтық ортада тиімді жұмыс істеу үшін қажетті құзыреттерді қалыптастыруға бағытталған. Арнайы назар студенттердің кәсіби және цифрлық құзыреттерін, құқықтық ойлауын дамытуға, сондай-ақ интерактивті және проблемалық оқыту әдістерін қолдануға аударылады. Цифрлық білім беру платформалары, электрондық құқықтық ақпараттық жүйелер және инновациялық педагогикалық технологияларды қолдану мүмкіндіктері талданады. Жоғары білім сапасын арттыруға ықпал ететін негізгі педагогикалық жағдайлар анықталды: цифрлық технологияларды интеграциялау, білім беру бағдарламаларының мазмұнын жаңарту және инновациялық оқыту әдістерін қолдану. Осы жағдайларды кешенді жүзеге асыру болашақ заңгерлердің кәсіби даярлығын қамтамасыз етеді. Мақала педагогтар, зерттеушілер, әдіскерлер және заңгерлік білім беру саласындағы мамандар үшін пайдалы болуы мүмкін.

Түйінді сөздер: заңгерлік білім; педагогикалық тәсілдер; цифрлық трансформация; құзыреттілік тәсілі; кәсіби құзыреттер; цифрлық білім беру ресурстары; кейс-әдіс; проблемалық оқыту; инновациялық технологиялар; электрондық құқықтық жүйелер

Abstract: The article examines the pedagogical foundations of modernizing the training of future lawyers in the context of digital transformation of society. It analyzes contemporary approaches to professional education aimed at developing competencies necessary for effective work in a digital legal environment. Special attention is paid to the development of professional and digital competencies of students, legal thinking, and the use of interactive and problem-based learning methods. The possibilities of applying digital educational platforms, electronic legal information systems, and innovative educational technologies are considered. Key pedagogical conditions that enhance the quality of legal education are identified, including the integration of digital technologies, updating the content of educational programs, and the application of innovative teaching methods. Comprehensive implementation of these conditions ensures the professional readiness of future lawyers. The article may be useful for educators, researchers, methodologists, and specialists in the field of legal education.

Keywords: legal education; pedagogical approaches; digital transformation; competency-based approach; professional competencies; digital educational resources; case method; problem-based learning; innovative technologies; electronic legal systems.

Цифровая трансформация общества оказывает значительное влияние на профессиональную деятельность специалистов различных сфер, включая юридическую практику. Современные

информационные технологии, электронные базы данных, онлайн-платформы взаимодействия и системы искусственного интеллекта меняют характер работы юристов и предъявляют новые требования к системе подготовки специалистов в области права.

В связи с этим возникает необходимость модернизации юридического образования, направленной на формирование у будущих специалистов не только глубоких правовых знаний, но и цифровых компетенций, навыков работы с информационными технологиями, аналитического мышления и способности функционировать в цифровой правовой среде.

Современная модернизация юридического образования в условиях цифровой трансформации общества рассматривается в научной литературе с разных позиций, что позволяет выделить несколько подходов к решению данной проблемы. Так, современные исследователи акцентируют внимание на компетентностном подходе, ориентированном на формирование не только правовых знаний, но и цифровых компетенций студентов. По их мнению, цифровая компетентность становится неотъемлемой частью профессиональной компетентности юриста, так как современная юридическая практика все более интегрируется с электронными правовыми базами, искусственным интеллектом и системами электронного документооборота. В контексте этой позиции цифровая компетентность рассматривается как ключевой элемент образовательных стандартов подготовки юристов. Сходство этой точки зрения с другими подходами заключается в признании необходимости педагогических изменений, тогда как отличительная особенность заключается в акценте на компетентностной парадигме как основе модернизации.

В то же время некоторые исследователи уделяют особое внимание цифровым образовательным технологиям как инструменту модернизации обучения. Они подчеркивают, что внедрение электронных платформ, виртуальных классов, онлайн-курсов и мультимедийных ресурсов обеспечивает активное вовлечение студентов в образовательный процесс, повышает его интерактивность и способствует развитию самостоятельной познавательной активности. В отличие от компетентностного подхода, здесь основной акцент сделан не на формирование компетенций как таковых, а на возможности, которые предоставляют цифровые технологии для организации учебного процесса. Тем не менее сходство с первым подходом заключается в признании ключевой роли цифровизации в повышении качества образования.

Международные исследователи, например Д.С. Вильсон и А.М. Форд, рассматривают проблему модернизации юридического образования с глобальной перспективы. Они отмечают, что цифровизация юридического образования должна учитывать не только инструменты обучения, но и этические, социально-правовые и международные аспекты, включая сотрудничество студентов и обмен опытом между университетами разных стран [3]. Основное отличие этой позиции заключается в междисциплинарном и международном подходе, выходящем за рамки национальной образовательной политики, однако сходство с предыдущими взглядами состоит в признании необходимости модернизации и внедрения цифровых технологий.

Так, анализ существующих подходов позволяет сделать вывод, что модернизация юридического образования является комплексным процессом, в котором пересекаются различные направления. Компетентностный подход акцентирует внимание на формировании у студентов профессиональных и цифровых компетенций, технологический подход сосредотачивается на использовании цифровых образовательных инструментов для организации учебного процесса, а международная перспектива рассматривает цифровизацию как средство интеграции образования в глобальные стандарты. Несмотря на различие акцентов, все исследователи едины во мнении, что традиционная модель юридического образования требует модернизации в условиях цифровой трансформации общества. Комплексная реализация этих подходов позволяет повысить качество подготовки будущих юристов, сформировать у них цифровые и профессиональные компетенции, а также обеспечить готовность к работе в современной правовой среде.

Ранее рассмотренные подходы и мнения ученых, занимающихся вопросами цифровизации юридического образования, подчеркивают необходимость комплексной модернизации подготовки будущих юристов. Однако эффективная реализация этих изменений невозможна без опоры на достижения педагогической науки, которая разрабатывает теоретические и методологические основы организации образовательного процесса, формирование компетенций, внедрение инновационных технологий и цифровых ресурсов.

Педагогическая наука предоставляет инструменты и модели, позволяющие интегрировать компетентностный подход, интерактивные методы обучения и цифровые образовательные технологии в практику подготовки юристов. Ученые-педагоги, такие как В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев и С. Л. Рубинштейн, обращают внимание на системное, деятельностное и личностно-ориентированное

обучение, которое обеспечивает активное вовлечение студентов в образовательный процесс и способствует формированию устойчивых профессиональных компетенций.

И так, переход от анализа специфики юридического образования к педагогическим подходам позволяет рассматривать модернизацию подготовки будущих юристов не только как внедрение технологий, но и как целостный педагогический процесс, основанный на теоретических принципах обучения, мотивации, развития мышления и самостоятельной познавательной деятельности студентов.

Педагогическая наука в данном контексте рассматривает задачи интеграции инновационных образовательных технологий, обновления содержания учебных программ и применения современных методов обучения как ключевые условия повышения качества подготовки юристов.

Модернизация профессионального образования рассматривается как комплексный процесс обновления целей, содержания, форм и методов обучения, направленный на повышение качества подготовки специалистов и их конкурентоспособности. Юридическое образование в условиях цифровизации требует интеграции инновационных педагогических технологий, компетентностного подхода, внедрения цифровых образовательных ресурсов и формирования у студентов способности к непрерывному профессиональному развитию [1].

Современные требования к подготовке будущих юристов включают владение цифровыми инструментами работы с правовой информацией, аналитическими методами обработки данных, а также умение использовать электронные правовые системы [2]. Педагогическая наука рассматривает эти задачи через призму компетентностного, системного и технологического подходов, что обеспечивает интеграцию современных образовательных технологий и инновационных методов обучения в образовательный процесс [3].

Особое внимание уделяется формированию профессиональных компетенций, развитию правового мышления и использованию цифровых образовательных ресурсов в процессе обучения [4]. Компетентностный подход ориентирован на формирование у студентов комплекса профессиональных знаний, навыков и умений, необходимых для решения реальных правовых задач [5].

Использование цифровых образовательных платформ и онлайн-курсов обеспечивает гибкость образовательного процесса, расширяет доступ к образовательным ресурсам и способствует реализации индивидуальных образовательных траекторий. Цифровые правовые информационные системы и электронные базы данных позволяют формировать информационно-правовую компетентность студентов и развивать навыки работы с актуальной правовой информацией.

Эффективная модернизация юридического образования требует создания следующих педагогических условий:

- Интеграция цифровых технологий в образовательный процесс для повышения эффективности усвоения учебного материала и расширения возможностей самостоятельной работы студентов.
- Развитие цифровой компетентности студентов и преподавателей, что позволяет эффективно использовать электронные правовые системы и образовательные ресурсы.
- Обновление содержания образовательных программ, включающее дисциплины, связанные с цифровым правом, информационной безопасностью и электронным документооборотом.
- Применение инновационных методов обучения, включая интерактивные технологии, кейс-метод, проектную деятельность и моделирование профессиональных ситуаций.

Необходимо отметить, что интерактивные методы обучения, такие как дискуссии, ролевые игры, моделирование судебных процессов и групповые проекты, обеспечивают активное вовлечение студентов в образовательный процесс и развитие критического мышления. Кейс-метод позволяет студентам применять теоретические знания для анализа практических юридических ситуаций, а проблемно-ориентированное обучение стимулирует самостоятельный поиск решений и развитие исследовательских навыков.

Реализация этих условий способствует формированию профессиональных компетенций и подготовке студентов к эффективной деятельности в цифровой правовой среде.

Однако, эффективная модернизация юридического образования требует создания педагогических условий, которые обеспечивают формирование профессиональных компетенций студентов и их готовность к деятельности в цифровой правовой среде. Ключевыми условиями являются: интеграция цифровых технологий в образовательный процесс для повышения эффективности усвоения учебного материала и расширения возможностей самостоятельной работы студентов; развитие цифровой компетентности как студентов, так и преподавателей, что позволяет эффективно использовать электронные правовые системы и образовательные ресурсы; обновление содержания образовательных программ, включая дисциплины, связанные с цифровым правом, информационной безопасностью и электронным документооборотом; применение инновационных

методов обучения, таких как интерактивные технологии, кейс-метод, проектная деятельность и моделирование профессиональных ситуаций.

Проблема достижения этих педагогических условий заключается в нескольких аспектах. Во-первых, неравномерная цифровая подготовленность преподавателей и студентов затрудняет полноценное использование электронных образовательных платформ и цифровых правовых систем. Некоторые преподаватели не обладают достаточной цифровой компетентностью или опытом применения интерактивных технологий, что снижает эффективность интеграции цифровых инструментов в учебный процесс.

Во-вторых, ограниченные ресурсы вузов, включая доступ к современным электронным правовым базам, лицензированным платформам и оборудованию, создают препятствия для полноценной реализации инновационных методов обучения.

В-третьих, сопротивление традиционной педагогической культуре может проявляться как у преподавателей, так и у студентов, привыкших к классическим формам обучения. Переход к активным, проектным и интерактивным методам требует значительной перестройки учебных планов, адаптации методических материалов и изменения подходов к оценке знаний.

Наконец, обновление содержания образовательных программ сталкивается с трудностью синхронизации с современными требованиями цифрового права и динамичным развитием информационных технологий. Новые дисциплины и модули требуют согласования с образовательными стандартами, а также разработки учебно-методических комплексов, что занимает значительное время и ресурсы.

Следовательно, успешная модернизация юридического образования требует комплексного подхода, который сочетает развитие цифровой инфраструктуры, повышение цифровой компетентности участников образовательного процесса, обновление учебных программ и внедрение инновационных методов обучения. Преодоление существующих проблемных факторов является ключевым условием формирования высокопрофессиональных и конкурентоспособных юристов, способных эффективно действовать в цифровой правовой среде.

Таким образом, модернизация подготовки будущих юристов в условиях цифровой трансформации общества представляет собой комплексный педагогический процесс, направленный на обновление содержания, методов и технологий обучения. Внедрение современных педагогических подходов, цифровых технологий и обновление содержания образовательных программ позволяет повысить качество юридического образования и формировать у будущих специалистов профессиональные компетенции, соответствующие требованиям цифрового общества.

Список использованных источников:

1. Зеер Э.Ф., Модернизация профессионального образования: компетентностный подход // <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-professionalnogo-obrazovaniya-kompetentnostnyy-podhod>
2. Цифровые технологии в юриспруденции./ https://www.krsu.kg/upload/discipline_documents/dce/toprz8suem2u3rk9gdafa121oaxv76g2/Annot_07_400_401_24_GP_cifr_tech_in_jur.pdf
3. Дубова М.В. Компетентностный подход среди современных педагогических подходов в системе общего образования. // <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-sredi-sovremennyh-pedagogicheskikh-podhodov-v-sisteme-obshchego-obrazovaniya>
4. Ребко О.В., Цифровая компетентность будущих педагогов: анализ содержания образовательной программы и перспективы развития педагогического образования./ https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/67643/1/nito_2025_16_008.pdf
5. Рабаданов М.Х., Алиева Б.Ш. Компетентностный подход как основа формирования у бакалавров профессиональных компетенций.// <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-kak-osnova-formirovaniya-u-bakalavrov-professionalnyh-kompetentsiy>

ӘОЖ 378.147:004.8

Нұрмағамбетов Бүркіт Ғалымұлы,

Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары
академиясының кафедра меңгерушісі, саяси ғылымдарының кандидаты, доцент,
Қазақстан Республикасы, Астана қ.

ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАРДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕРДЕ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУДЫҢ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ МЕН ТӘУЕКЕЛДЕРІ

Аннотация. Мақалада ғылыми зерттеулерде жасанды интеллектті қолдану ерекшеліктері қарастырылады. Автор іргелі және гуманитарлық ғылымдардағы зерттеу әдістері мен деректер түрлерінің айырмашылықтарын талдау арқылы әртүрлі ғылыми салалардағы жасанды интеллекттің рөлін анықтауға тырысады. Гуманитарлық ғылымдардағы деректердің контекстік тәуелділігіне байланысты жасанды интеллекттің рөлі шектеулі екендігі атап өтілді. Ақпараттың сенімділігі, жалған деректердің пайда болу қаупі және академиялық адалдық мәселелері де қарастырылады. Зерттеу нәтижесінде ақпараттық көздердің сенімділігін қамтамасыз ету, ғылыми дерекқорларды пайдалану және гуманитарлық ғылымдарда жасанды интеллектті тиімді қолдану үшін зерттеу объектісінің ерекшеліктерін ескеру қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; ғылыми зерттеу; фундаменталды ғылымдар; гуманитарлық ғылымдар; деректер; ақпараттық технологиялар; ғылыми әдістер; академиялық адалдық.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения искусственного интеллекта в научных исследованиях. Автор стремится определить роль искусственного интеллекта в различных научных областях, анализируя различия в методах исследований и типах данных в фундаментальных и гуманитарных науках. Отмечается, что из-за контекстной зависимости данных в гуманитарных науках роль искусственного интеллекта ограничена. Также рассматриваются вопросы надежности информации, риск появления ложных данных и академическая честность. В результате исследования делается вывод о необходимости обеспечения надежности информационных источников, использования научных баз данных и учета особенностей объекта исследования для эффективного применения искусственного интеллекта в гуманитарных науках.

Ключевые слова: искусственный интеллект; научные исследования; фундаментальные науки; гуманитарные науки; данные; информационные технологии; научные методы; академическая честность.

Annotation. The article discusses the features of the use of artificial intelligence in scientific research. The author seeks to determine the role of artificial intelligence in various scientific fields by analyzing differences in research methods and types of data in fundamental and humanitarian sciences. It is noted that due to the contextual dependence of data in the humanities, the role of artificial intelligence is limited. The issues of information reliability, the risk of false data, and academic integrity are also considered. As a result of the study, it is concluded that it is necessary to ensure the reliability of information sources, the use of scientific databases and taking into account the characteristics of the research object for the effective use of artificial intelligence in the humanities.

Keywords: artificial intelligence; scientific research; fundamental sciences; humanities; data; information technology; scientific methods; academic integrity.

Қазіргі уақытта ғылыми әдебиеттерде жасанды интеллекттің фундаменталды ғылымдардың дамуына әсері және оның оң мүмкіндіктері кеңінен талқыланды. Жасанды интеллект ғылыми зерттеулерде жаңа ашылулар жасауға және әртүрлі салаларда ғылыми ілгерілеуді жеделдетуге мүмкіндік береді. Оның соңғы жетістіктері, әдістемелері, қолдану салалары, кездесетін қиындықтар мен болашақ бағыттары ғылыми тұрғыдан зерттелуде. Атап айтқанда, жасанды интеллектті физика, химия, биологиялық ғылымдар, экологиялық зерттеулер және астрономия сияқты фундаменталды салалардың зерттеулерінде маңызды рөл атқаруда [1].

Сонымен қатар, зерттеушілер жасанды интеллектті енгізу күрделі ғылыми міндеттерді шешуге, үлкен көлемдегі деректерді талдауға және жаңа ғылыми бағыттарды қалыптастыруға мүмкіндік беретінін атап өтуде. Осы тұрғыда Yongjun Xu және оның әріптестерінің пікірінше, жасанды интеллекттің фундаменталды ғылымдарға интеграциялануы жаңа зерттеу үрдістерін қалыптастырып, ғылыми пәндердің одан әрі дамуына ықпал етеді және зерттеушілерді жасанды интеллектке негізделген заманауи ғылыми үдерістерді тереңірек түсінуге ынталандырады деп көрсетеді [2].

Жасанды интеллекттің нақты сандармен жұмыс істеу және күрделі есептеулер жүргізу мүмкіндіктеріне байланысты аталған ғылым салаларындағы зерттеулерге қосатын үлесі айқын. Дегенмен, гуманитарлық ғылымдардағы зерттеулерде жасанды интеллектті қолданудың тиімділігін бағалау үшін қосымша зерттеу қажет. Қазіргі заман талабына сәйкес, жасанды интеллектті нақты

сандармен жұмыс істеу және күрделі есептеулер жүргізу мүмкіндіктеріне байланысты аталған ғылым салаларындағы зерттеулерге қосатын үлесі айқын.

Дегенмен, гуманитарлық ғылымдардағы зерттеулерде жасанды интеллекттің қолданудың тиімділігін бағалау үшін қосымша зерттеу қажет. Қазіргі заман талабына сәйкес, жасанды интеллекттің жаңа зерттеу құралы ретінде қолданылуы қандай мүмкіндіктер беретіндігі және қандай шектеулері бар екендігі ғылыми тұрғыдан қарастырылуы қажет.

Бұл мәселені қарастыру барысында ең алдымен фундаменталды және гуманитарлық ғылымдардағы зерттеу түрлерінің ерекшеліктерін анықтау маңызды. Әрбір ғылыми салада қолданылатын әдістер мен деректердің сипаты жасанды интеллект технологияларын қолдану мүмкіндігіне тікелей әсер етеді. Сонымен қатар, бұл талдау кезінде алдымен жасанды интеллекттің мүмкіндіктерінен бастау жеткіліксіз: оның функциялары өте кең және әртүрлі міндеттерді орындай алады. Сондықтан мәселені керісінше қарастыру – гуманитарлық ғылымдарда ғылыми зерттеулер жүргізу үшін қандай әдістер мен құралдар қажет екенін анықтау арқылы жасанды интеллекттің осы талаптарға қаншалықты сәйкес келетінін бағалау тиімді.

Осы мәселені қарастыру барысында ең алдымен фундаменталды және гуманитарлық ғылымдардағы зерттеу түрлерінің ерекшеліктерін анықтау қажет. Себебі әрбір ғылыми салада қолданылатын зерттеу әдістері мен деректердің сипаты жасанды интеллект технологияларын қолдану мүмкіндігіне тікелей әсер етеді. Сонымен қатар бұл мәселені талдау алдымен жасанды интеллекттің қандай мүмкіндіктерге ие екендігінен бастау жеткіліксіз. Себебі жасанды интеллекттің функциялары өте кең және ол көптеген түрлі міндеттерді орындай алады. Сондықтан мәселені керісінше бағытта қарастыру, яғни гуманитарлық ғылымдардағы ғылыми зерттеулерді жүргізу үшін қандай әдістер мен құралдар қажет екенін анықтау арқылы осы талаптарға қаншалықты сәйкес келетінін талдау неғұрлым тиімді.

Фундаменталды ғылымдар, мысалы физика, химия және астрономия көбінесе нақты құбылыстар мен процестерді зерттейді. Мұнда зерттеу объектілері сандық деректерге негізделеді, нәтижелер эксперимент арқылы тексеріледі. Фундаменталды ғылымдарда көбіне қолданылатын негізгі әдістерге эксперимент жүргізу, математикалық модельдеу және статистикалық талдау жатады. Жасанды интеллект осы салаларда үлкен деректерді жылдам өңдеу, заңдылықтарды анықтау, ғылыми болжамдар жасау және эксперименттік модельдерді автоматтандыру арқылы негізгі зерттеу құралы ретінде қызмет етеді.

Ал гуманитарлық ғылымдарда зерттеу объектісі – адам, қоғам, мәдениет, құқық және әлеуметтік құбылыстар. Мұнда деректер көбінесе мәтіндік және сапалық сипатта болады, нәтижелер көбіне теориялық дәлелдерге және контекстке тәуелді интерпретацияға сүйенеді. Гуманитарлық ғылымдарда қолданылатын зерттеу әдістері әртүрлі: тарихи және салыстырмалы талдау, мәтіндік және құқықтық талдау, философиялық және мәдени интерпретациялық әдістер.

Жасанды интеллект гуманитарлық ғылымдарға енгізілгенде бірнеше нақты көмекші мүмкіндіктерді қамтамасыз етеді: мәтіндік деректерді автоматты жүйелеу және талдау, үлкен әдебиеттер қорын қысқа мерзімде сараптау, әлеуметтік және мәдени үрдістерді модельдеу, құқықтық нормаларды салыстыру және статистикалық заңдылықтарды іздеу. Дегенмен, гуманитарлық ғылымдардағы деректер құрылымдалмаған және контекстке тәуелді болғандықтан, жасанды интеллекттің рөлі көмекші құралмен шектеледі: ол зерттеушінің интерпретациясын толық алмастырмайды, тек процесті жылдамдатады және ақпараттық қолдау көрсетеді.

И. Харламова және М. Кузовлеваның пікірінше, жасанды интеллект бақылаусыз түрде жалған ақпарат пен фейктерді жасап, оларды жалған көздермен бекіте алады. Гуманитарлық ғылымдар үшін әсіресе қауіпті ақпараттық контент жасаушылар болып табылады, себебі олар ғылыми деректермен дұрыс жұмысқа кедергі келтіруі мүмкін. Сол себепті гуманитарлық ғылымдарға ақылды технологияларды енгізу үшін әртүрлі құрылымдар мен институттардың тұрақты өзара әрекеті маңызды болып табылады, бұл қоғамның ақпараттық құндылығын сақтау мен дамытуға мүмкіндік береді [3].

Жасанды интеллект ақпаратты көбінесе ашық интернет көздерінен алады, ал бұл деректер әрдайым толық және сенімді емес. Осы тұрғыда, гуманитарлық ғылымдарда жасанды интеллектімен қолданылатын ақпарат көздерін тек ғылыми кітапханалар мен академиялық деректер қорларымен шектеу мәселені шешуге мүмкіндік береді деп санаймыз.

Гуманитарлық ғылымдарда жасанды интеллектті тиімді қолдану үшін алдымен зерттеу объектісінің ерекшеліктерін, қолданылатын әдістерді және деректер түрін нақты анықтау қажет. Бұл тәсіл жасанды интеллекттің функцияларының кеңдігін ескере отырып, оның зерттеушілерге қандай нақты көмек көрсете алатынын және қандай шектеулері бар екенін түсінуге мүмкіндік береді.

Қазақстанда білім беру жүйесін цифрландыру мемлекеттік деңгейде стратегиялық бағдар ретінде қарастырылған [4], бұл ақпараттық технологияларды енгізу мен заманауи зерттеу құралдарын қолдануды ынталандырады. Сол сияқты, жасанды интеллектіні ғылыми зерттеулерде қолдану қазіргі ғылымның ең өзекті бағыттарының бірі болып отыр, себебі ақпарат көлемі жыл сайын тез өсуде, ал дәстүрлі әдістер оны өңдеуге жеткіліксіз. Жүргізілген талдау көрсеткендей, жасанды интеллектіні қолдану тек стратегиялық бағытқа сәйкестік қана емес, сонымен қатар үлкен деректерді өңдеу қиындығын жеңуге, ақпаратты сұрыптауды тиімді жүргізуге, зерттеу уақытын қысқартуға және нәтижелердің дәлдігін арттыруға мүмкіндік береді.

Гуманитарлық ғылымдардың өзіндік ерекшеліктерін ескере отырып, басты принцип ретінде академиялық адалдық сақталуы қажет. Яғни ғалым жасанды интеллектінің көмегімен алынған ақпаратқа толық талдау жүргізіп, нәтижелердің дұрыстығын қамтамасыз етуі тиіс.

Зерттеу көрсеткендей, жасанды интеллект қазіргі ғылыми зерттеулердің дамуына елеулі ықпал етуде. Фундаменталды ғылымдарда ол нақты сандармен жұмыс істеу, эксперименттік деректерді өңдеу, математикалық модельдеу және болжам жасау сияқты процестерді автоматтандыру арқылы негізгі зерттеу құралы ретінде қызмет етеді. Гуманитарлық ғылымдарда жасанды интеллект зерттеушілерге мәтіндік деректерді жүйелеу, үлкен әдебиеттер қорын талдау, әлеуметтік және мәдени үрдістерді модельдеу сияқты көмекші мүмкіндіктерді ұсына отырып, зерттеу үдерісін жеңілдетеді.

Дегенмен, гуманитарлық ғылымдардағы деректер құрылымдалмаған және контекстке тәуелді болғандықтан, жасанды интеллектінің рөлі тек көмекші құралмен шектеледі. Осыған байланысты ақпараттың сенімділігі мен ғылыми дәлдігін қамтамасыз ету мақсатында жасанды интеллектінің қолданылатын деректер көздерін ғылыми кітапханалар мен академиялық деректер қорларымен шектеу ұсынылады. Сонымен қатар академиялық адалдық принципі басымдық беріп, ғалым жасанды интеллектінің көмегімен алынған ақпаратқа толық талдау жүргізуі тиіс.

Қазақстанда білім беру жүйесін цифрландыру мен ақпараттық технологияларды енгізу стратегиялары жасанды интеллектіні ғылыми зерттеулерге тиімді интеграциялауға қолайлы жағдай туғызады. Осы тұрғыда жасанды интеллектінің қолданылуы тек ғылыми зерттеулердің сапасын арттыруға ғана емес, сонымен қатар үлкен деректерді өңдеу, ақпаратты сұрыптау, зерттеу уақытын қысқарту және нәтижелердің дәлдігін жоғарылатуға мүмкіндік береді.

Осылайша, жасанды интеллектіні ғылыми зерттеулерде тиімді қолдану оның мүмкіндіктерін зерттеу объектісінің ерекшеліктеріне сәйкестендірумен, әдістер мен деректерді дұрыс таңдау арқылы ғана толық іске аса алады. Бұл өз кезегінде гуманитарлық ғылымдардың дамуына елеулі үлес қосады.

Сонымен қатар Құқық қорғау органдары академиясында 2026-2028 жылға арналған «Әлеуметтік-гуманитарлық пәндерді оқытуда жасанды интеллектінің қолдану» атты ғылыми-зерттеу жұмысы да өз нәтижесін береді деп ойлаймыз.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Yu, Z. (2025). AI for Science: A Comprehensive Review on Innovations, Challenges, and Future Directions. *International Journal of Artificial Intelligence for Science (IJAI4S)*. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://doi.org/10.63619/ijais.v1i1.002> (жүгінген күні: 15.03.2026).
2. Xu, Y.,.. (2021). Artificial intelligence: A powerful paradigm for scientific research. *The Innovation*, 2. // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://doi.org/10.1016/j.xinn.2021.100179>.
3. Харламова И.Ю. Кузовлева М.А. Значение искусственного интеллекта в развитии гуманитарных наук // *Базис*. 2024. №2 (16). // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-iskusstvennogo-intellekta-v-razvitii-gumanitarnyh-nauk> (жүгінген күні: 15.03.2026).
4. Президенттің цифрландыру жөніндегі тапсырмасы шеңберінде қазақстандық мектептерде ЖИ оқыту іске қосылады // [Электрондық ресурс] – Айналыс режимі: <https://primeminister.kz/news/prezidentin-tsifrandyru-zhonindegi-tapsyrmasy-shenberinde-kazakstandyk-mektepterde-zhi-okytu-iske-kosylady-30385> (жүгінген күні: 15.03.2026).

Рахым Арман Ғабдулманәпұлы
Қазақстан Республикасы ТЖМ Мәлік Ғабдуллин атындағы
Азаматтық қорғау академиясының аға оқытушысы,
Көкшетау қ, Қазақстан Республикасы.

ЦИФРЛЫҚ ДӘУІРДЕГІ ТАРИХ: АЛАШ АМАНАТЫ ЖӘНЕ ЖИ МҮМКІНДІГІ

Аннотация. Мақалада тарих пәнін оқытуда ЖИ мүмкіндіктерін пайдалану артықшылықтары жазылған. ХХІ ғасыр — цифрлық өркениеттің салтанат құрған дәуірі. Кезінде Әлихан Бөкейханов бастаған Алаш арыстары «Қазақ баласы білімді болса, еліміз теңдікке жетеді» деп армандаса, бүгінде сол білімнің көкжиегі жасанды интеллект технологияларымен кеңейіп келеді. Әсіресе, қоғамдық-гуманитарлық пәндерді, соның ішінде тарихты оқытуда жасанды интеллект жай ғана көмекші емес, нағыз «уақыт машинасына» айналуға. Мақалада өскелең ұрпаққа тарих сабағын қызықтырақ өткізу үшін түрлі цифрлық программаларды қолдану қажеттігі көрсетілген. Қорытынды бөлімінде өткен тарихымызды зерттеу мен насихаттауда жаңа технологияның шексіз мүмкіндіктері көрсетілген.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; цифрлық өркениет; тарих; виртуалды әлем; интерактивті формат.

Аннотация. В статье прописаны преимущества использования возможностей ИИ при изучении истории. ХХІ век-эпоха триумфа цифровой цивилизации. В свое время деятели Алаш во главе с Алиханом Бөкейхановым мечтали о том, что «Если казахский народ будет образован, наша страна достигнет равенства», то сегодня горизонты этих знаний расширяются с помощью технологий искусственного интеллекта. В частности, в преподавании общественно-гуманитарных дисциплин, включая историю, искусственный интеллект становится не просто помощником, а настоящей «машиной времени». В статье подчеркивается необходимость использования различных цифровых программ для более увлекательного урока истории для подрастающего поколения. В заключительном разделе показаны безграничные возможности новой технологии в изучении и продвижении нашей прошлой истории.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровая цивилизация; история; виртуальный мир; интерактивный формат.

Abstract. This article describes the advantages of using AI in the study of history. The 21st century is an era of triumphant digital civilization. While the leaders of Alash, led by Alikhan Bokeikhanov, once dreamed that "if the Kazakh people are educated, our country will achieve equality," today the horizons of this knowledge are expanding with the help of artificial intelligence technologies. In particular, in the teaching of social sciences and humanities, including history, artificial intelligence is becoming not just an assistant, but a true "time machine." The article emphasizes the need to use various digital programs to make history lessons more engaging for the younger generation. The final section demonstrates the limitless possibilities of this new technology in studying and promoting our past history.

Keywords: artificial intelligence; digital civilization; history; virtual world; interactive format.

Жиырма бірінші ғасыр ақпараттың жылдамдығы мен технологияның үстемдігінің дәуірі. Осыдан бір ғасыр бұрын Алаш арыстары «Қазақ» газетінің әр санында халықты «өнер үйрен, ғылым тап» деп үндесе, бүгінгі таңда сол үндеу жаңа форматқа көшті деуге болады. Алаш идеясы мен Жасанды интеллект арасында қандай байланыс бар? Біз өткенімізді болашақтың тілімен сөйлете аламыз ба? Иә, Әлихан Бөкейхан, Ахмет Байтұрсынұлы мен Міржақып Дулатұлының басты мұраты қазақты әлемдік өркениет көшіне ілестіру болды. Олар білім мен ғылым арқылы өзгелермен теңесуді аңсағаны жасырын емес. Бүгінгі цифрлық дәуірде бұл теңдікке жетудің төте жолы жоғары технологиялар деп анық айта аламыз. Алаштың «Оян, қазақ!» деген ұраны бүгінде «Цифрлан, қазақ!» деген мағынада қайта жаңғырып тұрғандай әсер қалдыратыны сөзсіз. Біз үшін технология жай ғана құрал емес, ұлттық мүддені, тарихты қорғаудың жаңа майданы. Алаш қайраткерлерінің еңбектері, олар шығарған «Қазақ», «Айқап» басылымдары мен сирек кездесетін қолжазбалар біздің генетикалық кодымыз. Бірақ бұл қазыналар тек кітапхананың тар сөрелерінде қалмауы тиіс. Цифрландыру арқылы бұл құнды жәдігерлер әлемнің кез келген нүктесіндегі қазақ баласына қолжетімді болғаны қажет. Қағаз тозады, сия өңіп кетеді, бірақ цифрлық дерек мәңгілік. Бұл ұлттық мұраны болашаққа аман-есен тапсырудың ең сенімді жолы.

Жасанды Интеллект тарих ғылымына мүлде жаңа тыныс беріп, оны «құрғақ» ғылымнан «жанды» зерттеу алаңына айналдыра бастады. ЖИ бұл жай ғана ақылды машина емес, бұл уақыт терезесін ашып, өткенге тура қарауға мүмкіндік беретін сенімді серік. Тарихшылардың ең басты қаруы деректер. Ал ол деректердің қаншасы әлі күнге дейін миллиондаған архив парақтарында шаң басып жатыр десеңізші! Міне, осы жерде ЖИ өзінің «алтын кенші» екенін көрсете бастады. Ескі қолжазбалар,

ескі қаріппен жазылған газеттер, қолмен жазылған хаттар олардың барлығын ЖИ-дің көмегімен бір сәтте цифрлық форматқа көшіруге болады. Бұл тек қағазды суретке түсіру емес, бұл әрбір әріпті, әрбір сөзді танып, оны өңдейтін, іздеуге болатын мәтінге айналдыру. Қаншама ғасырлар бойы ұмытылып келген деректер, осылайша қайтадан «тіріледі». ЖИ ескі төте жазуды қазіргі кириллге аударып, тіпті сиясы өшіп қалған тұстарын да логикалық тұрғыдан болжай алады. Бұл дегеніміз бір тарихшының он жылда істейтін жұмысын ЖИ бірнеше минутта атқарады деген сөз. Бірнеше ғасырдың құжаттары жиналған архивті көзге елестетіп көріңізші. Оның ішінен белгілі бір оқиғаға қатысты ақпаратты, бір тұлғаның есімін немесе белгілі бір кезеңдегі экономикалық жағдайды іздеу – инемен құдық қазғандай. Ал ЖИ бұл деректердің барлығын секунд ішінде сұрыптап, жүйелеп, тіпті олардың арасындағы көмескі байланыстарды да анықтайды. Мысалы, екі түрлі архивте жатқан, бір-бірімен байланысы жоқ деп есептелген екі құжаттың арасындағы логикалық байланысты ЖИ тауып, жаңа тарихи теорияларға жол ашуы мүмкін. ЖИ-дің көмегімен тарих тек оқып-үйрену нысаны болмай, ол интерактивті, «тірі» тәжірибеге айналады. Енді біз ЖИ арқылы тарихи тұлғалардың фотосуреттерінен олардың цифрлық аватарларын жасай аламыз. Одан да қызығы олардың дауыстарын (архивтік жазбалар, куәгерлердің айтуы негізінде) қалпына келтіріп, олармен «сұхбаттасуға» болады. Студенттер Әлихан Бөкейханның цифрлық бейнесінен Алаш Орда туралы сұрақ қойса, ол тірі адамдай жауап береді. Бұл – тарихты жалықтырмай, қызықты етіп үйретудің теңдессіз әдісі.

ЖИ технологиясының арқасында ежелгі қалалардың, ұрыс далаларының немесе тарихи оқиғалардың виртуалды реконструкцияларын жасауға болады. VR көзілдірігін киіп, сақтар дәуіріндегі патша қорғанына барып, сол заманның атмосферасын сезінуге болады. Бұл тек кітаптан оқығаннан әлдеқайда әсерлі.

Тарихты бұрмалау, жалған деректерді тарату әрекеттері де аз емес. ЖИ мұндай әрекеттерге қарсы тұратын қуатты қалқан бола алады. Ол миллиондаған деректерді салыстыра отырып, шындыққа сай келмейтін ақпараттарды бірден анықтайды. Бұл тарихтың тазалығын сақтаудағы өте маңызды қадам. Жасанды Интеллект тарихшының жұмысын жеңілдетіп қана қоймай, тарихты зерттеу, талдау және насихаттау әдістерін түбегейлі өзгертіп жатыр. Ол өткенді цифрлық форматта сақтауға, оны жаңа көзқараспен түсіндіруге және жас ұрпаққа қызықты әрі қолжетімді етіп жеткізуге мүмкіндік береді. ЖИ бұл тарихшының жай ғана көмекшісі емес, бұл өткен мен болашақтың арасындағы сенімді көпір, заманауи зерттеушінің айнымас серігі.

XX ғасырдың басында Алаш арыстары «Қазақ» газеті арқылы ұлттың үнін дүние жүзіне естіртуді армандады. Олар Еуропаның білімін, Жапонияның реформасын, Батыстың демократиясын зерттей отырып, қазақ баласын әлемдік өркениеттің төріне шығаруға ұмтылды. Бүгін, арада ғасыр өткенде, сол асқақ арманды жүзеге асырудың мүлде жаңа, қуатты құралы пайда болды. Ол – Жасанды Интеллект. Алаш мұрасын, тарихымызды жаһандандыру бұл тек өткенді түгендеу емес, бұл қазақтың саяси-философиялық ой-танымын әлемдік деңгейдегі брендке айналдыру. ЖИ бұл жолда біздің басты «цифрлық елшіміз» болмақ. Алаш зиялыларының еңбектері Әлиханның саяси көрегендігі, Ахметтің тілдік реформалары, Мағжанның отты жырлары тек қазақ тілді оқырманның ғана емес, бүкіл адамзаттың игілігі болуға лайықты. Алайда, тілдік кедергі осы уақытқа дейін бұл мұраны тар шеңберде ұстап келді. Заманауи ЖИ модельдері жай ғана аудармашы емес, олар мәтіннің рухын, контекстін және авторлық стилін сақтай алатын виртуалды лингвистер. ЖИ көмегімен Алаш арыстарының еңбектерін әлемнің 100 тіліне жоғары сапамен аудару біздің құндылықтарымызды Оксфорд пен Гарвардтың кітапханаларына, әлемдік саясаттанушылардың үстеліне жеткізудің төте жолы. Бүгінгі жаһандық аудитория, әсіресе жас ұрпақ, ақпаратты тек оқып емес, сезінгісі келеді. ЖИ арқылы жасалған цифрлық аватарлар мен мета-әлемдегі тарихи реконструкциялар Алаш мұрасын жаһандық туристік және білім беру өніміне айналдыра алады. Елестетіп көріңізші, шетелдік зерттеуші немесе студент VR-көзілдірік киіп, 1917 жылғы Орынбордағы Алаш сиезінің ортасына түседі. Ол Әлихан Бөкейханмен «бетпе-бет» келіп, ЖИ көмегімен оның дауысымен (архивтік деректер негізінде модельденген) сұхбаттасады. Бұл – тарихты насихаттаудың ең жоғарғы, заманауи формасы. Алашқа қатысты құнды деректер тек Қазақстанда емес, Ресейдің, Түркияның, Францияның, тіпті Жапонияның архивтерінде шашырап жатыр. Адам баласының осының бәрін тауып, жүйелеуіне ондаған жылдар керек. Ал ЖИ-дің талдау қабілеті әлемдік архивтерді секунд ішінде сканерлеп, Алашқа қатысты кез келген жанама ақпаратты тауып, ортақ «Цифрлық Алаш картасын» сызып бере алады. Бұл – ұлттық тарихымызды әлемдік тарихтың ажырамас бөлшегі ретінде дәлелдеудің ғылыми негізі. Алаш мұрасын ЖИ арқылы жаһандандыру бұл біздің цифрлық егемендігіміздің көрінісі. Егер біз өз тұлғаларымызды цифрлық әлемге танытпасақ, оны біз үшін ешкім істемейді. Алаш арыстары өз заманында біліммен теңесуді мақсат етсе, біздің міндет технологиямен төрге шығу. ЖИ – Алаштың аманатын ХХІ ғасырдың

жаһандық тілінде сөйлететін ең қуатты құрал. Біз бұл мүмкіндікті пайдалана отырып, Алаш идеясын бүкіл әлемнің интеллектуалды қазынасына айналдыруға тиіспіз.

Бүгінгі таңда егемендік тек шекараның беріктігімен немесе экономиканың қуатымен ғана өлшенбейді. ХХІ ғасырда мемлекеттің шынайы тәуелсіздігі оның цифрлық кеңістіктегі дербестігіне тікелей байланысты. Әсіресе, ұлттың тарихы мен гуманитарлық құндылықтары цифрлық форматқа көшіп жатқан тұста, «цифрлық егемендік» ұғымы ұлттық қауіпсіздіктің басты шартына айналды. Тарих бұл ұлттың жады. Егер біз сол жадымызды цифрлық әлемде өзіміз иелік етіп, өзіміз қорғай алмасақ, оны сыртқы күштердің бұрмалауына, өңдеуіне немесе мүлде жойып жіберуіне жол береміз. Осы орайда Жасанды Интеллект біздің тарихи шындығымызды күзеткен цифрлық сақшыға айналуы тиіс. Қазіргі заманда тарихты бұрмалау (фальсификация) ақпараттық соғыстың ең қауіпті қаруы. Түрлі нейрожелілер мен технологиялар арқылы тарихи фактілерді өзгерту, жалған құжаттар жасау немесе тарихи тұлғалардың бейнесіне нұқсан келтіру оңайлап кетті. ЖИ алгоритмдері миллиондаған құжатты өзара салыстыра отырып, тарихи деректердегі қарама-қайшылықтарды, қолдан жасалған бұрмалауларды бірден анықтай бастады. Бұл ұлттық тарихымызды сыртқы идеологиялық шабуылдардан қорғайтын цифрлық сүзгі. Егер біз Алаш мұрасын немесе хандық дәуір шежіресін өзіміздің отандық ЖИ модельдерімізге дұрыс енгізбесек, ертең жас ұрпақ өз тарихын шетелдік алгоритмдердің қалауына қарай оқитын болады. Сондықтан, цифрлық егемендік дегеніміз ЖИ-ді ұлттық тарихпен қоректендіру. Цифрлық егемендік тек жабық болу емес, ол өз құндылықтарынды заманауи тілде ұсына білу. ЖИ тарихты құрғақ даталар жиынтығынан тірі, гуманитарлық процесске айналдырады. Ол арқылы тарихи жәдігерлерді, ескі қолжазбаларды қазақ тілінің барлық қабатында (көне түркі, шағатай, төте жазу) сөйлету біздің рухани тәуелсіздігімізді бекемдейді. ЖИ көмегімен жасалған тарихи подкасттар, виртуалды музейлер және интерактивті оқулықтар шетелдік мәдени өнімдердің экспансиясына тосқауыл қояды. Біздің балаларымыз бөгде елдің қаһармандарын емес, цифрлық әлемде «тірілген» өз батырлары мен би-шешендерін танитын болады. Цифрлық егемендік бұл ұлттың өткені мен болашағын цифрлық жіппен мықтап байлау дер едім. Біз тарихымызды ЖИ мүмкіндіктерімен қаруландыру арқылы ғана жаһандық ақпараттық тасқында жұтылып кетпейміз. Тарихымызды цифрландыру және оны ЖИ арқылы қорғау бұл бүгінгі буынның аманаты. Егер біз цифрлық кеңістікте өз тарихымыздың қожайыны болсақ, онда рухымыз да, егемендігіміз де мәңгілік болмақ.

«Өткенді ұмытқанның болашағы бұлыңғыр» деген тәмсіл цифрлық дәуірде мүлде жаңа мағынаға ие болды. Бүгінде тарих тек кітап сөрелеріндегі сарғайған парақтар емес, ол секунд сайын жаңарып отыратын ақпараттық ағынның өзегі. Мен қарастырған «Цифрлық дәуірдегі тарих: Алаш аманаты мен ЖИ мүмкіндігі» тақырыбы бұл жай ғана технологиялық тренд емес, бұл ұлттық болмысымызды ХХІ ғасырдың қатаң бәсекесіне дайындаудың стратегиялық жолы. Алаш арыстары өз заманында «Қазақ» газетін шығарып, жастарды білімге шақырғанда, олар сол кездің ең озық «интеллектуалды қаруын» қолданды. Олардың аманаты қазақтың ақыл-ойы мен мәдениетін әлемдік өркениеттің ажырамас бөлшегіне айналдыру болатын. Бүгінгі таңда Жасанды Интеллект сол аманатты орындауға берілген теңдессіз мүмкіндік.

Біріншіден, біз тарихымызды «шаңнан» тазартамыз. ЖИ көмегімен архивтерді тірілту арқылы біз ұлттық жадымызды цифрлық мәңгілікке көшіреміз.

Екіншіден, біз цифрлық егемендігімізді бекемдейміз. Өз тарихын алгоритм тілінде сөйлете алған халық қана жаһандық ақпараттық тасқында жұтылып кетпейді.

Үшіншіден, біз жас ұрпақпен ортақ тіл табамыз. Смартфонға телмірген жасөспірім Алаш идеяларын виртуалды әлемде, интерактивті форматта қабылдағанда ғана оның жүрегінде мақтаныш сезімі оянады. Технология – рухтың сауыты ғана. Ішіндегі мазмұны тарихтың асыл мұраты. Жасанды интеллект қаншалықты қуатты болса да, оны ұлттық мүддеге бағыттайтын адамның еркі мен Отанға деген сүйіспеншілігі. Алаш арыстарының арманы аяқ асты қалмауы тиіс. Олар бастаған ағартушылық жол бүгін цифрлық кеңістікте жалғасын тауып жатыр. Біз ЖИ мүмкіндіктерін пайдалана отырып, тарихымызды тек сақтап қана қоймаймыз, оны әлемдік деңгейдегі интеллектуалды брендке айналдырамыз. Алаштың аманаты цифрлық дәуірдің бойтұмары, ал ЖИ сол аманатты болашаққа жеткізетін алтын көпір. Біз осы көпір арқылы өткенімізді түгендеп, болашағымызды сеніммен құра береміз. Егемендігіміз цифрлық әлемде де мәңгілік, рухымыз әрдайым асқақ болсын!

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі:

1. Бөкейхан Ә. Шығармалары – Сочинения (15 томдық). – Алматы: «Алаш», 2018.
2. Байтұрсынұлы А. Ақ жол: Өлеңдер, көсемсөздер, зерттеулер. – Алматы: «Жазушы», 1991.
3. Дулатұлы М. Оян, қазақ! Шығармалары. – Алматы: «Алматы кітап», 2003.

4. Қойгелдиев М. Алаш қозғалысы. Бірінші том. – Алматы: «Мектеп», 2008.
5. Аманжолова Д. А. На пути к автономии. Алашская интеллигенция и советская власть. – М.: ИРИ РАН, 2010.
6. Шваб К. Төртінші өндірістік революция. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы», 2018.
7. Харари Ю. Н. Homo Deus: Болашақтың қысқаша тарихы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы», 2019.
8. Мареев В. В. Искусственный интеллект в гуманитарных исследованиях: возможности и риски // Вестник цифровой гуманитаристики. – 2021.
9. Қазақстан Республикасындағы цифрландыру стратегиясы – 2025. Ресми құжаттар жинағы.
10. Digital Humanities: Тарих пен технология тоғысында. Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. – Астана, 2023.

УДК 378.147:004.8:347.73

Тапенова Асем Рыскановна,
старший преподаватель Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В данной статье исследованы теоретические и практические аспекты интеграции технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс при изучении правового регулирования финансовых отношений. Рассмотрены ключевые инструменты искусственного интеллекта, применяемые в современном юридическом образовании: адаптивные обучающие системы, интеллектуальные правовые ассистенты, инструменты регуляторных технологий (RegTech) и симуляционное моделирование. Обоснована необходимость применения перечисленных инструментов в подготовке специалистов в области финансового права. Проанализирован международный опыт внедрения технологий искусственного интеллекта в правовое образование. Выявлены характерные особенности изучения финансово-правовых дисциплин, определяющие специфику применения интеллектуальных технологий. Предложены методические рекомендации по интеграции инструментов искусственного интеллекта в образовательный процесс высших учебных заведений. В заключении сформулированы выводы о перспективах и возможных рисках применения искусственного интеллекта в подготовке юристов финансово-правового профиля.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое образование; финансовое право; цифровая трансформация; образовательные технологии; финансовые отношения; правовая компетентность.

Аннотация. Бұл мақалада қаржылық қатынастарды құқықтық реттеуді оқыту кезінде жасанды интеллект технологияларын білім беру процесіне интеграциялаудың теориялық және практикалық аспектілері зерттелген. Заманауи заңгерлік білімде қолданылатын жасанды интеллекттің негізгі құралдары қарастырылды: адаптивті оқыту жүйелері, интеллектуалды заңгерлік көмекшілер, реттеуші технологиялар (RegTech) және имитациялық модельдеу. Қаржылық-құқықтық мамандандыру бойынша заңгерлерді дайындауда аталған құралдарды қолдану қажеттілігі негізделген. АҚШ, Ұлыбритания және Ресейдің жетекші университеттерінде жасанды интеллект технологияларын заңгерлік білімге енгізудің халықаралық тәжірибесі талданды. Интеллектуалды технологияларды қолданудың ерекшелігін анықтайтын қаржылық-құқықтық пәндерді оқытудың сипатты белгілері анықталды. Жоғары оқу орындарының білім беру процесіне жасанды интеллект құралдарын интеграциялау бойынша әдістемелік ұсынымдар берілді. Қорытындыда қаржылық-құқықтық мамандандыру бойынша заңгерлерді дайындауда жасанды интеллектті қолданудың болашағы мен ықтимал тәуекелдері туралы тұжырымдар жасалды.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; заңгерлік білім; қаржылық құқық; цифрлық трансформация; адаптивті оқыту; LegalTech; RegTech; білім беру технологиялары; қаржылық қатынастар; құқықтық құзыреттілік.

Abstract. This article examines the theoretical and practical aspects of integrating artificial intelligence technologies into the educational process in the study of legal regulation of financial relations. The key artificial intelligence tools used in modern legal education are considered: adaptive learning systems, intelligent legal assistants, regulatory technology (RegTech) instruments, and simulation modelling. The necessity of applying the listed tools in training specialists in financial law is substantiated. International experience in introducing artificial intelligence technologies into legal education – primarily in the leading universities of the USA, Great Britain, and Russia – is analyzed. The characteristic features of studying financial-legal disciplines that determine the specifics of applying intelligent technologies are identified. Methodological recommendations for integrating artificial intelligence tools into the educational process of universities are proposed. In conclusion, findings on the prospects and potential risks of applying artificial intelligence in training lawyers with financial-legal specializations are formulated.

Keywords: artificial intelligence; legal education; financial law; digital transformation; adaptive learning; LegalTech; RegTech; educational technologies; financial relations; legal competence.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобальной трансформации рынков труда правовое образование претерпевает существенные изменения. Одним из наиболее значимых факторов, определяющих облик современного образовательного процесса, является искусственный интеллект (далее - ИИ) - совокупность технологий, имитирующих интеллектуальные функции человека при решении задач обработки информации, самообучения и принятия решений [1]. Особую актуальность данная проблематика приобретает применительно к дисциплинам, посвящённым правовому регулированию финансовых отношений: именно эта сфера характеризуется высокой

динамикой нормативной базы, значительной сложностью межотраслевых связей и острой практической востребованностью компетентных специалистов.

Правовое регулирование финансовых отношений – комплексная отрасль, охватывающая банковское, налоговое, бюджетное, валютное и инвестиционное право. Её изучение требует не только глубокого усвоения обширного нормативного массива, но и формирования устойчивых аналитических компетенций, умения работать с финансовой и правовой документацией, владения навыками юридического анализа в сфере финансовых отношений. Традиционные педагогические методы всё с большим трудом справляются с задачей подготовки специалистов, способных оперативно ориентироваться в быстро изменяющейся нормативной среде и демонстрировать актуальные профессиональные компетенции.

Актуальность обусловлена также общемировой тенденцией юридического рынка труда: по данным Всемирного экономического форума, к 2027 году до 40 % рабочих задач в правовой сфере будут частично выполняться при помощи инструментов ИИ [2]. В данных условиях ВУЗы, осуществляющие подготовку в сфере послевузовского образования правоохранительных органов, несут ответственность за своевременное включение ИИ-компетенций в образовательные программы.

Как известно, Искусственный интеллект в широком смысле понимается как способность технических систем выполнять задачи, традиционно требующие человеческого интеллекта: восприятие информации, обучение, рассуждение, решение проблем, понимание естественного языка [1]. В образовательном контексте ИИ реализуется через несколько ключевых технологических направлений: машинное обучение (machine learning), обработку естественного языка (natural language processing, NLP), интеллектуальные обучающие системы (intelligent tutoring systems, ITS) и аналитику образовательных данных (learning analytics). Каждое из этих направлений открывает собственный спектр образовательных возможностей, которые могут быть задействованы в подготовке специалистов в области финансово-правовых отношений.

Адаптивные обучающие системы, основанные на алгоритмах машинного обучения, позволяют персонализировать образовательные траектории, анализируя успеваемость и познавательную активность каждого обучающегося в режиме реального времени. Исследования демонстрируют, что применение таких систем повышает их успеваемость в среднем на 20–30 % по сравнению с традиционными форматами обучения [3]. Для обучающихся финансово-правовых специализаций особую роль играют NLP-системы, способные анализировать правовые тексты, выявлять релевантную судебную практику, осуществлять сравнительный анализ нормативных правовых актов и объяснять сложные правовые конструкции в доступной форме.

В контексте LegalTech - сегмента технологий, трансформирующих юридическую практику, - ИИ уже активно применяется профессиональными юристами и специалистами финансового рынка. Платформы, основанные на анализе больших данных, автоматизируют правовые исследования, прогнозируют результаты судебных разбирательств, обнаруживают риски в договорной документации и обеспечивают соответствие деятельности юридических лиц постоянно изменяющимся требованиям финансового регулятора. Ведущие юридические школы мира – Гарвардская, Йельская, Стэнфордская - интегрировали курсы по LegalTech в программы подготовки юристов, признавая, что выпускники должны уметь эффективно работать с интеллектуальными правовыми инструментами в своей ежедневной профессиональной деятельности [4].

Важно учитывать педагогический контекст применения ИИ. В педагогической науке выделяется ряд концепций, объясняющих механизм обучения, – когнитивизм, конструктивизм, коннективизм. Теория коннективизма Джорджа Сименса и Стивена Даунса, разработанная в начале 2000-х годов, провозглашает, что знание находится не только в голове человека, но и в сетях, инструментах и соединениях между источниками информации [5]. ИИ органично вписывается в данную концепцию, выступая технологическим узлом в образовательной траектории обучения магистранта. С позиций конструктивистской педагогики адаптивные симуляции и интеллектуальные правовые задачи обеспечивают условия для активного конструирования знания в процессе решения реальных профессиональных задач.

В Республике Казахстан нормативную основу для цифровой трансформации образования создаёт Государственная программа «Цифровой Казахстан», предусматривающая масштабное внедрение цифровых технологий во все сектора экономики и социальной жизни, включая сферу образования [6]. На уровне высшей школы данная программа конкретизируется требованиями государственных образовательных стандартов, предписывающих формирование цифровых компетенций у выпускников.

Правовое регулирование финансовых отношений представляет собой одну из наиболее сложных сфер юридического образования. Её дидактическая специфика обусловлена рядом факторов, которые одновременно порождают трудности в освоении материала и определяют направления продуктивного применения инструментов ИИ.

Первый фактор – высокая динамика нормативной базы. Финансовое законодательство подвергается частым изменениям под воздействием международных стандартов, конъюнктурных колебаний финансовых рынков и эволюции государственной политики в денежно-кредитной и бюджетной сферах. Только в области финансового мониторинга в Казахстане за последние пять лет было принято более 30 нормативных актов различного уровня, поправок и методических рекомендаций [7]. Обучающийся обязан не просто запомнить действующие нормы, но и выработать устойчивый навык оперативного отслеживания нормативных изменений, их систематизации и правовой оценки в контексте конкретных финансовых ситуаций.

Второй фактор – межотраслевой характер дисциплины. Правовое регулирование финансовых отношений органически сочетает элементы конституционного, административного, гражданского и уголовного права. Освоение финансово-правовых конструкций невозможно без синтеза знаний из всех перечисленных отраслей и экономической теории, что существенно повышает когнитивную нагрузку на обучающегося и требует нестандартных педагогических решений.

Третий фактор – информационная перегрузка. Только действующее финансовое законодательство Республики Казахстан включает более 20 кодексов, законов и сотен подзаконных актов, регулирующих различные аспекты финансовых отношений, – не считая актов Национального банка, Агентства по регулированию и развитию финансового рынка и иных регуляторов. Преподаватели и магистранты объективно нуждаются в эффективных инструментах поиска, структурирования и анализа правовой информации, без которых полноценное освоение дисциплины в отведённое учебным планом время становится крайне затруднительным.

Технологии ИИ позволяют создавать реалистичные симуляционные сценарии – интерактивные деловые игры и виртуальные кейсы, в которых магистрант принимает правовые решения в смоделированных финансовых ситуациях. Система анализирует ответы обучающегося, предоставляет детальную обратную связь и адаптирует сложность последующих заданий с учётом продемонстрированного уровня правовой компетентности. В результате многократно повторяемого опыта принятия решений в разнообразных смоделированных ситуациях у него формируется устойчивая профессиональная интуиция, которую традиционные лекционные и семинарские методы обеспечить не могут. Применение таких симуляций способствует переходу от репродуктивного к продуктивному освоению правовых знаний и формированию подлинного профессионального правового мышления, ориентированного на решение практических задач.

Аналитика образовательных данных (learning analytics) предоставляет преподавателям детальную картину освоения материала каждым магистрантом, позволяет выявлять обучающихся с риском академической неуспеваемости и своевременно корректировать траекторию их подготовки. В условиях изучения финансового права, где набор тем значителен и их взаимосвязь нелинейна, подобный инструментарий существенно повышает эффективность педагогического управления учебным процессом. Анализ паттернов ошибок позволяет выявлять системные трудности в освоении отдельных тем – например, стабильно низкие результаты при работе с кейсами на тему налоговой ответственности – и оперативно вносить коррективы в методику преподавания.

Опыт ведущих зарубежных университетов свидетельствует о значительном потенциале ИИ в правовом образовании. В Стэнфордской юридической школе функционирует лаборатория CodeX (Stanford Center for Legal Informatics), в рамках которой обучающиеся разрабатывают и тестируют ИИ-инструменты для правовой практики; результаты этих разработок активно используются крупнейшими юридическими фирмами и финансовыми регуляторами [8]. Дартмутский колледж ввёл обязательный курс «Право и искусственный интеллект», в котором правовые кейсы разбираются с привлечением специализированных ИИ-платформ. Юридический факультет Университетского колледжа Лондона интегрировал модуль RegTech в программу магистратуры по финансовому праву.

Согласно данным опроса, проведённого Американской ассоциацией юристов в 2023 году, 35 % юридических фирм США уже использовали ИИ-инструменты в своей деятельности, а среди крупных фирм с численностью сотрудников свыше 100 человек данный показатель превысил 60 % [9]. В финансово-правовой практике интенсивность применения ИИ ещё выше: крупнейшие банки и инвестиционные фонды широко используют системы автоматической проверки соответствия требованиям регулятора (compliance), ИИ-ассистентов для юридической экспертизы финансовых инструментов и платформы автоматического обнаружения рисков. Это означает, что выпускники

юридических факультетов вступают на рынок труда, где ИИ-компетентность становится базовым профессиональным требованием.

В России Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации включил в образовательные программы юридических специальностей модули работы с правовыми ИИ-системами, прежде всего в контексте налогового и банковского права. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина с 2022 года реализует программу повышения квалификации преподавателей в области юридических LegalTech-дисциплин. Опыт данных образовательных организаций представляет значительный интерес для казахстанских вузов с учётом близости правовых систем двух стран.

Применительно к Казахстану следует отметить, что нормативная база для цифровизации образования активно формируется. Закон Республики Казахстан «Об образовании» предусматривает необходимость внедрения инновационных образовательных технологий, а Государственная программа «Цифровой Казахстан» ориентирует систему высшей школы на технологическую модернизацию [6]. Ряд казахстанских вузов – КазНУ имени аль-Фараби, Университет КИМЭП – приступили к разработке соответствующих образовательных модулей. Вместе с тем системная интеграция ИИ в образовательный процесс юридических факультетов находится на начальном этапе и требует целенаправленных методических и организационных усилий.

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс при изучении правового регулирования финансовых отношений представляется не только возможной, но и объективно необходимой в условиях современной цифровой трансформации. Применение адаптивных обучающих платформ, интеллектуальных правовых ассистентов, инструментов RegTech и симуляционного моделирования обеспечивает качественно новый уровень персонализации и практикоориентированности образовательного процесса и способно существенно повысить эффективность подготовки специалистов финансово-правового профиля.

Ключевым условием успешной интеграции является методически выверенный баланс: ИИ должен выступать инструментом, расширяющим интеллектуальные возможности магистранта, а не замещающим самостоятельное правовое мышление. Обязательными элементами этого процесса являются систематическое повышение квалификации профессорско-преподавательского состава в области цифровых образовательных технологий, формирование институциональных политик использования ИИ в учебном процессе, а также развитие у обучающихся навыков критической верификации информации, генерируемой ИИ-системами.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка и апробация специализированных ИИ-платформ, адаптированных к правовой системе Республики Казахстан и ориентированных на подготовку специалистов в области финансового права. Не менее актуальным представляется проведение эмпирических исследований, позволяющих измерить реальный вклад различных моделей интеграции ИИ в долгосрочные образовательные результаты и профессиональную успешность выпускников.

Список использованных источников:

1. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. – 4th ed. – Pearson, 2021. – 1132 p.
2. World Economic Forum. Future of Jobs Report 2023. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2023> (access date: 20.01.2026).
3. VanLehn K. The Relative Effectiveness of Human Tutoring, Intelligent Tutoring Systems, and Other Tutoring Systems // Educational Psychologist. – 2011. – Vol. 46, No. 4. – P. 197–221.
4. Dolin R.H. The Emergence of the Technology-Focused Law School // Stanford Technology Law Review. – 2020. – Vol. 23. – P. 91–120.
5. Siemens G. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. – 2005. – Vol. 2, No. 1. – P. 3–10.
6. Государственная программа «Цифровой Казахстан», утверждённая постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 10.02.2026).
7. Национальный банк Республики Казахстан. Перечень нормативных правовых актов в сфере противодействия легализации доходов, полученных незаконным путём. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nationalbank.kz> (дата обращения: 15.02.2026).
8. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review. – 2019. – Vol. 35, No. 4. – P. 1305–1337.

9. American Bar Association. ABA TechReport 2023: Law Firms and Technology. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.americanbar.org/techreport2023> (access date: 25.01.2026).

УДК 37.013.75

Халикулова Хулкар ЮлдашевнаПрофессор кафедры социально-гуманитарных наук
Правоохранительной академии Республики Узбекистан,
г. Ташкент, Республика Узбекистан**ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности применения искусственного интеллекта (ИИ) в исторических и гуманитарных науках. Анализируются основные направления использования ИИ, включая оцифровку источников, обработку больших данных, текстологический анализ, моделирование исторических процессов и гендерные исследования. Особое внимание уделяется преимуществам и ограничениям внедрения ИИ в научные исследования.

Ключевые слова: искусственный интеллект; гуманитарные науки; исторические исследования; цифровизация; большие данные; OCR; анализ текста; гендерные исследования; моделирование.

Аннотация. Бул мақалада тарихи жана гуманитарлық ғылымдарда жасанды интеллектті (AI) қолдану ерекшеліктері қарастырылады. Дереккөздерді цифрландыру, үлкен деректерді өңдеу, мәтіндік талдау, тарихи процестерді модельдеу және гендерлік зерттеулерді қоса алғанда, AI қолданудың негізгі бағыттары талданады. Ғылыми зерттеулерге AI енгізудің артықшылықтары мен шектеулеріне ерекше назар аударылады.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; гуманитарлық ғылымдар; тарихи зерттеулер; цифрландыру; үлкен деректер; OCR; мәтінді талдау; гендерлік зерттеулер; модельдеу.

Abstract. This article discusses the features of the use of artificial intelligence (AI) in the historical and human sciences. The main areas of AI use are analyzed, including digitization of sources, big data processing, textual analysis, modeling of historical processes and gender studies. Particular attention is paid to the benefits and limitations of introducing AI into scientific research.

Keywords: artificial intelligence; humanities; historical research; digitalization; big data; OCR; text analysis; gender studies; modeling.

В условиях стремительного развития цифровых технологий искусственный интеллект (ИИ) становится важным инструментом трансформации гуманитарных наук. Современный этап развития науки характеризуется переходом от традиционных методов анализа к цифровым и междисциплинарным подходам, в которых ИИ играет ключевую роль. Если ранее гуманитарные дисциплины — история, философия, лингвистика, культурология и социология — опирались преимущественно на качественные методы исследования, то сегодня они активно интегрируют количественные и вычислительные методы, что существенно расширяет их исследовательский потенциал.

Одной из важнейших предпосылок внедрения искусственного интеллекта в гуманитарные науки стало накопление огромных массивов данных. Цифровые архивы, библиотеки, базы данных, социальные сети и медиаресурсы формируют так называемые «большие данные», которые невозможно эффективно анализировать с помощью традиционных методов. В этом контексте ИИ выступает как инструмент, позволяющий не только обрабатывать такие массивы информации, но и выявлять скрытые закономерности, связи и тенденции, недоступные для человеческого восприятия [1].

Одним из ключевых направлений применения ИИ является анализ текстов с использованием методов обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP). Современные алгоритмы позволяют автоматически обрабатывать огромные корпуса текстов, выявлять семантические связи, анализировать тональность, стилистические особенности и дискурсивные структуры. Это особенно важно для лингвистики, литературоведения и исторических исследований, где текст является основным источником информации.

Например, с помощью ИИ можно проводить масштабные исследования литературных произведений, выявляя общие темы, мотивы и стилистические особенности различных авторов и эпох. Алгоритмы способны анализировать миллионы текстов за короткое время, что позволяет исследователям переходить от анализа отдельных произведений к изучению целых культурных пластов. В рамках так называемого «дистанционного чтения» (distant reading) становится возможным выявление макротенденций в развитии литературы и культуры [2].

Особое значение имеет применение ИИ для определения авторства текстов. Анализ лексических, синтаксических и стилистических особенностей позволяет с высокой точностью

устанавливать, кто является автором того или иного произведения. Это имеет большое значение не только для литературоведения, но и для исторической науки, где проблема подлинности источников играет ключевую роль. Кроме того, ИИ способен выявлять идеологические установки текстов, скрытые смыслы и изменения в концептуальном аппарате различных эпох[3].

В исторической науке искусственный интеллект активно применяется для оцифровки и анализа архивных материалов. Технологии распознавания текста (OCR) позволяют переводить рукописные и печатные источники в цифровую форму, что делает их доступными для широкого круга исследователей. Это особенно важно для работы с архивами, где значительная часть материалов ранее была труднодоступна или вовсе недоступна[4].

Более того, современные технологии позволяют не только оцифровывать, но и восстанавливать повреждённые или утраченные тексты. С помощью алгоритмов машинного обучения можно реконструировать фрагменты документов, анализируя контекст и сопоставляя данные с другими источниками. Это открывает новые перспективы для изучения истории, позволяя работать с материалами, которые ранее считались безвозвратно утраченными.

ИИ также играет важную роль в моделировании исторических процессов. С его помощью можно создавать компьютерные модели, которые позволяют анализировать развитие обществ, взаимодействие социальных групп и влияние различных факторов на исторические события. Такие модели дают возможность не только реконструировать прошлое, но и проверять различные гипотезы, что делает историческое исследование более научно обоснованным.

Визуализация исторических данных является ещё одним важным направлением применения ИИ. Создание трёхмерных моделей древних городов, архитектурных памятников и исторических событий позволяет не только облегчить научный анализ, но и сделать историю более доступной для широкой аудитории. Это особенно актуально в образовательной сфере, где визуальные технологии способствуют более глубокому пониманию исторических процессов.

В социологии и политологии искусственный интеллект используется для анализа больших данных, включая информацию из социальных сетей, опросов, новостных источников и других медиаресурсов. Это позволяет исследовать общественные настроения, выявлять тенденции социального развития и прогнозировать политические процессы. Например, анализ данных социальных сетей может показать изменение общественного мнения по различным вопросам, выявить протестные настроения или определить уровень доверия к государственным институтам[5].

Кроме того, ИИ активно применяется в изучении сетевых структур общества. Анализ социальных сетей позволяет выявлять ключевых акторов, структуры взаимодействия и механизмы распространения информации. Это имеет большое значение для понимания современных социальных процессов, включая глобализацию, цифровизацию и трансформацию общественных отношений.

В культурологии и искусствоведении ИИ используется для анализа художественных произведений, классификации стилей и изучения культурных трансформаций. Например, алгоритмы компьютерного зрения позволяют анализировать живопись, выявляя особенности стиля художников, а также определять подлинность произведений искусства. В музыковедении ИИ используется для анализа музыкальных структур, выявления закономерностей и даже создания новых произведений.

Особое значение имеет применение ИИ в исследовании гендерных вопросов и роли женщин в обществе. Анализ больших массивов исторических и социальных данных позволяет выявлять закономерности участия женщин в политической, экономической и культурной жизни. Это особенно важно для современных исследований, направленных на восстановление исторической справедливости и выявление ранее недооценённых аспектов вклада женщин в развитие общества.

С помощью ИИ можно анализировать, например, частоту упоминания женщин в исторических источниках, их участие в управлении, экономике и культуре, а также изменения в общественном восприятии гендерных ролей. Это позволяет формировать более объективную и комплексную картину исторического развития.

Несмотря на значительные преимущества, использование искусственного интеллекта в гуманитарных науках сопряжено с рядом ограничений и вызовов. Одной из главных проблем является зависимость результатов анализа от качества исходных данных. Если данные содержат ошибки, искажения или предвзятости, то и результаты работы алгоритмов будут неточными.

Кроме того, алгоритмы ИИ могут воспроизводить существующие социальные и культурные предвзятости, что требует особого внимания со стороны исследователей. Важно учитывать, что ИИ не является нейтральным инструментом, а отражает те данные, на которых он обучается[6].

Ещё одним важным ограничением является неспособность ИИ полностью заменить интерпретационную деятельность человека. Гуманитарное знание связано с пониманием смысла,

контекста, ценностей и культурных особенностей, что требует человеческого мышления, интуиции и критического анализа. Поэтому ИИ следует рассматривать не как замену исследователю, а как инструмент, дополняющий его возможности.

Также стоит отметить этические аспекты использования ИИ в гуманитарных исследованиях. Вопросы конфиденциальности данных, авторского права и ответственности за результаты анализа становятся всё более актуальными в условиях цифровизации науки. Это требует разработки новых нормативных и методологических подходов к использованию ИИ.

В целом, интеграция искусственного интеллекта в гуманитарные науки представляет собой важный этап развития научного знания. Она способствует формированию новых междисциплинарных направлений, таких как цифровая гуманитаристика (Digital Humanities), которая объединяет методы гуманитарных и компьютерных наук.

В перспективе можно ожидать дальнейшего расширения применения ИИ в гуманитарных исследованиях. Развитие технологий машинного обучения, нейронных сетей и обработки естественного языка позволит создавать более точные и сложные модели анализа, что откроет новые горизонты для изучения человека, общества и культуры.

Таким образом, искусственный интеллект становится неотъемлемой частью современной гуманитарной науки. Он не только расширяет аналитические возможности исследователей, но и способствует переосмыслению традиционных подходов к изучению гуманитарных дисциплин. При этом важным остаётся сохранение баланса между технологическими инновациями и гуманитарными ценностями, что позволит максимально эффективно использовать потенциал ИИ в научных исследованиях.

Список использованных источников:

1. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. – 2021.
2. Schreibman S., Siemens R., Unsworth J. A New Companion to Digital Humanities. – 2016.
3. Manning C. D., Schütze H. Foundations of Statistical Natural Language Processing. – 1999.
4. Moretti F. Distant Reading. – 2013.
5. Kitchin R. The Data Revolution. – 2014.
6. Berry D. M. Understanding Digital Humanities. – 2012.

УДК 37.013.75

Черниговский Владимир Николаевич,доцент Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент,
г. Волгоград, Российская Федерация**ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Аннотация. В статье рассматривается трансформация юридической науки через призму применения искусственного интеллекта в преподавании криминалистических дисциплин. С позиции опытных преподавателей анализируются методологические основы, практические примеры внедрения искусственного интеллекта в вузах МВД России, преимущества симуляций и VR-реконструкций, а также вызовы этического и нормативного регулирования. Работа ориентирована на модернизацию образовательных систем для повышения эффективности подготовки криминалистов.

Ключевые слова: трансформация юридической науки; ИИ; криминалистика; цифровое образование.

Аннотация. Мақалада сот-медициналық пәндерді оқытуда жасанды интеллектті қолдану призмасы арқылы заң ғылымының өзгеруі қарастырылады. Тәжірибелі оқытушылардың ұстанымынан әдіснамалық негіздер, Ресей ІІМ жоғары оқу орындарында жасанды интеллектті енгізудің практикалық мысалдары, модельдеу мен VR-қайта құрудың артықшылықтары, сондай-ақ этикалық және нормативтік реттеудің сын-қатерлері талданады. Жұмыс криминалистерді даярлаудың тиімділігін арттыру үшін білім беру жүйелерін жаңғыртуға бағытталған.

Түйінді сөздер: заң ғылымының трансформациясы; АИ; криминалистика; цифрлық білім.

Abstract. The article examines the transformation of legal science through the lens of the application of artificial intelligence in the teaching of forensic disciplines. From the perspective of experienced teachers, the article analyzes the methodological foundations, practical examples of the implementation of artificial intelligence in universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the advantages of simulations and VR reconstructions, as well as the challenges of ethical and regulatory regulation. The work focuses on the modernization of educational systems to improve the effectiveness of training forensic specialists.

Keywords: transformation of legal science; AI; criminology; and digital education.

В эпоху цифровизации правоохранительной деятельности искусственный интеллект выступает катализатором трансформации криминалистики – от традиционных эмпирических методов к высокоточным цифровым технологиям. Современные вызовы – рост киберпреступлений, развитие цифровых технологий, используемых преступниками – требуют от сотрудников полиции МВД России новых компетенций, недоступных в рамках учебных программ. Поэтому необходимо будущим высококвалифицированным специалистам в системе МВД России быть готовым к использованию ИИ в своей деятельности, для успешного расследования и раскрытия преступлений.

Внедрение современных технологий в процесс обучения по специальности «Судебная экспертиза» значительно повышает интерактивность и практическую ценность подготовки специалистов. Такое программное обучение усиливают практические навыки, моделируют различные варианты осмотра места происшествия, расследование уголовных дел и производства экспертиз.

Эти системы не просто имитируют реальность - они создают контролируемую среду для глубокого погружения в криминалистические процессы, где курсанты осваивают сложные модели преступления, достигая наивысшего уровня компетенции.

Еще одним современным витком в обучении стало 3D моделирование, которое применяется на практических занятиях.

Трехмерное лазерное сканирование опирается на принципы триангуляции фазовой дифференциации, создавая облака точек с разрешением до 0,01 мм – это позволяет фиксировать рельеф папиллярных узоров, идентификационных признаков обуви или деформацию на огнестрельном оружии с достоверностью, превышающей традиционную фотографию в 50 раз. В вузах МВД России курсанты изучают полную цепочку: от сканирования до моделирования.

Искусственный интеллект радикально меняет подходы в обучении курсантов и слушателей. Вузы МВД России должны разработать единую концепцию цифровизации образования, где ИИ выступает инструментом, а не заменой традиционным методам. Ключевыми принципами являются: постепенная интеграция, междисциплинарность, и фокус на использование в заключениях эксперта и при осмотре места происшествия [1, с. 135].

Искусственный интеллект в настоящее время применяется при изучении различных дисциплин и имеет ряд преимуществ и практических направлений таких как:

1. Трасологическая экспертиза. Идентификация объектов: сравнение 3D-моделей следов с базами (следы обуви, следы транспортных средств, следы орудия взлома). Фиксация и реконструкция событий преступления. Сканирование места происшествия, создает полную картину с сохранением всех деталей происшествия, что позволяет неограниченно хранить в качестве доказательства.

2. Почерковедческая экспертиза. Идентификация исполнителя: автоматическое сопоставление с свободными образцами, выявление диагностических признаков; выявление фальсификаций: распознавание редактирования в Photoshop, ИИ-генерации текста или механической имитации (роботизированные перья).

3. Баллистическая экспертиза. Идентификация оружия: автоматическое сопоставление следов на пуле и гильзе с пулегильзотекой МВД; реконструкция событий преступления по видеозаписям, определение дистанций выстрела, тип боеприпаса, последовательность событий.

4. Дактилоскопическая экспертиза. Автоматическая идентификация, классификация и категоризация, идентификация по сложным объектам таких как: фрагментарно отобразившиеся следы.

5. Габитоскопическая экспертиза. Идентификация по фото/видео, реконструкция внешности, восстановление лица по черепу, работа с низкокачественными объектами изображений [1, с. 54].

Подводя итоги можно сказать, что применение искусственного интеллекта в преподавании криминалистических дисциплин представляет собой фундаментальную трансформацию юридической науки, переводя ее от эмпирических методов к цифровой предиктивной аналитике. ИИ интегрируется во все ключевые виды судебных экспертиз, по которым идет подготовка высококвалифицированных специалистов.

Внедрение ИИ в вузы МВД России через симуляторы, адаптивные платформы и VR-лаборатории формирует экспертов нового поколения: практиков с навыками цифровой верификации, способных раскрывать сложнейшие преступления.

Искусственный интеллект должен не заменять, а усиливать человеческий интеллект, превращая криминалистику в высокоточную дисциплину.

Список использованных источников:

1. Аверьянов Т.В. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике. – СПб.: Изд-во СПбФИЦ РАН, 2025. – 240 с.
2. Чванкин А.П., Елетнов И.В. Габитоскопия и судебная портретная экспертиза: учебное пособие. – М.: Академия МВД России, 2023. – 156 с.

Мақалалар авторлық редакцияда басылды. Мақала мазмұнына ұйымдастырушылар жауапты емес.

Статьи даны в авторской редакции. Оргкомитет не несет ответственности за содержание работ.

Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының баспаханасында шығарылған. Таралымы 50 дана.

Отпечатано в типографии Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. Тираж 50 экз.

